ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1958

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двенадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с апреля 1856 по январь 1859 года. Подавляющее большинство помещенных в томе статей и корреспонденций было опубликовано в прогрессивной в то время американской газете «New-York Daily Tribune». Несколько статей печаталось в английской чартистской газете «People's Paper» и лондонской «Free Press», причем некоторые из них одновременно публиковались в «New-York Daily Tribune».

Период, к которому относится написание входящих в том работ Маркса и Энгельса, знаменовал собой начало конца той, по словам Маркса, «памятной десятилетней эпохи», которая наступила после поражения революции 1848—1849 гг. и характеризовалась, с одной стороны, бурным подъемом мировой капиталистической экономики, а с другой — мрачной политической реакцией в Европе. Важнейшим событием этого времени явился первый в истории капитализма мировой экономический кризис 1857—1858 гг., который охватил все крупные европейские страны и США.

Маркс и Энгельс всегда рассматривали период европейской реакции 50-х годов лишь как временный этап, как «передышку», дарованную историей старому буржуазному обществу. Глубоко убежденные в том, что торжество контрреволюции будет недолговечным, Маркс и Энгельс даже в самые черные дни реакции не переставали верить в скорый прилив новой революционной волны в Европе. Они рассчитывали, что надвигавшийся экономический кризис явится предвестником

общеевропейской революции, усилит национально-освободительную борьбу и приблизит пролетарскую революцию в наиболее развитых европейских странах. Еще в начале 50-х годов основоположники марксизма, подводя итоги революционного движения после подавления революции 1848—1849 гг., пришли к выводу, что *«новая революция возможна только вслед за новым кризисом»* (см. настоящее издание, том 7, стр. 467). Всесторонний анализ экономического и политического развития Европы и Америки после революции 1848—1849 гг. еще больше укрепил Маркса и Энгельса в их мнении, что экономические кризисы являются одним из самых могучих факторов, приводящих к возникновению революционного кризиса.

Ко второй половине 50-х годов процесс формирования революционной марксистской теории в основном был завершен. В главных чертах были разработаны философские и политические идеи марксизма, сформулирован ряд отправных положений марксистской политической экономии. Исходя из материалистического понимания истории, согласно которому развитие общественного производства играет решающую роль в истории общества, Маркс и Энгельс считали особенно важным для пролетариата создание стройной экономической теории, раскрывающей законы движения капиталистического общества и революционного преобразования его в общество социалистическое. Наступление экономического кризиса, за которым, по мнению пролетарских вождей, должна была последовать новая революция в Европе, побудило Маркса еще интенсивнее заняться с октября 1856 г. своими экономическими исследованиями.

В разгар кризиса в августе 1857 г. Маркс вплотную приступает к работе над большим экономическим трудом, используя материалы, собранные им за все предыдущие годы. Пополняя эти материалы, Маркс частично обрабатывает их, рассчитывая издать свой экономический труд в шести книгах. Предварительный вариант начальной части этого труда сохранился в виде обширных экономических рукописей 1857—1858 гг., изданных в 1939 г. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на языке оригинала под редакционным заглавием: «Grundrisse der Kritik der politischen Okonomie (Rohentwurf) 1857—1858». Эти рукописи отражают важный этап в формировании экономического учения Маркса, в критике им буржуазной политической экономии и в исследовании закономерностей капиталистического способа производства. В них разработан ряд важных положений экономической теории марксизма, развитых потом Марксом во всех трех томах «Капитала» — основного произведения марксизма, —а также в «Теориях прибавочной стои-

мости». В рукописях 1857—1858 гг. Маркс изложил в наиболее существенных чертах основы своей теории прибавочной стоимости, являющейся краеугольным камнем марксистской политической экономии.

В томе публикуется написанный Марксом в августе — сентябре 1857 г. черновой набросок «Введения» к упомянутому неосуществленному им в первоначальном плане экономическому труду. Несмотря на незаконченный характер «Введения», оно богато глубокими идеями и представляет большую самостоятельную научную ценность. Маркс раскрывает здесь существо предмета политической экономии, разбирает проблему взаимосвязи и взаимодействия между производством, распределением, обменом и потреблением, показывая при этом определяющую роль производства в экономической жизни общества. Особое место во «Введении» отведено характеристике марксистского метода политической экономии. В нем содержатся также замечательные высказывания, отражающие развитие и конкретизацию марксистского учения о ряде общественных явлений, в частности, важные положения о специфических законах развития искусства как одной из форм общественного сознания в определенных конкретно-исторических условиях.

С августа 1858 г. Маркс интенсивно работает над рукописью первого выпуска первой книги своего экономического труда, используя для этой цели соответствующие разделы экономических рукописей 1857—1858 годов. Он заканчивает подготовку к печати этого выпуска в январе 1859 г. и издает его в Берлине под заглавием «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, том 13). Однако издание последующих выпусков Марксу не удается осуществить. В дальнейшем он отходит от первоначального плана экономического исследования и вырабатывает новый план, получивший свое воплощение в «Капитале».

Одновременно с напряженной теоретической работой над развитием своего экономического учения, Маркс пишет в течение этих лет большое количество публицистических статей, откликаясь на все важнейшие вопросы международной жизни и внутренней политики европейских государств. Революционная публицистика, составлявшая в течение всего периода реакции одну из главных форм политической деятельности Маркса и Энгельса, оставалась и в эти годы основным средством, при помощи которого пролетарские вожди могли оказывать революционное воздействие на пролетариат, воспитывать его классовое сознание, разъяснять его всемирно-историческую роль как могильщика капитализма, его очередные задачи в предстоящих

революционных преобразованиях старого общества, основы пролетарской стратегии и тактики.

В начале тома публикуется запись речи Маркса, произнесенной 14 апреля 1856 г. на банкете в честь четырехлетнего юбилея чартистской газеты «People's Paper». В этой небольшой, но чрезвычайно глубокой по содержанию речи Маркс в образной форме, доступной для понимания широких масс английских рабочих, сжато излагает суть своего революционного учения. Противоречия буржуазного общества, указывает Маркс, могут быть разрешены лишь одним путем — путем пролетарской революции, к которой с неизбежной необходимостью ведет развитие капиталистических отношений. Маркс подчеркивает тот непреложный факт, что единственным последовательно революционным классом в буржуазном обществе, способным преобразовать старый мир, является пролетариат. «... Новые силы общества, для того чтобы действовать надлежащим образом, — говорит Маркс, — нуждаются лишь в одном: ими должны овладеть новые люди, и эти новые люди — рабочие» (см. настоящий том, стр. 4).

Значительная часть вошедших в том статей и корреспонденций Маркса посвящена анализу развития мирового экономического кризиса 1857—1858 годов. Начав исследование кризиса с первых и еще мало заметных симптомов его в области кредита и денежного обращения, Маркс обстоятельно изучает проявления кризиса во всех сферах экономики главным образом Англии, Франции и Германии. Особый интерес Маркса к развитию кризиса в этих, в то время наиболее передовых капиталистических странах объяснялся тем, что именно в них Маркс и Энгельс ожидали наступления пролетарской революции.

Статьи Маркса о кризисе содержат целый ряд важных теоретических обобщений и выводов, вскрывающих закономерности развития капитализма вообще и, в частности, в эпоху 50-х годов. В качестве одной из отличительных черт этой эпохи Маркс отмечает огромный размах грюндерства и связанной с ним биржевой спекуляции. Спекуляция особенно бурно расцвела после окончания Крымской войны и вскоре приняла всеобщий характер, охватив одну за другой все основные области экономической жизни капиталистических стран: сферу ссудного капитала, торговлю, промышленность и сельское хозяйство. Начавшись во Франции, спекуляция получила необычайно быстрое распространение в Германии. В ее орбиту были втянуты все более или менее экономически развитые европейские страны и США. Уже осенью 1856 г., за несколько месяцев до начала экономического кризиса, Маркс правильно предсказывает, что

этот всеобщий спекулятивный ажиотаж неизбежно должен был кончиться всеобщим кризисом (статьи «Экономический кризис в Европе», «Денежный кризис в Европе», «Причины возникновения денежного кризиса в Европе»). В ряде статей, посвященных кредитно-денежным отношениям, Маркс дает блестящий анализ состояния мирового денежного рынка и особенно сферы вексельного кредита, необычайно расширившейся в 50-е годы.

Всестороннее знакомство с положением мировой промышленности и торговли, глубокое изучение соотношения мирового экспорта и импорта, тщательное исследование движения учетной ставки Английского банка, как центра мирового денежного рынка, систематическое наблюдение за колебаниями курсов ценных бумаг на парижской фондовой бирже, являвшейся центром европейской спекулятивной горячки, выяснение причин обесценения золота по сравнению с серебром и утечки последнего в 50-х годах из Европы в Азию, — все это позволило Марксу еще в период предкризисной экспансии совершенно точно предсказать не только неизбежность всеобщего кризиса, но и своеобразие его развития. В статьях «Закон 1844 г. об Английском банке и денежный кризис в Англии», «Потрясение британской торговли», «Торговый кризис в Англии», «Кризис в Европе» и других Маркс заранее определяет характер надвигавшегося кризиса, подчеркивая, что по интенсивности и широте распространения этот кризис неизбежно должен был превзойти все предшествующие кризисы и вылиться в конце концов в мировой промышленный кризис.

В ряде своих статей Маркс анализирует особенности развития экономического кризиса 1857—1858 гг. в отдельных странах. В статье «Британская торговля» и некоторых других он подчеркивает, что кризис сильнее всего затронул Англию, как страну, которая являлась центром мирового денежного рынка. Отличительная черта кризиса в Англии состояла в том, что он поразил самую основу национального благосостояния — промышленность, приняв характер промышленного кризиса. В упомянутых выше статьях, а также в статьях «Закон 1844 г. об Английском банке», «Торговые кризисы и денежное обращение в Англии», «Британская торговля и финансы» содержится острая критика взглядов английских фритредеров, выдвигавших в качестве всеисцеляющего средства от кризисов принцип свободы торговли. Вскрывая бесплодность попыток буржуазных экономистов найти рецепт против кризисов, Маркс опровергает их упрощенно вульгарную версию о происхождении кризиса 1857 г., как и кризисов вообще, и делает важные

выводы, относящиеся к теории кризисов. Подлинные причины всякого кризиса, замечает Маркс, кроются не в чрезмерной спекуляции и злоупотреблениях кредитом, как утверждали фритредеры, а в социально-экономических условиях, свойственных природе капитализма. Кризисы, указывает он, «присущи нынешней системе производства», «до тех пор, пока существует данная система, они будут неизбежно порождаться ею, подобно тому как происходит естественная смена времен года» (см. настоящий том, стр. 586).

Среди экономических и финансовых статей Маркса значительный интерес представляют статьи о знаменитом в то время французском акционерном банке Credit Mobilier, спекулятивные биржевые махинации которого немало способствовали обострению экономического кризиса 1857 года.

Анализируя деятельность Credit Mobilier и выявляя специфические особенности этого акционерного общества по сравнению с другими акционерными компаниями, Маркс в статье «Французский Credit Mobilier (статья третья)» впервые высказывает теоретически важное положение о значении и роли формы акционерных объединений в период капитализма. Акционерные объединения в 50-х годах находились еще только в начальной стадии своего развития и «еще далеко не выработали себе надлежащую структуру», тем не менее уже тогда они являлись «могущественным рычагом» в развитии производительных сил капиталистического общества. Их «быстро растущее влияние» на народное хозяйство капиталистических стран, пишет Маркс, «едва ли можно переоценить» (статья «Британская торговля и финансы»). Развитие формы акционерного капитала Маркс связывал с дальнейшей эволюцией капиталистической экономики. «Конечно, нельзя отрицать, — писал он, — что применение формы акционерных компаний в промышленности знаменует новую эпоху в экономической жизни современных народов» (см. настоящий том, стр. 34). С одной стороны, объединение индивидуальных капиталов в форме акционерных компаний обладает огромными производственными возможностями и поэтому способно создавать промышленные предприятия в масштабе, недоступном для усилий отдельных капиталистов. С другой стороны, акционерные компании, ускоряя концентрацию производства и централизацию капиталов при одновременном разорении мелкой буржуазии, обусловливают постепенно усиливающееся господство олигархической группы промышленных капиталистов. Вместе с тем растет и масса наемных рабочих, которые становятся все более грозной революционной силой для эксплуатирующего их

капитала «по мере сокращения числа представителей этого капитала». В этих высказываниях Маркс по существу гениально предугадывает некоторые характерные черты монополистической стадии капитализма.

Важное место в томе занимают статьи Маркса и Энгельса, в которых рассматривается проблема колониализма. Основоположники марксизма продолжают и в этот период уделять самое пристальное внимание колониальной политике капиталистических стран и национально-освободительной борьбе угнетенных народов, достигшей к середине 50-х годов широкого размаха.

В ряде статей о событиях в Китае и Индии Маркс развивает высказанные им еще в начале 50-х годов мысли о взаимосвязи и взаимозависимости, существующей между национально-освободительным движением в колониях и перспективами революции в Европе.

Подчеркивая тот факт, что утечка серебра в 50-х годах из Европы в Азию, послужившая одной из причин европейского денежного кризиса, была связана отчасти с тайпинским восстанием, Маркс писал: «этой китайской революции суждено оказать на Европу значительно большее влияние, чем это сделали все войны России, итальянские манифесты и тайные общества на европейском континенте» (см. настоящий том, стр. 72). Национально-освободительное восстание 1857—1859 гг. в Индии, отвлекшее значительную часть вооруженных сил из Англии, Маркс ставил в один ряд с другими решающими факторами, которые могли при известных условиях, по его мнению, способствовать вовлечению Англии в предстоящую революцию (статьи «Положение в Европе.—Финансовое положение Франции», «Политические партии в Англии. — Положение в Европе»).

Мысль Маркса о взаимодействии таких двух факторов, как революционное движение в капиталистических странах и национально-освободительная борьба народов Востока, легла в основу дальнейшего развития марксистского учения по национально-колониальному вопросу. Основные идеи о политике пролетариата в национально-колониальном вопросе, содержащиеся в статьях Маркса и Энгельса о Китае, Индии и других колониальных и зависимых странах, были впоследствии всесторонне развиты В. И. Лениным, творчески разработавшим национально-колониальный вопрос в эпоху империализма.

Освещая борьбу угнетенных народов против английского владычества, Маркс и Энгельс воспитывали европейский рабочий класс в духе пролетарского интернационализма, выступали за решительную поддержку национально-освободительного

движения в Персии, Китае, Индии, Ирландии. Их статьи об англоперсидской войне 1856—1857 гг., первой и второй «опиумных» войнах в Китае 1839—1842 и 1856—1858 гг., о национально-освободительном восстании 1857—1859 гг. в Индии представляют собой яркий обличительный документ против английских колонизаторов. Маркс и Энгельс гневно бичуют в этих статьях колониальную экспансию Англии в Азии, разоблачают методы английской колониальной политики в Индии и Китае.

Вскрывая способы и приемы, с помощью которых Англия — крупнейший капиталистический хищник в то время — уже к середине XIX века сумела достичь колониальной монополии, Маркс и Энгельс показывают, как английский капитализм открытым грабежом и насилием, либо подкупом и обманом осуществлял свои захваты в странах азиатского континента.

В статьях «Англо-персидская война», «Англо-китайский конфликт», «Война против Персии», «Перспективы англо-персидской войны» основоположники марксизма подчеркивают агрессивный характер деятельности английской дипломатии в Азии, являвшейся одним из главных орудий английской колониальной экспансии. Излюбленным и типичным методом дипломатии английских колонизаторов, указывают Маркс и Энгельс, было обвинение местных властей в мнимых нарушениях договорных обязательств, в несоблюдении каких-либо ничтожных условий дипломатического этикета. Это служило предлогом для вооруженной агрессии, для грабительских территориальных захватов и заключения новых неравноправных договоров, которые узаконивали как эти захваты, так и другие выгодные для английских агрессоров условия. Стремясь к безраздельному влиянию в Персии и Афганистане, английские капиталисты не только использовали в своих корыстных интересах племенную, национальную и религиозную рознь между различными народностями, населяющими эти страны, но и искусственно разжигали вражду их с соседними с ними государствами.

Убедительным свидетельством попрания английскими захватчиками жизненных интересов народов слаборазвитых стран являлась торговля опиумом в Китае, о которой Маркс и Энгельс пишут в ряде вошедших в том статей («История торговли опиумом» и другие). Выступая под христиански-ханжеской маской цивилизаторов, английские захватчики сделали монополизированную ими контрабандную торговлю опиумом одним из важнейших источников своего обогащения. Английское правительство, которое лицемерно провозглашало себя противником торговли опиумом, на деле ввело в Индии и присвоило себе монополию на производство опиума, легализовало продажу его

купцам-контрабандистам и уже в начале XIX века получало от этой торговли колоссальные доходы. Финансы британского правительства в Индии, делает вывод Маркс, были поставлены в тесную зависимость не просто от торговли опиумом с Китаем, а именно от контрабандного характера этой торговли.

Маркс показывает, как торговля опиумом опустошала государственную казну Китая, подтачивала экономику страны и грозила физическим истощением и моральной деградацией народа. На сопротивление китайских властей этой торговле английские колонизаторы ответили двумя спровоцированными ими так называемыми «опиумными» войнами. Касаясь истории этих войн и характеризуя их как грабительские и пиратские, Маркс и Энгельс разоблачают зверства английских захватчиков по отношению к мирному населению оккупированной ими территории Китая. Анализируя причины и цели первой «опиумной» войны с Китаем, Энгельс отмечает, что война эта с начала и до конца велась английскими колонизаторами с лютой жестокостью (статья «Новая экспедиция англичан в Китай»), «В этой войне, — пишет Маркс, — английская солдатня совершала мерзости просто ради забавы; ее ярость не была ни освящена религиозным фанатизмом, ни обострена ненавистью к надменным завоевателям, ни вызвана упорным сопротивлением героического врага. Насилование женщин, насаживание детей на штыки, сжигание целых деревень — факты, зарегистрированные не мандаринами, а самими же британскими офицерами, — все это совершалось тогда исключительно ради разнузданного озорства» (см. настоящий том, стр. 297). В статьях «Англокитайский конфликт», «Парламентские дебаты о военных действиях в Китае», «Англо-китайский договор», написанных по поводу второй «опиумной» войны, Маркс приходит к выводу, что и эта вторая война, начавшаяся зверской бомбардировкой мирного населения Кантона, носила такой же разбойничий характер, как и первая.

С чувством глубокой симпатии отзываются Маркс и Энгельс об упорной и активной борьбе китайского народа против чужеземных захватчиков. Выступая против буржуазных апологетов колониализма, всячески поносивших китайцев за специфические формы их борьбы, Маркс и Энгельс объясняют необходимость этих форм неравными условиями, в которых оказался китайский народ перед лицом вооруженных до зубов колонизаторов. «Это общее восстание всех китайцев против всех чужеземцев, — пишет Энгельс, — было вызвано пиратской политикой британского правительства, которая и придала этому восстанию характер войны на истребление» (см. настоящий том,

стр. 222). Сопротивление, которое оказывали народные массы Китая английским агрессорам в период второй «опиумной» войны, Энгельс характеризует как подлинную народную войну, войну «за сохранение китайской национальности». А в народной войне, поясняет Энгельс, средства, применяемые восставшей нацией, надо оценивать не с точки зрения «общепризнанных правил регулярной войны или какого-либо другого абстрактного критерия, а лишь с точки зрения той ступени цивилизации, которой достигла эта восставшая нация» (см. настоящий том, стр. 222).

Основоположники научного коммунизма пророчески предсказывали гибель старого и рождение нового Китая. Они глубоко верили в будущее освобождение этой великой и древней страны, оценивая его как событие, которое должно иметь величайшее историческое значение для прогрессивного развития всех стран Востока. «Пройдет немного лет, — пишет Энгельс, — и мы будем свидетелями предсмертной агонии самой древней империи в мире и вместе с тем зари новой эры для всей Азии» (см. настоящий том, стр. 224).

В томе публикуется большая серия статей Маркса и Энгельса, написанных ими в связи с великим национально-освободительным восстанием 1857—1859 гг. в Индии. В статьях на эту тему вскрываются причины возникновения и поражения восстания, дается его характеристика и историческая оценка, освещается ход военных действий.

Основоположники марксизма рассматривают индийское восстание как часть общей освободительной борьбы азиатских народов против колониализма, обосновывают взаимозависимость между индийским восстанием и английскими колониальными войнами в Азии. В статьях «Персия и Китай», «Договор с Персией» и других Маркс и Энгельс приходят к выводу, что англоперсидская война и вторая «опиумная» война в Китае, возложив на индийский народ новые непосильные тяготы, поскольку эти войны велись в основном силами англо-индийской армии, в большой степени способствовали возникновению индийского восстания. В свою очередь восстание принудило английских колонизаторов поспешить с заключением мира с Персией и прервать на ряд лет военные действия в Китае.

Английские правящие классы стремились завуалировать истинный характер и размеры индийского восстания, хотели представить его как простой военный мятеж сипаев — туземных частей бенгальской англо-индийской армии. Англо-индийские власти тщательно скрывали факты участия в восстании широких слоев индийского населения, они пытались доказать, что вос-

стание было поднято мусульманами и не встречало будто бы сочувствия со стороны индусов.

Опровергая эти фальшивые утверждения, Маркс и Энгельс с самого начала характеризуют индийское восстание как движение общенациональное, как революцию индийского народа против британского владычества (статьи «Восстание в индийской армии», «Известия из Индии», «Восстание в Индии», «Освобождение Лакнау»). Они отмечают как знаменательный факт сплочение в период восстания в один общий союз против британского господства не только представителей различных религий — индусов и мусульман — и не только представителей разных каст — брахманов, раджпутов и, в ряде случаев, сикхов, — но и представителей разных социальных слоев индийского общества. «Это первый случай, — пишет Маркс, — когда сипайские полки перебили своих офицеров-европейцев; когда мусульмане и индусы, забыв свою взаимную неприязнь, объединились против своих общих господ; когда «беспорядки, начавшись среди индусов, в действительности привели к возведению на трон в Дели императора-мусульманина»; когда восстание не ограничилось несколькими местностями и, наконец, когда восстание в англо-индийской армии совпало с проявлением всеобщего недовольства великих азиатских народов английским владычеством, ибо восстание бенгальской армии, без сомнения, тесно связано с персидской и китайской войнами» (см. настоящий том, стр. 241).

В статье «Индийское восстание» Маркс неоспоримо доказывает, что индийское население сочувствовало восстанию и оказывало ему поддержку, что в восстании принимали участие широкие слои индийского народа. То, что восстание разрослось до колоссальных размеров и англичане на каждом шагу встречали препятствия в обеспечении своей армии транспортом и припасами, замечает Маркс, уже одно это свидетельствовало о враждебном отношении индийских крестьян к английским захватчикам.

Непосредственные причины, давшие толчок индийскому восстанию, Маркс и Энгельс ставили в тесную зависимость от изменений, которые произошли в условиях британского владычества в Индии к началу второй половины XIX века, в частности, от изменения функций туземной армии. Англии удалось, замечает Маркс, завоевать и без каких-либо крупных потрясений в течение полутораста лет владеть Индией с помощью главным образом одного основного принципа — принципа «разделяй и властвуй». Разжигание вражды между различными расами, племенами, религиями, кастами и отдельными суверенными

княжествами было одним из главных средств укрепления британского владычества в Индии. Однако с середины XIX века условия этого владычества существенно изменились. Ост-Индская компания, как орудие британских колонизаторов, закончила к этому времени территориальные захваты и утвердилась в стране как ее единственный завоеватель. Чтобы держать в повиновении индийский народ, она была вынуждена опереться на созданную ею туземную армию, основным назначением которой стали не военные, а полицейские функции по усмирению порабощенного населения. Покорность индийского народа зависела, таким образом, от верности туземной армии. Но создавая ее, британские власти в Индии «в то же время впервые организовывали общий центр сопротивления, каким никогда до этого не обладал индийский народ» (см. настоящий том, стр. 241). Именно этим Маркс объясняет тот факт, что восстание начали не голодные, обобранные до нитки индийские крестьяне-райяты, а находившиеся на привилегированном положении, хорошо оплачиваемые сипаи.

Однако движущие силы восстания отнюдь не ограничивались солдатами туземной армии. Сипаи, замечает Маркс, играли в восстании лишь роль орудия (статья «Индийский вопрос»). Восстание имело неизмеримо более глубокие социальные причины, корни которых крылись в общем недовольстве индийского народа длительным колониальным гнетом, хищнической деятельностью в стране английских захватчиков, жестокими методами колониальной эксплуатации. В статьях «Расследование о пытках в Индии», «Налоги в Индии» Маркс подчеркивает, что крайне обременительное налоговое обложение, вымогательства, насилия и жестокие пытки, повсеместно применявшиеся при сборе государственных налогов, были обычным явлением в жизни индийского крестьянства. Пытка стала официально признанной неотъемлемой частью английской финансовой политики в Индии. Вместе с тем ни единая доля собранных налогов не возвращалась народу в форме общественно полезных сооружений, «более необходимых в азиатских странах, чем где бы то ни было» (см. настоящий том, стр. 532).

Маркс указывает, что одной из непосредственных причин восстания была также политика насильственного расширения британских владений за счет аннексии остававшихся еще независимыми территорий и конфискация земель туземных княжеств (статьи «Аннексия Ауда», «Прокламация Каннинга и вопрос о землевладении в Индии»). Эта политика породила недовольство британским владычеством среди значительной части имущих классов индийского населения, в частности, среди феодальных

землевладельцев. Оппозиционные настроения по отношению к британскому господству наблюдались в период восстания и среди индийской буржуазии, о чем свидетельствовал провал займа на нужды индийской войны, предпринятого Ост-Индской компанией в Калькутте.

Глубоко сочувствуя освободительной борьбе индийского народа, Маркс и Энгельс надеялись на победу восстания, обусловливая ее выступлением — особенно на юге и в центральной части Индии — всех способных на борьбу с колонизаторами слоев индийского населения. Однако такого общего выступления не произошло в силу ряда исторических причин: феодальной раздробленности Индии, этнической пестроты ее населения, религиозного и кастового разделения индийского народа, измены подавляющей части местных феодалов, руководивших восстанием.

Одной из основных причин поражения восстания Маркс и Энгельс считали отсутствие у повстанцев единого централизованного руководства, общего военного командования, а также возникновение среди них внутренних разногласий и раздоров. Роковым образом отразилась на восстании недостаточность военных сил и военных средств у повстанцев по сравнению с их противником, отсутствие у них опыта ведения войны. Все это делало шаткой внутреннюю организацию участников восстания, уменьшало их шансы на успех в военных операциях, ослабляло моральный дух, приводило к дезорганизации в их рядах и в конечном счете привело к поражению восстания (статьи «Взятие Дели», «Осада и штурм Лакнау», «Освобождение Лакнау», «Взятие Лакнау»). Однако несмотря на тяжелые условия борьбы, замечают Маркс и Энгельс, повстанцы сделали все, что могли, особенно при обороне главных центров восстания — Дели и Лакнау. Потерпев неудачу при обороне Дели, они, тем не менее, воочию показали силу национального восстания, которая заключается, писал Энгельс, не в регулярных боях, а в партизанской войне.

В статьях «Индийское восстание» и «Подробности штурма Лакнау» Маркс и Энгельс дают уничтожающую характеристику «цивилизованной» британской колониальной армии, учинявшей зверские насилия над побежденными участниками восстания и варварски грабившей захваченные у повстанцев города.

Оценивая историческое значение индийского восстания, Маркс указывает, что, хотя оно и не изменило существенным образом колониального режима в Индии, оно обнаружило ненависть индийского народа к колониальному рабству и способность его к решительной борьбе за свое освобождение. Восстание заставило английских колонизаторов несколько изменить

формы и методы колониального господства, в частности, окончательно ликвидировать Ост-Индскую компанию, политика которой порождала всеобщее возмущение в Индии.

Исследуя влияние индийского восстания на развитие европейского кризиса, Маркс в статьях «Финансовый кризис в Европе», «Важные британские документы», «Состояние британской торговли» подчеркивает, что восстание, закрыв на несколько месяцев индийский рынок, парализовало тем самым английский экспорт и способствовало обострению кризиса в Англии летом 1857 года. Но, с другой стороны, оно сыграло известную роль в оживлении английской промышленности и торговли, повысив спрос на английские товары, значительно возросший в Индии в связи с нуждами войны.

В статьях Энгельса о национально-освободительной борьбе народов Китая и Индии, а также в его статье «Горная война прежде и теперь» разрабатываются с материалистических позиций вопросы военной науки. Используя различные исторические примеры народных восстаний, Энгельс развивает здесь, в частности, положения о народной партизанской войне, как особой форме войны, свойственной широким общенациональным движениям, направленным против чужеземных поработителей.

В ряде публикуемых в томе статей Маркс и Энгельс рассматривают внутреннюю и внешнюю политику основных капиталистических стран в период кризиса, оценивая ее в свете перспектив приближавшейся, по их мнению, новой европейской революции. В целях политического просвещения пролетариата, воспитания в нем классового сознания, Маркс и Энгельс подвергают тщательному анализу ход международных событий в дни кризиса, определяют характер классовой борьбы в это время, расстановку классовых сил, позицию партий и правительств, положение рабочего класса в отдельных странах. Вместе с тем они внимательно следят за каждым новым шагом международного демократического и пролетарского движения.

В июле 1856 г. Маркс с живейшим интересом откликается на новый подъем буржуазной революции в Испании, которая началась еще в 1854 г. и явилась одним из первых симптомов пробуждения европейского революционного движения после длительного периода реакции. По поводу июльских событий в Испании Маркс пишет две статьи, публикуемые в томе под заглавием «Революция в Испании», которые представляют собой прямое продолжение серии его статей о революционных событиях в Испании, написанных в 1854 г. (см. настоящее издание, том 10).

Определяя специфические особенности и характерные черты испанской революции 1856 г., Маркс подчеркивает ее ярко выраженную политическую направленность, отмечает, что она полностью утратила свойственный всем прежним буржуазным революциям в Испании династический и военный характер. Маркс указывает на новую черту революции — вступление в борьбу испанского рабочего класса и изменение в связи с этим в расстановке классовых сил революции, когда на одной стороне оказались двор и армия, а на другой — народ, в том числе рабочий класс. Примечательным фактом революции 1856 г., отражавшим, по словам Маркса, «один из многих признаков прогресса» в Испании, была горячая поддержка революции испанским крестьянством. В революции 1856 г. испанское крестьянство могло оказаться, пишет Маркс, «самым грозным фактором сопротивления», если бы вожди движения захотели и сумели использовать его энергию. Эта мысль свидетельствует о той важной роли, которую основоположники марксизма, развившие дальше в эти годы свои гениальные положения о союзе рабочего класса и крестьянства, отводили крестьянским массам в борьбе против феодализма и абсолютизма.

В статьях об Испании Маркс еще раз вскрывает предательскую контрреволюционную роль крупной буржуазии по отношению к народным массам. Поведение испанской буржуазии в революции 1856 г. подтвердило историческую закономерность классовой борьбы, установленную Марксом и Энгельсом на опыте революции 1848—1849 годов; напуганная республикански-демократическими требованиями рабочих, угрозой падения монархии и возникновения гражданской войны, испанская буржуазия в самый ответственный момент предала рабочих, оказавших ей поддержку в сопротивлении силам реакции. Испанская буржуазная революция 1856 г. потерпела поражение в результате слабости рабочего класса, изолированности крестьянского движения и предательства либеральной буржуазии.

Анализируя с точки зрения перспектив революции внутреннюю обстановку в основных европейских странах, особенно в Англии и Франции, Маркс и Энгельс считали, что в период кризиса в них назревали симптомы революционной ситуации. При этом наиболее вероятной, по их мнению, была революция во Франции, где кризис значительно ухудшил экономическое положение трудящихся масс и поколебал позиции бонапартовского правительства. Вызванные кризисом застой в промышленности, тяжелое положение сельского хозяйства, торговая депрессия и угрожающая стране финансовая катастрофа должны «привести французский народ в такое состояние мысли, —писал

Маркс, — в каком он обычно пускается на новые политические эксперименты. С исчезновением экономического процветания и обычно сопутствующего ему политического индифферентизма исчезнет также всякий предлог для дальнейшего существования Второй империи» (см. настоящий том, стр. 411).

В статьях «Покушение на Бонапарта», «Правление преторианцев», «Нынешнее положение Бонапарта», «Миссия Пелисье в Англии», «Мадзини и Наполеон», а также в упомянутых уже статьях о Credit Mobilier Маркс подвергает уничтожающей критике режим Второй империи, вскрывает характерные черты бонапартизма: открытую диктатуру буржуазии, засилье военщины, массовый политический террор, всеобщую продажность, казнокрадство, чудовищные спекулятивные аферы и внешнеполитические авантюры, которые предпринимались правительством Наполеона III с целью отвлечения внимания трудящихся от вопросов внутренней политики. В этих статьях получает дальнейшее развитие сформулированное Марксом еще в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» классическое положение о том, что бонапартистская диктатура держалась на лавировании между классами, будучи в то же время сотнями нитей связана с наиболее хищными, алчными и циничными элементами французской буржуазии. Спекуляция стала, отмечает Маркс, «жизненным принципом» Второй империи, а созданное правительством вскоре после государственного переворота общество Credit Mobilier — оплотом бонапартистского режима (статьи «Credit Mobilier» и «Французский Credit Mobilier»). Credit Mobilier и процветавшие во Франции грюндерство и спекуляция широко использовались бонапартистским правительством для того, чтобы удовлетворить стремление буржуазии к получению громадных прибылей, увеличить занятость рабочих и отвлечь их тем самым от политической борьбы, наконец, обеспечить личные нужды бонапартистской клики.

Маркс отмечает постепенное нарастание недовольства бонапартистским режимом во всех слоях французского общества; он приходит к выводу, что «единственная возможность отсрочить революцию во Франции заключается в европейской войне» (см. настоящий том, стр. 679), в которой Франция и Сардиния, поддерживаемые царской Россией, должны объединиться против Австрии. Этот прогноз Маркса полностью оправдался в 1859 году.

После поражения революции 1848—1849 гг. Маркс по-прежнему считал, что пролетарская революция в Европе может победить только при условии участия в ней английского пролетариата. С этой точки зрения Маркс тщательно исследует в ряде статей, помещенных в томе, внутреннее положение Англии.

В статьях «Финансовое положение Франции», «Закон 1844 г. об Английском банке и денежный кризис в Англии», «Политические партии в Англии. — Положение в Европе» Маркс высказывает глубокое убеждение в том, что развитие кризиса делало возможной революцию в Англии. С одной стороны, в Англии усиливалась эксплуатация рабочего класса, обострялись противоречия между пролетариатом и буржуазией, быстро росла нищета народных масс, шел процесс разложения старых правящих партий. С другой стороны, Англия после Крымской войны была связана союзом с Наполеоном III, причем ее военные силы и средства были отвлечены индийским восстанием и китайской войной. Англия, делает вывод Маркс, не смогла бы стоять в стороне в случае серьезного революционного взрыва на европейском континенте, она была бы не в состоянии занимать «ту же надменную позицию, которую она занимала в 1848 и 1849 годах», и «служить препятствием явно приближающейся европейской революции» (см. настоящий том, стр. 244—245 и 519).

Маркс останавливается на некоторых особенностях английской политической жизни во второй половине 50-х годов. В статьях «Поражение министерства Пальмерстона», «Предстоящие выборы в Англии», «Английские выборы», «Поражение Кобдена, Брайта и Гибсона» он метко характеризует систему буржуазного парламентаризма в Англии, которая состоит в том, пишет он, что «в известные торжественные моменты либо виг передает свою безответственность тори, либо тори — вигу. Министерская ответственность сводится здесь к погоне за теплыми местечками, которая становится основным занятием парламентских партий» (см. настоящий том, стр. 635). Маркс отмечает, в частности, продолжающийся процесс разложения традиционных правящих партий Англии — тори и вигов. Подчеркивая тенденцию к превращению этих двух старых партий в одну аристократическую партию, Маркс указывает на то, что дальнейшее существование тори и вигов становилось возможным только при условии подчинения их общих интересов интересам буржуазии. Вместе с тем он констатирует тенденцию английской буржуазии к компромиссу с аристократами. Этим Маркс вскрывает существенные черты того процесса развития английской двухпартийной системы, который привел в дальнейшем к превращению старых аристократических партий тори и вигов в две попеременно правящие партии английской буржуазии — консерваторов и либералов. Полностью удовлетворенная завоеванием свободы торговли и политических прав, английская буржуазия, отмечает Маркс, открыто шла

в 50-х годах на союз с аристократией из-за страха перед рабочим классом и во избежание уступок ему. В статьях «Результаты выборов» и «Английская фабричная система» Маркс говорит об отказе английской буржуазии от борьбы за демократические преобразования английского государственного строя. Поражение представителей так называемой манчестерской школы на выборах 1857 г., пишет он, явилось ярким доказательством того, что английская буржуазия отрекалась от руководства демократическим движением в стране, которое она узурпировала во время агитации Лиги против хлебных законов. Вместе с тем Маркс и Энгельс предвидели, что поражение лидеров промышленной буржуазии в Манчестере неизбежно должно было способствовать оживлению агитации за избирательную реформу в Англии. Маркс и Энгельс надеялись, что агитация эта могла вызвать серьезный политический кризис, который способствовал бы развитию революционного движения на континенте.

Разложение и бессилие старых аристократических партий и отсутствие революционной энергии у буржуазии, писал Маркс, создали условия для пребывания у власти олигархической клики, возглавляемой Пальмерстоном. В ряде статей Маркс характеризует этого типичного представителя правящей аристократической олигархии как противника всяких реформ в области внутренней политики, как вдохновителя колониальной экспансии и ярого поборника агрессивной внешней политики, с помощью которой английская буржуазия старалась отвлечь внимание пролетариата от внутренних вопросов. Вскрывая причины популярности и влияния Пальмерстона, стяжавшего себе славу «истинно британского министра», Маркс показывает, что политика его была классическим выражением интересов английской буржуазии, жадно стремившейся к расширению рынков сбыта и закреплению промышленной и колониальной монополии Англии.

В статьях, освещающих положение в Пруссии — «Умопомешательство прусского короля», «Регентство в Пруссии», «Положение в Пруссии», «Новое министерство», — Маркс вскрывает реакционную сущность правления династии Гогенцоллернов, подвергает убийственной критике основы государственного строя прусской монархии, реакционную прусскую конституцию, превратившую в мертвую букву все демократические права народа. Маркс обличает засилье бюрократии, проникавшей во все области общественной жизни прусского государства. Сохранение феодально-монархического строя в Пруссии, указывает Маркс, стало возможным в результате трусливого либера-

лизма прусской буржуазии, все устремления которой ограничивались погоней за выгодными государственными должностями.

В томе публикуется ряд статей Маркса и Энгельса о России. Если в царской России основоположники марксизма продолжали видеть оплот европейской реакции и всегда выступали как непримиримые противники царизма, то совершенно иное отношение было у них к другой России, к России неофициальной, к тем силам, которые в самой стране противостояли царскому самодержавию. После окончания Крымской войны, вскрывшей гнилость царской военно-бюрократической машины, Маркс и Энгельс под влиянием бурного роста крестьянских волнений в России проявляют все больший интерес к перспективам ее революционного развития. Если во время Крымской войны Маркс и Энгельс считали эти перспективы еще сравнительно отдаленными, то теперь они приходят к прямому выводу о назревании революции в России.

В статьях «Политические партии в Англии. — Положение в Европе», «Вопрос об отмене крепостного права в России», «Европа в 1858 году», «Об освобождении крестьян в России» Маркс и Энгельс уже рассматривают Россию как страну, чреватую народной, антикрепостнической революцией, отмечая, что движение народных масс в России приобретает опасный для самодержавия характер, что крестьянское восстание может явиться «поворотным пунктом в истории России» (см. настоящий том, стр. 701). Изучая европейскую международную обстановку во второй половине 1858 г., Маркс высказывает мысль о том, что революционная Россия является потенциальным союзником революционного движения на Западе. Если еще десять лет назад, пишет он, эта великая держава «чрезвычайно энергично сдерживала напор революции», то «в настоящее время у нее самой под ногами накопился горючий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно воспламениться» (см. настоящий том, стр. 519—520). В статье «Европа в 1858 году», указывая на симптомы нового пробуждения политического движения во всех европейских странах, Энгельс обращает особое внимание на политическое оживление в России, которое выразилось в подготовке освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Маркс, характеризуя международную обстановку в конце 1858 г. в Европе, делает полный глубокого значения вывод о том, что в дальнейшем развитии Европы возможна лишь одна альтернатива: революция или война. Именно в настоящий момент, подчеркивает Маркс, Европа «мечется между обоими решениями этой дилеммы» (см. настоящий том, стр. 679).

* * *

В настоящий том включены 26 статей Маркса и Энгельса, не вошедшие в первое издание Сочинений. Некоторые из них были опубликованы в русском переводе в различных советских журналах. Остальные публикуются на русском языке впервые, что оговорено в редакционных концовках к этим статьям.

За исключением четырех статей, все статьи, помещенные в томе, были опубликованы без подписи. Однако авторство подавляющего большинства из них подтверждается пометками Маркса в его записных книжках за 1857 и 1858 годы, перепиской между Марксом и Энгельсом и другими документами.

Как неоднократно указывали Маркс и Энгельс, редакция «New-York Daily Tribune» произвольно обращалась с текстом их статей, особенно тех, которые печатались без подписи в виде передовых. В некоторых статьях Маркса и Энгельса редакция делала многочисленные вставки и добавляла целые абзацы. В настоящем издании такого рода явные добавления исключены из текста статей и воспроизводятся в примечаниях к соответствующему месту той или иной статьи.

Выявленные в тексте «New-York Daily Tribune» и других газет явные опечатки в именах собственных, географических названиях, цифровых данных, датах и цитатах исправлены на основании проверки по источникам, которыми пользовались Маркс и Энгельс.

Заглавия статей и корреспонденции Маркса и Энгельса даны в соответствии с их публикацией в газетах. В тех случаях, когда заглавие, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка. Если заглавие статьи в газете расходится с вариантом заглавия, данным Марксом в записных книжках, это оговаривается в примечаниях. В примечаниях оговариваются также заглавия статей, данные Институтом марксизма-ленинизма по записным книжкам Маркса. В тех случаях, когда в тексте статей, печатавшихся Марксом одновременно в двух различных органах, обнаруживаются существенные расхождения, или когда текст печатного оригинала расходится с сохранившимся рукописным текстом. важнейшие варианты разночтений даются под строкой.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

апрель 1856—январь 1859

The People's Paper.

LONDON, SATURDAY, APRIL 19, 1856.

К. МАРКС

РЕЧЬ НА ЮБИЛЕЕ «THE PEOPLE'S PAPER»,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ЛОНДОНЕ 14 АПРЕЛЯ 1856 ГОДА [1]

Так называемые революции 1848 года были лишь мелкими эпизодами, незначительными трещинами и щелями в твердой коре европейского общества. Но они вскрыли под ней бездну. Под поверхностью, казавшейся твердой, они обнаружили колышущийся океан, которому достаточно прийти в движение, чтобы разбить на куски целые материки из твердых скал. Шумно и сбивчиво провозгласили они освобождение пролетариата — тайну XIX века и тайну революции этого века.

Правда, эта социальная революция не была новинкой, изобретенной в 1848 году. Пар, электричество и сельфактор были несравненно более опасными революционерами, чем даже граждане Барбес, Распайль и Бланки. Но хотя атмосфера, в которой мы живем, и давит на каждого из нас с силой в 20000 фунтов, разве вы чувствуете это? Так же мало, как мало европейское общество до 1848 г. чувствовало революционную атмосферу, которая его окружала и давила на него со всех сторон.

Налицо великий факт, характерный для нашего XIX века, факт, который не смеет отрицать ни одна партия. С одной стороны, пробуждены к жизни такие промышленные и научные силы, о каких и не подозревали ни в одну из предшествовавших эпох истории человечества. С другой стороны, видны признаки упадка, далеко превосходящего все известные в истории ужасы последних времен Римской империи.

В наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, современной нищетой и упадком — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, неизбежный и неоспоримый факт. Одни партии сетуют на это; другие хотят избавиться от современной техники, чтобы тем самым избавиться от современных конфликтов; третьи воображают, что столь значительный прогресс в промышленности непременно должен дополняться столь же значительным регрессом в политике. Мы, со своей стороны, не заблуждаемся относительно природы того хитроумного духа, который постоянно проявляется во всех этих противоречиях. Мы знаем, что новые силы общества, для того чтобы действовать надлежащим образом, нуждаются лишь в одном: ими должны овладеть новые люди, и эти новые люди—рабочие. Рабочие—такое же изобретение современности, как и сами машины. В тех явлениях, которые приводят в смятение буржуазию, аристократию и злополучных пророков регресса, мы узнаем нашего доброго друга, Робина Гудфеллоу[2], старого крота, который умеет так быстро рыть под землей, этого славного минера — революцию. Английские рабочие — первенцы современной промышленности. И они, конечно, не последними придут на помощь социальной революции, порождаемой этой промышленностью, — революции, которая означает освобождение их собственного класса во всем мире и которая имеет столь же всеобщий характер, как господство капитала и рабство наемного труда. Я знаю, какую героическую борьбу вел английский рабочий класс с середины прошлого столетия, борьбу, которая не становится менее славной от того, что буржуазные историки оставляли ее в тени и замал-

чивали. Для того чтобы мстить за злодеяния правящих классов, в средние века в Германии существовало тайное судилище, так называемый «Vehmgericht»*. Если на каком-нибудь доме был начертан красный крест, то люди уже знали, что владелец его осужден «Vehm». Теперь таинственный красный крест начертан на всех домах Европы. Сама история теперь судья, а исполнитель ее приговора — пролетариат.

Напечатано в «The People's Paper» № 207, 19 апреля 1856 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — «суд Фемы». *Ред.*

К. МАРКС

ПАЛАТА ЛОРДОВ И ПАМЯТНИК ГЕРЦОГУ ЙОРКСКОМУ

В то самое время, когда лорд Джон Рассел, этот

«На спорынье зачатый недоросток»*,

развлекал палату общин одним из своих смехотворных карликовых проектов просвещения великана по имени народ, его собратья в палате лордов демонстрировали наглядный пример просвещенности милостью божьей правителей Великобритании. Предметом их дебатов был доклад комиссии палаты общин, предлагавшей убрать памятник герцогу Йоркскому с площади Ватерлоо в интересах этого района. Маркиз Кланрикард по этому поводу сказал:

«Герцог Йоркский был не только знаменит своим высоким происхождением, но и оказал большие услуги короне и отечеству своей служебной деятельностью... Не одни лишь близкие друзья скорбели о его кончине, эта скорбь была всеобщей. Все наперебой спешили засвидетельствовать, с каким рвением он выполнял возложенные на него обязанности».

По мнению маркиза Ленсдауна,

«нельзя было столь легкомысленно убирать или переносить памятник, воздвигнутый всего лишь несколько лет назад в память о замечательном, всеми нами уважаемом человеке».

Абердин, этот поколесивший по свету тан**, назвал памятник «в некотором роде *священным»*. Граф Малмсбери

«целиком согласился с теми высказываниями благородного графа, которые можно было бы назвать выражением наших чувств по этому поводу».

* Шекспир. «Сон в летнюю ночь», акт III, сцена вторая. *Ред.*
** — шотландский дворянин. *Ред.*

Бросим же и мы ретроспективный взгляд на жизнь августейшего героя, канонизированного таким образом палатой лордов.

Наиболее знаменательное событие в жизни герцога Йоркского — его появление на свет — пришлось на 1763 год. Двадцать шесть лет спустя он сумел привлечь к своей особе внимание всего мира тем, что, отказавшись от утех холостой жизни, стал женатым человеком. Антиякобинская война предоставила августейшему принцу удобный случай стать августейшим полководцем. Если английская армия и терпела регулярно поражения во время его навеки прославленного фландрского похода и его не менее славного хелдерского похода[3], то она все же неизменно черпала утешение в том, что ее августейший командующий всякий раз возвращался домой цел и невредим. Всем известно, как ловко он удрал от Ушара под Гондсхооте и как его осада Дюнкерка в некотором роде перещеголяла осаду Трои. Слава, завоеванная им во фландрском походе, была так велика, что Питт, из зависти к лаврам герцога, заставил военного министра Дандаса послать его королевскому высочеству депеши с настоятельным указанием вернуться домой, приберечь свое личное мужество для времен более опасных и помнить древнее изречение Фабия: famae etiam jactura facienda est pro patria[*]. Доставить эти депеши по назначению было поручено некоему офицеру по имени Кокрейн Джонстон, к которому мы еще вернемся, и, как пишет один автор, живший в те минувшие времена, «Джонстон выполнил это поручение с такой быстротой и решительностью, что вызвал восхищение всей армии»[4]. Еще более великими, чем ратные подвиги герцога во время того же самого похода, оказались его подвиги в области финансов, ибо спасительный пожар на каждом интендантском складе раз навсегда приводил в порядок счета всех его интендантов, подрядчиков и мелких поставщиков. Несмотря на эти успехи, в 1799 г. мы снова находим его королевское высочество во главе хелдерской экспедиции, которую британская пресса, при явном покровительстве Питта, изображала как простую увеселительную прогулку, так как считалось немыслимым, чтобы одно появление армии в 45000 человек, поддержанной с тыла эскадрой, господствовавшей на Зёйдер-Зе, и возглавляемой отпрыском Брауншвейгской королевской династии, не развеяло в прах какой-то сброд в 20000 французов

«под командой типографского ученика из Лимузена, некоего Брюна, получившего свое военное и политическое образование в залах для игры в мяч времен французской революции».

[*] — ради отечества следует жертвовать даже славой. *Ред.*

Однако типографский ученик из Лимузена, с грубым цинизмом, присущим этим якобинским генералам, имел наглость здорово колотить его королевское высочество всякий раз, как ему случалось столкнуться с ним; а когда его королевское высочество, решив, что жить на пользу своей родины гораздо более похвально, чем умереть за нее, прилагал все усилия к тому, чтобы возвратиться в Хелдер, Брюн был настолько неучтив, что не пустил его туда, пока герцог не подписал знаменитой Алкмарской капитуляции[5], в которой обязывался отпустить восемь тысяч французских и голландских моряков, находившихся в то время в плену в Англии.

Пресытившись походами, герцог Йоркский благоразумно соизволил пойти на то, чтобы его имя было окутано на некоторое время мраком неизвестности, что является обычным для главнокомандующего, пребывающего в главном штабе английской армии. Но и здесь он оказался во главе ведомства, обходившегося народу в 23000000 ф. ст. ежегодно и дававшего ему полную, контролируемую лишь королем власть повышать в чине или разжаловать любое количество штабных и прочих офицеров, которых насчитывалось примерно 12000 человек.

Его королевское высочество не упустил случая присвоить себе весьма значительную долю благодарности общества за свои просвещенные общие инструкции об уничтожении queues[*] у всех рядовых и унтер-офицеров; за добавление к их снаряжению губки, дабы держать в чистоте их головы; за равнение направо и налево; за быстрый и медленный шаг; за смыкание и размыкание шеренг; за захождение флангом и повороты в строю; за то, что они лихо выполняли ружейные артикулы; за стрижку волос и черные гамаши, за чистку оружия и амуниции; за то, что он затянул могучую грудь Джона Буля в тесный камзол и увенчал его тупую голову австрийской каской, а его широкую спину облек в неказистую шинель, — и за другие такого же рода важные дела, составляющие содержание фельдфебельской науки. В то же время он проявил незаурядные способности стратега и тактика во внутренней войне против полковника Кокрейна Джонстона, того самого офицера, которому Питт поручил в свое время прекратить победоносный поход герцога Йоркского во Фландрию. Джонстон, бывший в 1801 г. полковником 8-го Вест-Индского полка (черных) и губернатором острова Доминика, был вызван в Англию в связи с тем, что в этом полку вспыхнул мятеж. Он выдвинул обвинения против Джона Гордона, майора своего полка, непосредственно командо-

[*] — косичек. *Ред.*

вавшего полком в то время, когда произошел мятеж. Этот майор Гордон, так же как и полковник Гордон, секретарь герцога, принадлежал к тому известному роду Гордонов, который наводнил мир великими людьми вроде Гордона, состряпавшего Адрианопольский мирный договор[6], вроде немало поколесившего по свету тана Абердина и его не менее известного сынка, полковника Гордона, столь отличившегося в Крыму. Таким образом, герцогу Йоркскому надлежало отомстить не только человеку, оклеветавшему Гордонов, но, главное, тому, кто доставил щекотливую депешу. Несмотря на всю назойливость полковника Джонстона, Джон Гордон предстал перед военным судом лишь в январе 1804 года. Хотя суд признал его поведение незаконным, преступно легкомысленным и заслуживающим всяческого порицания, герцог Йоркский все же сохранил за ним в полном объеме его жалованье, а также и его прежний чин; зато в октябре 1803 г. он вычеркнул из списка представленных к производству в чин генерал-майора имя полковника Джонстона, увидевшего в этом списке имена офицеров моложе его по службе, которым было оказано предпочтение. На свою жалобу, поданную герцогу, Джонстон через девять недель, 10 декабря 1803 г., получил ответ от его королевского высочества, что его имя не было включено в списки подлежащих производству в генералы потому, что «против него выдвинуты обвинения, основательность коих еще не проверена». Больше Джонстон ничего не мог добиться вплоть до 28 мая 1804 г., когда он узнал, что с обвинениями против него выступил майор Гордон. Процесс Джонстона откладывался от одной судебной сессии до другой, поскольку военный суд, который должен был рассматривать его дело, выезжал то в Кентербери, то в Челси; процесс состоялся только в марте 1805 года. Джон-стон был полностью оправдан и реабилитирован судом и обратился с просьбой вновь включить его в списки на повышение в чине, но 16 мая 1805 г. получил от его королевского высочества отказ. 28 июня генерал Фицпатрик, один из членов coterie Фокса[7], заявил в парламенте, что в интересах Джонстона, несправедливое обращение с которым «вызвало сильнейшую тревогу во всей армии», он предлагает, чтобы в начале следующей сессии парламента этому делу было посвящено специальное заседание. Следующая сессия началась, но Фицпатрик, превращенный к тому времени в военного министра, объявил с министерской скамьи, что он не выступит с предложением, которое раньше грозил выдвинуть. Некоторое время спустя этот военный министр — человек, в жизни не нюхавший пороха и в глаза не видавший неприятеля, за двадцать лет до

того продавший свою должность командира роты[8] и не служивший с тех пор ни единого дня, — был поставлен герцогом Йоркским во главе полка; таким образом, Фицпатрик-военный министр должен был принимать доклады Фицпатрика-полковника. С помощью подобного рода военных хитростей герцогу Йоркскому удалось одолеть полковника Джонстона и тем доказать свой стратегический талант.

Что герцог, несмотря на некоторое тупоумие, наследственное в славной Брауншвейгской династии, был по-своему ловким малым, в достаточной мере доказывает тот факт, что он был главой «домашнего кабинета» Георга III — узкого семейного совета, — а также главой придворной партии, известной под названием «друзья короля»[9]. Доказательством этого служит и то, что при годовом доходе в 61000 ф. ст. он ухитрился, под видом займа, выжать из министерства 54000 ф. ст. и все же не заплатить свои частные долги, несмотря на этот предоставленный ему государственный кредит. Для свершения таких подвигов нужен поистине изворотливый ум. Поскольку всем известно, как «много взоров привлекают высокие чины и должности»*, легко понять, почему правительство Гренвилла не постыдилось предложить его королевскому высочеству освободить его от некоторых второстепенных обязанностей, связанных с его постом, причем это освобождение, как горестно отмечается в одном оплаченном герцогом памфлете[10], свело бы роль главнокомандующего просто к нулю. Следует заметить, что членом этого самого правительства состоял и Ленсдаун под именем лорда Генри Петти. Правительство это грозило обременить славного воителя военным советом, лживо уверяя, будто «страна» погибнет, если в помощь неопытному главнокомандующему не будет выделена группа офицеров. Эта презренная клика так насела на герцога, что потребовала расследования его деятельности в главном штабе английской армии. К счастью, этой интриге партии Гренвилла положило конец непосредственное вмешательство или, вернее, приказание Георга III, у которого, при всем его общеизвестном идиотизме, все же хватило ума оценить таланты своего сынка.

В 1808 г. августейший полководец, движимый чувством бесстрашия и патриотизма, стал домогаться командования британскими войсками в Испании и Португалии. Но в этот момент охватившее массы всеобщее опасение, что Англия в столь критический момент может лишиться услуг такого военачальника внутри страны, проявилось необычайно шумно, нескромно

* Шекспир. «Мера за меру», акт IV, сцена вторая (перефразировано). *Ред.*

и почти что неприлично. Ему напоминали о его прежних неудачах за границей, советовали приберечь силы для борьбы с внутренним врагом и остерегаться общественной ненависти. Ничтоже сумняшеся, великодушный герцог велел издать памфлет, чтобы доказать свое наследственное право быть битым в Португалии и Испании так же, как его били во Фландрии и в Голландии. Но увы! «Morning Chronicle»[11] того времени пишет:

«хорошо известно, что в данном случае существует полное совпадение во взглядах правительства и народа, министерской партии и оппозиции».

Словом, толки о назначении герцога, казалось, грозили Англии подлинным скандалом. Так, в одном из лондонских еженедельников тех лет[12] мы читаем:

«Разговоры на эту тему ведутся не только на постоялых дворах, в кофейнях, на рынках, на улицах и в обычных местах сбора присяжных сплетников. Разговоры эти проникли во все частные дома, они стали дежурным блюдом за обеденным и чайным столом; люди останавливают друг друга на улице, чтобы поговорить об отъезде герцога Йоркского в Испанию; нетерпеливый лондонец задерживается даже по дороге на биржу, чтобы спросить, в самом,ли деле верно, что герцог Йоркскнй намеревается ехать в Испанию. Да что там! — даже на папертях деревенских церквей, среди политиков в холщевых блузах, чьи беседы по общественным вопросам редко идут дальше темы о прямых налогах, можно увидеть, как десяток лиц придвигается почти вплотную к говорящему, чтобы узнать, «zarten if the Duke of York be a gooen to be zent to Spain»*».

Таким образом, очевидно, что, несмотря на все старания завистливых хулителей герцога, оказалось невозможным скрыть от мира его былые подвиги. Какое удовольствие должен испытывать всякий человек, видя, что целая страна только и думает о том, как бы удержать его дома! И герцог, разумеется, огромным усилием своего благородного ума умерил свой воинственный пыл и спокойно остался в главном штабе английской армии.

Прежде чем перейти к самому блестящему периоду этой монументальной жизни, мы должны прервать наше повествование и отметить, что герцог еще в 1806 г. был полностью и всенародно оценен верноподданными своего отца. В своей «Political Register» за этот год Коббет пишет:

«Он только тем и прославился, что удирал от неприятеля и покрывал позором английское оружие; полуидиот, он был в то же время исполнен самой гнусной хитрости; он в равной мере отличался чисто женской слабостью и дьявольской жестокостью, надменностью и подлостью, мотовством и жадностью. Получив власть над армией, он губил доверенное ему дело и, пользуясь своим положением, постыдно грабил народ, который

* — «наверняка ли герцога Йоркского собираются послать в Испанию» (диалект). *Ред.*

ему за большое жалованье поручено было защищать. Предварительно подкупив или запугав всех, кто, по его мнению, мог бы вывести его на чистую воду, он дал волю своим многочисленным и разнообразным порокам и сделался предметом хотя и глухой, но всеобщей ненависти».

27 января 1809 г. с предложением «назначить комиссию для расследования деятельности главнокомандующего относительно производства в чины и перемещений в армии» выступил в палате общин полковник Уордл. В своей речи, лишенной всякой деликатности, он подробно перечислил все факты, которыми мог обосновать свое предложение, назвал имена всех свидетелей, которых собирался вызвать для подтверждения представленных им фактов, и обвинил обожаемого героя нынешней палаты лордов в том, что его любовница, некая г-жа Кларк, обладает прерогативой производства во все воинские чины, что она распоряжается также и перемещениями в армии, что ее влияние распространяется на назначения в штабе армии, что она наделена правом увеличивать вооруженные силы страны, что из всех этих источников она получает известное денежное вознаграждение, что главнокомандующий не только тайный соучастник всех ее сделок, не только пользуется ее денежными средствами и тем сберегает свой собственный кошелек, но даже пытался сам, пользуясь ее методами, извлекать доходы лично для себя, помимо того, что добывала г-жа Кларк. Короче говоря, полковник Уордл утверждал, что августейший полководец не только содержит свою любовницу за счет британской армии, но и допускает, чтобы она, в свою очередь, содержала его самого. Выслушав это предложение, палата постановила произвести допрос свидетелей. Допрос продлился до 17 февраля и пункт за пунктом подтвердил нескромные поклепы полковника Уордла. Было доказано, что на самом деле главный штаб английской армии находился не на Уайт-холл[13], а в резиденции г-жи Кларк на Глостер-стрит, где у нее имелся великолепный дом, множество экипажей и целый штат из ливрейных лакеев, музыкантов, певцов, актеров, плясунов, прихлебателей, сводников и сводниц. Этот свой собственный главный военный штаб августейший полководец создал в 1803 году. Хотя такой дом невозможно было содержать и на 20000 ф. ст. в год, — а кроме него была еще загородная резиденция в Уайбридже, — свидетельскими показаниями было установлено, что из собственного кармана герцога г-жа Кларк никогда не получала больше 12000 ф. ст. в год, каковой суммы едва хватило бы на оплату жалованья прислуге и покупку ливрей. Остальные средства г-жа Кларк добывала оптовой торговлей патентами на офицерские чины, получение которых зависело теперь от

женской юбки. Палате был представлен в письменном виде прейскурант г-жи Кларк. В то время как обычная плата за чин майора составляет 2600 ф. ст., г-жа Кларк продавала его за 900; чин капитана она отдавала за 700 ф. ст., вместо установленных 1500, и т. д. В Сити существовала даже особая контора по продаже чинов по тем же самым сниженным ценам, причем главные агенты этой конторы заявили, что они являлись доверенными лицами могущественной фаворитки. Всякий раз, когда она жаловалась на денежные затруднения, герцог-говорил ей, что «она обладает большими преимуществами, чем королева, и должна это использовать». Был случай, когда пылкий главнокомандующий перевел кого-то на половинный оклад в наказание за то, что тот не пожелал заключить с его любовницей бесчестный договор; в другой раз он присвоил себе сумму в 5000 фунтов стерлингов; еще как-то раз он по настоянию г-жи Кларк дал нескольким мальчикам, еще не окончившим школу, чин лейтенанта и назначил военными врачами людей, от которых так никогда и не потребовали оставить свою частную практику и явиться в свои роты. Некий полковник Френч получил от г-жи Кларк «служебное письмо», то есть бумагу, уполномочивавшую его набрать в армию 5000 солдат. В связи с этим между герцогом и его любовницей произошел нижеследующий диалог, о котором было сообщено палате:

Герцог: Г-н Френч все время пристает ко мне с этим набором. Он вечно выпрашивает что-нибудь для себя. Как он ведет себя по отношению к тебе, милочка?

Г-жа Кларк: Так себе, неважно.

Герцог: Ну, так пусть этот Френч будет поосторожнее, не то я живо разделаюсь с ним и с его набором.

Было также представлено несколько писем достославного герцога, в которых любовные излияния были перемешаны с вопросами о меркантильно-военных сделках. Одно из них, от 4 августа 1803 г., начинается так:

«Не нахожу слов, чтобы выразить моей милочке, моей душечке наслаждение, которое ее дорогое, ее прелестное письмо принесло мне, или сколь я сильно чувствую всю ту ласку, которую она высказывает мне в нем Миллионы и миллионы благодарностей за это, мой ангел».

Познакомившись с таким образчиком стиля герцога, не приходится удивляться, что ученые мужи из колледжа Сент-Джона в Оксфорде преподнесли его королевскому высочеству диплом доктора прав. Не довольствуясь торговлей военными чинами, эти любящая парочка додумалась торговать также назначениями в сан епископов и настоятелей.

Выяснились и еще кое-какие факты, не менее лестные для славного отпрыска Брауншвейгской династии, например, что некий офицер по фамилии Добер был в течение ряда лет любовником г-жи Кларк и что с ним она пыталась забыть раздражение, омерзение и отвращение, испытываемые ею в обществе герцога.

Друзья герцога, обозвав его ангела «бесчестной и наглой особой», пытались привести в оправдание своего нежного юноши, лет пятидесяти от роду и уже двадцать лет женатого, всепоглощающую силу страсти. Однако эта страсть, кстати сказать, не помешала герцогу семь месяцев спустя после его разрыва с г-жей Кларк перестать выплачивать ей ежегодное пособие, о котором они условились, а когда ее требования сделались особенно назойливыми, пригрозить ей позорным столбом и тюрьмой. Именно эта угроза и послужила непосредственной причиной разоблачений, сделанных г-жей Кларк полковнику Уордлу.

Было бы скучно останавливаться на всех заседаниях палаты общин со всеми фигурировавшими там грязными подробностями или комментировать умоляющее письмо доблестного герцога от 23 февраля (1809 г.), в котором он торжественно клянется палате общин «честью принца», что ему ничего не известно даже о том, что было доказано на основании писем, написанных его собственной рукой. Достаточно будет привести слова генерала Фергюсона в палате, что «если герцог останется на своем посту, это бросит тень на всю армию», а также добавить, что 20 марта канцлер казначейства г-н Персивал объявил об уходе герцога в отставку, после чего палата приняла предложенную лордом Олторпом резолюцию, гласящую, что «поскольку его королевское высочество герцог Йоркский отказался от командования армией, палата не считает нужным продолжать расследование» и т. д. Лорд Олторп объяснил свое предложение желанием

«занести заявление герцога об отставке в протокол заседания палаты с целью отметить, что герцог навсегда лишился доверия страны и, следовательно, не должен надеяться когда-либо вернуться снова к занимаемому им положению».

Полковника Уордла в награду за его смелые выступления против герцога засыпали изъявлениями благодарности; все. графства, города, городки и местечки Великобритании прислали ему адреса.

Одним из первых актов регентства принца Уэльского — впоследствии Георга IV — было восстановление в 1811 г. герцога Йоркского в его должности главнокомандующего; нужно сказать, что этот первый шаг весьма типичен для всего

царствования этого августейшего Калибана[14], прозванного первым джентльменом Европы потому, что он был самым последним ничтожеством рода человеческого.

И вот этого-то герцога Йоркского, чей памятник был бы достойным украшением навозной кучи, маркиз Кланрикард называет «выдающимся главнокомандующим», а лорд Ленсдаун — «замечательным, всеми уважаемым человеком»; эта же самая личность увековечена «в священном памятнике», по словам графа Абердина, — словом, это и есть ангел-хранитель палаты лордов. Поистине, верующие достойны своего святого.

Написано К. Марксом около 25 апреля 1856 г.

Напечатано в «The People's Paper» № 208, 26 апреля 1856 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Пролетарская революция» № 1, 1940 г.

К. МАРКС

САРДИНИЯ [15]

Историю Савойской династии можно разделить на три периода: первый, когда она возвышается и расширяет свои владения, занимая двусмысленную позицию между гвельфами и гибеллинами, между итальянскими республиками и Германской империей; второй, когда она преуспевает, переходя то на ту, то на другую сторону в войнах между Францией и Австрией[16]; и последний, когда она старается использовать охватившую весь мир борьбу между революцией и контрреволюцией, подобно тому как она использовала в свое время антагонизм народов и династий. Во все эти три периода двусмысленность является постоянной осью, вокруг которой вращается политика этой династии, и естественно, что результаты, к которым такая политика приводит, оказываются незначительными по размерам и сомнительными по своему характеру. Мы видим, как в конце первого периода, одновременно с образованием крупных монархий в Европе, Савойская династия создает небольшую монархию. В конце второго периода Венский конгресс соблаговолил уступить ей Генуэзскую республику, в то время как Австрия проглотила Венецию и Ломбардию, а Священный союз зажал рот всем второразрядным государствам, как бы они ни назывались. Наконец, в течение третьего периода Пьемонт получает разрешение явиться на Парижский конгресс, составляет меморандум против Австрии и Неаполя[17], преподает мудрые советы папе, принимает снисходительные похвалы от Орлова, его конституционные стремления находят поощрение в coup d'etat*, а его мечты

* — государственном перевороте. *Ред.*

о гегемонии в Италии получают поддержку со стороны того самого Пальмерстона, который столь успешно предал Пьемонт в 1848 и 1849 годах[18].

Со стороны представителей Сардинии сущей нелепостью является мысль, будто конституционализм, агонию которого они в настоящий момент могут воочию видеть в Великобритании и банкротство которого на европейском континенте обнаружили революции 1848—1849 гг., доказав, что он одинаково бессилен как против королевских штыков, так и против народных баррикад, — будто этот самый конституционализм в настоящее время готовится не только праздновать свое restitutio in integrum* на пьемонтской сцене, но даже стать всепобеждающей силой. Подобная мысль могла возникнуть лишь у великих людей маленького государства. Для всякого беспристрастного наблюдателя является бесспорным, что если Франция — крупная монархия, то Пьемонт должен оставаться малой монархией, что если во Франции — императорский деспотизм, то существование Пьемонта в лучшем случае будет зависеть от его милости, и что если Франция станет настоящей республикой, то пьемонтская монархия исчезнет и растворится в итальянской республике. Самые условия, от которых зависит существование сардинской монархии, препятствуют осуществлению ее честолюбивых целей. Она может играть роль освободителя Италии только в эпоху, когда революция приостановлена в Европе, а контрреволюция безраздельно господствует во Франции. При таких условиях она может помышлять о том, чтобы взять на себя главенствующую роль в Италии в качестве единственного итальянского государства с прогрессивными тенденциями, с своей собственной династией и национальной армией. Но в силу этих же условий она оказывается, с одной стороны, под давлением императорской Франции, а с другой — императорской Австрии. В случае серьезных трений между этими соседними империями Сардиния неизбежно станет сателлитом одной из них и театром военных действий для обеих. В случае же установления между ними entente cordiale** она должна будет довольствоваться жалким прозябанием, временной отсрочкой своей гибели. Опираться на революционную партию в Италии было бы для нее равносильно самоубийству, так как события 1848—1849 гг. рассеяли последние иллюзии насчет революционной миссии этой партии. Таким образом, надежды Савойской династии связаны с сохра-

* — полное восстановление. *Ред.*
** — сердечного согласия. *Ред.*

нением status quo* в Европе, но status quo в Европе исключает возможность расширения границ Пьемонта на Апеннинском полуострове и отводит ему скромную роль итальянской Бельгии.

Поэтому пьемонтские уполномоченные, пытавшиеся возобновить на Парижском конгрессе игру 1847 года, могли представлять собой лишь довольно плачевное зрелище. Каждый ход, который они делали на дипломатической шахматной доске, означал *шах* для них самих. Бурно протестуя против австрийской оккупации Центральной Италии, они принуждены были лишь осторожно касаться оккупации Рима Францией[19]; жалуясь на теократию римского первосвященника, они вынуждены были покорно терпеть ханжество и лицемерие первородного сына церкви**. Им пришлось обращаться к Кларендону, проявившему столько мягкости и снисхождения к Ирландии в 1848 г., с просьбой преподать уроки гуманности неаполитанскому королю***, а тюремщика Кайенны, Ламбессы и Бель-Иля[20] они должны были просить открыть тюрьмы Милана, Неаполя и Рима. Провозглашая себя борцами за свободу в Италии, они лакейски склонились перед ожесточенными нападками Валевского на свободу печати в Бельгии, мотивируя это своим глубоким убеждением, что

«трудно двум странам поддерживать добрые отношения друг с другом, когда в одной из них есть газеты, проповедующие крайние взгляды и нападающие на соседние правительства».

Основываясь на этой нелепой приверженности пьемонтских уполномоченных бонапартистским доктринам, Австрия немедленно обратилась к ним с решительным требованием прекратить борьбу, которую ведет против нее пьемонтская пресса, и наказать последнюю.

Делая вид, будто они противопоставляют международную политику народов международной политике государств****, пьемонтские уполномоченные в то же время вновь поздравляют себя с заключением договора, восстанавливающего узы дружбы, которая в течение столетий связывала Савойскую династию и династию Романовых. Побуждаемые к тому, чтобы показать свое красноречие перед лицом уполномоченных старой Европы, они вынуждены мириться с тем, что Австрия третирует их как второстепенную державу, не способную обсуждать первостепенные вопросы. Пока они с чувством огромного удовлетворения составляют меморандум, Австрия получает разрешение выставить

---

* — существующего порядка, существующего положения. *Ред.*
** — Наполеона III. *Ред.*
*** — Фердинанду II. *Ред.*
**** В «New-York Daily Tribune» от 31 мая 1856 г. вместо слова «государств» напечатано: «династий». *Ред.*

армию вдоль всей сардинской границы, от По до самых Апеннин, занять Парму, укрепить Пиаченцу, невзирая на Венский трактат, и развернуть свои военные силы на берегах Адриатики, от Феррары и Болоньи вплоть до Анконы. 15 апреля, через семь дней после того, как эти жалобы были представлены конгрессу, между Францией и Англией, с одной стороны, и Австрией, с другой, был подписан специальный договор, с очевидностью доказывающий, какой ущерб был нанесен Австрии меморандумом[21].

Такую позицию занимали на Парижском конгрессе достойные представители того самого Виктора-Эммануила, который после поражения своего отца в битве при Новаре и его отречения[22] на глазах у негодующей армии обнимался с Радецким, заклятым врагом Карла-Альберта. Если Пьемонт нарочито не закрывает глаза, то он должен теперь видеть, что его одурачили заключением мира так же, как ранее дурачили войной. Бонапарт готов воспользоваться им, чтобы замутить воду в Италии и выудить в этой мутной воде корону[23]. Россия готова похлопать по плечу маленькую Сардинию с намерением встревожить Австрию на юге и тем самым ослабить ее на севере. Пальмерстон, ради ему одному известных целей, готов повторить комедию 1847 года, не давая себе даже труда спеть старую песню на новый лад. Но несмотря на все это Пьемонт как был, так и остается игрушкой в руках иностранных держав. Что касается речей в английском парламенте, то г-н Брофферио заявил в сардинской палате депутатов, членом которой он состоит, что «эти речи всегда были изречениями не дельфийского, а трофонийского оракула». Он ошибся только в том, что принял эхо за прорицания[24].

Пьемонтская интермедия, если рассматривать ее самое по себе, лишена всякого интереса; она показывает только, как Савойская династия снова потерпела неудачу в своей наследственной политике лавирования и в своих повторных попытках сделать итальянский вопрос подспорьем для своих собственных династических интриг. Но имеется другой, более важный момент, который умышленно замалчивается английской и французской прессой, но на который особенно намекали сардинские уполномоченные в своем пресловутом меморандуме. Враждебная позиция Австрии, которая объясняется позицией, занятой в Париже сардинскими уполномоченными, «вынуждает Сардинию оставаться вооруженной и прибегнуть к мерам, крайне тяжелым для ее финансов, уже истощенных событиями 1848 и 1849 гг. и войной, в которой она приняла участие». Но это не все.

«Волнение в народе», — гласит сардинский меморандум[25], — «за последнее время как будто улеглось. Итальянцы, видя, что один из их национальных государей находится в союзе с великими западными держа-

вами ... возымели надежду, что мир не будет заключен, пока они не будут хоть сколько-нибудь утешены в своих горестях. Эта надежда сделала их спокойными и покорными; но когда они узнают об отрицательных результатах Парижского конгресса, когда они узнают, что Австрия, несмотря на добрые услуги и дружественное посредничество Франции и Англии, воспротивилась даже простому обсуждению вопроса ... тогда можно не сомневаться, что утихшее на время раздражение пробудится с большей яростью, чем когда бы то ни было. Итальянцы, убедившись, что им нечего больше ждать от дипломатии, с горячностью, свойственной южанам, снова бросятся в ряды разрушительной революционной партии, и Италия опять станет очагом заговоров и беспорядков, которые, конечно, можно будет подавить с удвоенной суровостью, но которые при малейшем волнении в Европе вновь разразятся с необычайной силой. Пробуждение во всех странах, окружающих Пьемонт, революционных страстей, способных, в силу причин, которыми они вызваны, привлечь симпатию народа, подвергнет сардинское правительство чрезвычайно серьезным опасностям».

Вот это существенно. Во время войны* богатая буржуазия Ломбардии, так сказать, затаила дыхание в тщетной надежде, что по окончании этой войны она, благодаря действиям своей дипломатии и под покровительством Савойской династии, добьется национального освобождения или гражданской свободы, избежав необходимости перейти красное море революции и не делая крестьянам и пролетариям тех уступок, требование которых, как она уже знает из опыта 1848—1849 гг., стало неотделимым от всякого народного движения. Однако на сей раз их эпикурейские надежды потерпели крушение. Единственно осязательный результат войны — по крайней мере, единственно видимый для итальянского глаза — это материальные и политические преимущества, приобретенные Австрией, а именно, новое упрочение этой ненавистной державы, достигнутое при содействии так называемого независимого итальянского государства. У конституционалистов Пьемонта снова были в руках хорошие карты, и они снова оказались в проигрыше; они снова убедились в том, что не способны играть роль вождей Италии, на которую они так громко претендовали. Их собственная армия призовет их к ответу. Буржуазия снова должна будет искать опоры в народе и отождествлять национальное освобождение с-социальным возрождением. Пьемонтский кошмар кончился, дипломатические чары рассеялись — и горячее сердце революционной Италии снова начинает биться сильнее.

Написано К. Марксом около 16 мая 1856 г.

Напечатано в «The People's Paper» № 211, 17 мая 1856 г. за подписью К. М. и в газете «New-York Daily Tribune» М 4717, 31 мая 1856 г. без подписи

Печатается по тексту «The People's Paper», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с английского

* — Крымской войны. *Ред.*

New-York Tribune.

Vol. XVI.....No. 4,735. NEW-YORK. SATURDAY, JUNE 21, 1856. PRICE TWO CENTS.

К. МАРКС

ФРАНЦУЗСКИЙ CRÉDIT MOBILIER

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

Лондонская газета «Times»[26], как видно из передовой от 30 мая, чрезвычайно удивлена открытием, что социализм во Франции никогда не исчезал, а «скорее был забыт» за последние несколько лет. Делая такое заявление, «Times» пользуется случаем поздравить Англию с тем, что ее эта язва не беспокоит и что она свободна от классового антагонизма, на почве которого сие ядовитое растение произрастает. Это довольно-таки смелое утверждение со стороны ведущей газеты той страны, выдающийся экономист которой, г-н Рикардо, начинает свое знаменитое сочинение о началах политической экономии[27] тезисом о том, что три основных класса общества, то есть английского общества, а именно земельные собственники, капиталисты и наемные рабочие, находятся между собой в смертельном и непримиримом антагонизме, ибо рента повышается и понижается в обратном отношении к повышению и понижению промышленных прибылей, а заработная плата повышается и понижается в обратном отношении к прибылям. Если, согласно утверждению английских юристов, равновесие трех соперничающих сил образует краеугольный камень английской конституции — этого восьмого чуда света, — то, согласно г-ну Рикардо, который, надо полагать, знает об этом несколько больше, нежели «Times», весь строй английского общества проникнут смертельным антагонизмом трех классов, являющихся главными действующими силами производства.

Презрительно насмехаясь над революционным французским социализмом, газета «Times» невольно бросает алчные взоры

в сторону императорского французского социализма* и была бы рада выставить его перед Джоном Булем в качестве примера для подражания, так как только что получила от главного проводника этого социализма, Crеdit Mobilier[28], «Отчет правления на очередном общем собрании акционеров 23 апреля 1856 г. под председательством г-на Перейры» в виде сообщения на трех убористых столбцах. Этот отчет, возбудивший завистливое восхищение акционеров «Times» и ослепивший рассудок ее редактора, таков:

ПАССИВ
на 31 декабря 1855 г.

	Франков	Сантимов
Капитал Общества	60 000 000	00
Сальдо по текущим счетам возросло с 31 декабря 1854 г. с 64 924 379 фр. до	103 179 308	64
Сумма векселей к оплате кредиторам и прочие счета	864 414	81
Резервный капитал	1 696 083	59
Сумма прибылей, полученных в 1855 г., за вычетом суммы, подлежащей перечислению в резервный капитал	26 827 901	32
Итого	192 567 708	36

АКТИВ

	Франков	Сантимов
В наличии: 1. Рента	40 069 264	40
2. Облигации	32 844 600	20
3. Железнодорожные и прочие акции	59 431 593	66
Итого	132 345 458	26
Из чего надлежит вычесть суммы, не истребованные до 31 декабря	31 166 718	62
Сальдо актива	101 178 739	64

* См. настоящий том, стр. 25. *Ред.*

	Франков	Сантимов
Срочные вклады в казначейских обязательствах, пролонгации, ссуды под акции, облигации и т. д.	84 325 390	09
Стоимость зданий и обстановки	1 082 219	37
Денежная наличность в кассе и в банке и дивиденды, которые должны были быть получены 31 декабря	5 981 359	26
Общая сумма актива	192 567 708	36
Общая сумма ренты, акций и облигаций в наличии на 31 декабря 1854 г.	57 460 092	94
Подписки и покупка таковых в течение 1855 г.	265 820 907	03
Итого	323 280 999	97
Сумма от реализации составила 217 002 431 фр. 34 сантима		
К этой сумме надо прибавить сумму ценных бумаг, остающуюся в наличии, — 132 345 458 фр. 26 сантимов	349 347 889	60
Отсюда получается прибыль в	26 066 889	63

Прибыль в 26 млн. на капитал в 60 млн., то есть прибыль в $43^1/_3$%, — это в самом деле соблазнительная цифра. И какую только деятельность ни развил этот удивительный Mobilier со своим «грандиозным» капиталом что-то около 12 млн. долларов! Имея на руках 60 млн. франков, он подписался на французские займы сначала на сумму в 250 млн. и затем еще на 375 миллионов; он приобрел долю в главных железных дорогах Франции; он предпринял выпуск займа по договору с Австрийским обществом государственных железных дорог; он стал пайщиком Западной и Центральной железных дорог Швейцарии; он принял участие в крупной операции, имевшей своей целью сооружение каналов в бассейне реки Эбро от Сарагосы до Средиземного моря; он приложил руку к слиянию парижских омнибусных предприятий и к учреждению Всеобщей морской компании; своим вмешательством он осуществил слияние всех старых газовых компаний Парижа в одно предприятие; по его собственному признанию, он сделал народу подарок в 500000 фр., продавая ему хлеб ниже рыночной цены; своими займами он решал вопросы мира и войны, создавал новые и поддерживал старые железнодорожные линии, освещал города, стимулировал развитие промышленности и торговую спекуляцию и, наконец, распространил свое влияние за пределы

Франции, разбросав плодоносные семена подобных же учреждений по всему европейскому континенту.

Таким образом, Crédit Mobilier представляет собой одно из самых любопытных экономических явлений нашего времени, подлежащее самому основательному рассмотрению. Без такого изучения невозможно ни определить перспективы Французской империи, ни понять симптомы всеобщего социального потрясения, проявляющиеся во всей Европе. Прежде всего мы рассмотрим то, что правление называет своими теоретическими принципами, а затем проверим, как они осуществляются на практике. До сих пор, как сообщается в отчете, эти принципы были осуществлены лишь частично, но в будущем они получат несравненно более широкое развитие.

Принципы этой компании изложены в ее уставе и в ряде отчетов, представленных акционерам, но главным образом в первом из них. Согласно вступительной части устава,

«учредители Crédit Mobilier, принимая во внимание важные услуги, которые может оказать учреждение Общества, имеющего своей целью поощрять развитие общественных работ, а также производить конверсию различных ценных бумаг всевозможных предприятий посредством консолидации их в один общий фонд, постановили осуществить столь полезный план и поэтому объединились для основания анонимного общества под названием Главного общества Crédit Mobilier».

Наши читатели должны иметь в виду, что под словами «анонимное общество» французы разумеют акционерную компанию с ограниченной ответственностью акционеров и что образование такого общества зависит от привилегии, которую правительство жалует по своему усмотрению.

Итак, Crédit Mobilier ставит себе целью, во-первых, «поощрять развитие общественных работ», что значит поставить общественные работы в полную зависимость от благоусмотрения Crédit Mobilier, а стало быть, и от личного благоусмотрения Бонапарта, от воли которого зависит существование этой Компании. Правление не преминуло указать, с помощью каких средств оно предполагает распространять свое покровительство и покровительство своего державного создателя над всей промышленностью Франции. Различные промышленные предприятия, принадлежащие акционерным компаниям, представлены различными ценными бумагами — акциями, обязательствами, бонами, облигациями и т. д. Разумеется, эти разнообразные бумаги расцениваются на денежном рынке различно в зависимости от вложенного в них капитала, от приносимой ими прибыли, от различного соотношения спроса и предложения их и от прочих экономических условий.

Что же предлагает Credit Mobilier? Просто заменить все эти различные ценные бумаги, выпущенные различными акционерными компаниями, едиными акциями, выпущенными самим Credit Mobilier. Но как он сможет осуществить это? Посредством скупки ценных бумаг различных промышленных предприятий на средства, которые Credit Mobilier получает от выпуска своих собственных акций или других бумаг. Но скупить все боны, акции, облигации и т. д., — словом, все ценные бумаги какого-либо предприятия, — это значит купить само предприятие. Таким образом, Credit Mobilier открыто признается в своем намерении сделать себя собственником, а Наполеона Малого[29] — верховным директором всей разнообразной промышленности Франции. Это и есть то, что мы называем императорским социализмом.

Для осуществления такой программы необходимы, конечно, финансовые операции; г-н Исаак Перейра, планируя деятельность Credit Mobilier, естественно, чувствует себя на скользкой почве и вынужден поставить Обществу известные ограничения, на которые он смотрит как на чисто случайные и которые он намерен устранить в ходе развития Общества. Капитал Компании установлен в 60000000 фр., которые разделены на 120000 акций по 500 фр. каждая. Все операции Компании, как они определены в уставе, можно подразделить на три вида: во-первых, операции, необходимые для оказания поддержки промышленности, во-вторых, выпуск ценных бумаг Общества для замены или консолидации ценных бумаг различных промышленных предприятий; в-третьих, обычные банковские операции с государственными бумагами, коммерческими векселями и т. д.

Операции первой категории, рассчитанные на установление покровительства Компании над промышленностью, перечислены в статье 5 устава, которая гласит:

«Приобретать путем подписки или покупать государственные бумаги, акции или облигации различных промышленных предприятий или кредитных учреждений, организованных в виде анонимных обществ, особенно железных дорог, каналов, копей и других предприятий по организации общественных работ, как тех, которые уже функционируют, так и тех, которые должны быть созданы. Брать на себя выпуск всевозможных займов и их размещение, а также финансирование всех предприятий, связанных с общественными работами».

Мы видим, что эта статья идет уже дальше претензий, изложенных во вступительной части устава, ибо предполагает превратить Credit Mobilier не только в собственника подобных крупных промышленных предприятий, но также в слугу казначейства и владыку коммерческого кредита.

Операции второй категории, относящиеся к замене ценными бумагами, выпущенными Crеdit Mobilier, ценных бумаг всех прочих промышленных предприятий, включают в себя следующее:

«Выпускать собственные облигации Общества в размере, равном суммам, потребным для подписки на займы и приобретения промышленных ценных бумаг».

Статьи 7 и 8 определяют лимиты и характер облигаций, которые Компания уполномочена выпускать. Эти облигации или боны

«могут достигать суммы, в десять раз превышающей размеры капитала. Они всегда должны быть полностью покрыты государственными бумагами, акциями и облигациями, находящимися в портфеле Компании. Они могут быть оплачены не иначе, как по предварительном уведомлении, сделанном не менее чем за 45 дней. Общий размер сумм, поступивших на текущий счет, и облигаций, выпущенных менее чем на годовой срок, не должен превышать более чем вдвое реализованный капитал».

Наконец, третья категория операций связана с обращением коммерческих ценностей. «Компания принимает вклады до востребования». Она имеет право «продавать или давать в уплату за заем все виды принадлежащих ей государственных бумаг, кредитных документов, акций и облигаций и обменивать их на другие ценности». Она дает ссуды под «государственные бумаги, акции и облигации и открывает текущие счета под эти различные бумаги». Она предлагает анонимным обществам все услуги, которые обычно оказывают частные банки, а именно — получает все платежи на счета этих обществ, выплачивает их дивиденды, проценты и т. д. Она принимает в качестве вкладов ценные бумаги промышленных предприятий, но что касается проведения операций, связанных с коммерческими ценностями, векселями, варрантами и т. п., «то специально оговорено, что Общество не должно производить ни тайных продаж, ни покупок в целях получения премий».

Написано К. Марксом около 6 июня 1856 г.

Напечатано в «The People's Paper» № 214, 7 июня 1856 г. за подписью К. М. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4735, 21 июня 1856 г. без подписи

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune», сверенному с текстом «The People's Paper»

Перевод с английского

К. МАРКС

ФРАНЦУЗСКИЙ CRÉDIT MOBILIER

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Следует напомнить, что Бонапарт произвел свой coup d'état* под двумя диаметрально противоположными предлогами: с одной стороны, он объявил своей миссией спасение *буржуазии* и «экономического порядка» от красной анархии, которая якобы должна была начаться в мае 1852 г., с другой стороны — спасение трудового народа от буржуазного деспотизма, средоточием которого было Национальное собрание. Кроме того, ему необходимо было уплатить свои собственные долги, а также долги респектабельного сброда Общества Dix Décembre[30] и обогатить как себя, так и этот сброд за общий счет буржуазии и рабочих. Миссия этого человека, надо прямо признать, была полна затруднений противоречивого характера, ибо он был принужден выступать одновременно и как грабитель и как патриархальный благодетель всех классов. Он не мог давать одному классу, не отнимая у другого, он не мог удовлетворять свои собственные нужды и нужды своей клики без грабежа обоих классов. В эпоху Фронды[31] самым обязательным человеком во Франции называли герцога Гиза, ибо он все свои имения превратил в обязательства, держателями которых были его сторонники. Так и Бонапарт вознамерился стать самым обязательным человеком Франции посредством превращения всей собственности и всей промышленности Франции в личное обязательство, держателем которого был бы сам Луи Бонапарт. Украсть Францию, чтобы затем купить Францию, — такова была великая проблема, которую этот человек должен был

* — государственный переворот. *Ред.*

разрешить, и в этой сделке, заключавшейся в том, чтобы отнять у Франции то, что надлежало потом возвратить Франции, немаловажной стороной для него являлись проценты, которые при этом могли получить он сам и Общество десятого декабря. Как можно было примирить эти противоречивые притязания? Как можно было разрешить эту щекотливую экономическую проблему? Как распутать этот сложный узел? Весь разносторонний прошлый опыт Бонапарта указывал на одно великое средство, помогавшее ему выпутываться из самых серьезных экономических затруднений, — *кредит.* И как раз во Франции весьма кстати оказалась школа Сен-Симона, которая как при своем возникновении, так и во время своего упадка обольщала себя мечтой о том, что все классовые противоречия должны исчезнуть перед лицом всеобщего благоденствия, которое будет достигнуто благодаря некоему вновь изобретенному плану общественного кредита. Ко времени coup d'etat сен-симонизм в этой форме еще не окончательно умер. Был Мишель Шевалье, экономист из «Journal des Debats»[32], был Прудон, который пытался худшую часть сен-симонистской доктрины прикрыть маской эксцентричной оригинальности, и были, наконец, два португальских еврея, практически связанные с биржевой спекуляцией и Ротшильдом, которые в свое время были поклонниками отца Анфантена и которые на основании своего практического опыта имели смелость разглядеть за социализмом биржевую спекуляцию, за Сен-Симоном — Ло. Эти люди — Эмиль и Исаак Перейра — являются учредителями Credit Mobilier и инициаторами бонапартистского социализма.

Есть старая пословица: «Habent sua fata libelli»[*]. Доктрины, как и книги, тоже имеют свою *судьбу.* Сен-Симон в роли ангела-хранителя парижской биржи, пророка мошенничества, мессии всеобщего взяточничества и коррупции! Более жестокой иронии история не знает, кроме разве воплощения Сен-Жюста в человеке juste-milieu[**] — в Гизо, и Наполеона — в Луи Бонапарте.

Человеческая мысль не поспевает за ходом событий. В то время как мы, на основании изучения принципов Общества и экономической обстановки, указываем на неизбежность краха, предвещаемого самой конституцией Credit Mobilier, история уже работает над осуществлением наших предсказаний. В конце мая обанкротился на сумму в 10 млн. франков один из дирек-

[*] — «Книги имеют свою судьбу». *Ред.*
[**] — золотой середины. *Ред.*

торов Crеdit Mobilier, г-н Плас, который всего лишь за несколько дней до того был «представлен г-ном де Морни императору» как один из dieux de la finance. Les dieux s'en vont!* Почти в тот же самый день газета «Moniteur»[33] опубликовала новый закон о sociеtеs en commandite**, который, будто для того, чтобы сдержать спекулятивную горячку, отдает эти товарищества на произвол Crеdit Mobilier, ставя учреждение их в зависимость от воли правительства или Crеdit Mobilier. А английская пресса, которая даже не знает, что существует разница между sociеtеs en commandite и sociеtеs anonymes***, в жертву которым, таким образом, принесены первые, приходит в восторг от этого великого «благоразумного акта» бонапартистской мудрости, воображая, что французские спекулянты в ближайшем будущем приобретут солидность английских Садлеров, Спейдеров и Палмеров. В то же самое время закон о мелиорации, только что изданный знаменитым Corps Lеgislatif**** в прямое нарушение всего прежнего законодательства и Кодекса Наполеона, санкционирует экспроприацию должников по ипотекам в пользу правительства Бонапарта, который посредством этой махинации предполагает завладеть землей, подобно тому как при посредстве Crеdit Mobilier он завладевает промышленностью, а при посредстве Французского банка — торговлей Франции; и все это с целью спасти собственность от угрозы социализма!

Между тем мы считаем нелишним продолжить наш анализ Crеdit Mobilier, учреждения, которому, как мы думаем, суждено еще показать такие достижения, в сравнении с которыми вышеописанные представляют лишь скромное начало.

Мы видели, что основное назначение Crеdit Mobilier состоит в обеспечении капиталами таких промышленных предприятий, которые принадлежат анонимным обществам. Цитируем отчет г-на Исаака Перейры:

«По отношению к ценным бумагам, представляющим промышленный капитал, Crеdit Mobilier играет роль, аналогичную функциям, выполняемым учетными банками по отношению к ценным бумагам, представляющим торговый капитал. Первая обязанность этого Общества — способствовать развитию национальной промышленности, облегчать учреждение крупных предприятий, которые, будучи предоставлены самим себе, наталкиваются на большие препятствия. Его миссия в значительной мере облегчается том, что оно располагает различными недоступными для частных лиц способами осведомления и обследования, в целях правильной оценки действительного положения или перспектив предприятий,

* — финансовых богов. Боги уходят! *Ред.*
** — командитных товариществах. *Ред.*
*** — анонимными обществами. *Ред.*
**** — Законодательным корпусом. *Ред.*

обращающихся к нему за помощью. В периоды процветания наше Общество будет служить путеводителем для капитала, стремящегося найти прибыльное применение; в моменты затруднений его назначение состоит в том, чтобы предоставлять свои богатые ресурсы для поддержания занятости рабочих и смягчения кризисов, вызываемых быстрин сокращением капиталов. Усилия, которые наше *Общество* будет прилагать к тому, чтобы вкладывать свой капитал во все предприятия только в таких размерах и на такие ограниченные сроки, которые позволят изымать его без риска, дадут ему возможность умножать своя операция, оплодотворять в короткое время большое число предприятий и уменьшать риск своего сотрудничества путем увеличения partial commandites» (вложений в акции).

Ознакомившись с тем, каким образом Исаак развивает идеи Бонапарта, мы считаем важным взглянуть также и на то, каким образом Бонапарт комментирует идеи Исаака; этот комментарий можно найти в представленном Бонапарту министром внутренних дел* 21 июня 1854 г. докладе относительно принципов деятельности и управления Credit Mobilier:

«Среди всех кредитных учреждений, существующих в мире, Французский банк справедливо считается таким, которое может похвалиться самой прочной организацией» (такой прочной, что небольшая февральская буря 1848 г. опрокинула бы его в один день, если бы не поддержка, оказанная ему Ледрю-Ролленом и К°; временное правительство не только приостановило обязательства Французского банка оплачивать свои банкноты звонкой монетой и таким образом повернуло вспять толпу держателей банкнот и бон, запрудившую все ведущие к нему улицы, но также дало ему право выпустить банкноты достоинством в 50 фр., в то время как при Луи-Филиппе ему никогда не разрешалось выпускать банкноты достоинством ниже 500 франков; таким образом, правительство не только покрыло своим кредитом неплатежеспособность Банка, но в придачу заложило ему государственные леса за привилегию получать кредит для государства). «Французский банк является одновременно и опорой и путеводителем для нашей торговли, и его материальное и моральное влияние создает для нашего рынка весьма ценную устойчивость». (Эта «устойчивость» такова, что французы переживают регулярный промышленный кризис всякий раз, когда Америка и Англия отделываются лишь небольшим крахом в своей торговле.) «Благодаря осторожности и благоразумию, которые дают направление всем его операциям, это замечательное учреждение выполняет, таким образом, роль регулятора. Но коммерческий гений прежде всего нуждается в поощрении, чтобы произвести на свет все чудеса, которыми он чреват; и именно потому, что спекуляция во Франции строжайше ограничена, не было никакого неудобства, а напротив, было большое преимущество в том, чтобы рядом с Французским банком было создано учреждение, задуманное в плане совсем других идей, которое в сфере промышленности и торговли должно было быть носителем духа инициативы.

К счастью, образец для такого учреждения уже существовал: его родиной была страна, прославленная своей исключительной аккуратностью, благоразумием и солидностью, которыми были отмечены все ее коммерческие операции. Ставя на службу всякой здоровой идеи и всякого полезного предприятия свой капитал, свой кредит и свой моральный

* — Персиньи. *Ред.*

авторитет, Всеобщая нидерландская компания. расширила в Голландии сеть каналов, произвела мелиоративные работы и тысячи прочих улучшений, которые во стократ подняли стоимость собственности. Почему бы и Франции таким же образом не извлекать выгоды при помощи учреждения, преимущества которого были доказаны столь блестящим опытом? Вот та мысль, которая привела к созданию Crеdit Mobilier на основе декрета от 18 ноября 1852 года.

Согласно своему уставу, это Общество может, помимо прочих операций, покупать и продавать ценные бумаги государственных и публично-правовых учреждений или промышленные акции, давать и брать под них ссуды, брать на себя реализацию государственных займов и, короче говоря, выпускать свои долгосрочные обязательства на сумму приобретаемых этим путем ценных бумаг.

Таким образом, Общество имеет в своих руках средства привлекать и в любой момент сосредоточивать при выгодных условиях значительные богатства. От правильного употребления этих капиталов и зависит плодотворная деятельность данного учреждения. В самом деле, Общество может по своему усмотрению производить вложения (commanditer) в промышленность, приобретать долю в различных предприятиях, участвовать в долгосрочных операциях, то есть делать все то, что Французскому банку и Учетному банку запрещено их уставами; словом, Общество свободно в своих действиях и может менять направление своей деятельности в зависимости от потребностей коммерческого кредита. Если среди постоянно возникающих предприятий оно сумеет распознавать такие, которые могут плодотворно функционировать; если своевременным вмешательством при помощи имеющихся в его распоряжении огромных средств оно поможет выполнить работы, которые сами по себе весьма продуктивны, но требуют для своего выполнения необычайно продолжительного времени и которые в противном случае хиреют; если его сотрудничество будет верным показателем полезности идеи или правильности проекта, то общество Crеdit, Mobilier заслужит и приобретет всеобщее одобрение; свободный капитал будет направляться в своей массе по таким каналам, где покровительство Общества обеспечит ему наиболее верное применение. Таким образом, в силу примера и авторитета, которые сделают привлекательной всякую оказываемую им поддержку, больше даже чем в силу какой-либо материальной помощи, это Общество станет участником в осуществлении всех общественно-полезных идей. Этим путем оно даст мощный толчок развитию промышленности и повсюду будет стимулировать дух изобретательности».

Мы постараемся при первой возможности показать, как все эти высокопарные фразы едва прикрывают простой план вовлечения всей промышленности Франции в водоворот парижской биржи и превращения ее в теннисный мяч для господ из Crеdit Mobilier и их патрона — Бонапарта.

Написано К. Марксом около 12 июня 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4737, 24 июня 1856 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ФРАНЦУЗСКИЙ CRÉDIT MOBILIER

(СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ)

Надвигающийся крах бонапартовских финансов продолжает заявлять о себе в самых разнообразных формах. 31 мая граф Монталамбер, возражая против законопроекта о повышении почтового тарифа за пересылку всей печатной продукции, книги т. п., произнес следующую речь, в которой звучала нота тревоги:

«Всякая политическая жизнь была подавлена, но что ее сменило? Вихрь спекуляции. Великая французская нация не могла обречь себя на спячку, на бездействие. Место политической жизни заняла горячка спекуляции, жажда прибыли, увлечение биржевой игрой. Повсюду, даже в наших маленьких городках, даже в наших деревнях, людей охватила мания быстрой наживы — чему имеется бесчисленное множество примеров, — наживы состояний, приобретенных без хлопот, без труда и часто бесчестным путем. Мне не надо искать каких-либо других доказательств, помимо только что представленного вам законопроекта против sociétés en commandite*. Он нам только что роздан; у меня не было времени прочесть его, однако я склонен поддержать его, несмотря на несколько драконовские меры, которые на мой взгляд в нем имеются. Если лекарство столь необходимо и оно такое серьезное, то, надо думать, и сама болезнь не менее серьезна. Истинная причина этой болезни кроется в том, что всякая политическая мысль во Франции уснула... Но болезнь, на которую я здесь указываю, не единственное зло, вытекающее из того же самого источника. В то время как высшие и средние классы — эти старые политические классы — предаются спекуляции, иная деятельность развертывается среди низших классов общества, движение которых порождало почти все революции, пережитые Францией. Видя это страшное увлечение биржевой игрой, превратившей почти всю Францию в огромный игорный балаган, часть людей, подпавшая под влияние социалистов, как никогда прежде была развращена жаждой наживы. Отсюда бесспорный

* — командитных товариществ. *Ред.*

рост тайных обществ, более мощное и глубокое развитие тех диких страстей, которые, можно сказать, порочат социализм, называя себя его именем. Эти страсти со всей силой проявились недавно на судебных процессах в Париже, Анже и других местах».

Так говорит Монталамбер, один из первых акционеров бонапартовской фирмы в защиту порядка, религии, собственности и семьи!

От Исаака Перейры мы слышали, что одним из секретов Credit Mobilier является правило: умножать свои операции и уменьшать свой риск, вступая в самые разнообразные предприятия и как можно скорее покидая их. Но что означает это правило, если снять с него покров цветистых фраз сен-симонизма? Оно означает: приобретать в широчайших размерах акции, бросать их в наибольшее количество спекуляций и, заработав на этом премии, сбывать эти акции с рук по возможности быстрее. Это значит, что основой промышленного развития должна служить биржевая игра, или, точнее говоря, вся промышленная деятельность должна стать лишь предлогом для биржевой спекуляции. С помощью какого же орудия может быть достигнута эта цель Credit Mobilier? Какие предлагаются средства для того, чтобы дать ему, таким образом, возможность «умножать свои операции» и «уменьшать свой риск»? Да те же самые, какие использовал Ло. Так как Credit Mobilier является привилегированной компанией, пользующейся поддержкой правительства и располагающей сравнительно крупным капиталом и кредитом, то не подлежит сомнению, что акции каждого созданного им нового предприятия при первом выпуске будут продаваться на рынке с премией. Credit Mobilier научился у Ло распределять среди своих собственных акционеров новые акции по номинальной цене, пропорционально количеству акций, которое они имеют в материнском обществе. Прибыль, которая обеспечивается таким образом этим акционерам, прежде всего влияет на стоимость акций самого Credit Mobilier, а высокий курс этих акций, в свою очередь, обеспечивает высокую стоимость новых акций, подлежащих выпуску. Таким путем Credit Mobilier приобретает контроль над значительной частью ссудного капитала, предназначенного для вложения в промышленные предприятия.

Итак, помимо того факта, что получение прибыли составляет подлинную ось, вокруг которой вращается деятельность Credit Mobilier, его целью, очевидно, является воздействие на капитал/способом, совершенно противоположным операциям коммерческих банков. Коммерческий банк своими учетными операциями, ссудами и выпуском банкнот высвобождает временно

закрепленный капитал, тогда как Credit Mobilier закрепляет фактически свободный капитал. Железнодорожные акции, например, могут весьма свободно обращаться, но капитал, который они представляют, то есть капитал, вложенный в постройку железной дороги, является закрепленным. Фабрикант, который вложил бы в фабричные здания и машинное оборудование часть своего капитала, несоразмерную с частью, предназначенной для заработной платы и для покупки сырья, скоро был бы вынужден закрыть свою фабрику. То же самое верно и по отношению к стране в целом. Почти каждый торговый кризис в наше время связан с нарушением надлежащей пропорции между свободным и закрепленным капиталом. Каков же должен быть, в таком случае, результат деятельности учреждения, подобного Credit Mobilier, прямая цель которого заключается в том, чтобы закреплять как можно большую часть ссудного капитала страны, вложив его в железные дороги, каналы, копи, доки, пароходы, металлургические заводы и прочие промышленные предприятия, не считаясь с производительными возможностями страны?

Согласно своему уставу, Credit Mobilier может покровительствовать лишь таким промышленным предприятиям, которые ведутся анонимными обществами, или акционерными компаниями с ограниченной ответственностью. В результате неизбежно возникает тенденция создавать возможно большее число таких обществ и вместе с тем придавать всем промышленным предприятиям форму этих обществ. Конечно, нельзя отрицать, что применение формы акционерных компаний в промышленности знаменует новую эпоху в экономической жизни современных народов. С одной стороны, оно обнаружило такие производственные возможности объединений, каких раньше и не подозревали, и вызвало к жизни промышленные предприятия в масштабе, недоступном для усилий отдельных капиталистов; с другой стороны, не следует забывать, что в акционерных компаниях объединяются не отдельные лица, а капиталы. Благодаря этой манипуляции собственники превратились в акционеров, то есть в спекулянтов. Концентрация капиталов ускорилась, и, как ее естественный результат, ускорилось разорение мелкой буржуазии. Появился особый род промышленных королей, власть которых находится в обратном отношении к их ответственности, поскольку они несут ответственность лишь в размере имеющихся у них акций, между тем как распоряжаются всем капиталом Общества. Они образуют более или менее постоянный элемент, в то время как состав массы акционеров подвержен непрерывному изменению и

обновлению. Обладая и влиянием и богатством данного Общества, промышленные короли в состоянии подкупать его отдельных бунтующих членов. Ниже этого олигархического совета директоров стоит бюрократическая группа управляющих и служащих Общества, выполняющих практическую работу, а непосредственно под ними—огромная, ежедневно растущая масса простых наемных рабочих, зависимость и беспомощность которых возрастает пропорционально размерам нанимающего их капитала, но которые, в свою очередь, становятся все более опасными по мере сокращения числа представителей этого капитала. Бессмертная заслуга Фурье в том, что он предсказал эту форму современной промышленности, назвав ее *промышленным феодализмом*[34]. Несомненно, ни г-н Исаак Перейра, ни г-н Эмиль Перейра, ни г-н Морни, ни г-н Бонапарт не могли изобрести этого. И до их эпохи существовали банки, кредитовавшие промышленные акционерные компании. Что касается их, то они изобрели акционерный банк, который стремится к монополизации прежде раздробленной и многообразной деятельности частных ростовщиков и руководящим принципом которого должно быть создание огромного количества промышленных компаний не с целью производительных капиталовложений, а просто ради спекулятивных прибылей. Новая идея, которую они придумали, — это превращение промышленного феодализма в данника биржевой спекуляции.

Согласно уставу, капитал Crédit Mobilier установлен в размере 60000000 франков. Тот же самый устав разрешает Обществу принимать в депозит на текущие счета сумму, вдвое превышающую капитал, то есть 120000000 франков. Таким образом, сумма, находящаяся в распоряжении Общества, составляет всего 180000000 франков. Сравнительно со смелым планом осуществлять покровительство над всей промышленностью Франции — это, конечно, очень небольшая сумма. Но вряд ли две трети этой суммы — именно потому, что они подлежат возврату по первому требованию — можно употребить на покупку промышленных акций или таких ценностей, в отношении которых нет гарантии, что они могут быть немедленно реализованы. По этой причине устав открывает для Crédit Mobilier другой источник. Устав разрешает Обществу выпускать облигации на сумму, в десять раз превышающую первоначальный капитал, то есть на 600000000 франков; другими словами, учреждение, предназначенное для того, чтобы ссужать деньгами весь мир, имеет право выступать на рынке как заемщик суммы, в десять раз превышающей его собственный капитал.

«Наши облигации», — говорит г-н Перейра, — «будут двоякого рода. Одни из них, выпускаемые на короткий срок, должны находиться в соответствии с нашими различными временными вложениями».

Облигации этого рода нас здесь не интересуют, ибо в силу статьи 8 устава они подлежат выпуску только с целью пополнить сумму, недостающую до тех 120000000 фр., которые должны быть получены на текущий счет и которые полностью были получены таким путем. Что касается облигаций другой категории, то

«они выпускаются с отдаленными сроками уплаты, подлежат погашению посредством выкупа и будут находиться в соответствии с вложениями, подобными тем, которые мы сделаем либо в государственные бумаги, либо в акции и облигации промышленных компаний. Согласно системе материальных средств, которая служит основой нашей ассоциации, эти ценные бумаги не только будут обеспечены соответствующей суммой фондов, приобретенных под контролем правительства, суммой, которая в целом предоставит, благодаря применению принципа взаимности, преимущества компенсации и разделения риска, но будут иметь, кроме того, гарантию капитала, который для этой цели мы увеличили до значительных размеров».

Итак, эти облигации Crédit Mobilier являются попросту подражанием железнодорожным бонам — облигациям, подлежащим выкупу в определенные сроки и на определенных условиях и приносящим фиксированный процент. Но есть и разница. Если железнодорожные боны часто обеспечиваются закладной на самое железную дорогу, то чем обеспечиваются облигации Crédit Mobilier? Рентой, акциями, облигациями и т. п. бумагами промышленных компаний, которые Crédit Mobilier приобретает за свои собственные облигации. В таком случае, что же выигрывают от выпуска облигаций? Разницу между процентом, который подлежит уплате по облигациям Crédit Mobilier, и процентом от акций и прочих ценных бумаг, в которые Общество поместило свой заем. Чтобы сделать эту операцию достаточно прибыльной, Crédit Mobilier должен помещать капитал, приобретенный посредством выпуска его облигаций, в то, что обещает наиболее прибыльный доход, то есть в акции, подверженные большим колебаниям и изменениям в цене. Поэтому главное обеспечение облигаций Общества будет состоять из акций тех самых промышленных компаний, которые оно же и будет основывать.

Таким образом, в то время как железнодорожные боны обеспечены капиталом по меньшей мере вдвое большим, облигации Crédit Mobilier обеспечены только номинально равновеликим капиталом, который, однако, должен уменьшаться с каждым понижательным движением курса на фондовой бирже. Соот-

ветственно этому держатели этих облигаций разделяют весь риск акционеров, не участвуя в их прибылях.

«Но держатели облигаций», — говорится в последнем годовом отчете, — «имеют не только гарантию в виде тех вложений, в которые он» (то есть Credit Mobilier) «поместил свои займы, но также гарантию в виде его первоначального капитала».

Первоначальный капитал в 60000000 фр., ответственный за 120000000 фр. вкладов, должен к тому же служить гарантией для облигаций на 600000000 фр., помимо гарантий, какие ему, быть может, придется предоставлять неограниченному количеству предприятий, которые Credit Mobilier имеет право основывать. Если бы Обществу удалось обменять акции всех промышленных компаний на свои собственные облигации, то оно действительно стало бы верховным распорядителем и собственником всей промышленности Франции, а масса прежних собственников оказалась бы на пенсии с определенным доходом, равным проценту с облигаций. Однако на пути к осуществлению этой цели наглых авантюристов остановит банкротство, которое последует в силу вышеизложенных экономических условий. Впрочем, эта маленькая неприятность не осталась вне поля зрения действительных учредителей Credit Mobilier; напротив, они включили ее в свои расчеты. Когда наступит этот крах, когда в него окажутся вовлеченными интересы огромной массы французов, тогда правительство Бонапарта будет иметь видимое основание вмешаться в дела Credit Mobilier, подобно тому как английское правительство в 1797 г. вмешалось в дела Английского банка[35]. Некогда регент Франции[*], достойный предок Луи-Филиппа, пытался отделаться от государственного долга путем конверсии государственных облигаций в облигации банка Ло; Луи Бонапарт, этот императорский социалист, попытается захватить французскую промышленность путем конверсии облигаций Credit Mobilier в государственные облигации. Окажется ли он более платежеспособным, нежели Credit Mobilier? Вот в чем вопрос.

Написано К. Марксом в конце июня 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4751, 11 июля 1856 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — Филипп Орлеанский. *Ред.*

К. МАРКС

* РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ

Несмотря на то, что известия, доставленные вчера пароходом «Азия», датированы тремя днями позже, чем наши прежние сообщения, они не содержат ничего такого, что указывало бы на близкий конец гражданской войны в Испании. Хотя в Мадриде coup d'etat[*], произведенный О'Доннелем, увенчался успехом[36], все же этот успех нельзя еще считать окончательным. Французская газета «Moniteur», которая сначала изображала восстание в Барселоне как простой бунт, вынуждена теперь признать, что «столкновение там было весьма ожесточенным, однако успех войск королевы можно считать обеспеченным». Согласно версии этой официальной газеты, бои в Барселоне длились с 5 часов пополудни 18 июля до того же самого часа 21 июля, то есть ровно три дня, пока «мятежники», как сообщается, не были вытеснены из своих кварталов и не бежали из города, преследуемые кавалерией. Утверждают, впрочем, что в руках восставших продолжают еще оставаться несколько городов в Каталонии, в том числе Жерона, Ла-Джункера и несколько менее значительных пунктов. Кроме того, есть сведения, что Мурсия, Валенсия и Севилья выступили со своими pronunciamientos[**] против coup d'etat, что батальон гарнизона Памплоны, направленный губернатором этого города против Сории, уже в пути объявил себя противником правительства и двинулся на соединение с восставшими в Сарагосе и что, наконец, в Сарагосе, ставшей с самого начала признанным центром сопротивления, генерал Фалькон произвел смотр

[*] — государственный переворот. *Ред.*

[**] — военными мятежами. *Ред.*

отряду в 16000 солдат линейной пехоты, усиленному 15000 бойцов милиции и окрестных крестьян.

Во всяком случае французское правительство считает, что «восстание» в Испании еще не подавлено, и Бонапарт, никоим образом не довольствуясь отправкой целого ряда батальонов для прикрытия границы, приказал одной бригаде продвинуться к Бидасоа, причем эта бригада пополняется до состава дивизии подкреплениями из Монпелье и Тулузы. Кроме того, согласно приказам, отправленным прямо из Пломбьера 23 июля, непосредственно из лионской армии выделена, по-видимому, еще одна дивизия, которая теперь находится на марше к Пиренеям, где в настоящее время собран целый corps d'observation[*] в 25000 человек. Если те, кто оказывает сопротивление правительству О'Доннеля, будут в состоянии удержать свои позиции, если их сопротивление будет настолько сильным, что заставит Бонапарта прибегнуть к вооруженному вмешательству на Пиренейском полуострове, то coup d'e̲tat в Мадриде может еще послужить сигналом к поражению coup d'e̲tat в Париже[37].

Если присмотреться ко всему сюжету в целом и к dramatis personae[**], то этот испанский заговор 1856 г. представится нам простым повторением подобной же попытки 1843 г.[38], конечно, с некоторыми небольшими изменениями. Тогда, как и теперь, Изабелла находилась в Мадриде, а Кристина — в Париже; руководил движением из Тюильри вместо Луи Бонапарта Луи-Филипп; на одной стороне были Эспартеро и его auacuchos[39], на другой — О'Доннель, Серрано, Конча, а также Нарваэс, находившийся тогда на авансцене, теперь же остающийся на заднем плане. В 1843 г. Луи-Филипп отправил сушей два миллиона золотом, а морем — Нарваэса и его друзей, поскольку договор об испанских браках был заключен между ним и мадам Муньос[40]. На соучастие Бонапарта в испанском coup d'e̲tat — Бонапарта, который, возможно, договорился о браке своего кузена, принца Наполеона, с какой-нибудь мадемуазель Муньос и который, во всяком случае, вынужден по-прежнему разыгрывать роль подражателя своему дяде[***], — на это соучастие указывают не только неистовые нападки «Moniteur» в течение двух последних месяцев на коммунистические заговоры в Кастилии и Наварре; не только поведение до, во время и после coup d'e̲tat французского посла в Мадриде г-на де Тюрго, того самого человека, который был министром иностранных дел по время собственного coup d'e̲tat Бонапарта;

[*] — наблюдательный корпус. *Ред.*
[**] — действующим лицам драмы. *Ред.*
[***] — Наполеону I. *Ред.*

не только то, что герцог Альба, шурин Бонапарта, оказался в роли председателя нового ayuntamiento* в Мадриде сразу после победы О'Доннеля; не только то, что Рос де Олано, старый приверженец партии французской ориентации, первым получил предложение занять место в министерстве О'Доннеля, и, наконец, не только то, что Нарваэс был отправлен Бонапартом в Байонну, как только первые известия о событии достигли Парижа. Об этом соучастии можно было догадаться еще раньше на основании того, что большое количество боеприпасов было отправлено из Бордо в Байонну за две недели до нынешнего кризиса в Мадриде. Но главным свидетельством этого соучастия служит план действий О'Доннеля во время его разбойничьего набега на население этого города. В самом начале О'Доннель объявил, что он не остановится перед тем, чтобы взорвать Мадрид, и во время военных действий он поступал именно так, как говорил. Однако О'Доннель, хоть он и дерзкий малый, никогда не решался на смелый шаг, не обеспечив себе безопасного отступления. Подобно своему пресловутому дядюшке, герою предательства, он никогда не сжигал за собой мостов, переходя Рубикон. У О'Доннелей воинственность удивительным образом сдерживается осторожностью и скрытностью. Совершенно ясно, что всякому генералу, который угрожал бы обратить столицу в пепел, а потом потерпел бы неудачу в своей попытке, пришлось бы поплатиться своей головой; Как же О'Доннель решился вступить на столь скользкий путь? Этот секрет выдает нам «Journal des Debats», лейб-орган королевы Кристины.

«О'Доннель ожидал, что предстоит большое сражение и что победа, по меньшей мере, достанется недешево. Он предвидел также и возможность поражения. Если бы случилось такое несчастье, то маршал с остатками своей армии покинул бы Мадрид, сопровождая королеву, и направился бы в северные провинции с целью приблизиться к французской границе».

Не похоже ли все это на то, что он составил свой план вместе с Бонапартом? Точь-в-точь такой же план был согласован в 1843 г. между Луи-Филиппом и Нарваэсом, а этот план, в свою очередь, представлял собой копию тайного соглашения между Людовиком XVIII и Фердинандом VII в 1823 году[41].

Установив это явное сходство между испанскими заговорами 1843 и 1856 гг., мы все же должны отметить, что оба эти движения имеют немало и отличительных черт, свидетельствующих о том, какой огромный шаг вперед сделал испанский

* — муниципалитета. *Ред.*

народ в течение столь короткого времени. Этими отличительными чертами являются: политический характер недавней борьбы в Мадриде, ее важное военное значение и, наконец, разница в положении Эспартеро, с одной стороны, и О'Доннеля—с другой, в 1856 г. по сравнению с соответствующим положением Эспартеро и Нарваэса в 1843 году. В 1843 г. Эспартеро надоел всем партиям. С целью отделаться от него была создана мощная коалиция из moderados и progresistas[42]. Революционные хунты, выраставшие как грибы во всех городах, подготовили путь для Нарваэса и его сторонников. В 1856 г. мы не только видим двор и армию на одной стороне, а народ — на другой, но и в рядах самого народа мы находим то же деление, что и в остальной Западной Европе. 13 июля министерство Эспартеро вынуждено было выйти в отставку; в ночь с 13-го на 14-е был сформирован кабинет О'Доннеля; утром 14-го распространился слух, что О'Доннель, которому была поручено формирование кабинета, пригласил вступить в него Риос-Росаса, зловещего министра кровавых июльских дней 1854 года[43]. В 11 часов утра «Gaceta»[44] подтвердила этот слух. Тогда собрались кортесы, поскольку в наличии имелось 93 депутата. Согласно регламенту этого учреждения, достаточно требования 20 депутатов, чтобы созвать заседание, а 50 депутатов образуют кворум. Кроме того, сессия кортесов формально не была прервана. Председатель, генерал Инфанте, не мог не подчиниться всеобщему желанию созвать очередное заседание. Была внесена резолюция, в которой говорилось, что новый кабинет не пользуется доверием кортесов и что об этом надо поставить в известность ее величество. Одновременно кортесы потребовали от национальной гвардии быть готовой к действию. Их комитет с резолюцией недоверия направился к королеве в сопровождении отряда национальной милиции. Когда депутаты попытались войти во дворец, их прогнал отряд линейной пехоты, обстрелявший самих депутатов и их эскорт. Этот инцидент послужил сигналом к восстанию. Приказ начать постройку баррикад был дан кортесами в 7 часов вечера, но непосредственно вслед за этим их заседание было разогнано войсками О'Доннеля. Бои начались в ту же ночь, причем только один батальон национальной милиции присоединился к королевским войскам. Следует заметить, что уже утром 13-го сеньор Эскосура, министр внутренних дел в правительстве Эспартеро, телеграфировал в Барселону и Сарагосу о том, что назревает coup d'etat и что необходимо подготовиться к сопротивлению. Во главе восставших в Мадриде стояли сеньор Мадос и генерал Вальдес, брат Эскосуры. Словом, не может

быть сомнения, что сопротивление coup d'etat исходило из среды эспартеристов, горожан и вообще либералов. В то время как они вместе с милицией расположились по линии, пересекающей Мадрид с востока на запад, рабочие под предводительством Пучеты заняли южные и часть северных кварталов города.

Утром 15-го О'Доннель взял инициативу в свои руки. Даже согласно пристрастному свидетельству «Debats», О'Доннель в течение первой половины дня не добился сколько-нибудь заметного успеха. Внезапно, около 1 часа дня, ряды национальной милиции начали рассеиваться без всякой видимой причины; в 2 часа они еще более поредели, а в 6 часов милиция вовсе исчезла с поля битвы, предоставив выдерживать всю тяжесть боя рабочим, которые сражались до 4 часов пополудни 16-го. Таким образом, в эти три дня кровавой бойни было два различных сражения: первое вела либеральная милиция буржуазии при поддержке рабочих против армии, второе вела армия против рабочих, покинутых милицией. Как сказано у Гейне:

«Старинная сказка, но вечно
Останется новой она»*.

Эспартеро покидает кортесы, кортесы покидают командиров национальной гвардии, командиры покидают своих солдат, а солдаты покидают народ. Впрочем, 15-го, когда на миг появился Эспартеро, кортесы собрались снова. Сеньор Асенсио и другие депутаты напомнили ему о его неоднократных торжественных обещаниях обнажить свой знаменитый меч Лючаны[45] в первый же день, как только свобода страны окажется в опасности. Эспартеро призвал небо в свидетели своего непреклонного патриотизма, и, когда он покинул собрание, все были полны надежды, что его вскоре увидят во главе восстания. Вместо этого он отправился в дом генерала Гурреа, где спрятался в безопасный от бомб погреб a la Палафокс; и больше о нем никто ничего не слыхал. Командиры милиции, которые накануне вечером прилагали все усилия к тому, чтобы побудить своих людей взяться за оружие, теперь с таким же рвением стремились разойтись по своим домам. В 2 часа 30 минут пополудни генерал Вальдес, на несколько часов захвативший в свои руки командование милицией, собрал на Пласа Майор солдат, находившихся под его непосредственным начальством, и заявил им, что тот, кто обязан был ими командовать, не явился и что, следовательно, каждый из них волен уходить домой. Тогда национальные гвардейцы ринулись по

* Гейне. Стихотворение из цикла «Лирическое интермеццо». *Ред.*

своим домам, поспешили сбросить свои мундиры и спрятать свое оружие. Таков, в главных чертах, отчет, который приводится в одном хорошо осведомленном источнике. Другой источник объясняет эту внезапную капитуляцию перед заговорщиками боязнью того, что победа национальной гвардии означала бы падение монархии и полное торжество республиканской демократии. Парижская «Presse»[46] тоже дает понять, что маршал Эспартеро, увидя, какой оборот придали делу демократы на заседании конгресса, не захотел принести в жертву трон и ринуться навстречу превратностям анархии и гражданской войны; поэтому он сделал все, что было в его силах, чтобы содействовать успеху О'Доннеля.

Правда, различные авторы сообщают различные подробности относительно времени и обстоятельств, при которых было сломлено сопротивление coup d'etat; но все согласны в отношении одного главного пункта, а именно, что Эспартеро изменил кортесам, кортесы — вождям, вожди — буржуазии, а буржуазия — народу. Это является новой иллюстрацией характера большинства европейских боев 1848—1849 гг. и грядущих боев в западной части европейского континента. С одной стороны, имеется современная промышленность и торговля, естественная руководительница которых, буржуазия, питает отвращение к военному деспотизму; с другой стороны, как только она начинает борьбу против этого деспотизма, в борьбу вступают сами рабочие — продукт современной организации труда— и требуют причитающейся им доли плодов победы. Испуганная последствиями союза, навязанного ей таким образом против ее воли, буржуазия вновь отступает под защиту пушек ненавистного деспотизма. В этом — секрет существования постоянных армий в Европе, секрет, который иначе остался бы непонятным будущему историку. Итак, европейской буржуазии дали понять, что она должна либо подчиниться ненавистной ей политической власти и отказаться от преимуществ современной промышленности и торговли и основанных на них общественных отношений, либо пожертвовать привилегиями, которыми на первоначальной стадии развития современной организации производительных сил общества был наделен только лишь один класс. Есть нечто столь же поразительное, сколь и неожиданное в том, что подобный урок оказалось возможным извлечь даже из опыта Испании.

Написано К. Марксом 25 июля 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4775, 8 августа 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* РЕВОЛЮЦИЯ В ИСПАНИИ

Сарагоса сдалась 1 августа в 1 час 30 минут пополудни; таким образом, перестал существовать последний центр, оказывавший сопротивление испанской контрреволюции. С военной точки зрения оставалось мало шансов на успех после поражений в Мадриде и Барселоне, после столь слабой диверсии восставших в Андалузии и после концентрического наступления подавляющих сил из Баскских провинций, Наварры, Каталонии, Валенсии и Кастилии. А если и имелись какие-нибудь шансы на успех, то они были парализованы теми обстоятельствами, что силами сопротивления руководил старый адъютант Эспартеро, генерал Фалькон, что в качестве боевого клича был дан лозунг «Эспартеро и свобода» и что население Сарагосы узнало о небывало смехотворном фиаско, которое потерпел Эспартеро в Мадриде[47]. Кроме того, из главной квартиры Эспартеро был дан прямой приказ его подручным в Сарагосе прекратить всякое сопротивление; это показывает следующая выдержка из статьи в «Journal de Madrid»[48] от 29 июля:

> «Один из экс-министров правительства Эспартеро принял участие в переговорах, происходивших между генералом Дульсе и сарагосскими властями, а депутат кортесов Хуан Мартинес Алонсо, сторонник Эспартеро, взял на себя миссию уведомить вождей инсургентов, что королева, ее министры и генералы всей душой желают примирения».

Революционным движением была охвачена почти вся территория Испании — Мадрид и Ла-Манча в Кастилии; Гранада, Севилья, Малага, Кадис, Хаэн и другие в Андалузии; Мурсия и Картахена в провинции Мурсии; Валенсия, Аликанте, Альсира и другие в Валенсии; Барселона, Реус, Фигерас, Жерона

в Каталонии; Сарагоса, Теруэль, Уэска, Хака и другие в Арагоне; Овьедо в Астурии и Ла-Корунья в Галисии. Не было выступлений в Эстремадуре, Леоне и Старой Кастилии, где революционная партия была уничтожена два месяца тому назад с согласия и благословения Эспартеро и О'Доннеля; Баскские провинции и Наварра также оставались спокойными. В этих последних провинциях симпатии были, однако, на стороне революции, хотя они и не могли проявиться в присутствии французского наблюдательного корпуса. Это покажется тем более примечательным, если принять во внимание, что двадцать лет тому назад эти самые провинции являлись цитаделью карлизма[49], который пользовался в то время поддержкой крестьянства Арагона и Каталонии; однако на этот раз крестьяне весьма горячо поддерживали революцию и оказались бы самым грозным фактором сопротивления, если бы глупость вождей в Барселоне и Сарагосе не помешала использовать их энергию. Даже лондонская газета «Morning Herald»[50], правоверная поборница протестантизма, лет двадцать тому назад ломавшая копья за донкихотствующего рыцаря аутодафе дон Карлоса, озадачена этим фактом, который она имела честность открыто признать. Это один из многих признаков прогресса, выявившихся в Испании за время последней революции, прогресса, медленность которого удивит только тех, кто незнаком с своеобразными нравами и обычаями страны, где «a la manana»[*] есть лозунг повседневной жизни и где каждый готов сказать вам, что «нашим предкам понадобилось восемьсот лет, чтобы прогнать мавров».

Несмотря на повсеместное распространение pronunciamientos[**], революция в Испании захватила только Мадрид и Барселону. На юге она была подорвана cholera morbus[***], а на севере чумой — сиречь Эспартеро. С военной точки зрения, восстания в Мадриде и Барселоне представляют мало интересного и вряд ли обнаруживают какие-либо новые черты. У одной стороны — у армии — все было подготовлено заранее; у другой — все делалось на ходу; наступление от начала до конца вела только одна сторона. Здесь — хорошо оснащенная армия, послушная воле своих командующих; там — вожди, неохотно продвигающиеся вперед под напором плохо вооруженного народа. В Мадриде революционеры с самого начала допустили ошибку, запершись во внутренних частях города, расположившись на линии, соединяющей восточные и западные окраины;

[*] — «отложим до завтра». *Ред.*
[**] — военных мятежей. *Ред.*
[***] — эпидемией холеры. *Ред.*

сами же окраины были во власти О'Доннеля и Кончи, сообщавшихся друг с другом и с кавалерией Дульсе по внешним бульварам. Таким образом, повстанцы оказались изолированными и беспомощными против концентрической атаки, заранее задуманной О'Доннелем и его сообщниками. Стоило только О'Доннелю и Конче соединиться, как революционеры были рассеяны и загнаны в северные и южные кварталы города и в дальнейшем потеряли между собой всякую связь. Отличительной чертой мадридского восстания было малое количество баррикад, которые строили только на углах главных улиц, в то время как центрами сопротивления являлись дома; и восставшие — что совсем уж необычно для уличных боев — встречали наступающие колонны войск штыковыми атаками. Но если восставшие использовали опыт парижского и дрезденского восстаний[51], то и солдат эти восстания многому научили. Солдаты проламывали стены домов одну за другой, нападали на повстанцев с флангов и тыла, а выходы на улицу подвергались артиллерийскому обстрелу. Другой отличительной чертой этого сражения в Мадриде было то, что после соединения Кончи и О'Доннеля Пучета, будучи вытесненным в южный (Толедский) квартал города, перенес на улицы Мадрида приемы партизанской войны, применяемые в горах Испании. Повстанцы рассеялись и засели под арками церквей, в узких переулках, на лестницах домов и везде защищались до последней капли крови.

В Барселоне, где восстание вовсе было лишено руководства, борьба была еще более упорной. В военном отношении это восстание, подобно всем прежним выступлениям в Барселоне, потерпело неудачу потому, что цитадель, форт Монжуйк, осталась в руках армии. Насколько ожесточенной была борьба, показывает тот факт, что 150 солдат были сожжены в своих казармах в Грасии, предместье, за которое восставшие упорно дрались, после того как их уже вытеснили из Барселоны. Заслуживает внимания тот факт, что если в Мадриде, как мы уже писали в предыдущей статье, пролетариат был предан и покинут буржуазией[*], то барселонские ткачи объявили с самого начала, что они не хотят иметь ничего общего с движением, начатым эспартеристами, и потребовали провозглашения республики. Когда им было в этом отказано, они, за исключением тех, кого неудержимо привлекал запах пороха, остались пассивными зрителями сражения, которое, таким образом, было проиграно, ибо судьба всех восстаний в Барселоне решается двадцатью тысячами ее ткачей.

[*] См. настоящий том, стр. 42—43. *Ред.*

Испанская революция 1856 г. отличается от всех своих предшественниц тем, что она полностью утратила династический характер. Как известно, движение с 1804 по 1815 г. было национальным и династическим[52]. Хотя кортесы в 1812 г. провозгласили почти республиканскую конституцию, они действовали при этом от имени Фердинанда VII. Движение 1820— 1823 гг.[53], с его робким республиканизмом, было в общем преждевременным, и массы, к которым оно обращалось за поддержкой, не сочувствовали ему, ибо эти массы были привязаны к церкви и к короне. Королевская власть в Испании имела такие глубокие корни, что понадобилось завещание Фердинанда VII и воплощение противоположных принципов в двух ветвях династии, карлистской и кристинской, для того, чтобы борьба между старым и новым обществом приняла серьезный характер. Даже для того, чтобы бороться за новый принцип, испанцам нужно было знамя, освященное временем. Под такими знаменами и велась борьба с 1831 по 1843 год. Потом наступил конец революции, и новая династия получила возможность показать себя с 1843 по 1854 год. Революция в июле 1854 г. не могла не означать, таким образом, нападения на новую династию; но защитой невинной Изабеллы явилась всеобщая ненависть к ее матери, и народ бурно радовался не только своему собственному освобождению, но также и освобождению Изабеллы от ее матери и камарильи.

В 1856 г. завеса пала, и Изабелла сама бросила вызов народу, совершив coup d'etat*, который вызвал вспышку революции. Изабелла показала себя расчетливо-жестокой и трусливо-лицемерной, достойной дочерью Фердинанда VII, который сам был так лжив, что, несмотря на весь свой фанатизм, никогда, даже с помощью святой инквизиции, не мог поверить, что столь возвышенные личности, как Иисус Христос и его апостолы, говорили правду. Даже резня мадридцев, учиненная в 1808 г. Мюратом[54], выглядит как незначительное нарушение общественного порядка по сравнению с бойней 14—16 июля, которую невинная Изабелла наблюдала с улыбкой на устах. Эти дни прозвучали для монархии в Испании погребальным звоном. Только слабоумные легитимисты в Европе могут воображать, что после падения Изабеллы на ее место поднимется дон Карлос. Они всегда думают, что если отмирает последнее проявление какого-либо принципа, то лишь для того, чтобы дать его первоначальному проявлению снова выступить на сцену.

* — государственный переворот. *Ред.*

В 1856 г. испанская революция утратила не только свой династический, но также и свой военный характер. Почему армия играла такую выдающуюся роль в испанских революциях, можно объяснить в немногих словах. Издавна существующий институт генерал-капитанств, превращавший капитанов в настоящих пашей своих провинций[55]; война за независимость против Франции, сделавшая армию не только главным орудием национальной обороны, но также первой революционной организацией и центром революционной деятельности в Испании; заговоры 1815—1818 гг., сплошь исходившие от армии; династическая война 1833—1840 гг.[56], в которой с обеих сторон решающим фактором была армия; изоляция либеральной буржуазии, принуждавшая се пускать в ход солдатские штыки против сельского духовенства и крестьян; обстоятельства, вынудившие Кристину и камарилью прибегнуть к штыкам против либералов, подобно тому как либералы прибегали к штыкам против крестьян; сложившаяся из всех этих прецедентов традиция, — таковы были причины, которые придавали революции в Испании военный, а армии преторианский характер. До 1854 г. революция всегда зарождалась в армии, и ее отдельные проявления до этого времени не представляли никаких внешних различий, кроме различий в ранге тех военных, из среды которых они исходили. Даже в 1854 г. первый толчок исходил еще от армии; но уже Мансанаресский манифест О'Доннеля[57] свидетельствует о том, насколько слабее стала основа, на которой покоилось преобладание армии в испанской революции. На каких условиях О'Доннель получил возможность в конце концов прекратить свою недвусмысленную прогулку от Викальваро к португальской границе и вернуть армию обратно в Мадрид? Только когда он дал обещание немедленно сократить численность армии, заменить ее национальной гвардией и не допустить, чтобы плоды революции поделили между собой генералы. Если революция 1854 г. ограничилась, таким образом, лишь выражением своего недоверия к армии, то уже через два года она подверглась открытому и прямому нападению со стороны этой армии, показавшей теперь, что она достойна стать в один ряд с кроатами Радецкого, африканцами Бонапарта и померанцами Врангеля[58]. Насколько испанская армия ценит свое новое почетное положение, показывает вспыхнувший 29 июля бунт одного из полков в Мадриде, который, не удовлетворившись одними только сигаретами Изабеллы, забастовал, требуя пятифранковых монет и бонапартовской колбасы[59], и в конце концов получил и то и другое.

Итак, на этот раз армия была всецело против народа, или, вернее, она сражалась только против него и против национальной гвардии. Это значит, что революционной миссии испанской армии настал конец. Человек, в котором воплощался военный, династический и буржуазно-либеральный характер испанской революции, Эспартеро, в настоящее время пал еще ниже, чем могли того ожидать, принимая во внимание превратности судьбы, даже *те,* кто ближе всего *знал* этого человека. Если, — о чем ходят слухи и что весьма вероятно, — эспартеристы намереваются вновь обрести силы под руководством О'Доннеля, то этим они только подтвердят свое самоубийство своим же собственным официальным актом. Эспартеро они не спасут.

Ближайшая европейская революция найдет Испанию созревшей для совместных действий с нею. 1854 и 1856 годы были переходными фазами, через которые Испания должна была пройти для того, чтобы достичь этой зрелости.

Написано К. Марксом в начале августа 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4783, 18 августа 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ

Отличительной чертой нынешнего периода спекулятивной горячки в Европе является ее универсальный характер. Прежде тоже бывали спекулятивные мании — хлебные, железнодорожные, рудниковые, банковские, хлопкопрядильные, — словом, спекулятивные мании всевозможных видов; однако в периоды серьезных торговых кризисов, в 1817, 1825, 1836, 1846—1847 гг., несмотря на то, что тогда были задеты все отрасли промышленности и торговли, все же преобладала лишь одна какая-либо спекулятивная мания, придававшая каждому периоду особый тон и характер. Хотя духом спекуляции были охвачены все области хозяйства, каждый спекулянт все же ограничивался своей специальной областью. Напротив, руководящим принципом Credit Mobilier, носителя нынешней спекулятивной мании, является спекуляция не по одной определенной линии, а всеобщая спекуляция и распространение мошенничества на все отрасли хозяйства в такой же степени, в какой оно этим Обществом централизуется. Помимо этого существует еще одно различие в происхождении и росте теперешней спекулятивной мании, а именно то, что она началась не в Англии, а во Франции. Нынешняя порода французских спекулянтов находится в таком же отношении к английским спекулянтам, действовавшим в упомянутые выше периоды, в каком французские деисты XVIII века находились к английским деистам XVII века. Одни доставили материал, а другие; выработали обобщающую

форму, которая позволила деизму распространиться в XVIII веке по всему цивилизованному миру. Англичане склонны поздравлять себя с тем, что очаг спекуляции переместился с их свободного и трезвого острова на сумбурный, угнетаемый деспотами континент. Они забывают, однако, с какой сильной тревогой они следят за ежемесячными отчетами Французского банка, которые влияют на золотой запас в святая святых Английского банка. Они забывают, что именно английский капитал в значительной степени снабжает главные артерии европейских Crēdits Mobiliers божественным эликсиром. Они забывают, что чрезмерное расширение торговли и перепроизводство в Англии, которые они называют «здоровыми» и превозносят теперь, указывая на достигнутую цифру экспорта примерно в 110000000 ф. ст., есть прямое порождение «нездоровой» спекуляции на континенте, которую они сейчас обличают, точно так же, как их либеральная политика 1854 и 1856 гг. есть порождение coup d'ētat Бонапарта. Однако нельзя отрицать, что англичане неповинны в производстве той любопытной смеси из императорского социализма, сен-симонистской биржевой спекуляции и философского жульничества, которая составляет то, что называется Crēdit Mobilier. В полную противоположность этой континентальной утонченности, английская спекуляция вернулась к своим самым грубым и самым примитивным формам обмана, явного, неприкрашенного и ничем не смягченного. Обман составлял тайну Пола, Страэна и Бейтса, Типперэри-банка блаженной памяти Садлера, великих операций Кола, Дейвидсона и Гордона в лондонском Сити; и не что иное, как обман лежит в основе печальной, но простой повести о лондонском Королевском британском банке.

Со стороны клики директоров не требуется особой утонченности, чтобы проедать капитал компании, утешая ее акционеров крупными дивидендами и соблазняя вкладчиков и новых акционеров мошенническими отчетами. Все, что нужно для этого, — это знание английских законов. Дело Королевского британского банка вызвало сенсацию не столько из-за размеров капитала, сколько из-за числа вовлеченной в него мелкой публики как акционеров, так и вкладчиков. Разделение труда в этом предприятии казалось чрезвычайно простым. Существовали две группы директоров: одни довольствовались тем, что клали в карман свои 10000 долларов жалованья в год за то, чтоничего не знали о делах банка и хранили незапятнанной свою совесть, другие же действительно настойчиво стремились управлять банком, но только для того, чтобы быть его главными клиентами или, точнее, расхитителями. Так как в отношении

ссуд эта вторая группа директоров зависит от управляющего банком, то она сразу же начинает с того, что предоставляет последнему возможность получать ссуды самому. Кроме управляющего, они должны посвятить в свою тайну также ревизора и юрисконсульта компании, которые поэтому получают взятки в виде ссуд. В дополнение к ссудам, выданным банком им самим и на имя их родственников, директора и управляющий прикарманивают также ссуды на имя многочисленных подставных лиц. В настоящее время весь оплаченный капитал составляет 150000 ф. ст., из которых 121840 ф. ст. были прямо или косвенно присвоены директорами. Учредитель компании г-н Мак-Грегор, член парламента от Глазго, известный автор работ по статистике[60], задолжал компании 7362 фунта стерлингов; другой директор, г-н Хамфри Браун, член парламента от Тьюксбери, который использовал банк для покрытия своих расходов в связи с выборами, был одно время должен банку 70000 ф. ст. и, по всей вероятности, все еще остается должен ему сумму в размере 50000 фунтов стерлингов. Управляющий г-н Камерон набрал ссуд на 30000 фунтов стерлингов.

С самого начала своей деятельности банк ежегодно терял 50000 фунтов стерлингов; однако директора из года в год поздравляли акционеров с цветущим состоянием предприятия. Дивиденды в 6% выплачивались каждый квартал, хотя, по заявлению официального бухгалтера-эксперта г-на Колмена, акционеры вовсе не должны были бы получать никаких дивидендов. Всего лишь прошлым летом акционерам был представлен фальшивый финансовый отчет на сумму свыше 370000 ф. ст., в котором ссуды, выданные Мак-Грегору, Хамфри Брауну, Камерону и К°, фигурировали под неопределенной рубрикой легко реализуемых ценных бумаг. Когда банк был уже совершенно неплатежеспособен, были выпущены новые акции, сопровождавшиеся полными оптимизма отчетами об успешности его операций и вотумом доверия директорам. Этот выпуск новых акций рассматривался отнюдь не как последнее отчаянное средство вывести банк из тяжелого положения, а просто как новый источник для директорских плутней. Хотя одна из статей устава этого банка запрещала ему торговлю своими собственными акциями, однако существовала, по-видимому, постоянная практика навязывать банку в виде обеспечении его же собственные акции, как только они обесценивались в руках директоров. О том, как «честная часть» директоров была якобы обманута, один из них, г-н Оуэн, на собрании акционеров рассказывал следующее:

«Когда все приготовления к открытию данного учреждения были сделаны, г-н Камерон был назначен нашим управляющим, и мы скоро убедились, какое это зло иметь управляющим человека, который никогда раньше не был связан ни с одним банком в Лондоне. Ввиду этого обстоятельства возникло множество затруднений. Я расскажу, что произошло два с лишним года тому назад, когда я покинул банк. Даже накануне своего ухода я все еще не знал о существовании хотя бы одного-единственного акционера, который был бы должен банку сумму в 10000 ф. ст. по учетным или ссудным операциям. Одно время до меня доходили слухи о каких-то жалобах на то, что кто-то из них задолжал крупную сумму по учтенным векселям, и я спросил об этом одного из бухгалтеров. Но мне ответили, что, после того как я закрываю за собой дверь служебного кабинета, дела банка перестают меня касаться. Г-н Камерон говорил, что никто из директоров не должен представлять свои собственные векселя для учета в правление. Он заявил, что такие векселя следует отсылать управляющему, ибо если их будут представлять в правление, то никогда солидные коммерческие люди не станут вести с нами банковских дел. В этом неведении я и оставался до тех пор, пока однажды г-н Камерон не заболел так тяжело, что опасались за его жизнь. Пользуясь его болезнью, председатель и некоторые другие директора навели кое-какие справки, обнаружившие, что г-н Камерон имел книгу под особым ключом, которую мы никогда раньше не видали. Когда председатель открыл эту книгу, мы все были чрезвычайно поражены».

Надо отдать должное г-ну Камерону, что он не стал дожидаться последствий этих открытий и с большим проворством и предусмотрительностью покинул Англию.

Одной из самых необычайных и характерных сделок Королевского британского банка была его связь с железоделательными заводами в Уэльсе. В то самое время, когда оплаченный капитал компании составлял всего 50000 ф. ст., ссуды, выданные только этим железоделательным заводам, достигали суммы от 70000 до 80000 фунтов стерлингов. Когда компания впервые вступила во владение этим железоделательным предприятием, оно находилось в непригодном для эксплуатации состоянии. Когда же его поставили на ноги, вложив в него что-то около 50000 ф. ст., предприятие оказалось в руках некоего г-на Кларка, который, попользовавшись им «в течение некоторого времени», сплавил его обратно банку, «выразив убеждение, что он отказывается от крупного состояния»; на деле же он оставил банку дополнительную задолженность по «предприятию» в 20000 фунтов стерлингов. Таким образом, это предприятие то уходило из рук банка, когда вырисовывалась перспектива получения с него прибыли, то возвращалось к нему обратно, когда требовалось получение новых ссуд. Эту игру директора пытались продолжать даже в последний момент своих признаний, все еще доказывая рентабельность заводов, которые, по их словам, могли будто бы приносить 16000 ф. ст.

в год, и забывая, что они обходились акционерам по 17742 ф. ст. каждый год существования компании. В настоящее время предстоит ликвидация компании по решению канцлерского суда[61]. Однако прежде чем это произойдет, все авантюры Королевского британского банка поглотит потоп всеобщего европейского кризиса.

Написано К. Марксом около 26 сентября 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4828, 9 октября 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ДЕНЕЖНЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ

Лондон, 3 октября 1856 г.

Всеобщий торговый кризис, возникший в Европе приблизительно осенью 1847 г. и длившийся до весны 1848 г., открылся паникой на лондонском денежном рынке, которая началась в последних числах апреля и достигла своей высшей точки 4 мая 1847 года. В течение этих дней все денежные сделки полностью приостановились; но начиная с 4 мая напряжение стало ослабевать, так что купцы и журналисты поздравляли друг друга с тем, что паника имела чисто случайный и преходящий характер. А каких-нибудь несколько месяцев спустя разразился торговый и промышленный кризис, по отношению к которому денежная паника была только симптомом и предвестником.

В настоящее время на европейских денежных рынках наблюдается волнение, аналогичное панике 1847 года. Однако аналогия здесь не полная. Вместо того чтобы, как в 1847 г., двигаться с запада на восток, из Лондона через Париж в Берлин и Вену, нынешняя паника движется с востока на запад. Начавшись в Германии, она оттуда распространилась на Париж и, наконец, достигла Лондона. Тогда медленный ход развития придавал панике местный характер; теперь же быстрота распространения сразу обнаруживает ее всеобщий характер. Тогда она длилась неделю или около того, теперь она продолжается уже три недели. Тогда лишь немногие подозревали в ней предвестника всеобщего кризиса; теперь никто в этом не сомневается, за исключением тех англичан, которые воображают, что делают историю, читая газету «Times». В то время даже самые дальновидные политики опасались лишь повторения кризисов 1825 и 1836 гг., сейчас они уверены в том, что имеют перед собой

новое, дополненное издание не только кризиса 1847 г., но и революций 1848 года.

Тревога высших классов в Европе так же сильна, как и их разочарование. С середины 1849 г. они были всецело господами положения, и только война[*] была единственным облаком на их социальном горизонте. Теперь, когда война окончилась или считается оконченной, они повсюду сталкиваются с тем же самым, с чем англичане столкнулись после сражения при Ватерлоо и заключения мира в 1815 г., когда вместо военных bulletins[**] стали появляться сообщения о бедственном положении в сельском хозяйстве и промышленности. С целью спасти свою собственность они сделали тогда все, что могли, для разгрома масс и подавления революции. Теперь же они убеждаются, что сами были орудием революции в отношениях собственности, и притом революции более значительной, чем та, которую имели в виду революционеры 1848 года. Они стоят перед лицом всеобщего банкротства, которое, как им известно, должно совпасть с днем платежа в великом центре ссудного капитала в Париже. Как англичане, к своему удивлению, обнаружили после 1815 г., когда Каслри, «человек непреклонного долга», перерезал себе горло, что он был сумасшедший, так биржевые спекулянты в Европе уже начинают спрашивать сами себя, еще до того как полетела голова Бонапарта, был ли Бонапарт вообще когда-нибудь в здравом уме. Они знают, что все рынки переполнены импортными товарами; что все слои имущих классов, даже те, которые никогда прежде не заражались этой болезнью, теперь вовлечены в водоворот спекулятивного ажиотажа; что этого водоворота не миновала ни одна европейская страна и что правительства до конца исчерпали возможности своих налогоплательщиков. В 1848 г. события, непосредственно вызвавшие революцию, носили чисто политический характер, а именно: банкеты в пользу реформы во Франции, война Зондербунда в Швейцарии, дебаты в Соединенном ландтаге в Берлине, испанские браки, споры из-за Шлезвиг-Гольштейна[62] и т. д., и когда солдаты революции — рабочие Парижа — провозгласили революцию 1848 г. социальной революцией, то для ее генералов это явилось такой же неожиданностью, как и для всего остального мира. Теперь же, напротив, еще до того как провозглашается политическая революция, все подразумевают революцию социальную и притом такую революцию, которая вызвана не подпольными заговорами тайных

[*] — Крымская война. *Ред.*
[**] — сводок. *Ред.*

обществ среди рабочих, а открыто совершающимися махинациями разных Credits Mobiliers, принадлежащих самим правящим классам. Таким образом, к тревоге высших классов Европы присоединяется еще горечь сознания того, что самые их победы над революцией содействовали лишь созданию в 1857 г, материальных условий для осуществления тенденций 1848 года, существовавших лишь в идеале. Весь период от середины 1849 г. до настоящего времени представляется, таким образом, просто передышкой, дарованной историей старому европейскому обществу, чтобы оно могло в последний раз проявить в концентрированном виде все свои тенденции. В политике — поклонение сабле; в нравственности — всеобщая продажность и лицемерный возврат к разоблаченным уже суевериям; в политической экономии — мания обогащения без затраты труда на производство, — таковы тенденции, проявленные этим обществом в период его контрреволюционных оргий 1849—1856 годов.

С другой стороны, если мы сопоставим эффект этой кратковременной денежной паники с эффектом мадзиниевских и прочих прокламаций, то вся история иллюзий присяжных революционеров, начиная с 1849 г., сразу лишается своей таинственности. Они понятия не имеют об экономической жизни народов, они понятия не имеют о действительных условиях исторического развития, и, когда вспыхнет новая революция, они с большим правом, чем Пилат, смогут умыть руки и заявить, что они неповинны в кровопролитии.

Мы сказали, что нынешняя денежная паника в Европе возникла прежде всего в Германии. Газеты Бонапарта ухватились за это обстоятельство для того, чтобы снять с его режима подозрение в малейшей причастности к созданию этой паники.

«Правительство», — пишет парижская газета «Conslitutionnel»[63], — «пыталось даже после заключения мира сдержать дух предпринимательства, отсрочив предоставление нескольких новых концессий и запретив осуществление новых проектов с помощью биржи, К несчастью, оно больше ничего не могло сделать, оно не могло предотвратить все излишества. Но откуда эти излишества проистекают? Если часть их и возникла на французском рынке, то, конечно, лишь меньшая часть. Наши железнодорожные компании из духа соперничества, быть может, слишком поспешили с выпуском бон, выручка от которых предназначалась на расширение железнодорожной сети. Но это не вызвало бы затруднений, если бы не множество предприятий, внезапно возникших за границей. В особенности Германия, не принимавшая участия в войне, опрометчиво устремилась во всякого рода предприятия. Не имея достаточных собственных ресурсов, она обратилась к нашим, и так как официальный рынок был для нее закрыт, то наши спекулянты открыли ей доступ на черную биржу. Таким образом Франция сделалась центром космополитических спекуляций, которые могут обогатить чужие страны за счет ее национальных интересов. В результате сократилось предложение капитала на нашем

денежном рынке, а наши ценные бумаги, находя меньше покупателей, подверглись обесценению, которое, при наличии стольких элементов богатства и процветания, вызывает недоумение публики».

Показав этот образчик императорско-официальной белиберды о причинах европейской паники, мы не можем не привести также пример того сорта оппозиции, который допускается при Бонапарте.

«Можно отрицать наличие кризиса», — заявляет газета «Assemblee Nationale»[64], — «однако нельзя не признать, что процветание несколько пошло на убыль, если принять в соображение недавнее сокращение доходов наших железных дорог, банковских ссуд под коммерческие векселя и сокращение вывозных пошлин за первые семь месяцев текущего года на двадцать пять миллионов франков».

Итак, в Германии все активные элементы буржуазии со времени контрреволюции 1849 г. посвятили свою энергию торгово-промышленной деятельности, подобно тому как мыслящая часть нации покинула философию ради естественных наук. Оставаясь в войне нейтральными, немцы накопили за время войны столько же капитала, сколько их соседи, французы, потеряли на войне. Обнаружив такое положение вещей у немцев, их быстро развивающуюся промышленность и накопление капитала, французский Credit Mobilier снизошел до признания немцев подходящим объектом для своих операций, ибо пассивный союз Бонапарта с Австрией уже привлек внимание этого Общества к неисследованным областям Австрии, Венгрии и Италии. Однако, показав пример и положив начало спекуляции в Германии, Credit Mobilier был сам изумлен обильной жатвой спекулятивных и кредитных учреждений, импульс к возникновению которых был дан самим же Credit Mobilier. В 1855—1856 гг. немцы получили вполне готовые мошеннические уставы французских Credits Mobiliers, подобно тому как в 1831 г. они получили из Франции готовые политические конституции[65]. Француз семнадцатого столетия изумился бы, увидев двор Людовика XIV, воспроизведенный в стократном размере по ту сторону Рейна; французы последнего десятилетия были не менее изумлены, увидев в Германии шестьдесят два национальных собрания, между тем как они сами с таким трудом произвели на свет всего лишь одно. В конце концов Германия вовсе не представляет собой страну децентрализации; все дело только в том, что централизация является в ней децентрализованной, так что вместо одного центра их существует множество. Поэтому такая страна оказалась вполне пригодной к тому, чтобы в самое короткое время и во всех направлениях начать разного рода махинации, которым научил ее Credit Mobilier, подобно тому

как парижские моды распространяются в Германии быстрее, чем во Франции. Такова непосредственная причина того, что паника прежде всего возникла и шире всего распространилась в Германии. В одной из последующих статей мы дадим как историю самой паники, так и рассмотрение ее непосредственных причин.

Написано К. Марксом 3 октября 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4833, 15 октября 1856 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ

Денежный кризис в Германии, начавшийся около середины сентября текущего года, достиг кульминационного пункта 26-го того же месяца, после чего он стал постепенно ослабевать, подобно денежной панике 1847 г. в Англии, которая впервые проявилась в конце апреля и постепенно утихла после 4 мая, дня своего наивысшего подъема. В то время несколько ведущих банкирских домов в Лондоне, ради создания некоторой передышки в момент паники, пошли на жертвы, что и положило начало катастрофе, постигшей их несколько месяцев спустя. Подобные же результаты вскоре дадут себя знать и в Германии, поскольку основной причиной паники там был не недостаток в средствах обращения, а диспропорция между свободным капиталом и обширными размерами имевшихся тогда промышленных, торговых и спекулятивных предприятий. Средством, с помощью которого паника была временно преодолена, явилось повышение учетной ставки различными правительственными, акционерными и частными банками; некоторые из них повысили свою учетную ставку до 6%, некоторые даже до 9%. В результате этого повышения учетной ставки отлив золота был приостановлен, ввоз иностранной продукции был парализован, иностранный капитал был привлечен приманкой высокого процента, непогашенные долги были востребованы, французский Crédit Mobilier, который месяцем раньше уплатил взносы по своим германским железнодорожным обязательствам дружескими векселями, теперь был принужден платить наличными, и Франции в то время вообще пришлось оплатить звонкой монетой свой баланс по ввозу зерна и продуктов. Таким образом,

денежная паника в Германии рикошетом отразилась на Франции, где она сразу приняла более угрожающую форму. Французский банк, следуя примеру германских банков, повысил свою учетную ставку до 6% — повышение, которое уже 30 сентября заставило его обратиться к Английскому банку с просьбой о займе на сумму свыше одного миллиона фунтов стерлингов. Вследствие этого 1 октября Английский банк повысил свою учетную ставку до 5%, даже не дождавшись обычного, происходящего по четвергам совещания директоров — мера, не имевшая прецедента со времени денежной паники 1847 года. Несмотря на это повышение процента, золото продолжало уплывать из подвалов Треднидл-стрит[66] по 40000 ф. ст. ежедневно, а Французскому банку каждый день приходилось расставаться приблизительно с 6000000 фр. звонкой монеты, в то время как монетный двор выпускал ежедневно только 3000000 фр., из которых лишь около 120000 фр. были в серебряной монете. Чтобы нейтрализовать пагубное влияние Французского банка на золотой запас Английского банка, последний, приблизительно неделей позже, снова повысил свою учетную ставку до 6% по векселям сроком на 60 дней и до 7% по векселям с более продолжительным сроком. В ответ на эту любезность Французский банк издал 6 октября новый указ, в силу которого он отказывался учитывать какие бы то ни было векселя сроком более чем на 60 дней, и объявил, что он не будет выдавать ссуд более чем в размере 40% под ценные бумаги и более чем в размере 20% под железнодорожные акции, и то сроком всего лишь на один месяц. Несмотря, однако, на все эти меры, Английский банк оказался столь же неспособным приостановить отлив золота во Францию, как Французский банк был не в состоянии ослабить панику в Париже или сократить утечку звонкой монеты в другие части европейского континента. Сила паники во Франции засвидетельствована падением курса акций Crеdit Mobilier с 1680 фр. (котировка 29 сентября) до 1465 фр. (6 октября), то есть падением на 215 фр. в течение восьми дней, причем, вплоть до 9 октября, несмотря на величайшие усилия, не удалось поднять их курс более чем на 15 франков. Нет нужды говорить, что государственные процентные бумаги соответственно тоже упали в цене. Едва ли существует что-либо более смешное, чем горестные жалобы французов по поводу бегства их капиталов в Германию, после высокопарных уверений, которые мы слышали от г-на Исаака Перейры, великого учредителя Crеdit Mobilier, будто французский капитал наделен особым космополитическим свойством. Среди всей этой сумятицы великий чародей Франции, Наполеон III, изготовил

свое всеисцеляющее средство. Он запретил печати говорить о финансовом кризисе; через своих жандармов он намекнул менялам, что было бы целесообразно удалить с их витрин объявления о покупке серебра с премией; и, наконец, в своей газете «Moniteur» от 7 октября он поместил доклад, адресованный самому себе от имени своего собственного министра финансов, в котором утверждалось, что все обстоит прекрасно и что лишь публика дает неправильную оценку событиям. К несчастью, два дня спустя на сцене внезапно появляется главный директор Французского банка со следующими данными в своем месячном отчете:

	Октябрь	Сентябрь
	(в франках)	
Денежная наличность в кассе	77 062 910	113 126 401
Денежная наличность в отделениях	89 407 036	122 676 090
Векселя, учтенные в Банке	271 955 426	221 308 498
Векселя, учтенные в отделениях Банка	239 623 602	217 829 320
Премия на золото и серебро	2 128 594	1 496 313

Другими словами, за один месяц кассовая наличность уменьшилась на 69332545 фр., учет векселей возрос на 72441210 фр., между тем как премия, выплаченная на покупку золота и серебра, превышает сентябрьские цифры на 632281 франк. К несчастью также, факт, что тезаврирование драгоценных металлов в настоящее время достигает у французов небывалых размеров и что слухи о возможном прекращении Банком выплаты звонкой монетой с каждым днем распространяются все сильнее. Вмешательство Наполеона в дела денежного рынка оказалось примерно столь же эффективным, как его воздействие на воды Луары в затопленных наводнением округах[67].

Нынешний кризис в Европе осложняется еще и тем, что отлив драгоценных металлов — обычный предвестник торговых потрясений — переплетается с обесценением золота по сравнению с серебром. Независимо от тех или иных торговых и промышленных факторов, это обесценение не могло не побудить те страны, где существует биметаллизм и где золото и серебро должны приниматься при платежах в установленных законом, но опровергаемых экономическими фактами пропорциях, вывозить свое серебро на те рынки, где существует золотой стандарт и где официальная цена серебра не отклоняется от его рыночной цены. Поскольку таково соответственно положение во Франции и в Англии, серебро, естественно, должно отливать из Франции в Англию, а золото — из Англии во Францию,

пока серебряные деньги в последней не будут заменены золотыми. С одной стороны, ясно, что такая замена обычного средства обращения должна сопровождаться временными затруднениями, но с этими затруднениями можно бороться, либо введя золотой стандарт и изъяв из обращения серебро, как это было сделано, либо демонетизировав золото и установив в качестве единственного стандарта серебро, как это было сделано в 1851 г. в Голландии и совсем недавно в Бельгии. С другой стороны, очевидно, что если бы не действие других факторов, помимо обесценения золота по сравнению с серебром, то общий отлив серебра из всей Европы и Америки нейтрализовал и парализовал бы сам себя, ибо внезапное освобождение и изъятие из обращения такой массы серебра при отсутствии особого резервуара, в который оно поступало бы, должно было понизить его цену сравнительно с золотом, так как рыночная цена любого товара временно определяется соотношением между спросом и предложением и только в среднем на протяжении нескольких лет — издержками производства. Демонетизация золота в голландских и бельгийских банках могла оказать лишь очень незначительное влияние на стоимость серебра, так как оно было главным средством обмена в этих странах, и потому эта перемена носила скорее юридический, чем экономический характер. Впрочем, можно допустить, что эти перемены открыли небольшой рынок для предложения серебра и таким образом до некоторой степени облегчили затруднение.

Правда, в течение последних четырех или пяти месяцев возросло количество звонкой монеты в Австрийском национальном банке с 20000000 до 43000000 долларов; все это количество хранится в подвалах банка, так как Австрия еще не возобновила платежи звонкой монетой. Главная часть этого прироста в 23000000 долларов была получена из Парижа и Германии за железные дороги, купленные Credit Mobilier. Это, несомненно, одна из причин, объясняющих недавний отлив серебра, однако было бы ошибочно в сколько-нибудь значительной степени приписывать этому обстоятельству происходящие за последнее время явления на денежном рынке. Не надо забывать, что с 1848 по 1855 г. на денежные рынки мира было выброшено 105 млн. ф. ст. золота, добытого в Калифорнии и Австралии, не считая добычи золота в России и других давно функционирующих источниках. Наиболее оптимистически настроенные фритредеры предполагают, что из этих ста пяти миллионов для современного роста торговли потребовалось пятьдесят два миллиона в качестве валюты, банковских резервов, золотых слитков для выравнивания платежных балансов

и взаимных расчетов в торговле между различными странами, либо же для изготовления предметов роскоши. Что касается остальных пятидесяти трех миллионов, то они, как предполагают фритредеры, — и мы думаем, что с некоторым преуменьшением. действительной цифры, — лишь заместили такое же количество серебра, раньше находившегося в употреблении в Америке и Франции — десять миллионов в Америке и сорок три миллиона во Франции. Каким образом произошло это замещение, можно видеть из официальных таможенных отчетов о движении золота и серебра во Франции в течение 1855 года:

Ввоз золота в 1855 г.		*Ввоз серебра в 1855 г.*	
Слитки	11 045 268 ф. ст.	Слитки	1 717459 ф. ст.
Монета	4 306 887 » »	Монета	3 121 250 » »
Итого	15 352 155 ф. ст.	Итого	4 838 709 ф. ст.
Вывоз золота в 1855 г.		*Вывоз серебра в 1855 г.*	
Слитки	203 544 ф. ст.	Слитки	3 067 229 ф. ст.
Монета	6 306 060 » »	Монета	9 783 345 » »
Итого	6 509 604 ф. ст.	Итого	12 850 574 ф. ст.
Превышение ввоза золота	8 842 551 ф. ст.	Превышение вывоза серебра	8 011 865 ф. ст.

Таким образом, никто не может утверждать, что высвобождение столь крупной суммы серебра (пятьдесят три миллиона фунтов стерлингов) объясняется изменениями в денежном обращении Франции и Америки, или накоплением сокровищ в Австрийском банке, или тем и другим, вместе взятым. Совершенно справедливо указывали, что поскольку серебру, в отличие от золота, не угрожало обесценение, итальянские и левантийские купцы оказывали ему явное предпочтение перед другой монетой, что арабы приобретали и накопляли большие суммы серебра и что, наконец, французские хлеботорговцы для оплаты своих закупок на Черном и Азовском морях предпочитали вывозить из Франции серебро, где оно сохраняет свое прежнее отношение к золоту, а не золото, отношение которого к серебру на юге России изменилось. Учитывая все эти причины отлива серебра, мы не можем, однако, определить обусловленную ими сумму более чем в пятнадцать или шестнадцать миллионов фунтов стерлингов. В качестве еще одной частной причины этого отлива экономисты в английской печати совершенно нелепо выдвигают утечку серебра в связи с Восточной войной, хотя они уже включили этот отлив в общую сумму пятидесяти двух миллионов фунтов золота, понадобившихся ввиду возросших нужд современной торговли. Они, разумеется, не могут возложить на

серебро те же функции, которые выполняло золото. В таком случае наряду со всеми этими частными факторами действует какой-то более крупный фактор, которым объясняется отлив серебра; этот фактор— торговля с Китаем и Индией — составлял, что довольно любопытно, главную черту также и великого кризиса 1847 года. К этому вопросу мы еще вернемся, поскольку важно изучить экономические предвестники нависшего над Европой кризиса.

Наши читатели поймут, во всяком случае, что какова бы ни была временная причина денежной паники и отлива драгоценных металлов, который представляется ее непосредственным поводом, все элементы торгового и промышленного кризиса были уже налицо в Европе. Во Франции они еще были усугублены плохим сбором шелковых коконов, недостаточным сбором винограда, большим ввозом зерна в связи с частичным неурожаем 1855 г., наводнениями 1856 г. и, наконец, жилищной нуждой, создавшейся в Париже из-за экономических махинаций г-на Бонапарта. Что касается нас, то нам кажется, что достаточно лишь внимательно ознакомиться с финансовым манифестом г-на Маня, опубликованным нами в субботу, чтобы согласиться с предположением, что, несмотря на собирающийся теперь второй Парижский конгресс и несмотря на неаполитанский вопрос[68], третий Наполеон с полным основанием сможет поздравить себя, если 1857 год не принесет Франции худшие предзнаменования, чем те, которые десять лет тому назад сопровождали 1847 год.

Написано К. Марксом около 14 октября 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4843, 27 октября 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ДЕНЕЖНЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ. — ИЗ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Из последнего отчета Французского банка мы уже видели, что его металлический запас уменьшился до весьма незначительной суммы примерно в тридцать миллионов долларов, причем за один только предыдущий месяц он сократился на 25%*. Если бы такая утечка продолжалась и дальше, то к концу года запасы Банка иссякли бы и платежи наличными прекратились бы. Для предотвращения этой чрезвычайной опасности были осуществлены два мероприятия. С одной стороны, полиция должна была препятствовать плавке серебра на экспорт, а с другой, Французский банк решил удвоить свой металлический запас, заключив ценою огромной жертвы контракт с господами Ротшильдами о предоставлении ему шести миллионов фунтов стерлингов. Иными словами, чтобы восполнить свой недостаток золота, Банк еще больше увеличивает разницу между ценой, по которой он покупает золото, и ценой, по которой он его продает. В счет этого контракта из Английского банка 11 октября было взято 50000 ф. ст., 13 октября — 40000 ф. ст., а прибывший сюда вчера пароход «Азия» принес сообщение о дальнейшем изъятии в сумме свыше полумиллиона. В связи с этим в Лондоне широко распространилось опасение, что Английский банк, стремясь уберечь свои собственные фонды от утечки во Францию, снова закрутит гайку, повысив свою учетную ставку. В порядке подготовки к этому Английский банк уже перестал выдавать ссуды под какие бы то ни было государственные ценные бумаги, кроме казначейских векселей.

* См. настоящий том, стр. 62. *Ред.*

Однако все золото, какое Французскому банку удастся перетянуть в свои сундуки, будет утекать из них так же быстро, как оно притекает — частично для уплаты иностранных долгов, для покрытия дефицита торгового баланса, частично на внутренние нужды страны, занимая место исчезающего из обращения серебра, тезаврирование которого, естественно, ускоряется по мере обострения кризиса; и наконец, на нужды огромных промышленных предприятий, созданных за последние три—четыре года. Например, крупные железнодорожные компании, рассчитывавшие для продолжения своих работ и выплаты своих дивидендов и премий на выпуск новых займов, о которых теперь не может быть и речи, предпринимают самые отчаянные попытки заполнить пустоту, образовавшуюся в их кассах. Так, Западной французской железной дороге требуется шестьдесят миллионов франков, Восточной — двадцать четыре, Северной — тридцать, Средиземноморской — двадцать, Орлеанской — сорок и т. д. Подсчитано, что общая сумма, нужная всем железнодорожным компаниям, достигает трехсот миллионов. Бонапарт, льстивший себя надеждой, что с помощью биржевой спекуляции он заставил забыть о политике, теперь горит желанием отвлечь внимание от денежного рынка всевозможными политическими вопросами: неаполитанским, дунайским, бессарабским, вопросом о новом Парижском конгрессе[69], — но все напрасно. Не только Франция, но и вся Европа твердо убеждены в том, что судьба того, что именуется династией Бонапартов, так же как и нынешнее положение европейского общества, зависят от исхода торгового кризиса, начало которого, по-видимому, наблюдается сейчас в Париже.

Как мы уже указывали[*], первым поводом для вспышки кризиса послужило внезапное повышение цены на серебро по сравнению с золотом. Это повышение, если не принимать во внимание громадную добычу золота в Калифорнии и Австралии, можно объяснить только все увеличивающейся утечкой серебра из западных стран в Азию, и особенно в Индию и Китай. С начала XVII века Азия, в особенности Китай и Индия, всегда оказывала серьезное влияние на рынки золота и серебра в Европе и Америке. Поскольку серебро служит единственным средством обмена в этих восточных странах, то благодаря торговле с Востоком сокровища, которыми испанская Америка наводняла Европу, частично утекали с европейского континента, и импорт серебра из Америки в Европу балансировался таким образом его экспортом из Европы в Азию. Правда,

[*] См. настоящий том, стр. 62—65. *Ред.*

одновременно с этим шел экспорт золота из Азии в Европу; по, если не принимать во внимание золото, добытое между 1840 и 1850 гг. на Урале, то экспорт этот был так незначителен, что не мог дать каких-либо ощутимых результатов.

Обращение серебра между Азией и Западом имело, конечно, свои чередующиеся периоды прилива и отлива, зависевшие от колебаний торгового баланса. В целом, однако, в истории этого всемирного движения можно наметить в общих чертах три эпохи: первую, которая начинается с XVII века и кончается около 1830 года; вторую — с 1831 по 1848 год; и последнюю — с 1849 г. до настоящего времени. В течение первой эпохи экспорт серебра в Азию в общем увеличивался; во вторую эпоху его поток начал ослабевать, пока, наконец, не установилось обратное течение, и Азия впервые вернула Европе часть сокровищ, которые она поглощала в течение почти двух с половиной столетий. В третью эпоху, все еще находящуюся в стадии развития по восходящей линии, положение снова изменилось, и сейчас поглощение серебра Азией происходит в небывалых до сих пор размерах.

В более ранние времена, после открытия серебра в Америке и даже после основания португальской колонии в Индии, экспорт серебра из Европы в Азию был едва заметным. Более значительное количество этого металла понадобилось в начале XVII столетия, когда голландцы, а позднее англичане расширили свою торговлю с Восточной Азией. Но потребность в нем особенно возросла с тех пор, как начался быстрый рост потребления чая в Англии в течение XVIII столетия, поскольку за китайский чай англичанам приходилось платить почти исключительно серебром. К концу XVIII века отлив серебра из Европы в Восточную Азию уже принял настолько большие размеры, что поглощал значительную часть серебра, ввозимого из Америки. Уже в этот период начался также экспорт серебра непосредственно из Америки в Азию, хотя в общем он ограничивался тем количеством, которое доставлялось на Филиппинские острова мексиканскими флотилиями из Акапулько. Это поглощение серебра Азией стало более чувствительно в Европе в первые тридцать лет XIX столетия, так как в связи с революциями, вспыхнувшими в испанских колониях[70], вывоз серебра из Америки, превышавший в 1800 г. сорок миллионов долларов, в 1829 г. не достиг и двадцати миллионов. С другой стороны, количество серебра, вывозимого в Азию из Соединенных Штатов, за период с 1796 по 1825 г. возросло вчетверо, а после 1809 г. стали, хоть и в меньшем масштабе, экспортировать серебро непосредственно в Восточную Азию не только

Мексика, но также Бразилия, Чили и Перу. С 1811 по 1822 г. превышение экспорта серебра из Европы в Индию и Китай над импортом золота из этих стран составило более чем тридцать миллионов фунтов стерлингов.

Большие изменения произошли в эпоху, начавшуюся с 1831 года. Ост-Индская компания была вынуждена не только отказаться от своей монополии на торговлю между Европой и ее восточными владениями, но и была полностью, если не считать ее индо-китайских монополий, упразднена как коммерческое предприятие[71]. Поскольку ост-индская торговля оказалась, таким образом, предоставлена частной инициативе, экспорт британских промышленных изделий в Индию стал намного превышать импорт индийского сырья в Великобританию. Торговый баланс, таким образом, все более и более определенно изменялся в пользу Европы, и вследствие этого экспорт серебра в Азию стал быстро падать. Всякое препятствие, которое британская торговля встречала на других рынках земного шара, стало теперь компенсироваться ее новой экспансией в Азии. Если потрясения в торговле в 1825 г. уже привели к росту британского экспорта в Индию, а англо-американский кризис 1836 г. дал ему еще более мощный толчок, то характерные черты британского кризиса в 1847 г. были даже обусловлены чрезмерным экспортом в Индию и другие части Азии.

Экспорт в Азию, едва составлявший в 1697 г. одну пятьдесят вторую часть всего британского экспорта, в 1822 г. уже достиг почти одной четырнадцатой его части, в 1830 г. около одной девятой, а в 1842 г. — больше одной пятой. До тех пор, пока этот экономический процесс затрагивал только Индию и западную часть Азии, отлив серебра из Европы в Азию ослабевал, но не прекращался, а тем более не сменялся притоком из Азии в Европу. Такой крутой поворот в металлическом денежном обращении произошел лишь тогда, когда английская филантропия навязала Китаю регулярную торговлю опиумом, орудийным огнем смела китайскую стену и силой открыла врата Небесной империи для общения с нечестивым миром. Таким образом, в то время как китайское серебро утекало на индийскую границу Китая, Англия и Америка наводняли своими промышленными изделиями его Тихоокеанское побережье. Этим и объясняется тот факт, что в 1842 г., впервые в истории современной торговли, крупные транспорты серебра были действительно переправлены из Азии в Европу.

Однако это полное изменение в движении ценностей между Азией и Западом оказалось недолговременным. Уже в 1849 г. наступила резкая и все усиливающаяся реакция. Подобно тому

как Китай дал направление первой и второй эпохе, так он дал его и третьей. Китайское восстание[72] не только приостановило торговлю опиумом с Индией, но также положило конец закупке иностранных промышленных изделий, поскольку китайцы настаивали на оплате своих товаров серебром, а сами прибегали к излюбленной мере восточных экономистов в периоды политических и социальных потрясений — к накоплению сокровищ. Превышение китайского экспорта над импортом стало весьма значительным еще и в связи с плохим в последнее время сбором шелковых коконов в Европе. Судя по отчетам г-на Робертсона, британского консула в Шанхае, экспорт китайского чая за последние десять лет увеличился на 63%, а экспорт шелка на 218%, в то время как импорт промышленных изделий уменьшился на 66%. Г-н Робертсон оценивает сейчас среднее годовое количество серебра, ввезенного в Китай из всех частей света, на 5580000 ф. ст. больше, чем десять лет назад. Ниже мы приводим точные данные о китайском экспорте и импорте за период с 1849 по 1856 г., причем каждый год заканчивается 30 июня:

Экспорт чая
(в фунтах)

	В Великобританию и Ирландию	В Соединенные Штаты
1849	47 242 000	18 072 000
1855	86 509 000	31 515 000
1856	91 035 000	40 246 000

Экспорт шелка

	В Великобританию и Ирландию	Во Францию
1849	17 228 фунтов	—
1855	51 486 »	—
1856	50 489 »	6 458 тюков

	ф. ст.
Реальная стоимость экспорта из Китая в Великобританию в 1855 г.	8 746 000
Реальная стоимость экспорта из Китая в Соединенные Штаты в 1855 г.	2 500 000
Всего	11 246 000
За вычетом 20% на фрахт и прочие расходы	2 249 200
Всего Китаю следовало	8 996 800

Импорт

	ф. ст.
Промышленные изделия из Англии в 1852 г.	2 503 000
Промышленные изделия из Англии в 1855 г.	1 000 000
Промышленные изделия из Англии в 1856 г.	1 277000
Опиум и хлопок из Индии в 1853 г.	3 830 000
Опиум и хлопок из Индии в 1855 г.	3 306 000
Опиум и хлопок из Индии в 1856 г.	3 284 000
Общая стоимость импорта за 1855 г.	4 306 000

	ф. ст.
Сальдо в пользу Китая в 1855 г.	4 690 000
Стоимость китайского экспорта в Индию в 1855 г.	1 000 000
Общее сальдо в пользу Китая по торговым балансам со всеми странами мира (1855)	5 690 000

К этой утечке серебра из Европы в Азию, вызванной торговлей с Китаем, следует еще прибавить утечку его в Индию, обусловленную за последние годы тем, что торговый баланс стал неблагоприятным для Европы, в чем можно убедиться из следующей таблицы:

	ф. ст.
Британский импорт из Индии в 1856 г.	14 578 000
Вычет по переводам Ост-Индской компании	3 000 000
Итоговая сумма импорта	11 578000
Импорт в Индию из Британии	8 927 000
Сальдо в пользу Индии	2 651 000

Нужно сказать, что до 1825 г. золото в Индии было законным платежным средством, пока там не провели закон о едином серебряном стандарте. Так как несколько лет спустя золото на коммерческих рынках стало цениться выше серебра, Ост-Индская компания заявила о своей готовности принимать его при платежах правительству. Однако после открытия золота в Австралии, Компания, которая, так же как и голландское правительство, опасалась обесценения золота и которой вовсе не нравилась перспектива получать платежи золотом, а платить серебром, внезапно вернулась к единому серебряному стандарту 1825 года. Таким образом, необходимость погашать серебром долг по торговле с Индией приобрела первостепенное значение, и в Индии создался колоссальный спрос на этот

металл. Поскольку с этого момента цена серебра, по сравнению с ценой золота, стала расти в Индии быстрее, чем в Европе, британские купцы нашли выгодным вывозить серебро в Индию с целью спекуляции, получая взамен индийское сырье и давая тем самым новый толчок индийскому экспорту. В общем, с 1848 по 1855 г. было вывезено серебра на двадцать один миллион фунтов стерлингов из одного только Саутгемптона и, кроме того, было вывезено очень большое количество из средиземноморских портов. Подсчитано также, что и в текущем году десять миллионов уже вывезено из Саутгемптона на Восток.

Судя по этим изменениям в индийской торговле и по характеру китайской революции, нельзя ожидать, что утечка серебра в Азию в скором времени прекратится. Поэтому не будет опрометчивым утверждение, что этой китайской революции суждено оказать на Европу значительно большее влияние, чем это сделали все войны России, итальянские манифесты[73] и тайные общества на европейском континенте.

Написано К. Марксом около 17 октября 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4848, 1 ноября 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ПЕРСИЯ, АФГАНИСТАН и СРЕДНЯЯ АЗИЯ в 1857 г.

К. МАРКС

* АНГЛО-ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

Объявление Англией или, вернее, Ост-Индской компанией войны Персии[74] есть повторение одного из тех коварных, авантюристических трюков английской дипломатии в Азии, с помощью которых Англия расширила свои владения на этом континенте. Стоит только Компании бросить алчный взгляд на владения любого независимого государя, на любую область, имеющую важное политическое и торговое значение или известную своим золотом и драгоценными камнями, как жертва обвиняется в нарушении того или иного мнимого или действительного договора, в невыполнении какого-либо фантастического обязательства или ограничительного условия, в нанесении какого-нибудь неуловимого по смыслу оскорбления, а затем объявляется война, и в английскую историю вписывается еще один кровавый эпизод, подтверждающий извечность зла, неизменную мораль басни о волке и ягненке.

В течение многих лет Англия стремилась захватить какую-нибудь позицию в Персидском заливе и в первую очередь хотела овладеть островом Харак, расположенным в северной части этого залива. Распространяясь о том, какую ценность представлял бы этот остров для Англии, знаменитый сэр Джон Малколм, бывший неоднократно послом в Персии, утверждал, что, находясь по соседству с Буширом, Бендер-Ригом, Басрой, Грин Барберией и Эль-Катифом, остров мог бы стать одним из самых цветущих английских владений в Азии. Неудивительно, что остров и Бушир уже находятся в руках Англии, Сэр Джон рассматривал остров как центральный пункт торговли Турции, Аравии и Персии. Климат-де острова превосходный, и он

имеет все необходимые условия, чтобы стать одним из цветущих уголков земли. Более тридцати пяти лет тому назад посол представил свои соображения лорду Минто, бывшему тогда генерал-губернатором Индии, и оба они пытались осуществить этот план. Действительно, сэр Джон был назначен командующим экспедицией для захвата острова и уже готовился отправиться в путь, когда получил приказ вернуться назад в Калькутту, а с дипломатической миссией в Персию был послан сэр Харфорд Джонс. Во время первой осады Герата персами в 1837—1838 гг. Англия, под тем же самым эфемерным предлогом, как и теперь, — то есть под предлогом защиты афганцев, с которыми она постоянно находится в непримиримой вражде, — захватила Харак, однако некоторые обстоятельства, а именно, вмешательство России, заставили ее отказаться от своей добычи. Вновь предпринятое недавно и увенчавшееся успехом нападение Персии на Герат дало повод Англии обвинить шаха в вероломстве по отношению к ней и захватить остров в качестве первого шага к военным действиям.

Таким образом, в течение полувека Англия постоянно, хотя большей частью безуспешно, стремилась установить свое господствующее влияние на правительство персидских шахов. Последние, однако, вполне под стать своим вкрадчивым врагам и выскальзывают из подобного рода предательских объятий. Помимо того, что персы собственными глазами видят, как ведут себя англичане в Индии, они, по всей вероятности, имеют в виду следующее предостережение, сделанное Фетх-Али-шаху в 1805 году: «Не доверяй советам нации жадных купцов, которая торгует в Индии жизнью и коронами государей». Итак, нашла коса на камень. В Тегеране, столице Персии, английское влияние весьма невелико, так как — если не принимать во внимание тайных происков России — видное положение там занимает Франция, а Персии из трех пиратов следует больше всего остерегаться британского. В настоящий момент персидское посольство находится на пути в Париж или уже прибыло туда, и весьма возможно» что недавние осложнения в Персии[75] будут предметом дипломатических переговоров. В самом деле, Франция не безразлично относится к захвату острова в Персидском заливе. Вопрос еще более запутывается тем, что Франция извлекла на свет некий давно похороненный пергамент, согласно которому персидские шахи уже дважды уступали ей Харак — в первый раз в 1708 г., при Людовике XIV, и затем в 1808 г. — в обоих случаях, правда, условно, но в выражениях достаточно ясных, чтобы дать известные права или оправдать претензии на остров со стороны нынешнего подражателя

тем государям, антианглийские настроения которых были достаточно сильны.

В недавнем ответе «Journal des Debats» лондонская газета «Times» от имени Англии отказалась в пользу Франции от всякого притязания на руководство европейскими делами, оставляя за английской нацией неоспоримое право на управление делами Азии и Америки, в которые не должна-де вмешиваться никакая другая европейская держава. Однако сомнительно, согласится ли Луи Бонапарт с подобным разделом мира. Во всяком случае, во время недавних англо-персидских раздоров французская дипломатия в Тегеране не оказала Англии искренней поддержки, а тот факт, что французская пресса выкапывает и ворошит галльские притязания на Харак, предвещает, по-видимому, что Англии не так-то легко будет напасть на Персию и расчленить ее.

Написано К. Марксом, 30 октября 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4904, 7 января 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ

В финансовом мире Европы нет никаких признаков облегчения. Из почты, доставленной пароходом «Ниагара», мы узнаем, что поток драгоценных металлов из Лондона на европейский континент теперь сильнее, чем когда-либо, и что предложение еще больше повысить ставку учетного процента было отвергнуто на собрании директоров Английского банка большинством всего лишь в один голос. Нет нужды говорить, что причину кризиса все еще следует искать во Франции, и последний полученный нами номер журнала «Economist»[76] рисует положение вещей весьма мрачными красками.

«Отсутствие какого-либо улучшения», — пишет этот журнал, — «само по себе является фактически ухудшением, и к тому же никакого длительного улучшения, к сожалению, вообще не предвидится. Контраст между нынешним месяцем и соответствующим месяцем прошлого года почти во всех отношениях весьма печален, а ведь в октябре минувшего года страна находилась в состоянии кровопролитной войны, конец которой казался еще очень далеким».

Это горестное стенание побудило нас взять на себя труд сопоставить состояние парижского фондового рынка в октябре с положением в предыдущем месяце, и результат наших изысканий можно видеть из следующей таблицы:

	30 сентября	31 октября	Повышение	Понижение
3%-ная рента	67 фр. 50 с.	66 фр. 70 с.	—	80 с.
$4^1/_2$%-ная рента	90 »	91 »	1 фр.	—
Французский банк	4 010 »	3 850 »	—	160 фр.

	30 сентября	31 октября	Повышение	Понижение
Credit Foncier	600 фр.	585 фр.	—	15 фр.
Credit Mobilier	1 552 »	1 372 »	—	180 »
Орлеанская железная дорога	1 267 »	1 241 »	—	26 »
Северная железная дорога	950 »	941 »	—	9 »
Восточная железная дорога	877 »	865 »	—	12 »
Железная дорога Париж—Лион	1 265 »	1 267 »	2 фр.	—
Средиземноморская железная дорога	1 750 »	1 652 »	—	98 »
Большая центральная железная дорога	610 »	603 »	—	7 »

За промежуток времени с сентября по 31 октября падение курса акций различных компаний выразилось в следующих цифрах:

Gas Paris Company	30	фр.
Union des Gaz	35	»
Lits Militaires	$27\frac{1}{2}$	»
Docks Napoleoniens	$8\frac{1}{2}$	»
Compagnie Maritime	40	»
Palais d'Industrie	5	»
Omnibus company	35	»
Messageries Imperiales	50	»

Ничего не может быть остроумнее того, каким образом бонапартистские газеты Парижа пытаются объяснить это непрерывное падение курса бумаг на бирже. Взять, например, газету г-на Жирардена «Presse».

«Спекулянты», — говорит эта газета, — «все еще не хотят *отказаться от своего убеждения* в том, что ценные бумаги падают. Вследствие постоянных колебаний акций Credit Mobilier их считают столь опасными, что многие спекулянты не решаются прикоснуться к ним и ограничиваются сделками с «primes»*, чтобы заранее уменьшить возможность потери».

Жесткие меры, принятые Французским банком с целью предупредить или, по крайней мере, отсрочить прекращение платежей наличными, начали резко сказываться на промышленном и торговом классах. Теперь фактически ведется настоящая

* — «премиями». *Ред.*

ожесточенная война между кругами, bona fide* занимающимися торговлей и промышленностью, и спекулятивными акционерными компаниями, как теми, которые уже функционируют, так и теми, которые, согласно вновь задуманным планам, должны быть учреждены; все они стремятся перехватить свободный капитал страны. Неизбежным результатом такой борьбы должно быть повышение ссудного процента, падение прибылей во всех отраслях промышленности и обесценение всех видов ценных бумаг, даже если бы не существовало Французского банка и не было бы никакой утечки драгоценных металлов. Достаточно одного взгляда на развитие французской железнодорожной сети, чтобы убедиться в том, что, помимо всех иностранных влияний, это давление на свободный французский капитал должно все более возрастать. Факты, которые мы намерены предложить вниманию наших читателей, приводятся в газете «Journal des Chemins de Fer»[77], которая, равно как и вся остальная пресса этой страны, может опубликовать лишь то, что дозволено самим бонапартовским правительством. Лицензии были даны на постройку железных дорог общим протяжением всего в 5584 мили, из которых только 2884 мили закончены и функционируют. Следовательно, остается еще 2700 миль, которые в настоящее время уже строят или собираются строить. Но это еще не все. Правительство строит железнодорожные линии в Пиренеях и распорядилось о постройке новых линий между Тулузой и Байонной, Аженом и Тарбом, Мон-де-Марсаном и Трабестаном — общей протяженностью свыше 900 миль. Фактически во Франции железных дорог строится даже больше, чем их имеется там в настоящее время. Деньги, израсходованные на ее старую железнодорожную сеть, составляют сумму в 300000000 долларов; но ее постройка длилась в течение долгого периода — периода, который был свидетелем начала и конца трех правительств, — тогда как все ныне разрешенные к постройке линии должны быть закончены в течение, самое большее, шести лет и должны начать функционировать в самую критическую фазу торгового цикла. Попавшие в трудное положение компании осаждают правительство просьбами разрешить им добыть деньги путем выпуска новых акций и бон. Правительство, понимая, что это привело бы лишь к Дальнейшему обесценению старых ценных бумаг на рынке и к дальнейшему расстройству дел на бирже, не решается уступить. Но, с другой стороны, деньги нужно достать; приостановка работ будет означать не только банкротство, но и революцию.

* — действительно. *Ред.*

В то время как спрос на капитал, необходимый для пуска в эксплуатацию новых предприятий внутри страны, все усиливается, поглощение французского капитала заграничными предприятиями отнюдь не уменьшается. Давно известно, что французские капиталисты взяли на себя огромные обязательства в Испании, Италии, Австрии и Германии и что как раз в данный момент Credit Mobilier усердно вовлекает их еще в новые предприятия. В особенности Испания в настоящее время увеличивает затруднения Франции, так как недостаток серебра в Испании достиг такой степени, что фабриканты Барселоны испытывают величайшие затруднения при уплате заработной платы своим рабочим.

Что касается Credit Mobilier, то мы уже указывали*, что стремления этого учреждения отнюдь не соответствуют его названию. Оно стремится закреплять капитал, а не делать его *подвижным***. Если оно что-нибудь и делает подвижным, так это только права на собственность. Акции основанных им компаний действительно необыкновенно подвижны, но капитал, который они представляют, лежит мертвым грузом. Весь секрет Credit Mobilier в том и состоит, чтобы заманивать капитал в промышленные предприятия, где он увязает, а затем спекулировать на продаже акций, которые должны представлять этот капитал. Пока директора Credit Mobilier в состоянии получать премии на первом выпуске новых акций, они, конечно, могут позволить себе со стоическим спокойствием взирать на общее напряжение на денежном рынке, на конечную судьбу акционеров и на затруднения, испытываемые функционирующими компаниями. Этим и объясняется то любопытное явление, что, в то время как акции Credit Mobilier непрерывно падают на бирже, его деятельность непрерывно распространяется по всей Европе.

Помимо общего напряженного состояния денежного рынка, существуют еще другие обстоятельства, оказывающие действие на французскую промышленность. Много фабрик в Лионе остановилось вследствие недостатка и дороговизны шелка-сырца. Подобные же причины парализуют промышленную жизнь в Мюлузе и Руане. Высокая цена на хлопок вызвала там сильное повышение цены на пряжу, между тем как ткани с трудом находят сбыт, и фабриканты не в состоянии заключать сделки на прежних условиях. Результатом этого является усиление страданий рабочих и рост недовольства среди них, особенно

* См. настоящий том, стр. 33—34. *Ред.*

** Игра слов: «Mobilier» — «движимый», «to mobilize» — «сделать подвижным», «пускать в обращение». *Ред.*

в Лионе и на юге Франции, где царит возбуждение, сравнимое только с тем, которое сопровождало кризис 1847 года.

От биржи, железных дорог, торговли и промышленности перейдем теперь к французскому сельскому хозяйству. Недавно опубликованные отчеты французских таможен вскрывают тот факт, что последний неурожай был гораздо значительнее, чем это признала газета «Moniteur». Сравнительно с сентябрем 1855 г., когда ввезли 270146 квинталов* зерна, в сентябре 1856 г. было ввезено 963616 квинталов, то есть на 693470 квинталов больше количества, ввезенного в сентябре 1855 г. — года, известного своим плохим урожаем. Однако было бы ошибкой видеть только в наводнениях, плохой погоде и других стихийных явлениях природы причины явного превращения Франции из страны, вывозящей хлеб, в страну, которая его ввозит. Сельское хозяйство, которое во Франции никогда не достигало высокого развития, при существующем режиме прямо регрессирует. С одной стороны, мы видим постоянное возрастание налогов, с другой стороны — сокращение числа рабочих рук, так как значительные массы рабочих временно были отвлечены от сельского хозяйства войной** и постоянно отвлекаются постройкой железных дорог и иными общественными работами, причем капитал все более перекачивается из сельского хозяйства в спекулятивные предприятия. То, что называлось наполеоновской демократизацией кредита, было на деле лишь повсеместным распространением биржевой спекуляции. Ту же роль, которую Crеdit Mobilier играл по отношению к буржуазии и высшим классам, императорские займы играли по отношению к крестьянству. Эти займы довели биржу до крестьянского двора, выкачали из него личные сбережения крестьянина и прибрали к рукам мелкие капиталы, которые раньше использовались для повышения культуры сельского хозяйства.

Таким образом, тяжелое положение сельского хозяйства во Франции является в такой же мере следствием нынешнего политического режима, как и результатом стихийных бедствий. Если мелкое крестьянство меньше страдает от низких цен, чем крупные фермеры в Англии, то, с другой стороны, оно страдает от недостатка продуктов, что для крупных английских фермеров нередко служит источником прибыли. Отсюда недовольство крестьян, выражающееся в поджогах, к сожалению частых, хотя о них, в силу императорского приказа, не упоминается во французской прессе. Если после февральской революции

* — центнеров. *Ред.*
** — Крымской войной. *Ред.*

крестьяне были полны негодования от сознания того, что новый налог в 45 сантимов навязывался им для поддержания национальных мастерских в Париже[78], то нынешнее крестьянство еще более возмущено тем совершенно неоспоримым фактом, что его истощенные ресурсы облагаются налогами для того, чтобы дать возможность парижанам покупать хлеб по цене ниже себестоимости. Если к тому же вспомнить, что Наполеон в конечном счете был избран именно голосами крестьян, то нынешнее революционное настроение этого класса бросает совершенно новый свет на шансы Бонапартовской династии. К каким жалким уловкам ей приходится прибегать уже сейчас, чтобы смягчить и отсрочить принимающие угрожающий характер требования крестьянской бедноты, видно из того, каким языком говорят префекты в своих циркулярах о «поощрении» благотворительности. Так, например, префект Сарты обращается к своим супрефектам в следующих выражениях:

«Благоволите со всем усердием и решительностью приступить к выполнению задачи, которая является одной из благороднейших функций административной власти, а именно, изыскать средства для поддержки и предоставления работы гражданам, нуждающимся в том и другом, — этим вы будете содействовать поддержанию общественного спокойствия. Вы не должны опасаться, что источники благотворительности окажутся истощенными или кошельки частных лиц пустыми вследствие жертв, понесенных ими за последние годы, как бы велики ни были эти жертвы. Собственники и арендаторы за последнее время получили значительные прибыли и, будучи особенно заинтересованными в поддержании тишины и спокойствия в сельской местности, поймут, что жертвовать их заставляет и выгода и долг».

Если ко всем вышеуказанным причинам недовольства присоединить жилищную и продовольственную нужду в Париже, затруднения в розничной торговле столицы, стачки в различных отраслях парижской промышленности, то станет понятно, почему подавленная свобода печати внезапно находит выход в мятежных прокламациях на стенах домов. В частном письме, полученном нами от заслуживающего доверия корреспондента из Парижа, сообщается, что между 1 и 12 октября было произведено не менее девятисот арестов. Некоторые из причин этих арестов стоит отметить, ибо они являют собой поразительный признак беспокойства и тревоги правительства. В одном случае один человек, который, как это говорят, «делает бизнес на бирже», был арестован за то, что сказал, будто «в Крымской войне он видит лишь гибель множества людей и бесполезную трату массы денег»; другой, коммерсант, был арестован за то, что утверждал, будто «дела в торговле так же плохи, как и правительство»; третий—за то, что при нем была

найдена песнь о Давиде д'Анже и студентах[79]; четвертый, правительственный чиновник, — за опубликование брошюры о финансовом кризисе; один портной — за попытку узнать, действительно ли были арестованы некоторые из его друзей, как ему об этом сообщили; наконец, один рабочий — за разговор о дороговизне продуктов со своим земляком жандармом, так как жандарм истолковал слова рабочего как враждебные для правительства.

Вследствие всех этих фактов французской торговле и промышленности едва ли удастся, по-видимому, избежать краха, который повлечет за собой более или менее серьезные политические события и который отразится катастрофически на устойчивости кредита и прочности деловых отношений не только г. Европе, но также и в Америке. Стремительный бег к этой пропасти может быть только ускорен грандиозными спекуляциями на постройке железных дорог в России, в которые пустился теперь Crеdit Mobilier совместно со многими крупными банкирскими домами Европы.

Написано К. Марксом около 7 ноября 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4866, 22 ноября 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ЕВРОПЕЙСКИЙ КРИЗИС

Судя по сведениям, доставленным из Европы двумя прибывшими на этой неделе пароходами, окончательный крах спекуляции и биржевой игры, который люди на обоих берегах океана инстинктивно предчувствуют как своего рода неотвратимый удар судьбы, по-видимому, откладывается на будущее. Эта отсрочка вовсе не означает, однако, что краха можно будет избежать. Напротив, хронический характер, который принял нынешний финансовый кризис, только предвещает ему еще более жестокий и пагубный исход. Чем дольше протянется кризис, тем хуже будет расплата. Европа сейчас подобна человеку, находящемуся на грани банкротства, который вынужден по-прежнему вести все дела, разорившие его, и одновременно прибегать к всевозможным отчаянным средствам, с помощью которых он надеется предупредить или отвести от себя последний страшный удар. Предъявляются новые требования об уплате взносов за акции компаний, в большинстве своем существующих лишь на бумаге; крупные суммы наличных денег вкладываются в спекулятивные предприятия, откуда их никогда уже нельзя будет извлечь; в то же время высокая процентная ставка — в настоящее время 7% в Английском банке — служит как бы суровым глашатаем грядущего суда.

Даже при условии наибольшего успеха предпринимаемых в настоящее время финансовых манипуляций бесчисленные биржевые спекуляции на континенте не могут не прийти скоро к концу. В одной только Рейнской Пруссии имеется 72 новых компании по разработке шахт с акционерным капиталом в 79797333 талера. Как раз сейчас австрийский Credit Mobilier

или, вернее, французский Crédit Mobilier в Австрии, испытывает огромные затруднения при попытке добиться платежа по своему второму требованию, так как возобновление платежей наличными парализовано мероприятиями австрийского правительства. Тот факт, что покупные деньги в уплату за железные дороги и шахты должны, согласно контрактам, вноситься в императорское казначейство звонкой монетой, означает, что вплоть до февраля 1858 г. из ресурсов Crédit Mobilier ежемесячно будет убывать свыше 1000000 долларов. С другой стороны, денежные затруднения железнодорожных подрядчиков во Франции столь значительны, что Большая центральная железная дорога оказалась вынужденной уволить на участке Мюлуза 500 служащих и 15000 рабочих, а Лионско-Женевской компании пришлось сократить или вовсе прекратить на время свои операции. За разглашение этих фактов газета «Independance belge»[80] дважды подвергалась во Франции конфискации. При таком нетерпимом отношении французского правительства к любому разоблачению истинного состояния французской торговли и промышленности любопытно отметить следующие слова, слетевшие недавно с уст помощника генерального прокурора г-на Пти при открытии сессии парижского суда:

«Обратитесь к статистике, и вы получите ряд интересных сведений о нынешних тенденциях в торговле. Число банкротств растет из года в год. В 1851 г. их было 2305; в 1852 — 2478; в 1853 г. — 2671, а в 1854 — 3691. Это увеличение относится в равной степени как к злостным, так и к простым банкротствам. Число первых с 1851 г. выросло на 66%, а число вторых — на 100%. Что же касается мошенничества в отношении характера, качества и количества проданных товаров и пользования фальшивыми мерами и весами, то число этих преступлений возросло в ужасающих размерах. В 1851 г. разбиралось 1717 таких дел; в 1852 г. —3763; в 1853 г. — 7074, а в 1854 г. — 7831».

Правда, британская пресса, невзирая на подобные явления на континенте, уверяет нас, что худший период кризиса миновал, но мы напрасно стали бы искать этому убедительных доказательств. Мы не найдем их ни в повышении Английским банком учетной ставки до 7%, ни в последнем отчете Французского банка, из которого видно не только то, что отчет подделан, но и то, что, несмотря на строжайшее ограничение займов, ссуд, учета векселей и выпуска банкнот, Банк оказался не в состоянии приостановить утечку драгоценных металлов или обойтись без премий на золото. Как бы там ни было, совершенно очевидно, что французское правительство отнюдь не разделяет тех оптимистических взглядов, которые оно стремится распространить как у себя в стране, так и за границей. В Париже известно, что император за последние шесть недель не оста-

навливался ни перед какими финансовыми жертвами, как бы велики они ни были, лишь бы удержать ренту выше 66%, ибо он не просто убежден, но твердо уверовал в то, что падение ренты ниже 66% прозвучит похоронным звоном Империи. Очевидно, что в этом отношении Французская империя отличается от Римской, поскольку одна боялась гибели от наступления варваров, а другая боится гибели от отступления биржевых спекулянтов[81].

Написано К. Марксом около 21 ноября 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4878, 6 декабря 1856 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ АВСТРИИ

Можно сказать, что морская торговля Австрии начинается с того времени, когда Венеция и подчиненные ей области на Адриатическом побережье впервые были включены в состав империи по мирному договору в Кампоформио, подтвержденному впоследствии мирным договором в Люневиле[82]. Наполеон является, таким образом, действительным основателем этой отрасли австрийской торговли. Правда, увидев, какие преимущества он предоставил этим Австрии, Наполеон взял обратно эту уступку сначала договором в Пресбурге, а затем при заключении мира в Вене в 1809 году[83]. Однако Австрия, поставленная однажды на верный путь, воспользовалась первым удобным случаем, чтобы договором 1815 г.[84] восстановить свое преобладание в бассейне Адриатического моря. Центром этой торговли является Триест; его превосходство — даже и в более ранний период — над всеми прочими австрийскими портами можно видеть из следующей таблицы:

	Порты:	Фиуме	Триест	Венеция	Прочие порты	Итого
	(во флоринах)					
1838 г.	импорт	200 000	32 200 000	9 000 000	8 000 000	49 400 000
	экспорт	1 700 000	14 400 000	5 300 000	2 000 000	23 400 000
1841 г.	импорт	200 000	22 300 000	8 500 000	5 300 000	36 300 000
	экспорт	1 600 000	11 200 000	3 100 000	1 900 000	17 800 000
1842 г.	импорт	200 000	24 900 000	11 500 000	5 100 000	41700 000
	экспорт	1 300 000	11 900 000	3 400 000	2 600 000	19 200 000

В 1839 г. стоимость импорта Венеции относилась к стоимости импорта Триеста, как 1:2,84, а стоимость их экспорта соответственно — как 1:3,8. В том же самом году число судов, заходивших в каждый из этих портов, находилось в отношении 1:4. В настоящее время Триест достиг такого преобладания, что затмил все прочие австрийские порты, включая Венецию. Однако тот факт, что Триест в Адриатике занял место Венеции, не следует приписывать ни особому покровительству австрийского правительства, ни энергичной деятельности Австрийского Ллойда[85]. Триест, никому неведомая бухта скалистого берега, населенная в начале XVIII века лишь немногими рыбаками, в 1814 г., ко времени эвакуации французских войск из Истрии, превратился в торговый порт с населением в 23000 человек, причем его торговля втрое превосходила торговлю Венеции в 1815 году. В 1832 г., за год до учреждения Австрийского Ллойда, население Триеста превышало 50000 человек; и уже в то время, когда влияние Ллойда вряд ли могло быть сколько-нибудь значительным, Триест занимал второе место после Англии в торговле с Турцией и первое место в торговле с Египтом. Это видно из следующей таблицы импорта и экспорта Смирны за время с 1835 по 1839 год:

	Пиастры	Пиастры
Англия	126 313 146	44 618 032
Триест	93 500 456	52 477 756
Соединенные Штаты	57 329 165	46 608 320

Показательны также следующие цифры импорта и экспорта Египта в 1837 году:

	Франки	Франки
Триест	13 858 000	14 532 000
Турция	12 661 000	12 150 000
Франция	10 702 000	11 703 000
Англия и Мальта	15 158 000	5 404 000

Как же случилось, что колыбелью возродившегося в Адриатике мореплавания стал Триест, а не Венеция? Венеция была городом воспоминаний; Триест, подобно Соединенным Штатам, имел то преимущество, что у него вообще не было никакого прошлого. Созданный пестрой ватагой итальянских, немецких, английских, французских, греческих, армянских и еврейских купцов-авантюристов, он не был скован традициями, подобно городу лагун. Так, например, в то время как хлебная торговля Венеции в течение XVIII века все еще цеплялась за свои старые связи, Триест сразу соединил свою судьбу с восходящей

звездой Одессы и благодаря этому сумел уже к началу XIX века совсем вытеснить свою соперницу Венецию из средиземноморской торговли хлебом. Роковой удар, нанесенный старинным итальянским торговым республикам в конце XV века открытием морского пути вокруг Африки, был повторен в миниатюре континентальной таможенной системой Наполеона. На этот раз были уничтожены последние остатки венецианской торговли. Потеряв всякую надежду на доходы от вложений в эту угасающую морскую торговлю, венецианские капиталисты, естественно, перенесли свои капиталы на противоположный берег Адриатики, где в это самое время сухопутная торговля Триеста обещала удвоить свои масштабы. Так Венеция сама вскормила величие Триеста — общая участь всех морских владык. Таким же образом Голландия заложила фундамент величия Англии, таким же образом Англия создала мощь Соединенных Штатов.

Войдя в состав Австрийской империи, Триест сразу занял положение, весьма отличное от того, какое когда-либо занимала Венеция. Триест давал естественный выход для торговли обширных и богатых областей, лежащих у него в тылу, между тем как Венеция всегда оставалась только изолированным, отдаленным портом Адриатики, захватившим мировую морскую торговлю, причем этот захват основывался на отсталости тех стран, которые не сознавали своих возможностей. Поэтому процветание Триеста не стеснено никакими пределами, кроме развития производительных сил и средств сообщения обширного комплекса стран, ныне находящихся под управлением Австрии. Другим преимуществом Триеста является его непосредственное соседство с восточным берегом Адриатики, который дает ему базу для прибрежной торговли, почти незнакомой венецианцам, и в то же время является питомником того отважного племени моряков, которое Венеция никогда не умела вполне использовать. Как в свое время Венеция приходила в упадок по мере подъема Оттоманской империи, так теперь возможности Триеста растут вместе с ростом преобладания Австрии над Турцией. Развитию торговли Венеции, даже в период ее наибольшего расцвета, препятствовало разделение восточной торговли, зависевшее всецело от политических причин. С одной стороны, существовал торговый путь по Дунаю, едва ли имевший когда-либо связь с морской торговлей Венеции; с другой стороны, пока Венеция, под покровительством католических королей, монополизировала торговлю Мореи, Кипра, Египта, Малой Азии и т. д., генуэзцы, под покровительством греческих императоров, почти монополизировали торговлю Константинополя и Черного моря. Триест впервые объединил оба эти великие

пути левантийской торговли с торговлей по Дунаю. В конце XV века Венеция оказалась как бы географически смещенной. С открытием морского пути вокруг мыса Доброй Надежды, перенесшим центр азиатской торговли сначала в Лиссабон, а затем в Голландию и, наконец, в Англию, Венеция утратила преимущества своего соседства с Константинополем и Александрией, тогдашними центрами азиатской торговли. Благодаря прорытию Суэцкого канала, преимущество, утраченное Венецией, вероятно, достанется в наше время Триесту. Триестская торговая палата не только присоединилась к французской Компании Суэцкого канала, но и направила также своих агентов для исследования Красного моря и берегов Индийского океана в целях развития торговых операций, которые намечаются в тех краях. Как только будет прорыт канал, Триест, несомненно, станет снабжать всю Восточную Европу индийскими товарами; он окажется на таком же близком расстоянии от тропика Рака, на каком он находится теперь от Гибралтара, а морской путь в 5600 миль приведет его суда к Зондскому проливу.

Набросав, таким образом, в общих чертах перспективы развития торговли Триеста, мы в дополнение к этому приведем таблицу, показывающую развитие торговли этого порта в течение последних десяти лет:

Годы	Суда	Тоннаж	Годы	Суда	Тоннаж
1846	16 782	985 514	1851	24 101	1 408 802
1847	17 321	1 007 330	1852	27 931	1 556 652
1848	17 812	926 815	1853	29 317	1 675 886
1849	20 553	1 269 258	1854	26 556	1 730 910
1850	21 124	1 323 796	1855	21 081	1 489 197

Если сравнить среднюю цифру за первые три года этого периода со средней цифрой последних трех лет (973220 против 1631664), то прирост за столь короткий промежуток времени выразится отношением 68 к 100. Марсель далеко не обнаруживает столь быстрого развития. Кроме того, основа процветания Триеста более прочна, потому что она создана благодаря расширению торговых сношений как с собственно австрийскими, так и с иностранными портами. Например, внутренняя торговля с 1846 по 1848 г. в среднем равнялась 416709 тоннам в год; с 1853 по 1855 г. она возросла в среднем до 854753 тонн в год, то есть более чем удвоилась. В период с 1850 по 1855 г. включительно, тоннаж прошедших через порт Триеста австрийских судов был равен 6206316, тоннаж иностранных — 2981928 тоннам. Торговля с Грецией, Египтом, Левантом и черноморскими

странами за тот же самый период увеличилась в среднем с 257741 тонны до 496394 тонн в год.

При всем этом торговля и судоходство Триеста далеко еще не достигли того уровня, когда торговый оборот принимает определенные устойчивые формы и автоматически является следствием полного развития ресурсов страны. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь бросить взгляд на экономическое положение Австрийской империи, с ее недостаточно развитыми внутренними путями сообщения, с ее населением, в значительной части еще одетым в овчины и незнакомым с потребностями культурного быта. Как только Австрия доведет развитие своих путей сообщения хотя бы, скажем, до уровня, какого они достигли в германских государствах, так торговля Триеста быстро и энергично проложит себе путь в самое сердце империи. Окончание строительства железной дороги от Триеста до Вены с веткой от Цилли до Пешта произведет в австрийской торговле целую революцию, из которой ни один центр не извлечет больших выгод, чем Триест. Эта железная дорога безусловно начнет с грузооборота большего, чем грузооборот Марселя. Однако возможные размеры этого грузооборота мы определим, лишь приняв во внимание, что страны, для которых Адриатическое море является единственным выходом, имеют население в 30966000 жителей, то есть равное населению Франции в 1821 г., и что порт Триеста будет обслуживать территорию в 60398000 гектаров, то есть на 7 млн. гектаров больше территории Франции. Поэтому Триесту в ближайшем будущем суждено стать тем же, чем являются для Франции Марсель, Бордо, Нант и Гавр, вместе взятые.

Написано К. Марксом в конце ноября 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4906, 9 января 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ АВСТРИИ

В одной из предшествующих статей[*] мы проследили природные условия, благодаря которым возродилась адриатическая торговля в Триесте. Развитие этой торговли в значительной степени является результатом деятельности Австрийского Ллойда — компании, основанной англичанами, но с 1836 г. находящейся в руках триестских капиталистов. Первоначально Ллойд имел всего лишь один пароход, совершавший один рейс в неделю между Триестом и Венецией. Вскоре эти рейсы стали ежедневными. Постепенно пароходы Ллойда завладели торговлей Ровиньо, Фиуме, Пирано, Зары и Рагузы на истрийском и далматинском берегах. Вслед за тем в сферу деятельности компании была вовлечена Романья, затем последовали Албания, Эпир и Греция. Пароходы Ллойда еще не вышли за пределы Адриатики, когда Архипелаг, Салоники, Смирна, Бейрут, Птолемаида и Александрия стали добиваться включения их в сеть рейсов, которую проектировала эта компания. Наконец, суда Ллойда проникли в Черное море и на глазах у Турции и России завладели линиями сообщений, связывающими Константинополь с Синопом, Трапезундом, Варной, Браиловом и Галацом. Таким образом, компания, организованная лишь для обслуживания Адриатического побережья Австрии, постепенно завоевывает позиции в Средиземном море и, обеспечив за собой Черное море, по-видимому, только и дожидается прорытия Суэцкого канала, чтобы проникнуть в Красное море и Индийский океан.

[*] См. настоящий том, стр. 86—90. *Ред.*

Первоначальный капитал Ллойда в сумме 1000000 флоринов последовательными эмиссиями новых акций и займами был увеличен до 13000000 флоринов. Движение капитала компании и ее операции с 1836 г. представлены в последнем отчете директоров в следующем виде:

	1836/37 г.	1853/54 г.
Капитал	1 000 000 фл.	8 000 000 фл.
Число пароходов	7	47
Лошадиных сил	630	7 990
Тоннаж	1 944	23 665
Стоимость судов	798 824 фл.	8 010 000 фл.
Число рейсов	87	1 465
Пройдено миль	43 652	776 415
Перевезено пассажиров	7 967	331 688
Слитков драгоценных металлов на	934 269 фл.	59 523 125 фл.
Писем и депеш	35 205	748 930
Тюков	5 752	565 508
Общая сумма расходов	232 267 фл.	3 611 156 фл.
За 17 лет все расходы компании (включая дивиденды) составили		25 147 403 »
А все доходы		26 032 452 »
Превышение доходов над расходами		885 049 фл.

Ллойд, сам являясь коммерческим предприятием большой важности, как можно судить по вышеприведенной таблице, оказал огромные услуги росту промышленности и торговли повсюду, куда проникали его суда. По подсчетам, при которых стоимость австрийского квинтала* груза расценивается в 300 флоринов, а стоимость багажа каждого пассажира в 10 флоринов, Ллойд между 1836 и 1853 г. перевез:

Товаров на	1 255 219 200 фл.
Багажа на	84 847 930 »
Монет и слитков драгоценных металлов на	461 113 767 »
Итого на	1 801 180 897 фл.

«Нет сомнения», — говорит один французский автор, — «что скромное, но неослабное влияние этой купеческой компании на положение дел в Леванте в течение многих лет было, но меньшей мере, столь же действенным и гораздо более благотворным, чем влияние австрийской дипломатии».

* — центнера. *Ред.*

Оживление торговли и развитие парового судоходства в Адриатическом море рано или поздно не могут не вызвать к жизни адриатический военный флот, исчезнувший со времени упадка Венеции. Наполеон, по свойственному ему складу ума, думал создать такой флот, не дожидаясь восстановления морской торговли; он проделал этот опыт одновременно в Антверпене и в Венеции. Так как ему удавалось создавать армии без народа, который поддерживал бы их, то он не сомневался в том, что сумеет создать военный флот без торгового флота, на который можно было бы опереться. Но помимо того, что эта затея сама по себе была невыполнима, Наполеон наткнулся на совершенно непредвиденные трудности местного характера. После того как в Венецию были отправлены его самые искусные инженеры, после того как строительство укреплений этого города было завершено, пловучий matеriel* отремонтирован и прежняя деятельность кораблестроительных верфей восстановлена, вдруг обнаружилось, что технический прогресс в морской войне и мореплавании в такой же мере сделал гавань Венеции непригодной, в какой новые торговые пути обрекли на бесплодие ее торговлю и судоходство. Выяснилось, что, как ни была удобна гавань в Венеции для стоянки старинных галер, она оказалась слишком мелководной для современных линейных кораблей и что даже фрегаты могли входить в порт лишь после предварительной выгрузки своих пушек, да и то только при южном ветре и сильном приливе. Но для современных военно-морских портов совершенно необходимо, чтобы доступ в них был открыт судам во всякое время и чтобы они были достаточно глубоки и просторны для размещения целого флота как при наступательных действиях, так и в обороне. Бонапарт, кроме того, убедился, что он совершил еще один промах. Договорами, заключенными в Кампоформио и Люневиле, он отрезал Венецию от восточного берега Адриатического моря и тем лишил ее людского материала для комплектования флотского экипажа. От устья Изонцы до Равенны он тщетно искал людей, привычных к мореходству, так как среди венецианских гондольеров и рыбаков лагун (робкое и малочисленное племя) нечего было и думать набрать сколько-нибудь стоящих матросов. Лишь теперь Наполеон обнаружил то, что венецианцы открыли еще в X веке, а именно, что господство в Адриатике может принадлежать только тому, кто владеет ее восточными берегами. Он понял, что его договоры в Кампоформио и Люневиле были колоссальной ошибкой, так как этими договорами он отдал

* — инвентарь. *Ред.*

Австрии привычное к мореходству население Адриатики, себе же оставил лишь название гавани, потерявшей свое значение (magni nominis umbram[*]). Чтобы исправить свои прежние грубые ошибки, он последующими договорами в Пресбурге и Вене присвоил Истрию и Далмацию.

Давным-давно еще Страбон отметил[86], что, в то время как итальянский берег Адриатики совершенно лишен бухт и гаваней, противоположный, иллирийский берег изобилует превосходными портами. Действительно, во время гражданских войн в Риме мы видим, что Помпей без затруднений формировал крупные флоты у берегов Эпира и Иллирии, между тем как на итальянском берегу Цезарь только после беспримерных усилий мог собрать небольшое количество судов, чтобы по частям переправлять свои войска. Со своими глубокими заливами и бухтами, дикими скалистыми островами, множеством песчаных отмелей и отличных естественных гаваней берег Истрии и Далмации стал первоклассным питомником превосходных моряков, крепких телом и отважных духом, закаленных бурями, почти ежедневно бушующими на Адриатическом море. Bora[**], мощный возмутитель этого моря, поднимается всегда внезапно; бурным вихрем налетает он на моряков, и только самым закаленным из них удается устоять на палубе судна. Иногда он свирепствует неделями без перерыва, и больше всего от его ярости страдает местность между бухтой Каттаро и южной оконечностью Истрии. Но далматинец, привыкший с детства бороться с ним, только закаляется под его грозным дыханием и с презрением относится к обычным штормам других морей. Таким образом, воздух, суша и море словно сговорились, чтобы произвести на свет крепких и хладнокровных моряков этого побережья.

Сисмонди заметил, что изготовление шелковых тканей столь же свойственно крестьянам Ломбардии, как прядение шелковых нитей — шелковичному червю. Так и далматинцу столь же свойственно пускаться в море, как и морской птице. Пиратство в такой же мере служит темой их народных песен, как сухопутный разбой является темой древней тевтонской поэзии. И поныне далматинец с любовью хранит память о буйных подвигах ускоков, которые в течение полутора столетий сдерживали регулярные силы Венеции и Турции[87]. Деятельность их прекратилась лишь после того, как был заключен договор между Турцией и Австрией в 1617 г., между тем как до этого времени

[*] — тень великого имени. *Ред.*
[**] — бора (сильный северо-восточный ветер). *Ред.*

ускоки пользовались удобным для них покровительством императора. Историю ускоков можно сравнить только с историей днепровских казаков: первые были изгнаны из Турции, вторые — из Польши; одни наводили ужас в Адриатике, другие — на Черном море; первые сначала пользовались тайной поддержкой Австрии, но были затем ею уничтожены, в отношении вторых ту же роль сыграла Россия. Далматинские моряки средиземноморской эскадры адмирала Эмерио вызывали восхищение Наполеона. Поэтому не может быть сомнения, что на восточных берегах Адриатики имеется необходимый людской материал для первоклассного флота. Этим людям не хватает лишь одного — дисциплины. На основании переписи 1813 г. Наполеон установил, что на этом берегу имеется 43500 моряков:

В Триесте	12 000
В Фиуме	6 000
В Заре	9500
В Спалато	5 000
В Рагузе	8 500
В Каттаро	2 500
Итого	43 500
В настоящее же время их число должно быть не менее	55 000

После того как были найдены люди, Наполеон стал искать для адриатического флота гавань. Иллирийские провинции были приобретены им окончательно по Венскому трактату 1809 г., но они были заняты французскими войсками еще со времени битвы при Аустерлице, и Наполеон воспользовался состоянием войны для подготовки строительства крупных сооружений, которое он имел в виду осуществить в мирное время. В 1806 г. г-н Ботан-Бопре, во главе группы инженеров и гидрографов французского флота, был послан для изучения берегов Истрии и Далмации с целью выбора наиболее подходящего пункта для проектируемой в Адриатике морской базы. Был обследован весь берег, и внимание инженеров, в конце концов, остановилось на гавани Пола, расположенной на южной оконечности Истрийского полуострова. Венецианцы, стремясь держать свои морские силы лишь в самой Венеции, не только пренебрежительно относились к гавани Пола, но и старательно распространяли слух, будто она недоступна для военных кораблей из-за якобы имеющейся там отмели. Однако г-н Бопре удостоверился, что никакой отмели там нет и что Пола соответствует всем требованиям современного военного порта.

В различные времена она служила местопребыванием морских сил Адриатики. Она была центром морских операции римлян во времена их экспедиций в Иллирию и Паннонию и стала постоянной стоянкой флота Римской империи. В различные времена ее занимали генуэзцы, венецианцы и, наконец, ускоки. Глубокая и просторная во всех своих частях гавань Пола со стороны моря защищена островами, а с тыла — скалами, господствующими над всей местностью. Ее единственным минусом является нездоровый климат и лихорадка, которые, как утверждает г-н Ботан-Бопре[88], исчезнут с применением системы осушительных мероприятий, доныне еще не известной в этих местах.

Австрийцы очень медленно свыкались с мыслью, что они становятся морской державой. Вплоть до самого последнего времени их военно-морское управление в их собственных глазах было просто отделом военного ведомства. Звание полковника в армии соответствовало во флоте званию капитана I ранга, звание подполковника — званию капитана фрегата, звание майора — званию капитана корвета; и это соответствие в табели о рангах казалось австрийцам гарантией действительного соответствия между военной и морской службами. Они считали, что нашли наилучший способ создать мичмана, сделав его предварительно гусарским корнетом. Рекруты для флота набирались тем же способом, что и рекруты для армии, с той единственной разницей, что провинции Истрия и Далмация поставляли людей исключительно для морской службы. Срок службы был тоже одинаков, а именно восемь лет как на суше, так и на море.

Разграничение армии и флота, как и весь современный прогресс Австрии, является результатом революции 1848 года. Опыт Наполеона ничему не научил австрийцев; до 1848 г. Венеция оставалась единственным арсеналом Австрии. Австрийцы не задумывались над недостатками венецианской гавани, так как фактически у них не было современного военного флота. Все их морские силы состояли только из 6 фрегатов, 5 корветов, 7 бригов, 6 шлюпов, 16 пароходов и 36 вооруженных шлюпок — всего с 850 пушками. В виде наказания итальянцам за революцию австрийцы перевели морскую школу, обсерваторию, гидрографическую службу, пловучий инвентарь и артиллерийский парк из Венеции в Триест. Судостроительные верфи и материальные склады остались на старом месте, и таким образом из-за бюрократической мстительности морские службы оказались размещенными в двух различных пунктах. Но вместо того, чтобы наказать Венецию, Австрия только ослабила обе

эти части своей морской базы. Лишь постепенно австрийское правительство поняло, что какой бы превосходной торговой гаванью ни был Триест, он не годится для стоянки военного флота. В конце концов австрийскому правительству не оставалось ничего другого, как вспомнить урок, полученный в Адриатике Наполеоном, и сделать Полу центром своего морского управления. Первые несколько лет после перенесения адмиралтейства в Полу были потрачены не на постройку верфей, а — что вполне в духе австрийской практики — на постройку казарм. Система обороны Полы основывается на организации перекрестного огня с островов у входа в гавань, в сочетании с цепью максимилиановых башен, которые должны помешать неприятельским судам обстреливать гавань. Помимо своих стратегических преимуществ, Пола обладает еще одним обязательным качеством хорошего порта: она в состоянии обеспечить материальное снабжение большого флота. В Истрии дубовые рощи по качеству не уступают неаполитанским; Карниола, Каринтия и Штирия обладают неистощимыми запасами сосны, которая уже теперь составляет главный предмет вывоза из Триеста; Штирия богата железом; для вывоза анконской пеньки нет более удобного пункта, чем Пола; уголь до сих пор поступал из Англии, но далматинские копи в Себенико начинают давать уголь лучшего качества, а когда откроется Венско-Триестская железная дорога, из Земмеринга можно будет получать самый доброкачественный уголь. Все сельскохозяйственные продукты Истрии, благодаря меловой почве, которая их питает, хорошо переносят длительные перевозки. Растительное масло имеется в изобилии, венгерский хлеб под боком, а свинину в огромном количестве можно получать из долины Дуная. Эта свинина в настоящее время идет в Галац и Гамбург, но железная дорога направит ее в Триест и Полу.

Всем этим великолепным предпосылкам для возрождения военно-морской мощи Адриатики противостоит лишь одно препятствие — сама Австрия. Если бы Австрия, при своей нынешней организации и со своим нынешним правительством, была способна основать в Адриатике мощный торговый и военный флот, она опрокинула бы этим все исторические традиции, согласно которым морское величие всегда сочеталось со свободой. Но опрокинуть традиции — значило бы для Австрии опрокинуть самое себя.

Написано К. Марксом в конце ноября 1856 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5082, 4 августа 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БОЖЕСТВЕННОЕ ПРАВО ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ

В настоящее время в Европе заняты только одним важным вопросом — вопросом о Невшателе[89]. Так, по крайней мере, утверждают прусские газеты. Правда, площадь Невшательского княжества вместе с графством Валанжен математически можно выразить довольно скромной цифрой в четырнадцать квадратных миль. Но ведь не количество, а качество, как говорят королевские философы в Берлине, обычно придает вещам величие или ничтожество и кладет на них печать возвышенного или смешного. Для них невшательский вопрос — это вечный спор между революцией и божественным правом, противоречие, столь же мало зависящее от географических размеров, как мало зависит закон тяготения от различия между солнцем и теннисным мячом.

Попытаемся разобраться в том, что именно Гогенполлернская династия называет своим божественным правом. В случае, который мы сейчас рассматриваем, она ссылается на протокол, помеченный: Лондон, 24 мая 1852 года; в силу этого протокола уполномоченные Франции, Великобритании и России

«признали принадлежащие королю прусскому права на княжество Невшатель и графство Валанжен, согласно содержанию статей двадцать третьей и семьдесят пятой Венского трактата, каковые права с 1815 по 1848 г. существовали одновременно с правами, предоставленными Швейцарии, согласно статье семьдесят третьей того же договора».

Этим «дипломатическим вмешательством» божественное право короля прусского на Невшатель признано лишь постольку, поскольку оно установлено Венским трактатом. В свою очередь, Венский трактат отсылает нас к праву, приобретенному Пруссией в 1707 году. Но как обстояло дело в 1707 году?

Княжество Невшатель и графство Валанжен, в средние века принадлежавшие Бургундскому королевству, после поражения Карла Смелого[90] сделались союзниками Швейцарского союза, и в этом положении они, состоя под непосредственным протекторатом Берна, оставались в течение всех последовательных смен своих феодальных «сюзеренов» до тех пор, пока Венский трактат не превратил их из союзников в членов Швейцарского союза. Сюзеренитет над Невшателем сначала был передан Шалонско-Оранской династии, затем, вследствие вмешательства Швейцарии, Лонгвильской династии и, наконец, после того как вымерли все представители мужской линии этой династии, он перешел к сестре принца*, вдовствующей герцогине Немурской. Когда герцогиня получила эти владения, Вильгельм III, английский король и герцог Нассау-Оранский, заявил протест и передал свои притязания на Невшатель и Валанжен своему двоюродному брату Фридриху I, королю прусскому; однако этот акт не имел никаких последствий при жизни Вильгельма III. После смерти Марии, герцогини Немурской, Фридрих I выступил со своими притязаниями, но так как на сцене появились еще четырнадцать кандидатов, то он благоразумно предоставил решение о претензиях соперников окончательному суждению сословного собрания Невшателя и Валанжена, заранее обеспечив его приговор подкупом судей. Таким образом, путем подкупа король Пруссии сделался князем Невшательским и графом Валанженским. Эти титулы были отняты у него французской революцией, вновь возвращены ему Венским трактатом и снова отняты революцией 1848 года. Против революционного права народа он апеллирует к божественному праву Гогенцоллернов, которое сводится, по-видимому, к божественному праву подкупа.

Незначительность масштабов является характерной чертой всех феодальных конфликтов. Однако необходимо иметь в виду и большие различия между ними. Бесчисленные мелкие столкновения, интриги и измены, с помощью которых французские короли сумели вытеснить своих феодальных вассалов, несомненно, навсегда останутся любимой темой историков, ибо они являются вехами образования великой нации. С другой стороны, рассказ о том, как тот или другой вассал ухитрился, в своих собственных частных интересах, лишить Германскую империю более или менее значительной доли ее владений, представляет совершенно бесплодную и скучную тему, если ее не оживляет

* В «New-York Daily Tribune» от 9 января 1857 г. вместо слов «к сестре принца» напечатано: «к сестре последнего принца». *Ред.*

стечение каких-либо чрезвычайных обстоятельств, вроде тех, которыми отмечена история Австрии. Здесь мы видим, как один и тот же князь, будучи одновременно выборным главой империи и наследственным вассальным правителем одной из ее областей, интригует против империи в интересах своей области; как эти интриги удаются, ибо его захваты на юге как бы возобновляют традиционные конфликты между Германской империей и Италией, а его захваты на востоке как бы продолжают смертельную борьбу между германскими и славянскими племенами и сопротивление христианской Европы мусульманскому Востоку; как, наконец, посредством искусных семейных связей оп доводит могущество своего дома до такой высоты, что в известный момент грозит не только поглотить империю, окружая ее мишурным блеском, но и похоронить весь мир в могиле мировой монархии. Летописи маркграфства Бранденбургского не имеют ничего общего с этими грандиозными масштабами. В то время как история его соперницы производит впечатление сатанинской эпической поэмы, его собственная история звучит лишь как скандальная семейная хроника. Между обеими есть поразительное различие даже там, где можно было бы надеяться найти сходство, если не тождество интересов. Обе марки, Бранденбург и Австрия, первоначально, имели значение аванпостов как в защите, так и в наступлении Германии против соседних славянских племен. Но даже с этой точки зрения история Бранденбурга бедна красками, жизнью и драматическим движением, ибо она теряется в мелких стычках с безвестными славянскими племенами, разбросанными на сравнительно небольшом пространстве между Эльбой и Одером, причем ни одно из них не успело созреть даже до подобия исторического существования. Ни одно славянское племя, имеющее какое-либо историческое значение, ни разу не было завоевано или онемечено Бранденбургским маркграфством, и этому маркграфству не удавалось даже протянуть свои руки к соседнему Вендскому морю. Померания, предмет домогательств маркграфов Бранденбурга начиная с XII века, даже и в 1815 г. не была еще целиком включена в прусское королевство[91], а когда бранденбургские курфюрсты начали присваивать ее по частям, она уже давно перестала быть славянским государством. Преобразование южных и юго-восточных берегов Балтики, происшедшее частично благодаря торговой предприимчивости немецких бюргеров, частично при помощи меча немецких рыцарей, относится к истории Германии и Польши, а не к истории Бранденбурга, который появился здесь только для того, чтобы собрать не им посеянную жатву.

Без особого риска можно утверждать, что среди бесчисленного количества читателей, которым удалось составить себе некоторое понятие о том, что за люди носили классические имена Ахиллеса, Цицерона, Нестора и Гектора, существует лишь весьма незначительный процент таких, которые когда-либо подозревали, что песчаная почва Бранденбурга не только производит в наше время картофель и овец, но когда-то изобиловала также курфюрстами, в количестве не менее четырех, которые были известны соответственно под именами Альбрехта Ахиллеса, Иоганна Цицерона, Иоахима I Нестора и Иоахима II Гектора. Та самая золотая посредственность, которая благоприятствовала медленному развитию Бранденбургского курфюршества в нечто, из вежливости называемое европейской державой, оберегала его доморощенную историю от слишком нескромной близости с гласностью. Имея в виду этот факт, прусские государственные деятели и писатели прилагали величайшие усилия к тому, чтобы внушить всему миру представление, будто Пруссия является военной монархией par excellence*, из чего можно сделать вывод, что божественное право Гогенцоллернов должно означать право меча, право завоевания. Однако нет ничего более далекого от истины, чем это представление. Напротив, можно утверждать, что, в сущности говоря, из всех провинций, которыми в настоящее время владеют Гогенцоллерны, они завоевали лишь одну, Силезию — подвиг столь единственный в своем роде в летописях их династии, что Фридриху II он доставил прозвище Единственного. Надо заметить, что прусская монархия простирается более чем на 5062 географические квадратные мили, из которых Бранденбургская провинция, даже в ее нынешних границах, занимает не более 730, а Силезия — не более 741 квадратной мили. Как же удалось Гогенцоллернам завладеть Пруссией с ее 1178 квадратными милями, Познанью с ее 536 квадратными милями, Померанией с ее 567 квадратными милями, Саксонией с ее 460 квадратными милями, Вестфалией с ее 366 квадратными милями и Рейнской Пруссией с ее 479 квадратными милями? Это удалось им благодаря божественному праву подкупа, открытой купле, мелкой краже, охоте за наследствами и предательским договорам о разделах.

В начале XV века маркграфство Бранденбургское принадлежало Люксембургской династии, глава которой Сигизмунд в то же время владел и императорским скипетром Германии. Весьма нуждаясь в деньгах и будучи жестоко тесним своими

* — по преимуществу. *Ред.*

кредиторами, он нашел покладистого и сговорчивого друга в лице Фридриха, бургграфа нюрнбергского, князя, ведшего свой род от династии Гогенцоллернов. В 1411 г. Фридрих был водворен на пост верховного правителя Бранденбурга, переданного ему как бы в виде закладной за различные суммы денег, которые он дал взаймы императору. Как подобает расчетливому ростовщику, которому удалось вступить в предварительное владение домом расточителя, Фридрих новыми ссудами продолжал запутывать Сигизмунда в новые долги вплоть до 1415 г., когда взаимные расчеты должника и кредитора были улажены путем передачи Фридриху наследственного курфюршества Бранденбургского. Чтобы не оставить никакого сомнения насчет природы этого акта, он был снабжен двумя условиями: одно из них сохраняло за Люксембургской династией право выкупа курфюршества при уплате 400000 флоринов золотом, другое обязывало Фридриха и его наследников при каждом новом избрании императора отдавать свой голос в пользу Люксембургской династии; первое условие ясно характеризовало заключенное соглашение как меновую сделку, а второе — как подкуп. Чтобы стать полным владельцем курфюршества, алчному другу Сигизмунда оставалась еще только одна операция — отмена условия о выкупе. В соответствии с этим, выждав удобный момент, когда на Констанцском соборе[92] Сигизмунд снова оказался не в ладах с расходами по имперскому представительству, Фридрих поспешил из своей марки в пределы Швейцарии, опорожнил свой кошелек, и роковое условие было уничтожено. Таковы были пути и средства божественного права, на котором и поныне царствующая династия Гогенцоллернов основывает свое владение Бранденбургским курфюршеством. Так возникла прусская монархия.

Ближайший преемник Фридриха, человек весьма слабый, получивший прозвище «Железного», так как по странной причуде всегда являлся перед публикой в железных доспехах, за 100000 золотых флоринов купил Новую Марку у ордена тевтонских рыцарей, точно так же как его отец купил Старую Марку и свое звание курфюрста у императора. Отныне метод покупки по частям владений задолжавших государей стал таким же обычным делом для гогенцоллернских курфюрстов, как вооруженное вмешательство некогда было обычным делом для римского сената. Оставляя в стороне скучные подробности этой грязной торговли, мы перейдем прямо к эпохе Реформации.

Не следует думать, что если Реформация стала главной опорой династии Гогенцоллернов, то династия Гогенцоллернов являлась главной опорой Реформации. Совсем наоборот. Осно-

ватель этой династии Фридрих I начал свое царствование тем, что повел армии Сигизмунда против гуситов[93], которые порядком отколотили его за это усердие. Иоахим I Нестор, царствовавший с 1499 по 1535 г., поступал с Реформацией так, словно она была движением таборитов[94]. Он преследовал ее до самой своей смерти. Хотя Иоахим II Гектор сам принял лютеранство, он отказался обнажить меч в защиту новой веры в тот самый момент, когда она, казалось, изнемогала в борьбе о подавляющими силами Карла V. Он не только отказался принять участие в вооруженном сопротивлении Шмалькальденского союза[95], но и предлагал императору свою тайную помощь. Таким образом, германская Реформация встретила со стороны Гогенцоллернов открыто враждебное отношение при своем возникновении, лживый нейтралитет в ранний период своей борьбы, а во время своего страшного заключительного акта — Тридцатилетней войны[96] — она столкнулась с малодушными колебаниями, трусливым бездействием и подлым вероломством. Как известно, курфюрст Георг-Вильгельм пытался преградить путь освободительным армиям Густава-Адольфа, который был принужден пинками и тумаками загнать курфюрста в протестантский лагерь, откуда тот позже пытался улизнуть, заключив сепаратный мир с Австрией[97]. Но если Гогенцоллерны не были рыцарями германской Реформации, то они, несомненно, были ее кассирами. Их нежелание сражаться за дело Реформации могло сравниться только с их жаждой совершать грабежи, прикрываясь ее именем. Для них Реформация была только религиозным обоснованием права на секуляризацию, так что лучшая часть их приобретений в XVI и XVII веках восходит к одному обильному источнику, ограблению церкви — довольно странный способ проявления божественного права.

В истории образования Гогенцоллернской монархии три события являются важнейшими — приобретение Бранденбургского курфюршества, присоединение к этому курфюршеству герцогства Пруссии и, наконец, возведение герцогства в ранг королевства. Мы уже видели, как было приобретено курфюршество. Герцогство Пруссия было добыто с помощью трех актов. Во-первых, посредством секуляризации; далее, посредством брачных сделок довольно двусмысленного свойства: курфюрст Иоахим-Фридрих женился на младшей, а его сын, Иоганн-Сигизмунд, на старшей дочери безумного герцога Альбрехта Прусского, не имевшего сыновей; и, наконец, посредством подкупа правой рукой — придворных польского короля, а левой рукой — сейма Речи Посполитой. Эти сделки с подкупом были настолько сложны, что они растянулись на целый ряд лет.

Подобный же метод был применен для преобразования герцогства Пруссии в королевство. Для получения королевского титула курфюрсту Фридриху III, впоследствии королю Фридриху I, нужно было согласие германского императора; Чтобы получить это согласие, против которого возмущалась католическая совесть императора, Фридрих III подкупил иезуита Вольфа — духовника Леопольда I — и в придачу подбросил 30000 бранденбуржцев, которые должны были служить пушечным мясом в войне Австрии за Испанское наследство[98]. Гогенцоллернский курфюрст вернулся к древнегерманскому обычаю расплачиваться живым товаром, с той лишь разницей, что древние германцы платили скотом, он же платил людьми. Так создалось божьей милостью королевство Гогенцоллернов.

С тех пор как с начала XVIII века Гогенцоллерны пошли в гору, они усовершенствовали свои методы увеличения владений, добавив к подкупу и меновым сделкам еще и договоры с Россией о разделах, направленные против государств, которых они не побеждали, но на которые внезапно набрасывались после того, как эти государства уже были побеждены. Так, мы видим, что они действовали заодно с Петром Великим при разделе шведских владений, с Екатериной II при разделе Польши и с Александром I при разделе Германии[99].

Таким образом, те, кто возражают против прусских притязаний на Невшатель, указывая на то, что он был добыт путем подкупа, совершают печальную ошибку, забывая, что путем подкупа же Гогенцоллерны получили Брапденбург, овладели Пруссией и таким же путем приобрели королевское достоинство. Не может быть сомнений в том, что Невшателем они владеют в силу такого же божественного права, как и другими своими владениями, и что они не могут отказаться от одного из них, не подвергая опасности все остальные.

Написано К. Марксом около 2 декабря 1856 г.

Напечатано в «The People's Paper» № 241, 13 декабря 1856 г. за подписью К. М. и в газете «New-York Daily Tribune» № 4906, 9 января 1857 г. без подписи

Печатается по тексту «The People's Paper», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с английского

К. МАРКС

* АНГЛО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ

Почта, доставленная нам вчера утром пароходом «Америка», содержит большое количество документов о конфликте англичан с китайскими властями в Кантоне и о военных действиях адмирала Сеймура[100]. Вывод, к которому должно привести, как нам кажется, всякого беспристрастного человека внимательное изучение официальной переписки между британскими властями в Гонконге и китайскими властями в Кантоне, будет тот, что неправы во всем этом деле англичане. Причина конфликта, как утверждают последние, состоит будто бы в том, что некие китайские должностные лица, вместо того чтобы обратиться к британскому консулу, насильственно удалили с лорчи[*], которая стояла на реке Кантон, нескольких китайских преступников и спустили развевавшийся на ее мачте британский флаг. Однако, как пишет лондонская газета «Times», «существует, конечно, и ряд спорных вопросов, вроде вопроса о том, стояла ли лорча под английским флагом и был ли всецело прав консул в отношении мер, которые он предпринял». Выраженное таким образом сомнение имеет основание, если мы вспомним, что условие договора[101], которое, по утверждению консула, следовало бы применить к данной лорче, относится лишь к английским судам; между тем лорчу, как это явствует из многих данных, нельзя было считать английской в сколько-нибудь точном смысле этого слова. Но для того чтобы наши читатели имели возможность получить полное представление о всем инциденте в целом, мы приведем самое существенное из

[*] — каботажного парусного судна. *Ред.*

официальной переписки. Прежде всего имеется следующее сообщение британского консула в Кантоне г-на Паркса генерал-губернатору Е, датированное 21 октября:

«Утром 8-го с. м. на борт британской лорчи «Эрроу», которая находилась среди других судов, стоявших на якоре у города, без какого бы то ни было предварительного обращения к британскому консулу прибыл большой отряд китайских офицеров и солдат, одетых в военную форму; несмотря на протест капитана-англичанина, они схватили, связали и увезли двенадцать китайцев из числа команды лорчи, состоявшей из четырнадцати человек, и спустили на лорче флаг. В тот же день я сообщил Вашему превосходительству все подробности об этом публичном оскорблении британского флага, а также о серьезном нарушении статьи девятой дополнительного договора и обратился к Вам с требованием дать удовлетворение за оскорбление и обеспечить в данном случае точное соблюдение условий договора. Но Ваше превосходительство, странным образом пренебрегая как справедливостью, так и договорными обязательствами, не представили ни удовлетворения, ни извинения за оскорбление, а то обстоятельство, что захваченные Вами матросы продолжают находиться у Вас под стражей, означает, что Вы одобряете это нарушение договора и лишаете правительство ее величества уверенности в том, что подобный случай не повторится вновь».

По всей вероятности, китайцы, служившие на лорче, были схвачены китайскими офицерами потому, что последним стало известно об участии некоторых членов команды в пиратском нападении на какое-то китайское торговое судно. Британский консул обвиняет китайского генерал-губернатора в том, что арестована команда, что был спущен британский флаг, что губернатор отказался принести какие бы то ни было извинения и содержит под стражей арестованных матросов. Китайский губернатор в письме, адресованном адмиралу Сеймуру, утверждает, что 10 октября, удостоверившись в невиновности девяти человек из числа арестованных, он приказал одному из офицеров вернуть их обратно на судно, но консул Паркс отказался их принять. Что касается самой лорчи, то губернатор заявляет, что во время ареста на ней китайцев ее считали китайским судном, и это было правильно, поскольку лорча была построена китайцем и принадлежала китайцу, который обманным путем добыл британский флаг, зарегистрировав свое судно в британском колониальном судовом реестре, — метод, по-видимому, обычный для китайских контрабандистов. Что же касается вопроса об оскорблении флага, то губернатор замечает:

«Существовало неизменное правило для лорчей, принадлежащих к нации Вашего превосходительства, — спускать флаг, когда они бросают якорь, и вновь поднимать флаг, когда они отправляются в путь. При посещении упомянутой лорчи с целью ареста преступников, на ней не развевалось, как это уже было полностью доказано, никакого флага.

Как же в таком случае мог быть спущен флаг? Тем не менее консул Паркс шлет одну депешу за другой, требуя удовлетворения за оскорбление, нанесенное флагу».

На основании этих предпосылок китайский губернатор приходит к выводу, что никакого нарушения договора не произошло. Несмотря на это 12 октября британский уполномоченный* потребовал не только выдачи всей арестованной команды лорчи, но и извинения. Губернатор отвечает на это следующим образом:

«Рано утром 22 октября я написал консулу Парксу и одновременно отправил к нему двенадцать матросов, а именно; Ли Мин-тая и Лин Ки-фу, признанных виновными в результате назначенного мною следствия, и свидетеля У Айя вместе с девятью другими, которые уже ранее препровождались консулу. Но консул Паркс не пожелал принять ни двенадцати заключенных, ни моего письма».

Следовательно, Паркс имел теперь возможность получить обратно всех своих двенадцать матросов вместе с тем, что содержалось в не распечатанном им письме и что, по всей вероятности, было извинением. Вечером того же дня губернатор Е вновь осведомился, почему не приняли посланных им заключенных и почему он не получил никакого ответа на свое письмо. На это не обратили ни малейшего внимания, а 24-го был открыт орудийный огонь по фортам, и некоторые из них были заняты. Только 1 ноября адмирал Сеймур в послании к губернатору объяснил, казалось бы, непонятное поведение консула Паркса. Матросов возвратили консулу, пишет он, но «возвратили не *публично* на их судно и не принесли извинения, которое требовалось за нарушение консульской юрисдикции». Таким образом, все дело сводится к простой увертке, будто группу матросов, в числе которых насчитывалось три осужденных преступника, не возвратили на судно с подобающей торжественностью. На это губернатор Кантона отвечает прежде всего, что двенадцать матросов фактически уже были переданы консулу и что «никакого отказа возвратить их обратно на их судно» не было. Лишь после того, как город подвергся шестидневной бомбардировке, китайский губернатор узнал, чего еще хотел этот британский консул. Что же касается извинения, то губернатор Е настаивает на том, что его нельзя было принести, поскольку не было допущено никакой ошибки. Цитируем его слова;

«В момент ареста мои люди не видели никакого иностранного флага, и поскольку к тому же при допросе арестованных уполномоченный на это чиновник установил, что лорча никоим образом не являлась иностранным судном, то я утверждаю, что никакой ошибки не произошло».

* — Боуринг. *Ред.*

Действительно, сила логики этого китайца с такой убедительностью разрешает весь этот вопрос, — а никакого иного вопроса здесь, видимо, больше нет, — что адмиралу Сеймуру ничего не остается, в конце концов, как выступить со следующим заявлением:

«Я должен решительно отклонить все дальнейшие споры по существу дела о лорче «Эрроу». Я целиком удовлетворен тем, как эти факты обрисованы Вашему превосходительству г-ном консулом Парксом».

Но после того, как адмирал занял форты, пробил стены города и на протяжении шести дней бомбардировал Кантон, он вдруг обнаруживает совершенно новый объект для своих действий, поскольку 30 октября он пишет китайскому губернатору:

«Вашему превосходительству надлежит теперь, посредством безотлагательного совещания со мной, покончить с тем положением вещей, пагубные последствия которого уже и сейчас значительны, но которое, если не выправить его, не преминет стать источником самых серьезных бедствий».

Китайский губернатор отвечает, что по соглашению 1849 г.[102] адмирал не имеет права требовать подобного совещания. Далее он говорит:

«Относительно допуска в город я должен заметить следующее: в апреле 1849 г. его превосходительство уполномоченный Бонхем составил официальное распоряжение для здешних факторий, в котором он запрещал иностранцам проникать в город. Данное распоряжение было помещено тогда в газетах и, я полагаю, Ваше превосходительство его читали. Присовокупите к этому, что запрещение иностранцам входить в город является следствием единодушного волеизъявления всего населения Кантона. Можно себе представить, сколь мало пришлись по вкусу его жителям штурм фортов и разрушение их жилищ; опасаясь, что вследствие этого возможны неприятности для официальных лиц и граждан, принадлежащих к нации Вашего превосходительства, я не могу посоветовать ничего лучшего в отношении правильности курса, которому надлежит в дальнейшем следовать, как и впредь придерживаться политики уполномоченного Бонхема. Что же касается совещания, предложенного Вашим превосходительством, то уже несколько дней тому назад я направил к Вам Цзяна, префекта Лючжоу».

Тогда адмирал Сеймур откровенно заявляет, что ему нет никакого дела до соглашения г-на Бонхема:

«Ответ Вашего превосходительства отсылает меня к нотификации английского уполномоченного, опубликованной в 1849 г. и запрещавшей иностранцам входить в Кантон. В таком случае я обязан напомнить Вам, что хотя мы действительно имеем серьезные основания для недовольства китайским правительством ввиду нарушения данного в 1847 г. обещания допустить иностранцев в Кантон по истечении двух лет, тем не менее мое нынешнее требование никоим образом не связано с предыдущими переговорами по этому вопросу, точно так же как я не требую, чтобы кто-либо,

кроме официальных иностранных лиц, был допущен в город, и то лишь по той простой и достаточно ясной причине, которая указана выше. На мое предложение вести переговоры лично с Вашим превосходительством, Вы изволили заметить, что несколько дней тому назад Вы послали какого-то префекта. Я вынужден поэтому рассматривать все письмо Вашего превосходительства как крайне неудовлетворительное и могу только добавить к этому, что, если я не получу немедленно определенного заверения в Вашем согласии на мое предложение, я тотчас же возобновлю активные военные действия».

Губернатор Е возражает, вновь входя в подробности соглашения 1849 года:

«В 1848 г. между моим предшественником Сюем и британским уполномоченным г-ном Бонхемом имела место длительная дискуссионная переписка по этому вопросу, и г-н Бонхем, убедившись в том, что о свидании внутри города не может быть и речи, послал в апреле 1849 г. Сюю письмо, в котором он писал: «В настоящее время у меня нет больше оснований спорить с Вашим превосходительством по данному вопросу». Затем он издал в факториях распоряжение о том, что ни один иностранец не должен входить в город; это распоряжение было помещено в газетах, и уполномоченный сообщил об этом британскому правительству. Не было ни одного китайца или иностранца любой национальности, который не знал бы, что вопрос этот никогда больше не должен быть предметом дискуссии».

После этого не терпящий возражений британский адмирал силой прокладывает себе путь в город Кантон к резиденции губернатора и одновременно уничтожает стоящий на реке императорский флот. Эта дипломатическая и военная драма имеет, таким образом, два отдельных акта: в первом акте начинается бомбардировка Кантона под предлогом нарушения китайским губернатором договора 1842 г., а во втором акте эта бомбардировка продолжается с возросшей силой под тем предлогом, что губернатор упорно придерживается соглашения 1849 года. Сначала Кантон бомбардируется за нарушение договора, затем он бомбардируется за соблюдение договора. При этом в первом случае ссылаются даже не на то, что не было дано удовлетворение, а лишь на то, что оно было дано не в надлежащей форме.

Точка зрения по этому вопросу, выдвинутая лондонской газетой «Times», не дискредитировала бы даже генерала Уильяма Уокера из Никарагуа[103].

«Благодаря этой вспышке военных действий», — пишет эта газета, — «существующие договоры уничтожены, и нам предоставляется возможность изменить наши отношения с Китайской империей по нашему желанию. Недавние события в Кантоне предупреждают нас о том, что нам следует добиваться обусловленного договором 1842 г. права на свободный допуск в страну и в открытые для нас порты. Нам не должны больше говорить, что наши представители не имеют права бывать у китайского

генерал-губернатора на том основании, что *мы отказались* от требования выполнять статью, которая давала иностранцам возможность проникать за пределы своих факторий».

Иными словами, «мы» начали военные действия для того, чтобы нарушить существующий договор и добиться осуществления требования, от которого «мы» отказались в особом соглашении! Мы рады сообщить, однако, что другой видный орган британского общественного мнения высказывается в более гуманном и приличном тоне.

«Чудовищно», — пишет «Daily News»[104], — «что для отмщения ущемленной гордости какого-то британского чиновника и для наказания глупости азиатского губернатора мы растрачиваем нашу силу на безнравственное дело, неся огонь и разрушение, горе и смерть в мирные жилища безобидных людей, на берега которых мы с самого начала вторглись как непрошенные гости. Каков бы ни был исход этой бомбардировки Кантона, безрассудное и бессмысленное приношение человеческих жизней в жертву на алтарь ложного этикета и неправильной политики уже само по себе является делом дурным и низким».

Пожалуй, еще вопрос, одобрят ли цивилизованные нации мира подобный образ действий — вторжение в мирную страну, без предварительного объявления войны, под предлогом нарушения мнимого кодекса дипломатического этикета. Если другие державы относились терпимо к первой китайской войне, несмотря на гнусный предлог для нее[105], поскольку она подавала надежды на возможность торговли с Китаем, то не похоже ли на то, что эта вторая война послужит препятствием для такой торговли на протяжении неопределенного времени? Первым следствием ее должно быть то, что Кантон окажется отрезанным от районов, производящих чай и находящихся пока еще большей частью в руках подданных императора[106], — обстоятельство, которое может оказаться выгодным лишь для русских торговцев чаем, пользующихся сухопутным маршрутом.

Написано К. Марксом. 7 января 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4918, 23 января 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ГОРНАЯ ВОЙНА ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Недавняя и еще не вполне исчезнувшая вероятность вторжения в Швейцарию[107], естественно, вызвала всеобщий интерес не только к оборонительным возможностям этой горной республики, но и к проблемам горной войны вообще. Публика обычно склонна считать Швейцарию неприступной страной и приравнивать вторгающуюся туда армию к тем римским гладиаторам, прощальный возглас которых: «Ave, Caesar, morituri te salutant»[*], приобрел такую широкую известность. Нам напоминают о Земпахе и Моргартене, Муртене и Грансоне[108] и замечают, что неприятельской армии, может быть, довольно легко проникнуть в Швейцарию, но зато, как сказал шут Альбрехта Австрийского, выбраться оттуда ей будет трудно. Даже военные обычно перечисляют дюжину названий горных проходов и ущелий, где горстка людей могла бы легко и с успехом противостоять тысяче-другой лучших солдат.

Это традиционное представление о неприступности Швейцарии, которую называют горной крепостью, существует со времени войн с Австрией и Бургундией в XIV и XV веках. В войнах с Австрией главным родом войск нападающих была закованная в латы рыцарская конница; ее сила заключалась в сокрушительной атаке против армий, не имевших для защиты огнестрельного оружия. Но как раз этот вид атаки был невозможен в такой стране, как Швейцария, где кавалерия, за исключением самой легкой, и притом в небольшом количестве, даже и теперь неприменима. Во сколько же раз беспомощнее были

[*] — «Слава тебе, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя». *Ред.*

здесь рыцари XIV века, таскавшие на себе почти центнер железа! Им приходилось спешиваться и драться в пешем строю; таким образом они теряли последние остатки своей подвижности, из нападающих превращались в обороняющихся, а будучи застигнутыми в ущелье, оказывались беззащитными даже против дубин и палок. Во время бургундских войн более важное место в войсках заняла пехота, вооруженная копьями; кроме того, было введено огнестрельное оружие; тем не менее пехота все еще была стеснена тяжестью своих оборонительных доспехов, пушки были тяжелыми, а ручное огнестрельное оружие было неудобным и сравнительно бесполезным. Все снаряжение войск было еще настолько громоздким, что делало их совершенно непригодными для горной войны, особенно в те времена, когда дорог, можно сказать, почти не существовало. В результате всякий раз, когда эти малоподвижные армии попадали в труднопроходимую местность, они основательно застревали в ней, а легковооруженные швейцарские крестьяне имели полную возможность переходить к наступательным действиям, более искусно маневрировать, окружать и, в конце концов, побеждать своих противников.

В течение трех столетий после бургундских войн Швейцария ни разу не подверглась серьезному вторжению. Традиционное представление о непобедимости швейцарцев приобрело вековую давность и существовало до тех пор, пока французская революция — событие, разбившее вдребезги так много освященных веками традиций, — не разрушила также и это традиционное представление, по крайней мере в глазах людей, знакомых с военной историей. Времена изменились. Закованная в латы конница и неповоротливые копейщики исчезли; тактика все более и более революционизировалась; главным качеством армий становилась их подвижность; линейная тактика Мальборо, Евгения* и Фридриха Великого опрокидывалась действиями колонн и стрелковых цепей революционных армий; и с того дня, когда в 1796 г. генерал Бонапарт перешел перевал Кадибону и, вклинившись между разбросанными колоннами австрийцев и сардинцев, разбил их с фронта, одновременно отрезав им пути отступления в узких долинах Приморских Альп и захватив в плен большую часть своих противников, — с этого дня ведет свое начало новая наука горной войны, положившая конец неприступности Швейцарии.

В период линейной тактики, который непосредственно предшествовал периоду современного ведения войны, оба против-

* — Савойского. *Ред.*

Whenever there is a chance of Switzerland being involved in a war, the general public look upon that country with a certain degree of awe, and are inclined to group the invading army (forgetting) with the Roman Gladiators whose: Ave, Caesar, morituri te salutant has become so celebrated. We are reminded of Sempach and Morgarten, Morat and Granson, and we are told that it may be easy enough for a foreign army to get into Switzerland, but that it will be found a very difficult business to get out again. Even military men will recite the names of a dozen mountain passes and defiles, by aspects of tradition, perfectly impregnable, where a handful of men might easily and successfully oppose a couple of thousand of the best soldiers. And to complete your conviction, they will put a map of Switzerland before you, black with mountain-ridges and slopes, and ask you how an army is to find its road and to act in concert in this labyrinth of rocks, ravines, glaciers, torrents and impassable mountain crests.

This traditional impregnability of the so-called mountain-fortress of Switzerland dates from the time of the wars with Austria and Burgundy in the 14th and 15th centuries. In the former, the armour-clad cavalry of the knighthood was the chief arm of the invaders, its strength lay in the irresistibility of the charge against armies undefended by fire arms; this charge was impossible in a country like Switzerland where cavalry, except of the lightest kind and in small numbers, is even now useless; how much more so were the knights of the 14th century, encumbered with nearly a hundredweight of iron? They had to dismount and fight on foot; thereby their last remnant of mobility was lost; they, the invaders, were reduced to an almost absolute defensive, and, caught in a defilee, were defenceless even against clubs and big sticks. During the Burgundian wars, infantry armed with pikes had become a more important portion of an army and fire-arms had been introduced; but the infantry was still cramped by the weight of defensive armour, the cannons were heavy, and smalls arms were in their infancy. The whole equipment of the troops was still so cumbersome.

Первая страница рукописи Ф. Энгельса
«Горная война прежде и теперь»

ника старательно избегали труднопроходимой местности. Чем более гладкой была равнина, тем лучшим полем сражения она считалась, лишь бы только на ней было какое-нибудь препятствие, обеспечивавшее безопасность одного или обоих флангов. Но французские революционные армии ввели другую систему. Для обороны во всех случаях они непременно стремились найти позицию с препятствием перед фронтом, которое могло бы служить прикрытием как для стрелковых цепей, так и для резервов. В целом революционные армии оказывали предпочтение труднопроходимой местности; их войска были гораздо более подвижными, а их боевые порядки — рассыпной строй и колонны — не только позволяли[*] быстро передвигаться в любом направлении, но и давали возможность выгодно использовать укрытия, имеющиеся на пересеченной местности, тогда как их противник чувствовал себя на такой местности совершенно беспомощным. В сущности, термин «непроходимая местность» был почти вычеркнут из военной терминологии.

Это и дали почувствовать швейцарцам в 1798 г., когда четыре французских дивизии, невзирая на упорное сопротивление со стороны местного населения и на троекратное восстание старых лесных кантонов, завладели страной, которая на ближайшие три года стала одним из важнейших театров военных действий между Французской республикой и коалицией[109]. Сколь мало страшили французов неприступные горы и узкие ущелья Швейцарии, они показали еще в марте 1798 г., когда Массена сразу предпринял наступление на самый суровый и самый гористый кантон, Граубюнден, занятый тогда австрийцами. Последние держали в своих руках долину Верхнего Рейна. Концентрическими колоннами войска Массена вторглись в эту долину через горные перевалы, едва проходимые для лошадей, заняли все выходы из нее и после непродолжительного сопротивления принудили австрийцев сложить оружие. Австрийцы очень скоро использовали этот урок; под командой генерала Хотце, который достиг большого искусства в горной войне, они перешли в наступление, повторили тот же самый маневр и выбили французов с их позиций. Затем последовало отступление Массена к оборонительным позициям у Цюриха, где он нанес поражение русской армии Корсакова; затем — вторжение Суворова в Швейцарию через Сен-Готард и его бедственное отступление и, наконец, новое продвижение французов через Граубюнден в Тироль, где Макдональд глубокой зимой перевалил через три горных хребта, считавшихся тогда едва

[*] На этом кончается рукописный отрывок. *Ред.*

проходимыми даже для идущих колонной по одному. Последовавшие за этим большие кампании Наполеона разыгрались уже в просторных бассейнах рек Дуная и По, так как грандиозные стратегические замыслы, лежавшие в основе этих кампаний и строившиеся на том, чтобы отрезать неприятельскую армию от центра ее снабжения, разбить эту армию и потом захватить самый центр, требовали менее пересеченной местности и сосредоточения крупных сил для решающих битв, что было неосуществимым в альпийских местностях. Однако вся история войн от первой альпийской кампании Наполеона в 1796 г. и его похода через Юлийские Альпы на Вену в 1797 г., вплоть до 1801 г., доказывает, что альпийские хребты и долины совершенно перестали пугать современные армии; и с тех пор вплоть до 1815 г. Альпы ни разу не предоставили ни одной хоть сколько-нибудь серьезной оборонительной позиции ни французам, ни коалиции.

Проходя по любому из глубоких горных ущелий, вдоль которых, извиваясь, поднимаются дороги, ведущие от северных склонов Альп к их южному скату, вы на каждом повороте пути встречаете грозные оборонительные позиции. Возьмите, например, хорошо известную Виамала. Не найдется офицера, который не вызвался бы с одним батальоном удержать это ущелье против неприятеля *при условии,* что его не обойдут с тыла. Но в этом-то и заключается все дело. Даже на самых высоких хребтах Альп нет ни одного горного прохода, который нельзя было бы обойти. Наполеоновский принцип ведения горной войны гласил: «Где может пройти козел, там может пройти человек; где пройдет человек, там пройдет и батальон, а где батальон, там армия». Суворову и пришлось это совершить, когда он оказался плотно запертым в долине Рейса: ему пришлось вести свою армию по пастушьим тропам, где можно было пройти лишь по одному, в то время как следом за ним шел Лекурб, лучший французский генерал в ведении горной войны.

Вот эта-то простая возможность обойти неприятеля с лихвой перекрывает силу оборонительных позиций, фронтальная атака против которых часто была бы совершенным безумием. Охрана всех путей, по которым можно обойти такую позицию, означала бы для обороняющейся стороны такое распыление сил, что поражение было бы неминуемо. В лучшем случае эти пути можно только держать под наблюдением, а отражение атаки войск, совершающих обход, должно зависеть от разумного использования резервов и от сообразительности и быстроты действий командиров отдельных частей; и все же, если бы из трех или четырех колонн, совершающих обход, хотя бы одна добилась успеха, то обороняющаяся сторона попала бы в такое же труд-

ное положение, как и в случае, если бы успех был достигнут всеми колоннами. Таким образом, с точки зрения стратегии наступление в горной войне имеет решительное преимущество перед обороной.

К тому же самому выводу мы приходим и при рассмотрении вопроса с чисто тактической точки зрения. Оборонительными позициями всегда будут служить узкие горные ущелья, занятые расположенными в долине сильными колоннами и прикрытые стрелковыми цепями на высотах. Эти позиции можно обойти либо с фронта, когда группы стрелков взбираются по склонам долины и обходят фланги лучших стрелков обороняющейся стороны, либо послав отряды по гребню хребта, где это возможно, или по параллельно идущей долине, причем войска, совершающие обход, используют какой-нибудь горный проход для нападения на обороняющийся отряд с фланга или тыла. Во всех этих случаях отряды, совершающие обход, имеют на своей стороне преимущество *господствующего положения;* они занимают более высоко расположенные участки местности, которые возвышаются над долиной, занятой их противником. Они могут скатывать на него камни и деревья, ибо в настоящее время не найдется колонны, которая оказалась бы настолько безрассудной, чтобы вступить в глубокое ущелье, не очистив предварительно его склонов; таким образом, этот еще недавно излюбленный способ обороны обратился теперь против обороняющихся. Другим невыгодным условием для такой обороны является то, что сила огнестрельного оружия, на которой в основном зиждется оборона, в горной местности в значительной степени ослабляется. Артиллерия почти бесполезна, а в тех случаях, когда ее используют всерьез, ее обычно бросают при отступлении. Так называемая горная артиллерия, состоящая из легких гаубиц, перевозимых на мулах, весьма малоэффективна, как это убедительно доказывает опыт французов в Алжире[110]. Что же касается использования ружей и винтовок, то укрытия, которые повсюду имеются в такой местности, лишают оборону весьма важного преимущества, а именно, наличия перед оборонительной позицией открытого пространства, которое неприятель должен пройти под огнем. Таким образом, и с тактической и со стратегической точек зрения мы приходим к выводу, сделанному эрцгерцогом Карлом Австрийским, одним из лучших полководцев горной войны и одним из классических авторов, писавших по этому вопросу, — а именно, что в войне этого типа наступление имеет огромное преимущество перед обороной.

Значит ли это, что оборона горной страны — вещь совершенно бесполезная? Конечно, нет. Это значит лишь, что оборона

не должна быть только пассивной, что она должна черпать свою силу в маневренности и всюду, где позволяют условия, обороняющиеся должны действовать наступательно. В альпийских местностях почти невозможны серьезные бои; вся война представляет собой непрерывную цепь мелких стычек, попыток наступающей стороны там или тут вклиниться в расположение противника и затем продвинуться вперед. По необходимости обе армии разбросаны; и та и другая в любой момент могут подвергнуться успешной атаке со стороны своей противницы; обеим приходится полагаться на непредвиденные обстоятельства. Таким образом, единственное преимущество, которым может воспользоваться обороняющаяся армия, состоит в том, чтобы находить эти слабые места у неприятеля и устремляться в пространство между его разобщенными колоннами. В этом случае сильные оборонительные позиции, на которые только и полагалась бы чисто пассивная оборона, становятся ловушками для неприятеля, куда его можно завлечь, заставив наносить главный удар именно в этих пунктах, в то время как главные усилия обороны направляются против совершающих обход колонн, каждая из которых может в свою очередь оказаться обойденной и попасть в то самое безвыходное положение, в которое она собиралась поставить обороняющуюся сторону. Совершенно ясно, однако, что такая активная оборона требует энергичных, опытных и искусных генералов, в высшей степени дисциплинированных и подвижных войск и в первую очередь очень искусных и надежных командиров бригад, батальонов и даже рот, ибо в этих случаях все зависит от быстрых и осмотрительных действий отдельных частей и подразделений.

Существует еще одна форма оборонительной горной войны, которая приобрела в наше время широкую известность, — это национальное восстание и партизанская война, для которой безусловно требуется, по крайней мере в Европе, наличие горной местности. Мы имеем четыре примера такой войны: тирольское восстание, испанскую партизанскую войну против Наполеона, баскское карлистское восстание и войну кавказских племен против России[111]. Хотя все они причиняли завоевателям большие неприятности, ни одна из них сама по себе не увенчалась успехом. Тирольское восстание было опасно лишь в 1809 г., пока его поддерживали австрийские регулярные войска. Испанские партизаны, хотя и имели на своей стороне огромное преимущество в виде весьма обширной стравы, могли оказывать длительное сопротивление главным образом благодаря англопортугальской армии, против которой французам приходилось постоянно направлять свои основные усилия. Продолжитель-

ность карлистской войны объясняется упадком, в который пришла к тому времени испанская регулярная армия, и нескончаемыми переговорами между карлистами и генералами Кристины; поэтому данная война и не является подходящим примером. Наконец, в борьбе на Кавказе, которая из всех войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу, горцы своими относительными успехами были обязаны наступательной тактике, которой они преимущественно придерживались при обороне своей территории. Всякий раз, как русские войска, которые, наряду с британскими, менее всего приспособлены для ведения горной войны, атаковали кавказцев, последние обычно терпели поражение, их аулы разрушались, и русские обеспечивали за собой их горные проходы при помощи укрепленных пунктов. Но сила сопротивления горцев заключалась в их непрерывных вылазках со своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские гарнизоны и аванпосты, в быстрых набегах на глубокий тыл русских передовых линий, в засадах; которые они устраивали на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и использовали это преимущество. Фактически во всех случаях, следовательно даже в случаях временно успешных восстаний жителей гор, эти успехи были результатом наступательных действий. В этом отношении эти восстания в корне отличаются от швейцарских восстаний 1798 и 1799 гг., когда восставшие занимали какую-нибудь сильную на первый взгляд оборонительную позицию и ожидали там французов, которые неизменно разбивали их наголову.

Написано Ф. Энгельсом около 10 января 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4921, 27 января 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты, сверенному с текстом рукописного отрывка

Перевод с английского

К. МАРКС

ВОЙНА ПРОТИВ ПЕРСИИ [112]

Для того чтобы понять политические причины и цель войны, которую англичане недавно начали против Персии и вели, согласно самым последним отчетам, так энергично, что шах был принужден капитулировать, — для этого необходимо припомнить кое-какие события из истории Персии. Основанная в 1502 г. Исмаилом, считавшим себя потомком древних персидских царей, персидская династия, в продолжение более двух столетий поддерживавшая могущество и престиж великой державы, получила сокрушительный удар около 1720 г., во время восстания афганцев, населявших восточные провинции Персии. Афганцы вторглись в Западную Персию, и двум афганским князьям удалось в течение нескольких лет продержаться на персидском престоле. Вскоре, однако, их изгнал из страны знаменитый Надир, действовавший вначале в качестве полководца персидского претендента. Впоследствии он сам завладел короной и не только покорил восставших афганцев, но своим знаменитым вторжением в Индию во многом содействовал разложению пришедшей в упадок империи Моголов и тем подготовил почву для установления британского господства в Индии.

Во время анархии, воцарившейся в Персии после смерти Надир-шаха в 1747 г., возникло независимое афганское королевство во главе с Ахмедом Каррани, объединившее княжества Герат, Кабул, Кандагар, Пешавар и все земли, которыми впоследствии завладели сикхи[113]. Это весьма слабо сцементированное королевство рухнуло после смерти его основателя; оно снова распалось на свои составные части — на независимые, возглавляемые своими собственными вождями и бесконечно враждовавшие

Первая страница черновой рукописи К. Маркса
«Война против Персии»

между собой афганские племена, которые объединялись лишь в исключительных случаях, когда их принуждала к этому общая необходимость столкновения с Персией. Этот политический антагонизм между афганцами и персами, основанный на племенных различиях, усугубленный историческими традициями, поддерживаемый пограничными распрями и взаимными претензиями, как бы санкционируется в то же время религиозным антагонизмом, поскольку афганцы — это мусульмане-сунниты, то есть правоверные мусульмане, тогда как Персия — оплот еретиков-шиитов.

Несмотря на этот острый и всеобщий антагонизм, у персов и афганцев все же была одна точка соприкосновения — их общая вражда к России. Россия вторглась в Персию впервые при Петре Великом, но мало от этого выиграла. Успешнее в этом отношении действовал Александр I; он лишил Персию по Гюлистанскому договору[114] двенадцати провинций, расположенных большей частью к югу от Кавказского хребта. В результате войны 1826—1827 гг., окончившейся Туркманчайским договором[115], Николай отнял у Персии еще несколько областей и запретил ей навигацию в ее же собственных прибрежных водах Каспийского моря. Память о захватах ее земель в прошлом, притеснения, которые Персия вынуждена терпеть в настоящем, и боязнь вторжений в будущем в одинаковой степени способствовали тому, чтобы вызвать у нее смертельную вражду к России. Афганцы, со своей стороны, хотя у них и не было никогда подлинных столкновений с Россией, привыкли считать ее извечным врагом своей религии, исполином, который должен поглотить Азию. Отношение к России, как к своему естественному врагу, побудило оба народа, персов и афганцев, считать Англию своей естественной союзницей. Таким образом, для того чтобы сохранить свое господствующее влияние, Англии нужно было лишь разыгрывать роль благожелательного посредника между Персией и Афганистаном и выступать решительным противником вторжения русских. Показная дружба, с одной стороны, и серьезное сопротивление, с другой — ничего больше и не требовалось.

Однако нельзя сказать, чтобы преимущества этого положения были использованы очень удачно. В 1834 г. при выборе наследника персидского шаха англичанам пришлось поддержать принца, ставленника России, а в следующем году, во время вооруженной борьбы этого принца с его соперником, предоставить ему денежную субсидию и оказать активную помощь в лице британских офицеров[116]. Английским послам, которые отправлялись в Персию, предписывалось предостеречь персидское

правительство, чтобы оно не поддавалось на подстрекательства и не начинало войны против афганцев, не сулившей ничего, кроме бесполезной траты средств; но когда эти послы настоятельно потребовали санкции свыше, чтобы предотвратить грозившую вспыхнуть войну с афганцами, английское правительство напомнило им об одной статье в старом договоре 1814 г., в силу которой в случае войны между Персией и Афганистаном англичане не должны были вмешиваться до тех пор, пока к ним не обратятся с просьбой о посредничестве. По мнению, высказанному британскими дипломатическими представителями и британскими властями в Индии, войну эту замышляла Россия, держава, желавшая будто бы использовать расширение власти Персии на восток как средство проложить путь, по которому рано или поздно русская армия сможет-де вторгнуться в Индию. Однако эти доводы не произвели, по-видимому, никакого впечатления, или, во всяком случае, произвели очень слабое впечатление на Стоявшего тогда во главе министерства иностранных дел лорда Пальмерстона, и в сентябре 1837 г. персидская армия вторглась в Афганистан. Ряд мелких побед открыл ей путь к Герату, перед которым она расположилась лагерем и начала осадные операции под личным руководством графа Симонича, русского посла при персидском дворе. В течение всего времени, пока происходили эти военные действия, Мак-Нейл, британский посол, был связан по рукам и ногам противоречивыми инструкциями. С одной стороны, лорд Пальмерстон предписывал ему «избегать обсуждения вопроса об отношениях Персии с Гератом» ввиду того, что эти отношения будто бы не касались Англии. С другой стороны, лорд Окленд, генерал-губернатор Индии, выражал желание, чтобы посол отговорил шаха продолжать военные действия. В самом начале этой военной экспедиции г-н Эллис отозвал британских офицеров, состоявших на службе в персидской армии, но Пальмерстон вернул их обратно. Когда генерал-губернатор Индии снова приказал Мак-Нейлу отозвать английских офицеров, Пальмерстон опять отменил этот приказ. 8 марта 1838 г. Мак-Нейл отправился в персидский лагерь и предложил свое посредничество, но не от имени Англии, а от имени Индии.

К концу мая 1838 г., когда с начала осады прошло уже около девяти месяцев, Пальмерстон отправил персидскому двору угрожающую депешу, в которой он впервые выражал протест против событий в Герате и впервые всячески поносил «связь Персии с Россией». Одновременно правительство Индии отправило морем войска в Персидский залив с приказом захватить остров Харак — тот самый, который недавно был занят англичанами.

Несколько позже английский посол переехал из Тегерана в Эрзерум, а персидскому послу, направленному в Англию, не было дано разрешения на въезд. Тем временем, несмотря на очень длительную блокаду, Герат не сдался, атаки персов были отбиты, и 15 августа 1838 г. шах был принужден снять осаду и поспешно вывести свои войска из Афганистана. Тут операции англичан могли бы, казалось, и закончиться, но вместо этого дело приняло в высшей степени странный оборот. Не удовольствовавшись тем, что они пресекли попытки Персии захватить часть Афганистана — попытки, предпринятые якобы по указке и в интересах России, — англичане решили захватить весь Афганистан для самих себя. Вот каким образом началась знаменитая афганская война[117], окончившаяся так плачевно для англичан, и до сих пор остается глубокой тайной, кто несет действительную ответственность за эту войну.

Поводом для теперешней войны с Персией послужило событие, очень сходное с тем, которое предшествовало афганской войне, — именно, поход персов на Герат, закончившийся на этот раз взятием города. Удивительным, однако, является то обстоятельство, что англичане действуют теперь в качестве союзников и защитников того самого Дост-Мухаммеда, которого во время афганской войны они так безуспешно пытались низложить. Окажется ли эта война чреватой столь же необычайными и неожиданными последствиями, как предыдущая, — покажет будущее.

Написано К. Марксом около 27 января 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4937, 14 февраля 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ПЕРСПЕКТИВЫ АНГЛО-ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ

Не что иное, как вопрос об обладании Гератом — афганским княжеством, лишь недавно занятым персами[118], — дало повод англичанам, действующим от имени Ост-Индской компании, оккупировать важнейший порт Персии в Персидском заливе — Бушир. Нынешнее политическое значение Герата обусловлено тем, что он является стратегическим центром всей области, лежащей между Персидским заливом, Каспийским морем и рекой Яксартом на западе и севере и рекой Индом на востоке; поэтому в случае серьезного столкновения между Англией и Россией в борьбе за верховенство в Азии — столкновения, которое английское вторжение в Персию может ускорить, — Герат окажется главным предметом спора и вероятным театром первых крупных военных действий.

То, что Герату не без основания приписывается такое важное значение, должно быть понятно всякому, кто уяснит себе его географическое положение. Внутренняя часть Персии представляет собой возвышенную равнину, со всех сторон окруженную горными цепями, не дающими никакого выхода водам, стекающим в эту равнину. Эти воды недостаточно обильны, чтобы образовать одно или несколько центральных озер; они либо теряются в обширных болотах, либо постепенно исчезают в сухих песках огромной пустыни, занимающей большую часть персидского плато и образующей почти непроходимый барьер между Западной и Северо-Восточной Персией. Северную границу этой пустыни образуют горы Хорасана, тянущиеся от юго-восточного угла Каспийского моря почти прямо на восток и представляющие собой связующее звено между Эльбурсом и горами

Гиндукуша; и как раз там, где от этих гор отходит к югу хребет, отделяющий персидскую пустыню от лучше орошенных районов Афганистана, расположен Герат, окруженный довольно обширной и исключительно плодородной долиной, дающей ему средства существования. К северу от гор Хорасана находится пустыня, похожая на ту, которая лежит у их южного подножия. Большие реки, вроде Мургаба, здесь также теряются в песках. Однако Оксус и Яксарт достаточно могучи, чтобы пробиться через эти пески и образовать в своем нижнем течении обширные долины, пригодные для земледелия. По ту сторону Яксарта пустыня постепенно переходит в степи Южной России, с которыми она в конце концов и сливается. Таким образом, между Каспийским морем и Британской Индией имеются три различных области с сравнительно развитой культурой: во-первых, города Западной Персии: Шираз, Шустер, Тегеран, Исфаган; во-вторых, афганские города: Кабул, Газни, Кандагар; в-третьих, города Туркестана: Хива, Бухара, Балх, Самарканд. Все эти города поддерживают друг с другом довольно оживленные связи, и центром этих связей, естественно, является Герат. В этом городе скрещиваются все дороги, ведущие от Каспийского моря к Инду и от Персидского залива к Оксусу. Герат — это своего рода караван-сарай на полпути между Кабулом и Тегераном, между Ширазом и Балхом. Линия оазисов, обозначающая великий караванный путь, который пересекает персидскую пустыню через Йезд и Кухистан, выходит прямо на Герат; с другой стороны, через возвышенность Хорасана и Герат проходит единственная дорога, ведущая из Западной в Восточную и Центральную Азию в обход пустыни.

Таким образом, Герат — это пункт, который в руках сильной державы может быть использован для господства и над Ираном и над Туркестаном, то есть и над Персией и над территорией по ту сторону Оксуса. Обладатель Герата в полной мере получает все преимущества центральной позиции, с которой можно предпринимать наступление по радиусам во всех направлениях с гораздо большей легкостью и большими шансами на успех,чем из какого-либо другого города Ирана или Туркестана. В то же время трудности сообщения между любыми из двух таких городов, как Астрабад, Хива, Бухара, Балх, Кабул и Кандагар, столь велики, что совместное наступление на Герат, даже предпринятое из всех этих пунктов, имело бы мало шансов на успех. Различные колонны, наступающие на Герат, почти не имели бы возможности сообщаться друг с другом, и энергичный генерал, командующий войсками в Герате, мог бы напасть на них и разбить их одну за другой. И все же в случае такого

наступления колонны, двигающиеся из Кандагара, Кабула и Балха, могли бы безусловно скорее рассчитывать на успех, чем те, которые предприняли бы концентрическую атаку, направляясь из Астрабада, Хивы и Бухары, так как наступление со стороны Афганистана шло бы с гор на равнину и совершенно миновало бы пустыню, между тем как наступление со стороны Каспийского моря и Аракса давало бы возможность только одной колонне (идущей из Астрабада) миновать пустыню; всем же остальным пришлось бы идти через нее и вследствие этого потерять всякое сообщение друг с другом.

Три центра культуры, имеющие своим общим центром Герат, образуют три отдельные группы государств. На западе находится Персия, которую Туркманчайский договор превратил в вассала России. На востоке находятся государства Афганистана и Белуджистана, важнейшие из которых, Кабул и Кандагар, мы можем в настоящее время причислить к вассальным государствам англо-индийской империи. На севере находятся туркестанские ханства Хива и Бухара — государства номинально нейтральные, которые, однако, в случае конфликта почти наверняка присоединятся к той стороне, у которой будет больше шансов на победу. Фактическая зависимость. Персия от России, а Афганистана от Англии доказывается тем, что русские уже послали войска в Персию, а англичане — в Кабул.

Русские владеют всем западным и северным побережьем Каспийского моря. Баку, находящийся в 350 милях, и Астрахань — в 750 милях от Астрабада представляют собой два превосходных пункта для устройства военных складов и сосредоточений резервов. При господстве русского каспийского флота на этом внутреннем море, можно очень легко доставлять в Астрабад необходимые припасы и подкрепления. В пунктах на восточном берегу Каспийского моря, откуда начинаются дороги к Аральскому морю, находятся русские форты. Далее на север и восток линия русских фортов, составляющая линию поселений уральских казаков, уже в 1847 г. была продвинута вперед от реки Урал к рекам Эмбе и Тургаю на 150—200 миль внутрь территории, занятой подвластными России ордами киргизов, и по направлению к Аральскому морю. С тех пор форты были воздвигнуты непосредственно на берегах этого моря, по которому, так же как и по реке Яксарту, в настоящее время ходят русские пароходы. Носились даже слухи о занятии русскими войсками Хивы, однако эти слухи, по меньшей мере, преждевременны.

Операционное направление русских при всяком серьезном наступлении на Центральную или Южную Азию указано самой природой. Движение по суше от Кавказа вдоль юго-западного

берега Каспийского моря встретило бы значительные естественные препятствия в виде гор Северной Персии и заставило бы наступающую армию покрыть свыше 1100 миль, прежде чем она добралась бы до своей главной цели, Герата. Путь армии, направляющейся по суше от Оренбурга к Герату, проходил бы не только через пустыню, в которой погиб отряд Перовского во время своей экспедиции против Хивы[119], но и еще через две столь же негостеприимные пустыни. Расстояние от Оренбурга до Герата по прямой линии составляет 1500 миль, а Оренбург является ближайшим пунктом, который русские, если бы они наступали с этого направления, могли бы избрать в качестве своей операционной базы. Кроме того, как русская Армения, так и Оренбург почти совсем отрезаны от центра русской державы, первая — Кавказом, второй — степями. Не может быть и речи о том, чтобы в каком-либо из этих пунктов сосредоточить снаряжение и войска, необходимые для завоевания Центральной Азии. Остается только один путь, а именно, через Каспийское море, с базами в Астрахани и Баку, с наблюдательным пунктом в Астрабаде на юго-восточном берегу Каспия — протяженностью всего в 500 миль до Герата. Этот путь соединяет в себе все преимущества, каких может пожелать Россия. Астрахань на Волге занимает то же положение, что Новый Орлеан на Миссисипи. Расположенная в устье величайшей русской реки, верхний бассейн которой по существу образует центр империи, Великороссию, Астрахань обладает всеми возможностями для переправки людей и припасов в целях организации крупной экспедиции. Под паром за четыре дня, а под парусами за восемь дней можно достигнуть Астрабада на противоположном конце Каспийского моря. Сам Каспий неоспоримо является русским внутренним морем, а Астрабад, ныне предоставленный персидским шахом в распоряжение России, расположен на исходном пункте этого единственного пути с запада к Герату — пути, который, проходя через горы Хорасана, совершенно минует пустыню.

Русское правительство и действует в соответствии с этим. Главные силы, предназначенные, в случае дальнейших осложнений, для действий против Герата, сосредоточиваются в Астрабаде. Затем имеются еще две фланговые колонны, взаимодействие которых с главными силами в лучшем случае лишь проблематично и каждая из которых имеет поэтому самостоятельную задачу. Правая колонна, сосредоточивающаяся в Тавризе, имеет назначение прикрывать западную границу Персии от любых враждебных маневров турок и, если это понадобится, идти к Хамадану и Шустеру, где она прикроет столицу Тегеран как

от Турции, так и от английских войск, высадившихся в Бушире в Персидском заливе. Левая колонна, наступающая из Оренбурга и, весьма вероятно, рассчитывающая получить подкрепления, отправленные из Астрахани к восточным берегам Каспийского моря, должна будет обеспечить за собой территорию вокруг Аральского моря и, двигаясь на Хиву, Бухару и Самарканд, добиться либо нейтралитета, либо содействия этих государств, а также по возможности движением вверх по Оксусу на Балх создать угрозу флангу и тылу англичан у Кабула или близ Герата. Нам известно, что все эти колонны уже в пути и что средняя и правая уже находятся в Астрабаде и Тавризе. О продвижении левой колонны мы, по всей вероятности, ничего не услышим в течение некоторого времени.

Для англичан операционной базой является область Верхнего Инда; их склады, по всей вероятности, сосредоточены к Пешаваре. Оттуда они уже отправили одну колонну на Кабул, который отстоит от Герата по прямой линии на четыреста миль. Но в случае серьезной войны они должны занять, помимо Кабула, еще Газни и Кандагар, равно как и горные форты, охраняющие афганские проходы. В этом они едва ли встретят больше трудностей, нежели русские встретили во время занятия Астрабада, ибо они создают видимость, что помогают афганцам бороться против персидского нашествия.

Поход от Кабула до Герата не представит непреодолимых трудностей. Выделять фланговые колонны не понадобится,. ибо ни одна из русских фланговых колонн не сможет подойти близко; а если после ряда переходов оренбургская колонна и выйдет из Бухары на Балх, то сильный резерв в Кабуле тотчас окажет ей надлежащий прием. У англичан имеется то преимущество, что их операционная линия сравнительно коротка; хотя Герат и находится как раз на полпути между Калькуттой и Москвой, однако английская база у слияния рек Кабула и Инда отстоит от Герата всего на 600 миль, тогда как русская база в Астрахани отстоит от него на 1250 миль. Англичане в Кабуле находятся на сто миль ближе к Герату, чем русские в Астрабаде, и, насколько нам известны условия местности, англичане следуют через лучше возделанные и более населенные области, а также по лучшим дорогам, чем русские встретили бы в Хорасане. Что касается этих двух армий, то английская армия, несомненно, более вынослива в отношении климата. Ее европейские полки, несомненно, будут вести себя с той же непоколебимой стойкостью, как их товарищи при Инкермане, а о синайской пехоте[120] и вовсе не приходится говорить с пренебрежением. Сэр Чарлз Нейпир — а он был полководцем и солдатом с головы

до ног, — видел сипаев во многих боях и составил себе о них самое высокое мнение. Регулярная индийская кавалерия стоит немногого, зато иррегулярная великолепна и под командой своих европейских офицеров, несомненно, превосходит казаков.

Разумеется, совершенно бесполезно пускаться в дальнейшие рассуждения о перспективах такой войны. Нет никакой возможности предугадать численность войск, которые могла бы выставить та или другая из сторон. Невозможно предвидеть всего того, что может случиться, если произойдут такие серьезные события, которые теперь, по-видимому, приближаются. Можно определенно сказать только одно: так как каждая сторона должна пройти колоссальные расстояния, то армии, которым предстоит решить исход борьбы в районе Герата, в этом решающем пункте, будут сравнительно невелики. Многое будет также зависеть от дипломатических интриг и подкупе к при дворах различных властителей, территории которых окружают Герат. В этих делах русские почти наверное одержат верх. Их дипломатия лучше и в большей степени носит восточный характер; они умеют, когда это требуется, быть щедрыми в деньгах, а главное, в неприятельском лагере у них есть друг. Британская экспедиция в Персидский залив является всего лишь диверсией, которая может отвлечь значительную часть персидской армии, но которая, в смысле непосредственных результатов, способна достичь лишь немногого. Если бы даже численность войск, ныне находящихся в Бушире и насчитывающих 5000 человек, была утроена, то и тогда англичане смогли бы, самое большее, дойти только до Шираза и там остановиться. Однако от этой экспедиции большего и не ожидают. Если она покажет персидскому правительству, что страна его уязвима с моря, то она достигнет своей цели. Ожидать от нее большего было бы нелепо. Линия, на которой действительно должна решиться судьба всего Ирана и Туркестана, ведет из Астрабада в Пешавар, и решающим пунктом на этой линии является Герат.

Написано Ф. Энгельсом в конце января — начале февраля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4941, 19 февраля 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

НОВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ БЮДЖЕТ [121]

Лондон, 20 февраля 1857 г.

Бюджетной комедии нанесен сильный удар от руки сэра Джорджа Льюиса, нынешнего канцлера казначейства. При сэре Роберте Пиле доклад парламенту о бюджете стал своего рода религиозным актом, который надлежало совершать со всей торжественностью государственного этикета и всячески возвеличивать при помощи пышного красноречия. К тому же требовалось, чтобы акт этот длился не менее пяти часов. Г-н Дизраэли подражал церемониальному подходу сэра Роберта к национальному кошельку, а г-н Гладстон чуть ли не превзошел его в этом. Эту традицию не отважился нарушить и сэр Джордж Льюис. Поэтому он произнес четырехчасовую речь, мямлил, тянул, вертелся вокруг да около, пока его внезапно не прервал взрыв хохота, вызванный тем, что достопочтенные депутаты стали хватать свои шляпы и дюжинами убегать из палаты.

«Очень прискорбно», — воскликнул горе-актер, — «что мне приходится продолжать свою речь перед поредевшей аудиторией; но оставшимся я должен изложить, каково будет действие предполагаемых изменений».

Еще в то время, когда сэр Джордж Льюис состоял в числе мудрецов «Edinburgh Review»[122], он уже был более известен тяжеловесностью своей аргументации, нежели основательностью своих доводов или живостью их изложения. Личные его недостатки, без сомнения, в значительной степени объясняют его неудачу в парламенте. Однако были и другие, находившиеся вне его власти обстоятельства, которые могли бы привести в замешательство даже заправского парламентского краснобая.

Как неосторожно проговорился сэр Уильям Клей перед собранием своих избирателей в Гулле, лорд Пальмерстон сначала решил было сохранить военный налог также и в мирное время, но угроза внесения резолюции о подоходном налоге, о которой заявил на заседании палаты общин г-н Дизраэли при поддержке г-на Гладстона, сразу заставила его пойти на попятный и круто изменить свою финансовую тактику. Бедному сэру Джорджу Льюису пришлось поэтому в кратчайший срок изменить все свои расчеты, все свои цифры, всю свою схему, а речь его, приготовленная в защиту военного бюджета, теперь должна была быть подана в защиту квази-мирного бюджета — quid pro quo[*], которая могла бы быть забавной, если бы она не оказалась такой снотворной. Но это еще не все. Бюджеты сэра Роберта Пиля, в период его пребывания у власти с 1841 по 1846 г., вызывали исключительный интерес из-за ожесточенной борьбы, бушевавшей тогда между фритредерами[123] и протекционистами[**], между прибылью и рентой, между городом и деревней. Бюджет г-на Дизраэли рассматривался как курьез, поскольку он содержал в себе не то возрождение протекционизма, не то окончательный отказ от него; бюджету г-на Гладстона придавалось преувеличенное значение, как закреплению финансовыми средствами победоносной свободной торговли, по крайней мере, на семь лет. Социальные конфликты, находившие отражение в этих бюджетах, придавали им положительный интерес, между тем бюджет сэра Джорджа Льюиса с самого начала мог внушить лишь отрицательный интерес, как общий объект для нападок со стороны противников кабинета.

Бюджет сэра Джорджа Льюиса, что касается первоначального проекта его доходной части, можно охарактеризовать в весьма немногих словах. В нем уже нет тех девяти добавочных пенсов подоходного налога, которые были установлены на время войны; тем самым налог сокращается с 1 шилл. 4 пенсов с фунта дохода до 7 пенсов; эта ставка должна оставаться в силе до 1860 года. С другой стороны, сохраняются полностью военный налог на спиртные напитки и часть военного налога на сахар и чай. Этим все и исчерпывается.

Подоходный налог текущего финансового года, включая добавочные 9 пенсов военного налога, дает доход более чем в 16000000 ф. ст., который поступает от различных классов

[*] — замена. *Ред.*

[**] В рукописи после слова «протекционистами» вставлены слова: «между промышленным капиталистом и земельным собственником». *Ред.*

общества и распределяется приблизительно следующим образом:

Раздел A—Недвижимая собственность	8 000 000 ф. ст.
Раздел B — Фермеры	1 000 000 » »
Раздел C— Государственные бумаги	2 000 000 » »
Раздел D — Торговля и свободные профессии	4 000 000 » »
Раздел E—Жалованье	1 000 000 » »
Итого	16 000 000 ф. ст.

Из этой таблицы видно, что подоходный налог падает исключительно на высший и средний классы общества; в самом деле, более чем две трети налоговых поступлений составляются из доходов аристократии и крупной буржуазии. Но и мелкая буржуазия в Англии при наличии других военных налогов, высоких цен на продукты и роста учетной ставки, весьма сильно ущемлена подоходным налогом и потому с особым нетерпением жаждет избавиться от него. Тем не менее едва ли ее вопли нашли бы отклик в прессе, и уж, конечно, не в палате общин, если бы аристократия и крупная буржуазия не возглавили агитацию, рьяно ухватившись за эту возможность скрыть свой ограниченный эгоизм под маской всеобщей филантропии и отделаться от налога, бремя которого они бессильны переложить на плечи народных масс. В то время как во Франции в период république honnête et modérée* введение подоходного налога удалось предотвратить, заклеймив его как контрабандный социализм, в Англии теперь пытаются отменить этот же самый налог под предлогом сочувствия народным страданиям. Игру эту повели чрезвычайно ловко. С установлением мира[124] представители мелкой буржуазии направили свои атаки не против подоходного налога как такового, а лишь против военной надбавки к нему и его несправедливого распределения. Высшие классы сделали вид, что разделяют общее недовольство, но лишь для того, чтобы извратить его подлинный смысл и подменить требование о снижении обложения налогами мелких доходов требованием освободить от обложения крупные доходы. В пылу борьбы, горя желанием получить немедленное облегчение, мелкая буржуазия не заметила этой подтасовки и не позаботилась об условиях, которые обеспечивали ей поддержку могущественных союзников. Что же касается рабочего класса, который не имел ни собственных органов печати, ни представительства в выборных учреждениях, то о его требованиях не могло быть и речи,

* — добропорядочной и умеренной республики. *Ред.*

Фритредерские мероприятия сэра Роберта Пиля, как известно, имели своей основой подоходный налог. Нетрудно понять, что прямое обложение есть финансовое выражение фритредерства. Если фритредерство вообще что-нибудь означает, то оно означает отмену таможенных пошлин, акцизных сборов и всех налогов, непосредственно препятствующих производству и обмену.

Но если налоги нельзя получать путем таможенных пошлин и акцизных сборов, то их приходится взимать непосредственно с собственности и доходов. Однако при определенном размере налогового сбора снижение одного вида обложения неизбежно повлечет за собой соответственное увеличение другого. Это снижение и увеличение должны изменяться в обратной пропорции. Поэтому, если английская публика желает отменить большую часть прямого налогообложения, то она должна быть готова к тому, что будут повышены пошлины на товары и промышленное сырье, — словом, она должна быть готова отказаться от системы фритредерства. Так именно нынешнее движение и истолковывается на европейском континенте. Одна бельгийская газета пишет, что

«на собрании в Генте, обсуждавшем политику фритредерства и протекционизма, один из ораторов ссылался на вновь появившуюся в Англии оппозицию против подоходного налога как на доказательство поворота ее общественного мнения к протекционизму».

Точно так же ливерпульские сторонники финансовой реформы в одном из своих недавних обращений выразили опасение, как бы Великобритания не возвратилась к принципам ограничений.

«Трудно поверить», — говорят они, — «в возможность подобного проявления национального ослепления, а между тем всякий рассудительный человек заурядного ума не может не видеть, что нынешняя агитация направлена именно к этой цели, а не к какой-нибудь иной».

Так как фритредерство, а следовательно, и прямое налоговое обложение служат в Великобритании наступательным оружием в руках промышленных капиталистов против земельной аристократии, то их общий крестовый поход против подоходного налога свидетельствует в области экономической о том же, что в области политической было доказано образованием коалиционного кабинета[125], а именно, об отсутствии энергии у английской буржуазии и ее стремлении к компромиссам с олигархами во избежание уступок пролетариату.

Капитулируя перед требованиями Лиги против подоходного налога, сэр Джордж Льюис сразу же показал и обратную

сторону медали. Никакой отмены налога на бумагу, никакого отказа от налога на страховые полисы на случай пожара, никакого снижения пошлины на вино, а напротив, повышение ввозных пошлин на чай и сахар. Согласно финансовому проекту г-на Гладстона[*], пошлина на чай должна была быть снижена[**] с 1 шилл. 6 пенсов на фунт сначала до 1 шилл. 3 пенсов и затем до 1 шилл., а пошлина на сахар с 1 ф. ст. на центнер сначала до 15 шилл. и затем до 13 шиллингов 4 пенсов[***]. Это относится только к рафинаду. Пошлина на белый сахарный песок должна была снизиться с 17 шилл. 6 пенсов последовательно до 13 шилл. 2 пенсов и 11 шиллингов 8 пенсов; на желтый песок — с 15 шилл. до 11 шилл. 8 пенсов и 10 шиллингов 6 пенсов; на бурый песок — с 13 шилл. 9 пенсов до 10 шилл. 7 пенсов и 9 шиллингов 6 пенсов; на патоку — с 5 шилл. 4 пенсов до 3 шиллингов 9 пенсов. Война задержала осуществление этого проекта; но согласно закону, принятому в 1855 г., проект этот надлежало осуществить последовательно в 1857 и 1858 годах. Сэр Джордж Льюис, который 19 апреля 1855 г. повысил пошлину на чай с 1 шилл. 6 пенсов до 1 шилл. 9 пенсов на фунт, предлагает провести сокращение этой пошлины в течение четырех лет, уменьшив ее до 1 шилл. 7 пенсов в 1857—1858 г., до 1 шилл. 5 пенсов в 1858—1859 г., до 1 шилл. 3 пенсов в 1859—1860 г. и, в конце концов, до 1 шиллинга. С пошлиной на сахар он предлагает поступить таким же образом. Известно, что спрос на сахар превышает предложение и что запасы его на мировых рынках уменьшились; например, в Лондоне в настоящее время имеется только 43700 тонн против 73400 два года тому назад. Естественно, что цены на сахар повышаются. Что же касается чая, то китайский поход Пальмерстона привел к искусственному ограничению предложения, а следовательно, и к повышению цен. Не найдется такого экономиста, который не сказал бы вам, что в период недостатка товаров и роста цен всякое снижение пошлины должно быть быстрым и весьма ощутимым, если хотят, чтобы оно пошло на пользу не только импортеру, но и широкому потребителю. Но вопреки этому сэр Джордж Льюис утверждает, что при росте цен снижение пошлины тем скорее пойдет на пользу потребителю, чем менее оно ощутимо. Это утверждение можно сравнить только с его странной доктриной, что почтовые сборы — это прямой налог и что запутанность представляет спасительную черту всякого обложения налогом.

[*] В рукописи после слова «Гладстона» написано: «относящемуся к 1855 г.». *Ред.*
[**] В рукописи после слова «снижена» написано: «в 1857 г.». *Ред.*
[***] В рукописи после слова «пенсов» написано: «в 1858 г.». *Ред.*

Компенсировать сокращение подоходного налога повышением пошлин на чай и сахар, которые являются предметом широкого потребления в Англии, значит совершенно явно уменьшить обложение богатых и увеличить обложение бедных. Однако это соображение едва ли помешало бы палате общин голосовать за такую меру. Но имеются торговцы чаем, которые заключили крупные контракты и соглашения, полагаясь, по их словам, исключительно на заявление сэра Джорджа Льюиса в палате общин 19 апреля 1856 г. — заявление, повторенное таможенным управлением для торговцев чаем 11 ноября 1856 г. — о том, что «6 апреля 1857 г. пошлина на чай будет снижена до 1 шиллинга 3 пенсов». Итак, торговцы чаем настаивают на том, чтобы им предоставили возможность выполнить свои обязательства и чтобы соблюдались моральные обязательства бюджета. Вместе с тем и г-н Гладстон рад отомстить Пальмерстону, прямо-таки предательски выбросившему вон пилитов, после того как он использовал их, чтобы опрокинуть сначала кабинет Дерби, затем кабинет Рассела и, наконец, кабинет их собственного патриарха, престарелого Абердина[126]. К тому же, Гладстону, как автору финансового проекта 1853 г., надо, разумеется, защищать свой собственный образцовый бюджет от бесцеремонных вторжений сэра Джорджа Льюиса. Поэтому он объявил о своем намерении* предложить следующую резолюцию:

«Что данная палата не согласится ни на какую прибавку к пошлинам на чай и сахар в силу акта 1855 г. о таможенных пошлинах».

До сих пор я касался только одной стороны бюджета — его доходной части. Взглянем теперь на другую его сторону — на предполагаемые расходы. Если намеченная доходная часть характеризует нынешнее состояние официального английского общества, то предполагаемые расходы тем более характеризуют состояние его нынешнего правительства. Пальмерстону нужны деньги, и очень большие деньги, не только для того, чтобы прочно установить свою диктатуру, но также и для того, чтобы удовлетворить свою страсть к бомбардировкам Кантона, войнам с Персией, неаполитанским экспедициям и т. д. Поэтому он предлагает такой бюджет мирного времени, который превышает приблизительно на 8000000 ф. ст. самые большие расходы со времени мира 1815 года. Он требует 65474000 ф. ст., тогда как г-н Дизраэли довольствовался 55613379 ф. ст.,

* В рукописи вместо слов «о своем намерении» написано: «в четверг 19 февраля, что в пятницу, в связи с решением палаты заседать в качестве комитета по изысканию средств, он намерен». *Ред.*

а г-н Гладстон — 56683000 фунтами стерлингов. Джону Булю, конечно, следовало бы предвидеть, что мечты о военной славе на Востоке со временем претворятся в полновесные счета налоговых инспекторов.

Но дополнительное годовое обложение, введенное в связи с войной, не может исчисляться выше 3600000 ф. ст., а именно: 2000000 ф. ст., на казначейские обязательства, срок которым наступает в мае 1857 года; 1200000 ф. ст. на проценты с 26000000 ф. ст. нового фундированного и с 8000000 ф. ст. нефундированного долга; наконец, около 400000 ф. ст. на фонд погашения новых долгов. Таким образом, дополнительные военные налоги в действительности не составляют и половины добавочных расходов, требуемых лордом Пальмерстоном. Зато его военные сметы вполне объясняют рост этих добавочных расходов. Совокупная смета армии и флота с 1830 по 1840 г. в среднем не достигала и 13000000 ф. ст., но в бюджете Льюиса она составляет 20699000 фунтов стерлингов. Если мы сравним ее со всеми военными сметами последних пяти лет, предшествовавших войне, то увидим, что эти сметы составляли: в 1849 г. — 15823537 ф. ст., в 1850 г. — 15320944 ф. ст., в 1851 г. — 15555171 ф. ст., в 1852 г. — 15771893 ф. ст., в 1853— 1854 гг. — 17802000 ф. ст., причем сметы за 1853—1854 гг. были утверждены с учетом предстоявшей войны.

Придерживаясь ортодоксальной доктрины вигов, что сок дерева предназначен питать червей, сэр Джордж Льюис ссылается на рост национального богатства, отраженный в данных об экспорте и импорте за 1856 г., в качестве основания для роста правительственных расходов. Если бы даже выводы были верны, то предпосылки все же остаются ложными. Достаточно указать на многие тысячи остро нуждающихся рабочих, которые скитаются в настоящее время по улицам Лондона и обращаются за помощью в работные дома[127]; достаточно указать на широко известный из официальных отчетов о доходах факт, что в 1856 г. в Англии значительно сократилось потребление чая, сахара и кофе, при незначительном увеличении потребления спиртных напитков. Достаточно указать, наконец, на отчеты о торговле за прошлый год, которые, по признанию самого г-на Уилсона, нынешнего секретаря казначейства, ясно доказывают, что прибыли от британской торговли в 1856 г. находятся в обратной пропорции к ее расширению. Казалось бы, что естественной тактикой лидера оппозиции должно было бы быть направление огня его главных батарей против этих непомерных расходов. Но, действуя таким образом и прямо восставая против этой аристократической расточительности, г-н Дизраэли рисковал бы получить

удар в спину от своих же собственных сторонников*. Поэтому ему приходится прибегать к сверхутонченному маневру** — мотивировать свою резолюцию против пальмерстоновского бюджета не тем, что бюджет предусматривает непомерные расходы на 1857 и 1858 гг., а тем, что он не обеспечивает в необходимом объеме государственных доходов на 1858—1859 и 1859—1860 годы.

Во всяком случае, дебаты о бюджете в палате общин обещают быть в высшей степени интересными не только потому, что от них зависит судьба нынешнего правительства и что они представят собой любопытное зрелище коалиции Дизраэли — Гладстона — Рассела против Пальмерстона, но и потому, что сами по себе противоречия финансовой оппозиции, которая, настаивая на отмене подоходного налога и запрещая увеличение пошлины на сахар и чай, в то же время не осмеливается открыто ударить по непомерно раздутым расходам, явятся, несомненно, чем-то совершенно новым в нашей практике.

Написано К. Марксом 20 февраля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4956, 9 марта 1857 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с текстом рукописи

Перевод с английского

---

* В рукописи, начиная со слов: «Но, действуя таким образом», идет следующий текст: «Но г-н Дизраэли рисковал бы быть атакованным с тыла своей собственной партией, если бы он серьезно выступил против аристократических тунеядцев [tax-eaters]». *Ред.*

** В рукописи вместо слов; «сверхутонченному маневру» написано: «самой жалкой уловке». *Ред.*

К. МАРКС

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В КИТАЕ

Лондон, 27 февраля 1857 г.

Резолюции графа Дерби и г-на Кобдена, осуждающие военные действия в Китае, были внесены в соответствии со сделанными заранее заявлениями, первая — 24 февраля в палате лордов, а вторая — 27 февраля в палате общин. Дебаты в палате лордов окончились в тот самый день, когда начались дебаты в палате общин. Первые нанесли сильный удар по кабинету Пальмерстона, оставив ему сравнительно слабое большинство в 36 голосов. Последние, возможно, окончатся его поражением. Но какой бы интерес ни вызывала дискуссия в палате общин, прения в палате лордов уже исчерпали доводы сторон, а мастерские речи лордов Дерби и Линдхёрста предвосхитили красноречие г-на Кобдена, сэра Э. Булвера, лорда Джона Рассела и tutti quanti[*].

Единственный среди членов правительства авторитет в области юриспруденции, лорд-канцлер[**], заметил, что «если у Англии не было достаточных оснований для инцидента с «Эрроу», то все действия Англии от начала и до конца были неправильны». Дерби и Линдхёрст бесспорно доказали, что Англия вообще не имела никаких оснований для инцидента с этой лорчей. Их аргументация настолько совпадает с аргументацией, приведенной на столбцах «Tribune»[***] после опубликования первых сообщений из Англии, что я могу ограничиться здесь лишь ее кратким изложением.

В чем заключается обвинение против китайского правительства, которым хотят оправдать кантонское побоище[128]?

[*] — иже с ними. *Ред.*
[**] — Крануорт. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 105—110. *Ред.*

В том, что нарушена статья 9 дополнительного договора 1843 года. Статья эта предусматривает, что ни один из китайских преступников, находящихся в колонии Гонконг или на борту британского военного корабля, или на борту британского торгового корабля, не может быть арестован самими китайскими властями, а должен быть истребован ими через британского консула, который и передает преступника местным властям. Китайские же пираты, находившиеся на лорче «Эрроу», которая стояла на реке Кантон, были арестованы китайскими чиновниками без участия британского консула. Поэтому и возникает вопрос: была ли «Эрроу» британским судном? Как доказывает Дерби, это было

«судно, построенное китайцами, захваченное китайцами, проданное китайцами, купленное китайцами, имевшее команду из китайцев и принадлежавшее китайцу».

В таком случае, как же это китайское судно превратилось в британское торговое судно? Произошло это посредством покупки в Гонконге британского судового свидетельства, или навигационной лицензии. Законность такого свидетельства основывается на изданном в марте 1855 г. постановлении местных гонконгских властей. Однако это постановление не только нарушало договор, существующий между Англией и Китаем, но и упраздняло само английское право. Поэтому оно не имело законной силы. Некоторую видимость законности в глазах англичан оно могло бы получить только в связи с актом о торговом судоходстве, но он был принят лишь два месяца спустя после издания гонконгского постановления. Впрочем, последнее так никогда и не было согласовано со статьями данного акта. Поэтому постановление, на основании которого лорча «Эрроу» получила свое судовое свидетельство, было всего-навсего клочком бумаги. Но даже согласно этой ничего не стоящей бумаге, «Эрроу» лишилась ее защиты уже в силу того, что нарушила предписанные условия и что срок лицензии лорчи истек. Этот пункт признает и сам сэр Джон Боуринг[*]. Однако, говорят, безразлично, была ли «Эрроу» английским судном или нет, — на ней, во всяком случае, был поднят английский *флаг,* и этому флагу нанесли оскорбление. Во-первых[**], если флаг был поднят, то он был поднят незаконно. Но был ли он поднят вообще? По этому пункту - существует расхождение между

[*] В рукописи после слова «Боуринг» написано; «который писал консулу Парксу, что «Эрроу» не имела права на британское покровительство». *Ред.*

[**] В рукописи вместо слова «Во-первых» написано: «Но, во-первых, «Эрроу» не имела права поднимать английский флаг, как признал сам сэр Джон Боуринг в своем письме консулу Парксу, помеченном Гонконг, 11 октября. Следовательно». *Ред.*

английскими и китайскими заявлениями. Последние, однако, были подтверждены пересланными через консулов показаниями капитана и команды португальской лорчи № 83. Ссылаясь на эти показания, «Friend of China»[129] в номере от 13 ноября заявляет, что «теперь в Кантоне всем известно, что британский флаг не поднимался на лорче в течение шести дней до ее захвата». Таким образом, вместе с законным поводом к конфликту отпадает также и формальный вопрос о национальной чести[*].

С большим тактом лорд Дерби в этой речи совершенно воздержался от своей привычки острить и тем самым придал своей аргументации строго юридический характер. Впрочем, и без всяких стараний с его стороны его речь была проникнута глубочайшей иронией. В самом деле, граф Дерби, глава английской родовой аристократии, выступает против бывшего доктора, ныне сэра Джона Боуринга, любимого ученика Бентама; выступает в защиту гуманности против человека, избравшего гуманность своей профессией; отстаивает подлинные интересы наций против последовательного утилитариста, который требует пунктуального соблюдения дипломатического этикета; взывает к формуле «vox populi — vox dei»[**] против сторонника формулы — наибольшая польза для наибольшего числа людей[130]. Потомок завоевателей проповедует мир, в то время как член Общества мира[131] проповедует стрельбу калеными ядрами; Дерби клеймит действия британского флота как «позорные поступки» и «бесславные операции», между тем как Боуринг по случаю этого трусливого насилия, не встретившего никакого сопротивления, поздравляет флот с «его блестящими достижениями, беспримерной храбростью и превосходным соединением военного искусства с доблестью». Эти контрасты представляли собой тем более острую сатиру, чем менее граф Дерби, казалось, сознавал их. На его стороне была та великая ирония истории, которая проистекает не из остроумия отдельных лиц, а из комичности самих ситуаций. Во всей парламентской истории Англии, пожалуй, никогда еще не было примера подобной интеллектуальной победы аристократа над выскочкой.

Лорд Дерби с самого начала объявил, что ему «придется полагаться только на официальные заявления и документы, исходящие от тех самых лиц, поведение которых он намерен подвергнуть критике», и что он считает вполне достаточными «эти документы для обоснования своих доводов». Однако было справедливо замечено, что документы эти в том виде, в каком

[*] На этом кончается рукописный отрывок. *Ред.*
[**] — «глас народа — глас божий». *Ред.*

они были обнародованы правительством, дали бы возможность последнему свалить всю ответственность на своих подчиненных. Это настолько верно, что нападки противников правительства в парламенте были направлены исключительно против Боуринга и K° и правительство могло бы присоединиться к ним без всякого ущерба для своего собственного положения. Я привожу слова самого лорда:

«Я не хочу говорить что-либо неуважительное о д-ре Боуринге. Возможно, что он человек с большими достоинствами; но мне кажется, что вопрос о допущении его в Кантон стал у него буквально *манией.* (Возгласы одобрения и смех.) Я уверен, что он и во сне и наяву видит свое вступление в Кантон. Я уверен, что это его первая мысль поутру, последняя на сон грядущий, а случись ему проснуться ночью, эта же мысль приходит ему в голову и среди ночи. (Смех.) Я уверен, что он пошел бы на любую жертву, не пожалел бы ни о каких нарушениях торговли, не раскаивался бы ни в каком кровопролитии, сопоставив их с теми огромными выгодами, которые получились бы от того, что сэр Джон Боуринг добился бы официального приема в кантонском ямэне*. (Смех.)»

Затем выступил лорд Линдхёрст:

«Сэр Джон Боуринг, являющийся не только уполномоченным, но и видным проповедником гуманности (смех), сам признает, что судовое свидетельство недействительно и что лорча не имела права поднимать английский флаг. Однако заметьте, что он говорит: «Судно не находилось под нашим покровительством, но китайцы этого не знают. Бога ради, ни слова им об этом». Он даже повторил это, ибо по сути дела его слова сводятся к следующему: мы знаем, что китайцы не были виновны в каком бы то ни было нарушении договора, но мы им этого не скажем; мы будем настаивать на возмещении убытков и на соблюдении особой формы при возвращении арестованных. Ну, а если бы матросы не были возвращены по этой форме, — к какому средству следовало бы тогда прибегнуть? Очень просто, захватить какую-нибудь джонку, военную джонку. Если бы и этого оказалось недостаточно, то захватывать еще, до тех пор пока мы не принудили бы китайцев подчиниться, хотя бы мы и знали, что на их стороне право, а на нашей — никакой справедливости. (Возглас одобрения.) Был ли когда-либо пример поведения более отвратительного, более скандального, пример, я не скажу более мошеннических, но — что одно и то же в нашей стране — более лживых предлогов, которые выдвигались бы должностным? лицом, состоящим на службе британского правительства? (Возглас одобрения.) Удивительно, как это сэр Джон Боуринг мог думать, что он имел право объявить войну. Я могу понять, что человек в таком положении имеет полномочия прибегнуть по необходимости к самозащите; но предпринимать наступательные действия на таком основании, под таким предлогом— это один из самых необычайных случаев, какие только можно найти во всемирной истории. Из документов, представленных палате, совершенно ясно, что с самого начала, когда сэр Джон Боуринг был назначен на нынешнюю должность, его честолюбивым желанием было добиться того, в чем потерпели полную неудачу его предшественники, а именно, проникнуть за стены Кантона. Стремясь только к выполнению этой цели, то есть к тому, чтобы получить доступ в стены Кантона, он

* — резиденции китайского чиновника. *Ред.*

без всякой необходимости ввергнул страну в войну; и каков же результат? Принадлежащее британским подданным имущество, ценностью в крупную сумму — 1500000 ф. ст., — теперь конфисковано в городе Кантоне, вдобавок к этому наши фактории сожжены дотла, и все это лишь из-за пагубной политики одного из самых злонамеренных людей.

«О человек, исполненный гордыни,
Ты облечен недолгой, слабой властью,
Невежда, мнящий мудрецом себя,
Былинка хрупкая, но злобный, как горилла,
Под ликом солнечным творишь такие вещи,
Что ангелы на небе слезы льют»*».

И, наконец, лорд Грей:

«Если вы, милорды, заглянете в документы, вы убедитесь, что когда сэр Джон Боуринг просил губернатора Е о свидании, то губернатор изъявил готовность встретиться с ним, по назначил для этой цели дом купца У Хао-гуань, находящийся за пределами города. Однако достоинство сэра Джона Боуринга не позволило ему идти куда-либо, кроме как в официальную резиденцию губернатора. Если нельзя ожидать ничего другого, то я жду, по меньшей мере, одного положительного результата от принятия резолюции — немедленного отозвания сэра Джона Боуринга».

То же отношение сэр Джон Боуринг встретил и со стороны палаты общин, а г-н Кобден даже начал свою речь торжественным отречением от этого «человека, с которым его связывала двадцатилетняя дружба».

Дословные выдержки из речей лордов Дерби, Линдхёрста и Грея доказывают, что правительству лорда Пальмерстона достаточно было бы для парирования удара пожертвовать сэром Джоном Боурингом, вместо того чтобы отождествлять себя с этим «видным проповедником гуманности». Не снисхождение и не тактика его противников, а исключительно представленные парламенту документы давали возможность правительству так легко выпутаться из положения; это становится ясным из самого беглого обзора этих документов и основанных на них прений.

Может ли оставаться какое-либо сомнение в том, что сэр Джон Боуринг страдает «манией» вступления в Кантон? Разве не доказано, что этот субъект, как говорит лондонская газета «Times», «повел дело исключительно по собственной инициативе, не посоветовавшись со своим начальством на родине и не сообразуясь с его политикой»? Зачем же в таком случае лорд Пальмерстон, в момент, когда положение его правительства шатко, когда его путь загроможден всякого рода затруднениями, связанными с финансами, с персидской войной, с тайными договорами, с избирательной реформой[132], с коалицией, когда он чувствует, что взоры палаты обращены «на него с большей

* Шекспир. «Мера за меру», акт II, сцена вторая. *Ред.*

серьезностью, но с меньшим восхищением, чем когда-либо раньше», — зачем он выбрал как раз этот момент для того, чтобы в первый раз за всю свою политическую карьеру проявить непоколебимую верность другому человеку, и притом своему подчиненному, с риском не только еще более ухудшить свое собственное положение, но и окончательно испортить его? Зачем он доходит в своем новом увлечении до того, что приносит себя в искупительную жертву за грехи какого-то д-ра Боуринга? Разумеется, ни один здравомыслящий человек не считает благородного виконта способным на подобные романтические заблуждения. Политика, которой он придерживался в этих осложнениях с Китаем, дает убедительное доказательство того, что документы, переданные им парламенту, неполны. Кроме опубликованных документов, должны существовать секретные документы и секретные инструкции, которые могли бы показать, что если д-р Боуринг и был одержим «манией» вступления в Кантон, то за его спиной стоял хладнокровный глава Уайт-холла*, поощрявший эту манию и в своих собственных целях раздувший ее из уголька во всепожирающее пламя.

Написано К. Марксом 27 февраля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4962, 16 марта 1857 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с текстом рукописного отрывка

Перевод с английского

* — Пальмерстон. *Ред.*

К. МАРКС

ПОРАЖЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ПАЛЬМЕРСТОНА

Лондон, 6 марта 1857 г.

Дебаты о китайском конфликте, бушевавшие в течение четырех вечеров, утихли, наконец, вылившись в принятый палатой общин вотум недоверия министерству Пальмерстона. На недоверие Пальмерстон отвечает «штрафным роспуском парламента». Он карает членов палаты общин тем, что заставляет их разойтись по домам.

Сильнейшее возбуждение, царившее в последний вечер дебатов как в стенах самой палаты, так и среди массы народа, собравшегося на прилегающих улицах, было обусловлено не только важностью поставленных на карту интересов, но в еще большей степени особенностями той личности, над которой происходил суд. Правление Пальмерстона не было правлением обыкновенного кабинета. Это была диктатура. С самого начала войны с Россией парламент почти отказался от своих конституционных функций; он не осмелился вернуть их себе и после заключения мира. Постепенно и почти незаметно деградируя, он опустился до положения Corps Legislatif*, отличаясь от подлинного бонапартистского учреждения только своей фальшивой вывеской и высокопарно звучащими претензиями. Уже самый факт образования коалиционного кабинета показал, что старые партии, от трений между которыми зависит ход парламентской машины, сошли на нет. Это бессилие партий, сперва нашедшее выражение в коалиционном кабинете, было затем воплощено, благодаря войне, во всемогуществе одного человека, который в течение полувека своей политической жизни

* — Законодательного корпуса. *Ред.*

никогда не принадлежал ни к одной партии, но всегда использовал все партии. Если бы даже не было войны с Россией, истощение старых официальных партий само по себе привело бы к преобразованиям. В парламент была бы влита новая жизнь введением в его организм свежей крови, предоставлением политических прав, по крайней мере, некоторой части народных масс, все еще не имеющих права голоса и представителей в парламенте. Война прервала этот естественный процесс. Война помешала тому, чтобы притупление остроты старых парламентских противоречий пошло на пользу массам, и обратила этот процесс к исключительной выгоде одного человека. Вместо политического освобождения британского народа мы получили диктатуру Пальмерстона. Война явилась тем мощным фактором, благодаря которому был достигнут этот результат, и война же была единственным средством, чтобы его упрочить. Война стала поэтому жизненно необходимым условием диктатуры Пальмерстона. Русская война была более популярной среди британского народа, нежели Парижский мир. Почему же в таком случае британский Ахиллес, под эгидой которого произошел позор Редана и падение Карса[133], не использовал этого благоприятного обстоятельства? Очевидно, потому, что выбор был не в его власти. Отсюда его Парижский договор, за которым последовали его недоразумения с Соединенными Штатами, его неаполитанская экспедиция, его показные ссоры с Бонапартом, его вторжение в Персию и его резня в Китае[134].

Принимая вотум недоверия в связи с этим последним событием, палата общин уничтожала тем самым средства узурпированной Пальмерстоном власти. Поэтому ее нынешнее решение было не простым парламентским решением, а бунтом — насильственной попыткой вернуть парламенту его конституционные функции. Таково было чувство, охватившее палату, и каковы бы ни были особые мотивы, которыми руководствовались различные фракции разнородного большинства, состоявшего из сторонников Дерби, пилитов, манчестерцев, сторонников Рассела и так называемых независимых, — все они были искренни в своих уверениях, что вовсе не обычный антиправительственный заговор объединял их при голосовании. А между тем именно обвинение в заговоре и было главным пунктом пальмерстоновской защиты. Слабость своей позиции он прикрывал argumentum ad misericordiam*, выдавая себя за жертву беспринципного заговора. Ничего не могло быть удачнее отповеди г-на Дизраэли на этот довод, столь обычный для подсудимых в Олд-Бейли[135]:

* — призывом к милосердию. *Ред.*

«Премьер-министр», — сказал Дизраэли, — «единственный человек на свете, который не выносит коалиций. Но ведь он — живое воплощение заведомо беспринципных политических коалиций. Взгляните, как составлено его правительство. Не далее, как в прошлом году все члены его кабинета поддерживали в этой палате один из биллей, внесенный, если не ошибаюсь, кем-то из их бывших коллег. Но один из членов правительства выступил против этого билля в другой палате, причем в оправдание своей явной непоследовательности он не стесняясь заявил, что когда он вступал в должность, то премьер-министр не потребовал от него никакого обязательства ни по одному вопросу. (Смех.) И тем не менее благородный лорд встревожен и шокирован создавшейся ныне беспринципной коалицией! Благородный лорд не выносит коалиций! Благородный лорд действовал-де только с теми, среди которых он был рожден и вскормлен как политик. (Аплодисменты и смех.) Этот Геркулес (указывая на лорда Пальмерстона) был в младенчестве взят из колыбели вигов, и как последовательна была его политическая жизнь! (Снова смех.) Оглядываясь на истекшие полвека, в течение которых он исповедовал почти все принципы и вступал в союз почти с каждой партией, благородный лорд сегодня вечером громко предостерегал от коалиций, так как он боится, что большинство палаты общин, насчитывающее в своих рядах несколько самых выдающихся членов палаты — бывших коллег благородного лорда, — может не одобрить его политики в отношении Китая, политики, которая началась грубым насилием и которая, в случае продолжения ее, кончится катастрофой. Такова, милостивый государь, позиция благородного лорда. Какую же защиту этой политики слышали мы от благородного лорда? Выдвинул ли он хоть один принцип, на котором следовало бы основывать наши отношения с Китаем? Сформулировал ли он хоть одно политическое правило, которым мы могли бы руководствоваться в этот момент опасности и замешательства? Напротив, слабую и шаткую позицию он прикрывал заявлением — о чем? — о том, что он является жертвой заговора. Он не стал на путь мужественной, достойной государственного деятеля защиты своего поведения. Он остановился лишь на нескольких пустяковых замечаниях, сделанных в ходе дебатов и, по существу, уже исчерпанных и забытых, как мне казалось, а затем вдруг заявил, что все это не что иное, как заговор! Привыкнув опираться на большинство, которое он получил, не выдвинув ни единого принципа, которое на деле явилось следствием случайных обстоятельств и которое, в сущности, возникло лишь потому, что благородный лорд, сидя на этой скамье, не испытывал необходимости высказать свое мнение ни по одному внешнему или внутреннему вопросу, способному затронуть сердца соотечественников или оказать влияние на мнение нации, благородный лорд теперь поймет, наконец, что настало время, когда он вынужден будет придерживаться определенной политической линии, если он хочет быть государственным деятелем; он поймет также, что в момент, когда обнаружен грубый промах его кабинета и когда все те, кто обычно оказывает влияние на мнение палаты, единодушно осуждают политику кабинета, не подобает жаловаться стране, будто он является жертвой заговора».

Впрочем, было бы совершенно ошибочно предполагать, что дебаты были интересны потому, что они затрагивали такие животрепещущие темы. Один вечер за другим проходил в дебатах, а голосования все не было. В продолжение большей части битвы голоса бойцов тонули в шуме и гаме частных разговоров. Вечер за вечером сторонники министерства ораторствовали, злоупо-

требляя временем, чтобы выиграть еще сутки для интриг и закулисных махинаций. В первый вечер г-н Кобден произнес остроумную речь. То же самое можно сказать о Булвере и лорде Джоне Расселе; но генерал-атторней[*] был несомненно прав, сказав им, что «он никак не может сравнить их рассуждения и их аргументацию по данному вопросу с аргументацией, высказанной в другой палате». Второй вечер был целиком занят тяжеловесными специфически юридическими спорами между поверенными обеих сторон — лордом-адвокатом[**], г-ном Уайтсайдом и генерал-атторнеем. Правда, сэр Джемс Грехем попытался оживить прения, но потерпел неудачу. Когда этот человек, фактически ответственный за убийство братьев Бандьера[136], ханжески воскликнул, что «он хотел бы умыть руки в этом деле, где была невинно пролита кровь», откликом на его пафос был сдержанный иронический смех. Третий вечер был еще скучнее. Выступал сэр Ф. Тесиджер, генерал-атторней in spe[***] с ответом генерал-атторнею in re[****], а также доктор прав Ши, пытавшийся ответить сэру Ф. Тесиджеру. Изощрялся в своем сельском красноречии сэр Джон Пакингтон. Выступал генерал Уильямс Карсский, которого палата слушала молча лишь несколько минут, а затем, как бы сговорившись, оставила без внимания, уразумев, что он не тот, за кого она его принимала. Наконец, выступил сэр Сидни Герберт. Этот элегантный отпрыск политической школы Пиля произнес речь, правда, выразительную, острую, парадоксальную, но больше высмеивающую аргументы сторонников министерства, чем содержащую собственные новые аргументы. Однако в последний вечер прения поднялись на высоту, свойственную палате общин. Робак, Гладстон, Пальмерстон и Дизраэли, каждый в своем роде, были действительно великолепны.

Труднее всего было избавиться от ширмы, за которую прятались во время дебатов — от сэра Джона Боуринга, — и прямо уличить самого лорда Пальмерстона, возложив лично на него ответственность за «избиение невинных». В конце концов, это удалось сделать. Так как предстоящие всеобщие выборы в Англии будут, в основном, вращаться вокруг этого вопроса, то может быть будет нелишним по возможности сжато изложить результаты дискуссии. На следующий день после поражения министерства и накануне объявления им о роспуске палаты общин лондонская газета «Times» отважилась на следующее утверждение:

---

[*] — Бетелл. *Ред.*
[**] — Монкриффом. *Ред.*
[***] — будущий. *Ред.*
[****] — настоящему. *Ред.*

«Нация будет в затруднении относительно того, на какой, собственно, вопрос надлежит дать ответ. Потерял ли кабинет лорда Пальмерстона доверие народа в результате ряда действий, совершенных на другом конце земного шара за шесть недель до того, как о них здесь узнали, и притом чиновниками, назначенными при прежнем правительстве? Министры впервые услышали об этих событиях на рождестве, и в этот момент они были так же неосведомлены, как и все остальные. Действительно, если бы все это произошло на луне или было рассказано в «Тысяче и одной ночи», нынешний кабинет не мог бы иметь к этому меньше отношения... Неужели следует осудить и сменить правительство лорда Пальмерстона за то, чего оно никогда не совершало и не могло совершить, за то, о чем оно узнало лишь тогда, когда об этом узнали все, за то, что было сделано людьми, которых оно не назначало и с которыми оно было не в состоянии до сих пор поддерживать каких-либо сношений?»

Этому бесстыдному словоизвержению газеты, которая все время оправдывала кантонскую резню, как наиболее удачный ход пальмерстоновской дипломатии, мы можем противопоставить несколько фактов, с трудом установленных во время долгих дебатов и ни разу не опровергнутых Пальмерстоном или его подчиненными. В 1847 г., когда лорд Пальмерстон возглавлял министерство иностранных дел, его первая депеша о допущении британских гонконгских властей в Кантон была составлена в угрожающих выражениях. Однако его пыл был охлажден его коллегой графом Греем, в то время министром колоний, который направил офицерам, командовавшим морскими силами не только в Гонконге, но и на Цейлоне, строжайшее предписание не допускать ни при каких обстоятельствах каких бы то ни было агрессивных действий против китайцев без особого разрешения из Англии. Тем не менее 18 августа 1849 г., незадолго до своего ухода из кабинета Рассела, лорд Пальмерстон отправил британскому уполномоченному в Гонконге следующую депешу:

«Пусть высшие чиновники Кантона и пекинское правительство не обольщаются. Снисходительность, проявляемая до сих пор британским правительством, происходит не от ощущения слабости, а от сознания превосходства своих сил. Британское правительство хорошо знает, что если бы того потребовали обстоятельства, *британские военные силы смогли бы разрушить город Кантон, не оставив камня на камне,* и таким образом подвергнуть население этого города самому примерному наказанию».

Таким образом, бомбардировка Кантона, имевшая место в 1856 г., в бытность лорда Пальмерстона премьером, была возвещена еще в 1849 г. в последнем послании, отправленном в Гонконг лордом Пальмерстоном, в то время министром иностранных дел в кабинете Рассела. Все существовавшие за этот промежуток времени правительства отказались как-либо смягчить распоряжение, категорически запрещающее британским предста-

вителям в Гонконге настаивать на их допущении в Кантон. Так поступили граф Гранвилл в министерстве Рассела, граф Малмсбери в министерстве Дерби и герцог Ньюкасл в министерстве Абердина. Наконец, в 1852 г. уполномоченным был назначен д-р Боуринг, занимавший до тех пор пост консула в Гонконге. Как утверждает г-н Гладстон, назначение д-ра Боуринга было делом лорда Кларендона, слепого орудия Пальмерстона, и состоялось без ведома и согласия кабинета Абердина. Когда Боуринг впервые поставил ныне обсуждаемый вопрос, Кларендон депешей от 5 июля 1854 г. сообщил ему, что он прав, но что ему следует подождать, пока не будет в наличии необходимых для осуществления его цели военно-морских сил. Англия вела в то время войну с Россией. Как раз в тот момент, когда возник инцидент с «Эрроу», Боуринг узнал, что мир заключен и в его распоряжение действительно высланы военно-морские силы. Тогда-то и был найден предлог для ссоры с губернатором Е. 10 января, получив донесение обо всем происшедшем, Кларендон сообщил Боурингу: «правительство ее величества всецело одобряет образ действий, избранный сэром М. Сеймуром и вами». Это одобрение, высказанное в столь немногих словах, не сопровождалось никакими дальнейшими инструкциями. Напротив, г-н Хаммонд в своем письме секретарю адмиралтейства выразил адмиралу Сеймуру от имени лорда Кларендона восхищение правительства по поводу *«умеренности, с* какой он действовал, и проявленного им бережного отношения к жизни и имуществу китайцев».

Таким образом, не может быть сомнения, что резня в Китае была задумана самим лордом Пальмерстоном. Под каким знаменем надеется он теперь собрать вокруг себя избирателей Соединенного королевства — это вопрос, на который, я надеюсь, вы позволите мне ответить в другой корреспонденции, ибо эта корреспонденция уже и так превысила положенные ей размеры.

Написано К. Марксом в марта 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4970, 25 марта 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРЕДСТОЯЩИЕ ВЫБОРЫ В АНГЛИИ [137]

Лондон, 13 марта 1857 г.

«Да надобно, милорд, чтоб вы стояли
Между двумя священниками.
Я На эту святость и налечь намерен»[*].

Пальмерстон не совсем точно следует совету, данному Бакингемом Ричарду III. Он стоит между священником, с одной стороны, и контрабандистом-торговцем опиумом — с другой. В то время как епископы евангелического толка, назначать которых этот опытный обманщик позволил своему родственнику, графу Шефтсбери, свидетельствуют о «праведности» Пальмерстона, контрабандисты-торговцы опиумом, торговцы «сладким ядом века»[**], свидетельствуют о его верном служении «товару — владыке мира»[***]. Шотландец Бёрк гордился лондонскими «воскрешателями»[138]. Точно так же Пальмерстон гордится ливерпульскими «отравителями». Эти господа с елейными лицами являются достойными представителями города, происхождение величия которого непосредственно связано с работорговлей. Ливерпуль, не славящийся поэтическими произведениями иного рода, может, по крайней мере, притязать на ту оригинальную заслугу, что он обогатил поэзию одами о работорговле. Поэтому, если Пиндар начал свой гимн победителям на олимпийских играх знаменитой строкой: «Нет ничего лучше воды» (Ariston men hudor)[****], то от современного ливерпульского Пиндара вполне можно ожидать, что он

[*] Шекспир. «Трагедия о короле Ричарде III», акт III, сцена седьмая. *Ред.*
[**] Шекспир. «Жизнь и смерть короля Джона», акт I, сцена первая. *Ред.*
[***] Там же, акт II, сцена первая. *Ред.*
[****] Из «Первой олимпийской оды» Пиндара. *Ред.*

начнет свой гимн о краснобаях с Даунинг-стрит[139] еще более остроумным вступлением: «Нет ничего лучше опиума».

Рука об руку с благочестивыми епископами и нечестивыми контрабандистами-торговцами опиумом идут крупные торговцы чаем, в большинстве своем прямо или косвенно причастные к торговле опиумом и потому заинтересованные в уничтожении существующих договоров с Китаем. Их побуждают к этому, кроме того, и свои особые мотивы. В прошлом году они пошли на риск огромных спекуляций чаем; продление военных действий одновременно и повысит цены на имеющиеся у них громадные запасы чая и даст им возможность отсрочить крупные платежи своим кредиторам в Кантоне. Таким образом, война позволит им надуть в одно и то же время и своих британских покупателей и своих китайских поставщиков и, следовательно, претворить в жизнь свои представления о «национальной славе» и «торговых интересах». Как правило, английские фабриканты не разделяют догматов этого ливерпульского катехизиса в силу того же самого возвышенного принципа, который ставит манчестерцев, добивающихся низких цен на хлопок, в оппозицию к господам из Ливерпуля, добивающимся высоких цен на него. Во время первой англо-китайской войны, длившейся с 1839 по 1842 г., английские фабриканты тешили себя ложными надеждами на необычайное расширение экспорта. Они уже вымерили ярд за ярдом хлопчатобумажные материи, в которые предполагалось одеть жителей Небесной империи. Но житейская практика отрезвила их рассудок, одурманенный пальмерстоновскими политиками. С 1854 по 1857 г. экспорт британских фабричных изделий в Китай не превышал в среднем 1250000 ф. ст. за год, то есть суммы, которая часто достигалась и в годы, предшествовавшие первой войне с Китаем.

«Фактически», — заявил в палате общин г-н Кобден, представитель английских фабрикантов, — «с 1842 г. мы» (то есть Соединенное королевство) «нисколько не увеличили нашего экспорта в Китай, по крайней мере в отношении наших фабричных изделий. Мы увеличили наше потребление чая — и только».

Вот почему английские фабриканты шире смотрят на вопросы китайской политики, чем английские епископы, контрабандисты-торговцы опиумом и торговцы чаем. Если не считать тунеядцев и карьеристов, которые цепляются за полы каждого правительства, а также наивных патриотов — завсегдатаев кофеен, которые верят, что под эгидой Пама* «дух нации мужает», то по существу мы перечислили всех bona fide** сторонников

* — Пальмерстона. *Ред.*
** — истинных. *Ред.*

Пальмерстона. Впрочем, мы не должны еще забывать лондонской газеты «Times» и журнала «Punch» — Великого Кофту[140] британской прессы и ее клоуна; оба они прикованы к нынешнему правительству как золотыми, так и казенными цепями и потому с деланным энтузиазмом восхваляют героя резни в Кантоне. А это значит, что голосование палаты общин следует рассматривать не только как бунт против Пальмерстона, но и как бунт против газеты «Times». Поэтому предстоящие выборы должны решить не только вопрос о том, не захватит ли Пальмерстон в свои руки всю государственную власть, но и не монополизирует ли полностью газета «Times» фабрикацию общественного мнения.

Каким же лозунгом может Пальмерстон привлечь к себе голоса на всеобщих выборах? Лозунгом о расширении торговли с Китаем? Но ведь он разрушил тот самый порт, от которого зависела эта торговля. Он переместил эту торговлю на более или менее продолжительное время с моря на сушу, из пяти портов в Сибирь, из рук Англии в руки России. Он повысил пошлину на чай в Соединенном королевстве, создав самое большое препятствие расширению торговли с Китаем. Может быть, он выдвинет лозунг о безопасности британских купцов-авантюристов? Но Синяя книга, озаглавленная «Переписка, касающаяся оскорблений в Китае»[141] и представленная палате общин самим министерством, показывает, что за последние семь лет было только шесть случаев оскорблений, причем в двух из них зачинщиками были англичане, а в четырех других китайские власти — к полному удовлетворению британских властей — приложили все старания к тому, чтобы наказать обидчиков. Поэтому, если имущество и жизнь английских купцов в Гонконге, Сингапуре и других местах подвергается сейчас опасности, то эта опасность вызвана самим Пальмерстоном. Но честь английского флага! Пальмерстон распродал ее по частям контрабандистам Гонконга по цене в 50 ф. ст. и запятнал ее «массовой резней беззащитных покупателей британских товаров». Между тем эти лозунги — расширение торговли, безопасность британских купцов-авантюристов и честь английского флага — являются единственными лозунгами, выдвинутыми теми правительственными оракулами, которые к настоящему времени уже выступили перед своими избирателями. Они благоразумно избегают затрагивать какие бы то ни было вопросы внутренней политики, так как лозунг «никаких реформ» или лозунг «больше налогов» не встретили бы поддержки. Один из членов правительства Пальмерстона, лорд Малгрейв, казначей королевского дома, заявляет своим избирателям, что он не собирается «выдвигать

никаких политических теорий». Другой член правительства, Боб Лоу, в своей речи в Киддерминстере высмеивает тайное голосование, расширение избирательного права и тому подобную «чепуху». Третий член правительства, г-н Лабушер, тот самый умник, который защищал бомбардировку Кантона на том основании, что если палата признает ее несправедливой, то английскому народу придется уплатить по счету около 5000000 ф. ст. иностранным купцам, собственность которых была уничтожена в Кантоне, — этот самый Лабушер в своем обращении к избирателям Тонтона вовсе игнорирует политику, обосновывая свои притязания просто великими деяниями Боуринга, Паркса и Сеймура.

Поэтому совершенно правильно замечание одной провинциальной британской газеты, что Пальмерстон не только не нашел «удачного лозунга для избирательной кампании, но вообще не нашел никакого лозунга». А между тем его дело отнюдь не безнадежно. Со времени голосования палаты общин обстоятельства коренным образом изменились. Местный акт насилия в Кантоне привел к общей войне с Китаем. Остается лишь решить, кто должен продолжать эту войну? Разве человек, оправдывающий эту войну, не способен вести ее более энергично, нежели его противники, которые надеются пройти на выборах потому, что осуждают ее?

Не запутает ли Пальмерстон в период междуцарствия дела так, что без него уже нельзя будет обойтись?

Не решит ли тогда вопрос в его пользу уже тот простой факт, что имеет место избирательная борьба? Для большинства британских избирателей в их нынешнем составе избирательная борьба означает борьбу между вигами и тори. Но так как Пальмерстон является фактическим главой вигов и его поражение должно привести к власти тори, то не отдаст ли большинство так называемых либералов свои голоса Пальмерстону для того, чтобы провалить Дерби? Таковы истинные соображения, на которые рассчитывают сторонники министерства. Если их расчеты окажутся правильными, то диктатура Пальмерстона, которую до сих пор терпели молча, будет провозглашена открыто. Существование нового парламентского большинства будет возможно лишь в том случае, если оно безоговорочно заявит о своей пассивной покорности министру. Возможно, что вслед за апелляцией Пальмерстона от парламента к народу последует в свое время coup d'état*, подобно тому как он последовал за апелляцией Бонапарта от Assemblée Nationale**

* — государственный переворот. *Ред.*
** — Национального собрания. *Ред.*

к нации[142]. Тогда, быть может, эти же самые люди убедятся на своей собственной шкуре, что Пальмерстон — это бывший член министерства Каслри —Сидмута, заткнувшего рот печати, уничтожившего свободу собраний, приостановившего действие Habeas Corpus act, узаконившего право кабинета производить аресты и ссылки по своему произволу и, наконец, устроившего бойню народа в Манчестере за протест против хлебных законов[143].

Написано К. Марксом 13 марта 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4975, 31 марта 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ С КИТАЕМ

В связи с вопросом о торговле и сношениях с Китаем, расширение которых лорд Пальмерстон и Луи-Наполеон предприняли насильственным путем, немалую зависть, очевидно, вызывает положение, занимаемое Россией. Действительно, вполне возможно, что в результате нынешнего конфликта с китайцами Россия, не расходуя ни денег, ни военных сил, может выиграть в конечном итоге больше, чем любая из воюющих стран.

У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время как англичане и мы сами лишены привилегий непосредственной связи даже с наместником Кантона, — что касается французов, то их участие в происходящих военных действиях носит скорее любительский характер, так как в действительности у них нет торговли с Китаем, — русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине. Правда, говорят, что это преимущество куплено Россией ценой примирения с тем обстоятельством, что ей дозволяется быть при дворе Небесной империи лишь на положении одной из зависимых стран, уплачивающих дань Китайской империи. Тем не менее это дает возможность русской дипломатии установить в Китае такое же влияние, как и в Европе — влияние, которое отнюдь не ограничивается только дипломатическими действиями.

Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются

теперь; на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря, смешивая их, не без основания, с пиратами-авантюристами, которые, по всей вероятности, всегда наводняли китайские берега. Но в виде компенсации за то, что они лишены возможности участвовать в морской торговле, русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю, в которой у них, по-видимому, не будет соперников. Эта торговля, регулируемая договором, заключенным в 1768 г., в царствование Екатерины II, имеет своим главным, если, пожалуй, не единственным местом действий Кяхту, расположенную на южной границе Сибири и Китайской Татарии*, на реке, впадающей в озеро Байкал, приблизительно в ста милях к югу от города Иркутска. Торговлей этой, которая происходит на своего рода ежегодной ярмарке, руководят двенадцать посредников, из которых шестеро являются русскими и шестеро китайцами; они встречаются в Кяхте и, — так как торговля исключительно меновая, — устанавливают нормы, по которым должны обмениваться товары, поставляемые каждой стороной. Со стороны китайцев основным предметом торговли является чай, со стороны русских — хлопчатобумажные и шерстяные ткани. За последние годы торговля эта, как видно, значительно возросла. Десять или двенадцать лет назад количество чая, проданного русским в Кяхте, не превышало в среднем сорока тысяч ящиков; однако в 1852 г. оно уже составляло сто семьдесят пять тысяч ящиков, большая часть которых содержала чай высшего сорта, хорошо известный потребителям на континенте под названием караванного чая, в отличие от низшего сорта этого товара, импортируемого морем. Другими предметами торговли которые продавали китайцы, являлось небольшое количество сахара, хлопка, шелка-сырца и шелковых изделий, но все это на очень ограниченную сумму. Русские расплачивались примерно равным количеством хлопчатобумажных и шерстяных товаров, с добавлением небольшого количества русской кожи, кованых металлических изделий, мехов и даже опиума. Стоимость всех купленных и проданных товаров, которые покупались и продавались, согласно опубликованным отчетам, по весьма умеренным ценам, достигала крупной суммы — свыше пятнадцати миллионов долларов. В 1853 г., вследствие волнений внутри Китая[144] и в связи с тем, что дороги из провинций, производящих чай, были заняты отрядами повстанцев, которые захватывали ка-

* — Монголии. *Ред.*

раваны противника, количество посланного в Кяхту чая уменьшилось до пятидесяти тысяч ящиков и вся стоимость торговли в этом году составляла лишь около шести миллионов долларов. Однако в течение двух последующих лет торговля эта оживилась, и в 1855 г. на ярмарку в Кяхту было послано не менее ста двенадцати тысяч ящиков.

В результате роста этой торговли Кяхта, расположенная на русской территории, из простого форта и места ярмарки выросла в значительный город. Она была превращена в главный центр этой части пограничной области и должна быть удостоена чести служить местопребыванием военного коменданта и гражданского губернатора. В то же время между Кяхтой и Пекином, который находится от нее на расстоянии около девятисот миль, недавно установлено прямое и регулярное почтовое сообщение для пересылки официальных депеш.

Очевидно, что если бы в результате происходящих теперь военных действий морская торговля с Китаем прекратилась, Европа смогла бы снабжаться чаем только по этому пути. В самом деле, предполагают, что даже после того, как морская торговля вновь будет открыта, Россия, завершив строительство своей железнодорожной сети, может стать могущественным конкурентом морских держав в снабжении европейских рынков чаем. Эти железные дороги установят прямое сообщение между портами Кронштадтом и Либавой и расположенным в центре России древним городом Нижним Новгородом, резиденцией купцов, которые ведут торговлю в Кяхте. То, что Европа будет снабжаться чаем по этому сухопутному пути, представляется гораздо более вероятным, чем то, что для этой цели будет использована запроектированная нами Тихоокеанская железная дорога. Вполне возможна также транспортировка по суше другой важной статьи экспорта Китая — шелка, в связи с его необычайно малым объемом по сравнению с его стоимостью; в то же время эта китайская торговля открывает такие возможности сбыта русских фабричных изделий, какого они не в состоянии найти где-либо еще.

Можно заметить, однако, что усилия России отнюдь не ограничиваются развитием только этой сухопутной торговли. Прошло всего несколько лет с тех пор, как она овладела берегами реки Амур, родины нынешней правящей династии в Китае. Усилия ее в этом направлении были несколько приостановлены во время минувшей войны*, но она, несомненно, энергично возобновит их в будущем. Россия владеет Курильскими островами

* — Крымской войны. *Ред.*

и соседним с ними побережьем Камчатки. Она уже имеет флот в этих морях и, несомненно, воспользуется любым благоприятным случаем, чтобы добиться участия в морской торговле с Китаем. Однако это менее важно для нее по сравнению с расширением той сухопутной торговли, в области которой она уже обладает монополией.

Написано К. Марксом около 18 марта 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4981, 7 апреля 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

АНГЛИЙСКИЕ ВЫБОРЫ

Лондон, 20 марта 1857 г.

Будущего историка, которому предстоит написать историю Европы за период с 1848 по 1858 г., поразит сходство между обращением Бонапарта к Франции в 1851 г. и обращением Пальмерстона к Соединенному королевству в 1857 году. И тот и другой изображали дело так, будто они апеллируют от парламента к нации, от предательской коалиции партий к бесхитростному общественному мнению. И тот и другой выдвигали одинаковые доводы. Если Бонапарт собирался спасти Францию от социального кризиса, то Пальмерстон собирается спасти Англию от международного кризиса. Пальмерстону, подобно Бонапарту, приходится отстаивать необходимость сильной исполнительной власти против пустой болтовни и назойливого вмешательства законодательной власти. Бонапарт обращался одновременно и к консерваторам[145] и к революционерам; к первым как к врагам аристократии, ко вторым как к врагам буржуазной узурпации. А Пальмерстон — разве он не оскорблял все деспотические правительства? Так может ли он быть неприятен какому-либо либералу? С другой стороны, разве он не предавал все революции? Так не должен ли он быть избранником консерваторов? Он противодействовал всякой реформе, так неужели консерваторы не поддержат его? Он не подпускает тори к должностям, так неужели либеральные карьеристы покинут его? Бонапарт носит имя, грозное для иностранцев и олицетворяющее славу Франции. Не так же ли обстоит дело с Пальмерстоном в отношении Соединенного королевства? Как бы то ни было, за исключением некоторых небольших перерывов, он ведал министерством иностранных дел с 1830 г., со времени проведения

избирательной реформы[146], то есть с начала современной истории Англии. Вследствие этого международное положение Англии, какой бы «страх» оно ни внушало или каким бы «славным» ни казалось иностранцам, связывается с личностью лорда Пальмерстона. Одним ударом Бонапарт превратил в ничто всех официально признанных великих мужей Франции, но разве Пальмерстон не «разбивает вдребезги» Расселов, Грехемов, Гладстонов, Робаков, Кобденов, Дизраэли и tutti quanti*? У Бонапарта не было никаких принципов, никаких сдерживающих начал, но он обещал дать стране то, чего она желала — человека. То же самое делает и Пальмерстон. Он — человек. Его злейшие враги не отваживаются обвинить его в том, что он представляет принцип.

Разве режим Assemblée Législative** не являлся режимом коалиции, составленной из легитимистов и орлеанистов[147] с небольшой примесью буржуазных республиканцев? Само наличие этой коалиции доказывало разложение представленных в ней партий, ибо старые партийные традиции не позволяли им объединяться в каком-либо ином, кроме отрицательного, единстве. Такое отрицательное единство не способно к действию; его действия могут быть только отрицательными; оно может быть только тормозом; отсюда сила Бонапарта. Но не так ли обстоит дело и с Пальмерстоном? Разве парламент, заседавший с 1852 г., не был коалиционным парламентом и разве он поэтому не воплотился с самого начала в коалиционном кабинете? Assemblée Nationale*** к моменту его насильственного разгона Бонапартом уже не имело дееспособного большинства. То же самое было и с палатой общин, когда Пальмерстон, наконец, объявил об ее роспуске. Но этим сходство исчерпывается. Бонапарт произвел свой coup d'état**** прежде, чем он обратился к нации. Связанный узами конституции, Пальмерстон должен обратиться к нации раньше, чем он попытается произвести coup d'état. В этом отношении нельзя отрицать, что все преимущества находятся на стороне Бонапарта. Избиения в Париже, карательные отряды в провинциях, осадное положение повсюду, объявление людей вне закона и массовые ссылки, штык позади и пушка впереди избирательной урны, — все это придавало аргументам бонапартовской прессы (единственной прессы, не смытой декабрьским потопом) зловещее красноречие, убедительности которого не могли умалить ни свойственная ей пло-

* — иже с ними. *Ред.*
** — Законодательного собрания. *Ред.*
*** — Национальное собрание. *Ред.*
**** — государственный переворот. *Ред.*

ская софистика, ни омерзительная логика, ни тошнотворно-цветистая лесть. Напротив, позиция Пальмерстона становится тем слабее, чем больше напрягают свои глотки его приспешники. Хотя он и великий дипломат, но он забыл приказать своим холопам, чтобы они помнили совет, данный хромому, который хотел вести слепого, — он забыл внушить им талейрановское «pas de zele»*. И действительно, они переиграли, исполняя свою роль. Взять, например, такой дифирамб в одном столичном органе:

«Да здравствует Пальмерстон! — таков клич, который, как мы надеемся, будет провозглашен на каждом избирательном собрании... Самая беззаветная преданность лорду Пальмерстону — таков первый догмат, который должен входить в символ веры каждого кандидата... Надо заставить либеральных кандидатов признать, что лорд Пальмерстон на посту премьера — это политическая необходимость сегодняшнего дня. Во что бы то ни стало нужно, чтобы он был признан героем нашей эпохи, не только грядущим героем, но героем, уже представшим перед нами; не только человеком, нужным в критический момент, но человеком, и притом единственным из наших современников, предназначенным для таких обстоятельств, навстречу которым явно идет наша страна... Он кумир нынешнего дня, любимец народа, восходящее, взошедшее уже солнце»[148].

Не удивительно, что Джон Буль не в состоянии был выдержать этого и что возникла реакция против пальмерстоновской горячки.

Поскольку сама личность Пальмерстона провозглашается политическим принципом, не удивительно, что его противники сделали принципом своей политики критическое исследование его личности. В самом деле, мы видим, что Пальмерстон, словно по волшебству, вызвал воскресение из мертвых всех прежних светил парламентской Англии. Доказательством этого утверждения служит такое зрелище, как появление лорда Джона Рассела (вига) перед столичными избирателями на собрании в Лондон-таверн, а также спектакль, разыгранный пилитом сэром Джемсом Грехемом перед избирателями в Карлайле, и, наконец, театральное выступление Ричарда Кобдена, представителя манчестерской школы, на многолюдном митинге в Фритред-холл в Манчестере. Пальмерстон действовал отнюдь не как Геркулес. Он не убил гиганта, подняв его на воздух[149], а придал новую силу пигмеям, повергнув их на землю. Если кто и уронил себя в глазах общества, так это несомненно лорд Джон Рассел, отец всех законодательных недоносков, герой приспособленчества, дипломатический посредник в Вене[150], человек, в руках которого все роковым образом превращалось в ничто.

* — «не слишком усердствуйте». *Ред.*

Но взгляните теперь на его триумфальное появление перед лондонскими избирателями. Откуда эта перемена? Она просто вызвана обстоятельствами, в которые поставил его Пальмерстон. Я, заявил Рассел, автор закона, отменяющего акт о присяге и корпорациях, билля о парламентской реформе, реформы муниципальных учреждений, урегулирования вопроса о церковной десятине, некоторых либеральных законодательных актов о диссидентах[151] и ряда других, касающихся Ирландии. Словом, я воплощаю в себе сущность всего, что было прогрессивного в политике вигов. Неужели вы пожертвуете мною ради человека, который представляет вигизм без его народных элементов, вигизм не как политическую партию, а только как клику карьеристов? Далее Рассел самые свои недостатки обратил себе на пользу. Я всегда был противником тайного голосования. Неужели вы думаете, что если Пальмерстон подверг меня опале, то я теперь унижу себя отказом от своих убеждений и возьму на себя обязательство поддерживать радикальные реформы? Нет, воскликнула его аудитория, не надо обязывать лорда Джона поддерживать сейчас тайное голосование. Есть своего рода величие в том, как этот маленький человечек при данных обстоятельствах признает себя сторонником крохотных реформ. Трижды ура и еще раз ура лорду Расселу без тайного голосования! После этого лорд Рассел окончательно склонил чашу весов на свою сторону, спросив присутствующих, позволят ли они небольшой клике торговцев опиумом организоваться, по приказанию Пальмерстона, в избирательную корпорацию для того, чтобы навязать свободным избирателям столицы свои решения, подсказанные правительством, и, по приказанию того же Пальмерстона, подвергнуть опале его, самого лорда Джона Рассела, который был их другом на протяжении шестнадцати лет! Нет, нет, воскликнуло собрание, долой клику! Да здравствует лорд Джон Рассел! И весьма вероятно, что Рассел теперь не только будет вновь избран в парламент от Лондона, но и пройдет первым по списку.

Еще более любопытная история была с сэром Джемсом Грехемом. Если лорд Джон Рассел стал смешным, то Грехем стал жалким. Что же, говорил он своим избирателям в Карлайле, неужели меня следует погасить как догоревшую свечу, или я должен убраться прочь, как собака, которую прогнали с беговой дорожки, потому лишь, что раз в жизни я поступил по совести и рискнул скорее потерять свое политическое положение, нежели подчиниться диктату одного человека? Вы выбрали меня своим представителем, несмотря на все мои бесчестные поступки. Неужели вы дадите мне отставку за единственный

хороший поступок, который я совершил? Конечно нет, откликнулись эхом карлайльские избиратели.

В отличие от Рассела и Грехема, г-ну Кобдену в Манчестере пришлось предстать не перед лицом своих собственных избирателей, а перед избирателями Брайта и Гибсона. Он говорил не от своего имени, а от имени всей манчестерской школы. Это обстоятельство усиливало его позицию. В Манчестере лозунги сторонников Пальмерстона звучали еще более фальшиво, чем где бы то ни было. Интересы промышленных капиталистов существенно отличаются от интересов торгующих опиумом контрабандистов Лондона и Ливерпуля. Возникшая в Манчестере оппозиция против Брайта и Гибсона не опиралась на материальные интересы местного общества, а призыв к избранию Пальмерстона прямо противоречил всем традициям этого общества. Призыв этот исходил из двух источников: от дорогостоящих газет, стремящихся отомстить за отмену газетного штемпельного сбора и за уменьшение налога на объявления[152], и от тех богатых снобов-фабрикантов, которые, завидуя выдающемуся политическому положению Брайта, пытаются разыгрывать из себя bourgeois gentilhommes[*] и считают более модным и соответствующим правилам bon ton[**] сплотиться под аристократическим знаменем Пальмерстона, чем поддержать умеренную программу Брайта. Этот особый характер пальмерстоновской клики в Манчестере позволил Кобдену в первый раз со времени агитации Лиги против хлебных законов[153] снова стать в позу плебейского вождя и снова призывать под свои знамена трудящиеся классы. Он мастерски использовал это обстоятельство. Какой возвышенный мотив избрал он для нападения на Пальмерстона, можно судить по следующей выдержке:

«Итак, со всем этим связан большой вопрос, который наш народ, думается мне, должен принять близко к сердцу. Хотите ли вы, чтобы члены палаты общин защищали ваши интересы, следили за расходами (да, да) и не позволяли вовлекать вас в бесполезные и дорогостоящие войны? (Да.) Прекрасно, но вы собираетесь действовать неправильно, если то, что я узнаю из ваших газет, подтвердится в ходе выборов, ибо мне говорят, что тех членов палаты, которые объединились, чтобы неусыпно заботиться о ваших интересах, и голосовали по вопросу об этой войне на основании имеющихся фактов, — что всех этих членов вы намерены подвергнуть остракизму и возвратить к частной жизни, а на их место собираетесь послать других лиц (нет, нет) — для чего? — чтобы блюсти ваши интересы? Нет, для того, чтобы они шли туда и покорно выполняли грязную, низкую работу по указке нынешнего министра. (Громкие возгласы одобрения.) Действительно, мне говорят, что вы собираетесь сделать лорда Пальмерстона деспотическим правителем этой страны. (Нет, нет.) Хорошо,

[*] — мещан во дворянстве. *Ред.*
[**] — хорошего тона. *Ред.*

но ведь если его не сдерживает парламент, если при попытке парламента обуздать его он распускает парламент и если вместо того, чтобы послать в парламент людей независимых и в достаточной мере способных отстоять свои и ваши права, вы пошлете простых проводников его воли, то что это означает, как не облечение его деспотической властью? Позвольте же мне сказать вам, что это деспотизм самый грубый, самый дорогостоящий и в то же время самый безответственный на всем земном шаре, ибо вы окружаете этого министра обманчивой видимостью представительной формы правления; вы не можете добраться до него, пока у него есть парламент, под защитой которого он может укрыться; и если на выборах вы не исполните своего долга и не пошлете в палату общин людей, которые будут бдительно следить за нынешним министром, то я утверждаю, что вы окажетесь в наихудшем положении, ибо вами будут управлять более безответственно, чем подданными прусского короля или французского императора. (Громкие возгласы одобрения.)»

Теперь станет понятно, почему Пальмерстон торопится с выборами. Он может победить только посредством внезапных действий, а время — враг внезапности.

Написано К. Марксом 20 марта 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4980, 6 апреля 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* АНГЛИЙСКИЕ ЖЕСТОКОСТИ В КИТАЕ

Несколько лет тому назад, когда в парламенте была разоблачена страшная система пыток, применяемая в Индии, сэр Джемс Хогг, один из директоров достопочтенной Ост-Индской компании, нагло утверждал, будто предъявленные ей обвинения ни на чем не основаны. Однако позднейшее расследование доказало, что обвинения эти опирались на факты, которые должны были быть хорошо известны директорам, и сэру Джемсу не оставалось ничего другого, как сознаться либо в «преднамеренном неведении», либо в «преступном знании» тех ужасных обвинений, которые предъявлялись Ост-Индской компании. По-видимому, в таком же незавидном положении оказались теперь нынешний премьер-министр Англии лорд Пальмерстон и министр иностранных дел граф Кларендон. В своей речи на недавнем банкете у лорда-мэра, пытаясь оправдать зверства в отношении китайцев, премьер сказал:

«Если бы правительство в данном случае одобрило меры, которым нет оправдания, оно, без сомнения, вступило бы на путь, который заслуживал бы порицания парламента и страны. Однако мы были убеждены в обратном — в том, что меры эти жизненно необходимы. Мы считали, что нашей стране была нанесена большая обида. Мы считали, что наши соотечественники в отдаленной части земного шара подверглись ряду оскорблений, насилий и жестокостей, которые нельзя было обойти молчанием. (Аплодисменты.) Мы считали, что обусловленные в договоре права нашей страны были нарушены и что лица, по месту своей службы обязанные защищать наши интересы в этой части света, не только имели право, но и были обязаны энергично реагировать на эти насилия, насколько это позволяли средства, находившиеся в их распоряжении. Мы считали, что мы обманули бы доверие, которым облекли нас наши сограждане, если бы мы не одобрили мер, которые казались нам правильными и к которым мы

сами сочли бы своим долгом прибегнуть, если бы оказались в таком же положении. (Аплодисменты.)»

Однако, как бы ни был введен в заблуждение этими благовидными объяснениями английский народ и весь мир, сам сиятельный лорд, разумеется, не верит в их истинность, а если верит, то он виновен в преднамеренном неведении, почти столь же непростительном, как и «преступное знание». С того момента, как до нас дошло первое известие о военных действиях англичан в Китае, английские правительственные газеты и частично американская пресса не перестают возводить клевету на китайцев — огульные обвинения в нарушении договорных обязательств, в оскорблении английского флага, в издевательствах-над живущими в Китае иностранцами и т. п. При всем том, однако, в подтверждение всей этой клеветы не было представлено ни одного определенного обвинения, ни одного факта, кроме инцидента с лорчей «Эрроу», да и в этом случае обстоятельства дела были так искажены и перетолкованы парламентской риторикой, что совершенно сбили с толку тех, кто серьезно желал уяснить себе суть этого вопроса.

Лорча «Эрроу» была небольшим китайским судном с командой из китайцев, но ее наняли какие-то англичане. Это судно получило временное разрешение плавать под английским флагом, однако срок этого разрешения истек еще до того «оскорбления», на которое теперь ссылаются. Говорят, что лорча использовалась для контрабандного провоза соли и что в числе ее команды было несколько весьма темных личностей — китайских пиратов и контрабандистов, которых власти давно уже пытались арестовать как закоренелых преступников. В то время как судно стояло на якоре у Кантона с убранными парусами, не поднимая никакого флага, полиции стало известно, что эти преступники находятся на борту судна, и она арестовала их, то есть поступила точно так же, как несомненно поступила бы и наша портовая полиция, узнав, что речных воров и контрабандистов скрывают поблизости на каком-то отечественном или иностранном судне. Но так как этот арест явился помехой в торговых делах владельцев, то капитан обратился с жалобой к английскому консулу. Консул, человек молодой, недавно назначенный на должность, к тому же, как нам сообщают, по своей натуре субъект вспыльчивый и раздражительный, in propria persona* врывается на судно, возбужденно объясняется с полицией, которая лишь выполнила свою прямую обязанность, и в результате ничего не добивается. Отсюда он мчится обратно

* — собственной персоной. *Ред.*

в консульство, в повелительном тоне пишет генерал-губернатору Гуандунской провинции, требуя удовлетворения и извинения, а также направляет письмо в Гонконг сэру Джону Бо-урингу и адмиралу Сеймуру, утверждая, будто он и флаг его страны подверглись нестерпимому оскорблению, и намекая в довольно прозрачных выражениях, что наступил, наконец, долгожданный удобный момент для военной демонстрации против Кантона.

Губернатор Е дает вежливый и спокойный ответ на высокомерные требования потерявшего хладнокровие молодого британского консула. Он объясняет мотивы ареста и выражает сожаление по поводу происшедшего недоразумения; в то же время он самым решительным образом отводит обвинение в каком бы то ни было намерении оскорбить английский флаг и возвращает матросов, которых он, несмотря на законность их ареста, не желает-де удерживать ценою столь серьезных осложнений. Но все это не удовлетворяет г-на консула Паркса — ему нужно, видите ли, официальное извинение и удовлетворение по всей форме, в противном случае губернатору Е придется нести ответственность за последствия. Затем появляется адмирал Сеймур с английским флотом, и тут начинается уже другая переписка: адмирал приказывает и угрожает, китайский чиновник отвечает спокойно, хладнокровно и вежливо. Адмирал Сеймур требует личного свидания в пределах стен Кантона. Губернатор Е говорит, что это противоречит всем прецедентам и что сэр Джордж Бонхем согласился с тем, что такого требования не следует предъявлять. Если это необходимо, он-де готов встретиться, как обычно, вне стен города или удовлетворить желания адмирала каким-либо иным способом, не противоречащим китайским обычаям и традиционному этикету. Однако все это не удовлетворило воинственного представителя британской державы на Востоке.

На основании кратко изложенных здесь мотивов, — а официальные отчеты, ныне представленные английскому народу, полностью подтверждают это изложение, — и ведется эта в высшей степени несправедливая война. Ни в чем не повинные горожане и мирные торговцы Кантона перебиты, их жилища разрушены до основания бомбардировкой, законы человечности попраны, и все это под нелепым предлогом, будто «жизнь и собственность англичан находятся в опасности вследствие агрессивных действий китайцев»! Британское правительство и британский народ — по крайней мере, те лица, которые захотели разобраться в этом вопросе, — знают, как фальшивы и ложны эти обвинения. Была сделана попытка отвлечь рассле-

дование от главного вопроса и внушить общественному мнению идею, будто целый ряд оскорблений, предшествовавших инциденту с лорчей «Эрроу», уже сам по себе представляет достаточный casus belli[*]. Но эти огульные утверждения лишены оснований. На каждую жалобу со стороны англичан китайцы могут предъявить, по крайней мере, девяносто девять своих жалоб.

Но ведь английская пресса хранит гробовое молчание о возмутительных нарушениях договора, ежедневно совершаемых иностранцами, которые живут в Китае под британским покровительством! Мы ничего не слышим о незаконной торговле опиумом, которая ежегодно обогащает британскую казну за счет человеческих жизней и нравственности. Мы ничего не слышим о постоянных подкупах низших чиновников, в результате чего китайское правительство лишается своих законных доходов от ввоза и вывоза товаров. Мы ничего не слышим о злодеяниях, доходящих «даже до убийства», причиняемых обманутым законтрактованным эмигрантам, которых продают в рабство еще худшее, чем рабство на побережье Перу и на Кубе. Мы ничего не слышим о частых наглых выходках иностранцев в отношении робких по натуре китайцев или о пороках, которые им прививают эти иностранцы в портах, открытых для их торговли. Обо всем этом и о многом другом мы ничего не слышим, во-первых, потому, что большинство людей вне Китая мало интересуется общественным и нравственным состоянием этой страны; а во-вторых, потому, что одно из правил благоразумной политики заключается в том, чтобы не затрагивать вопросов, которые не приносят денежной выгоды. Таким образом, английский обыватель, кругозор которого не простирается дальше бакалейной лавки, где он покупает чай, оказывается вполне подготовленным к тому, чтобы проглотить любую ложь, которую министерству и прессе заблагорассудится навязать общественному мнению.

Тем временем утихший было огонь ненависти, разгоревшийся против англичан во время опиумной войны, вспыхнул в Китае таким пламенем ярости, которое, по всей вероятности, не смогут потушить никакие заявления о мире и дружбе[154].

Написано К. Марксом около 22 марта 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4984, 10 апреля 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — повод к войне. *Ред.*

К. МАРКС

ПРЕДАТЕЛЬ В ЧЕРКЕСИИ

Нижеследующее письмо заимствовано из газеты «Pester Lloyd»[155].

Штаб-квартира в Черкесии, Туапсе, 26 февраля

«Английский пароход «Кенгуру» доставит Вам это письмо, откуда в Европе, вероятно, впервые получат сведения о событии, которое может оказать очень большое влияние на будущую судьбу народов Черкесии. Вам известно, что Мехмед-бей (Бандья), при особе которого я состою, согласился на предложения вождей и депутации черкесских племен и принял пост главнокомандующего. В понедельник 23 февраля мы высадились в Туапсе, где находится наша штаб-квартира. Перед нашим отъездом Мехмед-бей завербовал около двухсот превосходных военных инструкторов для различных родов войск, и они сопровождали нас сюда. В настоящее время Мехмед-бей уже торжественно провозглашен главнокомандующим черкесских войск. Князья, дворяне и депутация от народа поклялись на коране повиноваться ему, а сегодня депутация от черкесского собрания принесла флаг пророка, являющийся символом верховной власти. Когда новый командующий принес присягу верности священному знамени, это было встречено с огромным энтузиазмом. (Сам флаг зеленого цвета, и на нем изображен белый меч с полумесяцем и звездой.) Царит большое возбуждение; черкесы решили добиться полной независимости или погибнуть в борьбе за достижение этой цели. Ожидают, что к маю в военных действиях смогут участвовать 150000 (?) человек. «Россия, — сказал мне только что Мехмед-бей, — скоро будет иметь возможность убедиться в том, что преобладают *новые настроениям.* Я ознакомился с документами, которые предоставлены в мое распоряжение (Мехмед-бей был на стороне черкесов в течение минувшей войны), и придерживаюсь того мнения, что народ, который, при отсутствии военной организации, мог в течение тридцати лет оказывать сопротивление врагу, сможет, при наличии должной организации, *добиться* своей полной независимости. Вы можете надеяться получить ряд важных известий из Этой горной страны с наступлением весны. Как только позволят наши средства связи, Вы получите от меня сообщение о ходе событий».

Бандья был одним из руководителей венгров и состоял сначала при Кошуте, а затем при Семере; в 1851 и 1852 гг. находился в эмиграции в Англии; состоял на службе у прусского *и* у французского правительств в качестве шпиона и, разумеется, должен был действовать заодно с их общим хозяином; теперь, пользуясь покровительством Англии, он отправляется в Черкесию, где якобы преобладают *новые настроения.* Старые настроения были антирусскими, новые должны быть в пользу России — Черкесия должна-де *добиться* независимости, которую она никогда не теряла, и, в довершение всего, выдумывается парламент, который еще только должен быть создан.

Написано К. Марксом около 25 марта 1857 г.

Напечатано в газете «The Free Press», т. IV, № 34, 1 апреля 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПОРАЖЕНИЕ КОБДЕНА, БРАЙТА И ГИБСОНА

Лондон, 31 марта 1857 г.

«Свое намерение оказать широкую поддержку лорду Пальмерстону большинство кандидатов выдвинуло как наилучший довод в пользу своего переизбрания в новый парламент в качестве выразителей общественного мнения... Пальмерстон войдет в палату не как глава консервативной партии, или партии вигов, или пилитов, или радикальной партии, а как лидер английского народа, как великий зачинатель и устроитель общенациональной партии».

Так говорит «Morning Post»[156], личный орган лорда Пальмерстона. Пальмерстон в качестве диктатора, новый парламент в качестве его Corps Législatif[*] — таков смысл этих слов, который, по-видимому, находит подтверждение и в избирательных бюллетенях. Что же касается «общественного мнения», о котором говорит «Post», то, как справедливо было замечено, одну половину его Пальмерстон фабрикует сам, а с другой не считается.

Крупнейшим событием избирательной борьбы является полное поражение манчестерской школы: Брайт и Милнер Гибсон лишились парламентского мандата от Манчестера, Кобден — от Хаддерсфилда, сэр Э. Армитидж — от Солфорда, Фокс — от Олдема и Майалл — от Рочдейла. В особенности поразил всех, в том числе даже и пальмерстоновское правительство, исход выборов в Манчестере[157]. Как мало правительство надеялось на победу здесь, можно заключить из того, насколько неопределенно и нерешительно оно действовало. Сначала, получив несколько манчестерских обращений к избирателям, Пальмерстон грозился лично отправиться в этот центр

[*] — Законодательного корпуса. *Ред.*

хлопчатобумажной промышленности, чтобы бросить вызов своим противникам на «их собственной навозной куче». Подумав, однако, он отступил. Тогда на сцене появился подручный министерства, Боб Лоу. Получив от одной клики крупных фабрикантов приглашение выступить кандидатом от Манчестера с гарантией, что в случае поражения ему будет уплачена сумма в 2000 ф. ст., на которые он имел бы возможность купить одно из гнилых местечек в графстве, он публично принял предложение и дал разрешение избирательному комитету начать агитацию вокруг своего имени. Затем последовала известная речь Кобдена в Манчестере[158]. После этого Пальмерстон велел Лоу отказаться от своей кандидатуры, что тот и сделал. Даже и при дальнейшем размышлении попытка в Манчестере все еще казалась настолько лишенной каких бы то ни было шансов на успех, что газета «Times» получила указание взять на себя роль лисицы в басне[159]. Боб Лоу должен был написать передовую, которая настаивала на переизбрании Брайта и К° и увещевала манчестерцев не позорить себя отречением от своих старых представителей. Можно себе представить бешеный восторг и исступленные крики торжества в министерском лагере, когда, вопреки всем этим опасениям, телеграф принес на Даунинг-стрит известие о провале Кобдена, о поражении Брайта и Гибсона, и притом подавляющим большинством голосов. Что касается самого Пальмерстона, то этот успех возможно показался ему чрезмерным с точки зрения его собственных интересов, ибо этот старый плут отлично понимал, что для обуздания даже титана достаточно ввести его в палату общин, а для того, чтобы ускорить разрушение самой этой палаты — ее фундамента, привилегированного корпуса избирателей, и ее надстройки, министерской узурпации, — достаточно лишь исключить из нее самых видных членов и выбросить их на улицу, подарив таким образом обездоленной массе, стоящей за вратами «британской конституции», популярных вожаков.

Поражение, нанесенное манчестерской школе в ее собственной твердыне большинством ее же собственной армии, выглядит как личная победа Пальмерстона отнюдь не только потому, что вотум недоверия, который должен был удалить его из кабинета и послужил предлогом к роспуску парламента, был внесен Кобденом и Гибсоном. В личностях Пальмерстона — с одной стороны, и Брайта, Кобдена и К° — с другой, как бы воплотилось непримиримое противоречие между различными принципами и различным положением. Пальмерстон — рупор национальной славы, они — глашатаи промышленных интересов; он — дипломатствующий виконт, сосредоточивающий в своем

лице все узурпации британской олигархии, они — демагоги, parvenu*, олицетворяющие жизнеспособность британской буржуазии; он черпает свою силу в разложении партий, они своей силой обязаны борьбе классов. Он — это последнее беспринципное воплощение старого торизма, выступающее против вождей ныне покойной Лиги против хлебных законов. Таким образом, поражение Кобдена, Брайта и К° производит впечатление личной победы Пальмерстона, тем более, что их счастливые соперники на выборах сами по себе не могут претендовать ни на какое значение. Так, например, противник Брайта, сэр Джон Поттер, известен лишь тем, что он самый толстый человек в Манчестере. Он мог бы сойти за своего рода манчестерского сэра Джона Фальстафа[160], если бы его скудный ум и его большой кошелек не спасали его от сравнения с этим бессмертным рыцарем. А. Тёрнер, противник Милнера Гибсона, обосновывал свои личные притязания тем, что он-де человек заурядный, а потому никогда не заденет чувств своих сограждан неуместными претензиями на талант или блеск. Наконец, г-н Акройд, противник Кобдена, обвинял последнего в том, что тот-де фигура национального масштаба, меж тем как он (Акройд) никогда не был и, конечно, никогда не будет никем иным, как простым хаддерсфилдцем. Все они гордились тем, что у них нет талантов, зато есть характер, а этот дар, наверное, не даст им, подобно их предшественникам, впасть в ошибку, а именно, быть в «оппозиции ко всем правительствам» и, подобно Милнеру Гибсону, жертвовать доходными местами ради каких-то теоретических причуд.

Однако, вопреки видимости, обращение Пальмерстона к избирателям против Кобдена и К° послужило не причиной, а лишь поводом для вспышки горючих материалов, которые уже давно накапливались вокруг манчестерской школы. Так как Манчестер представляет собой ядро партии, а Брайт, по общему признанию, является ее подлинным героем, то достаточно присмотреться внимательно к его поражению, чтобы объяснить неудачу, одновременно постигшую его товарищей по оружию в других. промышленных центрах. Здесь сыграли роль, прежде всего, старые виги и тори, жаждавшие отомстить за свое политическое ничтожество, в котором они пребывали со времени появления Лиги против хлебных законов. Уже выборы 1852 г., когда Брайт одержал над ними победу большинством всего лишь в 100 голосов, показали их численную силу, к которой отнюдь не следовало относиться с пренебрежением. Победить под собственным

* — выскочки. *Ред.*

флагом они, конечно, не могли, зато они представляли собой мощное подкрепление для любого дезертирующего корпуса армии Брайта. Затем во второй шеренге шли лидеры дорогостоящей прессы с их закоренелой глубокой ненавистью и клокочущей злобой против парламентских крестных отцов дешевой прессы[161]. Г-н Гарнетт, редактор газеты «Manchester Guardian»[162], поднял все и вся против Брайта, неутомимо облекая в более или менее приличные одеяния довольно потрепанные доводы антибрайтовской коалиции; эту попытку облегчала ему та непопулярность, которую навлекли на себя Брайт и Кобден во время войны с Россией[163]. В тот период они действительно не могли отважиться предстать перед каким-либо публичным митингом в Манчестере и были вынуждены скрываться среди избранного общества, встречающегося за чашкой чая в залах Ньюолла, этого старого обиталища Лиги против хлебных законов. Из среды либеральной буржуазии, фабрикантов и представителей крупных торговых фирм против Брайта голосовало подавляющее большинство; из мелкой буржуазии и мелких лавочников за него стояли как один человек только квакеры и ирландцы, то есть то многочисленное меньшинство, которое всюду в Соединенном королевстве следует по пятам за своими «естественными повелителями». Чем объяснить этот раскол в рядах либеральной буржуазии? В значительной мере он объясняется тем, что богатые «мужи Манчестера» горят нетерпением стать «джентльменами», подобно их соперникам в Ливерпуле. Если они мирились с превосходством такого талантливого человека, как Брайт, пока он был необходимым орудием их классовых интересов, то теперь они считали, что настало время, когда они могут позволить себе обычный для преуспевающих посредственностей акт остракизма по отношению к тому, кто возбуждает их зависть. Впрочем, они восстали не только против личного превосходства Брайта, но еще более против устаревших притязаний охвостья Лиги против хлебных законов, которое было примерно таким же бременем для Манчестера, как когда-то охвостье Долгого парламента[164] для английской республики; это охвостье Лиги периодически собиралось под председательством г-на Уилсона, этого «неизменного украшения» и бывшего торговца крахмалом по профессии, которого поддерживали на этих собраниях почетный секретарь Лиги г-н Робинсон и другие незначительные лица без общественного положения. Вынесенные на поверхность волнами в период бури, эти люди теперь упорно отказывались опуститься на дно, хотя, в сущности, они не могли бы привести никаких мотивов для своего затянувшегося пребывания на политической арене, кроме обветшалой

традиции прошлого и условной лжи настоящего, будто они выступают от имени Манчестера всякий раз, когда это угодно Брайту. Один из предводителей бунта, г-н Энтуисл, откровенно заявил на избирательном собрании:

«Вопрос не в китайской и не в русской войне, и не в какой бы то ни было войне вообще. Вопрос в том, будет ли Манчестер и впредь подчиняться диктату остатков партии, которая собирается в залах Ньюолла».

Погребая, наконец, душившее их как ночной кошмар охвостье Лиги против хлебных законов, манчестерские фабриканты льстили себя надеждой, что они закрывали тем самым двери своего Якобинского клуба, не подозревая, разумеется, что они сметали прочь главное препятствие на пути нового революционного движения.

Однако истинный смысл выборов в Манчестере был раскрыт одним подвыпившим избирателем из числа противников Брайта, неистово вопившим во время голосования: «Не надо нам внутренней политики, давайте нам внешнюю политику!». Иными словами: долой реформы и борьбу классов! В конце концов буржуазия, мол, составляет большинство избирателей, и это все, что нам нужно. Крики против аристократии надоели, толку от них никакого, они только возбуждают рабочих. Мы добились свободы торговли и чувствуем себя отлично, особенно с тех пор, как снижен военный подоходный налог. При всем том мы очень любим лорда. «Не надо нам внутренней политики, давайте нам внешнюю политику». Объединимся же все на той почве, на которой мы все равны, — на национальной почве. Будем же все англичанами, настоящими Джонами Булями, под предводительством истинно британского министра лорда Пальмерстона[165].

Таким образом, подлинный секрет манчестерских выборов заключается в том, что фабриканты отреклись от революционного руководства, которое они узурпировали во время агитации Лиги против хлебных законов.

Написано К. Марксом 31 марта 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4990, 17 апреля 1857 г.

Печатается по тексту газеты

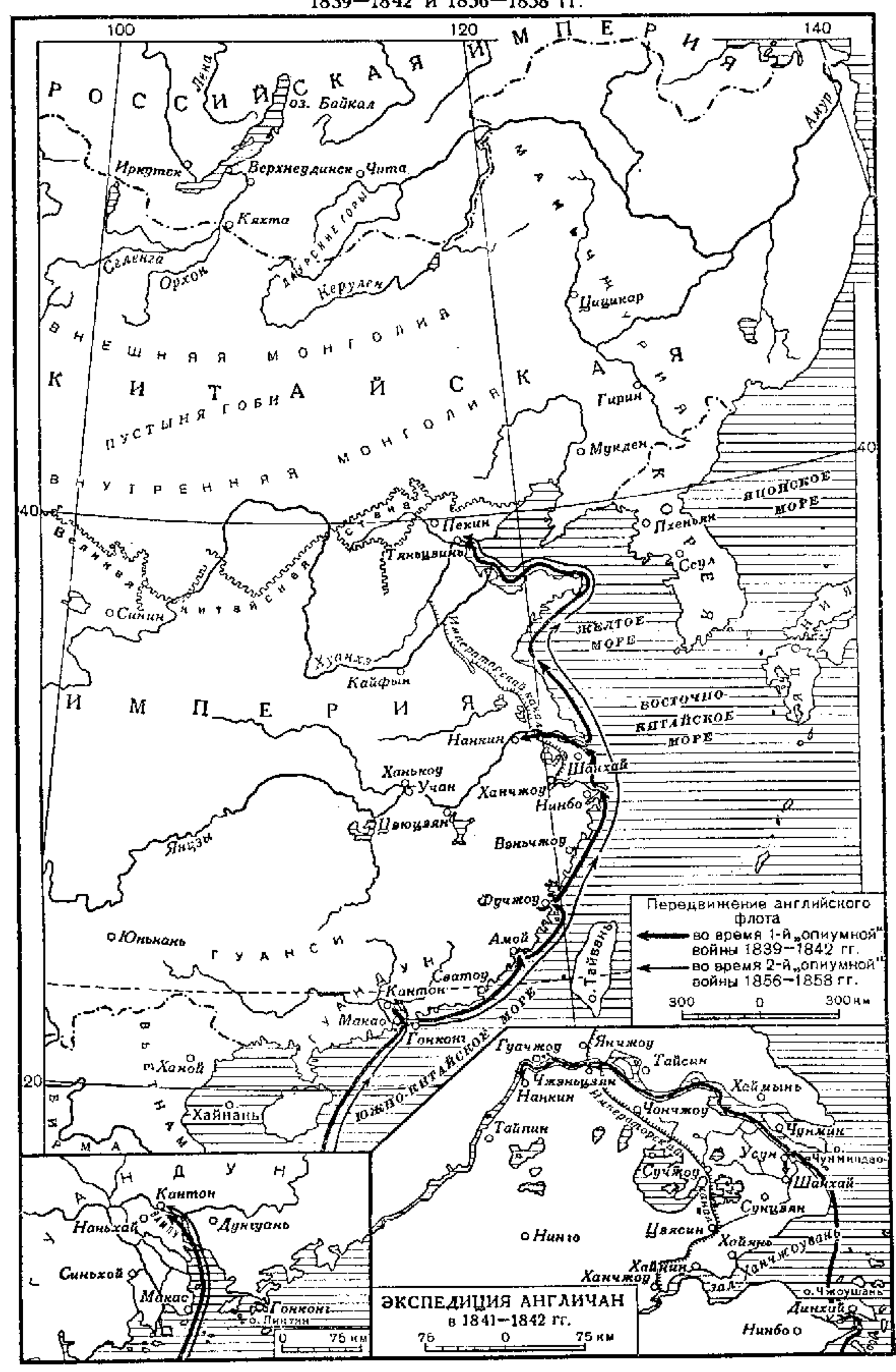
Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

* НОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АНГЛИЧАН В КИТАЙ

Если конфликт с китайцами, для которого англичанам удалось найти повод, достигнет крайнего обострения, то можно ожидать, что он кончится новой военно-морской экспедицией, вроде той, которая была предпринята в 1841—1842 гг. в связи с конфликтом из-за опиума[166]. Вполне вероятно, что легкость, с какой англичанам удалось тогда вырвать огромную сумму серебра у китайцев, может вновь соблазнить на подобный эксперимент народ, который, при всем своем отвращении к *нашим* пиратским наклонностям, до сих пор сохраняет — не в меньшей степени, чем мы сами, — изрядную долю того хищнического пиратского духа, который отличал наших общих предков в XVI и XVII столетиях. Однако значительные изменения в положении вещей в Китае, происшедшие со времени этого первого успешного грабительского набега англичан в интересах торговли опиумом, заставляют сильно сомневаться в том, даст ли подобная экспедиция в настоящее время сколько-нибудь похожий результат. Новая экспедиция, как и экспедиция в 1841—1842 гг., несомненно, должна будет иметь своим исходным пунктом остров Гонконг. Прежняя экспедиция была предпринята эскадрой из двух семидесятичетырехпушечных кораблей, восьми фрегатов, большого числа корветов и бригов, двенадцати пароходов и сорока транспортов; экспедиция насчитывала до пятнадцати тысяч войск, включая морскую пехоту. Новая экспедиция едва ли будет предпринята с меньшими силами; в самом деле, ряд соображений, которые мы намерены изложить, указывают на то, что ее собираются предпринять с гораздо более крупными силами.

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ „ОПИУМНЫЕ" ВОЙНЫ ПРОТИВ КИТАЯ
1839—1842 и 1856—1858 гг.

Экспедиция 1841—1842 гг., отплыв из Гонконга 21 августа 1841 г., сначала завладела Амоем, а затем, 1 октября, островом Чжоушанем, который она превратила в базу для своих дальнейших операций. Целью этих операций было проникнуть в великую центральную реку Янцзы и подняться по ней до города Нанкина, расположенного приблизительно в двухстах милях от устья реки. Река Янцзы делит Китай на две резко отличающиеся друг от друга части — северную и южную. Милях в сорока ниже Нанкина в великую реку входит, пересекая ее, Императорский канал, являющийся путем, по которому осуществляются торговые сношения между северными и южными провинциями. Кампания была построена на том расчете, что захват этой важной коммуникации будет для Пекина роковым и принудит императора немедленно заключить мир. 13 июня 1842 г. английские военные силы под командой сэра Генри Поттингера появились под Усуном, у входа в небольшую реку того же названия. Эта река течет с юга и вливается в широкое устье Янцзы близ ее впадения в Желтое море. Устье реки Усун служит гаванью для Шанхая, расположенного несколько выше по реке. На берегах У су на было установлено много батарей; все они без труда были взяты приступом. Затем одна из колонн вторгшихся войск направилась к Шанхаю, который сдался без всякого сопротивления. Но хотя со стороны мирных и робких обитателей берегов Янцзы, вовлеченных теперь в военные действия впервые после длительного, почти двухсотлетнего мира, нападавшие пока еще не встретили большого сопротивления, зато само устье реки и подступы к нему с моря, как оказалось, представляли огромные трудности. Река Янцзы при своем впадении в море образует очень широкое устье; берега ее в этом месте наполовину покрыты илом и едва различимы, так как море на протяжении многих лиг* от берега имеет мутно-желтый цвет, откуда и происходит его название. Кораблям, намеревающимся войти в Янцзы, приходится осторожно продвигаться вдоль южного берега, все время измеряя глубину лотом, чтобы миновать подвижные песчаные отмели, преграждающие подступы к реке. Эти отмели тянутся вдоль устья вверх по течению до верхней оконечности большого острова Чунминдао, лежащего посреди устья и разделяющего его на два русла. Выше этого острова, имеющего около тридцати миль в длину, берега начинают подниматься над водой, но русло реки становится очень извилистым. Прилив достигает Чжэньцзяна, приблизительно на полпути от Нанкина,

* Морская лига равна 5,56 *км. Ред.*

и то, что до сих пор представляло собой фактически широкое устье или морской рукав, здесь впервые для поднимающихся вверх по течению судов принимает очертания реки. Прежде чем достигнуть этого пункта, английскому флоту пришлось столкнуться с рядом серьезных препятствий. Ему потребовалось пятнадцать дней, чтобы пройти расстояние в восемьдесят миль от своей якорной стоянки у Чжоушаня. Близ острова Чунминдао несколько больших кораблей сели на мель, но начавшийся прилив помог им сняться с нее. Преодолев эти препятствия и приблизившись к городу Чжэньцзяну, англичане получили достаточно доказательств тому, что как бы несовершенны ни были в военном искусстве монголо-китайские солдаты, у них не было недостатка в храбрости и отваге. Эти монгольские солдаты, численность которых достигала лишь тысячи пятисот человек, дрались с отчаянной храбростью и были перебиты все до одного. Перед тем как идти в битву, они, словно предчувствуя ее исход, передушили или утопили всех своих женщин и детей; множество женских и детских трупов было впоследствии извлечено из колодцев, куда они были брошены. Командующий, видя, что битва проиграна, поджег свой дом и сам погиб в пламени. Англичане потеряли в атаке сто восемьдесят пять человек и отомстили за эту потерю ужасающими зверствами при разграблении города, так как эта война с начала до конца велась англичанами в духе лютой жестокости, полностью соответствующей духу контрабандистской алчности, из-за которой она и была начата. Если бы завоеватели встретили подобное сопротивление повсюду, они никогда не добрались бы до Нанкина. Но этого не случилось. Город Гуачжоу, на другом берегу реки, сдался и уплатил выкуп в сумме трех миллионов долларов, которые английские пираты прикарманили, конечно, с огромным удовлетворением.

Выше этого пункта фарватер реки имеет в глубину 30 морских сажен[*] и, следовательно, с этой стороны не представляет трудностей для судоходства, но течение местами очень быстрое, не менее шести-семи миль в час. Однако ничто не могло остановить продвижение линейных кораблей вверх по течению к Нанкину, под стенами которого 9 августа англичане бросили, наконец, якорь. Достигнутый таким образом результат вполне отвечал ожиданиям. Напуганного императора[**] заставили подписать 29 августа тот самый договор, который китайцы теперь якобы нарушили[167], что и выставляется как предлог для новых требований, грозящих новой войной,

---

[*] Морская сажень равна 1,83 *м. Ред.*
[**] — Дао-гуана. *Ред.*

Если эта война действительно начнется, ее будут вести, вероятно, по образцу первой. Однако по ряду причин англичане не могут ожидать такого же легкого успеха. Опыт прошлой войны не пропал даром для китайцев. В недавних военных операциях на реке Кантон они показали столь большие, по сравнению с прошлым, достижения в артиллерийской стрельбе и в искусстве обороны, что возникает подозрение, нет ли среди них европейцев. Во всех практических делах — а война есть дело сугубо практическое — китайцы намного превосходят все другие восточные народы, и нет сомнения, что в военном деле англичане найдут в них способных учеников. Далее, в случае если англичане вновь попытаются продвигаться вверх по Янцзы, они, по всей вероятности, встретят искусственные заграждения, каких им, по-видимому, не пришлось встретить в прошлый раз. А кроме того — и это самое серьезное соображение — вторичное занятие Нанкина едва ли внушит прежний ужас и тревогу императорскому двору в Пекине. В течение вот уже ряда лет Нанкин, так же как и значительная часть окружающих его областей, находится в руках повстанцев, один или несколько вождей которых сделали этот город своей штаб-квартирой[168]. При таких условиях занятие Нанкина англичанами могло бы быть скорее приятным, чем неугодным императору. Они могли бы оказать ему хорошую услугу, прогнав повстанцев из города, удерживать который после захвата его англичанами могло бы стать для них самих делом трудньм, беспокойным и опасным; к тому же, как показал недавний опыт, занятие Нанкина неприятелем не влечет за собой тотчас же каких-либо роковых последствий для Пекина и императорской власти.

Написано Ф. Энгельсом, в начале апреля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4990, 17 апреля 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ

Лондон, 7 апреля 1857 г.

Избирательная процедура заканчивается. Ее очевидный результат — победа Пальмерстона, значительное изменение personnel* палаты, коснувшееся около одной четвертой части ее бывших членов, и небывалое снижение ее интеллектуального уровня. Впрочем, выкладки английских газет относительно численности министерского большинства, их споры и препирательства из-за этих выкладок, а тем более их попытки распределить вновь избранных членов палаты по группировкам, уже утратившим свое значение, — все это абсолютно нелепое занятие. В то время как «Morning Post», например, торжествует по поводу министерского большинства в 80 человек, дизраэлевская «Press»[169] исчисляет потери своей партии в четыре мандата в городах и около 20 мандатов в графствах. По заявлению лондонской газеты «Times», исключение пилитов и манчестерцев, а также заведомых протекционистов восстановило в парламенте status quo ante** и вернуло парламент обратно его законным владельцам, допотопным партиям вигов и тори. Газета «Times» была бы рада убедить мир, что «британский народ вернулся к тому, чем он был тридцать лет назад». Под мнением «Times» почти готова подписаться и дизраэлевская «Press». Однако этот оптимистический вывод, которым пытается утешить себя олигархия, является таким же абсурдным, как и оптимистический вывод псевдорадикальных органов, вроде «Examiner»[170]. «Послереформенный парламент, — пишет эта

* — личного состава. *Ред.*
** — прежнее положение вещей. *Ред.*

газета, — соответствует призыву лорда Пальмерстона». Но ведь Пальмерстон просил побольше лакеев, а просвещенная страна, то есть привилегированные избиратели, составляющие незначительное меньшинство населения, отплачивает за его любезность тем, что посылает ему в палату шайку национальных краснобаев! Своими воплями «Да здравствует Пальмерстон!» они лишь обманывают хитрого виконта! Если новый парламент и положит начало какому-нибудь серьезному движению, то это будет, разумеется, не его заслугой; и Великобритания, подобно Синдбаду-мореходу, убедится в том, что ей гораздо труднее будет сбросить старика, чем взвалить его себе на плечи*.

Для того чтобы сравнить новую палату с ее предшественницами, целесообразно, пожалуй, начать с тех старых парламентских групп, которые совершенно исчезли в ходе избирательной борьбы, — с фракции пилитов и манчестерской школы.

В отличие от вигов, тори и манчестерской школы, фракция пилитов не представляла какого-либо класса или части какого-либо класса. Она была просто парламентской кликой, которая вне стен обеих палат, может быть, и имела друзей, но никогда не могла собрать армию. Представляя собой обломок одного из прошлых правительств, отдалившись от тори вследствие измены своего покойного вождя, связанной с хлебными законами; не желая растворяться в рядах вигов из-за не забытой еще старой вражды к ним и убеждения, которое они питали сами и которое до известной степени разделяла публика, будто они являются средоточием государственных талантов страны; не сливаясь из-за своих аристократических связей в одну массу с манчестерской школой; уверенное в своем влиянии на парламентские прения, благодаря ораторскому таланту некоторых своих членов, — это претенциозное ядро самозванных государственных деятелей было неустойчивым и неопределенным, не поддаваясь никакой характеристике и представляя собой, под видом особой парламентской партии, продукт разложения всех парламентских партий, вызванного фритредерским законодательством Пиля. Это разложение, которому они были обязаны своим появлением на свет, они усугубили тем, что содействовали падению министерства Дерби, а также тем, что выдвинули своего номинального вождя** в качестве

* «Тысяча и одна ночь», пятое путешествие Синдбада-морехода. *Ред.*
** — Абердина. *Ред.*

главы объединения партий, известного под названием коалиционного кабинета или кабинета всех талантов[171]. Когда процесс разложения парламента явно ускорился, их клике досталась честь поднять флаг, под сенью которого должно было совершиться одновременное самоубийство старых партий. Обеспечивая себе таким образом на короткий срок господствующее положение, пилиты в то же время уничтожали единственное оправдание своего существования в качестве особой группы. Неизбежным следствием соединения сил объединившихся партий было их общее бессилие и общее падение ниц перед одним человеком. Пилиты держали лестницу, по которой поднялся Пальмерстон.

Уже в 1852 г. пилиты потеряли в избирательной борьбе половину своих сил; выборы 1857 г. смели всю их армию. Оба Филлимора, лорд Харви, сэр Дж. Кларк, сэр Стаффорд Норткот, лорд У. Полетт, А. Гордон, Саттон, Харкорт, Лашингтон, Смайт, сэр Дж. У. Хогг, памятный своей деятельностью в Ост-Индской компании, Раунделл Палмер и, наконец, г-н Кардуэлл, — все они сошли со сцены. Последний из перечисленных джентльменов получил предложение от Пальмерстона, ставшего премьером, занять пост канцлера казначейства, но по совету Гладстона, Грехема и К° отклонил это предложение. Все же в предсмертную сессию ныне похороненной палаты общин, надеясь опередить Гладстона, Кардуэлл откололся от своих друзей и по вопросу о бюджете голосовал с Пальмерстоном. Наконец, во время прений о Кантоне, опасаясь, как бы дела не приняли иной оборот, он снова переменил фронт, вернулся в круг пилитов и подписался под предложением Кобдена о вотуме недоверия министерству. Этот джентльмен представляет собой, таким образом, подлинный образчик характерного для клики пилитов любопытного соединения нравственной щепетильности с беззастенчивым карьеризмом. После того как вся армия пилитов была уничтожена, остались только три ее генерала — г-н Гладстон, сэр Джемс Грехем и г-н Герберт — три лица, не способные образовать троицу, ибо по своему происхождению и склонностям они противоположны друг другу: сэр Джемс Грехем начал свою общественную карьеру как радикал, г-н Гладстон — как крайний тори, а г-н Герберт — как нечто, вообще не поддающееся определению.

Одно разоблачение, сделанное г-ном Гербертом на собрании его избирателей в южном Уилтшире, ярко рисует тот прием, при помощи которого Пальмерстон стремился *разделаться* с пилитами. Ничто так не дискредитировало пилитов, как их

поведение во время войны с Россией, и особенно то, что они пощадили Одессу[172]; это последнее обстоятельство объясняли тем, что г-н Герберт приходится племянником князю Воронцову. В распространении всей этой ядовитой клеветы особенно отличались такие пальмерстоновские приспешники, как «Morning Post», «Sun» и «Morning Advertiser»[173]. И вот г-н Герберт заявил своим избирателям, что он-то подписал приказ атаковать Одессу, но что после его ухода с министерского поста лорд Пальмерстон издал контрприказ пощадить город. Это разоблачение стоит в одном ряду с разоблачением, сделанным лордом Джоном Расселом на собрании избирателей лондонского Сити. Как известно, Рассел провалился в результате своей дипломатической миссии в Вене[174]. Во время избирательной шумихи пропахнувшая пивом «Morning Advertiser», собственная газета имеющих патенты трактирщиков и предназначенный для толпы орган Пальмерстона — а он имеет газеты всех сортов и на все вкусы, начиная с фешенебельных салонов и кончая распивочными, — чуть не надорвалась, вопя о великой измене Рассела в Вене. Возмущенный этим бесстыдным поведением газеты, Рассел обрел, наконец, мужество поведать миру, что лорд Кларендон не разрешил ему опубликовать инструкции, составленные собственноручно самим Пальмерстоном и предписывавшие ту самую венскую политику, за которую он (Рассел) некогда поплатился своей популярностью. Один греческий философ сказал, что его соотечественники, поэты, сочинили об эллинских богах такие ужасные истории, каких никто не посмел бы рассказывать о своем злейшем враге. Современные Франция и Англия превозносят как своих богов Бонапартов и Пальмерстонов, не нуждающихся в том, чтобы их чернили какие-нибудь поэты.

Из сказанного явствует, что те немногие генералы пилитов, которые пережили свою армию, появятся снова в парламенте уже не в качестве представителей организации, а только в качестве отдельных личностей. Как личность, г-н Гладстон, избавившись теперь от обструкций клики, охваченный чувством гнева и являясь бесспорно крупнейшим оратором новой палаты, вероятно, будет играть в ней более выдающуюся роль, чем когда-либо раньте. Во время своего длительного парламентского поединка Гладстон и Дизраэли, как иногда бывает в жарких схватках, время от времени бросали свое собственное оружие, чтобы схватить оружие противника. До некоторой степени Гладстон усвоил полемическую язвительность Дизраэли, а Дизраэли перенял напыщенную елейность Гладстона, едва ли выиграв от этого обмена.

Расставаясь с пилитами, мы можем еще указать на иронию истории, которая приурочила рождение этой фракции к моменту распада старых парламентских партий под действием Лиги против хлебных законов, а теперь констатирует ее смерть одновременно с исчезновением из парламента манчестерской школы.

Написано К. Марксом 7 апреля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4994, 22 апреля 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ ФАБРИЧНЫХ РАБОЧИХ

Лондон, 7 апреля 1857 г.

Недавно изданные отчеты фабричных инспекторов за полугодие, истекшее 31 октября 1856 г.[175], составляют ценный материал для изучения социальной анатомии Соединенного королевства. Они в немалой степени помогут объяснить реакционную позицию, занятую фабрикантами на нынешних всеобщих выборах.

Во время сессии 1856 г. через парламент контрабандой протащили фабричный акт, при помощи которого «радикальные» фабриканты, во-первых, изменили уже существующий закон в части, касающейся ограждения механических приводов и машин, и, во-вторых, ввели принцип арбитража при спорах между хозяевами и рабочими. Целью одного закона была якобы более действенная охрана жизни и безопасности фабричных рабочих; целью другого — подчинение этой охраны дешевым судам справедливости[176]. На деле же этот последний закон должен был поставить фабричного рабочего вне закона, а первый — лишить его безопасности. Цитирую следующие слова из сводного отчета инспекторов:

«Согласно новому законодательному акту, лица, находящиеся в силу своих *обычных занятий* вблизи от механических приводов и, следовательно, хорошо знакомые как с опасностями, которые сопряжены с работой на приводах, так и с необходимостью принимать меры предосторожности, пользуются покровительством закона; но этого покровительства *лишены* те лица, которые могут оказаться вынужденными прервать свое обычное занятие ради исполнения специальных поручений и подвергнуть себя опасности, которой они не сознают и от которой в силу своего неведения они не могут себя предохранить, то есть как раз те лица, которые, казалось бы, нуждаются в специальной охране со стороны законодательства».

Статья об арбитраже, в свою очередь, предписывает, чтобы арбитры выбирались из лиц, «сведущих в конструкции того рода машин», которыми причинено физическое увечье. Одним словом, монополией арбитража наделяются инженеры и конструкторы машин.

«Нам кажется», — говорят инспектора, — «что инженеров и конструкторов машин следует рассматривать *как лиц, неправомочных* выполнять функции фабричных арбитров по причине их деловых связей с владельцами фабрик, так как они являются их клиентами».

Нет ничего удивительного в том, что при таких условиях число несчастных случаев, причиненных машинами, как-то: смерть, потеря кистей рук или целой руки, целой ноги или ступни, перелом конечностей, черепа и лицевых костей, ранения, ушибы и т. д. за полугодие, истекшее 31 октября 1856 г., составляет ужасающую цифру — 1919. В промышленном бюллетене за полгода зарегистрировано двадцать смертных случаев из-за машин — приблизительно в десять раз больше, чем потерял британский флот во время «славного» кантонского побоища[177]. Поскольку, таким образом, фабриканты вовсе не стремятся охранять жизнь и безопасность своих рабочих, но ищут лишь способа избавиться от необходимости платить за руки и ноги, которые те потеряли у них на работе, а также сбросить со своих собственных плеч издержки по износу своих живых машин, то не приходится удивляться тому, что, согласно официальным отчетам, «*возрастает* количество случаев удлинения рабочего дня в нарушение фабричного акта». Согласно определению этого акта, удлинение рабочего дня означает принуждение подростков работать большее число часов в день, чем дозволено законом. Это делается различными способами: либо начинают работу раньше 6 часов утра, либо не прекращают ее в 6 часов вечера, либо сокращают рабочим перерывы для еды, установленные законом. В течение дня паровая машина пускается в ход трижды, а именно, когда работа начинается утром и когда она возобновляется после перерывов на завтрак и обед; она также трижды останавливается, а именно, в начале каждого перерыва для еды и при прекращении работы вечером. Таким образом, имеется шестикратная возможность украсть по 5 минут, что в сумме составляет полчаса в день. Работа, удлиненная на 5 минут в день, помноженная на недели, дает два с половиной рабочих дня в год; но мошенническое удлинение рабочего дня далеко выходит за эти рамки. Цитирую слова г-на Леонарда Хорнера, фабричного инспектора в Ланкашире:

«Прибыль, которую можно получить посредством такого незаконного удлинения рабочего дня, составляет для фабрикантов, по-видимому, слишком большой соблазн, чтобы не поддаться ему. Они рассчитывают не попасться; а когда они видят, как ничтожны были для тех, кто попался, штраф и судебные издержки, которые пришлось уплатить, то они находят, что и в случае, если они будут изобличены, они останутся еще в значительном выигрыше».

Помимо ничтожного размера штрафов, предусмотренных фабричным актом, владельцы фабрик всячески позаботились о том, чтобы формулировка акта давала наибольшую возможность обходить его постановления, и, как единодушно заявляют инспектора, «почти непреодолимые трудности мешают им по-настоящему положить конец незаконному удлинению рабочего дня». Они также единодушно клеймят крупных владельцев за то, что те сознательно обманывают, прибегают к подлым уловкам, дабы избежать разоблачения, пускаются на низкие интриги против инспекторов и помощников инспекторов, которым поручена защита фабричных рабов. Когда владельцам фабрик предъявляется обвинение в незаконном удлинении рабочего дня, инспектора, помощники инспекторов или их констебли должны быть готовы присягнуть, что рабочих заставляли работать в недозволенные законом часы. Предположим теперь, что инспектора приходят на фабрику после 6 часов вечера. Фабричные машины мгновенно останавливаются, и хотя рабочие только потому и могли оказаться в здании, что они обслуживали эти машины, обвинение все же не может быть доказано вследствие самой формулировки акта. Затем рабочих с большой поспешностью выпроваживают с фабрики, и зачастую несколько дверей облегчают их быстрое исчезновение. Были случаи, когда гасили газ, как только помощники инспекторов входили в помещение, так что они внезапно оказывались в темноте среди сложной системы машин. В местах, стяжавших дурную славу практикой незаконного удлинения рабочего дня, существует специальная система сигнализации на фабрику о появлении инспектора при помощи нанятых для этой цели служащих на железнодорожных станциях и прислуги в гостиницах.

Разве эти вампиры, тучнеющие от крови, которую они высасывают из молодого поколения рабочих своей собственной страны, не являются достойными коллегами британских контрабандистов-торговцев опиумом и естественной опорой «истинно британских министров»?

Отчеты фабричных инспекторов неоспоримо доказывают, что гнусности в британской фабричной системе растут по мере роста самой системы; что законы, изданные с целью обуздания

жестокой алчности фабрикантов, являются не чем иным, как обманом и фикцией, ибо они сформулированы так, чтобы свести на нет их же собственное назначение и обезоружить людей, которым поручено их выполнение; что антагонизм между фабрикантами и рабочими быстро приближается к тому пределу, когда начинается подлинная социальная война; что число детей моложе 13 лет, поглощаемых этой системой, увеличивается в ряде отраслей, а число женщин растет во всех; что, хотя в настоящее время число рабочих по отношению к количеству лошадиных сил такое же, как и в предшествующие периоды, число рабочих по отношению к количеству машин меньше; что, благодаря более экономичному использованию энергии, паровая машина способна двигать большую массу механизмов, нежели десять лет тому назад; что теперь, благодаря увеличению скорости движения машин и благодаря другим методам, выполняется большее количество работы; и что фабриканты быстро набивают себе карманы.

Интересные статистические данные, приводимые в отчетах, вполне заслуживают дальнейшего рассмотрения. Но и сказанного уже довольно, чтобы сразу понять, что промышленным рабовладельцам Ланкашира нужна внешняя политика, которая могла бы отвлечь внимание от внутренних вопросов.

Написано К. Марксом 7 апреля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4994, 22 апреля 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

АНГЛИЙСКАЯ ФАБРИЧНАЯ СИСТЕМА

Лондон, 10 апреля 1857 г.

Отчеты фабричных инспекторов Соединенного королевства за 1856 г. содержат подробные данные фабричной статистики, как например, число фабрик, количество применяемых лошадиных сил, количество машин и число лиц, занятых в производстве. Подобные же отчеты составлялись по предписанию палаты общин в 1835, 1838 и 1850 гг., причем сведения брались из анкет, заполненных владельцами фабрик. Таким образом, имеется обильный материал для сравнения различных периодов в развитии фабричной системы, которая охватывает, в соответствии с законодательством, только те предприятия текстильной промышленности, где применяются пар или водяная энергия.

Быстрое расширение этой системы, бесспорно, является наиболее характерной чертой социальной истории Соединенного королевства за последние шесть лет.

Нижеследующие цифры показывают число фабрик в годы, соответствующие последним трем отчетам:

	1838 г.	1850 г.	1856 г.
Хлопчатобумажные фабрики	1 819	1 932	2 210
Шерстяные »	1 322	1 497	1 505
Камвольные »	416	501	525
Льняные »	392	393	417
Шелкоткацкие »	268	277	460
Итого	4 217	4 600	5 117

Итак, средний прирост числа фабрик, который с 1838 по 1850 г. составлял ежегодно по 32 фабрики, почти утроился

с 1850 по 1856 г., когда он достиг 86 фабрик в год. Анализ общего прироста числа фабрик в течение каждого периода дается в следующей таблице:

Общий прирост с 1838 по 1850 г.	Проценты	Общий прирост с 1850 по 1856 г.	Проценты
Хлопчатобумажные фабрики	6	Хлопчатобумажные фабрики	14,2
Шерстяные »	13	Шерстяные »	0,5
Камвольные »	20	Камвольные »	4,7
Льняные »	6,1	Шелкоткацкие »	66,0

Из этой таблицы видно, что в течение первого периода прирост ограничивался хлопчатобумажными, шерстяными и камвольными фабриками, тогда как во второй период он охватывает также льняные и шелкоткацкие фабрики. Удельный вес различных отраслей в общем приросте тоже неодинаков в течение обоих периодов. В 1838—1850 гг. основной прирост имел место в камвольной и шерстяной промышленности, тогда как в 1850—1856 гг. последняя остается почти без изменений, а темп прироста первой уменьшается в четыре раза. С другой стороны, во второй период хлопчатобумажные и шелкоткацкие фабрики идут впереди всех других, причем в общем приросте шелкоткацкие фабрики занимают первое место в процентном отношении, а хлопчатобумажные — первое место в абсолютных цифрах.

Местности, где происходило это расширение промышленности, все время менялись, причем совершалось как бы перемещение промышленности из одной части страны в другую. Наряду с общим ростом промышленности, в отдельных местах происходит ее упадок, доходящий во многих графствах и городах до полного исчезновения существовавших там ранее предприятий. Общим законом, обусловливающим эти изменения — как упадок, так и рост, — является тот самый закон, который распространяется на современную промышленность во всех се отраслях, а именно, закон концентрации. Так, Ланкашир, образующий вместе с прилегающими к нему частями Йоркшира главный центр хлопчатобумажной промышленности, стянул эту промышленность к себе из других частей королевства. В то время как число хлопчатобумажных фабрик в Ланкашире и Йоркшире возросло с 1838 по 1856 г. на 411, в графствах Ланарк (Глазго), Ренфру (Пейсли) и Антрим

оно сократилось на 52. В свою очередь, шерстяная промышленность концентрируется в Йоркшире; в то время как здесь прибавилось 200 шерстяных фабрик, мы находим соответствующее сокращение на 82 фабрики в Корнуэлле, Девоншире, Глостершире, Монмуте, Сомерсете, Уилтшире, Уэльсе и Клакманнане. Камвольная промышленность почти целиком сосредоточивается в графстве Йоркшир, где прибавилось 107 новых фабрик. Льняная промышленность в настоящее время значительно сильнее развивается в Ирландии, чем в какой-либо другой части Соединенного королевства; но прирост в 59 льняных фабрик в Антриме, Арме, Дауне и Тироне сопровождается сокращением их числа в Йоркшире на 31, в Девоншире, Дорсетшире и Глостершире на 9 и в Файфе на 18. Приросту в 76 шелкоткацких фабрик в Чешире, Дербишире, Ноттингемшире и Глостершире соответствует убыль в 13 фабрик в Сомерсете. В некоторых случаях упадок одной отрасли промышленности возмещается ростом другой, так что перемещение промышленности может показаться лишь более определенным проявлением принципа разделения труда в крупном масштабе. Однако в целом дело обстоит не так: развитие фабричной системы ведет скорее к установлению разделения труда между индустриальными и сельскохозяйственными графствами. Например, южные графства в Англии — Уилтшир, Дорсетшир, Сомерсет, Глостершир — быстро теряют свою фабричную промышленность, между тем как северные графства — Ланкашир, Йоркшир, Уорикшир, Ноттингемшир — укрепляют свою промышленную монополию. Из общего прироста фабрик по Соединенному королевству, достигающего за время с 1838 по 1856 г. цифры 900, на один Ланкашир приходится 360, на Йоркшир — 344, на Уорикшир — 71 и на Ноттингемшир—46, причем прирост в двух последних графствах был вызван введением усовершенствованных машин в двух специальных производствах, именно применением механической энергии к чулочно-вязальной машине в Ноттингеме и в лентоткацком производстве в Ковентри.

Рост числа фабрик следует отличать от роста общей мощности двигателей в лошадиных силах, поскольку последний обусловливается не только появлением новых фабрик, но также установкой более мощных двигателей на старых фабриках, заменой водяной энергии паром, прибавлением силы пара к водяному колесу и прочими подобными усовершенствованиями. Нижеследующая таблица содержит сопоставление номинальной мощности фабрик в 1838, 1850 и 1856 годах:

Общая мощность двигателей, применяемых на фабриках Соединенного королевства
(в лошадиных силах)

	Паровые двигатели	Водяные двигатели	Итого
1838 г.			
Хлопчатобумажные	46 826	12 977	59 803
Шерстяные	11 525	9 092	20 617
Камвольные	5 863	1 313	7 176
Льняные	7 412	3 677	11 089
Шелкоткацкие	2 457	927	3 384
Всего	75 083	27 986	102 069
1850 г.			
Хлопчатобумажные	71 005	11 550	82 555
Шерстяные	13 455	8 689	22 144
Камвольные	9 890	1 625	11 515
Льняные	10 905	3 387	14 292
Шелкоткацкие	2 858	853	3 711
Всего	108 113	26 104	134 217
1856 г.			
Хлопчатобумажные	88 001	9 131	97 132
Шерстяные	17 490	8 411	25 901
Камвольные	13 473	1 431	14 904
Льняные	14 387	3 935	18 322
Шелкоткацкие	4 360	816	5 176
Всего	137 711	23 724	161 435

Хотя отраженный в этих цифрах прирост энергии — 59366 лошадиных сил с 1838 по 1856 г. — несомненно велик, он все же значительно ниже фактического количества добавочной энергии, которая может быть применена и фактически применяется для промышленных целей. Все цифры, данные в отчете, относятся только к *номинальной* мощности паровых двигателей и водяных колес, но не к мощности, фактически используемой, или той, которая может быть использована. Современная паровая машина в 100 лошадиных сил способна развить гораздо большую энергию, чем прежде, благодаря усовершенствованиям в ее устройстве, улучшению конструкции и увели-

чению емкости паровых котлов и т. д.; вследствие этого ее номинальная мощность может рассматриваться всего лишь как показатель, исходя из которого можно вычислить ее реальные возможности. Гражданский инженер г-н Несмит, объяснив природу новейших усовершенствований паровой машины, благодаря которым одна и та же машина может выполнить большую работу с меньшим количеством топлива, подводит итог в следующих словах:

«В настоящее время мы получаем от единицы веса паровой машины в среднем по крайней мере на 50% больше работы, а во многих случаях те же паровые машины, которые имели только 50 лошадиных сил в дни, когда их скорость не превышала 220 футов в минуту, в настоящее время имеют свыше 100»[178].

Из сопоставления роста мощности двигателей с ростом числа фабрик концентрация шерстяной промышленности в немногих руках становится очевидной. Хотя в 1856 г. шерстяных фабрик было всего на восемь больше, чем в 1850 г., однако мощность применяемых на них двигателей возросла за тот же период на 3757 лошадиных сил. Та же самая тенденция к концентрации, очевидно, существует и на хлопчатобумажных, камвольных и льнопрядильных фабриках. Число веретен в Соединенном королевстве в 1850 и в 1856 гг. равнялось соответственно 25638716 и 33503580, причем среднее число веретен на каждой фабрике было следующее:

	1850 г.	1856 г.
Хлопчатобумажные фабрики	14 000	17 000
Камвольные »	2 200	3 400
Льняные »	2 700	3 700

На ткацких фабриках, правда, наблюдается тенденция скорее к распределению производства между многими владельцами, чем к концентрации его в немногих руках. Вместе с тем при общем количестве ткацких станков, равном 369205 в 1856 г. против 301445 в 1850 г., среднее число их, применяемое на отдельной фабрике, оказывается в 1856 г. ниже, чем в 1850 году. Однако это кажущееся отклонение от общей тенденции развития английской фабричной системы легко объясняется тем фактом, что в ткацком деле фабричная система начала вводиться сравнительно недавно и еще не вытеснила окончательно систему ручных станков. В 1836 г. пар употреблялся почти исключительно для бумаготкацких станков или для изготовления тканей с примесью хлопчатобумажной нитки; но спустя несколько лет

начался быстрый рост числа механических станков для изготовления всяких тканей — шерстяных, камвольных, льняных и шелковых, — и этот рост продолжается до настоящего времени. Следующая таблица показывает увеличение количества механических станков с 1836 года:

	1836 г.	1850 г.	1856 г.
Хлопчатобумажные фабрики	108 751	249 627	298 847
Шерстяные »	2 150	9 439	14 453
Камвольные »	2 969	32 617	38 956
Шелкоткацкие »	1 714	6 092	9 260
Льняные »	209	3 670	7 689
Итого	115 793	301 445	369 205

Увеличение количества бумаготкацких станков происходило в результате расширения производства, а не в результате применения механической энергии для изготовления изделий, раньше ткавшихся только ручным способом; но на других предприятиях, где механическая энергия до сих пор применялась мало, она в настоящее время приводит в движение станки для производства ковров, лент и полотна. Использование механической энергии при чесании шерсти, которое стало широко распространяться со времени введения гребнечесальной машины, в особенности машины Листера, привело и здесь к тому, что большое количество людей осталось без работы.

Степень роста производственной мощности текстильных фабрик ясно обнаруживается из сравнения данных экспорта. В 1850 г., когда имелось 1932 хлопчатобумажные фабрики, средняя стоимость хлопчатобумажных изделий и пряжи, вывезенных за три года, истекшие 5 января 1850 г., равнялась в круглых цифрах 24600000 фунтов стерлингов. Если бы каждая из работавших в 1856 г. 2210 хлопчатобумажных фабрик произвела только такое же количество изделий или пряжи, какое произвели фабрики в 1850 г., то стоимость экспорта должна была бы равняться 28000000 фунтов стерлингов. Между тем средняя стоимость этого экспорта за три года, истекшие 31 декабря 1855 г., составила приблизительно 31000000 фунтов стерлингов. То же самое наблюдается и в отношении шерстяных и камвольных фабрик. Таким образом, мы видим, что, в то время как количество ткацких станков, приводимых в движение в среднем одной лошадиной силой, значительно увеличилось, число рабочих на каждую лошадиную силу осталось неизменным, именно в среднем 4 человека. Это видно из следующей таблицы:

	Общее число занятых рабочих 1838 г.	1850 г.	1856 г.
Хлопчатобумажные фабрики	259 104	330 924	379 213
Шерстяные »	54 808	74 443	79 091
Камвольные »	31 628	79 737	87 794
Льняные »	43 557	68 434	80 262
Шелкоткацкие »	34 303	42 544	56 137
Итого	423 400	596 082	682 497

Общая численность рабочего населения в 682497 человек кажется в действительности небольшой, если принять во внимание, что число одних только ткачей, работавших на ручных станках, и их семей доходило в 1838 г. приблизительно до 800000 человек. Нижеследующая таблица показывает процентное соотношение различных категорий рабочих рук, занятых в производстве:

	Дети до 13 лет	Подростки мужского пола от 13 до 18 лет	Подростки женского пола старше 13 лет	Мужчины старше 18 лет
1838 г.	5,9	16,1	55,2	22,8
1850 г.	6,1	11,5	55,9	26,5
1856 г.	6,6	10,6	57,0	25,8

За время с 1838 по 1850 г. число детей, занятых в производстве, возросло, но не пропорционально общему росту рабочих. Число детей с 1850 по 1856 г. возросло очень значительно, достигнув 10761, из которых 9655 были заняты в хлопчатобумажном производстве. Следует еще упомянуть, что «гуманный» закон 1844 г. разрешил нанимать на фабрики детей с 8-летнего возраста, тогда как раньше закон запрещал использование детей моложе 9 лет[179].

Написано К. Марксом 10 апреля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 4999, 28 апреля 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ [180]

Когда в Европе разразилась минувшая война, многие военные не без некоторого чувства благоговейного страха указывали на изумительную организацию русской армии. В то время как во Франции и Англии бригады, дивизии и армейские корпуса приходилось формировать из элементов, до этого не имевших между собой никакой связи, а командиров ставить во главе частей и соединений, которых они прежде никогда не видели, и штабы формировать из офицеров, прибывающих со всех концов страны, — в России вся огромная военная машина во всех своих деталях была доведена до совершенства еще задолго до войны. Каждый полк имел свое неизменное место в общей организации; каждая воинская единица, от роты до армейского корпуса, имела своего постоянного командира, и каждая более значительная единица имела свой постоянный штаб. Говорили, что машина находится действительно в полной рабочей готовности; она ждет-де только команды, пуска пара, чтобы двинуться вперед с величайшей легкостью; каждый зубец, колесо, винт, блок, ремень, клапан и рычаг находятся-де на своем месте и выполняют только свою работу. Вот что мы должны были увидеть, как нам говорили, но увидели мы, увы, нечто совсем другое. Армейские корпуса почти никогда не имели полного состава, так как целые дивизии, а еще чаще бригады, откомандировывались на отдаленные театры военных действий, и армейские корпуса дополнительно укомплектовывались другими частями и соединениями. Стремление по возможности держать вместе составные элементы каждого корпуса, дивизии и бригады, как оказалось, сковывало движение армии

в походе не менее, чем строгие правила, устанавливавшие порядок ведения боя; и наконец, широко разветвленная организация управления, все эти генералы, командующие корпусами, дивизиями, бригадами с их соответствующими штабами, хорошо известные своим подчиненным, хорошо знающие друг друга, прекрасно чувствующие себя на своих постах и при исполнении своих обязанностей, — все это оказалось сплошным грандиозным сговором для присвоения казенных денег и расхищения солдатских пайков, обмундирования и сумм, предназначенных для устройства их быта.

Если эти факты еще нуждались в официальном подтверждении, то это только что сделало само русское правительство. Новая организация армии прежде всего и главным образом направлена на то, чтобы уничтожить эти очаги сплошного казнокрадства — второстепенные штабы и управления. Как корпусные, так и бригадные штабы упразднены. Даже сам термин «бригада» исчезает из русской армии. Все шесть пехотных корпусов подчинены теперь одному лицу, князю М. Д. Горчакову I, бывшему командующему армией в Крыму. Правда, по главе каждого корпуса стоит генерал, но так как у последнего нет собственного штаба, то есть фактически нет возможности во всех деталях выполнять свои функции, то он в лучшем случае является только инспектором своего корпуса, своего рода контролером над пятью командирами подчиненных ему дивизий. В действительности командиры всех 30 дивизий (18 пехотных, 6 кавалерийских и 6 артиллерийских), образующих так называемую «первую армию», подчинены непосредственно главнокомандующему; а в каждой дивизии командиры четырех полков, пехотных или кавалерийских, и командиры батарей в свою очередь непосредственно подчинены командиру дивизии. Бригадные генералы, чья должность совершенно упразднена этой новой организацией, приданы штабу командира дивизии в качестве его заместителей и помощников. Мотивы всего этого достаточно ясны.

На князя Горчакова император может положиться, а Горчаков, со своей стороны, до известной степени может положиться на офицеров своего личного штаба. При бюрократической сложности и иерархических градациях прежней системы непосредственное влияние главнокомандующего не шло дальше командиров корпусов. Эти командиры корпусов и их штабы должны были передавать приказания в дивизии, штабы которых, в свою очередь, передавали их бригадам, а из штабов этих последних приказы доходили до полковых командиров, которым надлежало уже практически проводить их в жизнь. Это было не чем

иным, как прекрасно организованной системой мошенничества, казнокрадства и воровства; и чем лучше была организована сама армия, тем организованнее и успешнее шло ограбление казны. Это обнаружилось в походе первого, второго и третьего армейских корпусов из Польши на юг во время войны; и именно желанием покончить с этим злом объясняется то, что русское правительство только номинально сохранило должность командира корпуса и совершенно упразднило должность командира бригады. Теперь между главнокомандующим и ротными командирами есть только две промежуточные ступени, а именно, командир дивизии и командир полка, и имеется только один штаб — штаб дивизии, который может быть использован в целях казнокрадства. В случае если правительству удастся искоренить привычку к хищениям в штабах дивизий, оно может с полным основанием надеяться постепенно изгнать ее также и из полков.

Таким образом, вся организация армии расстроена изъятием из цепи двух звеньев, нужда в которых несомненно скажется во время войны. Русское правительство и само признает, что ни командиры корпусов, ни командиры бригад не могут быть совсем исключены из его военной иерархии. Командир корпуса в ней сохранен, но лишь как лицо чисто фиктивное, между тем как командир бригады вовсе лишен функций командования и превращен в простой придаток командира дивизии. Это означает только то, что генералы эти не имеют командных функций в мирное время, но их держат наготове на случай возникновения войны. И действительно, в единственной армии, которая еще имеет перед собой противника — в кавказской армии, — бригады сохранились. Нужны ли еще доказательства того, что упразднение бригад в остальной армии есть всего лишь попытка обезвредить командиров бригад и их штабы в мирное время?

Другое важное изменение — это расформирование большого корпуса драгун, состоявшего из десяти полков по восьми эскадронов в каждом, обученных как для пехотной, так и для кавалерийской службы. Этот корпус должен был играть выдающуюся роль во всех крупных сражениях. В решительный момент боя он должен был с быстротой, свойственной кавалерии, обрушиваться на какой-либо важный пункт на фланге или в тылу неприятеля, спешиваться, перестраиваться в шестнадцать батальонов пехоты и защищать этот пункт при поддержке своей тяжелой конной артиллерии. В течение всей минувшей войны этот корпус ничем не проявил себя, и полная непригодность таких смешанных частей для активных боевых

действий теперь, по-видимому, признана всеми. В результате эти комбинированные кавалеристы-пехотинцы превращены в обычную кавалерию и распределены в виде двенадцати полков, по восьми эскадронов в каждом, по шести армейским корпусам «первой армии». Таким образом, оба великих творения, с помощью которых император Николай думал обеспечить себе место среди величайших военных организаторов своей эпохи, исчезли через несколько лет после его смерти.

Среди прочих перемен можно упомянуть об организации в каждом армейском корпусе второго батальона и об образовании двух новых пехотных полков в кавказской армии. Первое нововведение до некоторой степени смягчает большую нехватку легкой кавалерии. Второе показывает, что Россия решила по возможности скорее закончить борьбу на Кавказе. По той же причине резервные бригады кавказских корпусов все еще остаются нерасформированными. Поэтому возможно, что в настоящее время там уже начались серьезные военные действия.

Написано Ф. Энгельсом около 16 апреля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5006, 6 мая 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ФИНАНСОВЫЕ АФЕРЫ В АНГЛИИ

Лондон, 1 мая 1857 г.

Расследование тайн Королевского британского банка судом по банкротствам уже близится к концу; со времени банкротства железнодорожного короля Гудзона не было, кажется, более полного разоблачения авантюризма, лицемерия, мошенничества и подлости, скрывающихся под позолоченной внешностью респектабельного общества. Одним из последних оказался у позорного столба общественного мнения г-н Хамфри Браун, бывший член парламента от Тьюксбери, который охарактеризован в «Парламентском спутнике» Додда за 1855 г. «как купец», «деятельный учредитель железнодорожных компаний», «известный авторитет по железнодорожной статистике и железнодорожному транспорту», «сторонник фритредерских принципов в *самом полном* смысле слова» и «к тому же либерал». После краха Королевского британского банка, этого дутого предприятия, сразу же стало известно, что сия влиятельная персона воспользовалась своим положением директора банка, чтобы обобрать последний на сумму примерно в 70000 ф. ст., однако разоблачение этого факта ничуть не помешало ему выполнять свои обычные государственные обязанности. Хамфри Браун спокойно продолжал появляться как в палате общин, так и в судейском кресле [on the benches of the «Great Unpaid»][181]. Он даже публично проявил высокое понимание своей ответственности перед обществом, наложив, в качестве мирового судьи графства, самое суровое наказание, предусмотренное законом, на одного бедного возчика, который утаил небольшое

количество картофеля, и прочитав виновному елейную проповедь о том, как это ужасно злоупотреблять доверием. Одна из газет в Тьюксбери сочла себя вправе воспользоваться этим удобным случаем, чтобы выступить с критикой той особенности британских учреждений, в силу которой крупные воры становятся судьями мелких. Г-н Браун пригрозил тогда не только привлечь к суду несчастного журналиста, но и отвернуться навсегда от доброго города Тьюксбери, если его обитатели не искупят такого преступного оскорбления невинности каким-либо торжественным актом раскаяния. Засим состоялась торжественная процессия для преподнесения «жертве бессовестного заговора» приветственного адреса, в котором, судя по газетным отчетам того времени, недостатки художественного оформления восполнялись металлической увесистостью. Положив приветственный адрес в карман, г-н Браун с высоты своего балкона обратился к толпе с речью, заявив, что, если бы не служебная присяга, обязывающая его не выдавать секретов Британского банка, его невиновность была бы каждому ясна как день, и закончил свое разглагольствование утверждением, что он-де является человеком, против которого грешили больше, чем грешил он сам. На последних всеобщих выборах он снова выступил в качестве кандидата в члены парламента от своего тихого городка, но кабинет министров, по отношению к которому он всегда выказывал стойкую приверженность, был настолько неблагодарен, что не поддержал его.

29 апреля этот тщеславный джентльмен был, наконец, освобожден от уз присяги, налагавшей до тех пор печать молчания на его уста и принуждавшей его безропотно сносить оскорбления гнусной клеветы; исповедником его был чиновник суда по банкротствам. Согласно общему правилу, чтобы стать директором какой-либо акционерной компании, нужно владеть определенным количеством ее акций. Перевернув обычный порядок, г-н Браун сделался сначала директором, а затем уж акционером; но при этом, владея акциями, он не позаботился уплатить за них. Приобрел он эти акции следующим весьма простым способом: г-н Камерон, управляющий Британским банком, впоследствии сбежавший, передал г-ну Брауну двадцать акций на сумму в 1000 ф. ст., он же (Браун) в свою очередь передал г-ну Камерону вексель на такую же сумму, постаравшись не уплатить по нему ни единого шиллинга. Став директором в феврале 1853 г., Браун начал свои банковские операции в марте. Он вложил в банк скромную сумму в 18 ф. 14 шилл. и в тот же самый день взял у банка под вексель ссуду в 2000 ф. ст., показав

этим сразу, что он не новичок в управлении акционерными компаниями. Действительно, и до и после своей деловой связи с Королевским британским банком г-н Браун почтил своим директорским руководством привилегированную Австралийскую компанию по импорту и рафинированию сахара, Компанию по производству патентованного водонепроницаемого и простого кирпича и черепицы, Уордловскую водопроводную компанию, Земельную компанию, Доковую компанию — словом, целый ряд компаний для всех четырех стихии. На вопрос г-на Линклейтера, поверенного кредиторов, что стало со всеми этими компаниями, Браун ответил довольно метко: «Их следует, пожалуй, считать покойниками». Его счет в Британском банке, начавшийся с 18 ф. 14 шилл. кредита, кончился 77000 ф. ст. дебета. Все эти ссуды выплачивались ему по распоряжению г-на Камерона, причем о согласии «прочих директоров не спрашивали».

«Управляющий данной компанией», — сказал г-н Браун, — «есть то лицо, через которое ведутся все дела. Такова практика *этого* банка, и», — прибавил он поучительным тоном, — «это весьма здоровая практика».

По-видимому, истинное положение дел в банке было таково, что вся руководящая верхушка его — управляющие, директора, заведующие, юрисконсульты и бухгалтеры — создала, согласно заранее установленному плану, круговую поруку, и каждый делал вид, что ему неизвестна доля добычи, достававшаяся тому или другому из его партнеров. А сам г-н Браун готов даже намекнуть, будто в качестве директора банка он почти ничего не знал о своих собственных операциях в качестве его клиента. Что же касается тех клиентов, которые не принадлежали к административному персоналу, то во время своего допроса г-н Браун, казалось, все еще находился под тягостным впечатлением того факта, что некоторые из них осмеливались покушаться на привилегии директоров. Так, о некоем г-не Оливере он заявляет:

«Я решительно утверждаю, что Оливер выманил у банка 20000 фунтов стерлингов. Это — очень резкое выражение, но я не сомневаюсь, что оно правильно: Оливер был жуликом».

На вопрос г-на Линклейтера: «А кем же были вы?», он спокойно отвечает: «К несчастью, недостаточно осведомленным директором». Все его ответы даются в том же невозмутимом тоне. Так, например, смехотворное несоответствие между сум-

мой его вкладов и суммой учтенных им в банке собственных векселей дает повод к следующему любопытному диалогу между ним и г-ном Линклейтером:

Г-н Линклейтер: Разве не было обычным условием операций банка, что никто не мог иметь в нем дисконтного счета, не имея в то же время текущего счета, на котором должна была всегда находиться сумма, равная одной четверти суммы векселей, значащихся на его дисконтном счету?

Г-н Браун: Такое правило было, и, как мне говорили, это была шотландская система.

Г-н Линклейтер: Вы эту систему не применяли?

Г-н Браун: Не применял, потому что это нездоровая система.

Всякий раз, когда г-н Браун снисходил до того, чтобы дать банку обеспечение, это были векселя или накладные на груз, которые он одновременно предусмотрительно закладывал у других лиц, поскольку он вообще совершенно свободно распоряжался обеспечениями с помощью приемов, которые судейский чиновник имел наглость назвать в высшей степени «мошенническими». 1 марта 1856 г. г-н Браун фактически закрыл свой счет в банке, иными словами совет директоров постановил больше не разрешать ему увеличивать его задолженность. Тем не менее 7 июня он, оказывается, снова получает в банке 1020 фунтов стерлингов. На вопрос г-на Линклейтера: «С помощью какого фокуса-покуса он устроил это дело?» Браун спокойно отвечает: «Это было нетрудно».

Из нижеследующего письма, адресованного им своему закадычному другу г-ну Камерону, можно видеть, как он вообще относился к той буре негодования, которую вызвали в печати разоблачения о Королевском британском банке:

Вестминстер, Литл Смит-стрит, 5 октября 1855 г.

«Уважаемый г-н Камерон! Не зная, где Вы в настоящее время находитесь, я пользуюсь случаем, чтобы переслать Вам это письмо через одного из членов Вашей семьи. Так как печальные новости распространяются быстро, то, я думаю, Вы уже знаете, как поносят нас во всех газетах, больших и малых, и что львиная доля нападок достается мне и Вам. Я имею основание думать, что чрезвычайно резкие статьи в «Times» были спровоцированы кое-кем из наших сослуживцев через посредство бухгалтера. Я пребываю в полном неведении обо всем происходящем, знаю лишь то, что содержат публичные отчеты, чтение которых едва не привело меня к выводу, что никто никогда прежде не бывал должен банкам денег, что все прежние сообщения были сделаны по ошибке и что всю свою ярость газета «Times» приберегла для того, чтобы оскорблять именно нас... Я не видал никого из других директоров со времени прекращения банком платежей — последнее было проведено самым бестолковым образом.

Преданный Вам

Хамфри Браун»

Как будто «никто никогда прежде не бывал должен банкам денег»! Г-н Браун, очевидно, считает, что все нравственное негодование излито на него и на его компаньонов просто так, для проформы. «Все воры!» Так говорит Тимон*, так же говорит и г-н Браун, убежденный, по-видимому, в глубине души, что так же говорит каждый член так называемого респектабельного общества. Важно лишь одно: не быть мелким вором.

Написано К. Марксом 1 мая 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5015, 16 мая 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* Шекспир. «Тимон Афинский», акт IV, сцена третья. *Ред*.

К. МАРКС

CRE̲DIT MOBILIER [182]

I

В нынешней Французской империи оперативные сводки великой армии* сменились отчетами Cre̲dit Mobilier. На последнем общем собрании акционеров 28 апреля г-н Исаак Перейра от имени совета директоров представил отчетный доклад, имевший целью дать сжатый обзор деятельности этого примечательного бонапартовского учреждения за 1856 год. При внимательном исследовании этого написанного высокопарным слогом документа, где автор по свойственной ему манере перемешивает финансовые выкладки с теоретическими положениями, цифры с чувствами и биржевую спекуляцию со спекулятивной философией, — можно выявить несомненные признаки упадка, которые эта апологетическая мишура скорее обнаруживает, чем скрывает.

Прибыли Cre̲dit Mobilier действительно продолжают ослеплять публику. По акциям, цена которых была установлена первоначально в 500 фр., за 1856 г. было выплачено 25 фр. в виде процентов и 90 фр. в виде дивиденда, что равняется 115 фр. — сумме, которая составляет как раз 23% на капитал Компании. Тем не менее, чтобы сделать правильные выводы, следует сравнить Cre̲dit Mobilier не с обычными коммерческими предприятиями, а с самим собой, и тогда мы увидим, что в течение одного только года его доходы сократились приблизительно наполовину. Следует различать два элемента в чистом годовом доходе этой Компании: один постоянный, другой переменный, один — определенный уставом, другой — зависящий от коммерческого

* — армии Наполеона I. *Ред.*

развития Компании, один идет под рубрикой процентов, другой — под рубрикой дивидендов. Поэтому процентный доход в 25 фр., или 5% на акцию, составляет постоянную статью в отчетах Компании, в то время как истинным критерием ее прогресса является объявленный дивиденд. И вот из отчета мы видим, что дивиденд, равнявшийся в 1855 г. 178 фр. 70 сант., сократился в 1856 г. до 90 фр. — движение, которое никак нельзя назвать восходящим. Если считать, что мелкие акционеры купили свои акции в среднем по 1500 фр., то действительный дивиденд, полученный ими в 1856 г., едва ли превысит 7%.

Г-н Исаак Перейра думает, что «излишне было бы пытаться указать причины разницы, существующей между дивидендом 1856 и дивидендом 1855 года». Все же он снисходит до того, чтобы мельком упомянуть об «исключительном характере» прибылей 1855 года. Это утверждение не лишено оснований; но в таком случае ясно, что только поддерживая исключительный характер своих прибылей, Credit Mobilier может претендовать на то, чтобы вообще иметь какой-либо характер. Исключительный характер прибылей Компании происходит от колоссальной диспропорции между ее капиталом и ее операциями. Эта диспропорция — отнюдь не временного характера — по существу составляет органический закон существования Компании. Credit Mobilier не претендует быть ни банковской, ни промышленной компанией, а скорее представителем — если возможно, в национальном масштабе — других банковских и промышленных компаний. Оригинальность идеи его организации и состояла в том, что он должен был играть роль представительного учреждения. Поэтому операции Credit Mobilier показывают, что они определяются не его собственным капиталом и обычным производным от него кредитом, а исключительно размерами того капитала, который Credit Mobilier в действительности представляет или пытается представлять. Если бы исчезла диспропорция между его капиталом и его операциями и, следовательно, исчезли бы его «исключительные» прибыли, то Credit Mobilier не просто деградировал бы до положения обычного банка, а потерпел бы крах самым жалким образом. Ставя своей задачей выполнение грандиозных операций, в которые он оказывается вовлеченным по самой природе своей организации, Credit Mobilier должен полагаться на успешное выполнение новых планов во все возрастающих масштабах. При таком характере этого учреждения всякий застой в делах и тем более всякий регресс является роковым симптомом грядущей гибели. Возьмите даже отчет 1856 года. Там, с одной стороны, мы видим скромный капитал в 60000000 фр., а с другой сто-

роны — операции, охватывающие огромную сумму более чем в 6000000000 франков. Сам г-н Перейра дает следующий беглый очерк этих операций:

«Наша подписка на последний заем не только осталась неприкосновенной, но она увеличилась до 40000000 фр. благодаря приобретениям, имевшим целью облегчить подписчикам уплату очередных взносов.

Наша кассовая наличность достигла суммы в	3 085 195 176 фр.	39 сант.	
На нашем текущем счету в банке было	1 216 686 271 »	33	»
Наши прочие текущие счета достигли суммы в	2 739 111 029 »	98	»
Наша Компания получила за 1 455 264 акции и боны — очередные взносы, составившие вместе сумму в	160 976 590 »	98	»
Она оплатила как за свой счет, так и за счет компаний, по отношению к которым она выполняла роль банкира, 3 754 921 купон на сумму	64 259 723 »	68	»
Наш портфель ценных бумаг состоял из 4 986 304 акций или бон».			

Г-н Перейра не отрицает, что роль, которую Crēdit Mobilier выполнял в 1856 г., несколько отличалась от той, которую он выполнял раньше. В течение первых трех лет своего существования он должен был «учредить важные предприятия во Франции», «внести систему в создание крупных предприятий» и, следовательно, неустанно наводнять фондовую биржу новыми ценными бумагами. Но в 1856 г. произошла внезапная перемена. Так как «в результате заключения мира открылась новая эра общественной деятельности», то спекуляция грозила зайти слишком далеко. При этих изменившихся условиях совестливые джентльмены из Crēdit Mobilier, Перейры, Фульды, Морни, имевшие исключительную склонность способствовать процветанию страны, почувствовали вдруг, что их «непременный долг» обуздывать там, где они прежде подгоняли, сдерживать там, где они побуждали, и быть «осторожными» там, где вместо «благоразумной осмотрительности» существовала прежде «смелость». Так как вся Франция пришла в движение, то Crēdit Mobilier для успокоения своей совести решил, наоборот, умерить свое рвение. Однако верно и то, что это добродетельное решение было до некоторой степени продиктовано заметкой, опубликованной в «Moniteur» 9 марта 1856 г., где «указываются рамки, которыми правительство желает ограничить выпуск новых ценных бумаг». Даже «если бы» у Crēdit Mobilier

были совсем другие намерения, то «эта заметка», — говорит г-н Перейра, — «была бы приказом, в особенности для нас; это была вынужденная остановка, которая должна была прекратить учреждение новых предприятий». Эта вынужденная остановка, по-видимому, и является достаточным основанием для взятого на себя Компанией обязательства быть умеренной.

В тот самый момент, когда быстрое движение Crédit Mobilier было сдержано таким образом правительственной уздой, к несчастью случилось так, что беспринципная конкуренция стала всячески стремиться к тому, чтобы ограничить сферу его деятельности и уменьшить его ресурсы. В то время как заметка в «Moniteur» от 9 марта 1856 г. была непосредственно направлена против так называемых анонимных обществ*, создание и деятельность которых во Франции, согласно закону, может утверждать и контролировать только правительство и основывать которые Crédit Mobilier, согласно своему уставу, не имеет права, французская спекуляция нашла более широкое поле деятельности в виде sociétés en commandite**, которые не подлежат утверждению правительством и почти совершенно не контролируются. Спекуляция, таким образом, просто изменила свои пути; задержка в росте анонимных обществ более чем компенсировалась обильным урожаем sociétés en commandite. Вместо того чтобы препятствовать спекуляции, Наполеон III со всей своей «возвышенной мудростью», как ее называет г-н Перейра, лишь изъял в значительной степени спекуляцию из-под контроля своего любимого учреждения. В продолжение первых девяти месяцев 1856 г., когда вся Франция была опьянена спекуляцией и когда сливки с нее должен был снять Crédit Mobilier, это преданное Общество было осуждено действовать таким образом просто по недомыслию со стороны «возвышенной мудрости», «в ограниченных пределах» и смиренно «ждать официального сигнала для того, чтобы возобновить свою деятельность». Оно все еще находилось в ожидании официального сигнала и «наступления лучших времен», когда произошло событие, совершенно выходящее за пределы власти даже «возвышенной мудрости» самого Наполеона.

Но мы отложим рассмотрение этого события до следующего раза.

---

* См. настоящий том, стр. 24. *Ред.*

** — командитных товариществ. *Ред.*

II

Финансовый кризис, разразившийся в сентябре 1856 г. одновременно на европейском континенте и в Англии, застал Crédit Mobilier, выражаясь словами г-на Перейры, на посту «разумного стража финансов и кредита», охватывающего взором «более широкий горизонт», чем другие люди, «стоящие на различных ступенях лестницы», стража, «способного предотвратить тревогу и ненужное возбуждение», безраздельно посвящающего свои заботы возвышенной цели — «поддержке национального труда и национального кредита», равнодушного «к пристрастной или завистливой критике», отвечающего улыбкой на «резкие или обдуманные нападки» и гордо возвышающегося над пошлыми «измышлениями клеветников». В этот критический момент Французский банк оказался, по-видимому, довольно несговорчивым в отношении требований, который Crédit Mobilier, побуждаемый исключительно своим горячим стремлением к общественному благоденствию, счел своим долгом предъявить Банку. Поэтому нам дают понять, что «интенсивность и быстрота развития кризиса объясняются мерами, предпринятыми Французским банком согласно уставу, которым он руководствуется», и что «это учреждение еще очень далеко от совершенства, поскольку у него нет никаких обязательств и не намечено никаких мероприятий для гармонического сотрудничества». Отказавшись помочь Crédit Mobilier, Французский банк сам в свою очередь отверг его помощь. Дело в том, что Crédit Mobilier с присущей ему смелостью мысли решил, что финансовый кризис — самое подходящее время для крупных финансовых манипуляций. Ведь в момент всеобщего смятения вы можете взять штурмом крепость, которую вам в течение ряда лет не удавалось взять правильной осадой. Не удивительно, что Crédit Mobilier предложил купить, совместно с некоторыми иностранными банками, рентные бумаги или государственные долговые обязательства, которые имелись у Французского

банка, чтобы дать этому последнему возможность «эффективно увеличить свой металлический запас и продолжать выдачу ссуд под рентные бумаги и железнодорожные акции». Когда Credit Mobilier выдвигал это бескорыстное и филантропическое предложение, его портфель был обременен рентными бумагами на сумму около 5475000 фр. и железнодорожными акциями на сумму в 115000000 фр., между тем как в распоряжении Французского банка в это же время имелось рентных бумаг приблизительно на 50000000 франков. Другими словами, Credit Mobilier держал железнодорожные акции на сумму, которая более чем вдвое превышала сумму рентных бумаг, имевшихся у Французского банка. Выбросив свои рентные бумаги на рынок, чтобы укрепить свой металлический запас, Французский банк обесценил бы не только рентные бумаги, по в еще большей степени все другие ценные бумаги, в особенности же железнодорожные акции. Следовательно, предложение Credit Mobilier сводилось на деле к тому, чтобы Банк не выпускал свои рентные бумаги на рынок, а оставил бы там больше места для железнодорожных акций, которые держал Credit Mobilier. К тому же Банк, как утверждает г-н Перейра, имел бы тогда предлог для прекращения ссуд под железнодорожные акции. Таким образом, Французский банк тайно пришел бы на выручку Credit Mobilier, в то время как публике казалось бы, что Банк находится в вассальной зависимости от этого великодушного учреждения и что он был спасен благодаря помощи Credit Mobilier. Однако Банк почуял подвох и счел за благо держаться подальше от «разумного стража».

Столь же твердо решив уберечь Францию от финансового кризиса, как его покровитель должен был в свое время уберечь ее от социализма, Credit Mobilier обратился с новым предложением, на этот раз не к Французскому банку, а к частным парижским банкам. Он бескорыстно предложил

«пойти навстречу всем железнодорожным компаниям Франции, организовав подписку на сумму в 300000000 фр. на займы, которые они должны были выпустить в 1857 году; при этом сам Credit Mobilier заявил о своей готовности подписаться на сумму в 200000000 фр. при условии, что другие банки подпишутся на остальные 100000000 франков».

Такая подписка неизбежно привела бы к быстрому повышению цен на железнодорожные акции и боны, то есть на тот самый товар, главным владельцем которого был Credit Mobilier. Мало того, Credit Mobilier одним смелым ходом достиг бы положения крупного пайщика всех французских железных дорог и сделал бы всех крупных парижских банкиров в некотором роде своими невольными компаньонами. Однако и этот

план провалился. Вынужденный «отказаться от мысли о каких-либо совместных шагах», Credit Mobilier увидел, что ему остается только действовать на собственный страх и риск. Глубокое убеждение в том, что «сделанные им подобного рода предложения уже сами по себе, несомненно, очень способствовали успокоению умов», в значительной мере примирило Credit Mobilier с тем, что кризис имел тенденцию «существенным образом сократить прибыли, на которые, как ему казалось, он мог рассчитывать».

Помимо всех этих неприятностей, Credit Mobilier жалуется на то, что до сих пор ему мешали пустить в ход свой козырь, а именно, осуществить выпуск облигаций на 600000000 фр., то есть выпуск бумажных денег его собственного изобретения, подлежащих оплате в очень долгие сроки и обеспеченных не капиталом данной Компании, а ценными бумагами, на которые их можно было бы обменять.

«Средства, которые мы должны были бы извлечь из выпуска наших облигаций», — говорит г-н Перейра, — «позволили бы нам приобрести такие ценные бумаги, которые не нашли еще до сих пор определенного применения, и чрезвычайно расширить поддержку, оказываемую нами промышленности».

В 1855 г. Credit Mobilier уже совсем было собрался выпустить на 240000000 фр. таких облигаций, — а это разрешалось его уставом, — но «возвышенная мудрость» Тюильрийского дворца пресекла эту затею. Такой выпуск бумажных денег Credit Mobilier называет увеличением своего капитала; простые люди скорее назвали бы это увеличением его долгов. Итак, вынужденная остановка, навязанная Credit Mobilier правительством в марте 1856 г., конкуренция societes en commandite, финансовый кризис и несостоявшийся выпуск его собственных бумажных денег — все эти обстоятельства вполне объясняют сокращение его дивидендов.

Во всех прежних отчетах этого крупного жульнического концерна замена частных промышленных предприятий промышленными акционерными компаниями превозносилась как его отличительная особенность и новшество. Но в рассматриваемом нами последнем отчете мы тщетно стали бы искать даже самый слабый намек на этот счет. Из 60000000 фр., составляющих капитал Компании, 40000000 фр. были в течение 1856 г. вложены в государственные бумаги; а из сумм, оказавшихся у него в руках благодаря кредиту, значительно большая часть пошла на «пролонгацию» рентных бумаг и железнодорожных акций в расчетные дни на бирже; в 1856 г. такие операции были проделаны с французскими рентными бумагами на сумму

421500000 фр. и с железнодорожными и другими акциями на сумму 281000000 франков. В настоящее время эти пролонгации означают не что иное, как денежные ссуды биржевым спекулянтам, позволяющие им продолжать свои операции и вместе с тем придавать солидную видимость дутым фондам биржи. На этой операции отвлечения значительной части национального капитала от производительной деятельности к непроизводительной биржевой игре Crédit Mobilier и основывает, главным образом, свою претензию на благодарность французского народа. Луи-Наполеон действительно получает от гг. Перейра и К° огромную поддержку. Они не только придают фиктивную стоимость императорским фондам, но неустанно поощряют, внедряют, поддерживают и распространяют дух спекуляции, являющийся жизненным принципом нынешней Империи. При самом беглом взгляде на операции, столь благодушно обрисованные г-ном Перейрой, становится ясным, что спекулятивные маневры Crédit Mobilier неизбежно связаны с мошенническими сделками. С одной стороны, выполняя общественную функцию покровителя биржи, Crédit Mobilier занимает деньги у населения и дает их взаймы спекулирующим компаниям и лицам, чтобы поддерживать цены французских акций и ценных бумаг. С другой стороны, как частное предприятие Crédit Mobilier постоянно спекулирует в свою собственную пользу на колебаниях курса этих же самых акций и ценных бумаг, играя как на повышение их, так и на их понижение. Чтобы внешне примирить эти противоречия, Crédit Mobilier не может не прибегать к обману и мошенничеству.

Как все профессиональные спекулянты, Луи-Наполеон настолько же смело задумывает свои coups[*], насколько медленно и осторожно их выполняет. Так, например, он дважды сдерживал беззастенчивую деятельность Crédit Mobilier — сначала в 1855 г., когда он запретил выпуск его облигаций, а затем в 1856 г., когда его предостережение в «Moniteur» заставило Crédit Mobilier умерить свой пыл. Но несмотря на препятствия, чинимые Луи-Наполеоном, Компания продолжает действовать вовсю. Бесспорно, если дать ей полную волю, она сломает себе шею. Если Бонапарт и дальше будет беспокоить ее призывами к умеренности, она перестанет быть сама собой. Однако из отчета г-на Перейры явствует, что «возвышенная мудрость» и «благоразумная осмотрительность» сумели, наконец, договориться. Если уже дискредитированному Crédit Mobilier не будет предоставлено опасное право выпускать

[*] — ходы. *Ред.*

свои собственные бумажные деньги, то средства, без которых он не может дальше существовать, должна быть предложены ему под более почтенной вывеской Французского банка. Такова одна из тайных целей нового закона о Французском банке, переданного сейчас на рассмотрение «ученым собакам и обезьянам» Corps Legislatif*. «Мы не боимся заявить,— говорит г-н Перейра, — что мы напрасно стали бы искать где-либо еще, кроме как во Французском банке, средства для оказания ссудами необходимого содействия общественному кредиту, крупным предприятиям, торговле и промышленности», иными словами, самому Credit Mobilier.

Написано К. Марксом 12 и 15 мая 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» №№ 5027 и 5028, 30 мая и 1 июня 1857 г. в качестве передовых

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — Законодательного корпуса. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРСИЯ И КИТАЙ [183]

Лондон, 22 мая 1857 г.

Англичане только что закончили в Азии одну войну и начинают другую[184]. Сопротивление, оказанное персами, и сопротивление, которое до сих пор оказывали британскому вторжению китайцы, представляет собой контраст, достойный нашего внимания. В Персии азиатскому варварству была привита европейская система военной организации; в Китае разлагающаяся полуцивилизация древнейшего в мире государства борется с европейцами своими собственными средствами. Персия была разбита наголову, между тем как доведенный до отчаяния, полуразвалившийся Китай сумел найти систему сопротивления, которая, если она будет последовательно проводиться, сделает невозможным повторение триумфальных походов первой англо-китайской войны.

Персия находилась в положении, аналогичном тому, в каком была Турция во время войны с Россией 1828—1829 годов[185]. Английские, французские, русские офицеры поочередно пытались организовать персидскую армию. Одна система сменяла другую, и каждая, в свою очередь, встречала препятствия, вследствие зависти, интриг, невежества, жадности и подкупности тех жителей Востока, которых эти системы должны были превратить в европейских офицеров и солдат. Новой регулярной армии ни разу не представился случай испытать свою организацию и мощь на поле битвы. Все ее подвиги ограничивались несколькими походами против курдов, туркменов и афганцев, во время которых она служила своего рода ядром или резервом многочисленной персидской иррегулярной кавалерии. Сражалась главным образом эта последняя; регулярные

же части обычно должны были лишь вводить в заблуждение противника эффектной демонстрацией своих грозных на вид боевых порядков. Но вот, наконец, разразилась война с Англией.

Англичане напали на Бушир и натолкнулись на храброе, хотя и безуспешное сопротивление. Однако в Бушире сражались не регулярные войска, а войска, состоявшие из иррегулярных отрядов, набранных среди персов и арабов — жителей побережья. Регулярные части еще только сосредоточивались, находясь приблизительно на расстоянии шестидесяти миль, в гористой местности. Наконец, они двинулись вперед. Англоиндийская армия встретила их на полдороге; и хотя персы умело использовали свою артиллерию и строились в каре по всем правилам искусства, атака всего лишь одного-единственного индийского кавалерийского полка смела с поля сражения всю персидскую армию, как гвардию, так и линейные войска. А чтобы понять, как расценивается эта индийская регулярная кавалерия в самой индийской армии, достаточно обратиться к книге капитана Нолана, посвященной этой теме[186]. Среди англо-индийских офицеров индийскую регулярную кавалерию считают более чем бесполезной и стоящей гораздо ниже англоиндийской иррегулярной кавалерии. Капитан Нолан не может привести ни одного боя, в котором она показала бы себя с хорошей стороны. И тем не менее шестьсот таких солдат обратили в бегство десять тысяч персов! Страх, охвативший персидские регулярные войска, был так велик, что с тех пор они, если не считать артиллерии, ни разу нигде не оказали сопротивления. У Мохаммеры они держались вдали от опасности, предоставив артиллерии защищать батареи, и отступили, как только огонь последних был подавлен; а когда англичане во время одной рекогносцировки высадили на берег триста стрелков и пятьдесят иррегулярных всадников, все персидское войско отступило, оставив обоз, припасы и пушки в руках — не победителей, каковыми англичан нельзя назвать, а захватчиков.

Впрочем, все это еще не дает основания клеймить персов как нацию трусов и не свидетельствует о том, что восточные народы нельзя научить европейской тактике. Русско-турецкие войны 1806—1812[187] и 1828—1829 гг. дают множество таких примеров. Главное сопротивление русским было оказано со стороны иррегулярных отрядов как в укрепленных городах, так и в горных провинциях. Регулярные же войска, всякий раз как они появлялись в открытом поле, сразу опрокидывались русскими и очень часто обращались в бегство при первом же

выстреле; между тем в горном ущелье у Варны одна-единственная рота иррегулярных арнаутов[188] в течение нескольких недель успешно сопротивлялась осадным действиям русских. Однако в недавней войне турецкая регулярная армия нанесла русским поражение во всех без исключения схватках, от Олтеницы и Четате до Карса и Ингура[189].

Дело в том, что введение европейской военной системы у отсталых народов еще отнюдь нельзя считать законченным после того, как новая армия подразделена на отдельные воинские части, снаряжена и обучена по европейскому образцу. Все это — лишь первый шаг к ее организации. Недостаточно также ввести какой-нибудь европейский воинский устав; он так же неспособен обеспечить внедрение европейской дисциплины, как набор европейских строевых уставов сам по себе не может породить европейскую тактику и стратегию. Главной задачей и в то же время главной трудностью является создание корпуса офицеров и унтерофицеров, обученных по новейшей европейской системе, вполне освободившихся в военных вопросах от старых национальных предрассудков и пережитков и способных вдохнуть жизнь в новые формирования. Все это требует длительного времени и неизбежно должно натолкнуться на тяжелейшие препятствия в виде восточного невежества, неуравновешенности, предрассудков, а также фаворитизма и превратностей судьбы, присущих восточным дворам. Какой-нибудь султан или шах слишком склонен считать свою армию пригодной ко всему, коль скоро солдаты умеют продефилировать на параде, делать повороты, разворачиваться и строиться в колонны, не производя безнадежной путаницы. Что же касается военных школ, то ожидаемые от них плоды созревают столь медленно, что при неустойчивости восточных правительств едва ли можно надеяться когда-либо увидеть эти плоды. Даже в Турции выпуск обученных офицеров совсем ничтожен, и турецкая армия в последней войне не смогла бы ничего сделать, если бы в ее рядах не было многочисленных ренегатов[190] и европейских офицеров.

Единственным родом войск, повсюду составляющим исключение, является артиллерия. Тут восточные народы настолько неумелы, настолько беспомощны, что им приходится передавать руководство ею всецело в руки своих европейских инструкторов. В результате как в Турции, так и в Персии артиллерия стоит неизмеримо выше пехоты и кавалерии.

Совершенно естественно, что при таких обстоятельствах англо-индийская армия — старейшая из всех восточных армий, организованных по-европейски, единственная армия, подчи-

ненная не восточной, а чисто европейской администрации и укомплектованная почти исключительно офицерами-европейцами, — что эта армия, при поддержке сильного резерва из британских частей и мощного флота, без труда рассеяла персидские регулярные войска. Это поражение принесет персам большую пользу именно потому, что оно было крупным поражением. Они поймут теперь, как это уже поняли турки, что европейский мундир и парадная муштра сами по себе не являются еще талисманом, и может случиться, что через двадцать лет персы окажутся столь же искусными в военном деле, какими оказались турки в своих последних победах.

Войска, взявшие Бушир и Мохаммеру, будут, как предполагают, немедленно отправлены в Китай. Там они встретят иного противника. Там им придется иметь дело не с попытками маневрирования на европейский лад, а с иррегулярными частями азиатских полчищ. Несомненно, с такими войсками они справятся легко; но что, если китайцы начнут против них национальную войну и если варварство окажется настолько неразборчивым, что использует единственное средство защиты, которым оно умеет владеть?

Несомненно, настроение китайцев в настоящее время совсем иное, чем было в войне 1840—1842 годов. Тогда народ оставался спокоен; он предоставил императорским солдатам сражаться с завоевателями и после поражения подчинился с восточным фатализмом власти неприятеля. Теперь же, по крайней мере в южных провинциях, территорией которых до сих пор ограничивались военные действия, народные массы принимают активное — более того, фанатическое участие в борьбе против чужеземцев. Китайцы хладнокровно и обдуманно отравляют большое количество хлеба в европейской колонии Гонконга. (Несколько булок было послано Либиху для анализа. Он обнаружил большое количество мышьяка, пропитавшего все частицы хлеба, — свидетельство того, что яд был всыпан уже в тесто. Однако доза оказалась настолько сильной, что должна была подействовать как рвотное и таким образом парализовать действие яда.) Со спрятанным оружием садятся они на торговые пароходы, во время плавания убивают команду и пассажиров-европейцев и захватывают судно. Они похищают и умерщвляют каждого европейца, который подвертывается им под руку. Даже кули, эмигрирующие в чужие страны, словно по уговору поднимают бунты на каждом отплывающем в чужие края корабле, бьются за то, чтобы овладеть им, и предпочитают пойти вместе с ним ко дну или погибнуть в пламени пожара на нем, чем сдаться. Даже за пределами своей родины китайские

колонисты, доныне самые покорные и кроткие люди, устраивают заговоры и внезапно поднимают ночные восстания, как это было в Сараваке; в других местах, например, в Сингапуре, их удерживают в повиновении только при помощи силы и бдительного надзора. Это общее восстание всех китайцев против всех чужеземцев было вызвано пиратской политикой британского правительства, которая и придала этому восстанию характер войны на истребление.

Что может сделать армия против народа, прибегающего к таким методам ведения войны? В каком месте и насколько далеко может она проникнуть в неприятельскую страну и как ей удержаться там? Пусть цивилизаторы, которые забрасывают раскаленными ядрами беззащитный город и к убийствам прибавляют насилия, называют этот способ борьбы подлым, варварским, жестоким; что за дело до этого китайцам, если только он один ведет к успеху? Если британцы обращаются с китайцами, как с варварами, то они не могут отказать им в право использовать все преимущества, вытекающие из их варварства. Если совершаемые ими похищения, нападения врасплох, ночные убийства принято считать у нас подлостью, то цивилизаторы не должны забывать, что, согласно их же собственному признанию, китайцы не могут устоять против европейских средств разрушения при помощи своих обычных методов ведения войны.

Короче говоря, вместо того чтобы морализировать по поводу ужасных жестокостей китайцев, как это делает рыцарственная английская пресса, было бы лучше признать, что это — война pro aris et focis*, народная война за сохранение китайской национальности, война со всеми ее, если хотите, высокомерными предрассудками, глупостью, ученым невежеством и педантичным варварством, но все же народная война. А в народной войне средства, применяемые восставшей нацией, надо оценивать не с точки зрения общепризнанных правил регулярной войны или какого-либо другого абстрактного критерия, а лишь с точки зрения той ступени цивилизации, которой достигла эта восставшая нация.

На этот раз англичане попали в трудное положение. Пока национальный китайский фанатизм распространяется, по-видимому, только в тех южных провинциях, которые не примкнули еще к великому восстанию[191]. Ограничится ли война этими провинциями? В таком случае она, наверное, не приведет ни к какому результату, так как ни одному жизненно важному

* — за алтари и очаги. *Ред.*

центру Империи не будет угрожать опасность. В то же время война станет для англичан чрезвычайно опасной, если фанатизм охватит население внутренних областей. Можно до основания разрушить Кантон и захватывать всевозможные пункты на морском побережье, но любых сил, которые англичане могли бы собрать, не хватило бы, чтобы завоевать и удержать за собой две провинции — Гуандун и Гуанси. Что же в таком случае могут они сделать в дальнейшем? Территория к северу от Кантона вплоть до Шанхая и Нанкина находится в руках китайских повстанцев, восстанавливать которых против себя было бы серьезной ошибкой, а к северу от Нанкина единственным пунктом, наступление на который могло бы привести к решающим результатам, является Пекин. Но где взять армию для создания укрепленной и снабженной гарнизоном операционной базы на побережье, для преодоления всех препятствий на пути движения, для обеспечения связи с побережьем при помощи особых отрядов и для того, чтобы появиться со сколько-нибудь внушительными силами под стенами города, по размерам равного Лондону, расположенного за сто миль от места высадки этих сил? С другой стороны, удачная военная демонстрация против столицы могла бы подорвать основы самого существования Китайской империи, ускорить падение династии Цин и создать условия для продвижения не англичан, а русских.

Новая англо-китайская война сулит так много осложнений, что положительно невозможно предугадать, какой она примет оборот. Недостаток войск в течение ряда месяцев и недостаток решимости в течение еще более длительного времени обрекут англичан почти на полное бездействие, за исключением, пожалуй, наступления на какой-нибудь второстепенный пункт, каковым при нынешних обстоятельствах можно считать также и Кантон.

Несомненно одно: смертный час старого Китая быстро приближается. Гражданская война уже разделила Империю на Юг и Север, и государь повстанцев, находясь в Нанкине, по-видимому, в такой же мере огражден от императорских войск (если не от интриг своих собственных сторонников), в какой сам «сын неба» — император — огражден от повстанцев в своем Пекине. До сих пор Кантон ведет нечто вроде самостоятельной войны с англичанами и вообще со всеми иностранцами; но пока британские и французские эскадры и войска стягиваются к Гонконгу, сибирские пограничные казаки медленно, но неуклонно продвигают свои станицы от Даурских гор к берегам Амура, а русская морская пехота окружает

укреплениями великолепные гавани Маньчжурии. Самый фанатизм южных китайцев в их борьбе против чужеземцев говорит, по-видимому, о сознании огромной опасности, грозящей старому Китаю; пройдет немного лет, и мы будем свидетелями предсмертной агонии самой древней империи в мире и вместе с тем зари новой эры для всей Азии.

Написано Ф. Энгельсом около 20 мая 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5032, 5 июня 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИНТЕРЕСНЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Лондон, 26 мая 1857 г.

Речь О'Доннеля 18 мая в испанском сенате содержит любопытнейшие разоблачения тайной истории современной Испании. Так как его предательство по отношению к Эспартеро и его coup d'e̲tat* расчистили дорогу Нарваэсу, то polacos[192], в свою очередь, делают теперь попытки избавиться от последнего. С этой целью генерала Калонхе, который сам был участником восстания сторонников Кристины в 1843 г. и генерал-капитаном Памплоны во время вспышки революции в 1854 г., побудили выдвинуть 18 мая, во время дебатов в сенате по поводу адреса королеве, ряд поправок к параграфу, рекомендовавшему всеобщую амнистию. Яростно нападая на военные восстания вообще и на военное восстание 1854 г. в частности, он настаивал на том, «что нельзя допускать, чтобы политика умиротворения, обеспечивающая абсолютную безнаказанность, приводила к поощрению *неисправимых смутьянов».* Этот удар, заранее задуманный друзьями Сарториуса, был направлен против О'Доннеля так же, как и против герцога Валенсийского (Нарваэса). По существу polacos утверждали, что О'Доннель воспользовался бы первым же случаем, чтобы разоблачить Нарваэса, как своего тайного сообщника в восстании в гвардейском гарнизоне. Именно такая возможность и была предоставлена О'Доннелю генералом Калонхе. Для того чтобы предотвратить угрозу взрыва, Нарваэс отважился на отчаянный маневр. Он, человек порядка, оправдал революцию 1854 г., которая, сказал он,

* — государственный переворот. *Ред.*

была «вдохновлена самым возвышенным патриотизмом и спровоцирована эксцессами предшествовавших кабинетов». Таким образом, в тот самый момент, когда г-н де Носедаль, министр внутренних дел, предлагал кортесам драконовский закон о печати, Нарваэс, глава правительства, действовал в сенате в качестве advocatus diaboli*, сиречь поборника революции и военного восстания. Но напрасно. В течение последующего заседания сената, 18 мая, Нарваэс, которого polacos принудили отречься от своего осуждения «прежних кабинетов», одновременно должен был терзаться из-за дискредитирующих его разоблачений О'Доннеля, достоверность которых он сам допустил, выразив недовольство тем, что «О'Доннель разоблачил частные и конфиденциальные беседы», и задав вопрос, «какое же доверие можно теперь допускать в дружбе». В глазах двора Нарваэс теперь изобличенный бунтовщик, и вскоре он будет вынужден уступить дорогу Браво Мурильо и Сарториусу — несомненным предвестникам новой революции.

Следующие строки являются буквальным переводом речи О'Доннеля:

«О'Доннель: Я не могу хранить молчание в этой выдающейся политической дискуссии, после столь важных событий, которые произошли с момента последнего заседания сената. Роль, которую я играл в этих событиях, обязывает меня выступить. Глава восстания в лагере гвардейцев; автор Мансанаресской программы; военный министр в кабинете герцога Витторийского, призванный короной два года спустя, при торжественных обстоятельствах, спасти эту корону и находившееся в опасности общество; имевший счастье достичь этого результата без необходимости пролить хоть каплю крови после сражения или вынести хотя бы один приговор об изгнании, — я должен чувствовать себя обязанным принять участие в происходящей дискуссии. Да и было бы преступлением хранить молчание после обвинений, выдвинутых генералом Калонхе против меня и достойных генералов, которые в течение двух лет были связаны со мной и в дни кризиса оказывали помощь в спасении общества и короны. Генерал Калонхе изобразил восстание как простой бунт в гвардейском гарнизоне. Почему? Неужели он так быстро забыл все события, которые предшествовали восстанию и которые, если бы они пошли своим чередом, ввергли бы страну в революцию, которую невозможно было бы подавить? Я выражаю благодарность председателю совета министров за энергию, с какой он отбросил обвинения генерала Калонхе. Правда, действуя таким образом, он проявил энергию человека, который защищает свое собственное дело. (Всеобщая сенсация.) Вынужденный вдаваться в подробности, необходимые для подтверждения этого факта, стремясь прежде всего исключить из данных дебатов все, что могло бы носить личный характер, я был бы благодарен председателю кабинета, если бы он соблаговолил дать ответ на следующие вопросы: Правда ли, что герцог Валенсийский с 1852 г. был тесными узами связан с генералами в Викальваро? Правда ли,

* — защитника дьявола. *Ред.*

что он был информирован обо всех их действиях с момента закрытия сената после голосования 105? Правда ли, что он намеревался присоединиться к ним по достижении ими своих целей? Правда ли, что, не имея возможности поступить таким образом по мотивам, которые я уважаю, он тем не менее послал позднее одного из своих адъютантов, чтобы поздравить нас с нашей победой?

Нарваэс: После слов графа Люсенского, обращенных ко мне, я должен заявить, что, независимо от наших прежних отношений, я никоим образом не участвовал ни во всем том, что он замышлял и затем привел в исполнение, ни в той форме, в какой он замышлял и приводил в исполнение свои планы.

О'Доннель: Председатель кабинета ответил в такой форме, какую он счел наиболее подходящей. Я предпочел бы не быть обязанным вдаваться в дальнейшие объяснения, но, поскольку я принужден к этому, я их дам. Всякий знает, что в 1852 г. в политике царило абсолютное спокойствие. К несчастью для правительства и страны, спустя некоторое время стали, сперва шепотом, произноситься слова «конституционная реформа». Господа сенаторы, вероятно, помнят о тревоге, порожденной опасениями перед coup d'etat. Они, по-видимому, не забыли о возникших тогда среди политиков многочисленных объединениях, в которых созрело решение о посылке адреса королеве. К этому адресу многие присоединили свои подписи, но он не был передан по назначению. Были созваны кортесы и, несколько дней спустя, «Gaceta» опубликовала проекты, которые произвели в этой самой палате такой эффект, что правительство потерпело серьезное поражение на президентских выборах. После этого кортесы были распущены. Тогда, чтобы выразить протест против этой меры, объединились наиболее влиятельные лица из партии умеренных; герцог Валенсийский был назначен в качестве председателя этого объединения. Из боязни, как бы правительство не стало препятствовать этим объединениям, был создан комитет, председателем которого был избран опять-таки герцог Валенсийский и в котором гг. Мон, Пидаль и другие значительные лица были наиболее активными членами. Помимо протеста этот комитет поставил на обсуждение вопрос о законности новых выборов. Через два или три дня после отъезда герцога Валенсийского в Байонну кабинет Браво Мурильо подал в отставку. Браво Мурильо был сменен графом д'Алькой. Оппозиция осталась в прежнем составе и, когда были созваны кортесы, в сенат был подан манифест, составленный герцогом Валенсийским. Сенат отверг его, но затем стало очевидно, что оппозиция принимает грозные размеры. Кабинет графа д'Алькой был сменен кабинетом генерала Лерсунди, а потом было учреждено министерство графа Сан-Луиса. Я сожалею о том, что принужден вдаваться в некоторые подробности, но настал момент сказать о моих собственных политических связях с теми, кто присоединился ко мне в гвардейском гарнизоне. Прежде чем герцог Валенсийский вернулся в Испанию, я принял, как это сделал каждый из нас, одного из его доверенных лиц, с которым он перед этим имел продолжительную беседу; в этой беседе, выразив сожаление о положении, в какое была ввергнута страна, и тревогу относительно грозящей трону и конституции опасности, герцог сказал, что остался лишь один выход — применить силу. (Сенсация.) Министерство Сарториуса предоставило герцогу Валенсийскому право возвратиться в Испанию. Он направился сначала в Мадрид, а затем удалился в Аранхуэс. Там мы имели с ним совещание. Он высказал нам свои патриотические чувства, которыми я готов восхищаться, хотя и не могу поддерживать возглавляемый им в данное время кабинет. Он заявил нам, что создавшееся положение делает применение силы неизбежным; что по некоторым соображениям он не может выступить

первым, но что второй меч, извлеченный из ножен, будет принадлежать ему; он добавил, что при настоящем положении вещей восстания двух кавалерийских полков было бы достаточно, чтобы решиться на революцию. Это заявление было сделано нам самым категорическим образом. Открылись кортесы. Полностью убежденный в том, что все законные средства были бы напрасны, герцог Валенсийский, вместо того чтобы явиться в сенат и взять на себя руководство оппозицией, отбыл в Лоха. Все знают, что затем произошло в кортесах; все помнят знаменитое голосование 105. Тем не менее правительство не сочло необходимым подать в отставку. Кортесы были распущены, и затем был установлен режим неслыханных преследований. Голосовавшие против кабинета генералы, наиболее выдающиеся политические деятели, оппозиционно настроенные журналисты были изгнаны; были провозглашены коренные изменения во всех направлениях; было объявлено о выпуске принудительного займа; одним словом, правительство поставило себя вне закона. Теперь я спрашиваю вас: осмелитесь ли вы утверждать, что в этой стране, где все партии, находившиеся в оппозиции, всегда устраивали заговоры, была когда-либо революция более законная, чем революция 1854 года? Что касается меня, то я покинул скромное жилище, где я скрывался в течение шести месяцев. Я покинул его верхом на лошади, в сопровождении нескольких генералов и нескольких полков, с целью свергнуть правительство, столь постыдно попиравшее конституцию, которую я клялся защищать в качестве генерала и сенатора. Мы прибыли в Викальваро, где, к моему величайшему огорчению, завязалось сражение. Там не было ни победителей, ни побежденных. С обеих сторон войска бились доблестно. Гарнизону пришлось вернуться в Мадрид, мы же остались в Викальваро. На следующий день, как было условлено с герцогом Валенсийским, мы проследовали через Аранхуэс по направлению к Андалузии. В провинции Хаэн временно пребывал генерал Серрано, обещавший нам свою поддержку. Мы прибыли в Мансанарес, где он встретил нас, заявив, что те, кто обещал последовать за ним, разбежались и что он прибыл один, чтобы разделить с нами нашу участь. Именно тогда я опубликовал манифест и, поскольку я не привык отрекаться от своих собственных действий, я расскажу о том, какие в тот момент делались приготовления. Через эмиссаров мне сообщали обо всех событиях в Мадриде. Все влиятельные лица из партии умеренных были вовлечены в движение. Произошло лишь то, что и должно было произойти: намечая какое-либо мероприятие, рассчитываешь на значительное количество лиц, наиболее рьяные из которых исчезают, когда пробьет час действовать. Мне сообщили, что нас, вероятно, не поддержит народ, так как правительство пытается убедить его в том, будто причиной движения являются просто личные раздоры и будто оно лишено каких-либо определенных политических принципов. Это послужило мотивом для опубликования Мансанаресского манифеста, который содержал два важных пункта:

Конституционная реформа, какую я, будучи председателем кабинета, позднее предложил ее величеству, и

Национальная милиция, не в том виде, как она была в действительности организована, а как я сам намеревался создать се в качестве действительного элемента порядка.

Мы покинули Мансанарес и написали герцогу Валенсийскому письмо, подписанное мною и четырьмя другими генералами: мы заявляли, что если он явится к нам, мы назначим его своим главнокомандующим. Герцог послал нам адъютанта с сообщением о том, что он заболел и находится под неусыпным надзором. Говорили, будто мы приняли решение бежать в Португалию. Это ложь. Наоборот, мы решили отправиться в Сьерру-

Морену с тем, чтобы сформировать свою кавалерию в Барриосе, задержать все фургоны, груженные провиантом, и использовать первый же удобный случай, чтобы отправиться в Мадрид, когда неожиданно нам было передано известие о падении кабинета Сарториуса и обращении королевы к герцогу Витторийскому. С этого момента моя миссия была закончена. Генерал Сан-Мигель, министр per interim*, послал мне указание вернуться в Мадрид. Я повиновался, твердо решив не входить в кабинет. Корона удалила герцога Витторийского, все отношения с которым я прекратил с 1840 года. Те же самые лица, которые позднее обвинили меня в присоединении к его кабинету, явились ко мне в ту самую ночь, когда я приехал в Мадрид, умоляя меня принять пост военного министра, что было якобы единственным средством спасения порядка и общества. Все эти лица принадлежали к партии умеренных. Я увидел герцога Витторийского и при тех отношениях, в которых я находился с ним тогда, почувствовал бы значительные затруднения, если бы его собственный манифест не помог мне избавиться от злобных наветов. Эспартеро сердечно обнял меня и заявил, что пришло время прекратить все распри между испанцами, что стало невозможным управлять силами одной партии и что он твердо решил обратиться ко всем влиятельным и достойным лицам. Я ознакомился с положением в Мадриде. Баррикады еще сохранились, гарнизон был весьма немногочисленным, но народ, рассудительный как всегда, внушал мне большое доверие. Моя вторая встреча с Эспартеро была значительно более холодной: он предложил мне портфель министра иностранных дел и колоний. Я поставил его в известность, что, вступая в кабинет, я буду согласен только на должность военного министра. Тогда он заявил мне, что из всех других я — наиболее подходящее лицо для выполнения обязанностей генерал-капитана Кубы. Я ответил, что так как я уже служил в этой должности, то я бы не хотел возвращаться в Гавану и скорее предпочел бы удалиться в частную жизнь; но я умолял его немедленно сформировать правительство и долее не подвергать нацию угрозам временного правления. Вскоре после этого генерал Саланса, первоначально назначенный военным министром, обратился ко мне от имени Эспартеро с просьбой принять должность военного министра, и в ту же ночь я был приведен к присяге вместе со своими коллегами. Для меня были только два пути: либо предоставить революции идти своим чередом, до тех пор пока ее собственные эксцессы не вызовут реакцию, либо остановить ее движение. Первый путь был более легким; моя честь и интересы страны заставили меня пойти по второму пути. Я не раскаиваюсь в этом. Наша первая дискуссия касалась учредительных кортесов. Г-н Кольядо, сидящий среди нас, знает обо всех наших спорах по этому вопросу. Наши усилия не имели успеха. Был подписан декрет о созыве кортесов. Состоялись всеобщие выборы — не под правительственным давлением, как заявил г-н Пидаль, а в условиях неограниченной свободы. Большая часть представителей состояла из людей, искренне желавших блага стране. При твердом правительстве конституция была бы утверждена в течение четырех месяцев. Но общеизвестная слабость характера Эспартеро, не как военного, а как политика, парализовала какие бы то ни было действия со стороны правительства. Я продолжал входить в состав правительства вовсе не для того, чтобы предать своих коллег, как ошибочно предполагает герцог Витторийский. Я оставался приверженным своему посту по тем же самым мотивам, которые вынудили меня добиваться его. Я оставался для того, чтобы препятствовать дальнейшему развитию революции».

* — в это время. *Ред.*

После весьма неуклюжей защиты своего coup d'etat О'Доннель закончил свою речь заявлением о том, что он не может поддерживать кабинет маршала Нарваэса, «после того как Нарваэс заявил о своем намерении следовать такой линии в политике, которая не согласуется с представительным правлением».

Критические замечания по поводу речи О'Доннеля написаны К. Марксом 26мая 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5038, 12 июня 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

НОВЫЙ ЗАКОН О ФРАНЦУЗСКОМ БАНКЕ

Новый закон о Французском банке[193] и уход в отставку его главного директора, графа д'Аргу, являются довольно знаменательными событиями в финансовой истории нынешней Империи. Поставленный Луи-Филиппом в 1834 г. во главе французской банкократии, г-н д'Аргу отличался тем, что в течение двадцати трех лет цепко держался за свой пост, а также тем, что, благодаря своей осмотрительности и благоразумию, благополучно выдержал бури 1848 и 1851 годов. Революция 1848 года была направлена не только против Луи-Филиппа, но еще более против haute finance*, имевшей своим центром Французский банк. Поэтому можно было ожидать, что это учреждение и возглавлявшая его непопулярная личность станут, естественно, первыми объектами для ударов революции. Не отдавая себе полного отчета в создавшейся ситуации, граф д'Аргу вообразил себя достаточно сильным, чтобы с помощью искусственного обострения финансового кризиса запугать буржуазию и толкнуть ее на путь контрреволюции. С этой целью он неожиданно приостановил выдачу кредитов, на которые привык опираться торговый Париж: но огромная опасность, которую он таким образом сознательно вызвал, вместо того чтобы поколебать положение временного правительства, обратилась против самого же Банка. Вместо контрреволюции, в которой граф д'Аргу был так уверен, произошло неурочное массовое изъятие вкладов из Французского банка. Но если д'Аргу просчитался в отношении сил народа, то он с гораздо большей проницательностью оценил возможности правительства. Он не только убедил правительство дать банкнотам Банка принудительный курс и смиренно, на самых

* — финансовой аристократии. *Ред.*

невыгодных для себя условиях, получить заем от того самого учреждения, которое оно только что спасло от окончательного разорения, но воспользовался также случаем, чтобы увеличить источники дохода Банка, выхлопотав ему привилегию выпускать банкноты более мелкого достоинства, и расширить его монополию, лишив провинциальные банки права эмиссии. Самые мелкие банкноты, выпускавшиеся Французским банком до 1847 г., были достоинством в 500 франков; в 1848 г. ему было разрешено выпускать банкноты достоинством в 200 и 100 франков. Место провинциальных банков, лишенных своего прежнего права выпускать банкноты, заняли новые филиалы Французского банка. В результате этих перемен общая сумма выпущенных им в обращение банкнот, составлявшая в конце 1847 г. всего лишь 48000000 долларов, в конце 1855 г. достигла суммы в 122455000 долларов; его оборот, который в 1847 г. не составлял и 375000000 долларов, уже в 1855 г. достиг суммы в 940600000 долларов, из которых 549000000 долларов приходилось на операции филиалов; а его акции, которые до революции обычно котировались приблизительно в 2000 фр., теперь продаются за 4500 франков. До 1848 г. Французский банк был скорее парижским учреждением, чем французским. Новые привилегии, дарованные ему революционным правительством, превратили его в частное предприятие государственного масштаба. Таким образом, благодаря ловкому управлению д'Аргу, монополия финансовой аристократии, к уничтожению которой была направлена февральская революция, была через посредство самой же этой революции расширена, укреплена и реорганизована.

Второй крупной катастрофой, с которой должен был столкнуться лицом к лицу д'Аргу, явился coup d'etat, успех которого зависел главным образом от насильственного проникновения в кладовые Банка, доверенные попечению графа д'Аргу. Сговорчивый главный директор не только посмотрел сквозь пальцы на кражу со взломом, совершенную Бонапартом, но и значительно содействовал рассеянию мрачных предчувствий торгового мира тем, что остался на своем посту в момент, когда массовый уход с административных постов всех порядочных или мнимопорядочных людей серьезно грозил скомпрометировать узурпатора. В награду за эти ценные услуги Бонапарт согласился не прибегать к возможности пересмотра устава Банка в 1855 г., предусмотренной при последнем возобновлении привилегии Банка в 1840 году. Подобно своему другу, покойному маршалу Сульту, д'Аргу сохранял постоянную верность только своей должности и своему окладу. Его уход с поста

главного директора Французского банка в настоящий момент можно объяснить лишь такими же мотивами, какие, по народному поверью, заставляют крыс бежать с тонущего корабля.

История нового закона о Французском банке представляет собой одну из тех темных сделок, которые так характерны для эпохи нынешней Империи. Во время финансового кризиса, разразившегося в Европе в конце 1856 г., вопрос об изменении существующего закона о Французском банке был впервые поставлен на обсуждение под тем благовидным предлогом, что огромные операции Банка базировались на слишком небольшом капитале. На протяжении более шести месяцев в присутствии Наполеона III происходили таинственные совещания между представителями Банка, с одной стороны, и крупными финансистами Парижа, министрами и Государственным советом — с другой. Тем не менее законопроект, о котором идет речь, был представлен в Corps Legislatif* лишь накануне окончательного роспуска этого органа. На предварительных обсуждениях в bureaux[194] законопроект подвергался резким нападкам; комиссия, назначенная для представления доклада о законопроекте, буквально не оставила от него камня на камне; раздавались даже угрозы целиком отвергнуть проект. Однако Бонапарт знал своих ставленников. Он велел дать им понять, что решение правительства твердо и что они должны сделать выбор: либо утвердить законопроект, либо потерять свои синекуры на предстоящих выборах. Чтобы помочь им расстаться с последними остатками совести, обсуждение законопроекта было приурочено к последнему дню сессии. Разумеется, поело этого законопроект был принят с несколькими незначительными поправками. Каков же должен быть характер закона, для проведения которого даже в таком учреждении, как Corps Legislatif, потребовалось столько уловок?

Действительно, даже во времена самого Луи-Филиппа, когда Французский банк и Ротшильды были официально облечены правом накладывать запрет на все неугодные им законопроекты, ни один министр не посмел бы предложить государству такой полной капитуляции перед ними. Теперь же правительство отказывается от своего права, гарантированного еще банковской хартией 1846 г., вносить поправки в новый закон о Французском банке до истечения срока его действия. Привилегии Банка, имеющие силу еще на десять лет, благосклонно пролонгируются на новый срок в тридцать лет. Банку разрешается понизить достоинство своих банкнот до 50 франков;

* — Законодательный корпус. *Ред.*

важность этой меры станет вполне понятной, если мы укажем, что введение в 1848 г. банкнот достоинством в 200 и 100 франков позволило Банку заменить около 30000000 долларов золота и серебра своими собственными бумажными деньгами. От огромных прибылей, которые, несомненно, достанутся Банку в связи с этим нововведением, государство не получит ничего. Наоборот, ему придётся платить Банку за оказанное последнему от имени Франции доверие. Привилегия учреждать филиалы Банка в департаментах, где они еще не существуют, дается Французскому банку не в качестве уступки, сделанной ему правительством, а напротив, в качестве уступки, сделанной Банком правительству. Разрешение взимать с клиентов Банка больше, чем законные 6%, обусловлено лишь одним обязательством — присоединять полученную таким образом прибыль к капиталу Банка, а не к его годичным дивидендам. Снижение процента с 4 до 3 по текущим счетам казначейства более чем компенсируется отменой статьи закона 1840 **г.**, которая обязывала Банк вовсе не взимать процентов, когда задолженность казначейства падала ниже 80000000 франков, — а сумма этой задолженности обычно составляла в среднем 82000000 франков. Последней, но не менее важной льготой, предоставленной Банку, является то, что вновь выпускаемые 91250 акций при номинальной стоимости в 1000 фр. каждая предназначены исключительно владельцам уже существующих 91250 акций и что в то время, как акции Банка котируются сейчас на бирже по цене 4500 фр., эти новые акции должны быть переданы старым акционерам по цене в 1100 франков. Этот закон, направленный всецело к выгоде банкократии за счет государства, представляет собой самое убедительное доказательство того, в каком затруднительном финансовом положении уже очутилось бонапартовское правительство. В качестве эквивалента за все свои уступки правительство получает сумму в 20000000 долларов, которую Банк обязан поместить в выпускаемую специально для этой цели трехпроцентную ренту, минимальная цена которой установлена в 75 франков. Эта операция, по-видимому, вполне подтверждает распространенное в Европе представление, что Бонапарт уже позаимствовал из кладовых Банка значительную сумму и теперь озабочен тем, чтобы свои жульнические сделки облечь в более или менее приличную форму.

Написано К, Марксом 2 июня 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5045, 20 июня 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ДОГОВОР С ПЕРСИЕЙ

Лондон, 12 июня 1857 г.

Несколько времени тому назад, когда лорду Пальмерстону в его же собственной палате общин был задан вопрос о персидской войне, он насмешливо ответил: «Как только будет ратифицирован *мирный договор,* палата сможет высказать свое мнение о *войне».* Мирный договор, подписанный 4 марта 1857 г. в Париже и ратифицированный в Багдаде 2 мая 1857 г., в настоящее время представлен палате. Он состоит из пятнадцати статей, из которых восемь перегружены балластом, обычным для мирных договоров. Статья V предусматривает необходимость эвакуации персидских войск с территории княжества и города Герата, а также из всех других частей Афганистана в течение трех месяцев со дня обмена ратификационными грамотами. Согласно статье XIV, британское правительство, со своей стороны, обязуется, как только вышеупомянутое условие будет выполнено, «немедленно вывести британские войска из всех портов, пунктов и островов, принадлежащих Персии».

Следует, однако, напомнить, что, еще до того как произошел захват Бушира, персидский посол Ферух-хан, во время своих длительных переговоров с лордом Стратфордом де Редклиффом в Константинополе, по собственной инициативе предложил эвакуировать персидские войска из Герата. Таким образом, единственная новая выгода, которую Англия сможет извлечь из этого условия, ограничивается привилегией держать свои войска в течение самого нездорового времени года прикованными к самой губительной местности персидской империи. Ужасные опустошения, которые солнце, болота и море

производят в летние месяцы даже среди туземного населения Бушира и Мохаммеры, отмечены в летописях истории древними и современными писателями; но стоит ли ссылаться на них, когда всего лишь несколько недель тому назад один весьма компетентный судья в этом деле, и к тому же приверженец Пальмерстона, сэр Генри Ролинсон, публично заявил, что англо-индийские войска неизбежно погибнут от ужасного климата? Лондонская газета «Times», получив известия о победе при Мохаммере, сразу же обратила внимание на то, что, несмотря на мирный договор, необходимо ради спасения войск продвинуться к Ширазу. Самоубийства британского адмирала и генерала, стоявших во главе экспедиции, также объясняются не чем иным, как их глубокой тревогой за возможную участь войск, с которыми они, согласно правительственной инструкции, не должны были продвигаться дальше Мохаммеры. Таким образом, можно с уверенностью ожидать повторения крымской катастрофы в уменьшенном масштабе — катастрофы, которая на этот раз вызывается не нуждами войны и не грубыми ошибками правительства, а условиями договора, написанного мечом победителя. В упомянутых выше статьях договора встречается одна фраза, которая, если Пальмерстон того пожелает, может стать «маленьким яблоком раздора».

Статья XIV предписывает «вывод британских войск из всех портов, пунктов и островов, *принадлежащих Персии»*. Но как раз тут-то и возникает спорный вопрос: *принадлежит* ли Персии город Мохаммера или нет? Турки никогда не отказывались от своих притязаний на этот пункт, расположенный в дельте Евфрата и являющийся для них единственным всегда доступным морским портом на этой реке, так как порт, Басра в определенные времена года становится слишком мелким для судов большого тоннажа. Таким образом, если Пальмерстону заблагорассудится, он сможет удержать за собой Мохаммеру под тем предлогом, что она не «принадлежит» Персии и что следует ожидать окончательного разрешения этого пограничного вопроса между Турцией и Персией.

Статья VI обусловливает, что Персия согласна

«отказаться от всех своих притязаний на суверенитет над территорией княжества и города Герата и над областями Афганистана»; «воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела Афганистана»; «признать независимость Герата и всего Афганистана и навсегда отказаться от попыток нарушить независимость этих государств», обращаться в случае разногласий с Гератом и Афганистаном «к дружеским услугам британского правительства в целях устранения этих разногласий и прибегать к оружию только в том случае, если эти дружеские услуги не приведут к желаемым результатам».

В свою очередь, британское правительство обязуется

«во всякое время оказывать влияние на государства Афганистана, дабы заранее предотвратить все могущие возникнуть с их стороны поводы для обид», и «прилагать все старания для улаживания споров способами справедливыми и соответствующими достоинству Персии».

Итак, если освободить эту статью от казенных формулировок, то она означает не что иное, как признание Персией независимости Герата, то есть уступку, которую, по заявлению Ферух-хана, он готов был сделать еще во время совещаний в Константинополе. Правда, согласно этой статье, британское правительство назначается официальным посредником, между Персией и Афганистаном, однако уже с начала нынешнего столетия оно всегда играло эту роль. В состоянии ли оно или нет выполнять ее в дальнейшем, это вопрос не права, а силы. К тому же, если при дворе шаха в Тегеране нашел себе приют какой-нибудь Гуго Гроций, то последний разъяснит ему, что, согласно jus gentium*, всякое условие, по которому независимое государство дает иностранному правительству право вмешиваться в свои международные отношения, не имеет силы и что условие, заключенное с Англией, тем более не имеет силы, поскольку оно трактует Афганистан, являющийся только поэтическим термином для обозначения различных племен и государств, как действительное государство. В дипломатическом смысле государство Афганистан существует не в большей мере, чем государство Панславия.

Статья VII, обусловливающая, что в случае какого-либо нарушения персидской границы афганскими государствами «персидское правительство будет иметь право предпринимать военные действия для подавления и наказания нападающих», но «должно вернуть свои войска на свою собственную территорию, как только его задача будет выполнена», — эта статья по существу есть не что иное, как буквальное повторение той самой статьи договора 1852 г., которая дала непосредственный повод к буширской экспедиции.

В силу статьи IX Персия дает согласие на учреждение и признание должностей британского генерального консула, консулов, вице-консулов и служащих консульств, причем зги лица получают право пользоваться привилегиями, предоставляемыми наиболее благоприятствуемой нации; однако в силу статьи XII британское правительство отказывается от

* — международному праву. *Ред.*

«права покровительствовать впредь какому-либо персидскому подданному, не состоящему фактически на службе британской миссии или британских генеральных консулов, консулов, вице-консулов и служащих консульств».

Так как Ферух-хан еще до начала войны дал согласие на учреждение британских консульств в Персии, то нынешний договор добавляет к этому только отказ Англии от ее права покровительства персидским подданным, того самого права, которое послужило одной из официальных причин войны[195]. Австрия, Франция и другие государства добились учреждения своих консульств в Персии, не прибегая ни к каким пиратским экспедициям.

Наконец, договор вновь навязывает тегеранскому двору г-на Марри и предписывает принести этому джентльмену извинения за то, что в одном письме шаха, адресованном садразаму[*], г-н Марри был охарактеризован как «глупый, невежественный и сумасбродный человек», как «простофиля» и как автор «грубого, бессмысленного и омерзительного документа». В свое время Ферух-хан тоже предлагал принести извинения г-ну Марри, но тогда британское правительство отклонило это предложение, настаивая на отставке садразама и на том, чтобы был устроен торжественный въезд г-на Марри в Тегеран «под звуки рожков, флейт, арф, тромбонов, цимбал, цитр и прочих музыкальных инструментов». В связи с тем, что он, в бытность свою генеральным консулом в Египте, принимал личные подарки от г-на Барро; что по своем первом прибытии в Бушир он отправил на рынок для открытой продажи табак, подаренный ему тогда от имени шаха; что он фигурировал в качестве странствующего рыцаря при одной персидской даме сомнительной репутации, — г-н Марри не мог внушить восточной публике слишком высокого представления о бескорыстии и достоинстве англичан. Поэтому тот факт, что Персию заставили вторично допустить его к персидскому двору, следует считать довольно сомнительным успехом. Помимо предложений, сделанных Ферухханом до начала войны, договор в целом не содержит ни одного условия, которое стоило бы потраченной на него бумаги, а тем более истраченных ради него денег и пролитой крови. В итоге чистой прибылью от персидской экспедиции можно признать следующее: ненависть, которую Великобритания возбудила против себя во всей Центральной Азии; недовольство в Индии, усилившееся в связи с уводом индийских войск и новыми тяготами, возложенными на индий-

[*] — премьер-министру. *Ред.*

ское казначейство; почти неизбежное повторение новой крымской катастрофы; признание официального посредничества Бонапарта между Англией и азиатскими государствами и, наконец, приобретение Россией двух полос земли, имеющих большое значение: одной — у Каспийского моря и другой — на северной береговой границе Персии.

Написано К. Марксом 12 июня 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5048,24 июня 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ВОССТАНИЕ В ИНДИЙСКОЙ АРМИИ [196]

Римское divide et impera[*] было тем основным правилом, с помощью которого Великобритания ухитрялась в течение примерно ста пятидесяти лет сохранять в своем владении индийскую империю. Вражда между различными расами, племенами, кастами, религиями и государствами, в совокупности образующими то географическое целое, которое именуется Индией, — эта вражда всегда оставалась жизненным принципом британского владычества. Однако в недавнее время условия этого владычества изменились. С завоеванием Синда и Пенджаба[197] англо-индийская империя не только достигла своих естественных границ, но и стерла последние следы независимости индийских государств. Все воинственные туземные племена были покорены, со всеми серьезными внутренними конфликтами было покончено, и недавнее присоединение Ауда[198] достаточно ясно показало, что остатки так называемых независимых индийских княжеств существуют лишь постольку, поскольку их еще терпят. Отсюда большая перемена в положении Ост-Индской компании. Она уже больше не нападала на одну часть Индии при помощи другой, но оказалась во главе страны, и вся Индия лежала у ее ног. Не занимаясь больше завоеваниями, она стала *единственным* завоевателем страны. Войска, находившиеся в ее распоряжении, имели своей задачей уже не расширение ее владений, а лишь сохранение их. Из солдат они были превращены в полицейских; 200000000 местных жителей удерживались в повиновении

[*] — разделяй и властвуй. *Ред.*

туземной армией в 200000 человек, укомплектованной офицерами-англичанами, а эту туземную армию, в свою очередь, держала в узде английская армия, насчитывающая всего 40000 человек. С первого же взгляда становится очевидным, что покорность индийского народа зиждется на верности туземной армии, создавая которую, британские власти в то же время впервые организовывали общий центр сопротивления, каким никогда до этого не обладал индийский народ. Насколько можно полагаться на эту туземную армию, ясно показали ее недавние восстания, вспыхнувшие тотчас же после того, как война с Персией отвлекла из Бенгальского президентства почти всех находившихся там солдат-европейцев. Восстания бывали в индийской армии и раньше, однако нынешнее восстание[199] отличается характерными и грозными признаками. Это первый случай, когда синайские полки перебили своих офицеров-европейцев; когда мусульмане и индусы, забыв свою взаимную неприязнь, объединились против своих общих господ; когда «беспорядки, начавшись среди индусов, в действительности привели к возведению на трон в Дели императора-мусульманина»; когда восстание не ограничилось несколькими местностями и, наконец, когда восстание в англо-индийской армии совпало с проявлением всеобщего недовольства великих азиатских народов английским владычеством, ибо восстание бенгальской армии, без сомнения, тесно связано с персидской и китайской войнами.

Как утверждают, причиной недовольства в бенгальской армии, которое начало распространяться четыре месяца тому назад, было опасение со стороны туземцев, что правительство собирается вмешаться в их религиозные дела. Сигналом для местных беспорядков послужила выдача патронов, обернутых в бумагу, смазанную, как говорили, говяжьим и свиным салом, а так как патроны надо было непременно скусывать, это было воспринято туземцами как посягательство на их религиозные предписания. 22 января были подожжены казармы неподалеку от Калькутты. 25 февраля вспыхнуло восстание в 19-м туземном полку в Берхампуре в связи с тем, что солдаты этого полка выступили с протестом против раздачи им вышеупомянутых патронов. 31 марта этот полк был расформирован. В конце марта солдаты 34-го сипайского полка, размещенного в Барракпуре, дали возможность одному из своих товарищей выступить вперед с заряженным ружьем перед шеренгами, выстроенными на учебном плацу, и, после того как он призвал их к восстанию, не помешали ему напасть на адъютанта и старшину своего полка и ранить их. Во время последовавшей затем

рукопашной схватки сотни сипаев оставались пассивными наблюдателями, тогда как остальные приняли участие в борьбе и напали на офицеров, пустив в ход приклады. Впоследствии этот полк был также расформирован. Апрель ознаменовался поджогами в нескольких военных гарнизонах бенгальской армии, а именно в Аллахабаде, Агре и Амбале, восстанием 3-го полка легкой кавалерии в Мируте и подобными же проявлениями недовольства в мадрасской и бомбейской армиях. В начале мая подготовлялось восстание в Лакнау, столице Ауда, которое, однако, было предотвращено быстрыми действиями сэра Г. Лоренса. 9 мая восставшие солдаты 3-го мирутского полка легкой кавалерии были отправлены в тюрьму отбывать различные сроки заключения, к которым они были приговорены. Вечером следующего дня солдаты 3-го кавалерийского полка, совместно с двумя туземными полками, 11-м и 20-м, собрались на учебном плацу, убили офицеров, которые пытались их усмирить, подожгли казармы и перебили всех попавших им в руки англичан. Хотя английская часть бригады состояла из пехотного и кавалерийского полков и внушительного количества конной и пешей артиллерии, англичане все же не смогли выступить до наступления темноты. Причинив повстанцам лишь незначительный урон, они дали им возможность скрыться за пределы города и направиться в Дели, который расположен примерно в сорока милях от Мирута. В Дели к повстанцам присоединился туземный гарнизон, состоявший из 38-го, 54-го и 74-го пехотных полков и одной роты туземной артиллерии. Повстанцы напали на английских офицеров, перебили всех попавших им в руки англичан и провозгласили императором Индии наследника покойного Могола[200] Дели. В войсках, посланных на выручку Мируту, где вновь был восстановлен порядок, солдаты шести туземных рот саперов и минеров, прибывших туда 15 мая, убили своего командира майора Фрейзера и сразу же покинули город, преследуемые конной артиллерией и несколькими эскадронами 6-го гвардейского драгунского полка. Пятьдесят или шестьдесят повстанцев были убиты, но остальным удалось добраться до города Дели. В Фирозпуре — в Пенджабе — восстали 57-й и 45-й туземные пехотные полки, но восстание было подавлено. В частных письмах из Лахора сообщается, что все туземные войска находятся в состоянии открытого восстания. 19 мая сипаи, размещенные в Калькутте, сделали неудачную попытку захватить Форт Сент-Уильям[201]. Три полка, прибывшие из Бушира в Бомбей, были немедленно отправлены в Калькутту.

Обозревая эти события, поражаешься поведению английского командующего в Мируте: его запоздалое появление на поле битвы все же менее непостижимо, чем та вялость, с которой он преследовал повстанцев. Так как Дели расположен на правом берегу Джамны, а Мирут — на левом и оба берега соединены только одним мостом у Дели, то ничего не могло быть легче, как отрезать бежавшим путь к отступлению.

Тем временем все районы, охваченные недовольством, объявлены на военном положении; к Дели с севера, востока и юга стягиваются войска, состоящие главным образом из туземцев; соседние князья, как говорят, объявили себя сторонниками англичан; на Цейлон посланы приказы задержать отряды лорда Элгина и генерала Ашбёрнема, находящиеся на пути в Китай, и, наконец, недели через две 14000 британских солдат должны быть отправлены в Индию из Англии. Какими бы серьезными препятствиями для передвижения английских войск ни явились климат Индии в это время года и полное отсутствие транспортных средств, все же повстанцы в Дели, по всей вероятности, сдадутся, не оказав особенно длительного сопротивления. Но даже и тогда это будет только прологом к ужаснейшей трагедии, которая неминуемо должна разыграться.

Написано К. Марксом 30 июня 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5065, 15 июля 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ. — ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ [202]

Усыпляющая скука, которая со времени окончания Восточной войны являлась характерной чертой состояния Европы, быстро сменяется оживленным и даже лихорадочным настроением. Взять хотя бы Великобританию с ее перспективами борьбы за реформу и с ее затруднениями в Индии. Правда, лондонская газета «Times» заявляет миру, что кроме тех, кто имеет друзей в Индии,

«английская публика в целом ожидает очередных вестей из Индии не с большим интересом, чем мы ожидали бы запоздавший пароход из Австралии или результатов восстания в Мадриде».

Однако в тот же самый день та же самая «Times» в своей финансовой статье сбрасывает маску гордого равнодушия и выдает подлинные чувства Джона Буля в таком духе:

«Длительная депрессия, подобная той, которую мы сейчас наблюдаем на фондовой бирже, вопреки непрерывному росту металлического запаса в Банке и вопреки видам на прекрасный урожай, является чем-то почти неслыханным. Тревога, возбуждаемая положением в Индии, отодвигает на задний план все прочие соображения, и если бы завтра были получены какие-либо серьезные известия, то они, по всей вероятности, вызвали бы панику».

Было бы бесполезно строить предположения о ходе событий в Индии сейчас, когда с каждой почтой можно ожидать достоверных известий. Однако совершенно очевидно, что, в случае серьезного революционного взрыва на европейском континенте, Англия, войска и корабли которой отвлечены китайской войной и индийским восстанием, не смогла бы снова занять ту же надменную позицию, которую она занимала в 1848 и 1849 го-

дах. Вместе с тем она не может позволить себе стоять в стороне, так как Восточная война и союз с Наполеоном за последнее время приковали ее к континентальной политике и так как полное разложение ее традиционных политических партий и растущий антагонизм между ее классами, производящими богатство, более чем когда-либо подвергают ее социальную структуру спазматическим потрясениям. В 1848—1849 гг., когда ее мощь как ночной кошмар давила на европейскую революцию, Англия сначала несколько испугалась этой революции, затем, чтобы разогнать обычную для нее скуку, стала развлекаться ею как зрелищем, затем начала понемногу предавать ее, затем стала слегка кокетничать с ней и, наконец, серьезно принялась на ней наживаться. Можно даже сказать, что промышленное благополучие Англии, получившее довольно сильную встряску в связи с торговым кризисом 1846—1847 гг., до известной степени было восстановлено благодаря революции 1848 года. Однако новая революция на европейском континенте не представит больше для Англии ни приятного зрелища для развлечения, ни возможностей спекуляции на чужом несчастье, но явится тяжелым испытанием, через которое она должна будет пройти.

Переехав Ла-Манш, мы увидим, что на том берегу социальная поверхность уже колышется и вздымается под действием подземного огня. Парижские выборы — это уже не предвестие новой революции, а скорее ее настоящее начало. Историческому прошлому Франции вполне соответствует тот факт, что имя Кавеньяка используется в качестве лозунга силами, направленными против Бонапарта, так же как в свое время Одилон Барро возглавил силы, направленные против Луи-Филиппа. Для народа Кавеньяк, как раньше Одилон Барро, является только предлогом, тогда как для буржуазии оба они воплощают серьезную идею. Имя, с которым связано начало революции, никогда не бывает написано на ее знамени в день ее победы. В современном обществе революционные движения для того, чтобы иметь какие-либо шансы на успех, должны вначале заимствовать свое знамя у тех элементов народа, которые, хотя и настроены оппозиционно против существующего правительства, однако целиком принимают существующий общественный строй. Словом, революции должны получать свой входной билет на официальную сцену от самих же правящих классов.

Парижские выборы, а также парижские аресты и парижские преследования можно понять в их настоящем свете только принимая во внимание состояние парижской биржи, волнения

на которой предшествовали предвыборной агитации и пережили ее. Даже в течение трех последних месяцев 1856 г., когда вся Европа страдала от финансового кризиса, парижская биржа не испытывала такого поразительного и непрерывного обесценения всех ценных бумаг, как это было в продолжение всего июня и начала июля указанного года. Кроме того, на этот раз происходил не скачкообразный процесс понижения и подъема, а напротив, все шло вниз совершенно методически, следуя обычным законам падения, согласно которым оно становится стремительным только в своей последней фазе. Акции Crеdit Mobilier, которые в начале июня стоили приблизительно 1300 фр., 26 июня упали до 1162 фр., 3 июля — до 1095 фр., 4 июля — до 975 фр. и 7 июля — до 890 франков. Акции Французского банка, которые в начале июня котировались выше 4000 фр., к 26 июня, несмотря на дарованные Банку новые монополии и привилегии, упали до 3065 фр., к 3 июля — до 2890 фр. и к 9 июля они стоили не более 2900 франков. Это длительное понижение курсов в такой же степени коснулось трехпроцентной ренты, акций главных железных дорог, как-то: Северной, Лионской, Средиземноморской, линий Большого объединения и акций всех прочих акционерных компаний.

Новый закон о Французском банке*, обнажив отчаянное положение бонапартовского казначейства, в то же самое время поколебал общественное доверие к самой администрации Банка. Последний отчет Credit Mobilier, показав воочию дутый характер этого учреждения и раскрыв обширный круг заинтересованных в нем, в то же время осведомил публику, что между его директорами и императором происходит борьба и что подготовляется какой-то финансовый coup d'etat**. В самом деле, для того чтобы выполнить свои наиболее срочные обязательства, Crеdit Mobilier был вынужден выбросить на рынок имевшиеся в его распоряжении ценные бумаги на сумму около 20 миллионов франков. В то же самое время железнодорожные и другие акционерные компании, с целью выплатить свои дивиденды и получить средства для продолжения или начала предпринятых работ, также должны были продавать свои ценные бумаги, истребовать новые взносы в оплату своих старых акций или приобрести капитал посредством выпуска новых акций. Отсюда затяжная депрессия на французской фондовой бирже, отнюдь не являющаяся результатом чисто случайных обстоятельств; она будет повторяться в более острых формах с наступлением каждого последующего платежного срока.

* См. настоящий том, стр. 231—234. *Ред.*

** — буквально: государственный переворот; здесь: переворот. *Ред.*

О тревожном характере нынешней болезни можно судить по тому факту, что на авансцену выступил великий финансовый знахарь Второй империи Эмиль Перейра и представил Луи-Наполеону доклад, в котором он приводит цитату из речи, произнесенной последним в 1850 г. перед Генеральным советом земледелия и торговли:

«Доверие — не будем забывать этого — есть психологическая сторона материальных интересов, дух, оживляющий тело; вызывая чувство уверенности, оно десятикратно увеличивает ценность всего, что производится».

Затем г-н Перейра с помощью уже известных нашим читателям приемов объясняет уменьшение ценностей страны на 980000000 фр. в течение последних пяти месяцев. Он заканчивает свои сетования такими роковыми словами: «Бюджет страха почти равен бюджету Франции». Если, как утверждает г-н Перейра, сверх 200000000 долларов, которые Франция должна платить в виде налогов для содержания Империи, она должна еще платить гораздо больше из-за страха лишиться ее, то дни этого столь дорогостоящего учреждения, созданного в свое время с единственной целью экономить деньги, действительно сочтены. Если финансовые непорядки Империи вызвали ее политические затруднения, то последние, в свою очередь, непременно окажут воздействие на первые. Именно в свете такого состояния Французской империи приобретают свое истинное значение недавние волнения в Испании и Италии[203], равно как и предстоящие осложнения в Скандинавии[*].

Написано К. Марксом 10 июля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5075, 27 июля 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

---

[*] См. настоящий том, стр. 276 -277. *Ред.*

К. МАРКС

ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

Лондон, 17 июля 1857 г.

8 июня миновал ровно месяц с тех пор, как восставшие сипаи захватили Дели и провозгласили одного из Моголов* императором. Было бы, однако, нелепо думать, что повстанцы смогут удержать древнюю столицу Индии против вооруженных сил англичан. Укрепления Дели состоят лишь из стен и простого рва; между тем высоты, окружающие город и господствующие над ним, уже находятся в руках англичан, которые, даже не прибегая к разрушению стен артиллерийским огнем, могут в самый короткий срок легко принудить город к сдаче, лишив его водоснабжения. К тому же разнородная масса восставших солдат, которые перебили своих офицеров, сбросили с себя узы дисциплины и не смогли выдвинуть человека, на которого можно было бы возложить верховное командование,— такая масса менее всего способна организовать серьезное и длительное сопротивление. Как бы для того, чтобы еще более усугубить путаницу, пестрые ряды защитников Дели ежедневно пополняются притоком все новых и новых контингентов повстанцев со всех концов Бенгальского президентства, которые, словно по заранее разработанному плану, бросаются в обреченный город. Обе вылазки, на которые повстанцы отважились 30 и 31 мая, были отбиты с тяжелыми для них потерями и, очевидно, явились результатом скорее отчаяния, нежели уверенности в себе и сознания своей силы. Единственно, что вызывает удивление, — это медлительность действий англичан. хотя ее можно в известной мере объяснить ужасными клима-

* — Бахадур-шаха II. *Ред.*

тическими условиями этого времени года и нехваткой транспортных средств. Помимо главнокомандующего, генерала Ансона, около 4000 солдат-европейцев, согласно французским сообщениям, уже пали жертвой убийственного зноя, и даже английские газеты признают, что в схватках под стенами Дели люди больше страдали от солнца, чем от неприятельских пуль. Вследствие скудости перевозочных средств главная группировка англичан, стоявшая в Амбале, потратила около двадцати семи дней на переход к Дели, двигаясь, таким образом, примерно по полтора часа в день. Дальнейшая задержка была вызвана отсутствием в Амбале тяжелой артиллерии и вследствие этого необходимостью доставить осадный парк из ближайшего арсенала, хотя он находился всего лишь в Пхиллауре, по другую сторону Сатледжа.

Несмотря на это, со дня на день можно ждать известия о падении Дели. Но что будет дальше? Хотя пребывание традиционного центра индийской империи в течение месяца в полной власти повстанцев, возможно, послужило сильнейшим ферментом брожения и привело к окончательному развалу бенгальской армии, к распространению восстания и дезертирству от Калькутты до Пенджаба на севере и до Раджпутаны на западе, а также поколебало английское господство от одного конца Индии до другого, все же было бы величайшей ошибкой предполагать, что падение Дели, хотя оно и может вызвать смятение в рядах сипаев, оказалось бы достаточным для того, чтобы потушить огонь восстания, локализовать его или восстановить британское владычество. Численность всей туземной бенгальской армии, — насчитывающей около 80000 человек и составленной приблизительно из 28000 раджпутов, 23000 брахманов[204], 13000 мусульман, 5000 индусов низших каст и в остальном из европейцев, — сократилась на 30000 человек вследствие восстания, дезертирства или увольнения со службы. Что касается остального состава этой армии, то несколько полков открыто заявили, что они останутся верными присяге и будут поддерживать британские власти, но не в том, чем в настоящее время занимаются туземные войска: они не будут помогать властям против повстанцев из туземных полков, а напротив, будут оказывать поддержку своим «бхаи» (братьям). Так они и поступали почти в каждом гарнизоне, начиная с Калькутты. В течение некоторого времени туземные полки оставались пассивными, но как только у них созревало убеждение, что они достаточно сильны, они восставали. Один индийский корреспондент лондонской газеты «Times» не оставляет никаких сомнений относительно «лояльности» полков, которые

еще открыто не определили своей позиции, и туземного населения, которое пока еще не действует заодно с восставшими.

«Если вы читаете», — пишет он, — «о том, что *все спокойно,* понимайте это так, что туземные войска пока еще не подняли открытого мятежа, что недовольная часть населения пока еще не находится в состоянии открытого восстания, что они либо слишком слабы, либо считают себя слабыми, либо выжидают более подходящего момента. Когда вы читаете о «проявлениях лояльности» в каком-либо из бенгальских туземных полков, кавалерийских или пехотных, понимайте это так, что только половина этих полков, считающихся лояльными, действительно верна присяге; другая половина лишь притворяется, чтобы тем успешнее захватить европейцев врасплох, когда наступит подходящий момент, или чтобы, усыпив подозрения, с тем большей легкостью прийти на помощь своим мятежным товарищам».

В Пенджабе открытое восстание удалось предупредить только посредством расформирования туземных частей. В Ауде англичане удерживают, можно сказать, только резидентство в Лакнау[205], между тем как в других местах туземные полки уже повсюду восстали, разбежались, захватив с собой боевые припасы, сожгли дотла все бунгало англичан и присоединились к восставшему населению. Кстати сказать, действительное положение английской армии лучше всего характеризуется тем, что в Пенджабе, так же как и в Раджпутане, было признано необходимым создать летучие отряды. Это означает, что англичане не могут полагаться ни на свои сипайские части, ни на туземцев для обеспечения связи между своими разбросанными частями. Их власть распространяется, как это было у французов во время войны на Пиренейском полуострове[206], лишь на пункты, занятые их собственными войсками, да на те ближайшие участки местности, над которыми эти пункты господствуют. Что касается связи между разъединенными элементами их армии, то в этом отношении они полагаются на летучие отряды, действия которых, весьма ненадежные сами по себе, естественно становятся тем менее эффективными, чем обширнее пространство, на которое они распространяются. То, что сил у англичан действительно недостаточно, подтверждается еще следующим фактом: при эвакуации казны из гарнизонов, охваченных восстанием, англичане были вынуждены пользоваться конвоем из самих же сипаев, которые в пути неизменно поднимали восстание и скрывались вместе с вверенной им казной. Так как высланные из Англии войска могут в лучшем случае прибыть не ранее ноября, а вывести европейские части из Мадрасского и Бомбейского президентств было бы еще более рискованно, ибо 10-й полк мадрасских сипаев уже проявлял признаки недовольства, — то придется отказаться

от всякой мысли о сборе обычных налогов в Бенгальском президентстве и предоставить процессу дальнейшего разложения идти своим чередом. Даже если мы предположим, что население Бирмы не воспользуется удобным случаем, что махараджа Гвалиора будет и впредь поддерживать англичан, что правитель Непала, командующий лучшими индийскими войсками, ничего не предпримет, что недовольный Пешавар не объединится с беспокойными горными племенами и что шах персидский не будет так наивен, чтобы уйти из Герата, — все же и тогда англичанам придется снова завоевывать Бенгальское президентство и заново создавать всю англо-индийскую армию. Издержки этого колоссального предприятия целиком лягут на плечи английского народа. Что же касается мнения, высказанного лордом Гранвиллом в палате лордов, будто Ост-Индская компания сможет добыть нужные ей средства при помощи индийских займов, то об его обоснованности можно судить по тому, как реагировал бомбейский денежный рынок на тревожное положение в Северо-Западных провинциях. Туземных капиталистов мгновенно охватила паника, из банков были изъяты очень крупные суммы, правительственные ценные бумаги почти перестали находить покупателей, и тезаврирование начало принимать широкие размеры не только в Бомбее, но также и в его окрестностях.

Написано К. Марксом 17 июля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5082, 4 августа 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИНДИЙСКИЙ ВОПРОС

Лондон, 28 июля 1857 г.

Трехчасовая речь, которую произнес вчера вечером в «мертвой палате»[207] г-н Дизраэли, скорее выигрывает, нежели проигрывает, когда ее не слушаешь, а читаешь. С некоторого времени г-ну Дизраэли стала свойственна величественная торжественность речи, тщательно выработанная медлительность и бесстрастный педантизм в манере изложения. Как бы, однако, эти качества ни соответствовали его особым представлениям о достоинстве, подобающем человеку, который собирается стать министром, они являются настоящей пыткой для его несчастной аудитории. Когда-то ему удавалось даже банальностям придавать заостренность эпиграмм. Теперь же он ухитряется даже эпиграммы хоронить под скучными условностями респектабельности. Такому оратору, как г-н Дизраэли, который гораздо лучше владеет кинжалом, чем мечом, не следовало бы забывать предостережение Вольтера: «Tous les genres sont bons excepte le genre ennuyeux»[*].

Помимо этих формальных особенностей, характеризующих нынешнюю манеру красноречия г-на Дизраэли, он, со времени прихода Пальмерстона к власти, стал тщательно избегать в своих парламентских выступлениях всего, что может иметь хоть сколько-нибудь актуальный интерес. Он выступает с речами не для того, чтобы его предложения были приняты, а вносит эти предложения с целью подготовить аудиторию к своим речам. Их можно было бы назвать самоопровергающими пред-

[*] — «Все жанры хороши, кроме скучного» (Вольтер, Предисловие к комедии «Блудный сын»). *Ред.*

ложениями, поскольку они построены так, чтобы не повредить противнику, если они будут приняты, и не нанести ущерба их автору, если они будут отклонены. В действительности они рассчитаны не на то, чтобы их принимали или отклоняли, а просто на то, чтобы их оставляли без внимания. Они не относятся ни к кислотам, ни к щелочам; они нейтральны по природе. Не речь является толчком к действию, а видимость действия дает повод для речи. Возможно, правда, что это и есть классическая и законченная форма парламентского красноречия; но тогда эта законченная форма парламентского красноречия во всяком случае не может избегнуть участи всех законченных форм парламентаризма, а именно: быть причисленным к категории досадных помех. Как сказал Аристотель, действие есть закон, управляющий драмой*. Это относится и к политическому красноречию. Речь г-на Дизраэли о восстании в Индии могла бы быть опубликована в числе брошюр Общества по распространению полезных знаний, либо произнесена в школе для рабочих или представлена в Берлинскую академию в качестве сочинения на конкурс. Проявленное в его речи удивительное безразличие в отношении места, времени и повода, по которому она была произнесена, доказывает, что она не соответствовала ни месту, ни времени, ни поводу. Главу об упадке Римской империи можно с увлечением читать в книгах Монтескьё или Гиббона[208], но она оказалась бы чудовищной нелепостью, будучи вложена в уста римского сенатора, специальной обязанностью которого было как раз воспрепятствовать этому упадку. Правда, можно представить себе, что какой-нибудь независимый оратор в наших современных парламентах мог бы играть роль, не лишенную ни достоинства, ни интереса, если бы он, отчаявшись в возможности оказывать влияние на действительный ход событий, ограничился тем, что занял бы позицию иронического безразличия. Такую роль с большим или меньшим успехом играл покойный г-н Гарнье-Пажес — не Гарнье-Пажес временного правительства, а известный член палаты депутатов при Луи-Филиппе; но г-н Дизраэли, признанный лидер потерявшей значение партии[209], счел бы даже успех в этом направлении величайшим поражением. Восстание индийской армии, несомненно, давало великолепный повод для упражнений в ораторском искусстве. Однако если отвлечься от необыкновенно скучной манеры, с какой г-н Дизраэли развивал эту тему, то в чем все же состояла сущность предложения, которое он избрал поводом для своей речи?

* Аристотель. «Поэтика», глава VI. *Ред.*

Предложения-то как раз и не было. Он делал вид, что жаждет ознакомиться с двумя официальными документами, но в существовании одного из них он был не совсем уверен, а относительно другого был убежден, что этот документ не имеет непосредственного отношения к предмету, о котором шла речь. Таким образом, его речь и его предложение не имели никаких точек соприкосновения, за исключением той, что предложение явилось предвестником беспредметной речи, а предмет оказался не стоящим того, чтобы по этому поводу произносить речь. Тем не менее, в качестве тщательно продуманного мнения самого выдающегося английского государственного деятеля, не входящего в правительство, речь г-на Дизраэли должна привлечь внимание в других странах. Я удовольствуюсь тем, что передам его же ipsissima verba* краткий анализ его «рассуждений об упадке англо-индийской империи»:

«Означают ли беспорядки в Индии военный мятеж или они являются национальным восстанием? Является ли поведение войск следствием какого-либо внезапного толчка или это результат организованного заговора?»

Г-н Дизраэли доказывает, что именно в этом заключается вся суть вопроса. Вплоть до последнего десятилетия, утверждает он, Британская империя в Индии основывалась на старом принципе divide et impera**, но при осуществлении этого принципа на практике правительство относилось-де бережно к различным национальностям, из которых состоит Индия, избегало вмешиваться в их религиозные дела и охраняло их земельную собственность. Сипайская армия служила отдушиной, поглощавшей беспокойные элементы страны. Но за последние годы в управлении Индией был принят новый принцип — принцип разрушения национальности. Этот принцип осуществлялся посредством насильственного уничтожения власти туземных князей, нарушения установленных отношений собственности и вмешательства в религиозные дела парода. В 1848 г. финансовые затруднения Ост-Индской компании дошли до того, что стало необходимо тем или иным путем увеличить ее. доходы. Тогда был опубликован доклад Совета[210], почти совершенно открыто провозглашавший принцип, согласно которому единственным способом достичь повышения доходов является расширение британской территории за счет владений туземных князей. В связи с этим, после смерти раджи княжества Сатары, Ост-Индская компания не признала его приемного сына и наследника, и княжество было включено в ее собственные владения. С тех пор система аннексий

* — собственными словами. *Ред.*
** — разделяй и властвуй. *Ред.*

стала применяться всякий раз, когда туземный князь умирал, не оставляя прямых наследников. Принцип усыновления — этот краеугольный камень индийского общества — систематически игнорировался правительством. Таким образом, с 1848 по 1854 г. к Британской империи были насильственно присоединены владения более дюжины независимых князей. В 1854 г. было насильственно захвачено княжество Берар, территория которого охватывает 80000 квадратных миль с населением от 4000000 до 5000000 человек и которое располагает огромными сокровищами. Г-н Дизраэли завершает перечень насильственных аннексий аннексией Ауда, которая привела ост-индское правительство к конфликту не только с индусами, но также и с мусульманами. Затем г-н Дизраэли показывает, как в течение последних десяти лет новая система управления нарушила в Индии установленные отношения собственности.

«Принцип закона об усыновлении», — говорит он, — «не является прерогативой князей и княжеств в Индии, он имеет отношение в Индостане к каждому человеку, который владеет земельной собственностью и исповедует индуизм».

Цитирую один отрывок из речи:

«Крупный ленный владелец, или джагирдар, держащий свои земли за несение государственной службы своему господину, и инамдар, держащий свою землю, свободную от всякого поземельного налога, и соответствующий, если не вполне точно, то по крайней мере в общепринятом смысле, нашему фригольдеру[211], — эти две категории, самые многочисленные категории в Индии, в случае отсутствия у них прямых наследников, всегда находят в этом принципе усыновления средство получить преемника, которому передают свое имение. Интересы этих категорий были задеты аннексией Сатары, они были задеты и аннексией территорий, принадлежавших десяти менее значительным, но независимым князьям, о которых я уже упоминал, но когда было аннексировано княжество Берар, то это не только задело интересы данных категорий, но и напугало их до последней степени. Кто мог чувствовать себя в неприкосновенности? Какой ленный владелец, какой фригольдер, не имевший своих собственных детей, мог чувствовать себя в Индии в неприкосновенности? (Возгласы одобрения.) То были не пустые страхи; им вполне соответствовали образ действия и широко применявшаяся практика. Отбирать джагиры и инамы начали в Индии впервые. Без сомнения, и раньше бывали бестактные попытки проверять права владения, но никому никогда и в голову не приходило отменить закон об усыновлении; поэтому никакая власть, никакое правительство никогда не были в состоянии отобрать джагиры и инамы, держатели которых не оставляли прямых наследников. Здесь открылся новый источник дохода; но, в то время как все это действовало на умонастроение указанных категорий индусов, правительство сделало еще другой шаг, нарушавший установленные отношения собственности, шаг, на который я должен теперь обратить внимание палаты. Члены палаты, несомненно, читали показания, данные перед комиссией 1853 г., поэтому им известно о существовании в Индии больших площадей земли, не облагаемых поземельным налогом. Освобождение от поземельного налога в Индии имеет гораздо

большее значение, чем освобождение от поземельного налога в нашей стране, ибо в общем и целом поземельный налог в Индии является единственным видом налогового обложения со стороны государства.

Трудно проследить, откуда ведут свое начало пожалования этих земель, но нет сомнения, что они относятся к глубокой древности. Они носят различный характер. Наряду со свободными от налогов весьма распространенными владениями частных лиц существуют крупные земельные пожалования, свободные от поземельного налога, принадлежащие мечетям и храмам».

Под предлогом существования незаконных притязаний на освобождение от налога, британский генерал-губернатор взялся произвести обследование прав на индийские земельные владения. На основании установленной в 1848 г. новой системы,

«этот план обследования прав на владения был немедленно приведен в исполнение, чтобы доказать могущество правительства, энергию исполнительной власти, а также чтобы найти богатейший источник государственных доходов. С этой целью были назначены комиссии для обследования прав на земельные владения в Бенгальском президентстве и прилегающей области. Они были назначены также в Бомбейском президентстве, и, кроме того, было предписано произвести землеустройство во вновь созданных провинциях, чтобы по окончании этого землеустройства работа комиссий могла вестись достаточно плодотворно. Теперь нет сомнения, что в течение последних девяти лет деятельность этих комиссий по обследованию не облагаемой налогом земельной собственности в Индии была развернута в огромном масштабе и что она дала колоссальные результаты».

Г-н Дизраэли подсчитывает, что у владельцев отбирают ежегодно имений не менее чем на 500000 ф. ст. в Бенгальском президентстве, на 370000 ф. ст. в Бомбейском президентстве, на 200000 ф. ст. в Пенджабе и т. д. Не довольствуясь только этим способом захвата собственности туземцев, британское правительство прекратило выплату пенсий туземным вельможам, что оно обязано было делать в силу договоров.

«Это», — говорит г-н Дизраэли, — «представляет собой новый способ конфискации и притом в самых широких, поразительных и скандальных размерах».

Затем г-н Дизраэли рассматривает случаи вмешательства в религиозные дела туземцев — вопрос, на котором нам нет надобности останавливаться. На основании всех этих предпосылок он приходит к заключению, что нынешние волнения в Индии являются не военным мятежом, а национальным восстанием, в котором сипаи играют лишь роль орудия. В заключение своей речи он советует правительству отказаться от его нынешней агрессивной политики и обратить внимание на улучшение внутреннего положения Индии.

Написано К. Марксом 28 июля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5091, 14 августа 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИЗВЕСТИЯ ИЗ ИНДИИ [212]

Лондон, 31 июля 1857 г.

Последняя индийская почта, доставившая известия из Дели до 17 июня и из Бомбея по 1 июля, подтверждает самые мрачные предположения. Когда г-н Вернон Смит, председатель Контрольного совета[213], впервые осведомил палату общин об индийском восстании, он с уверенностью заявил, что следующая же почта принесет известие о том, что Дели стерт с лица земли. Почта пришла, а Дели все еще не был «вычеркнут со страниц истории». Тогда начали говорить, что артиллерийский парк можно подвезти не раньше 9 июня и потому штурм обреченного города придется отложить до этого срока. Но 9 июня миновало, а ничего выдающегося не случилось. 12 и 15 июня произошли некоторые события, но скорее противоположного характера, ибо не Дели подвергся штурму со стороны англичан, а англичане подверглись нападению со стороны повстанцев, неоднократные вылазки которых были, впрочем, отбиты. Таким образом, падение Дели снова отсрочено, но теперь это объясняют уже не только отсутствием осадной артиллерии, но и тем, что генерал Барнард решил якобы дожидаться подкреплений, так как его сил — около 3000 человек — совершенно недостаточно для взятия древней столицы, которую защищают 30000 сипаев, располагающих всевозможными военными припасами. Повстанцы даже устроили лагерь за Аджмирскими воротами. До сих пор все военные писатели единодушно считали, что английского отряда в 3000 человек совершенно достаточно для того, чтобы сокрушить армию сипаев в 30000 или 40000 человек; иначе, —употребляя выражение лондонской

газеты «Times», — как бы Англии удалось когда-либо «вновь завоевать» Индию?

В настоящее время британская армия в Индии насчитывает 30000 человек. Из Англии можно отправить в течение ближайшего полугодия, самое большее, 20000 или 25000 человек, из которых 6000 должны пополнить ряды европейских войск в Индии, а остающееся количество в 18000 или 19000 человек должно сократиться, вследствие урона, понесенного во время пребывания в пути, вследствие урона, вызванного условиями климата и вследствие других причин, приблизительно до 14000 человек, которые и смогут появиться на театре военных действий. Британская армия должна будет решиться на сражение с повстанцами при весьма неравном соотношении сил, либо вовсе отказаться от сражения с ними. Тем не менее трудно понять, почему английские войска так медленно сосредоточиваются вокруг Дели. Если в настоящее время года зной оказывается таким непреодолимым препятствием, каким он не был во времена сэра Чарлза Нейпира, то через несколько месяцев по прибытии европейских войск дожди станут еще более основательным предлогом для бездействия. Не надо забывать, что нынешнее восстание фактически началось уже в январе и что, следовательно, британское правительство было задолго предупреждено, что оно должно держать порох сухим и силы наготове.

То, что сипаи, несмотря на осаду Дели английской армией, в течение продолжительного времени удерживают его в своих руках, имело, разумеется, свои естественные последствия. Восстание распространилось до самых ворот Калькутты, пятьдесят бенгальских полков перестали существовать, от самой бенгальской армии осталось лишь одно воспоминание, а европейцы, рассеянные по огромной территории и блокированные в изолированных пунктах, были либо перебиты повстанцами, либо вынуждены отчаянно обороняться. В самой Калькутте христианское население сформировало добровольческий отряд, после того как был раскрыт заговор, как говорят, весьма тщательно разработанный и имевший целью захватить врасплох правительственные здания, и после того как были распущены расквартированные там туземные полки. В Бенаресе попытка разоружить туземный полк натолкнулась на сопротивление отряда сикхов[214] и 13-го полка иррегулярной конницы. Этот факт имеет очень большое значение, так как он показывает, что сикхи, подобно мусульманам, были заодно с брахманами и что, таким образом, различные группы населения быстро сплачивались в один общий союз, направленный против британского

господства. Англичане твердо верили, что армия сипаев составляет их главную силу в Индии. Теперь они неожиданно полностью убедились в том, что эта самая армия представляет для них исключительную опасность. Еще во время недавних дебатов по индийскому вопросу г-н Вернон Смит, председатель Контрольного совета, заявил, что «нельзя слишком настойчиво утверждать, будто между туземными князьями и восстанием нет никакой связи». Два дня спустя тот же самый Вернон Смит вынужден был опубликовать депешу, содержащую следующий зловещий абзац:

«14 июня бывший король Ауда, замешанный, согласно перехваченным документам, в заговоре, был интернирован в Форт-Уильяме, а его приверженцы разоружены».

Со временем выплывут наружу еще и другие факты, которые смогут убедить даже самого Джона Буля в том, что движение, которое он считает военным мятежом, на самом деле является национальным восстанием.

Английская пресса делает вид, будто ей доставляет большое удовлетворение уверенность в том, что восстание еще не распространилось за пределы Бенгальского президентства и что не существует ни малейшего сомнения в лояльности бомбейской и мадрасской армий. Однако этот оптимистический взгляд на положение вещей как-то странно противоречит полученным с последней почтой сведениям о восстании кавалерии низама*, вспыхнувшем в Аурангабаде. Так как Аурангабад является центром одноименного округа, входящего в Бомбейское президентство, то, по сути дела, последняя почта возвещает о начале восстания в бомбейской армии. Правда, говорят, что восстание в Аурангабаде было сразу подавлено генералом Вудбёрном. Но разве не говорили, что и восстание в Мируте было сразу подавлено? Разве восстание в Лакнау, после того как оно было подавлено сэром Г. Лоренсом, не возобновилось в еще более угрожающей форме через две недели? Не следует ли вспомнить, что самое первое сообщение о восстании в индийской армии сопровождалось сообщением о том, что порядок восстановлен? Хотя основная масса бомбейской и мадрасской армий состоит из людей, принадлежащих к низшим кастам, все же в каждом полку имеется около сотни раджпутов — вполне достаточное количество, чтобы образовать связующее звено с повстанцами бенгальской армии, принадлежащими к высшей касте.

* — правителя княжества Хайдарабад. *Ред.*

Утверждают, что в Пенджабе все спокойно, но в то же самое время мы узнаем, что «13 июня в Фирозпуре были приведены в исполнение приговоры военного суда», а отряд Воона — 5-й пенджабский пехотный полк — удостаивается похвалы «за блестящие действия во время преследования 55-го туземного пехотного полка». Следует признать, что это весьма странный вид «спокойствия».

Написано К. Марксом 31 июля 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5091, 14 августа 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ ИНДИЙСКОГО ВОССТАНИЯ

Лондон, 4 августа 1857 г.

После того как в Лондон прибыли доставленные последней индийской почтой объемистые отчеты, скудное резюме которых было уже предварительно сообщено по электрическому телеграфу, слух о взятии Дели стал быстро распространяться и держался так упорно, что повлиял на сделки лондонской фондовой биржи. Это было новым изданием мистификации о взятии Севастополя[215], но в сокращенном варианте. Достаточно хотя бы очень поверхностно ознакомиться с датами и содержанием мадрасских газет, из которых будто бы черпались эти благоприятные известия, чтобы заблуждение рассеялось. В сообщении из Мадраса говорилось, что оно составлено на основании частных писем из Агры от 17 июня, но в официальной сводке из Лахора от 17 июня сказано, что 16-го до 4 часов пополудни у стен Дели все было спокойно; а «Bombay Times»[216] от 1 июля пишет, что «17-го утром генерал Барнард ожидал подкреплений, после того как он отразил несколько вылазок». Вот все, что можно сказать по поводу даты мадрасского сообщения. Что же касается его содержания, то это сообщение было, очевидно, составлено на основании сводки генерала Барнарда от 8 июня о том, что он с боем занял высоты у Дели, а также на основании некоторых частных сообщений о вылазках осажденных 12 и 14 июня.

Использовав неопубликованные планы Ост-Индской компании, капитан Лоренс составил, наконец, военный план Дели и его гарнизона. Из этого плана мы видим, что Дели укреплен вовсе не так слабо, как это утверждали раньше, но и не так сильно, как это стараются доказать теперь. Город имеет цитадель, взять которую можно либо штурмом, либо правильной

осадой. Стены, протяжением более семи миль, имеют прочную каменную кладку, но не очень высоки. Ров узок и не так уж глубок, а фланкирующие укрепления не обеспечивают должного прикрытия куртины продольным огнем. На известных промежутках имеются башни Мартелло. Они полукруглой формы и снабжены бойницами для ружей. Внутри башен винтовые лестницы ведут от самого верха стен вниз, к камерам для боевых припасов, которые находятся на одном уровне со рвом; в этих камерах имеются бойницы для ведения огня пехотой, который может оказаться весьма неприятным для штурмующего отряда при его переходе через ров. Бастионы, защищающие куртины, снабжены также банкетами для стрелков, но эти банкеты можно подавить артиллерийским огнем. Когда вспыхнуло восстание, в арсенале внутри города было 900000 патронов, два полных осадных парка, большое количество полевых орудий и 10000 ружей. На пороховом складе, который был значительно раньше перенесен по желанию жителей из города в военный лагерь вне Дели, имелось не менее 10000 бочонков пороха. Командные высоты, занятые генералом Барнардом 8 июня, расположены к северо-западу от Дели; там, вне стен города, также был устроен военный лагерь.

Из этого описания, основанного на изучении подлинных планов, становится понятно, что цитадель восставших неминуемо пала бы в результате даже одной coup de main*, если бы британские войска, находящиеся теперь у Дели, были там уже 26 мая, а они могли бы там быть, если бы их снабдили достаточным количеством перевозочных средств. Анализ опубликованного в «Bombay Times» и перепечатанного лондонскими газетами списка полков, восставших до конца июня, с обозначением дат восстания, неоспоримо доказывает, что еще 26 мая Дели был занят всего лишь 4000 или 5000 повстанцев, то есть отрядом, который не мог и помышлять о защите стены протяжением в семь миль. Так как Мирут находится на расстоянии всего лишь сорока миль от Дели и с начала 1853 г. постоянно служил штабом для бенгальской артиллерии, там находилась главная лаборатория для военно-научных целей и полигоны для тренировки в применении полевой и осадной артиллерии; тем более становится непонятным, каким образом британский командующий оказался лишенным средств, необходимых для выполнения одной из тех coups de main, посредством которых британские войска в Индии всегда умеют обеспечивать свое превосходство над туземцами. Сначала нам сообщали, что

* — решительной атаки. *Ред.*

ожидается осадный парк*; затем писали, что нужны подкрепления; теперь же «Press», одна из наиболее осведомленных лондонских газет, заявляет нам:

«Нашему правительству достоверно известно, что генералу Барнарду не хватает припасов и патронов и что последних осталось по 24 штуки на человека».

Из датированной 8 июня собственной сводки генерала Барнарда о занятии высот у Дели мы видим, что первоначально он намеревался атаковать Дели на следующий день. Однако он не только не смог выполнить этот план, но в силу каких-то случайных обстоятельств вынужден был ограничиться тем, что занял оборонительную позицию по отношению к осажденным.

В настоящий момент чрезвычайно трудно подсчитать силы обеих сторон. Сообщения индийской прессы совершенно противоречивы; однако мы думаем, что известного доверия заслуживает корреспонденция из Индии, помещенная в бонапартистской газете «Pays»[217], которая, по-видимому, исходит от французского консула в Калькутте. Согласно его сообщению, на 14 июня армия генерала Барнарда состояла приблизительно из 5700 человек, причем ожидалось, что ее численность будет удвоена (?) подкреплениями, которые должны были прибыть 20 числа того же месяца. Его парк насчитывал 30 тяжелых осадных орудий; в то же время силы повстанцев определялись в 40000 человек, плохо организованных, но обильно снабженных всеми средствами нападения и обороны.

Заметим en passant**, что 3000 повстанцев, расположившиеся лагерем за Аджмирскими воротами, возможно в пределах гробницы Гази-хана, отнюдь не находятся в непосредственной близости к английской армии, как это представляют себе некоторые лондонские газеты, а, напротив, отделены от нее всей территорией Дели, ибо Аджметрские ворота расположены на самой крайней точке юго-западной части нового Дели, к северу от развалин древнего Дели. На этой стороне города ничто не может помешать повстанцам устроить еще несколько таких же лагерей. На прилегающей к реке северо-восточной стороне города они держат в своих руках понтонный мост и имеют постоянную связь со своими соотечественниками, от которых могут непрерывно получать пополнения людьми и провиант. Подобно Севастополю, только в меньших размерах, Дели представляет собой вид крепости, сохраняющей свободу коммуникации с глубоким тылом своей собственной страны.

---

* См. настоящий том, стр. 257. *Ред.*

** — между прочим. *Ред.*

Промедление в операциях британских войск не только позволило осажденным сосредоточить большие силы для обороны, но и несомненно укрепило боевой дух сипаев сознанием того, что в течение многих недель они сумели удержать Дели и могли неоднократно тревожить вылазками европейские войска; сипаев поддерживает также и то, что они ежедневно получают известия о новых восстаниях во всей армии. Располагая небольшими силами, англичане, конечно, не могут думать о том, чтобы обложить город, и должны будут штурмовать его. Однако если следующая очередная почта не принесет известия о взятии Дели, то мы можем быть почти уверены в том, что в течение ближайших нескольких месяцев всякие серьезные действия со стороны англичан будут приостановлены. В это время сезон тропических дождей уже будет, вероятно, в полном разгаре и защитит северо-восточную сторону города тем, что наполнит ров «глубоким и быстрым потоком Джамны», между тем как температура, колеблющаяся от 75 до 102 градусов*, в сочетании со средним выпадением осадков в девять дюймов, вызовет среди европейцев вспышку самой настоящей азиатской холеры. Тогда оправдаются слова лорда Элленборо:

«По моему мнению, сэр Г. Барнард не может оставаться там, где он находится теперь: этого не допускает климат. Когда начнутся тропические дожди, он будет отрезан от Мирута, от Амбалы и от Пенджаба; он будет заперт на очень узкой полосе земли и окажется — я не хочу сказать в опасном положении, — но в таком положении, которое может привести только к развалу и гибели. Я надеюсь, что он сумеет вовремя уйти».

Итак, что касается Дели, все зависит от того, оказалось ли у генерала Барнарда достаточно людей и боевых припасов, чтобы предпринять штурм Дели в последние недели июня. С другой стороны, отступление генерала Барнарда чрезвычайно укрепило бы моральные силы восставших и, возможно. побудило бы бомбейскую и мадрасскую армии открыто присоединиться к восстанию.

Написано К. Марксом 4 августа 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5094, 18 августа 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — по Фаренгейту. *Ред.*

К. МАРКС

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

Лондон, 11 августа 1857 г.

Восточный вопрос, который, как нас уверяли, около четырнадцати месяцев тому назад был разрешен в результате Парижского мира, теперь снова оказывается открытым благодаря дипломатической забастовке в Константинополе. Посольства Франции, России, Пруссии и Сардинии спустили здесь свои флаги и прекратили сношения с Портой. Английский и австрийский послы, поддержав сопротивление Дивана в отношении требований этих четырех держав, в то же время заявили, что они не побоятся взять на себя любую ответственность за последствия этого конфликта.

События эти произошли 6-го числа текущего месяца. Сюжет самой драмы довольно стар, но ее dramatis personae* поменялись ролями, и благодаря новой mise en scène** он приобрел до некоторой степени видимость новизны. На этот раз в авангарде находится уже не Россия, а Франция. Ее посол в Константинополе, г-н Тувенель, в несколько аффектированном, меншиковском тоне властно потребовал от Порты отменить выборы в Молдавии, так как-де молдавский каймакам Вогоридес, нарушив Парижский договор, своим недопустимым вмешательством добился того, что противники объединения получили большинство мандатов[218]. Порта отказалась принять это требование, но выразила согласие вызвать каймакама в Константинополь, для того чтобы он ответил на обвинения, выдвинутые против его действий. Г-н Тувенель надменно отверг это

* — действующие лица. *Ред.*
** — постановке. *Ред.*

предложение, настаивая на том, чтобы поручить Европейской реорганизационной комиссии, находящейся в Бухаресте, произвести расследование относительно выборных махинаций. Так как большинство этой комиссии составляют уполномоченные Франции, России, Пруссии и Сардинии, то есть как раз тех стран, которые стоят за объединение Дунайских провинций и возводят на Вогоридеса обвинение в незаконном вмешательстве, то Порта, подстрекаемая послами Великобритании и Австрии, естественно, отказалась сделать своих явных противников судьями в их же собственном деле. Тогда-то и произошла катастрофа.

Ясно, что подлинный предмет спора теперь тот же самый, из-за которого возникла война с Россией, а именно: фактическое отделение Дунайских провинций от Турции, которое на этот раз пытаются осуществить не в форме «материальной гарантии», а в форме объединения княжеств под властью какого-нибудь европейского князя-марионетки. Россия, со свойственным ей спокойствием, осмотрительностью и терпением, никогда не отклоняется от однажды намеченной ею цели. В деле, интересующем только ее одну, она уже сумела сплотить часть своих противников против остальных и теперь может надеяться подчинить себе одних с помощью других. Что же касается Бонапарта, то его мотивы разнообразны. Он надеется во внешних осложнениях найти отдушину для внутреннего недовольства. Он бесконечно польщен тем, что Россия соблаговолила выступить под французской маской и предоставляет ему открыть бал. Его Империя, сотканная из фикций, вынуждена довольствоваться театральными триумфами, и в глубине души Бонапарт, быть может, тешит себя надеждой посадить с помощью России кого-либо из Бонапартов на игрушечный трон Румынии, искусственно созданный при помощи дипломатических протоколов. Со времени знаменитой Варшавской конференции 1850 г.[219] и похода австрийской армии к северным границам Германии, Пруссия горит желанием хоть чем-нибудь отомстить Австрии, если только ей самой при этом удастся уберечься от беды. Сардиния возлагает все свои надежды на конфликт с Австрией, но уже не в опасном союзе с итальянской революцией, а за спиной деспотических континентальных держав.

Австрия так же серьезно противодействует объединению Дунайских княжеств, как Россия стремится осуществить его. Австрия отлично понимает основной мотив этого проекта, который более непосредственно направлен против ее собственного могущества, нежели против могущества Порты. Наконец,

Пальмерстон, популярность которого зиждется главным образом на напускном русофобстве, само собой разумеется должен притворяться, будто он разделяет непритворный страх Франца-Иосифа. Он должен во что бы то ни стало сделать вид, что он заодно с Австрией и Портой и уступит давлению России только в случае принуждения со стороны Франции. Такова позиция заинтересованных сторон. Румынский народ является здесь только предлогом и сам по себе совершенно в счет не идет. Даже самые отчаянные энтузиасты едва ли найдут в себе достаточно легковерия, чтобы допустить, будто Луи-Наполеон искренно ратует за неподдельность народных выборов, а Россия действительно горит желанием укрепить румынскую национальность, разрушение которой со времени Петра Великого всегда являлось целью ее интриг и войн.

Газета, основанная несколькими самозванными румынскими патриотами в Брюсселе под названием «Etoile du Danube»[220], недавно опубликовала ряд документов, относящихся к молдавским выборам; важнейшие из них я намерен перевести здесь для «Tribune». Они состоят из писем, адресованных Николаю Вогоридесу, молдавскому каймакаму, Стефаном Вогоридесом, его отцом, Мусурусом, его зятем и турецким послом в Лондоне, А. Вогоридесом, его братом и секретарем турецкого посольства в Лондоне, М. Фотиадесом, другим его зятем и chargе d'affaires[*] молдавского правительства в Константинополе, и, наконец, бароном Прокешом, австрийским интернунцием при Высокой Порте. Эта переписка была некоторое время тому назад выкрадена из дворца каймакама в Яссах, и «Etoile du Danube» теперь хвастается тем, что оригиналы писем находятся в ее руках. «Etoile du Danube», очевидно, считает кражу со взломом вполне приличным способом дипломатической информации; впрочем, в этом взгляде на вещи ее, по-видимому, поддерживает вся официальная европейская пресса.

СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА ОТНОСИТЕЛЬНО ВЫБОРОВ
В МОЛДАВИИ,ОПУБЛИКОВАННАЯ «ETOILE DU DANUBE»

Отрывок из письма М. К. Мусуруса, турецкого посла в Лондоне,
каймакаму Вогоридесу

Лондон, 23 апреля 1857 г.

«Конфиденциально сообщаю Вам, что лорд Кларендон одобряет ответ, данный Вами французскому и русскому консулам по вопросу о печати. Он нашел его достойным, справедливым и законным. Я хвалил его

[*] — поверенным в делах. *Ред.*

превосходительству благоразумие Вашего поведения при нынешних обстоятельствах. Я пишу Порте и стараюсь обеспечить Вам успех в блестящей карьере, коей Вы выказываете себя столь достойным. Вы избавите эту прекрасную страну от опасности, в которую стараются ее ввергнуть изменники, недостойные имени молдаван. Побуждаемые материальными интересами и вознаграждениями, они в своей извращенности доходят до того, что содействуют превращению своей родины Молдавии в простой придаток Валахии и хотят вычеркнуть ее из числа самоуправляющихся народов. Под предлогом создания какой-то фантастической Румынии они хотят низвести Молдавию и молдаван до уровня Ирландии и ирландцев, не смущаясь проклятиями нынешнего и будущих поколений. Обливая презрением этот сброд, имеющий наглость называть себя национальной партией, Вы выполняете долг честного и доблестного патриота. Партия объединения может называть себя национальной партией в Валахии, где она стремится к расширению своего отечества; но по той же самой причине в Молдавии она может называться только антинациональной партией. Здесь единственной национальной партией является та, которая противодействует объединению... Английское правительство относится к объединению враждебно. Можете не сомневаться в этом. Конфиденциально сообщаю Вам, что инструкции в этом смысле недавно были посланы английскому поверенному в делах в Бухаресте (который является моим другом), и Вы, Ваше превосходительство, скоро увидите результаты этих инструкций. Вы дали надлежащий ответ французскому и русскому консулам по вопросу о печати... Вашим долгом, как главы самоуправляющегося княжества, было дать отпор скандальному и беззаконному вмешательству иностранцев во внутренние дела. Не Ваша вина, что оба эти консула поставили себя в ложное положение и что их правительства не могут помочь им иначе, как только отозвав их... Я также опасаюсь, что под давлением иностранного вмешательства Порта будет поставлена в неприятное положение по отношению к Вам и в переписке с Вами невольно не в полной мере выразит Вам свою похвалу и то удовлетворение, которое доставляет ей Ваше умеренное и благоразумное поведение. В качестве каймакама Молдавии Вы, конечно, обязаны подчиниться верховному правительству; но в то же время, в качестве главы этого независимого княжества и как молдавский боярин, Вы должны выполнить свой долг перед родиной и, если окажется нужным, указать Порте, что первой, ab antique* привилегией княжеств является существование Молдавии как особого самоуправляющегося княжества».

А. Вогоридес, секретарь турецкого посольства в Лондоне,
каймакаму Вогоридесу

«Спешу уведомить Вас, что Ваш зять только что посетил лорда Пальмерстона. Он сообщил важные известия об отношении его светлости к объединению княжеств. Лорд Пальмерстон является решительным противником объединения; он считает, что оно нарушает права нашего государства, и, в соответствии с этим, надлежащие инструкции будут отправлены сэру Генри Булверу, поверенному в делах Великобритании в княжествах. Таким образом, как я уже писал Вам раньше, Вам необходимо напрячь все силы, чтобы не позволить молдаванам так или иначе выразить свои пожелания в пользу объединения и чтобы выказать себя достойным расположения Порты или поддержки Англии и Австрии.

* — исконной. *Ред.*

Поскольку эти три державы решили противодействовать объединению, Вам нет надобности беспокоиться насчет намерений или угроз Франции, пресса которой относится к Вам, как к греку».

От того же тому же

Лондон, 15 апреля 1857 г.

«Советую Вам без рассуждений следовать во всем указаниям австрийского консула, несмотря на все его недостатки, даже если бы он стал вести себя еще более высокомерно. Вы должны иметь в виду, что этот человек действует лишь согласно инструкциям своего правительства. Австрия вполне солидарна во взглядах с Высокой Портой и Великобританией, а потому, если Австрия высказывает удовлетворение, то Турция и Англии сделают то же самое. Итак, повторяю, Вы должны слушаться советов и пожеланий австрийского консула и без возражении пользоваться услугам» всех лиц, которых он предложит Вам, не осведомляясь о том, не являются ли рекомендованные лица безнравственными или пользующимися дурной славой. Достаточно, чтобы эти лица были искренними противниками объединения. Этого достаточно потому, что если объединение будет провозглашено молдавским Диваном, то Австрия возложит на Вас ответственность за противодействие советам ее консула, являющегося столь деятельным противником объединения. Что же касается Англии, то она никогда не допустит осуществления объединения, хотя бы все Диваны высказались за него. Тем не менее желательно, чтобы Вы воспрепятствовали молдавскому Дивану высказаться в пользу объединения, ибо тогда трем державам будет легче действовать против Франции и России, и Вы заслужите таким образом их благодарность... Вы были вполне правы, не допустив свободу печати, ибо молдавские сумасброды, друзья России, прикрывающиеся маской Франции, стали бы злоупотреблять этой свободой печати с целью вызвать народное движение в пользу объединения... Не допускайте махинаций такого рода. Я уверен, что если бы «Etoile du Danube» и другие издания столь же низкого сорта выходили во Франции, то правительство не замедлило бы сослать их авторов в Кайенну. Франции, которая жаждет, чтобы в Молдавии и Валахии были допущены клубы свободы и политические собрания, следовало бы сначала разрешить их у себя дома и не подвергать изгнанию и преследованиям всех журналистов, которыэ отваживаются говорить сколько-нибудь свободно. Есть французская пословица: «Charite bien ordonnee commence par soi-meme»*. Парижский договор не говорит об объединении княжеств; он говорит только, что Диваны должны высказаться относительно внутренней реорганизации страны; но сумасброды, которые делают своим лозунгом объединение, совершенно забывая это условие договора и не заботясь о внутренних реформах, стремят» я только к новой международной организации и мечтают о независимости под властью иностранных государей... Англия, действуя в полном согласии с Австрией, решительно высказывается против объединения и в согласии с Высокой Портой никогда не допустит его осуществления. Если французский консул говорит Вам обратное, то не верьте ему, ибо он лжет».

Написано К. Марксом 11 августа 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5102, 27 августа 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — «Настоящее милосердие начинается у себя дома». *Ред.*

К. МАРКС

ИНДИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ

Лондон, 14 августа 1857 г.

Когда впервые появились сообщения из Индии, переданные по телеграфу из Триеста 30 июля и прибывшие с индийской почтой 1 августа*, мы сразу указали, опираясь на их содержание и даты, что взятие Дели — это жалкая выдумка и весьма низкосортная имитация еще всем памятного инцидента с падением Севастополя. Однако легковерие Джона Буля так неизмеримо глубоко, что его министрам, биржевым дельцам и прессе действительно удалось убедить его, будто те самые сообщения, которые свидетельствовали лишь об оборонительной позиции генерала Барнарда, содержат доказательство полного уничтожения его противника. Эта галлюцинация день ото дня усиливалась, пока, наконец, не стала настолько постоянной, что побудила даже испытанного в подобных делах генерала сэра де Лейси Эванса заявить вечером 12 августа, при восторженных возгласах палаты общин, что слух о взятии Дели он считает достоверным. Однако этот смехотворный спектакль ни к чему не привел, так как мыльный пузырь уже готов был лопнуть. На следующий день, 13 августа, были получены одно за другим опередившие почту из Индии телеграфные сообщения из Триеста и Марселя, которые не оставляют никаких сомнений в том, что 27 июня положение Дели было все еще без изменений и что генерал Барнард, все еще вынужденный ограничиваться обороной, но тревожимый частыми ожесточенными вылазками осажденных, был чрезвычайно доволен уже тем, что до сего времени мог удерживать свои позиции.

* Имеется в виду ложное сообщение о взятии Дели (см. настоящий том, стр. 261). *Ред.*

Как мы полагаем, следующая почта принесет, вероятно, известие об отступлении английской армии или, по крайней мере, факты, предвещающие такого рода попятное движение. Бесспорно, длина стен Дели исключает всякую мысль о том, что успешная оборона их может быть обеспечена на всем их протяжении; напротив, это создает благоприятные условия для coups de main* методом сосредоточенного и внезапного удара. Но генерал Барнард, придерживаясь, по-видимому, распространенных в Европе взглядов относительно укрепленных городов, осады и бомбардировки, не склонен к тем смелым и оригинальным действиям, с помощью которых сэр Чарлз Нейпир умел потрясать умы в Азии. Говорят, правда, что численность войск генерала Барнарда увеличилась примерно до 12000 человек, из которых 7000 европейцев и 5000 «надежных туземцев»; но, с другой стороны, никто не оспаривает и того, что повстанцы ежедневно получают новые подкрепления, поэтому мы вполне можем допустить, что численная диспропорция между осаждающими и осажденными осталась прежней. К тому же единственным пунктом, неожиданное нападение на который могло бы обеспечить генералу Барнарду определенный успех, является дворец Могола; дворец этот занимает господствующее положение, но доступ к нему со стороны реки, видимо, станет невозможным в период дождей, который, вероятно, уже наступил, а атака дворца со стороны участка, расположенного между Кашмирскими воротами и рекой, в случае неудачи может подвергнуть нападающую сторону величайшей опасности. Наконец, наступление периода дождей, несомненно, приведет к тому, что основной целью действий генерала Барнарда станет обеспечение линии коммуникаций и путей отхода. Одним словом, у нас нет оснований думать, что он со своими все еще недостаточными силами рискнет в самое неблагоприятное время года осуществить то, от чего он воздерживался в более подходящую для этого пору. Хотя лондонская пресса старается обмануть самое себя, умышленно закрывая глаза на действительное положение вещей, высшие круги все же охвачены серьезным беспокойством; свидетельством тому может служить орган Пальмерстона «Morning Post». Продажные джентльмены из этой газеты сообщают нам:

«Мы сомневаемся, узнаем ли мы даже из следующей почты о взятии Дели, *но* мы тем не менее надеемся, что *как только* на помощь осаждающим прибудут находящиеся сейчас в пути войска с *достаточным количеством тяжелых орудий,* которых, по-видимому, все еще недостает, мы получим известие о падении твердыни мятежников».

* — решительной атаки. *Ред.*

Совершенно очевидно, что своей слабостью, колебаниями и прямыми промахами британские генералы ухитрились вознести Дели в ранг политического и военного центра индийского восстания. Отступление английской армии после продолжительной осады или просто нахождение ее в обороне рассматривалось бы как безусловное поражение и дало бы сигнал к всеобщему восстанию. К тому же это вызвало бы в британских войсках ужасающую смертность, от которой их ограждали до (их пор крайнее возбуждение, присущее осаде с частыми вылазками и стычками, и надежда на скорое кровавое отмщение своему противнику. Что же касается толков об апатии индусов или даже об их приверженности к британскому господству, то все это вздор. Князья, как подлинные азиаты, ждут лишь благоприятного случая. Народ во всем Бенгальском президентстве, там, где его не удерживает в повиновении горстка европейцев, наслаждается благословенной анархией, по в этих местах и нет никого, против кого он мог бы восстать. Было бы курьезным quid pro quo* ожидать, что индийское восстание приобретет характерные черты европейской революции.

В Мадрасском и Бомбейском президентствах, поскольку армия там еще не сказала своего слова, не пришел, разумеется, в движение и парод. Наконец, Пенджаб до сих пор является главным центром расположения европейских войск, а его туземная армия разоружена. Чтобы поднять его на восстание, соседним полунезависимым князьям придется бросить на чашу весов все свое влияние. Однако то обстоятельство, что такой разветвленный заговор, каким оказался заговор в бенгальской армии, не мог осуществиться в столь огромных масштабах без тайного сочувствия и поддержки местного населения, кажется столь же очевидным, как и то, что большие трудности, с которыми англичане встречаются при обеспечении своих войск предметами снабжения и транспортом, — а именно это является основной причиной медленного сосредоточения этих войск, — отнюдь не свидетельствуют о доброжелательном отношении к ним со стороны крестьянства.

Остальные известия, переданные по телеграфу, имеют значение лишь постольку, поскольку они показывают нам, что восстание начинается уже на самой отдаленной границе Пенджаба, в Пешаваре, и, с другой стороны, что оно быстро распространяется в южном направлении от Дели к Бомбейскому президентству, охватив гарнизоны Джханси, Саугора, Индура, Мхау, и доходит, наконец, до Аурангабада, всего лишь в 180 ми-

* — недоразумением. *Ред.*

лях северо-восточное Бомбея. Относительно Джханси в Бунделкханде мы можем заметить, что пункт этот укреплен и может, таким образом, стать еще одним центром вооруженного восстания. С другой стороны, сообщают, что генерал Ван-Кортландт, двигаясь с северо-запада на соединение с войсками генерала Барнарда у Дели, от которого он все еще находится в 170 милях, нанес поражение повстанцам в районе Сирсы. Ему предстоит пройти через Джханси, где он снова столкнется с повстанцами. Что касается приготовлений, проводимых английским правительством, то лорд Пальмерстон считает, по-видимому, что наиболее извилистая линия — самая короткая, и в соответствии с этим посылает свои войска вокруг мыса Доброй Надежды, вместо того чтобы отправить их через Египет. Тот факт, что несколько тысяч человек, предназначавшихся для Китая, были перехвачены на Цейлоне и отправлены в Калькутту, куда 2 июля действительно прибыл пятый фузилерный полк, дал Пальмерстону повод для скверной шутки по адресу тех из послушных ему членов палаты общин, которые еще осмеливались сомневаться в том, что его китайская война является прямо-таки «неожиданным даром судьбы».

Написано К. Марксом 14 августа 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5104, 29 августа 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Советское востоковедение» № 5, 1957 г.

К. МАРКС

* ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ

Накануне закрытия сессии палаты общин лорд Пальмерстон воспользовался ее предпоследним заседанием[221], дабы вкратце поведать ей о тех развлечениях, которые он припас для английской публики на время междуцарствия, отделяющего минувшую сессию от сессии предстоящей. Первый пункт его программы содержит извещение о возобновлении войны с Персией — войны, которая, согласно его же заявлению, сделанному несколько месяцев тому назад, была окончательно прекращена мирным договором, заключенным 4 марта[*]. Когда генерал сэр де Лейси Эванс выразил надежду, что полковнику Джейкобу уже дан приказ вернуться в Индию со своей воинской частью, ныне находящейся на берегу Персидского залива, лорд Пальмерстон откровенно заявил, что до тех пор, пока Персия не выполнит взятых по договору обязательств, войска полковника Джейкоба не могут быть выведены из ее пределов. Герат, однако, все еще не эвакуирован. Напротив, даже ходили слухи, что Персия послала в Герат новые воинские силы. Правда, персидский посол в Париже опроверг эти слухи, но искренность Персии не без основания вызвала большие сомнения, и потому-де британские войска под командой полковника Джейкоба по-прежнему останутся в Бушире. На следующий день после заявления лорда Пальмерстона телеграф принес известие, что г-н Марри предъявил персидскому правительству категорическое требование эвакуировать Герат — требование, которое вполне можно рассматривать как пред-

[*] См. настоящий том, стр. 235—239. *Ред.*

вестие нового объявления войны. Таков первый международный результат индийского восстания.

Во втором пункте программы Пальмерстона недостаток деталей восполняется широтой развертываемых им перспектив. Когда Пальмерстон впервые объявил об отправке из Англии значительных вооруженных сил в Индию, то на обвинения своих противников в том, что он лишает Великобританию ее средств защиты и тем самым предоставляет иностранным державам удобный случай воспользоваться ослаблением ее позиции, он ответил, что

«народ Великобритании никогда не допустит ничего подобного и что в случае какой-либо неожиданности будет набрано сразу же и в кратчайший срок столько людей, сколько понадобится».

Теперь же, накануне закрытия парламентской сессии, он заговорил совсем в ином тоне. Он уже не возражал, как прежде, против предложения генерала де Лейси Эванса — отправить в Индию войска на винтовых линейных кораблях — и не отстаивал превосходства парусов перед винтовым двигателем, а напротив, соглашался с тем, что на первый взгляд план генерала имеет, по-видимому, огромные преимущества. Однако палате следует-де иметь в виду, что

«есть и другие соображения, с которыми приходится считаться, относительно целесообразности содержания в стране достаточного количества военно-морских сил... Некоторые обстоятельства указывают на нецелесообразность отправки из страны более крупных морских сил, чем это диктуется безусловной необходимостью. Конечно, паровые линейные корабли обычно стояли в бездействии и в настоящее время не приносят особой пользы; но если произойдут события, подобные тем, на которые здесь намекали, и военно-морским силам понадобится выйти в море, как смогут они отразить *грозящую опасность,* если линейные корабли будут заняты перевозкой войск в Индию? Было бы серьезной ошибкой отправлять в Индию флот, который ввиду *создавшегося положения в Европе,* быть может, придется *в кратчайший срок* привести в боевую готовность *для своей собственной защиты».*

Нельзя отрицать, что лорд Пальмерстон ставит Джона Буля перед очень щекотливой дилеммой. Если Джон Буль примет соответствующие меры к решительному подавлению индийского восстания, то он подвергнется нападению у себя на родине; если же он допустит, чтобы индийское восстание усилилось, то, по словам г-на Дизраэли, он «обнаружит на сцене, помимо индийских князей, других действующих лиц, с которыми ему придется вести борьбу».

Прежде чем бросить взгляд на «положение в Европе», на которое делались столь таинственные намеки, быть может, будет нелишним привести признания, высказанные на том же

заседании палаты общин по поводу нынешнего положения британских войск в Индии. Прежде всего, как бы по взаимному уговору, все радужные надежды на то, что Дели будет немедленно взят, оставлены, и преувеличенные ожидания прежних дней уступили место более трезвому взгляду на вещи, а именно, что будет еще очень хорошо, если англичане сумеют удержать свои позиции до ноября, когда должны прибыть подкрепления, отправленные из Англии. Во-вторых, появились опасения, что возможна потеря англичанами важнейшей из этих позиций — Канпура, от участи которого, как говорил г-н Дизраэли, должно зависеть все и освобождению которого он придавал даже больше значения, нежели взятию Дели. Благодаря его центральной позиции на Ганге, его влиянию на Ауд, Рохилканд, Гвалиор и Бунделкханд, а также благодаря тому, что он служит форпостом для Дели, Канпур в данной обстановке действительно является пунктом, имеющим первостепенное значение. Наконец, один из членов палаты, сэр Ф. Смит, по профессии военный, обратил внимание палаты на то, что в индийской армии, которой располагают англичане, фактически нет инженеров и саперов, так как все они дезертировали, и, вероятно, «Дели будет превращен во вторую Сарагосу». С другой стороны, лорд Пальмерстон не позаботился о том, чтобы отправить из Англии некоторое количество офицеров или солдат инженерных войск.

Возвращаясь теперь к вопросу о европейских событиях, которые, как говорится, «вырисовываются в будущем», мы прежде всего с удивлением читаем комментарий, которым лондонская газета «Times» сопровождает намеки лорда Пальмерстона. Может случиться, пишет газета, что теперешний французский режим будет свергнут или Наполеон покинет бренный мир, и тогда наступит конец союзу с Францией, на котором зиждется современная система безопасности. Другими словами, «Times», влиятельный орган британского кабинета, считает, что во Франции в любой момент может вспыхнуть революция, и вместе с тем заявляет, что нынешний союз основывается не на симпатиях французского народа, а только на тайном соглашении с французским узурпатором. Кроме перспективы революции во Франции, существует дунайский спор[222]. Он не был прекращен аннулированием выборов в Молдавии, а лишь вступил в новую фазу. Существует, кроме того, еще скандинавский Север, который в недалеком будущем неизбежно станет ареной сильных потрясений и, возможно, даже даст сигнал к международному конфликту в Европе. Мир еще не нарушен на Севере, потому что там с нетерпением ждут двух событий —

смерти шведского короля и отречения от престола нынешнего короля Дании. На последнем съезде естествоиспытателей в Христиании шведский наследный принц решительно высказался за объединение Скандинавии. Наследный принц — человек во цвете лет, обладающий решительным и энергичным характером, и скандинавская партия, в рядах которой находится пылкая молодежь Швеции, Норвегии и Дании, будет рассматривать его вступление на престол как удобный момент для того, чтобы взяться за оружие. С другой стороны, немощный, выживший из ума датский король Фредерик VII наконец получил, говорят, от своей морганатической супруги, графини Даннер, разрешение удалиться в частную жизнь, в чем она ему до сих пор отказывала. Именно из-за нее дядя короля, принц Фердинанд, предполагаемый наследник датского престола, был вынужден уйти от государственных дел, к которым он потом вернулся в результате соглашения между остальными членами королевской фамилии. Говорят, что в настоящее время графиня Даннер склонна сменить свое местопребывание в Копенгагене на Париж и даже побудить короля распроститься с треволнениями политической жизни и передать скипетр принцу Фердинанду. Этот принц Фердинанд, которому уже около шестидесяти пяти лет, всегда занимал по отношению к копенгагенскому двору такую же позицию, как граф д'Артуа— впоследствии Карл X — по отношению к тюильрийскому двору. Настойчивый, суровый и ревностный в своих консервативных убеждениях, он никогда не снисходил до того, чтобы притворяться сторонником конституционного режима. Однако первым условием его восшествия на престол должно быть принесение присяги конституции, которую он открыто ненавидит. Отсюда вполне вероятны международные осложнения, которые скандинавская партия как в Швеции, так и в Дании твердо решила использовать в своих собственных интересах. С другой стороны, конфликт между Данией и германскими герцогствами Гольштейном и Шлезвигом, требования которых поддерживаются Пруссией и Австрией[223], еще более осложнил бы положение и втянул бы Германию в борьбу на Севере, между тем как Лондонский протокол 1852 г., гарантирующий датский престол принцу Фердинанду[224], может вовлечь в эту борьбу Россию, Францию и Англию.

Написано К. Марксом 21 августа 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5110, 5 сентября 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* РАССЛЕДОВАНИЕ О ПЫТКАХ В ИНДИИ

Наш лондонский корреспондент, письмо которого о восстании в Индии мы напечатали вчера[225], весьма правильно указал на ряд явлений в прошлом, подготовивших почву для этого бурного взрыва. Сегодня мы предполагаем посвятить некоторое время тому, чтобы несколько развить соображения по этому поводу и показать, что британские правители Индии отнюдь не являются столь мягкими и безупречными благодетелями индийского народа, какими они хотели бы казаться в глазах всего мира. С этой целью мы обратимся к официальным Синим книгам по вопросу о пытках в Ост-Индии, представленным палате общин во время сессий 1856 и 1857 годов[226]. Как мы увидим, данные этих книг таковы, что опровергнуть их невозможно.

Прежде всего мы имеем доклад комиссии по расследованию о пытках в Мадрасе[227], которая заявляет, что она «убеждена в повсеместном применении пытки в целях сбора налогов». Комиссия сомневается, чтобы

«по уголовным обвинениям ежегодно подвергалось истязаниям хотя бы приблизительно столько лиц, сколько их подвергается по обвинению в неплатеже налогов».

Она подчеркивает, что существует

«одно обстоятельство, которое произвело на нее даже более тяжелое впечатление, чем убеждение в том, что пытка существует, — это трудность для потерпевшей стороны получить удовлетворение».

Причины этой трудности, по мнению членов комиссии, следующие: 1) расстояния, которые приходится преодолевать желающим лично принести жалобу коллектору[228], ибо эти

расстояния влекут за собой денежные расходы и потерю времени на посещение его канцелярии; 2) опасение, что письменное прошение «будет возвращено с обычной надписью, отсылающей жалобщика к тахсилдару», чиновнику, ведающему в округе полицией и сбором налогов, то есть к тому самому человеку, который лично или же через подчиненных ему низших полицейских чинов причинил обиду жалобщику; 3) трудность привлечения к суду и слишком мягкие меры наказания, предусмотренные законом для правительственных чиновников, даже если их формально обвинили и уличили в подобных злоупотреблениях. Выяснилось, что если такого рода обвинение доказано перед судьей, он может приговорить виновного только к штрафу в сумме пятидесяти рупий или к месячному тюремному заключению. Правда, он может еще передать обвиняемого в руки «уголовного судьи, который накладывает на него наказание или представляет его дело на разбирательство окружного суда». В отчете добавляется, что

«это, по-видимому, длительная процедура, и применима она только к очной категории проступков, а именно, к злоупотреблению властью, в котором обвиняется полиция, в упомянутом же случае эта процедура не даст никаких результатов».

Полицейского, или налогового чиновника, — а это одно и то же лицо, ибо налоги собираются полицией, — в случае, если он обвиняется в вымогательстве денег, судит сначала помощник коллектора; после этого обвиняемый может подать апелляцию коллектору, а затем в департамент налогов. Этот департамент может направить обвиняемого либо в правительственный, либо в гражданский суд.

«При таком состоянии правосудия ни один бедный райят не может бороться против какого бы то ни было богатого налогового чиновника, и нам не известно ни одного случая, чтобы кто-либо из крестьян подал жалобу на основании этих двух предписаний (1822 и 1828 годов)».

К тому же это обвинение в вымогательстве денег применяется только в случае, если полицейский чиновник присваивает государственные суммы или принуждает райята[229] уплатить добавочный налог, который чиновник кладет в свой собственный карман. Отсюда видно, что закон не предусматривает никаких наказаний за применение насилия при сборе государственных налогов.

Отчет, из которого извлечены эти выдержки, относится только к Мадрасскому президентству, однако сам лорд Далхузи в сентябре 1855 г. писал директорам[*], что

[*] Имеется в виду Совет директоров Ост-Индской компании. *Ред.*

«он давно уже перестал сомневаться в том, что пытка в той или иной форме применяется низшими чиновниками во всех британских провинциях».

Таким образом, повсеместное применение пыток, как неотъемлемой части финансового устройства Британской Индии, признается официально, но признание это делается в такой форме, чтобы выгородить само британское правительство. В самом деле, мадрасская комиссия приходит к заключению, что в применении пыток виновны исключительно низшие чиновники-индийцы, между тем как европейские правительственные чиновники будто бы всегда, хотя и безуспешно, делали все от них зависящее, чтобы не допустить этого. В ответ на это утверждение Мадрасская туземная ассоциация в январе 1856 г. представила в парламент петицию со следующими жалобами и отношении расследования вопроса о пытках: 1) что расследование почти вовсе не велось, так как комиссия заседала только к городе Мадрасе, и притом в течение лишь трех месяцев, в то время как желавшие подать жалобу туземцы, за очень редким исключением, лишены были возможности покинуть свои дома; 2) что члены комиссии не пытались доискаться до источника зла; если бы они это сделали, то нашли бы, что зло заключается в самой системе сбора налогов; 3) что обвиняемых туземных чиновников не допрашивали о том, в какой мере их начальство было осведомлено о применении пыток.

«Виновны в этом насилии», — пишут податели петиции, — «не те, кто его фактически совершает, а дающие им распоряжения должностные лица, их непосредственные начальники, которые ответственны за определенную сумму сбора перед своими европейскими начальниками, в свою очередь отвечающими по той же статье перед высшей правительственной властью».

Действительно, достаточно нескольких выдержек из свидетельских показаний, на которых, по заявлению комиссии, основывается мадрасский отчет, чтобы опровергнуть его утверждение, будто «англичане ни в чем не виноваты». Так, г-н У. Д. Колхофф, купец, заявляет:

«Практикуемые способы пытки отличаются разнообразием в зависимости от фантазии тахсилдара или его подчиненных, однако я затрудняюсь сказать, давали ли высшие власти какое-либо удовлетворение потерпевшим, *ибо все жалобы обычно направляются ими к тахсилдарам* для расследования и донесения».

Среди жалоб туземцев мы находим следующую:

«В прошлом году мы не могли внести обычную плату, так как у нас был плохой урожай писанума (основной урожай риса, или рис на корню)

вследствие недостатка дождей. Когда была сделана джамабанди*, мы попросили снизить налог ввиду наших потерь, согласно условиям соглашения, заключенного нами в 1837 г., когда нашим коллектором был г-н Иден. Так как снижение не было предоставлено, мы отказались принять наши патта**. Тогда тахсилдар с большой жестокостью стал заставлять нас платить; продолжалось это с июня до августа. Меня и еще других отдали в распоряжение людей, которые выставляли нас на солнце. Там нас заставляли нагибаться, на спину нам клали камни и держали нас в раскаленном песке. Лишь после восьми часов нас отпускали на наши рисовые поля. Такое жестокое обращение продолжалось три месяца, в течение которых мы иногда ходили подавать свои прошения коллектору, но он отказывался их принимать. Мы собрали эти прошения и обратились с ними в выездную сессию суда, которая передала их коллектору. Так мы и не добились правосудия. В сентябре нам вручили официальное предупреждение, а двадцать пять дней спустя наше имущество было описано и затем продано. Помимо фактов, на которые я сослался, дурному обращению были подвергнуты также и наши женщины; им накладывали на грудь тиски».

Туземец-христианин в ответ на заданный ему членами комиссии вопрос заявил:

«Когда через деревню проходит европейский или туземный полк, всех райятов заставляют приносить продовольствие и прочее *бесплатно,* а если кто-нибудь из них просит плату за продукты, его подвергают жестоким пыткам».

Затем следует случай с брахманом, который вместе со своими односельчанами и жителями соседних деревень получил от тахсилдара приказание доставить бесплатно доски, древесный уголь, дрова и прочее для того, чтобы тахсилдар мог продолжать постройку моста через Колерун; когда брахман отказался, двенадцать человек схватили его и подвергли разного рода истязаниям. Он прибавляет:

«Я представил жалобу помощнику коллектора г-ну У. Каделлу, но он не произвел никакого расследования и разорвал мою жалобу. Так как он хочет дешево закончить постройку Колерунского моста за счет бедняков и быть на хорошем счету у правительства, то какое бы увечье ни причинил тахсилдар, помощник коллектора не обращает на это никакого внимания».

В каком свете этот незаконный образ действий, доходивший до последней степени вымогательства и насилия, рассматривался высшими властями, всего лучше показывает дело г-на Бриртона, комиссара, стоявшего во главе Лудхианского округа в Пенджабе в 1855 году. Согласно докладу верховного комиссара Пенджаба, было доказано, что

«в ряде случаев, с ведома или по личному распоряжению заместителя верховного комиссара, г-на Бриртона, дома богатых граждан без всякой на то причины были подвергнуты обыску; что конфискованное при этом

---

* — раскладка налога. *Ред.*
** — окладные листы. *Ред.*

имущество было задержано в течение продолжительного времени; что многие лица были брошены в тюрьму и оставались там неделями без предъявления им какого-либо обвинения и что закон о мерах предосторожности против подозрительных лиц применялся огульно и одинаково сурово ко всем; что заместитель верховного комиссара ездил из округа в округ в сопровождении нескольких полицейских чиновников и доносчиков, услугами которых он пользовался всюду, где бывал, и что эти люди были главными виновниками всех бед».

В своем докладе об этом деле лорд Далхузи говорит:

«Мы имеем неопровержимые доказательства, — которых, впрочем, не оспаривает и сам г-н Бриртон, — что чиновник этот действительно был виновен по каждому пункту в том мрачном перечне неправильных и незаконных действий, который предъявил ему верховный комиссар, действий, покрывших позором часть представителей британской администрации и подвергших значительное количество британских подданных большим несправедливостям, произвольному лишению свободы и жестоким пыткам».

Лорд Далхузи предлагает «в назидание другим серьезно наказать г-на Бриртона» и поэтому считает, что

«г-ну Бриртону нельзя *пока* доверить пост заместителя верховного комиссара, а следует перевести с этой должности на должность первого помощника».

Эти выдержки из Синих книг можно закончить петицией жителей талуки[*] в Канаре на Малабарском берегу, которые, заявив, что они тщетно представляли различные петиции правительству, следующим образом сравнивают свое прежнее и нынешнее положение:

«Под управлением «рани»[**], Бахадура и Типпу, обрабатывая орошаемые и неорошаемые земли, холмистые, низменные и лесные пространства, мы уплачивали установленный для нас легкий налог и потому наслаждались спокойствием и счастьем. Чиновники сиркара[***] накладывали на нас тогда добавочный налог, но мы никогда не платили его. При сборе налога нас не подвергали лишениям, притеснениям или плохому обращению. Но после того как эта страна была передана почтенной Компании[****], последняя стала придумывать всевозможные способы, чтобы выжать из нас деньги. С этой зловредной целью Компания изобрела правила, издала предписания и прислала своих коллекторов и гражданских судей, чтобы привести эти правила и. предписания в исполнение. Однако тогдашние коллекторы и подчиненные им должностные лица из туземцев некоторое время еще оказывали нашим жалобам должное внимание и действовали в согласии с нашими желаниями. Напротив, нынешние коллекторы и подчиненные им должностные лица, *желая любым способом получить повышение по службе,* пренебрегают заботой о благосостоянии народа и вообще его интересами, остаются глухи к нашим жалобам и подвергают нас всякого рода притеснениям».

[*] — области. *Ред.*
[**] — правительницы. *Ред.*
[***] — правительства. *Ред.*
[****] — Ост-Индской компании. *Ред*

Мы дали здесь всего лишь краткий, написанный в мягких тонах очерк из действительной истории британского владычества в Индии. Принимая во внимание подобные факты, беспристрастные и, вдумчивые люди могут, пожалуй, спросить, не прав ли народ, пытающийся изгнать чужеземных завоевателей, которые позволяют себе такие злоупотребления по отношению к своим подданным. И если англичане могли проделывать подобные вещи хладнокровно, то удивительно ли что восставшие индийцы в яростном возбуждении восстания и борьбы совершают приписываемые им преступления и жестокости?

Написано К. Марксом 28 августа 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5120, 17 сентября 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

Почта, прибывшая с пароходом «Балтика», ничего не сообщает о каких-либо новых событиях в Индии, но зато содержит множество в высшей степени интересных подробностей, которые мы предлагаем здесь в сжатом виде вниманию наших читателей. Необходимо отметить прежде всего, что и 15 июля англичане все еще не проникли в Дели. Вместе с тем в их лагере появилась холера, начались проливные тропические дожди, и снятие осады и отход осаждающих войск были, по-видимому, лишь вопросом времени. Английская пресса пытается убедить нас в том, что эпидемия, унесшая генерала сэра Г. Барнарда, пощадила его солдат, которые и питались хуже и работали больше. Ввиду этого мы можем составить себе некоторое представление об опустошениях, произведенных этой страшной болезнью в рядах осаждающей армии не на основании официальных данных, предназначенных для сведения публики, а только путем выводов из открыто признанных фактов. Один офицер, находящийся в лагере у Дели, в письме от 14 июля пишет:

«Мы ничего не предпринимаем для взятия Дели, а только обороняемся против вылазок неприятеля. У нас имеются части пяти европейских полков, но для мало-мальски серьезного наступления мы располагаем только 2000 европейцев, так как от каждого полка были оставлены крупные отряды для защиты Джалландара, Лудхианы, Сабату, Дагшая, Касаули, Амбалы, Мирута и Пхиллаура. Фактически к нам присоединились лишь небольшие отряды от каждого полка. Неприятель значительно превосходит нас в отношении артиллерии».

Итак, это доказывает, что войска, прибывшие из Пенджаба, нашли, что важная северная коммуникационная линия от Джалландара до Мирута охвачена восстанием, и ввиду этого

им пришлось уменьшить свои ряды, оставляя отряды в наиболее важных пунктах. Этим можно объяснить, почему прибывшие из Пенджаба войска малочисленное, чем этого ожидали, но этим нельзя объяснить сокращение численности солдат-европейцев до 2000 человек. Бомбейский корреспондент лондонской газеты «Times» в своем письме от 30 июля пытается иначе истолковать пассивность осаждающих. Он пишет:

«Подкрепления действительно прибыли к нам в лагерь: одна часть подразделений 8-го (королевского) полка, одна часть подразделений 61-го полка, рота пешей артиллерии и два орудия батареи туземной артиллерии, 14-й полк иррегулярной кавалерии (эскортирующий большой обоз с боевыми припасами), 2-й полк пенджабской кавалерии, 1-й полк пенджабской пехоты и 4-й полк сикхской пехоты; но туземные части присоединившихся таким образом к осаждающим войск не вполне и не в одинаковой мере надежны, хотя они и распределены по бригадам совместно с европейцами. В кавалерийских полках пенджабских войск имеется много мусульман и индусов высших каст из собственно Индостана и Рохилканда, между тем как бенгальская иррегулярная кавалерия состоит главным образом из этих элементов. Эти люди в своей массе крайне нелояльны, и наличие их в каком бы то ни было количестве в составе подкреплений неизбежно сопряжено с осложнениями, что и подтвердилось на деле. Во 2-м пенджабском кавалерийском полку было признано необходимым разоружить человек 70 индостанцев и повесить троих, в том числе одного старшего туземного офицера. Из 9-го полка иррегулярной кавалерии, который некоторое время был в составе подкреплений, дезертировало несколько кавалеристов, а 4-й иррегулярный полк, как мне кажется, убил своего адъютанта во время несепия службы разъездов».

Здесь открывается другой секрет. Лагерь у Дели имеет, по-видимому, некоторое сходство с лагерем Аграманта[230], и англичанам приходится бороться не только с неприятелем, который находится перед ними, но также с союзником в своих собственных рядах. Все же и это недостаточно объясняет, почему при наступательных действиях англичане могут располагать только 2000 европейцев. Третий автор, бомбейский корреспондент «Daily News», приводит точный перечень войск, собранных под командой генерала Рида, преемника Барнарда, — перечень, который, по-видимому, заслуживает доверия, ибо автор перечисляет в отдельности различные элементы, из которых состоят эти войска. Согласно его сообщению, в лагерь у Дели прибыло из Пенджаба с 23 июня по 3 июля около 1200 европейцев, 1600 сикхов, иррегулярная кавалерия и пр., то есть всего около 3000 человек во главе с бригадным генералом Чемберленом. С другой стороны, численность всех войск, находящихся теперь под командой генерала Рида, он определяет в 7000 человек, включая артиллерию и осадный парк, так что армия у Дели, до прибытия подкреплений из Пенджаба, не могла насчитывать более 4000 человек. Лондонская газета

«Times» утверждала в номере от 13 августа, что сэр Г. Барнард собрал армию из 7000 англичан и 5000 туземцев. Хотя это было чрезмерным преувеличением, тем не менее есть все основания полагать, что европейцев в его армии к тому времени насчитывалось около 4000 человек при несколько меньшем числе туземцев. Таким образом, войска, находившиеся раньше под командой генерала Барнарда, были такой же численности, что и войска, собранные теперь под командой генерала Рида. Из этого следует, что подкрепления из Пенджаба только восполнили потери, почти наполовину сократившие силы осаждающих, этот огромный урон, причиненный отчасти беспрестанными вылазками повстанцев, отчасти опустошительными последствиями холеры. Таким образом, становится понятным, почему англичане для «маломальски серьезного наступления» могут выставить только 2000 солдат-европейцев.

Так обстоит вопрос с численностью британских войск у Дели. Теперь обратимся к их действиям. Что они были не особенно блестящи, можно вполне заключить из того простого факта, что с 8 июня, когда генерал Барнард оповестил о взятии высоты, находящейся напротив Дели, ставка главного командования не выпустила ни одной сводки. За одним-единственным исключением, эти действия состоят в том, что осаждающие отражали вылазки, которые предпринимали осажденные. Осаждающие подвергались нападениям то с фронта, то с флангов, но больше всего с тыла на правом фланге. Вылазки имели место 27 и 30 июня, 3, 4, 9 и 14 июля. 27 июня бой ограничивался стычками аванпостов, длившимися несколько часов, но к полудню они были прерваны сильным ливнем, первым за это время года. 30 июня сильный отряд повстанцев показался среди заграждений справа от осаждающих и стал нападать на их пикеты и заставы. 3 июля рано утром осажденные произвели ложную атаку в тылу правого фланга позиции англичан, затем продвинулись на несколько миль в тыл на этом фланге по Карнальской дороге вплоть до Алипура с целью перехватить обоз с припасами и казной, который под конвоем направлялся в лагерь. На своем пути они натолкнулись на аванпост 2-го пенджабского иррегулярного кавалерийского полка, который немедленно отступил. Когда 4-го повстанцы возвращались в город, на них напал отряд из 1000 человек пехоты и двух эскадронов кавалерии, посланных из английского лагеря с целью перехватить их. Однако повстанцам удалось отступить с малыми потерями или даже вовсе без потерь и спасти все свои пушки. 8 июля из британского лагеря был выслан отряд с тем, чтобы разрушить мост через канал у деревни Басси, приблизи-

тельно в шести милях от Дели; во время прежних вылазок этот мост давал повстанцам возможность совершать нападения на глубокий тыл англичан и на их коммуникации с Карналом и Мирутом. Мост был разрушен. 9 июля повстанцы снова сделали вылазку и значительными силами атаковали тыл правого фланга позиции англичан. В официальном сообщении, в тот же день посланном по телеграфу в Лахор, потери нападающих определены приблизительно в одну тысячу убитых, но это сообщение, по-видимому, сильно преувеличено, ибо в одном письме из лагеря от 13 июля мы читаем:

«Наши люди похоронили и сожгли двести пятьдесят вражеских трупов, и, кроме того, большое число убитых противнику удалось унести в город».

В том же самом письме, напечатанном в «Daily News», отнюдь не утверждается, что англичане принудили сипаев отступить, а напротив, говорится, что «сипаи отбросили назад все наши отряды, производившие работы, а затем отступили». Потери осаждающих были значительны, достигая двухсот двенадцати убитых и раненых. 14 июля, в результате новой вылазки, опять произошло ожесточенное сражение, подробности которого еще не дошли до нас.

Между тем осажденные получили сильные подкрепления. 1 июля повстанцам Рохилканда из Барейли, Мурадабада и Шахджаханпура, в составе четырех полков пехоты, одного полка иррегулярной кавалерии и одной батареи артиллерии, удалось успешно соединиться со своими товарищами в Дели.

«Предполагалось», — пишет бомбейский корреспондент лондонской газеты «Times», — «что они не смогут переправиться через Ганг, однако ожидаемый разлив реки не произошел, они перешли ее у Гархмукхтесара, пересекли Доаб и достигли Дели. В течение двух дней нашим войскам пришлось с горечью наблюдать, как длинная вереница людей, пушек, лошадей и разнообразного вьючного скота (так как у повстанцев была казна, примерно около 50000 ф. ст.) потоком стремилась по понтонному мосту в город, причем невозможно было ни помешать им, ни в какой-то степени потревожить их».

Этот успешный поход повстанцев через всю территорию Рохилканда доказывает, что вся область к востоку от Джамны вплоть до гор Рохилканда закрыта для английских войск, в то время как беспрепятственный поход повстанцев от Нимача до Агры доказывает, если связать это с восстаниями в Индуре и Мхау, что то же самое относится ко всей области к юго-западу от Джамны до самых гор Виндхья. Единственной успешной — и в сущности единственной — операцией англичан в отношении Дели является усмирение в области к северу и северо-западу от Дели при помощи пенджабских частей сикхов

генерала Ван-Кортландта. По всему округу между Лудхианой и Сирсой ему приходилось сталкиваться главным образом с разбойничьими племенами, населяющими деревни, разбросанные на большом расстоянии друг от друга в дикой песчаной пустыне. По имеющимся сведениям, 11 июля он покинул Сирсу и направился в Фатихабад, чтобы оттуда двинуться на Хиссар и, таким образом, закрепить за англичанами местность в тылу осаждающей армии.

Помимо Дели, центрами борьбы между туземцами и англичанами стали еще три пункта в Северо-Западных провинциях — Агра, Канпур и Лакнау. Операция при Агре характерна тем, что здесь повстанцы впервые предприняли планомерную экспедицию на расстоянии около 300 миль с целью произвести атаку на отдаленный военный пункт англичан. Согласно сообщению «Mofussilite»[231], газеты, издаваемой в Агре, синайские полки из Насирабада и Нимача численностью около 10000 человек (около 7000 пехоты, 1500 кавалерии и 8 орудий) в конце июня подошли к Агре, в начале июля расположились лагерем на равнине позади деревни Сассия, милях в 20 от Агры, а 4 июля стали как будто готовиться к нападению на город. При этом известии европейцы, находившиеся в военном гарнизоне под Агрой, укрылись в форте. Начальник гарнизона Агры сначала отправил в качестве авангарда против неприятеля котахский контингент конницы, пехоты и артиллерии; однако, прибыв к месту своего назначения, солдаты все как один перебежали на сторону повстанцев. 5 июля гарнизон Агры в составе 3-го бенгальского полка европейцев, одной батареи артиллерии и отряда европейцев-волонтеров выступил с целью атаковать повстанцев и, как сообщают, отбросил их из деревни на равнину позади нее, но был, очевидно, в свою очередь оттеснен назад и, потеряв из 500 человек 49 человек убитыми и 92 ранеными, вынужден был отступить под натиском угрожающей ему неприятельской кавалерии с такой поспешностью, что «по нему не успели даже произвести ни одного выстрела», как пишет «Mofussilite». Другими словами, англичане попросту обратились в бегство и заперлись в своем форте, между тем как сипаи, подойдя к Агре, разрушили почти все строения военного гарнизона. На следующий день, 6 июля, они отправились в Бхаратпур, расположенный на пути к Дели. Серьезное значение этой операции заключается в том, что повстанцы прорвали коммуникационную линию англичан между Агрой и Дели и, возможно, появятся перед древним городом Моголов.

В Канпуре, как стало известно из последней почты, отряд приблизительно из 200 европейцев под командой генерала

Уилера, имея при себе жен и детей личного состава 32-го пехотного полка, был заперт в одном из укреплений и окружен во много раз превосходящими силами повстанцев, которых возглавлял Нана Сахиб из Битхура. Форт подвергался нескольким штурмам 17 июня и с 24 по 28 июня, причем во время последнего штурма у генерала Уилера была прострелена нога, и он умер от ран. 28 июня Нана Сахиб предложил англичанам сдаться с обязательством разрешить им спуститься на лодках вниз по Гангу в Аллахабад. Эти условия были приняты, но едва англичане достигли середины реки, как с правого берега Ганга по ним был открыт огонь из пушек. Те из находившихся в лодках, которые попытались спастись, перебравшись на противоположный берег, были захвачены и изрублены отрядом кавалерии. Женщины и дети были взяты в плен. Так как из Канпура в Аллахабад неоднократно отправлялись посланцы с настойчивыми просьбами о помощи, то 1 июля в Канпур был отправлен отряд мадрасских фузилеров и сикхов под командой майора Рено. В четырех милях от Фатихпура к этому отряду присоединился на рассвете 13 июля бригадный генерал Хавлок, который, имея под своей командой около 1300 европейцев 84-го и 64-го полков, 13-й иррегулярный кавалерийский полк и остатки иррегулярных войск из Ауда, 3 июля достиг Аллахабада со стороны Бенареса и форсированным маршем последовал за майором Рено. В самый день своего соединения с Рено он был вынужден принять сражение под Фатихпуром, куда Нана Сахиб привел свои туземные войска. После упорного боя генералу Хавлоку удалось ударом во фланг противника вытеснить его из Фатихпура в направлении на Канпур, где Хавлоку снова пришлось столкнуться с ним дважды, 15 и 16 июля. В последний из указанных дней Канпур был снова взят англичанами, Нана Сахиб отступил к Битхуру, расположенному на Ганге в двенадцати милях от Канпура и, как говорят, сильно укрепленному. Перед тем, как начать свой поход к Фатихпуру, Нана Сахиб перебил всех пленных английских женщин и детей. Взятие обратно Канпура имело для англичан громадное значение, так как обеспечивало им линию коммуникации по Гангу.

В Лакнау, столице Ауда, войска британского гарнизона попали почти в такое же бедственное положение, какое оказалось роковым для их товарищей в Канпуре; гарнизон был заперт в форте, окружен значительно превосходящими силами противника, испытывал недостаток продовольствия и потерял своего командира. Этот последний, сэр Г. Лоренс, умер 4 июля от столбняка в результате ранения в ногу, полученного 2 июля во время вылазки. 18 и 19 июля Лакнау все еще держался. Его

единственная надежда на избавление заключалась в том, что генерал Хавлок со своим отрядом продвинется вперед от Канпура. Весь вопрос в том, отважился ли он на это, имея у себя в тылу Нана Сахиба. Но всякая отсрочка должна стать для Лакнау роковой, так как период дождей вскоре сделает военные действия в открытом поле невозможными.

Анализ всех этих событий приводит нас к заключению, что в северо-западных провинциях Бенгалии британские войска постепенно оказывались на положении мелких постов, разбросанных подобно отдельным скалам среди моря революции. В Нижней Бенгалии имели место лишь отдельные случаи неповиновения в Мирзапуре, Динапуре и Патне, не считая безуспешной попытки брахманов, бродивших в окрестностях Бенареса, захватить этот священный город. В Пенджабе бунтарский дух сдерживается силой, поскольку были подавлены восстания в Сиалкоте и в Джеламе и удалось пресечь брожение в Пешаваре. Уже были попытки восстания в Гуджарате, в Пандхарпуре, в Сатаре, в Нагпуре и Саугоре, находящемся на территории Нагпура, в Хайдарабаде на территории низама и, наконец, в такой южной точке, как Майсур, так что спокойствие в Бомбейском и Мадрасском президентствах отнюдь нельзя считать вполне обеспеченным.

Написано К. Марксом 1 сентября 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5118, 15 сентября 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ДОХОДЫ АНГЛИЧАН В ИНДИИ

При рассмотрении нынешнего положения дел в Азии возникает вопрос: какую, в сущности, ценность для британского государства и британского народа представляют их владения в Индии? Прямых доходов, то есть доходов в форме дани, или превышения индийских доходов над индийскими расходами, британское казначейство вообще не получает. Напротив, его ежегодные расходы очень велики. С того момента, как Ост-Индская компания вступила на путь крупных завоеваний, — а это было почти сто лет тому назад, — ее финансы пришли в расстройство, и ей неоднократно приходилось обращаться к парламенту не только за военной помощью для удержания завоеванных территорий, но и за финансовой помощью ради своего спасения от банкротства. Так дело шло вплоть до настоящего момента, когда от британской нации требуют большого количества войск, после чего, несомненно, последует и соответственное требование денег. Осуществляя свои завоевания и создавая сеть своих учреждений, Ост-Индская компания задолжала государству к настоящему времени более 50000000 фунтов стерлингов; вместе с тем и само английское правительство в течение многих лет несло расходы на перевозку туда и обратно и на содержание в Индии регулярной армии в тридцать тысяч человек сверх туземных и европейских сил, принадлежащих самой Компании. При таком положении дел ясно, что выгода для Великобритании от ее индийской империи сводится лишь к прибылям и выгодам, получаемым отдельными британскими подданными. Эти прибыли и выгоды, надо сказать, весьма значительны.

Прежде всего имеются акционеры Ост-Индской компании в количестве около 3000 человек, которым по последней хартии[232] гарантируется ежегодный дивиденд в $10^1/_2$% на оплаченный капитал в 6 млн. ф. ст., то есть 630000 ф. ст. ежегодно. Так как капитал Ост-Индской компании состоит из акций, которые можно передавать другим лицам, то акционером может стать каждый, у кого есть достаточно денег для покупки акций, котирующихся сейчас, при существующей хартии, на 125— 150% выше номинала. Акции на сумму в 500 ф. ст., то есть стоящие около 6000 долларов, дают владельцу право совещательного голоса на собраниях акционеров, но, чтобы иметь право решающего голоса, он должен владеть акциями на 1000 фунтов стерлингов. Владельцы акций на 3000 ф. ст. имеют два голоса, на 6000 ф. ст. — три голоса и на 10000 ф. ст. или больше — четыре -голоса. Однако влияние акционеров ничтожно, если не считать перевыборов Совета директоров. Акционеры выбирают двенадцать директоров, между тем как корона, со своей стороны, назначает 6; однако эти королевские директора могут быть назначены только из лиц, проживших в Индии не менее десяти лет. Ежегодно третья часть директоров выбывает из Совета, но они могут быть снова выбраны или назначены. Чтобы быть директором, надо иметь акций на 2000 фунтов стерлингов. Директора получают жалованье в 500 ф. ст. каждый, а председатель Совета и вице-председатель — вдвое больше; но главное, что побуждает согласиться на принятие поста директора, — это связанное с ним широкое право назначать на должности всех индийских чиновников как гражданских, так и военных. Впрочем, этим правом в значительной степени пользуется также и Контрольный совет, и назначения на наиболее важные должности зависят почти всецело от него. Этот Совет состоит из шести членов, все они тайные советники, обычно двое или трое из них — члены кабинета министров. Председатель Совета, будучи непременно членом кабинета, фактически является министром по делам Индии.

Затем идут те, кто через директоров и Контрольный совет получают назначения на должности, которые делятся на пять категорий: гражданскую, духовную, медицинскую, военную и морскую. Чтобы служить в Индии, во всяком случае по гражданской линии, требуется некоторое знание туземных языков, и для подготовки молодых людей к этой гражданской службе Ост-Индская компания содержит колледж в Хейлибери. Соответствующий колледж для подготовки к военной службе, в котором, однако, преподают главным образом начала военных наук, имеется в Аддискоме близ Лондона. Прием в эти

колледжи раньше зависел от протекции директоров Компании, но теперь, после изменений, внесенных новой хартией, он производится по результатам публичного конкурсного экзамена кандидатов. В первое время по прибытии в Индию гражданский чиновник получает обычно около 150 долларов в месяц; затем, когда он выдержит необходимый экзамен по одному или нескольким туземным языкам (что он обязан сделать в течение двенадцати месяцев после приезда), он получает службу с окладом, размер которого колеблется от 2500 примерно до 50000 долларов в год. Последняя цифра — это жалованье членов Бенгальского совета; члены Бомбейского и Мадрасского советов[233] получают около 30000 долларов в год. Никто, кроме членов Совета, не может получать свыше примерно 25000 долларов в год, причем для того, чтобы получать жалованье в 20000 долларов или более, нужно прожить в Индии двенадцать лет. Девять лет пребывания в Индии дают право на жалованье от 15000 до 20000 долларов, а три года пребывания — на жалованье от 7000 до 15000 долларов в год. Формально считается, что назначения на гражданскую службу производятся в зависимости от возраста и заслуг, но фактически они в значительной степени зависят от протекции. Так как гражданская служба оплачивается лучше, то существует большая конкуренция среди желающих попасть на нее, и многие офицеры при первой же возможности покидают с этой целью свои полки. Средний оклад на гражданской службе равен приблизительно 8000 долларов, но сюда не входят различного вида дополнительные приплаты, которые часто бывают очень значительными. Гражданские чиновники назначаются на должности губернаторов, советников, судей, послов, секретарей, коллекторов и т. д.; их общее число составляет обычно около 800 человек. Жалованье генерал-губернатора Индии равно 125000 долларов, но дополнительное содержание часто достигает еще большей суммы. Церковную службу несут три епископа и около ста шестидесяти священников. Епископ Калькутты получает 25000 долларов в год; епископы Мадраса и Бомбея — вдвое меньше; священник получает от 2500 до 7000 долларов, кроме сборов за обряды. На медицинской службе находятся около 800 врачей и хирургов, получающих от 1500 до 10000 долларов в год.

Число европейских офицеров, служащих в Индии, включая офицеров тех войск, которые обязаны выставлять зависимые князья, равно приблизительно 8000. Жалованье в пехоте установлено: младшим лейтенантам 1080 долларов, лейтенантам — 1344, капитанам — 2226, майорам — 3810,

подполковникам — 5520, полковникам — 7680. Таков оклад, когда войска размещены по военным гарнизонам. В период военных действий он увеличивается. Жалованье в кавалерии, артиллерии и инженерных войсках несколько больше. Попадая в штаб или на работу по гражданской линии, многие офицеры удваивают свое жалованье.

Таким образом, около десяти тысяч британских подданных занимают выгодные посты в Индии и получают жалованье за службу в этой стране. Сюда надо присоединить значительное число лиц, вернувшихся в Англию после работы в Индии и получающих пенсию, которая полагается по всем ведомствам по истечении известного числа лет службы. Эти пенсии, вместе с дивидендами и процентами по долгам, подлежащим уплате в Англии, поглощают ежегодно от пятнадцати до двадцати миллионов долларов, получаемых из Индии, и могут фактически рассматриваться как дань, которая косвенным путем уплачивается английскому правительству индийскими подданными. Каждый год лица, покидающие различные должности, привозят с собой в Англию весьма значительные суммы сбережений от своего жалованья, которые тоже надо прибавить к суммам, ежегодно поступающим из Индии.

Кроме тех европейцев, которые состоят на правительственной службе, в Индии проживает еще не менее 6000 других европейцев, занимающихся торговлей или частной спекуляцией. Если не считать немногих владельцев индиговых, сахарных и кофейных плантаций в сельских районах, то в основном это купцы, торговые агенты и фабриканты, живущие в городах Калькутте, Бомбее и Мадрасе или в ближайших окрестностях этих городов. Внешняя торговля Индии, объем которой составляет около пятидесяти миллионов долларов по импорту и столько же по экспорту, почти целиком находится в руках этих людей, и их прибыли, без сомнения, очень велики.

Таким образом, ясно, что отдельные лица извлекают большие выгоды от связи Англии с Индией, и их прибыли, конечно, увеличивают общую сумму национального богатства Англии. Но всему этому надо противопоставить другую очень крупную сумму. Оплачиваемые из кармана английского народа расходы на армию и флот в связи с Индией непрерывно возрастают вместе с расширением индийских владений. К этому надо прибавить издержки по бирманской[234], афганской, китайской и персидской войнам. В сущности, также и все издержки последней войны с Россией можно полностью отнести на счет Индии, поскольку страх перед Россией и боязнь ее, приведшие к этой войне, проистекали исключительно из подозрений, касающихся

планов России в отношении Индии. Если учесть еще бесконечные завоевания и непрерывные акты агрессии, в которые англичане вовлекаются в результате обладания Индией, то расходы, связанные с этим владением, угрожают в целом достичь такой суммы, которую оно вряд ли когда-либо сможет возместить.

Написано К. Марксом в начале сентября 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5123, 21 сентября 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИНДИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ

Лондон, 4 сентября 1857 г.

Насилия, совершенные восставшими сипаями в Индии, действительно ужасны, отвратительны, неописуемы; подобные насилия обычно встречаются только во время повстанческих, национальных, расовых и особенно религиозных войн; одним словом, это такие насилия, каким добропорядочная Англия всегда рукоплескала, когда их совершали вандейцы над «синими», испанские партизаны над безбожниками-французами, сербы над своими немецкими и венгерскими соседями, хорваты над венскими повстанцами, мобильная гвардия Кавеньяка или бонапартовские молодчики из Общества 10 декабря над сыновьями и дочерьми французского пролетариата[235]. Как ни отвратительно поведение сипаев, оно лишь отражает в концентрированном виде поведение самой Англии в Индии не только в период основания ее восточной империи, но даже в продолжение последних десяти лет ее длительного господства. Для характеристики этого господства достаточно сказать, что пытка была неотъемлемой частью английской финансовой политики*. В истории человечества существует нечто вроде возмездия, и по закону исторического возмездия его орудие выковывает не угнетенный, а сам же угнетатель.

Первый удар, который был нанесен французской монархии, исходил от дворянства, а не от крестьян. Восстание в Индии начали не измученные, униженные и обобранные до нитки англичанами райяты, а одетые, сытые, выхоленные, откормленные и избалованные англичанами сипаи. Для того чтобы найти

* См. настоящий том, стр. 278—283. *Ред.*

аналогии жестокостям сипаев, нам вовсе нет необходимости углубляться в средневековье, как поступают некоторые лондонские газеты, или даже выходить за пределы истории современной Англии. Нам достаточно лишь познакомиться с первой китайской войной — событием, так сказать, вчерашнего дня. В этой войне английская солдатня совершала мерзости просто ради забавы; ее ярость не была ни освящена религиозным фанатизмом, ни обострена ненавистью к надменным завоевателям, ни вызвана упорным сопротивлением героического врага. Насилование женщин, насаживание детей на штыки, сжигание целых деревень — факты, зарегистрированные не мандаринами, а самими же британскими офицерами, — все это совершалось тогда исключительно ради разнузданного озорства.

Так и в отношении нынешней катастрофы было бы непростительной ошибкой предполагать, что все жестокости исходят только от сипаев, а англичане являются воплощением самой кротости и человеколюбия. Письма британских офицеров пышут злобой. В письме из Пешавара один офицер описывает разоружение 10-го полка иррегулярной кавалерии за отказ выполнить приказание — атаковать 55-й пехотный туземный полк. Он захлебывается от восторга по поводу того, что солдат не только разоружили, но также раздели и разули, затем, раздав по 12 пенсов на человека, погнали к берегу реки, где посадили в лодки и пустили вниз по Инду, причем автор, не скрывая своей радости, предсказывает, что каждого из них ждет гибель в стремнинах реки. Другой автор сообщает, как несколько жителей Пешавара вызвали ночную тревогу, взорвав в честь новобрачных (по национальному обычаю) небольшие мины, начиненные порохом; на следующее утро виновные были связаны и «получили такую порку, какую они будут долго помнить». Из Пинди пришло сообщение, что три туземных вождя готовят заговор. В ответ на это сэр Джон Лоренс приказал подослать к ним шпиона в момент их встречи. Получив донос шпиона, сэр Джон отправил второе приказание: «Повесить их». Вождей повесили. Один гражданский чиновник из Аллахабада пишет: «В наших руках власть над жизнью и смертью, и смеем вас уверить, что мы действуем беспощадно». Другой чиновник из той же местности сообщает: «Не проходит дня без того, чтобы мы не вздернули человек десять-пятнадцать из них (мирных жителей)». Один офицер торжествующе пишет: «Холмс, молодчина, вещает их дюжинами!» Другой, имея в виду факт повешения без суда и следствия большой группы туземцев, замечает: «Тут пошла у нас потеха». Третий пишет: «Мы производим военный суд, не слезая с лошадей, и каждого

черномазого, который попадается нам на глаза, мы либо вздергиваем, либо пристреливаем». Согласно сообщению из Бенареса, тридцать заминдаров[236] были повешены по одному только подозрению в сочувствии своим соотечественникам, и целые деревни сжигались дотла под тем же предлогом. Один офицер из Бенареса, письмо которого напечатано в лондонской газете «Times», пишет: «Европейские солдаты становятся сущими дьяволами, когда они сталкиваются с туземцами».

Не следует также забывать, что, в то время как жестокости англичан изображаются как акты воинской доблести и описываются просто, кратко, без омерзительных подробностей, насилия туземцев, достаточно ужасные сами по себе, к тому же умышленно преувеличиваются. Например, кто является автором появившегося сначала в «Times», а затем обошедшего страницы всех лондонских газет и журналов обстоятельного описания злодейств, совершенных в Дели и Мируте? Какой-то трусливый пастор, проживающий в Бангалуре — в Майсуре — на расстоянии более тысячи миль по прямой от места действия. Сообщения о действительных событиях в Дели свидетельствуют о том, что воображение английского пастора способно породить еще большие ужасы, нежели дикая фантазия индусского повстанца. Отрезывание носов, грудей и т. п., одним словом, ужасные увечья, наносимые сипаями, конечно, гораздо сильнее возмущают чувства европейцев, нежели бомбардировка раскаленными ядрами жилищ Кантона по распоряжению секретаря манчестерского Общества мира[*], или сожжение загнанных в пещеру арабов французским маршалом[237], или сдирание заживо кожи с британских солдат плеткой-девятихвосткой по приговору военно-полевых судов, или какие-либо иные «гуманные» средства, применяемые в британских исправительных колониях. Жестокость, как и все остальное, тоже имеет свои моды, которые меняются сообразно времени и месту. Просвещенный Цезарь откровенно повествует о том, как по его приказанию отрубали правую руку многим тысячам галльских воинов[238]. Наполеон счел бы для себя позором подобный образ действий. Он предпочитал ссылать свои собственные французские полки, заподозренные в республиканских настроениях, на остров Сан-Доминго, где им предстояло погибнуть от рук чернокожих или от эпидемий.

Ужасные увечья, наносимые сипаями, напоминают обычаи христианской Византийской империи, или предписания уголовного уложения императора Карла **V**, или меры наказания

[*] — Боуринга. *Ред.*

за государственную измену в Англии, как их описывал еще судья Блэкстон[239]. Индусам, которых религия сделала виртуозами в искусстве самоистязаний, истязания эти, причиненные врагам их народа и религии, кажутся вполне естественными и должны казаться еще более естественными англичанам, которые всего лишь несколько лет тому назад еще извлекали доходы из празднеств Джаггернаута, поощряя и покровительствуя кровавым обрядам этой религии жестокости[240].

Неистовый рев «старой кровожадной газеты «Times»», как называл ее Коббет, взятая на себя этим органом роль свирепого персонажа одной из опер Моцарта, который в мелодичнейшей арии наслаждается мыслью о том, как он своего врага сперва повесит, затем изжарит, затем четвертует, затем проткнет и, наконец, сдерет с живого кожу[241], постоянное стремление «Times» разжечь жажду мести, доведя ее до крайнего исступления, — все это могло бы казаться только глупым, если бы из-за трагического пафоса явно не проглядывало комедиантство. Лондонская газета «Times» переигрывает свою роль не только под влиянием паники. Она дает новый сюжет для комедии — сюжет, который упустил даже Мольер, а именно: Тартюфа-мстителя. В действительности же все, что ей нужно, это — рекламировать государственные бумаги и оградить правительство от нападок. Так как стены Дели не пали, подобно стенам Иерихона, от простого сотрясения воздуха, то необходимо, окончательно оглушив Джона Буля воплями о мести, заставить его забыть о том, что его правительство несет ответственность за случившиеся бедствия, равно как и за то, что этим бедствиям позволили принять такие колоссальные размеры.

Написано К. Марксом. 4 сентября 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5119, 16 сентября 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ФРАНЦУЗСКИЙ CRE̱DIT MOBILIER

Cre̱dit Mobilier, как мы и предвидели несколько месяцев тому назад, анализируя его цветистый отчет за 1856 г.*, снова покатился вниз; на сей раз это падение возбуждает в финансовых кругах Европы серьезную тревогу. В течение нескольких дней акции этого концерна упали с 950 фр. приблизительно до 850 фр., причем эта последняя цифра, по-видимому, далеко еще не является пределом. Для политика повышение и понижение акций Cre̱dit Mobilier представляет не меньший интерес, чем для геолога подъем и убыль первозданных вод. В колебаниях курса акций Общества следует различать отдельные периоды. Первый выпуск его акций, в 1852 г., был организован очень ловко. Акции были разделены на три серии, причем владельцы первой серии получили право на приобретение акций второй и третьей серий по номинальной стоимости. В результате счастливые обладатели первой серии получили всю выгоду от ограниченного выпуска акций в период возбужденного состояния фондового рынка, а также от преувеличенных надежд на то, что бумаги Общества будут вскоре котироваться намного выше номинала. Рыночная цена акций сразу поднялась с 250 фр., которые платили за акцию первого выпуска, до 1775 франков. Колебания курса акций в течение 1852, 1853 и 1854 гг. представляют второстепенный политический интерес, ибо они отражают скорее различные фазы, через которые должно было пройти только что образовавшееся предприятие, нежели испытания уже вполне сложившегося концерна. В 1855 г. Cre̱dit

* См. настоящий том, стр. 209—217. *Ред.*

Mobilier достиг своего апогея, его акции взлетели на короткое время до 1900 фр., отметив тем самым его наибольшее удаление от суеты земных дел. С этого момента при ближайшем рассмотрении колебания в цене акций Credit Mobilier, если взять средние промежутки времени, скажем в 4 месяца, показывают постепенное снижение, подчиняющееся, несмотря на случайные отклонения, постоянному и неуклонному закону. Этот закон заключается в том, что от высшей точки, достигнутой в каждом из этих периодов, цены снижаются до низшей средней точки, которая, в свою очередь, становится высшим отправным пунктом для следующего периода. Так, цифры 1400 фр., 1300 фр., 1100 фр. последовательно представляют собой низшую среднюю точку одного периода и высшую среднюю точку другого. В течение всего нынешнего лета акции не могли уже подняться до 1000 фр. на какой-либо длительный срок, а нынешний кризис, если он не приведет к еще худшим последствиям, снизит высшую среднюю цену акций приблизительно до 800 фр., чтобы с этой точки она снизилась через некоторое время до еще более низкого среднего уровня. Конечно, этот процесс не может продолжаться ad infinitum[*], да и несовместимо с самой природой Credit Mobilier, чтобы его акции снизились до их нарицательной цены в 500 франков. Огромная диспропорция между размером капитала Credit Mobilier и размерами его операций, в результате чего получаются колоссальные прибыли, и, следовательно, необычайное повышение рыночной цены его акций сравнительно с их первоначальной ценой, — являются для Credit Mobilier условиями не процветания, а самого его существования. Нам нет надобности останавливаться на этом пункте, поскольку мы достаточно осветили его, когда рассматривали сокращение прибылей Credit Mobilier с 40% в 1855 до 23% в 1856 году[**].

Нынешнее обесценение акций Credit Mobilier связано с обстоятельствами, которые по ошибке можно принять за причины, тогда как на деле они являются только следствием. Один из самых «почтенных» директоров Credit Mobilier, г-н О. Тюрнессан, был объявлен банкротом ввиду того, что суд признал его ответственным за долг в 15000000 фр., лежащий на его племяннике г-не Шарле Тюрнессане, который в мае этого года тайком сбежал из Франции. То, что банкротство отдельного директора никоим образом не может объяснить нынешнего состояния дел Credit Mobilier, должно быть ясно для всякого,

[*] — до бесконечности. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 209. *Ред.*

кто вспомнит, что банкротство г-на Пласа в свое время не поколебало сколько-нибудь ощутимо этот оплот бонапартовского режима. Общественное мнение, однако, более склонно поддаться впечатлению внезапного падения отдельного лица, чем проследить постепенный упадок целого учреждения. Паника охватывает массы лишь тогда, когда опасность становится значительной и принимает осязаемые формы. Например, акции и банкноты Ло продолжали внушать Франции неограниченное доверие, пока регент[*] и его советники довольствовались обесценением металлической монеты, которую должны были представлять банкноты. Публика не понимала, что когда монетный двор чеканил из одной марки серебра[**] вдвое большее количество ливров, чем раньше, то банкноты, представлявшие определенную сумму серебряных ливров, обесценивались наполовину. Но в тот момент, когда по приказу королевского совета официальная нарицательная стоимость самих банкнот была понижена и банкнота в 100 ливров подлежала обмену на банкноту в 50 ливров, процесс сразу стал ясен публике, и пузырь лопнул. Точно так же и падение прибылей Crédit Mobilier почти на 50% ни на минуту не привлекло внимания даже английских авторов финансовых статей, между тем как сейчас по поводу банкротства г-на О. Тюрнессана подняла большой шум вся европейская пресса. Правда, это событие сопровождается отягчающими обстоятельствами. Когда в мае текущего года г-н Шарль Тюрнессан оказался несостоятельным, г-н Исаак Перейра, проявив больше благородного негодования, чем ему обычно свойственно, выступил в лондонской печати, торжественно отрицая какую бы то ни было связь между г-ном О. Тюрнессаном и Crédit Mobilier, с одной стороны, и презренным банкротом — с другой. Но состоявшееся ныне постановление французского суда решительно опровергло заявление этого велеречивого господина.

Более того, паникой охвачен, по-видимому, и сам Crédit Mobilier. Один из его директоров, г-н Эрнест Андре, счел нужным публично снять с себя всякую ответственность на будущее время и с помощью законной процедуры порвать всякие связи с этим учреждением. Другие — в том числе банкирский дом Оттингер — тоже, как говорят, бьют отбой. Когда сами кормчие спешат к спасательной лодке, пассажиры имеют все основания считать, что кораблю не избежать гибели. Наконец, тесная связь Тюрнессанов с санкт-петербургским банкирским домом

[*] — Филипп Орлеанский. *Ред.*

[**] Марка—весовая единица серебра, равная 8 унциям (около 240 граммов). *Ред.*

Штиглица и большими проектами русских железных дорог тоже должна дать финансовым кругам Европы обильную пищу для размышлений.

Если директора Crédit Mobilier пошли на то, чтобы «создать кредит во Франции», «способствовать производительным силам нации» и поддерживать биржевую игру во всем мире, то было бы колоссальной ошибкой думать, что все это они делали безвозмездно. Сверх дохода — приблизительно 25% годовых, в среднем, на капитал, представляемый их акциями, — каждый из них в течение первых пяти лет существования этого учреждения регулярно получал еще тантьему в 5% с валовой прибыли — примерно по 275000 фр., то есть 55000 долларов. Кроме того, железнодорожные компании и прочие предприятия, занятые общественными работами, которые пользуются особым покровительством Crédit Mobilier, всегда оказываются в той или иной степени связанными с личными делами директоров. Так, ни для кого не секрет, что Перейры были весьма заинтересованы в новых акциях французских Южных железных дорог. Теперь же, просматривая опубликованные отчеты, мы находим, что Компания в целом подписалась на акции этих самых железных дорог на сумму не менее чем в 623000000 франков. Однако мало того, что все пятнадцать директоров вели операции Компании сообразно своим частным интересам: они могли также сообразовывать свои частные спекуляции с имевшимися у них данными относительно крупных coups de bourse*, подготовлявшихся Компанией, и, наконец, они могли расширять свой собственный кредит пропорционально тем колоссальным суммам, которые официально проходили через их руки. Отсюда прямо-таки поразительно быстрое обогащение этих директоров; отсюда сильная тревога европейской публики относительно случающихся с этими директорами финансовых неприятностей; отсюда, наконец, тесная связь между личными состояниями директоров и общественным кредитом Компании. Впрочем, некоторые из этих состояний обеспечены своими обладателями так хорошо, что наверняка переживут самое Компанию.

Написано К Марксом 8 сентября 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5128, 26 сентября 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — биржевых спекуляций. *Ред.*

К. МАРКС

* ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

Согласно полученным нами вчера известиям из Индии, там создалось для англичан весьма тяжелое и угрожающее положение, хотя наш сведущий лондонский корреспондент, как можно убедиться из других столбцов газеты, смотрит на дело иначе[242]. О событиях у Дели мы имеем подробные сведения вплоть до 29 июля, а также одно более позднее сообщение, из которого явствует, что вследствие опустошений, причиненных холерой, осаждающие город войска были вынуждены отойти от стен Дели и расположиться в казармах в Агре. Правда, ни одна лондонская газета не признает это сообщение достоверным, но мы можем рассматривать его, самое большее, лишь как несколько преждевременное. Как мы знаем на основании всех корреспонденции из Индии, осаждающая армия понесла жестокий урон от вылазок, произведенных осажденными 14, 18 и 23 июля. При этом повстанцы дрались с отвагой еще более отчаянной, чем когда-либо, и с большим успехом, благодаря превосходству своей артиллерии.

«Мы стреляем», — пишет один английский офицер, — «из 18-фунтовых пушек и 8-дюймовых гаубиц, а мятежники отвечают нам из 24- и 32-фунтовых орудий». «В восемнадцати вылазках, которые нам пришлось выдержать», — говорится в другом письме, — «мы потеряли убитыми и ранеными одну треть нашего состава».

Все, чего можно было ожидать в смысле подкреплений, — это был отряд сикхов под командой генерала Ван-Кортландта. Генерал Хавлок, после того как он провел несколько удачных боев, был вынужден снова отступить к Канпуру и оставить на

время мысль о помощи Лакнау. В то же самое время «в районе Дели наступил период проливных тропических дождей», и эпидемия холеры, естественно, усилилась. Сообщение, в котором говорится об отступлении к Агре и хотя бы временном отказе от попытки вынудить к сдаче столицу Великого Могола, должно в таком случае вскоре подтвердиться, если уже не подтвердилось.

На линии Ганга главный интерес представляют действия генерала Хавлока, подвиги которого при Фатихпуре, Канпуре и Битхуре, как и следовало ожидать, были непомерно расхвалены нашими лондонскими собратьями по перу. Как мы уже отметили выше, Хавлок, продвинувшись на двадцать пять миль вперед от Канпура, был вынужден снова отступить к этому пункту с целью не только оставить там своих больных, но и дождаться подкреплений. Это весьма прискорбный факт, ибо он указывает, что попытка освободить Лакнау провалилась. Теперь британскому гарнизону этого города остается лишь единственная надежда на отряд из 3000 гурков[243], высланных Джанг Бахадуром из Непала на помощь осажденным. Если гурки не сумеют снять осаду, тогда канпурская резня повторится и в Лакнау. Но это будет еще не все. Взятие повстанцами крепости Лакнау и в связи с этим упрочение их власти в Ауде создаст угрозу с фланга всем действиям англичан против Дели и даст силам восставших перевес в Бенаресе, а также и во всем Бихарском округе. Если повстанцы будут держать в своих руках крепость Лакнау, то Канпур потеряет половину своего значения, а его коммуникации как с Дели, так и с Бенаресом окажутся под угрозой. Такая перспектива заставляет ждать известий из этой местности с удвоенным интересом и тревогой. 16 июня гарнизон Лакнау считал, что может продержаться на голодном пайке шесть недель. Ко времени отправки последней депеши пять недель из этого срока уже истекли. Все теперь зависит от обещанных, но пока еще не появившихся подкреплений из Непала.

Если мы спустимся вниз по течению Ганга от Канпура к Бенаресу и к Бихарскому округу, то увидим, что здесь перспективы для англичан еще мрачнее. Письмо в «Bengal Gazette»[244] из Бенареса от 3 августа сообщает, что

«мятежники из Динапура, перейдя реку Сон, двинулись на Аррах. Европейское население, опасаясь, естественно, за свою жизнь, отправило в Динапур просьбу о подкреплениях. В ответ на это были посланы два парохода с подразделениями 5-го, 10-го и 37-го полков ее величества. Среди ночи один из пароходов наскочил на мель и прочно застрял на ней. Люди были поспешно высажены на берег и двинулись вперед пешком, но не приняли надлежащих мер предосторожности. Неожиданно они попали под

сильный перекрестный огонь с близкого расстояния, и из их небольшого отряда 150 человек, включая нескольких офицеров, оказались hors de combat*. Предполагают, что все европейцы гарнизона в Аррахе, в количестве примерно 47 человек, перерезаны».

Город Аррах расположен в британском округе Шахабад Бенгальского президентства, по дороге из Динапура в Газипур, в двадцати пяти милях к западу от первого и в семидесяти пяти милях к востоку от второго. Под угрозой был даже Бенарес. В этом городе имеется форт, построенный по европейскому образцу, и если бы он попал в руки повстанцев, он стал бы вторым Дели. В Мирзапуре, расположенном к югу от Бенареса, на противоположном берегу Ганга, был открыт заговор среди мусульман; в то же время в Берхампуре, на Ганге, милях в восемнадцати от Калькутты, был разоружен 63-й туземный пехотный полк. Одним словом, недовольство, с одной стороны, и паника — с другой, распространились по всему Бенгальскому президентству до самых ворот Калькутты, где сильно опасались, как бы великий пост Мухаррама[245], во время которого последователи ислама в фанатическом исступлении расхаживают с саблями в руках, готовые взяться за оружие по всякому поводу, не окончился общим нападением на англичан, и где генерал-губернатор был вынужден разоружить даже свою личную охрану. Читателю, таким образом, нетрудно понять, что основной коммуникационной линии англичан, идущей по Гангу, грозит опасность быть прерванной и перерезанной. А это сказалось бы на продвижении подкреплений, которые должны прибыть в ноябре, и изолировало бы операционное направление англичан на Джамне.

В Бомбейском президентстве дела тоже принимают очень серьезный оборот. Восстание 27-го бомбейского туземного пехотного полка в Колхапуре является фактом, а сведения о его подавлении британскими войсками — только слухом. Восстания бомбейских туземных войск последовали одно за другим в Нагпуре, в Аурангабаде, Хайдарабаде и, наконец, в Колхапуре. Численность бомбейской туземной армии в настоящее время равна 43048 человекам, европейских же войск в этом президентстве фактически только два полка. На туземную армию полагались не только в деле поддержания порядка в пределах Бомбейского президентства, но и в вопросе отправки подкреплений вплоть до Синда в Пенджабе и формирования колонн, направленных в Мхау и Индур с целью снова захватить эти пункты и закрепить их за собой, а также восстановить

* — выбывшими из строя. *Ред.*

линии коммуникаций с Агрой и освободить ее гарнизон. Колонна бригадного генерала Стюарта, на которого была возложена эта последняя задача, состояла из 300 солдат 3-го бомбейского европейского полка, 250 солдат 5-го бомбейского туземного пехотного полка, 1000 солдат 25-го бомбейского туземного пехотного полка, 200 солдат 19-го бомбейского туземного пехотного полка и 800 солдат 3-го кавалерийского полка хайдарабадского контингента. При этом отряде численностью в 2250 туземных солдат имеется около 700 европейцев, главным образом из состава 86-го пехотного и 14-го легкого драгунского королевских полков. Сверх того англичане сосредоточили колонну туземных войск в Аурангабаде для устрашения охваченного недовольством населения Кхандеша и Нагпура и в то же время для оказания поддержки подвижным отрядам, действующим в Центральной Индии.

Нам сообщают, что в этой части Индии «спокойствие восстановлено», однако мы не можем быть полностью уверены в том, что это спокойствие окажется прочным. В действительности этот вопрос решается не занятием Мхау, а поведением двух маратхских князей — Холкара и Синдхии[246]. В той же самой депеше, которая сообщает о прибытии Стюарта в Мхау, говорится о том, что, хотя Холкар остается по-прежнему надежным, его войска вышли из повиновения. О позиции Синдхии не говорится ни слова. Он молод, популярен, горяч и мог бы стать естественным главой и вождем всего маратхского народа. Он имеет 10000 собственных хорошо дисциплинированных войск. Его отход от англичан не только означал бы для них потерю Центральной Индии, но и придал бы огромную силу и прочность революционному союзу. Отступление армии от Дели, угрозы и требования недовольных могут, в конце концов, заставить его стать на сторону своих соотечественников. Главное влияние как на Холкара, так и на Синдхию окажут, однако, маратхи Декана, где, как мы уже сообщали[*], восстание приняло, наконец, решительный характер. Именно здесь особенно опасен праздник Мухаррама. Следовательно, есть ряд оснований ожидать общего восстания бомбейской армии. Тогда и мадрасская армия, насчитывающая 60555 туземных солдат и набранная из жителей Хайдарабада, Нагпура, Малвы — самых фанатичных мусульманских округов, — также не замедлит последовать ее примеру. Таким образом, если учесть, что сезон тропических дождей в августе и сентябре парализует передвижение британских войск и прервет их коммуникации, то можно

[*] См. настоящий том, стр. 290. *Ред.*

не без основания предположить, что, несмотря на их кажущуюся силу, подкрепления, высланные из Европы, но прибывающие слишком поздно и только по частям, не смогут справиться с возложенной на них задачей. В предстоящей кампании мы можем ожидать почти наверняка повторения афганской катастрофы[247].

Написано К. Марксом 18 сентября 1857 г

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5134, 3 октября 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

Почта, полученная вчера из Индии с пароходом «Атлантик», содержит два важных известия, а именно, что генералу Хавлоку не удалось освободить Лакнау и что англичане все еще находятся под Дели. Аналогию этому последнему факту можно найти только в истории Англии, именно в валхеренской экспедиции. Хотя неудача этой экспедиции окончательно выяснилась уже к середине августа 1809 г., англичане все же отсрочили посадку войск на суда до ноября. Когда Наполеон узнал, что английская армия высадилась в этом месте, он заметил, что атаковать ее не следует и что французы должны предоставить ей погибнуть от эпидемий, которые неизбежно причинят ей больше вреда, чем пушки; Франции же это не будет стоить ни сантима. Нынешний Великий Могол, находясь в еще более выгодном положении, чем Наполеон, имеет возможность помогать эпидемии своими вылазками, а своим вылазкам — эпидемией.

В британском правительственном сообщении, отправленном из Кальяри 27 сентября, говорится, что

«последние известия о Дели относятся к 12 августа, когда этот город все еще был в руках мятежников, но что вскоре ожидается штурм города, так как генерал Николсон с значительными подкреплениями находится на расстоянии одного дня пути».

Если Дели не будет взят еще до того как Уилсон и Николсон начнут штурм своими теперешними силами, его стены будут стоять до тех пор, пока не упадут сами[248]. «Значительные» силы Николсона насчитывают всего лишь около 4000 сикхов — подкрепление, до смешного недостаточное для штурма

Дели, но вполне достаточное для того, чтобы дать новый, равносильный самоубийству предлог не сниматься с лагеря, расположенного под стенами города.

После того как генерал Хьюитт совершил ошибку, — а с военной точки зрения это можно назвать даже преступлением, — позволив повстанцам Мирута пройти в Дели, и после того как было попусту потрачено время в течение первых двух недель, благодаря чему повстанцам удалось неожиданно захватить этот город, весь план осады Дели кажется почти необъяснимой грубой ошибкой. Один авторитет, которого мы позволим себе поставить даже выше военных оракулов лондонской газеты «Times», а именно Наполеон, устанавливает два правила ведения войны, которые кажутся почти банальными: во-первых, «предпринимать надо лишь то, что является посильным и что обещает больше всего шансов на успех»; и, во-вторых, «главные силы должны быть использованы только там, где можно достигнуть главной цели войны — уничтожения неприятеля». Оба эти элементарные правила были нарушены при составлении плана осады Дели. Английское командование должно было знать, что само правительство Индии недавно привело укрепления Дели в такое состояние, что город этот можно взять только правильной осадой, требующей осадной армии численностью, по крайней мере, в 15000—20000 человек и даже гораздо больше, если оборона города будет вестись должным образом. Но раз для этого предприятия требуется от 15000 до 20000 человек, то было явным безумием начинать его с 6000 или 7000. Кроме того, англичане знали, что длительная осада, неизбежная ввиду их численной слабости, неминуемо подвергнет их войска в данной местности, в данном климате и в данное время года нападению неуязвимого и невидимого врага, который будет сеять гибель в их рядах. Таким образом, осада Дели не имела никаких шансов на успех.

Что же касается цели войны, то она, несомненно, состояла в сохранении английского владычества в Индии. Для достижения этой цели город. Дели не имел вообще никакого стратегического значения. Правда, историческая традиция придавала ему в глазах туземцев суеверное значение, противоречащее его действительному влиянию, и это явилось для восставших сипаев достаточным мотивом, чтобы избрать его своим главным сборным пунктом. Но если бы англичане, вместо того чтобы строить свои военные планы, исходя из предрассудков туземцев, предоставили Дели самому себе и изолировали его, то они лишили бы тем самым этот город его мнимого влияния; раскинув же свои палатки перед городом, разбивая себе головы

о его стены и сосредоточивая на нем свои главные силы и внимание всего мира, они лишили себя даже возможности отступления или, вернее, заранее придали отступлению характер крупного поражения. Таким образом, они попросту сыграли на руку повстанцам, которые хотели сделать Дели главным центром кампании. Но это еще не все. Англичанам не требовалось много ума, чтобы убедиться в том, что для них делом первостепенной важности было создание регулярной полевой армии, действия которой могли бы потушить искры недовольства, обеспечить связь между их собственными военными гарнизонами, отбросить неприятеля к нескольким отдельным пунктам и изолировать Дели. Но вместо того, чтобы действовать по этому простому и ясному плану, они обрекают на неподвижность единственную регулярную армию, имеющуюся в их распоряжении, сосредоточивая ее у Дели; они предоставляют повстанцам открытое поле, между тем как их *собственные* гарнизоны занимают разбросанные, лишенные взаимной связи и расположенные далеко друг от друга пункты, блокированные, к тому же, значительно превосходящими силами врага, которому дана возможность действовать не спеша.

Приковав свою главную подвижную колонну войск к Дели, англичане не связали этим повстанцев, а лишь парализовали свои собственные гарнизоны. Однако и помимо этой основной грубой ошибки у Дели, трудно найти в военных летописях что-либо подобное тому тупоумию, с каким вели военные операции указанные гарнизоны, действовавшие порознь, независимо друг от друга, без какого бы то ни было общего руководства, действовавшие не как составные части единой армии, а скорее как отряды разных и даже враждебных друг другу наций. Взять, например, Канпур и Лакнау. Эти два соседних пункта имели два отдельных отряда войск, исключительно малочисленных и не соответствующих требованиям момента, каждый из которых находился под самостоятельным командованием; и хотя расстояние между ними было всего сорок миль, их действия были так мало согласованы, точно они находились на противоположных полюсах. Простейшие правила стратегии требовали, чтобы сэр Хью Уилер, военный комендант Канпура, был облечен властью отозвать в Канпур верховного комиссара Ауда сэра Г. Лоренса вместе с его отрядом и таким образом укрепить свои собственные позиции, временно эвакуировав Лакнау. Такая операция спасла бы *оба* гарнизона, а последующее слияние с ними отряда Хавлока дало бы возможность создать небольшую армию, способную держать в своих руках Ауди снять осаду Агры. Вместо этого, вследствие разъединенных

действий обоих пунктов, гарнизон Канпура уже истреблен, гарнизон Лакнау вместе с его крепостью наверное попадет в руки повстанцев, и даже удивительные усилия Хавлока, который совершил со своим отрядом восьмидневный 126-мильный переход, выдержав при этом столько же боев, сколько дней длился его поход, и все это в условиях индийского климата в разгаре лета, — даже эти героические усилия оказались бесплодными. Еще более изнурив свои переутомленные войска тщетными попытками освободить Лакнау и оказавшись перед неизбежной необходимостью нести новые, бесполезные жертвы и повторных экспедициях из Канпура, совершаемых по все более сокращающемуся радиусу, он, по всей вероятности, должен будет отступить в конце концов на Аллахабад с ничтожным количеством войск. Операции его отряда лучше всего показывают, что могла бы сделать под Дели даже небольшая английская армия, будь она сосредоточена для боевых действий, а не заперта в зачумленном лагере. Основой стратегии является сосредоточение. Англичане в основу своего плана в Индии положили рассредоточение. Им следовало бы прежде всего свести свои гарнизоны до возможного минимума, немедленно выслать из них женщин и детей, эвакуировать все пункты, не имеющие стратегического значения, и, таким образом, собрать возможно большую полевую армию. Между тем даже те весьма незначительные подкрепления, которые были посланы из Калькутты вверх по Гангу, были целиком поглощены многочисленными изолированными гарнизонами, так что ни один отряд не достиг Аллахабада.

Что касается Лакнау, то самые мрачные предсказания, сделанные на основании предыдущих сообщений*, теперь подтвердились. Хавлоку снова пришлось отступить в Канпур; освобождение города союзными войсками Непала не представляется возможным, и мы должны теперь ждать известий о взятии города измором и об истреблении его храбрых защитников вместе с женами и детьми.

Написано К. Марксом 29 сентября 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5142, 13 октября 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

---

* См. настоящий том, стр. 305. *Ред.*

К. МАРКС

* ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

Обсуждая нынешнее состояние индийского восстания, лондонские газеты преисполнены того же самого оптимизма, какой они проявляли с самого начала событий[249]. Нас уверяют не только в том, что должен был иметь место успешный штурм Дели, но и в том, что он должен был произойти 20 августа. Само собой разумеется, что прежде всего необходимо установить нынешнюю численность осаждающих войск. Один артиллерийский офицер, приславший из лагеря под Дели письмо от 13 августа, приводит следующую подробную сводку о боевом составе британских войск на 10-е число того же месяца:

	Число британских офицеров	Число британских солдат	Число туземных офицеров	Число туземных солдат	Число лошадей
Штаб……………………	30	—	—	—	—
Артиллерия	39	598	—	—	—
Саперы............................	26	39	—	—	—
Кавалерия........................	18	570	—	—	520
1-я бригада 75-й полк ее величества...	16	502			
1-й фузилерный полк Ост-Индской компании...	17	487	—	—	—
Кумаонский батальон	4	—	13	435	—

Продолжение

	Число британских офицеров	Число британских солдат	Число туземных офицеров	Число туземных солдат	Число лошадей
2-я бригада					
60-й стрелковый полк ее величества	15	251			
2-й фузилерный полк Ост-Индской компании…………	20	493			
Тимурский батальон....……	4		9	319	
3-я бригада					
8-й полк ее величества..……	15	153			
61-й полк ее величества..…	12	249	—	—	—
4-й сикхский полк...............	4	—	4	365	—
Отряд проводников..............	4	—	4	196	—
Отряд Кука............................	5	—	16	709	—
Итого……..	229	3 342	46	2024	520

Таким образом, в общем боевой состав войск англичан в лагере под Дели на 10 августа равнялся 5641 человеку. Из этого числа мы должны вычесть 120 человек (112 солдат и 8 офицеров), которые, согласно английским сообщениям, выбыли из строя 12 августа при атаке новой батареи, установленной повстанцами вне стен города, перед левым флангом англичан. Итак, там оставалось боеспособных 5529[*] человек к тому времени, когда бригадный генерал Николсон присоединился к осаждающей армии с нижеследующими войсками из Фирозпура, сопровождавшими осадный парк второй категории: 52-м полком легкой пехоты (примерно 900 человек), частью 61-го полка (примерно 4 роты, 360 человек), батареей полевой артиллерии Баучера, частью 6-го пенджабского полка (около 540 человек) и некоторым количеством мултанской кавалерии и пехоты — всего около 2000 человек, из которых немногим больше 1200 человек составляли европейцы. Итак, если мы прибавим эти силы к боеспособным 5529 человекам, находившимся в лагере к прибытию отряда Николсона, мы получаем общий итог

[*] У Маркса ошибка в подсчете: должно быть 5521. *Ред.*

в 7529 человек. Сообщают, что сэр Джон Лоренс, губернатор Пенджаба, отправил дополнительные подкрепления, состоящие из оставшейся части 8-го пехотного полка, трех рот 24-го полка с тремя орудиями конной артиллерии войск капитана Пейтона из Пешавара, 2-го и 4-го полков пенджабской пехоты и остальной части 6-го пенджабского полка. Однако этот отряд, численность которого мы можем определить, самое большее, в 3000 человек и большая часть которого состоит целиком из сикхов, еще не прибыл. Если читатель вспомнит, что около месяца тому назад прибыли пенджабские подкрепления под командой Чемберлена*, и их хватило только на то, чтобы довести численность армии генерала Рида до первоначальной численности войск сэра Г. Барнарда, то станет ясно, что и новых подкреплений хватит только на то, чтобы довести численность армии бригадного генерала Уилсона до первоначальной численности армии генерала Рида; единственное обстоятельство, действительно благоприятствующее в данный момент англичанам, — это то, что осадный парк, наконец, прибыл. Но если даже предположить, что ожидавшиеся 3000 человек уже прибыли в лагерь и общая численность английской армии достигла 10000 человек, причем лояльность трети из них более чем сомнительна, — что смогут сделать англичане? Нас уверяют, что они обложат Дели. Но не говоря уже о том, что попытка обложить, при наличии 10000 человек, сильно укрепленный город, насчитывающий более 7 миль в окружности, является совершенно смехотворной, англичанам, прежде чем думать об обложении города, придется сначала отвести русло Джамны. Если бы англичане вошли в Дели утром, у повстанцев была бы возможность покинуть город вечером, либо перейдя через Джамну и направившись в Рохилканд и Ауд, либо двигаясь вниз по Джамне в направлении к Матре и Агре. Во всяком случае, обложение четырехугольника, одна из сторон которого неприступна для осаждающих войск, но в то же время дает возможность осажденным сноситься с внешним миром и отступить, — является пока еще проблемой неразрешенной.

«Все согласны в том», — говорит офицер, у которого мы заимствовали вышеприведенную таблицу, — «что о взятии Дели штурмом не может быть и речи».

В то же самое время он сообщает нам, на что, собственно, надеются в лагере, а именно, на «артиллерийский обстрел города в течение нескольких дней с тем, чтобы пробить достаточно большую брешь в стене». Но тот же самый офицер добавляет, что

* См. настоящий том, стр. 285. *Ред.*

«по скромным подсчетам силы неприятеля должны составлять теперь около сорока тысяч человек, не считая большого количества прекрасно действующей артиллерии; пехота их тоже хорошо дерется».

Если принять во внимание отчаянное упорство, с каким мусульмане обычно сражаются за укреплениями, то представляется весьма и весьма сомнительным, удастся ли немногочисленной английской армии, если она ворвется в город через «достаточно большую брешь», вырваться через нее обратно.

В действительности для успешного штурма Дели наличными силами англичан остается только один шанс — это возникновение внутренних разногласий среди повстанцев, истощение их боевых припасов, деморализация их войск и исчезновение веры в свои силы. Однако надо признать, что непрерывные бои, которые они вели с 31 июля по 12 августа, по-видимому, дают мало оснований для такого предположения. В то же время одно письмо из Калькутты весьма недвусмысленно дает понять, почему английские генералы, вопреки всем правилам ведения войны, решили оставаться под стенами Дели.

«Когда несколько недель тому назад», — говорится в письме, — «возник вопрос, не должны ли наши войска отступить от Дели, ибо они были слишком измучены ежедневными боями, чтобы выносить дальше непосильное напряжение, это намерение встретило самый решительный отпор со стороны сэра Джона Лоренса, который откровенно сообщил генералам, что их отступление послужит сигналом для восстания местного населения этого района и тем самым подвергнет их неминуемой опасности. Это мнение одержало верх, и сэр Джон Лоренс обещал генералам послать к Дели все подкрепления, какие он сможет собрать».

Теперь, когда сэр Джон Лоренс все же оставил Пенджаб совсем без войск, в этой провинции в свою очередь может вспыхнуть восстание, в то время как солдаты в военном лагере под Дели, по всей вероятности, будут страдать от болезней и массами погибать от ядовитых испарений, поднимающихся с земли в конце сезона тропических дождей. Об отряде генерала Ван-Кортландта, который, согласно сообщениям, четыре недели тому назад достиг Хиссара и направился далее к Дели*, больше ничего не слышно. Очевидно, он либо натолкнулся на серьезные препятствия, либо был расформирован в пути.

Положение англичан на Верхнем Ганге, в сущности, отчаянное. Генералу Хавлоку угрожают действия аудских повстанцев, которые движутся от Лакнау через Битхур и пытаются отрезать ему пути отхода у Фатихпура, находящегося к югу от Канпура; в то же время гвалиорский контингент движется на Канпур от Калпи — города, лежащего на правом берегу

* См. настоящий том, стр. 287—288. *Ред.*

Джамны. Это концентрическое движение, руководимое, быть может, Нана Сахибом, в руках которого, как говорят, находится верховное командование в Лакнау, впервые обнаруживает у повстанцев известное представление о правилах стратегии, между тем как англичане словно только о том и думают, чтобы утрировать свой глупый центробежный метод ведения войны. Так, нам сообщают, что 90-й пехотный и 5-й фузилерный полки, отправленные из Калькутты для усиления отряда генерала Хавлока, были перехвачены в Динапуре сэром Джемсом Утремом, которому взбрело в голову вести их через Файзабад на Лакнау. Лондонская газета «Morning Advertiser» приветствует этот план действий как мастерской маневр, так как теперь-де Лакнау будет находиться между двух огней: справа ему будет угрожать Канпур, а слева — Файзабад. Согласно обычным правилам ведения войны, если неизмеримо более слабая армия, вместо того чтобы попытаться сосредоточить свои разбросанные отряды, сама разбивается на две части, разделенные всем протяжением неприятельского фронта, то она тем самым избавляет противника от труда уничтожить ее. И действительно, для генерала Хавлока задача заключается уже не в том, чтобы спасать Лакнау, а в том, чтобы спасти остатки небольших отрядов — как своего собственного, так и генерала Нейла. Весьма вероятно, что ему придется отступить на Аллахабад. Аллахабад поистине является позицией решающего значения, так как он расположен у слияния Ганга и Джамны и представляет собой ключ к Доабу[250], расположенному между этими двумя реками.

С первого же взгляда на карту видно, что главное операционное направление английской армии, пытающейся вернуть себе Северо-Западные провинции, проходит по долине Нижнего Ганга. Поэтому позиции Динапура, Бенареса, Мирзапура и, в первую очередь, Аллахабада, который должен стать отправным пунктом настоящих боевых действий, должны быть усилены посредством сосредоточения в этих городах всех гарнизонов из более мелких и не имеющих стратегического значения пунктов расквартирования войск в собственно Бенгалии. О том, что это главное операционное направление в настоящий момент само находится под серьезной угрозой, свидетельствует следующая выдержка из письма, присланного из Бомбея в лондонскую газету «Daily News»:

«В связи с недавним мятежом трех полков в Динапуре прервано всякое сообщение между Аллахабадом и Калькуттой (за исключением пароходного сообщения по реке). Мятеж в Динапуре — самое серьезное из всех событий последнего времени, поскольку пожаром восстания охвачен

весь Бихарский округ, находящийся не более чем в 200 милях от Калькутты. Сегодня пришло известие, что санталы[251] снова восстали, и поистине ужасным может стать положение Бенгалии, наводненной 150000 дикарей, для которых кровь, грабеж и разбой — родная стихия».

Пока Агра держится, второстепенными операционными направлениями для бомбейской армии являются пути, идущие через Индур и Гвалиор на Агру, а для мадрасской армии — пути, идущие через Саугор и Гвалиор на Агру, с которой пенджабская армия, так же как и отряд, занимающий Аллахабад, должны восстановить свои линии коммуникаций. Однако если колеблющиеся князья Центральной Индии открыто выступят против англичан и восстание в бомбейской армии примет серьезный характер, то всем военным расчетам наступит на время конец, и можно будет предсказать лишь колоссальную резню на всем пространстве от Кашмира до мыса Коморин. В лучшем случае все, что можно будет сделать, — это отсрочить решающие события до ноября, когда прибудут войска из Европы. Осуществится ли даже это — будет зависеть от способностей сэра Колина Кэмпбелла, о котором до сих пор ничего не известно, кроме того, что он храбрый человек. Если он окажется на высоте положения, он любой ценой, независимо от того, падет Дели или нет, создаст хотя бы небольшую, но боеспособную армию, с которой можно начать решительные действия. Но все же мы считаем нужным повторить, что окончательный исход дела зависит от бомбейской армии.

Написано К. Марксом 6 октября 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5151, 23 октября 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

Почта, доставленная пароходом «Аравия», принесла нам важное известие о падении Дели. Насколько можно судить на основании скудных данных, которыми мы располагаем, это событие, очевидно, объясняется совпадением ряда обстоятельств: сильнейшими раздорами среди повстанцев, изменением в численном соотношении борющихся сторон и прибытием 5 сентября осадного парка, ожидавшегося еще 8 июня.

После прибытия подкреплений под командой Николсона мы определили численность армии у Дели в общей сложности в 7529 человек*, и наш расчет с тех пор полностью подтвердился. После того как к этим силам присоединились позже еще 3000 кашмирских войск, переданных в распоряжение англичан раджой Ранбир Сингхом, численность британских войск, по словам «Friend of India»[252], достигла в общем примерно 11000 человек. В свою очередь силы повстанцев, по утверждению лондонского «Military Spectator»[253], уменьшились примерно до 17000 человек, в числе которых насчитывается 5000 кавалеристов, между тем как «Friend of India» исчисляет их силы приблизительно в 13000 человек, в том числе 1000 человек иррегулярной кавалерии. Так как после пробития бреши и начала борьбы внутри города кавалерия стала совершенно бесполезной и вследствие этого спаслась бегством, покинув город в момент проникновения туда англичан, то все силы сипаев,

* См. настоящий том, стр. 314—315. *Ред.*

по определению как «Military Spectator», так и «Friend of India», не могли превышать 11000 или 12000 человек. Таким образом, численность англичан почти сравнялась с численностью повстанцев, не столько за счет увеличения первой, сколько за счет уменьшения второй; несколько меньшая численность англичан более чем компенсировалась моральным эффектом успешной бомбардировки города и преимуществами наступления, которое позволило англичанам выбирать места для нанесения удара главными силами, в то время как защитникам города приходилось разбрасывать свои явно недостаточные силы по всем пунктам угрожаемой окружности.

Уменьшение численности повстанческих войск было вызвано в гораздо большей степени уходом целых контингентов в результате внутренних раздоров, нежели тяжелыми потерями, которые они несли при своих беспрестанных вылазках в течение, примерно, десяти дней. Не говоря уже о том, что сам призрачный Могол тяготился господством сипаев не менее, чем купцы Дели, у которых они отнимали все накопленные ими сбережения до последней рупии, — религиозных разногласий между сипаями-индусами и сипаями-мусульманами и раздоров между старым гарнизоном и новыми подкреплениями оказалось достаточно для того, чтобы подорвать их шаткую организацию и обеспечить их поражение. Все же, принимая во внимание, что англичанам пришлось бороться с противником, лишь незначительно превосходящим их численно, лишенным единства командования, ослабленным и упавшим духом вследствие раздоров в своих собственных рядах, и что этот противник после 84-часовой бомбардировки все же целых шесть дней выдерживал канонаду и уличные бои внутри стен города, а потом спокойно переправился через Джамну по понтонному мосту, — учитывая все это, надо признать, что, в конце концов, повстанцы со своими главными силами сделали все возможное в столь тяжелом положении.

Подробности взятия города, по-видимому, таковы: 8 сентября английские батареи были установлены на значительном расстоянии впереди основного расположения их войск, в 700 ярдах от стен. Между 8-м и 11-м тяжелые пушки и мортиры англичан были выдвинуты еще ближе к укреплениям. Батареи были установлены на приготовленные для них ложементы с сравнительно небольшими потерями, принимая во внимание, что гарнизон Дели сделал две вылазки — 10-го и 11-го, предпринимал неоднократные попытки поставить новые батареи и непрерывно вел беспокоивший наступавших ружейный огонь из стрелковых ложементов. 12-го англичане понесли потери

в количестве около 56 человек убитыми и ранеными. Утром 13-го был взорван важный пороховой погреб противника на одном из бастионов, а также зарядный ящик одного легкого орудия, которое обстреливало продольным огнем британские батареи из предместья Талвара, и у Кашмирских ворот британские батареи пробили достаточно широкую для штурма брешь. 14-го начался штурм города. Войска проникли в брешь у Кашмирских ворот, не встретив серьезного сопротивления, завладели большими зданиями по соседству с воротами и продвинулись вдоль крепостного вала к Морийскому бастиону и Кабульским воротам, где сопротивление неприятеля стало весьма упорным, вследствие чего потери увеличились. Были сделаны приготовления к тому, чтобы повернуть против города пушки захваченных бастионов и подвезти к командным пунктам новые пушки и мортиры. 15-го начался обстрел Бернского и Лахорского бастионов пушками, захваченными на Морийском и Кабульском бастионах; одновременно была пробита брешь в здании арсенала, и началась бомбардировка дворца. Арсенал был взят приступом на рассвете 16 сентября, а 17-го мортиры из-за его ограды продолжали обстрел дворца.

На этом официальные сообщения о штурме города обрываются; «Bombay Courier»[254] объясняет это тем, что на границе Синда почта из Пенджаба и Лахора была разграблена. В одном частном письме, адресованном губернатору Бомбея, говорится, что город Дели был окончательно занят в воскресенье 20-го, так как в 3 часа утра в тот же самый день главные силы повстанцев покинули его и по понтонному мосту ушли в направлении на Рохилканд. Поскольку до занятия крепости Селимгарх, расположенной напротив, посреди реки, англичане не имели возможности преследовать противника, то, очевидно, повстанцы, медленно пробивая себе дорогу от крайней северной оконечности города к его юго-восточной окраине, удерживали вплоть до 20-го числа позицию, необходимую для прикрытия их отступления.

Что касается вероятных последствий взятия Дели, то одна серьезная и хорошо осведомленная газета, «Friend of India», отмечает, что

«англичанам в настоящее время следовало бы обратить внимание не на состояние Дели, а на положение в Бенгалии. Длительная задержка с взятием города совершенно лишила нас того престижа, который мы могли бы приобрести, если бы захватили его раньше; а сила мятежников и их численность уменьшились бы так же существенно в результате взятия города, как они уменьшаются в результате продолжения осады».

Тем временем восстание, по имеющимся сведениям, распространяется на северо-восток от Калькутты и на северо-запад через Центральную Индию. На ассамской границе восстали два сильных полка пурбийцев*, открыто намереваясь восстановить на престоле бывшего раджу Парандур Сингха. Динапурские и рангпурские повстанцы, под предводительством Куэр Сингха, направились через Банду и Нагод к Джаббалпуру, и раджа Ревы, под давлением собственных войск, присоединился к ним. В самом Джаббалпуре 52-й бенгальский туземный полк покинул свои казармы, захватив с собой одного британского офицера в виде заложника за своих оставшихся товарищей. Гвалиорские повстанцы, как говорят, переправились через Чамбал и расположились лагерем где-то между рекой и Дхолпуром. Остается отметить самое важное из всех сообщений. Оказывается, что джодхпурский легион перешел на службу к восставшему радже из Аваха, местечка, расположенного в 90 милях к юго-западу от Беавара. Он нанес поражение значительным силам, высланным против него раджой Джодхпура, причем был убит один генерал, а также капитан Монк Мейсон и захвачено три орудия. Генерал Дж. Ст. П. Лоренс двинулся против легиона с частью насирабадского отряда и принудил его отступить в один из городов; однако попытки Лоренса захватить этот город не увенчались успехом. Вывод из Синда находившихся там европейских войск повлек за собой возникновение широко распространившегося заговора, причем попытки поднять восстание имели место по крайней мере в пяти различных пунктах, в том числе в Хайдарабаде, Карачи и Шикарпуре. Имеются также симптомы недовольства в Пенджабе, где на восемь дней было прервано сообщение между Мултаном и Лахором.

В другом месте наши читатели найдут таблицу с перечнем войск, отправленных из Англии с 18 июня, причем дни прибытия соответствующих судов вычислены нами согласно официальным данным, а следовательно, в сроки, благоприятные для британского правительства[255]. Из этого перечня будет видно, что, помимо небольших отрядов артиллерии и саперов, посланных по суше, вся посаженная на суда армия насчитывает 30899 человек, в том числе 24884 человека пехоты, 3826 кавалерии и 2334 артиллерии. Из таблицы будет видно также, что до конца октября нельзя было ожидать прибытия каких-либо значительных подкреплений.

* Пурбиах — восточный; здесь речь идет о полках в восточной Бенгалии. *Ред.*

Войска, посланные в Индию

Нижеследующее представляет собой сведения о войсках, которые были посланы в Индию из Англии с 18 июня 1857 года.

Время прибытия	Всего	Калькутта	Цейлон	Бомбей	Карачи	Мадрас
20 сентября ...…………………	214	214	—	—	—	—
1 октября ………..……………	300	300	—	—	—	—
15 октября ……………………	1 906	124	1 782	—	—	—
17 октября ....……………….	288	288	—	—	—	—
20 октября ……………………	4 235	3 845	390	—	—	—
30 октября ....…………………	2 028	479	1 544	—	—	—
Всего в октябре ….	8 757	5 036	3 721	—	—	—
1 ноября ....…...........	3 495	1 234	1 629	—	632	—
5 ноября ………………………	879	879	—	—	—	—
10 ноября ....…………...	2 700	904	340	400	1 056	—
12 ноября …………………….	1 633	1 633	—	—	—	—
15 ноября …………………….	2 610	2 132	478	—	—	—
19 ноября …………………….	234	—	—	—	234	—
20 ноября.…………………….	1 216	—	278	938	—	—
24 ноября	406	—	406	—	—	—
25 ноября ....…………	1 276	—	—	—	—	1 276
30 ноября	666	—	462	204	—	—
Всего в ноябре …..	15 115	6 782	3 593	1 542	1 922	1 276
1 декабря ..…...........................	354	—	—	354	—	—
5 декабря ..…...........................	459	—	—	201	—	258
10 декабря	1 758	—	607	—	1 151	—
14 декабря..................…….…......	1 057	—	—	1 057	—	—
15 декабря ……………………	948	—	—	647	301	—
20 декабря	693	185	—	300	208	—
25 декабря	624	—	—	—	624	—
Всего в декабре ….	5 893	1 851	607	2 359	2 284	258
1 января	340	—	—	340	—	—
5 января ……………..........	220	—	—	—	—	220

Продолжение

Время прибытия	Всего	Калькутта	Цейлон	Бомбей	Карачи	Мадрас
15 января	140					140
20 января	220	—	—	—	—	220
Всего в январе…..	920	—	—	340	—	580
С сентября по 20 января…….	30 899	12 217	7 921	4 431	4 206	2 114
Войска, отправленные посуше:						
2 октября	235 саперов	117	—	-—	118	—
12 октября ……………………	221 артиллерист	221	—	—	—	—
14 октября ……………………	224 сапера	122	—	—	122	—
Всего в октябре.….	700	460	—	—	240	—
Всего ………………………………………………31 599						
Войска, посланные вокруг мыса Доброй Надежды и частично прибывшие ………………………………..4 000						
Общий итог...……………………………..35 599						

Написано К. Марксом 30 октября 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5170, 14 ноября 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ЗАКОН 1844 г. ОБ АНГЛИЙСКОМ БАНКЕ И ДЕНЕЖНЫЙ КРИЗИС В АНГЛИИ

5-го числа текущего месяца Английский банк повысил свою минимальную учетную ставку с 8% — как было установлено 19 октября — до 9%. Мы предполагаем, что это повышение, не имеющее прецедентов в истории Банка со времени возобновления им платежей звонкой монетой, еще не является пределом. Оно вызвано отливом золота и серебра и уменьшением того, что называется резервом банкнот. Отлив золота и серебра происходит по двум противоположным направлениям: золото переправляется в эту страну*, в связи с банкротством наших банков, а серебро — на Восток, в связи с сокращением торгового экспорта в Китай и Индию и переводами денег, которые правительство производит непосредственно на счет Ост-Индской компании. В обмен на серебро, необходимое Англии для этих целей, она вынуждена посылать на европейский континент золото.

Что же касается резерва банкнот и той важной роли, которую он играет на лондонском денежном рынке, то необходимо упомянуть вкратце о законе об Английском банке, проведенном сэром Робертом Пилем в 1844 г. и затрагивающем не только Англию, но также Соединенные Штаты и весь мировой рынок. Сэр Роберт Пиль, поддержанный банкиром Лойдом, ныне лордом Оверстоном, и кроме того рядом других влиятельных лиц, намеревался посредством своего закона провести в жизнь некий автоматически действующий принцип бумажно-денежного обращения. В соответствии с этим принципом бумажно-денежное

* — Соединенные Штаты. *Ред.*

обращение должно было впредь расширяться и сокращаться, в точности следуя законам чисто металлического денежного обращения; тем самым, по утверждению Роберта Пиля и его сторонников, навсегда устранялась возможность каких бы то ни было денежных кризисов. Английский банк разделен на два департамента — эмиссионный департамент и банковский департамент, причем первый из них представляет собой попросту фабрику банкнот, а второй — собственно банк. Закон разрешает эмиссионному департаменту выпускать банкноты на сумму 14000000 фунтов стерлингов; считается, что эта сумма — предел, ниже которого фактическое денежное обращение никогда не упадет, и что эта сумма обеспечена долгом британского правительства Банку. На все банкноты, выпускаемые сверх этих 14000000, эмиссионный департамент обязан иметь в своих кладовых обеспечение в виде соответствующего количества золота и серебра. Ограниченная таким образом общая масса банкнот передается банковскому департаменту, который и пускает их в обращение. Следовательно, если запас золота и серебра в кладовых эмиссионного департамента составляет 10000000 ф. ст., то эмиссионный департамент может выпустить и передать банковскому департаменту банкнот на 24000000. Если фактически в обращении находится банкнот лишь на 20000000, то остальные 4000000, хранящиеся в кассе банковского департамента, образуют его резерв банкнот, который и является по существу единственным обеспечением вкладов, доверяемых банковскому департаменту частными лицами и государством.

Предположим теперь, что начинается отлив золота и серебра из страны и что из эмиссионного департамента в несколько приемов изымается определенное количество драгоценных металлов, например золота, на сумму в 4000000. Тогда количество банкнот на сумму в 4000000 будет аннулировано; это приведет к тому, что сумма банкнот, выпущенных эмиссионным департаментом, в точности сравняется с суммой банкнот, находящихся в обращении, а резерв банкнот, находящийся в распоряжении кассы банковского департамента, сведется *к* нулю. Другими словами, у банковского департамента не останется ни гроша для удовлетворения требований своих вкладчиков, вследствие чего он будет вынужден объявить себя неплатежеспособным. Это пагубно отразится на вкладах как публично-правовых учреждений, так и частных лиц и в результате поведет к приостановке выплаты квартальных дивидендов, причитающихся держателям государственных процентных бумаг. Таким образом, банковский департамент

может дойти до банкротства, хотя в кладовых эмиссионного департамента еще будет храниться на 6000000 драгоценных металлов. И это не только предположения. 30 октября 1847 г. резерв банковского департамента сократился до 1600000 ф. ст., в то время как вклады составляли 13000000 фунтов стерлингов. Если бы это тревожное положение, ослабленное лишь финансовым coup d'etat* со стороны правительства, продлилось еще несколько дней, резерв Английского банка истощился бы и банковский департамент был бы вынужден прекратить платежи, хотя в кладовых эмиссионного департамента еще лежало золота больше, чем на 6000000 фунтов стерлингов.

Таким образом, само по себе ясно, что отлив золота и уменьшение резерва банкнот взаимно влияют друг на друга. В то время как изъятие золота из кладовых эмиссионного департамента прямо приводит к уменьшению резерва банковского департамента, директора Английского банка, опасаясь, как бы банковский департамент не оказался неплатежеспособным, крепче зажимают кредитный пресс, повышая учетную ставку. Но повышение учетной ставки побуждает одну часть вкладчиков изымать из банковского департамента свои вклады для того, чтобы ссужать их под высокий процент, существующий в данное время, а неуклонное уменьшение резерва в свою очередь пугает другую часть вкладчиков и также побуждает их изымать свои вклады из этого департамента. И выходит, что те самые меры, которые предпринимаются для сохранения резерва, ведут к его истощению. После этого объяснения читатель поймет, с какой тревогой в Англии следят за уменьшением резерва Банка и какая грубая ошибка допущена в финансовой статье одного из последних номеров лондонской газеты «Times». В этой статье говорится:

«Снова зашевелились давнишние противники закона о банковской хартии, и сейчас ни в чем нельзя быть уверенным. Одним из их излюбленных способов создавать панику является ссылка на сократившиеся размеры резерва не находящихся в обращении банкнот, как будто, если этот резерв истощится, Банк будет вынужден совсем прекратить учетные операции». (По существующему закону он фактически, в случае банкротства, так и должен был бы поступить.) «На самом же деле Банк мог бы и при таких обстоятельствах продолжать учетные операции, даже не сокращая их масштаба, поскольку ежедневный учет векселей приносит ему, конечно, в среднем такую же сумму, какую ему обычно приходится выдавать. Увеличить масштаб операций Банк не мог бы, но трудно предположить, чтобы при нынешнем повсеместном сокращении деловых операций от него потребовали бы этого. Следовательно, нет ни малейшего основания для правительственных паллиативов».

* — буквально: государственным переворотом; здесь: переворотом. *Ред.*

Фокус, на котором построен этот довод, сводится к следующему: здесь намеренно не принимаются в расчет вкладчики. Не требуется особых усилий ума, чтобы понять, что если в один прекрасный день банковский департамент объявит себя банкротом в отношении своих кредиторов, то он не сможет больше выдавать своим дебиторам ссуды в виде займов или учета векселей. Короче говоря, хваленый закон сэра Роберта Пиля об Английском банке в нормальное время вообще не действует; в трудные же времена он усугубляет финансовую панику, вызванную торговым кризисом, финансовой паникой, создаваемой им самим; и как раз в тот самый момент, когда этот закон, согласно лежащему в его основе принципу, должен оказать свое благотворное влияние, ничего иного не остается, как приостановить его действие путем правительственного вмешательства. В обычное время максимальное количество банкнот, которое закон разрешает Банку выпускать, никогда полностью не находится в обращении, — факт, достаточно доказанный неизменным в такие периоды наличием резерва банкнот в кассе банковского департамента. Истинность этого положения можно проверить, сопоставив отчеты Английского банка с 1847 по 1857 г. или даже сравнив сумму банкнот, фактически находившихся в обращении с 1819 по 1847 г., с той суммой, которая могла бы находиться в обращении согласно установленному законом максимуму. В трудные времена, как, например, в 1847 и в нынешнем году, из-за произвольного и полного разделения Английского банка на два департамента последствия утечки металлического запаса искусственно усугубляются, повышение процентной ставки искусственно ускоряется, и Банку грозит банкротство не вследствие его действительной неплатежеспособности, а вследствие мнимой неплатежеспособности одного из его департаментов.

Когда действительное финансовое бедствие бывает таким образом усугублено искусственной паникой и когда оно влечет за собой достаточное количество жертв, правительство оказывается не в силах устоять перед давлением общественного мнения, и действие закона приостанавливается как раз в тот период, на случай которого этот закон был создан и в течение которого он вообще только и мог бы дать какой-либо эффект. Так, например, 23 октября 1847 г. крупнейшие лондонские банкиры отправились на Даунинг-стрит просить о помощи, то есть о приостановке действия закона Пиля. В результате их просьбы лорд Джон Рассел и сэр Чарлз Вуд обратились к управляющему и помощнику управляющего Английским банком с письмом, в котором рекомендовали им увеличить выпуск

банкнот и тем превысить установленный законом максимум денежного обращения; при этом они брали на себя ответственность за нарушение закона 1844 г. и заявляли о своей готовности внести, как только соберется парламент, билль, гарантирующий безнаказанность за нарушение закона. Тот же самый фарс будет разыгран и теперь, после того как положение вещей станет таким же, как в неделю, истекшую 23 октября 1847 г., когда, казалось, угрожало полное прекращение всех операций и всех платежей. Итак, единственное преимущество закона Пиля состоит в следующем: благодаря ему все население страны поставлено в полную зависимость от аристократического правительства — от каприза какого-нибудь безрассудного субъекта, вроде Пальмерстона, например. Этим и объясняется благосклонное отношение членов кабинета к закону 1844 г. — он дает им такую власть над капиталами частных лиц, какой они никогда еще не имели.

Мы так подробно остановились на законе Пиля потому, что в настоящее время он оказывает влияние на данную страну*, а также и потому, что его действие в Англии, вероятно, будет приостановлено; но если во власти британского правительства снять с плеч британского народа бремя затруднений, которое оно само же на них взвалило, то ничего не может быть ошибочнее предположения, что то явление на лондонском денежном рынке, которому мы будем свидетелями, — возникновение и конец денежной паники — станет истинным измерителем интенсивности кризиса, который предстоит пережить торговым кругам Англии. Перед этим кризисом правительство бессильно.

Когда первые сведения о кризисе в Америке достигли берегов Англии, английские экономисты выдвинули теорию, претендующую если не на гениальность, то по меньшей мере на оригинальность. Они утверждали, что торговля Англии здорова, но — увы! — нездоровы ее покупатели, и в особенности янки. Здоровое состояние торговли, которая здорова только с одной стороны, — идея, поистине достойная британского экономиста! Взгляните на последний полугодовой отчет английского министерства торговли за 1857 г. и вы увидите, что из общего британского экспорта сырьевых продуктов и промышленных изделий 30% падает на Соединенные Штаты, 11% на Ост-Индию и 10% на Австралию. Сейчас американский рынок надолго закрыт для Англии, индийский рынок, и без того затоваренный за последние два года, в значительной мере отпал в связи с происходящим в Индии восстанием, а австралийский

* — Соединенные Штаты. *Ред.*

рынок так завален, что самые разнообразные английские товары продаются в Аделаиде, Сиднее и Мельбурне дешевле, чем в Лондоне, Манчестере или Глазго. О «здоровом» состоянии дел британских промышленников, обанкротившихся вследствие внезапного исчезновения покупателей на их товары, можно судить по двум примерам. На собрании кредиторов одного владельца ситценабивной фабрики в Глазго выяснилось, что его долги составляли 116000 ф. ст., в то время как актив не достигал даже скромной суммы в 7000 фунтов стерлингов. Подобным же образом один судовладелец из Глазго имел в активе всего 789 ф. ст., а долгов должен был погасить на 11800 фунтов стерлингов. Но это лишь частные случаи; важно другое: состояние британской промышленности настолько напряженное, что при сузившихся иностранных рынках неизбежен всеобщий крах, а следом за ним — потрясение всей общественной и политической жизни Великобритании. Американский кризис 1837—1839 гг. вызвал сокращение британского экспорта с 12425601 ф. ст. в 1836 г. до 4695225 ф. ст. в 1837 г., до 7585760 ф. ст. в 1838 г. и до 3562000 ф. ст. в 1842 году. Подобный же паралич уже начинает проявляться и в Англии. Нет сомнения, что влияние его будет в высшей степени значительно.

Написано К. Марксом 6 ноября 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5176, 21 ноября 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПОТРЯСЕНИЕ БРИТАНСКОЙ ТОРГОВЛИ [256]

Огромное потрясение британской торговли в своем развитии имело как бы три ясно выраженных формы: затруднения на денежном и товарном рынках Лондона и Ливерпуля, банковскую панику в Шотландии и промышленный упадок в фабричных районах. Относящиеся сюда факты были подробно изложены на страницах нашей газеты в пятницу в виде многочисленных выдержек из британских газет, но их важное значение и вероятные последствия требуют дальнейшего рассмотрения.

Хотя правительство было в конце концов вынуждено приостановить действие закона 1844 г. об Английском банке, как мы и предсказали в одной из предшествующих статей*, все же оно сделало это лишь после того, как Банк, в своей попытке спастись, храбро утопил множество своих собственных клиентов. Но, наконец, вечером 11 ноября заправилы Банка устроили военный совет, результатом которого было обращение к правительству за помощью; в ответ последовала временная приостановка действия положений упомянутого закона. Это распоряжение министерства будет немедленно предложено на одобрение парламента, который должен быть созван в конце месяца. Как мы указали уже раньше, приостановка действия этого закона должна принести известное облегчение. Она устраняет искусственный недостаток денег, который вызывается законом в дополнение к естественному недостатку их на денежном рынке в моменты торговых потрясений[257].

---

* См. настоящий том, стр. 329. *Ред.*

За время нынешнего кризиса Английский банк пять раз повышал свою учетную ставку в тщетной надежде остановить стремительный поток, который все сметал на своем пути. 8 октября ставка была повышена до 6%, 12-го — до 7%, 22-го — до 8%, 5 ноября — до 9% и 9-го — до 10%. Быстрота этого движения представляет разительный контраст по сравнению с движением, сопровождавшим кризис 1847 года. В то время минимальная учетная ставка была повышена до 5% в апреле, до $5^1/_2$% в июле и до 8%, своей высшей точки, 23 октября. После этого она упала до 7% — 20 ноября, до 6% — 4 декабря и до 5% — 25 декабря. Пять следующих лет образуют период непрерывного понижения учетной ставки, такого равномерного, словно оно совершалось по скользящей шкале. Так, 26 июня 1852 г. ставка достигла наименьшей цифры — 2%. Следующие пять лет, с 1852 по 1857 г., показывают обратное движение. 8 января 1853 г. ставка равнялась $2^1/_2$%, 1 октября 1853 г. — 5%; с этого момента, пройдя множество последовательных изменений, она достигла, наконец, своего нынешнего уровня. До сих пор колебания процентной ставки в течение истекших десяти лет представляли лишь явления, обычно присущие периодическим фазам современной торговли. Коротко говоря, эти фазы таковы: полное сокращение кредита в год паники, затем постепенное расширение его, которое достигает своего максимума, когда процентная ставка падает до своей низшей точки; тогда снова начинается обратное движение, то есть постепенное сокращение, которое достигает своей высшей точки, когда процент поднимается до своего максимума и снова наступает год, отмеченный паникой. Однако при более внимательном изучении во второй половине нынешнего периода можно обнаружить некоторые явления, существенно отличающие его от всех предшествующих периодов. В годы процветания, с 1844 до 1847, процентная ставка в Лондоне колебалась от 3 до 4%, так что весь этот период был одним из периодов сравнительно дешевого кредита. Когда 10 апреля 1847 г. процентная ставка достигла 5%, кризис уже начался, и его всеобщий взрыв был отсрочен только на несколько месяцев с помощью ряда стратегических маневров. С другой стороны, процентная ставка, которая 6 мая 1854 г. уже достигла $5^1/_2$%, снова упала последовательно до 5, $4^1/_2$, 4 и $3^1/_2$%; на последней цифре она стояла с 16 июня до 8 сентября 1855 года. Затем она снова претерпела те же самые изменения, но в обратном направлении, возрастая до 4, $4^1/_2$, 5%, пока, наконец, в октябре 1855 г. не достигла того самого пункта, на котором она была в мае 1854 г., а именно $5^1/_2$%. Спустя две недели, 20 октября

1855 г., она поднялась до 6% для краткосрочных векселей и до 7% — для долгосрочных. Но затем снова наступила реакция. В течение 1856 г. процентная ставка то понижалась, то повышалась, пока в октябре 1856 г. не достигла снова 6 и 7%, то есть той точки, на которой она была в октябре предыдущего года. 15 ноября 1856 г. она поднялась до 7%, но не осталась на этой цифре, а проделала несколько скачков вниз и вверх и один раз целых 3 месяца держалась на уровне $5^1/_2$%. Первоначальных 7% она достигла только 12 октября нынешнего года, когда американский кризис начал оказывать влияние на Англию. С этого момента возрастание процентной ставки шло быстро и неуклонно, результатом чего, в конце концов, было почти полное прекращение учетных операций.

Другими словами, в течение второй половины периода с 1848 по 1857 г. колебания процентной ставки были сильнее и чаще, а между октябрем 1855 и октябрем 1857 г. протекло два года дороговизны денег, когда колебания этой процентной ставки происходили в пределах от $5^1/_2$ до 7%. В то же самое время несмотря на эту высокую процентную ставку производство и обмен неуклонно развивались такими темпами, о которых раньше и не мечтали. С одной стороны, это исключительное явление можно объяснить своевременным притоком золота из Австралии и Соединенных Штатов, что позволяло Английскому банку время от времени смягчать свои жесткие условия, а с другой стороны, совершенно очевидно, что кризис должен был наступить уже в октябре 1855 г., что он был отсрочен рядом временных потрясений и что вследствие этого его конечный взрыв и по интенсивности симптомов и по степени заразительности превзойдет все кризисы, наблюдавшиеся когда-либо раньше. Любопытный факт периодического возвращения учетной ставки к 7% 20 октября 1855 г., 4 октября 1856 г. и 12 октября 1857 г. мог бы служить довольно убедительным доказательством в пользу только что высказанного положения, если бы мы, кроме того, не знали, что в 1854 г. Англию уже постиг предварительный крах и что на европейском континенте все симптомы паники повторились уже в октябре 1855 и 1856 годов. В целом, однако, оставляя в стороне эти отягчающие обстоятельства, период с 1848 по 1857 г. представляет поразительное сходство с периодами 1826—1836 и 1837—1847 годов.

Правда, нам говорили, что с введением свободы британской торговли все это переменится, но если это еще не доказано, то уже во всяком случае ясно, что фритредерские лекари не более как шарлатаны. Как это бывало и прежде, за рядом хороших урожаев последовал ряд плохих. Несмотря на

фритредерские панацеи, средняя цена на пшеницу и все прочее сельскохозяйственное сырье в Англии была даже выше с 1853 по 1857 г., чем с 1820 по 1853 год; но еще примечательнее тот факт, что промышленность в то время, вопреки высоким ценам на хлеб, получила невиданный размах, между тем как в настоящее время, словно для того, чтобы пресечь всякие возможные увертки, она испытала неслыханный крах при наличии обильного урожая.

Наши читатели, конечно, поймут, что существующая сейчас 10%-ная учетная ставка Английского банка является чисто номинальной и что процент, действительно уплачиваемый по первоклассным ценным бумагам в Лондоне, значительно превосходит эту цифру.

«Ставки, которые взимаются на вольном рынке», — пишет «Daily News», — «значительно выше банковских».

«Английские банк», — пишет «Morning Chronicle», — «сам не производит учета из 10%, кроме очень редких случаев, которые являются исключением, а не правилом; проценты же, взимаемые на вольном рынке, и вовсе не соответствуют официальным ставкам».

«Невозможность получить деньги на каких бы то ни было условиях под второклассные и третьеклассные ценные бумаги», — пишет «Morning Herald», — «уже причинила множество бед».

«В результате всего этого», — как пишет «Globe»[258], — «дела заходят в тупик; имеют место крахи таких фирм, у которых актив превосходил пассив; происходит как бы всеобщая революция в торговле».

Эти затруднения на денежном рынке и наплыв американской продукции привели к тому, что цены на все товары на товарном рынке понизились. За несколько недель цена на хлопок упала в Ливерпуле на 20—25%, на сахар — на 25%, на зерновой хлеб — на 25%, а за ними последовали также кофе, селитра, сало, кожи и пр.

«Почти невозможно учесть векселя и получить ссуды под продукты»,— пишет «Morning Post».

«В Минсинг-лейне», — пишет «Standard»[259], — «торговля совершенно расстроена. Нет иной возможности сбыта товаров, кроме как путем обмена товара на товар; об уплате деньгами не может быть и речи».

Но все эти бедствия не поставили бы Английский банк так скоро на колени, если бы не произошла банковская паника в Шотландии. В Глазго вслед за крахом Западного банка последовал крах Городского банка, в свою очередь вызвавший массовое изъятие вкладов буржуазией и наплыв держателей банкнот из среды трудящихся классов и, в конце концов, приведший к бурным беспорядкам, принудившим лорда-мэра Глазго прибегнуть к помощи штыков. Городской банк в Глазго, который имел честь состоять под управлением столь высокой персоны как герцог Аргайл, обладал оплаченным капиталом в

1 млн. ф. ст., запасным капиталом в 90595 ф. ст. и имел девяносто шесть отделений, рассеянных по всей стране. Его собственные эмиссии составляли 72921 ф. ст., а эмиссии Западного шотландского банка—225292 ф. ст., что вместе составляло 298213 ф. ст., или около одной десятой всей суммы узаконенных средств обращения в Шотландии. Капитал этих банков в значительной мере состоял из мелких вкладов сельского населения.

Паника в Шотландии, естественно, отозвалась на Английском банке; из его подвалов для пересылки в Шотландию были взяты 11 ноября 300000 ф. ст., а 12 ноября — от 600000 до 700000 фунтов стерлингов. Кроме того были изъяты также другие суммы для ирландских банков и затребованы обратно крупные вклады провинциальных английских банков, так что банковский департамент Английского банка очутился на краю банкротства. Возможно, что для двух вышеназванных шотландских банков всеобщий кризис послужил только поводом для того, чтобы приличным образом сойти со сцены, ибо они уже давно сгнили до самой сердцевины. Все же остается фактом, что хваленая шотландская банковская система, выдержавшая ураганы, которые смели английские и ирландские банки в 1825—1826 гг., в 1836—1837 гг. и в 1847 г., впервые с тех пор, как действует закон Пиля об Английском банке, навязанный Шотландии в 1845 г., столкнулась с массовым изъятием вкладов; что впервые в шотландских банках раздался крик: «золота вместо бумаги!»; и что впервые в Эдинбурге отказывались принимать даже банкноты Английского банка. Идея защитников закона Пиля, которые думали, что если закон и не сможет предотвратить денежные кризисы вообще, то сможет, по крайней мере, обеспечить размен находящихся в обращении банкнот, — эта идея оказалась теперь несостоятельной; держатели банкнот разделили участь вкладчиков.

Что касается общего состояния британских промышленных округов, то его лучше всего рисуют следующие две выдержки — одна из манчестерского торгового циркуляра, напечатанного в «Economist», и другая — из частного письма из Маклсфилда, опубликованного в лондонской «Free Press»[260]. Манчестерский циркуляр дает сравнительное обозрение торговли хлопком за последние пять лет и затем продолжает:

«В течение этой недели цены день за днем падали все более и более стремительно. Для многих сортов нельзя указать цены, так как не было возможности найти на них покупателя; и вообще, даже там, где цены указаны, они определяются скорее положением или опасениями владельца, чем фактическим спросом. *Текущего спроса вообще нет.* Внутренний рынок накопил больше запасов, чем можно надеяться сбыть, судя по перспективам ближайшей зимы». (О том, что внешние рынки переполнены товарами,

циркуляр, конечно, умалчивает.) «Сокращенная рабочая неделя введена теперь везде по необходимости; применение ее охватило в настоящее время *свыше одной пятой всего производства.* Возражений против применения ее в дальнейшем с каждым днем слышится все меньше, *и в настоящее время обсуждается вопрос о том, не лучше ли будет вовсе закрыть фабрики на некоторое время».*

Маклсфилдский корреспондент сообщает:

«По крайней мере 5000 квалифицированных ремесленников с семьями, которые, вставши утром, не знают, где раздобыть еды, чтобы нарушить свой вынужденный пост, обратились за помощью в попечительство о бедных, и так как они относятся к категории физически крепких пауперов, то они стоят перед выбором либо идти бить камни за 4 пенса в день, либо идти в работный дом, где с ними обращаются как с арестантами и где нездоровая и скудная пища подается им через отверстие в стене; что же касается разбивания камней, то для людей, привыкших обращаться только с тончайшими материалами, именно с шелком, такое предложение равносильно отказу в помощи».

Английские авторы видят в нынешнем кризисе в Англии, сравнительно с кризисом 1847 г., то преимущество, что он не открывает широкого поля для спекуляции, например, железнодорожными акциями, которая поглощала бы капиталы. Но это далеко не так. Дело в том, что англичане приняли большое участие в спекуляциях за границей как на европейском континенте, так и в Америке; на родине же их избыточный капитал вложен преимущественно в фабричные предприятия, так что нынешнее потрясение более чем когда-либо прежде носит характер промышленного кризиса и поэтому поражает самые корни национального благосостояния.

На европейском континенте зараза распространилась от Швеции до Италии в одном направлении и от Мадрида до Будапешта — в другом. Гамбургу, который является крупнейшим торговым центром Таможенного союза[261] как по экспорту, так и по импорту и главным денежным рынком всей Северной Германии, пришлось, конечно, принять на себя первый удар. Что касается Франции, то Французский банк взвинтил свою учетную ставку до уровня английской; декреты, запрещавшие вывоз зернового хлеба, отменены[262]; все парижские газеты получили секретные предостережения не выражать пессимизма; менялы запуганы жандармами, и сам Луи Бонапарт изволит информировать своих подданных в довольно хвастливом письме о том, что он почувствует себя подготовленным для финансового coup d'etat[*] и что, следовательно, «зло существует только в воображении»[263].

Написано К. Марксом 13 ноября 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5183, 30 ноября 1857 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — буквально: государственного переворота; здесь: переворота. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ВЗЯТИЕ ДЕЛИ

Мы не намерены присоединяться к шумному хору голосов в Великобритании, который до небес превозносит храбрость войск, взявших штурмом Дели. Ни один народ, даже французы, не может сравниться с англичанами в способности к самовосхвалению — особенно, когда дело идет о храбрости. А между тем анализ фактов в девяноста девяти случаях из ста очень быстро сводит величие этого героизма к весьма заурядным размерам; поэтому каждому здравомыслящему человеку должно претить это старание извлекать барыши из чужой храбрости, столь свойственное английскому pater familias*, который, преспокойно сидя у себя дома и испытывая непреодолимое отвращение ко всему тому, что грозит ему малейшим шансом добиться военной славы, пытается приобщить себя к бесспорному, но все же не столь уж необыкновенному мужеству, проявленному при штурме Дели.

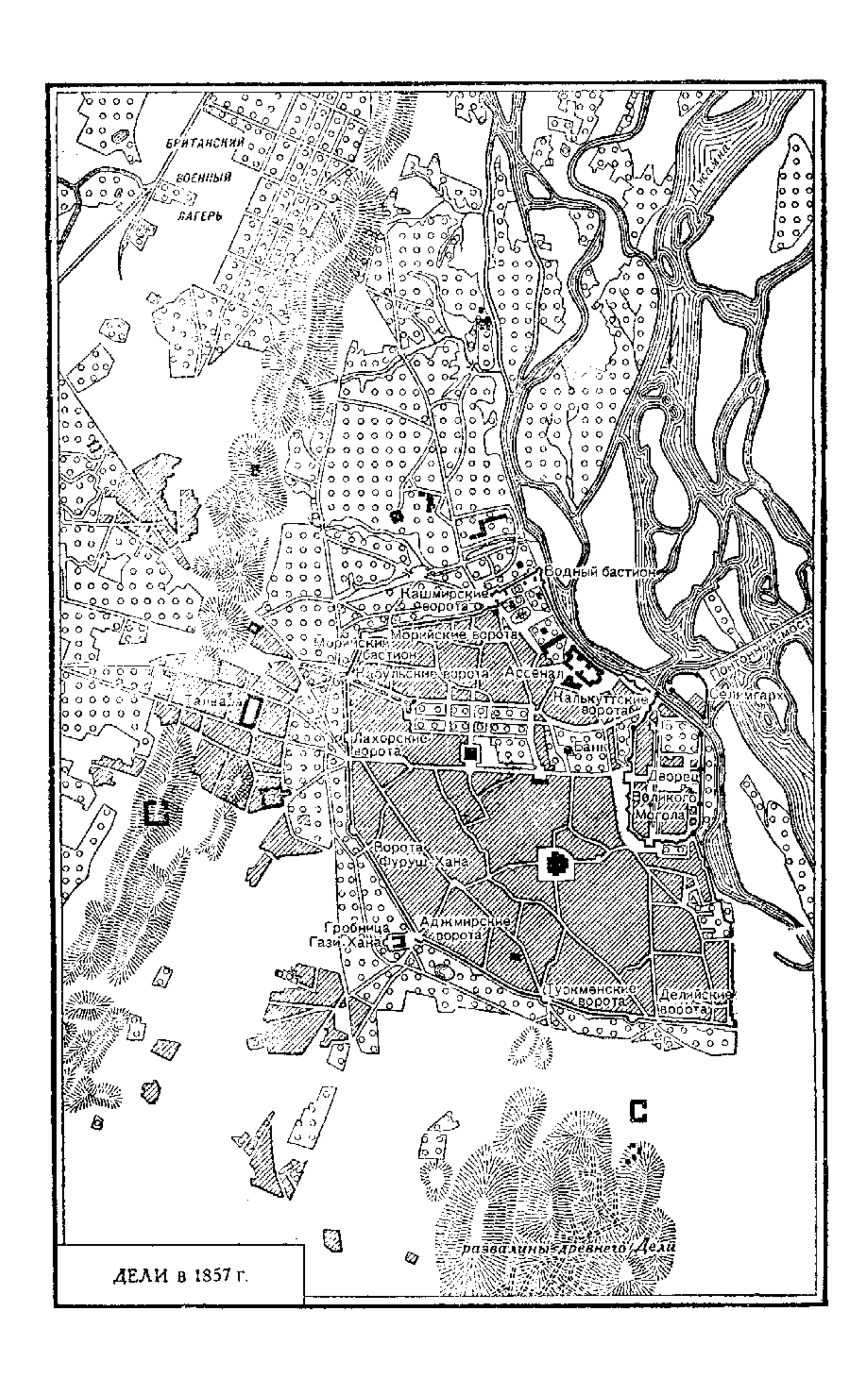
Если мы сравним Дели с Севастополем, то нам придется, конечно, признать, что сипаи — не чета русским; что ни одна из их вылазок против британского военного лагеря не может и отдаленно сравниться с Инкерманом[264]; что в Дели не было Тотлебена; что, как бы храбро в большинстве случаев ни сражался каждый солдат и каждая рота сипаев, почти все их батальоны — не говоря уже о бригадах и дивизиях, — оставались без всякого руководства; что поэтому согласованность в их действиях не шла дальше роты; что у них отсутствовал какой бы то ни было элемент военной науки, без которой

---

* — отцу семейства. *Ред.*

в настоящее время любая армия является беспомощной, а оборона любого города — совершенно безнадежной. Тем не менее неравенство сил и военных средств, превосходство сипаев над европейцами в отношении их способности переносить климат Индии, временами чрезвычайная малочисленность войск, осаждавших Дели, — все это намного уменьшает указанные различия и безусловно дает возможность сравнивать обе осады (если эти действия называть осадой). Повторяем, мы не считаем штурм Дели актом какой-то необыкновенной, сверхгероической храбрости, хотя, как во всяком сражении, отдельные подвиги, без сомнения, совершались с обеих сторон; мы лишь утверждаем, что англо-индийская армия, осаждавшая Дели, проявила больше настойчивости, силы характера, рассудительности и умения, нежели английская армия в пробе сил между Севастополем и Балаклавой[265]. После Инкермана английская армия совсем уже собралась, было, садиться обратно на суда и, несомненно, так бы и сделала, если бы не французы. Между тем осаждавшие Дели войска, которых побуждали к отступлению время года и связанные с ним губительные болезни, нарушения коммуникаций и отсутствие всякой надежды на быстрое прибытие подкреплений, а также общее положение в Верхней Индии, хотя и взвешивали целесообразность такого шага, однако, несмотря ни на что, до конца оставались на своем посту.

Когда восстание достигло наибольшего размаха, англичанам прежде всего необходимы были подвижные войска в Верхней Индии. Были только два отряда, пригодные для этой цели: небольшой отряд Хавлока, который, как вскоре выяснилось, не соответствовал поставленной задаче, и войска под Дели. То, что при тогдашних обстоятельствах с военной точки зрения было ошибкой стоять под Дели, растрачивая наличные силы в бесполезных боях с неуязвимым противником; что, находясь в движении, армия была бы вчетверо ценнее, чем оставаясь на месте; что она могла бы очистить всю Верхнюю Индию, за исключением Дели, восстановить коммуникации, свести на нет все попытки повстанцев сосредоточить свои силы и что тогда падение Дели было бы простым и легко достижимым результатом всех этих действий, — все это факты бесспорные. Однако осаду Дели не позволяли снять политические соображения. Порицания заслуживают именно умники из ставки главного командования, пославшие армию к Дели, а не стойкость этой армии, которая упорно держалась, раз уж она оказалась там. Вместе с тем следует упомянуть, что сезон тропических дождей оказал на эту армию гораздо более слабое влияние, чем можно было

БРИТАНСКИЙ
ВОЕННЫЙ
ЛАГЕРЬ
Джамна
Водный бастион
Кашмирские ворота
Морийские ворота
Морийский бастион
Кабульские ворота
Арсенал
Калькуттские ворота
Селимгарх
Понтонный мост
Банк
Лахорские ворота
Дворец Великого Могола
Ворота Фуруш-Хана
Гробница Гази-Хана
Аджмирские ворота
Туркменские ворота
Делийские ворота
развалины древнего Дели

ДЕЛИ в 1857 г.

ожидать, и что если бы болезни, связанные с активными военными действиями в это время года, хотя бы приблизительно были так распространены, как обычно, отход армии или ее развал были бы неизбежны. Армия находилась в опасности до конца августа. После этого стали прибывать подкрепления; между тем внутренние раздоры все больше ослабляли лагерь повстанцев. В начале сентября прибыл осадный парк, и от обороны англичане перешли к наступлению. 7 сентября первая батарея открыла огонь, а вечером 13-го были пробиты две достаточно широкие для штурма бреши. Рассмотрим теперь, какие события имели место в течение этого промежутка времени.

Если бы для этой цели нам пришлось полагаться на официальное донесение генерала Уилсона, мы были бы поистине в весьма затруднительном положении. Его сообщение так же неясно, как документы, исходившие в свое время из ставки английского главного командования в Крыму. Никто в мире не мог бы на основании этого сообщения определить положение обеих брешей или взаимное положение и боевой порядок штурмующих колонн. Что же касается частных сообщений, то в них, конечно, царит еще более безнадежная путаница. К счастью, один из тех знающих и образованных офицеров из состава бенгальских саперов и артиллеристов, которым почти вся операция и обязана своим успехом, напечатал в «Bombay Gazette»[266] отчет о происшедших событиях, оказавшийся настолько же ясным и деловым, насколько он прост и непритязателен. В течение всей Крымской войны не нашлось ни одного английского офицера, который сумел бы дать столь же вразумительное описание. К сожалению, офицер этот был ранен в первый же день штурма, и на этом его письмо заканчивается. Поэтому дальнейший ход событий все еще остается для нас совершенно невыясненным.

Англичане усилили укрепления Дели лишь настолько, чтобы они могли выдержать осаду со стороны азиатской армии. По нашим современным понятиям, Дели едва ли заслуживал названия крепости: он был только защищен от атаки полевых войск открытой силой. Его каменная стена высотой в 16 футов и толщиной в 12 футов, увенчанная парапетом толщиной в 3 фута и высотой в 8 футов, имела, не считая парапета, 6 футов каменной кладки, не прикрытой гласисом, по которой нападающие могли вести огонь прямой наводкой во время атаки. Крепостная стена была настолько узка, что орудия можно было устанавливать только в бастионах и башнях Мартелло. Последние совершенно недостаточно фланкировали куртину, и так как осадными орудиями нетрудно сбить каменный

парапет толщиной в три фута (это можно было сделать даже полевыми орудиями), то заставить замолчать артиллерию защитников, и в особенности пушки, фланкирующие ров, было совсем легко. Между стеной и рвом проходила широкая берма, или ровная дорога, облегчавшая образование достаточно широкой для штурма бреши, и при таких обстоятельствах ров уже не представлял собой coupe-gorge* для всякого отряда, попадавшего в него, а становился местом передышки и перегруппировки для тех частей, ряды которых могли оказаться расстроенными во время наступления на гласис.

Наступать на такую крепость, используя обычные траншеи в соответствии с правилами осады, было бы безумием, даже если бы имелось в наличии первое необходимое для этого условие, а именно, военные силы, достаточно многочисленные, чтобы обложить крепость со всех сторон. При общем состоянии укреплений, при дезорганизации и сильном упадке духа защитников всякий другой способ атаки, кроме того, который был избран наступающими, был бы глубоко ошибочным. Этот способ хорошо известен военным под названием атаки открытой силой (attaque de vive force). При этом укрепления — поскольку они могут служить защитой от атаки открытой силой только при отсутствии у осаждающих тяжелых орудий — без дальнейших околичностей разрушают артиллерией; одновременно внутреннюю часть крепости подвергают непрерывной бомбардировке, и как только бреши в стене становятся достаточно широкими, войска бросаются на штурм.

Атака была направлена на северную часть стены, расположенную как раз против английского лагеря. Этот участок состоит из двух куртин и трех бастионов и образует небольшой входящий угол у центрального (Кашмирского) бастиона. Восточная часть, от Кашмирского до Водного бастиона, является более короткой и немного выступает вперед по сравнению с западной частью, между Кашмирским и Морийским бастионами. Пространство перед Кашмирским и Водным бастионами было покрыто низким кустарником, садами, постройками и пр., которые не были снесены сипаями и служили прикрытием для атакующих. (Это обстоятельство объясняет, каким образом англичане так часто могли преследовать сипаев под огнем пушек крепости, что считалось тогда величайшим геройством, в действительности же было делом мало опасным, поскольку англичане имели такое прикрытие.) Кроме того, на расстоянии примерно 400 или 500 ярдов от этой позиции, в том же направле-

* — волчьей ямы. *Ред.*

нии, что и стена, проходил глубокий овраг, который представлял собой естественную параллель для атаки. Так как, к тому же, река могла послужить прекрасной опорой для левого фланга англичан, то выбор слегка выступающего вперед участка стены между Кашмирским и Водным бастионами в качестве главного пункта для атаки был весьма целесообразен. Одновременно была произведена демонстративная атака западной куртины и бастионов, и этот маневр оказался столь удачным, что сипаи направили свои главные силы для ее отражения. Они собрали сильный отряд в предместье вне Кабульских ворот с целью создать угрозу правому флангу англичан. Их маневр был бы совершенно правильным и весьма эффективным, если бы западной куртине между Морийским и Кашмирским бастионами угрожала наибольшая опасность. Фланкирующая позиция сипаев была бы превосходна в качестве средства активной обороны, так как каждая колонна нападающих при своем продвижении вперед была бы сразу взята ими во фланг. Но выгодность этой позиции не оказывала никакого влияния на положение восточной куртины между Кашмирским и Водным бастионами, и таким образом занятие этой позиции только отвлекло лучшую часть сил защитников от решающего пункта.

Выбор позиций для батарей, их устройство, вооружение и организация их обслуживания достойны величайшей похвалы. У англичан было около 50 пушек и мортир, сосредоточенных в мощные батареи и укрытых за хорошими, прочными парапетами. У сипаев, согласно официальным сообщениям, на атакованном участке было 55 пушек, но они были разбросаны по небольшим бастионам и башням Мартелло, не могли действовать согласованно и были едва прикрыты жалким парапетом в три фута вышины. Нескольких часов, несомненно, оказалось достаточно, чтобы заставить замолчать артиллерию осажденных, а после этого оставалось сделать уже немного.

8-го числа 1-я батарея в количестве 10 пушек открыла огонь с расстояния в 700 ярдов от стены. В течение следующей ночи овраг, о котором говорилось выше, был превращен в своего рода траншею. 9-го числа пересеченная местность и постройки перед этим оврагом были захвачены без сопротивления, а 10-го вступила в действие 2-я батарея из 8 пушек. Эта батарея находилась в 500 или 600 ярдах от стены. 11-го числа 3-я батарея, установленная с большой отвагой и искусством в 200 ярдах от Водного бастиона на пересеченном участке местности, открыла огонь из 6 пушек; в то же время город обстреливали десять тяжелых мортир. Вечером 13-го числа пришло донесение, что бреши — одна в куртине, примыкающей к правому флангу

Кашмирского бастиона, другая — в левом фасе и фланге Водного бастиона — достаточно широки для штурма, и тогда был отдан приказ об атаке. 11-го числа сипаи соорудили контрапрош на гласисе между этими двумя бастионами, которым угрожала опасность, и прорыли стрелковый ложемент на расстоянии около трехсот пятидесяти ярдов от английских батарей. Кроме того, от позиции за Кабульскими воротами они продвинулись вперед для фланговых атак. Но эти попытки активной обороны выполнялись без общего плана, без взаимной связи и без подъема и не привели ни к каким результатам.

На рассвете 14-го числа пять английских колонн двинулись в атаку. Одна, находившаяся на правом фланге, должна была завязать бой с отрядом сипаев у Кабульских ворот и, в случае успеха, атаковать Лахорские ворота. По одной колонне было направлено против каждой бреши, одна колонна была послана против Кашмирских ворот с задачей взорвать их, и одна должна была служить резервом. Действия всех этих колонн, за исключением первой, увенчались успехом. Бреши защищались осажденными сравнительно слабо, зато сопротивление в соседних со стеною домах было очень упорным. Благодаря героизму одного офицера и трех сержантов-саперов (ибо это был *действительно* героизм) удалось взорвать Кашмирские ворота, и таким образом действовавшая там колонна также проникла в город. К вечеру весь северный участок находился в руках англичан. Однако здесь генерал Уилсон приостановил дальнейшее продвижение. Беспорядочный штурм был прекращен, пушки подтянуты и направлены против всех сильных позиций внутри юрода. Настоящих боев, за исключением штурма арсенала, было, по-видимому, очень мало. Восставшие пали духом в стали массами покидать город. Уилсон осторожно продвигался внутрь города; после 17-го числа он уже почти не встречал сопротивления и занял город полностью 20-го числа.

Мы высказали свое мнение о действиях атакующих. Что касается защитников, то попытка наступательных контрманевров, фланкирующая позиция у Кабульских ворот, контрапроши, стрелковые ложементы — все это показывает, что кое-какие понятия о военном искусстве уже проникли в среду сипаев; но эти понятия были либо недостаточно ясны, либо недостаточно хорошо усвоены, и поэтому сипаи были не в состоянии применять их со сколько-нибудь значительным успехом. Трудно, разумеется, решить, исходили ли эти понятия от самих индийцев или от некоторых европейцев, действовавших на их стороне; но несомненно одно: эти попытки, как бы они ни были несовершенны, в своей основе сильно напоминают активную

оборону Севастополя; их осуществление выглядит так, как будто какой-то европейский офицер составил для сипаев правильный план, но либо сами сипаи были не в состоянии уяснить себе вполне идею этого плана, либо же дезорганизация и отсутствие командования превратили вполне реальные проекты в слабые и неудачные попытки.

Написано Ф. Энгельсом 16 ноября 1857 г,

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5188, 5 декабря 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ТОРГОВЫЙ КРИЗИС В АНГЛИИ

Пока мы по эту сторону океана исполняли нашу небольшую прелюдию к грандиозной симфонии банкротства, оглушительно прозвучавшей затем во всем мире, наш чудаковатый собрат, лондонская газета «Times» разыгрывала торжественные риторические вариации на тему о «здоровом состоянии» британской торговли. Сейчас, однако, «Times» настраивается на иной, более минорный тон. В одном из своих последних номеров, а именно, в номере от 26 ноября, доставленном вчера к нашим благословенным берегам пароходом «Европа», эта газета заявляет, что «торговые классы Англии целиком и полностью поражены болезнью». Затем, взвинтив себя до высшего предела нравственного возмущения, газета восклицает:

«Именно гонка в торговле и промышленности, оказывавшая деморализующее влияние на их развитие в течение восьми или десяти лет процветания, пока не наступил конец, привела к страшнейшей катастрофе. Именно появление на свет банд безудержных спекулянтов и фиктивных векселедателей, которых превозносили как образец успешной британской предприимчивости, дабы подорвать доверие к способам медленного обогащения при честном предпринимательстве, — именно это стало источником отравы. Сфера влияния каждого из образовавшихся таким образом очагов разложения все больше и больше расширяется».

Мы не намерены сейчас затрагивать вопрос о том, правы ли английские журналисты, в течение десятка лет твердившие, что с введением свободы торговли эра торговых потрясений закончилась навсегда; правы ли они теперь, внезапно превращаясь из подобострастных панегиристов в римских цензоров, осуждающих современные способы наживы. Фактическим ком-

ментарием к «здоровому состоянию» британской торговли могут послужить следующие данные, представленные собраниям кредиторов, состоявшимся недавно в Шотландии.

Превышение пассива над активом
(в фунтах стерлингов):

Джон Монтит и К°	430 000
Д. и Т. Макдональд	334 000
Годфри, Паттисон и К°	240 000
Уильям Смит и К°	104 000
Т. Трехес, Робинсон и К°	75 000
Всего	1 183 000

«Из приведенных данных видно», — пишет «North British Mail»[267], — «что по показаниям самих банкротов кредиторы этих пяти фирм потеряли 1183000 фунтов стерлингов».

Однако самый факт, что кризисы, несмотря на все уроки прошлого, продолжают регулярно повторяться через определенные промежутки времени, не позволяет усматривать их конечную причину в опрометчивости отдельных лиц. Если к исходу какого-либо данного периода торговли спекуляция выступает на сцену как непосредственный предвестник краха, то не следует забывать, что сама-то спекуляция зародилась в предшествующих фазах того же периода и потому сама является следствием и проявлением, а не конечной причиной и сущностью. Политико-экономы, пытающиеся объяснить регулярные спазмы промышленности и торговли спекуляцией, напоминают ныне вымершую школу натурфилософов, считавших подлинной причиной всех болезней лихорадку.

Центром европейского кризиса до сих пор остается Англия, но и в самой Англии, как мы это и предвидели*, характер кризиса изменился. Если первая реакция Великобритании на крах в Соединенных Штатах проявилась в виде денежной паники, сопровождавшейся общей депрессией на товарном рынке, а спустя некоторое время и угнетенным состоянием промышленности, то сейчас на первый план выступил промышленный кризис, а финансовые затруднения отошли на задний план. Если одно время очаг пожара был в Лондоне, то теперь этот очаг переместился в Манчестер. Самое серьезное потрясение,

* См. настоящий том, стр. 336. *Ред.*

которое когда-либо переживала английская промышленность, и единственное, повлекшее за собой большие социальные сдвиги — промышленный кризис с 1838 по 1843 гг., — лишь очень недолгое время, а именно в 1839 г., сопровождалось сокращением денежного рынка; большую же часть этого периода процентная ставка оставалась низкой и даже падала до $2^1/_2$ и 2%. Мы отмечаем этот факт не потому, что считаем относительное улучшение дел на лондонском денежном рынке симптомом его окончательного выздоровления, но лишь с целью указать, что в такой промышленной стране как Англия колебания на денежном рынке отнюдь не отражают ни силы, ни размеров торгового кризиса. Сравните, например, лондонские и манчестерские газеты за одно и то же число. Лондонские газеты, которые следят только за отливом и притоком золота, не помнят себя от радости, когда Английскому банку удается путем новой закупки золота «упрочить свое положение». Манчестерские — мрачнее тучи, так как чувствуют, что это упрочение достигнуто за их счет, то есть повышением процентной ставки и падением цен на их продукцию. Поэтому даже г-н Тук, автор «Истории цен»[268], как ни умело он разбирается в явлениях лондонского денежного и колониального рынков, оказался неспособным не только обрисовать, но и понять спазмы, происходящие в самом сердце английского производства.

Что же касается английского денежного рынка, то его история за неделю, закончившуюся 27 ноября, показывает, с одной стороны, постоянную смену дней банкротств и дней, когда таковых не было, и, с другой стороны, улучшение положения Английского банка и крушение Нортумберлендского и Дургамского провинциальных банков. Последний из них, основанный 21 год назад, насчитывающий 408 акционеров и располагающий оплаченным капиталом в 562891 ф. ст., имел свою главную контору в Ньюкасле и свои филиалы в Алнике, Берике, Хексеме, Морпете, Норт-Шилдсе, Саут-Шилдсе, Сандерленде и Дургаме. Его обязательства в настоящее время равны трем миллионам фунтов стерлингов, — одна только сумма недельной заработной платы, выплачиваемой через его посредство, достигает 35000 фунтов стерлингов. Первым следствием краха Дургамского банка будет, несомненно, прекращение работ в крупных каменноугольных копях и на металлургических заводах, финансировавшихся этим банком. Значит, много тысяч рабочих окажутся без работы.

Английский банк, по имеющимся сведениям, увеличил свой металлический запас на сумму около 700000 фунтов стерлингов. Такой прилив золота объясняется отчасти прекращением утечки

в Шотландию, отчасти поступлениями из данной страны* и России и, наконец, прибытием австралийского золота. В этом движении нет ничего удивительного, поскольку совершенно ясно, что, повышая процентную ставку, Английский банк обыкновенно сокращает импорт, усиливает экспорт, привлекает обратно часть английских капиталов, вложенных за границей, и, следовательно, изменяет торговый баланс в пользу Англии и вызывает известный приток в Англию золота и серебра. Но с такой же уверенностью можно предсказать, что при малейшем смягчении условий учета золото снова начнет уплывать за границу. Одно лишь неизвестно — сколько времени Банк сможет сохранять эти условия в силе.

Официальные отчеты министерства торговли за октябрь, то есть за месяц, в течение которого минимальная учетная ставка была повышена сначала до 6, а потом до 7 и до 8%, явно доказывают, что первым последствием этой операции было не прекращение промышленной деятельности, а усиление экспорта английских товаров на иностранные рынки и сокращение импорта иностранной продукции.

Несмотря на американский кризис, экспорт за октябрь 1857 г. увеличился на 318838 ф. ст. по сравнению с октябрем 1856 г., но отраженное в тех же отчетах значительное сокращение потребления всех продуктов питания и предметов роскоши свидетельствует о том, что указанный рост экспорта промышленной продукции был нерентабельным и вовсе не являлся естественным следствием процветания промышленности. Влияние кризиса на английскую промышленность станет ясным из ближайших отчетов министерства торговли. Сравнение отчетов за отдельные месяцы с января по октябрь 1857 г. показывает, что английское производство достигло высшей точки своего развития в мае, когда экспорт на 2648904 ф. ст. превысил экспорт за май 1856 года. В июне, вслед за получением первых известий о восстании в Индии, производство в целом упало ниже уровня того же месяца 1856 г., а экспорт по сравнению с этим месяцем сократился на 30247 фунтов стерлингов. В июле, несмотря на сокращение индийского рынка, производство не только достигло уровня того же месяца 1856 г., но и превысило его на такую значительную сумму, как 2233306 фунтов стерлингов. Следовательно, в июле другие рынки должны были поглотить — помимо обычного количества потребляемых ими товаров — не только ту часть их, которая обыкновенно шла в Индию, но и много больше того, что обычно производила для

* — Соединенных Штатов. *Ред.*

них Англия. Поэтому иностранные рынки в этом месяце были, по-видимому, настолько завалены товарами, что сумма стоимости экспорта стала последовательно снижаться приблизительно с двух с третью миллионов до 885513 ф. ст. в августе, до 852203 ф. ст. в сентябре и до 318838 ф. ст. в октябре. Изучение английских отчетов о торговле дает единственно верную разгадку тайны переживаемого Англией кризиса.

Написано К. Марксом 27 ноября 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5196, 15 декабря 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ

Почта, прибывшая вчера утром с пароходами «Канада» и «Адриатика», воспроизводит нам историю европейского финансового кризиса за неделю. Эту историю можно резюмировать в нескольких словах. Гамбург все еще был центром кризиса, более или менее резко отразившегося на Пруссии и постепенно приводившего английский денежный рынок в состояние неустойчивости, от которой он, казалось, начал оправляться. Отдаленные отзвуки бури уже донеслись из Испании и Италии. Паралич промышленной деятельности и, как следствие этого, нужда рабочего класса быстро распространяются по всей Европе. С другой стороны, тот факт, что Франция все еще продолжает оказывать некоторое сопротивление этой заразе, озадачил тех, кто занимается политической экономией, как загадка, разгадать которую труднее, чем разрешить самое проблему всеобщего кризиса.

Предполагали, что гамбургский кризис миновал свою высшую точку после 21 ноября с основанием Гарантийного дисконтного общества, общая подписка на акции которого достигла 12000000 марок. Целью организации этого Общества было обеспечивать обращение таких векселей и банкнот, в а которых будет стоять печать Общества. Однако несколько дней спустя снова произошло несколько банкротств и происшествий вроде самоубийства вексельного маклера Гова, предвещавших новые бедствия. 26 ноября паника вновь была в полном разгаре; и как сперва Дисконтное общество, так теперь само правительство предприняло шаги, чтобы задержать ее распространение. 27 ноября сенат внес предложение — и получил разрешение земельных собственников города — выпустить

ценные процентные бумаги (казначейские билеты) на сумму в 15000000 марок с целью выдавать ссуды под товары устоявшегося образца или под государственные ценные бумаги; размер ссуд должен был составлять от 50 до $66^2/_3$% соответствующей стоимости закладываемых товаров. Эта вторая попытка поправить состояние торговли потерпела неудачу, подобно первой, — обе напоминали тщетные крики о помощи во время кораблекрушения. Оказалось, что гарантия самого Дисконтного общества требовала в свою очередь другой гарантии; кроме того, государственные ссуды, ограниченные как по своему размеру, так и по характеру товаров, под которые они предоставлялись, становились, именно в силу условий их получения, относительно бесполезными, по мере того как падали цены. Чтобы поддержать цены и таким образом устранить действительную причину бедствия, государство должно было уплачивать цены, существовавшие перед вспышкой коммерческой паники, и учитывать векселя, которые представляли собой лишь обязательства обанкротившихся заграничных фирм. Другими словами, потери частных капиталистов надлежало компенсировать за счет богатства всего общества, представителем которого является правительство. Такой род коммунизма, где взаимность обязательна только для одной стороны, кажется европейским капиталистам довольно заманчивым.

29 ноября двадцать крупных гамбургских торговых фирм, не считая многочисленных торговых фирм Альтоны, обанкротились, учет векселей прекратился, цены на товары и ценные бумаги стали весьма низкими и все коммерческие дела зашли в тупик. Из списка банкротств видно, что пять из них произошло в связи с банковскими операциями со Швецией и Норвегией, причем долги одной из обанкротившихся фирм, а именно фирмы Ульберг и Крамер, достигли 12000000 марок; пять банкротств произошло в торговле колониальными товарами, четыре — в торговле товарами с Балтийского побережья, два — в области экспорта промышленных изделий, два банкротства в области страхования, одно на фондовой бирже, одно в судостроительной промышленности. Зависимость Швеции от Гамбурга — своего экспортера, вексельного маклера и банкира — настолько велика, что история гамбургского рынка является историей стокгольмского рынка. Вот почему два дня спустя после краха телеграмма возвестила, что банкротства в Гамбурге повлекли за собой банкротства в Стокгольме и что государственная поддержка и там оказалась безрезультатной. То, что в этом отношении правильно для Швеции, еще более справедливо для Дании, коммерческий центр которой, Альтона,

является не чем иным, как пригородом Гамбурга. 1 декабря произошло большое количество банкротств, в том числе двух очень старых фирм, а именно фирмы Конрада Варнеке, торгующей колониальными товарами, преимущественно сахаром, с капиталом в 2000000 марок, имевшей широкие связи с Германией, Данией и Швецией, и фирмы Лорент ам Энде и К°, имевшей деловые связи со Швецией и Норвегией. Один судовладелец и оптовый торговец, вследствие затруднений, в которых он оказался, покончил жизнь самоубийством.

Судить об общем объеме торговли Гамбурга можно по тому факту, что как раз в данный момент на его складах и в порту скопилось различных товаров, принадлежащих гамбургским купцам, на сумму около 500000000 марок. Республика теперь прибегает к единственному средству против кризиса — освобождению своих граждан от обязанности платить долги. Вероятно, будет проведен закон, дающий месячную отсрочку платежа по всем векселям. Что касается Пруссии, то газеты лишь вскользь отмечают тяжелое состояние промышленных областей Рейна и Вестфалии, так как оно еще не вызвало многочисленных банкротств, — обанкротились лишь экспортеры зерна в Штеттине и Данциге и около сорока промышленников в Берлине. Вмешательство прусского правительства в эти дела выразилось в том, что оно уполномочило Берлинский банк выдавать ссуды под товары и отменило ростовщические законы. Первое мероприятие окажется столь же тщетным в Берлине, как в Стокгольме и Гамбурге, последнее только поставит Пруссию в одинаковое положение с другими торговыми странами.

Гамбургский крах является убедительным ответом тем лицам с богатым воображением, которые считают теперешний кризис следствием искусственного взвинчивания цен посредством бумажных денег. Что касается денежного обращения, то Гамбург представляет собой полную противоположность данной стране. В Гамбурге нет иных денег, кроме серебра. Там в обращении вовсе нет бумажных денег, и город гордится тем, что функцию средства обмена выполняет в нем исключительно металл. Тем не менее в настоящее время там свирепствует сильнейшая паника; и вообще со времени появления всеобщих торговых кризисов, которые, как и кометы, были открыты не столь давно, Гамбург всегда был их излюбленной ареной. Дважды в продолжение последней трети восемнадцатого столетия там разыгрывались такие же события, как и сейчас; и если есть какая-либо характерная черта, отличающая его от других крупных торговых центров мира, так это частые и сильные колебания процентной ставки.

Оставив Гамбург и обратившись к Англии, мы находим, что состояние лондонского денежного рынка с 27 ноября по 1 декабря постепенно улучшалось, но потом снова началось обратное движение. 28 ноября цена серебра действительно упала, но после 1 декабря она опять поднялась и, вероятно, будет продолжать подниматься, так как большое количество серебра требуется для Гамбурга. Другими словами, золото будет снова уплывать из Лондона для покупки континентального серебра, и эта возобновившаяся утечка золота потребует от Английского банка снова закрутить гайки. Кроме внезапно возникшего спроса на серебро в Гамбурге, в недалеком будущем предвидится индийский заем, к которому правительство, сколько бы оно ни старалось отсрочить этот злополучный день, неминуемо должно будет прибегнуть. Рассеянию иллюзий относительно того, что денежный рынок уже пережил свои самые худшие времена, способствовали также новые банкротства, которые произошли после 1-го числа текущего месяца. Лорд Оверстон (банкир Лойд) заметил на открытии сессии палаты лордов:

«Очередной нажим на Английский банк произойдет, вероятно, прежде, чем будут урегулированы расчеты, и тогда кризис будет более сильным, чем тот, перед которым мы сейчас спасовали. Нашей стране угрожают серьезные и опасные трудности».

Гамбургская катастрофа еще не ощущается в Лондоне. Улучшение положения на денежном рынке благоприятно повлияло на товарный рынок; но, независимо от возможного нового сокращения денежной массы, очевидно, что резкое падение цен на товары в Штеттине, Данциге и Гамбурге не может не снизить цены в Лондоне. Французский декрет, отменяющий запрещение экспорта зерна и муки, немедленно же заставил лондонских мельников снизить свои цены на 3 шилл. с каждых 280 фунтов, чтобы приостановить приток муки из Франции. Появились сообщения о нескольких банкротствах в хлебной торговле, но эти банкротства коснулись лишь более мелких фирм, а также спекулянтов на хлебной бирже, заключивших сделки на сроки.

В английских промышленных районах не произошло ничего нового, за исключением того, что хлопчатобумажные товары, изготовленные специально для индийского рынка, такие, как коричневый шертинг, жаконет, мадаполам, а также и пряжа, предназначенная для того же самого рынка, впервые после 1847 г. стали продаваться в Индии по выгодным ценам. С 1847 г. прибыли, которые получали манчестерские фабриканты от этой торговли, извлекались не из продажи их товаров в Ост-Индии,

а исключительно из продажи в Англии товаров, которые они сами привозили из Ост-Индии. Почти полное прекращение английского экспорта в Индию с июня 1857 **г.**, вызванное восстанием, обеспечило поглощение индийским рынком накопившихся английских товаров и даже открыло возможность для реализации новых поставок по повышенным ценам. При обычных условиях такое обстоятельство необычайно оживило бы манчестерскую торговлю. Но в настоящий момент, как нам известно из частных писем, оно вызвало лишь незначительное повышение цен на товары, пользующиеся наибольшим спросом, и в то же время благодаря ему в производство этих товаров ринулось такое количество ищущей применения рабочей силы, что если бы ее занять полностью, то готовыми изделиями в самый короткий срок можно было бы наводнить целых три Индии. Общее увеличение производительных сил в промышленных районах Англии за последние десять лет было так велико, что даже сокращение работы более чем на одну треть по сравнению с ее прежним объемом может быть выдержано промышленностью, ибо фабриканты накопили на своих складах огромные запасы товаров. Господа Дю Фе и К° в своем месячном манчестерском торговом отчете пишут, что «в этом месяце в торговле был перерыв; было заключено очень мало сделок, и цены во всех случаях весьма низкие. Никогда прежде общее количество сделок не было так ничтожно, как в ноябре».

Здесь, может быть, уместно обратить внимание на тот факт, что в 1858 г. отмена английских хлебных законов впервые подвергнется серьезному испытанию. Отчасти из-за влияния австралийского золота и промышленного процветания, отчасти из-за естественных результатов плохого урожая средняя цена пшеницы в период с 1847 по 1857 г. находилась на более высоком уровне, чем в период с 1826 по 1836 год. Теперь острую конкуренцию продуктов иностранного сельского хозяйства придется выдерживать одновременно с падением спроса внутри страны; и, вероятно, снова возникнет сельскохозяйственный кризис, который, казалось, был погребен в анналах британской истории с 1815 по 1832 год. Правда, повышение цен на французскую пшеницу и муку, последовавшее после императорских декретов, оказалось лишь временным и прекратилось прежде, чем начался сколько-нибудь широкий экспорт в Англию. Однако при дальнейшем угнетенном состоянии французского денежного рынка Франция будет вынуждена бросить свое зерно и муку на английский рынок, куда в то же время будет энергично проталкивать свои сельскохозяйственные продукты в Германия. Затем весной прибудут корабли с грузом из Соеди-

пенных Штатов и нанесут британскому хлебному рынку окончательный удар. Если — как вся история цен дает нам основание предполагать — один за другим последуют несколько хороших урожаев, то мы увидим, во что выльются действительные последствия отмены хлебных законов, в первую очередь для сельскохозяйственных рабочих, во вторую — для фермеров и в конечном счете — для всей системы британской земельной собственности.

Написано К. Марксом 4 декабря 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5202, 22 декабря 1857 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* КРИЗИС В ЕВРОПЕ

Полученная нами вчера с пароходом «Ниагара» почта и внимательное изучение имеющихся в нашем распоряжении комплектов английских газет только подтверждают высказанные нами недавно предположения относительно дальнейшего хода развития кризиса в Англии*. Состояние лондонского денежного рынка определенно улучшается, то есть золото в подвалах Английского банка накапливается, требования учета векселей в Английском банке уменьшаются, первоклассные ценные бумаги можно учитывать на Ломбард-стрит[269] из $9^1/_2$—$9^3/_4$%, курсы государственных ценных бумаг остаются устойчивыми; улучшилось до некоторой степени и положение на фондовой бирже. Однако эту радужную с виду картину весьма омрачают происходящие каждые два или три дня крупные банкротства в Лондоне, а также ежедневные телеграммы — печальные вестники провинциальных катастроф — и громы лондонской газеты «Times», которая яростнее, чем обычно, негодует по поводу всеобщей и безнадежной испорченности торгового класса Англии. В самом деле, сравнительная легкость, с которой можно учесть безупречные векселя, по-видимому, более чем уравновешивается тем, что все труднее становится найти векселя, которые могут быть признаны безупречными. В результате в последних лондонских статьях, посвященных финансовым вопросам, мы читаем, что на Треднидл-стрит операции крайне «ограничены», а на Ломбард-стрит совершается мало сделок. И все же, так как предложение со

* См. настоящий том, стр. 354—356. *Ред.*

стороны Английского банка и учетных домов увеличивается, а давление на них, то есть спрос со стороны их клиентов, уменьшается, то надо признать, что положение на денежном рынке сравнительно благоприятное. Несмотря на это, директора Английского банка еще не осмелились снизить учетную ставку, так как, по всей видимости, они убеждены, что возобновление денежного кризиса не является вопросом времени, а зависит от учетных ставок и что, следовательно, снижение учетной ставки обязательно повлечет за собой повторение денежного кризиса.

В то время как на лондонском денежном рынке положение так или иначе стало лучше, напряженность на английском товарном рынке все более возрастает, ибо, несмотря на непрерывное падение цен, покупателей товаров становится все меньше и меньше. Даже такие товары, как, например, сало, которое раньше составляло исключение из общего правила, теперь в силу вынужденных продаж разделяют общую участь. Сравнение цен за неделю, истекшую 18 декабря, с недельными ноябрьскими ценами показывает, что то крайнее понижение цен, которое имело место в ноябре, снова налицо; на этот раз, однако, оно принимает форму не панического, а систематического, постепенного падения. Что же касается промышленности, то предсказанный нами серьезный промышленный кризис[*] подтверждается теперь банкротством полдюжины прядильных и ткацких фабрик в Ланкашире, трех ведущих фирм в шерстяной промышленности в Уэст-Райдинге и крупной фирмы в ковровом производстве Вустера.

Так как явление этого двойного кризиса и на товарном рынке и в области промышленности постепенно будет становиться все более осязательным, мы удовольствуемся пока приведением следующей выдержки из сообщенного нашей газете одного частного письма из Манчестера:

> «Вы вряд ли можете составить себе какое-либо представление о силе все продолжающегося давления на рынок и катастрофических последствиях этого. Никто ничего не может продать. Цены падают изо дня в день. Дело дошло до того, что солидные фирмы предпочитают совсем не предлагать своих товаров. Ткачи и прядильщики в полном отчаянии. Торговцы пряжей продают пряжу ткачам исключительно за наличный расчет или под двойную гарантию. Если такое положение вещей будет продолжаться, оно неминуемо приведет к страшному краху»[270].

[*] См. настоящий том, стр. 336, 347—348. *Ред.*

Кризис в Гамбурге только что утих. Это был самый настоящий и классический пример денежного кризиса из всех наблюдавшихся когда-либо прежде. Кроме серебра и золота, все было обесценено. Рухнули старинные торговые фирмы, так как не смогли оплатить наличными ни единого векселя, которому наступил срок, хотя в их сейфах лежали векселя, во сто раз превышающие стоимость предъявленных к оплате. В тот момент, однако, эти векселя ничего не стоили, но не потому, что им перестали верить, а потому, что их невозможно было учесть. Так, по имеющимся сведениям, старинная и богатая фирма Х. М. Шрёдера перед своим банкротством получила предложение из Лондона от брата Х. М. Шрёдера — Л. Г. Шрёдера о переводе ей двух миллионов серебром; но фирма в ответ телеграфировала: «Три миллиона или ничего». Эти три миллиона не поступили, и Х. М. Шрёдер обанкротился. А вот пример совсем другого рода: фирма Ульберг и К°, о которой много говорилось в европейской печати, имея обязательства на сумму 12000000 марок, включая векселя на 7000000, располагала, как теперь выяснилось, для всех своих грандиозных операций капиталом всего лишь в 300000 марок.

В Швеции, и особенно в Дании, кризис значительно обострился. Возобновление этого бедствия, после того как оно, казалось, миновало, объясняется наступлением сроков больших платежей на Гамбург, Стокгольм и Копенгаген. В течение декабря, например, кончился срок векселей на девять миллионов, выставленных экспортерами кофе из Рио-де-Жанейро на Гамбург; все эти векселя были опротестованы, и эта масса протестов вызвала новую панику. В январе такая же участь ожидает, вероятно, векселя под грузы сахара, отправленные из Баии и Пернамбуку, а это снова приведет к возобновлению кризиса.

Написано Н. Марксом 18 декабря 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5213, 5 января 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ [271]

Последовательное снижение Французским банком своей учетной ставки с 10%, установленных им после 12 ноября, до 9% — 26 ноября, до 8% — 5 декабря и до 6%—17 декабря императорские органы печати использовали, конечно, как неопровержимое доказательство того, что торговое потрясение пошло на убыль и что «Франция пройдет через суровое испытание без какой-либо катастрофы». По их словам, финансовая система Наполеона III создала «это очевидное торговое превосходство Франции над всеми другими нациями» и обеспечила то положение, что Франция как теперь, так и в дальнейшем всегда «будет меньше страдать в моменты кризиса, нежели страны, с ней конкурирующие». Однако 6% — это такая ставка банковского учета, какой Франция не знала с самого начала нынешнего века — за исключением февраля 1800 г., несколько дней спустя после основания Французского банка дядей* — ц вплоть до критического периода в 1855 и 1856 гг. при племяннике**. Но даже если Французский банк снизит свою процентную ставку еще больше, скажем, до 4%, что это даст? Учетная ставка была снижена до 4% 27 декабря 1847 г., когда всеобщий кризис еще продолжался и кризис во Франции не достиг еще своей высшей точки. Тогда, как и теперь, правительство поздравляло Францию с тем, что ей посчастливилось избежать всеобщего кризиса, отделавшись всего лишь царапинами, да и то самыми поверхностными. А два месяца спустя финансовое земле-

* — Наполеоном I. *Ред.*
** — Наполеоне III. *Ред.*

трясение опрокинуло королевский трон вместе с восседавшим на нем мудрецом*.

Мы, конечно, не станем оспаривать тот факт, что кризис до сих пор задел французскую торговлю слабее, чем ожидалось. Причина этому весьма простая: в торговле с Соединенными Штатами, Великобританией и ганзейскими городами Франция имеет — и имеет уже давно — благоприятный для себя баланс. Таким образом, для того чтобы катастрофы, поразившие упомянутые страны, могли непосредственно отозваться на Франции, она должна была либо оказывать этим странам широкий кредит, либо накапливать в спекулятивных целях товары, предназначенные для экспорта в эти страны. Но ничего подобного не произошло. Следовательно, события в Америке, Англии и ганзейских городах не могли вызвать отлива драгоценных металлов из Франции; и если Французский банк на несколько недель повысил процентную ставку до уровня ставки Английского банка, то он сделал это лишь из опасения, как бы французский капитал не начал искать более выгодного приложения за границей.

Однако нельзя отрицать, что даже в своей нынешней фазе всеобщий кризис отразился на Франции в форме, соответствующей ее торговым отношениям с Соединенными Штатами, Англией и ганзейскими городами, а именно в форме хронического застоя. Это заставило Бонапарта, который в своем письме от 11 ноября объявлял, что «зло существует только в воображении», выступить с другим официальным посланием, где он высказывается в том смысле, что, «несмотря на свойственное французской торговле благоразумие и на бдительность правительства, торговый кризис вынудил многие отрасли промышленности, если не приостановить производство, то во всяком случае сократить его или снизить заработную плату», так что «большое число рабочих страдает от вынужденной праздности». Поэтому он открыл кредит в один миллион франков для помощи нуждающимся и предоставления им средств занятости, отдал распоряжение о принятии военных предосторожностей в Лионе и через посредство своих газет апеллировал к частной благотворительности. Изъятия вкладов из сберегательных касс начали значительно превышать новые вклады. Многие фабриканты потерпели значительные убытки вследствие банкротств в Америке и Англии; производство катастрофически сокращается в Париже, Лионе, Мюльхаузене, Рубе, Руане, Лилле, Нанте, Рент-Этьенне и других промышленных центрах; серьезные затруднения ощущаются также в Марселе, Гавре и Бордо.

* — Луи-Филиппом. *Ред.*

Общий застой торговли во всей стране особенно ярко отражен в последнем месячном отчете Французского банка, который показывает уменьшение денежного обращения в декабре на 73040000 фр. сравнительно с октябрем и на 48955900 фр. сравнительно с ноябрем; в то же время общая сумма учтенных векселей упала приблизительно на 100000000 фр. по сравнению с октябрем и на 77067059 фр. по сравнению с ноябрем. При современном положении французской печати, конечно, невозможно точно выяснить характер банкротств, происходящих в провинциальных городах, но что касается банкротств в Париже, то хотя они, конечно, и не представляют пока еще ничего серьезного, но все же проявляют тенденцию к росту, и не только в отношении количества, но и в отношении качества затронутых ими предприятий, За две недели — с 17 ноября по 1 декабря — в Париже произошло всего тридцать четыре банкротства, из которых не менее двадцати четырех банкротств было среди торговцев подержанным платьем, торговцев молоком, портных, мастеров, выделывающих искусственные цветы, столяров, мастеров дамских сумок, позолотчиков, торговцев кожаными изделиями, ювелиров, бахромщиков, изготовителей уксуса, картузников, торговцев фруктами и т. д. С 1-го по 8 декабря было не менее тридцати одного банкротства, а с 9-го по 15-е количество их возросло до тридцати четырех, в числе которых было несколько банкротств более крупных фирм, как, например, банкирской конторы гг. Бурдон, Дюбюк и К°, Главной компании voitures de remise*, Компании по производству жаккардовых ткацких станков, одной компании по выработке растительного масла и т. д. С другой стороны, попытка Бонапарта помешать разорительному падению цен на пшеницу и муку посредством отмены запретительных декретов потерпела неудачу: цены между 26 ноября и 21 декабря неуклонно падали, и, несмотря на значительные барыши от продажи этих продуктов в Лондоне, вплоть до 22 декабря туда было отправлено не более 3000 мешков (по 110 килограммов).

Однако если в своих торговых сношениях с Соединенными Штатами, Англией и ганзейскими городами Франция имела активный баланс, то в торговле с Южной Россией, Таможенным союзом, Голландией, Бельгией, Левантом и Италией баланс был для нее неблагоприятен. Что -касается Швейцарии, то она в настоящее время неизменно имеет пассивный торговый баланс, но Франция настолько сильно задолжала ей — поскольку большинство эльзасских фабрик работает за счет швейцарского

* — наемных экипажей. *Ред.*

капитала, — что во времена нехватки денег Швейцария всегда может оказать сильное давление на французский денежный рынок. В нынешний период, как это было и прежде, во Франции не наступит острого кризиса, пока торговые затруднения в упомянутых выше странах не достигнут определенного уровня. То, что Голландия не сможет благополучно пройти через нынешнее испытание, станет ясным, если только учесть, что ее все еще значительная торговля почти всецело ограничивается такими видами продукции, цены на которые упали и продолжают падать самым роковым образом. В промышленных центрах Таможенного союза уже явно обнаруживаются симптомы, предвещающие наступление кризиса. Опасения относительно краха торговли на Черном море и в Леванте высказывают триестские газеты, и достаточно было первых намеков на предстоящую катастрофу, чтобы свалить несколько крупных фирм в Марселе. Наконец, в тот самый момент, когда денежная паника, казалось, стала утихать на севере Европы, она с новой силой вспыхнула в Италии, как можно судить по следующей выдержке из миланской газеты «Opinione»[272] от 18 декабря:

«Нынешние затруднения очень и очень велики; банкротства достигли страшных масштабов; после крахов Паллеари, Баллабьо и К°, Чигеры, Редаэлли, Вехлера и Маццолы, после крахов за границей, отразившихся и у нас, после прекращения платежей лучшими фирмами Вероны, Венеции, Удине и Бергамо наши самые сильные торговые дома также зашатались и стали подводить итоги. А эти итоги весьма печальны. Достаточно указать, что среди наших крупнейших фирм по торговле шелком нет ни одной, у которой на складах не лежало бы менее 50000 фунтов шелка; отсюда не трудно высчитать, что при существующих ценах каждая из них должна потерять от полумиллиона до двух миллионов франков, ибо запасы некоторых из них превышают 150000 фунтов. Фирма братьев Брамбилла получила поддержку в виде займа в полтора миллиона франков; фирма Баттиста Гавацци ликвидирует свои дела, то же самое делают другие фирмы. Каждый спрашивает себя, что его ждет в будущем. Множество состояний исчезло, множество уменьшилось наполовину; множество семей, прежде зажиточных, сейчас находится в крайней нужде; множество рабочих сидит без работы, без хлеба, без каких-либо средств к существованию».

Когда, в результате все возрастающего давления со стороны этих стран, кризис во Франции назреет, он должен будет ударить по целому племени спекулянтов, если не прямо авантюристов от торговли, и по правительству, которое во Франции сыграло ту же самую роль, какую в этой стране*, в Англии и Гамбурге сыграла частная торговля. Кризис всей тяжестью обрушится на фондовый рынок и подвергнет опасности

* — Соединенных Штатах. *Ред.*

его главную опору — само государство. Естественным результатом сокращения французской торговли и промышленности явится то, что биржа получит в свое распоряжение деньги, тем более, что Французский банк обязан выдавать ссуды под государственные процентные бумаги и железнодорожные ценные бумаги. Вместо того чтобы сдерживать биржевую игру, нынешний застой французской торговли и промышленности благоприятствовал ей. Так, из последнего месячного отчета Французского банка мы видим, что его ссуды под железнодорожные акции увеличились одновременно с сокращением учета векселей и денежного обращения. Вследствие этого, несмотря на сильное сокращение доходов большинства французских железных дорог, курс их бумаг поднимается; например, доходы Орлеанской линии к концу ноября сократились на $22^1/_2$% сравнительно с соответствующим периодом прошлого года, однако ее акции 22 декабря котировались по 1355 фр., тогда как 23 октября цена их составляла только 1310 франков.

Когда во Франции началась депрессия в торговле, несколько железнодорожных компаний были сразу вынуждены прекратить свои работы, и подобная же участь угрожала почти всем остальным железнодорожным компаниям. Чтобы поправить их дела, император принудил Французский банк заключить с компаниями договор, в силу которого Банк фактически становится настоящим железнодорожным подрядчиком. Он должен выдавать денежные ссуды под новые боны, которые компании, в силу соглашения от 30 ноября 1856 г., имеют право выпустить в 1858 г., а также под ту часть этих бон, которая еще в 1857 г. подлежала выпуску, причем сумма бон, разрешенных к выпуску в 1858 г., составляет сорок два с половиной миллиона. Crédit Mobilier тоже, оказывается, угрожал крах от первого же удара кризиса, и 3 декабря ему пришлось чрезвычайно невыгодно для себя продать часть своего огромного количества ценных бумаг. В настоящее время существует проект слияния Crédit Mobilier с Crédit Foncier и Comptoire d'Escompte[273], для того чтобы на него распространилось предоставленное этим двум учреждениям право учитывать свои векселя и получать ссуды под свои ценные бумаги во Французском банке. Таким образом, план, очевидно, заключается в том, чтобы выдержать бурю, возложив на Французский банк ответственность за все эти концерны, — маневр, несомненно, подвергающий самый Банк опасности банкротства. Но даже и Наполеон III не может помышлять о том, чтобы заставить Банк производить платежи по требованиям, которые будут предъявлены к частным акционерам различных акционерных компаний. Не считая мелких сумм,

до конца декабря предстояло произвести платежи по следующим требованиям: Торгово-промышленной компании в Мадриде (гг. Ротшильды) из расчета 30 долларов на акцию, Французско-американской навигационной компании из расчета 10 долларов на акцию, Железнодорожной компании Виктора-Эммануила из расчета 30 долларов на акцию, Компании железоделательных заводов Эрсеранж из расчета 20 долларов на акцию, Средиземноморской железнодорожной компании из расчета 30 долларов на акцию, Австрийской железнодорожной компании из расчета 15 долларов, Сарагосской из расчета 10 долларов, Французско-швейцарской из расчета 10 долларов, Société générale de tanneries* из расчета 10 долларов, Companie de la carbonisation de houilles** из расчета 10 долларов и т. д. В начале этого года предстоит платеж из расчета 20 долларов на акцию Железнодорожной компании Шиме-Мариенбург, из расчета $12^1/_2$ долларов на акцию Компании ломбардо-венецианских железных дорог и из расчета 20 долларов на акцию Бельгийской и Южноамериканской пароходных компаний. В силу соглашения от 30 ноября 1856 г. требования одних только французских железных дорог в 1858 г. составят сумму приблизительно в 50000000 долларов. Несомненно, есть серьезная опасность, что в связи с этими тяжелыми обязательствами Франция в 1858 г. потерпит крах, подобно тому, как это случилось с Англией в 1846— 1847 годах. Более того, капиталисты в Германии, Швейцарии и Нидерландах являются крупными держателями французских ценных бумаг, большая часть которых при дальнейшем развитии кризиса в этих странах будет выброшена их владельцами на парижскую биржу, чтобы любой ценой превратить их в деньги.

Написано К. Марксом 25 декабря 1857 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 6219, 12 января 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — Главного общества кожевенных заводов. *Ред.*

** — Компании по коксованию угля. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ОСАДА И ШТУРМ ЛАКНАУ

Последняя почта из Калькутты принесла кое-какие подробности, дошедшие в нашу страну через лондонские газеты; на основании этих подробностей можно составить суждение о действиях сэра Колина Кэмпбелла у Лакнау. Так как британская пресса утверждает, что такого рода военный подвиг не имеет себе равных в истории войн, то не мешает рассмотреть этот вопрос несколько подробнее.

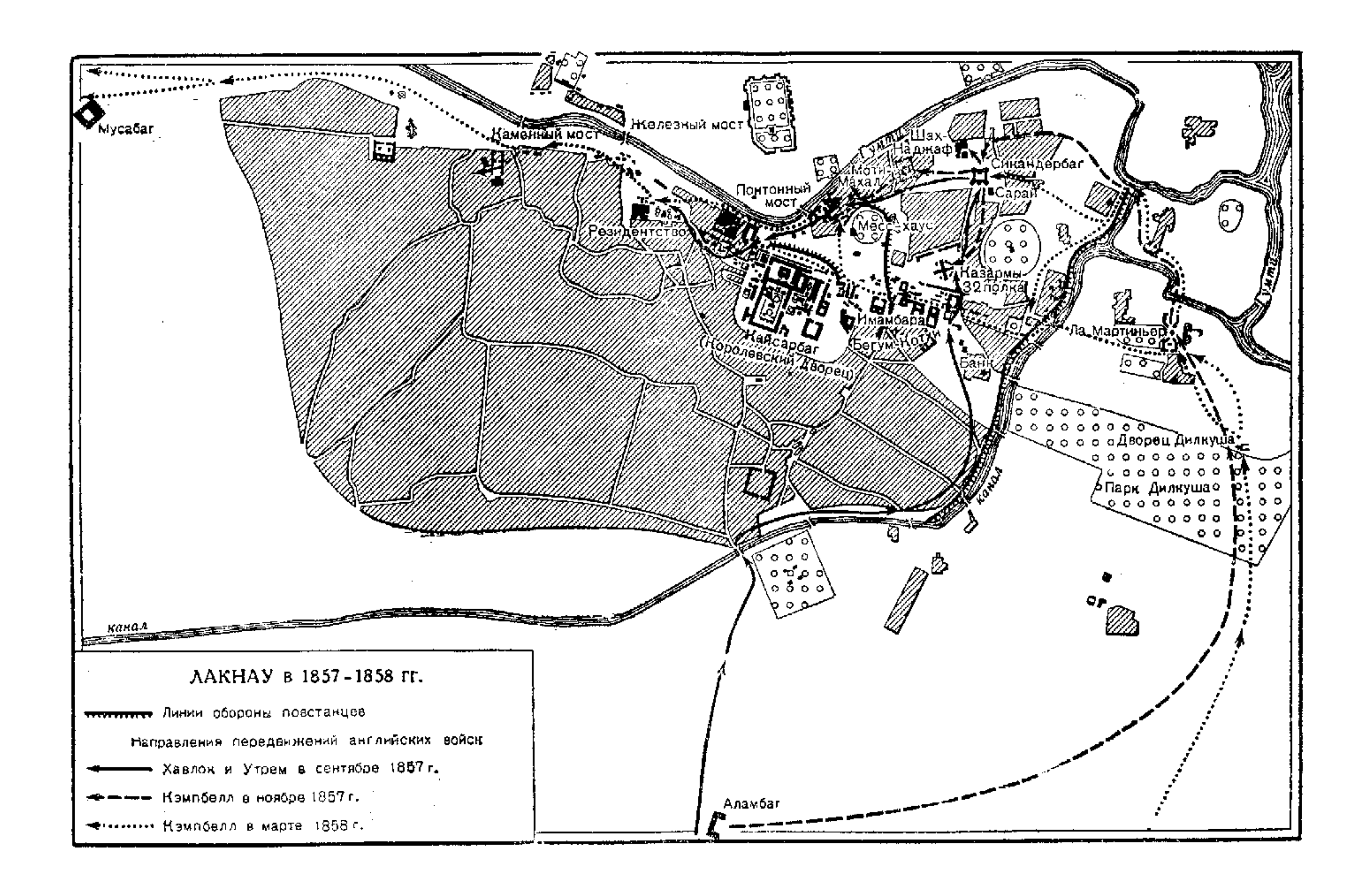
Город Лакнау расположен на правом берегу реки Гумти, которая в этой местности течет в юго-восточном направлении. В двух-трех милях от реки, почти параллельно ей, проходит канал, который пересекает город, ниже его приближается к реке и сливается с ней примерно в миле от города. По берегам реки расположены не многолюдные улицы, а ряд дворцов с садами и отдельные общественные здания. У слияния канала и реки, но на их правом, или южном, берегу расположены близко друг к другу колледж, носящий название Ла Мартиньер, и охотничий дворец с парком под названием Дилкуша. По другую сторону канала, но тоже на южной стороне реки, у самого берега, сначала расположен дворец и сад Сикандербаг, далее на запад тянутся казармы и Месс-хаус[274], а затем, лишь в нескольких сотнях ярдов от резидентства, Моти-Махал (Жемчужный дворец). Само резидентство находится на единственной в этой местности возвышенности; оно господствует над городом и состоит из нескольких дворцов с служебными помещениями, окруженных большой стеной. К югу от этих зданий находится густонаселенная часть города, а еще двумя милями южнее — парк и дворец Аламбаг.

Выгодное расположение резидентства сразу же объясняет, почему англичане могли продержаться там против значительно более многочисленного противника; но вместе с тем этот же самый факт показывает, к какому роду бойцов относятся аудийцы. В самом деле, если люди, частично обученные европейскими офицерами и располагающие многочисленной артиллерией, до сих пор не смогли преодолеть одну-единственную жалкую стену, защищаемую европейцами, то такие люди с военной точки зрения являются не более как дикарями, и победа над ними не может принести много лавров армии, каков бы ни был численный перевес туземцев. Еще один факт подтверждает, что аудийцев следует отнести к разряду самых жалких противников, а именно то, каким образом Хавлок проложил себе дорогу через самую населенную часть города, несмотря на баррикады, дома с бойницами и тому подобное. Правда, его потери были велики, но разве можно сравнить эту стычку даже с наименее удачными уличными боями 1848 года! Ни один человек из слабого отряда Хавлока не смог бы пройти невредимым, если бы там происходило настоящее сражение. Дома, как видно, совершенно не оборонялись, иначе потребовалось бы несколько недель, чтобы овладеть таким числом домов, которое обеспечило бы свободный проход войскам. Насколько благоразумно поступил Хавлок, взяв таким образом быка за рога, мы пока судить не можем; говорят, он был вынужден к этому тяжелым положением, в котором находилось резидентство; приводят также и другие мотивы, но достоверно ничего не известно.

Когда прибыл сэр Колин Кэмпбелл, у него было около 2000 человек европейской и 1000 человек сикхской пехоты, 350 человек европейской и 600 человек сикхской кавалерии, 18 орудий конной артиллерии, 4 осадных орудия и 300 моряков с тяжелыми морскими орудиями; в общем, 5000 человек, в том числе 3000 европейцев. По своей численности этот отряд не уступал большинству англо-индийских армий, которые в свое время совершали большие подвиги; в самом деле, полевые войска, с которыми сэр Чарлз Нейпир завоевал Синд, едва достигали половины этого числа, а зачастую их было и того меньше. С другой стороны, наличие в отряде сэра Колина Кэмпбелла большого количества европейцев и то обстоятельство, что вся туземная часть этого отряда состояла из лучшей, с военной точки зрения, народности Индии—сикхов, придавали ему внутреннюю силу и сплоченность, гораздо более высокую, чем это обычно встречается в англо-индийских армиях. Его противник, как мы уже видели, был жалок,

представляя собой большей частью плохо сколоченную милицию, а не обученных солдат. Правда, аудийцы считаются самым воинственным племенем Нижнего Индостана, но это лишь в сравнении с трусливыми бенгальцами, моральный дух которых совершенно сломлен самым расслабляющим климатом в мире и веками угнетения. Готовность, с которой аудийцы подчинились «флибустьерскому» присоединению их страны к владениям Ост-Индской компании, а также все их поведение во время восстания несомненно ставят их ниже сипаев как в смысле храбрости, так и в смысле сообразительности. Правда, нам сообщают, что количество возмещало качество. Авторы некоторых писем говорят, что в городе было до 100000 туземцев. Без сомнения, численностью они превосходили англичан в четыре или в шесть раз, а может быть даже больше; но когда приходится иметь дело с подобным противником, это почти не играет роли. Всякую позицию может защитить только определенное число людей, и если они решили бежать, то не имеет особого значения, в четыре или пять раз больше таких же героев находится на расстоянии полумили. Нет сомнения, что даже эти аудийцы показали немало примеров личной храбрости. Возможно, что некоторые из них дрались, как львы; но разве могли они принести пользу городу, защищать который у них не хватало сил, после того как бежал находившийся в гарнизоне разный сброд? По-видимому, они не предприняли никакой попытки объединиться под общим командованием; их местные вожди не пользовались авторитетом ни у кого, кроме своих собственных солдат, и сами не подчинились бы никому.

Сэр Колин Кэмпбелл сначала двинулся на Аламбаг; затем, вместо того чтобы силой пробивать себе дорогу через город, как это сделал Хавлок, он воспользовался опытом, приобретенным этим генералом, и повернул к Дилкуша и Ла Мартиньеру. Пространство перед стенами, окружающими эти здания, было очищено от аудийских стрелков 13 ноября. 15-го началась атака. Противник был настолько беспечен, что даже не закончил еще к тому времени приготовлений по устройству траншей вокруг Дилкуша; Дилкуша был взят сразу, без большого сопротивления, равно как и Мартиньер. Эти две позиции обеспечили за англичанами линию канала. Противник пошел в контратаку через канал с целью вернуть себе оба пункта, потерянные утром, но был вскоре отбит, понеся тяжелые потери. 16-го англичане переправились через канал и атаковали дворец Сикандербаг. Здесь траншеи были в несколько лучшем состоянии, и поэтому генерал Кэмпбелл поступил благоразумно, подвергнув этот пункт артиллерийскому обстрелу. После того как укрепле-

Мусабаг
Каменный мост
Железный мост
Понтонный мост
Резидентство
Шах-Наджаф
Моти-Махал
Сикандербаг
Мессхаус
Казармы 32 полка
Имамбара
Кайсарбаг (Королевский дворец)
Бегум-Коти
Банк
Ла Мартиньер
Дворец Дилкуша
Парк Дилкуша
канал
Аламбаг
ЛАКНАУ в 1857-1858 гг.
Линии обороны повстанцев
Направления передвижений английских войск
Хавлок и Утрем в сентябре 1857 г.
Кэмпбелл в ноябре 1857 г.
Кэмпбелл в марте 1858 г.

ния были разрушены, пехота пошла в атаку и заняла дворец. Далее была подвергнута трехчасовой бомбардировке другая укрепленная позиция, Самак, которая была занята «после невиданно жестокого сражения», как говорит сэр Колин Кэмпбелл, а один мудрый корреспондент с театра войны прибавляет: «немногие видели столько упорных боев, сколько видел он». Хотелось бы нам знать, где Кэмпбелл видел эти бои. Уж наверное не в Крыму, где после битвы под Альмой[275] он вел весьма спокойную жизнь в Балаклаве; в сражении при Балаклаве участвовал только один из его полков, а при Инкермане не дрался ни один.

17-го артиллерия была направлена на казармы и Месс-хаус, которые представляли собой следующую позицию на пути к резидентству. Бомбардировка их длилась до 3 часов, после чего пехота взяла эти пункты штурмом. Спасающегося бегством неприятеля энергично преследовали. Между наступающей армией и резидентством оставалась еще одна позиция — Моти-Махал. Еще засветло эта позиция также была взята, и полностью установлено сообщение с гарнизоном.

Конечно, Кэмпбелла следует похвалить за сообразительность, которую он проявил, выбрав более легкий путь и использовав свою тяжелую артиллерию для разрушения укрепленных позиций, прежде чем послать свои колонны на штурм. Но ведь по сравнению с полудикарями, лишенными всякого командования, англичане имели в этом сражении все преимущества опытных солдат, повинующихся одному командиру, и, как мы видим, они полностью использовали эти преимущества. Они не подвергали опасности своих людей больше, чем это было абсолютно необходимо. Они пользовались артиллерией все время, пока еще оставались объекты для разрушения. Они и дрались доблестно, в этом нет никаких сомнений; но похвалы они заслуживают за свою осмотрительность. Лучшим доказательством этого является число убитых и раненых. Данные о потерях среди солдат еще не опубликованы, но среди офицеров было 5 человек убитых и 32 раненых. Армия же в 5000 солдат должна была иметь, по крайней мере, от 250 до 300 офицеров. Бесспорно и то, что английские офицеры никогда не щадят своей жизни. Показывать пример храбрости своим солдатам слишком часто является единственной известной им обязанностью. И уж если в течение трех дней непрерывных боев при таких обстоятельствах и за такие позиции, взятие которых, как известно, требует наибольшего количества жизней, потери составляют всего один к восьми или девяти, то об упорной борьбе не может быть и речи. Взять хотя бы пример из истории Англии: что значат

все эти бои в Индии, вместе взятые, по сравнению с одной обороной Угумона и Ла-Э-Сент во время битвы при Ватерлоо[276]? Что сказали бы те авторы, которые превращают сейчас каждую небольшую стычку в решительное сражение, о битвах, подобных битве под Бородино, где одна армия потеряла половину, а другая — одну треть своих бойцов[277]?

Написано Ф. Энгельсом 4 января 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily «Tribune» № 5235, 30 января 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

На последней чрезвычайной сессии британского парламента лорд Дерби заявил в палате лордов, что за последние три года стоимость британского импорта превысила стоимость британского экспорта на сумму 160000000 фунтов стерлингов. Это заявление возбудило вне парламента полемику, и несколько частных лиц обратилось к министру торговли лорду Стэнли оф Олдерли с запросом насчет правильности утверждения лорда Дерби. Министр торговли в письме, адресованном авторам запроса, ответил следующее:

«Утверждение, сделанное лордом Дерби в палате лордов, будто стоимость нашего импорта за последние три года превысила стоимость нашею экспорта на 160000000 ф. ст., ошибочно и проистекает из того, что лорд Дерби взял общую стоимость нашего импорта, включающую наш импорт из колоний и зарубежных стран, но исключил реэкспорт товаров, полученных нами из колоний и зарубежных стран. Поэтому вычисление лорда Дерби показывает:

	ф. ст.
Импорт	468 000 000
Экспорт	308 000 000
Разница	160 000 000

На самом же деле должно быть:

	ф. ст.
Импорт	468 000 000
Экспорт	371 000 000
Разница	97 000000»

Свое заявление министр торговли подтверждает сравнительными данными о стоимости экспорта и импорта Соединенного королевства за 1855, 1856 и 1857 годы. Мы приводим ниже этот в высшей степени интересный документ, который не был опубликован в лондонских газетах*. Прежде всего, из него будет видно, что этим статистическим данным можно придать такую форму, которая подтверждает высказанное лордом Дерби положение, а именно:

	ф. ст.
Импорт в целом	468 000 000
Экспорт британской продукции	308 000 000
Превышение импорта над экспортом британской продукции	160 000 000
Реэкспорт иностранной продукции	63 000 000
Пассивное для Великобритании сальдо торгового баланса	97 000 000

Таким образом, действительно существует превышение иностранного импорта над экспортом британской продукции, равное сумме в 160000000 ф. ст., а за вычетом реэкспорта иностранной продукции на сумму в 63000000 ф. ст. получается пассивное для Великобритании сальдо торгового баланса, равное, по признанию самого министра торговли, сумме в 97000000 ф. ст., или, в среднем, за три года — 1855, 1856 и 1857 — более чем по 32000000 ф. ст. в год. Отсюда недавнее сетование лондонской газеты «Times»: «Фактически потери нашей торговли продолжались в течение последних пяти-шести лет, а мы выяснили это только теперь». Однако эти потери возникают не в результате превышения импорта над экспортом, а из специфического характера значительной части экспортируемых товаров.

Дело в том, что половина реэкспорта состоит из иностранного сырья, которое используется в промышленности, способствующей усилению иностранной конкуренции в ущерб промышленным интересам Британии, и частью возвращается британцам и виде фабричных изделий для их внутреннего потребления. Однако решающим моментом, который надо иметь в виду, является то, что большой реэкспорт сырья, вызываемый конкуренцией континентальной промышленности, настолько повысил цены на это сырье, что они почти поглотили прибыль британского фабриканта. Ранее мы уже имели случай сделать некоторые замечания в этом смысле относительно британской хлопчато-

* См. настоящий том, стр. 377. *Ред.*

бумажной промышленности. Так как в настоящий момент промышленный кризис сильнее всего свирепствует в районах шерстяной промышленности Британии, где банкротства следуют одно за другим, и так как лондонская пресса тщательно скрывает все это от широкой публики, то будет уместным привести здесь несколько цифр, показывающих, насколько серьезно континентальные фабриканты вовлечены в конкуренцию с британскими из-за шерсти, конкуренцию, которая вызвала беспримерное повышение цен на это сырье, повышение, разорительное для фабриканта и поощряющее нынешнюю раздутую спекуляцию этим товаром. Нижеследующая таблица охватывает первые 9 месяцев каждого из пяти последних лет:

Импорт
(в фунтах)

Годы	Из других стран	Из колоний	Всего
1853	37 568 199	46 277 276	83 845 475
1854	27 006 173	50 187 692	77 193 865
1855	17 293 842	53 896 173	71 190015
1856	22 377 714	62 148 467	84 526 181
1857	27 607 364	63 053 100	90 657 464

Экспорт
(в фунтах)

Годы	В другие страны	В колонии	Всего
1853	2 480 410	4 343 166	6 823 576
1854	5 993 366	13 117 102	19 110 468
1855	8 860 909	12 948 561	21 809 470
1856	5 523 345	17 433 958	22 957 303
1857	4 561 000	25 068 787	29 629 787

Таким образом, количество иностранной и колониальной шерсти, оставшейся для британского внутреннего потребления, выразилось в следующих цифрах:

Шерсть
(в фунтах)

Годы	
1853	77 021 899
1854	58 083 397
1855	49 380 545
1856	61 568 878
1857	61 027 677

С другой стороны, количество экспортированной британской шерсти отечественного производства составляло:

Годы	Фунты
1853	4 755 443
1854	9 477 396
1855	13 592 756
1856	11 539 201
1857	13 492 386

Вычитая из общего количества иностранной шерсти, ввезенной в Соединенное королевство, во-первых, количество, реэкспортированное за границу, и, во-вторых, количество экспортированной английской шерсти, мы получаем следующее количество иностранной шерсти, фактически оставшейся для внутреннего потребления Британии:

Годы	Фунты
1853	72 266 456
1854	48 606 001
1855	35 787 789
1856	50 029 677
1857	47 535 291

Значит, в то время как импорт колониальной шерсти в Соединенное королевство возрос с 46277276 фунтов за первые 9 месяцев 1853 г. до 63050100 фунтов за тот же самый период 1857 г., а общий импорт всех сортов шерсти за те же самые периоды возрос с 83845475 фунтов до 90657464 фунтов, спрос на европейском континенте тем временем вырос настолько, что количество иностранной и колониальной шерсти, оставшейся для внутреннего потребления Британии, за пять лет сократилось с 77021899 фунтов в 1853 г. до 61027677 фунтов в 1857 году; а если еще учесть и количество экспортированной английской шерсти, то получится общее сокращение с 72266456 фунтов в 1853 г. до 47535291 фунта в 1857 году. Значение изложенного здесь будет более понятным, если обратить внимание на факт, вскрытый в одной финансовой статье лондонской газеты «Times», — что одновременно с этим ростом экспорта шерсти из Соединенного королевства возрастает импорт континентальных шерстяных изделий, в особенности из Франции.

На основании сообщенных лордом Стэнли оф Олдерли цифр мы составили следующую таблицу, показывающую, в какой сте-

пени баланс различных стран, торгующих с Великобританией, является для тех или иных из них активным или пассивным:

Пассивное для Англии сальдо торгового баланса за 1855, 1856 и 1857 годы

	ф. ст.
1. Соединенные Штаты	28 571 764
2. Китай	22 675 433
3. Ост-Индия	19 605 742
4. Россия	16 642 167
5. Пруссия	12 842 488
6. Египет	8 214 941
7. Испания	7 146 917
8. Британская Вест-Индия	6 906 314
9. Перу	6 282 382
10. Швеция	5 027 934
11. Куба и Пуэрто-Рико	4 853 484
12. Остров Маврикий	4 672 090
13. Нью-Брансуик	3 431 303
14. Дания	3 391 144
15. Цейлон	3 134 575
16. Франция	2 696 291
47. Канада	1 808 454
18. Норвегия	1 686 962
19. Африка (Западная)	1 432 195
20. Португалия	1 283 075
21. Королевство обеих Сицилий	1 030 139
22. Чили	693 155
23. Буэнос-Айрес	107 676

Активное для Англии сальдо торгового баланса за 1855, 1856 и 1857 годы

	ф. ст.
1. Ганзейские города	18 883 428
2. Австралия	17 761 889
3. Турция	6 947 220
4. Бразилия	7 131 160
5. Бельгия	2 214 207
6. Голландия	1 600 904
7. Мыс Доброй Надежды	59 661

Простой факт превышения британского импорта над экспортом, достигшего за три года суммы в 97000000 ф. ст., отнюдь еще не может служить основанием для поднятого британцами в настоящее время крика о том, «что они ведут торговлю с ежегодным для себя убытком в 33000000 ф. ст.» и обогащают своей торговлей только чужие страны. С огромной и все возрастающей суммы британского капитала, вложенного во всех частях света, необходимо платить проценты, дивиденды и прибыли, которые в значительной своей части должны пересылаться в Британию в виде иностранной продукции и, следовательно, увеличивают объем британского импорта. Помимо импорта, соответствующего экспорту, должен существовать еще добавочный импорт, идущий не в уплату за поставленные товары, а в качестве дохода с капитала. Поэтому, вообще говоря, так называемый торговый баланс должен быть всегда активным для заграницы и пассивным для Англии, ибо внешний мир должен ежегодно платить Англии не только за покупаемые у нее товары, но также и проценты по своим долгам ей. Единственное, что может в связи с приведенными выше цифрами действительно вызывать в Англии беспокойство, так это то, что Англия, очевидно, не в состоянии найти у себя в стране достаточно широкое поле для приложения своего огромного капитала и потому принуждена все в больших количествах отдавать его взаймы и, подобно Голландии, Венеции и Генуе в эпоху их упадка, выковывать собственными руками оружие для своих конкурентов. Предоставляя в широких размерах кредиты, чтобы найти поле для приложения излишков своего капитала, она тем самым неизбежно поощряет спекуляцию в других странах, и таким образом ради сохранения и увеличения своего богатства рискует этим богатством. Вынужденная оказывать широкий кредит другим промышленным странам, как, например, континентальной Европе, она сама же дает своим промышленным соперникам средства для конкуренции с ней при покупке сырья и таким образом сама содействует повышению цен на сырье для своих собственных фабрик. Британскому фабриканту вследствие этого остается незначительная доля прибыли, которая снижается к тому же из-за постоянной необходимости для страны, самое существование которой тесно связано с ее монопольным положением в качестве мастерской мира, постоянно продавать дешевле других стран. Но это снижение прибыли компенсируется снижением заработной платы рабочих и быстро растущей нищетой в стране. Такова естественная цена, которую уплачивает Англия за свое торговое и промышленное превосходство.

Сравнительная таблица стоимости импорта Соединенного королевства из главных зарубежных стран и британских владений и экспорта в эти страны в 1854, 1855 и 1856 годах

Страны	Годы	Импорт	Стоимость экспорта		
		Исчисленная реальная стоимость импорта	Объявленная стоимость продукции Соединенного королевства	Исчисленная реальная стоимость иностранной и колониальной продукции	Итого
		в фунтах стерлингов			
Зарубежные страны Россия	1854 1855 1856	4 252 288 478 169 11 561 924	54 301 — 1 595 237	19 738 — 1 775 617	74 039 — 3 370 854
Швеция	1854 1855 1856	2 509 539 2 325171 2 031 861	334 518 545 384 629 697	249 792 279515 300 795	584 310 824 899 930 492
Норвегия.........................	1854 1855 1856	1 369 440 1 099 642 947 934	402 290 487 400 488 489	106 244 102 551 143 080	508 534 589 951 631 569
Дания….........................	1854 1855 1856	2 706 186 3 086 979 2201831	758 228 756 967 1 033 142	230 010 260 624 352 173	988 238 1 017 591 1 385 315
Пруссия..........................	1854 1855 1856	9 055 503 10 242 862 4 534 815	798 434 1 100 021 933 715	1 717 285 2 016 650 624 908	2 515 719 3 116 671 1 558 623
Ганзейские города.........	1854 1855 1856	6 221 524 4 816 298 5 302 739	7 413 715 8 350 228 10 134 813	2 720 274 3 344 416 3 260 543	10 133 989 11 694 644 13 395 356
Голландия	1854 1855 1856	6 731 141 6 460 932 7 433 442	4 573 034 4 558 210 5 728 253	2 320 877 2611 767 2 434 278	6 893 911 7 169 977 8 162 531
Бельгия...........................	1854 1855 1856	3 631 161 2 533 732 2 936 796	1 406 932 1 707 693 1 689 975	1 948 740 2 239 514 2 323 042	3 355 672 3 947 207 4 013 017
Франция.........................	1854 1855 1856	10 447 774 9 146 418 10 386 522	3 175 290 6 012 658 6 432 650	3 216 175 4 409 223 4 038 427	6 391 465 10 421 881 10 471 077
Испания.........................	1854 1855 1856	3 594 501 4 799 728 3 645 083	1 270 464 1 158 800 1 734 483	165 642 135 192 377 820	1 436 106 1 293 992 2 112 303
Куба и Пуэрто-Рико ….	1854 1855 1856	3 369 444 2 332 753 2 654 580	1 073 861 1 077 745 1 398 837	4 727 22 933 25 190	1 078 588 1 100 678 1 424 027
Португалия...................	1854 1855 1856	2 101 126 1 962 044 2164090	1 370 603 1 350 791 1 455 754	148 997 184 580 433 470	1 519 600 15 353 711 889 224
Королевство обеих Сицилий	1854 1855 1856	1 411 457 1 281 940 1 505 582	563 033 921 220 1 202 183	109 258 175 221 197 925	672 291 1 096 441 1 400 108
Собственно Турция…..	1854 1855 1856	2 219 298 2 294 571 2 383 029	2 758 605 5 639 898 4 416 029	317 476 419 119 291 991	3 076 081 6 059 017 4 708 020
Египет............................	1854 1855 1856	3 355 928 3 674 682 5 753 518	1253 353 1 454 371 1 587 682	113 895 117 235 43 151	1 367 248 1 571 606 1 630 833

Продолжение

Страны	Годы	Импорт	Стоимость экспорта		
		Исчисленная реальная стоимость импорта	Объявленная стоимость продукции Соединенного королевства	Исчисленная реальная стоимость иностранной и колониальной продукции	Итого
		в фунтах стерлингов			
Соединенные Штаты (включая Калифорнию)	1854 1855 1856	29 795 302 25 741 752 36 047 773	21 410 369 17 318 086 21 918 105	923 034 744 517 698 772	22 333 403 18 062 603 22 616 877
Бразилия........................	1854 1855 1856	2 083 589 2 273 819 2 229 048	2 891 840 3 312 728 4 084 537	119 982 128 550 179 979	3 011 822 3 441 278 4 264 516
Буэнос-Айрес ....…..	1854 1855 1856	1 285 186 1 052 033 981 193	1 267 125 742 442 998 329	32 565 26 383 43 892	1 299 690 768 825 1 042 221
Чили........………...........	1854 1855 1856	1 380 563 1 925 271 1 700 776	1 421 855 1 330 385 1 396 446	43 589 56 688 64 492	1 465 444 1 387 073 1 460 938
Перу	1854 1855 1856	3 138 527 3 484 288 3 048 694	949 289 1 285 160 1 046 010	22 236 60 278 26 154	971 525 1 345 438 1 072 164
Китай (включая Гонконг)	1854 1855 1856	9 125 040 8 746 590 9 421 648	1 000 716 1 277 944 2 216 123	26 400 26 052 70 611	1 027 116 1 303 996 2 286 734
Западный берег Африки (без британских и французских владений) ...:…………..	1854 1855 1856	1 528 896 1 516 729 1 657 375	646 868 839 831 666 374	174 073 219 827 223 842	820 941 1 059 658 890 216
Итого по зарубежным странам...…………….	1854 1855 1856	118 239 554 109 959 539 129 517 568	63 800 605 69 524 475 83 327 154	15 645 612 18 710 749 20 035 442	79 446 217 88 235 224 103 362 596
Британские владения Канада ....…..............	1854 1855 1856	4 007 052 2 296 277 3 779 741	3 957 085 1 515 823 2 418 250	180 569 90 298 123 591	4 137 654 1 606 121 2 541 841
Нью-Брансуик........….....	1854 1855 1856	2 079 674 4 379 041 1 891 707	863 704 370 560 572 542	40 273 27 718 34 322	903 977 398 278 606 864
Британские Вест-Индские острова.……...	1854 1855 1856	3 977 271 3 978 278 4 157098	1 870 674* 1 389 992 1 462 156	166 690 136 022 180 799	2 037 361 1 526 014 1 642 955
Британская Гвиана…….	1854 1855 1856	1 636 267 1 491 935 1 418 264	—** 421 398 411 241	31 779 35 189 41 248	31 779 456 587 452 489
Британские поселения в Австралии…………………….	1854 1855 1856	4 301 868 4 500 200 5 736 043	11 931 352 6 278 966 9 912 575	1 474 634 942 659 1 759 814	13 405 986 7 221 625 11 672 389
Британская Ост-Индия…….....................	1854 1855 1856	10 672 862 12 668 732 17 262 851	9 127 556 9 949 154 10 546 190	493 154 404 321 478 328	9 620 710 10 358 475 11 024 518

* Включая Британскую Гвиану.

** Включено в Вест-Индию.

Страны	Годы	Импорт	Стоимость экспорта		
		Исчисленная реальная стоимость импорта	Объявленная стоимость продукции Соединенного королевства	Исчисленная реальная стоимость иностранной и колониальной продукции	Итого
		в фунтах стерлингов			
Цейлон..........................	1854 1855 1856	1 506 646 1 474 251 1 304 174	382 276 305 576 388 435	31 228 20 321 22 660	413 504 325 897 411 095
Остров Маврикий....…	1854 1855 1856	1 677 533 1 723 807 2 427 007	383210 303 173 420 180	17 936 14 772 16 977	401 146 317 945 437 157
Мыс Доброй Надежды и британские владения в Южной Африке	1854 1855 1856	691 352 949 640 1 502 828	921 957 791 313 1 344 338	63 309 45 437 73 127	985 266 836 750 1 417 465
Итого по британским владениям………………..	1854 1855 1856	34 149 499 33 583 311 43 026 586	33 384 121 26 163 610 32 499 794	2 990 754 2 292 466 3 357 963	36 374 875 28 456 076 35 857 757
Всего по зарубежным странам и британским владениям………………	1854 1855 1856	152 389 053 143 542 850 172 544 154	97 184 726 95 688 085 115 826 948	18 636 366 21 003 215 23 393 405	115 821 092 116 691 300 139 220 353

Написано К. Марксом около 7 января 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5238, 3 февраля 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛАКНАУ

Мы получили, наконец, официальное донесение сэра Колина Кэмпбелла об освобождении Лакнау. Оно во всех отношениях подтверждает выводы, которые мы сделали на основании первых, неофициальных сообщений об этой операции*. В этом документе еще отчетливее выступает жалкий характер оказанного аудийцами сопротивления, а с другой стороны, из него явствует, что сам Кэмпбелл гораздо больше гордится своим умелым командованием, чем каким-либо особенным мужеством, проявленным им самим или его войсками. Согласно донесению, силы англичан насчитывали приблизительно 5000 человек, в том числе 3200 человек пехоты, 700 человек кавалерии, остальное приходилось на артиллерию, морской отряд, саперов и т. д. Боевые действия начались, как уже раньше сообщалось, атакой на Дилкуша. Этот парк был взят в результате кратковременного боя. «Потери были очень незначительны. Потери неприятеля, в связи, с быстротой отступления, были также ничтожны». При таких обстоятельствах действительно не было никакой возможности проявить героизм. Аудийцы отступали с такой поспешностью, что сразу прошли территорию Ла Мартиньера, даже не воспользовавшись той новой линией обороны, какую представлял собой этот пункт. Первые признаки более упорного сопротивления обнаружились, когда был достигнут Сикандербаг — обнесенный высокой стеной с бойницами квадрат, имеющий 120 ярдов в длину и 120 в ширину, прикрытый с фланга укрепленной деревушкой, отстоящей от

* См. настоящий том, стр. 366—372. *Ред.*

него на расстоянии примерно 100 ярдов. Здесь-то Кэмпбелл и применил свой скорее благоразумный, чем смелый способ ведения войны. Тяжелая и полевая артиллерия сосредоточила огонь на стене, окружающей дворец, между тем как одна из бригад атаковала укрепленную деревню, а другая отбрасывала назад те группы неприятеля, которые пытались сделать вылазку. Оборона была жалкой. Обычно требуется немало усилий, для того чтобы взять две такие укрепленные позиции, как только что описанные, которые поддерживают друг друга своим огнем, — даже если они находятся в руках посредственных солдат или смелых недисциплинированных повстанцев. Но в данном случае, по-видимому, не было ни смелости, ни согласованности, ни даже тени здравого смысла. Нет никаких сообщений о том, что защитники использовали артиллерию. Деревушка (очевидно, небольшая группа домов) была взята сразу же. Войска, находившиеся вне стен, были рассеяны без каких-либо усилий. Таким образом, в течение короткого времени Сикандербаг был совершенно изолирован, и когда после часовой канонады стена в одном месте была разрушена, солдаты шотландского полка штурмовали эту брешь и уничтожили всех оборонявшихся до единого. По словам сэра Колина Кэмпбелла, там было найдено около 2000 убитых туземцев.

Следующим опорным пунктом был Шах-Наджаф — позиция, обнесенная стеной и приспособленная к обороне, с мечетью в качестве редута. Это опять-таки была как раз такая позиция, какой желал бы располагать любой командир храбрых, но полудисциплинированных войск. Это укрепление было взято штурмом после того, как трехчасовой бомбардировкой были пробиты бреши в его стенах. На следующий день, 17 ноября, был атакован Месс-хаус. Это была группа построек, окруженная земляным валом и эскарпом шириной в двенадцать футов, другими словами — заурядное полевое укрепление с небольшим рвом и парапетом сомнительной толщины и высоты. По какой-то причине эта позиция показалась генералу Кэмпбеллу довольно трудно преодолимой, так как прежде чем штурмовать се, он сразу решил дать своей артиллерии необходимое время, чтобы разгромить эту позицию. Поэтому бомбардировка длилась все утро до 3 часов пополудни, после чего пехота двинулась вперед и одним броском овладела позицией. Во всяком случае, упорного боя и здесь не было. Моти-Махал, последний опорный пункт аудийцев на пути к резидентству, подвергся бомбардировке в течение часа; было пробито несколько брешей, и укрепление было взято без труда. Этим и закончилась борьба за освобождение гарнизона.

Вся эта операция носила характер наступления хорошо дисциплинированных, достаточно укомплектованных офицерами. привычных к войне и в меру храбрых европейских войск на толпу азиатов, не имеющих ни дисциплины, ни офицеров, ни навыков в ведении войны, ни даже достаточного вооружения и потерявших мужество от сознания двойного превосходства их противника — превосходства солдат над штатскими и европейцев над азиатами. Мы видели, что сэр Колин Кэмпбелл нигде как будто не наталкивался на сопротивление артиллерии противника. Дальше мы увидим, что, судя по донесению бригадного генерала Инглиса, значительная часть повстанцев, должно быть, вообще не имела огнестрельного оружия; и если верно, что в Сикандербаге было вырезано 2000 туземцев, то, очевидно, они были очень плохо вооружены, так как в противном случае даже величайшие трусы сумели бы защитить такую позицию от *одной* наступающей колонны.

С другой стороны, высокой похвалы заслуживает тактическое искусство, с каким генерал Кэмпбелл вел бой. Он, должно быть, знал, что его продвижение не может встретить сопротивления, поскольку у противника нет артиллерии; именно поэтому он использовал этот род войск в полной мере, сперва расчищая путь для своих колонн, а потом уж бросая их в наступление. Атака на Сикандербаг и его фланговые укрепления — превосходный образчик метода ведения такого боя. Вместе с тем, удостоверившись однажды в жалком характере обороны, он уже больше не церемонился с таким противником; как только в стене образовывалась брешь, он посылал свою пехоту вперед. В общем, со времени боев под Лакнау сэра Колина Кэмпбелла можно считать полководцем; до тех пор он был известен только как солдат.

С освобождением Лакнау мы, наконец, имеем в своем распоряжении документ, описывающий события, происходившие во время осады резидентства. Бригадный генерал Инглис, принявший командование после сэра Г. Лоренса, представил свое донесение генерал-губернатору. По словам генерала Утрема и unisono* британской прессы, осада резидентства представляет собой образец исключительного героизма: в самом деле, такой доблести, такого упорства, такой стойкости в перенесении усталости и лишений никто-де никогда еще не наблюдал, и оборона Лакнау не имеет себе равной в истории осад. Бригадный генерал Инглис в своем донесении сообщает, что 30 июня англичане сделали вылазку против туземцев, которые в это время

* — единодушному мнению. *Ред.*

как раз сосредоточивались вокруг резидентства; однако вылазка была отбита с такими тяжелыми потерями, что осажденные сразу же вынуждены были ограничиться только обороной резидентства и даже покинуть и взорвать другую группу построек по соседству, где находилось 240 бочек пороха и 6000000 ружейных патронов. Неприятель сразу же окружил резидентство, захватив и укрепив ближайшие к нему здания, часть из которых находилась меньше чем в 50 ярдах от оборонительных сооружений и которые сэр Г. Лоренс ранее отказался снести, вопреки советам саперов. Парапеты оборонительных укреплений англичан к тому времени еще не были полностью закончены, и только две батареи были в полном порядке; но, несмотря на непрекращающийся убийственный огонь, который «беспрерывно вели» 8000 человек, «одновременно» обстреливавшие «эту позицию», англичане оказались в состоянии очень быстро закончить строительство укреплений и установить 30 пушек. Этот убийственный огонь, должно быть, был весьма беспорядочной стрельбой наугад, никоим образом не заслуживающей названия меткой стрельбы, которого удостоил ее генерал Инглис; в противном случае разве мог бы кто-либо остаться в живых в резидентстве, которое защищали всего каких-нибудь 1200 человек? Примеры, которые приводятся в подтверждение ужасающего характера этого огня, а именно, что в результате были убиты женщины, дети и раненые, находившиеся в хорошо укрытых местах, являются примерами весьма неудачными, ибо такие случаи чаще всего бывают как раз тогда, когда неприятельский огонь ведется не по определенным объектам, а по укреплению в целом, и поэтому никогда не поражает действительных защитников. 1 июля Лоренс был смертельно ранен, и командование принял Инглис. Неприятель имел к этому времени на позиции 20 или 25 пушек, «расположенных вокруг нашего пункта». Это было большой удачей для обороны, так как, если бы противник сосредоточил свой огонь на одной или двух точках укрепленного вала, позиция, по всей вероятности, была бы взята. Часть этих пушек была сосредоточена в пунктах, «куда не достигал огонь наших собственных тяжелых орудий». Поскольку резидентство находится на возвышенности, то пункты эти могли быть расположены только так, что пушки наступающих имели возможность стрелять не по укрепленному валу, а лишь по верхушкам зданий внутри резидентства; это обстоятельство было очень выгодно для обороны, ибо такая стрельба не причиняла большого вреда, между тем как эти же самые пушки могли бы быть с несравненно большим успехом использованы для стрельбы по парапету или по баррикадам.

В общем, артиллерия с обеих сторон была использована, по-видимому, из рук вон плохо; в противном случае бомбардировка на таком коротком расстоянии должна была бы очень скоро прекратиться, ибо батареи взаимно вывели бы друг друга из строя. Почему этого не случилось, до сих пор остается тайной.

20 июля аудийцы взорвали мину под парапетом, который, впрочем, не был поврежден. Непосредственно за этим две главные колонны двинулись на штурм, в то время как на других участках были произведены демонстративные атаки. Но действия огня гарнизона оказалось достаточно, чтобы их отбросить. 10 августа была взорвана другая мина, и образовалась брешь,

«через которую мог бы пройти целый полк в полном порядке. Одна колонна бросилась к этой бреши, поддержанная с флангов вспомогательными атаками, но до бреши дошли лишь немногие из самых решительных солдат неприятеля».

Эти немногие были очень скоро уничтожены фланговым огнем гарнизона, в то время как наступавшая на флангах недисциплинированная масса была легко отброшена при помощи ручных гранат и нескольких ружейных залпов. Третья мина была взорвана 18 августа, образовалась новая брешь, но последовавший штурм оказался еще более вялым, *чем* предыдущие, и был легко отбит. Последний взрыв и штурм имели место 5 сентября, но атака была вновь отбита ручными гранатами и ружейным огнем. С этого времени, вплоть до прибытия помощи, осада, по-видимому, приняла характер простой блокады, сопровождаемой в той или иной степени ружейным и артиллерийским огнем.

Это была поистине удивительная операция. Толпа людей в 50000 или даже больше человек, состоящая из жителей Лакнау и его окрестностей, среди которых насчитывалось, возможно, 5000 или 6000 обученных солдат, блокирует в резидентстве Лакнау группу в 1200 или 1500 европейцев и пытается принудить их к сдаче. Порядка среди осаждающих было так мало, что, хотя они и перерезали коммуникационные линии, связывавшие осажденных с Канпуром, им так и не удалось, как видно, полностью прервать снабжение гарнизона. Вся так называемая «осада» представляла собой смесь азиатского невежества и дикости с отдельными проблесками кое-каких военных знаний, занесенных сюда европейцами в период их владычества. Среди аудийцев, очевидно, были отдельные артиллеристы и саперы, которые знали, как устанавливать батареи, но их работа, по-видимому, ограничивалась сооружением прикрытий от неприятельского огня. Они даже, кажется, довели это

искусство самоприкрытия до такого совершенства, что их батареи стали совершенно безопасными не только для стреляющих, но также и для осажденных, ибо ни одно орудие в этих укрытиях не могло сколько-нибудь успешно вести огонь. Они и не стреляли как следует: иначе как же можно объяснить тот небывалый факт, что 30 пушек внутри резидентства и 25 вне его действовали друг против друга на чрезвычайно близком расстоянии, некоторые не более чем на 50 ярдов, и тем не менее мы ничего не слышим ни о подбитых пушках, ни о том, что одна сторона подавила артиллерию другой стороны? Что же касается ружейного огня, то мы прежде всего должны спросить, возможно ли, чтобы восемь тысяч туземцев занимали позицию на расстоянии ружейного выстрела от британских батарей и не были обращены в бегство артиллерией? А если они действительно занимали подобную позицию, как могло случиться, что они не перебили и не ранили всех защитников до единого? И все же нам говорят, что они там укрепились, день и ночь вели огонь и что вопреки всему этому 32-й полк, который после 30 июня мог состоять, самое большее, из 500 человек и вынужден был выносить всю тяжесть осады, все еще насчитывал в конце ее 300 человек! Если это не точная копия «последнего оставшегося в живых десятка людей четвертого (польского) полка», который вступил в Пруссию в составе 88 офицеров и 1815 солдат, то что же это такое? Британцы совершенно правы, говоря, что такого боя, как под Лакнау, еще никогда не бывало, — и в самом деле такого не бывало. Вопреки скромному и внешне безыскусственному тону донесения Инглиса, его странные замечания о пушках, расположенных так, что по ним нельзя было вести огонь, о 8000 солдат, стреляющих день и ночь, но безуспешно, о 50000 повстанцев, блокирующих резидентство, об ущербе, наносимом пулями, которые, залетают туда, где им совершенно нечего делать, об атаках, произведенных с большой решительностью и все же отбитых без всяких усилий, — все эти замечания заставляют нас признать, что донесение изобилует самыми грубыми преувеличениями и ни на одну минуту не выдерживает беспристрастной критики.

Но зато осажденные испытывали, наверное, необычайные лишения? Вот послушайте:

«Источником *серьезных страданий* была также нехватка в слугах-туземцах. Некоторые дамы вынуждены были сами заняться уходом за своими собственными детьми и даже стирать свое собственное белье, а также готовить себе скудную пищу без чьей бы то ни было помощи».

Бедные лакнауские дамы! Правда, в наши тревожные времена взлетов и падений, когда династии создаются и уничто-

жаются в один день, а революции и экономические крахи превращают все жизненные блага в нечто поразительно непрочное, от нас не ожидают большого сочувствия при известии, что та или иная бывшая королева вынуждена сама штопать свои собственные чулки и даже стирать их, не говоря уже о необходимости самой приготовить себе баранью котлету. Но когда речь идет об англо-индийской даме, одной из того громадного числа сестер, кузин или племянниц отставных офицеров, индийских правительственных чиновников, купцов, клерков или авантюристов, об одной из тех дам, которых каждый год прямо со школьной скамьи посылают или, вернее, посылали до восстания на обширный рынок невест в Индию столь же бесцеремонно и часто с гораздо меньшей охотой с их стороны, чем это было у красавиц-черкешенок, отправляемых на константинопольский рынок, — когда подумаешь, что одна из таких дам должна стирать себе белье и готовить свою скудную пищу — представьте себе! — без чьей бы то ни было помощи, у всякого кровь закипает в жилах! Остаться совершенно без «слуг-туземцев», да еще заниматься уходом за своими собственными детьми! Ведь это возмутительно, ведь это хуже, чем в Канпуре!*

Толпа, осаждавшая резидентство, возможно и насчитывала 50000 человек, но в таком случае значительное большинство из них явно не могло иметь огнестрельного оружия. 8000 «метких стрелков», возможно, и имели огнестрельное оружие, но что это были за стрелки и каково было их оружие, свидетельствуют результаты их огня. Как показали факты, двадцать пять пушек их батареи стреляли отвратительно. Подкопы производились наугад, точно так же, как и стрельба. Атаки не заслуживают названия даже рекогносцировок. Так обстоит дело с осаждающими.

Осажденные заслуживают всяческой похвалы за большую силу воли, которая помогла им продержаться примерно пять месяцев, причем большую часть этого времени они не получали никаких сведений о британской армии. Они дрались и надеялись вопреки всему, как это и подобает людям, когда им приходится отдавать свою жизнь возможно дороже и защищать женщин и детей от азиатской жестокости. Да, мы отдаем должное их стойкости и упорству. Но кто поступил бы иначе, зная, к чему привела сдача Уилера в Канпуре?

Что касается попытки изобразить оборону Лакнау как беспримерный случай героизма, то это просто смешно, особенно после неуклюжего доклада генерала Инглиса. Лишения, испы-

* См. настоящий том, стр. 283—289. *Ред.*

танные гарнизоном, ограничивались недостатком помещений, где бы можно было укрыться от непогоды (что, впрочем, не вызвало серьезных заболеваний); что же касается продовольствия, то самое плохое меню состояло «из низкосортной говядины и еще более низкосортной муки», но этот стол куда лучше того, к которому привыкли солдаты в осажденных крепостях Европы! Достаточно сравнить оборону Лакнау против бестолковой и невежественной толпы варваров с обороной Антверпена в 1832 г. или с обороной форта Мальгера близ Венеции в 1848— 1849 гг.[278], не говоря уже о Севастополе, где Тотлебену пришлось встретиться с гораздо большими трудностями, чем генералу Инглису. В осаде форта Мальгера принимали участие лучшие саперы и артиллеристы Австрии, а защищал его небольшой гарнизон из только что набранных солдат; четыре пятых гарнизона не имели укрытий от ядер; низкая местность порождала малярию, которая была более опасной, чем климат Индии; около ста орудий вели огонь по форту, и в течение последних трех дней бомбардировки производилось по сорок выстрелов в минуту. И все же форт держался целый месяц и продержался бы дольше, если бы австрийцы не захватили одной позиции, которая принудила защитников отступить. Или взять пример Данцига, где Рапп с остатками обессилевших французских полков, вернувшихся из России, держался одиннадцать месяцев[279]. Да возьмите любую серьезную осаду нашего времени, и вы увидите, что осажденные проявляли больше искусства, больше присутствия духа и ничуть не меньше мужества и выносливости, чем гарнизон Лакнау, хотя их положение с точки зрения соотношения сил было нисколько не лучше.

Повстанцы Ауда, как жалки они ни были в открытом поле, тем не менее показали, непосредственно после прибытия Кэмпбелла, силу национального восстания. Кэмпбелл сразу увидел, что он со своими силами не сможет ни атаковать город Лакнау, ни удержать свои собственные позиции. Это совершенно естественно и должно быть понятно каждому, кто внимательно изучал историю французского вторжения в Испанию при Наполеоне. Сила национального восстания заключается не в решающих сражениях, а в партизанской войне, в обороне городов и в нарушении коммуникаций противника. Поэтому Кэмпбелл подготовил отступление с таким же искусством, с каким он организовал наступление. Он захватил еще несколько позиций около резидентства. Это было сделано Кэмпбеллом для того, чтобы обмануть противника относительно своих намерений и скрыть подготовку к отступлению. Со смелостью, вполне оправданной перед лицом такого противника, вся армия, за

исключением небольшого резерва, получила приказ занять растянутую линию сторожевых постов и застав, за которую эвакуировали женщин, больных, раненых и имущество. Как только эта предварительная операция была осуществлена, наиболее выдвинутые заставы были оттянуты назад и постепенно сосредоточены в более крупные отряды, самые передовые из которых, пройдя сквозь следующую линию, образовали резерв в тылу. Весь этот маневр был выполнен в полном порядке, без какого бы то ни было вмешательства со стороны повстанцев; кроме небольшого гарнизона во главе с Утремом, оставленного в Аламбаге (пока еще неясно, для какой цели), вся армия направилась в Канпур, и таким образом королевство Ауд было эвакуировано.

Тем временем в Канпуре произошли неприятные события. Уиндхем, «герой Редана»[280] — еще один из тех офицеров, в военных способностях которых нас уверяют, говоря, что они их доказали своей большой личной храбростью, — разбил 26-го числа авангард гвалиорского контингента, но 27-го сам потерпел от него жестокое поражение; его лагерь был захвачен и сожжен, а сам он принужден был отступить в старое укрепление Уилера в Канпуре. 28-го повстанцы атаковали и эту позицию, но были отброшены, а 6-го Кэмпбелл разбил их почти без потерь, захватил все их орудия и обоз и преследовал повстанцев на расстоянии четырнадцати миль. Подробностей обо всех этих операциях мы пока почти не имеем, но несомненно одно, что индийское восстание еще далеко не подавлено и что, хотя бо̲льшая часть или даже все британские подкрепления уже высажены в Индии, однако они исчезают почти необъяснимым образом. В Бенгалии уже высадилось около 20000 человек, и все-таки действующая армия теперь не больше, чем была в дни взятия Дели. Здесь кроется что-то неладное. Очевидно, климат производит страшные опустошения среди вновь прибывающих.

Написано Ф. Энгельсом 14 января 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5236, 1 февраля 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРЕДСТОЯЩИЙ ИНДИЙСКИЙ ЗАЕМ

Лондон, 22 января 1858 г.

Оживление на лондонском денежном рынке, вызванное изъятием огромной массы капиталов из сферы их обычного производительного использования и их дальнейшим перемещением на фондовые рынки, за последние две недели несколько ослабло в связи с перспективой предстоящего *индийского займа* на сумму в восемь или десять миллионов фунтов стерлингов. Этот заем, который будет предпринят в Англии и который должен быть одобрен парламентом сразу же, как только начнет работу его сессия в феврале, предназначен удовлетворить требования, предъявленные к Ост-Индской компании ее отечественными кредиторами, а также покрыть чрезвычайные расходы на военные материалы, припасы, перевозку войск и т. д., вызванные восстанием в Индии. В августе 1857 г., перед закрытием сессии парламента, британское правительство торжественно объявило в палате общин, что никакого выпуска подобного займа не намечается, так как собственных финансовых ресурсов Компании более чем достаточно для преодоления кризиса. Однако приятные иллюзии, внушенные таким образом Джону Булю, быстро рассеялись, как только стало известно, что Ост-Индская компания с помощью весьма сомнительной операции присвоила себе сумму приблизительно в 3500000 ф. ст., вверенную ей различными компаниями на постройку железных дорог в Индии, и, кроме того, тайно заняла 1000000 ф. ст. в Английском банке и еще один миллион в лондонских акционерных банках. Когда публика была таким образом подготовлена к худшему, правительство решилось, наконец, сбросить маску и в полуофициальных статьях в «Times», «Globe» и других

правительственных органах открыто признало необходимость займа.

Могут спросить, почему для выпуска такого займа со стороны законодательной власти требуется специальный закон, и далее, почему подобное событие должно вызывать какие бы то ни было опасения. Ведь, казалось бы, всякая отдушина для британского капитала, ныне тщетно ищущего выгодного применения, должна при данных обстоятельствах считаться счастливой находкой и самым желательным средством против быстрого обесценения капитала.

Общеизвестно, что коммерческая деятельность Ост-Индской компании прекратилась в 1834 г., когда был ликвидирован главный еще остававшийся у нее источник торговой прибыли — монополия торговли с Китаем[281]. Так как держатели акций Ост-Индской компании, по крайней мере, номинально получали свои дивиденды из ее торговых прибылей, то возникла необходимость в новом финансовом мероприятии для обеспечения этих дивидендов. Выплата дивидендов, которая до тех пор производилась из торговых прибылей Компании, стала производиться за счет ее политических доходов. Владельцы акций Ост-Индской компании должны были отныне получать дивиденды из доходов, получаемых Компанией в качестве правительства Индии, а акции Компании, общей суммой в 6000000 ф. ст., приносившие 10% прибыли, были конвертированы в силу парламентского акта в капитал, подлежащий ликвидации не иначе, как по цене 200 ф. ст. за акции стоимостью в 100 фунтов стерлингов. Другими словами, первоначальный акционерный капитал Ост-Индской компании в сумме 6000000 ф. ст. был превращен в капитал в 12000000 ф. ст., приносящий 5% прибыли, выплачиваемой из налоговых поступлений от населения Индии. Таким образом, долг Ост-Индской компании с помощью парламентского фокуса превратился в долг индийского народа. Кроме того, свыше 50000000 ф. ст. Ост-Индская компания получила в долг в самой Индии, и погашение этого долга должно производиться исключительно из. государственных доходов этой страны. Такого рода займы, выговоренные Компанией в самой Индии, всегда считались не входящими в компетенцию парламентского законодательства и столь же мало его касающимися, как займы, выговоренные, например, колониальными правительствами Канады или Австралии.

Но в самой Англии Ост-Индской компании было запрещено получать процентные займы без специальной санкции парламента. Несколько лет тому назад, когда Компания принялась проводить в Индии железнодорожные и телеграфные линии,

она просила разрешения выпустить индийский облигационный заем на лондонском рынке, и ей было разрешено выпустить на 7000000 ф. ст. 4%-ных бон, обеспеченных только индийскими государственными доходами. В начале индийского восстания долг по этому займу составлял еще 3894400 ф. ст., и самая необходимость нового обращения к парламенту показывает, что за время индийского восстания Ост-Индская компания исчерпала свои законные возможности выпуска займов в Англии.

Теперь ни для кого не секрет, что прежде чем вновь предпринять этот шаг, Ост-Индская компания открыла в Калькутте подписку на заем, который, однако, потерпел полную неудачу. С одной стороны, это доказывает, что индийские капиталисты смотрят на перспективы британского владычества в Индии далеко не столь оптимистически, как лондонская пресса; а с другой стороны, это до крайности раздражает Джона Буля, поскольку он знает, в каких огромных размерах в течение последних семи лет шло тезаврирование капиталов в Индии, куда, согласно недавно опубликованному отчету фирмы гг. Хаггард и Пиксли, в 1856 и 1857 гг. из одного только лондонского порта было отправлено слитков на сумму в 21000000 фунтов стерлингов. Лондонская газета «Times» самым убедительным тоном поучала своих читателей, что

«из всех способов побудить туземцев стать лояльными, наименее сомнительный — это превратить их в наших кредиторов; между тем как, с другой стороны, ничто в такой степени не может вызвать неудовольствие в измену в этом легко возбудимом, скрытном и алчном народе, как мысль, что его ежегодно облагают налогами для пересылки дивидендов богатым кредиторам в других странах».

Однако индийцы, по-видимому, не понимают всей прелести плана, который не только восстановил бы английское владычество за счет индийского капитала, но в то же самое время косвенным путем сделал бы туземные сокровища доступными для британской торговли. В самом деле, если бы индийские капиталисты так сильно любили британское господство, как это в качестве некоего символа веры считает нужным утверждать каждый истый англичанин, нельзя было бы предоставить им более благоприятного случая выразить свою лояльность и сбыть с рук свое серебро. Но, поскольку индийские капиталисты закрывают свои кассы, Джону Булю приходится открывать ту суровую истину, что расходы по индийскому восстанию, по крайней мере на первых порах, ему предстоит оплатить из собственного кармана, без всякого содействия со стороны туземцев. Более того, предстоящий заем является лишь прецедентом

и представляет собой как бы первую страницу книги, озаглавленной «Англо-индийский внутренний долг». Ни для кого не тайна, что Ост-Индской компании требуется не восемь или десять миллионов, а от двадцати пяти до тридцати миллионов фунтов стерлингов, и даже эта сумма была бы только первым взносом, притом не для покрытия предстоящих расходов, а для уплаты уже образовавшихся долгов. Дефицит бюджета за последние три года выразился в сумме 5000000 фунтов стерлингов; повстанцы захватили из казны по 15 октября прошлого года, согласно сообщению «Phoenix»[282], индийской правительственной газеты, 10000000 фунтов стерлингов; в результате восстания доходы в северо-восточных провинциях сократились на 5000000 ф. ст., а военные издержки составили по крайней мере 10000000 фунтов стерлингов.

Правда, последовательные займы Ост-Индской компании на лондонском денежном рынке повысили бы стоимость денег и предотвратили бы растущее обесценение капитала, то есть дальнейшее падение процентной ставки; но такое падение как раз необходимо для оживления британской промышленности и торговли. Всякая искусственная задержка нисходящего движения учетной ставки равносильна повышению издержек производства и стоимости кредита, а такого повышения английская промышленность и торговля при своей нынешней слабости не способны выдержать. Отсюда общий вопль отчаяния по поводу объявления индийского займа. Хотя санкция парламента не дает имперской гарантии займу Компании, такую гарантию придется дать, если нельзя будет получить денег на других условиях; и как только место Ост-Индской компании займет британское правительство, ее долг, вопреки всем тонким различиям, присоединится к общему британскому государственному долгу. Таким образом, дальнейший рост и без того большого национального долга явится, по-видимому, одним из первых финансовых последствий восстания в Индии.

Написано К. Марксом. 22 января 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5243, 9 февраля 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОРАЖЕНИЕ УИНДХЕМА [283]

Во время Крымской войны, когда вся Англия искала человека, способного организовать и возглавить английскую армию, и когда командование было доверено таким бездарностям, как Раглан, Симпсон и Кодрингтон, в Крыму находился солдат, одаренный качествами настоящего полководца. Мы имеем в виду сэра Колина Кэмпбелла, который сейчас в Индии ежедневно дает доказательства того, что он мастер своего дела. После того как в Крыму Кэмпбеллу было поручено командование бригадой под Альмой, где негибкая линейная тактика британской армии не позволила ему проявить свои способности, его заперли в Балаклаве и больше ни разу не разрешили участвовать в последующих боях. А между тем его военные таланты еще задолго до этого были полностью признаны в Индии не кем иным, как сэром Чарлзом Джемсом Нейпиром, самым крупным полководцем, которого Англия имела после Мальборо. Но Нейпир был человеком независимого характера, слишком гордым, чтобы склониться перед господствующей олигархией, и его рекомендации было достаточно, чтобы Кэмпбелла взяли на заметку и перестали доверять ему.

Итак, отличия и почести в этой войне достались на долю других лиц. Среди них был сэр Уильям Фенуик Уильямс Карсский, который ныне счел возможным почить на лаврах, приобретенных бесстыдством, самохвальством и присвоением себе обманным путем славы генерала Кмети, которую тот справедливо заслужил. Титул баронета, ежегодная пенсия в тысячу фунтов, выгодная должность в Вулидже и место в парламенте — всего этого оказалось вполне достаточным, чтобы сэр Уильям

не пожелал рисковать своей репутацией в Индии. В отличие от него, «герой Редана» генерал Уиндхем отправился командовать дивизией против сипаев, и первые же его действия дискредитировали его навсегда. Этот самый Уиндхем, никому не известный полковник, семья которого имеет хорошие связи, командовал бригадой при штурме Редана, во время которого он действовал чрезвычайно вяло; в конце концов, так как подкрепления все не подходили, он дважды оставлял свои войска на произвол судьбы и сам отправлялся в тыл разузнавать относительно подкреплений. За такое весьма сомнительное поведение, которое в других армиях повлекло бы за собой предание военному суду, он был немедленно произведен в генералы и вскоре после того назначен на должность начальника штаба.

Когда Колин Кэмпбелл начал наступать на Лакнау, он оставил старые укрепления, лагерь и город Канпур, а также мост через Ганг на попечение генерала Уиндхема и отряда, достаточного для выполнения этой задачи. В отряде было пять пехотных полков полного и неполного состава, большое количество орудий позиционной артиллерии, 10 полевых и два морских орудия и, кроме того, 100 человек кавалерии; весь отряд насчитывал свыше 2000 человек. Пока Кэмпбелл был занят под Лакнау, различные отряды повстанцев, бродившие по Доабу, объединились с целью напасть на Канпур. Помимо разного сброда, набранного восставшими заминдарами, наступавший отряд имел в своих рядах и обученных солдат (дисциплинированными их нельзя было назвать); это были остатки динапурских сипаев и часть гвалиорского контингента. Из числа восставших войск лишь этот последний был сведен в более крупные единицы, чем роты; так как почти все его офицеры были туземцами, то они со своим старшим командным составом и капитанами сохраняли некоторое подобие организованных батальонов. По этой причине англичане относились к ним с известным уважением. Уиндхем имел строгое указание ограничиваться обороной, но. не получая от Кэмпбелла ответа на свои донесения, поскольку связь была прервана, решил действовать на свою личную ответственность. 26 ноября он с отрядом в 1200 человек пехоты, 100 всадниками и 8 пушками выступил навстречу наступавшим повстанцам. Без труда разбив их авангард, он заметил приближение главной колонны повстанцев и отступил к самому Канпуру. Здесь он занял позицию перед городом, разместив 34-й полк на левом фланге, а стрелков (в числе 5 рот) и две роты 82-го полка — на правом. Путь отступления лежал через город, а в тылу левого фланга находилось несколько печей для обжига кирпича. Впереди, на расстоянии до четырехсот ярдов,

а в различных местах на флангах и еще ближе, были рощи и заросли кустарника, представлявшие прекрасное укрытие для наступающего неприятеля. В самом деле, трудно было бы выбрать худшую позицию: английские войска были расположены на открытой местности, тогда как индийцы, пользуясь укрытием, могли подойти к ним на расстояние до трехсот или четырехсот ярдов! Чтобы еще ярче обрисовать «героизм» Уиндхема, надо добавить, что тут же рядом была весьма удобная позиция — открытая равнина перед фронтом и в тылу и канал в виде препятствия впереди; но он, разумеется, настоял на выборе худшей позиции. 27 ноября неприятель начал артиллерийский обстрел, выдвинув свой пушки к краю прикрытия, образуемого зарослями кустарника. Со скромностью, свойственной герою, Уиндхем называет этот обстрел «бомбардировкой» и говорит, что его войска выдерживали ее в течение пяти часов; но затем случилось нечто, о чем ни сам Уиндхем, ни кто-либо из присутствовавших там, ни одна индийская или британская газета еще не решились сообщить. С того момента, когда артиллерийский обстрел перерос в сражение, все наши прямые источники информации иссякают, и нам остается лишь сделать свои собственные выводы из сбивчивых, уклончивых и неполных данных, находящихся в нашем распоряжении. Уиндхем ограничивается следующим бессвязным сообщением:

«Несмотря на жестокую бомбардировку со стороны неприятеля, мои войска выдерживали атаку» (это что-то новое — называть обстрел войск в поле *атакой!)* «в течение пяти часов и не оставляли своих позиций до тех пор, пока, по количеству людей, заколотых солдатами 88-го полка, я не убедился, что мятежники полностью заняли город; *когда мне донесли,* что они атакуют форт, я приказал генералу Дюпюи отступить. Незадолго до наступления темноты весь отряд отступил в форт со всеми нашими припасами и пушками. Вследствие бегства обозных мне не удалось вывезти лагерное снаряжение и часть обоза. Я убежден, что если бы не произошла ошибка при передаче отданного мною приказа, мне удалось бы удержать свои позиции во всяком случае до наступления темноты».

Генерал Уиндхем инстинктивно, точь-в-точь как это было при Редане, направляется в резерв (ибо, как мы должны заключить, 88-й полк в это время занимал город) и здесь находит не живого и сражающегося неприятеля, а большое количество неприятельских солдат, заколотых солдатами 88-го полка. Этот факт приводит его к заключению, что неприятель (причем не упоминается, живой или мертвый) полностью занял город! Что и говорить, тревожное заключение как для читателя, так и для нашего героя, но последний на этом не останавливается. Ему доносят, что форт подвергается атаке. Всякий другой генерал проворил бы правильность этих слухов, которые, конечно,

оказались ложными. Но не так поступает Уиндхем. Он приказывает отступать, хотя его войска могли бы удерживать своп позиции по крайней мере до наступления темноты, если бы, конечно, не произошла ошибка при передаче одного из его приказов! Итак, мы имеем, во-первых, приличествующее герою заключение Уиндхема, что там, где много убитых сипаев, должно быть также много живых сипаев; во-вторых, ложную тревогу относительно нападения на форт и, в-третьих, ошибку, совершенную при передаче приказа; стечение всех этих бед дало возможность многочисленному сборищу туземцев нанести поражение герою Редана и сломить неукротимую, истинно британскую отвагу его солдат.

Автор другого сообщения, некий офицер, присутствовавший при событиях, пишет:

«Я не думаю, чтобы кто-нибудь смог точно описать бой и отступление, происшедшие в это утро. Было приказано отступать; 34-й пехотный полк ее величества получил приказ отступить на позицию, расположенную за одной из печей для обжига кирпича, но ни офицеры, ни солдаты не знали, где она находится! По лагерю быстро разнеслась весть, что наши войска разбиты и отступают, и все стремглав бросились к внутренним укреплениям, подобно неудержимому потоку Ниагарского водопада. Бесчисленное множество солдат и матросов, европейцев и туземцев, мужчин, женщин и детей, коней, верблюдов и волов, начиная с двух часов дня, стекались в укрепления. К наступлению ночи укрепленный лагерь, с его пестрым сборищем людей и животных, снаряжением, багажом и десятками тысяч не поддающихся описанию ненужных вещей, был похож на первозданный хаос».

Наконец, калькуттский корреспондент «Times» сообщает, что англичане 27-го числа, очевидно, потерпели «нечто почти похожее на поражение», но что из патриотических соображений англо-индийская пресса окутывает этот позор непроницаемым покровом милосердия. Однако признают все же, что один из полков ее величества, в большинстве состоящий из новобранцев, на мгновение пришел в расстройство, хотя и не отступил, и что в форте — поскольку Уиндхем потерял всякую власть над своими солдатами — царило чрезвычайное смятение, до тех пор пока вечером 28-го не прибыл Кэмпбелл и «несколькими резкими словами» не навел порядок.

Итак, каковы же выводы, явно вытекающие из всех этих сбивчивых и уклончивых сообщений? Выводы могут быть только следующие: что бездарное командование Уиндхема привело английские войска к полному поражению, которого безусловно можно было избежать; что, когда был дан приказ об отступлении, офицеры 34-го полка, которые даже не потрудились хоть сколько-нибудь ознакомиться с местностью, где они дрались,

не смогли отыскать пункт, к которому им было приказано отступать; что полк пришел в расстройство и, в конце концов, бежал; что это вызвало панику в лагере, где от порядка и дисциплины не осталось и следа, и привело к потере лагерного снаряжения и части обоза; что, наконец, вопреки утверждению Уиндхема относительно имущества, 15000 патронов системы Минье, ящики с казной, а также обувь и одежда для многих полков и новых рекрутов попали в руки неприятеля.

Английская пехота как в боевом, так и в походном порядке редко обращается в бегство. Подобно русской пехоте, она обладает естественной спайкой, которая обычно свойственна только старым солдатам и отчасти объясняется значительным числом старых солдат в обеих армиях, но отчасти, очевидно, является также и национальной чертой. Это качество, которое не имеет ничего общего с «храбростью», а наоборот, является скорее своеобразным проявлением инстинкта самосохранения, все же очень ценно, особенно при обороне. Кроме того, оно, так же как и флегматичность англичан, предупреждает панику; но следует отметить, что ирландские войска, когда они приходят в расстройство и поддаются панике, нелегко снова привести в порядок. Именно это и случилось с Уиндхемом 27 ноября. Отныне он будет фигурировать в кратком, но славном списке тех английских генералов, которым удалось заставить свои войска спасаться паническим бегством.

28-го гвалиорский контингент, получив подкрепление в виде сильного отряда из Битхура, подошел на расстояние четырехсот ярдов к укрепленным аванпостам англичан. Произошел еще один бой, в котором нападающие действовали весьма вяло. Во время этого боя солдаты и офицеры 64-го полка показали пример истинной храбрости, который мы рады отметить, хотя сам по себе их подвиг был так же безрассуден, как и знаменитая атака при Балаклаве[284]. Ответственность за это, как и в случае под Балаклавой, возлагают на мертвого — на командира этого полка полковника Уилсона. Оказывается, Уилсон выступил со ста восемьюдесятью солдатами против четырех неприятельских пушек, защищаемых гораздо более многочисленным отрядом. Мы не знаем, из кого состоял этот отряд; но результат боя заставляет прийти к выводу, что это были гвалиорские войска. Англичане с налета захватили пушки, заклепали три из них и некоторое время удерживали занятые позиции, но, не получив подкреплений, были вынуждены отступить, оставив на месте шестьдесят солдат и большую часть своих офицеров. Эти потери являются доказательством напряженности боя. Мы видим, что небольшой отряд, который, судя по понесенным

потерям, был встречен неплохо, удерживал батарею до тех пор, пока треть его людей не была перебита. Это был действительно горячий бой и к тому же первый пример такого боя со времени штурма Дели. Тем не менее человек, разработавший план подобного наступления, заслуживает военно-полевого суда и расстрела. Уиндхем говорит, что это был Уилсон. Но Уилсон пал в этом бою и не может ничего возразить.

Вечером вся английская армия была загнана в форт, где по-прежнему царил беспорядок, а позиция у моста находилась в явной опасности. Но тут прибыл Кэмпбелл. Он восстановил порядок, утром подтянул свежие силы и отогнал неприятеля на такое расстояние, что мост и форт оказались вне опасности. Затем он переправил на другой берег реки всех раненых, женщин, детей и имущество, удерживая оборонительную позицию до тех пор, пока они не продвинулись достаточно далеко по дороге на Аллахабад. Как только со всем этим было покончено, он 6 декабря атаковал сипаев и разбил их, а его кавалерия и артиллерия в тот же день преследовали их на протяжении четырнадцати миль. Что повстанцы почти не оказывали сопротивления, видно из сообщения Кэмпбелла: он описывает лишь продвижение своих собственных отрядов, ни разу не упоминая о сопротивлении или каком-либо маневре со стороны неприятеля; не было ни сопротивления, ни сражения, было лишь battue*. Бригадный генерал Хоуп Грант, возглавляя легкую дивизию, преследовал беглецов и настиг их 8-го числа при переправе через реку; загнанные таким образом в тупик, они повернули лицом к неприятелю и понесли тяжелые потери. Этим закончилась первая кампания Кэмпбелла, кампания Лакнау — Канпур. В дальнейшем ему предстоит еще немало боев, о ходе которых мы, вероятно, услышим в течение ближайших двух или трех недель.

Написано Ф. Энгельсом около 2 февраля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5253, 20 февраля 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — побоище. *Ред.*

К. МАРКС

ПОКУШЕНИЕ НА БОНАПАРТА [285]

Quos deus vult perdere prius dementat* — таково, по-видимому, почти всеобщее мнение в Европе о французском узурпаторе, которого всего лишь несколько недель тому назад бесчисленные льстецы и поклонники успеха во всех странах и на всех языках единодушно превозносили как некое земное провидение. И вдруг теперь, при первом приближении подлинной опасности, считают, что этот полубог сошел с ума. Для тех, однако, кто не привык поддаваться первым впечатлениям, совершенно очевидно, что булонский герой[286] остается сегодня тем же, кем он был вчера, — просто азартным игроком. Если он ставит свою последнюю карту и рискует всем, то это значит, что изменился не человек, а изменились шансы игры. Покушения на Бонапарта бывали и раньше, однако они не оказывали никакого видимого действия на экономическое состояние Империи. Почему же гремучая ртуть, взорвавшаяся 14 января, убила не только людей, но и покончила с известным положением вещей? С ручными гранатами улицы Лепелетье произошло то же самое, что и с просаленными патронами, розданными в Барракпуре**. Они не изменили Империи, они только разорвали покров, скрывавший изменения, которые уже произошли.

Тайну возвышения Бонапарта надо искать, с одной стороны, в том, что враждующие партии взаимно обессилили друг друга, а с другой — в том, что его coup d'état*** совпал с вступлением делового мира в полосу процветания. Вот почему торговый

* — Кого бог хочет погубить, у тех он сначала отнимает рассудок. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 241. *Ред.*
*** — государственный переворот. *Ред.*

кризис неизбежно подорвал материальную основу Империи, которая никогда не имела какой-либо моральной основы, кроме временной деморализации всех классов и всех партий. Рабочий класс, едва он оказался без работы, вновь занял враждебную позицию по отношению к существующему правительству. Значительную часть торговой и промышленной буржуазии кризис поставил в точно такое же положение, какое в свое время побудило Наполеона ускорить свой coup d'etat; хорошо известно, что страх перед долговой тюрьмой в Клиши положил конец его колебаниям. Та же самая причина побудила парижских буржуа в 1848 г. поспешить на баррикады, а в данный момент заставила бы их рассматривать всякое политическое потрясение как некий неожиданный дар судьбы. Как теперь в точности известно, в самый разгар паники Французский банк, по приказанию правительства, возобновил все просроченные векселя — льгота, которую он, кстати сказать, принужден был снова предоставить 31 января; однако эта приостановка в ликвидации долгов не только не восстановила торговую активность, но, напротив, лишь придала панике хронический характер. Другую, весьма значительную и к тому же весьма влиятельную часть парижской буржуазии, а именно petits rentiers*, или людей с небольшими постоянными доходами, постигло полное разорение в результате колоссальных колебаний на бирже, которые поощрялись императорской династией и ее авантюристскими приспешниками и способствовали их обогащению. Часть французских высших классов, по крайней мере та, которая претендует на роль представительницы так называемой французской цивилизации, никогда не рассматривала Империю иначе как необходимый паллиатив, никогда не скрывала своего глубоко враждебного чувства к «племяннику своего дяди» и в последнее время пользовалась всяким предлогом, чтобы выказать свое негодование по поводу попытки превратить просто временное средство, каким она считала Империю, в постоянное установление. Таково было общее настроение, которое обнаружилось благодаря покушению на улице Лепелетье. Это проявление общего настроения, в свою очередь, дало лже-Бонапарту почувствовать собирающуюся над ним бурю и побудило его поставить свою последнюю карту. В «Moniteur» много писалось о криках, приветствиях и «общественном энтузиазме», проявившемся при выходе императорской четы из Оперы. О том, чего стоил этот уличный энтузиазм, свидетельствует следующий, переданный одним из главных участников событий эпизод, за под-

* — мелких рантье. *Ред.*

линность которого ручается одна весьма солидная английская газета:

«Ночью 14-го некий человек, занимающий высокое положение в императорском придворном штате, но в эту ночь свободный от службы, проходя по бульварам, услышал взрывы и увидел, как народ бежал к Опере. Он тоже бросился туда и таким образом оказался свидетелем всей сцены. Его сейчас же узнали, и один из людей, ближайшим образом заинтересованный во всем происшедшем, сказал: «О, г-н... ради бога, найдите кого-нибудь, имеющего отношение к Тюильри, и пошлите его за новыми экипажами. Если вам никого не удастся найти, то сходите за ними сами». Лицо, к которому были обращены эти слова, немедленно принялось разыскивать кого-либо из придворных слуг, но это оказалось нелегкой задачей, так как все они, от высших до низших, от камергеров до ливрейных лакеев, за одним или двумя похвальными исключениями, с невероятной поспешностью разбежались. Однако через четверть часа ему удалось поймать одного из дворцовых курьеров и спешно отправить его во дворец с надлежащими инструкциями. Прошло около двадцати пяти минут или получаса, когда он вернулся на улицу Лепелетье и с величайшим трудом проложил себе дорогу через многочисленную толпу обратно к перистилю театра. Раненые все еще лежали вокруг, и повсюду царил явный беспорядок. Неподалеку упомянутый господин заметил префекта полиции г-на Пьетри; он окликнул его, дабы привлечь его внимание и предупредить, чтобы он не уходил, пока он не сможет подойти к нему. Когда ему удалось это сделать, он тотчас же воскликнул: «Умоляю вас, немедленно закройте проход по улице. Вскоре прибудут еще экипажи, и они не смогут подъехать к дверям. Кроме того, взгляните, какой здесь беспорядок. Умоляю вас, очистите улицы». Г-н Пьетри взглянул на него с удивлением. «Очистить улицу! — воскликнул он в ответ, — да ведь она очищена; она была очищена в пять минут». Его собеседник вытаращил на него глаза. «Но, в таком случае, что означает вся эта толпа? Что означает эта плотная масса людей, сквозь которую невозможно протиснуться?» «Это все мои люди, — последовал ответ г-на Пьетри, — в данную минуту в этой части улицы Лепелетье нет ни одного постороннего; все, кого вы здесь видите, состоят у меня на службе»».

Если таков был секрет уличного энтузиазма, которым хвалилась газета «Moniteur», то ее замечание о «добровольной иллюминации бульваров после покушения», конечно, не могло ввести в заблуждение парижан, бывших свидетелями этой иллюминации; она ограничивалась только магазинами поставщиков императора и императрицы. Даже эти люди не замедлили рассказать, что спустя полчаса после взрыва «адской машины» полицейские агенты явились к ним с указанием, что было бы уместно немедленно устроить иллюминацию, дабы показать, какой восторг возбудило в них спасение императора.

О полной изоляции императора еще в большей степени свидетельствует характер поздравительных адресов и публичных выражений верноподданнических чувств. Среди людей, подписавших их, нет ни одного человека, который так или иначе не принадлежал бы к администрации, этому вездесущему паразиту, питающемуся жизненными соками Франции, и не был бы

приведен в движение, подобно марионетке, прикосновением министра внутренних дел. Газета «Moniteur» была обязана день за днем регистрировать эти монотонные поздравления императору от самого же императора в качестве многочисленных доказательств безграничной любви народа к нему за его coup d'état. Правда, делались некоторые попытки получить адрес от парижского населения; с этой целью полицейские агенты повсюду таскали соответствующий текст; но, так как обнаружилось, что число подписей не окажется достаточно внушительным, затея была оставлена. Даже парижские лавочники осмелились отказаться подписать адрес под тем предлогом, что такое предложение должно было исходить не от полиции. Позиция парижской прессы, по крайней мере той, которая поддерживается публикой, а не казной, вполне соответствовала настроению населения. Она либо лепетала какие-то невнятные слова о наследственных правах, подобно злополучному «Spectateur», либо, подобно «Phare de la Loire»[287], цитировала полуофициальные газеты в качестве источников своих сообщений об энтузиазме публики, либо, подобно «Journal des Débats», строго ограничивалась в своих поздравлениях рамками условной вежливости, либо перепечатывала только статьи из «Moniteur». Одним словом, было совершенно ясно, что если Франция еще не была готова взяться за оружие против Империи, то она, несомненно, решила отделаться от нее при первом удобном случае.

«По словам моих собеседников, которые недавно прибыли из Парижа», — пишет венский корреспондент лондонской газеты «Times», — *«общее мнение* в этом городе таково, *что нынешняя династия неуклонно идет к своей гибели»*[288].

Сам Бонапарт, до тех пор единственный человек во всей Франции, веривший в окончательную победу coup d'état, вдруг осознал беспочвенность своих иллюзий. В то время как все общественные организации и пресса на все лады клялись, что преступление на улице Лепелетье, будучи совершено исключительно итальянцами, лишь оттенило еще ярче любовь Франции к Луи-Наполеону, сам Луи-Наполеон поспешил в Corps Législatif[*] и там публично заявил, что заговор носил национальный характер и что поэтому необходимы новые «репрессивные законы», для того чтобы удержать Францию в подчинении. Те законы, которые уже внесены на обсуждение и во главе которых фигурирует loi des suspects[289], являются не чем иным, как точным повторением мероприятий, применявшихся в первые дни coup d'état. Однако тогда они были возвещены как временно

[*] — Законодательный корпус. *Ред.*

необходимые меры, теперь же их провозгласили в качестве органических законов. Таким образом, сам Луи-Наполеон заявляет, что Империя может увековечить свое существование только с помощью тех же гнусностей, посредством которых она была произведена на свет, что все ее претензии на более или менее респектабельные формы правильно функционирующего правительства должны быть отброшены и что окончательно миновало время, когда народ угрюмо повиновался господству Общества вероломного узурпатора[290].

Незадолго до осуществления coup d'etat Луи-Наполеон ухитрился собрать из всех департаментов, преимущественно из сельских округов, адреса, направленные против Национального собрания и выражавшие неограниченное доверие президенту. Так как в настоящее время этот источник исчерпан, то не остается ничего другого, как обратиться к армии. Адреса от военных, в одном из которых зуавы «почти сожалеют, что им не представилось случая каким-либо ярким образом проявить свою преданность императору», являются попросту неприкрытым провозглашением господства преторианцев[291] во Франции. Разделение Франции на пять больших военных пашалыков, с пятью маршалами во главе, под верховным контролем Пелисье в качестве главного маршала[292], есть лишь простой вывод из этой предпосылки. В свою очередь, учреждение Тайного совета, который в то же самое время должен действовать в качестве Совета на случай регентства какой-нибудь Монтихо и составлен из таких карикатурных типов, как Фульд, Морни, Персиньи, Барош и им подобные, показывает Франции, какого рода режим приберегают для нее эти новоявленные государственные мужи. Учреждение этого Совета, наряду с семейным примирением, возвещенным изумленному миру письмом Луи-Наполеона в «Moniteur», в силу которого экс-король Вестфалии Жером назначается председателем государственных советов в отсутствие императора, — все это, как было правильно замечено, «похоже на то, что пилигрим готов отправиться в опасное странствие»[293]. В какую же новую авантюру собирается пуститься герой Страсбурга[294]? Иные говорят, что он хочет облегчить себе душу кампанией в Африке; другие — что он намеревается вторгнуться в Англию. Что касается первого плана, то он напоминает одно из его прежних намерений лично отправиться под Севастополь[295]; однако теперь, как и тогда, его осторожность могла бы оказаться лучшей частью его доблести[*]. Что же касается любых враждебных действий против

[*] Шекспир. «Король Генрих IV», часть I, акт V, сцена четвертая. *Ред.*

Англии, то они лишь показали бы Бонапарту, насколько он изолирован в Европе, подобно тому как покушение на улице Лепелетье показало, насколько он изолирован во Франции. Содержащиеся в адресах французской военщины угрозы против Англии окончательно похоронили англо-французский союз, давно уже находившийся in articulo mortis[*]. Пальмерстоновский билль об иностранцах[296] только поможет довести и без того уязвленную гордость Джона Буля до крайнего возмущения. Что бы ни предпринял Бонапарт — а так или иначе он должен попытаться восстановить свой престиж, — он только ускорит свою гибель. Он приближается к концу своей странной, преступной и пагубной карьеры.

Написано К. Марксом 5 февраля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5254, 22 февраля 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — при последнем издыхании. *Ред.*

К. МАРКС

* ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ

Излишне доказывать, что с трудом удерживаемая Луи-Наполеоном власть, еще позволяющая ему называть себя императором французов, сильно пострадает, когда торговый кризис, который в других странах уже пошел на убыль, достигнет во Франции своего кульминационного пункта. Симптомы приближения этого кульминационного пункта в настоящее время следует искать главным образом в положении Французского банка и французских рынков сельскохозяйственных продуктов. Отчет Банка за вторую неделю февраля, сравнительно с последней неделей января, даст следующие характерные цифры:

Сокращение денежного обращения	8 776 400	франков
Сокращение вкладов	29 018 054	»
Сокращение операций по учету векселей в Банке	47 746 641	»
Сокращение операций по учету векселей в отделениях	23 264 271	»
Общее сокращение операций по учету векселей	71 010 912	»
Рост просроченных векселей	2 761 435	»
Рост металлического запаса	31 508 278	»
Рост премий, выплаченных на покупку золота и серебра	3 284 691	»

Во всех торговых странах с сокращением торговой деятельности увеличился металлический запас банков. В той же мере, в какой промышленная жизнь ослабевала, положение банков в общем становилось прочнее, и потому накопление металли-

ческого запаса в подвалах Французского банка могло бы показаться только лишним примером своеобразного экономического явления, наблюдаемого как здесь, в Нью-Йорке, так и в Лондоне и в Гамбурге. Однако в движении металлического запаса во Франции есть одна отличительная черта, а именно, рост премий, выплаченных на покупку золота и серебра, до суммы в 3284691 фр., в то время как общая сумма, израсходованная на это Французским банком за февраль, достигает цифры в 4438549 франков. Серьезное значение этого факта становится ясным из следующего сравнения:

Премии, выплаченные Французским банком на покупку золота и серебра

Февраль 1858 г.	4 438 549	франков
Январь 1858 г.	1 153 858	»
Декабрь 1857 г.	1 176 029	»
Ноябрь 1857 г.	1 327 443	»
Октябрь 1857 г.	949 656	»
С 1 января по 30 июня 1856 г.	3 100 000	»
С 1 июля до 11 декабря 1856 г.	3 250 000	»
С 1 июля до 31 декабря 1855 г.	4 000 000	»

Таким образом, мы видим, что премии, выплаченные в феврале с целью получить временное искусственное увеличение металлического запаса в Банке, составляют сумму, почти равную той, которая была израсходована для этой *же* цели в точение четырех месяцев, с октября 1857 по январь 1858 г., и превышают все количество премий, выплаченных за шесть месяцев в 1856 и 1855 гг., в то время как общая сумма премий, выплаченных с октября 1857 по февраль 1858 г., достигающая цифры в 9045535 фр., почти в полтора раза превышает сумму премий, выплаченных за весь 1856 год. Это значит, что, несмотря на кажущийся избыток средств, металлический запас Банка сейчас в действительности меньше, чем был за последние три года. Банк вовсе не перегружен металлическим запасом, и прилив его лишь искусственно повышен до необходимого уровня. Уже одного этого факта достаточно для доказательства того, что во Франции торговый кризис еще не вступил в фазу, которую он уже миновал в Соединенных Штатах, в Англии и на севере Европы. Как показывает одновременное сокращение денежного обращения и операций по учету векселей, общая торговая депрессия во Франции уже налицо; но настоящий крах еще впереди, о чем свидетельствует сокращение вкладов и увеличение количества просроченных векселей при одновременном росте премий на закупленное золото и серебро.

Банк был вынужден также объявить, что значительная часть его собственных новых акций, пока еще не оплаченных полностью, будет продана. Кроме того, правительство сделало Банк генеральным подрядчиком всего железнодорожного строительства во Франции, и ему приходится в определенные промежутки времени выдавать железнодорожным компаниям крупные ссуды, которые только за январь и февраль составили сумму в 50000000 франков. Правда, взамен этих ссуд Банк получил боны компаний, которые он имеет право продать, если сможет. Но настоящий момент исключительно неблагоприятен для такой продажи, и еженедельные отчеты железных дорог, показывающие непрерывное падение их доходов, рисуют далеко не радужные перспективы на этот счет. За январь, например, сравнительно с тем же месяцем 1857 г., доходы Орлеанской железной дороги сократились на 21%, Восточной — на 18%, Лионской — приблизительно на 11% и Западной — на 14%.

Хорошо известен факт, что сопротивление, которое оказывает покупатель смене низких цен высокими, а еще более сопротивление, которое оказывает продавец смене высоких цен низкими, всегда очень значительно; известно также, что часто бывают более или менее длительные промежутки, в течение которых продажи затруднены, а цены низки, пока, наконец, с неодолимой силой не выявится тенденция рынка в том или другом направлении. Эпизодическая борьба подобного рода между владельцами товаров и покупателями не представляет ничего необычайного; но такой затяжной борьбы между французскими купцами и французскими потребителями, какая длится уже с начала ноября и по сей день, еще, кажется, не бывало в истории цен. В то время как французская промышленность страдает от застоя, множество рабочих находится без работы, средства к существованию у всех сократились, а цены, которые в других странах упали в среднем с 30 до 40%, во Франции все еще держатся на спекулятивном уровне периода, предшествовавшего всеобщему кризису. Если нас спросят, каким путем было достигнуто это экономическое чудо, то ответ будет простой: под давлением правительства Французский банк был дважды вынужден пролонгировать векселя и ссуды, уже подлежавшие оплате, и, таким образом, накопленные в его подвалах средства французского народа пошли прямо или косвенно на поддержание вздутых цен в ущерб этому же французскому народу. По-видимому, правительство воображает, что путем такого чрезвычайно простого процесса — распределения банкнот повсюду, где в них нуждаются, — можно окончательно предотвратить катастрофу. На самом же деле в результате этого

трюка получилось, с одной стороны, обострение, нужды потребителей, уменьшение средств которых не сопровождалось снижением цен, а с другой стороны, колоссальное накопление товаров на таможенных складах, которые, будучи, в конце концов, по необходимости выброшены на рынок, обесценятся в силу своего собственного количества. Заимствованный из одного официального французского издания нижеследующий перечень сравнительного количества товаров, накопившихся на французских таможенных складах к концу декабря 1857, 1856 и 1855 гг., не оставит никаких сомнений насчет того катастрофического самоурегулирования цен, какое еще ожидает Францию в будущем:

	1857 г.	1856 г.	1855 г.
	(в метрических квинталах*)		
Какао	19 419	17 799	10 188
Кофе	210 741	100 758	57 644
Хлопок	156 006	76 322	28 766
Медь	15 377	1 253	3 197
Олово	4 053	1 853	1 811
Чугун	132 924	102 202	76 337
Семена масличных культур	253 596	198 982	74 537
Сало	25 299	15 292	11 276
Индиго	5 253	2 411	3 783
Шерсть	72 150	31 560	38 146
Перец	23 448	18 442	10 682
Сахар (из колоний)	170 334	56 735	55 387
Сахар (из других стран)	89 607	89 807	71 913

Впрочем, в торговле хлебом борьба за цены уже окончилась полным поражением товаровладельцев. И все же их потери имеют гораздо меньше значения, чем общее положение земледельческого населения Франции при нынешней конъюнктуре. Недавно на собрании французских сельских хозяев было констатировано, что средняя цена на пшеницу по всей Франции равнялась 31 фр. 94 сант. за гектолитр (приблизительно $2^3/_4$ бушеля) в конце января 1854 г., 27 фр. 24 сант. в этот же месяц 1855 г., 32 фр. 46 сант. в январе 1856 г., 27 фр. 9 сант. в январе 1857 г. и 17 фр. 38 сант. в январе 1858 года. Собрание пришло к единодушному мнению, что

«такое состояние цен не может не быть разорительным для французского земледелия и что при нынешней средней цене в 17 фр. 38 сант. производителям в одних районах Франции остается крайне незначительная прибыль, а в других районах они терпят серьезные убытки».

* Метрический квинтал равен 100 *кг. Ред.*

Казалось бы, в такой стране, как Франция, где большая часть земли принадлежит самим земледельцам и лишь сравнительно небольшая часть всей продукции поступает на рынок, изобилие зерна следует рассматривать не как беду, а как благо. Однако еще Людовик XVIII в своей тронной речи 26 ноября 1821 г. сказал: «Никакой закон не может устранять бедствий, вызванных слишком обильным урожаем». Дело в том, что значительное большинство французских крестьян является собственниками лишь номинально, настоящими же собственниками являются кредиторы по закладным и правительство. Не от количества продукта, а от его цены зависит, в состоянии ли французский крестьянин выполнить тяжелые обязательства, которые налагает на него владение маленьким клочком земли.

Это бедственное положение сельского хозяйства вместе с торговой депрессией, с застоем промышленности и все еще угрожающей финансовой катастрофой должно привести французский народ в такое состояние мысли, в каком он обычно пускается на новые политические эксперименты. С исчезновением экономического процветания и обычно сопутствующего ему политического индифферентизма исчезнет также всякий предлог для дальнейшего существования Второй империи.

Написано К. Марксом 12 февраля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5270, 12 марта 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРАВЛЕНИЕ ПРЕТОРИАНЦЕВ

Париж, 22 февраля 1858 г.

«Когда же охотник на львов Жерар будет назначен министром народного просвещения?» Эта фраза стала ходячей в предместьях Парижа, с тех пор как генерал Эспинас, печально прославившийся своим походом в Добруджу[297], был назначен министром внутренних дел и общественной безопасности. В России, как хорошо известно, генерал от кавалерии возглавляет святейший Синод. Почему бы и Эспинасу не возглавлять французское министерство внутренних дел, поскольку Франция стала исключительной вотчиной преторианцев? С помощью таких явных нелепостей совершенно откровенно провозглашается господство обнаженной сабли, и Бонапарт хочет дать Франции ясно понять, что императорская власть покоится не на воле народа, а на силе 600000 штыков. Отсюда преторианские адреса, изготовляемые командирами различных полков по образцу, исходившему из Тюильри, — адреса, из которых тщательно изгнано малейшее упоминание о так называемой «воле народа»; отсюда разделение Франции на пять пашалыков; отсюда преобразование министерства внутренних дел в придаток армии. Преобразования на этом, однако, не заканчиваются. Говорят, что около 60 префектов находятся накануне отставки и по большей части будут заменены военными. Управление префектурами должно перейти в руки отставных полковников и подполковников. Этот антагонизм между армией и населением должен послужить гарантией «общественной безопасности», а именно безопасности героя Сатори[298] и его династии.

Один выдающийся современный историк сказал, что, сколько бы ни старались маскировать этот факт, Францией со времени

великой революции всегда распоряжалась армия. Конечно, в эпоху Империи, Реставрации, при Луи-Филиппе и при республике 1848 года правили различные классы. В эпоху Империи преобладало крестьянство, этот отпрыск революции 1789 года; в период Реставрации — крупные землевладельцы, при Луи-Филиппе — буржуазия; а республика 1848 года, вопреки намерениям ее основателей, фактически оказалась неудачной попыткой поделить господство поровну между сторонниками легитимной монархии и сторонниками Июльской монархии. Однако все эти режимы в конечном счете опирались на армию. Разве не была даже республиканская конституция 1848 г. составлена и провозглашена в условиях осадного положения, то есть при господстве штыка? Разве эту республику не олицетворял генерал Кавеньяк? Разве она не была спасена армией в июне 1848 г. и вновь — в июне 1849 г. и, наконец, разве ее не прикончила та же армия в декабре 1851 года? Что же, в таком случае, нового в режиме, ныне открыто провозглашенном Луи Бонапартом? То ли, что он правит через посредство армии? Но ведь так действовали и все его предшественники, начиная со времени термидора[299]. Однако если во все предшествовавшие периоды правящий класс, возвышение которого соответствовало своеобразию развития французского общества, опирался в борьбе против своих противников в качестве ultima ratio* на армию, то все же господствующими являлись интересы определенного класса общества. При Второй империи должны господствовать интересы самой армии. Армии не приходится больше поддерживать господство одной части народа над другой частью народа. Армии приходится поддерживать свое собственное господство, в лице своей собственной династии, над французским народом вообще.

Она должна представлять *государство,* противостоящее *обществу.* Не следует думать, что Бонапарт не понимает всей опасности предпринимаемого им эксперимента. Провозглашая себя главой преторианцев, он каждого преторианского вожака объявляет своим соперником. Его собственные сторонники, во главе с генералом Вайяном, возражали против деления французской армии на пять маршальств, говоря, что если эта мера хороша для поддержания порядка, то она отнюдь не послужит на благо Империи и в один прекрасный день приведет к гражданской войне. В Пале-Рояле[300], где новый поворот императорской политики вызывает сильнейшее раздражение, припомнили измены маршалов Наполеона во главе с Бертье.

* — последнего довода, крайнего средства. *Ред.*

О том, как будут вести себя пять смертельно ненавидящих друг друга маршалов в какой-нибудь критический момент в будущем, всего лучше можно судить на основании их прошлого. Маршал Маньян предал Луи-Филиппа; Бараге д'Илье предал Наполеона; Боске предал республику, которой он был обязан своим выдвижением и принципам которой он, как известно, сочувствует. Кастеллан не стал даже дожидаться настоящей катастрофы, чтобы предать самого Луи Бонапарта. Во время войны с Россией он получил телеграмму, которая гласила: «Император скончался». Он тотчас же составил прокламацию в пользу Генриха V и отправил ее в типографию. Префект Лиона получил более точную телеграмму, которая гласила: «Русский император скончался». Прокламацию замяли, но история о ней стала широко известна. Что же касается Канробера, то он, может быть, и сторонник Империи, но он лишь дробь и, главное, лишен способности быть целым числом. Сами эти пять маршалов, сознавая всю трудность задачи, которую им предложили взять на себя, так долго колебались перед тем как принять командование, что дожидаться их согласия стало невозможно; тогда Бонапарт сам определил каждому его округ, передал этот список г-ну Фульду, чтобы он его пополнил и отправил в «Moniteur», так что все они были, наконец, официально назначены на свои посты, нравилось им это или нет. Однако Бонапарт не решился довести свой план до конца и назначить Пелисье главным маршалом. О пятерке маршалов Бонапарта мы можем сказать то же, что сказал, как передают, принц Жером Наполеон Фульду, посланному Бонапартом вручить своему дяде назначение на первое место в Совете регентства. Отклонив это предложение в самой бесцеремонной форме, экс-король Вестфалии, как передает парижская сплетня, выпроводил г-на Фульда со следующими словами: «Du reste*, весь ваш Совет регентства составлен так, чтобы вы могли выполнить только одну задачу, а именно, как можно скорее арестовать друг друга». Мы повторяем, что нельзя предполагать, будто Луи Бонапарт не сознает, какими опасностями чревата его вновь изобретенная система. Но у него нет никакого выбора. Он понимает свое собственное положение и желание французского общества как можно скорее отделаться от него и от того фарса, каким является его Империя. Он знает, что различные партии оправились от сковывавшего их паралича и что материальная основа его биржевого режима взорвана торговым потрясением. Поэтому он не только подготовляет войну против

* — Впрочем. *Ред.*

французского общества, но и объявляет об этом во всеуслышание. Этому решению занять воинственную позицию против Франции вполне соответствует то, что он враждует с самыми разнородными партиями. Так, например, когда Кассаньяк в «Constitutionnel» громил г-на Вильмена как «возбудителя ненависти» к Империи и обвинял «Journal des Debats» в «молчаливом соучастии» в attentat[*], то сперва это было истолковано как неумное проявление усердия со стороны человека, которого Гизо характеризовал как roi des droles[**]. Вскоре, однако, обнаружилось, что статья была навязана «Constitutionnel» министром народного просвещения г-ном Руланом, который сам правил ее корректуру. Это объяснение было, между прочим, дано г-ну де Саси из «Debats» владельцем «Constitutionnel» г-ном Миресом, который не пожелал нести ответственность за статью. Таким образом, обвинение *всех партий* в том, что они являются его личными врагами, входит в намерения Бонапарта. Это составляет часть его системы. Он ясно дает им понять, что не питает никаких иллюзий относительно той всеобщей неприязни, какую внушает его власть, но что он готов ответить на это картечью и пулями.

Написано К. Марксом 22 февраля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5270, 12 марта 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — покушении. *Ред.*
[**] — короля шутов. *Ред.*

К. МАРКС

МИНИСТЕРСТВО ДЕРБИ — МНИМАЯ ОТСТАВКА ПАЛЬМЕРСТОНА [301]

Если Орсини не удалось убить Луи-Наполеона, то он, несомненно, сразил Пальмерстона. Поскольку этот политический игрок был возведен в диктаторы Англии китайским мандарином в Кантоне, то исторически вполне естественно, что в конце концов его должна была повергнуть рука итальянского карбонария в Париже[302]. Но то, что преемником его должен был стать лорд Дерби, — это уже нечто большее, чем просто историческое явление, и приближается к категории исторической закономерности. Это вполне согласуется с традициями британской конституции. За Питтом последовал Фокс; за Фоксом — Персивал, бледная копия Питта; за Веллингтоном — Грей, бледная копия Фокса; за Греем — Веллингтон; за Веллингтоном — Мелбурн, бледная копия Грея; за Мелбурном — вновь Веллингтон под именем Пиля; за Пилем — вновь Мелбурн под именем Рассела; за Расселом — Дерби, суррогат Пиля; за Дерби — снова Рассел. Почему бы Пальмерстону, узурпировавшему место Рассела, не быть смененным в свою очередь Дерби?

Если в Англии и имеется какая-нибудь новая сила, способная положить конец старинной рутине, примером которой служит этот последний обмен местами между достопочтенными джентльменами, сидящими по одну сторону палаты, и достопочтенными джентльменами, находящимися по другую ее сторону[303]; если и есть какой-либо человек или группа лиц, способные выступить против традиционного правящего класса и занять его место, то миру они еще не известны. В одном, однако, не может быть никакого сомнения, а именно в том, что правление тори гораздо более благоприятно для всякого

движения вперед, нежели любое другое правление. В течение последних пятидесяти лет все широко распространенные движения либо возникали, либо завершались при торийских правительствах. Торийское министерство провело билль об эмансипации католиков[304]. При торийском министерстве стало непреодолимым движение в пользу парламентской реформы[305]. Введение подоходного налога, — который при всей своей нынешней нелепой форме содержит все же зародыш пропорционального обложения, — является делом рук торийского министерства. Деятельность Лиги против хлебных законов, слабая и робкая при правительстве вигов, достигла революционного размаха при торийском министерстве; и в то время как Рассел даже в самых смелых своих дерзаниях никогда не отваживался идти дальше твердых пошлин, столь же умеренных, как и он сам, Пилю ничего не оставалось, как предать хлебные законы могиле всех Капулетти[306]. И именно тори опростонародили, так сказать, аристократию, влив в нее для подкрепления ее энергии плебейскую силу и талант. Благодаря тори, Каннинг, сын актрисы, властвовал над старой земельной аристократией Англии; так же властвовал над ней Пиль, сын хлопкопрядильного фабриканта-выскочки, бывшего когда-то ткачом, работавшим на ручном станке; так властвует над ней и Дизраэли, сын простого литератора и вдобавок еврей. Сам лорд Дерби превратил сына мелкого лавочника из Льюиса в лорда-канцлера Англии под именем лорда Сент-Леонардса. Виги, в свою очередь, всегда оказывались достаточно сильными, чтобы прятать свои плебейские креатуры за мишурными декорациями или надменно и оскорбительно отбрасывать их. Брум, душа движения за парламентскую реформу, был обезврежен тем, что был возведен в лорды, а Кобдену, главе Лиги против хлебных законов, те самые виги, которых он вновь водворил на министерские посты, предложили занять место заместителя министра торговли[307].

В смысле чисто интеллектуальных способностей новый кабинет легко может выдержать сравнение со своим предшественником. Люди, подобные Дизраэли, Стэнли и Элленборо, без ущерба для себя могут быть противопоставлены людям такого калибра, как г-н Вернон Смит, бывший председатель Контрольного совета, или военный министр лорд Панмюр, уже одна фраза которого «Позаботьтесь о Даубе»[308] способна его обессмертить, или сэр Дж. К. Льюис, воплощение скучного «Edinburgh Review», или даже столь высоконравственным величинам, как лорд-хранитель печати Кланрикард. Фактически Пальмерстон в свое время заменил не только министерство всех

партий министерством без партий, но и кабинет всех талантов кабинетом без талантов, кроме своего собственного.

Не может быть сомнения, что Пальмерстон даже и не подозревал о том, что его падение окончательно. Он был уверен, что лорд Дерби и на этот раз, как во время Крымской войны, откажется от поста премьер-министра. Тогда к королеве был бы вызван Рассел, и так как большая часть его собственной армии служила при Пальмерстоне, а большинство враждебной армии стояло под знаменем Дизраэли, то Расселу пришлось бы отказаться от надежды образовать кабинет, тем более, что, будучи вигом, он не мог бы прибегнуть к «крайней мере» — к роспуску парламента, избранного под знаменами вигов. Возвращение Пальмерстона к власти после недели колебаний стало бы, таким образом, неизбежным. Этот тонкий расчет был сведен к нулю согласием Дерби. Неизвестно, долго ли останется у власти министерство тори. Может быть, они продержатся несколько месяцев, пока не будут вынуждены прибегнуть к роспуску парламента — мероприятию, которое они непременно должны будут осуществить, прежде чем окончательно откажутся от власти. Но два обстоятельства для нас совершенно несомненны, а именно, что правление тори будет ознаменовано внесением весьма либеральных законопроектов в области социальных реформ (чему ручательством служит деятельность лорда Стэнли до сего времени и билль сэра Джона Пакингтона о народном образовании) и, главное, что они внесут весьма полезную и благотворную перемену во внешнюю политику. Правда, многие поверхностные наблюдатели и публицисты утверждают, что падение Пальмерстона не нанесет большого удара Луи-Наполеону, так как, мол, некоторые члены нового торийского министерства состоят в хороших личных отношениях с французским деспотом и Англия находится не в таком положении, чтобы вести войну с могущественной континентальной державой. Но именно потому, что Англия не в состоянии предпринять новую войну, мы считаем в высшей степени знаменательным ее ответ на грубые угрозы и наглые требования сатрапов Луи-Наполеона. Независимые либералы в парламенте, отражая несомненные и ясно выраженные настроения нации, ответили на депешу Валевского провалом пальмерстоновского билля о заговорах[309] вовсе не потому, что Малмсбери и Дизраэли должны были вступить в министерство. Лорд Дерби может оступиться и пасть, но решение принять поправку Милнера Гибсона[310] останется и принесет свои плоды, несмотря ни на что.

Мы не верим в сколько-нибудь искренний и длительный союз между британским торизмом и французским бонапартизмом.

Против этого восстают внутренние побуждения, традиции и стремления обеих сторон. Мы не считаем возможным, чтобы новый кабинет вновь вернулся к пальмерстоновскому биллю о заговорах и стал настаивать на его проведении, о чем с такой уверенностью говорят парижские газеты. Если он это и сделает, то не раньше, чем даст ответ Валевскому и де Морни в духе Питта и Каслри. При всех своих недостатках торизм должен сперва изменить свою природу, прежде чем он согласится изменять законы Англии по указке Бонапарта.

Впрочем, предположение о том, что в недалеком будущем между обоими правительствами произойдет разрыв, не умаляет значения недавно принятого решения. По нашему мнению, наиболее важной стороной этого решения является то, что оно перед лицом Европы провозглашает, что Британия перестала играть роль подручного императорской Франции. Так это воспринято в Брюсселе, в Турине и даже в Вене; так же это будет скоро воспринято в Берлине, Мадриде и Санкт-Петербурге. Англия, которая так долго была тюремщиком первого Наполеона, демонстративно отказалась играть дальше роль приспешника при его наследнике[311].

Написано К. Марксом 26 февраля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5272, 15 марта 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЗНАМЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Париж, 11 марта 1858 г.

В ночь на субботу 6 марта произошел небольшой республиканский мятеж в Шалоне на Соне; в ночь на среду 10 марта состоялось собрание заговорщиков в этом городе; начиная с 24 февраля, то есть с десятой годовщины февральской революции, производятся массовые аресты, столь напоминающие по своему характеру алжирские облавы[312], что во Франции, как заявляет лондонский «Punch», скоро останутся только два класса: заключенные и тюремщики; появился полуофициальный памфлет «Наполеон III и Англия»[313], и одновременно в «Moniteur» напечатаны выдержки из переписки Наполеона I; наконец, половина парижан озабочена тем, чтобы обеспечить себе место на казни Орсини, которая до сих пор откладывалась. Относительно заключительного блюда в этом императорском меню следует заметить, что, благодаря стечению обстоятельств, которые мало кому известны, вопрос о том, чтобы Орсини «был отправлен к праотцам», как цинично выражаются кокни[*], принял в еще большей степени роковой оборот, чем даже казнь участников бунта в Бюзансе при Луи-Филиппе[314]. Тогда буря народного негодования разыгралась потому, что это кровавое дело, — хотя оно было осуществлено посредством суда, в соответствии со всеми формальностями французского закона, — обнажило самые отвратительные черты лицемерного царствования Луи-Филиппа. Герцогу Пралену был прописан вместо лекарства яд, дабы он мог избежать позорной смерти обычного уголовного преступника[315], между тем как emeutiers[**],

[*] — лондонские обыватели. *Ред.*
[**] — участники бунта. *Ред.*

полумертвые от истощения крестьяне, совершившие убийство непредумышленно, под влиянием голода, во время стычки, вызванной увозом зерна, были безжалостно переданы в руки палача. Напротив, Орсини мужественно признал свое участие в покушении и всю ответственность взял на себя. Он был осужден на основании закона, и какую бы симпатию ни питали к нему массы парижского населения, участь его сама по себе не содержит чего-либо, особенно дискредитирующего Вторую империю. Однако если принять во внимание ряд обстоятельств, сопровождающих это дело, то оно представится в совершенно ином виде. На протяжении всей судебной процедуры любопытство Парижа было возбуждено необычным ведением ее, не имеющим прецедентов в летописях политических процессов Франции.

Обвинительное заключение было составлено в мягких и умеренных выражениях. В нем имелись лишь туманные ссылки на факты, установленные juge d'instruction*, а длительные и неоднократные допросы полицейских властей, обычно играющие основную роль в такого рода процессах, были вовсе опущены. Казалось, в документе преобладала одна мысль — чем меньше говорить об этом, тем лучше. Впервые подсудимый встретил в императорском суде приличное обращение. По словам очевидца, «совсем или почти совсем не наблюдалось запугивания, высокомерного обращения или попыток прерывать выступление». Жюль Фавр, защитник Орсини, даже не был призван к порядку, когда он отважился произнести такую тираду:

> «Я ненавижу силу, если она не служит правому делу. Если бы какая-нибудь нация дошла до такого жалкого состояния, что оказалась бы во власти деспота, то кинжал был бы не в силах перерубить ее цепи. Бог ведет счет часам жизни деспота и готовит тиранам опасности более неотвратимые, чем кинжал убийцы».

И робкий шепот одобрения, встретивший эти слова, не вызвал профессиональной вспышки гнева у г-на Делангля, председателя суда. Но это еще не все. Стало известно, что сам Жюль Фавр доставил в Тюильри письмо Орсини императору, что император после ознакомления с письмом разрешил его напечатать, вычеркнув, как говорят, из него две фразы. Но едва был вынесен приговор, как по отношению к Орсини была проявлена крайняя жестокость, и, в ответ на его просьбу о разрешении «привести в порядок свои бумаги», на него тотчас же надели camisole de force**.

* — судебным следователем. *Ред.*
** — смирительную рубашку. *Ред.*

Таким образом, становится очевидным, что здесь велась адская двойная игра. Орсини мог сообщить и действительно сообщил Пьетри разоблачения относительно участия Наполеона в движении карбонариев и тех совершенно определенных обещаний, которые он давал итальянским патриотам даже после coup d'état*, когда он еще не решил, какой тактики ему придерживаться. Чтобы склонить Орсини к сдержанности, якобы в его же собственных интересах, и тем избежать громкого публичного скандала, ему было обещано помилование, хотя ни на одну минуту не предполагалось сдержать это обещание. Такие приемы судопроизводства не новость в летописях Второй империи. Читатель, вероятно, помнит процесс Берье, сына знаменитого французского адвоката и легитимиста. Тогда дело касалось мошенничества, совершенного одним акционерным предприятием — Docks Napoléoniens**. Так вот, в распоряжении Берье-отца находилось большое количество документов, показывающих, что принц Наполеон и принцесса Матильда нажили огромные суммы на тех самых жульнических сделках, которые привели сына Берье на скамью подсудимых. Если бы Берье — величайший мастер ораторского искусства во французском стиле, искусства, основанного целиком на манере держаться, тоне, взгляде и жестах оратора, обращающего произносимые им слова, которые кажутся скучными на бумаге, в языки пламени, в электрические разряды, — если бы он огласил на суде эти документы и сопроводил их комментариями, императорский трон был бы поколеблен. Поэтому лица, весьма близко стоявшие к императору, стали убеждать Берье воздержаться от своего намерения и твердо обещали ему в уплату за молчание обеспечить оправдательный приговор его сыну. Он согласился; его сын был осужден; и отец и сын стали жертвами обмана. Тот же самый маневр и с таким же успехом был применен и по отношению к Орсини. Но это еще не все. Его убедили не только оградить Бонапарта от ужасающего скандала, но и нарушить свое молчание и скомпрометировать себя в интересах того же Бонапарта. Орсини намекнули, что император втайне сочувствует делу освобождения Италии, и тем спровоцировали его написать свое письмо. Затем была разыграна сцена с Жюлем Фавром. Письмо Орсини было помещено в «Moniteur». Нужно было припугнуть Австрию и принудить ее пойти навстречу требованиям Бонапарта, дав ей ясно понять, что Бонапарт все еще в состоянии управлять патриотическими стремлениями итальянцев.

* — государственного переворота. *Ред.*
** — Наполеоновские доки. *Ред.*

Австрия даже сочла себя оскорбленной. Казнь Орсини должна смягчить ее гнев, но Австрии придется заплатить за это ростом ненависти к ной в Италии и удушением слабых ростков свободы печати в Вене. Такова, правильна она или нет, всеобщая трактовка дела Орсини.

Что же касается emeute[*] в Шалоне, то это лишь предварительный симптом. Даже если бы во Франции не оказалось ни одного мужественного сердца, люди просто из одного чувства самосохранения продолжали бы прибегать к восстаниям. Погибнуть в уличном бою или сгнить в Кайенне — иного выбора у них нет. Примером того, на каком основании производятся аресты, — а каждый арест может привести в Кайенну так же, как все дороги ведут в Рим, — может послужить всего лишь один-единственный факт. Известно, что некоторое время тому назад были арестованы три парижских юриста. Адвокатура, или, вернее, совет адвокатов, занялась этим делом и обратилась с запросом к министру юстиции; в ответ было заявлено, что никаких объяснений не полагается, кроме того, что упомянутые три господина были арестованы за «интриги и махинации», совершенные во время последних парижских выборов десять месяцев тому назад. Поэтому, если шалонский emeute как будто вполне в порядке вещей, то поведение в этом случае офицеров шалонского гарнизона едва ли согласуется с теми неистовыми адресами, которые представителям французской армии было приказано прислать в «Moniteur». Казармы находятся на правом берегу Соны, в то время как большинство офицеров живет на квартирах, расположенных на левом берегу, где и имел место мятеж. Вместо того, чтобы стремительно броситься во главе своих солдат на защиту Империи, офицеры из предосторожности предприняли некоторые дипломатические шаги, чтобы выяснить, не провозглашена ли республика в Париже. Об этом факте не рискнула полностью умолчать даже газета «Moniteur». Она пишет:

«*Офицеры гарнизона, поспешившие в субпрефектуру, чтобы получить кое-какие сведения* по поводу уже начавших распространяться слухов, прокладывали себе дорогу с саблями в руках».

«Patrie»[316] пытается по-своему осветить этот щекотливый инцидент, утверждая, что эти любознательные офицеры намеревались «арестовать субпрефекта, если бы оказалось, что он стал на сторону республики»; однако на самом деле они поспешили к субпрефекту, чтобы узнать у него, действительно ли

---

[*] — мятежа. *Ред.*

провозглашена республика в Париже. И только получив от него отрицательный ответ, они сочли необходимым проявить свое профессиональное рвение: Кастеллан уже выехал из Лиона, чтобы расследовать их поведение. Короче говоря, в армии наблюдаются признаки недовольства. Манера, с которой армию восхваляли на страницах «Moniteur» и сделали тем самым посмешищем всей Европы, а потом просто предали забвению в угоду Джону Булю; разделение ее Бонапартом на пять отдельных армий из опасения, что придется передать верховное командование ею в руки Пелисье, который за последнее время охладел к своему патрону; пренебрежительные письма, в которых Шангарнье и Бедо отказались воспользоваться разрешением возвратиться во Францию; назначение на ответственный пост Эспинаса, вызывающего всеобщую ненависть в казармах после похода в Добруджу, и, наконец, смутное предчувствие скорых перемен в ходе событий, никогда не обманывавшее «мыслящие штыки»[317] Франции, — все это способствовало тому, что популярность расчетливых главарей армии упала. Кроме шалонских событий, об этой странной и, пожалуй, неожиданной перемене свидетельствует поведение генерала Мак-Магона во французском сенате. Его замечания относительно loi des suspects* отличались наибольшей откровенностью, и он один из всех раззолоченных ливрейных лакеев Бонапарта голосовал против этого закона.

Написано К. Марксом 11 марта 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5285, 30 марта 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

---

* — закона о подозрительных. *Ред.*

К. МАРКС

НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ БОНАПАРТА [318]

Париж, 18 марта 1858 г.

«Risorgerо nemico ognor piu crudo
Cenere anco sepolto e spirto ignudo».

(Я воскресну из мертвых врагом еще более страшным, хотя буду лишь пеплом могильным и духом бесплотным.) Эти две строки из тассовского «Иерусалима»*, которые после речи Фавра прошептал Орсини своему защитнику со странной улыбкой, уже начинают сбываться. Один очевидец так описывает настроение толпы, присутствовавшей при смерти итальянского патриота:

«Страх правительства был настолько силен, что на место казни была направлена целая дивизия под личным командованием генерала. Пятнадцать тысяч солдат были готовы действовать по первому сигналу, и все ходы и выходы охранялись, как во время восстания. По моему подсчету, от 90000 до 100000 человек из предместий, рабочие в блузах, заполнили все свободные пространства и улицы близ площади Ла-Рокет; но войска были расположены таким образом, что зрители могли увидеть или очень мало или вовсе ничего. Когда послышался глухой звук смертоносного ножа, упавшего на шею Орсини, в ответ раздался мощный, хотя и заглушенный клич: «Vive la Republique!»**. Мне трудно передать это словами: то был как бы гигантский рокот; то был не крик, не возглас, а словно шепот или вздох многих тысяч человеческих существ. Власти правильно поняли его значение, ибо в ту же минуту солдаты подняли невообразимый шум, застучали оружием, стали бить своих лошадей так, что те шарахались и лягались; таким образом им удалось заглушить рокот толпы без применения прямого насилия. Но слова: «Vive la Republique!», несомненно, были ясно услышаны всеми. Я нарочно пошел домой пешком, медленно пробираясь сквозь толпу там, где она была всего гуще. Я должен признаться, что повсюду я слышал выражение сочувствия

---

* Торквато Тассо. «Освобожденный Иерусалим», песнь IX. *Ред.*

** — «Да здравствует республика!» *Ред.*

и восхищения по адресу Орсини; его преступление, по-видимому, было совсем забыто, и осталось лишь впечатление, произведенное его мужеством и благородным отношением к своим сообщникам. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь произнес имя Пьери. Настроение народа было, я бы сказал, в высшей степени угрожающим; видно было, что ненависть и жажда мести засели слишком глубоко, чтобы вылиться в слова. Все замечания, которые я слышал, делались почти шепотом, словно на каждом шагу опасались полицейских шпионов».

По-видимому, предпринятые с целью искоренения республиканских элементов меры «общественной безопасности», массовые заключения в тюрьмы и ссылки имели не больше успеха, чем cités ouvrières[*], вновь учрежденные мастерские и другие меры, которыми пытались подкупить совесть французского рабочего класса. Подробно изложенные уже раньше[**] обстоятельства, которые сопровождали процесс Орсини, теперь сделались общей темой разговоров всего Парижа. Стало даже известно, что при просмотре обширной переписки Орсини и Пьери были обнаружены письма Луи-Наполеона, написанные им много лет тому назад, с его собственноручной подписью. Если бы французская газета «Constitutionnel» все еще находилась в том выгодном положении, которое она занимала во времена г-на Гизо, то нас каждый день угощали бы торжественной фразой: «L'horizon politique s'obscurcit»[***]. Так оно и есть на самом деле. В Тюильри оцепенели от страха, узнав, как вели себя офицеры шалонского гарнизона. Там были крайне разгневаны naiveté[****] газеты «Moniteur», поведавшей Франции и Европе о том, что офицеры в Шалоне, вместо того чтобы поднять на смех всю эту историю, немедленно привести своих солдат в боевую готовность и объявить им о том, что они будут сражаться против республики за Империю, даже если бы в Париже была впрямь провозглашена республика, — что вместо этого офицеры в Шалоне сперва побежали к субпрефекту. Таким образом, они отказались рисковать своей шкурой и своим положением ради императора, не удостоверившись заранее, была ли в самом деле провозглашена республика или нет. Этот факт доказывает, что на армию в ее массе полагаться нельзя. Кроме ее высших чинов, которые либо слишком сильно скомпрометировали себя, либо получили слишком блестящие награды, чтобы отделять свою судьбу от судьбы Империи, существует, быть может, только одна часть войск, заслуживающая полного доверия, а именно — гвардия. Этот корпус действительно очень

[*] — рабочие поселки. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 420—423. *Ред.*
[***] — «Политический горизонт омрачается». *Ред.*
[****] — наивностью. *Ред.*

силен и, несомненно, понимает, что при всяком другом правительстве он был бы влит в линейные войска либо вообще распущен. Гвардейская пехота состоит из четырех гренадерских полков, двух полков voltigeurs*, одного полка жандармов, одного полка зуавов и одного батальона chasseurs** — всего из семнадцати пехотных батальонов. Помимо этого, гвардия насчитывает два полка кирасир, два полка драгун, один конный гренадерский полк, один гусарский полк и один полк chasseurs — всего двадцать один эскадрон кавалерии; гвардейская артиллерия представляет собой тоже довольно значительную силу. Вся численность гвардии равняется приблизительно 20000 человек при 40 или 50 орудиях; это достаточно мощное ядро, чтобы нейтрализовать склонность к колебаниям, которая может проявиться в линейных войсках в случае серьезной борьбы с парижским населением. Кроме того, все предусмотрено для быстрого стягивания войск из провинции, как это можно увидеть даже при самом беглом взгляде на железнодорожную карту Франции, так что движению, которое не захватит правительство врасплох, безусловно придется иметь дело с внушительной силой от 60000 до 80000 человек. Но как раз эти меры, принятые Бонапартом для подавления вооруженного восстания, совершенно исключают возможность его возникновения, если только оно не произойдет в результате какого-нибудь очень крупного непредвиденного события, когда явно антибонапартистская позиция буржуазии, тайные общества, ведущие подрывную деятельность в низших слоях армии, мелкая зависть, продажное вероломство и орлеанистские и легитимистские симпатии, вносящие раскол в ее высшие слои, по всей вероятности склонят чашу весов в пользу революционных масс. Для последних самым худшим было бы удачное покушение на жизнь Бонапарта. В этом случае мог бы оказаться пророчеством ответ, данный Морни в начале войны с Россией на вопрос Бонапарта, что они предприняли бы в случае его внезапной смерти:

«Nous commencerions de jeter tous les Jeromes par la fenetre, et puis nous tacherions de nous arranger tant bien que mal avec les Orleans». («Мы начали бы с того, что выбросили бы за окно всех Жеромов, а затем постарались бы как-нибудь столковаться с Орлеанской династией».)

Прежде чем население предместий решило бы, как ему действовать, Морни мог бы произвести свой дворцовый переворот, провозгласить Орлеанскую династию и, таким образом, перетянуть буржуазию в антиреволюционный лагерь.

* — стрелков. *Ред.*
** — егерей. *Ред.*

Тем временем разочарования Бонапарта в области внешней политики усиленно толкают его на путь террора внутри страны. Каждая неудача, которую он терпит вовне, выдает шаткость его положения и питает надежды его противников, а это неизбежно влечет за собой новые проявления так называемой «твердой правительственной власти». Между тем число этих внешних неудач значительно увеличилось в течение последних недель. Прежде всего имела место крупная неудача в отношении Англии[319]. Затем даже Швейцария, хотя она и сделала ряд весьма трусливых уступок, набралась храбрости и запротестовала против дальнейших мер, которые навязывались ей самым бесцеремонным образом. Швейцарскому союзу было официально заявлено, что если окажется необходимым, то французские пехотные полки вступят в его пределы и выполнят те полицейские обязанности, которые не в состоянии выполнить сама швейцарская полиция. Тут даже г-н Керн счел необходимым потребовать свои паспорта, и французскому правительству пришлось уступить. Бельгия, изменившая под диктовку Бонапарта свой закон[320], отклонила требование Бонапарта о высылке генерала Шангарнье. Комиссия пьемонтской палаты, которой было поручено рассмотреть законопроект о приспособлении сардинских учреждений к idees napoleoniennes[321], большинством пяти голосов против двух предложила просто-напросто отвергнуть бонапартистский проект. Австрия, прекрасно понимая, что казнь Орсини с головой выдала ей героя Страсбурга и что последний уже не может более тревожить ее в связи с Италией, проявляет к нему заметную холодность.

Попасть в смешное положение — это для французского правительства самый верный путь к тому, чтобы уничтожить себя. Бонапарт сознает, в каком смешном свете выставили его последние неудачные попытки разыграть роль диктатора Европы. Чем более жалкой становится его позиция в Европе, тем острее он чувствует необходимость казаться грозным внутри Франции. Вследствие этого господство террора прогрессивно возрастает. Генерал Эспинас, поставленный во главе министерства внутренних дел, имеет теперь подкрепление в лице бывшего гусарского полковника г-на Буаттеля, стоящего во главе префектуры полиции. «Continental Review»[322] так описывает систему, принятую этими военными приспешниками Второй империи:

«Они взяли старые списки лиц, которые после волнений 1848 и 1851 гг. были признаны полицией опасными,- и стали по этим спискам производить массовые аресты как в Париже, так и в департаментах. Все это было сделано без какого бы то ни было расследования вопроса о том,

давали или не давали с тех пор эти лица поводы для предъявления им каких-либо обвинений; последствия получились самые тяжелые. Так, ряд почтенных граждан, увлеченных в 1848 г. порывом, охватившим всю нацию, и сочувствовавших передовым идеям, но затем вовсе оставивших политику, причем многие из них теперь уже отцы семейств и усердно занимаются торговлей, — были оторваны полицией от своих занятий и вырваны из среды своих семейств. Все эти общеизвестные факты показывают, как мало оснований имелось для арестов и насколько отсутствовала даже видимость законности или необходимости проводимого террора. Среди лиц, которых агенты полиции пытались арестовать, встречались такие, которые уже не менее шести лет находились вне Франции и, следовательно, не могли совершить никакого проступка; тем не менее, если бы они оказались в этот момент во Франции, они неминуемо были бы брошены в тюрьму якобы в интересах «общественной безопасности». Мало того, были даже случаи, когда полиция являлась с целью ареста в дома таких лиц, которые умерли несколько лет тому назад. Их имена значились в списках лиц, арестованных когда-то прежде (причем многие из них были арестованы в свое время просто потому, что оказались на улице среди толпы, что и было их единственным преступлением). Таким образом, ясно, что полиция ведет борьбу не против виновных, а против подозрительных, и способ, при помощи которого выполняется этот закон, сам по себе оправдывает название, данное ему общественным мнением. В департаментах дело обстоит приблизительно так же, как в Париже. Списки подозрительных были составлены администрацией, и горе тем, кто на последних июньских выборах отважился выступить против кандидатов, рекомендованных префектом, а также тем, кто, считая конституцию, избирательный закон и циркуляры министра внутренних дел чем-то действительно реальным, вообразил, что можно принимать меры для избрания кандидатов по своему выбору. Эти кандидаты теперь рассматриваются как наихудшие преступники и должны быть либо очень богатыми и очень влиятельными, либо пользоваться покровительством сильных друзей, чтобы избежать мести тех чиновников, которым они стали поперек дороги. Среди лиц, арестованных в провинции, значится имя генерала Курте, который был в 1848 г. главнокомандующим парижской национальной гвардии, но последние девять лет жил в полном уединении в деревенской усадьбе в департаменте Алье, вдали от общества, от политики и общественных дел».

При такой системе «общественной безопасности», при судорогах торгового кризиса, ставшего хроническим, французская буржуазия будет скоро доведена до такого предела, когда революция будет представляться ее сознанию как нечто необходимое для «восстановления доверия».

Написано К. Марксом 18 марта 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5287, 1 апреля 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

МИССИЯ ПЕЛИСЬЕ В АНГЛИИ

Париж, 27 марта 1858 г.

Самое трудное положение для правителя — это положение штатского человека во главе деспотического военного государства. На Востоке эта трудность более или менее устраняется тем, что деспота превращают в бога: теократический характер такой власти не позволяет ставить правителя на одну доску с его воинами. В императорском Риме обожествление императоров не давало такой же защиты, но вытекало из той же необходимости. Итак, Луи Бонапарт — штатский, хотя он и написал историю пушки[323]; но он не может воспользоваться римским прецедентом. Отсюда все увеличивающиеся трудности его положения. По мере того как для Франции становится все более невыносимым ярмо армии, армия становится все смелее в своем стремлении запрячь в это ярмо Бонапарта. После 10 декабря[324] Бонапарт мог тешить себя мыслью, что он — избранник крестьянства, то есть подавляющего большинства французского парода. Со времени покушения 14 января он знает, что существует только милостью армии. Поскольку он был вынужден открыто признать, что он правит посредством армии, совершенно естественно, что армия пытается править посредством его самого.

Разделение Франции на пять пашалыков было поэтому лишь прелюдией к назначению Эспинаса министром внутренних дел. Затем последовало назначение главой парижской полиции г-на Буаттеля, который в 1830 г. был унтер-офицером и служил в одном полку с г-ном де Персиньи в Ла-Фере; когда разра-

зилась июльская революция, он пытался заставить своих товарищей кричать: «Vive Napoléon II!»* Возвеличение Буаттеля сопровождается назначением Пелисье, герцога Малаховского, представителем его императорского величества при сент-джемсском дворе. Это назначение есть не что иное, как комплимент армии и угроза по адресу Англии. Правда, «Moniteur» пытается представить его как комплимент Джону Булю, но Вейо из «Univers»[325], который, как известно, имеет свои petites et grandes entrées** в Тюильри, предсказывал это событие в злобной статье, в которой была такая многозначительная фраза:

«Гордость Англии уязвлена, и уязвлена уже давно. Рана была нанесена ей в Крыму, под Альмой, под Инкерманом, на Малаховом кургане, повсюду, где французы были первыми на поле боя и глубже всех проникали в расположение неприятеля. Сент-Арно, Боске, Канробер, Пелисье, Мак-Магон — вот люди, которые уязвили гордость Англии».

Словом, Наполеон III отправил в Лондон своего Меншикова, от которого, кстати сказать, он даже рад на некоторое время отделаться, поскольку Пелисье занял фрондерскую позицию, как только было отменено его назначение главнокомандующим пяти пашалыков. Когда эта новость стала известна, парижская биржа немедленно реагировала понижением.

У Пелисье немало предлогов мстить Англии. В 1842 г., выступая перед своими избирателями в Тивертоне, Пальмерстон публично заклеймил его, назвав чудовищем, и подал сигнал для всеобщего поношения его в лондонской прессе. После Крымской войны генерал де Лейси Эванс более чем прозрачно намекнул в палате общин, что Пелисье был главным виновником тех позорных неудач, которые постигли английскую армию под Севастополем. Британская пресса также весьма грубо обошлась с ним, комментируя намеки генерала Эванса. Наконец, сам Пелисье на одном банкете в честь генералов Крымской войны попросту присвоил французскому оружию всю славу этой войны — если можно говорить о славе, — даже не удостоив упоминанием сотрудничество Джона Буля. В отместку за это лондонская пресса снова раскритиковала Пелисье. Кроме того, Пелисье, как известно, и по своему характеру не способен играть роль того персонажа из греческой мифологии, который один умел излечивать им же нанесенные раны[326]. И все же мы

* — «Да здравствует Наполеон II!» *Ред.*
** — права бывать на официальных приемах и запросто. *Ред.*

не можем согласиться с мнением тех лондонских газет, которые, взвинчивая себя до римских настроений, советуют консулам быть настороже, «ne republica detrimenti capiat»*. Пелисье — это запугивание, но это не война. Его назначение — это просто-напросто coup de theatre**.

Широкая канава, отделяющая perfide Albion*** от la belle France****, — это французская Lacus Curtius[327], но Бонапарт не романтический юноша, готовый броситься в пропасть и погибнуть ради того, чтобы закрыть ее зияющую пасть. Никто во всей Европе лучше его не знает, что его непрочная власть зависит от союза с Англией, но для мстителя за Ватерлоо эта истина — роковая, и ему приходится всеми правдами и неправдами скрывать ее от своих вооруженных приспешников, жестоко браня Джона Буля, а самый союз, навязанный Францией и принятый Англией, представлять в форме вассальной зависимости.

Такова опаснейшая игра Бонапарта, которая может приблизить его конец, между тем как ее цель — отодвинуть этот конец. Если Пелисье не удастся его миссия запугивания — а это наверное так и будет, — то последняя карта окажется битой, и театральные представления придется заменить реальными действиями, иначе Бонапарт предстанет перед своей армией как разоблаченный обманщик, который прячет за наполеоновской внешностью жалкую фигуру лондонского констебля 10 апреля 1848 года[328].

Собственно говоря, только союз с Англией и дал возможность племяннику некоторое время копировать дядю. Тесная связь между Англией и Францией, нанеся смертельный удар Священному союзу и сведя на нет европейское равновесие, естественно, придала Бонапарту, представителю этого союза на континенте, вид вершителя судеб Европы. Пока война с Россией и внутреннее состояние Франции допускали это, он с радостью довольствовался таким скорее символическим, нежели реальным господством. Но с тех пор, как в Европе царит мир, а во Франции царит армия, положение совершенно изменилось. Теперь армия требует, чтобы он, как истинный Наполеон, показал, что он является диктатором Европы не по доверенности Англии, а вопреки Англии. Отсюда и его затруднения. С одной стороны, он запугивает Джона Буля, с другой — внушает ему намеками,

* — «дабы республика не потерпела ущерба». *Ред.*
** — театральный трюк. *Ред.*
*** — коварный Альбион. *Ред.*
**** — прекрасной Франции. *Ред.*

что не питает-де по отношению к нему никаких злых умыслов. Он скорее даже умоляет Джона Буля из вежливости сделать вид, будто он боится мнимых угроз своего «августейшего союзника». Но это как раз самый верный путь к тому, чтобы придать Джону Булю твердости; Джон Буль понимает, что не рискует решительно ничем, становясь в позу героя.

Написано К. Марксом 26 марта 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5299, 15 апреля 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

МАДЗИНИ И НАПОЛЕОН

Недавно г-н Мадзини обратился к французскому императору с письмом[329], которое с литературной точки зрения должно занять, пожалуй, первое место среди произведений его пера. В нем найдется лишь немного следов того ложного пафоса, напыщенности, многословия и пророческого мистицизма, которые столь характерны для многих писаний Мадзини и, можно сказать, представляют отличительную черту той школы итальянской литературы, основателем которой он является. Заметно также, что и взгляды его стали шире. До сих пор он играл роль главы республиканских формалистов Европы. Обращая внимание исключительно на политические формы государства, эти люди были неспособны оценить значение организации общества, на которой покоится политическая надстройка. Кичась своим ложным идеализмом, они считали ниже своего достоинства знакомиться с экономической действительностью. Нет ничего легче, как быть идеалистом за счет других людей. Человеку пресыщенному легко насмехаться над материализмом людей голодных, которые требуют обыкновенного хлеба вместо возвышенных идей. Триумвирам Римской республики 1848 г.[330], предоставившим крестьянам Кампаньи пребывать в состоянии рабства более жестокого, нежели рабство их предков времен Римской империи, разумеется, было нетрудно разглагольствовать на тему о низком духовном уровне сельского населения.

Подлинный прогресс в современной историографии был достигнут только тогда, когда историки с поверхности политических форм спустились в недра социальной жизни. Выяснением

различных фаз развития земельной собственности в Древнем Риме Дюро де Ла Маль дал ключ *к* пониманию судеб этого города, покорявшего мир, — ключ, рядом с которым рассуждения Монтескье о величии и падении Рима[331] кажутся чуть ли не ученической декламацией. Своим тщательным исследованием экономических условий, превративших польского крестьянина из свободного в крепостного, старик Лелевель[332] сделал гораздо больше для выяснения причин порабощения своей родины, нежели целый сонм писателей, весь багаж которых сводится просто к ругательствам по адресу России. Теперь и г-н Мадзини не считает ниже своего достоинства обращать внимание на социальную действительность, на интересы различных классов, на экспорт и импорт, на цены предметов первой необходимости, на квартирную плату и тому подобные вульгарные вещи, будучи, быть может, под впечатлением того мощного, если не рокового удара, который был нанесен Второй империи не манифестами демократических комитетов, а экономическим потрясением, начавшимся в Нью-Йорке и охватившим весь мир. Хотелось бы только надеяться, что Мадзини на этом не остановится и, не поддаваясь ложному самолюбию, приступит к переработке всего своего политического катехизиса в свете экономической науки. Его письмо начинается таким гневным обращением к Луи-Наполеону:

«Сроки близятся; волна, вынесшая на своем гребне Империю, как это теперь ясно видно, откатывается обратно. Это чувствуете также и Вы. Все меры, которые Вы приняли во Франции с 14 января, все дипломатические ноты и призывы, которые Вы с этого рокового дня разбрасывали на все четыре стороны, говорят о Вашем беспокойстве и ужасе. Сильные душевные муки терзают Вашу душу, как некогда терзали они душу Макбета, — это чувствуется во всем, что бы Вы ни говорили, что бы Вы ни делали. В Вашей душе живет предчувствие, что приближается sumrna dies et ineluctabile fatum*. Как некогда «Гламисский тан, Кавдорский тан и король», так теперь претендент, президент и узурпатор обречен на гибель. Чары рассеялись. Совесть человечества пробудилась; она сурово глядит на Вас; она стоит лицом к лицу с Вами, тщательно проверяет Ваши деяния и требует от Вас отчета в выполнении Ваших обещаний. Отныне участь Ваша решена. Вам осталось жить теперь только месяцы, но отнюдь не годы».

Возвестив таким образом гибель Второй империи, Мадзини сопоставляет нынешнее экономическое положение Франции с заманчивыми обещаниями Наполеона о всеобщем благоденствии:

«Когда Вы противозаконно захватили власть, то, как бы во искупление ее происхождения, Вы обещали, что будете править так, чтобы принести мир беспокойной, мятежной и других вовлекающей в мятеж

* — последний день и неизбежный час (Вергилий, «Энеида», книга вторая). *Ред.*

Франции. Но разве сажать в тюрьмы, зажимать рот, отправлять в ссылку— значит *править?* Разве жандарм — это учитель? Разве шпион — это апостол нравственности и взаимного доверия? Темному французскому крестьянину Вы говорили, что вместе с Вашим правлением для него наступает новая эра, что тяготы, от которых он стонет, одна за другой исчезнут вовсе. Исчезла ли хоть *одна?* Можете ли Вы указать хоть на одно-единственное улучшение в его доле, на исчезновение хоть одной статьи из его налогового бремени? Можете ли Вы объяснить, почему крестьянин записывается теперь в члены Marianne[333]? Можете ли Вы отрицать, что капиталы, которые раньше естественно предназначались для сельского хозяйства, теперь поглощаются через открытые Вами каналы спекуляции в области промышленности, и что это лишает земледельца возможности получать ссуды для покупки рабочего инвентаря и повышения плодородия земли? Сбитому с толку рабочему Вы бросали приманку, заявляя, что Вы будете empereur du peuple*, своего рода новоявленным Генрихом IV, что Вы обеспечите рабочему постоянную работу, высокую заработную плату и la poule au pot**. Не слишком ли вздорожала la poule au pot во Франции как раз теперь? А квартирная плата, а некоторые из предметов первой необходимости, не вздорожали ли они еще больше? Вы открыли новые улицы — новые линии коммуникаций, проложенные в стратегических целях Вашей политики репрессий, — Вы ломали и строили вновь. Но разве большая часть рабочего класса занята в тех отраслях строительства, которые Вы облагодетельствовали? Можете ли Вы без конца переворачивать вверх дном Париж и главные провинциальные города ради создания источника труда и заработка для пролетариев? Можете ли Вы даже мечтать о том, чтобы таким искусственным, временным средством заменить правильный, нормальный прогресс и окупающее себя производство? Разве производство находится теперь в удовлетворительном состоянии? Разве три пятых столяров-краснодеревцев, плотников, механиков не сидят сейчас в Париже без работы? Буржуазии, которую так легко напугать и ничего не стоит привести в восторг, Вы навевали фантастические грезы, надежды на то, что темп промышленной деятельности удвоится, надежды на новые источники доходов, на Эльдорадо оживленного вывоза и международных сношений. Где все это? Всей промышленной жизнью у Вас во Франции овладевает застой, торговые заказы сокращаются, капитал начинает уплывать. Чтобы сорвать плод, Вы, подобно варвару, срубили дерево. Вы искусственно, сверх всякой меры, поощряли дикую, безнравственную, много обещающую и никогда не выполняющую своих обещаний спекуляцию; раздутыми, гигантски преувеличенными проектами Вы привлекли в Париж сбережения мелких капиталистов со всех концов Франции и отвлекли их от единственно надежных постоянных источников национального богатства — от сельского хозяйства, торговли и промышленности. Эти сбережения как бы провалились в бездну и исчезли в руках нескольких десятков крупных спекулянтов; их растратили на необузданную, бессмысленную роскошь; или же они были предусмотрительно и бесшумно переведены в безопасные чужие страны — я мог бы сослаться на членов Вашей же семьи. Половина всех этих проектов канула в небытие и предана забвению. Часть их авторов из предосторожности путешествует по чужим странам. Теперь Вы стоите лицом к лицу с недовольной буржуазией; все Ваши обычные ресурсы иссякли; Вас, как кошмар, преследует мысль о пятистах миллионов франков, растраченных на непроизводительные общественные работы в глав-

* — императором народа. *Ред.*
** — курицу на обед. *Ред.*

ных городах Франции; Ваш последний бюджет явно показывает дефицит в триста миллионов франков; город Париж находится в состоянии крайней задолженности, и у него не остается другого выхода, кроме выпуска нового займа на сто шестьдесят миллионов, не от Вашего имени — это не дало бы никаких результатов, — а от имени самого муниципального совета, причем для покрытия процентов по этому займу придется расширить границы ненавистной населению городской пошлины до внешних фортов города. Это последнее средство тяжким бременем ляжет на рабочий класс и восстановит против Вас преданные Вам доныне предместья. Искусственные способы, которыми Вы пользовались, исчерпаны; отныне все, что бы Вы ни делали для устранения Ваших финансовых затруднений, лишь ускорит. наступление рокового конца. До сих пор Ваше существование зависело от бесконечного ряда займов и кредита, но где теперь у Вас гарантия для получения дальнейшего кредита? Рим и Наполеон грабили весь мир; Вы можете грабить только Францию. Их армии жили завоеваниями, Ваша армия не может жить этим. Вы можете только мечтать о завоеваниях, но Вы не можете, не смеете отважиться на это. Римские диктаторы и Ваш дядя вели за собой победоносные армии; что касается Вас, то, при всей Вашей любви к позолоченным парадным мундирам, я сомневаюсь, чтобы Вы были способны повести за собой отряд хотя бы из нескольких батальонов».

От материальных перспектив Второй империи Мадзини переходит к ее моральным перспективам и, конечно, несколько смущен, подытоживая доказательства в пользу тезиса, что свобода не носит бонапартовской ливреи. Грубое прикосновение тех, кто стремится воскресить эпоху, отошедшую в прошлое, не только превратило в мумию плоть свободы, но и иссушило самый ее дух, ее интеллектуальную жизнь. В результате большинство представителей мыслящей Франции, отнюдь не отличавшееся чрезмерной щепетильностью своей политической совести и всегда готовое служить любому режиму, от регента* до Робеспьера, от Людовика XIV до Луи-Филиппа, от Первой империи до Второй республики, ныне впервые в истории Франции отвернулось от существующего правительства.

«От Тьера до Гизо, от Кузена до Вильмена, от Мишле до Жана Рейно, мыслящая Франция избегает оскверняющего соприкосновения с Вами. Ваши люди — это Вейо, апологет Варфоломеевской ночи и инквизиции, Гранье де Кассаньяк, покровитель рабства негров, и им подобные. Чтобы найти лицо, способное поддержать своим авторитетом Ваш памфлет, обращенный к Англии, Вам пришлось искать человека, являющегося отступником легитимизма и отступником республиканизма».

Затем Мадзини верно истолковывает истинное значение события 14 января, заявляя, что бомбы, миновавшие императора, поразили Империю и обнаружили всю пустоту ее хвастовства:

«Еще недавно Вы хвастались перед Европой, что сердце Франции, спокойной, счастливой и безмятежной, принадлежит Вам, что она

* — Филиппа Орлеанского. *Ред.*

осыпала Вас благословениями как своего спасителя. Прошло несколько месяцев, на улице Лепелетье раздался взрыв, и Вашими дикими, паническими репрессивными мерами, Вашими полуугрозами, полумольбами, обращенными к Европе, тем, что Вы делите страну, исходя из военных интересов, и ставите рубаку во главе министерства внутренних дел — всем этим Вы доказываете теперь, что после семи лет неограниченного владычества, имея огромный наличный состав армии, очистив нацию от всех внушающих опасения вождей, Вы не можете существовать и править, если Франция не превратится в одну огромную Бастилию, а Европа — в простой департамент императорской полиции... Да, Империя оказалась ложью. Вы, милостивый государь, создали ее по Вашему собственному подобию. В течение последнего полувека никто, кроме Талейрана, не лгал в Европе столько, сколько Вы; именно в *этом* и заключается секрет Вашего временного владычества».

Затем письмо резюмирует все лживые заявления спасителя общества, начиная с 1831 г., когда он присоединился, как к «священному делу», к восстанию римского населения против папы[334]; вплоть до 1851 г., когда за несколько дней до coup d'etat он сказал армии: «Я не прошу у Вас ничего, кроме своего права, признанного конституцией»; и кончая 2 декабря, когда он объявил, что «его долг — защищать республику», так как окончательный результат его узурпаторских проектов был еще неясен. Наконец, Мадзини напрямик заявляет Наполеону, что если бы не Англия, он уже давно стал бы жертвой революции. Опровергнув затем утверждение Наполеона, будто установлен союз между Францией и Англией, он заключает такими словами:

«Что бы ни говорила лживая, притворная дипломатия, Вы, милостивый государь, теперь одиноки во всей Европе».

Написано К. Марксом. 30 марта 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5321, 11 мая 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ В ЛОНДОНЕ

Париж, 4 апреля 1858 г.

Заклеймив племянника прозвищем Наполеона Малого, Виктор Гюго тем самым признал дядю Наполеоном Великим. Заглавие его известного памфлета[335] означало антитезу и отдавало в известной мере дань тому самому культу Наполеона, на котором сын Гортензии Богарне ухитрился воздвигнуть кровавое здание своего благополучия. Однако теперешнему поколению гораздо полезнее будет уяснить себе, что Наполеон Малый на самом деле отражает мелочность Наполеона Великого. Нагляднейшей иллюстрацией этого факта служат недавние «прискорбные недоразумения» между Англией и Францией и предпринятые английским правительством под давлением этих «недоразумений» уголовные судебные процессы против эмигрантов и типографов. Краткая историческая справка подтвердит, что во всей этой жалкой мелодраме Наполеон Малый с величайшей пунктуальностью только повторил ту подлую роль, которую придумал и разыграл ранее Наполеон Великий.

Лишь в течение короткого промежутка времени между Амьенским миром (25 марта 1802 г.) и новым объявлением войны Великобританией (18 мая 1803 г.) Наполеон мог удовлетворять свою жажду вмешательства во внутренние дела Великобритании. Он не терял даром времени. Еще шли мирные переговоры, а газета «Moniteur» уже изливала свою злобу на все лондонские газеты, осмеливавшиеся усомниться в «умеренности и искренности намерений Бонапарта», и весьма прозрачно намекала, что «такая недоверчивость вскоре может повлечь за собой возмездие». Но консул не ограничился ролью цензора по отношению к тону и мнению английской печати.

Газета «Moniteur» поносила лорда Гренвилла и г-на Уиндхема за ту позицию, которую они заняли при обсуждении вопроса о мире. Г-н Эллиот, член парламента, был призван к ответу в палате общин генерал-атторнеем Персивалом за то, что высказал свои сомнения относительно намерений Бонапарта. Лорд Каслри и сам Питт стали проповедниками смирения, твердя, чего раньше в подобных случаях никогда не бывало, о необходимости осторожнее выражаться в прениях, если речь идет о консуле Франции. Прошло приблизительно шесть недель со времени заключения мира, когда, 3 июня 1802 **г.**, Талейран сообщил г-ну Мерри, английскому посланнику в Париже, что Бонапарт из уважения к Англии решил заменить г-на Отто, французского посланника в Лондоне, подлинным послом в лице генерала Андреосси, но что первый консул искренне желал бы, чтобы еще до прибытия этого высокого лица в Лондон «были устранены те препятствия, которые стоят на пути к полному примирению между обеими странами и их правительствами». Попросту говоря, он требовал, чтобы из английских владений были удалены

«все французские принцы и их приверженцы, вместе с французскими епископами и прочими французами, политические принципы и поведение которых неизбежно должны вызывать большое подозрение со стороны французского правительства... Если все эти лица продолжают встречать покровительство и благосклонное к себе отношение в стране, расположенной в таком близком соседстве с Францией, то уже одно это можно рассматривать как поощрение имеющимся здесь недовольным элементам, даже если бы эти лица и не были виновны в каких-либо действиях, направленных на то, чтобы вызывать новые смуты в этой стране; но французское правительство имеет в своих руках доказательства, что они, злоупотребляя покровительством, которое оказывает им Англия, и пользуясь тем преимуществом, что они находятся вблизи Франции, действительно виновны в совершении подобных действий, так как недавно было перехвачено несколько печатных произведений, предназначенных ими, как это стало известно, для посылки и распространения во Франции с целью создать оппозицию правительству».

В то время в Англии существовал закон об иностранцах, который был составлен, однако, исключительно для охраны британского правительства. В ответ на просьбу Талейрана лорд Хоксбёри, тогдашний министр иностранных дел, ответил, что

«его величество король, конечно, надеется, что все иностранцы, живущие в пределах его владений, не только сообразуют свое поведение с английскими законами, но и воздерживаются от всяких действий, враждебных правительству любой страны, с которой его величество поддерживает мирные отношения. Однако пока иностранцы ведут себя согласно этим принципам, его величество считал бы несовместимым со своим достоинством, со своей честью и с обычными законами гостеприимства отка-

зывать им в том покровительстве, лишиться которого лица, проживающие в его владениях, могут только вследствие их собственного дурного поведения. Большая часть тех лиц, о которых г-н Талейран упоминал в своем разговоре, живут, всецело удалившись в частную жизнь».

Г-н Мерри, передавая Талейрану депешу лорда Хоксбёри, отнюдь не скупился на заверения, рассчитанные на то, чтобы «польстить первому консулу, успокоить и удовлетворить его». Но Талейран настаивал на своем фунте мяса*, утверждая, что первый консул добивается не более того, чего добивалось само английское правительство от Людовика XIV, когда претендент** находился во Франции; что он не видит решительно ничего унизительного в проведении предложенной меры и должен еще раз заявить, что «принятие ее было бы в высшей степени приятно первому консулу и доставило бы ему большое удовлетворение»; консул рассматривал бы это как «наиболее убедительное доказательство намерения его величества установить добросердечное взаимопонимание между двумя странами». 25 июля 1802 г. г-н Отто отправил из своей резиденции на Портмен-сквер письмо лорду Хоксбёри, в котором весьма категорически требовал не более и не менее как отмены свободы английской печати во всем, что имеет отношение к Бонапарту и его правительству.

«Несколько времени тому назад», — пишет он, — «я передал г-ну Хаммонду номер издания Пельтье, содержащий грубейшую клевету на французское правительство и на всю нацию; я заметил при этом, что, по всей вероятности, я получу приказ потребовать наложения кары за такое злоупотребление печатью. Действительно, такой приказ получен, и я не могу скрыть от Вас, милорд, что снова и снова повторяющиеся оскорбления, которые исходят от небольшой группы иностранцев, собравшихся в Лондоне для того, чтобы составлять заговоры против французского правительства, самым дурным образом повлияли на доброе взаимопонимание между обеими нациями... Я должен обратить внимание правительства его величества не только на Пельтье, но и на редактора «Courrier Francais de Londres» (Рейно), на Коббета и на ряд других подобных им писателей... Отсутствие определенных законов, направленных против такого рода преступлений, не может служить оправданием нарушения международного права, согласно которому заключение мира должно приостановить все виды враждебных действий; и, несомненно, все, что затрагивает честь и репутацию правительства и направлено на то, чтобы вызвать восстание народа, интересы которого вверены этому правительству, является как нельзя более подходящим для того, чтобы умалить преимущества мира и вызвать возмущение нации».

Вместо того чтобы решительным и достойным образом ответить на эти первые упреки, сопровождавшие вмешательство

* Шекспир. «Венецианский купец», акт I, сцена третья. *Ред.*

** — Яков II. *Ред.*

Бонапарта в вопрос о печати, лорд Хоксбёри в письме г-ну Отто от 28 июля принес жалкие извинения за то, что существует свобода печати. Он пишет там, что

«правительство его величества не могло читать статью Пельтье без величайшего возмущения и без горячего желания, чтобы лицо, опубликовавшее ее, понесло вполне заслуженную кару».

Затем, посетовав на «неудобство» возбуждать судебное преследование за пасквиль и на «трудность» добиться осуждения клеветников, он заканчивает сообщением о том, что он передал дело королевскому генерал-атторнею, «с тем чтобы последний дал свое заключение, является ли это пасквилем или нет».

Пока британское правительство подготовляло таким образом крестовый поход против свободы печати с целью успокоить раздражение своего нового могущественного союзника, 9 августа в «Moniteur» неожиданно появилась угрожающая статья, которая не только обвиняла Англию в том, что она принимает французских разбойников и убийц, дает им убежище на Джерси и посылает их совершать грабительские набеги на берега Франции, но даже самого английского короля изображала как вдохновителя и подстрекателя убийств.

««Times», орган, находящийся, как говорят, под непосредственным руководством правительства, постоянно наполнен бранью по адресу Франции. Из четырех страниц этой газеты две ежедневно отводятся для распространения грубейшей клеветы. Все, что воображение может представить себе низкого, подлого и гнусного, эта жалкая газета приписывает французскому правительству. Для чего это делается? Кто за это платит? К чему это ведет? А французское периодическое издание, выпускаемое несколькими презренными эмигрантами, последышами самых поганых, подлых подонков, без отечества, без чести, запятнанных преступлениями, которые не в силах смыть никакая амнистия, — это издание перещеголяло даже «Times»». «В Лондоне собрались одиннадцать епископов со свирепым епископом аррасским во главе, бунтовщики против своей страны и против церкви. Они печатают пасквили на епископов и духовенство Франции». «Остров Джерси кишит бандитами, которых трибуналы приговорили к смерти за убийства, грабежи и поджоги, совершенные ими после заключения мира. Жорж* открыто носит в Лондоне свою красную ленту в качестве награды за адскую машину, разрушившую часть Парижа и убившую тридцать женщин, детей и мирных граждан. Такое особое покровительство порождает уверенность, что, если бы ему удалось задуманное дело, он был бы награжден орденом Подвязки». «Одно из двух: либо английское правительство разрешает и терпит эти политические и уголовные преступления — в таком случае нельзя сказать, чтобы подобное поведение было совместимо с английским великодушием, цивилизованностью и честью; либо английское правительство не в состоянии предупредить эти преступления — в таком случае оно не заслуживает имени правительства, в особенности, если у него нет средств для обуздания убийств и клеветы и для охраны общественного порядка».

---

* — Кадудаль. *Ред.*

Когда этот полный угроз номер «Moniteur» был доставлен поздно вечером в Лондон, он вызвал такое раздражение, что «True Briton»[336], правительственный орган, был вынужден заявить: «Эта статья не могла быть напечатана в «Moniteur» с ведома или согласия французского правительства». В палате общин д-р Лоренс сделал запрос г-ну Аддингтону (впоследствии лорд Сидмут) по поводу французских пасквилей на его величество. Министр ответил, что «к сожалению, он не может ознакомить ученого джентльмена с теми удовлетворительными объяснениями, которые были даны по этому вопросу». В ответ на это было замечено, что, когда британское правительство дает законный ход делу о насмешках над Бонапартом и его женой, г-н Пельтье за свои остроты по адресу этих лиц привлекается к суду королевской скамьи[337] как уголовный преступник; а когда в официальной французской газете появляется пасквиль на английскую нацию и ее короля называют вдохновителем убийц, тогда все дело улаживается «объяснением», да к тому же еще таким секретным, что его невозможно сообщить даже парламенту. Ободренный явными колебаниями английского министерства, Отто 17 августа 1802 г. вручил лорду Хоксбёри крайне наглую ноту, где было прямо выставлено требование: принять эффективные меры, которые прекратили бы все неуместные и мятежные публикации в английской печати, выслать с Джерси определенных лиц, изгнать французских епископов, перевезти Жоржа и его приверженцев в Канаду, а французских принцев выслать в Варшаву. Что касается закона об иностранцах, то г-н Отто подчеркивал, что правительство должно обладать «законной и достаточно сильной властью, чтобы обуздать иностранцев, не прибегая к суду»; при этом он добавлял:

«Французское правительство, предлагая в этом вопросе полную взаимность, считает, что оно дает новое доказательство своих мирных намерений, требуя высылки лиц, все интриги которых неизменно направлены к тому, чтобы сеять раздор между обеими нациями».

Ответ лорда Хоксбёри, помеченный 28 августа и отправленный в форме депеши английскому посланнику в Париже, цитировался в лондонской печати во время недавних споров с Бонапартом III как образец достоинства, присущего государственному деятелю; но надо признать, что, хотя этот ответ составлен в выражениях, исполненных добродетельного негодования, в нем даются обещания принести французских эмигрантов в жертву подозрениям и опасениям первого консула.

В начале 1803 г. Наполеон взял на себя задачу упорядочить процедуру английского парламента и ограничить свободу слова его членов. Прямо намекая на бывших министров

г-на Уиндхема, лорда Гренвилла и лорда Минто, он писал в своей газете «Moniteur»:

«Закон, запрещающий бывшим министрам в течение семи лет после их отставки быть членами английского парламента, явился бы законом патриотическим и мудрым. Не менее мудрым явился бы и другой закон, который осуждал бы на молчание в течение двух лет всякого члена парламента, позволившего себе оскорбить дружественный народ и его правительство. Если язык совершает преступление, язык должен понести наказание».

В то же самое время уже успевший прибыть в Лондон генерал Андреосси в ноте, адресованной лорду Хоксбёри, выражал свое недовольство тем, что презренные авторы памфлетов и пасквилей, публикуемых в английской печати, «в своих наглых заметках неизменно опираются на отдельные фразы, заимствованные из речей некоторых видных членов парламента». По поводу этих речей в его ноте говорилось, что «всякий рассудительный англичанин счел бы для себя унизительными такие неслыханные непристойности». От имени первого консула он выразил пожелание,

«чтобы были приняты меры к запрещению на будущее время в какой бы то ни было форме, будь то в официальных дебатах или в полемических сочинениях, которые печатаются в Англии, касаться того, что происходит во Франции, так же как в официальных дебатах и в полемических произведениях во Франции не следует касаться того, что происходит в Англии».

В то время как Бонапарт подобным тоном, в котором лицемерие смешивалось с высокомерием, вел секретную переписку с английским правительством, газета «Moniteur» только и делала, что осыпала оскорблениями английский народ; она опубликовала также официальный отчет полковника Себастиани, содержащий самые оскорбительные обвинения по адресу английской армии в Египте. 5 февраля 1803 г. французский commissaire de relation commerciale* на Джерси, хотя и не облеченный никакими официальными полномочиями, имел наглость подать жалобу на ряд типографов за то, что они перепечатали из лондонских газет выдержки, оскорбительные для Бонапарта, и угрожал, что если подобные происки не будут пресечены, Бонапарт непременно отомстит за это Джерси. Эта угроза возымела желаемое действие. Двое из типографов были привлечены к королевскому суду, и относительно них было вынесено решение, категорически запрещающее им на будущее время печатать что-либо оскорбительное для Франции, даже если бы это было заимствовано из лондонских газет. 20 февраля

---

* — комиссар по торговым сношениям. *Ред.*

1803 **г.**, за день до суда над Пельтье, лорд Уитуорт, английский посол в Париже, был вызван на прием к самому великому человеку. Принятый в его кабинете, Уитуорт был приглашен сесть, после того как Бонапарт сел сам по другую сторону стола. Бонапарт перечислил ряд провокаций, которые он якобы встречал со стороны Англии.

«Он коснулся оскорблений по своему адресу, опубликованных в английской печати, но, сказал он, на них он не так обращает внимание, как на то, что печатается во французских газетах, выходящих в Лондоне. Это последнее он считает гораздо более злонамеренным, так как они имеют целью возбудить его страну против него самого и его правительства. Он сетовал на покровительство, которое оказывали Жоржу и прочим подобным ему лицам; он признался, что раздражение, которое он чувствует против Англии, возрастает с каждым днем, потому что все, что исходит от Англии, не несет с собой ничего, кроме вражды и ненависти к нему... В доказательство своего желания сохранить мир он привел то соображение, что он не видит никакой выгоды для себя от войны с Англией. Десант — вот единственное средство защиты от оскорблений, которым он подвергается, и он решил испробовать это средство, возглавив сам эту экспедицию. Он признал, что сто шансов против одного неблагоприятны для него, но все же он решил испробовать это, если следствием данных переговоров будет война; он добавил, что настроение войск таково, что армия за армией пойдет в этот поход... Чтобы сохранить мир, нужно соблюдать Амьенский договор; если уж не полностью пресечь оскорбления в печати, то ввести их, по крайней мере, в рамки и ограничить только английскими газетами, а также прекратить покровительство, которое так открыто оказывается его злейшим врагам».

21 февраля Пельтье предстал перед судом, в который входил лорд Элленборо и специально назначенные присяжные; ему было предъявлено обвинение в опубликовании пасквиля на Бонапарта и «в подстрекательстве народа Франции к убийству своего правителя». Лорд Элленборо имел низость закончить свою речь, обращенную к присяжным, следующими словами:

«Господа, я уверен, что ваш вердикт укрепит отношения, в силу которых интересы нашей страны связаны с интересами Франции, и что он всюду послужит подтверждением и подкреплением давно уже и повсеместно распространенного убеждения в незапятнанной чистоте английского правосудия».

Присяжные, не покидая своих мест, немедленно вынесли приговор: виновен. Однако в результате последовавшего разрыва отношений между двумя странами, г-н Пельтье не был вызван для вручения ему приговора, и судебное преследование было, таким образом, прекращено. Заставив английское правительство начать эти гонения против печати и вынудив у него осуждение Пельтье, правдивая и героическая газета «Moniteur» опубликовала по этому поводу 2 марта 1803 г. следующий комментарий:

«Некто по имени Пельтье был признан судом в Лондоне виновным в напечатании и распространении ряда подлых пасквилей против первого консула. Непонятно только, почему английское правительство старается поднять такой eclat* вокруг этого дела. Так как английские газеты утверждают, будто процесс был возбужден по требованию французского правительства и будто французский посол даже присутствовал на заседании суда, когда присяжные вынесли свой приговор, то мы уполномочены заявить, что ничего подобного никогда не было. Первый консул даже и не знал о существовании пасквилей Пельтье, пока не прочел опубликованного отчета о его процессе... Однако надо признать, что весь этот судебный процесс, хотя и бесполезный в других отношениях, дал судьям, председательствующим на суде, случай доказать своей мудростью и беспристрастием, что они действительно достойны отправлять правосудие нации, столь просвещенной и заслуживающей уважения во многих отношениях».

В то время как газета «Moniteur» в этой же самой статье настойчиво подчеркивала возложенный на все «цивилизованные нации в Европе» долг совместно истреблять варваров печати, г-н Ренар, французский посланник в Гамбурге, созвал гамбургский сенат для обсуждения требования первого консула поместить в «Hamburger Correspondent»[338] статью, чрезвычайно оскорбительную для английского правительства. Сенат выразил желание, чтобы было разрешено, по крайней мере, опустить или изменить наиболее оскорбительные места; но г-н Ренар заявил, что он имеет категорический приказ, чтобы статья была опубликована целиком и полностью. Вслед за этим статья появилась во всей своей первоначальной грубости. Французский посланник потребовал, чтобы эта же статья была напечатана и в газетах Альтоны; но члены датского магистрата заявили, что они не могут разрешить этого, не получив определенного приказа от своего правительства. Вследствие этого отказа г-н д'Агессо, французский посланник в Копенгагене, получил от своего коллеги в Гамбурге экземпляр этой статьи с просьбой добиться разрешения опубликовать ее в датских газетах. Когда же лорд Уитуорт в связи с этим пасквилем посетил г-на Талейрана, этот последний заявил, что

«первый консул, узнав, что подобная статья была опубликована согласно приказу, был поражен не меньше, чем английские министры, и что от г-на Ренара были немедленно затребованы объяснения и т. д.».

Таков был Наполеон Великий.

Написано К. Марксом 4 апреля 1858 г.

Напечатано о газете «New-York Daily Tribune» № 5309, 27 апреля 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — шум. *Ред.*

К. МАРКС

* ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

Париж, 13 апреля 1858 г.

Обстоятельства все больше и больше вынуждают реставрированную Империю отказываться от ее притворных ужимок и обнажать свои истинные черты во всем присущем им уродстве. Час признаний наступил для нее совершенно неожиданно. Она уже больше не претендует на то, чтобы быть законной формой правления или детищем «suffrage universel»*. Она провозгласила себя режимом выскочки, доносчика и 12-фунтовой пушки[339]. Теперь она идет еще дальше и открыто признает себя режимом мошенника. В «Moniteur» от 11 апреля имеется заметка, гласящая, что некоторые газеты преждевременно объявили дивиденд по акциям ряда *железнодорожных компаний* и *других промышленных обществ,* причем он оказался ниже той цифры, которая ранее была установлена советами директоров.

«Необходимо защитить промышленность и капитал страны от подобных махинаций. *Редакторы упомянутых газет были вызваны к императорскому прокурору* и предупреждены, что в дальнейшем такие дела будут передаваться в суд и рассматриваться как злонамеренная публикация ложных сведений. Долг прессы — просвещать публику, а не вводить ее в заблуждение».

Другими словами, долг работников печати, не желающих попасть в Кайенну, — поддерживать престиж Credit Mobilier, вместо того чтобы предупреждать публику о надвигающемся крахе этого чудовищного жульничества, что они и сделали недавно, хотя и в очень робких и мягких выражениях. Ежегодное общее собрание акционеров Credit Mobilier, на котором

* — «всеобщего избирательного права». *Ред.*

будет объявлен его дивиденд за истекший год, назначено на 29 апреля. В то время как директора его окутывают себя покровом непроницаемой тайны, циркулируют самые зловещие слухи о том, каким образом может быть «сфабрикован» ожидаемый дивиденд, а одна газета осмелилась даже намекнуть на тот факт, что на состоявшемся не так давно собрании одной акционерной компании, связанной с Crédit Mobilier, директор ее совершенно спокойно сообщил, что, хотя он может объявить только 8%-ный дивиденд, *дела компании находятся в гораздо лучшем состоянии,* чем год тому назад, когда дивиденд составлял 25%. Автор статьи рискнул высказать сомнение, не выплачиваются ли *все* дивиденды этой «и других» компаний из капитала, а не из полученных прибылей. Этим и объясняется ярость «Moniteur». Акции Crédit Mobilier, котировавшиеся 10 февраля в 957—960 фр., а 10 марта в 820—860 фр., 10 апреля упали до 715—720 фр., и даже этот последний курс был чисто номинальным. Никакими средствами нельзя было скрыть тот неприглядный факт, что австрийские и прусские держатели решили продать не менее чем 6000 акций, и что «Всеобщая морская компания», одно из фантастических творений братьев Псрейра, находится in articulo mortis[*], будучи вовлеченной в спекуляции отнюдь не «морского» характера. Великолепная мысль, вполне достойная политико-эконома калибра генерала Эспинаса, предполагать, что угрозы в «Moniteur» обеспечат рост кредита, а вместе с тем и молчание. Предостережение подействует, но как раз в обратном направлении, тем более, что оно исходит от правительства, чьи финансовые махинации уже давно стали притчей во языцех. Известно, что бюджетом, составленным министром финансов г-ном Манем, предусматривается остаток, но, благодаря бестактной болтливости одного из членов cour de révision[**], обнаружилось, что на самом деле бюджет имеет дефицит около 100000000 франков. Когда г-н Мань был вызван для объяснений к «спасителю собственности[***]», он с невозмутимым бесстыдством сказал своему патрону, что, зная его пристрастие к «остаткам», он «сфабриковал» бюджет так, как это делали до него министры Луи-Филиппа. Тем дело и кончилось, но огласка, которую получил этот инцидент, вынудила у правительства одно признание. Торжественно объявив в «Moniteur», что таможенные сборы в феврале возросли, оно не решилось настаивать на своем собственном утверждении. Месячный же отчет таможни, опубликованный

[*] — при последнем издыхании. *Ред.*
[**] — ревизионной комиссии. *Ред.*
[***] — Наполеону III. *Ред.*

в конце марта, показывает, что ввозные пошлины за февраль текущего года составили, даже по официальной версии, всего 13614251 фр., в то время как за тот же месяц 1857 г. они выразились в сумме 14160013 франков; а за январь и февраль вместе они составили всего 25842256 фр. против 28044478 фр. за те же месяцы 1857 года. Вот что значит на официальном языке «защищать промышленность и капитал страны от махинаций» и «просвещать публику», а не «вводить ее в заблуждение».

Повторение coup d'etat[*] в более крупном масштабе, массовые ссылки, разделение Франции на преторианские лагери, слухи о войне, внешние осложнения и внутренние заговоры — короче, судорожные спазмы малой Империи после покушения 14 января несколько отвлекли всеобщее внимание от финансового положения Франции. В противном случае публика увидела бы, что за то же самое время показное процветание бонапартовского режима уже свелось к своим первоначальным элементам — казнокрадству и спекуляции. В доказательство этого положения я ограничусь лишь перечислением ряда таких фактов, сведения о которых время от времени проникают в европейскую печать. Возьмем для начала г-на Проста, возглавляющего Compagnie generale de caisses d'escompte[**], которая не только пустилась во всевозможные биржевые спекуляции, но и занялась учреждением учетных банков по всей Франции. Капитал компании составлял 6000000 долларов в виде 60000 акций. Компания слилась с португальским Credit Mobilier и была magna pars[***] Credit Mobilier в Мадриде. Но весь капитал ее иссяк, а долги составляют около 3000000 долларов. Г-н Дамоньё, из Compagnie parisienne des equipages de grandes remises[****], осужден судом police correctionelle[*****] за то, что выманил у своих акционеров 100000 долларов наличными деньгами и акциями, вовлек их в долги на сумму в 400000 долларов и промотал весь капитал компании, составлявший 1600000 долларов. Управляющий другой компанией — Ligneenne[******],— якобы вырабатывавшей бумагу из дерева, также был осужден за растрату капитала в 800000 долларов. Два других бонапартовских «спасителя собственности» были признаны виновными в том, что, войдя в сговор с группой банкиров, решили сплавить публике за 10000000 или 15000000 долларов какие-то леса и рудники на далеких берегах Дуная, купленные ими самими

[*] — государственного переворота. *Ред.*
[**] — Всеобщую компанию учетных банков. *Ред.*
[***] — важной частью. *Ред.*
[****] — Парижской компании больших наемных экипажей. *Ред.*
[*****] — исправительной полиции. *Ред.*
[******] — Древесная промышленность, *Ред.*

за 200000 долларов. В другом случае выяснилось, что управляющие горнопромышленной компанией близ Ахена продали своим акционерам за 500000 долларов шахты, стоившие, как они вынуждены были признаться позже, всего 200000 долларов. В результате этих и других подобных разоблачений, акции Messageries générales*, раньше котировавшиеся в 1510 фр., упали приблизительно до 500 франков. Акции Compagnie des petites voitures**, взвинченные вскоре после их выпуска до 210 фр., упали до 40 франков. Акции Объединенной компании скатились с 500 до 65 франков. Акции Французско-американской навигационной компании, когда-то стоившие 750 фр., теперь можно купить по 30 франков. Акции Объединенной газовой компании упали в цене с 1120 фр. до 620 франков. Г-н Милло, директор Caisse des actionnaires*** и один из скороспелых миллионеров малой Империи, сообщил своим акционерам, что

«операции последнего полугодия не дали вовсе никаких прибылей, так что он не в состоянии не только объявить дивиденд, но даже выплатить обычный полугодовой процент, который он, однако, уплатит из своего *собственного кармана».*

Так одна за другой вскрываются социальные язвы малой Империи. Нелепые совещания Луи Бонапарта с верхушкой биржевых спекулянтов о том, какими средствами помочь французской торговле и промышленности, не дали, конечно, никакого результата. Французский банк сам находится в весьма плачевном состоянии, поскольку он не в состоянии продать боны железнодорожных компаний, полученные им в обеспечение сумм, которые он был вынужден дать этим компаниям для проведения их работ. Никто не хочет покупать эти боны в момент, когда вся собственность железнодорожных компаний во Франции быстро обесценивается и еженедельные отчеты железных дорог показывают неуклонное уменьшение доходов.

«Что касается состояния французской торговли», — замечает парижский корреспондент лондонского журнала «Economist», — «то оно остается таким же, как было; другими словами, оно проявляет тенденцию к улучшению, но не улучшается».

Тем временем Бонапарт упорно продолжает помещать капиталы в непроизводительные предприятия, которые, однако, как откровенно сообщил парижскому населению префект департамента Сены г-н Осман, важны «со стратегической точки зрения» и предназначены служить гарантией против «непредви-

* — Транспортных контор. *Ред.*
** — Компании небольших экипажей. *Ред.*
*** — Акционерного банка. *Ред.*

денных событий, могущих произойти в любую минуту и подвергнуть опасности общество». Так, например, в целях обороны, на случай взрывов недовольства в самом городе, Парижу предстоит соорудить новые бульвары и улицы, стоимость которых оценивается в 180000000 франков. Открытие нового участка Севастопольского бульвара было обставлено в полном соответствии с этой «стратегической точкой зрения». Начавшееся сперва как чисто гражданское и муниципальное торжество, оно вдруг обратилось в военную демонстрацию в связи с якобы раскрытым новым заговором, имевшим целью убийство Бонапарта. В объяснение этого quid pro quo* «Moniteur» пишет:

«Совершенно правильно было отметить торжественное открытие этой новой артерии столицы смотром войск, и совершенно правильно то, что наши солдаты первыми после императора ступили на землю, носящую название такой славной победы».

Написано К. Марксом 13 апреля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5312, 30 апреля 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — недоразумения. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВЗЯТИЕ ЛАКНАУ [340]

Закончился второй критический период индийского восстания. Первый период, когда центром восстания был Дели, кончился штурмом этого города; в течение второго периода центром был Лакнау, и теперь этот город тоже пал. Если не вспыхнут новые волнения в местах, до сих пор спокойных, то восстание должно теперь постепенно перейти в свой заключительный, затяжной период, в продолжение которого повстанцы, в конце концов, превратятся в бандитов или грабителей, и коренное население страны станет относиться к ним так же враждебно, как и сами англичане.

Подробные сведения о штурме Лакнау еще не получены, но предварительные действия и общая картина заключительных боев уже известны. Наши читатели помнят*, что после освобождения резидентства в Лакнау генерал Кэмпбелл взорвал этот пункт, но оставил генерала Утрема примерно с 5000 солдат в Аламбаге, укрепленной позиции в нескольких милях от города. Сам же он с остальными своими войсками двинулся обратно в Канпур, где отряд повстанцев нанес поражение генералу Уиндхему. Кэмпбелл разбил повстанцев наголову и принудил их переправиться через Джамну у Калпи. Затем он выждал в Канпуре прибытия подкреплений и тяжелых орудий, составил план наступления, отдал приказ о сосредоточении различных отрядов, предназначенных для вторжения в Ауд, и особенно позаботился о превращении Канпура в укреплен-

* См. настоящий том, стр. 389—390. *Ред.*

ный лагерь, достаточно хорошо оборудованный, чтобы служить ближайшей и главной операционной базой, направленной против Лакнау. Когда все это было сделано, он решил, что не может спокойно выступить в поход, не выполнив еще одной задачи, самая постановка которой сразу отличает его почти от всех предыдущих командующих войсками в Индии. Он не желал, чтобы у него в лагере болтались женщины. Он достаточно натерпелся от «героинь» в Лакнау и во время похода на Канпур; они считали совершенно естественным, чтобы передвижения армии, как это всегда бывало в Индии, подчинялись их капризам и согласовывались с их удобствами. Достигнув Канпура, Кэмпбелл тотчас же отправил всю эту интересную, но беспокойную компанию в Аллахабад, расположенный в стороне, и немедленно послал за второй партией дам, находившихся в то время в Агре. Только когда они прибыли в Канпур и только после того как он благополучно переправил их в Аллахабад, он присоединился к войскам, которые продвигались по направлению к Лакнау.

Для похода на Ауд были сделаны приготовления небывалых до сих пор для Индии масштабов. Самой большой экспедицией, когда-либо предпринятой англичанами в Индии, было вторжение в Афганистан[341]; число участвовавших в ней войск ни разу не превысило 20000 человек, огромное большинство которых составляли туземцы. В этом походе на Ауд число одних только европейцев превосходило число всех войск, посланных в Афганистан. Главные силы, находившиеся под личным командованием сэра Колина Кэмпбелла, состояли из трех пехотных дивизий, одной кавалерийской дивизии, одной артиллерийской дивизии и инженерных войск. Первая пехотная дивизия под командой Утрема занимала Аламбаг. Она состояла из пяти европейских и одного туземного полка. Вторая дивизия (четыре европейских и один туземный полк), третья дивизия (пять европейских и один туземный полк), кавалерийская дивизия под командованием сэра Хоупа Гранта (три европейских и четыре или пять туземных полков) и вся масса артиллерии (сорок восемь полевых пушек, осадный парк и инженерные войска) составляли боевые силы Кэмпбелла, с которыми он выступил из Канпура. Одна бригада под командой бригадного генерала Френкса, сосредоточенная в Джаунпуре и Азамгархе между реками Гумти и Гангом, должна была двигаться на Лакнау вдоль реки Гумти. Эта бригада состояла, кроме туземных войск, из трех европейских полков и двух батарей и должна была образовать правое крыло Кэмпбелла. Вместе с этой бригадой силы Кэмпбелла в общем насчитывали:

	Пехота	Кавалерия	Артиллерийские и инженерные войска	Всего
Европейцев..............................	15 000	2 000	3 000	20 000
Туземцев..................................	5 000	3 000	2 000	10 000

или всего 30000 человек. К этому нужно прибавить 10000 непальских гуркхов, выступивших под командой Джанг Бахадура из Горакхпура на Султанпур. Это доводит численность вторгшейся армии до 40000 человек почти исключительно регулярных войск. Но это еще не все. Южнее Канпура сэр Г. Роуз с сильным отрядом двигался от Саугора на Калпи и к Нижней Джамне, чтобы перехватывать там беглецов, которые могли бы проскользнуть между отрядами Френкса и Кэмпбелла. На северо-западе бригадный генерал Чемберлен в конце февраля перешел Верхний Ганг и вступил в Рохилканд, расположенный к северо-северо-западу от Ауда и являвшийся, как совершенно правильно предполагали, главным пунктом, к которому отступала армия повстанцев. В число войск, прямо или косвенно участвовавших в кампании против королевства Ауд, следует включить также гарнизоны городов вокруг Ауда, так что общая численность этих войск, вероятно, достигает 70000—80000 бойцов, из которых, согласно официальным данным, по крайней мере 28000 составляют англичане. В указанное количество не включены войска сэра Джона Лоренса, которые занимают в районе Дели своего рода фланговую позицию и состоят из 5500 европейцев в Мируте и Дели и из 20000 или 30000 туземцев Пенджаба.

Сосредоточение этих огромных сил является отчасти результатом плана генерала Кэмпбелла, но отчасти также и результатом подавления восстания в различных частях Индостана, вследствие чего войска естественно оказались сосредоточенными близко к театру военных действий. Несомненно, Кэмпбелл решился бы действовать и с меньшими силами, но пока он ожидал эти силы, ряд обстоятельств дал ему в руки свежие подкрепления, а он не такой человек, чтобы отказаться их использовать, даже в борьбе со столь жалким противником, какого он ожидал встретить в Лакнау. Не следует забывать также, что, как бы внушительно ни выглядели эти силы в чис-

ленном отношении, они все же были разбросаны на пространстве, равном территории Франции, и что в решающем пункте, у Лакнау, он мог появиться только примерно с 20000 европейцев, 10000 индусов и 10000 гуркхов, причем ценность последних, находившихся под командованием туземных начальников, была по меньшей мере сомнительна. Этой армии, в одном только европейском ее составе, бесспорно было более чем достаточно, чтобы обеспечить быструю победу, хотя, впрочем, численность ее не выходила за рамки поставленной перед ней задачи; весьма вероятно также, что Кэмпбелл решил на этот раз — в ответ на восстание, ставшее возможным благодаря малочисленности европейцев, разбросанных по всей стране, — показать населению Ауда такую грозную армию белолицых, какой еще не видывал ни один из народов Индии.

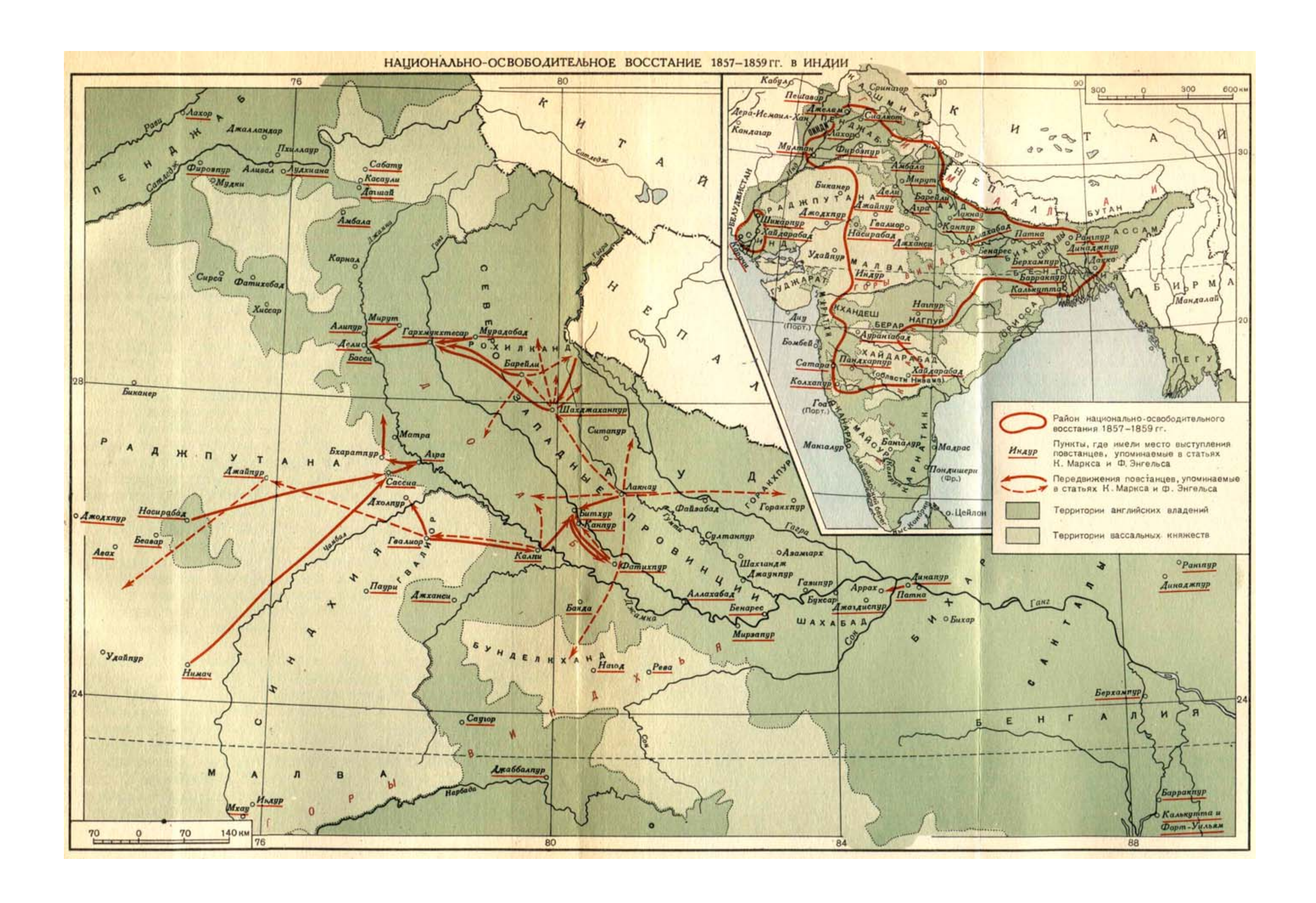
Силы повстанцев в Ауде состояли из остатков большинства восставших бенгальских полков и новых пополнений из местного населения. Первых могло быть, в крайнем случае, не больше 35000 или 40000 человек. Бои, дезертирство и деморализация должны были уменьшить эти силы, первоначально достигавшие 80000 человек, по меньшей мере наполовину, а те, которые остались, были дезорганизованы, лишены уверенности в себе, плохо снаряжены и совершенно непригодны для ведения боевых действий. Количество вновь набранных пополнений определяется по разным данным от 100000 до 150000 человек; но какова бы ни была их численность, это не имеет значения. Они были только частично вооружены огнестрельным оружием худших образцов, большинство из них имело лишь оружие для рукопашного боя, то есть для такого вида боя, вести который у них было меньше всего шансов. Большая часть этих сил была сосредоточена в Лакнау и вела борьбу с отрядом сэра Дж. Утрема, а две колонны действовали на аллахабадском и джаунпурском направлениях.

Концентрическое движение на Лакнау началось, примерно, в середине февраля. С 15-го по 26-е главная армия и ее огромный обоз (одних обслуживающих лагерь было 60000 человек) двигались из Канпура к столице Ауда, не встречая сопротивления. Тем временем неприятель 21 и 24 февраля атаковал позицию Утрема, но безуспешно. 19-го Френкс повел наступление на Султанпур, разбил в один день обе колонны повстанцев и преследовал их, насколько ему позволяло отсутствие кавалерии. После объединения обеих разбитых колонн Френкс снова нанес им поражение 23-го, причем они потеряли 20 пушек, все свое лагерное имущество и обоз. Генерал Хоуп Грант,

командовавший авангардом главных сил, также отделился от них во время их форсированного марша и, повернув влево, разрушил 23-го и 24-го два форта на дороге из Лакнау в Рохилканд.

2 марта главные силы были сосредоточены к югу от Лакнау. С этой стороны город защищен каналом, через который Кэмпбелл вынужден был переправляться и при первой своей атаке города; за этим каналом теперь были возведены сильные укрепления. 3-го англичане заняли парк Дилкуша, штурмом которого также началось в свое время первое наступление на Лакнау. 4-го бригадный генерал Френке соединился с главными силами и образовал теперь их правый фланг, упираясь своим собственным правым флангом в реку Гумти. Тем временем против укреплений противника были установлены батареи и наведены два наплавных моста через Гумти ниже города; как только они были готовы, сэр Дж. Утрем со своей пехотной дивизией, 1400 всадниками и 30 пушками переправился через реку, с тем чтобы занять позицию на левом, или северо-восточном берегу. Отсюда он мог обстреливать продольным огнем значительную часть позиции противника вдоль канала и многие из укрепленных дворцов в его тылу; он перерезал также коммуникационные линии, соединяющие противника со всей северо-восточной частью Ауда. 6-го и 7-го он встретил значительное сопротивление, но оттеснил противника. 8-го он опять был атакован, но снова безуспешно. Тем временем открыли свой огонь батареи, расположенные на правом берегу; батареи Утрема стреляли вдоль берега реки, во фланг и в тыл позиции повстанцев; а 9-го числа 2-я дивизия под командой сэра Э. Лугарда взяла штурмом Мартиньер, представляющий собой, как наши читатели, вероятно, помнят*, колледж и парк, расположенные на южной стороне канала, при его соединении с рекой Гумти, напротив Дилкуша. 10-го была пробита брешь в здании банка и здание взято штурмом, в то время как Утрем, наступая дальше вверх по реке, продольным огнем своих пушек обстреливал одну за другой позиции повстанцев. 11-го два шотландских полка (42-й и 93-й) взяли штурмом дворец королевы, а Утрем атаковал и захватил каменные мосты, соединяющие левый берег реки с городом. После этого он переправил свой отряд на другой берег и принял участие в атаке ближайшего здания. 13 марта началась атака другого укрепленного здания, Имамбара. Чтобы установить батареи за укрытием, к Имамбара была подведена сапа, а на следующий день, когда была пробита брешь, здание было

* См. настоящий том, стр. 366. *Ред.*

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1857–1859 гг. в ИНДИИ

взято штурмом. Англичане так энергично преследовали противника, спасавшегося бегством в Кайсарбаг, или королевский дворец, что ворвались в него по пятам беглецов. Завязалась ожесточенная борьба, но в 3 часа пополудни дворец уже был в руках англичан. Это, по-видимому, и решило исход борьбы; по крайней мере, дух сопротивления, казалось, был сломлен, и Кэмпбелл тотчас принял меры к преследованию и перехватыванию беглецов. Бригадный генерал Кэмпбелл с бригадой кавалерии и небольшой частью конной артиллерии был послан преследовать их, в то время как Грант с другой бригадой отправился в обход на Ситапур, расположенный на дороге из Лакнау в Рохилканд, чтобы перехватить их. После того как были приняты таким образом меры по отношению к той части гарнизона, которая бежала, пехота и артиллерия двинулись дальше внутрь города, чтобы очистить его от тех, кто все еще держался там. С 15-го по 19-е борьба, очевидно, велась главным образом на узких улицах города, так как полоса дворцов и парков вдоль реки была захвачена раньше; а 19-го весь город был уже в руках Кэмпбелла. Говорят, что бежало около 50000 повстанцев, частью в направлении на Рохилканд, частью на Доаб и Бунделкханд. В этом последнем направлении они имели возможность ускользнуть, так как генерал Роуз со своей колонной был все еще по крайней мере в шестидесяти милях от Джамны и ему, по имеющимся сведениям, противостояло 30000 повстанцев. В направлении Рохилканда у повстанцев также была возможность вновь сосредоточиться, так как Кэмпбелл был бы не в состоянии достаточно быстро следовать за ними, а о местонахождении Чемберлена нам ничего не известно; между тем провинция эта достаточно велика, чтобы дать повстанцам убежище на короткий срок. Поэтому вероятнее всего следующей фазой восстания будет образование двух повстанческих армий в Бунделкханде и Рохилканде; впрочем, последняя может быть быстро уничтожена концентрическим движением войск из Лакнау и Дели.

Насколько мы можем сейчас судить, действия сэра Колина Кэмпбелла в этой кампании отличаются обычными для него благоразумием и энергией. План его концентрического движения на Лакнау был превосходен, а в подготовке атак были, по-видимому, полностью учтены все обстоятельства. С другой стороны, поведение повстанцев было, пожалуй, еще более жалким, чем прежде. Один вид красных мундиров неизменно приводил их в состояние паники. Отряд Френкса разбил силы, в двадцать раз превосходившие его численностью, и при этом почти не понес потерь; и хотя телеграммы, как всегда, говорят

об «упорном сопротивлении» и «ожесточенной борьбе», потери англичан, когда о них упоминается в сообщениях, оказываются до смешного ничтожными, и мы опасаемся, что на этот раз от англичан потребовалось под Лакнау не больше героизма и они стяжали там не больше победных лавров, чем при их первом походе на этот город[*].

Написано Ф. Энгельсом 15 апреля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5312, 30 апреля 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] См. настоящий том, стр. 366—372, 382—390. *Ред.*

К. МАРКС

БЮДЖЕТ г-на ДИЗРАЭЛИ

Лондон, 20 апреля 1858 г.

Речь о бюджете, произнесенная г-ном Дизраэли 19 апреля в палате общин, хотя она и заполняет около десяти столбцов лондонской газеты «Times», тем не менее читается с удовольствием, пожалуй даже большим, чем роман «Молодой герцог» того же автора[342]. По ясности анализа, простоте построения, искусному расположению и умелому использованию деталей она выгодно отличается от громоздких и многословных риторических упражнений его пальмерстоновского предшественника. Речь не содержит ничего особенно нового, да и не претендует на это. Г-н Дизраэли очутился в выгодном положении министра финансов, которому пришлось иметь дело не с дефицитом, за который он сам ответственен, а с дефицитом, унаследованным от соперника. Его ролью была роль врача, а не пациента. Итак, с одной стороны, ему предстояло отыскать средства для покрытия дефицита; с другой же — не могло быть и речи о серьезном сокращении расходов, вызванных авантюрами, в которые Англия пустилась под эгидой лорда Пальмерстона. Г-н Дизраэли прямо заявил членам палаты общин, что если они хотят проведения политики нашествий и агрессий, то они должны за нее платить, и что их громкий вопль об экономии — простая насмешка, поскольку палата наряду с этим высказывала готовность идти на любые расходы. Согласно его заявлению, расходы, предстоящие в 1858/1859 финансовом году, должны быть следующие:

	ф. ст.
Расходы по долгосрочным государственным займам	28 400 000
Консолидированные расходы	1 900 000
Содержание армии	11 750 000

	ф. ст.
Расходы на военно-морской флот, включая почтовое пароходство	9 860 000
Гражданское ведомство	7 000 000
Расходы по ведомству сбора государственных доходов	4 700 000
Казначейские обязательства, подлежащие ликвидации в мае 1858 г.	2 000 000
Фонд погашения военного долга	1 500 000
Всего расходов	67 110 000

Доходы на 1858/1859 г. оцениваются в следующем виде:

	ф. ст.
Таможенные пошлины	23 400 000
Акциз	18 000 000
Штемпельный сбор	7 550 000
Налог поземельный и налог на недвижимость	3 200 000
Почтовые сборы	3 200 000
Поимущественный и подоходный налог	6 100 000
Государственные земли	270 000
Разные доходы	1 300 000
Итого доходов	63 020 000

Сравнение предусматриваемых расходов с доходами показывает, что при всех довольно оптимистических предположениях г-на Дизраэли относительно возможных поступлений от таможенных пошлин, акциза и почтовых сборов, чистый дефицит составляет 4000000 фунтов стерлингов. Каким же образом можно его покрыть? Пальмерстоновцы посмеивались при одной только мысли о том, что г-н Дизраэли будет вынужден в будущем году отсрочить снижение подоходного налога с 7 пенсов до 5 пенсов с 1 фунта стерлингов — мера, которой он и г-н Глад-стон оказали сопротивление, когда она была предложена сэром Корнуоллом Льюисом. Пальмерстоновцы подняли бы тогда крик о беспринципной оппозиции и использовали бы в своих целях непопулярность подоходного налога. Словом, подоходный налог был тем подводным камнем, о который, как с уверенностью предсказывали Пальмерстоновцы, должен был разбиться государственный корабль Дерби. Однако г-н Дизраэли — слишком старая лиса, чтобы попасть в подобную ловушку. Вопреки ожиданиям, он заявил в палате, что Джон Буль в течение последних пяти лет «вел себя» в финансовых

делах как пай-мальчик; он бодро нес на себе бремя государственных расходов, и потому при теперешних тяжелых обстоятельствах его не следует огорчать налогом, к которому он всегда питал особое отвращение; тем более, что, на основании соглашения 1853 г.[343], принятого огромным большинством палаты, пай-мальчику было обещано прогрессивное сокращение этого налога и окончательная отмена его по истечении известного числа лет. Собственный рецепт г-на Дизраэли для покрытия дефицита и даже обеспечения небольшого превышения доходов над расходами сводится к следующему: отложить на более поздний срок ликвидацию казначейских обязательств на сумму в два миллиона фунтов; не платить 1300000 ф. ст. в счет погашения военного долга, пока не появится bona fide[*] дополнительный доход, который можно было бы ассигновать на это дело; уравнять налог на спиртные напитки в Англии и Ирландии, повысив налог в Ирландии с 6 шилл. 10 пенсов до 8 шилл. на галлон, что должно дать казне повышение дохода на 500000 фунтов стерлингов; и, наконец, обложить банковские чеки штемпельным сбором в 1 пенс, что даст добавочный доход в 300000 фунтов стерлингов.

Итак, что касается введенных г-ном Дизраэли новых незначительных налогов, то они не могут вызвать серьезных возражений. Хотя представители Падди[**], конечно, сочли своим долгом протестовать, однако всякую помеху потреблению спиртных напитков в Ирландии надо рассматривать как целительную меру. Предлагая ее, канцлер казначейства не мог удержаться от искушения подшутить над своими ирландскими друзьями. «В духе самой искренней сердечности» он просил «пылких ирландцев» согласиться с предложением обложить налогом «ирландские спиртные напитки» и слить воедино свои «души»[***] с душами англичан и шотландцев и т. д. Пенсовый штемпельный сбор с банковских чеков подвергся жестокой атаке со стороны г-на Глина, представителя интересов лондонских банкиров и биржевиков. Он высказал уверенность, что этот злосчастный пенс помешает денежному обращению страны выполнить свое назначение; но какой бы ужас г-н Глин ни испытывал или притворно ни напускал на себя по случаю дерзкого обложения банкиров и биржевиков ничтожным налогом, его чувства едва ли найдут отклик среди масс британского народа.

Серьезной чертой бюджета г-на Дизраэли является ликвидация искусственного фонда погашения — этого великого

[*] — действительный. *Ред.*
[**] — уменьшительное от «Патрик», шутливое прозвище ирландцев. *Ред.*
[***] Игра слов: «spirit» означает «спиртной напиток», а также «душа». *Ред.*

финансового жульничества, к которому прибег вновь сэр Корнуолл Льюис в связи с долгами, образовавшимися во время войны с Россией. Подлинно британский фонд погашения представляет собой одну из тех чудовищных иллюзий, которые помрачают умственные способности целого поколения и сущность которых едва ли сможет понять грядущее поколение. В 1771 г. д-р Ричард Прайс в своих замечаниях о преемственных платежах[344] впервые раскрыл миру тайны сложных процентов и фонда погашения.

«Деньги», — писал он, — «приносящие сложные проценты, сначала растут медленно, но в дальнейшем темп роста непрерывно ускоряется, и через некоторое время он достигает такой быстроты, что превосходит всякое воображение. Один пенс, отданный в рост из 5% в год рождения Христа, к настоящему времени вырос бы в сумму, большую, чем представили бы 150 млн. земных шаров, состоящих сплошь из чистого золота. Но если отдать его в рост под простые проценты, то за тот же период времени он превратился бы не более чем в 7 шиллингов $4^1/_2$ пенса. До сих пор наше правительство предпочитало поправлять свои денежные дела скорее вторым способом, нежели первым. Государство всегда в состоянии найти выход из затруднительного положения, ибо, располагая самыми малыми сбережениями, оно может уплатить самые крупные долги в такой короткий срок, какого могут потребовать его интересы. При этом совершенно неважно, какой процент государство принуждено платить за деньги, ибо чем выше будет процент, тем скорее из такого фонда можно выплатить основной долг».

В соответствии с этим Прайс предлагал

«ежегодно откладывать некую постоянную сумму с тем, чтобы вместе с процентами от всех выкупаемых ею сумм употребить ее на выплату государственного долга, — другими словами, учредить фонд погашения».

Этот фантастический план, гораздо менее остроумный, чем финансовый план глупца в одной из новелл Сервантеса*, предлагавшего всему испанскому народу в течение лишь двух недель не пить и не есть, чтобы добыть средства для уплаты государственного долга, все же пленил воображение Питта. Именно на этой основе он в 1786 г. учредил свой фонд погашения, определив сумму в 5000000 ф. ст., которая «неукоснительно» должна была выплачиваться для этой цели каждый год. Эта система просуществовала вплоть до 1825 г., когда палата общин приняла резолюцию, что только bona fide дополнительные доходы страны могут идти на уплату государственного долга. Этот странный вид фонда погашения привел всю систему государственного кредита в хаотическое состояние. Создалась совершенная неразбериха между тем, что занималось из нужды, и тем, что занималось для удовольствия, между займами, кото-

* Сервантес. «Назидательные новеллы». Новелла о беседе собак. *Ред.*

рые увеличивали долг, и займами, с помощью которых его выплачивали. Проценты и сложные проценты, долг и погашение нескончаемой чередой проносились в какой-то пляске перед глазами людей; это была такая фантасмагория консолей и бон, облигаций и казначейских векселей, капитала без процентов и процентов без капитала, что даже самые крепкие умы были сбиты с толку. Точка зрения д-ра Прайса заключалась в том, что государству следует брать деньги взаймы под простые проценты, а давать их в ссуду под сложные проценты. Фактически Соединенное королевство взяло взаймы 1 миллиард ф. ст., в счет которых оно условно получило около 600 миллионов; однако 390 миллионов из этой суммы были предназначены не для уплаты долга, а для поддержания фонда погашения. Этот замечательный фонд, знаменующий золотую- эру биржевых дельцов и спекулянтов, пальмерстоновский канцлер казначейства пытался снова взвалить на плечи Джона Буля. Г-н Дизраэли нанес ему coup de grace*.

Написано К. Марксом 20 апреля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5318, 7 мая 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — последний удар. *Ред.*

К. МАРКС

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЙ СОЮЗ

Париж, 22 апреля 1858 г.

С тех пор как был вынесен оправдательный приговор д-ру Бернару, столь восторженно встреченный публикой, англофранцузский союз вступил в новую фазу. Прежде всего газета «Univers», у которой хватило ума понять, что «подлинные чувства Англии» выразились не в «церемонных комплиментах, которыми муниципалитет Дувра осыпал герцога Малаховского за его великодушную натуру», а скорее в «возмутительных криках «ура», которыми народ разразился в суде в Олд Бейли», — эта газета объявила Англию не только «притоном убийц», но и народом убийц, включая присяжных и судей. Первоначальное положение, выдвинутое полковниками[345], получает, таким образом, более широкое обоснование. Следом за «Univers» выступает «Constitutionnel» с передовой статьей, подписанной г-ном Рене, зятем г-на Маккара, который в свою очередь является, как известно, личным секретарем, доверенным лицом и фактотумом Бонапарта. Если «Univers» согласилась с характеристикой английского народа, которую дали ему полковники, и только расширила ее значение, то «Gonstitutionnel» повторяет их угрозы с той лишь разницей, что старается обосновать недовольство казарм мнимым негодованием «городов и сельских районов». Напуская на себя тон оскорбленной невинности, столь свойственный продажной литературе Второй империи, газета восклицает:

«Мы не будем подробно останавливаться на такого рода оправдательном приговоре, который является неслыханным оскорблением общественной нравственности; ибо кто из честных людей во Франции или в Англии может сомневаться в виновности Бернара? Мы хотим только поставить

в известность тех из наших соседей, которые желают *сохранения хороших отношений между обеими странами,* что если бы речь, произнесенная защитником Бернара, речь, которую ему *разрешили* напичкать клеветой и оскорблениями по адресу императора, по адресу избравшего его народа, по адресу армии и наших учреждений, стала бы, к несчастью, распространяться в городах, казармах и сельских районах Франции» (любопытное это место для казарм — между городами и сельскими районами!), *«то правительству при всем желании трудно было бы предотвратить последствия народного негодования».*

Вот как, оказывается, обстоит дело. Нападет ли Франция на Англию или нет, это будет зависеть просто от того, распространится или не распространится во Франции речь г-на Джемса, которую рекламирует сама же газета «Constitutionnel». Однако на другой день после такого, можно сказать, объявления войны делается любопытный и поразительный поворот в «Patrie». Французское вторжение в Англию можно-де предотвратить, но только в том случае, если англо-французский союз вступит в новую фазу. Оправдание Бернара обнаружило возрастающую силу анархии в британском обществе. Лорд Дерби должен спасти общество в Англии тем же самым способом, каким Бонапарт спас его во Франции. Вот что должно-де вытекать из этого союза и вот его conditio sine qua non*. Граф Дерби, добавляет газета, «человек с огромным талантом и почти королевскими родственными связями», следовательно, человек, призванный спасти общество в Англии! Английские ежедневные газеты не преминули отметить слабость, непостоянство и беспомощность, скрывающиеся за этим чередованием ярости, угроз и софизмов. Парижский корреспондент «Daily News» воображает, что разгадал загадку этих туманных картин, продемонстрированных в «Univers», «Constitutionnel» и «Patrie», ссылаясь на хорошо известный факт, что Бонапарт имеет два рода советников — пьяных кутил по вечерам и трезвых наставников по утрам. В статьях «Univers» и «Constitutionnel» парижский корреспондент улавливает аромат шато-марьё и сигар, а в статье «Patrie» — брызги холодного душа. Но ведь те же два рода людей орудовали и во время поединка Бонапарта с Французской республикой. Одни после января 1849 г. угрожали со страниц своих вечерних газеток coup d'etat**, в то время как другие на тяжеловесных столбцах «Moniteur» прямо уличали их во лжи. И все же тень грядущих событий обозначилась не в «напыщенных» статьях «Moniteur», а в пьяных выкриках «ура» в «Pouvoir»[346]. Мы, впрочем, далеки от мысли, что Бонапарт располагает

* — необходимое условие. *Ред.*
** — государственным переворотом. *Ред.*

средствами для успешной переправы через «широкую канаву»[*]. Появившиеся в связи с этим смехотворные плоды ночных бдений, которые принялась публиковать газета «New-York Herald»[347], не могут не вызвать улыбки даже у новичков в военной науке. Но мы твердо убеждены в том, что Бонапарт, как штатский человек — а этого никогда не следует забывать, — стоящий во главе военного правительства, дал на страницах «Patrie» последнее и единственно возможное толкование англофранцузского союза, способное удовлетворить его «полковников». Он попал в самое нелепое и в то же время самое опасное положение. Чтобы пустить пыль в глаза иностранным правительствам, он должен потрясать мечом. Чтобы успокоить своих меченосцев и не дать им принять его бахвальство всерьез, он вынужден прибегать к таким невероятным fictiones juris[**], как фикция о том, что англо-французский союз означает спасение английского общества по испытанному бонапартистскому методу. Разумеется, факты неизбежно придут в столкновение с его доктринами и если его царствованию не положит конец революция, как мы склонны думать, то в результате его счастливая звезда закатится так же, как она поднялась — он кончит сумасбродными авантюрами, какой-нибудь expedition de Boulogne[348] в более широком масштабе. Император превратится в авантюриста, как в свое время авантюрист превратился в императора.

Между тем, поскольку «Patrie» высказала все, что Бонапарт в состоянии сообщить миру о смысле англо-французского союза, стоит обратить внимание на то, в каком тоне говорят об этом союзе в настоящее время правящие классы Англии. В этом отношении особый интерес вызывает статья в лондонском «Economist», озаглавленная: *«Союз с Францией, что он собой представляет, какова его ценность и во что он обходится».* Статья написана в нарочито педантичном тоне, как это подобает бывшему секретарю казначейства при правительстве Пальмерстона и выразителю экономических взглядов английских капиталистов. Г-н Уилсон начинает с тезиса, что «иногда в результате сделки получаешь не совсем то, о чем договаривался». «Едва ли, — говорит он, — можно переоценить значение настоящего союза между Францией и Англией»; но ведь союзы бывают разные — настоящие и искусственные, подлинные союзы и союзы, взращенные в теплицах, «естественные» и «правительственные», «правительственные» и «личные». Прежде всего

[*] — Ла-Манш. *Ред.*
[**] — юридическим фикциям. *Ред.*

«Economist» дает полную волю своему «воображению»; а про «Economist» можно сказать то же, что уже было сказано про адвокатов: чем прозаичнее человек, тем больше шуток может сыграть с ним его воображение. «Economist» едва ли может положиться на свое

«воображение, чтобы подробно рассмотреть вопрос о том влиянии, которое мог бы оказать на судьбы Европы и на счастье и благосостояние всех других стран подлинный союз между двумя великими народами, стоящими во главе современной цивилизации».

И однако он вынужден признать, что хотя обе нации, как он надеется и верит, «созревают» для подлинного союза, все же «они еще не *созрели* для него». Но если Англия и Франция еще не созрели для подлинного национального союза, естественно возникает вопрос, что же представляет собой нынешний англо-французский союз?

«Мы допускаем», — признается бывший член правительства Пальмерстона и оракул английских капиталистов, — «что наш недавно заключенный союз по необходимости был в значительной степени союзом скорее с правительством, чем с нацией, скорее с императором, чем с Империей, скорее с Луи Бонапартом, чем с Францией; к тому же значение, которое мы придавали этому союзу, и цена, которую мы за него заплатили, несколько заслонили от нас этот существенный и важный факт».

Бонапарт-де, конечно, избранник французской нации, и прочая ерунда в том же духе, но, к сожалению,

«он представляет лишь численное, а не мыслящее большинство французского народа. К несчастью, получается так, что те классы общества, которые стоят в стороне от Бонапарта, включают в себя именно те партии, взгляды которых почти по всем главнейшим вопросам цивилизации аналогичны нашим собственным»,

Установив, таким образом, в весьма осторожной и вежливой форме и в многословных выражениях, которыми мы не будем утруждать читателя, аксиому, что нынешний так называемый англо-французский союз является скорее правительственным, чем национальным, «Economist» не останавливается перед признанием, что союз этот даже скорее *личный,* нежели просто *правительственный.*

«Луи-Наполеон», — пишет он, — «дал понять более ясно, чем это подобает главе великой нации, что именно он является нашим особым другом во Франции, что не столько его народ, сколько он сам желает союза с Англией и поддерживает его; и, быть может, *мы* согласились с этой точкой зрения с большей готовностью и более безоговорочно, чем этого требовали подлинная *осторожность* и *искренность».*

В общем и целом, англо-французский союз — это поддельный, фальсифицированный товар, это союз с Луи Бонапартом,

но не союз с Францией. Поэтому естественно возникает вопрос, стоит ли этот поддельный товар той цены, которую за него заплатили? Здесь «Economist» бьет себя в грудь и от имени правящих классов Англии восклицает: «Pater, peccavi!»*. Прежде всего, Англия — конституционное государство, а Бонапарт — самодержец.

«Просто из уважения к самим себе нам следовало бы позаботиться о том, чтобы наша искренняя и лояльная учтивость в отношении de facto** правителя Франции перерастала в сердечный восторг и горячее восхищение лишь постольку и лишь по мере того, как его политика становилась бы такой, какую мы могли бы честно и по праву одобрить».

Вместо того чтобы применять, таким образом, некую скользящую шкалу к своему бонапартизму, английский народ, народ конституционный,

«осыпал императора, уничтожившего конституционные свободы своих подданных, такими знаками внимания, которых никогда прежде не получал ни один конституционный монарх, даровавший эти свободы и уважавший их. Если же Бонапарт бывал гневен и раздражен, мы унижались до того, что успокаивали его в отвратительно льстивых выражениях, которые странно было слышать из уст англичан. Своими поступками и речами мы оттолкнули от себя все те группы французского народа, в глазах которых Луи-Наполеон является либо узурпатором, либо деспотом, опирающимся на военную силу. Это вызвало особенное раздражение и отвращение со стороны парламентской партии Франции как среди республиканцев, так и орлеанистов».

«Economist» обнаруживает, наконец, что такое пресмыкательство перед удачливым узурпатором было весьма неосмотрительным.

«Нельзя считать», — говорит он, — «что существующий во Франции, режим может оказаться тем постоянным режимом, при котором согласится жить эта деятельная и беспокойная нация... Поэтому разумно ли заключать *с преходящей фазой правления во Франции* такой союз, который способен лишь возбудить вражду к нам на стадии ее будущего и более прочного развития?»

Мало того, Бонапарт-де гораздо больше нуждался в союзе с Англией, чем Англия в союзе с Бонапартом. В 1852 г. он был просто авантюристом — удачливым, но все же авантюристом.

«В Европе его не признали, и еще вопрос, признают ли. Но Англия приняла его быстро и без колебаний; она сразу же признала его права на власть, допустила его в узкий круг коронованных особ и тем самым дала ему право вхождения во все дворы Европы. Более того, обмениваясь визитами и заключая сердечные союзы, наш двор позволил простому знакомству перерасти в близость... Те предприимчивые финансовые и тор-

* — «Грешен, отец мой!» *Ред.*
** — существующего. *Ред.*

говые классы, поддержка которых была особенно важна для него, сразу же поняли, как велика была сила, которую он приобрел благодаря тесному и сердечному союзу с Англией».

Этот союз был необходим ему, и он «готов был заплатить за него почти *любой ценой»*. Проявило ли английское правительство коммерческую сметку и необходимую проницательность при назначении этой цены? Оно вовсе не потребовало никакой цены; оно не поставило никаких условий, а подобно восточным сатрапам, ползало в пыли, вручая ему этот союз как дар. Сколь ни велики были те гнусности, которые совершал Бонапарт, они не способны были ни на минуту остановить английское правительство в его порыве «расточительной щедрости», как называет это «Economist», безудержного низкопоклонства, как назвали бы это мы.

«Было бы трудно доказать», — кается английский грешник, — «что из всех разнообразных мероприятий Бонапарта, направленных на угнетение протестантизма, подавление мысли, пресечение деятельности муниципалитетов, превращение деятельности сената и палат в фарс, — в отношении хотя бы одного мы проявили свое неудовольствие каким-либо мимолетным выражением холодности или хотя бы хмуро шевельнув бровями». «Что бы он ни делал, кого бы он ни подвергал гонению, сколько бы газет ни конфисковывал или ни запрещал, под какими бы пустячными предлогами ни смещал со своих постов почтенных и видных профессоров, — наше обращение с ним было неизменным; он оставался для нас все тем же великим человеком, том же мудрым и прозорливым государственным деятелем, выдающимся и твердым правителем».

Англичане не только взлелеяли, поддержали и поощрили, таким образом, гнусную внутреннюю политику Бонапарта, но, по признанию «Economist», еще и позволили ему тормозить, изменять, выхолащивать и сводить на нет их собственную внешнюю политику.

«Если такое ложное положение продлится», — заключает «Economist», — «это не будет способствовать ни нашему престижу, ни нашим доходам, ни общему благу содружества наций».

Сравните это заявление с заявлением «Patrie», и у вас не останется никакого сомнения в том, что англо-французский союз рухнул, а вместе с ним рухнула и единственная международная опора Второй империи.

Написано К. Марксом 22 апреля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5319, 8 мая 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ВАЖНЫЕ БРИТАНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Лондон, 30 апреля 1858 г.

Недавно британское правительство опубликовало несколько статистических документов — отчеты министерства торговли за первый квартал 1858 г., сравнительные данные о пауперизме за январь 1857 и 1858 гг. и, наконец, полугодовые отчеты фабричных инспекторов[349]. Отчеты министерства торговли, как и следовало ожидать, показывают значительное сокращение как экспорта, так и импорта в течение первых трех месяцев 1858 г. сравнительно с тем же кварталом предшествующего года. Общая объявленная стоимость всех вывезенных товаров, которая в первом квартале 1857 г. выражалась в сумме 28827493 ф. ст., за первые три месяца текущего года упала до 23510290 ф. ст., так что общее сокращение британского экспорта можно определить приблизительно в 19%. Таблица стоимости главных статей импорта, учитывающая данные только до конца февраля, показывает снижение, сравнительно с первыми двумя месяцами 1857 г., с 14694806 ф. ст. до 10117920 ф. ст., так что сокращение импорта оказывается, таким образом, еще более резко выраженным, нежели сокращение экспорта. Сравнительное состояние торгового Экспорта Соединенного королевства в Соединенные Штаты в течение первых трех месяцев 1857 и 1858 **гг.** отражено в следующей выписке [см. табл. на стр. 471].

За немногими, совершенно незначительными исключениями, этот список показывает серьезное сокращение экспорта по всем видам товаров; но что поражает, так это то, что в большинстве случаев падение стоимости экспорта едва соответствует сокращению его количества. В этом отношении Соединенные Штаты оказались гораздо лучшим рынком, нежели другие страны,

Экспорт из Соединенного королевства в Соединенные Штаты

	Количество		Объявленная стоимость (в фунтах стерлингов)	
	1857 г.	1858 г.	1857 г.	1858 г.
Пиво и эль (в баррелях).....................	9 504	6 581	40 893	29 269
Уголь и угольная пыль (в тоннах)	19 972	44 299	11 975	24 818
Хлопчатобумажные ткани (в ярдах)...........	61 198 140	35 371 538	1 128 453	618 540
Скобяные и ножевые товары (в центнерах)	44 096	14 623	301 275	104 668
Льняные ткани (в ярдах)........................	18 373 022	8 757 750	527 076	265 536
Железные болванки (в тоннах)................	10 172	6 569	39 927	20 344
Полосовое железо (в тоннах)....................	70 877	6 417	610 124	54 602
Чугун в болванках (в тоннах)...................	207	2 362	4 659	14 475
Железо кованое всех сортов.....................	12 578	2 097	151 602	29 218
Сталь некованая.......................................	3 607	1 118	128 178	43 666
Медь (в центнерах)...................................	11 075	1 954	69 286	10 595
Свинец (в тоннах).....................................	941	60	21 793	1 324
Растительное масло (в галлонах)..............	400 200	42 790	62 576	5 768
Соль (в тоннах)..	66 022	35 205	33 169	16 990
Шелковые изделия (в фунтах)..................	66 973	22 920	82 280	25 212
Шерстяные ткани, сукно (в штуках)	106 519	30 624	351 911	110 096
Шерстяные, смешанные ткани (в штуках)...	9 030 643	6 368 551	401 249	232 202
Камвольные ткани (в штуках).................	212 763	80 601	249 013	106 913
Глиняная и фаянсовая посуда.................	—	—	155 700	70 998
Галантерея и головные уборы.................	—	—	614 825	288 752
Жесть (в листах)......................................	—	—	273 409	105 847

где британцы за большее количество выручали меньшую сумму. Так, например, в 1858 г. они вывезли в Голландию 277342 фунта шерсти против 254593 фунтов, вывезенных в 1857 г., но в первом случае они выручили только 24949 ф. ст., между тем как во втором — 25563 фунта стерлингов; точно так же за 1505621 фунт, вывезенные во Францию в 1858 г., была выручена сумма

всего лишь в 103235 ф. ст., тогда как за меньшее количество шерсти, а именно, за 1445322 фунта, вывезенных туда же в 1857 **г.**, было получено 108412 фунтов стерлингов. Кроме того, если мы сравним данные отчетов за весь первый квартал 1858 г. с данными отчетов за один только март, то мы обнаружим тенденцию к восстановлению прежнего уровня британского торгового экспорта в Соединенные Штаты. Так, экспорт камвольных тканей в марте 1858 г., сравнительно с мартом 1857 **г.**, уменьшился только с 66617 ф. ст. до 54376 ф. ст., тогда как за весь квартал он сократился с 249013 ф. ст. до 106913 фунтов стерлингов. Единственной страной, однако, представляющей исключение из общего правила и дающей вместо уменьшения значительный рост спроса на британские фабричные изделия, является Индия, как это показывают следующие цифры:

	Количество		Объявленная стоимость (в фунтах стерлингов)	
	1857 г.	1858 г.	1857 г.	1858 г.
Пиво и эль (в баррелях)......	24 817	51 913	77 845	166 567
Хлопчатобумажные ткани (в ярдах)….......	120 092 475	151 463 533	1 385 888	1 787 943
Скобяные и ножевые товары (в центнерах)……..	10 642	16 776	42 849	67 287
Бумажная пряжа (в ярдах)……	5 145 044	10 609 434	276 469	531 567
Полосовое железо (в тоннах)………	20 674	26 266	191 528	217 539
Медь (листы и прутья, в центнерах) ….......	18 503	23 313	115 927	132 156
Шерстяные ткани, сукна..........……	12 123	19 571	63 846	90 584
Глиняная и фаянсовая посуда………	—	—	9 989	19 631
Галантерея и головные уборы………	—	—	21 350	31 427
Паровые машины ....…….............	—	—	31 408	36 019

Увеличение британского экспорта в Индию по некоторым статьям, как, например, шерстяные ткани, можно объяснить спросом на нужды войны. В целом, однако, причины этого повышения следует искать в другом направлении. Дело просто заключается в том, что восстание на несколько месяцев совершенно закрыло индийский рынок, благодаря чему имевшиеся там товары были реализованы, и в результате образовался вакуум, который ныне вновь заполнен. Что касается Австралии,

то и здесь отчеты показывают значительный рост по некоторым статьям британского экспорта, но письма, полученные из Сиднея и Мельбурна, не оставляют сомнения в том, что отправки туда товаров носят чисто спекулятивный характер и что эти товары будут проданы не по объявленной стоимости, а со значительной скидкой.

Сравнительные данные о пауперах в Англии и Уэльсе, получавших официальное пособие в конце января 1857 и 1858 гг., показывают, что в первый из указанных периодов их было 920608 человек, а во второй период число их возросло до 976773 человек, что дает общий прирост в 6,1%. Однако в северной части центра, северо-западном и йоркширском административных районах, то есть в промышленных округах, численность пауперов возросла соответственно на 20,52, 44,87 и 23,13%. Кроме того, надо иметь в виду, что очень значительная часть рабочего класса упорно предпочитает голодать, лишь бы не идти в работный дом. Следующая выдержка из официальных отчетов любопытна в том отношении, что она показывает, какой незначительный процент составляет собственно фабричное население ко всей массе народа даже в Англии:

Промышленная статистика

Районы	Число лиц 20-летнего возраста и старше	Процент лиц 20-летнего возраста и старше, занятых в:			
		ручных ремеслах, торговле и домашнем услужении	земледелии	фабричном производстве	угольной и горнорудной промышленности
1. Столица........................	1 394 963	47,6	1,1	6,0	3,5
2. Юго-восток...................	887 134	30,7	20,8	2,5	2,4
3. Южная часть центра....	660 775	28,8	25,4	7,1	2,4
4. Восток	603 720	27,4	26,5	4,0	2,3
5. Юго-запад ……………	978 025	28,6	23,3	4,6	5,6
6. Западная часть центра……………………	1 160 387	29,1	15,5	5,2	12,6
7. Северная часть центра……………………	654 679	31,8	21,7	6,4	5,3
8. Северо-запад ………...	1 351 830	29,8	8,3	21,5	5,4
9. Йоркшир	961 945	25,2	14,3	17,5	7,3
10. Север ………………..	521 460	27,7	16,1	4,2	12,4
11. Уэльс	641 680	21,8	25,7	2,5	12,4
Англия и Уэльс ...….	9 816 597	31,0	16,1	8,4	6,3

Отчеты фабричных инспекторов, содержащие материал лишь по октябрь 1857 г. включительно, не представляют обычного интереса, ибо, как единодушно заявляют инспектора, закрытие фабрик, сокращение рабочего времени, многочисленные банкротства владельцев фабрик и общая экономическая депрессия, начавшаяся как раз в то самое время, когда инспектора писали свои отчеты, помешали им собрать те точные данные, на основании которых они в прошлом могли составлять своп отчеты о числе новых фабрик, а также о фабриках, увеличивших количество своих двигателей, и фабриках, прекративших работу. Поэтому цифры промышленной статистики, отражающие последствия кризиса, можно будет найти только в их следующих отчетах. Единственное, что является новым в нынешнем отчете, это кое-какие разоблачения о положении детей и молодых рабочих на ситценабивных фабриках. Контроль британского законодательства только в 1845 г. был распространен с ткацких фабрик также и на ситценабивные фабрики. Акт о ситценабивных фабриках во всех деталях повторяет предписания фабричных актов о правах инспекторов, о том, как им поступать с правонарушителями и о различных могущих возникнуть при применении закона затруднениях, указанных в фабричных актах. Как на ткацких фабриках, так и здесь он предписывает регистрацию занятых на предприятии лиц, медицинское освидетельствование малолетних до их принятия на постоянную работу и точное соблюдение установленного времени начала и конца ежедневной работы. Он пользуется также номенклатурой фабричных актов для деления рабочих на категории, но значительно отличается от них в определении того, какие лица должны составлять ту или иную категорию и, следовательно, в определении того, кому и в каких пределах должна быть оказана защита путем ограничения труда.

Фабричные акты распространяются на три категории: 1) на лиц мужского пола старше 18 лет, труд которых не подлежит ограничению; 2) на лиц мужского пола от 13 до 18 лет и лиц женского пола старше 13 лет, труд которых подлежит ограничению; 3) на детей от 8 до 13 лет, труд которых подлежит ограничению и которые обязаны *ежедневно* посещать школу.

Соответствующие категории на ситценабивных фабриках следующие: 1) лица мужского пола старше 13 лет, труд которых не подлежит ограничению; 2) лица женского пола старше 13 лет, рабочее время которых подлежит ограничению; 3) дети обоего пола от 8 до 13 лет, труд которых подлежит ограничению и которые обязаны посещать школу *периодически.* Акт о ситценабивных фабриках существенно отличается от фабричных актов

тем, что не содержит никаких предписаний по следующим пунктам: выделение особых часов для перерыва на обед, субботний отдых, прекращение работы в день рождества и в страстную пятницу, разрешение периодически работать половину дня, надежное ограждение опасных машин, регистрация несчастных случаев и пособие потерпевшим, периодическая побелка рабочего помещения. Рабочее время на фабриках в настоящее время приравнено к обычному рабочему времени квалифицированных и других рабочих на заводах, то есть продолжается от 6 часов утра до 6 часов вечера с полуторачасовым перерывом для еды. Рабочее время на ситценабивных фабриках можно считать фактически неограниченным, несмотря на существование узаконенного ограничения. Единственное ограничение труда содержится в § 22 акта о ситценабивных фабриках (принятого в 8-й и 9-й годы царствования королевы Виктории, глава 29), который гласит, что дети от 8 до 13 лет и женщины не должны работать ночью, причем ночью считается время от 10 часов вечера до 6 часов следующего утра. Таким образом, 8-летние дети вполне законно могут быть и действительно бывают заняты на работе, во многих отношениях аналогичной работе на ткацких фабриках, большей частью в помещениях с высокой температурой, без перерыва для отдыха или еды от 6 часов утра до 10 часов вечера; а мальчик, достигший 13-летнего возраста, вполне законно может быть и часто бывает занят работой днем и ночью в течение какого угодно числа часов, без всяких ограничений вообще. Посещение школы детьми, работающими на ситценабивных фабриках, предусматривается следующим образом: каждый ребенок до поступления на ситценабивную фабрику должен посещать школу в течение не менее 30 дней или не менее 150 часов в течение 6 месяцев, непосредственно предшествовавших его первому дню работы на ситценабивной фабрике; затем в продолжение всего срока его работы на ситценабивной фабрике он должен посещать школу в течение такого же периода в 30 дней или 150 часов в каждые последующие шесть месяцев. На посещение школы отводится время между 8 часами утра и 6 часами вечера. Присутствие в школе менее двух с половиной часов или свыше пяти часов в один и тот же день не засчитывается в счет указанных 150 часов. Гуманность хозяина ситценабивной фабрики особенно проявляется в том, как он выполняет это правило. Иногда ребенка посылают в школу на положенное по закону число часов в одно время дня, иногда в другое, но всегда нерегулярно; например, один день он сидит в школе с 8 до 11 часов утра, в другой день с 1 часа до 4 часов дня, а затем может опять не появляться в школе в течение нескольких дней, после чего

он посещает ее, быть может, с 3 до 6 часов дня; либо же он может посещать школу 3 или 4 дня или даже целую неделю подряд, а затем может не появляться в ней 3 недели или месяц, после чего он снова посещает ее в случайные дни или в случайные часы, когда предпринимателю вздумается отпустить его. Таким образом ребенок перебрасывается из школы на работу и с работы в школу, пока повесть о 150 школьных часах не бывает рассказана до конца.

Написано К. Марксом 30 апреля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5329, 20 мая 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ПОДРОБНОСТИ ШТУРМА ЛАКНАУ

Мы располагаем, наконец, подробными сведениями о штурме и падении Лакнау. Правда, донесения сэра Колина Кэмпбелла, главный источник информации с военной точки зрения, до сих пор еще не опубликованы, но сообщений британской прессы, и особенно писем г-на Рассела в лондонской газете «Times», содержание большей части которых уже было сообщено нашим читателям, совершенно достаточно, чтобы дать общее представление о действиях нападающей стороны.

Подробные отчеты целиком подтвердили заключение, к которому мы пришли на основании телеграфных сообщений, — о невежестве и малодушии, проявленных при обороне города*. Укрепления, воздвигнутые индийцами, грозные на вид, в действительности имели не больше значения, чем огненные драконы и страшные маски, которых китайские воины рисуют на своих щитах или на стенах своих городов. Каждое отдельное укрепление представляло, как казалось, неприступную позицию — всюду одни бойницы, стены с амбразурами и парапеты, всякого рода препятствия на подступах, всюду ощетинившиеся орудия и ружья. По при этом фланги и тыл каждой позиции были совершенно забыты, никто не подумал о взаимной поддержке различных укреплений, и даже пространство между укреплениями, так же как и перед ними, не было очищено, так что можно было подготовить и фронтальные и фланговые атаки,

---

* См. настоящий том, стр. 382—384, 455—458. *Ред.*

не боясь, что обороняющиеся об этом узнают; пользуясь превосходным укрытием, можно было подойти к парапетам на расстояние в несколько ярдов. Это был как раз такой конгломерат укреплений, какой можно было ожидать от группы рядовых саперов, оставшихся без офицеров и служащих в армии, где господствовали невежество и недисциплиниропанность. Укрепления вокруг Лакнау были лишь осуществлением всего сипайского метода ведения войны в форме глинобитных стен и земляных парапетов. Механическая сторона европейской тактики частично была втолкована сипаям; они достаточно хорошо знали ружейные приемы и взводную муштру; они могли также построить батарею и проделать бойницы в стене; но как сочетать действия рот и батальонов при обороне позиции или как сочетать батареи с бойницами в зданиях и стенах, чтобы устроить укрепленный лагерь, способный оказать сопротивление, — всего этого они совершенно не знали. Так, например, они ослабили прочные каменные стены своих дворцов, пробив в них чрезмерное количество бойниц, нагромоздили целые ярусы бойниц и амбразур один над другим, поместили батареи, защищенные парапетами, на крышах этих дворцов, и все это совершенно бесцельно, потому что ничего не было легче, как обойти их с флангов. В то же время, сознавая свою тактическую слабость в сравнении с врагом, повстанцы старались компенсировать ее тем, что заполняли каждый пост возможно большим числом людей, достигнув этим лишь того, что огонь английской артиллерии начал действовать с ужасающим эффектом, а всякая планомерная и систематическая оборона становилась невозможной, как только атакующие колонны нападали на эту разношерстную толпу с той стороны, откуда их не ждали. И даже когда англичанам приходилось в силу каких-либо случайных обстоятельств вести атаку на какую-нибудь сильно укрепленную позицию, то к последней, благодаря ее порочной планировке, можно было подойти, пробить брешь и штурмовать ее почти без всякого риска. Такой случай и имел место с Имамбара. На расстоянии нескольких ярдов от этого здания находилась стена из «пака» (обожженных на солнце кирпичей). К этой стене англичане подвели короткую сапу (достаточное доказательство того, что амбразуры и бойницы в верхней части здания не давали возможности вести навесный огонь по местности, непосредственно прилегающей к стене) и использовали эту самую стену, приготовленную для них самими же индийцами, в качестве позиции для штурмовой батареи! Они поставили за этой стеной два 68-фунтовых орудия (морские пушки). Самое легкое 68-фунтовое орудие в английской армии весит без лафета 87 английских центнеров, но

если даже предположить, что речь шла о 8-дюймовой пушке для стрельбы лишь полыми ядрами, то и тогда самая легкая пушка этой категории весит 50 английских центнеров, а с лафетом — по меньшей мере три тонны. То, что такие пушки могли быть вообще подвезены так близко к дворцу, высотой в несколько этажей, да еще с батареей, установленной на крыше, показывает такое пренебрежение к командующим позициям и такое невежество в военно-инженерном деле, каких не мог бы проявить ни один рядовой сапер ни в одной цивилизованной армии.

Так обстоит дело с уровнем военных знаний противника, с которым пришлось столкнуться англичанам. Что касается мужества и упорства, то у обороняющихся в равной мере отсутствовало и то и другое. От Мартиньера до Мусабага туземные войска вели себя единодушно только в одном: они стремительно убегали, как только колонна врага начинала двигаться на них в атаку. Во всей серии стычек не было ничего, что можно было бы сравнить даже с побоищем (так как боем это вряд ли можно назвать) в Сикандербаге во время освобождения резидентства Кэмпбеллом. Как только атакующие части начинали наступать, повстанцы обращались в повальное беспорядочное бегство в тыл, и там, где оказывалось лишь несколько узких выходов, заставлявших сгрудившуюся толпу остановиться, они в суматохе падали, не оказывая никакого сопротивления, под залпами и штыками наступающих англичан. Во время любой из этих атак на охваченных паникой туземцев «британский штык» произвел больше опустошений, чем во всех войнах англичан в Европе и Америке, вместе взятых. На Востоке такие штыковые бои, в которых только одна сторона активна, а другая малодушно пассивна, — обычное явление во время войны; живым примером этого всякий раз служили атаки на частоколы в Бирме[350]. По словам г-на Рассела, англичане понесли главные потери от тех индийцев, которым было отрезано отступление и которые, забаррикадировавшись в комнатах какого-нибудь дворца, стреляли оттуда из окон по офицерам, находившимся во дворе и в саду.

При штурме Имамбара и Кайсарбага индийцы так стремительно бежали, что эти пункты не были даже взяты силой, — войска просто в них вошли. Но тут только и началась самая интересная сцена, ибо, как невозмутимо замечает г-н Рассел, захват Кайсарбага в тот день был настолько неожиданным, что не было даже времени принять меры против повального грабежа. Должно быть, это было веселое зрелище для истинного, свободолюбивого Джона Буля — наблюдать, как его британские

гренадеры беспрепятственно растаскивали драгоценности, дорогое оружие, одежду и прочий домашний скарб его величества короля Ауда. Сикхи, гуркхи и те, кто обслуживал лагерь, были готовы подражать их примеру, и последовавшая затем сцена грабежа и разрушения, очевидно, превзошла даже изобразительный талант г-на Рассела. Каждый новый шаг вперед сопровождался грабежом и опустошением. Кайсарбаг пал 14-го, а спустя полчаса в войсках исчезла всякая дисциплина. и офицеры потеряли всякую власть над своими солдатами. 17-го генерал Кэмпбелл был вынужден назначить патрули, дабы пресечь грабеж и приостановить всякие военные действия «до тех пор, пока это своеволие не прекратится». Очевидно, войска совершенно отбились от рук. 18-го, как мы узнаем, *наиболее разнузданные* формы грабежа прекратились, но опустошения псе еще продолжаются без помех. Впрочем, в городе, пока авангард дрался с туземцами, стрелявшими из домов, арьергард вволю грабил и разрушал. Вечером появляется новый приказ против грабежа; каждый полк должен выслать сильные отряды, чтобы вернуть своих солдат в полк, а также не выпускать лагерную прислугу из расположения полка; никому не разрешается оставлять лагерь, кроме как по делам службы. 20-го были повторены те же самые приказы. В тот же самый день два британских «офицера и джентльмена», лейтенанты Кейп и Такуэлл, «отправились в город *за добычей* и были убиты в одном из домов», а 26-го положение было все еще так плохо, что были изданы самые строгие приказы о прекращении грабежа и насилий; были введены ежечасные переклички солдат; всем солдатам было строго запрещено входить в город; лагерная прислуга, если она появлялась в городе с оружием, подлежала повешению; солдаты могли иметь при себе оружие только во время несения службы, а все нестроевики должны были быть разоружены. Чтобы придать должный вес этим приказам, в «соответствующих местах» был сооружен целый ряд треугольников для порки.

Вот уж поистине славное положение дел в цивилизованной армии девятнадцатого столетия; и если бы какие-нибудь другие войска в мире совершили хотя бы десятую долю подобных бесчинств, каким бы позором заклеймила их негодующая британская пресса! Но это — подвиги британской армии, и потому нам говорят, что подобные факты являются всего-навсего обычными последствиями войны. Британские офицеры и джентльмены могут без стеснения присваивать себе серебряные ложки, украшенные драгоценными камнями браслеты и другие маленькие сувениры, какие им попадутся на поле их славы; если Кэмп-

белл и был вынужден разоружить свою собственную армию в разгар войны, чтобы приостановить всеобщий грабеж и насилия, то ведь для этого могли быть и военные соображения, и никто, конечно, не пожалеет, что этим бедным парням дали недельку отдыха и небольшую возможность порезвиться после стольких трудов и лишений.

Это факт, что ни в Европе, ни в Америке нет такой грубой и жестокой армии, как британская. Грабеж, насилие, убийство— все то, что строго-настрого запрещено и полностью изгнано из всех армий, — являются освященной временем привилегией, узаконенным правом британского солдата. Гнусности, совершавшиеся в течение ряда дней после штурма Бадахоса и Сан-Себастьяна[351] во время войны в Испании, не имеют себе равных в летописях любой другой нации с начала французской революции; а запрещенный повсюду средневековый обычай отдавать на разграбление город, взятый штурмом, все еще остается правилом у англичан. Военные соображения настоятельно требовали, чтобы для Дели было сделано исключение, но армия, хотя и подкупленная дополнительной платой, все же роптала, и теперь, в Лакнау, она вознаградила себя за то, что упустила в Дели. В течение двенадцати дней и ночей в Лакнау действовала не британская армия, а необузданная, пьяная, грубая толпа, распавшаяся на отдельные шайки грабителей, гораздо более необузданных, неистовых и жадных, чем сипаи, которых только что выгнали оттуда. Разграбление Лакнау в 1858 г. останется вечным позором для британской армии.

Если разнузданная солдатня, совершая свой поход по Индии во имя цивилизации и гуманности, могла грабить только движимую собственность туземцев, то британское правительство, которое идет следом за ней, захватывает также и их недвижимую собственность. Толкуют о произведенных первой французской революцией конфискациях земель дворянства и церкви! Толкуют о конфискации Луи-Наполеоном собственности Орлеанской династии! Но вот приходит лорд Каннинг, британский дворянин, сладкоречивый, с мягкими манерами и чувствами, и конфискует по приказу своего верховного главы, виконта Пальмерстона, земли целого народа, каждый клочок, каждую пядь, каждый акр земли на пространстве в десять тысяч квадратных миль[352]. Поистине весьма лакомый кусочек *добычи* для Джона Буля! И стоило только лорду Элленборо от имени нового правительства осудить эту неслыханную меру, как тотчас возвысила голос газета «Times» и целая рать более мелких английских газет, чтобы оправдать этот массовый грабеж и

ломать копья за право Джона Буля конфисковывать все, что ему заблагорассудится. Ведь Джон — существо исключительное, и для него, по мнению «Times», является добродетелью то, что для других было бы позором.

Тем временем, благодаря тому, что вся британская армия была распущена для грабежа, повстанцы, никем не преследуемые, скрылись за пределами города. Они сосредоточились в Рохилканде, в то время как одна часть их начала партизанскую войну в Ауде, а другая часть беглецов направилась в Бунделкханд. Между тем быстро приближается знойная пора и период дождей, и нельзя ожидать, что погода будет столь же необычайно благоприятна для европейцев, как это было в прошлом году. Тогда большая часть европейских войск была более или менее акклиматизированной; но в этом году большинство из них только что прибыло в Индию. Нет никакого сомнения в том, что военные действия в июне, июле и августе будут стоить англичанам огромного количества жизней и, из-за необходимости держать гарнизоны в каждом завоеванном городе, действующая армия будет очень быстро таять. Уже теперь нам сообщают, что ежемесячных пополнений в 1000 человек едва ли будет достаточно, чтобы поддерживать боеспособность армии в отношении ее численности; что же касается гарнизонов, то один Лакнау требует по меньшей мере 8000 человек, то есть свыше одной трети армии Кэмпбелла. Отряд, который организуется для похода на Рохилканд, едва ли будет сильнее, чем этот гарнизон в Лакнау. Нам сообщают также, что среди британских офицеров крепнет убеждение, что партизанская война, которая неизбежно последует за распылением крупных повстанческих отрядов, будет гораздо более изнурительной для англичан и унесет больше жизней, чем нынешняя война с ее боями и осадами. Наконец, и сикхи начинают уже разговаривать языком, который не предвещает англичанам ничего хорошего. Сикхи чувствуют, что без их помощи англичане вряд ли смогли бы удержать Индию и что если бы они присоединились к восстанию, то Индостан был бы, несомненно, потерян для Англии, по крайней мере, на некоторое время. Они громко говорят об этом и, конечно, по-восточному преувеличивают это. Англичане уже более не кажутся им той высшей расой, которая била их при Мудки, Фирузшахре и Аливале[353]. От таких настроений до открытой вражды у восточных народов только один шаг; искра может вызвать пламя.

В общем взятие Лакнау так же мало покончило с индийским восстанием, как и взятие Дели. Предстоящая летняя кампания может вызвать такие события, что ближайшей зимой англича-

нам по существу снова придется проходить по тем же самым местам и, быть может, даже снова завоевывать Пенджаб. Но и в лучшем случае им предстоит затяжная и утомительная партизанская война, а это под солнцем Индии отнюдь не завидная перспектива для европейцев.

Написано Ф. Энгельсом 8 мая 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5333, 25 мая 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

АННЕКСИЯ АУДА [354]

Примерно полтора года тому назад британское правительство провозгласило в Кантоне новую доктрину международного права, согласно которой одно государство может предпринимать против любой области другого государства военные действия крупного масштаба без объявления войны или провозглашения состояния войны с этим государством. В настоящее время то же самое британское правительство, в лице генерал-губернатора Индии лорда Каннинга, сделало еще один шаг вперед в деле нарушения существующего международного права. Оно объявило, что

«право собственности на землю в провинции Ауд конфискуется в пользу британского правительства, которое будет располагать этим правом так, как оно сочтет нужным»[355].

Когда после падения Варшавы в 1831 г. русский император конфисковал «право собственности на землю», до тех пор принадлежавшее многочисленному польскому дворянству, это вызвало в британской печати и парламенте единодушный взрыв негодования. Когда после битвы при Новаре австрийское правительство не конфисковало, а всего лишь секвестровало имения тех ломбардских дворян, которые принимали активное участие в войне за независимость, это снова вызвало в Англии единодушный взрыв негодования. Наконец, когда после 2 декабря 1851 г. Луи-Наполеон конфисковал имения Орлеанской династии, которые, согласно французскому обычному праву, еще при вступлении на престол Луи-Филиппа должны были быть присоединены к государственным доменам, но избежали

этой участи благодаря одному юридическому ухищрению, — негодованию англичан прямо-таки не было пределов, и лондонская газета «Times» заявляла, что этот акт разрушает самые основы общественного порядка и делает невозможным дальнейшее существование гражданского общества. Практика показала, чего стоило все это благородное негодование. Единым росчерком пера Англия конфисковала не только имения нескольких титулованных лиц, не только земли королевской фамилии, но всю территорию королевства[356] величиною почти с Ирландию, «наследие целого народа», как определяет это сам лорд Элленборо.

Посмотрим, однако, какие предлоги — назвать это основанием мы не можем — выдвигает лорд Каннинг от имени британского правительства для оправдания столь неслыханного образа действий; во-первых, «Лакнау находится во власти армии»; во-вторых, «сопротивление, начатое взбунтовавшимися солдатами, нашло поддержку со стороны жителей этого города и всей провинции в целом»; в-третьих, «они повинны в тяжком преступлении и сами навлекли на себя справедливое возмездие». Попросту говоря: поскольку британская армия завладела Лакнау, постольку британское правительство имеет право конфисковать все еще не захваченные им земли в Ауде. Поскольку взбунтовались состоящие на жалованье у англичан туземные солдаты, постольку туземцы Ауда, которые были подчинены британскому владычеству силой, не имеют-де права поднять восстание за свою национальную независимость. Короче говоря, народ Ауда восстал против законной власти британского правительства, и теперь британское правительство громогласно заявляет, что восстание является достаточным основанием для конфискации» Таким образом, если отбросить все разглагольствования лорда Каннинга, то весь вопрос сводится к тому, что, по его мнению, британское владычество в Ауде было установлено законно.

На самом же деле британское владычество в Ауде было установлено следующим образом. Когда в 1856 г. лорд Далхузи решил, что настало время действовать, он сосредоточил в Канпуре армию, которая, как было сказано королю Ауда*, должна была служить наблюдательным корпусом против Непала. Внезапно эта армия вторглась в Ауд, завладела Лакнау и захватила в плен короля. От него стали требовать, чтобы он отдал свою страну во власть англичанам, но все было тщетно. Тогда его отвезли в Калькутту, а страна была присоединена

* — Ваджид Али-шаху. *Ред.*

к владениям Ост-Индской компании. Это предательское вторжение было произведено на основании статьи 6 договора 1801 г., заключенного лордом Уэлсли[357]. Этот договор явился естественным следствием другого договора, заключенного в 1798 г. сэром Джоном Шором. В соответствии с обычной политикой англо-индийского правительства в его сношениях с туземными князьями, этот первый договор 1798 г. представлял собой для обеих сторон договор об оборонительном и наступательном союзе. Ост-Индской компании он обеспечивал ежегодную субсидию в 76 лаков* рупий (3800000 долларов); но, в силу статей 12 и 13, король был обязан уменьшить налоговое обложение страны. Само собой разумеется, король не мог выполнять одновременно оба эти явно противоречащие друг другу условия. В результате, как и рассчитывала Ост-Индская компания, возникли новые осложнения, и, в конце концов, был заключен договор 1801 года. В силу этого договора король обязался возместить якобы имевшие место нарушения прежнего договора уступкой территории — уступкой, которую, кстати сказать, тогда же заклеймили в парламенте как акт открытого разбоя и которая привела бы лорда Уэлсли в качестве обвиняемого в следственную комиссию, если бы не политическое влияние, которым в то время пользовалась его семья.

Взамен этой территориальной уступки Ост-Индская компания, в силу статьи 3, взяла на себя защиту оставшихся за королем территорий против всяких внешних и внутренних врагов, а в силу статьи 6 гарантировала королю, его наследникам и преемникам владение этими территориями на вечные времена. Но эта же самая статья 6 содержала и ловушку для короля, а именно: король обязывался установить такую систему управления, осуществляемую его собственными чиновниками, которая бы способствовала благоденствию его подданных и обеспечивала охрану жизни и собственности жителей. Предположим теперь, что король Ауда нарушил бы этот договор, что он своим управлением не обеспечил бы охрану жизни и собственности жителей (скажем, расстреливал бы их, привязывая к жерлам пушек, и конфисковал бы все их земли); что бы тогда могла сделать Ост-Индская компания? По договору король был признан независимым государем, свободно действующим лицом, одной из договаривающихся сторон. Объявляя договор нарушенным и тем самым аннулированным, Ост-Индская компания могла действовать лишь двояким путем: либо прийти к новому соглашению путем переговоров, оказывая при этом определен-

* Лак— 100 тысяч рупий. *Ред.*

ное давление, либо объявить королю войну. Но вторгнуться на его территорию без объявления войны, неожиданно захватить его в плен, лишить его престола и аннексировать его страну—все это было нарушением не только договора, но и всех принципов международного права.

Один любопытный факт доказывает, что аннексия Ауда не была внезапным решением британского правительства. Как только лорд Пальмерстон занял пост министра иностранных дел, он немедленно отправил в 1831 г. тогдашнему генерал-губернатору распоряжение аннексировать Ауд. Его подчиненный отказался в то время исполнить это распоряжение. Сведения об этом, однако, дошли до короля Ауда*, который воспользовался каким-то предлогом, чтобы отправить посольство в Лондон. Несмотря на все препятствия, посольству удалось сообщить Вильгельму IV, пребывавшему в полном неведении относительно всего происходившего, о том, какая опасность угрожает Ауду. В результате между Вильгельмом IV и Пальмерстоном произошла бурная сцена, которая окончилась тем, что последний получил строжайшее предписание, под страхом немедленной отставки, никогда более не повторять подобного coup d'etat**. Здесь важно напомнить, что нынешняя аннексия Ауда и конфискация всей земельной собственности этой страны произошла как раз тогда, когда Пальмерстон снова пришел к власти. Несколько недель тому назад палата общин затребовала документы, относящиеся к первой попытке аннексии Ауда в 1831 г., но г-н Бейли, секретарь Контрольного совета, заявил, что эти документы исчезли.

В 1837 г., когда Пальмерстон вторично был министром иностранных дел, а лорд Окленд — генерал-губернатором Индии, короля Ауда*** опять заставили заключить новый договор с Ост-Индской компанией. В силу этого договора изменяется статья 6 договора 1801 г., так как «в ней не предусмотрена мера наказания в случае нарушения содержащихся в ней обязательств» (хорошо управлять страной); поэтому в статье 7 специально предусматривается,

«что король Ауда совместно с британским резидентом должен немедленно наметить наилучшие средства для устранения недостатков в деятельности полиции и в судебном и финансовом управлении своих владений; если же его величество будет пренебрегать советами и указаниями британского правительства и если грубое и систематическое притеснение, анархия и беспорядок получат настолько широкое распространение в аудийских владениях, что общественное спокойствие окажется в серьезной

* — Назир-эд-дина. *Ред.*
** — буквально: государственного переворота; здесь: переворота. *Ред.*
*** — Мохаммед Али-шаха. *Ред.*

опасности, то британское правительство сохраняет за собой право назначить своих собственных должностных лиц для управления любой частью территории Ауда большей или меньшей протяженности, где будет обнаружено подобного рода злоупотребление властью, на срок, какой британскому правительству покажется необходимым; излишки полученных доходов, после покрытия всех расходов, будут в таких случаях вноситься в королевское казначейство, и его величеству будет представлен точный и добросовестный отчет о доходах и расходах».

Далее, статья 8 договора предусматривает,

«что в случае, если генерал-губернатор Индии со своим Советом будет вынужден воспользоваться властью, возложенной на него статьей 7, то он, по мере возможности, будет стараться сохранять и по мере сил совершенствовать туземные учреждения и формы управления на данных территориях, дабы этим облегчить возвращение их государю Ауда, когда наступит подходящий для этого момент».

Официально считается, что этот договор был заключен между генерал-губернатором Британской Индии и его Советом[358], с одной стороны, и королем Ауда — с другой. Как таковой, договор был с соблюдением всех формальностей ратифицирован обеими сторонами, и был произведен должным образом обмен ратификационными грамотами. Но когда он был представлен на утверждение Совета директоров Ост-Индской компании, он был аннулирован (10 апреля 1838 г.) как нарушающий дружеские отношения между Компанией и королем Ауда и являющийся посягательством со стороны генерал-губернатора на права этого монарха. Пальмерстон не спрашивал у Компании разрешения заключить этот договор; и он не обратил никакого внимания на ее постановление об его аннулировании. Равным образом и король Ауда никогда не уведомлялся о том, что договор был аннулирован. Это удостоверил сам лорд Далхузи (протокол от 5 января 1856 года):

«Весьма вероятно, что король в ходе предстоящих переговоров с резидентом сошлется на договор, заключенный с его предшественником в 1837 году; резиденту известно, что договор не остался в силе, ибо он был аннулирован Советом директоров сразу же после того, как он был получен в Англии. Далее, резиденту известно, что, хотя король Ауда в свое время был уведомлен о том, что некоторые обременительные условия договора 1837 г. в отношении увеличения военных сил не будут осуществлены, однако о *полной отмене его никогда не сообщалось его величеству.* В результате такого умолчания и неполной информации в настоящее время создалось затруднительное положение. Оно становится еще более затруднительным в связи с тем, что аннулированный документ был все же включен в собрание договоров, изданное в 1845 г. по распоряжению правительства».

В том же самом протоколе, в разделе 17, говорится:

«Если бы король сослался на договор 1837 г. и спросил, почему — если теперь требуются дальнейшие мероприятия по управлению Аудом —

не применяются те обширные полномочия, которыми упомянутый договор наделил британское правительство, то надлежит поставить в известность его величество, что договор этот прекратил свое существование с тех пор, как он был сообщен Совету директоров, который полностью аннулировал его. Его величеству следует напомнить, что двор в Лакнау был в свое время уведомлен о том, что должны быть аннулированы некоторые статьи договора 1837 г., согласно которым на короля были возложены расходы по содержанию дополнительных военных сил. Надо полагать, что о тех статьях договора, которые должны были вступить в силу не сразу, в свое время не сочли нужным сообщить его величеству, а в дальнейшем это сообщение упустили сделать по недосмотру».

По этот договор был не только включен в официальное собрание договоров, изданное в 1845 году; на него и официально ссылались, как на существующий договор, в нотификации лорда Окленда королю Ауда, датированной 8 июля 1839 г., в представлениях, сделанных лордом Хардингом (тогдашним генерал-губернатором) тому же королю 23 ноября 1847 г., и в сообщении полковника Слимена (резидента в Лакнау) самому лорду Далхузи 10 декабря 1851 года. Почему же лорду Далхузи понадобилось с таким упорством отрицать законность договора, который считали действующим все его предшественники и даже его собственные чиновники в своей переписке с королем Ауда? Исключительно потому, что, согласно этому договору, какой бы повод король ни подал для вмешательства в свои дела, это вмешательство должно было ограничиваться тем, что британские должностные лица могли взять в свои руки управление страной *от имени короля Ауда,* которому они обязаны были выплачивать излишки доходов. Но англичане желали как раз обратного. Удовлетворить их могла только аннексия. Это отрицание законности договоров, которые составляли официально признанную основу взаимоотношений в течение двадцати лет; этот насильственный захват независимых территорий, являющийся открытым нарушением даже официально признанных договоров; эта окончательная конфискация каждого акра земли по всей стране — все эти предательские и отвратительные приемы обращения британцев с туземцами Индии начинают теперь мстить за себя не только в Индии, но и в самой Англии.

Написано К. Марксом. 14 мая 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5336, 28 мая 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЛЮБОПЫТНАЯ СТРАНИЧКА ИСТОРИИ

Манчестер (Англия), 18 мая 1858 г.

Вскоре после окончания последней войны с Россией в газетах появилось сообщение, что некий Мехмед-бей, полковник турецкой армии, он же г-н Бандья, бывший полковник венгерской армии, покинул Константинополь и с несколькими польскими добровольцами отправился в Черкесию. По прибытии туда он сразу же стал чем-то вроде начальника штаба у Сефер-паши, вождя черкесов. Те, кто знал предыдущую карьеру этого венгерского освободителя Черкесии, нисколько не сомневались в том, что он поехал в эту страну с единственной целью — продать ее России. В свое время было публично и неопровержимо доказано, что этот человек был в Лондоне и Париже шпионом, состоявшим на жалованье одновременно у французской и у прусской полиции*. Не удивительно, что около месяца тому назад в европейских газетах промелькнуло сообщение, что Бандья, он же Мехмед-бей, был действительно уличен в изменнической переписке с русским генералом Филипсоном и что состоявшийся над ним военный суд приговорил его к смертной казни. Тем не менее вскоре после этого Бандья внезапно очутился в Константинополе и, изображая из себя жертву интриги, со свойственной ему наглостью объявил, что все эти рассказы об измене, военном суде и т. п. являются чистейшими выдумками его врагов.

Нам в руки попали важнейшие из документов, касающихся этого любопытного эпизода черкесской войны, и мы приведем здесь некоторые выдержки из них. Документы эти были

* См. настоящий том, стр. 172. *Ред.*

доставлены в Константинополь поручиком польского батальона в Черкесии Францишеком Стоком, который был одним из членов военного суда, осудившего Бандью. Документы эти в комментариях не нуждаются.

Выдержки из протоколов заседавшего в Адерби, в Черкесии, военного суда над Мехмед-беем, он же Я. Бандья, из Иллошфальвы.

(№ 1) Заседание 9 января 1858 года. Показания Мустафы, уроженца провинции Надьканижы:

«... Когда полковник Мехмед-бей прибыл в Шепсугур, он просил меня передать письмо командиру черноморских казаков, генералу Филипсону. На мое замечание, что я не могу сделать этого, не уведомив Сефер-пашу и не получив его разрешения, Мехмед-бей сообщил мне, что, в качестве посланника и наместника падишаха и командующего войсками в Черкесии, он имеет право обмениваться письмами с русскими, что Сефер-паша осведомлен об этом и что его цель — ввести русских в заблуждение... Когда Сефер-паша и национальное собрание передали мне манифест Черкесии, адресованный царю, то Мехмед-бей дал мне также письмо для генерала Филипсона. Я не нашел генерала Филипсона в Анапе и передал письмо майору, командовавшему там военными силами. Майор обещал отправить манифест по назначению, но отказался принять письмо, которое не имело ни адреса, ни подписи. Я привез письмо обратно, но частая переписка Мехмед-бея возбудила во мне подозрения, и, опасаясь, как бы самому не оказаться скомпрометированным, я довел обо всем этом деле до сведения властей...»

(№ 2) Показания Ахмед-эфенди, бывшего турецкого секретаря при Мехмед-бее:

«... Мехмед-бей был очень зол на Тевфик-бея (полковника Лапинского) и очень дурно отзывался о нем, говоря, что он всячески будет вставлять ему палки в колеса. На вторую ночь после нашего прибытия в Адерби... рано на рассвете меня разбудил конюх Мехмед-бея. Мехмед-бей сам сказал мне, что со стороны Геленджика слышен сильный гул пушечной пальбы. Он уже был на ногах и казался не в духе... Донесение, что полковник Лапинский взят в плен со всем своим отрядом, было получено в Адерби — не знаю, каким способом — еще раньше, чем прекратилась пушечная пальба. Я слышал, как Мехмед-бей говорил об этом. Когда позже пришли известия о том, что ни полковник, ни его люди не попали в плен, Мехмед-бей сказал в большом раздражении: «Вероятно, он продал свои пушки русским»...»

(№ 3) Показания офицеров и солдат польского отряда, расквартированного в Адерби:

«Накануне внезапного захвата Геленджика в лагерь явился Мехмед-бей и сказал, что он получил из Константинополя письма, сообщающие ему, что если они ниоткуда не получат помощи, то в этом будет виноват один лишь полковник Лапинский... Мехмед-бей велел дать солдатам спиртные напитки и обещал им много всяческих благ, если они покинут своего полковника и последуют за ним... Когда впоследствии оказалось, что известие (будто Лапинский взят в плен) было неверно, Мехмед-бей лично явился в лагерь и обратился к солдатам с речью, уговаривая их отказаться от повиновения полковнику. Когда же полковник вернулся, то Мехмед-бей сделал вид, что он ничего знать не знает, отрекся от примкнувших к нему нескольких человек и допустил, чтобы их наказали, не заступившись за них. Впоследствии, в отсутствие полковника, Мехмед-бей при помощи некоторых венгров пытался поднять среди войск мятеж.

Эти венгры составили против полковника обвинительный акт и пытались заставить солдат подписать его. За исключением трех человек, которые признали, что их уговорили дать свою подпись, все прочие заявили под присягой, что их подписи были подделаны... Произвести эту подделку было тем легче, что лишь очень немногие солдаты в отряде умели писать».

(№ 4) Признания Бандьи на военном суде:

«Мне надоел долгий допрос, и я представляю комиссии это признание, написанное мной собственноручно и подписанное мной. Я надеюсь, что мои судьи, поскольку я своим признанием избавляю их от долгой и трудной работы, скорее согласятся вспомнить, что с моей судьбой связана также судьба моей ни в чем не повинной семьи*. Прежде мое имя было Янош Бандья из Иллошфальвы; мое нынешнее имя Мехмед-бей, возраст — 40 лет, моя религия раньше была римско-католической, но в 1853 г. я принял мусульманство... Моя политическая деятельность... направлялась прежним вождем моей страны Лайошом Кошутом... Снабженный рекомендательными письмами моего политического вождя, я 22 декабря 1853 г. прибыл в Константинополь... Я вступил в турецкую армию в чине полковника. В это время я часто получал от Кошута письма и инструкции, касающиеся интересов моей страны. В то же время Кошут отправил оттоманскому правительству послание, в котором он горячо рекомендовал туркам остерегаться союза с Францией, Англией или Австрией и советовал им лучше связаться с итальянскими и венгерскими революционерами... Согласно инструкциям, которые были мне даны, я должен был тем или иным путем вступить в ряды войск, предназначенных для действий на черкесских берегах... Прибыв в Черкесию, я первое время ограничился изучением положения дел в стране и передачей моих наблюдений моим политическим друзьям... Я старался сблизиться с Сефер-пашой... Согласно инструкциям, я должен был предупреждать всякие наступательные операции со стороны черкесов и противодействовать всякому иностранному влиянию в Черкесии. Незадолго до моего отъезда из Константинополя полковник Тюрр, который получает инструкции из того же источника, что и я, и с которым я много лет был политически близок, получил приказ присоединиться к греческому восстанию. Генерал Штейн (Ферхад-паша), тоже принадлежащий к нашей партии, был направлен в Анатолию. Что касается плана сближения с Сефер-пашой, то он удался, и весьма скоро я приобрел полное его доверие. Завоевав это доверие, я уже мог легко следовать моим инструкциям и выполнять их... Я убедил Сефер-пашу, что после войны Черкесия будет возвращена под власть султана... Турецким командирам я доказывал, что всякие наступательные операции их войск будут опасны, ибо черкесы... в критический момент их покинут. Обстоятельства благоприятствовали мне, и, хотя русские отправили свои войска на театр военных действий, оставив свои границы без прикрытия, они все же не подверглись сколько-нибудь серьезным набегам черкесов. Моим политическим вождям я регулярно отправлял донесения о моих тайных действиях... В то же время я натолкнулся на людей и обстоятельства, которые противодействовали моим планам. Я имею в виду прибытие в Анапу британского консула г-на Лонгуорта. Г-н Лонгуорт имел предписание заставить Сефер-пашу организовать на средства Великобритании отряд из 6000 черкесов и отправить его в Крым... Я получил подобное же приказание от турецких властей, но в то же время мои тайные вожди прислали мне самый решительный приказ приложить все усилия к тому, чтобы свести на нет миссию британского кон-

* Здесь он имеет в виду семью Бандья № 3. Помимо мусульманской семьи в Константинополе, у него есть еще жена в Венгрии и другая жена в Париже.

сула... В разговоре, который я имел с г-ном Лонгуортом... я просил предоставить мне должность в британской армии в чине полковника или сумму в 10000 фунтов стерлингов... Г-н Лонгуорт думал привлечь меня на свою сторону, предложив мне 50000 пиастров... Моя интрига увенчалась успехом. У князя Сефера, столько раз обманутого пустыми обещаниями, возникло подозрение, и он наотрез отказал консулу в выполнении того, чего тот требовал от его народа... В это время я нажил себе врага в лице князя Ибрагима Карабатыра, сына Сефер-паши, который был назначен командовать 6000 черкесов...

21 марта 1856 г. Сефер-паша уведомил меня, что национальное собрание постановило отправить депутацию к турецкому, французскому и британскому правительствам, чтобы просить их о воссоединении Черкесии с Турцией. Я добился того, что Сефер-паша включил меня в эту депутацию... По прибытии в Константинополь... я представил моим политическим друзьям и Кошуту подробный отчет о положении в Черкесии... В ответ я получил инструкции, которые предписывали мне связаться с полковником Тюрром и генералом Штейном и вести дела сообща с ними, привлекая как можно больше венгров. В то *we* время я установил связь с Исмаил-пашой, главой почтового ведомства Оттоманской империи, черкесом по происхождению, который казался мне патриотом, способным на жертвы для своей родины. Я совещался с ним относительно способа, с помощью которого мы могли бы отправить в Черкесию оружие, боевые припасы, инструменты для оружейных мастеров, а также послать туда хороших офицеров и ремесленников. *Но настоящий план экспедиции был составлен генералом Штейном, полковником Тюрром и мной. Капитан Франкини, военный секретарь русского посланника, присутствовал на нескольких наших совещаниях. Нашей целью было переманить Черкесию на сторону русских мирным, медленным, но верным путем...* Если бы удалось подчинить Черкесию моему и генерала Штейна руководству, то наш план должен был бы состоять в следующем:

1) избрать какого-нибудь местного князя, который подчинил бы своему управлению всю страну;

2) убедить черкесов, что им нечего ждать помощи ни от султана, ни от какой-либо другой державы;

3) деморализовать горцев военными поражениями — поражениями обдуманными и заранее подготовленными;

4) добиться, чтобы они признали царя своим номинальным верховным государем, которому они не платят никакой дани, но гарнизоны которого они допускают в свою страну... Этого князя предполагалось окружить привезенными в Черкесию венграми; наиболее способных из них надо было поставить на важные посты... Капитан Франкини уверял меня, что Россия добивается только формального подчинения... знаки императорской милости, деньги и русские ордена должны были сделать остальное...

22 сентября 1856 г. Исмаил-паша посоветовал мне привлечь на службу в Черкесию несколько сот поляков, которые находились в казармах в Скутари и раньше служили в легионе Замойского... Это предложение не входило в наши планы, но отвергнуть его было неудобно... Я знал ранее г-на Лапинского, который в свое время с отличием служил в Венгрии... Он жил в Скутари... Мы сговорились с генералом Штейном, что самое лучшее будет привлечь на службу полковника Лапинского, который питал ко мне абсолютное доверие... 24 сентября я уведомил полковника Лапинского письмом, что черкесские патриоты поручают ему сформировать в Черкесии польский корпус. В ответ полковник потребовал оружия и обмундирования для 700 поляков... Позже на совещании, в котором

участвовали *генерал Штейн, Тюрр, Франкини и я,* было решено, что Тюрр отправится в Англию для покупки инструментов и машин для изготовления патронов, но что посылку какого бы то ни было оружия он пока отложит. Мы хотели проверить поляков, прежде чем дать им оружие... Серьезные возражения полковника Лапинского... заставили меня поспешить с отъездом, хотя у меня не было возможности взять с собой завербованных мной венгерских офицеров... В январе 1857 г. я получил письма и инструкции от Кошута и от других моих политических друзей. Мой план был одобрен... Незадолго до моего отъезда я и генерал Штейн сделали вид, будто между нами произошло охлаждение. Я хотел еще отложить мой отъезд, чтобы дать возможность нескольким венграм отправиться вместе со мной, *однако капитан Франкини заявил, что невозможно терять ни одного дня,* потому что о нашей экспедиции уже пошли толки по всему Константинополю, и *если русское посольство не вмешается в это дело, то его могут обвинить в соучастии.* 15 февраля полковник Лапинский сел на английский пароход «Кенгуру». Я также сел на пароход... По прибытии в Доб (русские называют его Кабардинск) я отправил письма Сефер-паше, наибу и прочим вождям племен; в этих письмах я объявлял, что я послан его императорским величеством султаном для командования военными силами Черкесии... Поведение полковника Лапинского не внушало мне большой уверенности... Через несколько недель после прибытия польского отряда в Шапсухо (русские называют его форт Тенгинский), резиденцию Сефер-паши, в Доб прибыл г-н Рёмер на бриге, нагруженном оружием и боевыми припасами, которые мы оставили в Босфоре... Внезапное вторжение русских в мае через Атакум собрало тысячи черкесских воинов из всех частей страны. Впервые черкесы увидели, что их собственная артиллерия с успехом атакует русскую. Хотя это сражение само по себе не было серьезным, однако оно придало значение польскому отряду и мне... Я использовал это настроение черкесов для того, чтобы выполнить свою задачу; я выступил публично как посланец султана; я потребовал повиновения... Позже я узнал, что полковник Лапинский изо всех сил старался разрушить мои планы... Я пытался приобрести сторонников среди офицеров и солдат его отряда, и, так как положение последнего было критическим, я приписал вину за это командиру... Захват русским кораблем нескольких сандалов в портах Суджук и Геленджик дал мне повод удалить полковника на некоторое расстояние от театра войны близ Атакума и совершенно изолировать его... Несколько дней спустя я получил от полковника Лапинского письмо, в котором он сообщал, что в Геленджике нет никаких военных сил и что удержать позицию он не в состоянии... Я лично отправился в Геленджик, и полковник Лапинский на месте разъяснил мне опасность своего положения и неминуемость нападения со стороны русских. Девять дней спустя его предсказание сбылось...

Возбуждение, которое я поддерживал среди офицеров и солдат в Адерби во время и после катастрофы в Геленджике, было лишь следствием принятого мною решения сеять раздоры между полковником Лапинским и его отрядом... Через своих эмиссаров я пустил среди черкесов слух, будто полковник продал пушки русским... Я поддался обману полковника, меня обманула его притворная искренность, но, как оказалось, он следил за мной с большей бдительностью, нежели когда-либо раньше...

Согласно данным мне инструкциям, я должен был завязать сношения с русским генералом... Мое анонимное письмо, которое в настоящее время находится в руках комиссии, должно было служить началом постоянной переписки, но по глупости русского командира оно попало вам в руки...

Внезапно полковник Лапинский сбросил маску и, напрямик объявив мне в доме Сефер-паши, что он не признает меня ни своим начальником, ни командующим войсками Черкесии, прервал со мной всякие сношения... и дал также приказ в этом смысле своему польскому отряду. Я попытался отстранить его от должности другим приказом по отряду, обращенным к солдатам, но мои старания оказались тщетны...

(Подпись) *Мехмед-бей»*

(№ 5) Письмо Яноша Бандьи генералу Филипсону.

«Разве не в интересах России замирить Черкесию? Можно ценой огромных жертв овладеть на короткое время равнинами Черкесии, но завоевать горы и естественные крепости не удастся никогда. Русские пушки утратили свое значение. Черкесская артиллерия будет успешно отвечать русской. Черкесы уже не те, какими были пять лет назад; поддерживаемые небольшой регулярной армией, они сражаются так же хорошо, как и русские войска, и будут бороться до последнего человека за свою веру и свое отечество. Не лучше ли будет дать черкесам нечто вроде мнимой свободы, установить в Черкесии власть какого-нибудь национального князя и держать этого князя под покровительством русского царя? Словом, превратить Черкесию во вторую Грузию или в нечто подобное? Если Черкесия будет тесно связана с Россией, для русских будут открыты дороги в Анатолию и Индию. Sapienti sat*. На этой основе можно было бы начать переговоры. Обдумайте и дайте ответ».

(№ 6) Приговор 20 января 1858 года:

«Заслушав признания полковника Мехмед-бея на заседаниях 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 11 января и заслушав показания свидетелей на заседании 9 января, военный суд на своем сегодняшнем заседании объявляет Мехмед-бея, в силу его признания и показаний свидетелей, уличенным в измене стране и в тайной переписке с врагом, объявляет его лишенным чести и военного чина в этой стране и приговаривает его к смерти — единогласно.

Подписи: *Якуб Бекерт,* рядовой; *Филипп Тертельтауб,* бомбардир; *Матей Беднейзек,* сержант; *Отто Линовский,* канонир; *Францитек Сток,* подпоручик; *Антоний Крысчевич,* подпоручик; *Михал Марецкий,* поручик; *Леон Завадский,* канонир; *Станислав Танцковский,* младший капрал; *Ян Гаманиский,* сержант; *Александр Михицкий,* старший сержант; *Казимир Выстоцкий,* подпоручик; *Юзеф Араноский,* поручик; *Петр Станкевич,* капитан; *Теофиль Лапинский,* полковник».

К вышеприведенным документам нам остается только прибавить, что Сефер-паше не хотелось привести в исполнение смертный приговор над человеком, который имел чип полковника в армии султана, и поэтому он отправил его под конвоем в Трапезунд. Венгры, жившие в Константинополе, заявили, что сообщение о предательстве Мехмед-бея есть чистая клевета; однако польские офицеры немедленно опротестовали это заявление и грозили в случае надобности опубликовать документы, относящиеся к этому делу. Выше мы привели эти документы в выдержках, ибо они бесспорно представляют собой чрезвычайно любопытный вклад в историю черкесской войны.

* — Для мудрого достаточно. *Ред.*

Относительно поведения русского посольства во время этого дела мы можем привести еще следующие факты. В Константинополе было хорошо известно, что пароход «Кенгуру» был зафрахтован для перевозки войск и военных припасов в Черкесию. Однако русское посольство ни словом не обмолвилось Порте относительно этой экспедиции; но в тот самый день, когда «Кенгуру» вышел из Босфора, русский посол направил Порте протест и добился назначения следствия, дабы обнаружить инициаторов этой экспедиции. Посольство напрягло все усилия, чтобы впутать в дело графа Замойского, который в это время находился в Константинополе, но потерпело полное фиаско. Тогда, очевидно по требованию России, генерал Штейн и Исмаил-паша были отправлены в ссылку за участие в этой истории. После нескольких месяцев ссылки, по случаю какого-то праздника в русской императорской фамилии, генералу Штейну и Исмаил-паше, опять-таки по просьбе русского посла, было разрешено вернуться в Константинополь.

Критические замечания к документам написаны К. Марксом 18 мая 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5352, 16 июня 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ПРОКЛАМАЦИЯ КАННИНГА И ВОПРОС О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В ИНДИИ

Прокламация лорда Каннинга по поводу Ауда, — в связи с появлением которой мы опубликовали в прошлую субботу несколько важных документов[359], — вновь вызвала обсуждение вопроса о землевладении в Индии; вопрос этот в прошлом был предметом больших споров и разногласий, и существует мнение, что неправильное понимание его повлекло за собой весьма серьезные практические ошибки в управлении теми частями Индии, которые находятся под непосредственным владычеством Англии[360]. Главным в этом споре является вопрос о том, каково, в сущности, положение так называемых заминдаров, талукдаров или сердаров[361] в экономической системе Индии? Следует ли, собственно, рассматривать их как земельных собственников или только как сборщиков податей?

Все согласны в том, что в Индии, как и в большинстве стран Азии, верховное право собственности на землю принадлежит государству. Но в то время как одна сторона в данном споре утверждает, что государство надо рассматривать как собственника земли, сдающего участки в издольное пользование земледельцам, сторонники другой точки зрения считают, что по существу земля в Индии является такой же частной собственностью, как и в любой другой стране, а эта так называемая государственная собственность есть не что иное, как пожалование сувереном прав на землю, теоретически признанное во всех странах, законы которых основаны на феодальном праве, и практически осуществляемое во всех без исключения странах, где государство обладает правом взимать поземельные налоги в размере, соответствующем его нуждам, совершенно

независимо от каких-либо соображений об удобствах владельцев, за исключением лишь соображений политического характера.

Если, однако, допустить, что земля в Индии является частной собственностью и что право на нее частных владельцев так же бесспорно и твердо, как и в других странах, то кого же надлежит считать действительными собственниками? Существуют две категории лиц, претендующих на это положение. Одна из них — это класс, известный под названием заминдаров и талукдаров, которых приравнивали к земельной аристократии и мелкому нетитулованному дворянству в Европе. Их и считают действительными собственниками земли, подлежащими лишь известному обложению в пользу государства и в качестве собственников имеющими право по своему произволу сменять непосредственных земледельцев; последних с данной точки зрения рассматривают только как бесправных арендаторов, обязанных вносить в виде ренты платежи любого размера, какие заминдару заблагорассудится наложить на них. Эта точка зрения, естественно, совпавшая с английскими понятиями о важности и необходимости мелкого нетитулованного дворянства как главной опоры общественного строя, была положена семьдесят лет тому назад, при генерал-губернаторе лорде Корнуоллисе, в основу знаменитого земельного уложения Бенгалии[362] — уложения, которое все еще остается в силе, но которое, как утверждают многие, причинило немало зол как правительству, так и непосредственным земледельцам. Более тщательное изучение обычаев Индостана и тех затруднений как социального, так и политического характера, которые были вызваны бенгальским земельным уложением, привело к тому мнению, что, согласно древним индусским обычаям, собственность на землю принадлежала деревенским общинам, обладавшим правом раздавать ее участками отдельным лицам для обработки; между тем как заминдары и талукдары вначале являлись всего лишь чиновниками правительства, назначавшимися для того, чтобы следить за сбором положенных налогов с деревни, собирать и вносить их князю.

Эта точка зрения оказала значительное влияние на урегулирование прав землевладения и налоговых поступлений, произведенное в последние годы в тех индийских провинциях, непосредственное управление которыми присвоили себе англичане. Создалось мнение, что исключительные права собственности, на которые притязали талукдары и заминдары, происходят из узурпации, произведенных в ущерб как государству, так и земледельцам, и все усилия были приложены к тому, чтобы из-

бавиться от них как от кошмара, тяготеющего над непосредственными земледельцами и препятствующего общему прогрессу страны. Поскольку, однако, эти посредники, каково бы ни было происхождение их прав, могли ссылаться в защиту своих интересов на право давности, нельзя было не признать некоторой доли законности за их претензиями, как бы они ни были тягостны, произвольны и обременительны для народа. В Ауде, при слабой власти туземных князей, эти феодальные землевладельцы зашли очень далеко в деле урезывания как требований правительства, так и прав земледельцев, и когда, после недавней аннексии этого королевства, данный вопрос был подвергнут пересмотру, чиновники, которым было поручено осуществить новое земельное уложение, вскоре вступили с ними в весьма резкий спор относительно действительного объема их прав. Отсюда и возникло среди них недовольство, которое побудило их присоединиться к восставшим сипаям.

Сторонники вышеуказанной политики — а именно, системы общинного землеустройства, — рассматривающей непосредственных земледельцев как обладателей права собственности на землю, превалирующего над правом посредников, через которых государство получает свою долю продукции сельского хозяйства, — эти сторонники защищают прокламацию лорда Каннинга как удачное использование положения, в которое поставило себя в Ауде большинство заминдаров и талукдаров; эта прокламация имеет-де целью проложить путь гораздо более широким реформам, чем те, какие были бы возможны при других обстоятельствах; право собственности, конфискованное этой прокламацией, является, говорят они, только правом заминдаров или талукдаров и затрагивает лишь очень небольшую часть населения, к тому же совершенно не включающую непосредственных земледельцев.

С другой стороны, позиция, занятая в отношении прокламации лорда Каннинга министерством Дерби, вполне соответствует — если отбросить всякого рода рассуждения о справедливости и гуманности — общим принципам, которых придерживается партия тори, или консервативная партия, относительно неприкосновенности законных прав и важности поддержания интересов земельной аристократии. Говоря о классах, связанных с землей в Англии, тори всегда имеют в виду скорее земельных собственников и получателей ренты, чем ее плательщиков и непосредственных земледельцев, а потому и неудивительно, что они склонны приравнивать интересы заминдаров и талукдаров, как бы ни было незначительно в действительности их количество, к интересам широких масс народа.

Однако в том-то и заключается одно из крупнейших неудобств и затруднений в управлении Индией из Англии, что при рассмотрении индийских вопросов легко могут оказывать влияние чисто английские предрассудки и убеждения в применении к такому состоянию общества и такому положению вещей, к которым в действительности они не имеют почти никакого отношения. В опубликованном сегодня сообщении лорд Каннинг весьма убедительно отстаивает намеченную в его прокламации политику, вопреки возражениям комиссара Ауда, сэра Джемса Утрема, хотя, по-видимому, уступая представлениям последнего, Каннинг включил в свою прокламацию смягчающую фразу, отсутствовавшую в первоначальном тексте, присланном в Англию, который лег в основу депеши лорда Элленборо[363].

Мнение лорда Каннинга о том, в каком свете следует рассматривать поведение землевладельцев Ауда, присоединившихся к восстанию, по-видимому, не особенно расходится с мнением сэра Джемса Утрема и лорда Элленборо. Лорд Каннинг утверждает, что позиция этих землевладельцев весьма сильно отличается не только от позиции мятежных сипаев, но и от позиции жителей тех восставших округов, где британское управление существует уже давно. Он допускает, что к ним следует относиться как к лицам, действия которых были спровоцированы; но в то же самое время он настаивает на необходимости внушить им, что нельзя затевать мятеж, не навлекая на себя тем самым серьезных последствий. Мы вскоре узнаем, какое действие оказало издание этой прокламации и кто был ближе к истине в своих суждениях о ее возможных последствиях — лорд Каннинг или сэр Джемс Утрем.

Написано К. Марксом 25 мая 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5344, 7 июня 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ФИНАНСОВЫЕ МАНЕВРЫ БОНАПАРТА. — ВОЕННЫЙ ДЕСПОТИЗМ

Париж, 27 мая 1858 г.

Теперь уже никто не может оспаривать того, что бонапартовское казначейство находится в состоянии развала. Сам «спаситель собственности»[364] открыто объявил об этом. Иначе нельзя объяснить циркулярное письмо генерала Эспинаса к французским префектам, призывающее их использовать свое влияние, а «если нужно, то применить и власть», чтобы заставить попечителей больниц и прочих благотворительных учреждений обратить недвижимую собственность, из которой они извлекают свои доходы, в 3%-ные консоли. Эта собственность оценивается в 100000000 долларов, но, как сетует Бонапарт от имени бедняков, она приносит не более $2^1/_2$% дохода. Если ее вложить в государственные бумаги, то доход увеличится по крайней мере наполовину. Движимый чувством отеческой заботы, Бонапарт недавно предложил Государственному совету внести закон об этом обращении земельной собственности благотворительных учреждений в государственные процентные бумаги, но, как это ни странно, его собственный Государственный совет упрямо отказывался понять сделанный ему намек. Таким образом, то, что ему не удалось провести законодательным путем, Бонапарт пытается теперь осуществить «посредством исполнительной власти», с помощью военного ordre du jour*. Есть достаточно простодушные люди, которые воображают, что этим маневром он стремится только к тому, чтобы увеличить сумму государственных ценных бумаг. Нельзя представить себе ничего более далекого от истины. Если бы упомянутая выше

* — приказа. *Ред.*

земельная собственность была продана по своей номинальной стоимости в 100000000 долларов, то значительная часть денег для ее покупки была бы, конечно, взята из того капитала, который до сих пор был вложен в консоли и прочие государственные ценные бумаги, так что искусственно созданный спрос на ценные бумаги был бы покрыт массовым выбрасыванием **их** на открытый рынок. В результате подобной операции могла бы даже получиться дальнейшая депрессия на рынке ценных бумаг. Но план Бонапарта отличается гораздо большей практичностью и простотой. Взамен земельной собственности на сумму в 100000000 долларов он намеревается создать на 100000000 долларов новой ренты. Одной рукой он собирается захватить собственность благотворительных учреждений, а другой — вознаградить их выдачей им чека на «grand livre»* нации. Нам уже приходилось однажды, при рассмотрении закона 1857 г. о Французском банке**, подробно останавливаться на вопросе о громадных привилегиях, пожалованных Бонапартом Банку за счет государства в целях обеспечения себе жалкого займа в 20000000 долларов. Мы тогда считали этот закон о Французском банке финансовым воплем отчаяния со стороны «спасителя общества», но с тех пор катастрофа, обрушившаяся на французскую торговлю, промышленность и сельское хозяйство, ударила рикошетом также по казначейству, расходы которого и без того повышались в ужасающей пропорции. Для различных министерств фактически требуется в 1858 г. на 79804004 фр. больше, чем требовалось в 1855 году; расходы на одну только армию составляют 51% всех бюджетных доходов страны. Crеdit Mobilier, последний отчет которого, если ближе к нему присмотреться, показывает значительное превышение пассива над активом и который не в состоянии выплачивать дивиденд своим собственным акционерам, уже не может, по примеру 1854 и 1855 гг., прийти на выручку и помочь выпустить заем на «демократических» началах. Таким образом, Бонапарту не остается ничего иного, как вернуться к своим первоначальным принципам coup d'еtat*** в области финансовой так же, как ему это пришлось уже сделать в области политической. Финансовая политика, начатая кражей из подвалов Банка 25000000 фр. и в дальнейшем выразившаяся в конфискации имений Орлеанской фамилии, должна получить теперь свое дальнейшее развитие в виде конфискации собственности благотворительных учреждений.

* — «долговую книгу». *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 231—234. *Ред.*
*** — государственного переворота. *Ред.*

Однако эта последняя операция будет стоить Бонапарту одной из его армий, а именно, его армии попов, управляющих огромным большинством благотворительных учреждений. «Univers» впервые со времени coup d'état отваживается уже открыто не соглашаться со «спасителем общества» и даже умоляет «Siècle»[365] объединяться для борьбы против этого подготовляющегося покушения на «частную собственность».

В то время как «старший сын церкви»* находится в таком довольно двусмысленном положении по отношению к своей святой армии, его земная армия также грозит выйти из повиновения. Если он всерьез попытается помешать развлечениям таких героев, как господа де Мерси, Леоде и Иенн, то он потеряет свой авторитет в единственной части армии, на которую он может положиться. Если же, напротив, он даст волю коррупции преторианцев, которую он систематически поощрял с самого дня парада в лагере Сатори, то наступит конец всякой дисциплине, и армия окажется неспособной выдержать малейшего толчка извне. Еще одно такое событие, как убийство редактора «Figaro»[366], и этот толчок будет дан. О господствующем повсюду общем негодовании можно судить по одному тому факту, что когда весть о дуэли долетела до Парижа, то около 5000 молодых людей толпами стали стекаться к bureaux** «Figaro», прося занести их имена в список лиц, готовых драться с любым подпоручиком, который принял бы вызов. Конечно, «Figaro» сама является бонапартовской креатурой, возглавляющей тот сорт журналистики скандала, шантажа и клеветы, который сразу вырос вслед за насильственным подавлением политической прессы, найдя благоприятную почву и атмосферу для своего пышного расцвета в условиях нынешней малой Империи. Ирония истории весьма тонко выражается в том, что сигналом к надвигающемуся конфликту может послужить кровопролитная схватка между литературными и военными представителями бонапартовской клики.

Написано К. Марксом 27 мая 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5348, 11 июня 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — Наполеон III. *Ред.*

** — редакции. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

Несмотря на крупные военные операции англичан при взятии сперва Дели, а затем Лакнау — городов, служивших один за другим главными центрами восстания сипаев, усмирение Индии еще далеко не закончено. В сущности можно, пожалуй, утверждать, что настоящие трудности в этом отношении только еще начинаются. Пока восставшие сипаи держались вместе большими массами, пока война носила характер осад и решительных сражений крупного масштаба, огромное превосходство английских войск в такого рода военных действиях давало последним все преимущества. Но при том новом характере, какой принимает война в настоящее время, эти преимущества будут, вероятно, в значительной степени утрачены. Взятие Лакнау еще не влечет за собой покорения Ауда, и даже покорение последнего не приведет к усмирению Индии. Все королевство Ауд изобилует более или менее значительными крепостями, и хотя, быть может, ни одна из них не будет в состоянии долго выдерживать правильную осаду, все же взятие этих крепостей одной за другой не только явится очень трудным и затяжным делом, но и будет сопряжено относительно с гораздо большими потерями, нежели операции против таких крупных городов как Дели и Лакнау.

Однако предстоит завоевывать и усмирять не одно только королевство Ауд. Разбитые сипаи, вытесненные из Лакнау, рассеялись и бежали во всех направлениях. Большое число их нашло себе убежище на севере, в гористых районах Рохилканда, который все еще целиком остается в руках повстанцев. Другие бежали в восточном направлении, в Горакхпур; хотя

британская армия при своем марше на Лакнау прошла через этот район, его все же придется теперь завоевывать вторично. Многим повстанцам удалось пробраться на юг, в Бунделкханд.

В самом деле, возникали, видимо, даже споры о том, как лучше действовать и не лучше ли было бы покорить сперва все отдаленные районы, где повстанцы могли бы найти себе убежище, и только после этого направить свои операции против их главных сил, сосредоточенных в Лакнау, Таков, говорят, был план действий, который предпочитали военные; однако трудно понять, каким образом можно было с ограниченным числом войск, имеющимся в распоряжении англичан, оккупировать эти окрестные районы так, чтобы помешать бегущим сипаям проникнуть туда, после того как они были бы окончательно вытеснены из Лакнау, и в то же время избежать необходимости — как это было в Горакхпуре — вторично завоевывать эти районы.

Со времени взятия Лакнау главные силы повстанцев, по-видимому, отступили по направлению к Барейли. Передают, что и Нана Сахиб находился там. Было признано необходимым предпринять летом поход на этот город и район, находящиеся иа расстоянии свыше ста миль к северо-западу от Лакнау, и, по последним сообщениям, туда отправился сам сэр Колин Кэмпбелл.

Между тем, однако, партизанская война распространяется, по-видимому, в различных направлениях. В то время как войска оттягиваются к северу, отдельные разрозненные группы восставших солдат переправляются через Ганг в Доаб, прерывая связь с Калькуттой и своими опустошениями лишая земледельцев возможности уплачивать их поземельный налог или, по крайней мере, давая им повод не вносить его.

Даже взятие Барейли не только не явится средством против всех этих зол, но, по всей вероятности, еще увеличит их. Преимущество сипаев заключается именно в этом беспорядочном способе ведения войны. В быстроте передвижения они в такой же мере превосходят английские войска, в какой последние имеют возможность превзойти их в сражениях. Английская колонна не может двигаться со скоростью двадцать миль в день, а отряд сипаев делает сорок, при большом же напряжении даже и шестьдесят миль в день. Эта быстрота передвижения и составляет главное достоинство синайских войск, что, в соединении с их способностью переносить климат и сравнительной легкостью их продовольствования, делает их незаменимыми для войны в Индии. Потери английских войск во время боевых действий, особенно во время летних кампаний, огромны. Уже теперь остро

чувствуется недостаток в людях. Быть может, придется преследовать ускользающих повстанцев с одного края Индии до другого. Для этой цели европейские войска вряд ли окажутся пригодными, а соприкосновение бродящих всюду повстанцев с туземными полками из Бомбея и Мадраса, которые до сих пор оставались верными присяге, может привести к новым восстаниям.

Но даже и без присоединения новых повстанцев в районе военных действий все еще имеется не менее ста пятидесяти тысяч вооруженных людей, между тем как безоружное население не оказывает англичанам никакой поддержки и не сообщает им необходимых сведений.

К тому же отсутствие дождей в Бенгалии грозит голодом — бедствием, невиданным в нынешнем столетии, хотя в прежние времена, и даже после захвата Индии англичанами, оно являлось источником ужасающих страданий.

Написано Ф. Энгельсом в конце мая 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5351, 15 июня 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

* АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ В ИНДИИ

Любовь к ярким описаниям недавно побудила нашего неосмотрительного собрата по перу, г-на Уильяма Рассела из лондонской газеты «Times», еще раз так изобразить картину разграбления Лакнау, что за границей получат не особенно лестное представление об английском национальном характере. Теперь выясняется, что и Дели послужил источником весьма значительной «добычи» и что, кроме Кайсарбага, самому городу Лакнау также пришлось вознаградить британских солдат за их предыдущие лишения и героические усилия. Приводим слова г-на Рассела:

«Имеются роты, которые могут похвастаться, что в их рядах есть солдаты, обладающие ценностями на тысячи фунтов стерлингов. Мне передавали, что один солдат с самодовольным видом предлагал офицеру взаймы «какую угодно сумму, если тот желает купить чин капитана». Другие солдаты пересылали крупные суммы своим друзьям. Не успеет это письмо дойти до Англии, как множество бриллиантов, изумрудов и отборного жемчуга самым мирным и приятным образом расскажут свою повесть о штурме и разграблении Кайсарбага. *К счастью, прелестные обладательницы этих блестящих безделушек... не видали, как они были добыты, и не представляют себе сцен, сопровождавших захват этих сокровищ...* Некоторые из офицеров буквально нажили себе *целые состояния...* В потертых походных сумках для обмундирования спрятаны иной раз маленькие шкатулки, которые содержат целые *имения в Шотландии и Ирландии* и уютные загородные домики для любителей охоты и рыбной ловли во всех богатых дичью и форелью уголках мира».

Этим, стало быть, и объясняется бездействие британской армии после взятии Лакнау. Две недели, посвященные грабежу,

были потрачены недаром. Офицеры и солдаты вошли в город бедняками или обремененными долгами, а вышли из него внезапно разбогатевшими. Это были уже не те люди, что раньше, а от них ожидали, что они вернутся к своим прежним воинским обязанностям, к покорности, молчаливому повиновению, готовности выносить усталость, лишения и участвовать в боях. Однако ни о чем подобном не могло быть более и речи. Армия, которую распустили для грабежа, меняется навсегда; ее не могут вернуть в прежнее состояние никакие слова команды, никакой авторитет военачальника. Послушайте еще раз г-на Рассела:

«Любопытно наблюдать, как богатство развивает определенную болезнь, как под влиянием награбленного человек становится желчным и какие огромные опустошения в его семье, среди самых близких и самых дорогих, могут причинить несколько кристаллов углерода... Тяжелый пояс, набитый рупиями и золотыми могурами, убеждает его в том, что его мечты» (о комфортабельном, независимом существовании на родине) «могут стать действительностью, и неудивительно, что его раздражает команда «становись, становись!»... Два сражения, два дележа военной добычи, разграбление двух городов и много случаев мелкой поживы мимоходом — все это сделало некоторых из наших солдат слишком богатыми для солдатского ремесла».

В результате мы узнаем, что свыше 150 офицеров подали сэру Колину Кэмпбеллу прошение об отставке, — поистине небывалый поступок в войсках, стоящих лицом к лицу с неприятелем, поступок, который в любой другой армии повлек бы за собой разжалование в двадцать четыре часа и другие строжайшие наказания; но, как видно, в британской армии на него смотрят как на нечто вполне естественное для «офицера и джентльмена», внезапно составившего себе состояние. Что же касается рядовых солдат, то с ними дело обстоит иначе. Грабеж порождает жажду нового грабежа; и если для этой цели нет больше под рукой индийских сокровищ, то почему не пограбить сокровища британского правительства? Поэтому, как рассказывает г-н Рассел:

«Был случай, когда подозрительным образом опрокинулись две повозки с денежными ящиками, которые охранялись стражей из европейцев, причем обнаружилась пропажа некоторого количества рупий, вследствие чего *для выполнения деликатного задания по конвоированию казначеи предпочитают туземных солдат!»*

Недурно, не правда ли! Индусский или сикхский солдат более дисциплинирован, менее вороват и менее жаден, чем британский солдат, этот несравненный образец воина! Впрочем, до сих пор мы видели только, как действует отдельный британец. Посмотрим теперь, как охотится за «добычей» британская армия в целом:

«Трофейное имущество увеличивается с каждым днем, и, согласно оценке, распродажа его даст 600000 фунтов стерлингов. *Говорят, что город Канпур завален добром, награбленным в Лакнау;* и если бы возможно было вычислить стоимость ущерба, причиненного общественным зданиям, стоимость разрушенного частного имущества, стоимость ущерба, нанесенного домам и земельным участкам, и подсчитать результаты истребления населения, то оказалось бы, что *столица Ауда понесла потери в сумме пяти или шести миллионов фунтов стерлингов»*.

Калмыцкие орды Чингис-хана и Тимура, налетавшие на города, подобно тучам саранчи, и пожиравшие все, что попадалось им на пути, были, вероятно, благодеянием для страны по сравнению с нашествием этих христианских, цивилизованных, рыцарственных и великодушных британских солдат. Первые, по крайней мере, быстро проходили дальше по своему пути кочевников; а эти привыкшие к порядку англичане повсюду приводят с собой своих агентов по подсчету трофеев, которые превращают грабеж в систему, регистрируют награбленное, продают его с аукциона и бдительно следят за тем, чтобы британские герои не были обмануты в своем праве на награду. Любопытно будет наблюдать, на что окажется способной эта армия с ее дисциплиной, ослабленной массовым грабежом, в момент, когда трудности похода в жаркое время года потребуют строжайшей дисциплины.

Впрочем, индийцы к этому времени должны быть еще менее пригодны для регулярных военных действий, чем они были под Лакнау, но главный вопрос заключается теперь не в этом. Гораздо важнее знать, что надо предпринять в том случае, если повстанцы, оказав мнимое сопротивление, снова переменят район военных действий — перенесут его, например, в Раджпутану, которая еще далеко не покорена. Сэру Колину Кэмпбеллу приходится повсюду оставлять гарнизоны; его полевая армия растаяла более чем наполовину по сравнению с численностью его войск, которые действовали под Лакнау. А если придется оккупировать Рохилканд, то какие силы останутся у него для боевых действий в открытом поле? В настоящее время он застигнут жарким временем года; в июне дожди, по-видимому, приостановили активные военные действия и дали повстанцам передышку. Потери среди солдат-европейцев от болезней, вероятно, ежедневно возрастали с середины апреля, когда погода стала невыносимо знойной, и, должно быть, молодые солдаты, привезенные в Индию прошлой зимой, гибнут от тяжелых климатических условий в значительно большем количестве, чем закаленные участники индийских походов, которые прошлым летом сражались под командой Хавлока и Уилсона. Рохилканд не является более решающим пунктом,

каким были Лакнау или Дели. Правда, восставшие в значительной степени утратили способность к решительным боям, но в настоящее время, будучи рассеяны повсюду, они гораздо опаснее, что вынуждает англичан губить свою армию походами в неблагоприятных климатических условиях. Обратите внимание на большое количество новых центров сопротивления. Это Рохилканд, где собралась масса бывших сипаев; это северо-восточная часть Ауда, по ту сторону Гогры, где закрепились аудийцы; это Калпи, который в настоящее время служит местом сосредоточения для повстанцев Бунделкханда. Весьма вероятно, что через несколько недель, если не раньше, мы услышим, что пали и Барейли, и Калпи. Взятие Барейли будет иметь мало значения, поскольку эта операция поглотит все или почти все силы, находящиеся в распоряжении Кэмпбелла. Более важным явится завоевание Калпи, которому угрожают теперь генерал Уитлок, приведший свой отряд из Нагпура в город Банду, находящийся в Бунделкханде, и генерал Роуз, приближающийся со стороны Джханси и уже нанесший поражение авангарду калпийских войск; падение Калпи освободит Канпур — операционную базу Кэмпбелла — от единственной угрожающей этому городу опасности и таким образом, быть может, позволит Кэмпбеллу пополнить свои полевые войска некоторым количеством освободившихся в связи с этим отрядов. Однако весьма сомнительно, будет ли у него достаточно войск, чтобы сделать что-нибудь еще, кроме очистки Ауда от повстанцев.

Таким образом, самая сильная английская армия, какая когда-либо была сосредоточена в Индии в одном пункте, теперь снова разбросана по всем направлениям, и ей предстоит больше дел, чем она в состоянии выполнить. Опустошения, причиняемые климатом во время летней жары и дождей, должны быть ужасны; и, каково бы ни было моральное превосходство европейцев над индийцами, еще большой вопрос, не окажется ли снова физическое превосходство индийцев, не боящихся жары и дождей индийского лета, тем средством, которое может истребить английские военные силы. В настоящее время на пути в Индию находится лишь небольшое количество британских войск, и раньше июля или августа не предполагается посылать туда крупных подкреплений. Поэтому до самого октября и ноября у Кэмпбелла остается только одна эта армия, с которой ему придется продержаться, но которая быстро тает. Каково же будет положение, если мятежным индийцам удастся тем временем поднять восстание в Раджпутане и в стране маратхов? Что, если восстанут сикхи, которых в английской армии 80000 человек, которые склонны присваивать себе всю честь

побед и настроены не вполне благожелательно по отношению к англичанам?

В общем итоге англичанам, по-видимому, предстоит по меньшей мере еще одна зимняя кампания в Индии, а ее невозможно провести, если из Англии не будет прислана еще одна армия.

Написано Ф, Энгельсом около 4 июня 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daly Tribune» № 5361, 26 июня 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ТОРГОВЛИ

Лондон, 8 июня 1858 г.

Статистические материалы о торговле и судоходстве, только что опубликованные британским министерством торговли, включают данные об объявленной стоимости экспорта из Соединенного королевства за три месяца 1858 г., истекшие 31 марта, по сравнению с соответствующим периодом 1857 года; данные о количестве и тоннаже судов с грузом, прибывших и отплывших за четыре месяца 1858 г., истекшие 30 апреля, по сравнению с соответствующими периодами 1856 и 1857 гг. и, наконец, данные об основных статьях экспорта и импорта за четырехмесячный период, истекший 30 апреля 1858 года. Стоимость экспорта за апрель 1858 г. составляет 9451000 ф. ст. против 9965000 ф. ст. в 1857 г. и 9424000 в 1856 г., тогда как стоимость экспорта за первые четыре месяца 1858 г. упала приблизительно на 6000000 фунтов стерлингов. Таким образом, британский экспорт в апреле 1858 г., казалось бы, не только превысил уровень 1856 г., но почти достиг показателей 1857 г., причем за несколько месяцев до того, как в Соединенных Штатах разразился торговый кризис. Отсюда можно было бы заключить, что последние следы кризиса быстро исчезают и что британская торговля, по меньшей мере, снова вступает в новую полосу оживления. Однако такой вывод был бы глубоко ошибочным. Прежде всего нужно иметь в виду, что официальная статистика, поскольку она касается объявленной стоимости, отражает не фактические данные, а собственные оценки экспортеров. К тому же, более внимательное изучение данных об экспорте убеждает нас в том, что кажущееся оживление британской торговли вызвано главным образом чрезмерным экспортом в Ост-Индию, что должно привести к сильному сокращению

этого рынка. В последнем торговом циркуляре фирмы Джордж Фрейзер и К° уже писалось:

«Только что полученные сообщения с Востока свидетельствуют о симптомах снижения цен по сравнению с чрезвычайно высоким уровнем их в Бомбее и Калькутте в тот период, когда поставки в эти города были ограничены. Значительное снижение цен уже произошло по прибытии грузов, отправленных из Англии не позднее декабря. С тех пор оба рынка снабжаются весьма щедро, вернее даже слишком обильно, и поэтому мы должны ожидать, по-видимому, в течение некоторого времени меньшей поддержки уровня цен, которая обусловливается оживленным спросом на Востоке с начала января».

Помимо Индии, те из европейских и других стран, которых до сих пор еще не коснулся торговый кризис, были завалены британскими товарами не вследствие повысившегося спроса, а просто ради эксперимента. Облагодетельствованными таким образом странами оказались Бельгия, Испания и ее колонии, некоторые итальянские государства — в особенности Королевство обеих Сицилий, — Египет, Мексика, Центральная Америка, Перу, Китай и еще некоторые малозначительные рынки. В то самое время, когда, в связи с очень плохими вестями из Бразилии, общий экспорт в эту страну был приостановлен, отдельные отрасли британской промышленности, вынужденные искать отдушины для излишков своей продукции, не только не сократили, но даже форсировали посылку товаров на этот рынок. Так, в течение апреля возросли и количество и объявленная стоимость вывезенных в Бразилию льняных тканей, гончарных и фарфоровых изделий. Такого рода экспорт никак нельзя считать экспортом bona fide*. То же самое замечание относится и к Австралии, которая в первые месяцы кризиса служила столь эластичным центром поглощения товаров. Австралия была тогда и остается еще теперь заваленной товарами; внезапно наступила некоторая реакция; общий экспорт в эту страну сократился, но все же, несмотря на предостережения всех местных австралийских газет, отдельные отрасли британской промышленности, вместо того чтобы уменьшить свои поставки, фактически увеличили их, разумеется, со спекулятивными целями. Поэтому отчеты по экспорту за апрель нужно рассматривать не как bona fide показатель оживления британской промышленности, а лишь как щупальца, выпущенные для того, чтобы установить, какое давление способны выдержать в настоящее время различные рынки мира. Следующая таблица содержит данные об объявленной стоимости британского и ирландского экспорта за три месяца 1858 г., истекшие 31 марта, по сравнению с соответствующим периодом 1857 года:

* — подлинным. *Ред.*

Иностранные государства, в которые вывозились товары

	1857 г.	1858 г.
		ф. ст.
Россия, северные порты	3 015	8 853
Россия, южные порты	72 777	42 493
Швеция	48 007	3 717
Норвегия	30 217	5 911
Дания	92 046	40 148
Пруссия	133 000	78 917
Мекленбург	9 502	3 099
Ганновер	288 648	236 689
Ольденбург	3 520	1 957
Ганзейские города	2 318 260	1 645 419
Голландия	1 305 606	975 428
Бельгия	515 175	546 033
Франция	1 631 672	1 035 096
Собственно Португалия	380 160	356 178
Азорские острова	10 793	12 581
Мадейра	9 955	16 245
Испания	496 788	584 287
Канарские острова	18 817	8 475
Сардиния	290 131	293 138
Тоскана	189 584	257 508
Папские владения	69 953	123 059
Королевство обеих Сицилий	284 045	375 177
Австрийские территории	253 042	323 086
Греция	40 860	69 570
Турция	969 288	821 204
Валахия и Молдавия	111 052	93 135
Сирия и Палестина	199 070	81 874
Египет (порты на Средиземном море)	449 497	483 516
Тунис	865	2 323
Алжир	4 790	4 831
Марокко	55 826	37 206
Западный берег Африки (не британский)	235 527	196 484
Восточный берег Африки	301	1 927
Африканские порты на Красном море	1 130	567
Острова Зеленого Мыса	2 419	3 965
Ява	234 071	149 493
Филиппинские острова	144 992	212 942
Китай (без Гонконга)	290 441	389 647
Острова Полинезии	—	585
Вест-Индия (не британская)	620 022	321 435

Продолжение

	1857 г.	1858 г.
	ф. ст.	
Соединенные Штаты (порты на Атлантическом океане)	6 231 501	2 565 566
Калифорния	50 219	94 147
Мексика	112 277	151 890
Центральная Америка	22 453	46 201
Новая Гранада	88 502	117 411
Венесуэла	105 417	62 683
Эквадор	2 099	—
Бразилия	1 292 323	826 583
Уругвай	145 481	177 281
Буэнос-Айрес	285 187	279 913
Чили	336 309	270 176
Перу	209 889	299 725
Всего в иностранные государства	20 636 473	14 940 756
Британские владения Острова Ла-Манша	136 071	120 431
Гибралтар	152 826	210 575
Мальта	116 821	131 238
Ионические острова	66 148	52 849
Западный берег Африки (британский)	135 452	62 343
Мыс Доброй Надежды	442 796	403 579
Наталь	26 605	23 106
Остров Вознесения	3 832	2 308
Остров Св. Елены	3 837	8 416
Остров Маврикий	142 303	164 042
Аден	11 263	11 986
Британские территории в Ост-Индии (без Сингапура и Цейлона)	2 822 000	3 502 664
Сингапур	101 535	308 545
Цейлон	98 817	153 090
Гонконг	133 743	242 757
Западная Австралия	15 515	13 813
Южная Австралия	180 123	249 162
Новый Южный Уэльс	706 337	682 265
Виктория	1 427 248	1 056 537
Тасмания	67 550	82 942
Новая Зеландия	96 893	93 768
Британские колонии в Северной Америке	818 560	439 433

Продолжение

	1857 г.	1858 г.
	ф. ст.	
Британские острова в Вест-Индии	334 024	426 421
Британская Гвиана	122 249	95 385
Гондурас (британские поселения)	28 362	31 869
Всего в британские владения	8 191 020	8 569 534
Всего в иностранные государства и британские владения	28 827 493	23 510 290

По мнению «Economist», тщательный анализ этих цифр «вскрывает любопытный факт, что сокращение британского экспорта относится исключительно к торговле с иностранными государствами, а не с собственно английскими *колониальными* владениями». Действительно, вышеприведенную таблицу можно в сжатом виде изобразить следующим образом:

Вывезено за три месяца

	1857 г.	1858 г.
	ф. ст.	
В иностранные государства	20 636 473	14 940 756
В британские владения	8 191 020	8 569 534
Всего	28 827 493	23 510 290

И все же выводы, к которым приходит «Economist», представляются нам ошибочными. Согласно итоговым данным, получается, что торговля с иностранными государствами сократилась на сумму 5695717 ф. ст., а колониальная торговля за то же время возросла на 378514 фунтов стерлингов. Однако если не брать в расчет увеличение экспорта в такие центры британской контрабандной торговли, как Гибралтар, Мальта, Гонконг, и в такие пункты, как Сингапур, являющиеся лишь складами для торговли с иностранными государствами, то общее сокращение колониальной торговли становится очевидным, а если не брать в расчет еще и Индию, то это сокращение окажется весьма значительным. По торговле с иностранными государствами сокращение падает главным образом на следующие страны:

	1857 г.	1858 г.
	ф. ст.	
Соединенные Штаты	6 231 501	2 565 566
Бразилия	1 292 325	826 583
Ганзейские города	2 318 260	1 645 410
Франция	1 631 672	1 035 096
Голландия	1 305 606	975 428

Данные о судоходстве показывают, что число и тоннаж прибывших в Англию британских судов слегка возросли, но число и тоннаж отплывших судов сократились. Из иностранных государств первое место по судоходству по-прежнему занимают Соединенные Штаты. Следующие цифры показывают количество американских судов, прибывших в британские порты и отплывших из них:

	1856 г.		1857 г.		1858 г.	
	Суда	Тоннаж	Суда	Тоннаж	Суда	Тоннаж
			Принято			
Соединенные Штаты	382	383 255	367	366 407	366	366 650
			Отправлено			
Соединенные Штаты	414	395 102	440	427 221	343	321 015

Из тех же данных явствует, что Норвегия, Дания и Россия являются странами, на судоходстве которых торговый кризис отразился, по-видимому, особенно тяжело.

Написано К. Марксом 8 июня 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5356, 21 июня 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АНГЛИИ. — ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ

В настоящее время Англия представляет любопытное зрелище разложения, охватившего государственные верхи, в то время как основа общества в целом кажется незыблемой. Не слышно ни о каких волнениях среди народных масс, зато происходят явные изменения среди тех, кто ими управляет. Но в самом ли деле верхние слои общества распадаются, в то время как нижние по-прежнему пребывают в состоянии застойной оцепенелости? Разумеется, мы имеем в виду не циничные попытки Пальмерстона и его приспешников «добыть себе» казначейство[367]. Борьба между теми, кто стоит у власти, и оппозицией является такой же постоянной чертой парламентской истории Англии, как вооруженные столкновения между политическими изгнанниками и их гонителями в средневековых летописях итальянских городов. Но вот перед нами лидер тори в палате общин[*], который заканчивает свою речь таким зловещим заявлением:

«между нами» (радикалами и тори) «существует нечто, соединяющее нас как в палате, так и в стране — это то, что мы более не хотим быть ни орудиями, ни жертвами пережившей себя олигархии!»

А вот палата лордов, которая принимает один из пунктов Народной хартии — отмену имущественного ценза для членов палаты общин[368]; вот потомок вигского реформатора, лорд Грей, предупреждающий своих высокородных коллег, что они идут к «полной революции во всей системе своего пра-

[*] — Дизраэли. *Ред.*

вления и в характере своей конституции»; вот герцог Ратленд, смертельно напуганный перспективой проглотить «полностью все пять пунктов Хартии, а может быть и еще что-нибудь вдобавок». А вот и лондонская газета «Times», которая сегодня зловещим тоном предупреждает буржуазию о том, что Дизраэли и Булвер не желают ей добра и для обуздания ее могут объединиться с подлой чернью, а назавтра предостерегает земельную аристократию от опасности быть задушенной мелкими лавочниками, которые войдут-де в силу в связи с биллем Лока Кинга, только что прошедшим через палату общин во втором чтении, ибо он распространяет избирательные права в графствах на съемщиков помещений, уплачивающих 10 ф. ст. аренды в год.

Дело в том, что обе правящие олигархические партии в Англии уже давно превратились в простые клики без каких бы то ни было определенных принципов. После безуспешных попыток создать сначала коалицию, а потом диктатуру, они пришли теперь к тому положению, когда каждая из них может надеяться продлить свою жизнь, лишь вручив свои общие интересы в руки их общего врага — буржуазной радикальной партии, которая в палате общин имеет сильного представителя в лице Джона Брайта. До нынешнего времени тори являлись аристократами, правившими от имени аристократии, а виги—аристократами, правившими от имени буржуазии; но с тех пор как буржуазия стала править от своего собственного имени, роль вигов кончилась. Тори, чтобы не допустить вигов к власти, будут уступать напору буржуазной партии до тех пор, пока терпение вигов не истощится и эти олигархи не убедятся, что ради спасения интересов своей клики они должны раствориться в рядах консерваторов и отказаться от своих традиционных претензий быть представителями либеральных интересов или составлять самостоятельную силу. Поглощение фракции вигов фракцией тори и их совместное превращение в одну аристократическую партию, противостоящую новой буржуазной партии, которая действует под руководством своих собственных вождей, под своими собственными знаменами и со своими собственными лозунгами, — вот процесс, свидетелями которого мы являемся в настоящее время в Англии.

Если мы примем во внимание это внутреннее положение Англии, да еще сопоставим с ним то обстоятельство, что индийская война будет по-прежнему поглощать ее людей и деньги, нам станет совершенно ясно, что Англия уже не сможет, как в 1848 г., служить препятствием явно приближающейся европейской революции. Существует еще одна великая держава, которая десять лет тому назад чрезвычайно энергично сдерживала

напор революции. Мы имеем в виду Россию. Но в настоящее время у нее самой под ногами накопился горючий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно воспламениться. Симптомы войны крепостных крестьян внутри России настолько очевидны, что самим местным властям приходится для объяснения этого необычайного брожения обвинять в нем Австрию, которая будто бы с помощью тайных эмиссаров распространяет по всей стране социалистические и революционные учения. Подумать только, что Австрию не только подозревают, но и открыто обвиняют в том, будто она действует в качестве эмиссара революции! Правда, галицийская резня[369] воочию показала всему миру, как, в случае нужды, венский кабинет умеет учить крепостных крестьян социализму своего собственного изобретения. Впрочем, Австрия гневно возражает против такого обвинения, утверждая, что ее восточные провинции наводнены и отравлены русскими панславистскими агентами, а ее итальянские подданные опутаны сетью совместных интриг Бонапарта и царя. Наконец, Пруссия остро чувствует опасность положения, но она связана по рукам и ногам и не может двинуться ни в каком направлении. Королевская власть фактически парализована умопомешательством короля и отсутствием полноты власти у регента. Борьба между камарильей короля, который отказывается отречься от престола, и камарильей принца, который не смеет царствовать, открывает простор потоку народного движения.

Следовательно, все зависит от Франции, а во Франции тяжелое положение торговли и сельского хозяйства, финансовый coup d'etat[*] и замена господства *при помощи* армии господством *самой* армии способствуют ускорению взрыва. Даже французская пресса, наконец, признала, что все надежды на возвращение эры процветания пока что должны быть оставлены. «Мы считаем, что было бы глупо дразнить публику химерическими надеждами на близкую реакцию», — пишет «Constitutionnel». «Застой продолжается, и, несмотря на наличие благоприятных элементов, мы не должны ожидать скорой перемены», — пишет «Patrie». «Union»[370] и «Univers», как эхо, повторяют эти жалобы. «Все признают, что со времени революции 1848 года Париж не испытывал такого торгового кризиса, как теперь», — пишет парижский корреспондент лондонской газеты «Times»; а акции Credit Mobilier упали до 550 фр. или около того, то есть ниже номинальной цены, по которой они продавались широкой публике. С другой стороны, полное

[*] — буквально: государственный переворот; здесь: переворот. *Ред.*

оскудение императорской казны вынуждает Наполеона настаивать на своем плане конфискации*. «Единственный вопрос, который мы можем задать, — пишет клерикальная газета, выходящая в Анжу, — заключается в том, следует ли уважать собственность». До собственности ли теперь! Единственный вопрос, который следует задать в настоящее время, отвечает Бонапарт, заключается в том, как обеспечить себе верность армии; и он разрешает этот вопрос своим обычным способом. Всю армию снова нужно купить. Он отдает распоряжение повысить всем жалованье. Тем временем Англия встревожена и Австрия в панике. Все считают войну неизбежной. У Луи-Наполеона нет другого средства избежать скорого крушения. Начало конца уже близко.

Написано К. Марксом 11 июня 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5359, 24 июня 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

---

* См. настоящий том, стр. 501—503. *Ред.*

К. МАРКС

БРИТАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ТОРГОВЛЯ РАБАМИ

Лондон, 18 июня 1858 г.

На заседании палаты лордов 17 июня епископ оксфордский поднял вопрос о торговле рабами и подал петицию против этой торговли от имени приходской общины св. Марии на острове Ямайка. У всякого сколько-нибудь беспристрастного человека эти дебаты в палате наверняка создадут впечатление, что теперешнее британское правительство проявило крайнюю сдержанность в данном вопросе и твердо решило избегать малейшего повода для ссоры с Соединенными Штатами. Своим заявлением, которое приводится ниже, лорд Малмсбери совершенно снял вопрос о «праве производить досмотр», когда это касается кораблей, плавающих под американским флагом:

«Соединенные Штаты заявляют, что ни при каких обстоятельствах, ни в каких целях, какие бы подозрения ни возникали, ни один корабль, кроме американского, не может подойти борт о борт к судну, идущему под американским флагом; что на капитана корабля, приближающегося к борту такого судна или задерживающего его, падает вся ответственность за последствия этого действия. Я не признавал это положение, сформулированное американским министром иностранных дел, соответствующим международному праву до тех пор, пока оно не было одобрено и утверждено королевскими судебными чиновниками. Но признав его, я со всей возможной строгостью предупредил американское правительство, что если станет известно, что американский флаг прикрывает любое беззаконие, то каждый пират и работорговец будет стараться плавать только под этим флагом; что это покроет позором ныне уважаемый американский флаг; и что вместо того, чтобы поддержать честь страны, американцы, твердо следуя сделанной ими теперь декларации, достигнут как раз обратного результата; наконец, что американский флаг будут проституировать для самых низких целей. Я буду настаивать, как и прежде, на том, чтобы в наш цивилизованный век, когда бесчисленное множество судов бороздит океан, на океанских просторах дежурила полиция; чтобы

страны — если это не будет предусмотрено международным правом — сами договорились между собой о порядке выяснения национальной принадлежности каждого судна и об определении его права плавать под флагом той или иной нации. Тон моей речи, мои беседы с американским министром-резидентом здесь, в Англии, и замечания, какие по этому вопросу делает генерал Касс в своей искусно составленной записке, вселяют в меня большую надежду относительно того, что с Соединенными Штатами можно будет договориться о таком соглашении, которое после получения определенных указаний должностными лицами обеих стран даст нам возможность проверять флаги всех стран без риска нанести оскорбление той стране, которой принадлежит то или иное судно».

Со скамей оппозиции также не было сделано попыток отстоять право досмотра Великобританией судов Соединенных Штатов, но граф Грей заметил:

«Англичане в свое время заключили договоры с Испанией и другими державами с целью предотвратить торговлю рабами. И если у них имелись основательные причины подозревать, что то или иное судно было использовано для этой гнусной торговли и что, вовсе не являясь в действительности американским судном, оно все же воспользовалось для этого американским флагом, — то они имели право подвергнуть данное судно тщательному осмотру и произвести на нем обыск. Но если судно могло представить американские документы — пусть даже оно было битком набито невольниками, — они обязаны были отпустить задержанное судно, предоставив Соединенным Штатам нести позор за эту несправедливую торговлю. Я выражаю надежду и уверенность, что наши крейсеры получат строгие предписания в этом отношении и что все должностные лица, допустившие нарушение этих правил, понесут заслуженное наказание».

Далее вопрос вращается исключительно вокруг этого пункта, но даже и этот пункт — а именно, можно или нельзя потребовать представления документов от судов, которые подозреваются в незаконном использовании американского флага, — оказался как бы забытым лордом Малмсбери. Лорд Абердин прямо отрицал возможность возникновения какой бы то ни было полемики из-за подобной практики, так как, мол, английские должностные лица получили инструкции, на основании которых им надлежит действовать в данном случае. Инструкции эти, выработанные д-ром Лашингтоном и сэром Дж. Кокбёрном, своевременно были сообщены-де американскому правительству и одобрены представителем этого правительства г-ном Уэбстером. Поэтому-де, если эти инструкции не подвергались изменениям и если должностные лица действовали в пределах этих инструкций, то «у американского правительства не могло быть никаких оснований для жалоб». На самом же деле общественное мнение, по-видимому, сильно заподозрило Пальмерстона в том, что он пустил в ход один из своих обычных трюков, введя некоторые произвольные изменения в предписания, данные в свое время английским-крейсерам. Известно, что

Пальмерстон, хвастаясь своим усердием в борьбе с работорговлей, за одиннадцать лет своего управления министерством иностранных дел, вплоть до 1841 г., нарушая все существующие договоры, касающиеся работорговли, ввел постановления, которые английскими судебными властями были квалифицированы как преступные и которые фактически послужили причиной предания суду одного из исполнителей его предписаний, а одного работорговца поставили под защиту законов Англии против своего же собственного правительства. Пальмерстон избрал для себя работорговлю в качестве поля битвы и превратил ее в простое орудие для провокации ссор между Англией и другими странами. Перед своим уходом в 1841 г. он дал такие инструкции, которые, по словам сэра Роберта Пиля, «должны были привести к столкновению с Соединенными Штатами, если бы их вовремя не отменили». *Сам Пальмерстон говорил,* что он приказал морским офицерам «не слишком уважать международное право». Лорд Малмсбери намекал, правда крайне сдержанно, что «послав британскую эскадру в кубинские воды, вместо того чтобы оставить ее у берегов Африки», Пальмерстон снял ее с того места, где до начала войны с Россией ей почти удалось ликвидировать работорговлю, и направил ее в такое место, где она могла лишь послужить поводом к ссоре с Соединенными Штатами. А бывший посол при санкт-петербургском дворе лорд Вудхаус, ставленник Пальмерстона, соглашаясь с этим высказыванием, заметил:

«Неважно, какие инструкции были даны; если правительство отдало приказ, согласно которому значительное количество английских судов было отправлено в американские воды, — это рано или поздно должно было привести к недоразумениям между нами и Соединенными Штатами».

Однако каковы бы ни были тайные планы Пальмерстона, ясно, что правительство тори расстроило их в текущем 1858 г. так же, как оно сделало это в 1842 г., и что крики о войне, так громко раздававшиеся в конгрессе и подхваченные печатью, превратились в «много шуму из ничего».

Что же касается самого вопроса о работорговле, то епископ оксфордский, а также лорд Брум разоблачили Испанию как страну, представляющую основной очаг этой гнусной торговли. Оба они призывали британское правительство всеми имеющимися в его распоряжении средствами заставить Испанию придерживаться политики, которая была бы совместима с существующими договорами. Еще в 1814 г. между Великобританией и Испанией был заключен общий договор, и уже в этом договоре Испания недвусмысленно осуждала работорговлю. В 1817 г. был заключен особый договор, согласно которому

Испания обязалась с 1820 г. запретить своим подданным работорговлю, и в качестве компенсации за убытки, которые могли понести ее подданные при осуществлении этого договора, она получила денежное возмещение в 400000 фунтов стерлингов. Деньги положили в карман, но обязательства не выполнили. В 1835 г. был заключен новый договор, по которому Испания формально обязалась ввести достаточно суровый уголовный закон с тем, чтобы сделать невозможным для своих подданных продолжение работорговли. Но снова произошла оттяжка, снова в точности последовали испанской поговорке: «A la manana»*. Этот уголовный закон был введен лишь десять лет спустя, но по какой-то странной причине в нем оказалась опущена основная статья, за которую боролась Англия, а именно, приравнение работорговли к пиратству. Словом, ничего не было сделано; зато генерал-капитан Кубы, министр внутренних дел, камарилья и, если верить слухам, даже члены королевской фамилии нажились на этом деле, взимая в свою пользу налог с работорговцев и продавая лицензию на право торговли человеческим мясом и кровью за столько-то дублонов** с головы.

«Испания», — говорил епископ оксфордский, — «не может оправдываться том, что эта торговля является системой, которую испанское правительство не в состоянии отменить, так как оно недостаточно сильно. Ведь генерал Вальдес доказал, что такая отговорка не может казаться сколько-нибудь правдоподобной. Прибыв на остров, он созвал наиболее известных работорговцев, дал им шесть месяцев сроку для окончания всех сделок по торговле рабами и заявил им о своем намерении добиться того, чтобы к моменту истечения указанного срока работорговля была прекращена. И что же? В 1840 г., то есть за год до того, как генерал Вальдес стал управлять островом, на Кубу с берегов Африки прибыло 56 кораблей с невольниками; в 1842 г., когда генерал Вальдес был генерал-капитаном, их прибыло только 3. В 1840 г. на остров было перевезено не менее 14470 рабов; в 1842 г. — 3100».

Что же Англия должна предпринять в отношении Испании? Снова протестовать, увеличить количество своих депеш, возобновить свои переговоры? Сам лорд Малмсбери признает, что документами, какими бесцельно обменялись оба правительства, можно было бы покрыть все водное пространство от берегов Испании до Кубы. Или, быть может, Англия должна настаивать на своих требованиях, санкционированных таким множеством договоров? Но здесь-то и начинаются главные затруднения. На сцену выступает зловещая фигура «августейшего союзника», ныне признанного ангела-хранителя

* — «Отложим до завтра». *Ред.*
** — испанская золотая монета. *Ред.*

работорговли. Третий Бонапарт, покровитель рабства во всех его видах, запрещает Англии действовать согласно ее убеждениям и соответственно ее договорам. Как известно, лорда Малмсбери сильно подозревали в том, что он находился в противозаконной близости с героем Сатори. Однако это не помешало лорду Малмсбери в самых откровенных выражениях разоблачить Бонапарта как известного во всей Европе работорговца, как человека, который возродил эту позорную торговлю в ее наиболее подлой форме — под предлогом «добровольной эмиграции» чернокожих во французские колонии. Граф Грей дополнил это разоблачение, заявив, что «войны в Африке были предприняты с целью получить пленников и продать их затем агентам французского правительства». Граф Кларендон добавил, что «как Испания, так и Франция соперничают на африканском рынке, предлагая определенную цену за человека; и нет ни малейшей разницы в обращении с этими неграми, независимо от того, везут ли их на Кубу или во французскую колонию».

Вот в каком завидном положении находится теперь Англия после того, как она оказала этому человеку помощь в разгроме республики. Вторая республика, как и Первая, уничтожила рабство. Бонапарт, который достиг власти исключительно потому, что он раболепствовал перед самыми низкими людскими страстями, может удерживать эту власть только тем, что постоянно покупает себе все новых и новых сообщников. Таким путем он не только восстановил рабство вообще, но возобновлением работорговли подкупил плантаторов. Все, что унижает совесть нации, для него является новым залогом власти. Самым верным средством закабаления Франции было бы превращение ее в страну, торгующую рабами. А ведь эта же самая Франция некогда имела достаточно мужества, чтобы бросить в лицо всему миру клич: Долой колонии и да здравствуют принципы! Бонапарт достиг, по крайней мере, одного: работорговля стала лозунгом борьбы между приверженцами Империи и республиканцами. Если сегодня Французская республика будет восстановлена, то завтра же Испания будет *вынуждена* прекратить эту позорную торговлю.

*Написано **К.** Марксом 18 июня 1858 г.*

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5366, 2 июля 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

* НАЛОГИ В ИНДИИ

Согласно сообщениям лондонских газет, индийские ценные бумаги и железнодорожные акции в последнее время обнаруживают на лондонской бирже тенденцию к понижению, что отнюдь не свидетельствует об искренности оптимистических взглядов Джона Буля, которые он любит высказывать относительно хода партизанской войны в Индии, и что, во всяком случае, является признаком упорного неверия в эластичность финансовых ресурсов Индии. В отношении этих ресурсов существует два противоположных мнения. С одной стороны, утверждают, что налоги в Индии более тягостны и обременительны, чем в любой другой стране мира; что земледельцы, то есть основная масса индийского народа, в большинстве президентств и особенно в тех президентствах, которые дольше всего были под британским владычеством, находятся, как правило, в состоянии полного обнищания и отчаяния, что, следовательно, налоги Индии увеличены до крайних пределов и что оздоровить ее финансы поэтому невозможно. Сейчас это не особенно утешительный вывод, так как, по словам г-на Гладстона, в течение ближайших лет одни только чрезвычайные расходы Индии будут ежегодно выражаться в сумме около 20000000 фунтов стерлингов. С другой стороны, утверждают — и иллюстрируют это утверждение рядом статистических данных, — что ни в одной стране не платят так мало налогов, как в Индии; что если расходы увеличиваются, то можно увеличить также и доходы; и что крайне ошибочно мнение, будто индийский народ не выдержит новых налогов. В связи со вторым чтением нового билля об индийском правительстве[371] г-н Брайт, которого можно назвать

самым ревностным и влиятельным представителем «неутешительной» теории, высказался следующим образом:

«Управление Индией стоило индийскому правительству больше, чем оно могло выжать из ее населения, хотя оно отнюдь не стеснялось ни в отношении вводимых налогов, ни в отношении способов их взимания. Управление Индией стоит более 30000000 ф. ст. — таковы валовые налоговые поступления, — а между тем государственный бюджет неизменно дефицитен, и дефицит приходится покрывать займами, получаемыми под высокие проценты. Индийский долг в настоящее время составляет 60000000 ф. ст. и продолжает возрастать, в то время как кредит правительства падает отчасти потому, что оно в одном или двух случаях поступило не совсем честно со своими кредиторами, а теперь также и по причине бедствий, недавно разразившихся в Индии. Я упомянул о валовых налоговых поступлениях; но так как эти поступления включают и поступления от торговли опиумом, которые вряд ли можно назвать налогом на индийский народ, то я определил бы обложение, фактически падающее на население Индии, в 25000000 фунтов стерлингов. Но эти 25000000 ф. ст. не следует сравнивать с теми 60000000 ф. ст., которые взимаются в нашей стране. Палата должна помнить, что в Индии можно купить двенадцатидневный труд за такую же сумму золота или серебра, за какую в Англии можно купить только однодневный. Эти 25000000 ф. ст., затраченные на покупку труда в Индии, дадут такое же количество труда, какое в Англии можно было бы купить только за 300000000 фунтов стерлингов. Меня могут спросить, какова стоимость труда индийца? Я отвечу: если труд индийца стоит только 2 пенса в день, то ясно, что мы не можем ожидать, чтобы он платил такой налог, как если бы его труд стоил 2 шиллинга. В Великобритании и Ирландии мы имеем 30000000 населения; в Индии же 150000000 жителей. У себя здесь мы взимаем в виде налогов 60000000 фунтов стерлингов; в Индии, в пересчете на дневной труд населения, мы взимаем 300000000 ф. ст. налоговых поступлений, или в пять раз больше тех поступлений, которые мы получаем в Англии. Принимая во внимание, что население Индии в пять раз больше населения Великобритании, могут сказать, что на душу населения приходится в Индии и в Англии приблизительно одинаковое обложение и что поэтому такое бремя нельзя считать особенно тяжелым. Однако в Англии существует колоссальная сила машин и пара, средства перевозки и все, что капитал и человеческая изобретательность смогли создать в помощь народному труду. В Индии ничего подобного нет. Там вряд ли имеется хотя бы одна приличная дорога».

Надо признать, что этот способ сравнения индийских налогов с английскими не совсем правилен. С одной стороны, индийское население в пять раз превосходит население Англии, с другой стороны, индийское налоговое обложение составляет лишь половину британского. Но, говорит г-н Брайт, зато труд в Индии приблизительно в двенадцать раз дешевле труда в Англии. Следовательно, 30000000 ф. ст. налогов в Индии будут соответствовать 300000000 ф. ст. налогов в Великобритании, а не 60000000 ф. ст., взимаемым в ней в действительности. К какому же заключению должен был бы прийти Брайт? А к такому, что пропорционально своей численности народ Индии платит

такую же сумму налогов, как и народ Великобритании, если учесть сравнительную бедность населения Индии; следовательно, 30000000 ф. ст. ложатся таким же бременем на 150000000 индийцев, как 60000000 ф. ст. на 30000000 британцев. Но при такой предпосылке с его стороны было бы, конечно, ошибкой говорить, что бедный народ не может платить столько же, сколько богатый, так как сравнительная бедность индийского народа уже была принята во внимание, когда доказывалось, что индиец платит столько же, сколько британец. В действительности тут мог бы возникнуть другой вопрос. Позволительно было бы спросить, можно ли по справедливости ожидать, чтобы человек, зарабатывающий 12 центов в день, платил 1 цент налога с такой же легкостью, с какой другой человек, зарабатывающий 12 долларов в день, уплачивает 1 доллар? Пропорционально оба отдавали бы одинаковую долю своего дохода, но на удовлетворении их потребностей этот налог отзывался бы в совершенно различной степени. Однако г-н Брайт до сих пор не поставил вопрос в такой форме; между тем, если бы он это сделал, то сравнение налогового бремени, лежащего на британском наемном рабочем, с одной стороны, и на британском капиталисте — с другой, оказалось бы, возможно, еще ярче и убедительнее, чем сравнение индийского и британского налогового обложения. Более того, он сам признает, что из суммы индийских налогов в 30000000 ф. ст. надлежит вычесть 5000000 ф. ст., составляющих доход от торговли опиумом, ибо этот доход, собственно говоря, является не налогом, отягощающим индийский народ, а скорее экспортной пошлиной, падающей на китайского потребителя. Далее, апологеты англо-индийского правительства напоминают нам, что 16000000 ф. ст. его доходов имеют своим источником поступления с земли, или ренту, которая с незапамятных времен принадлежала государству как верховному земельному собственнику, никогда не составляла доли личного состояния земледельца и потому, по сути дела, так же мало может быть причислена к налоговому обложению в собственном смысле этого слова, как рента, уплачиваемая британскими фермерами британской аристократии, не может быть отнесена к британскому налоговому обложению. Согласно этой точке зрения, сумма налогов Индии представлялась бы в следующем виде:

	ф. ст.
Общая сумма взимаемых налогов	30 000 000
Вычет дохода с опиума	5 000 000
Вычет земельной ренты	16 000 000
Собственно налоговое обложение	9 000 000

К тому же, необходимо-де признать, что из этой суммы в 9000000 ф. ст. некоторые важные статьи, как, например, почтовые сборы, штемпельные сборы и таможенные пошлины, лишь в очень малой степени затрагивают массу населения. В соответствии с этим в докладе об индийских финансах, недавно представленном Британскому статистическому обществу, г-н Хендрикс пытается доказать, на основании парламентских и других официальных документов, что из всех сумм, поступающих от населения Индии, в настоящее время взимается в виде налогов, то есть с реального дохода населения, не более одной пятой; что в Бенгалии собственно налоги составляют только 27%, в Пенджабе 23%, в Мадрасе 21%, в Северо-Западных провинциях 17% и в Бомбее только 16% всего дохода.

Мы заимствуем из доклада г-на Хендрикса следующие сравнительные данные о средней сумме налогов с каждого жителя Индии и Соединенного королевства за 1855—1856 годы:

	Общая сумма поступлений от каждого жителя		В том числе собственно налог		
	шилл.	пенсы	ф. ст.	шилл.	пенсы
Бенгалия	5	0	—	1	4
Северо-Западные провинции	3	5	—	0	7
Мадрас	4	7	—	1	0
Бомбей	8	3	—	1	4
Пенджаб	3	3	—	0	9
Соединенное королевство	—	—	1	10	0

Генерал Бригс произвел для других лет следующий подсчет средней суммы налога на душу населения в разных странах:

	ф. ст.	шилл.	пенсы
В Англии в 1852 г.	1	19	4
Во Франции	1	12	0
В Пруссии	—	19	3
В Индии в 1854 г.	—	3	$8^1/_2$

На основании этих цифр апологеты англо-индийского правительства заключают, что в Европе нет ни одной страны с таким легким налоговым обложением, как в Индии, даже принимая в расчет сравнительную бедность ее населения. Таким образом, мы видим, что по вопросу об индийском налоговом обложении

не только мнения расходятся, но и сами факты, на которых эти мнения якобы основаны, противоречат друг Другу. С одной стороны, мы должны признать, что номинальная сумма индийского обложения относительно невелика; но с другой стороны, мы могли бы привести множество данных как из парламентских документов, так и из трудов крупнейших авторитетов по индийскому вопросу, со всей очевидностью доказывающих, что это, казалось бы, легкое налоговое обложение давит колоссальной тяжестью на массу индийского народа и что для взимания налогов приходится прибегать к таким гнусным способам, как, например, пытка. Но нужны ли вообще другие доказательства, помимо неуклонного и быстрого роста индийского долга и увеличения индийского дефицита? Никто, конечно, не станет утверждать, что индийское правительство предпочитает увеличивать долг и дефицит, потому что ему не хочется слишком истощать ресурсы населения. Оно вступает на путь займов потому, что иначе оно просто не может сводить концы с концами. В 1805 г. индийский долг равнялся 25626631 ф. ст., в 1829 г. он достиг приблизительно 34000000 фунтов стерлингов; в 1850 г. — 47151018 фунтов стерлингов; в настоящее же время он составляет приблизительно 60000000 фунтов стерлингов. Между прочим, мы не принимаем в расчет задолженность Ост-Индской компании в Англии, которую также приходится погашать из ост-индских доходов.

Годовой дефицит, который в 1805 г. составлял приблизительно 2500000 ф. ст., достиг под управлением лорда Далхузи в среднем 5000000 фунтов стерлингов. Г-н Джордж Кэмпбелл, чиновник гражданской службы в Бенгалии, весьма расположенный к англо-индийскому правительству, вынужден был еще в 1852 г. открыто признать, что:

«Хотя ни один из восточных завоевателей никогда не достигал такого полного преобладания, такого спокойного, всеобщего и неоспоримого владычества в Индии, как мы, тем не менее все они разбогатели за счет налоговых поступлений страны, и многие из них расходовали из своего богатства значительные суммы на общественные сооружения... Мы этой возможности лишены... Общая сумма налогов» (при английском правлении) «отнюдь не уменьшилась, *однако излишками мы не располагаем»*.

При оценке налогового бремени следует учитывать не столько его номинальную сумму, сколько способ взимания и расходования налогов. Способ взимания налогов в Индии отвратителен, и, если говорить, например, о поземельном налоге, то при существующем способе, пожалуй, больше погибает продуктов, нежели собирается. Что же касается расходования

собранных налогов, то достаточно сказать, что ни единая доля их не возвращается народу в форме общественно-полезных сооружений, более необходимых в азиатских странах, чем где бы то ни было, и что, по справедливому замечанию г-на Брайта, правящий класс нигде так непомерно не наживается, как в Индии.

Написано К. Марксом 29 июня 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5383, 23 июля 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИНДИЙСКАЯ АРМИЯ [372]

Война в Индии постепенно переходит в ту стадию беспорядочной партизанской войны, на которую мы неоднократно указывали[*] как на предстоящую неизбежную и наиболее опасную фазу ее развития. После ряда поражений в решительных боях, а также при обороне городов и укрепленных лагерей, армии повстанцев постепенно распадаются на более мелкие отряды, от двух до шести или восьми тысяч человек в каждом, действующие в известной мере независимо друг от друга, но всегда готовые объединиться для кратковременных действий против того или иного английского отряда, который можно застигнуть в одиночку. Для главной армии повстанцев поворотным пунктом в этом отношении была сдача без боя города Барейли, после того как полевые войска действующей армии сэра К. Кэмпбелла были оттянуты от Лакнау примерно на восемьдесят миль; для второй большой группы туземных войск то же значение имела сдача Калпи. В обоих случаях были покинуты последние центральные операционные базы, которые можно было оборонять, и так как вследствие этого ведение войны силами целой армии стало невозможным, то повстанцы отступили в разных направлениях, разбившись на более мелкие отряды. Эти подвижные отряды не нуждаются в большом городе в качестве центральной операционной базы. Они могут находить средства к существованию, к пополнению своего снаряжения и людского состава в различных районах, по которым они движутся, и небольшой город или большая

[*] См. настоящий том, стр. 389, 482—483, 504—506. *Ред.*

деревня могут стать для каждого из них столь же удобными центрами для реорганизации, как Дели, Лакнау или Калпи для более крупных армий. При такой перемене в положении дел война в значительной мере теряет свой интерес; нет возможности следить во всех деталях за передвижениями различных отрядов повстанцев, сообщения о которых становятся сбивчивыми; действия британских командиров почти не поддаются критике, поскольку при такой обстановке неясны предпосылки, из которых они исходили; единственным критерием остается успех или неудача, что является, конечно, наиболее обманчивым из всех критериев.

Передвижения туземцев уже сейчас весьма трудно поддаются учету. После взятия англичанами Лакнау повстанцы отступили в разных направлениях: часть на юго-восток, часть на северо-восток, часть на северо-запад. Отступившие в этом последнем направлении составляли наиболее сильный отряд, и Кэмпбелл последовал за ними в Рохилканд. Повстанцы сосредоточились и переформировали свои части в Барейли, но когда появились англичане, они без сопротивления покинули этот пункт и снова отступили в различных направлениях. Подробно об этих различных путях отступления ничего не известно. Мы знаем только, что часть туземцев направилась в горы на границе Непала, в то время как одна или несколько колонн, по-видимому, продвинулись в противоположном направлении, к Гангу и Доабу (местности между Гангом и Джамной). Но едва Кэмпбелл успел занять Барейли, как повстанцы, отступившие в восточном направлении, соединились с несколькими отрядами на границе Ауда и напали на Шахджаханпур, где был оставлен небольшой британский гарнизон; в этом же направлении спешно продвигались и другие колонны повстанцев. К счастью для гарнизона, уже 11 мая прибыл бригадный генерал Джонс с подкреплениями и разбил туземцев; но последние, в свою очередь, получили подкрепления в виде отрядов, которые стягивались к Шахджаханпуру, и 15-го снова окружили этот город. В тот же день Кэмпбелл, оставив гарнизон в Барейли, выступил на помощь городу; однако только 24 мая он атаковал и оттеснил повстанцев, причем различные отряды их, участвовавшие в этой операции, снова рассеялись в разных направлениях.

В то время как Кэмпбелл действовал таким образом на границах Рохилканда, генерал Хоуп Грант водил свои войска взад и вперед по южному Ауду без всяких результатов, кроме потерь в своих собственных войсках, вызванных изнурением от знойного индийского лета. Повстанцы были для него слишком

проворны. Они находились повсюду, кроме тех мест, где он их разыскивал, и, когда он ожидал найти их перед собой, они давно уже находились снова у него в тылу. Ниже по течению Ганга на пространстве между Динапуром, Джагдиспуром и Буксаром за таким же призраком гонялся генерал Лугард. Туземцы вынуждали его беспрерывно двигаться, а после того как они отвлекли его от Джагдиспура, внезапно напали на гарнизон этого города. Лугард вернулся обратно и, согласно телеграфным сообщениям, 26 мая одержал победу. Тождество тактики этих повстанцев с тактикой повстанцев Ауда и Рохилканда очевидно. Однако победа, одержанная Лугардом, едва ли будет иметь большое значение. Подобные отряды могут терпеть поражения по многу раз, прежде чем падут духом и ослабеют.

Таким образом, к середине мая все войска повстанцев Северной Индии отказались от войны в крупном масштабе, за исключением армии в Калпи. Эта армия в сравнительно короткое время организовала в данном городе настоящую операционную базу; она располагала там в изобилии продовольствием, порохом и прочими припасами, множеством пушек и даже литейными и оружейными мастерскими. Хотя эти войска находились в 25 милях от Канпура, Кэмпбелл оставил их в покое; он только держал их под наблюдением, выставив отряд на обращенном к Доабу, или западном берегу Джамны. Генералы Роуз и Уитлок давно уже шли походом на Калпи; наконец, Роуз прибыл я разбил повстанцев в ряде боев на подступах к Калпи. Тем временем наблюдательный отряд, находившийся на другом берегу Джамны, обстреливал из пушек город и форт; внезапно повстанцы оставили и тот и другой, раздробив и эту свою последнюю большую армию на самостоятельные отряды. Из полученных сообщений не совсем ясно, какие пути они избрали для отступления; нам известно только, что некоторые из них ушли в Доаб, а другие — в направлении на Гвалиор.

Таким образом, вся область от Гималаев до Бихара и гор Виндхья и от Гвалиора и Дели до Горакхпура и Динапура наводнена активно действующими отрядами повстанцев, которых опыт двенадцати месяцев войны в известной мере научил искусству организации и которые, несмотря на ряд поражений, сохраняют бодрость, оттого что поражения их не имеют решающего характера, а успехи, достигнутые англичанами, крайне незначительны. Правда, они лишились всех своих крепостей и опорных пунктов, потеряли большую часть своих припасов и артиллерии, и все важные города находятся в руках их врагов. Но, с другой стороны, во всей этой обширной области англичане занимают только города, а вне их — только те участки, где

в тот или иной момент оказались их подвижные отряды; им приходится гоняться за своим проворным врагом без всякой надежды настигнуть его; и они поставлены перед необходимостью перейти к этому изнуряющему способу войны в самое гибельное время года. Туземец-индиец сравнительно легко переносит полуденный зной своего лета, тогда как для европейца одно лишь пребывание под лучами солнца означает почти верную смерть; туземец может в это время года делать по сорок миль в день, тогда как его противник-северянин валится с ног после десяти миль; даже тропические дожди и болотистые джунгли сравнительно безвредны для туземца, между тем для европейца всякое напряжение сил в период дождей или пребывание близ болотистых местностей влечет за собой дизентерию, холеру и малярию. У нас нет точных данных о санитарном состоянии британской армии; но, сравнивая количество людей в армии генерала Роуза, пораженных солнечными лучами и неприятельскими пулями, и исходя из донесения о том, что гарнизон Лакнау страдает от болезней, что 38-й полк при своем прибытии прошлой осенью насчитывал свыше 1000 человек, а теперь — едва 550, а также на основании других данных мы можем прийти к заключению, что летний зной в апреле и мае произвел страшные опустошения среди недавно прибывших мужчин и юношей, присланных на смену закаленным старым солдатам, участникам прошлогодней кампании в Индии. С имеющимися у него солдатами Кэмпбелл не может проделывать форсированные марши, как это делал Хавлок, или предпринять в период тропических дождей осаду, подобную осаде Дели. И хотя британское правительство снова посылает сильные подкрепления, сомнительно, чтобы они оказались достаточно многочисленными для возмещения потерь, имевших место за время теперешней летней кампании против врага, который принимает бой с англичанами лишь в наиболее благоприятных для себя условиях.

Война, которую сейчас ведут повстанцы, начинает напоминать по своему характеру борьбу алжирских бедуинов против французов, с той лишь разницей, что индийцы далеко не так фанатичны и не являются нацией всадников. Это последнее обстоятельство имеет большое значение в стране, представляющей собой огромную равнину. Среди повстанцев имеется множество мусульман, из которых можно было бы создать хорошую иррегулярную кавалерию; однако главные народности Индии, поставляющие всадников, пока еще не присоединились к восстанию. Сила повстанческой армии заключается в пехоте, а так как этот род войск мало пригоден для борьбы с англичанами в открытом поле, то он становится помехой в партизан-

ской войне на равнине, ибо на такой местности первом партизанской войны является иррегулярная кавалерия. Будущее покажет, в какой мере этот недостаток будет возмещен повстанцами во время перерыва в военных действиях, к которому принудит англичан период дождей. Этот перерыв даст туземцам полную возможность реорганизовать и пополнить свои силы. Помимо организации кавалерии, имеются еще два важных момента. Как только наступит холодная погода, одной партизанской войны будет недостаточно. Для того, чтобы до конца холодного времени года не дать англичанам передышки, необходимы опорные пункты, припасы, артиллерия, укрепленные лагери или города; в противном случае партизанская война кончится еще до наступления будущего лета, которое могло бы вдохнуть в нее новые силы. Одним из выгодных пунктов для повстанцев является, по-видимому, Гвалиор, если только они действительно овладели им. Во-вторых, судьба восстания зависит от того, насколько оно способно к дальнейшему распространению. Если рассеянные отряды не смогут перейти из Рохилканда в Раджпутану и страну маратхов, если движение ограничится только северной центральной областью, то нет сомнения, что предстоящей зимы будет достаточно, чтобы рассеять отряды туземцев и превратить их в бандитов, которые вскоре станут для населения более ненавистными, чем даже бледнолицые завоеватели.

Написано Ф. Энгельсом 6 июля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5381, 21 июля 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БИЛЛЬ ОБ ИНДИИ [373]

Последний из биллей об Индии прошел в третьем чтении в палате общин, и, поскольку палата лордов, находящаяся под влиянием Дерби, едва ли станет протестовать против него, участь Ост-Индской компании может считаться решенной. Нужно признать, что Компания умирает далеко не геройской смертью; но она выменивала свою власть таким же способом, как и добывала ее, — по частям, путем ряда ловких сделок. По существу, вся ее история — это повесть о купле и продаже. Она начала с того, что купила себе суверенитет, а кончила тем, что продала его. *Она пала* не в решительном бою, а пошла с молотка и попала в руки того, кто предложил наибольшую цену на торгах. В 1693 г. Компания добыла у короны хартию на двадцать один год, уплатив крупные суммы герцогу Лидсу и другим государственным должностным лицам. В 1767 г. она продлила срок своей власти на два года тем, что обязалась ежегодно выплачивать имперскому казначейству 400000 фунтов стерлингов. В 1769 г. она заключила-подобную же сделку на пять лет; но вскоре после этого, за отказ казначейства от обусловленного ежегодного взноса и за предоставление ей займа в 1400000 ф. ст. из 4%, она уступила кое-какие элементы своего суверенитета, передав парламенту на первый раз право назначать генерал-губернатора и четырех его советников, целиком предоставив короне назначение верховного судьи и трех судей при нем и согласившись на превращение Совета акционеров из демократического органа в олигархический[374]. В 1858 г., дав Совету акционеров торжественное обещание всеми разрешенными конституцией «средствами» бороться против передачи

короне своей административной власти, Ост-Индская компания сама же приняла этот принцип и согласилась на билль, невыгодный для нее, но обеспечивающий доходы и посты ее главным директорам. Если смерть героя, как сказал Шиллер, подобна закату солнца*, то уход Ост-Индской компании со сцены больше напоминает соглашение, заключенное банкротом со своими кредиторами.

Согласно упомянутому выше биллю, основные административные функции передаются министру по делам Индии и его Совету[375], подобно тому как в Калькутте делами управления ведает генерал-губернатор и его Совет. Но оба эти должностных лица — и министр по делам Индии в Англии и генерал-губернатор в Индии — одинаково имеют право пренебрегать советами своих помощников и действовать по своему собственному разумению. Новый билль наделяет также министра по делам Индии всеми правами, которые осуществляются сейчас председателем Контрольного совета при посредстве Секретного комитета, а именно, правом в чрезвычайных случаях посылать в Индию распоряжения, не спрашивая мнения Совета. При формировании этого Совета пришлось, в конце концов, прибегнуть к Ост-Индской компании, как к единственному реальному источнику, откуда можно было получить кандидатов в Совет, помимо назначаемых короной. Выборные члены Совета должны избираться директорами Ост-Индской компании из их же числа.

Итак, имени Ост-Индской компании суждено, в конце концов, пережить ее сущность. В последнюю минуту кабинет Дерби признался, что его билль не содержит статьи, аннулирующей Ост-Индскую компанию, поскольку она представлена Советом директоров, но что отныне эта Компания снова будет носить свой первоначальный характер акционерного общества, распределяющего дивиденды, гарантированные различными законодательными постановлениями. Билль Питта 1784 г. фактически подчинил политику Компании власти кабинета, которую последний осуществлял под именем Контрольного совета. Акт 1813 г. отнял у нее монополию торговли, за исключением торговли с Китаем. Акт 1834 г. окончательно лишил ее характера торгового предприятия, а акт 1854 г. уничтожил последние остатки ее власти, сохранив за ней, однако, управление Индией. История повторяется — Ост-Индская компания, в 1612 г. превращенная в акционерное общество, снова обрела свою первоначальную форму; только теперь она представляет собой торговое товарищество без торговли и акционерное общество, у которого

* Шиллер. «Разбойники», акт III, сцена вторая. *Ред.*

нет капиталов для ведения дел, а есть только право на получение раз навсегда установленных дивидендов.

История появления билля об Индии знаменуется более Драматическими переменами, чем какой бы то ни было другой акт современного парламентского законодательства. Когда вспыхнуло восстание сипаев, все классы английского общества громко потребовали реформы в Индии. Сообщения о пытках в Индии вызывали в народе сильное возбуждение; служившие в Индии офицеры высшего командного состава и высокопоставленные гражданские лица открыто осуждали правительство за вмешательство в религиозные дела туземцев. Хищническая политика аннексий, проводимая лордом Далхузи, который был только орудием Даунинг-стрит; брожение, безрассудно вызванное в умах жителей Азии пиратскими войнами в Персии и Китае, — войнами, затеянными и проводимыми по указке самого Пальмерстона; слабые меры, предпринятые им для борьбы с восстанием, — отправка войск на парусных судах, а не на пароходах, притом окольным путем вокруг мыса Доброй Надежды, а не через Суэцкий перешеек, — все это вызвало рост недовольства, которое вылилось в громкое требование индийской реформы, реформы установленного Компанией управления Индией, реформы политики английского правительства в отношении Индии. Пальмерстон подхватил это народное требование, но решил использовать его исключительно в своих собственных интересах. Раз выяснилось, что и правительство и Компания позорно оскандалились, нужно было пожертвовать Компанией, а правительство сделать всемогущим. Власть Компании нужно было просто передать теперешнему диктатору, претендующему на то, чтобы представлять королевскую власть в противовес парламенту и парламент в противовес королевской власти и тем самым объединять в одном своем лице привилегии и той и другой стороны. Опираясь на индийскую армию, распоряжаясь индийской казной и присвоив себе право назначения на должности в Индии, Пальмерстон создал бы себе совершенно неприступную позицию.

Его билль блестяще прошел в первом чтении, но дальнейшему его продвижению положил конец знаменитый билль о заговорах, а затем — приход к власти тори.

В первый же день своего официального возвращения на скамью министров тори заявили, что из уважения к категорически выраженной воле палаты общин они отказываются от противодействия переходу управления Индией от Компании к короне. Законодательная неудача лорда Элленборо уже, казалось, вела к скорому возвращению Пальмерстона к власти,

но тут вмешался лорд Джон Рассел, чтобы толкнуть диктатора на компромисс, и спас правительство, предложив рассматривать билль об Индии как законопроект, исходящий не от правительства, а от парламента. Тогда Пальмерстон поспешил использовать в своих интересах депешу лорда Элленборо по поводу Ауда, его внезапный уход в отставку и вызванную этим дезорганизацию в министерском лагере. Тори снова предстояло очутиться в холодной тени оппозиции, после того как весь короткий срок своего пребывания у власти они потратили на то, чтобы сломить сопротивление своей собственной партии, направленное против конфискации Ост-Индской компании. Однако достаточно хорошо известно, каким образом все эти тонкие расчеты были опрокинуты. Вместо того чтобы подняться на развалинах Ост-Индской компании, Пальмерстон оказался погребенным под ними. Все время, пока происходили дебаты по индийскому вопросу, палата, казалось, находила особое удовольствие в том, чтобы всячески унижать этого civis romanus[376]. Все его поправки как серьезные, так и незначительные были с позором отвергнуты; в лицо ему то и дело швыряли весьма неприятные намеки по поводу афганской войны, войны в Персии и войны в Китае; а предложение г-на Гладстона о лишении министра по делам Индии права начинать войны за пределами Индии — предложение, равносильное вотуму недоверия в отношении всей проводимой в прошлом внешней политики Пальмерстона, — было принято подавляющим большинством голосов, несмотря на яростное сопротивление Пальмерстона. Но хотя этого человека выбросили за борт, его принципы в общем остались в силе. Благодаря формальной аннексии Индии, исполнительная власть, хотя и несколько ограниченная сдерживающими полномочиями Индийского совета, являющегося по существу лишь высокооплачиваемым призраком прежнего Совета директоров, поднята на такую высоту, что для уравновешивания этой власти необходимо бросить на парламентские весы демократическую гирю.

Написано К. Марксом 9 июля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5384, 24 июля 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Пролетарская революция» № 2, 1940 г.

К. МАРКС

ЗАТОЧЕНИЕ ЛЕДИ БУЛВЕР-ЛИТТОН

Лондон, 23 июля 1858 г.

Громкий скандал в семействе Булвер, который лондонская газета «Times» считает «счастливо» улаженным путем дружественного семейного соглашения, на самом деле еще вовсе не затих. Правда, несмотря на то, что в этой истории сильно замешаны партийные интересы, столичные газеты, за ничтожным исключением, сделали все возможное, чтобы, составив заговор молчания, замять этот инцидент — ведь сэр Эдуард Булвер является одним из вожаков литературной клики, которая властвует над умами лондонских журналистов куда более деспотично, чем даже партийные связи, и перед гневом которой литературные джентльмены обычно пасуют, когда дело доходит до открытой борьбы. Газета «Morning Post» первая уведомила публику о том, что друзья леди Булвер намерены добиваться судебного расследования; лондонская газета «Times» только перепечатала эту короткую заметку из «Morning Post»; и даже газета «Advertiser», которой, казалось бы, нечего дрожать за свое положение в литературе, поскольку она такового не имеет, отважилась лишь на перепечатку кое-каких скудных сведений из «Somerset Gazette»[377]. Даже Пальмерстон, при всем своем влиянии, не смог пока еще ничего выжать из своих литературных приспешников, а когда в печати появилось совершенно несерьезное покаянное письмо сына Булвера, все эти официальные стражи свободы личности, заявив о своем полном удовлетворении, отказались от какого бы то ни было дальнейшего нескромного вмешательства в это «прискорбное происшествие». Торийская пресса, разумеется, уже давно излила на лорда Кланрикарда все свое благородное негодование, а радикальная пресса,

отчасти черпающая вдохновение у манчестерской школы, весьма озабочена тем, как бы не навлечь неприятностей на нынешнее правительство. Но, наряду с респектабельной или псевдореспектабельной столичной прессой, существует еще пресса нереспектабельная, всецело подвластная своим политическим патронам, которые не связаны никаким положением в литературе, всегда готовы сколотить деньгу на дарованной им свободе слова и стремятся воспользоваться всяким случаем, чтобы показать себя в глазах публики единственными носителями мужества. С другой стороны, как только пробуждаются моральные инстинкты основной массы народа, отпадает необходимость в дальнейшем маневрировании. Стоит только привести публику в состояние морального возбуждения, и тогда даже лондонская газета «Times» может сбросить маску сдержанности и, конечно, с прискорбием душевным, нанести удар правительству Дерби, обнародовав приговор «общественного мнения» даже такому литературному главарю, как сэр Эдуард Булвер-Литтон.

Именно такой оборот и принимает сейчас дело. То, что тайным режиссером спектакля, как мы с самого начала намекали[378], является лорд Пальмерстон, сейчас стало, по выражению французов, «un secret qui court les rues»[*].

«On dit[**]», — пишет один лондонский еженедельник, — «что больше всего участия по отношению к леди Булвер-Литтон выказала во всей этой истории леди Пальмерстон. Мы все помним, как горячо вступились тори за г-на Нортона, когда лорд Мелбурн попал в неприятное положение в связи с женой этого джентльмена. Услуга за услугу — это только справедливо. Но, поразмыслив, мы находим довольно печальным тот факт, что в наше время министр, пользуясь своим влиятельным положением, совершает акты насилия, а жена одного министра натравливает жену другого министра против правительства».

Часто бывает, что истину удается протащить в какой-нибудь уголок британской прессы лишь окольными путями политической интриги. Искреннее, на первый взгляд, возмущение по поводу действительно злодейского поступка оказывается в конце концов лишь рассчитанной гримасой; и к общественному правосудию взывают лишь с целью утолить личную злобу. Что касается бесстрашных рыцарей чернильницы, то им нет, по существу, никакого дела до леди Булвер, если бы она даже навсегда осталась в приюте для умалишенных в Лондоне или если бы от нее избавились еще более тихо и незаметно, чем это бывает в Санкт-Петербурге или Вене; условности литературного этикета лишили бы ее всякой возможности заявить о своих

[*] — «секретом, который известен всем». *Ред.*
[**] — Говорят. *Ред.*

правах, если бы, на ее счастье, острый глаз Пальмерстона не усмотрел в ней орудия, с помощью которого он мог надеяться внести раскол в правительство тори.

Беглый анализ письма, с которым сын Булвера обратился в лондонские газеты, в значительной степени поможет осветить истинное положение дел. Г-н Роберт Булвер-Литтон начинает с заявления, что его «простым словам» нужно «поверить без тени сомнения», потому что он «как сын леди Булвер-Литтон, больше чем кто бы то ни было имеет право выступать в ее защиту и, разумеется, осведомлен обо всем более точно, чем кто-либо другой». Однако этот любящий сын не только не заботился о своей матери, не только не переписывался с ней, но даже не видел ее почти семнадцать лет, пока не встретился с ней на избирательном собрании в Хартфорде, где его отец переизбирался в парламент. Когда леди Булвер покинула избирательное собрание и отправилась к мэру Хартфорда, чтобы попросить его предоставить здание ратуши под зал для лекций, г-н Роберт Булвер-Литтон послал в дом мэра врача с поручением обследовать психическое состояние его матери. Когда, позднее, его мать была похищена в Лондоне, в доме г-на Хейла Томпсона на Кларджес-стрит, а ее двоюродная сестра, мисс Райвз, выбежала на улицу и, увидев находившегося перед домом г-на Литтона, стала умолять его вмешаться и не дать увезти его мать в Брентфорд, г-н Литтон невозмутимо заявил, что все это его не касается. Действуя вначале как один из главных участников заговора, составленного его отцом, он теперь переменил позицию и выступает в роли естественного защитника своей матери. Второй пункт, на котором г-н Литтон строит свое оправдание, заключается в том, что его мать «увезли вовсе не в приют для умалишенных», а всего-навсего в «частный дом» врача г-на Роберта Гардинера Хилла. Но это не более как увертка. Поскольку Уайк-хаус, находящийся в ведении г-на Хилла, по закону причислен не к категории «приютов», а к категории «разрешенных правительством столичных частных домов для умалишенных», формально совершенно правильно, что леди Булвер была заключена не в «приют для умалишенных», а просто в сумасшедший дом.

Доктор Хилл, на свой страх и риск промышляющий «психическими расстройствами», тоже выступил с оправданием, заявляя, что леди Булвер вовсе не находилась взаперти, но, напротив, имела в своем распоряжении коляску и во время своего вынужденного пребывания у него почти каждый вечер ездила кататься в Ричмонд, Актон, Хануэлл или Айзлуэрт. Г-н Хилл забыл сообщить публике, что это принятое им «улуч-

шенное обращение с умалишенными» в точности соответствует официальной инструкции комиссии по психическим заболеваниям. Дружелюбные гримасы, снисходительные улыбки, уговоры, годные для детей, заискивающая болтовня, хитрые подмигивания и напускное спокойствие банды вышколенных сиделок могут свести с ума любую разумную женщину так же успешно, как души, смирительные рубашки, грубые надзиратели и темные палаты. Как бы там ни было, заверения г-на доктора Хилла и г-на Литтона сводятся попросту к тому, что с леди Булвер действительно обращались как с умалишенной, но согласно правилам новой, а не старой системы.

«Я постоянно общался с моей матерью», — говорит г-н Литтон в своем письме, — «... и я выполнял указания моего отца, который полностью посвящал меня во все свои планы... и предложил мне следовать советам лорда Шефтсбери во всем, что могло принести пользу и утешение леди Литтон».

Лорд Шефтсбери, как известно, является главнокомандующим воинства, штаб которого находится в Эксетер-холле[379]. Отбить запах грязного дела благоуханием его святости — это coup de theatre*, достойный гениальной фантазии романиста. Лорда Шефтсбери уже не раз использовали в этом направлении, например в китайском вопросе и в заговоре в Кембридж-хаус. Но г-н Литтон открывает публике лишь половину тайны, иначе ему пришлось бы откровенно рассказать, что немедленно после похищения его матери повелительное письмо от леди Пальмерстон опрокинуло планы сэра Эдуарда и заставило его «последовать советам лорда Шефтсбери», который, как назло, приходится зятем Пальмерстону и в то же время является председателем комиссии по психическим заболеваниям. Пытаясь мистифицировать публику, г-н Литтон далее заявляет:

«С той самой минуты, как мой отец счел себя вынужденным санкционировать меры, столь многими превратно истолкованные, он стал стремиться узнать мнение самых опытных и авторитетных врачей, с тем чтобы не стеснять свободу моей матери ни на мгновение дольше, чем это было совершенно необходимо. Таковы были его указания мне».

Из уклончивой формулировки всей этой нарочито неуклюжей фразы явствует, что компетентный медицинский совет будто бы нужен был сэру Эдуарду Булверу не для того, чтобы изолировать свою жену как умалишенную, а лишь с целью освободить ее как mentis compos**. На самом же деле, медики, с согласия которых была похищена леди Булвер, представляли собой

* — театральный трюк. *Ред.*
** — находящуюся в здравом уме. *Ред.*

все что угодно, только не «самых опытных и авторитетных врачей». Субъектами, нанятыми сэром Эдуардом, являлись некий г-н Росс, лондонский аптекарь, которого разрешение на торговлю медикаментами, как видно, разом превратило в светило психиатрии, и некий г-н Хейл Томпсон, некогда связанный с Вестминстерской больницей, но не имеющий никакого отношения к миру науки. Лишь в результате мягкого давления извне, когда сэр Эдуард, встревожившись, почувствовал, что надо отступить, он обратился к людям, действительно занимающим в медицине видное положение. Его сын опубликовал их свидетельства, но что они доказывают? Доктор Форбс Уинслоу, редактор «Journal of Psychological Medicine»[380], к которому поверенные леди Булвер обращались еще раньше, заявляет, что, «ознакомившись с психическим состоянием леди Булвер-Литтон», он считает «вполне допустимым не стеснять далее ее свободы». Публике же нужно было доказать не то, что допустимо было вернуть леди Булвер свободу, но наоборот, было ли лишение ее свободы правомерным. Эту щекотливую сторону вопроса, имеющую решающее значение, г-н Литтон не отваживается затронуть. Разве констебль, обвиненный в незаконном заключении под стражу свободного британца, не навлек бы на себя насмешек, вздумай он сказать в свое оправдание, что не совершил ничего дурного, вернув заключенному свободу? Но действительно ли леди Булвер возвращена свобода?

«Моя мать», — продолжает г-н Литтон, — *«находится сейчас у меня,* она не стеснена в своих действиях и намерена по своему собственному желанию ненадолго отправиться путешествовать со мной и со своей подругой и родственницей, которую сама выбрала себе в спутницы».

Письмо г-на Литтона помечено: «Парк-лейн, дом № 1», то есть адресом городской резиденции его отца. Не значит ли это, что леди Булвер перевели из места ее заключения в Брентфорде в новое место заключения в Лондоне и целиком отдали в руки озлобленного врага? Кто гарантирует, что она «не стеснена в своих действиях»? Во всяком случае, подписывая предложенный ей компромисс, она не была свободна, а испытывала мучения по усовершенствованной системе доктора Хилла. Самое важное обстоятельство в этом деле следующее: все время, пока сэр Эдуард говорил, леди Булвер молчала. Хотя известно, что она хорошо владеет пером, ни одно ее заявление не попало на глаза публике. Написанный ею отчет о том, как с ней обращались, был ловко отнят у человека, которому она его послала.

К какому бы соглашению ни пришли муж и жена в настоящее время, британскую публику интересует такой вопрос: имеют ли право беспринципные личности, достаточно богатые,

чтобы предложить соблазнительный куш двум голодным лекарям, выдавать lettres de cachet*, прикрываясь законом об умалишенных? И еще один вопрос: позволят ли министру загладить явное преступление простым семейным компромиссом? Недавно выяснилось, что в нынешнем году при обследовании одного приюта в Йоркшире комиссия по психическим заболеваниям обнаружила там человека, находящегося совершенно в здравом уме, которого уже несколько лет тайно держали в заточении в подвале. На вопрос, заданный по этому поводу в палате общин г-ном Фицроем, г-н Уолпол ответил, что «никаких записей об этом факте» он не нашел, отрицая тем самым наличие записей, но не факта. Что на этом дело не кончится, можно заключить из заявления г-на Тайта о том, что «в начале следующей сессии он выдвинет предложение о создании специальной комиссии для расследования вопроса о том, как применяется закон об умалишенных».

Написано К. Марксом 23 июля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5393, 4 августа 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — приказы об аресте. *Ред.*

К. МАРКС

* РОСТ ЧИСЛА УМАЛИШЕННЫХ В АНГЛИИ

В истории британского общества не найдется, пожалуй, более точно установленного факта, чем факт соответственного роста современного богатства и пауперизма. Любопытно, что тот же закон имеет, по-видимому, силу также и в отношении числа умалишенных. Рост числа умалишенных в Великобритании не отстает от роста экспорта и обогнал рост населения. Быстрое увеличение числа умалишенных в Англии и Уэльсе в период неслыханного процветания торговли с 1852 по 1857 г. наглядно показывает следующая сравнительная таблица из годичных отчетов о пауперах, умалишенных и слабоумных за 1852, 1854 и 1857 годы[381]:

Даты	Население	Больные в домах для умалишенных в графствах и городах	Больные в разрешенных правительством частных домах для умалишенных	Больные в работных домах	На попечении друзей и пр.	Всего умалишенных и слабоумных	Соотношение между числом умалишенных и слабоумных и всем населением
На 1 января 1852 г.	17 927 609	9 412	2 584	5 055	4 107	21 158	1:847
На 1 января 1854 г.	18 649 849	11 956	1 878	5 713	4940	24 487	1:762
На 1 января 1857 г.	19 408 464	13 488	1 908	6 800	5497	27 693	1:701

Соотношение между числом острых и излечимых заболеваний и заболеваний хронических и явно неизлечимых составляло

в конце 1856 г. несколько меньше чем 1 : 5, как это видно из следующей официальной сводки:

	Больные всех категорий умопомешательства	Признанные излечимыми
В домах для умалишенных в графствах и городах	14 393	2 070
В больницах	1 742	340
В разрешенных правительством столичных частных домах для умалишенных	2 578	390
В провинциальных частных домах для умалишенных	2 598	527
Всего	21 311	3 327
Признанных излечимыми	3 327	
Признанных неизлечимыми	17 984	

Для призрения умалишенных и слабоумных всех категорий и всех степеней в Англии и Уэльсе существует 37 общественных приютов, из которых 33 находятся в графствах и 4 в городах; затем имеется 15 больниц, 116 разрешенных властями частных домов, из которых 37 находятся в столице и 79 в провинции, и, наконец, работные дома. Общественные приюты для умалишенных или, как их попросту называют, сумасшедшие дома, предназначены по закону исключительно для приема умалишенных из бедных слоев населения, причем они должны служить лечебницами с надлежащим медицинским обслуживанием, а не просто местами изоляции помешанных. В общем можно считать, что, по крайней мере в графствах, они являются правильно организованными учреждениями, хотя настолько громоздки, что обеспечить надлежащее управление ими невозможно; они чрезвычайно переполнены, в них нет строгого подразделения больных по категориям, и к тому же поместить в них можно лишь немногим более половины всего числа умалишенных из бедного населения. В конечном счете эти 37 приютов, разбросанные по всей стране, способны по своей площади вместить всего лишь около 15690 больных. Насколько велика нуждаемость психически больных в этих дефицитных приютах, можно проиллюстрировать одним примером. Когда в 1831 г. был построен Хануэлл (в Мидлсексе) — дом для умалишенных на 500 больных, — полагали, что его хватит для нужд всего графства. Однако спустя два года этот дом уже был полон;

еще через два года его пришлось расширить для приема еще 300 больных; а сейчас (хотя за это время был построен дом Колни Хач для размещения 1200 умалишенных пауперов того же графства) в Хануэлле уже свыше 1000 больных. Колни Хач был открыт в 1851 году; не прошло и пяти лет, как возникла необходимость обратиться к налогоплательщикам для постройки нового приюта; а последние отчеты показывают, что в конце 1856 г. среди населения графства было более 1100 умалишенных пауперов, для которых не нашлось места ни в том, ни в другом доме. В то время как существующие дома для умалишенных слишком велики, чтобы их можно было содержать должным образом, число их слишком мало и не поспевает за быстрым ростом психических заболеваний. Прежде всего необходимо строго разделить дома для умалишенных на две категории: приюты для неизлечимых больных и больницы для излечимых. При содержании неизлечимых и излечимых вместе ни те ни другие не получают ни надлежащего ухода, ни лечения.

Существующие с разрешения властей частные дома для умалишенных, в общем, предназначаются для более состоятельных больных. Но и эти «уютные убежища», как их любят называть владельцы, навлекли на себя за последнее время всеобщее негодование в связи с насильственным увозом леди Булвер в Уайк-хаус и жестоким обращением с г-жей Тёрнер в Эйком-хаус в Йорке. Так как в ближайшее время предстоит парламентское расследование тайн торговли в Британии психическими заболеваниями, то этой частью нашей темы мы можем заняться впоследствии. Сейчас обратим наше внимание лишь на условия содержания 2000 умалишенных из бедных слоев населения, которых попечительства о бедных и прочие местные органы сдают на основе договора в разрешенные властями частные дома для умалишенных. Еженедельно на одного больного, то есть на его содержание, лечение и одежду, этим частным предпринимателям выделяется от 5 до 12 шилл., но фактически содержание больных составляет в среднем от 5 шилл. до 8 шиллингов 4 пенсов. Все помыслы предпринимателей направлены, разумеется, к одной-единственной цели — к тому, чтобы извлекать большие доходы из этих скромных поступлений и соответственно тратить минимальные средства на содержание больных. В своем последнем отчете[382] комиссия по психическим заболеваниям констатирует, что даже в тех частных домах для умалишенных, которым отпускаются достаточно большие средства для содержания больных, фактически не создано никаких условий, а уход за ними самый отвратительный.

Правда, лорд-канцлер имеет право, по представлению комиссии по психическим заболеваниям, аннулировать лицензию на содержание частного дома для умалишенных или не разрешить ее возобновления; однако во многих случаях там, где общественных домов для умалишенных не имеется поблизости или где существующие дома уже переполнены, комиссии не остается ничего другого, как продлить лицензию, либо отправить массу психически больных бедняков в различные работные дома. Однако та же самая комиссия считает, что, как ни велико зло частных домов, оно все же меньше той опасности и того зла, с которыми связано оставление этих больных пауперов почти без ухода в работных домах. В последних находится в настоящее время около 7000 умалишенных. Вначале отделения для умалишенных в работных домах предназначались для приема только тех больных пауперов, за которыми требовался уход лишь не на много больший, чем обычно, и которые могли общаться с прочими обитателями этих домов. Но ввиду того, что трудно получить места для психически больных бедняков в хорошо поставленных приютах, а также из соображений экономии, приходские советы постепенно превращают работные дома в дома для умалишенных, но только в такие, где нет ухода, лечения и надзора, то есть того основного, что должны иметь больные в правильно устроенных приютах. Во многих из более крупных работных домов имеются отделения для умалишенных, в которых содержатся от 40 до 120 больных. Это — мрачные помещения, в которых больные лишены каких бы то ни было занятий, прогулок и развлечений. Ухаживают за ними по большей части живущие в этих же домах пауперы, совершенно непригодные для возложенной на них задачи. Питание, которое помимо всего прочего имеет особое значение для несчастных, заболевших психическим расстройством, редко бывает лучше, чем питание, положенное физически и умственно нормальным обитателям этих домов. Вполне естественно, что в результате всего этого пребывание в работных домах, первоначально предназначавшихся для пауперов, страдающих тихим помешательством, не только ухудшает состояние этих последних, но и грозит превратить в хронические и постоянные даже такие случаи заболеваний, которые могли бы поддаться своевременному лечению. Однако решающим моментом для попечительств о бедных является экономия.

По закону психически больной паупер должен сначала поступить на осмотр к участковому приходскому врачу, который обязан сообщить о нем чиновнику попечительства о бедных; последний должен уведомить магистрат, по приказу которого

больные должны препровождаться в приют для умалишенных. Фактически же ни одно из этих предписаний не выполняется. Умалишенных пауперов без дальних околичностей отправляют в работные дома, где они и остаются на всю жизнь, если только они не буйствуют. Предложения членов комиссии по психическим заболеваниям при их посещениях работных домов о переиоде в дома умалишенных всех больных, которые могут поддаться лечению или за которыми нет надлежащего ухода, обычно аннулируются свидетельством медицинского работника попечительств о том, что данный больной «не буйный». Что представляют собой условия жизни умалишенных в работных домах, можно видеть из следующих фактов, приведенных в последнем отчете о психических заболеваниях, который «правдиво рисует общую картину условий жизни умалишенных в работных домах».

В лечебнице для умалишенных в Норидже тюфяки и подушки даже физически слабых пациентов набиты соломой. Полы к тринадцати маленьких комнатах каменные. Ватерклозетов нот. Ночной надзор в мужской половине отменен. Ощущается сильный недостаток в одеялах, полотенцах, фланелевом белье, смирительных рубашках, умывальных тазах, стульях, тарелках, ложках и других столовых принадлежностях. Вентиляция плохая. Приводим следующую выдержку из отчета:

«Нельзя было верить даже тому, что по своему внешнему виду вначале могло произвести благоприятное впечатление. Так, например, обнаружилось, что большинство постелей, занятых грязными больными, обычно убиралось по утрам и на день заменялось только для видимости более приличными и чистыми, для чего на кровати клали чистые простыни и одеяла, которые регулярно убирались вечером, когда опять клали грязные постели».

Возьмем в качестве другого примера Блэкбернский работный дом:

«Дневные комнаты в нижнем этаже, занятые мужчинами, малы, низки, темны и грязны, и значительная часть площади, предоставленной 11 пациентам, загромождена несколькими тяжелыми стульями, к которым пациенты привязаны ремнями, а также большой, выступающей вперед каминной решеткой. Комнаты женщин на верхнем этаже также чрезвычайно переполнены, а в одной из них, которая служит одновременно спальней, большая часть площади отгорожена под отхожее место; кровати поставлены вплотную друг к другу. В спальне, где ютится 16 больных мужчин, воздух спертый, и там дурно пахнет. Она имеет 29 футов в длину, 17 футов 10 дюймов в ширину и 7 футов 5 дюймов в вышину; таким образом, на каждого больного приходится 2,39 куб. фута. Все тюфяки из соломы, исключения не делается даже для заболевших или прикованных к постели пациентов. Наволочки все очень грязные и носят на себе следы ржавых железных прутьев кроватей. Уборка постелей, по-видимому, предоставлена в основном самим пациентам. Многие па-

циенты отличаются нечистоплотностью в своих привычках, что объясняется главным образом отсутствием надлежащего ухода и внимания к ним. Ночной утвари очень мало, а посреди большой общей спальни ставится на ночь бочонок для общего пользования мужчин. Дворы для прогулок — два для женщин и два для мужчин — посыпаны гравием, окружены высокой стеной и без скамей. Самый большой из этих дворов имеет 74 фута в длину при 30 футах 7 дюймах ширины, а самый маленький — 32 фута на 17 футов 6 дюймов. В одном из этих дворов имеется камера, которая время от времени служит для изоляции буйствующих пациентов. Она целиком выстроена из камня и имеет маленькое квадратное отверстие для света, перегороженное в целях предупреждения побега больных железными прутьями, но без ставен и рамы. На полу камеры — большая соломенная постель, а в одном из углов стоит тяжелый стул. Отделение это отдано целиком на откуп одному санитару и сестре; управляющий работным домом редко вмешивается в их дела и вообще не наблюдает за этим отделением дома с такой тщательностью, как за другими».

Чувство крайнего отвращения не позволяет нам дать здесь выдержки из отчета членов комиссии о работном доме Сент-Панкрас в Лондоне, представляющем собой ад кромешный. Вообще говоря, в Англии найдется мало таких конюшен, которые не показались бы будуарами по сравнению с палатами для умалишенных в работных домах и в которых обращение с четвероногими нельзя было бы не назвать сентиментальным по сравнению с обращением, которому подвергаются умалишенные из бедных слоев населения.

Написано К. Марксом 30 июля 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5407, 20 августа 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЗАКОН 1844 г. ОБ АНГЛИЙСКОМ БАНКЕ

Читатели, наверное, помнят, что в 1857 г. британский парламент был поспешно созван в связи с приостановкой действия закона об Английском банке, которую премьер-министр и канцлер казначейства декретировали на свой страх и риск письмом от 12 ноября, в самый разгар финансовой паники*. Как только прошел билль, освобождающий правительство от ответственности за нарушение закона, в заседаниях парламента был объявлен перерыв, но из его состава была выделена особая комиссия «для расследования действия законов 1844 и 1845 гг. об Английском банке, а также причин недавнего торгового кризиса». В действительности комиссия заседала уже с начала 1857 г. и успела опубликовать два увесистых тома о действии и последствиях законов 1844—1845 гг. об Английском банке — один со свидетельскими показаниями и другой с приложениями[383]. Труды комиссии были почти забыты, когда начавшийся торговый кризис снова вызвал ее к жизни и доставил ей «дополнительный материал для расследования». В двух упомянутых нами увесистых томах ровно за два месяца до гигантского торгового краха комиссия заявляла, что торговля Англии является «здоровой» и ей «ничто не угрожает». Что же касается действия закона сэра Роберта Пиля об Английском банке, то лорд Оверстон 14 июля 1857 г. разразился в комиссии такими дифирамбами:

«Благодаря точному и быстрому претворению в жизнь принципов закона 1844 г.», — сказал он, — «все прошло гладко и легко; денежная система прочна и непоколебима; процветание страны не подлежит сомнению; вера общества в мудрость закона 1844 г. растет с каждым днем;

---

* См. настоящий том, стр. 331. *Ред.*

и если комиссия хочет получить дальнейшие практические доказательства здравости принципов, на которых он основан, или узнать, к каким благотворным результатам он привел, то надлежащим и достаточным ответом ей будет: посмотрите вокруг себя, посмотрите на нынешнее состояние торговли страны, посмотрите на довольство народа, посмотрите на богатство и процветание всех классов страны. И после этого пусть комиссия решает, следует ли ей отменять закон, благодаря которому были достигнуты такие результаты».

Шесть месяцев спустя этой же самой комиссии пришлось поздравлять правительство с тем, что оно приостановило действие именно этого закона!

Комиссия насчитывала среди своих членов не менее пяти канцлеров и экс-канцлеров казначейства, а именно: г-на Дизраэли, сэра Дж. К. Льюиса, г-на Гладстона, сэра Чарлза Вуда и сэра Фрэнсиса Беринга да еще в придачу г-на Уилсона и г-на Кардуэлла, двух людей, давно привыкших снабжать идеями и советами английское министерство финансов. Кроме этих лиц, в комиссию вошли все тузы английской бюрократии. Фактически она насчитывала свыше двух десятков членов и представляла собой замечательное средоточие финансовой и экономической мудрости. Ей пришлось решать следующие вопросы: во-первых, о принципах закона 1844 г. об Английском банке; во-вторых, о влиянии на торговые кризисы выпуска банкнот, оплачиваемых по требованию, и, наконец, об общих причинах недавнего кризиса. Мы предполагаем дать здесь краткий обзор ответов комиссии на все эти вопросы.

Сэр Роберт Пиль, парламентский крестный отец закона 1844 г., и лорд Оверстон, духовный отец этого закона, запретившего Английскому банку выпуск банкнот на сумму свыше 14500000 ф. ст. иначе, как под обеспечение золотом, — льстили себя надеждой, что они предупредили возможность таких денежных затруднений и паники, какие периодически происходили между 1815 и 1844 годами. Но в течение десятилетия их ожидания были дважды обмануты, несмотря на то, что закон получил чрезвычайно ощутительную и неожиданную поддержку в связи с открытием новых богатых месторождений золота. Как видно из свидетельских показаний, представленных комиссии, паника в 1847 и 1857 гг. была еще более сильной и разрушительной, чем когда-либо раньше. Дважды, в 1847 и в 1857 гг., правительству пришлось нарушить закон об Английском банке, чтобы спасти Банк и вращающийся вокруг него финансовый мир.

Казалось, комиссия должна была бы прийти к одному из двух весьма простых выводов: либо периодическое нарушение закона правительством было правильно, и в таком случае неправилен был самый закон, либо закон был составлен правильно,

и тогда надо было запретить правительству нарушать его по своему произволу. Но поверит ли читатель, что комиссия умудрилась одновременно оправдать и необходимость существования закона и периодические его нарушения? Законы обычно имеют своим назначением ограничивать неограниченную власть правительства. В данном случае, напротив, закон, по-видимому, оставляют в силе только для того, чтобы оставить в силе неограниченное право исполнительной власти обходить его. Письмо правительства, уполномочивающее Английский банк производить учет и выдавать ссуды под установленное обеспечение свыше лимита денежного обращения, предписанного в законе 1844 г., было издано 12 ноября, но вплоть до 30 ноября Английскому банку приходилось ежедневно выбрасывать в обращение банкноты в среднем на сумму около полумиллиона фунтов стерлингов сверх установленного законом лимита. 20 ноября незаконное превышение суммы денег в обращении равнялось приблизительно одному миллиону. Нужно ли после этого доказывать, как вредна и бесполезна была попытка сэра Роберта Пиля «урегулировать» денежное обращение? Вполне права комиссия, утверждая, «что никакая система денежного обращения не может оградить торговую страну от последствий ее собственного неблагоразумия». Однако это мудрое замечание неуместно. Вопрос заключался, скорее, в том, могут или нет законодательные меры искусственно усилить денежную панику, представляющую собой только одну из фаз торгового кризиса.

В оправдание закона об Английском банке комиссия говорит:

«Главной целью законодательства, о котором идет речь, было, без сомнения, обеспечить изменения в объеме бумажного денежного обращения королевства согласно тем же самым законам, по которым изменяется объем металлического денежного обращения. Никто не станет утверждать, что эта цель не была достигнута».

Отметим прежде всего, что комиссия отказывается выразить свое мнение относительно законов, по которым изменяется объем металлического денежного обращения; причина этого заключается в опасении комиссии, что ей «не удастся прийти к какому-либо выводу без значительного расхождения во мнениях». По мнению сторонников чисто металлического денежного обращения, возглавлявшихся сэром Робертом Пилем, это обращение должно сокращаться или расширяться в соответствии с состоянием вексельного курса, то есть, другими словами, золото должно приливать в страну при благоприятном курсе, а при неблагоприятном утекать из нее. В первом случае общий уровень цен должен повышаться; во втором — он должен падать. Но если предположить, что такие резкие колебания цен присущи

исключительно металлическому обращению, то г-н Дж. Ст. Милль был несомненно прав, когда утверждал в комиссии, что цель, которой должно служить бумажно-денежное обращение, заключается в исправлении и предотвращении подобных катастрофических превратностей, а отнюдь не в подражании им.

Однако факты показали, что предпосылки, из которых исходят в своих рассуждениях сторонники чисто металлического денежного обращения, являются лишь плодом их фантазии. В странах, где нет кредитных операций, а следовательно, нет и бумажно-денежного обращения, запасы золота и серебра повсеместно скопляются у частных лиц; примерно так до последнего времени обстояло дело во Франции, и до сих пор еще так обстоит дело в значительно большей мере во всех азиатских странах. Когда неблагоприятный вексельный курс вызывает отлив драгоценных металлов из страны, то эти запасы вовлекаются в оборот в результате повышения ставки учётного процента. Когда же вексельный курс становится благоприятным, то избыток драгоценных металлов снова переходит в запас. Ни в том, ни в другом случае в обращении не создается пустоты или, наоборот, избытка денег. Отлив и прилив драгоценных металлов влияют на состояние частных запасов, а не на состояние денежного обращения, и никоим образом не воздействуют на общий уровень цен. Что же остается тогда от апологии закона 1844 г. об Английском банке со стороны комиссии, утверждающей, будто в периоды напряжения денежного рынка закон этот имеет тенденцию создавать внезапные колебания цен, которые, как она ошибочно предполагает, происходят на основе чисто металлического денежного обращения? Но, говорит комиссия, законом сэра Роберта Пиля гарантируется, по крайней мере, размен банкнот, а это первая обязанность Банка. Далее комиссия присовокупляет:

«Необходимое обеспечение, которое хранится в подвалах этого учреждения согласно положениям закона 1844 г., является большим, чем обеспечение, какое когда-либо хранилось там в прежние периоды напряжения денежного рынка. Во время кризиса в 1825 г. металлический запас сократился до 1261000 ф. ст., в 1837 г. до 3831000 ф. ст. и в 1839 г. до 2406000 фунтов стерлингов; между тем, самыми низкими точками, на которых он находился после 1844 г., были: 8313000 ф. ст. в 1847 г. и 6080000 ф. ст. в 1857 году».

Прежде всего, в указанные здесь периоды паники обмен банкнот сохранялся не потому, что Английский банк обладал достаточным запасом драгоценных металлов, чтобы выполнить свои обязательства, а просто потому, что от него не требовали их оплаты в золоте. Так, например, в 1825 г. Банк выдержал

наплыв требований, выпустив банкноты достоинством в 1 фунт стерлингов. Если сравнительно более крупные металлические запасы 1847 и 1857 гг. считать просто следствием закона 1844 г., то на том же основании следует приписать этому закону и тот факт, что в 1857 г. металлический запас, несмотря на австралийское и калифорнийское золото, сократился более чем на 2000000 ф. ст. по сравнению с уровнем 1847 года. И хотя Английский банк имел вдвое или втрое большее количество золота, чем то, которым он обладал в 1825 и 1836 гг., он все же, в силу положений закона сэра Роберта Пиля, очутился в 1847 и 1857 гг. на грани банкротства. По словам управляющего Банком, весь резерв банковского департамента 12 ноября 1857 г., то есть в день издания письма казначейства, составлял только 580 751 фунт стерлингов; в то же самое время его вклады выражались в сумме 22500000 ф. ст., из которых около 6500000 ф. ст. принадлежали лондонским банкам. Если бы не появилось письмо казначейства, всю лавочку пришлось бы закрыть. Повышение или понижение ставки учетного процента— а Банк признается, что у него нет другого средства воздействовать на денежное обращение, — является приемом, который применялся и до издания закона 1844 г. и который, конечно, можно было бы применять и после его отмены. Но, заявляет Банк, директора хотят, чтобы их достоинство поддерживалось с помощью закона, и было бы нецелесообразно «предоставить им действовать соответственно их собственной мудрости и решительности». В обычные времена, когда закон о Банке заведомо является мертвой буквой, директора хотят найти поддержку в той фикции, что он должным образом функционирует, а в моменты напряжения — единственные моменты, когда этот закон вообще только и может действовать, — они хотят избавиться от него с помощью правительственного указа.

Написано К. Марксом 6 августа 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5409, 23 августа 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ТОРГОВЫЕ КРИЗИСЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В АНГЛИИ

В политической экономии пет, пожалуй, более распространенного заблуждения, чем то, что эмиссионные банки способны будто бы влиять на общий уровень цен посредством расширения или сокращения денежного обращения. Мнение, согласно которому банки, чрезмерно расширяя выпуск денег в обращение, вызывают тем самым инфляционный рост цен, насильственно устраняемый лишь в результате последующего краха, является слишком упрощенным, а потому и заманчивым объяснением любого кризиса. Следует иметь в виду, что вопрос заключается не в том, могут ли банки способствовать созданию фиктивной системы кредита, а в том, способны ли они регулировать количество денег, находящихся на руках у публики.

Вряд ли кто станет оспаривать положение, что интересы каждого эмиссионного банка побуждают его держать в обращении возможно большее количество своих собственных банкнот. Если есть на свете банк, обладающий не только подобным желанием, но и способностью осуществить его, так это, конечно, Английский банк. Однако если мы рассмотрим период, например, с 1844 по 1857 г., то увидим, что, за исключением моментов паники, этот Банк, несмотря на предоставленную ему привилегию выбрасывать на рынок свои банкноты посредством закупки государственных ценных бумаг и несмотря на последовательные снижения процентной ставки, ни разу не смог довести свои выпущенные в обращение банкноты до разрешенной ему законом предельной суммы. Но есть и другое, еще более поразительное явление. В период между 1844 и 1857 гг. общий торговый оборот Соединенного королевства примерно утроился. Британский же

экспорт за последние десять лет, как мы знаем, удвоился. Но одновременно с этим огромным ростом торговли сумма банкнот Английского банка, находящихся в обращении, фактически сократилась и все еще продолжает постепенно сокращаться. Возьмем следующие цифры:

Годы	Экспорт ф. ст.	Обращение банкнот ф. ст.
1845	60 110 000	20 722 000
1854	97 184000	20 709 000
1856	115 826 000	19 648 000
1857	122 155 000	19 467 000

Таким образом, одновременно с увеличением экспорта на 62645000 ф. ст. денежное обращение уменьшилось на 1255000 ф. ст., хотя в течение того же самого периода, благодаря закону 1844 г. об Английском банке, число отделений этого Банка возросло, число конкурирующих с ним провинциальных эмиссионных банков уменьшилось, а его собственные банкноты были превращены в законные средства платежа для провинциальных банков. Быть может, скажут, что золотая монета, поступавшая из новых богатых источников, способствовала вытеснению части банкнот Английского банка, заполнив каналы денежного обращения, которые раньше были заняты этими банкнотами. Действительно, управляющий Английским банком в 1857 г. г-н Уэгелин заявил в комиссии палаты общин, что наиболее компетентные лица определяют прирост золотого обращения за последние шесть лет в 30%. Сам он считал, что все золотое обращение достигает суммы в 50000000 фунтов стерлингов. Это увеличение количества золотой монеты было, однако, так мало связано с сокращением бумажных денег, что количество банкнот более мелкого достоинства в 5 и 10 ф. ст. — единственных, которые могли бы быть заменены золотой монетой в розничной торговле и в расчетах между торговцами и потребителями — наоборот, фактически увеличилось как раз тогда, когда увеличилось и количество металлических денег в обращении. Следующая таблица показывает пропорциональное увеличение количества этих банкнот:

Годы	Банкноты в 5 и 10 ф. ст.		В %% к сумме всех банкнот в обращении
1845	9 698 000	ф. ст.	46,9
1854	10 565 000	»	51,0
1855	10 628 000	»	53,6
1856	10 680 000	»	54,4
1857	10 659 000	»	54,7

Таким образом, уменьшение произошло за счет банкнот более высокого достоинства, банкнот от 200 до 1000 ф. ст., выполняющих такие функции внутреннего обращения, из которых монета, строго говоря, почти исключена. Эти банкноты использовались так экономно, что, несмотря на расширение торговли, на общий подъем цен и рост обращения мелких бумажных денег, обращение банкнот в целом продолжало постепенно уменьшаться. Количество банкнот достоинством от 200 до 1000 ф. ст. в 1857 г. упало с суммы в 5856000 ф. ст., которой оно достигало в 1852 г., до 3241000 фунтов стерлингов. В то время как в 1844 г. эти банкноты еще составляли 26% всего обращения банкнот, в 1854 г. они составили только 20,5%, в 1855 г. — 17,5%, в 1856 г. — 16,9% и в 1857 г. — лишь 16,7%.

Эта новая черта в бумажно-денежном обращении Великобритании вызвана растущей конкуренцией между лондонскими акционерными банками и частными банками, а также накоплением в руках акционерных банков крупных сумм, благодаря заведенной ими практике платить проценты по вкладам. После долгого, но тщетного сопротивления частные лондонские банкиры вынуждены были 8 июня 1854 г. согласиться на допущение акционерных банков к участию в операциях расчетной палаты, и вскоре окончательный расчет стал производиться в помещении Английского банка. Так как ежедневные расчеты совершались теперь посредством переводов по счетам, которые различные банки имеют в этом учреждении, то крупные банкноты, употреблявшиеся раньше банкирами для производства своих взаимных расчетов, перестали широко применяться, и поэтому большая часть их выпала из обращения. Тем временем во всех девяти лондонских акционерных банках, как явствует из опубликованных ими отчетов, вклады возросли о 8850774 ф. ст. в 1847 г. до 43100724 ф. ст. в 1857 году. Таким образом, то влияние, какое банки могли бы оказать на общее направление торговли и на цены, должно было быть осуществлено ими при помощи депозитных, то есть кредитных операций, а не посредством чрезмерного выпуска банкнот, которые банки оказались не в силах сохранить в обращении даже в пределах установленной ранее лимитной суммы.

Как мало наличных денег, золота и банкнот Английского банка участвует в оптовых сделках британской торговли, убедительно показывает анализ непрерывных торговых операций на несколько миллионов фунтов стерлингов ежегодно, представленный комиссии палаты общин г-ном Слейтером, компаньоном одной из крупнейших лондонских фирм. Размеры поступлений

и платежей в 1856 г. сведены к масштабу всего лишь в 1000000 ф. ст. и представляются в следующем виде:

Поступления

	ф. ст.
В банковских траттах и векселях на разные сроки	533 596
В чеках на банки, оплачиваемых по требованию	357 715
В банкнотах провинциальных банков	9 627
Итого	900 938
В банкнотах Английского банка	68 554
В золоте	28 089
В серебре и меди	1 486
В почтовых переводах	933
Итого	99 062
Общий итог	1 000 000

Платежи

	ф. ст.
Векселями на разные сроки	302 674
Чеками на лондонские банки	663 672
Итого	966 346
Банкнотами Английского банка	22 743
Золотом	9 427
Серебром и медью	1 484
Итого	33 654
Общий итог	1 000 000

Эти цифры могут служить иллюстрацией для английской оптовой торговли, имеющей своим центром Лондон. Из них видно, что банкноты Английского банка составляют менее 10%, а золото и серебро — только 3% всех поступлений. Из платежей только 2% были произведены банкнотами Английского банка и только 1% — золотом и серебром. С другой стороны, около 90% всех поступлений и около 97% всех платежей производится за счет кредита и капитала самих торговцев.

Анализ эмиссии нью-йоркских банков примерно за шесть последних лет должен привести нас к такому же выводу, а имен-

но, что количество банкнот, находящихся в обращении, не зависит от самих банков и фактически сокращалось в то самое время, когда торговля расширялась и наблюдался инфляционный рост цен, пока дело не кончилось крахом. Поэтому вульгарное представление, связывающее недавний кризис, как и кризисы вообще, с чрезмерным выпуском банкнот, должно быть отброшено как сущая фантазия.

Написано К. Марксом 10 августа 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5414, 28 августа 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИСТОРИЯ ТОРГОВЛИ ОПИУМОМ [384]

Вести о новом договоре[385], исторгнутом у Китая полномочными представителями союзников, по-видимому, породили такие же фантастические перспективы колоссального расширения торговли, какие мерещились купцам в 1845 г. по окончании первой китайской войны. Если даже допустить, что телеграммы из Петербурга соответствуют действительности, можно ли быть вполне уверенным в том, что увеличение числа открытых для торговли пунктов непременно повлечет за собой рост торговли с Китаем? Можно ли рассчитывать на то, что война 1857—1858 гг. приведет к лучшим результатам, нежели война 1841—1842 годов? Ведь совершенно бесспорно, что договор 1843 г., вместо того чтобы увеличить американский и английский экспорт в Китай, лишь содействовал ускорению и углублению торгового кризиса 1847 года. Точно так же и нынешний договор, вызывая мечты о неисчерпаемом рынке и поощряя спекулятивный ажиотаж, может способствовать подготовке нового кризиса как раз в тот самый момент, когда мировой рынок так медленно оправляется от недавнего всеобщего потрясения. Помимо этого своего отрицательного результата, первая опиумная война стимулировала также рост торговли опиумом за счет обычной торговли, и такой же точно результат будет иметь эта вторая опиумная война, если только давление со стороны всего цивилизованного мира не заставит Англию отказаться от принудительного производства опиума в Индии и вооруженной пропаганды его сбыта в Китае. Мы не будем подробно останавливаться на нравственной стороне этой торговли, о которой даже англичанин Монтгомери Мартин писал следующее:

«Да что там! торговля рабами была просто милосердной по сравнению с торговлей опиумом; мы не разрушали организм африканских негров, ибо наш непосредственный интерес требовал сохранения их жизни; мы не унижали их человеческой природы, но развращали их ума, не умерщвляли их душ. А продавец опиума убивает тело, после того как развратил, унизил и опустошил нравственное существо несчастных грешников; ненасытный Молох каждый час требует все новых жертв, и убийца-англичанин и самоубийца-китаец соперничают друг с другом в приношении этих жертв на его алтарь»[386].

Китаец не может покупать одновременно и товары и наркотик; в нынешних условиях расширение торговли с Китаем означает расширение торговли опиумом; а рост последней не совместим с развитием легальной торговли, — эти положения уже два года тому назад были признаны почти повсюду. Комиссия палаты общин, назначенная в 1847 г. для рассмотрения состояния торговых связей между Англией и Китаем, докладывала:

«Мы должны с сожалением признать, что торговля с этой страной за последнее время находится в весьма неудовлетворительном состоянии и что *результат расширения наших сношений отнюдь не оправдал справедливых ожиданий,* которые, естественно, основывались на факте *свободного доступа к этому великолепному рынку.* Мы считаем, что препятствием для развития этой торговли является вовсе не недостаток спроса в Китае на английские товары и не растущая конкуренция других государств; *плата за опиум* — вот что поглощает все серебро к большому ущербу для общей торговли китайцев; а за остальные товары они уже вынуждены расплачиваться чаем и шелком».

«Friend of China» от 28 июля 1849 г., обобщая те же самые факты, высказывается совершенно определенно:

«Торговля опиумом непрерывно растет. Рост потребления чая и шелка в Великобритании и Соединенных Штатах привел бы только к дальнейшему росту торговли опиумом; у фабрикантов нет перспектив на торговлю с Китаем».

Один крупный американский купец в Китае в статье, напечатанной в январе 1850 г. в «Merchant's Magazine»[387], издаваемом Хантом, весь вопрос торговли с Китаем свел к следующему:

«Какую отрасль торговли следует ликвидировать — торговлю опиумом или экспортную торговлю американскими и английскими товарами?»

Сами китайцы смотрят на дело точно так же. Монтгомери Мартин рассказывает:

«Я спросил даотая* в Шанхае, что, по его мнению, могло бы наилучшим образом способствовать расширению нашей торговли с Китаем, и он, в присутствии консула ее величества капитана Бальфура, тут же ответил мне: «Перестаньте посылать нам так много опиума, и мы будем в состоянии покупать ваши изделия»».

* — высшего чиновника. *Ред.*

История всей торговли за последние восемь лот дала новую, поразительную иллюстрацию этому положению; но прежде чем рассмотреть вредное влияние торговли опиумом на легальную торговлю, мы дадим краткий обзор происхождения и роста этой необычной торговли, которая, если учесть трагические коллизии, образующие, так сказать, ось, вокруг которой она вращается, или ее влияние на все отношения между восточным и западным миром, стоит особняком в летописях человечества.

До 1767 г. количество опиума, вывозимого из Индии, не превышало 200 ящиков весом каждый около 133 фунтов. Ввоз опиума для лечебных целей был разрешен китайским законом при уплате пошлины приблизительно в 3 доллара с ящика; при этом почти единственными экспортерами опиума в Небесную империю были португальцы, привозившие его из Турции.

В 1773 г. полковник Уотсон и вице-президент Уилер, лица, достойные занять место рядом с Эрмантье, Палмерами и прочими всемирно известными отравителями, подали Ост-Индской компании мысль начать торговлю опиумом с Китаем. В результате был устроен склад опиума на судах, стоявших на якоре в бухте к юго-западу от Макао. Эта афера потерпела неудачу. В 1781 г. вооруженный корабль с грузом опиума был отправлен в Китай бенгальским правительством, а в 1794 г. большой корабль Компании прибыл с опиумом в Вампоа — якорную стоянку кантонского порта. По-видимому, Вампоа оказался более подходящим складом, нежели Макао, так как уже через два года после того, как он был избран для этой роли, китайское правительство сочло нужным издать закон, согласно которому китайским контрабандистам-торговцам опиумом угрожало избиение бамбуковыми палками и согласно которому их должны были выставлять напоказ в деревянных ошейниках. Около 1798 г. Ост-Индская компания перестала быть непосредственным экспортером опиума, зато она сделалась его производителем. В Индии была учреждена монополия на производство опиума, и в то время как собственным кораблям Компании торговля этим снадобьем была лицемерно запрещена, разрешения, которые Компания давала частновладельческим судам, торгующим с Китаем, содержали условие, по которому они подвергались штрафу за провоз опиума, произведенного не самой Компанией.

В 1800 г, ввоз в Китай достиг уже 2000 ящиков. Если в течение XVIII века борьба между Ост-Индской компанией и Небесной империей носила такой же характер, как и вообще все стычки между иностранными купцами и китайской таможней, то с начала XIX века она приняла черты совершенно особые

и исключительные. В то время как китайский император, с целью приостановить самоубийство своих подданных, запрещал одновременно и ввоз этого яда иностранцами и потребление его китайцами, Ост-Индская компания стремительно превращала производство опиума в Индии и его контрабандную продажу в Китае в неотъемлемую часть своей собственной финансовой системы. В то время как полуварвар отстаивал принцип морали, представители цивилизованного мира противопоставляли ему принцип наживы. То, что колоссальная империя, население которой составляет почти треть человечества, прозябающая вопреки духу времени, изолированная насильственным выключением ее из системы мировых связей и поэтому умудряющаяся обманывать самое себя иллюзией насчет своего «небесного совершенства», что такая империя должна погиб-путь, в конце концов, в смертельном поединке, в котором представитель одряхлевшего мира следует этическим побуждениям, а представитель самого современного общества борется за привилегию покупать на самых дешевых и продавать на самых дорогих рынках, — это, поистине, трагедия, необычайный сюжет которой никогда не дерзнула бы создать даже фантазия поэта.

Написано К. Марксом 31 августа 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5433, 20 сентября 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИСТОРИЯ ТОРГОВЛИ ОПИУМОМ [388]

Именно присвоение британским правительством монополии на производство опиума в Индии явилось мерой, приведшей к запрещению торговли опиумом в Китае. Жестокие наказания, которым законодатель Небесной империи подвергал своих непослушных подданных, и предписанный китайским таможням строжайший запрет ввоза опиума оказались одинаково бессильными. Непосредственным результатом морального сопротивления китайцев было то, что англичане развратили имперские власти, таможенных чиновников и вообще всех мандаринов. Коррупция, которая пропитала всю систему бюрократии Небесной империи и разрушила оплот патриархального уклада, была вместе с ящиками опиума контрабандным путем ввезена в империю с английских кораблей-складов, стоявших на якоре в Вампоа.

Питаемая Ост-Индской компанией, безуспешно запрещаемая центральным правительством в Пекине, торговля опиумом неуклонно возрастала в объеме и в 1816 г. уже выражалась в сумме около 2500000 долларов. Разрешение в 1816 г. свободной торговли в Индии, за единственным исключением торговли чаем, которая и поныне продолжает составлять монополию Ост-Индской компании, дало новый мощный толчок деятельности английских контрабандистов. В 1820 г. число ящиков, ввезенных контрабандой в Китай, достигло 5147, в 1821 г. — 7000, а в 1824 г. — 12639. Между тем китайское правительство, обращаясь с протестами и угрозами к иностранным купцам, в то же самое время наказывало гонконгских купцов, которые были известны как их сообщники, развивало необычайную

энергию в преследовании туземных потребителей опиума и применяло все более строгие меры в своих таможнях. Конечным результатом всех этих усилий, как и в 1794 г., было лишь перенесение складов опиума из мест ненадежных в места более удобные для торговли опиумом. Из Макао и Вампоа они были переброшены к острову Линтин у входа в реку Кантон, где их постоянным местонахождением стали вооруженные до зубов специально приспособленные суда с многочисленными командами. Равным образом, когда китайскому правительству временно удалось прекратить операции старых кантонских фирм, торговля перешла лишь в другие руки, к более мелким торговцам, которые были готовы вести ее с каким угодно риском и любыми средствами. В этих новых, более благоприятных для нее условиях торговля опиумом за десять лет — с 1824 по 1834 г. — возросла с 12639 до 21785 ящиков.

1834 год, подобно 1800, 1816 и 1824 годам, знаменует собой эпоху в истории торговли опиумом. Ост-Индская компания не только лишилась в этом году своей привилегии на торговлю китайским чаем, но и вообще должна была прекратить всякие торговые дела. Вследствие этого преобразования Компании из торгового учреждения в чисто административное, торговля с Китаем перешла полностью к частным английским предпринимателям, которые взялись за дело так рьяно, что уже в 1837 г., несмотря на отчаянное сопротивление правительства Небесной империи, в Китай удалось ввезти контрабандным путем 39000 ящиков опиума стоимостью в 25000000 долларов. Здесь обращают на себя внимание два факта: во-первых, начиная с 1816 г., на каждом этапе развития экспортной торговли Англии с Китаем непропорционально большая доля неизменно приходилась на контрабандную торговлю опиумом и, во-вторых, одновременно с постепенным исчезновением чисто коммерческой заинтересованности англо-индийского правительства в торговле опиумом возрастала его фискальная заинтересованность в этой недозволенной торговле. В 1837 г. китайское правительство, наконец, оказалось в таком положении, когда необходимо было немедленно принять решительные меры. Непрерывный отлив серебра, вызываемый ввозом опиума, начал вносить расстройство как в дела казначейства, так и в денежное обращение Небесной империи. Сюй Най-цзи, один из самых выдающихся государственных деятелей Китая, предложил узаконить торговлю опиумом и извлекать из нее доходы; однако после всестороннего, длившегося свыше года обсуждения, в котором приняли участие все высшие сановники империи, китайское правительство пришло к решению, что «ввиду вреда, причиняемого народу этой

гнусной торговлей, она не должна быть узаконена». Уже в 1830 г. 25%-ная пошлина принесла бы казне доход в 3850000 долларов, в 1837 г. она увеличила бы его вдвое, но «небесный» варвар не пожелал взимать налог, который неизбежно стал бы возрастать в той же пропорции, в какой деградировал бы его народ. В 1853 г. нынешний император Сянь-фын, находясь в еще более тяжелых обстоятельствах и полностью сознавая тщетность всех усилий прекратить растущий ввоз опиума, все же остался верен непреклонной политике своих предков. Замечу en passant*, что, преследуя потребление опиума как ересь, император предоставил тем самым торговле опиумом все преимущества пропаганды запретного религиозного учения. Чрезвычайные меры китайского правительства в 1837, 1838 и 1839 гг., кульминационным пунктом которых было прибытие в Кантон правительственного комиссара Линя и последовавшая по его приказу конфискация и уничтожение контрабандного опиума, послужили поводом для первой англо-китайской войны, которая в свою очередь привела к восстанию в Китае, к полному истощению императорской казны, к успешному вторжению России с севера и к колоссальному размаху торговли опиумом на юге. Хотя торговля опиумом и запрещалась договором, которым Англия закончила войну с Китаем, начатую и проведенную в целях защиты этой торговли, однако на деле с 1843 г. она продолжалась совершенно безнаказанно. Общая стоимость ввоза опиума в Китай в 1856 г. оценивается приблизительно в 35000000 долларов, причем в том же самом году англо-индийское правительство получило от опиумной монополии доход в 25000000 долларов, то есть ровно шестую часть всего своего государственного дохода. События, послужившие поводом ко второй опиумной войне, относятся к очень недавнему прошлому и не нуждаются в каких-либо комментариях.

В заключение нашего анализа мы не можем не отметить особо одного вопиющего внутреннего противоречия христианско-ханжеского, спекулирующего цивилизацией британского правительства. В качестве имперского правительства оно делает вид, будто не имеет ничего общего с контрабандной торговлей опиумом, и даже заключает договоры, запрещающие ее. Однако в качестве индийского правительства оно навязывает Бенгалии производство опиума к великому ущербу для производительных сил этой страны; одну часть индийских райятов оно принуждает сеять мак, другую часть соблазняет на это же посредством денежных ссуд. Оно держит в своих руках

* — между прочим. *Ред.*

строгую монополию на все производство этого вредного снадобья, следит с помощью целой армии официальных шпионов за выращиванием мака, за его доставкой в определенные пункты, за его выпариванием и приготовлением опиума применительно к вкусам китайских потребителей, за его упаковкой в тюки, специально приспособленные для удобства контрабанды и, наконец, за его перевозкой в Калькутту, где опиум продается с аукциона на правительственных торгах и государственные чиновники передают его спекулянтам, а те — контрабандистам, которые выгружают его в Китае. Ящик, который обходится британскому правительству около 250 рупий, продается на торгах в Калькутте по цене от 1210 до 1600 рупий. Но, не довольствуясь такого рода фактическим сообщничеством, это же самое правительство и по сей день участвует непосредственно в прибылях и убытках купцов и судовладельцев, которые пускаются на рискованную операцию по отравлению целой империи.

Индийские финансы британского правительства в действительности поставлены в зависимость не просто от торговли опиумом с Китаем, но именно от контрабандного характера этой торговли. Если бы китайское правительство узаконило торговлю опиумом и одновременно допустило разведение мака в Китае, это означало бы серьезную катастрофу для англоиндийского казначейства. Открыто проповедуя свободную торговлю ядом, британское правительство тайком охраняет монополию его производства. Всякий раз, когда мы внимательно присматриваемся к природе британской свободной торговли, мы в основе ее «свободы» почти повсюду видим монополию.

Написано К. Марксом 3 сентября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5438, 25 сентября 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЕЩЕ ОДНА СТРАННАЯ ГЛАВА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Лондон, 7 сентября 1858 г.

Несколько месяцев тому назад я послал вам ряд документов, касающихся попытки Мехмед-бея, он же полковник Бандья, предать черкесов*. С тех пор к этому странному эпизоду черкесской войны прибавилась новая глава; декларации и контрдекларации различных заинтересованных сторон вызвали, во-первых, серьезные распри между венгерской и польской эмиграцией в Константинополе, а затем ожесточенные споры в штаб-квартире европейской эмиграции в Лондоне по вопросу о том, что некоторые известные лица якобы причастны к делу Бандьи. Отлично зная, с каким интересом революционная эмиграция всех оттенков и всех национальностей относится ко всему, что печатает «Tribune», я умышленно не возвращался к этой теме, пока собственными глазами не увидел оригиналов нескольких писем, которые появились в константинопольских газетах, но подлинность которых впоследствии оспаривалась, и пока я, таким образом, вполне не удостоверился во всех фактах данного дела. Тем не менее я счел бы нарушением долга не противодействовать трусливым махинациям, имеющим целью замять дальнейшее расследование и набросить покров тайны на всю эту историю. Если среди революционной эмиграции имеются люди, склонные вступить в заговор с русским правительством или даже стать на сторону таких профессиональных шпионов, как Бандья, то пусть они выступят и найдут в себе мужество защищать свои взгляды.

* См. настоящий том, стр. 490-496. *Ред.*

Читатели помнят, что признание Бандьи и остальные касающиеся его документы были доставлены в Константинополь Стоком, поручиком польского отряда в Черкесии, который возил депеши своего начальника, полковника Лапинского, и был членом военной комиссии, судившей Бандью. Четыре месяца поручик Сток оставался в Константинополе для того, чтобы своими показаниями подтвердить правильность обвинения в измене, выдвинутого Лапинским против Бандьи, в случае, если бы оказалось необходимым прибегнуть к судебному разбирательству. В своем признании Бандья указал на причастность к его интригам в Черкесии Кошута, генерала Штейна, полковника Тюрра и части возглавляемой Кошутом венгерской эмиграции. Проживающие в Константинополе поляки, получив известия и документы, привезенные поручиком Стоком, не сразу поверили обвинениям, выдвинутым Бандьей против его соотечественников, и, сомневаясь в подлинности этих документов, решили оставить их у себя. В ожидании дальнейших известий из Черкесии они ограничились тем, что поместили в газете «Presse d'Orient» краткую заметку об измене Мехмед-бея, он же Бандья, и приговоре военного суда. После появления этой заметки у них побывало несколько венгров, в том числе полковник Тюрр, который заявил, что эта заметка является оскорблением для него как венгра и для всей эмиграции вообще. Однако, прочитав документы, привезенные из Черкесии, Тюрр сначала весьма слабо стал опровергать утверждения Бандьи, касающиеся его собственного участия, а затем воскликнул, что Бандью следовало бы повесить, и просил поляков отправить эмиссара к Сефер-паше, чтобы уговорить его утвердить и привести в исполнение приговор военного суда. Тогда он получил от поляков разрешение взять с собой письмо Бандьи, где тот советует своим соотечественникам воздерживаться от всякого вторжения в Черкесию и от всяких интриг против поляков.

«Что касается наших планов», — говорит Бандья в этом письме, — «то они окончательно разрушены, и моя судьба находится в руках Лапинского».

Не довольствуясь передачей Тюрру и другим венграм документов, впоследствии напечатанных в «Tribune», поляки дали еще одно неопровержимое доказательство своей добросовестности. Чтобы снискать расположение судей после своего осуждения на смерть и доказать им свою готовность чистосердечно сознаться во всем, что ему известно, Бандья раскрыл председателю военного суда Лапинскому всю историю

приготовлений, которые делаются его соотечественниками против Австрии. Он рассказал ему, какого рода ресурсами они располагают, назвал города, в которых они устроили склады оружия, и имена лиц, попечению которых эти склады поручены. Поляки тотчас же уведомили венгров об угрожавшей им опасности, показали им все неопубликованные документы, полученные в связи с этим делом, и, чтобы уверить венгров в том, что эти документы навсегда останутся в тайне, предложили в их присутствии запечатать их своими собственными печатями. Эти документы существуют до сих пор, и печати еще целы. Среди лиц, которые запечатывали документы, были Тюрр, Туконь (Селим-ага), Тальмайер (Эмин-ага) и другие вожди возглавляемой Кальмаром эмиграции в Константинополе, которые впоследствии подписали манифест в защиту Бандьи.

Вскоре после свидания Тюрра с поляками в литографированной корреспонденции агентства Гавас в Париже появилась телеграмма следующего содержания:

«Полученное в Марселе письмо полковника Тюрра разоблачает ложное утверждение «Presse d'Orient» относительно предательства и осуждения полковника Мехмед-бея».

Эта заметка была перепечатана большей частью европейской прессы. В то же время несколько венгров представили в редакцию «Presse d'Orient» письма из Черкесии о том, что Мехмед-бей находится на свободе и по-прежнему поддерживает сношения с Сефер-пашой. Бандья был представлен публике как мученик, пострадавший за дело свободы; полковник Лапинский обвинялся в подлогах и других преступлениях, а поляки в Константинополе были изображены как его сообщники. Не обошлось и без смешных попыток запугать поляков. Только тогда поляки опубликовали в «Tribune» и лондонской «Free Press» признания Бандьи и ряд документов по этому делу. Тем временем Бандья прибыл в Константинополь и явился в редакцию «Presse d'Orient». Редакторы этой газеты сказали ему, что они опубликовали касающееся его сообщение, ибо у них не было ни малейшего основания сомневаться в его правильности, но что они готовы опровергнуть его, если Бандья сможет представить неопровержимые доказательства его лживости. В ответ Бандья смог только сказать, что все это ложь, что он является жертвой интриги, а затем рассказал множество деталей, касающихся событий в Черкесии, о которых его никто не спрашивал. Когда же его спросили, каким образом он, турецкий офицер и черкесский главнокомандующий, мог на-

писать письмо, явно предназначенное для русского генерала Филипсона и представляющее собой вполне достаточное доказательство всех выдвинутых против него обвинений, Бандья ухитрился обойти этот опасный пункт, небрежно заметив, что он готовит ответ на ложно приписываемые ему признания. Он закончил разговор обещанием ответить в газете на выдвинутые против него обвинения; это предложение было принято с тем условием, что в его письме не будет никаких личных нападок. При этом разговоре присутствовали один французский офицер, один французский священник и один армянский публицист, которые выразили готовность выступить в качестве свидетелей перед любым судом. При вторичном посещении, 25 апреля, Бандья передал редакции «Presse d'Orient» свое письмо, содержащее, вопреки условию, гнусные нападки на полковника Лапинского и Ибрагим-бея; между тем имя поручика Стока, который, к несчастью для Бандьи, все еще находился в Константинополе, не было упомянуто. После того как в письме, по настоянию редакции, были сделаны некоторые изменения, оно появилось в «Presse d'Orient». Вот, в основном, содержание этого письма:

«Я оказался жертвой гнусных интриг со стороны Ибрагим-бея и г-на Лапинского. К вечеру 31 декабря прошлого года Ибрагим-бей вызвал меня к себе домой для частной беседы. Я явился, не имея при себе оружия. Едва я вошел в комнату Ибрагим-бея, где уже собрались мои враги, как я был арестован и в ту же ночь отвезен по направлению к Адерби. Так как я находился во власти своих врагов, то моя жизнь и жизнь всей моей семьи подвергалась величайшей опасности, и, если бы не угрозы черкесов, меня бы убили. Но, в конце концов, 19 марта черкесские вожди освободили меня, и теперь настала очередь Лапинского, Ибрагим-бея и самого Сефер-паши трепетать и просить у меня прощения за все то зло, которое они мне причинили. Одного моего слова было бы достаточно, чтобы их головы слетели с плеч... Что касается захвата документов, доказывающих измену, или совещания черкесских вождей и европейских офицеров, а также какого-то осуждения... то все эти интересные детали являются выдумкой корреспондента — агента и подголоска г-на Лапинского... Документ, выдаваемый за историческую справку, копия которого находится перед вашими глазами, представляет собой *выдумку, частично сфабрикованную в Константинополе* г-ном Т... и санкционированную г-ном Лапинским. Это — интрига, задуманная уже давно и *подготовленная после моего отъезда в Черкесию.* Этот документ предназначен для того, чтобы скомпрометировать одно известное лицо и выманить деньги у одной великой державы».

Несколько дней спустя после напечатания этого письма в «Presse d'Orient», Бандья, по мотивам, известным лишь ему одному, объявил с характерной для него наглостью в «Journal de Constantinople»[389], будто редактор «Presse d'Orient» так исказил его письмо, что он не может признать его подлинность.

Однако я видел оригинал письма, я знаю почерк Бандьи и могу засвидетельствовать, что все изменения, на которые он жалуется, заключаются попросту в замене имен инициалами и в добавлении, в качестве введения, нескольких строк, в которых редакцию «Presse d'Orient» хвалят за точность ее информации. Вся цель Бандьи заключалась в том, чтобы сбить с толку общественное мнение. Так как ему больше нечего было сказать, он решил, —как если бы re bene gesta*, —погрузиться в упорное молчание гонимой добродетели. Тем временем в лондонских газетах появились два документа: один, подписанный вожаками венгерской эмиграции в Константинополе, другой — полковником Тюрром. В первом документе те самые лица, которые приложили свои печати к бумагам, доказывающим виновность Бандьи, выражают уверенность, что «Бандья сможет оправдаться», делают вид, будто они «рассматривают все дело Мехмед-бея как вопрос, только лично его касающийся» и «лишенный всякого международного характера»; в то же время они клеймят друзей полковника Лапинского как «демонов, цель которых — сеять раздоры между двумя эмиграциями». Тюрр, который тем временем превратился в Ахмеда Киамиль-бея, в своем письме заявляет:

«Едва услышав о прибытии в Константинополь Мехмед-бея, я отправился к нему в сопровождении капитана Кабата (поляка) и прямо спросил его, верны ли признания, которые имеются в меморандуме, опубликованном в газетах. Он ответил, что был предательски арестован и представлен на суд комиссии, состоявшей из поляков; однако поело двух заседаний этой комиссии в помещение, где он был заключен, явился г-н Лапинский, командир польского отряда в Черкесии, состоящего из 82 человек, и заявил ему, что все его признания в комиссии не принесут ему никакой пользы и, чтобы помочь его (Лапинского) планам, он (Мехмед-бей) должен собственноручно написать меморандум, уже составленный и написанный Лапинским. *Он* (Мехмед-бей) *отказался переписать первый меморандум,* предложенный ему, тот самый, который опубликовали газеты. Тогда Лапинский видоизменил его и приготовил второй меморандум, *который он* (Мехмед-бей) *переписал и подписал;* он сделал это под угрозой, что его расстреляют и таким образом лишат возможности защититься против обвинений, которыми Лапинский наверно запятнал бы его память после его смерти. Оригинала этого документа никто до сих пор не видел.

После этого заявления Мехмед-бея я не в состоянии решить, который из двух является негодяем».

Таким образом, мы ясно видим, что Тюрр утверждает, будто Бандья подписал свое признание только под принуждением Лапинского и убоявшись его угроз, а в то же время сам

* — все обстояло хорошо. *Ред.*

Бандья заявляет, что его признание сфабриковано в Константинополе и даже до его отъезда в Черкесию.

В конце концов со всеми этими махинациями было покончено, когда в Константинополь прибыли письма Сефер-паши и большое число черкесов. Депутация последних посетила редактора «Presse d'Orient», подтвердила все опубликованные подробности измены Бандьи и выразила готовность в присутствии самого Бандьи и любого числа свидетелей дать показания, подкрепленные клятвой на коране, о правильности своих утверждений. Однако ни Бандья не осмелился предстать перед этим судом чести, ни Тюрр, Туконь, Кальмар, Верреш и прочие его покровители не настаивали на том, чтобы он выступил и доказал свою невиновность.

Еще во время войны с Россией г-н Тувенель, французский посол, написал в Париж с целью получить информацию относительно Бандьи; ему сообщили, что Бандья — шпион, готовый служить всякому, кто ему заплатит. Г-н Тувенель потребовал его удаления из Анапы, но Бандья защитился с помощью рекомендательных писем Кошута. На призыв к братству народов в венгерском манифесте, о котором мы выше говорили, поляки с полным правом ответили следующее:

«Вы говорите нам о братстве народов; мы показывали вам примеры этого братства в ущельях Карпат, на всех дорогах Трансильвании, на равнинах Тиссы и Дуная. Венгерский народ не забудет этого, как забыли те конституционалисты, которые в 1848 г. вотировали миллионы флоринов и голосовали за посылку тысячи людей против Италии, как забыли это те республиканцы, которые в 1849 г. просили у России короля, как забыли это те вожди государства, которые в разгар войны за независимость и свободу требовали изгнания с венгерской территории всего валашского народа, как забыли это уличные ораторы в своих странствованиях по Америке. Сказал ли он, по крайней мере, американцам, — которые платили ему так же, как платят они Лоле Монтес или Дженни Линд, — сказал ли он им, что он, этот оратор, первым покинул свою гибнущую родину и что последним, кто покинул эту залитую кровью страну, шедшую навстречу скорби, был старый генерал, герой, поляк Бем?»

В дополнение к нашему сообщению мы присоединяем следующее письмо полковника Лапинского:

Полковник Лапинский — ... паше

(Выдержки из письма)

Адерби, Черкесия...

Милостивый государь! Прошло почти два года с тех пор, как я, уступая Вашей просьбе и доверяя Вашему слову, прибыл сюда. Мне нет надобности напоминать Вашему превосходительству, как сдержали это слово. Меня оставили без оружия, без одежды, без денег и даже без достаточного количества пищи.

Я надеюсь, что все это следует приписать не какой-нибудь злой воле со стороны Вашего превосходительства, а другим причинам, и в особенности Вашей злополучной связи с людьми, которым чужды интересы Вашей страны. В течение года мне навязывали одного из самых ловких русских шпионов. С божьей помощью я расстроил его интриги, показал ему, что мне известно, кто он такой, и теперь я держу его в своих руках. Очень прошу Ваше превосходительство порвать всякие сношения с венграми; в особенности избегайте Штейна и Тюрра — это русские шпионы. Остальные венгры служат русским, отчасти сами о том не зная. Не давайте обмануть себя всякого рода проектами фабрик, разработки рудников и обширной торговли. Каждый затраченный таким образом грош окажется выброшенным на ветер, — а к этому и направлены все усилия г-на Тюрра, который желает только, чтобы Вы тратили деньги таким способом, который не принес бы пользы Вашей стране и не причинил бы никакого вреда русским. Здесь нам требуется: пороховая мастерская, машина для чеканки монет, небольшой типографский станок, мукомольная мельница и оружие, которое здесь не только плохого качества, но и вдвое дороже, чем в Константинополе; даже за скверные местные седла приходится платить вдвое больше, чем за французские военные седла. Что же касается рудников, то думать о них — сущее ребячество. Здесь каждый грош должен идти на защиту страны, а не на спекуляцию. Тратьте все Ваши средства на обучение войск; этим Вы не только будете способствовать благополучию Вашей страны, но и укрепите также свое личное влияние. Не расточайте Ваших средств, пытаясь склонить на свою сторону ту или иную партию. В настоящее время обстановка в стране кажется спокойной, но на самом деле положение смертельно опасно. Сефер-паша и наиб еще не помирились, и это потому, что им мешают русские шпионы. Не жалейте денег, которые Вы истратите на обучение здешних войск. Только таким образом деньги будут затрачены с пользой. Не думайте о пушках. Как человек, изучавший артиллерию, я хорошо знаю их ценность. Произошло то, что я предвидел перед моим отъездом. Сначала русские были поражены пушечной пальбой, теперь же они смеются над ней. Там, где я ставлю две пушки, они ставят двадцать; и если у меня не будет регулярных отрядов, чтобы защищать мои пушки, — а черкесы не умеют защищать их, — то русские завладеют ими, и мы сами можем попасть к ним в плен.

Еще одно слово. Я и мои люди, паша, готовы отдать себя на защиту Вашей страны, и через восемь месяцев, считая от сегодняшнего дня, я увеличу мой отряд до 600 стрелков, 260 всадников, 260 артиллеристов, если Вы пришлете мне все необходимое для их снаряжения и вооружения.

Если в течение двух месяцев я не получу ничего, то я сяду на корабль и вернусь в Турцию, и вся вина падет на Вас, а не на меня и не на поляков. Я не намерен ни использовать черкесов в своих целях, ни обманывать их. Если я не смогу надлежащим образом служить их и моему собственному делу, то я покину их.

Я отправил Стока в Константинополь. Советую Вам дать ему все, что Вы можете, и немедленно отправить его назад. Да хранит Вас бог. Умоляю Вас, ничего не откладывайте до завтра. Не теряйте ни минуты, ибо Вам придется дорого заплатить за потерянное время.

Лапинский

Написано К. Марксом 7 сентября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5436, 23 сентября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* АНГЛО-КИТАЙСКИЙ ДОГОВОР

Китайский договор, подписанный сэром Генри Поттингером 29 августа 1842 г. и, подобно всем новым договорам с Китаем, продиктованный под дулами пушек, оказался неудачным с коммерческой точки зрения; это признает теперь даже известный орган британских фритредеров, лондонский «Economist». Этот журнал, выступавший в качестве одного из наиболее рьяных сторонников недавнего вторжения в Китай, теперь чувствует себя обязанным «умерить» те радужные надежды, которые лелеяли в иных сферах. Влияние договора 1842 г. на британскую экспортную торговлю «Economist» рассматривает как «прецедент, который должен предохранить нас от последствий ошибочных действий». Совет, несомненно, мудрый. Однако мотивы, которые приводит г-н Уилсон, чтобы объяснить неудачу первой попытки насильственного расширения китайского рынка для западных товаров, оказываются маловразумительными.

В качестве первой важной причины этой явной неудачи указывают на вызванное спекуляцией переполнение китайского рынка товарами в течение первых трех лет после договора, заключенного Поттингером, а также на невнимание английских купцов к характеру китайского спроса. Английский экспорт в Китай, составлявший в 1836 г. 1326388 ф. ст., в 1842 г. упал до 960000 фунтов стерлингов. Его быстрый и неуклонный рост в течение четырех последующих лет выражается в таких цифрах:

Годы	ф. ст.
1842	969 000
1843	1 456 000
1844	2 305 000
1845	2 396 000

Однако не только падение самого экспорта в 1846 г. ниже уровня 1836 г., но и бедствия, постигшие китайские фирмы в Лондоне во время кризиса 1847 г., доказали, что *исчисленная* стоимость экспорта с 1843 но 1846 г., как она значится в таблицах официальных отчетов, отнюдь не соответствует его *фактической* стоимости. Если, таким образом, английские экспортеры ошиблись в количестве товаров, предложенных китайским потребителям, то не менее ошиблись они и в их выборе. В доказательство этого последнего утверждения «Economist» приводит следующие слова г-на У. Кука, бывшего корреспондента лондонской газеты «Times» в Шанхае и Кантоне:

«В 1843, 1844 и 1845 гг., когда северные порты только что открылись для торговли, англичан охватило невероятное возбуждение. Одна известная шеффилдская фирма отправила в Китай большую партию ножей и вилок и объявила, что она готова снабдить ножевыми изделиями весь Китай. Товар был продан по ценам, которые едва окупили расходы по его перевозке. Другая весьма известная лондонская фирма отправила огромную партию фортепьяно, которую постигла такая же участь. То, что случилось с ножевыми изделиями и фортепьяно, произошло также с шерстяными и хлопчатобумажными товарами, хотя и в менее резкой форме. Когда открылись порты, Манчестер предпринял крупную, но необдуманную операцию, и эта операция не удалась. С тех пор он впал в апатию и надеется только на случайности».

Наконец, чтобы доказать зависимость сокращения, стабильности или роста торговли от изучения запросов потребителя, «Economist» заимствует у того же автора следующие данные за 1856 год:

	1845 г.	1846 г.	1856 г.
Камвольные ткани (в штуках)	13 569	8 415	7 428
Камлот	13 374	8 034	4 470
Лонгель	91 530	75 784	36 642
Шерстяные ткани	62 731	56 996	88 583
Набивные бумажные ткани	10 0615	81 150	281 784
Гладкие бумажные ткани	2 998 126	1 854 740	2 817 624
Бумажная пряжа (в фунтах)	2 640 098	5 324 050	5 579 600

Однако все эти аргументы и иллюстрации ничего не объясняют, кроме реакции, последовавшей за перенасыщением рынка в 1843—1845 годах. Такое явление, когда внезапное расширение торговли сменяется сильным се сокращением или

когда только что открытый рынок до отказа наводняется излишками английских товаров, причем товары выбрасываются на этот рынок без точного учета действительных нужд и покупательной способности потребителя, — такое явление свойственно отнюдь не одной только торговле с Китаем. В действительности это — обычное явление в истории мировых рынков. После падения Наполеона, когда европейский континент открылся для торговли, импорт из Англии оказался в таком несоответствии с покупательными возможностями континента, что «переход от войны к миру» стал более катастрофическим, чем сама континентальная блокада. Признание Каннингом независимости испанских колоний в Америке также способствовало возникновению торгового кризиса 1825 года. Товары, рассчитанные на московский климат, были тогда направлены в Мексику и Колумбию. И, наконец, в наше время даже Австралия, несмотря на ее огромные возможности, не избежала общей участи всех новых рынков, оказавшись перегруженной товарами, для поглощения которых у нее не хватает ни потребителей, ни платежных средств. Для китайского рынка характерно то, что, с тех пор как он открылся в силу договора 1842 г., экспорт в Великобританию китайского чая и шелка непрерывно возрастал, между тем как импорт изделий британской промышленности в Китай оставался, в общем, без изменения. Постоянное и все возрастающее сальдо торгового баланса в пользу Китая можно было бы уподобить состоянию торгового баланса между Россией и Великобританией; но в этом последнем случае все объясняется протекционистской политикой России, между тем как ввозные пошлины в Китае ниже, чем в какой-либо другой из стран, с которыми Англия ведет торговлю. Общая сумма китайского экспорта в Англию, равнявшаяся до 1842 г. приблизительно 7000000 ф. ст., в 1856 г. достигла приблизительно 9500000 фунтов стерлингов. В то время как количество чая, ввозимого в Великобританию, до 1842 г. никогда не превышало 50000000 фунтов, в 1856 г. оно возросло примерно до 90000000 фунтов. С другой стороны, ввоз Англией китайского шелка приобрел большое значение только с 1852 года. О его росте можно судить по следующим цифрам:

	1852 г.	1853 г.	1854 г.	1855 г.	1856 г.
Импорт шелка (в фунтах)…….....	2 418 343	2 838 047	4 576 706	4 436 862	3 723 693
Стоимость (в фунтах стерлингов) ....……......	—	—	3 318 112	3 013 396	3 676 116

Возьмем теперь, с другой стороны, движение британского экспорта в Китай:

Годы	ф. ст.	Годы	ф. ст.
1834	842 852	1836	1 326 388
1835	1 074 708	1838	1 204 356

За период времени после открытия рынка в 1842 г. и приобретения англичанами Гонконга мы имеем следующие данные:

Годы	ф. ст.	Годы	ф. ст.
1845	2 359 000	1853	1 749 597
1846	1 200000	1854	1 000 716
1848	1445950	1855	1 122241
1852	2 508 599	1856	свыше 2 000 000

«Economist» пытается отнести застой и относительное сокращение ввоза изделий британской промышленности на китайский рынок за счет иностранной конкуренции, причем и в этом случае он ссылается на свидетельство г-на Кука. По мнению этого авторитета, честная конкуренция на китайском рынке побивает англичан во многих отраслях торговли. Американцы, говорит он, обогнали англичан по ввозу тика и простынного полотна. В 1856 г. в Шанхай было ввезено 221716 кусков американского тика против 8745 кусков английского и 14420 кусков американского простынного полотна против 1240 английского. С другой стороны, в области торговли шерстяными товарами будто бы сильно теснят своих английских конкурентов Германия и Россия. Нам не нужно других доказательств, кроме этих примеров, чтобы убедиться, что и г-н Кук и «Economist» ошибаются в своей оценке китайского рынка. Они приписывают исключительно англо-китайской торговле особенности, которые точно так же наблюдаются и в торговле между Соединенными Штатами и Небесной империей. В 1837 г. китайский экспорт в Соединенные Штаты превышал американский импорт в Китай приблизительно на 860000 фунтов стерлингов. В течение периода, последовавшего за договором 1842 г., Соединенные Штаты ежегодно получали китайской продукции в среднем на 2000000 ф. ст., а уплачивали за нее своими товарами на сумму в 900000 фунтов стерлингов. Из общего импорта в Шанхай, достигшего в 1855 г. суммы в 1602849 ф. ст. — не считая звонкой монеты и опиума, — на долю Англии приходился 1122241 ф. ст., на долю Америки — 272708 ф. ст.

и на долю прочих стран — 207900 ф. ст., между тем как экспорт достиг общей суммы в 12603540 ф. ст., из которых 6405040 ф. ст. приходились на долю Англии, 5396406 на долю Америки и 102088 на долю прочих стран. Сопоставьте один лишь американский экспорт в Шанхай на сумму 272708 ф. ст. с американским импортом из Шанхая, превышающим 5000000 фунтов стерлингов. Если тем не менее американская конкуренция все же смогла нанести сколько-нибудь существенный ущерб британской торговле, то какое же ограниченное поле деятельности для совокупной торговли иностранных государств должен представлять собой китайский рынок.

Наконец, последняя причина, которую приводят для объяснения ничтожного значения китайского импортного рынка со времени его открытия в 1842 г., — это китайская революция[390]; однако, несмотря на эту революцию, экспорт в Китай в 1851— 1852 гг. возрастал вместе с общим ростом торговли, а торговля опиумом в течение всего периода революции не только не сократилась, но быстро достигла колоссальных размеров. Как бы там ни было однако, совершенно очевидно, что все помехи иностранному импорту, созданные беспорядками в империи, должны увеличиться, а не уменьшиться в связи с последней пиратской войной и новыми унижениями, которым подверглась правящая династия.

Внимательно изучив историю торговли Китая, мы приходим к выводу, что спрос со стороны подданных Небесной империи и их покупательная способность, вообще говоря, были сильно переоценены. В рамках нынешнего экономического строя китайского общества, основным стержнем которого являются мельчайшее сельское хозяйство и кустарная промышленность, не может быть и речи о сколько-нибудь значительном импорте иностранной продукции. Все же Китай мог бы постепенно поглотить большее против нынешнего количество английских и американских товаров в пределах тех 8000000 ф. ст., в которых, по грубому подсчету, выражается общее сальдо в его пользу по торговле с Англией и Соединенными Штатами, но лишь при условии уничтожения торговли опиумом. Этот вывод логически вытекает из анализа того простого факта, что китайские финансы и денежное обращение, вопреки активному торговому балансу, находятся в сильном расстройстве вследствие ввоза опиума на сумму около 7000000 фунтов стерлингов.

Однако Джон Буль, привыкший кичиться своей высокой нравственностью, предпочитает исправлять свой пассивный

торговый баланс периодическим взиманием военных контрибуций, вымогаемых у Китая под чисто пиратскими предлогами. Он забывает лишь то, что соединение в одних руках карфагенского и римского способов выжимания денег из других народов должно неминуемо привести к столкновению между тем и другим способом и их взаимному уничтожению.

Написано К. Марксом 10 сентября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5446, 5 октября 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ФИНАНСЫ

Лондон, 14 сентября 1858 г.

Рассматривая отчет о кризисе 1857—1858 гг., подготовленный комиссией палаты общин, мы, во-первых, показали вредные тенденции закона сэра Роберта Пиля об Английском банке и, во-вторых, развенчали ложное представление, будто эмиссионные банки, произвольно расширяя или сокращая бумажно-денежное обращение, могут влиять на общий уровень цен*. Но тогда перед нами встает вопрос: каковы же были действительные причины кризиса? Комиссия заявляет, что она установила, «к своему удовлетворению, что недавний торговый кризис как в Англии, так и в Америке и в Северной Европе, несомненно, был вызван главным образом чрезмерной спекуляцией и злоупотреблением кредитом». Ценность этого вывода, разумеется, ничуть не умаляется тем обстоятельством, что мир смог прийти к нему и без помощи парламентской комиссии и что все уроки, которые общество могло бы извлечь из этого откровения,, в настоящее время уже потеряли всякий практический смысл. Допустим, что этот тезис правилен — а мы далеки от того, чтобы оспаривать его, — но разрешает ли он социальную проблему или только видоизменяет формулировку вопроса? Для возникновения системы фиктивного кредита всегда требуется наличие двух сторон — заемщиков и заимодавцев. То, что заемщики всегда стремятся торговать при помощи чужого капитала и стараются обогащаться на риске других,— эта тенденция представляется столь очевидной, что

* См. настоящий том, стр. 554—563. *Ред.*

противоположная тенденция была бы для нас просто непонятной. Вопрос, скорее, состоит в том, как это случается, что по всех современных промышленных странах люди периодически поддаются неудержимому желанию расстаться со своими капиталами под влиянием явных иллюзий и вопреки самым явным грозным предостережениям, повторяющимся через каждые десять лет? Каковы те социальные условия, в силу которых почти регулярно вновь и вновь возникают эти периоды всеобщего самообмана, чрезмерной спекуляции и фиктивного кредита? Стоит нам хотя бы раз проследить их, как мы придем к очень простому выводу. Одно из двух: либо общество может регулировать эти социальные условия, либо они присущи нынешней системе производства. В первом случае общество может предотвращать кризисы; во втором же, до тех пор, пока существует данная система, они будут неизбежно порождаться ею, подобно тому как происходит естественная смена времен года.

Существенный недостаток не только последнего парламентского отчета, но также «Отчета о торговом кризисе 1847 года» и всех предшествовавших им других аналогичных отчетов мы усматриваем в том, что они трактуют каждый новый кризис как изолированное явление, впервые возникающее на социальном горизонте и поэтому объясняющееся будто бы событиями, движениями и факторами, исключительно присущими — или такими, которые считаются исключительно присущими, — только одному периоду, именно периоду, истекшему между предпоследним и последним потрясениями. Если бы ученые физики пользовались таким же наивным методом, то даже появление кометы каждый раз заставало бы мир врасплох. При попытке выявить законы, от которых зависят кризисы мирового рынка, необходимо дать объяснение не только периодическому характеру последних, но также и точным датам этой периодичности. Кроме того, нельзя допускать, чтобы отличительные черты, присущие каждому новому торговому кризису, затушевывали то общее, что свойственно им всем. Мы вышли бы за рамки задач, которые мы себе здесь ставим, если бы попытались дать даже самый общий набросок такого исследования. По-видимому, никто не будет оспаривать того, что комиссия палаты общин не только не разрешила вопрос, но даже не сумела правильно сформулировать его.

Факты, на которых комиссия останавливается с целью охарактеризовать систему фиктивного кредита, лишены, конечно, какой-либо новизны. Сама эта система в Англии осуществлялась весьма простым способом. Фиктивный кредит со-

здавался посредством дутых векселей. Последние учитывались главным образом провинциальными акционерными банками, которые, в свою очередь, переучитывали их у лондонских вексельных маклеров. Лондонские вексельные маклеры, глядя только на индоссамент банка, а не на самые векселя, в свою очередь полагались не на свои собственные средства, а на возможности, предоставляемые им Английским банком. Принципы лондонских вексельных маклеров характеризует следующий факт, сообщенный комиссии г-ном Диксоном, бывшим директором-распорядителем ливерпульского городского банка:

«В случайном разговоре обо всем этом деле один из вексельных маклеров заметил, что, если бы не закон сэра Роберта Пиля, городскому банку не было бы нужды приостанавливать платежи. В ответ на это я сказал, что, каковы бы ни были достоинства закона сэра Роберта Пиля, я, со своей стороны, не пошевелил бы даже пальцем, чтобы помочь городскому банку в его затруднениях, если бы знал, что я этим содействую продолжению такой вредной системы ведения дел, какая практикуется, и далее я добавил, что если бы до моего вступления в должность директора-распорядителя я знал о практике городского банка хотя бы половину того, что должны были узнать вы, видя огромное количество учтенных векселей городского банка, то вам никогда не удалось бы увидеть меня акционером». На это последовал такой ответ: «Но и вам не удалось бы увидать меня акционером банка; мне было весьма выгодно учитывать векселя, но быть акционером я тоже бы не согласился».

Пальма первенства по злоупотреблениям принадлежит, по-видимому, городскому банку в Ливерпуле, Западному шотландскому банку в Глазго, а также Нортумберлендскому и Дургамскому провинциальным банкам, операции которых комиссия подвергла самому тщательному изучению. Западный банк в Глазго, имевший 101 отделение по всей Шотландии и деловые связи в Америке, разрешал выставлять на себя векселя только ради комиссионных; он повысил свой дивиденд в 1854 г. с 7 до 8%, в 1856 г. — с 8 до 9%, и объявил дивиденд в 9% даже в июне 1857 г., когда большей части его капитала уже не было и в помине. Сумма учтенных им векселей, равнявшаяся в 1853 г. 14987000 ф. ст., возросла в 1857 г. до 20691000 фунтов стерлингов. Переучеты этого банка в Лондоне, составлявшие в 1852 г. 407000 ф. ст., возросли в 1856 г. до 5407000 ф. ст., хотя весь капитал банка составлял всего лишь 1500000 фунтов стерлингов; при его банкротстве в ноябре 1857 г. фигурировала сумма в 1603000 ф. ст., которые ему были должны только четыре фирмы: Макдональда, Монтита, Уоллеса и Паттисона. Одна из главных операций банка состояла в выдаче

ссуд под своеобразное «обеспечение», а именно: фабриканты снабжались капиталом, обеспечение которого состояло в будущей продаже продукции, которую надо было еще создать с помощью авансированной суммы. Легкомыслие, с каким производился учет, видно из того обстоятельства, что векселя Макдональда были акцептованы 127 различными лицами и фирмами; справки были наведены только относительно 37, из которых о 21 был дан неудовлетворительный или определенно отрицательный отзыв. Тем не менее кредит Макдональдс не сокращался. С 1848 г. в книгах банка была произведена подтасовка, благодаря которой долги превратились в кредиты, а убытки в актив.

«Чтобы понять способ, с помощью которого можно произвести такую маскировку», — говорится в докладе, — «лучше всего, пожалуй, познакомиться с тем, каким образом был ликвидирован долг, именующийся долгом Скарта и значившийся в другом разделе активов. Этот долг составлял 120000 ф. ст. и должен был бы фигурировать среди опротестованных векселей. Однако он был разделен на четыре или пять открытых кредитных счетов на имя акцептантов векселей Скарта. Эти счета были дебетованы суммой их соответствующих акцептов, и жизнь должников была застрахована на сумму 75000 фунтов стерлингов. Из этой суммы 33000 ф. ст. были выплачены в виде премий самим банком. Все это значится теперь в книгах в качестве актива».

Наконец, обследование показало, что собственные акционеры банка задолжали ему 988000 фунтов стерлингов.

В то время как весь капитал Нортумберлендского и Дургамского провинциальных банков составлял только 600000 ф. ст., банк выдал в качестве займа неплатежеспособной Деруэнтской компании железоделательных заводов сумму приблизительно в 1000000 фунтов стерлингов. Хотя г-н Джонатан Ричардсон, главное лицо в банке, фактически заправлявший всеми его делами, и не был сам пайщиком Деруэнтской компании, тем не менее он был весьма сильно заинтересован в этом малообещающем предприятии, так как получал ренту с участков, на которых производилась добыча руды. Этот случай представляет, таким образом, любопытный пример того, как общий капитал акционерного банка используется исключительно в целях частной спекуляции одного из его директоров-распорядителей.

Эти два образчика разоблачений, содержащихся в отчете комиссии, бросают довольно безрадостный свет на нравственные принципы и все дела акционерных промышленных предприятий. Ясно, что эти институты, быстро растущее влияние которых на народное хозяйство стран едва ли можно переоце-

нить, еще далеко не выработали себе надлежащую структуру. Являясь могущественным рычагом в развитии производительных сил современного общества, они еще не выработали, подобно средневековым корпорациям, свою корпоративную совесть вместо чувства индивидуальной ответственности, от которого они избавились в силу самой своей организации.

Написано К. Марксом 14 сентября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5445, 4 октября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ВОССТАНИЕ В ИНДИИ

Во время жарких и дождливых летних месяцев военные действия в Индии почти совершенно приостановились. После того как сэр Колин Кэмпбелл, энергично действуя в начале лета, овладел всеми важными позициями в Ауде и Рохилканде, он по? тупил весьма благоразумно, разместив свои войска по квартирам, оставив открытую местность во власти повстанцев и ограничив свои действия охраной своих коммуникаций. За этот период в Ауде произошел лишь один заслуживающий внимания эпизод; это — экспедиция сэра Хоупа Гранта, посланного в Шахгандж на выручку туземного вождя Ман Сингха, который после целого ряда уверток заключил незадолго перед этим мир с англичанами и был теперь блокирован своими бывшими союзниками — туземцами. Экспедиция оказалась простой военной прогулкой, хотя англичане понесли, вероятно, большой урон от солнечных ударов и холеры. Туземцы рассеялись, не оказав сопротивления, и Ман Сингх соединился с англичанами. Хотя легкий успех этой экспедиции и не может служить показателем того, что так же легко будет покорить весь Ауд, он все же свидетельствует о том, что повстанцы совершенно пали духом. Если англичане были заинтересованы в том, чтобы отдохнуть во время жаркой погоды, то повстанцам, наоборот, было важно тревожить их как можно чаще. Но вместо того, чтобы организовать активную партизанскую войну, прерывать сообщение между городами, находящимися в руках неприятеля, подстерегать мелкие отряды, мешать фуражировке и не допускать подвоза продовольствия, без которого не мог бы просуществовать ни один большой город, занятый англи-

чанами, — вместо всего этого туземцы удовольствовались сбором налога и наслаждались досугом, который предоставил им противник. Более того, между ними возникли, по-видимому, раздоры. Они, очевидно, не воспользовались этими несколькими неделями затишья ни для реорганизации своих сил, и я для пополнения своих боевых припасов, ни для того, чтобы восполнить понесенные ими потери в артиллерии. Их бегство при Шахгандже, более чем какое-либо прежнее поражение, показывает, что им недостает уверенности в своих силах и в своих вождях. Тем временем между большинством их вождей и британским правительством ведется тайная переписка; британское правительство, в конце концов, признало нецелесообразным прикарманивать все земли Ауда и готово отдать их обратно прежним владельцам на приемлемых условиях. Таким образом, поскольку окончательный успех англичан не подлежит теперь сомнению, восстание в Ауде, по всей вероятности, постепенно затихнет, не пройдя через стадию активной партизанской войны. Как только большинство землевладельцев заключит соглашение с англичанами, отряды повстанцев распадутся, и те из них, которые имеют слишком много оснований бояться правительства, превратятся в бандитов (дакойтов), в поимке которых крестьянство охотно окажет содействие.

Юго-восточная часть Ауда, джагдиспурские джунгли, по-видимому, является местом, где сосредоточились такие дакойты. Эти непроходимые бамбуковые леса и заросли кустарника заняты отрядом повстанцев под командой Амар Сингха, который обнаруживает несколько болыпую активность и умение вести партизанскую войну; во всяком случае, вместо пассивного выжидания он сам атакует англичан, где только может. Если, как опасаются, часть аудийских повстанцев соединится с ним раньше, чем его удастся вытеснить из его цитадели, то англичане будут поставлены перед более трудной задачей, чем это было. до сих пор. Эти джунгли вот уже около восьми месяцев служат убежищем для повстанческих отрядов, которые сумели сделать чрезвычайно опасным движение по Большой магистрали, ведущей из Калькутты в Аллахабад — главной коммуникационной линии англичан.

В Западной Индии генерал Робертс и полковник Холмс все еще заняты преследованием гвалиорских повстанцев. Во время взятия Гвалиора весьма важное значение имел вопрос о том, какое направление изберет отступающая армия, ибо вся страна маратхов и часть Раджпутаны были, видимо, готовы восстать, как только там появится достаточно сильный отряд регулярных войск, который мог бы стать ядром восстания.

Отступление гвалиорского отряда в юго-западном направлении казалось тогда наиболее вероятным маневром для осуществления такого плана. Однако повстанцы, руководствуясь мотивами, о которых мы не можем догадаться на основании имеющихся у нас отчетов, избрали северо-западное направление. Они направились на Джайпур, а оттуда повернули на юг к Удайпуру, пытаясь добраться до дороги в страну маратхов. Но это обходное движение дало Робертсу возможность настигнуть их и без больших усилий нанести им полное поражение. Неорганизованные остатки отряда повстанцев, без пушек и боевых припасов, без популярных вождей, не в состоянии дать толчок к новым восстаниям. Наоборот, огромное количество награбленного добра, которое они таскают за собой и которое затрудняет все их передвижения, по-видимому, уже возбудило алчность крестьян. Они убивают каждого отставшего от своих войск сипая и забирают себе его запас золотых могуров. Если уж дело дошло до этого, то генерал Роберте может спокойно предоставить сельскому населению окончательно рассеять этих сипаев. Разграбление сокровищ Синдхии его же войсками спасает англичан от нового восстания в области, более опасной, чем Индостан, ибо восстание в стране маратхов подвергло бы бомбейскую армию довольно тяжелому испытанию.

В окрестностях Гвалиора возникло новое восстание. Мелкий вассал Синдхии Ман Сингх (не путать с аудийским Ман Сингхом) присоединился к повстанцам и завладел небольшой крепостью Паури. Но крепость эта уже осаждена англичанами и вскоре должна быть взята.

Тем временем постепенно происходит усмирение покоренных округов. Передают, что сэр Джон Лоренс водворил столь полное спокойствие в окрестностях Дели, что европейцы могут путешествовать там в полной безопасности, без оружия и охраны. Секрет этого кроется в том, что население каждой деревни несет коллективную ответственность за всякое преступление или насилие, совершенное на ее земле, что англичанами Организована военная полиция и, главное, что военно-полевые суды с их ускоренной судебной процедурой, которая производит особенно сильное впечатление на восточных людей, повсюду действуют полным ходом. Все же этот успех является, по-видимому, исключением, поскольку мы не слышали ни о чем подобном в других округах. Полное усмирение Рохилканда и Ауда, Бунделкханда и многих других крупных провинций потребует еще очень долгого времени и доставит еще немало работы британским войскам и военно-полевым судам.

Но в то время как восстание в Индостане сокращается до размеров, которые лишают его почти всякого интереса с военной точки зрения, в отдаленном районе, на самой границе с Афганистаном произошло событие, которое может привести в будущем к серьезным осложнениям. Среди нескольких сикхских полков в Дера-Исмаил-Хане был раскрыт заговор, участники которого ставили себе целью перебить своих офицеров и восстать против англичан. Мы не можем сказать, как далеко простирались разветвления этого заговора. Быть может, это был заговор, носивший чисто местный характер и возникший среди отдельной группы сикхов, однако определенно мы не можем этого утверждать. Во всяком случае, это в высшей степени опасный симптом. В британской армии в настоящее время около 100000 сикхов, и мы уже слышали, какой дерзостью они отличаются; сегодня, по их словам, они сражаются на стороне англичан, но завтра, если богу будет угодно, они, может быть, станут сражаться против них. Храбрые, вспыльчивые, непостоянные, они еще больше, чем другие восточные люди, склонны к внезапным и неожиданным порывам. Если среди них вспыхнет серьезное восстание, то тогда уж англичанам действительно будет трудно сохранить свои позиции. Среди индийских туземцев сикхи всегда были самыми грозными противниками англичан; в прошлом они создали сравнительно могущественное государство[391]; они принадлежат к особой секте брахманизма и одинаково ненавидят как индусов, так и мусульман. Они видели британское «raj»[*] на краю гибели; они в значительной мере содействовали его восстановлению и даже убеждены, что их собственная роль в этом деле была решающей. Не будет ли вполне естественным, если у них зародится мысль, что наступило время, когда британское raj должно быть заменено сикхским raj, и что сикхский император должен управлять Индией из Дели или Калькутты? Возможно, что эта идея еще далеко не созрела среди сикхов, возможно, что в армии они так искусно размещены, что уравновешиваются европейцами, и поэтому любое восстание среди них может быть легко подавлено; однако то, что эта идея существует среди них, должно быть, мы полагаем, очевидно для всякого, кто читал сообщения о поведении сикхов после Дели и Лакнау.

Все же англичане пока снова завоевали Индию. Великое восстание, начавшееся бунтом бенгальской армии, по-видимому, действительно угасает. Но это вторичное завоевание не усилило власти Англии над умами индийского народа. Жестокие

[*] — «владычество». *Ред.*

карательные меры со стороны английских войск, подстрекаемых преувеличенными и ложными рассказами о зверствах, якобы совершенных туземцами, и попытка оптом и в розницу конфисковать королевство Ауд не вызвали каких-либо особых симпатий к победителям. Напротив, сами англичане признают, что как среди индусов, так и среди мусульман наследственная ненависть к незваным пришельцам-христианам теперь сильнее, чем когда-либо. Как ни бессильна эта ненависть в настоящее время, все же она не лишена известного значения, пока грозная туча нависла над сикхским Пенджабом. И это еще не все. Две великие азиатские державы, Англия и Россия, встретились теперь в одном пункте между Сибирью и Индией, где русские и английские интересы должны прийти в непосредственное столкновение. Этот пункт — Пекин. Вскоре от этого пункта протянется на запад через весь азиатский континент линия, на которой постоянно будут происходить столкновения интересов этих соперничающих держав. Таким образом, может быть не так уж далеко то время, когда «сипаи и казаки встретятся на равнинах Оксуса», и если эта встреча действительно произойдет, то антианглийские настроения 150000 индийских туземцев послужат материалом для весьма серьезных размышлений.

Написано Ф. Энгельсом около 17 сентября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5443, 1 октября 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

НОВЫЙ МАНИФЕСТ МАДЗИНИ

Лондон, 21 сентября 1858 г.

Так как генуэзская «Dio e Popolo», последняя республиканская газета, издававшаяся на итальянской земле, наконец закрылась, не выдержав постоянных преследований со стороны сардинского правительства, неукротимый Мадзини основал итальянскую газету в Лондоне — двухнедельный орган под названием «Pensiero ed Azione» («Мысль и действие»).

Из последнего номера этой газеты мы и переводим его новый манифест, который мы рассматриваем как исторический документ, дающий читателю возможность самому судить о жизнеспособности и перспективах на будущее той части революционной эмиграции, которая собралась под знаменем этого римского триумвира. Вместо того, чтобы исследовать те великие социальные факторы, которые привели к гибели революцию 1848—1849 гг., и попытаться обрисовать истинные условия, незаметно созревшие за последние десять лет и в совокупности своей подготовившие почву для нового и более мощного движения, Мадзини, как нам кажется, вновь возвращается к своим прежним фантазиям и ставит перед собой мнимую проблему, что может привести, разумеется, только к ложному решению. Ему все еще представляется первостепенно важным вопрос о том, почему эмигрантам как организации не удались их попытки обновления мира; и он все еще занимается тем, что рекламирует снадобья для излечения их от политического паралича. Он говорит:

«В 1852 г., в меморандуме, обращенном к европейской демократии. я спрашивал: каков должен быть сейчас лозунг, боевой клич партии? Ответ очень прост. Он заключается в одном слове — *действие,* но действие объединенное, общеевропейское, непрестанное, последовательное, смелое.

Вы можете добиться свободы, лишь добившись сознания свободы, а это сознание вы можете завоевать только действием. Вы держите свою судьбу в своих собственных руках. Мир ждет вас. *Почин* может быть сделан повсюду, где народ намеревается восстать, готовый бороться и, если нужно, умереть ради всеобщего спасения, где он начертает на своих знаменах слова: бог, народ, справедливость, истина, добродетель. Восстаньте во имя всеобщего блага, и все пойдут за вами. Необходимо, чтобы вся партия отдала себе в этом отчет. Каждый волен искать решения там, где, как ему кажется, он увидел проблеск истины, но пусть он не отстаивает свой личный путь, пусть он не дезертирует из великой армии будущего... Мы — не демократия, мы только ее авангард. Наша задача лишь расчистить ей путь. Все, чего мы хотим, — это единства замысла, общности усилий... Со времени этого призыва прошло шесть лет, а дело обстоит все так же. Силы партии численно возросли, а единство партии *еще* не достигнуто. Несколько небольших организованных групп своей неисчерпаемой жизнеспособностью и тем ужасом, который они вселяют в сердце врага, доказывают силу единения; большинство же партии по-прежнему остается дезорганизованным, изолированным и, следовательно, бездейственным и бессильным. Кучки преданных делу людей, которые не выносят позорного бездействия, сражаются то тут, то там в качестве tirailleurs* на всех участках фронта, каждый на свой собственный страх и риск, только за свою собственную родину, без понимания общей цели; слишком слабые, чтобы победить где бы то ни было, они заявляют протест и гибнут. Основная часть армии не может прийти им на помощь; у нее нет ни плана, ни средств, ни вождей... Был момент, когда союз правительств распался. Крымская война предоставляла угнетенным народам благоприятную возможность, которую им следовало бы использовать немедленно; из-за отсутствия организации они упустили эту возможность. Мы видели, как истинные революционеры связывали освобождение своих стран с предполагаемыми планами какого-нибудь одного человека, для которого вмешательство в дела нации и призыв к восстанию означают верную гибель. Мы видели, как поляки, забыв Собеского и историческую миссию, которую Польша выполнила в христианской Европе, шли на службу Турции в роли казаков. Были народы, как, например, румыны, вообразившие, что они могут достигнуть единства с помощью дипломатии, как будто когда-нибудь в мировой истории хоть одна нация возникла иначе, как в результате борьбы своих сынов. Другие, как, например, итальянцы, решили ждать до тех пор, пока в борьбу не втянется Австрия, как будто Австрия может занять какую-либо иную позицию, кроме позиции вооруженного нейтралитета. Одна Греция ринулась в бой; но она не поняла, что при наличии союза правительств никакое греческое национальное движение невозможно, если не произойдет революция, которая расколола бы эти силы, и если эллинский элемент не объединится со славянско-румынским элементом, что могло бы сделать восстание закономерным. Нигде так ярко не сказалось отсутствие организации и планов, в чем я вижу корень зла. Отсюда и гнетущее уныние, порой распространяющееся в наших рядах. Что может сделать для разрешения вопроса, касающегося всей Европы, отдельный человек, одинокий, изолированный, почти или совсем без средств? Такая задача под силу только объединению... В 1848 г. мы восстали в десятках мест во имя всего великого и святого. Свобода, солидарность, народ, союз, родина, Европа — все принадлежало нам. Позднее, обманутые, поддавшись каким-то подлым и преступным чарам, мы позволили этим движениям

* — вольных стрелков. *Ред.*

приобрести местный характер... Мы, свергнувшие Луи-Филиппа, повторили кощунственную фразу, которая резюмирует его царствование: «Chacun pour soi, chacun chez soi»*. Поэтому мы потерпели поражение. Неужели этот горький опыт ничему не научил нас? Неужели мы до сих пор не поняли, что сила в единении и только в единении?

Человек состоит из мысли и действия. Мысль, не воплощенная в действиях, есть лишь тень человека; действие, не направляемое и не освящаемое мыслью, есть лишь гальванизированный труп человека — тело без души. Бог есть бог потому, что он — абсолютное тождество мысли и действия. Человек есть человек только при условии непрестанного, всемерного стремления к этому идеалу... Мы не сможем победить, если пойдем на какой-то безнравственный и бессмысленный разрыв между теорией и практикой, между индивидуальным и коллективным долгом, между писателем и заговорщиком или бойцом, и разделим нашу партию на мыслителей и практических деятелей, на людей ума и людей дела... Все мы проповедуем объединение как лозунг эпохи, предвестниками которой мы являемся, но многие ли из нас на деле объединяются со своими братьями для совместного действия? У всех у нас на устах слова *терпимость, любовь, свобода,* а между тем мы порываем с нашими товарищами, если их взгляды на тот или иной определенный вопрос расходятся с нашей точкой зрения. Мы восторженно рукоплещем тем, кто умирает, чтобы своей смертью расчистить нам путь для действия; но мы не идем по их стопам. Мы признаем опрометчивость попыток, предпринимаемых в ничтожном масштабе; но мы ничего не делаем, чтобы осуществить их с большим и мощным размахом. Мы все скорбим о недостатке у партии материальных средств; но многие ли из нас регулярно пополняют общую кассу за счет своих скромных взносов? Мы объясняем свои неудачи мощной организацией противника; но сколь немногие из нас пытаются сделать нашу партию всесильной при помощи единой общей организации, которая, играя решающую роль в настоящем, принесла бы свои плоды в будущем?.. Неужели невозможно вывести партию из ее нынешнего жалкого, дезорганизованного состояния? Все мы считаем, что мысль священна, что ее проявления должны быть свободны и ненаказуемы; что организация общества плоха, если она, в результате крайнего материального неравенства, осуждает рабочего на роль придатка машины и лишает его интеллектуальной жизни. Мы считаем, что частная жизнь человека священна. Мы считаем, что столь же священно объединение людей; что оно является лозунгом, выражающим особую миссию нашей эпохи. Мы считаем, что государство должно не внедрять такое объединение насильственным Путем, а поощрять его. Мы с радостью ожидаем того времени, когда при всеобщем объединении производителей заработная плата будет заменена участием в прибылях. Мы верим в святость труда и считаем преступным всякое общество, в котором человек, желающий жить своим трудом, не в состояний этого сделать. Мы верим в нацию, мы верим в человечество... Под человечеством мы понимаем объединение свободных и равных наций на двоякой основе — самостоятельности их внутреннего развития и братства в целях упорядочения международной жизни и всеобщего прогресса. Мы считаем, что для того, чтобы нации и человечество, как мы их понимаем, могли существовать, карту Европы следует перекроить; мы считаем необходимым новое территориальное деление, которое должно заменить произвольное деление, осуществленное Венским трактатом, должно основываться на родстве языка, традиций, религии и исходить из географических условий и политических особенностей каждой страны.

* — «Каждый для себя, каждый у себя». *Ред.*

Не полагаете ли вы, что этих общих убеждений достаточно для братской организации? Я не призываю вас подчиниться одной-единственной доктрине, одному-единственному взгляду. Я только говорю: давайте вместе бороться с отрицанием всякой доктрины; давайте совместно одержим вторую марафонскую победу над принципом восточной инертности, который грозит в настоящее время вновь подчинить себе Европу. Все люди, разделяющие только что перечисленные мною убеждения, к какой бы республиканской фракции они ни принадлежали, должны составить своего рода европейскую партию действия, в которой Франция, Италия, Германия, Швейцария, Польша, Греция, Венгрия, Румыния и другие угнетенные нации должны представлять собой отдельные секции; каждая национальная секция должна существовать самостоятельно и иметь свою особую кассу; центральный комитет, располагающий центральной кассой, должен формироваться из делегатов национальных секций и т. д.

Когда единство партии будет завоевано, европейский вопрос сменится вопросом, где начать. В революциях, как и на войне, победа зависит от быстрого сосредоточения максимально возможного количества сил в данном пункте. Если партия стремится к победоносной революции, она должна выбрать на карте Европы такой пункт, где легче всего и выгоднее всего проявить инициативу, и бросить туда все силы, какими только могут располагать отдельные секции. Рим и Париж — вот два стратегических пункта, где должно начаться объединенное действие, Франция — благодаря ее мощному единству, воспоминаниям о ее великой революции и наполеоновских армиях, благодаря тому влиянию, которое каждое движение в Париже оказывает на умы Европы, — до сих пор остается страной, чья инициатива вернее всего всколыхнет все другие угнетенные нации, хотя всякое истинно революционное выступление с ее стороны неизбежно объединит против нее все силы правительств Европы. За этим единственным исключением, лишь Италия является в настоящее время страной, где явно сосредоточены качества, необходимые для инициативы. Нет нужды говорить об общности взглядов, толкающих ее вперед; уже в течение десяти лет там наблюдается целый ряд замечательных выступлений, совершенно исключительных для Европы. Дело итальянской нации — это дело всех наций, раздавленных или расчлененных венским разделом. Итальянское восстание, нанося удар Австрии, сразу предоставило бы возможность действий славянскому и румынскому элементам, которые в недрах империи стремятся сбросить с себя ее иго. Итальянские войска, разбросанные в тех частях империи, где существует наибольшее недовольство, поддержали бы их движение. Двадцать тысяч венгров — солдат австрийской армии в Италии — встали бы под знамя нашего восстания. Поэтому движение в Италии не может приобрести местный характер. Географическое положение Италии и ее двадцатипятимиллионное население обеспечат достаточную длительность повстанческого движения, чтобы другие нации успели им воспользоваться. У Австрии и Франции, у Франции и Англии нет в Италии того единства интересов, которое только и могло бы привести к единству их политики. Восстание в Италии — поскольку оно невозможно без свержения папской власти—позволило бы этой стране разрешить проблему свободы совести в Европу, что встретило бы сочувствие всех тех, кому дорога эта свобода».

Критические замечания к манифесту Мадзини написаны К. Марксом 21 сентября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5453, 13 октября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ДОГОВОР МЕЖДУ КИТАЕМ И БРИТАНИЕЙ

Лондон, 28 сентября 1858 г.

Официальное краткое изложение англо-китайского договора[392], опубликованное, наконец, британским правительством, в общем мало что прибавляет к тем сведениям, которые уже раньше дошли до публики разными другими путями. Для Англии, в сущности, представляют интерес только первая и последняя статьи договора. В силу первой статьи «дополнительный договор и общий распорядок торговли», обусловленные после заключения Нанкинского договора, «отменяются». Этот дополнительный договор предусматривал, что в Гонконге и в пяти китайских портах, открытых для британской торговли, английские консулы должны были оказывать содействие китайским властям в случае появления в местах, подлежащих их консульской юрисдикции, английских судов с грузом опиума. Таким образом, английским купцам было формально запрещено ввозить этот контрабандный наркотик, и английское правительство до известной степени брало на себя роль одного из таможенных чиновников Небесной империи. То, что вторая опиумная война кончилась снятием запрета, который первая опиумная война номинально наложила на торговлю опиумом, представляется нам вполне логичным результатом и является желанным достижением цели для тех английских торговых кругов, которые с особенным жаром рукоплескали кантонским фейерверкам Пальмерстона. Однако мы сильно ошибемся, если предположим, что этот официальный отказ Англии от ее лицемерного противодействия торговле опиумом не приведет к последствиям, прямо противоположным тем, которых от него ожидают. Приглашая британское правительство

принять участие в ликвидации торговли опиумом, китайское правительство тем самым признало себя неспособным добиться этого своими собственными силами. Дополнительный Нанкинский договор был последней и, пожалуй, отчаянной попыткой освободиться от ввоза опиума с иностранной помощью. Так как эта попытка потерпела неудачу, — а сейчас об этой неудаче говорят открыто — и так как Англия санкционировала теперь торговлю опиумом, то едва ли можно сомневаться в том, что китайское правительство испробует способ, одинаково подсказываемый и политическими и финансовыми соображениями, а именно, разрешит разведение мака в Китае и введет ввозные пошлины на иностранный опиум. Каковы бы ни были намерения нынешнего китайского правительства, сами обстоятельства, в которых оно очутилось в силу Тяньцзиньского договора, указывают ему этот путь.

Как только эта мера будет проведена, индийская опиумная монополия, а вместе с нею и индийское казначейство, получат смертельный удар, а британская торговля опиумом сократится до размеров обычной торговли и очень скоро окажется убыточной; До сих пор это была игра, в которой Джон Буль пользовался фальшивыми игральными костями. Поэтому полный провал его собственных расчетов будет, по всей вероятности, самым очевидным результатом опиумной войны № 2.

Объявив «справедливую войну» России, великодушная Англия не стала при заключении мира требовать какого-либо возмещения своих военных издержек. Между тем, постоянно заявляя, что она находится в мире с самим Китаем, Англия в то же время заставляет его в обязательном порядке оплатить издержки, вызванные, по мнению ее собственных нынешних министров, ее же собственными пиратскими действиями. Во всяком случае первое же известие о том, что жителям Небесной империи предстоит уплатить пятнадцать или двадцать миллионов фунтов стерлингов, успокоительно подействовало даже на совесть самых щепетильных британцев, а «Economist» и вообще авторы финансовых статей занялись весьма приятными вычислениями по поводу того, какое благотворное влияние окажут слитки китайского серебра на торговый баланс и на состояние металлического запаса Английского банка. Но, увы! первые впечатления, над созданием которых так много потрудилась пальмерстоновская пресса, оказались слишком слабыми, чтобы выдержать удар, нанесенный известием о действительном положении вещей.

«Особая статья предусматривает, что сумма в два миллиона таэлей*» должна быть уплачена «в счет убытков, понесенных британскими подданными вследствие злонамеренного поведения китайских властей в Кантоне, и, кроме того, сумма в два миллиона таэлей — в счет военных издержек».

Итак, обе эти суммы вместе составляют только 1334000 ф. ст., между тем как в 1842 г. китайский император должен был уплатить 4200000 ф. ст., из которых 1200000 ф. ст. представляли возмещение за конфискованный контрабандный опиум, а 3000000 ф. ст. — за военные издержки. Спуститься с 4200000 ф. ст., с Гонконгом в придачу, до каких-то 1334000 ф. ст. — это, в конце концов, вряд ли блестящая сделка; но самого худшего мы еще не сказали. Поскольку, говорит китайский император, вы вели войну не с Китаем, а «провинциальную войну» с одним только Кантоном, то попытайтесь сами выжать из Гуандунской провинции убытки, которые ваши любезные военные корабли заставили меня присудить вам. А тем временем ваш доблестный генерал Стробензи может занять Кантон в качестве материальной гарантии и по-прежнему делать британское оружие посмешищем даже в глазах китайских воинов. Горестные чувства сангвинического Джона Буля по поводу этих условий, которыми обременено получение ничтожной добычи в 1334000 ф. ст., уже вылились в громкие стенания.

«Вместо того», — пишет одна лондонская газета, — «чтобы иметь возможность увести из Китая наши 53 военных корабля и увидеть их триумфальное возвращение с миллионами слитков серебра, мы стоим перед приятной необходимостью послать туда армию в 5000 человек, с тем чтобы она вновь заняла и удерживала Кантон и помогала флоту вести эту провинциальную войну, объявленную помощником нашего консула. Но не повлечет ли за собой эта провинциальная война иных последствий, помимо перенесения нашей торговли из Кантона в другие китайские порты?.. Не приведет ли продолжение ее» (провинциальной войны) «к тому, что бо́льшая часть торговли чаем попадет в руки России? Не окажется ли снабжение чаем европейского континента и самой Англии в зависимости от России и Соединенных Штатов?»

Страхи Джона Буля по поводу влияния «провинциальной войны» на торговлю чаем не лишены некоторых оснований. Из «Торговых тарифов» Мак-Грегора[393] видно, что за последний год первой китайской войны Россия получила через Кяхту 120000 ящиков чая. В год после заключения мира с Китаем русский спрос на чай упал на 75%, составив всего лишь 30000 ящиков. Во всяком случае издержки, в которые еще

* — китайская денежная единица. *Ред.*

вовлечет англичан занятие Гуандуна, неизбежно увеличат неблагоприятный баланс настолько, что эта вторая китайская война едва ли окупит себя, — а это, как справедливо заметил г-н Эмерсон, является в глазах англичан самым серьезным изъяном всякого предприятия.

Другой крупный успех английского вторжения закреплен в статье 51, согласно которой «ни в одном официальном китайском документе, изданном китайскими властями, термин «варвар» не должен применяться ни к британскому правительству, ни к британским подданным». Каким же скромным должен выглядеть в глазах китайских властей, величающих себя «небесными», Джон Буль, который не настаивает на том, чтобы его называли божественным или олимпийским, а довольствуется устранением из официальных документов иероглифа, означающего понятие «варвар»!

Статьи договора, касающиеся непосредственно торговли, не дают Англии никаких выгод, которыми бы не пользовались ее соперники, и в теперешних условиях представляют собой туманные обещания, большей частью не стоящие пергамента, на котором они написаны. Статья 10 гласит:

«Британским торговым судам разрешается торговать по великой реке (Янцзы), но при нынешнем тревожном положении в Верхней и Нижней долине ни один порт не может быть открыт для торговли, за исключением Чжэньцзяна, который должен быть открыт через год по подписании договора. После восстановления мира британские корабли могут быть допущены к торговле только в портах, лежащих не далее Ханькоу, — числом не более трех, — которые британский посланник выделит для этой цели по соглашению с китайским государственным секретарем».

В силу этой статьи англичанам фактически закрывается доступ к великой торговой артерии всего Китая, к «единственной линии», — как справедливо замечает «Morning Star»[394], — «по которой они могут продвигать свои фабричные изделия в глубь страны». Если они будут пай-мальчиками и помогут императорскому правительству вытеснить повстанцев из областей, ныне занятых ими, тогда они, пожалуй, смогут плавать по великой реке, да и то с правом захода лишь в некоторые порты. Что же касается новых морских портов, открытых для торговли, то если вначале это были «все» порты, теперь количество их сократилось до пяти, в добавление к пяти портам, обусловленным Нанкинским договором, которые, по словам одной лондонской газеты, «как правило, являются отдаленными или расположены на островах». Да и пора уже теперь покончить с обманчивым представлением о том, будто рост торговли пропорционален числу открываемых для нее

портов. Взгляните на прибрежные гавани Великобритании, Франции или Соединенных Штатов: многие ли из них развились в настоящие торговые центры? До первой китайской воины англичане торговали исключительно в Кантоне. Уступка пяти новых портов, вместо того чтобы привести к созданию пяти новых торговых центров, постепенно привела к перемещению торговли из Кантона в Шанхай, как можно видеть из нижеследующих цифр, извлеченных из парламентской Синей книги о торговле в различных пунктах за 1856—1857 годы. При этом следует помнить, что импорт товаров в Кантон включает также товары для Амоя и Фучжоу, которые перегружаются в Кантоне.

Годы	Британский импорт (в долларах)		Британский экспорт (в долларах)	
	в Кантон	в Шанхай	из Кантона	из Шанхая
1844 …………	15 500 000	2 500 000	17 900 000	2 300 000
1845 ....…….....	10 700 000	5 100 000	27 700 000	6 000 000
1846 ……………	9 900 000	3 800 000	15 300 000	6 400 000
1847 …………...	9 600 000	4 300 000	15 700 000	6 700 000
1848 ……………	6 500 000	2 500 000	8 600 000	5 000 000
1849	7 900 000	4 400 000	11 400 000	6 500 000
1850 ……………	6 800 000	3 900 000	9 900 000	8 000 000
1851 ……………	10 000 000	4 500 000	13 200 000	11 500 000
1852 ....…......	9 900 000	4 600 000	6 500 000	11 400 000
1853 …………..	4 000 000	3 900 000	6 500 000	13 300 000
1854 …………...	3 300 000	1 100 100	6 000 000	11 700 000
1855 ....…	3 600 000	3 400 000	2 900 000	19 900 000
1856	9100000	6 100 000	8 200 000	25 800 000

«Статьи договора, касающиеся торговли, неудовлетворительны» — к такому заключению приходит «Daily Telegraph»[395], самый презренный приспешник Пальмерстона; но та же газета посмеивается по поводу «самого блестящего номера программы», а именно, «что в Пекине утвердится британский посланник, а какой-нибудь мандарин водворится в Лондоне и, возможно, пригласит королеву на какой-нибудь бал в Альберт-гейте». Однако как бы Джон Буль ни забавлялся этой шуткой, не может быть сомнений, что если кто и будет пользоваться политическим влиянием в Пекине, так это Россия, которая в силу

последнего договора получила новую территорию величиной с Францию, с границей, большей частью отстоящей только на 800 миль от Пекина. Джону Булю, разумеется, неприятна мысль, что своей первой опиумной войной он сам обеспечил России договор, разрешающий ей плавание по Амуру и свободную торговлю в приграничной области, а своей второй опиумной войной он помог ей приобрести богатейшую территорию между Татарским проливом и озером Байкал — территорию, обладания которой Россия добивалась так настойчиво, что, начиная с царя Алексея Михайловича и до Николая, постоянно делала попытки завладеть ею. Лондонская газета «Times» так глубоко уязвлена этим, что, печатая известия из Санкт-Петербурга, которые сильно преувеличивают полученные Великобританией выгоды, умышленно выпустила ту часть телеграммы, где говорится о приобретении Россией по договору долины Амура.

Написано К. Марксом 28 сентября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5455, 15 октября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ВОПРОС ОБ ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

Вопрос о крепостном праве, по-видимому, принимает в настоящее время в России серьезный оборот; об этом лучше всего свидетельствует тот необычный шаг, который был вынужден предпринять царь Александр II, а именно: созыв в Санкт-Петербурге своего рода всеобщего представительства дворянства в целях обсуждения вопроса об отмене крепостного права. Деятельность Главного комитета по крестьянскому делу[396] окончилась почти полной неудачей и привела только к резким разногласиям между его собственными членами, разногласиям, в которых председатель этого комитета, великий князь Константин, стал на сторону старорусской партии против царя. В свою очередь большинство губернских дворянских комитетов, по-видимому, воспользовалось этой возможностью официально обсудить подготовительные шаги к освобождению крестьян с единственной целью помешать этой мере. Среди русского дворянства, конечно, имеется партия, стоящая за отмену крепостного права, однако она не только составляет численное меньшинство, но не единодушна даже по важнейшим вопросам. Высказываться против рабства, но допускать освобождение только на- таких условиях, при которых оно сводилось бы к простой фикции, — подобная позиция является, как видно, модной даже среди либерального русского дворянства. В сущности, такое явное сопротивление освобождению крестьян или половинчатая его поддержка вполне естественны для старых крепостников. Сокращение доходов, уменьшение ценности их земельной собственности и серьезные ограничения политической власти, которой они привыкли

пользоваться в качестве мелких самодержцев, вращающихся вокруг главного самодержца, — таковы непосредственные результаты, которые они предвидят, но на которые едва ли пойдут с большой охотой. Уже теперь в некоторых губерниях стало невозможно получить ссуду под обеспечение земельной собственности, потому что никто не уверен, что поместья в ближайшее время не обесценятся. Значительная часть земельной собственности в России заложена самому государству, и владельцы ее задают вопрос: как же им выполнять свои обязательства перед правительством? Многие имения помещиков обременены частными долгами. Многие помещики живут оброками, которые им платят их крепостные, обосновавшиеся в городах в качестве купцов, торговцев, ремесленников и мастеровых. Эти доходы, разумеется, исчезнут вместе с отменой крепостного права. Есть также мелкопоместные дворяне, которые владеют весьма ограниченным числом крепостных и сравнительно еще меньшей площадью земли. Если каждый крепостной получит клочок земли, как это и должно быть в случае освобождения, то владельцы этих крепостных превратятся в нищих. Для крупных земельных собственников, с их точки зрения, освобождение крестьян почти равносильно отречению от своих прав. Если крепостные будут освобождены, то какая реальная защита останется у этих помещиков против произвола императора? И кроме того, как быть с податями, в которых Россия так нуждается и которые зависят от действительной ценности земли? Как быть, далее, с государственными крестьянами? Все эти вопросы ставятся на обсуждение и образуют ряд сильных позиций, за которыми располагается лагерь сторонников крепостного права. Эта история так же стара, как история народов. Действительно, нельзя освободить угнетенный класс, не причинив ущерба классу, существующему за счет его угнетения, и не внося одновременно разложения во всю надстройку государства, покоящуюся на таком мрачном социальном фундаменте. Когда наступает время для такой перемены, то вначале проявляется большой энтузиазм; люди радостно поздравляют друг друга по поводу взаимного изъявления доброй воли, льются торжественные слова о всеобщей любви к прогрессу и тому подобное. Но лишь только приходит время заменить слова делами, как некоторые отступают в страхе перед вызванными ими духами, а большинство выражает решимость бороться за свои действительные или воображаемые интересы. Легитимные правительства Европы были в состоянии упразднить крепостное право только лишь под напором революции или в результате войны. Прусское правительство отважилось

подумать об освобождении крестьян только тогда, когда оно испытало на себе железное иго Наполеона; и даже тогда оно так разрешило этот вопрос, что его пришлось вновь решать в 1848 г., и он, хотя и в измененной форме, все еще ждет своего окончательного разрешения в будущей революции. В Австрии вопрос этот был решен не легитимным правительством и не доброй волей правящих классов, а революцией 1848 года и венгерским восстанием. В России Александр I и Николай не по каким-либо мотивам гуманности, а из чисто государственных соображений пытались произвести мирным путем перемены в положении народных масс[397]; однако оба они потерпели неудачу. Следует прибавить, что фактически после революции 1848—1849 гг. Николай отвернулся от своих собственных прежних проектов освобождения и сделался ярым приверженцем консерватизма. Что касается Александра II, то вряд ли у него был выбор — будить или не будить спящую стихию. Война, унаследованная им от отца, потребовала огромных жертв от русских народных масс, жертв, о размерах которых можно судить на основании-того простого факта, что в период между 1853 и 1856 гг. сумма необеспеченных бумажных денег, находившихся в обращении, возросла с трехсот тридцати трех миллионов рублей примерно до семисот миллионов рублей, причем это возросшее количество бумажных денег фактически представляло собой только налоги, которые государство собрало вперед. Когда Александр II ободрял крестьян обещаниями освободить их, он только следовал примеру Александра I во время войны с Наполеоном. К тому же, минувшая война кончилась позорным поражением, по крайней мере в глазах крепостных, от которых нельзя ожидать знакомства с тайнами дипломатии. Начать свое царствование с очевидного поражения и позора, да еще открыто нарушить обещания, данные крестьянам во время войны, — отважиться на такой шаг было бы слишком опасно даже для царя.

Сомнительно, чтобы даже сам Николай, случись или не случись Восточная война, был бы в состоянии дольше откладывать этот вопрос. Во всяком случае для Александра II это было невозможно; но он предполагал, и не совсем без оснований, что дворяне, в общем привыкшие к повиновению, не отступят перед его повелениями и даже сочтут за честь для себя, если им разрешат через посредство различных дворянских комитетов играть некоторую роль в этой великой драме. Эти расчеты, однако, не оправдались. С другой стороны, крестьяне, имевшие преувеличенное представление даже о том, что царь намеривался сделать для них, стали терять терпение при виде

медлительного образа действий своих господ. Поджоги, начавшиеся в отдельных губерниях, являются тревожным сигналом, смысл которого вполне ясен. Известно, далее, что в Великороссии и в областях, прежде принадлежавших Польше, имели место бунты, сопровождавшиеся большими жестокостями, что заставило помещиков переехать из деревень в города, где под защитой стен и гарнизонов они могут не бояться своих возмутившихся рабов. При таких обстоятельствах Александр II счел нужным созвать нечто вроде собрания нотаблей. Что, если это собрание явится поворотным пунктом в истории России? Что, если дворяне вздумают настаивать на своем собственном политическом освобождении как на предварительном условии всякой уступки царю в деле освобождения своих крепостных?

Написано К. Марксом, 1 октября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5458, 19 октября 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

УМОПОМЕШАТЕЛЬСТВО ПРУССКОГО КОРОЛЯ

Берлин, 2 октября 1858 г.

В одной из своих сказок немецкий писатель Гауф рассказывает, как один маленький городок, живущий сплетнями и жадный до скандалов, был в одно прекрасное утро выведен из своего обычного состояния самодовольства, обнаружив, что первый денди, светский лев этого города, оказался всего лишь переодетой обезьяной*. Сейчас прусский народ или часть его находится, по-видимому, под тягостным впечатлением еще менее приятного открытия, что в продолжение всех последних двадцати лет им управлял умалишенный. Во всяком случае, в умах народа возникает подозрение, что «верноподданных» пруссаков ловко провели с помощью одного из династических обманов крупного масштаба. Конечно, подозрение это было возбуждено вовсе не поведением короля во время войны с Россией, как это хочет изобразить Джон Буль и его ловкачи-редакторы. Напротив, то, что Фридрих-Вильгельм IV уклонился от участия в этом позорном кровопролитии, считают самым трезвым политическим актом, которым он может похвастаться.

Когда вдруг обнаруживается, что человек, какое бы общественное положение он ни занимал и как бы скромен он ни был, совсем не тот, за кого его принимали, то обычно окружающие его люди, раздраженные и обманутые, неизбежно начинают перебирать историю его жизни, ворошить все его прошлое, вспоминать все его ошибки, припоминать странные выходки и эксцентричные поступки в прошлом и, в конце концов, находят сомнительное удовлетворение в выводе, что им

* Гауф. «Сказка о юном англичанине». *Ред.*

следовало бы догадаться об этом раньше. Так, теперь вспомнили — и я могу это подтвердить, поскольку помню это сам, — что в мае 1848 г. г-н Кампгаузен, в то время глава министерства, внезапно вызвал в Берлин д-ра Якоби, главного врача рейнского дома умалишенных в Зигбурге, для оказания помощи королю, который, как тогда говорили, заболел воспалением мозга. Нервная система его величества, как о том распространяли слухи в самых узких кругах приспешники новоиспеченного министерства, получила страшное потрясение в мартовские дни и в особенности под впечатлением той сцены, когда народ принудил его стоять перед телами граждан, убитых в результате намеренно вызванного недоразумения, и заставил его обнажить голову и просить прощения у этих окровавленных и еще не остывших трупов[398]. Нет сомнения, что Фридрих-Вильгельм после этого поправился, но это вовсе еще не доказывает, что он, подобно Георгу III, не подвержен периодическим рецидивам. На некоторые случайные странности в его поведении тем более смотрели сквозь пальцы, поскольку было известно, что он довольно часто предавался возлияниям, приведшим некогда в неистовство жриц известного бога в Фивах[399].

Тем не менее в октябре 1855 г., когда король посетил Рейнскую Пруссию по случаю закладки фундамента для нового моста на Рейне, который должен был быть построен у Кёльна, о нем пошли странные слухи. Со сморщенным лицом, едва держась на ногах, с выступающим вперед животом и беспокойно блуждающим взглядом, он казался своей собственной тенью. Произнося речь, он говорил прерывающимся голосом, запинался, то и дело терял нить своих мыслей и, казалось, был в полном смущении, а королева, стоя рядом с ним, с беспокойством следила за каждым его движением. Вопреки своим прежним привычкам, он никого не принимал, ни с кем не разговаривал и никуда не показывался без королевы, которая была при нем неотлучно. По возвращении его в Берлин время от времени возникали странные on dits* об оскорблениях действием, нанесенных им его собственным министрам, даже Мантёйфелю, во время внезапно возникавших у него припадков бешенства. Для успокоения публики говорили, что король страдает водянкой. Впоследствии все чаще и чаще стали просачиваться известия о несчастных случаях, происходивших с ним в его собственных садах в Сан-Суси: то он повреждал себе глаз, наткнувшись на дерево, то ушибал ногу о камень,

* — слухи. *Ред.*

а в начале 1856 г. повсюду стали шептаться, что у него бывают по временам приступы безумия. В особенности говорили, что он воображает себя унтер-офицером, которому нужно еще проходить то, что на жаргоне прусского фельдфебеля называется Ubungsmarsche*. Поэтому он обычно в одиночку бегал по своим паркам в Сан-Суси и Шарлоттенбурге, что и приводило к роковым последствиям.

Теперь усердно стараются установить связь между этими и другими случаями, происходившими за последние десять лет. Почему бы, спрашивается, не могло быть, что прусскому народу ловко всучили умалишенного короля, раз теперь доказано, что, по крайней мере, последние полтора года Фридриха-Вильгельма IV держали на троне, несмотря на его душевную болезнь, и что королева и министры, как это теперь обнаружилось в результате ссор между членами королевской семьи, морочили народ, прикрываясь именем короля. При умопомешательстве, вызванном размягчением мозга, у больных обычно вплоть до самой смерти бывают периоды ясного сознания. То же самое случилось и с прусским королем; благодаря такому особому характеру его умопомешательства представлялись удобные случаи для обмана.

Королева, постоянно следившая за своим мужем, пользовалась каждым периодом прояснения его сознания, чтобы показать его народу или чтобы дать ему возможность выступить в торжественных случаях, и заставляла его зазубривать роль, которую он должен был исполнять. Иной раз она жестоко обманывалась в своих расчетах. Так, например, король должен был per procura** публично присутствовать в церкви во время церемонии бракосочетания португальской королевы, которое происходило, как вы, вероятно, помните, в Берлине. Когда все было готово и министры, адъютанты, придворные, иностранные послы и сама невеста ждали короля, он вдруг, вопреки отчаянным стараниям королевы, впал в состояние галлюцинации, вообразив, что жених — он сам. Из-за нескольких странных замечаний, которые король проронил по поводу своей странной судьбы — вступить во второй раз в брак при жизни своей первой жены — и относительно неудобства того, что он (как жених) появился в военном мундире, после всего этого людям, демонстрировавшим его, ничего другого не оставалось, как только отменить назначенную церемонию.

На какие смелые затеи отваживалась королева, можно судить на примере следующего случая. В Потсдаме до сих пор

* — муштровкой. *Ред.*

** — буквально: по доверенности; здесь: как лицо, представляющее жениха. *Ред.*

существует давний обычай, согласно которому рыбаки раз в год платят королю старинную феодальную дань рыбой. По этому случаю королева, желая доказать этим людям из народа ложность циркулировавших в то время повсюду слухов относительно умственного состояния короля, решилась пригласить некоторых избранных рыбаков на обед, составленный из рыбных блюд, на котором должен был председательствовать сам король. Действительно, обед прошел довольно благополучно, король пробормотал несколько заученных слов, улыбался и в общем вел себя прилично. Королева, опасаясь, как бы не расстроилась так хорошо разыгранная сцена, поспешила дать знак гостям, что пора уходить, как вдруг король поднялся и громовым голосом потребовал, чтобы его положили на сковороду. Он претворил в действительность арабскую сказку о человеке, превращенном в рыбу[*]. Как раз благодаря таким бестактным поступкам, на которые королева отваживалась в силу необходимости, комедия и потерпела неудачу.

Нечего и говорить, что никакой революционер не смог бы придумать лучшего способа унизить королевское достоинство. В широких кругах и не подозревали, что сама королева, баварская принцесса и сестра пользующейся дурной славой Софии Австрийской (матери Франца-Иосифа), стоит во главе берлинской камарильи. До 1848 г. она была известна под именем «кроткой матери отечества» (die milde Landesmutter), предполагалось, что она вовсе не имела никакого влияния на общественные дела и в силу природных склонностей своего ума совершенно сторонилась политики. Недовольство против нее выражалось единственно в том, что публика ворчала по поводу тайного католицизма, который ей приписывали, и возмущалась тем, что она была главой мистического ордена Лебедя, основанного по ее настоянию королем[400], — вот и все. Когда народ одержал победу в Берлине, то король просил его о снисхождении во имя «кроткой матери отечества», и этот призыв нашел отклик среди тех, к кому он был обращен. Однако после победы контрреволюции отношение народа к сестре Софии Австрийской постепенно стало меняться. Та особа, во имя которой удалось добиться великодушного отношения со стороны победившего народа, осталась глуха к мольбам матерей и сестер, чьи сыновья и братья попали в руки победившей контрреволюции. Сочувствуя, по-видимому, монархической причуде — казнить нескольких несчастных ополченцев (Landwehrleute) в Саарлуи в день рождения короля в 1850 г., то есть в то время, когда пре-

[*] «Тысяча и одна ночь». Сказка о рыбаке. *Ред.*

ступление, совершенное этими людьми, которые защищали права народа, казалось, уже было забыто, — эта «кроткая мать отечества» растрачивала всю свою сентиментальную религиозность на демонстративное поклонение могилам солдат, павших во время нападения на безоружный народ Берлина, и тому подобные акты, в которых открыто проявлялись ее реакционные настроения. Со временем и ее ожесточенные стычки с прусской принцессой также сделались темой общественного обсуждения, однако казалось вполне естественным, что, будучи бездетной, она затаила зло против высокомерной жены законного наследника короля. Я еще вернусь к этой теме.

Написано К. Марксом 2 октября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5462, 23 октября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ [401]

Несколько недель тому назад мы отметили* весьма успешное продвижение, осуществленное Россией за последние несколько лет в Восточной Азии, на западном побережье Тихого океана. Сегодня мы обратим внимание наших читателей на столь же успешное продвижение той же самой державы в другом направлении — в Средней Азии.

Вопрос о возможном столкновении двух великих азиатских держав, России и Англии, где-нибудь на полпути между Сибирью и Индией, о столкновении между казаками и сипаями на берегах Оксуса, часто обсуждался с тех пор, как в 1839 г. Англия и Россия одновременно отправили армии в Среднюю Азию[402]. Неудача этих первых военных экспедиций, вызванная в обоих случаях суровой природой и климатом страны, на некоторое время лишила эти разговоры интереса. Англия загладила свое поражение удачным, но бесплодным походом на Кабул. Россия, казалось, молча проглотила свой позор, но мы сейчас увидим, как мало она думала о том, чтобы отказаться от своих планов, и как успешно осуществила свои цели. Когда началась минувшая война, снова возник вопрос о возможном наступлении России на Индию, но широкая публика в то время почти ничего не знала о том, до каких пунктов выдвинулись передовые части русских и в каком направлении они ведут разведку. Индийские газеты помещали случайные заметки, где сообщалось о русских завоеваниях в Средней Азии, но на них не обращали внимания. Наконец, во время англо-персидской войны 1856 г. весь вопрос был вновь подвергнут обсуждению.

---

* См. настоящий том, стр. 603—604. *Ред.*

Однако за последнее время положение в Средней Азии сильно изменилось и все еще продолжает быстро изменяться*. Когда в 1812 г. Наполеон отметил на своей карте Москву как операционную базу для похода на Индию, он только следовал примеру Петра Великого. Еще в 1717 г. этот дальновидный монарх, указавший своим преемникам все возможные направления для завоеваний, отправил экспедицию против Хивы, которая, разумеется, оказалась безуспешной. После этого Россия долго не нарушала покоя туркестанских степей, но за это время область между Волгой и рекой Урал заселялась казаками, и по реке Урал были созданы казацкие военные поселения. Тем не менее по ту сторону этой реки власть России над тремя ордами или племенами киргизов оставалась чисто номинальной, и русские караваны подвергались разграблению как со стороны киргизов, так и со стороны хивинцев, пока в 1833 г. в Оренбург не был послан в качестве главнокомандующего генерал Василий Перовский. Он обнаружил, что из-за нападений этих кочевников торговые сношения России

* В тексте «Free Press» от 24 ноября 1858 г. начало статьи до слов «Когда в 1812 г.» дано следующим образом: «Прилагаю *некоторые выдержки* из составленных мною заметок о продвижении России в Средней Азии за последнее время. Возможно, что эти сообщения частично будут для вас новыми, ибо, насколько мне известно, официальные русские документы, опубликованные в Санкт-Петербурге на русском языке и являющиеся основным источником этих сообщений, еще не попали в Англию.

Стоит лишь обратить внимание на хронологические даты, чтобы обнаружить связь между действиями лорда Пальмерстона и вторжением России в Среднюю Азию. Вот примеры: продвижение русских в Хиву в 1839 г., несмотря на их военное поражение; окончательное закрепление России в Хиве в 1854 г., хотя она ограничилась только простой военной демонстрацией и не произвела ни единого выстрела; поспешно осуществленный поход русских в 1856 г. через Киргизскую степь в Юго-Восточный Туркестан и совпавшее с этим походом восстание в Индии. В русских официальных документах отмечаются только уже совершившиеся факты (faits accomplis); подоплека событий, конечно, тщательно скрывается, а вооруженные силы, которые во всей драме играли лишь роль декорации, изображаются как главное действующее лицо. Так как вам прекрасно знакома вся дипломатическая история этого дела, я в приводимых выдержках ограничиваюсь *фактами* в том виде, как их трактует сама Россия. Я добавил лишь несколько соображений относительно того, какое значение с военной точки зрения имеет для Индии продвижение России в Центральной Азии.

Может возникнуть вопрос, почему Александр II опубликовал документы о вторжении России в Северную Азию и Среднюю Азию — документы, которые Николай всегда заботливо скрывал от мирового общественного мнения. Вообще говоря, про Александра можно сказать, что ему удалось выполнить то, что еще не осуществил его отец, а именно, посвятить Европу в тайные «азиатские» планы России и сделать, таким образом, Европу своим явным соучастником в выработке этих планов. Во-вторых, эти документы, по существу, доступны лишь ученым немцам, которые ценят в Александре его снисходительное отношение к вопросу о развитии географической науки. Наконец, после Крымской войны старомосковитская партия стала с тупоумной настойчивостью выражать неудовольствие по поводу того, что Россия якобы потеряла свой престиж. Александр ответил ей на это опубликованием документов, из которых не только видно, каких огромных успехов достигла Россия за последний год, но само опубликование которых явилось вызовом, категорическим утверждением «престижа»; это был такой акт, на который Николай никогда бы не решился».

Следующая за этим часть статьи озаглавлена «Обзор русских документов». *Ред.*

с внутренними и южными областями Азии были совершенно прерваны, так как даже военные конвои, в течение нескольких последних лет сопровождавшие караваны, были не в состоянии их защищать. Чтобы положить этому конец, Перовский организовал прежде всего подвижные колонны против киргизов и вскоре затем стал размещать на их территории казацкие военные посты. Таким путем в течение нескольких лет он подчинил киргизов действительному контролю и власти России, а затем взялся за осуществление давнишних планов Петра Великого, направленных против Хивы.

Получив разрешение императора, Перовский организовал армию, численностью приблизительно в одну пехотную дивизию (8000 человек) с многочисленными отрядами полурегулярной казацкой и иррегулярной башкирской и киргизской конницы. Для перевозки продовольствия по пустынным степям было собрано пятнадцать тысяч верблюдов. Недостаток воды исключал возможность предпринять экспедицию летом. Поэтому Перовский избрал зимнюю кампанию и выступил из Оренбурга в ноябре 1839 года. Результат известен. Снежные метели и жестокие холода погубили его армию, убили его верблюдов и лошадей и заставили его отступить с огромными потерями. Тем не менее официальная цель похода была достигнута: в то время как Англия до сих пор еще не смогла отомстить за убийство в Бухаре своих послов Стоддарта и Конолли, хан хивинский отпустил на свободу всех русских пленников и отправил в Санкт-Петербург посольство, чтобы просить о мире.

Тогда Перовский принялся за подготовку коммуникационной линии через Киргизскую степь. Не прошло и полутора лет, как уже приступили к работе научные и инженерные экспедиции, которые под военной охраной обследовали всю область к северу от Яксарта (Сыр-Дарьи) и Аральского моря. Были исследованы свойства почвы, наилучшие направления для дорог и самые удобные места для больших колодцев. Эти колодцы бурили или рыли на небольшом расстоянии один от другого и обносили их укреплениями достаточно мощными, чтобы выдержать любое нападение кочевников, и достаточно обширными, чтобы вместить значительные запасы продовольствия. Карабулак на Оксусе и Иргиз на реке того же названия служили центральными пунктами защиты в южной части Киргизской степи; между ними и городами на реке Урал вдоль дорог были сооружены форты меньшего размера, а также колодцы на расстояний десяти или двенадцати* миль друг от друга.

* В «Free Press» вместо «двенадцати» напечатано «двадцати». *Ред.*

Следующий шаг был сделан в 1847 г., когда был воздвигнут форт на реке Сыр-Дарье приблизительно в 45 милях от ее устья; этот форт был назван — Аральское. В нем мог разместиться гарнизон численностью в один батальон и даже больше. Аральское весьма скоро сделалось центром обширной русской земледельческой колонии, раскинувшейся в нижнем течении реки и по прилегающим берегам Аральского моря, и тогда Россия формально завладела всей территорией к северу от этого моря и от дельты Сыр-Дарьи. В 1848 и 1849 гг. море было впервые тщательно исследовано; была открыта новая группа островов, и они тут же были отведены под главную стоянку аральской пароходной флотилии, к созданию которой приступили немедленно. На острове против устья Сыр-Дарьи был воздвигнут другой форт, и в то же время была еще более усилена и закончена коммуникационная линия между Оренбургом и Аральским морем.

Перовский, который в 1842 г. оставил свою должность командующего оренбургскими войсками, теперь снова вернулся на свой пост и весной 1853 г. двинулся с значительными силами к Аральскому. Переход через пустыню был совершен без особых затруднений, после чего армия направилась вверх по Сыр-Дарье, в то время как мелкосидящий пароход сопровождал ее по реке. Подойдя к Ак-Мечети, крепости, расположенной приблизительно в 450 милях вверх по течению реки и принадлежавшей кокандскому хану, русские взяли ее приступом и немедленно превратили в свою собственную крепость, причем так успешно, что когда в декабре того же года кокандская армия напала на нее, нападающие потерпели полное поражение.

В 1854 г., когда внимание Европы было приковано к военным действиям на Дунае и в Крыму, Перовский с 17-тысячной армией двинулся на Хиву от своей новой операционной базы на Сыр-Дарье. Но хан не стал дожидаться его прибытия на Оксус. Он отправил послов в русский лагерь, и они заключили договор, *по которому хан Хивы признал верховную власть России,* уступил ей право объявления войны и заключения мира, передал ей неограниченную власть над своими подданными, предоставил право устанавливать караванные пути, назначать пошлины и таможенные сборы и регулировать торговлю по всей Хиве на вечные времена. В Хиве водворился русский консул, который, как представитель русского правительства, взял на себя также обязанности верховного арбитра во всех политических делах Хивы.

С подчинением Хивы вопрос о покорении Туркестана, по существу, был решен; быть может, сейчас он уже решен

и практически. Ханы кокандский и бухарский также отправили посольства в Санкт-Петербург; заключенные с ними договоры не были опубликованы, но об их содержании легко догадаться. Какую бы степень независимости Россия ни была склонна оставить этим мелким государствам, единственная сила которых заключалась в их неприступности, ныне больше уже не существующей — по крайней мере для России, — эта независимость будет только номинальной, так как достаточно послать из Хивы или Ак-Мечети в более плодородные долины Верхнего Туркестана армию в 20000 человек, чтобы подавить всякую попытку сопротивления и пройти всю страну от края до края. Надо полагать, что Россия и после 1854 г. не оставляла без внимания эти области, хотя она и держит свои действия в тайне; а после быстрых, бесшумных и непрерывных успехов, достигнутых ею в Туркестане за последние двадцать пять лет, можно с уверенностью предсказать, что ее флаг вскоре будет развеваться над горными проходами Гиндукуша и Болортага.

С военной точки зрения огромное значение этих завоеваний заключается в том, что благодаря им создано ядро операционной базы для наступления на Индию; и в самом деле, после такого глубокого проникновения русских в центр Азии план нападения на Индию с севера уже покидает область туманных предположений и приобретает до некоторой степени определенные контуры. Тропические области Азии отделены от стран, принадлежащих к умеренному поясу, широкой полосой пустынь, проходящей от берегов Персидского залива прямо через весь материк к истокам Амура. Эта полоса — не считая Приамурской области — до последнего времени была почти непроходима для армий; единственной мыслимой дорогой через нее являлся путь от Астрабада на Каспийском море через Герат на Кабул и к Инду. Но теперь, когда русские находятся в нижнем течении Яксарта (Сыр-Дарьи) и Оксуса (Аму-Дарьи) и при наличии военных дорог и фортов, снабжающих армию в походе водой и продовольствием, среднеазиатская пустыня больше уже не представляет собой препятствия в военном отношении, Вместо одного необорудованного пути из Астрабада через Герат к Инду Россия располагает теперь тремя различными дорогами, которые в недалеком будущем могут быть в совершенстве подготовлены для движения войск. Прежде всего имеется старая дорога через Герат, которая при существующем положении вещей не может больше оставаться закрытой для России; во-вторых, имеется долина Оксуса от Хивы до Балха; в-третьих, долина Яксарта от Ак-Мечети до Ходжента, откуда военный отряд может пройти по богатой водой

и густо населенной области в Самарканд и Балх. Герат, Самарканд и Балх могут стать превосходной операционной базой против Индии. Балх находится всего в 500 милях от Пешавара, северо-западного аванпоста англо-индийской империи. Самарканд и Балх принадлежат бухарскому хану, который уже теперь вполне зависит от России; когда же Астрабад (который либо уже занят русскими, либо может быть ими занят в любой день) и Балх будут в руках России, то нельзя будет удержать и Герат, если она решит его захватить. А как только такая операционная база окажется фактически в руках России, Англии придется бороться за свою индийскую империю. От Балха до Кабула едва ли дальше, чем от Кабула до Пешавара, и уже один этот факт показывает, как узка стала теперь нейтральная полоса между Сибирью и Индией.

Совершенно ясно, что если продвижение русских будет продолжаться тем же темпом и с той же энергией и последовательностью, как в течение последних двадцати пяти лет, то уже через десять или пятнадцать лет московиты будут стучаться в ворота Индии. Стоит им только пройти Киргизскую степь, как они окажутся в сравнительно хорошо обработанных и плодородных областях Юго-Восточного Туркестана, завоевание которого никто не может у них оспаривать и который без усилия и напряжения сможет в течение многих лет содержать армию в пятьдесят или шестьдесят тысяч человек, совершенно достаточную для похода куда угодно, вплоть до Инда. Такая армия может за десять лет полностью покорить страну, создать охрану для постройки дорог, для колонизации обширных пространств земли русскими государственными крестьянами (как это сейчас имеет место на берегах Аральского моря), держать в страхе все окружающие государства и подготовить операционную базу и коммуникации для похода в Индию. Будет ли такой поход когда-нибудь предпринят, зависит от политических условий, которые в настоящее время могут служить лишь предметом отдаленных предположений*.

Написано Ф. Энгельсом около 8 октября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5471, 3 ноября 1858 г. в качестве передовой и с дополнениями Маркса в газете «The Free Press», т. VI, № 23, 24 ноября 1858 г.

Печатается по тексту газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с английского

* Вместо последней фразы в «Free Press» напечатано: «Мы ручаемся, что ни один военный, изучивший географию этой страны, не станет этого отрицать. А если наши предположения правильны, то схватка между «казаками и сипаями» (если к тому времени еще найдутся сипаи, которые пожелают сражаться за Англию) произойдет не на берегах Оксуса, как предполагали прежде, а на берегах Кабула и Инда». *Ред.*

К. МАРКС

УМОПОМЕШАТЕЛЬСТВО ПРУССКОГО КОРОЛЯ

Берлин, 12 октября 1858 г.

Сегодня король покинул Берлин и отправился en route* в Тироль и Италию. Среди молчаливой толпы, присутствовавшей на Потсдамском вокзале во время его отъезда, было немало лиц, которые в 1840 г. были свидетелями его коронации, а затем слышали его первую публичную хвастливую речь, когда он торжественно клялся, что никогда не позволит, чтобы «какой-нибудь галльский клочок бумаги встал между ним и его народом»**. Этот же человек имел несчастье впоследствии не только присягнуть на верность «галльскому клочку бумаги» — какое романтическое название для писаной хартии пли конституции! — но и стать восприемником прусской конституции и даже в известном смысле потерять престол в силу того же самого зловредного «клочка бумаги». Читатель, вероятно, заметит разницу между рескриптом короля принцу Прусскому и рескриптом принца министерству. В своем рескрипте король говорит:

«Так как я все еще не в состоянии лично руководить государственными делами, то я прошу Ваше королевское высочество, мой любезный брат, принять на себя временно и т. д. отправление королевских полномочий в качестве регента от моего имени, согласно Вашему разумению и Вашей совести, и быть в ответе только перед богом».

В своем контррескрипте принц говорит:

«В соответствии с этой просьбой короля и на основании статьи 56 конституции, я, в качестве ближайшего престолонаследника по мужской линии, сим возлагаю на себя регентство над страной и, согласно статье 56 конституции, созываю обе палаты ландтага королевства».

* — в путешествие. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 630. *Ред.*

Таким образом, король в своем рескрипте действует как свободное лицо и по своей собственной свободной воле временно слагает с себя власть. Принц же одновременно ссылается и на «просьбу короля» и на «статью 56 конституции», которая предполагает, что король является душевнобольным или находится в плену и вследствие этого не может сам учредить регентство. Далее, в своем рескрипте король призывает регента выполнять свои полномочия и «быть в ответе только перед богом», между тем как принц своей ссылкой на конституцию возлагает всю ответственность на существующее министерство. Согласно приведенной регентом статье, «ближайший престолонаследник» обязан немедленно созвать палаты, которые на объединенном заседании должны решить вопрос о «необходимости регентства». Чтобы лишить ландтаг этого права, подчеркивается добровольный отказ короля от власти; однако, чтобы избежать зависимости от королевской прихоти, сделана ссылка на конституцию. Таким образом, в притязаниях регента есть слабое место, поскольку он исходит из двух источников права, взаимно исключающих друг друга. 58-я статья конституции гласит, что

«с момента его» (регента) «присяги конституции» (перед объединенным ландтагом) «существующее министерство остается ответственным за все правительственные акты».

Как же сочетать это с «ответственностью только перед богом»? Признание королевского рескрипта есть только предлог, ибо при этом созывается ландтаг, но и созыв ландтага тоже предлог, потому что вопрос о «необходимости» регентства не подлежит его решению. В силу обстоятельств принц Прусский, в 1850 г. отказавшийся присягнуть конституции, попал теперь в неловкое положение: ему приходится не только признать конституцию, но и прибегнуть к ее помощи. Не следует забывать, что с осени 1848 и до начала 1850 г. сторонники абсолютизма, в особенности в рядах армии, носились с планом, при случае даже открыто его высказывая, заменить нерешительного короля рассудительным принцем, в котором известная сила воли во всяком случае не подавлялась особой гибкостью ума и который, кроме того, благодаря своему поведению в мартовские дни, своему бегству в Англию, народной ненависти, направленной против него, и, наконец, благодаря своим подвигам во время баденской кампании[403] казался человеком, вполне способным возглавить сильное правительство в Пруссии, подобно Францу-Иосифу и сыну Гортензии[*] на

[*] — Наполеону III. *Ред.*

южной и западной границах владений Гогенцоллернов. Принц действительно никогда не менял своих убеждений. Но обиды, которые ему, а еще более его жене, ученице Гёте, женщине высокой культуры, с честолюбивым и гордым характером приходилось переносить со стороны королевы и ее камарильи, не могли не породить у него до известной степени оппозиционных настроений. Болезнь короля не оставляла ему ничего иного, как передать бразды правления королеве, либо самому признать конституцию. Кроме того, теперь отпадает одна характерная для этого человека помеха, психологически связывавшая его в 1850 году. Тогда он был просто первым офицером прусской армии, которая присягает на верность только королю, а не конституции. Если бы в 1850 г. он принес присягу конституции, то связал бы этим армию, представителем которой он являлся. При настоящем же положении дела он может принести присягу; но если он пожелает, то, в силу простого акта отречения, он может дать своему сыну возможность упразднить конституцию с помощью армии. Самый пример царствования его брата в течение последних восьми лет служил достаточным доказательством — если требовалось еще какое-то доказательство, — что конституция связывает королевскую прерогативу только на бумаге, между тем как с финансовой точки зрения она является прямо-таки находкой. Вспомните хотя бы финансовые затруднения короля в период между 1842 и 1848 гг., тщетные попытки занять деньги через посредство Seehandlung[404], холодные отказы Ротшильдов ссудить ему несколько миллионов долларов, неутверждение мелких займов Соединенным ландтагом в 1847 г., полное истощение государственной казны — и затем, с другой стороны, сопоставьте с этим финансовые возможности, возникшие уже в 1850 г., в первом году конституции, когда три бюджета с дефицитом в 70000000 были покрыты палатами одновременно в мгновение ока. Действительно, только совершенный дурак отказался бы от такого великолепного механизма для чеканки денег! С точки зрения народа, прусская конституция только прибавила политическое влияние аристократии к традиционному господству бюрократий, в то время как королевская власть, наоборот, благодаря конституции получила возможность создать государственный долг и увеличить ежегодный бюджет более чем на 100 процентов.

Сама история этой конституции представляет собой одну из самых необычайных глав современной истории. Первый проект конституции был составлен 20 мая 1848 г. кабинетом Кампгаузена, который предложил его прусскому Националь-

ному собранию. Деятельность последнего заключалась главным образом в переработке правительственного проекта. Собрание все еще было занято этим делом, когда оно было разогнано с помощью померанских штыков. 5 декабря 1848 г. король даровал свою собственную конституцию, которая, однако, — поскольку это было время, когда революционные настроения в стране еще не были изжиты, — должна была служить лишь временной отпиской. В целях ее пересмотра были созваны палаты, и их работа как раз совпала с эпохой бешеной реакции. Эти палаты очень напоминали знаменитую chambre introuvable[405] Людовика XVIII в прусском масштабе. Все же король колебался. «Клочок бумаги», хотя и был подслащен, пропитан духом верноподданничества и приукрашен средневековыми геральдическими фигурами, все-таки приходился королю не по вкусу. Король испробовал все средства, чтобы отбить у поборников конституции охоту заниматься ею, но последние твердо решили не смущаться никакими актами унижения, не пугаться никаких уступок, лишь бы добиться номинальной конституции с каким угодно содержанием, достигнуть своей цели, хотя бы ползая в грязи. Действительно, королевские послания, которые следовали одно за другим, подобно залпам взвода, отводили не резолюции ревизующих палат, — ибо последние держались, совсем пассивно, — а наоборот, предложения, которые периодически вносили собственные министры короля от его собственного имени. Сегодня они предлагали одну статью. Спустя два дня после принятия ее палатами в ней уже находили недостатки, и король объявлял о том, что ее надо изменить sine qua non[*]. Наконец, утомленный этой игрой, король в своем послании от 7 января 1850 г. предпринял последний и решительный шаг, пытаясь заставить своих верноподданных отступиться в отчаянии от своих конституционных вожделений. В послании, специально составленном с этой целью, он предложил длинный ряд поправок, которые, как он думал, не будут в состоянии проглотить, по всей вероятности, даже эти палаты. Однако они проглотили их, даже не поморщившись. Таким образом, ничего не оставалось, как покончить со всей этой канителью и провозгласить конституцию. Королевская присяга имела привкус той же балаганщины, какая сопровождала рождение конституции. Король принял конституцию при условии, если он «найдет возможным править с се помощью»; и палаты приняли это двусмысленное заявление как присягу и полный расчет по обязательствам; народные массы отнеслись к этой сделке с полным равнодушием.

[*] — непременно. *Ред.*

Такова история этой конституции. В другом письме[*] я предполагаю дать вам краткий очерк ее содержания, ибо, по странному стечению обстоятельств, этот «бесплотный призрак» стал в настоящее время, по крайней мере официально, операционной базой для соперничающих политических партий, а этим партиям в Пруссии, как и повсюду, суждено начать всеобщее движение, которое в надлежащий момент должно выступить на сцену.

Написано К. Марксом 12 октября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5465, 27 октября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] См. настоящий том, стр. 629—632. *Ред.*

К. МАРКС

РЕГЕНТСТВО В ПРУССИИ

Берлин, 13 октября 1858 г.

После упорной борьбы прусский дворцовый переворот стал, наконец, fait accompli*. Из простого заместителя и уполномоченного короля принц Прусский превратился в регента государства. Как неохотно королева и камарилья сдали свои позиции, видно даже из заключительной сцены этой династической драмы. Их официальный представитель, министр внутренних дел г-н фон Вестфален, отказался поставить свою подпись под декретом, в силу которого король передавал власть своему брату; он ушел в отставку и был заменен г-ном фон Флотвелем. С другой стороны, король отрекся не безусловно, а, как сказано в декрете, «лишь на время, пока я сам не смогу снова выполнять обязанности моего королевского сана», оставляя «в моей собственной власти те дела моего королевского дома, которые касаются меня лично». Первая оговорка придает власти регента временный характер, а вторая по-прежнему сохраняет за королевой распоряжение королевскими расходами. Эта условная форма капитуляции показывает, что, хотя камарилья и была принуждена сдать крепость, она, однако, решила не прекращать борьбы. Действительно, ни для кого не секрет, что после паралитического удара, случившегося с королем на прошлой неделе, его лейб-медики объявили, что они не могут гарантировать ему жизнь хотя бы на год даже при самых благоприятных условиях. Это заявление сыграло большую роль в решении г-на фон Мантёйфеля перейти на другую сторону и поднять флаг принца Прусского. Обладая кое-какими

* — совершившимся фактом. *Ред.*

познаниями в новой истории, он знает, что влияние Мазарини пережило Людовика XIII. Он знает также, что Персивал, хотя он в качестве слепого орудия камарильи, известной под именем «друзей короля», и действовал по указке королевы и герцога Йоркского, чем сильно настроил против себя принца-наследника, тем не менее, вопреки интригам и недобрым предчувствиям вигских искателей теплых местечек, сумел войти в милость к регенту (впоследствии Георгу IV) и остаться на своем посту. Именно дезертирство Мантёйфеля и заставило камарилью и поддерживавшую ее юнкерскую партию отступить. В противном случае у принца Прусского остался бы только один выбор: либо удовольствоваться одной лишь вывеской королевской власти, либо обратиться к содействию народа, что было бы несовместимо ни с его собственными принципами, ни с традициями династии Гогенцоллернов. Изворотливость Мантёйфеля избавила его от этой неприятнейшей дилеммы. Удостоит ли он перебежчика благодарности — покажет будущее. Уже один тот факт, что имя Мантёйфеля неразрывно связано с поражением мартовской революции, что он был ответственным редактором прусского coup d'etat* и что поэтому его министерство является живым и постоянным протестом против народной «узурпации», — уже одно это может заставить принца, несмотря на его личную неприязнь, воздержаться от резкого и демонстративного разрыва с этим «Mann der rettenden Tat»**.

Противоположность характеров принца и короля представляет обычную фамильную черту династии Гогенцоллернов. Комедиант, более или менее предающийся излишествам, более или менее проникнутый богословскими идеями в византийском вкусе, более или менее заигрывающий со средневековым романтизмом, неизменно сменяется на троне другим типом, представляющим мрачное сочетание фельдфебеля, чиновника и школьного учителя. Таков был контраст между Фридрихом I и его сыном Фридрихом-Вильгельмом I, между Фридрихом-Вильгельмом II и Фридрихом-Вильгельмом III, таков и контраст между безобидными, чудачествами Фридриха-Вильгельма IV и прозаической посредственностью нынешнего регента.

Сейчас во многих кругах ожидают — и британская пресса усердно распространяет эту точку зрения, — что пришествие к власти регента сразу же повлечет за собой поворот во внешней политике Пруссии в смысле освобождения ее от преобла-

* — государственного переворота. *Ред.*
** — «человеком спасительного действия». *Ред.*

дающего влияния России и большего ее сближения с Англией. Весьма вероятно, что и сам принц-регент тешит себя такого рода идеями. Он, конечно, не забыл оскорбительного обращения Николая на конгрессе в Варшаве с графом Бранденбургом, прусским уполномоченным и близким родственником королевской фамилии, — обращения, которое толкнуло графа на самоубийство[406]. Эта личная обида давала себя чувствовать тем острее, что одновременно Николай заставил Пруссию — и притом самым бесцеремонным образом — уступить требованиям Австрии, согласиться, чтобы австрийская армия прошла к Гамбургу и в Шлезвиг-Гольштейн, и смиренно переносить унижение на глазах у всей Европы. Несколько позже, когда в Англии были опубликованы секретные донесения британского посла в Петербурге, принц, человек, отнюдь не склонный забывать обиды, снова был жестоко уязвлен тем демонстративным пренебрежением, с каким покойный император, обсуждая вероятную позицию великих европейских держав в случае раздела Турецкой империи, не удостоил Пруссию даже упоминания. Как известно, на свидании в Праге принц Прусский, после первых воинственных шагов, реагировал на властную надменность своего московского зятя упорным молчанием. Во время войны с Россией камарилья заподозрила принца в симпатиях к западным союзникам и поэтому установила за ним личный surveillance* и слежку, о чем случайно узнали во время одного скандального процесса в Потсдаме. В свою очередь, принц удостоверился в том, что вожаки камарильи и придворные фавориты короля, генерал фон Герлах и королевский советник Нибур (сын знаменитого историка), состояли прямыми агентами петербургского правительства, точно информировали его обо всем, что происходило в кабинете, и получали от него распоряжения даже по таким специальным вопросам, как размещение различных corps d'armee** на территории монархии. С кончиной императора Николая мотивы личного антагонизма отпали. К тому же, нет оснований предполагать, чтобы Александр II мог внушать своему дяде такое чувство почтительного страха, какое Николай, после своего брака со старшей дочерью Фридриха-Вильгельма III, умел вселять в представителей династии Гогенцоллернов. Весьма вероятно также, что новые семейные связи с Англией окажут некоторое влияние на направление внешней политики регента. Но ведь в действительности эта политика определяется не личными

* — надзор. *Ред.*
** — армейских корпусов. *Ред.*

наклонностями принца, а положением его государства. Если бы Пруссия была просто одной из германских держав, то и вопрос решался бы очень просто; однако Пруссия не только представляет собой соперницу Австрии, которая в свою очередь является противницей России, но самый основной принцип прусской монархии заключается в захватах за счет Германии с помощью России. Именно благодаря союзу Фридриха-Вильгельма I с Россией Пруссии удалось отнять у Швеции Померанию. С другой стороны, не что иное, как союз с Екатериной дал возможность Фридриху Великому удержать австрийскую Силезию и получить исконную часть Польши; тот же самый маневр с тем же результатом был повторен Фридрихом-Вильгельмом II и Фридрихом-Вильгельмом III. Именно при покровительстве Александра I Пруссия получила рейнские провинции и одновременно смогла увеличить свою территорию за счет Саксонии. И опять же на Россию придется опираться Пруссии в случае французского нашествия. Поэтому более чем сомнительно, чтобы положение прусского государства когда-либо позволило его правителям освободиться от верховенства России, и публике, вероятно, суждено обмануться в своих ожиданиях по этому вопросу, как и по вопросам внутренней политики.

Написано К. Марксом, 13 октября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5465, 27 октября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ

Берлин, 16 октября 1858 г.

Если внешний мир ничего или почти ничего не знает о прусской конституции, то он может, по крайней мере, утешиться тем достопримечательным фактом, что и сам прусский народ пребывает в таком же мраке неведения. Как раз в данный момент избирательные комитеты в Берлине, Бреславле, Кёнигсберге, Кёльне и во всех других больших и малых центрах либерализма заняты тем, что усердно листают пожелтевшие страницы прусской хартии с целью выяснить, какое законное оружие нападения или защиты, пригодное для целей настоящего момента, можно извлечь из этого таинственного арсенала. В продолжение последних десяти лет, когда эта хартия фигурировала как вещь, которая имеет ценность сама по себе, как окончательный результат, окончательное решение, большинство пруссаков относилось к ней весьма холодно, интересуясь ею не более, чем законами Ману[407]. Но как только выяснилось, что этот казенный хлам в силу обстоятельств превратился в обоюдоострый меч, всем, по-видимому, страстно захотелось познакомиться с этим «великим неизвестным». С другой стороны, в официальных кругах царит весьма неприятное опасение, как бы в этом случае плод познания, подобно тому как это было в допотопную эпоху, не оказался плодом греха, и на конституционную манию, которая внезапно овладела прусским народом, смотрят с мрачной и — я не могу не заметить — вполне оправданной подозрительностью. Как раз теперь принц Прусский взвешивает возможность coup d'etat как средства, к которому он, быть может, будет вынужден прибегнуть в скором времени. Если бы избирательным комитетам удалось выполнить

свой план — составить большинство в выборной палате из числа либералов времен Национального собрания 1848 г., из Вальдеков, Якоби, Родбертусов, Унру, Кирхманов и т. д., то принцу снова пришлось бы дать сражение на том же самом поле битвы, на котором королевская власть, казалось, одержала победу в декабре 1848 года. Уже одно дыхание, гул и шум вновь пробуждающейся жизни парода ошеломляют его. Если бы ему пришлось — как ему советует часть его собственной камарильи — сформировать кабинет Бисмарка-Шёнгаузена, открыто бросив этим вызов революции и без церемоний подавив в самом зародыше надежды, якобы связанные с его приходом к власти, то выборная палата, в согласии со статьей 56 конституции и с его собственным рескриптом, могла бы поставить на обсуждение вопрос о «необходимости» его регентства. Тогда его правление началось бы возбужденными и угрожающими дебатами о том, является ли его власть законной или узурпированной. Если бы, с другой стороны, он, хотя бы на короткое время, позволил движению расшириться и беспрепятственно принять осязательные формы, его трудности усугубились бы тем, что старая роялистская партия изменила бы фронт и напала бы на него за то, что он вновь открыл шлюзы революции, которые, по ее убеждению, она со свойственной ей государственной мудростью умела держать закрытыми, пока ей было позволено управлять под флагом старого безумного короля. История монархий показывает, что в эпохи социальных революций нет ничего более опасного для решительного и прямолинейного, но в то же время грубого человека с устарелыми взглядами, как принять наследство после колеблющегося, слабого и вероломного правителя. Яков I, с которым Фридрих-Вильгельм имеет очень большое сходство, выдержал бурю, бросившую Карла I на эшафот, а Яков II в безвестном изгнании искупал те иллюзии насчет божественного права королей, которые в свое время даже способствовали странной популярности Карла II. Возможно, что принц Вильгельм руководствовался инстинктивным предчувствием ожидавших его трудностей этого рода, когда он упорно противился провозглашению хартии тем самым королем, который в 1847 г. при открытии Соединенного ландтага провинциальных сословий напыщенно заявил:

«Я чувствую необходимость торжественно заявить, что никакая земная сила никогда не сможет побудить меня превратить естественные и прочные отношения между королем и народом в отношения договорные, конституционные и что никогда, никогда я не позволю, чтобы между господом на небесах и моей страной стал исписанный клочок бумаги, так сказать, второе провидение, которое управляло бы с помощью своих статей и заменило бы ими прежнее священное доверие».

В предыдущей корреспонденции* я уже рассказывал, как в основу нынешней конституции лег проект конституции, составленный кабинетом Кампгаузена и разработанный революционным Собранием 1848 г., но лег лишь после того как coup d'etat уничтожил первоначальный проект и октроированная хартия воспроизвела его уже в искаженном виде, лишь после того как две палаты, созванные для ее пересмотра, переделали октроированную хартию, а бесчисленные королевские декреты внесли исправления в пересмотренную хартию. Весь этот канительный процесс был проделан с целью стереть последние черты, напоминающие о революционном происхождении этого лоскутного творения. И все же эта цель не была достигнута полностью, поскольку все готовые хартии неизбежно выкраиваются более или менее по французскому образцу и, что бы с ними ни делали, они не могут претендовать на сколько-нибудь яркую оригинальность. Так, если бегло просмотреть раздел II январской конституции 1850 г., трактующий «о правах пруссаков», об этих прусских, с позволения сказать, droits de l'homme**, то на первый взгляд статьи его звучат довольно громко:

«Все пруссаки равны перед законом. Гарантируется личная свобода. Частное жилище неприкосновенно. Никто не может быть лишен положенного ему законного суда. Наказания, за исключением налагаемых судьями в порядке законного исполнения ими своих обязанностей, не должны иметь своей целью запугивание. Собственность неприкосновенна. Лишение гражданских прав и конфискация изгоняются из действующего права. Государство не должно посягать на свободу эмиграции, за исключением случаев, имеющих отношение к воинской повинности. Гарантируется свобода вероисповедания, образования религиозных обществ и совместного богослужения как в частных домах, так и в храмах. Пользование гражданскими и политическими правами не стоит в зависимости от вероисповедания. Разрешаются браки, совершенные только по гражданским законам. Наука и ее учения свободны. Воспитание юношества должно быть в достаточной степени обеспечено народными школами. Каждому предоставляется право преподавать и открывать учебные заведения. Управление финансовыми делами народных школ осуществляется общинами. В начальных народных школах обучение бесплатно. Каждый пруссак имеет право свободно выражать свое мнение устно, письменно и в печати. Проступки, совершенные при пользовании этим правом, подлежат ведению обычных судов. Все пруссаки имеют право устраивать собрания, но только в закрытых помещениях и не имея при себе оружия. Они имеют право образовывать союзы и клубы в целях, не противоречащих законам. Все пруссаки пользуются правом петиций. Тайна переписки неприкосновенна. Все пруссаки должны отбывать воинскую повинность. Вооруженные силы могут применяться только в исключительных случаях, предусмотренных законом. Майораты запрещаются законом, и существующая феодальная собственность должна быть преобразована в частную собственность. Разрешаются свободные переделы земельной собственности».

---

* См. настоящий том, стр. 622—624. *Ред.*

** — правах человека. *Ред.*

А теперь, если от этих «прав пруссаков», как они выглядят на бумаге, вы обратитесь к печальному воплощению их в действительность, вы получите полное представление, если вы никогда его не имели прежде, о том, какое поразительное расхождение существует между идеальным и реальным, между теорией и практикой. Каждый ваш шаг, даже просто передвижение, регламентируется действиями всемогущей бюрократии, этого второго провидения чисто прусского происхождения. Вы не можете ни жить, ни умереть, ни вступить в брак, ни написать письмо, ни думать, ни печатать, ни открывать торговое дело, ни учить, ни учиться, ни созвать собрание, ни построить фабрику, ни эмигрировать, ни делать что бы то ни было без «obrigkeitliche Eriaubnis» — без разрешения властей. Что касается свободы науки и религии, или уничтожения патримониальной юрисдикции, или отмены кастовых привилегий, или упразднения майоратов и права первородства, то все это чистейшая чепуха. Во всех этих отношениях Пруссия в 1847 г. была более свободна, чем теперь. Чем же объяснить это противоречие? Все свободы, дарованные прусской хартией, тормозит одна серьезная оговорка. Они дарованы «в пределах закона». Но существующий закон есть не что иное, как абсолютистский закон, восходящий к Фридриху II, а не ко дню рождения прусской конституции. Таким образом, между законом конституции и конституцией закона существует непримиримое противоречие, причем конституция закона фактически сводит закон конституции к нулю. С другой стороны, по самым решающим пунктам хартия ссылается на органические законы, которые должны подробно развить ее неопределенные положения. Но сами эти органические законы были выработаны под сильным давлением реакции. Они упразднили гарантии, существовавшие даже в худшие времена абсолютной монархии, например, независимость судей от исполнительной власти. Не довольствуясь смесью этих растворителей — старых и новоизобретенных законов, — хартия сохраняет за королем право приостанавливать ее действие в любом политическом вопросе всякий раз, как он сочтет это нужным.

Все же, несмотря на все это, существуют две Пруссии — Пруссия хартии и Пруссия династии Гогенцоллернов. Избирательные комитеты и заняты сейчас тем, чтобы разрешить это противоречие, несмотря на препятствия, поставленные на их пути избирательными законами.

Написано К. Марксом 16 октября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5471, 3 ноября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ

Берлин, 19 октября 1858 г.

Палаты должны собраться на объединенное заседание 21-го с. м., когда принц предложит им «признать необходимость регентства»; нет надобности говорить, что это требование будет тотчас же удовлетворено, и притом с совершенной покорностью. Однако сложилось всеобщее убеждение, что если формальное существование конституции ведет свое начало с 30 января 1850 г., то ее реальное бытие в качестве практического орудия против королевской прерогативы надо считать с 21 октября 1858 года. Тем временем, с целью охладить бесполезный энтузиазм, в порядок дня поставлена конфискация ряда газет, о чем приходится весьма сожалеть, если принять во внимание благодушный характер злоумышленников. Самыми видными из этих газет являются «Volks-Zeitung» и «National-Zeitung»[408]; последняя представляет собой орган, который благодаря своей респектабельной посредственности, трусливому примиренчеству и бесконечным проявлениям специфически-прусского энтузиазма ухитрился пережить контрреволюционную бурю и превратить в звонкую монету жалкие остатки движения, опасным крайностям которого он в свое время имел благоразумие не сочувствовать. После потопа живые существа, населявшие землю, приобрели более благообразный облик и более скромные размеры, нежели их допотопные предшественники. Тот же закон определяет и процесс формирования общества. И все же мы невольно приходим к заключению, что, по-видимому, сама германская революция была уж очень карликового масштаба, если се законными представителями должны считаться лилипуты берлинской прессы, в которых она нашла, наконец, свое воплощение.

Как бы там ни было, однако, если редакторы этих газет и не являются героями или даже обыкновенными борцами, они, во всяком случае, умеют тонко рассчитывать. Они чувствуют, что начинается какое-то брожение и что режим, который составлял необходимый фон для их собственного псевдолиберализма и платил соответствующую цену за их товар, быстро идет к гибели. Поэтому, чтобы убедить своих клиентов в том, что они действительно стоят на страже, они отваживаются издавать тихое ворчание и жалобное повизгивание. Они, конечно, не кусаются и даже не лают. Вся их смелость в настоящий момент заключается в том, что они превозносят принца до небес. Они даже призывают его, как недавно сделала «National-Zeitung», не церемониться с государственным казначейством; однако — и в этом заключается весь комизм положения — все комплименты, расточаемые ими еще не совершенным деяниям принца, превращаются в порицания по адресу прошлых действий кабинета Мантёйфеля. Они раздражают принца тем, что дарят ему свое доверие авансом, и уязвляют министерство тем, что выражают ему недоверие задним числом. Однако чтобы оценить их по достоинству, нужно читать их в подлиннике. Ни на каком другом языке, даже на французском языке декабрьского стиля, отдающем, по крайней мере, своим собственным специфическим odeur de mauvais lieu*, невозможно передать ту скучную, безвкусную и нескончаемую болтовню, которой они занимаются. Можно было бы предположить, что они просто говорят намеками, потому что играют в прятки с полицией; но это было бы большой ошибкой. В сущности они говорят все, что имеют сказать, но комбинируют при этом весьма ловко и выгодно для себя гомеопатические и аллопатические методы; они дают бесконечно малую дозу лекарства, разбавленного в океане самой безобидной жидкости. Со своей стороны, министры, по-видимому, знакомы с тем геологическим явлением, что постоянное действие воды размывает самую гордую скалу и разбивает ее на мелкие камешки. У них вызывает раздражение не столько заикание этих осторожных умников, сколько вообще состояние общественного мнения, которое они якобы отражают. Поэтому, оставаясь, как и всегда, близорукими бюрократами, они бьют осла, чтобы ударить по мешку, то есть по общественному мнению. Повторная конфискация газет, знаменующая начало нового режима, является, говорят монархисты, должным ответом на шумное проявление надежд, которые демонстративно связываются с принцем. Нет, говорят официальные либералы, режим принца еще не на-

* — дурным запахом. *Ред.*

чался; пока принц не признан палатами и не присягнул в качестве регента, его глубокое уважение к конституционному закону обязывает его разрешать министрам, в согласии с хартией, действовать на свою собственную ответственность. Но ведь во всех наших монархических конституциях, будь они скроены по английскому или по французскому образцу, эта «ответственность министров» есть понятие весьма трудно постижимое. В Англии, где такая ответственность, казалось бы, существует в самой реальной, самой осязательной форме, она означает, что в известные торжественные моменты либо виг передает свою безответственность тори, либо тори — вигу. Министерская ответственность сводится здесь к погоне за теплыми местечками, которая становится основным занятием парламентских партий. Тот, кто занимает министерский пост, является временно безответственным, так как он представляет законодательное большинство, которое, с целью помочь ему в получении места, подчиняется коноводу его партии. В Пруссии цель самых горячих и честолюбивых устремлений буржуазии заключается в том, чтобы превратить министерские посты в призы, которые можно выиграть на парламентских турнирах. Однако до нынешнего времени ответственность прусских министров во всех смыслах представляла собой миф. Статья 44 хартии гласит:

«Королевские министры ответственны; все правительственные акты короля вступают в законную силу лишь тогда, когда они снабжены подписью министра, на которого тем самым возлагается вся ответственность».

Однако относительно этой ответственности не существует никакого закона. В самой статье не сказано, перед кем ответственны министры. Практически всякий раз, когда палаты отваживались угрожать министрам вотумом недоверия, последние напрямик объявляли, что они ничего против этого не имеют, поскольку министры действительно ответственны, но только перед своим державным повелителем. Вопрос об ответственности министров в Пруссии, как это было и во Франции при Луи-Филиппе, имеет исключительное значение, ибо фактически он является вопросом об ответственности бюрократии. Министры возглавляют эту всемогущую и во все вмешивающуюся паразитическую корпорацию и, согласно статье 106 конституции, только с ними одними должны считаться подчиненные им чиновники, которым не полагается рассуждать о законности приказаний министров и которые не ответственны за выполнение этих приказаний. Таким образом, могущество бюрократии и, благодаря ей, могущество исполнителъной власти осталось

в полной неприкосновенности, в то время как конституционные «права пруссаков» превратились в мертвую букву.

Предстоящие выборы являются рычагом, использовать который теперь намереваются все партии; но как раз в делах, касающихся выборов, нынешняя октроированная конституция сумела вырвать с корнем все следы своего революционного происхождения. Правда, с целью увеличить низкое жалованье чиновников путем прибавки к нему дохода из парламентского источника, сохранен весьма плебейский закон об оплате народных представителей. Сохранено также право каждого пруссака, достигшего 25-летнего возраста, быть выбранным. Однако избирательные права и механизм выборов устроены так, что из них не только исключается большинство народа, но и отдается на самый необузданный произвол бюрократии остальная привилегированная часть его. Выборы двустепенные. Сначала избираются выборщики, а затем эти последние избирают депутатов. Помимо того, что от участия в первичных выборах отстраняются все те, кто не платит прямых налогов, весь состав первичных избирателей разделяется на три группы, состоящие из плательщиков высшей, средней и низшей суммы налогов, причем каждая из этих трех групп, подобно трибам царя Сервия Туллия[409], избирает одинаковое число депутатов. Но и этот сложный процесс фильтрации сочли, повидимому, недостаточным, так как бюрократия получила, кроме того, право делить, комбинировать, изменять, разъединять и соединять по своему усмотрению избирательные округа. Так, например, если какой-нибудь город подозревают в либерализме, то его могут растворить в массе реакционных голосов сельских избирателей; министр простым приказом сливает либеральный город с реакционным сельским районом в один общий избирательный округ. Таковы цепи, которые сковывают избирательную кампанию и которые могут быть прорваны только в виде исключения в больших городах.

Написано К. Марксом 19 октября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5475, 8 ноября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

* УСПЕХИ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Реванш, который Россия должна была взять у Франции и Англии за свое военное поражение под Севастополем, теперь осуществился. Хотя упорные затяжные бои на Гераклейском полуострове ущемили национальную гордость России и лишили ее небольшого клочка территории[410], она по окончании войны все же осталась в чистом выигрыше. Положение «больного человека»[411] стало значительно хуже; христианское население Европейской Турции как греческое, так и славянское более, чем когда-либо, стремится сбросить с себя турецкое иго и более, чем когда-либо, видит в России своего единственного защитника. Без сомнения, русские агенты причастны ко всем восстаниям и заговорам последнего времени в Боснии, Сербии, Черногории и на Крите; но крайнее истощение и слабость Турции, проявившиеся во время самой войны и усугубленные обязательствами, наложенными на нее по мирному договору, уже сами по себе в достаточной степени объясняют эти волнения, охватившие всех христианских подданных султана. Таким образом, ценою временной потери узкой полоски территории — так как совершенно очевидно, что она не преминет возвратить се себе при первой же возможности, — Россия сильно приблизилась к осуществлению своих планов относительно Турции. Усиление распада Турции и установление своего протектората над се христианскими подданными — таковы были цели, к которым Россия стремилась в начале войны; а кто может утверждать, что в настоящее время Россия не осуществляет этот протекторат в большей степени, чем когда бы то ни было?

Таким образом, Россия оказалась в выигрыше даже в результате этой неудачной для нее войны. Тем не менее она должна была взять реванш, и для этого она выбрала область, в которой. у нее нет соперников, — область дипломатии. Пока Англия и Франция вели дорогостоящую борьбу с Китаем, Россия оставалась нейтральной и вмешалась лишь в самом конце. В результате оказалось, что Англия и Франция вели войну с Китаем единственно ради выгоды России. Действительно, позиция России в этом случае была на редкость благоприятной. Речь шла об одной из тех разрушающихся азиатских империй, которые одна за другой становятся добычей предприимчивых европейцев, об империи настолько слабой, настолько расшатанной, что у нее не было даже сил пройти через кризис народной революции, ибо даже острая вспышка восстания превратилась у нее в затяжной и, по-видимому, неизлечимый недуг; об империи настолько разложившейся, что она уже неспособна была ни держать в руках свой народ, ни оказать сопротивление иностранной агрессии. Пока англичане препирались в Кантоне с мелкими китайскими чиновниками и обсуждали у себя в Англии важный вопрос о том, в самом ли деле чиновник Е действовал согласно воле своего императора, русские завладели территорией к северу от Амура и большей частью маньчжурского побережья к югу от этой реки; они укрепились там, произвели изыскания для железнодорожной линии и наметили места будущих городов и гаваней. Когда Англия, наконец, решила идти войной на Пекин и когда Франция примкнула к ней в надежде урвать что-нибудь для себя, Россия, — хотя она в этот самый момент и отняла у Китая территорию, по величине равную Франции и Германии, вместе взятым, и реку протяжением с Дунай, — ухитрилась выступить в качестве бескорыстного покровителя слабого Китая, а при заключении мира сыграть роль чуть ли не посредника; и если сравнить различные заключенные при этом договоры, то нельзя не признать тот очевидный для каждого факт, что война оказалась выгодной не для Англии и Франции, а для России.

Полученные воюющими сторонами выгоды, в которых имеют свою долю и Россия и Соединенные Штаты, носят чисто торговый характер и, как мы имели случай показать раньше*, являются большей частью иллюзорными. При настоящих условиях китайская торговля, за исключением опиума и некоторого количества ост-индского хлопка, должна по-прежнему ограничиваться главным образом экспортом китайских товаров,

* См. настоящий том, стр. 599—604. *Ред.*

чая и шелка, причем этот экспорт зависит скорее от иностранного спроса, чем от больших или меньших льгот, предоставляемых китайским правительством. Мир умудрялся получать чай и шелк еще до Нанкинского договора, а после его заключения открытие для торговли пяти портов привело к тому, что часть торговли Кантона перешла к Шанхаю. Прочие порты почти не ведут никакой торговли вообще, а Сватоу, единственный пункт, имеющий хоть какое-то торговое значение, не принадлежит к числу пяти открытых портов. Что касается открытия торговли по Янцзы, то оно было предусмотрительно отсрочено до той поры, пока его императорское величество полностью не восстановит свою власть над охваченной восстанием территорией по берегам этой реки, то есть, примерно, до греческих календ. Но возникли сомнения и другого порядка относительно ценности этого нового договора. Кое-кто утверждает, что транзитные пошлины, упоминаемые в статье XXVIII англо-китайского договора, — чистейший вымысел. Раньше считалось, что эти пошлины существуют, но это мнение основывалось исключительно на том, что у китайцев был очень небольшой спрос на английские товары, вследствие чего эти товары вовсе не проникали в глубь страны, в то время как некоторые сорта русских тканей, удовлетворявшие требованиям китайцев и провозившиеся через Кяхту или Тибет, проникали даже на побережье. Упускали из виду, что если бы такие пошлины существовали, то они распространялись бы на русские товары в такой же степени, как и на английские. Во всяком случае, г-н Уингров Кук, специально командированный внутрь страны, не смог обнаружить эти предполагаемые «транзитные пошлины» и в ответ на публично заданные ему по этому поводу вопросы признался, что он пришел «к прискорбному убеждению, что наше незнание Китая— это невежество, которое дает себя знать»[412]. С другой стороны, г-н Дж. У. Хенли, британский министр торговли, отвечая через газету на запрос, «имеются ли данные о существовании таких внутренних пошлин», выразился совершенно ясно: «Я не в состоянии сообщить вам интересующие вас сведения о том, имеются ли данные о внутренних пошлинах в Китае». Таким образом, помимо довольно неприятного убеждения, что лорд Элгин, выговаривая возмещение убытков, не назначил срока для их уплаты и перенес войну из Кантона в столицу исключительно для того, чтобы заключить договор, который выведет британские войска из столицы и снова пошлет их сражаться в Кантоне, — помимо этого в уме Джона Буля возникло смутное подозрение, что ему самому придется из своего собственного кармана выплачивать обусловленное в договоре возмещение

убытков, так как статья XXVIII окажется для китайских властей большим соблазном установить на британские фабричные изделия транзитную пошлину в 7,5%, которая в любой момент может быть превращена в 2,5%-ную ввозную пошлину. Чтобы не дать Джону Булю слишком вдумываться в свой собственный договор, лондонская газета «Times» нашла нужным симулировать праведный гнев на американского посла и свирепо поносить его за то, что он будто бы испортил все дело, хотя в действительности он был причастен к неудаче второй англо-китайской войны не больше, чем человек, свалившийся с луны.

Таким образом, мирный договор, поскольку это касается английской торговли, принес только новую ввозную пошлину да ряд условий, которые либо не имеют никакого практического значения, либо не могут быть соблюдены китайцами и потому в любой момент могут стать предлогом для новой войны. Англия не получила никаких новых территорий — она не могла требовать их, не давая того же права Франции, а возникновение французских владений на китайском побережье в результате войны, которую вела Англия, было бы для последней крайне невыгодно. Что касается России, то ее положение совершенно иное. Помимо того, что на нее распространяются все очевидные выгоды, каковы бы они ни были, обеспеченные Англии и Франции, она получила все Приамурье, которым спокойно успела овладеть. Не довольствуясь этим, она добилась создания русско-китайской комиссии по установлению границ, а мы знаем, чем является такого рода комиссия в руках России. Мы видели, как работали такие комиссии на азиатской границе Турции, где они в течение более чем двадцати лет отрезали кусок за куском от этой страны, пока их деятельность не была прервана последней войной, так что теперь эта работа должна начаться сызнова. Далее, в договоре есть статья, устанавливающая порядок почтовой службы между Кяхтой и Пекином. То, что раньше представляло собой нерегулярную и лишь терпимую китайскими властями линию связи, теперь превратится в регулярно организованную и узаконенную службу. Между этими двумя пуншами предполагается установить ежемесячное почтовое сообщение, причем разделяющее их расстояние в тысячу миль будет покрываться в 15 дней; кроме того, раз в три месяца по той же самой дороге будет отправляться караван. Бесспорно, что китайцы либо не захотят, либо не смогут выполнять эту службу; и так как почтовое сообщение гарантировано теперь России в качестве права, то в результате оно постепенно перейдет в ее руки. Мы видели, как русские создавали линию своих

военных постов в Киргизской степи*; и мы не сомневаемся, что не пройдет и нескольких лет, как подобная же линия будет проведена через пустыню Гоби, и тогда прощай мечты о британском владычестве в Китае, ибо русская армия в любой день сможет выступить походом на Пекин.

Нетрудно себе представить, каков будет результат учреждения, постоянных посольств в Пекине. Вспомните хотя бы Константинополь или Тегеран. Где бы русская дипломатия ни встречалась с английской или французской, она неизменно одерживает верх. А кто может сомневаться, что русский посол, который через несколько лет сможет располагать в Кяхте, находящейся на расстоянии месяца пути от Пекина, армией, достаточно сильной для любой цели, а также дорогой, на всем своем протяжении подготовленной для похода этой армии, — кто может сомневаться, что такой русский посол будет всемогущ в Пекине?

Совершенно ясно, что Россия быстро становится первенствующей державой в Азии и весьма скоро затмит Англию на этом континенте. С завоеванием Средней Азии и присоединением Маньчжурии Россия увеличила свои владения на территорию, равную площади всей Европы, за исключением Российской империи, и из снежной Сибири спустилась в умеренный пояс. В непродолжительном времени долины среднеазиатских рек и Амура будут заселены русскими колонистами. Приобретенные таким образом стратегические позиции имеют такое же важное значение по отношению к Азии, как позиции в Польше по отношению к Европе. Обладание Туркестаном угрожает Индии; обладание Маньчжурией угрожает Китаю. А Китай и Индия, с их 450000000 жителей, являются в настоящее время решающими странами Азии.

Написано Ф. Энгельсом около 25 октября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5484, 18 ноября 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* См. настоящий том, стр. 614—619. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ МОНТАЛАМБЕРА

Париж, 6 ноября 1858 г.

Граф Монталамбер был первым более или менее известным человеком во Франции, примкнувшим к coup d'e̲tat Луи-Наполеона. При Луи-Филиппе он представлял католическую партию в палате депутатов; при республике он принадлежал к той реакционной партии в Национальном собрании, состоявшей из орлеанистов и легитимистов, которая для вида приняла республику с тем, чтобы основательнее подорвать ее; намереваясь действовать в пользу той или другой линии Бурбонов, она в действительности играла на руку тому самому Луи Бонапарту, который в одно прекрасное утро арестовал и разогнал всех ее представителей и милостью пьяной солдатни завладел абсолютной властью. Подвергшись, среди прочих, этому насильственному разгону, сам в прошлом орлеанист, Монталамбер был первым и, за «одним только презренным исключением» г-на Дюпена, остается и поныне единственным во Франции крупным парламентским деятелем, который перешел в бонапартистский лагерь. В условиях политического паралича, поразившего в то время всю Францию, это дезертирство Монталамбера было фактом большого значения; оно было важным фактом для нового правительства, еще изолированного от всей Франции стеной солдат, составлявшей его защитительный заслон. Монталамбера подкупила определенно выраженная католическая тенденция правительства Луи-Наполеона. По слухам, и другой, более конкретный подкуп заставил его переменить позицию. Некоторое время Монталамбер поддерживал правительство в качестве члена Законодательного корпуса; он подхалимствовал и льстил человеку, который заменил парламентские дебаты воен-

ной диктатурой; у него хватило низости считать честью для себя быть одной из тех марионеток, которым удачливый узурпатор поручал вотировать законы и кредиты под свою диктовку — вотировать, а не говорить, или если и говорить, то лишь в похвалу ему. Но за это добровольное унижение Монталамбер не получил никакой награды; он сделал свое дело; он навсегда отдалил от себя своих прежних политических друзей; он был навсегда скомпрометирован; он уже никогда не мог стать опасным противником; его выжали как лимон — к чему же теперь было церемониться с ним? Перестав быть предметом внимания, Монталамбер открыл, что способ, которым Луи Бонапарт спас и продолжал спасать Францию, заставляя всех поступать по-своему, в конце концов был не так уж хорош. Он невольно сравнивал свое положение в палате депутатов с тем положением, которое он занимал в этом же самом здании десять или двадцать лет тому назад; и он стал постепенно переходить в оппозицию правительству. До известного предела это терпели; ему было даже разрешено напечатать свои первые две или три речи. С этих пор он, а также те немногочисленные республиканские депутаты, которые присягнули на верность правительству, и несколько недовольных бонапартистов составляют в этом жалком Собрании нечто вроде оппозиции, такой же жалкой, как и учреждение, к которому она принадлежит.

Эта оппозиция дальнейшим посягательствам императора, по-видимому, доставила г-ну Монталамберу кое-какую незначительную и жиденькую популярность среди некоторой части буржуазии, я он, очевидно, ждал случая закрепить за собой это преимущество какимнибудь смелым и неожиданным выступлением. Он бил связан с «Correspondant»[413], журналом, почти целиком принадлежащим фамилии Брольи и поэтому проводящим орлеанистскую политику. Воспользовавшись отъездом из Парижа владельцев журнала, Монталамбер поместил в нем свою статью под заглавием «Дебаты об Индии в британском парламенте», которая в ее теперешнем виде не была бы допущена, если бы осторожные и робкие Брольи были в Париже и могли оказать свое влияние. В этой статье Монталамбер пытается совершить amende honorable[*] по поводу своего перехода на сторону Бонапарта; превознося до небес парламентарное правление Англии, он весьма недвусмысленно осуждает нынешнюю систему правления во Франции.

«Когда мои уши временами оглушены жужжанием кулуарных хроникеров или криками фанатиков, воображающих себя нашими господами,

[*] — публичное покаяние. *Ред.*

или лицемеров, считающих нас своими жертвами, когда я чувствую, что меня гнетет тяжесть атмосферы, насыщенной миазмами раболепия и коррупции, я спешу прочь, чтобы вдохнуть в себя более чистый воздух и погрузиться в живительное море английских свобод... Если среди развернувших эти страницы есть люди, которые находятся под властью этой» (бонапартистской и абсолютистской) «моды, то я говорю им прямо и откровенно: бросьте читать, не идите дальше; ничего из того, что я собираюсь написать, не может вам понравиться или заинтересовать вас; ступайте мирно пережевывать жвачку на тучных пастбищах вашего самодовольного покоя и не завидуйте тем, которые, не питая к вам зависти, пользуются *правом оставаться верными своему прошлому,* усилиям своей мысли и своим стремлениям к свободе... Я впервые был сильно взволнован, покинув это грандиозное зрелище» (дебаты в палате общин), «как был бы взволнован всякий человек, который видит в правительстве нечто большее, нежели лакейскую, и который ожидает встретить в цивилизованной нации нечто лучшее, нежели стадо овец, годных только для стрижки или для того, чтобы щипать травку в молчании под сенью расслабляющего спокойствия».

Это звучит очень хорошо и, в сущности, довольно сильно. Джон Буль, за последнее время привыкший только к грубостям и насмешкам со стороны французской прессы, конечно, чрезвычайно благодарен за лесть, которой Монталамбер осыпал его; настолько благодарен, что и не подумал заглянуть в то «прошлое», которому Монталамбер, по его собственным словам, остался верен. Всем известно, что г-н Монталамбер по собственной воле присоединился к тем кулуарным хроникерам, к тем фанатикам и лицемерам, чье жужжание и крики теперь оглушают его уши; ому некого винить, кроме самого себя, если он преднамеренно и сознательно погрузился в ту насыщенную миазмами раболепия и коррупции атмосферу, тяжесть которой теперь гнетет его. Если «во Франции последней модой является выражать отвращение ко всему, что похоже на воспоминание или сожаление о прошлой политической жизни», то г-н де Монталамбер одним из первых ввел эту моду, когда он с барабанным боем и развернутыми знаменами перешел в тот самый лагерь, который провозгласил новую эру, основанную на полном и окончательном разрушении «прошлой политической жизни». Что же касается людей, которые довольствуются мирной жвачкой на тучных пастбищах самодовольного покоя, то Монталамбер не может порицать их. Coup d'e̲tat был произведен как раз под тем предлогом, что нужно успокоить политические страсти и открыть эпоху этого самого мира и самодовольного покоя; и если Монталамбер примкнул к coup d'e̲tat не по этой причине, то по какой причине он вообще примкнул к нему? Поистине, что бы ни говорили против Луи-Наполеона, его нельзя обвинить в том, что после coup d'e̲tat он маскировал свою политику или свои намерения. Не могло быть и не было никакого заблуждения насчет

его намерения превратить французский народ в стадо овец, годных только для стрижки или для того, чтобы щипать травку в молчании под сенью расслабляющего спокойствия. Монталамбер знал это не хуже других. Если все же теперь он поднимается во весь рост и призывает нас восхищаться им, как человеком, который, не питая зависти к своим бывшим бонапартистским друзьям, остается верен своему прошлому, то нам остается спросить его: какое прошлое вы имеете в виду, г-н де Монталамбер? Не ваше ли прошлое времен монархической палаты, где вы выступали и голосовали в интересах реакции, репрессий и поповского фанатизма? Или ваше прошлое времен республиканского Собрания, когда вы тайно сговаривались со множеством ваших старых парламентских друзей о восстановлении монархии, когда вы своим голосованием шаг за шагом отрекались от народных свобод, от свободы печати, права собраний и союзов и когда вы собственноручно выковывали оружие для того самого авантюриста, который, пользуясь этим оружием, выкинул вас и ваших сообщников за дверь? Или, наконец, вы имеете в виду ваше прошлое времен бонапартовского Законодательного корпуса, где вы унижались перед этим удачливым авантюристом, добровольно и преднамеренно перейдя на его сторону в качестве одного из лакеев его приемной? К какому из этих трех видов прошлого, г-н де Монталамбер, относятся ваши стремления к свободе? Мы склонны думать, что большинству людей потребовалось бы много «усилий мысли», чтобы разобраться в этом. Тем временем правительство Луи-Наполеона отомстило своему неверному слуге судебным преследованием, и суд должен состояться уже в этом месяце. У нас будет возможность сравнить благородное негодование г-на де Монталамбера с благородным негодованием бонапартовского прокурора; и мы уже теперь можем сказать, что по части искренности их обоих можно будет поставить примерно на одну доску. Самый судебный процесс вызовет во Франции немалую сенсацию, и, каков бы ни был его результат, он явится важным событием в истории Второй империи. Самый факт, что Монталамбер счел необходимым столь демонстративно порвать с существующим правительством и навлечь на себя преследование, является знаменательным доказательством того, что французская буржуазия начинает пробуждаться к политической жизни. Только полная апатия, политическое истощение и умственное blasé* этого класса позволили Луи-Наполеону установить свою власть. Имея против себя только парламент, который не опирался ни на буржуазию ни на

* — пресыщение, утомление. *Ред.*

рабочий класс, он располагал пассивной поддержкой буржуазии и активным содействием армии. Парламентарии были разбиты сразу, но рабочий класс — лишь после месяца борьбы по всей Франции. Буржуазия в течение долгого времени повиновалась, правда с ворчанием, но все же повиновалась и смотрела на Луи-Наполеона как на спасителя общества, а потому как на человека необходимого. Теперь, по-видимому, буржуазия постепенно изменила свое мнение. Она жаждет возвращения того времени, когда она, или, по крайней мере, часть ее, управляла страной и когда ораторская трибуна и печать служили лишь ее собственным политическим и социальным интересам. Она, очевидно, снова проникается уверенностью в себе и в своей способности править страной, а если это так, то она найдет способ выразить это. Таким образом, во Франции можно ожидать буржуазное движение, соответствующее тому, которое ныне происходит в Пруссии и которое является таким же несомненным предшественником нового революционного движения, как итальянское буржуазное движение 1846—1847 гг. было провозвестником революции 1848 года. По-видимому, Луи-Наполеон отлично сознает это. В Шербуре он сказал одному человеку, которого не видал много лет: «Жаль, что образованные классы страны не желают идти со мной; это их вина; но армия со мной, и мне все равно». Но он очень скоро увидит, что обычно происходит с армией — в особенности с армией, имеющей таких офицеров и генералов, как бонапартовские, — как только масса буржуазии становится в открытую оппозицию. Во всяком случае для европейского континента наступают, по-видимому, бурные времена.

Написано Ф. Энгельсом около 2 ноября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5489, 24 ноября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

НОВОЕ МИНИСТЕРСТВО

Берлин, 6 ноября 1858 г.

После довольно долгих колебаний образовано, наконец, новое министерство, которое лучше всего можно охарактеризовать, как министерство принцессы Прусской. Общая окраска его несколько более либеральная, чем смели надеяться берлинские филистеры, и, как можно было ожидать от дамского выбора, при его составлении обращалось мало внимания на взаимное соответствие его различных элементов, лишь бы была достигнута основная цель — обеспечение временной популярности. Как подобает настоящей даме, принцесса сумела каждому сказать любезное слово: католикам — назначением католика* на пост премьер-министра — дело, неслыханное в летописях Пруссии; ревностным протестантам — передачей министерства народного просвещения евангелическому пиетисту**; антирусскому течению — тем, что военное министерство вверено генералу***, который в свое время был уволен с этого же поста исключительно по требованию царя Николая; сторонникам антиавстрийских настроений — передачей министерства иностранных дел человеку****, который однажды в прошлом уже отказался от этого поста, чтобы не подчиниться приказаниям князя Шварценберга; бюрократической традиции — назначением министром внутренних дел, то есть министром, фактически являющимся главой всей бюрократической армии как полиции, так и администрации (Regierung), ветерана***** добрых старых времен

* — Гогенцоллерн-Зигмарингена. *Ред.*
** — Бетман-Гольвегу. *Ред.*
*** — Бонину. *Ред.*
**** — Шлейницу. *Ред.*
***** —Флотвеля. *Ред.*

Фридриха-Вильгельма III; либералам — предоставлением в кабинете места без портфеля, нечто подобное должности лорда-президента Государственного совета[414] в английском министерстве, человеку[*], который был премьер-министром в первом кабинете, вызванном к жизни революцией 1848 года; сторонникам свободной торговли — введением в министерство финансов г-на фон Патова, а протекционистам — сохранением в министерстве торговли фон дер Хейдта; дворянству — тем, что во главе всего кабинета был поставлен принц королевского дома и все политические посты в кабинете замещены дворянами; буржуазии — предоставлением прозаических министерств юстиции, торговли, народного просвещения и внутренних дел простым буржуа или буржуа, возведенным в дворянство; врагам камарильи — тем, что огромное большинство нового кабинета сформировано из личных врагов Герлаха и компании, а консерваторам, боявшимся, как бы в Пруссии не вошло в моду нечто вроде смен кабинета в парламентском смысле слова, — тем, что оставлены на жалованье несколько министров, бывших коллег Мантёйфеля, выбранных им самим и скрепивших своей подписью указ, которым был провозглашен coup d'état[**] в декабре 1848 года.

Таким образом, отличительной особенностью нового кабинета является эклектизм — эклектизм, обусловленный погоней за популярностью, которая, однако, сдерживается твердой решимостью ничем существенным ради этой самой популярности не жертвовать. Я лишь слегка коснусь одной черты нового кабинета, одного оттенка, совершенно не существенного для хладнокровного политического наблюдателя, но в высшей степени интересного для берлинских обывателей. Среди вновь назначенных министров нет ни одного, чье имя не походило бы на козырь, припасенный против прусской королевы, или на личную эпиграмму, направленную против нее ее злобной невесткой. Общее впечатление, произведенное на наиболее мыслящую часть берлинцев назначением нового кабинета, я передам словами одного из моих берлинских приятелей. Официальное извещение появилось только в сегодняшнем вечернем выпуске «Staats-Anzeiger»[415], то есть около 6 часов вечера; однако еще задолго до этого времени точные списки назначенных лиц свободно ходили по рукам среди групп, собиравшихся на Унтер-ден-Линден[416]. Встретив там только что упомянутого мной приятеля, заурядного берлинского трактирного политикана, я спро-

[*] — Ауэрсвальду. *Ред.*
[**] — государственный переворот. *Ред.*

сил его, что он думает о новом кабинете и что вообще думают о нем в «городе». Однако раньше, чем сообщить его ответ, я должен объяснить вам, что представляет собой заурядный берлинский трактирный политикан. Это человек, проникнутый идеей, что Берлин — первый город в мире; что нигде, кроме как в Берлине, нельзя найти «Geist»* (понятие непереводимое, хотя английское ghost** этимологически представляет собой то же самое слово; французское esprit*** — нечто совсем иное) и что Weisbier**** — это омерзительное на вкус каждого пришлого варвара питье — есть тот самый напиток, который в «Илиаде» упоминается под названием нектара, а в «Эдде»[417] — под названием меда. Помимо этих безобидных предрассудков, наше заурядное берлинское светило представляет собой неисправимого педанта, невоздержанного на язык, любителя поболтать, весьма склонного к определенному сорту низкопробного юмора, известного в Германии под названием Berliner Witz*****, которое строится скорее на игре слов, чем на игре мыслей; это любопытная смесь небольшой дозы иронии, небольшой дозы скептицизма и большой дозы пошлости — в общем, не слишком выдающийся и не очень уж забавный образчик человеческой породы, по все же довольно характерный тип. Ну, так вот, мой берлинский приятель с чисто берлинским юмором ответил на мой вопрос, процитировав следующую строфу из шиллеровского «Колокола». Должен заметить en passant******, что наш заурядный берлинец обычно восхваляет только Гёте, но цитирует только Шиллера:

«O zarte Sehnsucht, suses Hoffen,
Der ersten Liebe goldne Zeit!
Das Auge sieht den Himmel offen,
Es schwelgt das Herz in Seligkeit.
O, das sie ewig grunen bliebe,
Die schone Zeit der jungen Liebe!»

(О, нежные томления, сладкие надежды, золотая пора первой любви! Взору открыто безоблачное небо, сердце утопает в блаженстве. О, если бы она могла цвести вечно, эта чудесная пора юной любви!)*******

Теперь от любителя поэзии, берлинского трактирного политикана, возвратимся к новому прусскому кабинету и, согласно

* — «дух». *Ред.*
** — дух, привидение. *Ред.*
*** — ум, остроумие. *Ред.*
**** — светлое пиво. *Ред.*
***** — берлинское остроумие. *Ред.*
****** — между прочим. *Ред.*
******* Шиллер. «Колокол». *Ред.*

старой французской поговорке «a tout seigneur tout honneur»*, обратим наше внимание в первую очередь на принца Гогенцоллерн-Зигмарингена, премьер-министра и близкого друга принцессы Прусской. Он — отец королевы португальской, в свое время решительно отказавшийся стать тестем французской Второй империи. Тем не менее он состоит в близком родстве с Бонапартом. Его мать была сестрой Мюрата, одного из импровизированных Наполеоном королей, а его жена является второй дочерью вдовствующей великой герцогини Баденской Стефании, урожденной Богарне. Таким образом, этот принц образует связующее звено родственных отношений между прусской династией, династией Кобургов и династией Бонапартов. Южногерманские либералы возвели на него много поклепов, потому что в 1849 г. он отрекся от престола в своем маленьком государстве Гогенцоллерн-Зигмаринген и, согласно фамильным договорам, продал его правящей в Пруссии ветви Гогенцоллернов. Когда он заключал эту сделку, ни одно германское княжество не стоило и трехгодичного своего дохода, и всего менее можно было ожидать от принца, чтобы он в угоду гогенцоллерн-зигмарингенским демагогам продолжил существование гогенцоллерн-зигмарингенской национальности. Поднятие прусского флага в Южной Германии не нравилось, кроме того, Австрии, так же как и мелким демагогам Бадена и Вюртемберга. После своего отречения принц поступил на службу в прусскую армию в чине генерала, избрав себе для жительства Дюссельдорф, город живописи, скульптуры и казарм, где когда-то раньше одна из боковых ветвей прусской династии содержала маленький двор. Чтобы наказать дюссельдорфцев за их участие в революции 1848 года, кульминационным пунктом которой была массовая демонстрация против короля при его проезде через город, Дюссельдорф был лишен счастья быть местопребыванием двора принца Фридриха и был разжалован в разряд обыкновенных городов, которые должны ухитряться жить без придворной клиентуры. Поэтому появление принца Гогенцоллерна в Дюссельдорфе было настоящим событием. Ничего замечательного не делая, он блистал одним своим присутствием, подобно великому человеку, о котором Гёте сказал, что он платит уже тем, что он *есть,* а не тем, что он *делает.* Его популярность распространилась за пределы Дюссельдорфа с необыкновенной быстротой. То, что он являлся одновременно принцем королевской крови и приверженцем католической церкви, довершило остальное. Для фанатической части населения Рейнской Пруссии

* — «каждому сеньору — по его заслугам». *Ред.*

иных качеств не требуется. Можно быть уверенным, что могущественное и прекрасно организованное католическое духовенство Рейнской Пруссии, Вестфалии, Силезии и Познани употребит все силы для поддержки прусского министерства, возглавляемого приверженцем римско-католической церкви, и это, кстати сказать, было бы весьма желательно. Ничто так не повредило революции 1848 года, как оппозиционное отношение к ней римско-католического духовенства. Последнее получило благодаря революции огромные выгоды, именно, право непосредственных сношений с папой, открытия женских и мужских монастырей и, что не менее важно, право приобретения земельной собственности. В награду за все эти приобретенные ими привилегии святые отцы, конечно, яростно обратились против революции, когда она потерпела поражение. Они действовали как самые безжалостные орудия реакции, и теперь лучше не давать им повода снова перейти в лагерь оппозиции. О прочих министрах я еще найду случай побеседовать.

Написано К. Марксом 6 ноября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5489, 24 ноября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

НОВОЕ МИНИСТЕРСТВО

Берлин, 9 ноября 1858 г.

«Так-то коловращение времени несет с собой возмездие»*. Как я уже говорил в предыдущем письме**, г-н фон Ауэрсвальд, вице-председатель нового кабинета, был номинальным главой первого сформированного обычным путем министерства революционной эпохи. В то время его назначение рассматривалось как симптом реакции, теперь же, спустя десять лет, в этом факте усматривают симптом прогресса. Он был преемником торговца зерном Кампгаузена, которого революционная буря перебросила из его кёльнской конторы в Берлин, на ступени прусского трона. Министерство Ауэрсвальда просуществовало с конца июня до 7 сентября 1848 года. Совершенно независимо от того, что он мог сделать или не сделать, одно его имя на заглавной странице кабинета в июне 1848 г. имело огромное значение. Его предшественник, Кампгаузен, был уроженцем Рейнской Пруссии; Ауэрсвальд был уроженцем провинции Восточной Пруссии; первый был купец, не занимающий никакого поста, второй — государственный чиновник, первый — буржуа, второй — дворянин, первый — богат, второй — беден. Таким образом, было ясно, что уже в конце июня 1848 г., всего лишь через месяц после мартовских дней, маятник прусской революции качнулся от запада к востоку, от соседства с Францией к соседству с Россией, от простых смертных к мандаринам, от буржуазии к дворянству, от кошелька к титулу. Если не считать того значения, какое имеет его имя, нельзя сказать, чтобы Ауэрсвальд

* Шекспир. «Двенадцатая ночь, или что угодно», акт V, сцена первая. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 647—648. *Ред.*

совершил что-нибудь значительное в течение трех месяцев, пока существовал его кабинет. Если вы спросите пруссака о том, что представлял собой прежний кабинет Ауэрсвальда, он наверное приложит указательный палец ко лбу, серьезно потрет его, с видом истинного Гудибраса[418], и, наконец, словно пробуждаясь от забытья, воскликнет: «Ах, вы имеете в виду кабинет Ганземана!» И в самом деле, душой кабинета Ауэрсвальда был министр финансов Ганземан, состоявший до этого членом кабинета Кампгаузена. Таким образом, чтобы охарактеризовать деятельность Ауэрсвальда как премьер-министра, мы должны говорить о Ганземане.

Ганземан, купец из Ахена, выразил свое политическое кредо в ставшей впоследствии знаменитой реплике по адресу прусской королевской власти в Соединенном ландтаге 1847 года: «В денежных делах нет места сентиментам». (In Geldsachen hort die Gemutlichkeit auf.) Эта сентенция, если разрешено parva componere magnis[*], представляла собой при тогдашних обстоятельствах то же, что знаменитая фраза Сиейеса: «Le tiers-etat c'est tout»[419]. При Фридрихе-Вильгельме III, в эпоху, когда никто, кроме доцентов прусских университетов, не осмеливался писать о политике, Ганземан выпустил книгу, посвященную сравнению Пруссии с Францией[420], проникнутую большой симпатией по адресу последней, однако написанную так ловко и в таких умеренных тонах, что даже прусская цензура не нашла возможным запретить это оскорбительное сопоставление. В эпоху, когда акционерные компании еще являлись в Германии rara avis[**], Ганземан возымел честолюбивое желание стать немецким Гудзоном и показал себя настоящим экспертом в том биржевом маклерстве, которое ныне процветает во всех цивилизованных странах и которое даже превращено в систему таким учреждением, как Credit Mobilier. В эпоху, когда старомодные немцы еще считали, что банкротство позорит честное имя человека, Ганземан старался доказать, что чередование банкротств почти так же выгодно в торговле, как чередование посевов в земледелии. Правление этого человека, которое велось от имени Ауэрсвальда, основывалось на ошибочном представлении, будто несколько недель революции в достаточной мере расшатали старые устои государства, будто династия, аристократия и бюрократия были достаточно унижены, будто политический перевес буржуазии был обеспечен навсегда и поэтому теперь остается только укрощать вздымающиеся без конца волны революции.

[*] — сравнить малое с большим. *Ред.*
[**] — исключительной редкостью. *Ред.*

Министерство столь успешно справилось с этой задачей — сломить тех, кто хотел сломить существующий строй, — что, просуществовав три месяца, само было сломлено, и эти либеральные подхалимы были самым бесцеремонным образом вышвырнуты за борт стоявшими за их спиной придворными, для которых они служили всего лишь орудием. Ауэрсвальд и Ганземан оказались в жалкой роли обманутых обманщиков. Сверх того, Ауэрсвальд попал в весьма незавидное положение человека, ответственного за прусскую внешнюю политику, ибо в своем лице он сочетал должность премьера и пост министра иностранных дел. Если внутренняя политика министерства диктовалась, по крайней мере, очевидными интересами буржуазии, напуганной успехами революции, то внешняя политика направлялась исключительно камарильей, в руках которой Ауэрсвальд был только марионеткой. В июне 1850 г. он был назначен президентом провинции Рейнской Пруссии, а вскоре затем уволен с этого поста г-ном фон Вестфаленом, который так же хладнокровно изгонял из прусской бюрократии либералов, как шотландский аристократ изгоняет из своих владений крестьян. В качестве члена нижней палаты (Abgeordnetenhaus) Ауэрсвальд ограничился оппозицией в такой разбавленной форме, что ее мог заметить только глаз политического гомеопата. Ауэрсвальд является одним из аристократических представителей либерализма в провинции Восточной Пруссии. Элементы, из которых состоит этот либерализм, — это память о войнах против Наполеона и тогдашние упования наиболее просвещенных патриотов; несколько общих идей, которые Кёнигсберг, в качестве центра кантовской философии, считает чуть ли не своей неотъемлемой собственностью; солидарность интересов помещиков, производящих хлеб, и жителей приморских городов, которые его экспортируют; всякого рода фритредерские доктрины, так как эта провинция Пруссии не является промышленной областью и живет главным образом продажей своих сельскохозяйственных продуктов в Англию.

Г-н фон Шлейниц, министр иностранных дел, получал уже однажды в прошлом, в 1849 г., назначение на этот пост и в течение краткого периода своего управления тесно сблизился с Готской партией[421], которая, в случае своей победы, разделила бы Германию на две части — северную, которая слилась бы с Пруссией, и южную, которая слилась бы с Австрией. Поглощение Германии этими двумя великими соперничающими монархиями фактически и является открыто признанной целью Готской партии. Если бы ей удалось создать две Германии, то в результате возник бы смертельный конфликт, на очереди стояла

бы новая Тридцатилетняя война, и, в конце концов, поединок между двумя враждующими Германиями был бы приостановлен тем, что Россия забрала бы себе одну половину Германии, а Франция — другую.

О военном министре г-не фон Бонине я уже упоминал в моем предыдущем письме[*]. Здесь я только прибавлю, что, будучи командующим во время войны в Шлезвиг-Гольштейне[422], он отличился преследованием не столько датчан, сколько добровольцев-демократов, сражавшихся под германскими знаменами. Эта война, как всем известно, представляла собой один из кровавых фарсов современной дипломатии. Министр финансов г-н фон Патов был членом кабинета Кампгаузена. Несколько лет тому назад в нижней палате Krautjunker[**] заклеймили его как революционера. Нанесенное ему при этом личное оскорбление повлекло за собой его дуэль с графом Пфейлем, которая на некоторое время сделала его любимцем берлинской публики. В Англии Патов мог бы состоять членом Ливерпульской ассоциации финансовой реформы.

О графе Пюклере, министре земледелия, можно сказать только то, что он — племянник разочарованного автора «Писем покойника»[423]. Бетман-Гольвег раньше был куратором Боннского университета; должность таких кураторов фактически сводится к должности великих инквизиторов, которыми прусское правительство наводняет официальные центры науки. При Фридрихе-Вильгельме III они травили демагогов, при Фридрихе-Вильгельме IV — еретиков. Бетман занимался второй из этих задач. До революции он фактически принадлежал к камарилье короля и отдалился от нее только тогда, когда она зашла «слишком далеко».

Министр юстиции Симоне и министр торговли фон дер Хейдт являются единственными членами кабинета Мантёйфеля, пережившими своего главу. Оба родом из Рейнской Пруссии, однако являются уроженцами ее протестантской части, находящейся на правом берегу Рейна. Так как имелось в виду включить в новый кабинет нескольких уроженцев Рейнской Пруссии и в то же время исключить из него рейнских либералов, то эти два лица сохранили свои посты. Симонс может похвалиться тем, что он низвел прусские суды на такую низкую ступень, до какой они не доходили даже в худшие времена прусской монархии. Фон дер Хейдт, богатый купец из Эльберфельда, сказал о короле в 1847 году: «Этот человек так часто нас обманывал,

[*] См. настоящий том, стр. 647. *Ред.*
[**] — зубры-помещики. *Ред.*

что мы более не можем ему доверять». (Dieser Mensch hat uns so oft belogen, das wir ihm nicht langer trauen konnen.) В декабре 1848 г. он вошел в состав министерства coup d'etat. В настоящее время он единственный прусский министр, которого подозревают в использовании своего официального положения ради своей личной выгоды. Всюду много говорят о том, что государственные тайны в его руках обычно служили интересам торговых дел эльберфельдской фирмы Хейдт и К°.

Написано К. Марксом 9 ноября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5492, 27 ноября 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ

Берлин, 16 ноября 1858 г.

По поводу эклектического и разношерстного характера нового кабинета, на который я указывал в одном из прошлых писем[*], «Kreuz-Zeitung»[424] разражается следующей насмешливой тирадой:

«Предстоит изменение системы. Но что это за изменение, осмелимся мы спросить? Что представляла собой ныне отмененная система и каковы принципы новой, которая будет принята? Кто является представителем руководящей идеи этой системы, принц-католик, возглавляющий министерство, или член евангелического союза, министр культа и просвещения? И можно ли рассчитывать, что министр финансов, бывший депутат от демократов, будет солидарен с названными выше лицами? Кроме того, сможет ли ветеран старой прусской бюрократии приспособить свои взгляды к взглядам г-на фон Патова?»

12 ноября во всем королевстве произошли Urwahlen (первичные выборы). Избранные таким образом Wahlmanner[**] будут в свою очередь 23-го с. м. избирать депутатов. Никому не нравится умеренное целомудрие собственной жены или умеренная платежеспособность своего должника, однако умеренная свобода являлась тем лозунгом, который умеренно распространялся среди Urwahler[***]. Та часть прусского общества, которая до сих пор стоит во главе движения и политическое кредо которой можно охарактеризовать как liberalismus vulgaris[****], обладает какими угодно качествами, но только не героизмом. В 1848 г. она не посмела шевельнуться, пока не вспыхнула

[*] См. настоящий том, стр. 647—648. *Ред.*
[**] — выборщики. *Ред.*
[***] — первичных избирателей. *Ред.*
[****] — вульгарный либерализм. *Ред.*

революция в Неаполе, Париже и Вене. Но с настоящий момент, в силу любопытного стечения обстоятельств, эти люди очутились в таком положении, что они должны подать сигнал к началу политического оживления на континенте. Имея у себя за спиной большую армию, окруженные с одной стороны Францией 2 декабря, с другой стороны вновь централизованной Австрией, а с третьей — вечно настороженной Россией, они представляют такой удобный объект для концентрированного нападения, что не могут не чувствовать себя довольно неуверенно. Кроме того, в их памяти живы еще воспоминания о революции; и, наконец, не следует, по их мнению, запугивать принца-регента, чтобы он не потерял свой недавно приобретенный конституционализм. И вот один либеральный герой умоляет другого оказать ему добрую услугу, подобную той, о которой один муж просил свою жену, когда ее публично оскорбил на улице какой-то офицер: «Держи меня, — кричал сей храбрец, — иначе я буду мстить, и тогда произойдет кровопролитие». Действительно, на этот счет не должно быть никаких иллюзий. Прусское движение, в местном значении слова, возможно только в очень ограниченных пределах; стоит ему выйти за эти пределы, как оно должно будет либо пойти вспять, либо вылиться в общее движение на континенте. Последняя возможность одинаково приводит в ужас и крупную буржуазию и принца-регента. Вот факт, о котором, вероятно, не будет сообщено ни в одной газете, но за его достоверность я ручаюсь: во время своего последнего посещения Бреславля принц самым торжественным образом заявил на приеме для высших чинов этого города, что революционное пламя все еще не погасло, что еще существует угроза нового взрыва в Европе и что поэтому долг и интересы средних классов одинаково требуют, чтобы они сплотились вокруг трона и, главное, сохранили строжайшую умеренность в своих политических действиях и тем заткнули все щели, через которые могли бы пробраться беспринципные демагоги (gesinnungslose Demagogen). Это вполне соответствует тому, что недавно говорил мне один очень умный прусский аристократ: «Знаете ли, — сказал он, — что свело короля с ума? Призрак красной республики; и его брат, — хотя это лишенный всяких иллюзий, посредственный и скучный педант, — тоже постоянно одержим страхом перед тем же самым призраком».

В общем, либеральные Wahlmanner одержали победу в более крупных городах, а отъявленные реакционеры — в деревне. Каким образом организовывались выборы в деревне, вы можете судить по тому факту, что ландраты в частном порядке разослали — каждый в своем округе — циркуляры с призывом к Urwahler

(первичным избирателям) выбирать таких-то и таких-то лиц. Надо сказать, что положение ландрата в Пруссии совсем особое. Во всех ее провинциях, за единственным исключением Рейнской Пруссии, он является помещиком, крупным земельным собственником, владения которого расположены, как и земельная собственность английских мировых судей графства, в пределах подчиненного ему административного округа. В то же время он является звеном бюрократической цепи, избранным от своей местности, назначенным короной, подчиненным Regierung* (коллегиальному учреждению), местопребывание которого находится в одном из центров более крупного административного деления, но в своем округе (или Ressort, как выражаются пруссаки) он — высший представитель правительства. Таким образом, эти ландраты сочетают в своем лице свойства Krautjunker (охотника на лисиц)[425] и бюрократа. В отличие от большинства государственных чиновников, они не зависят всецело от своего казенного жалованья; в худшем случае они набираются из младших сыновей в семьях земельной аристократии, получая от государства 1200 долларов в год взамен содержания, которое они получали бы от отца, дяди или старшего брата. Поэтому их интересы в общем теснее связаны с классовыми и партийными интересами земельной аристократии, нежели с кастовыми интересами бюрократии. Они-то и были основной опорой только что свергнутого кабинета. Отнюдь не рассматривая себя в качестве орудия центрального правительства, они скорее считали правительство орудием своих собственных социальных интересов. В настоящий момент они оказывают сопротивление новому кабинету, который не посмел дать им отставку отчасти потому, что такой радикальный шаг дал бы сильный толчок всем революционным тенденциям и нарушил бы рутину прусской администрации; отчасти же потому, что деятельность ландратов до некоторой степени может быть использована для того, чтобы сдерживать земледельческое население и создавать таким образом противовес либерализму городов. До сих пор отставку дали только одному ландрату — графу фон Крассову в Померании, который, забавлялся тем, что в своем циркуляре, адресованном к Urwahler, поносил кабинет.

С 1852 г. не публиковалось никаких данных переписи; однако цифр последней переписи вполне достаточно, чтобы дать вам известное представление о соотношении между сельским населением и населением городов. Из семнадцати миллионов жителей двенадцать миллионов разбросаны по деревням и только

* — окружному управлению. *Ред.*

пять миллионов сосредоточены в городах, большая часть которых является всего лишь городами-деревнями. Из 984 городов королевства только 12 главных городов могут похвастать тем, что их население в общем составляет 1000000 человек, а свыше 500 городов имеют менее чем по 2500 жителей. Промышленное население составляет 11% в провинции Пруссия, 15% в Померании, 18% в Познани, 23% в Силезии, 26% в Вестфалии, 28% в Саксонии, 25% в Рейнской Пруссии, 37% в Бранденбурге. Впрочем, в этой последней провинции почти все промышленное население сосредоточено в Берлине. Из всего населения королевства 60% занимается исключительно земледелием, и в среднем на каждые 263 жителя приходится один дворянин.

Написано К. Марксом. 16 ноября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5497, 3 декабря 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

* ПРОЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН НА ХЛЕБ ВО ФРАНЦИИ

Французский император только что приступил к осуществлению своего любимого проекта, а именно проекта регулирования цен на хлеб по всей Империи. Идею этого регулирования он ясно изложил еще в 1854 г. в своей речи к Законодательному корпусу в связи с объявлением войны России. Его тогдашнее заявление по данному вопросу заслуживает упоминания, и ниже мы его воспроизводим:

«Я особенно рекомендую вашему вниманию систему, принятую сейчас городом Парижем, ибо если она, как я надеюсь, распространится по всей Франции, то она в будущем предупредит те резкие колебания цеп на зерно, которые в периоды изобилия вызывают застой в земледелии из-за низких цен на пшеницу, а в неурожайные годы являются причиной тяжких страданий бедных классов вследствие ее дороговизны. Эта система состоит в том, чтобы создать во всех крупных населенных пунктах кредитные учреждения под названием Хлебопекарные банки (Caisse de la boulangerie), которые в годы недостатка продуктов смогут снабжать население хлебом по цене неизмеримо более низкой, чем официальная рыночная цена, при условии, что в годы изобилия цена его будет несколько выше рыночной цены. Так как хорошие урожаи в общем более часты, чем плохие, то легко понять, что компенсировать пониженные цены будет нетрудно. Помимо этого получится огромный выигрыш от того, что будут существовать кредитные общества, которые, вместо того чтобы стремиться получать выгоду от повышения цен на хлеб, будут, как и все, заинтересованы в его дешевизне, ибо, в противоположность тому, что наблюдалось до настоящего времени, эти общества будут получать доход в урожайные годы и терпеть убыток в годы дороговизны».

Принцип, выраженный в этих словах, заключается в том, чтобы продавать хлеб «неизмеримо» ниже его рыночной цены в неурожайные годы и лишь «немного» выше этой самой цены в годы урожайные, причем надежда на выгодную компенсацию

проистекает из предположения, что число урожайных годов значительно превысит число плохих. Когда императорским декретом еще в декабре 1853 г. был учрежден Хлебопекарный банк в Париже, максимальная цена на четырехфунтовую булку была установлена в 40 сантимов; владельцы пекарен получили право требовать за свои потери компенсацию от Банка, который, в свою очередь, создал необходимый для этого фонд, выпустив облигации, гарантированные муниципалитетом Парижа, а этот последний, со своей стороны, учредил гарантийный фонд за счет новых займов и повышения акцизных сборов на предметы потребления, взимаемых у парижских застав. Кроме того, некоторая сумма была непосредственно отпущена правительством из средств государственного казначейства. К концу 1854 г. эти долги парижского муниципалитета вместе с денежными суммами, отпущенными правительством, уже достигли общей суммы в восемьдесят миллионов франков. Тогда правительство было вынуждено пойти на попятный и повысить максимальную цену булки сначала до 45, а затем до 50 сантимов. Таким образом, парижское население должно было частично отдавать в форме возросших акцизов то, что оно экономило на цене хлеба, остальная же Франция должна была выплачивать общий благотворительный налог в пользу столицы в форме прямой правительственной субсидии парижскому муниципалитету. Однако этот опыт полностью провалился: цены на хлеб в Париже были выше официального максимума в плохие годы с 1855 по 1857 г. и ниже его в период хороших урожаев 1857 и 1858 годов.

Ничуть не смущаясь неудачей этого опыта в сравнительно малом масштабе, Луи-Наполеон принялся теперь, на основе своего собственного указа, за организацию хлебопекарного дела и хлебной торговли по всей Империи. Несколько недель тому назад одна из его газет в Париже сделала попытку убедить публику в том, что во всех значительных городах необходимо обзавестись «запасами зерна». Утверждалось, что в худшие неурожайные годы максимальный дефицит зерна был равен 28-дневному потреблению его всем населением и что среднее число последовательных неурожайных лет равно трём. Из этих предпосылок делался вывод, что «запас, достаточный на три месяца,—это все, на что способна человеческая предусмотрительность». Если эту меру распространить только на города с населением минимум в 100000 жителей, что составит для всей Франции (не считая Парижа) 3770000 человек, то, при среднем трехмесячном потреблении в 45 килограммов пшеницы на душу и при нынешней цене пшеницы приблизительно в 14 фр. за гектолитр, такой запас, согласно этим рассуждениям, будет

стоить от 31000000 до 32000000 франков! И вот 18 ноября газета «Moniteur» опубликовала нижеследующий декрет:

«Статья 1. Хлебный запас пекарей во всех городах, в которых хлебопекарное дело регулируется декретами и распоряжениями, определяется количеством зерна или муки, потребным для ежедневной выпечки каждого хлебопекарного заведения в течение трех месяцев.

Статья 2. В месячный срок, начиная с сего числа, префекты департаментов, опросив муниципалитеты, должны решить, будут ли запасы образованы из муки или зерна, а также установить срок, в течение которого они должны быть созданы, и определить ту часть их, которую можно сдать на хранение в общественные склады».

К этому декрету прилагается список городов, «в которых регулируется хлебопекарное дело» и где поэтому должны быть созданы запасы. В этот список вошли все более или менее значительные города Франции, за исключением Парижа и Лиона, в которых запасы уже существуют и которые, следовательно. не подпадают под действие данного декрета. В целом список содержит не менее 161 города; среди них находятся Марсель, Сен-Кантен, Мулен, Кан, Ангулем, Дижон, Бурж, Безансон, Эврё, Шартр, Брест, Ним, Тулуза, Бордо, Монпелье, Ренн, Тур, Гренобль, Сент-Этьенн, Нант, Орлеан, Анже, Реймс, Шалон, Мец, Лилль, Дуэ, Валансьенн, Бове, Аррас, Сент-Омер, Кале, Булонь-сюр-Мер, Страсбург, Мюлуз, Руан, Гавр, Макон, Ле-Ман, Амьен, Абвиль и Тулон. Согласно последней переписи, общее население этих 161 города в настоящий момент можно считать приблизительно равным 8000000 человек! Следовательно, запас хлеба в целом должен составить 5500000 гектолитров стоимостью от 70000000 до 80000000 франков. Циркулярно рассылая декрет префектам департаментов, министр земледелия и торговли сообщает им, что хотя они «не должны принуждать пекарей немедленно выполнять обязательства, налагаемые на них декретом», однако они должны «установить разумные сроки для их выполнения». Он предоставляет самим префектам решить, сообразуясь с местными условиями, должны ли запасы состоять из зерна или муки. Затем он добавляет, что, как ни широки данные меры, в дальнейшем они могут быть еще больше расширены.

«Правительство, господин префект, не преувеличивает важности изложенной мною меры. Оно знает, что декрет касается лишь небольшой части населения, и поэтому оно занято теперь изучением возможности расширения сферы его действия. Жители деревушек и селений сами пекут себе хлеб и оставляют себе из своего урожая известное количество пшеницы, потребное для их семьи в течение года. Вмешательство правительства в их хозяйство было бы бесполезно и невозможно. Но в ряде главных городов департаментов и в еще большем числе окружных и кантональных центров и даже в густонаселенных деревнях значительную

часть потребляемого хлеба изготовляют пекари, а между тем они **не** являются объектом какой-либо регламентации и не обязаны делать какие-либо запасы. Нельзя ли подчинить пекарей таких мест тому же режиму и предложить им соблюдать этот же благодетельный закон предусмотрительности? Правительство склонно думать, что его предписания на этот счет не встретят каких-либо серьезных возражений».

Однако прежде чем провести вышеупомянутый декрет во всей остальной Франции, за исключением маленьких деревень, министр предлагает префектам обсудить вопрос совместно с муниципалитетами тех мест, которые еще не подчинены этому декрету. Затем он сообщает префектам, как надо хранить запасы:

«Пекари должны по возможности использовать относящиеся к их лавкам подсобные помещения, таи как за ними легче будет осуществлять surveillance*. Однако вы должны предложить муниципалитетам устроить и предоставить в распоряжение пекарей общественные склады, рассчитанные на то, чтобы за плату по определенному тарифу принимать на хранение запасы, которые пекари не могут хранить у себя. Я не сомневаюсь, что просвещенное содействие муниципальных властей облегчит эти операции».

Затем министр подходит к самому важному пункту — где взять денег для проведения декрета в жизнь:

«Что касается получения необходимого капитала, то я убежден, что пекари приложат самые серьезные старания, чтобы достать нужные им суммы. Такое помещение капитала представляет столь крупные торговые выгоды и обещает получение законных прибылей в таких размерах, что пекарям едва ли трудно будет получить кредит, в особенности сейчас, когда ссудный процент так низок. Переоценим ли мы добрую волю богатых людей во всех коммунах, если выразим надежду на их содействие пекарям? Разве они не найдут в созданных запасах верного обеспечения авансированных ими сумм, и притом обеспечения, которому предстоит скорее расти, чем падать в цене? Я буду счастлив, если ваши усилия в этом направлении увенчаются успехом. *Я спрашиваю себя, разве не смогут муниципалитеты, если нужно, изыскать, по примеру Caisse de Paris, денежные средства и употребить их для выдачи пекарям ссуд?* С целью поощрить и облегчить такие ссуды и умножить их путем обращения, зернохранилищам, предназначенным для приема запасов, можно было бы придать характер пакгаузов при таможнях (magasins generaux), что дало бы им возможность выпускать варранты, которые с готовностью принимались бы нашими финансовыми учреждениями и особенно Французским банком».

Министр заключает свой циркуляр указанием, что в двадцатидневный срок префекты должны уведомить его о том, что они намерены предпринять для выполнения второй статьи декрета, а в течение месяца должны сообщить, как смотрят на этот вопрос муниципалитеты городов и деревень, не включенных в декрет.

* — надзор. *Ред.*

В настоящий момент мы не предполагаем входить в рассмотрение вопроса об общественных зернохранилищах; но огромное значение этого экономического coup d'état* не нуждается в пространных комментариях. Хорошо известно, что цены на зерно во Франции в настоящее время разорительно низки и что поэтому среди крестьянства наблюдаются признаки недовольства. Посредством искусственного спроса, который возникнет в связи с созданием трехмесячных запасов, Наполеон пытается искусственно повысить цены и таким образом заткнуть рот сельскохозяйственной Франции. С другой стороны, он объявляет себя чем-то вроде социалистического провидения в отношении городского пролетариата, хотя эта роль и не особенно удается ему, поскольку первым ощутительным результатом его декрета будет то, что рабочим придется платить за свой хлеб дороже, чем прежде. «Спаситель собственности» показывает буржуазии, что не требуется даже формального вмешательства его карикатурного законодательного механизма, а достаточно лишь простого личного указа с его стороны, чтобы свободно хозяйничать в ее кошельках, распоряжаться муниципальной собственностью, нарушать ход торговли и подчинять денежные операции буржуазии своим личным фантазиям.

Наконец, вопрос подлежит еще рассмотрению с чисто бонапартистской точки зрения. Во всей Франции появится нужда в огромных зданиях для общественных зернохранилищ; какое же новое поприще откроется здесь для спекуляции и хищений! Торговля хлебными продуктами также получает неожиданный оборот. Какие прибыли положат себе в карман Crédit Mobilier и прочие спекулирующие компании его императорского величества! Во всяком случае мы можем быть уверены, что венценосный социалист больше преуспеет в повышении цен на хлеб, чем в своих попытках снизить их.

Написано К. Марксом около 19 ноября 1858 г..

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5507, 15 декабря 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — буквально: государственного переворота; здесь: переворота. *Ред.*

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ

Берлин, 23 ноября 1858 г.

Сегодня был день выборов; выборщики второй ступени — группа отнюдь не многочисленная — чинно собрались, чтобы в качестве доверенных беспокойной толпы осуществить избирательный акт. Из избирательной урны, одно время грозившей превратиться в ящик Пандоры[426], выскочил либерализм в его самой умеренной форме, либерализм буржуазный, облеченный в бюрократическое одеяние, либерализм самоотрицающий. Уже самые чины избранных в нашем городе показывают, что они не могут питать злых умыслов. Среди них есть один Generalsteuer-direktor (главный контролер по сбору налогов), один Oberburgermeister (лорд-мэр), один министр, один бывший министр, один Gerichtsprasident (председатель судебной палаты), один Geheimer Archivrat (хранитель королевского архива), один Geheimer Rat (тайный советник); на подмогу всей этой чиновной и «тайной» братии избраны два буржуа: один — г-н Реймер, консерватор, книгоиздатель, поставщик его величества, другой— д-р Фейт, тоже книгоиздатель, избранный денежными кругами за свое иудейское вероисповедание, ибо эти круги здесь, как и всюду, имеют сильную примесь семитской крови. Между тем твердо установлено, что буржуазные радикалы 1848 г., Якоби, Унру, Вальдек, Родбертус, Штейн, Эльснер и др., — словом, люди, которые, как я вам писал примерно месяц тому назад[*], казалось, имели все шансы быть избранными в крупных городах, — действительно играли ведущую роль на собраниях первичных избирателей, были авторами многих избиратель-

[*] См. настоящий том, стр. 629—630. *Ред.*

ных программ, и в Бреславле, Кёнигсберге, Магдебурге, Эльбинге им были предложены места в ландтаге. Откуда же эта внезапная changement de dеcoration*? Они скромно отклонили все эти почетные предложения, которые были припасены для них. Некоторые из них поступили так не совсем по доброй воле, а решились на самоотречение только после неприятного и отнюдь не добровольного объяснения с Polizeidirector**. Другие уступили давлению обеспокоенной части буржуазии, которая в настоящий момент задает тон. Все же вместе, и Polizeidirectoren. и кандидаты, и избиратели, действовали под сильным влиянием внезапно изменившихся обстоятельств; я бы даже сказал точнее, что не обстоятельства изменились, а гроза рассеяла туман иллюзий, обволакивавший этих людей. Как говорят французы, la situation s'еtait dessinеe***. Правительство обуял страх, и самый этот страх породил в нем отвагу, Министр внутренних дел г-н Флотвель издал такой циркуляр, какой еще никогда не появлялся ни на одном языке, — изобилующий грамматическими ляпсусами, сбивчивый в изложении и бессмысленный в своей аргументации, но тем не менее достаточно ясно выражающий гнев. Вы, конечно, знаете, что разумеется во Франции под официальным предостережением газете. Ну, так вот, циркуляр Флотвеля представлял собой общее предостережение избирателям, подкрепленное секретными инструкциями полиции. Он прямо указывал на избирательные речи, избирательные программы и избирательные манифесты радикалов, бывших членов Национального собрания 1848 года. Так как крупная буржуазия склонна брать крепость умеренностью, а более демократическое большинство народа понимает, что в данный момент политическая инициатива принадлежит крупной буржуазии, то министерский намек сразу подействовал, grands airs**** периода обновления были убраны, и выборы перекроили по правительственной мерке. Тем не менее, когда вас грубым толчком возвращают от восхитительного сновидения к действительности, вы испытываете ощущение не из приятных. Люди, речи и программы, попавшие на заметку, в своем самом смелом полете так строго держались «в пределах практического рассудка», что даже обеспокоенная часть буржуазии почувствовала себя оскорбленной беспокойством правительства. Способ, с помощью которого оно вводило новый режим свободы, казался довольно бесцеремонным; поэтому среди широкой публики

* — перемена декораций. *Ред.*
** — полицейдиректором. *Ред.*
*** — положение прояснилось. *Ред.*
**** — пышные декорации. *Ред.*

поднялся глухой ропот разочарования, а органы старой камарильи стали наперебой иронически поздравлять новый кабинет с тем, что он проявил, наконец, «Selbstbesinnung»*. Тогда злосчастный Флотвель опубликовал другой свой циркуляр, который он несколько недель тому назад секретно адресовал ландратам и в котором он предостерегал их от поддержки кандидатов тех или иных крайних воззрений. Чтобы придать некоторый вес этому анахронизму, министерский орган «Preusische Zeitung»[427] воспользовался этим антикварным эдиктом для следующего комментария:

«Чрезвычайно благоприятным фактом, характерным для нынешних выборов, является то, что все партии согласны сойтись на монархической и конституционной платформе и таким образом в известной степени смягчить расхождения своих разнообразных политических программ. Принятый правительством прогрессивный, но твердый и умеренный политический курс будет иметь своей главной целью достижение такого единения. Правительство не позволит отклонить себя от своих либеральных, но умеренных принципов преувеличенными надеждами или требованиями. С другой стороны, правительство не может допустить, чтобы партия, которая далека от того, чтобы безоговорочно признавать конституционную основу, но признает законность хартий в той мере, в какой последняя соответствует ее собственным интересам, присваивала бы себе исключительное право называться «роялистами». Правительство отрицает правильность утверждения, будто большинство землевладельцев принадлежит к этой партий» и т. д.

Министерство, в сущности, трудилось понапрасну. Принц не укрепил своего положения ни реакционной речью в Staatsrat** при представлении своего сына, ни другой реакционной речью на собрании франкмасонов, ни реакционным обращением к Treubund (род прусской оранжистской организации)[428], но он напугал кабинет министров бурными взрывами гнева по поводу оборота, который приняли дела под их руководством. Первый циркуляр Флотвеля был благожелательным предостережением буржуазии — ни в коем случае не подвергать испытаниям новоиспеченный конституционализм регента. Когда в результате этого шага министры осознали непрочность своего собственного положения, они протелеграфировали принцессе Прусской, и та, немедленно прибыв из Кобленца в Берлин, по coup de baguette*** дала делу обратный ход. В течение последнего года принцесса жила попеременно в Веймаре, Карлсруэ и Кобленце. Берлин она посетила лишь в момент решения вопроса о регентстве. Так как все опрошенные в то время врачи отказались определенно заявить, излечима ли болезнь короля или нет,

* — «благоразумие». *Ред.*
** — Государственном совете. *Ред.*
*** — мановению волшебной палочки. *Ред.*

то королева, через посредство г-на фон Клейст-Ретцова, раздобыла одного армейского врача, некоего Бёгера, который подписал бумагу о том, что король может выздороветь. Тогда принцесса Прусская притворилась больной, вызвала к себе этого же самого врача, заставила его себя лечить, очаровала его лестью и знаками милостивого расположения и, когда он казался уже достаточно подготовленным, напрямик спросила его, неужели он, столь ученый и добросовестный человек, в самом деле верит своему собственному заявлению относительно состояния здоровья короля? Глупый Бёгер признался, что только слезы королевы заставили его сделать это заявление. Принцесса позвонила, немедленно вбежали два камергера, и армейский врач, призванный к повиновению своим естественным повелителям, должен был не только повторить на словах, но и собственноручно подтвердить на бумаге только что исторгнутое у него признание. Когда принцесса таким образом достигла своей цели, она была выслана из Берлина. После утверждения ее супруга в качестве регента она добровольно продолжила свое пребывание в Кобленце. Подобно всем посредственным людям, принц Вильгельм страдает от умственного превосходства своей дражайшей половины, и, хотя он нуждается в том, чтобы его водили на помочах, ему неприятно видеть руки, которые их держат. Его жена вынуждена поэтому оказывать на него влияние окольным путем. Отношения между обеими этими особами и без того весьма холодны и официальны. В молодости принц Вильгельм был страстно влюблен в девицу фон Брокхауз и хотел жениться на ней. Но его отец запретил этот брак, и девица умерла в Париже от разбитого сердца. Брак с принцессой Веймарской был навязан беспокойному отпрыску Гогенцоллернского дома и, в отместку, в течение первых лет брака он не скрывал своего страстного увлечения девицей Ф...к. Таким образом, отношения между принцем и его женой как нельзя менее семейственные, и для принцессы лучшим способом водворить в Берлине свое министерство было самой удалиться в Кобленц.

Тем временем королева пошла на одну из тех проделок, которые хорошо знакомы читателям хроники Oeil de boeuf[429]. Вы, вероятно, читали в газетах, что при отъезде короля и королевы из Берлина портфель последней был украден в Лейпциге и что, несмотря на все старания стоглазой и сторукой германской полиции, найти вора не удалось. По какой-то странной случайности этот портфель оказался на письменном столе регента, и в нем была найдена объемистая переписка его жены, принцессы, со всякого рода политическими деятелями. Тут были письма ратиборскому Gerichtsprasident Венцелю, одному из

только что избранных депутатов от Берлина, члену оппозиции в нижней палате Мантёйфеля; были также письма к Рейхеншпергеру, вожаку прусской католической оппозиции, и еще другие письма, все преисполненные напускного либерализма и мечтаний об объединенной Германии. Таким путем принц, преследуемый, как известно, кошмаром красной республики, был еще более напуган открытием, что его собственная жена состоит в интимной близости с революционерами. Были пущены в ход и другие интриги. Я сообщаю эту chronique scandaleuse*, — за точность которой я могу ручаться, — потому, что в монархических странах загнивание династий возвещает о приближении революции еще раньше, чем она принимает форму народного волнения.

Написано К. Марксом 23 ноября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5505, 13 декабря 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — скандальную хронику. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

* ЕВРОПА В 1858 ГОДУ

Вторая половина 1858 г. в Европе отмечена особенным оживлением политической активности. Со 2 декабря 1851 г. и до середины текущего года европейский континент был в политическом отношении как бы окутан саваном. Власти, которые при поддержке своих армий вышли победительницами из великого революционного конфликта, получили возможность управлять по своему произволу, издавать и отменять, соблюдать или нарушать законы, как им было угодно. Представительные учреждения повсюду выродились в простую фикцию; едва ли где-нибудь существовала еще парламентская оппозиция; печати заткнули рот; и если бы не волнения, вспыхивавшие внезапно то тут, то там: восстание в Милане, высадка в Салерно[430], мятеж в Шалоне[*], покушение на жизнь Луи-Наполеона[**]; если бы не некоторые политические судебные процессы в Анже и других местах, во время которых, хотя и ненадолго и ценой больших жертв, проявлялся былой революционный дух, угрожающе возвещая о своем существовании, — можно было бы подумать, что после опыта 1848 г. европейский континент отказался от всяких мыслей, связанных с политикой, и что военный деспотизм и цезаристский режим повсюду были признаны единственно приемлемой формой правления. Даже в Англии дух политической реформы неуклонно шел на убыль. Все внимание английского парламента было поглощено юридическим, торговым и административным законодательством, причем последнее имело безусловную тенденцию к централизации.

---

[*] См. настоящий том, стр. 420—424. *Ред.*
[**] Там же, стр. 401—406. *Ред.*

Попытки оживить массовое политическое движение кончились решительной неудачей, буржуазная партия борьбы за реформу спокойно почила, испытав сокрушительное поражение на пальмерстоновских всеобщих выборах в 1857 г., между тем как чартизм находился в состоянии полного распада.

Из всех наций Европы Россия первая пробудилась от этой политической летаргии. Крымская война, хотя она и закончилась без сколько-нибудь существенной потери территории и даже — поскольку речь идет о Востоке — без ущерба для престижа, все же уязвила гордость России. Впервые ее заставили отказаться от принципа — никогда не уступать раз присоединенной к ней территории. Вся ее административная система в своей наилучшим образом организованной отрасли — в военной — потерпела полное банкротство и крушение. То дело, над которым Николай трудился дни и ночи в течение двадцати пяти лет, погребено под развалинами крепостных валов и бастионов Севастополя. Между тем при существовавших политических условиях в стране не была возможна никакая иная административная система, кроме исключительно господствовавшей в ней и доведенной до предела бюрократической системы. Чтобы заложить основы более подходящей системы, Александр II вынужден был вновь обратиться к идее освобождения крепостных. Ему пришлось бороться с двумя грозными противниками: с дворянством и с той самой бюрократией, которую он возымел намерение реформировать вопреки ее собственному желанию и которая должна была в то же время служить орудием выполнения его планов. Ему негде было искать поддержки, кроме как в традиционной и пассивной покорности инертной массы русских крепостных и купцов, которые до сего времени лишены были даже права задумываться над своим политическим положением. Чтобы сделать их поддержку реальной, он должен был создать нечто вроде общественного мнения и хотя бы подобие прессы. В связи с этим была ослаблена цензура и предоставлена возможность для вежливой, благонамеренной и весьма почтительной в выражениях дискуссии; была разрешена даже легкая и учтивая критика действий чиновников. Существующая сейчас в России степень свободы дебатов считалась бы до смешного ничтожной в любой другой европейской стране, кроме Франции, но людям, знавшим николаевскую Россию, и это кажется огромным шагом вперед; в сочетании с теми трудностями, которые неизбежно возникнут в связи с отменой крепостного права, это пробуждение к политической жизни более образованных кругов русского общества полно добрых предзнаменований.

Оживление политической жизни имело место также и в Пруссии. Вскоре после того, как король временно удалился от управления государством, стало известно, что его умственное расстройство неизлечимо и что рано или поздно его брат должен быть назначен регентом со всей полнотой власти. Этот период междуцарствия создал почву для агитации, которая, под предлогом требования постоянного регентства, была на самом деле направлена против существовавшего тогда непопулярного министерства. Когда, два месяца тому назад, регентство было окончательно установлено, состав министерства изменен и избрана новая палата представителей, долго сдерживаемое политическое движение сразу расчистило себе дорогу и вышибло из законодательного органа прежнее большинство чуть ли не до последнего человека. К чему в конце концов приведет это теперешнее оживление общественной жизни Пруссии — этот вопрос уже разбирался на страницах данной газеты*; здесь мы должны просто отметить тот факт, что политическое оживление началось.

Наличие такого движения не могло остаться незамеченным в остальной Германии. Действительно, оно уже дает себя чувствовать в мелких государствах: смена министерств, перемены в соотношении сил партий, колебания в политике будут несомненно развиваться и там, по мере того как в самой Пруссии движение примет более определенную форму. И не только в стае мелких германских монархий, но также и в Австрии это движение становится серьезно ощутимым. Конституционная партия в Австрии не имеет сейчас шансов добиться от правительства вторичного испытания представительных учреждений, так что единственным средством для того, чтобы привлечь к этому вопросу общественное мнение, является восхваление «возврата к здоровому конституционному правлению» в Пруссии; и просто удивительно, какую популярность Пруссия внезапно приобрела в Австрии и Южной Германии. Но какой бы ни была форма этого движения, важно, что оно возникло даже в Австрии.

Другим очагом возбуждения является Италия. Относительно успокоившаяся после заключения мира с Россией политическая лихорадка, питаемая бонапартистскими интригами, неизбежно должна была охватить эту легко воспламеняющуюся нацию. В Ломбардии возобновилась давнишняя кампания против табачной монополии; герцогиня Пармская, невзирая на присутствие австрийского гарнизона в Пиаченце, позволила Ристори агитировать против австрийцев в роли Юдифи, проповедующей

* См. настоящий том, стр. 620—624, 625—636, 647—660, 666—670. *Ред*.

священную войну с ассирийцами[431]. В Риме положение французских оккупационных войск становится столь же затруднительным, как и положение папского правительства. Даже Неаполь готов к восстанию, и в довершение всего Виктор-Эммануил сардинский призывает своих генералов быть наготове, так как весной им, возможно, опять придется понюхать пороху.

Даже Франция охвачена этим новым веянием. Статья Монталамбера против бонапартизма[432] была разительным проявлением этого нового пробуждения активности французской буржуазии. Сейчас уже известно, что не только Монталамбер подготовил другой очерк, но и г-н Фаллу, бывший министр Луи-Наполеона, также собирается выступить с резкой статьей против существующего порядка. Процесс Монталамбера вылился в торжественный протест парламентских знаменитостей Франции против господствующей системы и в заявление, что они по-прежнему стремятся к восстановлению парламентского правления. Де Брольи, Одилон Барро, Вильмен и многие другие из этой категории людей присутствовали на процессе, и Берье говорил от имени их всех, когда под защитой той неприкосновенности, которой до некоторой степени пользуются адвокаты при судебных выступлениях, он восклицал:

«Нет, мы никогда и ни за какую цену не изменим своему прошлому. Вы слишком дешево расцениваете нашу страну. Вы, господа, считаете ее изменчивой и непостоянной. В таком случае, почему же вы уверены, что она не пожелает в один прекрасный день вернуться к тем учреждениям, которые она любила и под сенью которых она прожила полвека? Да, наша сила слишком истощена нашей затяжной борьбой, нашими испытаниями, горечью наших разочарований, — *пусть, но когда наша родина призовет нас, она всегда найдет нас на своем посту.* Мы отдадим себя ей с тем же пылом, с тем же упорством и с тем же бескорыстием, как в былые дни, и нашим последним предсмертным возгласом будет: «Свобода и Франция!»».

Безусловно, оратор никогда не осмелился бы на такое открытое объявление войны всей правительственной системе современной Франции, если бы не имел мощной моральной поддержки вне зала заседаний. Наконец, мы видим, что даже в Англии возобновилась агитация за реформу, и все идет к тому, что этот вопрос будет ставиться перед парламентом в той или иной форме до тех пор, пока не будет принята такая реформа, которая существенно изменит соотношение сил партий и тем самым подорвет основы почтенной, но рахитичной британской конституции.

Но что же скрывается под этим однородным и до сих пор необыкновенно согласованным движением почти во всех странах

Европы? Когда вулканические взрывы 1848 года внезапно извергли перед глазами изумленной либеральной буржуазии Европы гигантский призрак вооруженного рабочего класса, борющегося за свое политическое и социальное освобождение, буржуазия, для которой безопасное владение своим капиталом было несравненно важнее, чем непосредственная политическая власть, пожертвовала этой властью и всеми свободами, за которые она ранее боролась, чтобы обеспечить подавление пролетарской революции. Буржуазия расписалась в своем политическом несовершеннолетии и неспособности к управлению делами нации и покорно подчинилась военно-бюрократическому деспотизму. Тогда-то и началось судорожное строительство фабрик, копей, железных дорог, паровых судов, эпоха Credit Mobilier, дутых акционерных обществ, мошенничества и биржевой спекуляции — эпоха, в течение которой европейская буржуазия стремилась вознаградить себя экономическими победами за свои политические поражения, индивидуальным богатством за свое коллективное бессилие. Но вместе с ростом богатства буржуазии росла ее социальная мощь и соответственно расширялись ее интересы; буржуазия снова стала ощущать наложенные на нее политические путы. Развернувшееся в настоящее время в Европе движение является естественным следствием и выражением этого ощущения, подкрепленного вновь вернувшейся, в результате десятилетнего ничем не нарушаемого развития промышленности, уверенностью каждого буржуа в своей собственной власти над своими рабочими. 1858 год во многом напоминает 1846 год, который также положил начало политическому оживлению в большинстве европейских стран и также был ознаменован появлением многочисленных сторонников реформ среди правителей, два года спустя оказавшихся беспомощными перед натиском революционного потока, которому они сами открыли путь и которым они были отброшены в сторону.

Написано Ф. Энгельсом в конце ноября 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5514, 23 декабря 1858 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ

Берлин, 4 декабря 1858 г.

В одном из предыдущих писем[*] я писал вам, какой неожиданный оборот был придан всеобщим выборам конфиденциальным предостережением г-на Флотвеля по адресу буржуазии — не заходить слишком далеко в инсценировке «обновления». В соответствии с этим буржуазные радикалы совершенно стушевались. С другой стороны, низшие классы не нуждались ни в каких предостережениях, так как они добровольно и даже с презрением отказались разыгрывать комедию подачи голосов, которые, в силу избирательного закона, не имеют ровно никакого значения, если, как это было в данном случае, избиратели первого и второго разряда придерживаются одной общей линии. Есть, правда, несколько мест, как, например, Берлин, где в выборах участвовала небольшая часть налогоплательщиков из рабочего класса, но можно с уверенностью сказать, что эти рабочие действовали по mot d'ordre[**] своих хозяев. Даже «собственный корреспондент» лондонской газеты «Times» (видящий все в couleur de rose[***]) вынужден сознаться на страницах этого левиафана британской прессы, что пассивность народных масс возбуждает в его мужественном сердце мрачные опасения. Итак, выборы в целом оказались либеральными

[*] См. настоящий том, стр. 667—668. *Ред.*
[**] — приказу. *Ред.*
[***] — розовом свете. *Ред.*

в министерском понимании этого слова. Партия «Kreuz-Zeitung» исчезла, как по мановению волшебной палочки. Двум из ее заправил пришлось даже вернуться обратно в те судейские камеры, где они раньше распоряжались, а некоторые обязаны своим избранием единственно великодушию своих соперников. Об опустошении, произведенном в их рядах, можно заключить уже по одному тому, что из 77 ландратов переизбрано только 27. В общем, эта партия вновь появится на сцене в виде отнюдь не значительного меньшинства.

Однако природная немощь прусского конституционализма такова, что он испугался значительности своей собственной победы. Так как в результате выборов появились палаты, представляющие министерский либерализм, то ясно, что министерство представляет либерализм избранных палат и в силу этого простого процесса превращается фактически в партийное министерство, в парламентское министерство, то есть именно п то безобразие, которого не должно было бы быть. Вследствие этого министры вынуждены были немедленно протестовать в «Staats-Anzeiger» против создавшейся для них новой ситуаций. Они, эти избранные советники принца, вдруг оказались как бы преобразованными в выборную исполнительную власть, которая правит страной в силу полномочий, возложенных на них народом. В своем протесте — только так и можно назвать их принципиальную декларацию, помещенную в «Staats-Anzeiger», — они в напыщенных фразах подчеркивают, что в Пруссии и речи быть не может о парламентском министерстве или партийном правительстве; что король божьей милостью должен оставаться единственным источником власти; что министры не могут служить двум господам; что страна поступила совершенно правильно, проведя выборы в духе министерства, но что не страна должна теперь ожидать от него исполнения воли палат, а наоборот, министерство ожидает, что палаты послушно пойдут по стопам правительства.

Вы видите, к чему мы пришли. Министерство — парламентское правительство и в то же время оно не парламентское правительство. С помощью выборов оно вытеснило партию королевы, но оно уже обнаруживает острое желание сломать лестницу, по которой оно поднялось к власти. Поскольку король был еще жив, поскольку королева еще интриговала и за их знаменем еще скрывались могущественные организованные клики, принц не мог укрепить свое положение иначе, как выбрав либеральное министерство, а это министерство не могло удержаться на своем посту иначе, как прибегнув к всеобщим выборам. Поскольку избиратели откликнулись на мелодию, которую им

напевали сверху, министерство стало партийным министерством, а принц — буржуазным диктатором. Но вот внезапно принц, чающий быть божьей милостью наследником прусского престола, осознает, в какое ложное положение он попал в силу событий, и в своем бессильном гневе воображает, что может словами уничтожить факты, что полунаставительными, полуугрожающими фразами он может изменить реальные условия своего прихода к власти и что, закончив избирательный маневр, он снова сможет встать в традиционную позу прусского короля. Он и его приспешники, воображая, что они могут обманывать страну, только обнаруживают свое собственное вероломство и являют собой комически нелепое зрелище malade malgre lui*. Своими стараниями пресечь политическое оживление они только освобождают его от своего контроля. В качестве добавления к министерскому протесту следует рассматривать и речь принца в Государственном совете, речь, опубликованную полностью ввиду того, что камарилья королевы подхватила отдельные ее места.

Итак, принц, подобно своим министрам, тоже вертится в кругу самых острых внутренних противоречий. Он избрал новый кабинет, так как не считал роспуск старого настоящей переменой. Он хочет чего-то нового, но новое должно быть лишь переизданием старого. Он осуждает положение о городах, навязанное стране предыдущим правительством, ибо оно уничтожило последние следы городского самоуправления; но он не хочет изменить его, так как подобная перемена может вызвать опасные последствия при нынешнем брожении умов. Он предлагает расширить влияние Пруссии исключительно мирным путем и потому считает необходимым увеличение армии, которая и так уже является огромным истощающим наростом. Он признает, что для последней цели необходимы деньги и что, хотя со времени революции образовался государственный долг, казначейство остается глухим к предъявляемым ему требованиям. Он возвещает введение новых налогов и в то же время негодует по поводу колоссального роста кредита в Пруссии в течение последних десяти лет. Подобно тому, как его министры хотят иметь избирателей в своем духе, не соглашаясь быть министрами в духе своих избирателей, так и он, регент, хочет денег для своей армии, но и слышать не хочет о людях с деньгами. Единственное место в его речи, в котором можно усмотреть определенный протест против прошлого режима,— это его выпад против религиозного ханжества. С его стороны

* — мнимого больного (Мольер. «Мнимый больной»). *Ред.*

это была шпилька по адресу королевы, но, чтобы публика не осмелилась на такую же вольность, он, протестантский принц, в то же время приказывает полиции разогнать собрание свободных католиков в Берлине.

Вы согласитесь, что такая неопределенная, внутренне противоречивая, самоубийственная политика даже при обычных обстоятельствах была бы достаточно провокационной и опасной; между тем нынешние обстоятельства нельзя назвать обычными. Во Франции назревает угроза революции, и, чтобы противостоять ей, прусское правительство должно себя чувствовать уверенно в своей собственной стране. Единственная возможность отсрочить революцию во Франции заключается в европейской войне. В такой войне Россия, Франция и Сардиния соединились бы против Австрии. Тогда Пруссия, чтобы не стать всеобщим козлом отпущения, должна быть готова к тому, чтобы вести освободительную войну, войну за независимость Германии, ибо, если она отважится на войну против своих собственных подданных, она будет, как в 1806 г., свалена одним ударом[433]. Прусское правительство полностью отдает себе отчет в том, в какое затруднительное положение оно попало бы в результате революции во Франции или европейской войны. Оно знает также, что Европа в настоящий момент мечется между обоими решениями этой дилеммы. Но, с другой стороны, оно знает, что если дать полную волю народному движению, то изнутри возникнет та же опасность, какая была бы этим путем предупреждена извне. Делать народу уступки на бумаге и фактически сводить их на нет — это игра, которую, быть может. и опасно было бы вести с немецким народом, но бедному прусскому правительству не хватает смелости даже на попытку начать такую игру. Почему бы, например, не позволить крупной буржуазии тешить себя приятной мыслью о том, что кабинет, назначенный регентом, был затем избран ею? Да потому, что даже видимость уступки народу оскорбляет династическую гордость. Какова внутренняя политика, такова и внешняя политика. Ни одну державу европейская война не страшит так, как Пруссию. Однако небольшая война из-за частных интересов, скажем, стычка с Данией из-за Шлезвиг-Гольштейна или обмен братоубийственными пулями с Австрией из-за гегемонии в Германии, могла бы оказаться чрезвычайно ловкой диверсией и создать правительству популярность недорогой ценой — с помощью некоторого количества народной крови. Но и тут вещь, сама по себе желательная, не является в то же время исполнимой. За датским вопросом стоит Россия, а Австрия собственной своей персоной представляет не более и не менее, как европейский

status quo. Таким образом, если конституционные уступки проложат путь революции, то маленькая стычка приведет к европейской войне. А потому можете быть уверены, что воинственные окрики Пруссии по адресу Дании сведутся в конце концов к словесному протесту на страницах «Staats-Anzeiger».

Написано К. Марксом 4 декабря 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5517, 27 декабря 1858 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ВОПРОС ОБ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВАХ

Лондон, 17 декабря 1858 г.

Судебное дело г-на Уильяма Хадсона Гёрнси, иначе Вашингтона Гёрнси, привлеченного к уголовной ответственности за кражу из библиотеки британского министерства колоний двух секретных донесений — одного от 10 июня 1857 г., другого от 18 июля 1858 г., — адресованных бывшему правительству лорда Пальмерстона сэром Джоном Юнгом, лордом верховным комиссаром Ионических островов, только что рассматривалось Центральным уголовным судом под председательством барона Мартина и закончилось оправданием обвиняемого. Процесс представлял интерес как с политической, так и с юридической точки зрения. Следует напомнить, что едва лишь гомеровский г-н Гладстон покинул Лондон с целью выполнить возложенную на него чрезвычайную миссию по водворению мира на Ионических островах[434], как на столбцах «Daily News», подобно скифской стреле, пущенной невидимой рукой, появилось донесение сэра Джона Юнга, в котором он предлагал отказаться от протектората над островами и передать их Греции, предварительно, однако, отрезав лучший кусок от них — Корфу — и присоединив его к колониальным владениям Великобритании. Велико было всеобщее удивление. Часть лондонской прессы, враждебная тайной дипломатии, поздравила кабинет лорда Дерби со смелым шагом, раскрывавшим тайны дипломатических замыслов, а «Morning Star», исполненная наивного энтузиазма, объявила даже, что в Соединенном королевстве наступила новая эра международной политики. Однако сладкозвучная похвала была немедленно же заглушена резкими и злобными голосами критики. Враждебная министерству пресса жадно ухватилась за

«предумышленную грубую ошибку», как она назвала этот шаг, который, по ее словам, имел целью не что иное, как уничтожение прежде всего политической независимости г-на Гладстона и его временное удаление с парламентской арены; а в то же самое время его собственные приспешники посредством бессовестного маневра, исполненного чисто макиавеллиевского коварства, должны-де были помешать выполнению возложенной на него миссии опубликованием документа, сразу поставившего его в ложное положение как по отношению к его партнеру в предстоящих дипломатических переговорах, так и по отношению к общественному мнению Англии и международному праву Европы. Чтобы погубить слишком доверчивого соперника, писали «Times», «Globe», «Observer» и враждебная министерству газетная мелюзга, кабинет Дерби, не колеблясь, совершил такую бестактность, которая при данных обстоятельствах явилась не чем иным, как предательством. Как мог г-н Гладстон вести переговоры, когда ионийцы не только узнали, что Британия уже заранее приняла решение, по когда и влиятельные ионийские патриоты были скомпрометированы предательским разглашением того факта, что они согласились с планом, который сводился к расчленению семи островов? Как он мог вести переговоры, когда Европа непременно стала бы протестовать против такого нарушения Венского трактата, в силу которого Англия становилась отнюдь не собственником Корфу, а всего лишь протектором семи островов, и который навсегда установил карту территориального деления Европы? Появление этих газетных статей было действительно встречено протестами со стороны России и Франции.

Отметим en passant[*], что Венский трактат, единственный признанный в Европе кодекс международного права, представляет собой одну из самых чудовищных fictiones juris publici[**], когда-либо известных в летописях истории человечества. О чем говорится в первой статье этого трактата? О свержении Бонапартовской династии с французского престола на вечные времена; однако на нем восседает Луи-Наполеон, основатель Второй империи, признанный и именуемый братом всеми коронованными особами Европы, принятый ими с лаской и поклонами. Другая статья обусловливает, что Бельгия дарована Голландии на вечные времена; между тем вот уже на протяжении восемнадцати лет отделение Бельгии от Голландии является, в свою очередь, не только fait accompli[***], но и узаконенным фактом.

[*] — между прочим. *Ред.*
[**] — фикций международного права. *Ред.*
[***] — совершившимся фактом. *Ред.*

Далее, Венский трактат предписывает, чтобы Краков, присоединенный к Австрии в 1846 г., навсегда оставался независимой республикой; и последним, но не менее важным условием трактата является то, что Польша, включенная Николаем в состав Российской империи, должна быть независимым конституционным королевством, связанным с Россией только личной унией через династию Романовых. Таким-то образом лист за листом вырывался из этой священной книги европейского jus publicum*, и на нее ссылаются лишь тогда, когда это обусловлено интересами одной партии или слабостью другой.

Кабинет Дерби явно колебался: принимать ли ему незаслуженные похвалы одной части прессы или опровергать незаслуженную клевету другой. Однако после недельных колебаний кабинет решился на второе и официально объявил, что донесения сэра Джона Юнга были опубликованы без ведома кабинета и что в настоящее время производится расследование относительно виновника этой преступной проделки. В конце концов виновник был открыт в лице г-на Уильяма Хадсона Гёрнси; он был судим Центральным уголовным судом и обвинен в похищении донесений. В результате кабинет Дерби выходит из борьбы победителем, после чего судебный процесс теряет свой политический интерес. Однако в связи с этим судебным процессом отношения между Великобританией и Ионическими островами снова привлекли к себе внимание всего мира. О том, что план сэра Джона Юнга не был плодом его личной фантазии, убедительно свидетельствует следующий отрывок из публичного обращения его предшественника, сэра Генри Уорда, к Ионическому собранию 13 апреля 1850 года:

«Я не уполномочен говорить от имени британской короны о том далеком будущем, перспектива которого лишь туманно обрисована в адресе, когда оторванные друг от друга представители греческой нации снова смогут с согласия европейских держав объединиться в одну могущественную империю. Но мне нетрудно высказать свое собственное мнение» (он говорил от имени британской короны), «что если такое событие лежит в пределах человеческих возможностей, то монарх и парламент Англии одинаково благожелательно отнесутся к тому, чтобы ионийцы снова заняли свое место в качестве членов новой державы, которая, в свою очередь, займет тогда надлежащее место в мировой политике».

Тем временем гуманные чувства, питаемые Великобританией к островам, нашли свое выражение в подлинно австрийской жестокости, с какой сэр Генри Уорд подавлял происходившее

* — международного права. *Ред.*

тогда на островах восстание. Из населения в 200000 душ 8000 были наказаны через повешение, приговорены к сечению плетьми, тюремному заключению и изгнанию; женщин и детей секли до крови. Чтобы меня не заподозрили в преувеличении, я процитирую одну британскую газету, а именно «Morning Chronicle» от 25 апреля 1850 года:

«В нас вызывают содрогание те ужасные меры наказания, которые налагались военно-полевыми судами по распоряжению лорда верховного комиссара. В ряде случаев несчастных преступников приговаривали к смертной казни, ссылке и телесным наказаниям *без всякого судебного разбирательства,* в других же случаях — путем ускоренного судопроизводства *на основании закона военного времени.* 21 человек были приговорены к смертной казни и большое число лиц подвергнуто другим наказаниям».

Но зато британцы хвастаются тем, что они-де осчастливили ионийцев свободной конституцией и развили их материальные ресурсы до уровня, представляющего яркий контраст с жалким экономическим состоянием самой Греции. Кстати, что касается конституции, то лорд Грей в то время, когда ему была поручена торговля конституциями для всей колониальной империи Великобритании, счел неудобным обойти Ионические острова; но он только вернул им то, что Англия много лет тому назад обманным путем отняла у них[435].

В силу договора, составленного графом Каподистрия и подписанного Россией в Париже в 1815 г., протекторат над Ионическими островами поручался Великобритании на точно оговоренном условии, что она будет твердо придерживаться конституции, данной островам Россией в 1803 году. Первый же британский лорд верховный комиссар, сэр Томас Мейтленд, отменил эту конституцию и заменил ее другой, облекавшей его неограниченной властью. В 1839 г. иониец, шевалье Мустоксидис в своей «Pro memoria», напечатанной 22 июня 1840 г. по решению палаты общин, утверждает:

«Ионийцы не пользуются привилегией, которой общины Греции обычно пользовались даже во времена турецкой тирании, а именно, привилегией избирать своих собственных должностных лиц и правом самоуправления, но подчинены чиновникам, которых ставит над ними полиция. У них было отнято предоставленное в весьма узких пределах муниципальным корпорациям каждого острова право самим распоряжаться своими доходами, и чтобы сделать их еще более зависимыми, эти доходы были переданы в ведение государственного казначейства».

Что касается развития материальных ресурсов, то достаточно будет сказать, что Англия, фритредерская Англия, не по-

стыдилась обременить ионийцев вывозными пошлинами, — варварский прием, которому, казалось бы, место лишь в финансовом кодексе Турции. Так, например, коринка, главный продукт торговли островов, обложена вывозной пошлиной в $22^1/_4$%.

«Проливы», — говорит один иониец, — «которые образуют как бы главный путь для островов, теперь заперты по методу застав, так как в каждой гавани введены транзитные пошлины, наложенные на товары всех наименований и видов, *которыми обмениваются между собой острова»*.

Но это еще не все. В течение первых двадцати трех лет британского управления налоговое обложение увеличилось втрое, а расходы — в пять раз. Позднее произошло некоторое сокращение обложения, но затем в 1850 г. образовался дефицит, равный половине всего прежнего налогового обложения, как это явствует из следующей таблицы:

Годы	Ежегодное обложение	Расходы
	(в фунтах стерлингов)	
1815	68 459	48 500
1817*	108 997	87 420
1850	147 482	170 000

Итак, вывозные пошлины на их собственные продукты, транзитные пошлины между отдельными островами, рост налогового обложения и непосильные расходы — таковы экономические блага, которые Джон Буль даровал ионийцам. По словам своего оракула с Принтинг-хаус-сквер[436], Джон Буль захватывает колонии единственно с целью воспитать их в принципах народной свободы; но если мы обратимся к фактам, то увидим, что пример Ионических островов, подобно Индии и Ирландии, доказывает лишь, что ради того, чтобы быть свободным у себя дома,. Джон Буль должен порабощать народы за пределами своего государства. Так, в тот самый момент, когда он обрушивается со всей силой своего благородного негодования на шпионскую систему Бонапарта в Париже, он сам вводит ее в Дублине.

Юридический интерес судебного процесса, о котором идет речь, сосредоточен на одном пункте: защитник Гёрнси признал факт похищения десяти копий донесений, но доказывал невиновность своего клиента тем, что у него не было намерения использовать их для личных целей. Если бы виновность в воровстве зависела только от того, с каким намерением была

* Первый год британского протектората.

незаконно присвоена чужая собственность, то уголовное право в этом отношении зашло бы в тупик. Почтенные граждане, сидевшие на скамье присяжных, едва ли собирались произвести такую революцию в условиях собственности; своим решением они хотели лишь заявить, что общественные документы являются собственностью не правительства, а общества.

Написано К. Марксом 17 декабря 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5526, 6 января 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ВОЗБУЖДЕНИЕ В ИРЛАНДИИ

Лондон, 24 декабря 1858 г.

Правительству, которое, подобно нынешнему британскому министерству, представляет уже разложившуюся партию, всегда легче отказаться от своих старых принципов, чем порвать свои старые связи. Водворившись на Даунинг-стрит, лорд Дерби несомненно принял решение загладить ошибки, которые в прошлом сделали его имя притчей во языцех в Ирландии; что же касается его генерал-атторнея для Ирландии, г-на Уайт-сайда, известного своим непостоянством, то он, ни на мгновение не задумываясь, отрекся бы от клятв, связывавших его с оранжистскими ложами[437]. Но дело в том, что приход к власти лорда Дерби дал в то же время определенной клике правящего класса сигнал броситься вперед и захватить посты, только что освободившиеся вследствие вынужденного ухода другой клики. Образование кабинета Дерби означало, что все правительственные места должны были быть распределены между членами пестрого сборища, все еще объединенного названием партии, утратившим всякий смысл, сборища, которое по-прежнему шло под общим истрепанным в лохмотья знаменем, хотя на деле его членов не связывало ничего, кроме воспоминаний о прошлом, клубных интриг, а главное, твердой решимости поделить между собой земные блага, приносимые новыми должностями. Поэтому лорд Эглинтон, сей Дон-Кихот, жаждавший воскресить в торгашеской Англии рыцарские турниры, должен был занять в Дублинском замке высокий пост лорда-наместника Ирландии, а лорд Нейс, известный как самый ярый приверженец ирландского лендлордизма, должен был стать его премьер-министром. Отбывая из Лондона, эта достойная чета, arcades

ambo*, разумеется, получила от своих повелителей настойчивый совет бросить свои причуды, вести себя прилично и не волновать своих хозяев никакими неожиданными выходками. Мы ге сомневаемся, что путь лорда Эглинтона через пролив был устлан благими намерениями, и он тешил свой ребяческий ум мечтами о вице-королевских побрякушках; со своей стороны лорд Нейс по прибытии в Дублинский замок решил лишь убедиться в том, что массовая очистка поместий, сожжение крестьянских коттеджей и беспощадное выселение их бедных обитателей идет надлежащими темпами. Но поскольку партийная необходимость вынудила лорда Дерби назначить неподходящих людей на неподходящие места, эта же партийная необходимость сразу поставила этих людей в ложное положение, каковы бы ни были их личные намерения. До этого оранжизм подвергся официальному осуждению за свою назойливую лояльность; само правительство оказалось вынужденным открыто признать эту организацию незаконной, и ей весьма бесцеремонно было объявлено, что она больше никому в этом мире не нужна и должна исчезнуть. Но достаточно было прихода к власти торийского министерства и водворения пресловутых Эглинтона и Нейса в Дублинском замке, как надежды приунывших, было, оранжистов ожили. Солнце снова засияло для этих «истинных тори»; им казалось, что, как в дни Каслри, они будут безраздельно властвовать в стране, и день реванша для них заметно придвинулся. Шаг за шагом они заставляли бестолковых, слабых и потому опрометчивых представителей Даунинг-стрит продвигаться с одной ложной позиции на другую, пока, наконец, в одно прекрасное утро мир не был потрясен прокламацией лорда-наместника, объявлявшей Ирландию, так сказать, на осадном положении и посредством обещанных наград в 100 и 50 ф. ст. превращавшей ремесло шпиона, осведомителя, клятвопреступника и провокатора в самое выгодное занятие на Зеленом Эрине**. Едва только появились объявления с обещанием наград за раскрытие тайных обществ, как один негодяй по имени О'Салливен, аптекарский ученик в Килларни, донос на своего собственного отца и на нескольких молодых людей из Килларни, Кенмэра, Бантри и Скибберина, как на участников огромного заговора, которые, — действуя в тайном сговоре с флибустьерами, подвизавшимися по ту сторону Атлантического океана, — вознамерились будто бы, подобно г-ну Брайту, не только «американизировать английские учре-

* — два сапога пара (Вергилий. «Эклоги»). *Ред.*
** — древнее название Ирландии. *Ред.*

ждения», но и присоединить Ирландию к образцовой республике. В результате сыщики в графствах Керри и Корк принялись за работу, начались ночные аресты, наводились тайные справки; с юго-запада охота на заговорщиков перекинулась на северо-восток; в графстве Монахан разыгрывались комические сцены, и встревоженные жители Белфаста своими глазами видели, как провели по улицам несколько десятков школьных учителей, клерков и приказчиков и засадили их в тюрьму. Еще больше ухудшила дело таинственность, в которую облекалось судопроизводство. Ни одного из арестованных не отпустили на поруки, ночные облавы стали обычным явлением, все судебные расследования держались в тайне, копии с документов, на основании которых производились аресты, обычно никому не выдавались, судьи метались между своими судебными камерами и приемными Дублинского замка, и об Ирландии в целом можно было сказать то, что сказал о Белфасте защитник обвиняемых в этом городе г-н Риа: «Мне сдается, что за последнюю неделю британская конституция покинула Белфаст».

Однако сквозь всю эту шумиху и всю эту таинственность все более и более проглядывает беспокойство правительства, уступившего давлению своих легковерных ирландских агентов, в свою очередь оказавшихся простой игрушкой в руках оранжистов, и не знающего, как выпутаться из нелепого положения, не потеряв одновременно своей репутации и своих портфелей. Сперва было объявлено, будто опасный заговор, имевший свои разветвления по всей территории Ирландии с юго-запада до северо-востока, исходил из американствующего Феникс-клуба[438]. Затем заговор якобы превратился в возрождение риббонизма[439]; теперь же это нечто совсем новое, совсем неизвестное, а потому еще более страшное. Об ухищрениях, к которым вынуждено прибегать правительство, можно судить по маневрам правительственного органа, дублинской газеты «Daily Express»[440], которая день за днем угощает своих читателей вымышленными россказнями об убийствах, вооруженных грабежах и ночных сборищах. Однако, к великой досаде газеты, убитые люди встают из своих могил и на ее же страницах протестуют против того, чтобы редакция разделывалась с ними подобным образом.

Может быть, и существует такая организация, как Феникс-клуб, но во всяком случае значение ее очень невелико, поскольку само правительство нашло уместным удушить этого Феникса в его же собственном пепле. Что же касается риббонизма, то это движение никогда не опиралось на тайных заговорщиков. Когда в конце XVIII века протестантские «Предрассветные парни» [Peep-O'Day boys] объединились для войны

против католиков на севере Ирландии, в противовес им возникло общество «защитников»[441]. Когда в 1791 г. «Предрассветные парни» растворились в среде оранжистов, «защитники» превратились в риббонистов. Наконец, когда в наши дни британское правительство открыто порвало с оранжизмом, общество риббонистов, лишившись основы своего существования, распалось само собой. Чрезвычайные меры, принятые лордом Эглинтоном, могут, правда, оживить риббонизм, как могут его оживить и нынешние попытки дублинских оранжистов поставить английских офицеров во главе ирландской полиции и заполнить ее ряды своими сторонниками. В настоящее время в Ирландии нет тайных обществ, за исключением обществ в сельской местности. Но обвинять Ирландию за возникновение в ней подобных обществ было бы не более логично, чем обвинять лес за то, что в нем растут грибы. Ирландские лендлорды объединились для жестокой и беспощадной войны против бедняков-арендаторов или, как они называют это, для производства экономического эксперимента — очищения страны от лишних ртов. Они намерены столь же бесцеремонно истреблять мелких арендаторов-ирландцев, как иная служанка истребляет насекомых. Со своей стороны, эти несчастные, доведенные до отчаяния, пытаются оказать слабое сопротивление, образуя разбросанные по стране тайные общества, которые в состоянии совершать лишь акты индивидуальной мести.

Но если заговор, который пытаются раскрыть в Ирландии, и является чистейшей выдумкой оранжистов, то благодаря наградам, обещанным правительством, этот плод фантазии может принять ощутимые формы. Шиллинги и джин сержанта-вербовщика менее способны заманить кого-либо из королевской черни на службу в королевские войска, чем награда за раскрытие ирландских тайных обществ способна создать те общества, которые нужно раскрыть. В недрах каждого графства немедленно появляются предатели, которые, выдавая себя за революционных делегатов, бродят по сельским округам, вербуют членов, приводят их к присяге, доносят на эти жертвы, приводят их на виселицу и кладут деньги, обагренные кровью, к себе в карман. Чтобы дать представление об этой банде ирландских осведомителей и о влиянии на них правительственных наград, достаточно привести выдержку из одной речи сэра Роберта Пиля в палате общин:

«Когда я был главным секретарем по делам Ирландии, было совершено убийство в местности между Карриком-на-Шуре и Клонмелем. Некий г-н ... питал смертельную ненависть к г-ну ... и нанял четырех человек за плату в две гинеи каждому, чтобы убить его. По обоим берегам

реки Шура проходили дороги из Каррика в Клонмель; на каждой дороге он поставил по два человека, так что его жертва не могла ускользнуть. Таким образом несчастный был предательски убит, и это ужасное преступление настолько взволновало страну, что правительство назначило награду в 500 ф. ст. за выдачу каждого убийцы. И, поверите ли, сам же злодей, подкупивший четырех убийц, явился и донес на них, после чего их казнили, а я собственноручно заплатил в моей канцелярии в Дублинском замке сумму в 2000 ф. ст. этому чудовищу в образе человека».

Написано К. Марксом 29 декабря 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5530, 11 января 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

I

Берлин, 29 декабря 1858 г.

Великий «зачинатель» (по выражению Мадзини) русской революции, император Александр II сделал еще один шаг вперед. 13 ноября императорский Главный комитет по отмене крепостного права[442] подписал, наконец, свой доклад императору, содержащий изложение основ, на которых предлагается произвести освобождение крепостных крестьян. Основные принципы этого доклада таковы:

I. Крестьяне немедленно перестают быть крепостными и вступают в состояние «временнообязанных» по отношению к своим помещикам. Это состояние должно длиться двенадцать лет, в течение которых они пользуются всеми личными и имущественными правами, присущими прочим платящим налоги подданным империи. Крепостная зависимость, со всеми вытекающими из нее последствиями, отменяется навсегда без какого-либо возмещения прежним владельцам, ибо, как говорится в докладе, крепостная зависимость была произвольно введена царем Борисом Годуновым* и затем, в силу злоупотребления

* Это утверждение далеко не соответствует истине. Борис Годунов (указом 2 ноября 1601 г.) отнял у крестьян право переходить с места на место по территории государства и прикрепил их к поместьям, к которым они уже принадлежали в силу рождения или жительства. При его преемниках власть дворянства над крестьянами стала быстро возрастать, и со временем все они сделались действительно крепостными. Однако это оставалось незаконной узурпацией со стороны бояр до тех пор, пока Петр Великий в 1723 г. не легализировал ее. Крестьяне, не будучи освобожденными от оков, прикреплявших их к поместьям, были превращены теперь также в личную собственность дворянина-помещика; последний получал право продавать их в одиночку или гуртом, с землей или без земли, и ввиду этого стал лично ответственным перед правительством за крестьян и за их подати. Затем, одним росчерком пера, Екатерина II превратила в крепостных четыре или пять миллионов сравнительно свободных крестьян во вновь приобретенных западных и южных областях. Но в российских официальных документах не приличествовало упоминать о таких фактах, касающихся Петра I и Екатерины П, а потому бедный Борис Годунов должен нести ответственность за прегрешения всех своих преемников.

властью, стала неотъемлемой частью обычного права; таким образом, будучи создана волею монарха, она может быть также уничтожена волею монарха. Что касается денежного вознаграждения за ее отмену, то такая уплата денег в обмен на права составила бы, по словам авторов доклада, поистине недостойную страницу в истории России, ибо права эти принадлежат крестьянству от природы и их вовсе не следовало у него отнимать.

II. В течение двенадцати лет временнообязанного состояния крестьянин продолжает оставаться прикрепленным к поместью; но в случае, если помещик не может отвести крестьянину, по крайней мере, пять десятин земли, которые он обрабатывал бы для себя, последний волен покинуть поместье. Он может уйти и при том условии, если найдет кого-либо, кто будет обрабатывать его надел и платить за него подати в казну.

III и **IV**. Каждая сельская община удерживает в своем владении жилые дома своих членов с их усадьбами, скотными дворами, огородами и пр., за что помещику уплачивается ежегодная рента в 3% с оцененной стоимости этих владений. Община имеет право заставить помещика произвести оценку их, назначив смешанную комиссию из двух помещиков и двух крестьян. Если же сельская община пожелает, то она может выкупить свои дворы в собственность, уплатив их стоимость наличными.

V. Земельные наделы, которые помещики должны предоставить крестьянам, определяются следующим образом: в поместье, где на каждого крепостного, приписанного к нему, приходится больше шести десятин, каждый взрослый крестьянин мужского пола получает надел пахотной земли площадью в девять десятин; там, где земли меньше, крестьянам передается две трети всей пахотной земли; там, где крестьян, приписанных к поместью, так много, что двух третей такой земли не хватит для распределения по крайней мере по пяти десятин на каждого взрослого крестьянина мужского пола, там земля разбивается на наделы по пяти десятин, и те крестьяне, которые при жеребьевке не получат надела, получают паспорта от деревенских властей и вольны идти, куда им вздумается. Что касается дров, то помещик обязан предоставлять их крестьянам из своих лесов по предварительно установленной цене.

VI. За все эти преимущества крестьянин должен нести в пользу помещика следующие виды барщины: за каждую десятину, полученную в надел, отработать помещику десять рабочих

дней с лошадью и десять рабочих дней без нее (с надела в девять десятин это составляет 180 дней в году). Исходя из этой нормы, стоимость крестьянской барщины можно определить в деньгах для каждой губернии (провинции), так как стоимость одного дня барщины считается равной лишь одной трети стоимости трудового дня свободного рабочего. По прошествии первых семи лет одна седьмая часть этой барщины и затем каждый следующий год еще одна седьмая могут быть превращены в оброк зерном.

VII. Дворовые крестьяне, то есть такие, которые прикреплены не к определенному поместью, а к дому помещика или лично к своему господину, обязаны служить ему в течение десяти лет, но за жалованье. Впрочем, они могут во всякое время выкупиться на свободу — мужчина за 300 руб., а женщина за 120.

IX. Помещик остается главой сельской общины и имеет право налагать вето на ее решения, однако в таких случаях допускается обжалование в смешанную комиссию, состоящую из помещиков и крестьян.

Таково содержание этого важного документа, косвенным образом выражающего взгляды Александра II на самый важный для России социальный вопрос. Я опустил раздел VIII, посвященный организации сельских общин, и раздел X, содержащий только установленные законом формы, в которые должны быть облечены официальные документы, относящиеся к этой реформе. Самое поверхностное сравнение показывает, что данный доклад представляет собой, в сущности, просто продолжение и развитие программы, которую Главный комитет прошлой весной предложил различным дворянским собраниям по всей империи. Эта программа, десять пунктов которой точно соответствуют десяти разделам доклада, являлась фактически только схемой, которая была составлена с целью показать дворянам, в каком направлении им надлежит действовать, и которую они должны были развить. Но чем глубже дворяне вникали в суть вопроса, тем сильнее становилось их сопротивление, и чрезвычайно показательно, что через восемь месяцев правительство оказалось вынужденным само развить эту схему и составить тот план, который первоначально мыслился как добровольный акт со стороны дворянства.

Такова история вышеизложенного документа; перейдем теперь к рассмотрению его содержания.

Если русское дворянство считает, что «4 августа» (1789 г.) для него еще не наступило и что поэтому ему нет необходимости приносить свои привилегии в жертву на алтарь своего отечества, то русское правительство движется вперед значительно быстрее:

оно уже пришло к «Декларации прав человека»[443]. В самом деле, подумать только — Александр II провозглашает «права, которые принадлежат крестьянству от природы и которые вовсе не следовало у него отнимать»! Поистине, мы живем в необычайное время! В 1846 г. римский папа выступает инициатором либерального движения[444]; в 1858 г. русский деспот, настоящий самодержец всероссийский*, декларирует права человека! И мы еще увидим, что эта декларация царя вызовет не менее широкие отклики во всем мире и в конечном счете окажет действие гораздо более значительное, чем либерализм папы.

Первой из заинтересованных сторон, о которых идет речь в этом докладе, является дворянство. Если оно отказывается отмечать свое 4 августа, то правительство достаточно ясно говорит ему, что оно будет к этому принуждено. Каждый раздел доклада содержит весьма чувствительную материальную потерю для аристократии. Один из способов эксплуатации дворянами их человеческого капитала состоял в том, что они отдавали крепостных внаймы или позволяли им за уплату ежегодной суммы (оброка**) передвигаться с места на место и добывать себе средства к существованию по собственному усмотрению. Эта практика как нельзя более соответствовала как интересам дворянского кармана, так и скитальческому образу жизни русского крепостного. Для дворян это был один из главных источников дохода. Раздел I предполагает упразднить его без всякого возмещения. Но этим дело не ограничивается. На основании раздела II каждый крепостной, которому помещик не может дать в надел 5 десятин пахотной земли, волен располагать собой и может идти, куда ему вздумается. На основании разделов III—V помещик лишается права свободно располагать приблизительно двумя третями своей земли и обязан наделить ею крестьян. Правда, они и сейчас занимают эту землю, но под его контролем и при условии выполнения повинностей, определяемых всецело по его усмотрению. Отныне же земля действительно должна принадлежать крестьянам, которые становятся постоянными ее держателями, которые получают право полностью выкупать свои усадьбы и чьи повинности, хотя и установленные в очень большом размере, однако же должны быть твердо определены законом; хуже того, крестьяне могут откупиться от этих повинностей по довольно выгодной (для себя)

* Слова «самодержец всероссийский» даны Марксом по-русски латинскими буквами. *Ред.*
** Слово «оброка» дано Марксом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

цене. Даже дворовые*, то есть домашние слуги помещичьего дома, должны получать жалованье и, если желают, могут выкупиться на свободу. Что еще хуже, крепостные должны получить нрава наравне со всеми другими гражданами, а это означает, что они будут иметь до сих пор им не известное право возбуждать иски против своих господ и выступать против них свидетелями в судах; и хотя помещик остается главой крестьян в своем имении и сохраняет известную юрисдикцию над ними, все же вымогательства, которые давали возможность множеству русских дворян накоплять средства для содержания модных лореток в Париже и для азартных игр на немецких курортах, в будущем значительно сократятся. Но чтобы судить о результатах такого сокращения дохода русских дворян, рассмотрим их финансовое положение. Все землевладельческое дворянство России задолжало кредитным банкам (учрежденным государством) сумму в 400000000 руб. серебром, в обеспечение которых этим банкам заложено около 13000000 крепостных. Общее же число крепостных в России (не считая государственных крестьян) равно 23750000 (по переписи 1857 года). Очевидно, главными должниками банков являются более мелкие владельцы крепостных, тогда как более крупные сравнительно свободны от долга. Из переписи 1857 г. явствует, что около 13000000 крепостных принадлежат помещикам, владеющим менее чем 1000 крепостных каждый, в то время как остальные 10750000 крепостных принадлежат собственникам, имеющим более 1000 душ каждый. Ясно, что последние в общем представляют собой свободную от долгов, а первые — задолжавшую часть русского дворянства. Такой подсчет, может быть, и не совсем точен, но в общем его можно признать довольно правильным.

Число земельных собственников, владеющих от одной до 999 «душ», согласно переписи 1857 г., равно 105540, в то время как число дворян, владеющих 1000 душами и больше, не превышает 4015. Таким образом, выходит, что, но самому скромному подсчету, девять десятых всей русской аристократии сильно задолжали кредитным банкам или, иначе говоря, государству. Но известно, что русское дворянство, кроме того, находится в большой задолженности у частных лиц, банкиров, купцов, евреев и ростовщиков, причем эта задолженность в большинстве случаев так велика, что они лишь номинально являются собственниками своих поместий. Тех из них, которые еще боролись с банкротством, окончательно разорили огромные издержки

* Слово «дворовые» дано Марксом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

минувшей войны, когда они не только платили людьми, деньгами и повинностями, но и не могли сбывать свою продукцию, и им приходилось брать деньги взаймы на крайне тяжелых условиях. Теперь же им предлагается целиком и без всякого возмещения отказаться от значительной части своих доходов, а остаток их регулировать таким способом, который не только сократит его, но и весьма ограничит его размер в дальнейшем.

Легко предвидеть последствия этого положения для такого дворянства, как русское. Если оно не согласно на полное разорение или немедленное банкротство значительного большинства своего сословия с перспективой в будущем раствориться в том классе бюрократического дворянства, рант и положение которого всецело зависят от правительства, то оно должно оказать сопротивление этой попытке освобождения крестьян. Оно и оказывает такое сопротивление; ясно, что если его нынешнее сопротивление в рамках законности окажется бессильным против воли монарха, то оно будет вынуждено прибегнуть к иным, более действенным средствам.

II

Берлин, 31 декабря 1858 г.

Сопротивление русского дворянства царским планам освобождения крестьян уже начало проявляться двояким путем: пассивным и активным. Речи, с которыми Александр II соизволил обратиться к своему дворянству во время своей поездки по различным губерниям, то облеченные в мягкую форму призывов к гуманности, то произнесенные в виде поучения, то переходящие в резкий тон приказания и угрозы, — к чему все это привело? Дворяне слушали эти речи с видом рабской покорности, склонив головы, но в глубине души они чувствовали, что император, явившийся к ним говорить, убеждать, увещевать, осведомлять и угрожать, — это уже не прежний всемогущий царь, воля которого должна была заменять собой разум. Вот почему они осмелились дать по существу отрицательный ответ, не давая никакого ответа вообще, не вторя мнениям царя и прибегая к простейшему способу — к затягиванию дела в своих многочисленных комитетах. Они не оставили императору иной возможности, кроме той, какая была у римской церкви: compelle intrare[*]. Наконец, скучное однообразие этого упрямого молчания было дерзко нарушено санкт-петербургским дворянским комитетом, который одобрил документ, составленный одним из его членов, г-ном Платоновым, и фактически представлявший собой своего рода «петицию о правах»[445]. Дворяне требовали не более и не менее, как созыва дворянского парламента, чтобы совместно с правительством решить не только этот великий насущный вопрос, но и все политические вопросы вообще. Тщетно министр внутренних дел г-н Ланской отказывался принять эту бумагу, вернув ее дворянству с сердитым замечанием, что не дело, мол, дворян собираться для подачи петиций и что они должны только обсуждать вопросы, предложенные им правительством. Генерал Шувалов от имени комитета перешел в наступление и, пригрозив лично передать документ императору, принудил г-на Ланского принять его.

[*] — принуждай войти. *Ред.*

Таким образом, русское дворянство в 1858 г., как и французское дворянство в 1788 г., провозгласило лозунг: Assemblee des Etats generaux* или — как говорят в Московии — Земский собор или Земская дума**. Таким образом, в своих эгоистических стремлениях сохранить в целости устарелый социальный фундамент пирамиды, дворянство само нападает на ее политический центр тяжести. Кроме того, esprit de vertige*** — как называли старые французские эмигранты дух эпохи — овладел ими с такой силой, что большинство дворян с головой окунулось в водоворот буржуазного увлечения акционерными компаниями, а в западных губерниях меньшинство старается показать, что оно возглавляет новомодную литературную пропаганду и всячески покровительствует ей. Чтобы дать представление об этих смелых тенденциях, достаточно сказать, что в 1858 г. число существующих газет уже возросло до 180, а в 1859 г, объявлен выход еще 109 новых. С другой стороны, в 1857 г. было основано шестнадцать компаний с капиталом в 303900000 руб., а с января по август 1858 г. к ним прибавилась еще 21 новая компания с капиталом в 36175000 рублей.

Взглянем теперь на другую сторону реформ, задуманных Александром II. Не следует забывать о том, как часто русское правительство вызывало перед взорами крестьянства fata morgana**** свободы. В начале своего царствования Александр I призывал дворянство освободить своих крестьян, но безуспешно. В 1812 г., когда крестьян призывали записываться в ополчение***** (милицию), им, хотя и неофициально, но с молчаливого согласия императора, было обещано освобождение от крепостной зависимости в награду за их патриотизм; с людьми, защитившими святую Русь, нельзя-де дольше обращаться как с рабами. Даже при Николае целый ряд указов ограничивал власть дворян над их крепостными, давал последним право (указ 1842 г.) заключать со своими владельцами договоры относительно отбывания ими повинностей (в силу чего они косвенно получили разрешение вести судебные процессы против своих господ), брал на себя (1844 г.) гарантию от имени правительства о выполнении крестьянами обязательств на основании этих договоров, обеспечивая крепостным право (1846 г.) выкупаться на свободу, если поместье, к которому они были приписаны, должно было быть продано с торгов, и давал возможность

* — Собрание Генеральных штатов. *Ред.*
** Слова «Земский собор» и «Земская дума» даны Марксом по-русски латинскими буквами. *Ред.*
*** — дух заблуждения. *Ред.*
**** — мираж. *Ред.*
***** Слово «ополчение» дано Марксом по-русски латинскими буквами. *Ред.*

(1847 г.) крестьянам, приписанным к такому поместью, немедленно по поступлении этого поместья в продажу купить его целиком всем миром. К великому удивлению как правительства, так и дворянства, неожиданно оказалось, что крепостные были вполне готовы к этому и действительно стали скупать поместья одно за другим; более того, оказалось, что в очень многих случаях землевладелец был только номинальным собственником, ибо от долгов его освободили деньги его же собственных крепостных, которые, разумеется, приняли необходимые предосторожности, чтобы фактически обеспечить себе и свою собственную свободу и владение поместьем. Когда это обнаружилось, правительство, испуганное таким проявлением сметливости и энергии со стороны крепостных, а также революционным взрывом 1848 г. в Западной Европе, было вынуждено изыскать средства против применения закона, грозившего постепенно вытеснить дворянство из его поместий. Но отменять указ было уже слишком поздно, и потому другой указ (от 15 марта 1848 г.) распространил право покупки на каждого крепостного в отдельности, тогда как до тех пор оно принадлежало только сельским общинам. Эта мера не только разрушала объединения, охватывавшие деревни и группы деревень какой-либо волости и до сих пор дававшие крепостным возможность собирать капитал для такой покупки, но она, кроме того, сопровождалась еще некоторыми особыми условиями. Крепостные могли покупать землю, но не приписанных к ней людей; другими словами, покупая имение, к которому они принадлежали, крепостные не покупали своей собственной свободы. Напротив, они оставались крепостными, да к тому же и вся купчая сделка получала силу лишь с согласия прежнего помещика! В довершение всего многие дворяне, владевшие своими поместьями, так сказать, по доверенности своих крепостных, в силу того же самого указа получили право и даже поощрялись нарушать эту доверенность и возвращать себе полное владение своими поместьями, причем всякие иски в судах со стороны крепостных были безоговорочно запрещены. С тех пор для крепостных были закрыты все учебные заведения, кроме начальных школ, и все надежды на освобождение, казалось, были разбиты, когда последняя война снова принудила Николая прибегнуть к всеобщему вооружению крепостных и, как обычно, поддержать эту меру обещаниями об освобождении их от крепостной зависимости, — обещаниями, которые правительство поручило своим низшим чиновникам распространять среди крестьянства.

Вполне естественно, что после всего этого Александр II был вынужден серьезно приняться за освобождение крестьян. Ре-

зультат его усилий и основные черты его планов, поскольку последние созрели, теперь опубликованы. Что скажут крестьяне по поводу двенадцатилетнего испытания, которое должно сопровождаться тяжкой барщиной, причем по истечении этого срока им предстоит перейти в состояние, которое правительство не решается даже в точности описать? Что они скажут по поводу организации общинного управления, суда и полиции, упраздняющих все органы демократического самоуправления, искони присущего каждой сельской общине в России, и имеющих целью создать систему патримониальной власти помещиков по образцу прусского сельского законодательства 1808—1809 гг.[446] — систему, совершенно непривычную для русского крестьянина, вся жизнь которого управляется деревенской общиной, которому чужда мысль об индивидуальной земельной собственности и который рассматривает общину как собственника земли, на которой он живет?

Если мы вспомним, что с 1842 г. восстания крепостных против своих помещиков и управляющих стали эпидемическим явлением, что, даже согласно официальной статистике министерства внутренних дел, около шестидесяти дворян ежегодно гибнут от руки крестьян, что во время последней войны их восстания колоссально возросли, а в западных губерниях направлялись главным образом против правительства (там был составлен заговор с целью начать восстание, как только к границе приблизится иностранная неприятельская — англо-французская — армия!), — то едва ли останется сомнение, что если даже дворянство не будет сопротивляться освобождению крестьян, попытка осуществить предложения комитета послужит сигналом для вспышки массового восстания среди сельского населения России. Но дворянство, наверное, будет сопротивляться; император, разрываясь между государственной необходимостью и практической целесообразностью, между страхом перед дворянством и страхом перед разъяренными крестьянами, наверное будет колебаться; и крепостные, возбужденные до крайности большими ожиданиями и считающие, что царь на их стороне, по что дворяне связывают ему руки, теперь неизбежно начнут восстание. А если это произойдет, то настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации, введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию.

Написано К. Марксом 29 и 31 декабря 1858 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5535, 17 января 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРУССИИ

Берлин, 11 января 1859 г.

Вы, конечно, знаете немецкую пословицу: «Где ничего нет, там и император теряет свое право» («Wo nichts ist, hat der Kaiser sein Recht verloren»), и если этот закон отсутствия чего бы то ни было властвует над столь могущественной особой, как император, то от этого закона не может, разумеется, уйти и ваш собственный корреспондент. Где нет событий, там не о чем рассказывать. Такова весьма веская причина, которая заставила меня на несколько недель приостановить мои послания из «столицы духа», из центра, если не мирового могущества, то, по крайней мере, «Weltgeist»*. Первая фаза движения в Пруссии закончилась всеобщими выборами, вторая начинается завтра открытием ландтага. Тем временем оценка положения вещей в этой стране, данная мною в предыдущих письмах** и, как я вижу из присланной мне пачки издаваемых в Америке немецких газет, присвоенная многими американскими сынами тевтонов без надлежащего указания источника, откуда они почерпнули свою мудрость, — эта оценка полностью подтвердилась ленивым, небрежным, я бы даже сказал не ходом событий, а скорее, как назвал бы это приснопамятный педант д-р Джонсон, ползанием на брюхе по земле, движением без помощи ног, подобно червю. Мили у немцев длиннее, чем у какого-либо другого народа; зато шаги, которыми они меряют свои путь, намного короче. Именно потому в своих волшебных сказках они вечно грезят о чудесных сапогах, позволяющих одевшему их счастливцу делать при каждом шаге больше одной лиги.

* — «мирового духа». *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 629—636 и 657—680. *Ред.*

История последних десяти лет в этой стране излагалась настолько односторонне (употребляя любимое слово немцев, которые, подобно схоластическому животному Буридана, столь многосторонни, что на каждом шагу застревают на мертвой точке), что нам кажется нелишним высказать некоторые общие соображения. Когда король с безмозглой головой вступил на престол, он был полон мечтами романтической школы. Он хотел быть королем божьей милостью и в то же время королем народа; быть окруженным независимой знатью при всесильной бюрократической администрации; быть носителем мира и начальствовать над казармами; поощрять народные вольности в средневековом духе и противодействовать всем стремлениям современного либерализма; возрождать церковную веру и похваляться высоким умственным развитием своих подданных — словом, разыгрывать роль средневекового короля, действуя при этом как прусский король, это уродливое порождение XVIII века. Однако с 1840 по 1848 г. все шло наоборот. Landjunker[*], которые уповали на венценосного сотрудника «Politisches Wochenblatt»[447], изо дня в день проповедовавшего необходимость внедрения поэтического правления аристократии в прусский прозаический режим, осуществляемый при помощи школьного учителя, фельдфебеля, полицейского, сборщика налогов и ученого мандарина, — принуждены были удовольствоваться тайными симпатиями короля вместо реальных уступок с его стороны. Буржуазия, еще слишком слабая, чтобы отважиться выступить активно, вынуждена была плестись за армией теоретиков, которую последователи Гегеля вели в поход против религии, идей и политики старого мира. Ни в один из предыдущих периодов философский критицизм не был так смел, так силен и так популярен, как в первые восемь лет правления Фридриха-Вильгельма IV, желавшего заменить средневековым мистицизмом «неглубокий» рационализм, введенный в Пруссии Фридрихом II. Своим могуществом философия в этот период была всецело обязана практической слабости буржуазии; будучи не в силах штурмовать устарелые учреждения в действительной жизни, буржуазия должна была пустить вперед смелых идеалистов, которые штурмовали эти учреждения в области мысли. В конце концов сам король-романтик, подобно всем своим предшественникам, был, по сути дела, лишь орудием самого заурядного бюрократического правительства, которое он тщетно пытался приукрасить утонченными сентиментами минувших веков.

[*] — юнкеры. *Ред.*

Революция, или, вернее, порожденная ею контрреволюция, в корне изменила всю картину. Из личных причуд короля Landjunker извлекли реальные выгоды и сумели отбросить правительство назад к положению, которое оно занимало не только до 1848 и до 1815 г., но даже до 1807 года. Робким романтическим воздыханиям наступил конец, но вместо них появилась прусская палата лордов; было восстановлено право мертвой руки[448], помещичья юрисдикция процветала в имениях, как никогда прежде; право не платить налоги снова стало атрибутом дворянства; полиция и правительственные чиновники должны были склониться перед дворянами; все высшие должности были предоставлены отпрыскам земельной аристократии и дворянства, просвещенные чиновники старой школы были убраны и заменены прихвостнями рантье и помещиков, а все свободы, завоеванные революцией, — свобода печати, свобода собраний, свобода слова, конституционное представительство, — все эти свободы хотя и были сохранены, но лишь как привилегии аристократического класса. С другой стороны, если в предшествующий период буржуазия поддерживала философское движение, то теперь аристократия вырвала его с корнем и на его место водворила пиетизм. Все просвещенные профессора были изгнаны из университетов, а viri obscuri*, Хенгстенберги, Штали и tutti quanti**, завладели всеми просветительными учреждениями Пруссии, начиная от сельских школ и кончая высшим учительским институтом в Берлине. Полицейский и административный аппарат был не разрушен, а превращен в простое орудие правящего класса. Даже промышленная свобода подверглась нападению; и так как система патентов была превращена в мощное средство протекции, запугивания и подкупа, то ремесленники крупных городов были снова загнаны в корпорации, цехи и в разного рода другие отжившие формы отошедшей в прошлое эпохи. Таким-то образом, все самые смелые мечты короля, остававшиеся мечтами в течение первых восьми лет его абсолютистского режима, сбылись благодаря революции и были яркой, ощутимой действительностью в течение восьми лет между 1850 и 1857 годами.

Однако медаль имеет и оборотную сторону. Революция рассеяла идеологические иллюзии буржуазии, а контрреволюция покончила с ее политическими притязаниями. Таким образом, буржуазия была отброшена назад к единственно присущим ей занятиям — торговле и промышленности, — и я не думаю,

* — обскуранты. *Ред.*
** — иже с ними. *Ред.*

чтобы какой-либо другой народ в течение последнего десятилетия сделал относительно такой же огромный шаг вперед в этом направлении, как немцы и в особенности пруссаки. Если вы видели Берлин десять лет тому назад, то теперь вы его не узнаете. Из чопорного плац-парада он превратился в шумный центр германского машиностроения. Если вы проедетесь по Рейнской Пруссии и герцогству Вестфалии, вы невольно вспомните Ланкашир и Йоркшир. Если Пруссия не может еще похвастаться собственным Исааком Перейрой, зато у нее есть сотни Мевиссенов, возглавляющих всевозможные Credits Mobiliers, которых в Пруссии больше, нежели князей в Германском сейме.

Бешеная погоня за богатством, стремление идти вперед, открывать новые рудники, строить новые заводы, сооружать новые железные дороги и в особенности помещать деньги в акционерные компании и спекулировать их акциями, — все это стало модной страстью, охватившей все классы общества от крестьянина до самого коронованного государя, когда-то бывшего reichsunmittelbarer Furst[449]. Таким образом, вы видите, что дни, когда буржуазия оплакивала свое вавилонское пленение и униженно склоняла свою голову, были как раз теми днями, когда она становилась действительной силой в стране, между тем как высокомерный аристократ превращался по своей внутренней сущности в искателя барышей, в наживающего деньги биржевого спекулянта. Если вам нужен пример того, как спекулятивная философия превращалась в коммерческую спекуляцию, взгляните на Гамбург 1857 года. Разве эти умозрительные немцы в то время не показали себя виртуозами по части мошенничества? Однако это поступательное движение прусской буржуазии, усиленное общим повышением цен на товары и, следовательно, общим снижением постоянного дохода правящей бюрократии, естественно, сопровождалось разорением мелкой буржуазии и концентрацией рабочего класса. Разорение мелкой буржуазии в течение последних восьми лет — это всеобщее явление, которое можно наблюдать повсюду в Европе, но нигде оно не происходит в такой резкой форме, как в Германии. Нуждается ли это явление в каком-либо объяснении? Я отвечаю кратко: взгляните на нынешних миллионеров, бывших еще вчера бедняками. Для того, чтобы один человек с пустым карманом превратился за одну ночь в миллионера, необходимо, чтобы тысяча человек, имеющих 1000 долларов каждый, превратились за один день в нищих. Волшебница-биржа производит такие превращения в мгновение ока, совершенно независимо от более медленных способов централизации богатства современной промышленностью. Поэтому недовольство мелкой

буржуазии и концентрация рабочего класса возрастали в течение последних десяти лет в Пруссии параллельно с ростом буржуазии.

Однако уже пора отправлять на почту это письмо, хотя я еще не покончил с моим Rundschau*, как называет этот вид ретроспективных обозрений «Новая прусская газета».

Написано К. Марксом 11 января 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5548, 1 февраля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — обзором. *Ред.*

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА

К. МАРКСА

ВВЕДЕНИЕ
(ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ 1857—1858 ГОДОВ) [450]

I. ПРОИЗВОДСТВО, ПОТРЕБЛЕНИЕ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБМЕН (ОБРАЩЕНИЕ)

1. ПРОИЗВОДСТВО

а) Предмет исследования — это прежде всего *материальное производство.*

Индивидуумы, производящие в обществе, — а следовательно общественно-определенное производство индивидуумов, — таков, естественно, исходный пункт. Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII века. Это — робинзонады, которые отнюдь не являются — как воображают историки культуры — лишь реакцией против чрезмерной утонченности и возвращением к ложно понятой естественной жизни. Ни в малейшей степени не покоится на таком натурализме и contrat social Руссо[451], который устанавливает путем договора взаимоотношение и связь между независимыми от природы субъектами. Это — иллюзия, и всего лишь эстетическая иллюзия больших и малых робинзонад. Это, скорее, предвосхищение «гражданского общества», которое подготовлялось с XVI века, а в XVIII веке сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам XVIII века, на плечах которых еще всецело стоят Смит и Рикардо, этот индивидуум XVIII века — продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — развития новых производительных сил, начавшегося с XVI века, — представляется идеалом, существование которого относится к прошлому; он представляется

им не результатом истории, а ее исходным пунктом, потому что, согласно их воззрению на человеческую природу, соответствующий природе индивидуум представляется им не исторически возникшим, а данным самой природой. Это заблуждение было до сих пор свойственно каждой новой эпохе. Стюарт, который во многих отношениях, в противоположность XVIII веку, как аристократ, больше стоит на исторической почве, избежал этого заблуждения.

Чем больше мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивидуум, а следовательно и производящий индивидуум, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с общиной в различных ее формах, возникшей из столкновения и слияния родов. Лишь в XVIII веке, в «гражданском обществе», различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, которая порождает эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки, — есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) связей. Человек есть в самом буквальном смысле ζϖον πολιτιχον*, не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества — редкое явление, которое может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и динамически уже содержащим в себе общественные силы, — такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидуумов. На этом можно больше не останавливаться. Этого пункта можно было бы вовсе не касаться, если бы нелепости, вполне понятные у людей XVIII века, не были снова всерьез привнесены в новейшую политическую экономию Бастиа, Кэри, Прудоном и т. д. Прудону и другим, конечно, приятно дать историко-философское объяснение происхождению какого-либо экономического отношения, исторического возникновения которого он не знает, путем создания мифов о том, будто Адаму или Прометею данная идея явилась в готовом и законченном виде, а затем она была введена и т. д. Нет ничего более сухого и скучного, чем фантазирующее locus communis**.

Таким образом, если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного разви-

* — общественное животное (Аристотель. «Политика», т. I, гл. 1). *Ред.*
** — общее место, банальность. *Ред.*

тия — о производстве общественных индивидуумов. Может поэтому показаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо проследить процесс исторического развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой, например, с современным буржуазным производством, которое, в сущности, является нашей подлинной темой. Однако все эпохи производства имеют некоторые общие признаки, общие определения. *Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Между тем это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многократно расчлененное, выражающееся в различных определениях. Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам. Некоторые определения общи и для новейшей и для древнейшей эпохи. Без них немыслимо никакое производство; хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие. Определения, которые действительны для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое вытекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа, — одни и те же, не было забыто существенное различие. В забвении этого заключается, например, вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений. Они доказывают, например, что никакое производство невозможно без орудия производства, хотя бы этим орудием была только рука, что никакое производство невозможно без предшествующего, накопленного труда, хотя бы этот труд был всего лишь сноровкой, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений. Капитал есть, между прочим, также и орудие производства, и прошлый, объективированный труд. Стало быть, капитал есть всеобщее, вечное естественное отношение. Это получается потому, что отбрасывают как раз то специфическое, что одно только и делает «орудие производства», «накопленный труд», капиталом. Вся история производственных отношений представляется поэтому, например у Кэри, лишь фальсификацией, злонамеренно учиненной правительствами.

Если не существует производства вообще, то не существует также всеобщего производства. Производство есть всегда *особая* отрасль производства, например земледелие, животноводство, мануфактура и т. д., или оно есть *совокупность* их. Однако

политическая экономия — не технология. Отношение всеобщих определений производства на данной общественной ступени к особенным формам производства надлежит развить в другом месте (впоследствии).

Наконец, производство не есть только особенное производство. Однако всегда имеется определенный общественный организм, общественный субъект, действующий в более или менее обширной совокупности отраслей производства. Отношение научного изложения к реальному движению опять-таки сюда еще не относится. Производство вообще. Особые отрасли производства. Производство как совокупное целое.

Стало модой изложению политической экономии предпосылать общую часть, и как раз такую, которая фигурирует под заглавием «производство» (смотри, например, Дж. Ст. Милля[452]) и где рассматриваются *общие условия* всякого производства.

Эта общая часть состоит или должна якобы состоять:

1) Из условий, без которых производство невозможно. Следовательно, это означает на деле не что иное, как указание существенных моментов всякого производства. Это, однако, сводится фактически, как мы увидим, к немногим очень простым определениям, которые превращаются в пространную плоскую тавтологию.

2) Из условий, которые более или менее способствуют производству, как например, прогрессирующее и стагнационное состояние общества у Адама Смита. Чтобы эти моменты, имеющие у Смита в качестве aperçu[*] свою ценность, поднять до научного значения, были бы необходимы исследования о *состоянии производительности* по периодам, в ходе развития отдельных пародов, исследования, которые лежат вне рамок нашей темы; поскольку же эти исследования относятся к ней, они должны быть изложены в главах о конкуренции, накоплении и т. д. В общей же постановке ответ сводится к общему положению, что промышленная нация достигает высшего уровня своего производства в тот момент, когда она вообще находится на высшей точке своего исторического развития. И действительно, высокий уровень промышленного развития народа имеет место до тех пор, пока главным для него является не прибыль [Gewinn], а добывание [Gewinnen]. Поэтому янки стоят выше англичан. Или же, например, известные расовые особенности, климат, естественные условия, как-то: близость к морю, плодородие почвы и т. д., более благоприятны для производства, чем другие. Это опять ведет к тавтологии, что богатство тем легче соз-

[*] — заметок. *Ред.*

дается, чем в большей степени имеются налицо его субъективные и объективные элементы.

Однако все это вовсе не то, о чем действительно идет речь у экономистов в этой общей части. Производство, наоборот, — смотри, например, Милля[453], — в отличие от распределения и т. д., должно изображаться как заключенное в рамки независимых от истории вечных законов природы, чтобы затем при удобном случае *буржуазные* отношения совершенно незаметно протащить в качестве непреложных естественных законов общества in abstracto*. Такова более или менее сознательная цель всего этого приема. При распределении, напротив, люди якобы позволяют себе в действительности всякого рода произвол. Не говоря уже о грубом разрыве между производством и распределением и о их действительном отношении, с самого начала должно быть ясно, что, каким бы различным ни было распределение на различных ступенях общественного развития, о нем, так же как и о производстве, могут быть высказаны общие положения, и все исторические различия опять-таки могут быть смешаны и стерты в *общечеловеческих законах.* Например, раб, крепостной, наемный рабочий — все получают известное количество пищи, которое дает им возможность существовать как рабу, как крепостному, как наемному рабочему. Завоеватель, живущий за счет дани, или чиновник, живущий за счет налогов, или земельный собственник — за счет ренты, или монах — за счет милостыни, или левит — за счет десятины, — все они получают долю общественного продукта, которая определяется другими законами, чем доля раба и т. д. Два основных пункта, которые все экономисты ставят под этой рубрикой, — это: 1) собственность, 2) ее охрана юстицией, полицией и т. д. На это следует весьма кратко ответить:

ad 1)** Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее. В этом смысле будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства. Смешно, однако, делать отсюда прыжок к определенной форме собственности, например, к частной собственности (что к тому же предполагает в качестве условия противоположную форму — *отсутствие собственности).* История, наоборот, показывает нам общую собственность (например, у индийцев, славян, древних кельтов и т. д.) как первоначальную форму, — форму, которая под видом общинной собственности еще долго

* — вообще. *Ред.*
** — к пункту 1). *Ред.*

играет значительную роль. Мы здесь еще вовсе не касаемся вопроса о том, растет ли богатство лучше при той или другой форме собственности. Но что ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности, — это тавтология. Присвоение, которое ничего не присваивает, есть contradictio in subjecto*.

ad 2) Охрана приобретенного и т. д. Если эти тривиальности свести к их действительному содержанию, то они скажут больше, чем знают их проповедники. А именно, что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д. Грубость и отсутствие понимания в том и заключается, что органически между собой связанные явления ставятся в случайные взаимоотношения и в чисто рассудочную связь. Буржуазным экономистам мерещится только, что при современной полиции можно лучше производить, чем, например, при кулачном праве. Они забывают только, что и кулачное право есть право и что право сильного в другой форме продолжает существовать также и в их «правовом государстве».

Когда общественные отношения, соответствующие определенной ступени производства, только возникают или когда они уже исчезают, естественно происходят нарушения производства, хотя в различной степени и с различным результатом.

Резюмируем: есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые *общие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства.

2. ОБЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА К РАСПРЕДЕЛЕНИЮ, ОБМЕНУ, ПОТРЕБЛЕНИЮ

Прежде чем продолжать дальнейший анализ производства, необходимо обратить внимание на те различные рубрики, которые ставят рядом с ним экономисты.

Первое поверхностное представление: в процессе производства члены общества приспособляют (создают, преобразуют) продукты природы к человеческим потребностям; распределение устанавливает пропорцию, в которой каждый индивидуум принимает участие в произведенном; обмен доставляет ему те

* — противоречие в самом предмете. *Ред.*

определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся предметами потребления, индивидуального присвоения. Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления. Производство выступает, таким образом, исходным пунктом, потребление — конечным пунктом, распределение и обмен — срединой, которая, в свою очередь, заключает в себе два момента, так как распределение определяется как момент, исходящий от общества, а обмен — от индивидуума. В производстве объективируется личность, в личности субъективируется вещь; в распределении общество принимает на себя, в форме господствующих всеобщих определений, опосредствованно между производством и потреблением, в обмене они опосредствуются случайной определенностью индивидуума.

Распределение определяет отношение (количество), в котором продукты достаются индивидуумам; обмен определяет те продукты, в которых индивидуум требует часть, доставшуюся ему при распределении.

Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, правильный силлогизм: производство составляет в нем всеобщность, распределение и обмен — особенность, а потребление — единичность, замыкающую собой целое. Это, конечно, связь, но поверхностная. Производство якобы определяется всеобщими законами природы, распределение — общественной случайностью, оно может поэтому влиять на производство более или менее благоприятно; обмен находится между ними обоими как формально общественное движение, а заключительный акт — потребление, которое рассматривается не только как конечный пункт, но также и как конечная цель, лежит, собственно, вне экономики, за исключением того, что оно, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь дает начало всему процессу.

Противники политико-экономов, — будь то противники из среды этой самой науки или вне ее, — упрекающие их в варварском разрывании на части единого целого, либо стоят с ними на одной и той же почве, либо ниже их. Нет ничего более банального, чем упрек, будто политико-экономы обращают слишком большое внимание на производство, рассматривая его как

самоцель. Распределение, мол, имеет такое же большое значение. В основе этого упрека лежит как раз представление экономистов, будто распределение существует как самостоятельная, независимая сфера рядом с производством. Или делают упрек, что эти моменты якобы не охватываются в их единстве. Как будто бы этот разрыв проник не из действительности в учебники, а наоборот, из учебников — в действительность, как будто здесь дело идет о диалектическом примирении понятий, а не о понимании реальных отношений!

a) [Производство и потребление]

Производство есть непосредственно также и потребление. Двоякое потребление — субъективное и объективное: индивидуум, который развивает свои способности в процессе производства, в то же время расходует, потребляет их в акте производства, точно так же, как естественный акт создания потомства представляет собой расходование жизненных сил. Во-вторых: производство есть потребление средств производства, которые используются, изнашиваются, а отчасти (как например, при сжигании) вновь распадаются на основные элементы. Точно так же обстоит дело с потреблением сырого материала, который не сохраняет своего естественного вида и свойств, а наоборот, утрачивает их. Поэтому акт производства, во всех своих моментах, есть также акт потребления. Однако со всем этим экономисты соглашаются. Производство, как непосредственно идентичное с потреблением, потребление, как непосредственно совпадающее с производством, они называют *производительным потреблением.* Эта идентичность производства и потребления сводится к положению Спинозы: «determinatio est negatio»[454]. Однако это определение производительного потребления дается только для того, чтобы отделить потребление, идентичное с производством, от собственно потребления, которое, наоборот, понимается как уничтожающая противоположность производства. Итак, рассмотрим собственно потребление.

Потребление есть непосредственно также и производство, подобно тому как в природе потребление химических элементов и веществ есть производство растения. Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления, человек производит свое собственное тело, — это совершенно ясно; но это же приложимо и ко всякому другому виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это — потребительное производство. Однако, говорит политическая экономия, это идентичное

с потреблением производство есть второй вид производства, вытекающий из уничтожения продукта первого. В первом производитель овеществляет себя, во втором — персонифицируется произведенная им вещь. Таким образом, это потребительное производство, — хотя оно есть непосредственное единство производства и потребления, — существенно отличается от собственно производства. Непосредственное единство, в котором производство совпадает с потреблением и потребление — с производством, сохраняет их непосредственную раздвоенность.

Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью. Однако в то же время между обоими имеет место опосредствующее движение. Производство опосредствует потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы предмет. Однако и потребление опосредствует производство, ибо только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами. Продукт получает свое последнее finish[*] только в потреблении. Железная дорога, по которой не ездят, которой не пользуются, которая не потребляется, есть железная дорога только δυναμει[**], а не в действительности. Без производства нет потребления, однако и без потребления нет производства, так как производство было бы в таком случае бесцельно. Потребление создает производство в двояком отношении:

1) Тем, что только в потреблении продукт становится действительно продуктом. Например, платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом. Таким образом, продукт, в отличие от простого предмета природы, проявляет себя как таковой, *становится* продуктом только в потреблении. Потребление, уничтожая продукт, тем самым доводит его до finishing stroke[***], ибо продукт есть продукт не как овеществленная деятельность, но лишь как предмет для действующего субъекта.

2) Тем, что потребление создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, который является его предпосылкой. Потребление создает побуждение к производству, оно создает также и предмет, который воздействует на производство, определяя его цель. И если ясно, что производство предоставляет

[*] — завершение. *Ред.*
[**] — в возможности. *Ред.*
[***] — завершенности. *Ред.*

потреблению предмет в его внешней форме, то точно так же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально,* как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме. Без потребности нет производства. Но именно потребление воспроизводит потребность.

Этому соответствует со стороны производства то, что оно: 1) доставляет потреблению материал, предмет. Потребление без предмета не есть потребление. Таким образом, с этой стороны производство создает, порождает потребление.

2) Однако производство создает для потребления не только предмет, — оно придает потреблению также его определенность, его характер, его завершенность. Как потребление завершает продукт как продукт, точно так же производство завершает потребление. *Прежде всего,* предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который должен быть потреблен определенным способом, опять-таки предуказанным самим производством. Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Не только предмет потребления, но также и способ потребления создается, таким образом, производством, не только объективно, но также и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя.

3) Производство доставляет не только потребности материал, но и материалу потребность. Когда потребление выходит из своей первоначальной природной грубости и непосредственности, — а длительное пребывание его на этой ступени само было бы результатом закосневшего в природной грубости производства, — то оно само, как побуждение, опосредствуется предметом. Потребность, которую оно в нем ощущает, создана восприятием последнего. Предмет искусства — нечто подобное происходит со всяким другим продуктом — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета.

Производство поэтому создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и побуждение к потреблению. Точно так же потребление порождает *способности* производителя, возбуждая в нем направленную на определенные цели потребность.

Идентичность потребления и производства проявляется, следовательно, трояко:

1) *Непосредственная идентичность:* производство есть потребление; потребление есть производство. Потребительное производство. Производительное потребление. Экономисты называют то и другое производительным потреблением, но делают еще одно различие: первое фигурирует как воспроизводство, второе — как производительное потребление. Все исследования относительно первого являются исследованиями о производительном или непроизводительном труде; исследования относительно второго — исследованиями о производительном или непроизводительном потреблении.

2) То, что каждое из них выступает как средство для другого и одно опосредствуется другим, что находит свое выражение в их взаимной зависимости. Это — движение, благодаря которому они вступают в отношения Друг к Другу, выступают как настоятельно необходимые друг для друга, но в котором они остаются тем не менее еще внешними по отношению друг к другу. Производство создает материал как внешний предмет для потребления; потребление создает потребность как внутренний предмет, как цель для производства. Без производства нет потребления, без потребления нет производства. Это положение фигурирует в политической экономии в различных формах.

3) Производство — не только непосредственно потребление, а потребление — непосредственно производство; производство также — не только средство для потребления, а потребление — цель для производства, т. е. в том смысле, что каждое доставляет другому его предмет: производство — внешний предмет для потребления, потребление — мысленно представляемый предмет для производства. Каждое из них есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое. Потребление прежде всего завершает акт производства, заканчивая продукт как продукт, поглощая его, уничтожая его самостоятельно-вещную форму; повышая посредством потребности повторения способность, развитую в первом акте производства, до степени искусства; оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и тот, благодаря которому производитель становится производителем. С другой стороны, производство создает потребление, создавая определенный способ потребления и затем создавая побуждение к потреблению, самое способность потребления как потребность. Эта последняя, указанная в пункте 3, идентичность многократно разъясняется в политической

экономии в отношении спроса и предложения, предметов и потребностей, потребностей естественных и созданных обществом.

Поэтому для гегельянца нет ничего проще, как отождествить производство и потребление. И это делается не только социалистическими беллетристами[455], но и самыми прозаическими экономистами, например Сэем, в той форме, что если рассматривать народ или также человечество in abstracto, то его производство будет его потреблением. Шторх, указывая на ошибку Сэя, напомнил[456], что народ, например, не потребляет свой продукт целиком, но создает и средства производства, основной капитал и т. д. Кроме того, рассматривать общество как один-единственный субъект значит рассматривать его неправильно, умозрительно. У одного субъекта производство и потребление выступают как моменты одного акта. Здесь нужно подчеркнуть лишь самое важное, что если рассматривать производство и потребление как деятельность одного субъекта или отдельных индивидуумов, они во всяком случае выступают как моменты процесса, в котором производство есть действительно исходный пункт, а поэтому также и господствующий момент. Потребление как необходимость, как потребность, само есть внутренний момент производительной деятельности, однако последняя есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент — акт, к которому снова сводится весь процесс. Индивидуум производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивидуум. Потребление выступает, таким образом, как момент производства.

Но в обществе отношение производителя к продукту, поскольку он уже изготовлен, чисто внешнее, и возвращение продукта к субъекту зависит от отношения последнего к другим индивидуумам. Он не вступает в непосредственное владение продуктом. Точно так же непосредственное присвоение продукта не составляет его цели, если он производит в обществе. Между производителем и продуктом встает *распределение,* которое при помощи общественных законов определяет его долю в мире продуктов; следовательно, распределение становится между производством и потреблением.

Стоит ли распределение, как самостоятельная сфера, рядом с производством и вне его?

b) [Производство и распределение]

Если обратиться к обычным сочинениям по политической экономии, то прежде всего бросается в глаза, что все в них дается в двойном виде. Например, в распределении фигурируют зе-

мельная рента, заработная плата, процент и прибыль, в то время как в производстве в качестве его факторов фигурируют земля, труд, капитал. Относительно капитала с самого начала ясно, что он определяется двояко: 1) как фактор производства, 2) как источник дохода, как фактор, определяющий известные формы распределения. Процент и прибыль фигурируют поэтому как таковые также и в производстве, поскольку они представляют собой те формы, в которых увеличивается, возрастает капитал, следовательно, представляют собой моменты производства самого капитала. Процент и прибыль как формы распределения предполагают капитал как фактор производства. Они — способы распределения, которые имеют своей предпосылкой капитал как фактор производства. Они суть также способы воспроизводства капитала.

Заработная плата представляет собой также наемный труд, рассматриваемый под другой рубрикой: та определенность, которую труд имеет здесь как фактор производства, выступает там как определение распределения. Если бы труд не был определен как наемный труд, то и тот способ, которым он участвует в продуктах, не выступал бы в качестве заработной платы, как, например, при рабстве. Наконец, земельная рента — если взять сразу наиболее развитую форму распределения, в которой земельная собственность принимает участие в продуктах, — предполагает крупную земельную собственность (собственно говоря, крупное сельское хозяйство) в качестве фактора производства, но не землю как таковую, так же как заработная плата не имеет предпосылкой труд как таковой. Отношения распределения и способы распределения выступают поэтому лишь оборотными сторонами факторов производства. Индивидуум, принимающий участие в производстве в форме наемного труда, участвует в продуктах, в результатах производства, в форме заработной платы. Структура распределения полностью определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства — не только по содержанию, ибо распределяться могут только результаты производства, но и по форме, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения, форму, в которой принимают участие в распределении. Полнейшая иллюзия, когда в производстве говорят о земле, в распределении — о земельной ренте и т. д.

Поэтому экономисты, как Рикардо, которых чаще всего упрекали в том, будто они обращают внимание лишь на производство, рассматривали распределение как единственный предмет политической экономии, ибо они инстинктивно избрали

формы распределения в качестве наиболее точных выражений, в которых фиксируются факторы производства в данном обществе.

По отношению к отдельному индивидууму распределение выступает, конечно, как общественный закон, обусловливающий то его положение в производстве, в рамках которого он производит и которое поэтому предшествует производству. Индивидуум не имеет с самого начала ни капитала, ни земельной собственности. С самого рождения в силу общественного распределения ему предназначен наемный труд. Однако это предназначение само есть результат того, что капитал, земельная собственность существуют как самостоятельные факторы производства.

Если рассматривать целые общества, то представляется, будто распределение еще с одной стороны предшествует производству и определяет его в качестве как бы предэкономического факта. Народ-завоеватель разделяет землю между завоевавшими и устанавливает таким образом известное распределение и форму земельной собственности, а тем самым определяет и производство. Или он обращает побежденных в рабов и делает таким образом рабский труд основой производства. Или народ путем революции разбивает крупную земельную собственность на парцеллы и, следовательно, этим новым распределением придает производству новый характер. Или законодательство увековечивает земельную собственность в руках известных семей или распределяет труд как наследственную привилегию и фиксирует его таким образом в кастовом духе. Во всех этих случаях — а все они являются историческими — кажется, что не распределение организуется и определяется производством, а, наоборот, производство организуется и определяется распределением.

Распределение в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов и, таким образом, представляется дальше отстоящим от производства и якобы самостоятельным по отношению к нему. Однако прежде чем распределение есть распределение продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) — что представляет собой дальнейшее определение того же отношения — распределение членов общества по различным родам производства (подчинение индивидуумов определенным производственным отношениям). Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет организацию производства. Рассматривать производство независимо от этого заключающегося

в нем распределения есть, очевидно, пустая абстракция, в то время как распределение продуктов, наоборот, дано само собой вместе с этим распределением, составляющим с самого начала момент производства. Рикардо, который стремился понять современное производство в его определенной социальной организации и который является экономистом производства par excellence[*], именно поэтому объявляет *не* производство, а распределение подлинным предметом современной политической экономии. Отсюда еще раз очевидны нелепости экономистов, которые изображают производство в качестве вечной истины, изгоняя в то же время историю в область распределения.

В каком отношении к производству находится это определяющее его распределение, есть, очевидно, вопрос, который относится к самому производству. Если скажут, что, по крайней мере, поскольку производство должно исходить из известного распределения орудий производства, распределение в этом смысле предшествует производству и образует его предпосылку, то на это следует ответить, что производство действительно имеет свои условия и предпосылки, которые образуют собой его моменты. Последние могут сначала выступать как естественно возникшие. Самим процессом производства они превращаются из естественно выросших в исторические, и если для одного периода они выступали естественными предпосылками производства, то для другого периода они были его историческим результатом. В самом процессе производства они постоянно изменяются. Например, применение машин изменило распределение как орудий производства, так и продуктов. Современная крупная земельная собственность сама есть результат как современной торговли и современной индустрии, так и применения последней к сельскому хозяйству.

Все намеченные выше вопросы сводятся в конечном счете к тому, каким образом общеисторические условия воздействуют на производство, а также к отношению между производством и историческим развитием вообще. Вопрос, очевидно, относится к рассмотрению и развитию самого производства.

Однако на вопросы, поставленные выше в столь тривиальной форме, можно дать столь же краткий ответ. При всех завоеваниях возможен троякий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет старый способ производства и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит

[*] — по преимуществу. *Ред.*

взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях). Во всех случаях способ производства, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший из соединения обоих, определяет то новое распределение, которое устанавливается. Хотя последнее выступает как предпосылка для нового периода производства, само оно опять-таки продукт производства — и не только исторического вообще, по определенного исторического производства.

Например, монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием. Германские варвары, для которых земледелие при помощи крепостных было обычным способом производства, так же как и изолированная жизнь в деревне, тем легче могли подчинить этим условиям римские провинции, что происшедшая там концентрация земельной собственности уже совершенно опрокинула прежние отношения земледелия.

Существует традиционное представление, будто в известные периоды люди жили исключительно грабежом. Однако, чтобы можно было грабить, должно быть налицо нечто для грабежа, стало быть производство. И способ грабежа опять-таки определяется способом производства. Например, stock-jobbing nation[*] не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ.

В лице раба похищается непосредственно орудие производства. Однако затем производство той страны, для которой он похищается, должно быть организовано так, чтобы допускалось применение рабского труда, или (как в Южной Америке и т. д.) должен быть создан соответствующий рабскому труду способ производства.

Законы могут увековечить какое-либо средство производства, например землю, в руках известных семей. Эти законы только тогда получают экономическое значение, когда крупная земельная собственность находится в гармонии с общественным производством, как, например, в Англии. Во Франции велось мелкое земледелие, несмотря на крупную земельную собственность, поэтому последняя и была разбита революцией. А увековечение парцелляции, например путем законов? Вопреки этим законам, собственность снова концентрируется. Влияние законов, направленных к закреплению условий распределения, и их воздействие этим путем на производство следует определить особо.

[*] — нации с развитой биржевой спекуляцией. *Ред.*

с) Наконец, обмен и обращение

Обращение само есть лишь определенный момент обмена или обмен, рассматриваемый в целом.

Поскольку *обмен* есть лишь опосредствующий момент между производством и обусловленным им распределением, с одной стороны, и потреблением, с другой стороны, а потребление само выступает как момент производства, постольку и обмен, очевидно, заключен в производстве как его момент.

Ясно, во-первых, что обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его существенную сторону. Во-вторых, то же самое верно и относительно обмена продуктов, поскольку он есть средство для производства готового продукта, предназначенного для непосредственного потребления. Постольку сам обмен есть акт, входящий в производство. В-третьих взаимный обмен между самими предпринимателями по своей организации так же всецело определяется производством, как и сама производственная деятельность. Обмен выступает независимым и индифферентным по отношению к производству только в последней стадии, когда продукт обменивается непосредственно для потребления. Однако 1) не существует обмена без разделения труда, будь последнее первобытным или уже результатом исторического развития, 2) частный обмен предполагает частное производство, 3) интенсивность обмена, его распространение, так же как и его форма, определяются развитием и организацией производства. Например, обмен между городом и деревней; обмен в деревне, в городе и т. д. Обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним.

Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление идентичны, а в том, что все они образуют собой части целого, различия внутри единства. Производство господствует как над самим собой во всей противоположности своих определений, так и над другими моментами. С него каждый раз начинается процесс снова. Что обмен и потребление не могут иметь господствующего значения — это ясно само собой. То же самое относится к распределению как к распределению продуктов. В качестве же распределения факторов производства оно само есть момент производства. Определенное производство обусловливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу.* Конечно, и производство *в его односторонней форме*

определяется, со своей стороны, другими моментами. Например, когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация. С изменением распределения изменяется производство, например с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д. Наконец, нужды потребления определяют производство. Между различными моментами имеет место взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом.

3. МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Когда мы рассматриваем данную страну в политико-экономическом отношении, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза, годового производства и потребления, товарных цен и т. д.

Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население — это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, — ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я, аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь — это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Экономисты XVII столетия, например, всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяю-

щие абстрактные всеобщие (отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего — как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость — к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления. Гегель поэтому впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. Простейшая экономическая категория, например меновая стоимость, предполагает население — население, производящее в определенных условиях, — а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого. Напротив, как категория, меновая стоимость ведет допотопное существование. Поэтому для сознания (а философское сознание именно таково), для которого постигающее в понятиях мышление есть действительный человек и поэтому только постигнутый в понятиях мир как таковой есть действительный мир, — движение категорий выступает как действительный (хотя, к сожалению, и получающий некоторый толчок извне) акт производства, результатом которого является мир; и это — здесь мы опять имеем тавтологию — постольку правильно, поскольку конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания; однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятия. Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого

целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим образом — образом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира. Реальный субъект остается, как и прежде, вне головы, существуя как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при теоретическом методе субъект, общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предпосылка.

Однако не имело ли место также независимое историческое или естественное существование этих простых категорий до существования более конкретных категорий? Ça dépend*. Например, Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения. Напротив, было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только *владеют,* но не имеют *собственности.* Более простая категория выступает, таким образом, как отношение первичных семейных или родовых сообществ к собственности. В более развитом обществе она выступает как более простое отношение развившегося организма. Однако конкретный субстрат, отношение которого есть владение, постоянно предполагается. Можно представить себе единичного дикаря владеющим. Но тогда владение не есть правоотношение. Неверно, будто владение исторически развилось в семью. Наоборот, оно всегда предполагает эту «более конкретную правовую категорию». Но, между тем, здесь имеется та доля истины, что простые категории суть выражения отношений, в которых может реализоваться менее развитая конкретность до установления более многостороннего отношения или связи, идеально выражающейся в более конкретной категории, в то время как более развитая конкретность сохраняет эту же категорию как подчиненное отношение. Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно, стало быть, сказать, что более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, т. е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом отношении ход абстрактного мышле-

* — Смотря по обстоятельствам. *Ред.*

ния, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу.

С другой стороны, можно сказать, что имеются весьма развитые и все-таки исторически менее зрелые общественные формы, где имеют место высшие экономические формы, например кооперация, развитое разделение труда и т. д., но не существует никаких денег, например в Перу. Точно так же в славянских общинах деньги и обусловливающий их обмен или совсем не выступают, или играют незначительную роль внутри отдельных общин, но зато выступают на границах последних, в сношениях с другими общинами; вообще ошибочно принимать обмен внутри одной и той же общины за первоначально конституирующий элемент. Напротив, вначале обмен возникает чаще между различными общинами, чем между членами одной и той же общины. Далее: хотя деньги начали играть известную роль очень рано и всесторонне, однако в древности они выступают как господствующий элемент только у односторонне определившихся наций, у торговых наций. И даже в наиболее развитой древности, у греков и римлян, полное развитие денег, которое составляет предпосылку современного буржуазного общества, отмечается только в период разложения. Таким образом, эта совершенно простая категория исторически выступает в своей полной силе только в наиболее развитых состояниях общества. Она отнюдь не проникает во все экономические отношения; например, в Римской империи, в период наибольшего ее развития, основу составляли натуральные подати и повинности. Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно, только в армии, оно никогда не охватывало весь процесс труда в целом.

Итак, хотя более простая категория исторически может существовать раньше более конкретной, но в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии она может быть присуща как раз более сложной общественной форме, в то время как более конкретная категория была полнее развита при менее развитой общественной форме.

Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности — как о труде вообще — является также весьма древним. Однако «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и отношения, которые порождают эту простую абстракцию. Монетарная система, например, определяет богатство еще совершенно объективно, как вещь, существующую в деньгах [als Sache auser sich im Geld]. По сравнению с этой точкой зрения было большим прогрессом, когда

мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд, однако сама эта деятельность все еще понималась ограниченно, как деятельность, производящая деньги. Этой системе противостоит физиократическая система, которая признает в качестве труда, создающего богатства, определенную форму труда — земледельческий труд, а самый объект она видит уже не в денежном облачении, а в продукте вообще, во всеобщем результате труда. Этот продукт, однако, соответственно ограниченному характеру деятельности, все еще рассматривается как продукт, определенный природой, как продукт земледелия, продукт земли par excellence.

Огромным достижением Адама Смита явилось то, что он отверг всякую определенность деятельности, создающей богатство; у него — просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признается также всеобщность предмета, определяемого как богатство; это — продукт вообще или опять-таки труд вообще, но уже как прошлый, овеществленный труд. Как труден и велик был этот переход, видно из того, что Адам Смит сам еще время от времени возвращается к физиократической системе. Могло бы показаться, будто таким путем найдено лишь абстрактное выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором люди, при всякой общественной форме, выступают как производители. Это верно с одной стороны, но неверно — с другой.

Безразличие к определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, ни один из которых не является более господствующим. Таким образом, наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех элементов. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме. С другой стороны, эта абстракция труда вообще есть не только духовный результат конкретной совокупности видов труда. Безразличие к определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивидуумы с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный вид труда является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь, не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою специфическую связь с определенным индивидуумом.

Такое состояние в наиболее развитом виде имеет место в самой современной из существующих форм буржуазного общества — в Соединенных Штатах. Таким образом, лишь здесь абстракция категории «труд», «труд вообще», труд sans phrase*, этот исходный пункт современной политической экономии, становится практически истинной. Итак, простейшая абстракция, которую современная политическая экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех общественных форм, выступает, однако, только в этой абстракции практически истинной как категория наиболее современного общества. Можно было бы сказать, что то, что в Соединенных Штатах является историческим продуктом, — это безразличие к определенному виду труда, — у русских, например, есть врожденная склонность. Однако прежде всего существует огромная разница в том, варвары ли могут быть ко всему приспособлены или же цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют. И потом, у русских этому безразличию к какому-либо определенному виду труда практически соответствует традиционная прикованность к вполне определенной работе, от которой они отрываются только вследствие внешнего воздействия.

Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их.

Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой еще непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Однако вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты,

* — без оговорок. *Ред.*

которые смазывают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные. Можно понять оброк, десятину и т. д., если известна земельная рента, однако нельзя их отождествлять с последней.

Так как, далее, буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде, как, например, общинная собственность. Поэтому, если правильно, что категории буржуазной экономики заключают в себе какую-то истину для всех других общественных форм, то это надо принимать лишь cum grano salis*. Они могут содержать в себе эти последние в развитом, в искаженном, в карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно измененном виде. Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике; здесь, конечно, не идет речь о таких исторических периодах, которые сами себе представляются как времена распада. Христианская религия лишь тогда оказалась способной помочь объективному пониманию прежней мифологии, когда ее самокритика была до известной степени готова, так сказать, δυναμει. Так и буржуазная политическая экономия лишь тогда подошла к пониманию феодального, античного и восточного обществ, когда началась самокритика буржуазного общества. Поскольку буржуазная политическая экономия, не впадая в мифологию, не отождествляла себя начисто с прошедшим, ее критика прежнего, именно феодального общества, с которым ей непосредственно приходилось еще бороться, походила на критику, с которой христианство выступало по отношению к язычеству или протестантизм — по отношению к католицизму.

Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при развитии экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове дан субъект — в данном случае современное буржуазное общество — и что категории выражают поэтому формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта, и что поэтому оно *также и для науки* возникает отнюдь не только тогда, когда о нем *как таковом* впервые заходит речь. Это соображение следует иметь в виду,

* — буквально: со щепоткой соли; в переносном смысле: с известной оговоркой. *Ред.*

потому что оно сразу же дает решающие основания для расчленения предмета. Например, ничто не кажется более естественным, как начать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, этим источником всякого производства и всякого бытия, и с земледелием, этой первоначальной формой производства во всех более или менее прочно сложившихся обществах. Однако нет ничего более ошибочного. Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств. Это — общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — особый эфир, который определяет удельный вес всего сущего, что в нем обнаруживается. Например, пастушеские народы (народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие). У них спорадически встречается известная форма земледелия. Этим определяется земельная собственность. Она коллективна и сохраняет эту форму в большей или меньшей степени, смотря по тому, в большей или меньшей степени эти народы держатся своих традиций; например, общинная собственность у славян. У народов с оседлым земледелием — эта оседлость уже большой прогресс, — где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер; промышленность или целиком зависит от земледелия, как у древних римлян, или, как в средние века, переносит принципы организации земледелия в города и в городские отношения. Даже капитал — поскольку он не есть чисто денежный капитал, — в средние века, в виде традиционных орудий ремесла и т. д., имеет тот же землевладельческий характер.

В буржуазном обществе дело обстоит наоборот. Земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала. Точно так же и земельная рента. Во всех формах общества, где господствует земельная собственность, преобладают еще естественные отношения. В тех же, где господствует капитал, преобладают общественные, исторически созданные элементы. Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный

пункт, и его следует разобрать раньше земельной собственности. После того, как то и другое рассмотрено в отдельности, должно быть рассмотрено их взаимоотношение.

Таким образом, было бы недопустимым и ошибочным брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к Другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития. Речь идет не о том положении, которое исторически занимают экономические отношения в различных следующих одна за другой общественных формах. Еще меньше речь идет об их последовательности «в идее» *(Прудон),* этом извращенном представлении исторического процесса. Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества.

Чистый вид (абстрактная определенность), в котором в древнем мире выступают торговые народы — финикийцы, карфагеняне, — имел место как раз в силу самого преобладания земледельческих народов. Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой именно абстракции там, где капитал еще не стал господствующим элементом общества. Ломбардцы и евреи занимали такое же положение по отношению к земледельческим обществам средневековья.

Другим примером различного положения, которое одни и те же категории занимают на различных ступенях общественного развития, служит следующее: одна из последних форм буржуазного общества, *joint-stock companies*[*], выступает также и в начале последнего в виде больших привилегированных и наделенных монополией торговых компаний.

Само понятие национального богатства проскальзывает у экономистов XVII века в том виде — это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века, — что богатство создается только для государства и что мощь последнего зависит от этого богатства. Это была еще та бессознательно-лицемерная форма, в которой само богатство и его производство провозглашались как цель современных государств, а последние рассматривались лишь как средство для производства богатств.

Расчленение предмета, очевидно, должно быть таково: 1) Всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более

[*] — акционерные компании. *Ред.*

или менее подходят ко всем общественным формам, однако в выше разъясненном смысле. 2) Категории, которые составляют внутреннюю организацию буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношения друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). 3) Концентрированное выражение буржуазного общества в форме государства. Рассмотрение его в отношении к самому себе. «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Государственный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. 5) Мировой рынок и кризисы.

4. ПРОИЗВОДСТВО. СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕНИЯ. ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА И ФОРМЫ СОЗНАНИЯ В ИХ СВЯЗИ С ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ И ОТНОШЕНИЯМИ ОБЩЕНИЯ. ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ. СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Заметки в отношении тех пунктов, которые следует здесь упомянуть и которые не должны быть забыты.

1) *Война* раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и т. д. известные экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем внутри гражданского общества. Также и отношение между производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии.

2) *Отношение прежнего идеалистического изложения истории к реалистическому. Особенно так называемая история культуры,* которая целиком является историей религий и государств. (При случае можно также сказать кое-что о различных существовавших до сих пор методах изложения истории. Так называемый объективный. Субъективный (моральный и прочие). Философский.)

3) *Вторичные и третичные,* вообще *производные, перенесенные,* непервичные производственные отношения. Роль, которую играют здесь международные отношения.

4) *Упреки по поводу материализма такого рода понимания; отношение к натуралистическому материализму.*

5) *Диалектика понятий производительные силы (средства производства) и производственные отношения,* диалектика,

границы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия.

6) *Неодинаковое отношение развития материального производства, например, к художественному производству.* Вообще понятие прогресса не следует брать в обычной абстракции. В вопросах современного искусства и т. д. эта диспропорция еще не так важна и не так трудна для понимания, как в сфере самих практических социальных отношений. Например, сравнительное состояние образования в Соединенных Штатах и в Европе. Но собственно трудный вопрос, который надлежит здесь разобрать, заключается в следующем: каким образом производственные отношения, как правовые отношения, вступают в неравное развитие. Следовательно, например, отношение римского частного права (к уголовному и публичному праву это относится меньше) к современному производству.

7) *Это понимание представляется результатом необходимого развития.* Однако правомерность случая (так же как, между прочим, и свободы). (Влияние средств сообщения. Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат.)

8) *Исходный пункт, естественно, — природная определенность;* субъективно и объективно; племена, расы и т. д.

Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами, или также Шекспир. Относительно некоторых форм искусства, например эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство, как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные значительные формы его возможны только на низкой ступени развития искусств. Если это имеет место в пределах искусства в отношениях между различными его видами, то тем менее поразительно, что это обстоятельство имеет место и в отношении всей области искусства ко всему общественному развитию. Трудность заключается только в общей формулировке этих противоречий. Стоит лишь определить их специфику, и они уже объяснены.

Возьмем, например, отношение греческого искусства и затем Шекспира к современности. Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву. Разве тот взгляд на природу и на общественные отноше-

ния, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческого {искусства}, возможен при наличии сельфакторов, железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа? Куда уж Вулкану против Робертса и К°, Юпитеру против громоотвода и Гермесу против Crédit Mobilier[457]! Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы. Что сталось бы с Фамой[458] при наличии Принтинг-хаус-сквер? Предпосылкой греческого искусства является греческая мифология, т. е. природа и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией. Это его материал. Но не любая мифология, т. е. не любая бессознательно-художественная переработка природы (здесь под природой понимается все предметное, следовательно, включая и общество). Египетская мифология никогда не могла бы быть почвой или материнским лоном греческого искусства. Но, во всяком случае, какая-то мифология. Следовательно, отнюдь не такое развитие общества, которое исключает всякое мифологическое отношение к природе, всякое мифологизирование природы, которое, стало быть, требует от художника независимой от мифологии фантазии.

С другой стороны, возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и тем более с типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания, песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии, с появлением печатного станка?

Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосягаемым образцом.

Мужчина не может снова превратиться в ребенка, не впадая в ребячество. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизводить свою истинную сущность? Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки. Обаяние, которым

обладает для нас их искусство, не находится в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные условия, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова.

Написано К. Марксом в конце августа— середине сентября 1857 г.

Впервые опубликовано в журнале «Neue Zeit», т. 1, №№ 23—35, 1902—1903 гг.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Маркс был приглашен в качестве официального представителя революционной эмиграции в Лондоне на банкет 14 апреля 1856 г., организованный в честь четвертой годовщины чартистской газеты «People's Paper». Пользуясь предоставленным ему правом первого выступления, он произносит речь о всемирно-исторической роли пролетариата. Участие Маркса в юбилее «People's Paper» явилось одним из ярких примеров связи основоположников научного коммунизма с английскими чартистами, стремления Маркса и Энгельса осуществить идейное влияние на английский пролетариат и оказать поддержку вождям чартизма с целью возродить рабочее движение в Англии на новой, социалистической основе.

«*The People's Paper»* («Народная газета») — еженедельная чартистская газета, выходила с мая 1852 г. в Лондоне; основана одним из вождей революционного чартизма, другом Маркса и Энгельса Э. Джонсом. С октября 1852 по декабрь 1856 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс, оказывая также помощь и в ее редактировании. Помимо статей, написанных Марксом и Энгельсом специально для «People's Paper», в газете перепечатывались важнейшие их статьи из «New-York Daily Tribune». В этот период «People's Paper» последовательно защищала интересы рабочего класса и пропагандировала идеи социализма. Сближение Джонса с буржуазными радикалами привело к прекращению сотрудничества Маркса и Энгельса в «People's Paper» и к их временному разрыву с Джонсом. В июне 1858 г. газета перешла в руки буржуазных дельцов. — *3.*

[2] *Робин Гудфеллоу* — фантастическое существо, игравшее, по английским народным поверьям, роль покровителя и помощника в делах людей; один из главных персонажей комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». — *4.*

[3] В 1793 г. герцог Йоркский был назначен главнокомандующим английскими войсками в первой антифранцузской коалиции и отправился во Фландрию с приказом английского правительства захватить Дюнкерк. После вялой и безуспешной осады Дюнкерка войска коалиции

потерпели поражение от французской революционной армии в битве при Гондсхооте 6—8 сентября 1793 года; английской армии удалось избежать полного разгрома лишь благодаря тому, что герцог Йоркский, не приняв боя, поспешно отступил под натиском французских войск.

После организации второй антифранцузской коалиции в 1799 г. герцог Йоркский был направлен в Голландию (в то время Батавская республика) в качестве главнокомандующего англо-русской союзной армией, английский корпус которой высадился в Хелдере в конце августа этого года. В октябре, в результате бездарного командования герцога, армия коалиции была разбита французами. — *7*.

[4] Маркс цитирует здесь статью Коббета «Mr. Cochrane Johnstone» («Г-н Кокрейн Джонстон»), напечатанную в «Cobbeet's Weekly Political Register» 5 июля 1806 г., т. X, №1. При написании статьи о герцоге Йоркском Маркс использовал также и другие статьи Коббета.

«Cobbett's Weekly Political Register» («Еженедельная политическая хроника Коббета») — радикальный еженедельник, выходил в Лондоне с 1802 по 1835 год. — *7*.

[5] *Алкмарская капитуляция* была подписана 18 октября 1799 г. после поражения в Голландии войск второй антифранцузской коалиции, находившихся под командованием герцога Йоркского (см. примечание 3). Помимо условия возвратить 8000 французских и голландских военнопленных, союзники обязывались вывести свои войска из Голландии. — *8*.

[6] *Адрианопольский мирный договор* был заключен в сентябре 1829 г. между Турцией и Россией в результате успешной для последней войны 1828-1829 годов. — *9*.

[7] *Coterie Фокса* (клика Фокса) — так Маркс называет немногочисленную «левую» группу вигов-аристократов во главе с Чарлзом Джемсом Фоксом, образовавшуюся в результате раскола партии вигов после победы французской буржуазной революции. Сторонники Фокса, выражая интересы английской промышленной буржуазии, выступали против антиякобинских войн и ратовали за реформу английского парламента. — *9*.

[8] Система продажи патентов на офицерские чины возникла в Англии в конце XVII века и затем получила королевскую санкцию. В 1719— 1720 гг. была введена официальная такса на офицерские чины, которая впоследствии несколько раз пересматривалась и изменялась. Эта система существовала до 1871 г., обеспечивая монопольное положение английской аристократии в армии. — *10*.

[9] *«Друзья короля»* — так называли во второй половине XVIII века сторонников политики короля Георга III, который стремился усилить королевскую прерогативу, взять руководство политикой в свои руки и оттеснить партию вигов от управления страной. Король использовал для этой цели кризис в партии вигов, обусловленный столкновением интересов промышленного и торгового капитала с интересами землевладельческой олигархии. «Друзья короля» неоднократно захватывали власть в свои руки. — *10*.

[10] Имеется в виду анонимный памфлет «A Plain Statement of the Conduct of the Ministry and the Opposition, towards His Royal Highness the Duke of York». London, 1808 («Достоверное изложение вопроса о поведении министерства и оппозиции в отношении его королевского высочества герцога Йоркского». Лондон, 1808). — *10.*

[11] *«The Morning Chronicle»* («Утренняя хроника») — ежедневная английская буржуазная газета, выходившая в Лондоне с 1770 по 1862 г., орган вигов, в начале 50-х годов орган пилитов, затем консерваторов. — *11.*

[12] Маркс цитирует статью Уильяма Коббета «Duke of York» («Герцог Йоркский»), напечатанную в «Cobbett's Weekly Political Register» 20 августа 1808 г., т. XIV, № 8. — *11.*

[13] *Уайт-холл* — улица в центре Лондона, где находится ряд правительственных учреждений, в том числе главный штаб английской армии, адмиралтейство и различные министерства (министерство финансов, министерство иностранных дел и др.). — *12.*

[14] *Калибан* — персонаж пьесы Шекспира «Буря», получеловек-получудовище. — *15.*

[15] Статья «Сардиния» является одной из статей Маркса, написанных им для «People's Paper» и параллельно публиковавшихся в газете «New-York Daily Tribune».

«New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»)— американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. Основанная видным американским журналистом и политическим деятелем Хорасом Грили, газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40— 50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. В ней принимал участие ряд крупных американских писателей и журналистов, одним из ее редакторов с конца 40-х годов был Чарлз Дана, находившийся под влиянием идей утопического социализма. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для «New-York Daily Tribune» было по просьбе Маркса написано Энгельсом. На статьях Энгельса, присылавшихся из Манчестера в Лондон, Маркс обычно ставил дату отправки их в Нью-Йорк; поэтому даты, стоящие в начале статей, иногда расходятся с датами их написания. Некоторые из статей Маркс помечал Парижем или Берлином. Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» охватывали важнейшие вопросы международной и внутренней политики, рабочего движения, экономического развития европейских стран, колониальной экспансии, национально-освободительного движения в угнетенных и зависимых странах и др. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную американскую газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых противоречий, а также для показа ограниченного характера буржуазной демократии.

Редакция «New-York Daily Tribune» в ряде случаев произвольно обращалась со статьями Маркса и Энгельса, печатая многие из них

без подписи автора в виде редакционных передовых. С середины 1855 г. вообще все статьи Маркса и Энгельса печатались в газете без подписи. В некоторых случаях редакция допускала вторжение в текст статей. Эти действия редакции вызывали неоднократные протесты Маркса. С осени 1857 г. в связи с экономическим кризисом в США, отразившимся также на финансовом положении газеты, редакция предложила Марксу сократить число его корреспонденций в «New-York Daily Tribune». Окончательно прекратилось сотрудничество Маркса в газете в начале Гражданской войны в США; значительную роль в разрыве «New-York Daily Tribune» с Марксом сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций. Статьи Маркса и Энгельса, написанные за период, охваченный в данном томе, но подвергшиеся большой правке со стороны редакции «New-York Daily Tribune», исказившей текст этих статей, в томе не публикуются. — *16.*

16 *Гвельфы и гибеллины* — политические партии в Италии в XII—XV вв., в период борьбы между римскими папами и германскими императорами. Гвельфы — сторонники папы, принадлежали к верхушке торгово-ремесленных слоев итальянских городов. Гибеллины—преимущественно представители феодальной знати, поддерживавшие императоров.

Войны между Францией и Австрией (и другими европейскими державами) — войны за Испанское наследство (1701—1714) и Австрийское наследство (1741—1748). В результате первой войны Савойскому герцогству были уступлены остров Сицилия, Монферрато и часть герцогства Миланского; герцог Савойский получил в 1713 г. титул короля. В 1718 г. Сицилия была завоевана испанцами, но в качестве компенсации за нее Савойское герцогство получило в 1720 г. Сардинию; в этом же году на территории Савойи, Пьемонта и Сардинии было создано Сардинское королевство (или королевство Пьемонт), в котором представители Савойской династии стали королями. В результате войны за Австрийское наследство Сардинское королевство получило от Австрии значительную часть княжества Павии и часть других австрийских владений в Италии. — 76.

17 Имеется в виду меморандум о бедственном положении итальянского народа в оккупированных Австрией и Францией областях, а также в Неаполитанском королевстве (Королевстве обеих Сицилий), составленный для Парижского конгресса 1856 г. графом Кавуром, премьер-министром и министром иностранных дел Пьемонта. Не получив разрешения зачитать меморандум на конгрессе, Кавур изложил его содержание участникам конгресса 8 апреля в речи, резко направленной против австрийского владычества на Апеннинском полуострове. В нотах, посланных 27 марта и 16 апреля 1856 г. французскому министру иностранных дел графу Валевскому, председательствовавшему на конгрессе, пьемонтские уполномоченные ставили вопрос об ослаблении австрийского влияния в Италии, о ликвидации австрийской оккупации итальянских территорий, о прекращении политики реакции и террора в Неаполитанском королевстве. Несмотря на то, что представители Франции, Англии и России отнеслись одобрительно к меморандуму Пьемонта, итальянский вопрос не получил практического разрешения на Парижском конгрессе. — *16.*

18 В период революции 1848—1849 гг. английское правительство вигов, в котором лорд Пальмерстон занимал пост министра иностранных дел,

на словах поддерживало умеренно-либеральные преобразования в Италии (в том числе в Пьемонте), но ни в 1848 ни в 1849 г. не оказало помощи Пьемонту в его борьбе против австрийского владычества в Северной Италии. — *17.*

[19] В апреле 1849 г. французское буржуазное правительство направило в Италию экспедиционный корпус с целью интервенции против Римской республики и реставрации светской власти папы. После ожесточенной битвы 3 июля 1849 г. французские войска вступили в Рим и оставались там до 1870 года. — *18.*

[20] Тюремщиком Кайенны, Ламбессы и Бель-Иля Маркс называет Луи Бонапарта, намекая на то, что с приходом его к власти во Франции начались массовые аресты и ссылки республиканцев и участников революции 1848—1849 годов.

Кайенна — город во Французской Гвиане (Южная Америка), место каторги и ссылки политических заключенных, получивший прозвище «сухой гильотины» за массовую смертность, которая вызывалась там каторжным режимом и изнурительным тропическим климатом.

Ламбесса (Ламбез) — французская исправительная колония, основанная на развалинах древнеримского города в Северной Африке; с 1851 по 1860 г. являлась местом ссылки политических заключенных.

Бель-Иль — остров в Бискайском заливе; в 1849—1857 гг. был местом заключения политических узников; здесь, в частности, содержались рабочие — участники июньского восстания 1848 г. в Париже. — *18.*

[21] Об ущербе, нанесенном Австрии, Маркс говорит иронически. Хотя на Парижском конгрессе 1856 г. французские и английские уполномоченные отнеслись одобрительно к меморандуму Пьемонта (см. примечание 17), Франция и Англия не намерены были сколько-нибудь серьезно препятствовать политике Австрии в Италии и на Балканах. Об этом свидетельствовало совместное подписание Австрией, Францией и Англией конвенции в Париже 15 апреля 1856 г. об обеспечении неприкосновенности Оттоманской империи. — *19.*

[22] Во время австро-итальянской войны 1848—1849 гг. войска сардинского короля Карла-Альберта потерпели жестокий разгром в битве при Новаре (Северная Италия) 23 марта 1849 года. Боясь народного гнева, Карл-Альберт прямо на поле сражения отрекся от престола в пользу своего сына Виктора-Эммануила и бежал из Италии. 26 марта Виктор-Эммануил II заключил перемирие с австрийцами, а 6 августа 1849 г. был подписан мир. — *19.*

[23] По-видимому, намек на проектировавшийся Луи Бонапартом брак его кузена принца Наполеона с Клотильдой, дочерью сардинского короля Виктора-Эммануила II; брак состоялся в 1859 году. — *19.*

[24] *Дельфийский оракул* при храме Аполлона в Дельфах в Древней Греции славился своими предсказаниями, касающимися внутренних дел и внешней политики греческих государств, оказывая большое влияние на эту политику (предсказания давала жрица-пифия, но составляли их жрецы, хорошо знавшие положение дел в Греции). Более древний, так называемый *трофонийский оракул* таким влиянием не пользовался. Замечание Маркса сводится к тому, что высказывания членов английского парламента не только не играли решающей роли для определения

внешней политики Англии, но и не носили самостоятельного характера, а были лишь отражением той политики, которую диктовал парламенту Пальмерстон. — *19.*

[25] Маркс цитирует ноту пьемонтских уполномоченных от 16 апреля 1856 г. (см. примечание 17). — *19,*

[26] *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. — *21.*

[27] Маркс имеет в виду книгу: D. Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation» (Д. Рикардо. «Начала политической экономии и налогового обложения»). Первое издание вышло в Лондоне в 1817 году. — *21.*

[28] *Crédit Mobilier* (полное название Société générate du Crédit Mobilier) — крупный французский акционерный банк, учрежденный братьями Перейра и узаконенный декретом от 18 ноября 1852 года. Основной целью Crédit Mobilier было посредничество в кредите и грюндерство (участие в учредительстве промышленных и других предприятий). Банк широко участвовал в железнодорожном строительстве во Франции, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Испании и России. Главным источником его доходов была спекуляция на бирже ценными бумагами учрежденных им акционерных обществ. На средства, полученные от выпуска своих собственных акций, гарантируемых только имеющимися у него ценными бумагами других предприятий, Crédit Mobilier скупал акции разных компаний, гарантируемые стоимостью их имущества. Таким образом одна и та же реальная собственность вызывала к жизни фиктивный капитал в двойном размере: в форме акций данного предприятия и в форме акций Crédit Mobilier, который финансировал это предприятие и скупал его акции. Банк был тесно связан с правительством Наполеона III и пользовался его покровительством. В 1867 г. банк обанкротился и в 1871 г. был ликвидирован. Появление в 50-х годах XIX в. Crédit Mobilier как финансового предприятия нового типа было вызвано специфическими особенностями эпохи реакции, которая характеризовалась невероятным разгулом биржевого ажиотажа и спекуляции. По образцу французского Crédit Mobilier аналогичные учреждения были созданы в ряде других стран Центральной Европы. — *22.*

[29] *Наполеон Малый* — прозвище Луи Бонапарта, которое дал ему Виктор Гюго в речи, произнесенной на заседании французского Законодательного собрания в 1851 году; получило широкое распространение после выхода в свет памфлета Гюго «Наполеон Малый» («Napoléon le Petit»), опубликованного в 1852 году. — *25.*

[30] *Общество Dix Décembre* (Общество 10 декабря) — тайное бонапартистское общество, созданное в 1849 г., состояло преимущественно из деклассированных элементов, политических авантюристов, представителей военщины и т. д.; члены его способствовали избранию Луи Бонапарта президентом Французской республики 10 декабря 1848 года (отсюда название Общества). Впоследствии члены Общества были активными участниками и организаторами государственного переворота 2 декабря 1851 года. Подробная характеристика Общества 10 декабря дана Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. настоящее издание, том 8, стр. 167—170). — *27.*

[31] *Фронда* — дворянско-буржуазное движение во Франции 1648—1653 гг. против абсолютизма. Дворянские вожаки движения, опираясь на свои свиты и на иноземные войска, использовали в своих интересах имевшие место в это время восстания крестьян и демократическое движение в городах. — *27.*

[32] *«Journal des Debats»* — сокращенное название французской ежедневной буржуазной газеты «Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, так называемой партии порядка. После государственного переворота 1851 г. — орган умеренной орлеанистской оппозиции. — *28.*

[33] *«Le Moniteur universel»* («Всеобщий вестник») — ежедневная французская газета, выходила в Париже с 1789 по 1901 год; с 1799 до 1869 г. — официальный правительственный орган. — *29.*

[34] Маркс имеет в виду работу Фурье: «Theorie des quatre mouvements et des destinees generales» («Теория четырех движений и всеобщих судеб»). Первое издание вышло в Париже в. 1808 году. — *35.*

[35] В 1797 г., с целью спасти Английский банк от банкротства, английское правительство Питта издало специальный акт, который устанавливал принудительный курс банкнот и разрешал Банку прекратить обмен банкнот на золото. Обмен банкнот на золото был возобновлен лишь в 1819 году. — *37.*

[36] В статье речь идет о революционных событиях в Мадриде летом 1856 г., которыми завершилась четвертая буржуазная революция в Испании 1854—1856 годов. В июле 1856 г. испанские реакционеры и клерикалы добились отставки прогрессистского министерства Эспартеро и образования консервативного министерства генерала О'Доннеля. Это наступление реакции послужило сигналом к новой вспышке революции, которая была жестоко подавлена О'Доннелем. — *38.*

[37] Имеется в виду государственный переворот, произведенный Луи Бонапартом 2 декабря 1851 г. и положивший начало существованию бонапартистского режима Второй империи. — *39.*

[38] В 1843 г. один из лидеров партии модерадос (умеренных) генерал Нарваэс воспользовался всеобщим недовольством политикой министерства прогрессистов, которое возглавлял военный диктатор и регент королевства Эспартеро, и вместе с генералом Конча и др. поднял контрреволюционный мятеж. Отстранив Эспартеро от власти, Нарваэс сформировал и затем возглавил новое министерство, положив тем самым начало десятилетнему господству реакции в Испании. — *39.*

[39] *Ayacuchos* (аякучосы) — прозвище, данное после поражения испанской армии в битве на равнине Аякучо в Перу в декабре 1824 г. Эспартеро и другим испанским генералам, участникам войны против восставших испанских колоний в Америке. Во время регентства Эспартеро (1841— 1843) аякучосами назывались члены возглавлявшейся им военной партии, которую поддерживала Англия. — *39.*

[40] Речь идет об англо-французской дипломатической борьбе вокруг вопроса о браках испанской королевы Изабеллы II и ее сестры — инфанты Марии-Луизы-Фернанды. Проектируя сначала брак Изабеллы с принцем Леопольдом Кобургским, тесно связанным с английским двором, а брак ее сестры — с младшим сыном французского короля Луи-Филиппа, герцогом Монпансье, Англия спустя некоторое время вынуждена была отказаться от этого проекта, настаивая на браке Марии-Луизы-Фернанды с принцем Леопольдом, а Изабеллы с представителем испанских Бурбонов — доном Энрико. Ненавидя последнего за его связь с партией прогрессистов, мать королевы Изабеллы, Мария-Кристина (Маркс называет ее мадам Муньос, так как она состояла в морганатическом браке с герцогом Агустином Фернандо Муньос) пошла на союз с Луи-Филиппом, в результате которого в октябре 1846 г., вопреки притязаниям английской дипломатии, брак Изабеллы был заключен с доном Фраисиско де Асис, старшим братом дона Энрико, а Марии-Луизы-Фернанды — с герцогом Монпансье. — *39.*

[41] Маркс имеет в виду события второй буржуазной революции в Испании 1820—1823 годов. После неудачной попытки 7 июля 1822 г. овладеть революционным Мадридом, испанский король Фердинанд VII тайно обратился к Священному союзу с просьбой оказать ему помощь в подавлении революции. По решению Веронского конгресса Священного союза помощь Фердинанду должна была оказать Франция. Французский экспедиционный корпус, вступивший в Испанию в 1823 г., восстановил абсолютистский режим в стране; французские войска оставались в Испании до 1828 года. — *40.*

[42] *Moderados* (умеренные) — партия сторонников конституционной монархии в Испании, представлявшая интересы крупной буржуазии и либерального дворянства; возникла в начале второй буржуазной революции 1820—1823 гг. в результате раскола партии либералов на правое крыло — модерадос и левое крыло — эксальтадос, сторонников максимального ограничения власти короля.

Progresistas (прогрессисты) — буржуазно-либеральная партия в Испании, образовалась в 30-х годах XIX века; прогрессисты опирались на среднюю и мелкую буржуазию городов, на интеллигенцию и часть офицерства. Основным требованием прогрессистов было требование ограниченной монархии. — *41.*

[43] Речь идет о событиях в Мадриде в июне — июле 1854 г., положивших начало четвертой буржуазной революции в Испании 1854—1856 годов. Включение 17 июля 1854 г. Риос-и-Росаса, ярого монархиста и консерватора, в новый кабинет министров во главе с герцогом Ривасом вызвало новую острую вспышку восстания. В результате 19 июля королева Изабелла была вынуждена отстранить от власти министерство Риваса, получившее за свою деятельность по подавлению восстания название «шрапнельного министерства». 31 июля председателем кабинета министров был назначен Эспартеро. — *41.*

[44] *«Gaceta»* — сокращенное название испанской газеты «Gaceta de Madrid» («Мадридская газета»), основанной в 1661 году; с 1762 г. являлась официальным органом правительства. — *41.*

[45] По-видимому, намек на два обстоятельства — на то, что Эспартеро имел титул графа Лючаны, присвоенный ему за успешную борьбу

с карлистами, и на полученное им незаслуженное прозвище «меч революции», которое имело хождение в народе со времени переворота 1843 г. (см. примечание 38), когда прогрессистское министерство Эспартеро было заменено реакционным министерством так называемых модерадос (умеренных). — *42.*

[46] *«La Presse»* («Пресса») — французская ежедневная буржуазная газета, выходила в Париже с 1836 года; в 50-х годах находилась в оппозиции к режиму Второй империи. — *43.*

[47] Имеется в виду двойственная предательская позиция Эспартеро, занятая им после государственного переворота О'Доннеля 14 июля 1856 года. Обнародовав в первый же день переворота манифест с призывом прекратить борьбу и присоединиться к политике О'Доннеля, Эспартеро в то же время выступал на улицах Мадрида с призывом к повстанцам оказать сопротивление силам реакции. Не присоединившись, однако, ни к сторонникам государственного переворота, ни к восставшим, Эспартеро полностью потерял политическое доверие и авторитет как среди своих собственных приверженцев, так и среди революционных масс столицы. — *44.*

[48] *«Journal de Madrid»* («Мадридская газета») — испанская газета, выходила в Мадриде в 1855—1856 годах. — *44.*

[49] *Карлизм* — так Маркс называет реакционное течение в поддержку претендента на испанский престол дон Карлоса, брата Фердинанда VII. Опираясь на реакционное дворянство, клерикальную партию и отсталое крестьянство Басконии, Наварры, Старой Кастилии, Арагона и части Каталонии, карлисты развязали длительную и кровопролитную гражданскую войну 1833—1840 годов. В 1833 г, дон Карлос выступил в качестве претендента на испанский престол вместо дочери короля Изабеллы II и поднял мятеж против ее матери регентши Марии-Кристины, которая была вынуждена искать опоры у либералов, обещая им ряд уступок. Карлистская война фактически превратилась в борьбу между феодально-католическими и буржуазно-либеральными элементами и закончилась поражением карлистов в 1840 году. — *45.*

[50] *«The Morning Herald»* («Утренний вестник») — английская ежедневная газета консервативного направления, выходила в Лондоне в 1780— 1869 годах. — *45.*

[51] Имеются в виду июньское восстание парижских рабочих в 1848 г. и баррикадные бои в мае 1849 г. в Дрездене. — *46.*

[52] Речь идет о национально-освободительной борьбе испанского народа против французских оккупантов, развернувшейся в 1808—1814 гг. одновременно с войной на Пиренейском полуострове против Наполеона I. Выдвинув в качестве непосредственной задачи необходимость буржуазных преобразований в Испании, война против иноземных захватчиков привела в движение все социальные слои испанского общества и сочеталась с первой буржуазной революцией в Испании. Ее главной движущей силой являлось крестьянство, которое оказывало упорное сопротивление. завоевателям в форме партизанской войны (герилья) и одновременно боролось за землю. Однако либеральное дворянство, захватившее руководство движением в силу слабости

буржуазии, ограничилось лишь принятием в 1812 г. умеренной буржуазно-либеральной конституции (так называемой Кадисской конституции, по имени города, где заседали принявшие ее кортесы). Конституция ограничивала королевскую власть, провозглашала нацию носителем верховной власти, передавала законодательную власть в руки однопалатных кортесов, избираемых всеобщим голосованием (кроме домашней прислуги). Кортесы получали широкие права в области внешней и внутренней политики. Конституция вводила местное самоуправление, прогрессивное налоговое обложение, всеобщую воинскую повинность; в каждой провинции создавалась местная национальная милиция, была переустроена вся судебная система. Проводя демократизацию внутренней жизни Испании, конституция в то же время сохраняла господство Испании над колониями. Борьба испанского народа сыграла значительную роль в провале политических и военных планов Наполеона I, который был вынужден после разгрома в России в 1812 г. вывести свои войска из Испании. Называя борьбу испанского народа движением «национальным и династическим», Маркс имеет в виду то обстоятельство, что борьба эта была направлена одновременно и против иностранной оккупации и против придворной клики короля Карла IV, вынужденного в марте 1808 г. отречься от престола в пользу своего сына Фердинанда VII, власть которого с известными ограничениями была признана кортесами. — *47.*

[53] Имеется в виду вторая буржуазная революция в Испании 1820— 1823 годов. Лозунгами революции были созыв кортесов, уничтожение инквизиции и присяга конституции 1812 г., отмененной в 1814 г. после возвращения Фердинанда VII из Франции в Испанию. Однако движение ограничилось лишь проведением ряда антиклерикальных и некоторых других реформ. Одной из причин поражения революции был отход от нее крестьянских масс, которым буржуазия не обеспечила радикальных аграрных преобразований. — *47.*

[54] 2 мая 1808 г. в Мадриде вспыхнуло народное восстание против французских оккупантов, которое было жестоко подавлено главнокомандующим французскими войсками в Испании Мюратом; было убито свыше тысячи испанцев. — *47.*

[55] В XIX в. Испания и ее колонии были разделены на 17 военных округов во главе с генерал-капитанами (отсюда название генерал-капитанства). Являясь наместниками короля, генерал-капитаны обладали в своих округах всей полнотой верховной власти как гражданской, так и военной. — *48.*

[56] Имеется в виду время жестокой абсолютистско-феодальной реакции, наступившей после возвращения Фердинанда VII в марте 1814 г. из Франции в Испанию. Годы реакции характеризовались многочисленными военными заговорами, а также бессилием и неустойчивостью испанского правительства; за период с 1814 по 1819 г. в Испании сменилось 24 министерства.

Династическая война 1833—1840 гг. — см. примечание 49. — *48.*

[57] 28 июня 1854 г., используя всеобщее недовольство в связи с тяжелым экономическим положением в стране, реакционной политикой правительства и господством придворной камарильи, генералы О'Доннель и Дульсе, стремившиеся в своих личных целях свергнуть диктатуру

Сан-Луиса, подняли мятеж в войсках мадридского гарнизона и одержали победу над правительственными войсками. Однако убедившись в невозможности получить поддержку населения испанских городов путем чисто дворцовой революции, О'Доннель был вынужден выпустить в Мансанаресе 7 июля манифест, получивший название «Мансанаресской программы»; программа включала некоторые требования народа — устранение камарильи, созыв распущенных кортесов, уменьшение налогов, создание национальной милиции и др. Вовлечение народных масс в борьбу привело к четвертой буржуазной революции в Испании (1854—1856), в ходе которой к власти в 1854 г. пришла партия прогрессистов во главе с Эспартеро. — *48.*

[58] Воинские формирования *кроатов* рекрутировались преимущественно среди хорватов и некоторых других славянских народов, а также венгров. Кроаты входили в состав австрийской армии генерала Радецкого, которая участвовала в подавлении революции 1848—1849 гг. в Италии.

Африканцами Бонапарта Маркс называет зуавов — солдат французских колониальных войск, комплектовавшихся из жителей Алжира и частично из европейцев. Зуавы прославились своими жестокостями во время захватнической войны в Алжире, начатой французами в 1830 г. и длившейся с перерывами в течение сорока лет.

Войска под командованием генерала Врангеля принимали участие в контрреволюционном перевороте в Берлине и в разгоне прусского Национального собрания в ноябре 1848 года. Называя их «померанцами», Маркс намекает, по-видимому, на то обстоятельство, что Врангель, назначенный в 1848 г. главнокомандующим Бранденбургским военным округом, был родом из Померании. — *48.*

[59] Маркс иронически намекает на методы, с помощью которых Луи Бонапарт и бонапартистские круги, готовя государственный переворот 2 декабря 1851 г., вербовали себе сторонников среди офицеров и солдат армии. Во время приемов и военных смотров в Сен-Море, Сатори и др., которые Луи Бонапарт устраивал, будучи президентом республики, широко практиковалось угощение офицеров и солдат колбасой, холодной дичью, шампанским и т. д. Одним из методов подкупа армии были также денежные подачки. — *48.*

[60] Наиболее известными работами Мак-Грегора по статистике являются: «The Resources and Statistics of Nations». London, 1835 («Ресурсы и статистика наций». Лондон, 1835) и «Commercial Tariffs and Regulations, Resources, and Trade, of the Several States of Europe and America». London, 1841—1850 («Торговые тарифы и правила, ресурсы и торговля отдельных государств Европы и Америки». Лондон, 1841—1850). — *52.*

[61] *Канцлерский суд,* или суд справедливости — один из высших судов Англии; после судебной реформы 1873 г. — отделение Высокого суда. В компетенцию этого суда, возглавлявшегося лордом-канцлером, входили дела, касающиеся наследства, договорных обязательств, акционерных обществ и т. д.; компетенция этого суда в ряде случаев переплеталась с компетенцией других высших судов. В противовес принятому в других судах английскому общему праву, судопроизводство в канцлерском суде велось на основе так называемого «права справедливости». — *54.*

[62] Имеется в виду кампания банкетов в пользу избирательной реформы, проходившая во Франции с июля 1847 по январь 1848 г. и явившаяся прелюдией февральской буржуазно-демократической революции 1848 года.

Зондербунд — сепаратный союз семи экономически отсталых католических швейцарских кантонов, заключенный в 1843 г. с целью сопротивления прогрессивным буржуазным преобразованиям в Швейцарии и защиты привилегий церкви и иезуитов. Реакционные поползновения Зондербунда встретили противодействие со стороны буржуазных радикалов и либералов, получивших в середине 40-х годов перевес в большинстве кантонов и в швейцарском сейме. Постановление швейцарского сейма в июле 1847 г. о роспуске Зондербунда послужило поводом к открытию Зондербундом в начале ноября военных действий против остальных кантонов. 23 ноября 1847 г. армия Зондербунда была разбита войсками Федерального правительства.

Соединенный ландтаг — объединенное собрание прусских сословных провинциальных ландтагов, созванное королем Фридрихом-Вильгельмом IV в Берлине в апреле 1847 г. с целью избавиться от финансовых затруднений с помощью гарантированного иностранного займа. Соединенный ландтаг открылся 11 апреля 1847 года. Ввиду отказа короля удовлетворить самые скромные политические требования буржуазного большинства ландтага последний отказался гарантировать заем. Король в ответ на это в июне того же года распустил ландтаг, что усилило оппозиционные настроения в стране и способствовало ускорению революции в Германии.

Испанские браки — см. примечание 40.

Спорами из-за *Шлезвиг-Гольштейна* Маркс называет длительную борьбу между Данией, под господством которой находились немецкие герцогства Шлезвиг и Гольштейн, и Германским союзом. Накануне революции 1848 г. среди немецкого населения этих герцогств имело место движение против единой конституции для Дании и герцогств, проект которой был обнародован 28 января 1848 года. Это движение было по своим целям сепаратистским и не выходило за рамки умеренно-либеральной оппозиции, будучи направленным к созданию на севере Германии еще одного мелкого немецкого государства — сателлита реакционной Пруссии. Во время революции 1848—1849 гг. положение изменилось. Под влиянием революционных событий в Германии национальное движение в Шлезвиге и Гольштейне приобрело революционный, освободительный характер. Борьба за отделение Шлезвига и Гольштейна от Дании сделалась составной частью борьбы всех прогрессивных сил Германии за национальное объединение страны. — *56.*

[63] «*Le Constitutionnel»* («Конституционалистская газета») — французская ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1815 по 1870 год; в 40-х годах — орган умеренного крыла орлеанистов; в период революции 1848 г. выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, группировавшейся вокруг Тьера; после государственного переворота в декабре 1851 г. — бонапартистская газета. — *57.*

[64] *«L'Assemblee nationale»* («Национальное собрание») — ежедневная французская газета монархическо-легитимистского направления, выходила в Париже с 1848 по 1857 год. — *58.*

[65] Июльская буржуазная революция 1830 г. во Франции оказала значительное влияние на общественно-политическую жизнь Германии, дав толчок росту буржуазно-либерального и демократического движения. В ряде германских государств (Брауншвейге, Саксонии, Кургессене и др.) были провозглашены конституции. Но подобно тому, как во Франции новая конституция («хартия 1830 г.») представляла собой компромисс верхушки буржуазии — финансовой аристократии — с земельной аристократией, так и конституции германских государств являлись компромиссом буржуазии с монархией и дворянством. — *58.*

[66] *Треднидл-стрит* — улица в Лондоне, на которой находится Английский банк. — *61.*

[67] Во время наводнения в долинах Роны и Луары весной 1856 г. Наполеон III, в погоне за популярностью, отправился в пострадавшие департаменты и проехал на лодке через отдельные затопленные города и деревни, оказывая при этом жертвам наводнения денежную помощь. Тогда же в письме на имя министра общественных работ Наполеон III рекомендовал различные меры, способные, по его мнению, помешать повторению подобных стихийных бедствий. — *62.*

[68] *Вторым Парижским конгрессом* Маркс иронически называет проект совещания европейских стран для мирного урегулирования вопроса о так называемом невшательском конфликте, возникшем между Пруссией и Швейцарией осенью 1856 года. Княжество Невшатель с владением Валанжен (немецкое название — Нёйенбург и Валендис) в 1707— 1806 гг. представляло собой карликовое государство, подвластное Пруссии. В 1806 г., во время наполеоновских войн, Невшатель отошел к Франции. В 1815 г. по решению Венского конгресса он был включен в состав Швейцарского союза в качестве 21-го кантона, сохраняя вместе с тем вассальную зависимость от Пруссии. 29 февраля 1848 г. в Невшателе произошла буржуазная революция, положившая конец прусскому господству, и была провозглашена республика. Однако по соглашению между Англией, Францией и Россией, подписанному 24 мая 1852 г., права прусского короля на Невшатель были снова признаны. В сентябре 1856 г. в княжестве вспыхнуло роялистское восстание, участники которого были арестованы швейцарским правительством. Прусский король потребовал освободить арестованных. В ответ на это Швейцария потребовала от короля отказаться от его прав на Невшатель. Совещание европейских стран о Невшателе предполагалось созвать в Париже в марте 1857 г. (оно состоялось 5 марта). Предложение об этом исходило от французского правительства, так как конфликт грозил войной на границе Франции.

Неаполитанский вопрос был поднят на Парижском конгрессе 1856 г. пьемонтскими уполномоченными, которые фиксировали внимание участников конгресса на политике террора в Неаполитанском королевстве (Королевстве обеих Сицилий). Франция и Англия выступили на конгрессе с осуждением методов внутренней политики правительства Неаполитанского королевства, опасаясь, что крайняя реакция, господствовавшая в нем, приведет к взрыву революционного движения. В нотах, предъявленных неаполитанскому правительству в мае 1856 г., они потребовали изменения его политики, но получили отрицательный ответ. В октябре Франция и Англия отозвали своих послов из Неаполя и привели в боевую готовность свои эскадры — французскую в Тулоне и английскую у острова Мальты.

Однако из-за разногласий между Англией и Наполеоном III, который намеревался реставрировать в Неаполитанском королевстве династию Бонапартов, неаполитанская экспедиция не состоялась. — *65.*

[69] *Дунайским вопросом* Маркс называет дипломатическую борьбу на Парижском конгрессе 1856 г. и после него вокруг вопроса об объединении Дунайских княжеств Молдавии и Валахии, находившихся под верховной властью Турции. Франция, надеясь поставить во главе княжеств представителя династии Бонапартов, предложила объединить их в одно Румынское государство под властью иностранного принца, принадлежащего к одной из правящих в Европе династий. Францию поддерживали Россия, Пруссия и Сардиния. Турцию, которая противилась объединению княжеств из-за боязни, что Румынское государство будет стремиться к свержению ига Оттоманской империи, поддерживали Австрия и Англия. Конгресс признал лишь необходимость выявить (путем выборов в княжествах Диванов) отношение самого румынского населения к вопросу об объединении. Выборы состоялись, но в результате подтасовки в молдавский Диван прошли противники объединения; это вызвало протест со стороны Франции, России, Пруссии и Сардинии, которые потребовали аннулирования выборов. Так как Турция медлила с ответом, эти страны порвали с ней в августе 1857 г. дипломатические отношения. Конфликт был улажен при посредничестве Наполеона III, убедившего английское правительство не препятствовать планам Франции, одинаково выгодным и для Англии. Выборы в княжествах были аннулированы, однако проведение новых выборов не решило вопроса об объединении княжеств. Он был решен самими румынами лишь в 1859 году.

Под *бессарабским вопросом* Маркс имеет в виду дипломатическую борьбу после заключения Парижского договора 1856 г., вызванную спором об установлении нечетко определенных договором русско-турецких границ в Бессарабии, часть которой отошла от России к Турции, а также об определении прав владения на дельту Дуная и на один из островов в устье реки. Под предлогом затруднений, возникших в связи с новым разграничением Бессарабии, Австрия откладывала вывод своих войск из Молдавии и Валахии, что тормозило разрешение вопроса об объединении этих княжеств.

О *неаполитанском вопросе* и о *новом Парижском конгрессе* см. примечание 68. — *67.*

[70] Речь идет о войне за независимость в испанских колониях в Южной Америке и Мексике, длившейся с 1810 по 1826 год. В результате этой войны Испания лишилась Мексики и своих южно-американских колоний, ставших самостоятельными республиками. — *68.*

[71] Британская *Ост-Индская компания,* организованная в 1600 г., явилась орудием английской колониальной политики в Индии. Завоевание Индии, полностью закончившееся к середине XIX в., проводилось английскими капиталистами от имени Компании, которой с самого начала принадлежало право монопольной торговли с Индией и Китаем. Компании были предоставлены также право управления захваченными ею территориями в Индии, право назначения на должности в гражданской администрации и право на сбор налоговых поступлений. Ее торговые и административные привилегии определялись периодически возобновляемыми английским парламентом актами о хартиях Компании. В XIX в. торговая деятельность Компании стала постепенно

терять свое значение. Парламентским актом о хартии 1813 г. она была лишена монополии торговли с Индией; за ней сохранялась лишь монополия торговли чаем и монополия торговли с Китаем. По хартии 1833 г. Компания утрачивала все свои торговые привилегии, в том числе и право на монопольную торговлю с Китаем. Право управления территориальными владениями англичан в Индии сохранилось за Компанией до 1858 г., когда она была окончательно ликвидирована и управление Индией перешло непосредственно в руки короны. — *69.*

[72] В 1851 г. в Китае развернулось антифеодальное освободительное движение, принявшее характер мощной крестьянской войны. Начавшись на юге, в провинции Гуанси, оно распространилось затем на центральные провинции и охватило почти всю область нижнего и среднего течения реки Янцзы. В январе 1851 г. повстанцами было создано «Небесное государство великого благоденствия» («Тайпин тянь-го») с центром в Нанкине, откуда все движение и получило название тайнинского движения. Тайпины уничтожали маньчжурских феодалов, господствовавших в Китае, отменяли налоги, ликвидировали крупную феодальную собственность. Восстание приобрело также характерную для крестьянского движения, особенно на Востоке, религиозную окраску, нанося удар буддийскому духовенству и монастырям, являвшимся опорой маньчжурской династии. Тайпинская революция, положившая начало широкой борьбе китайского народа против феодального строя и иноземных захватчиков, оказалась, однако, не в состоянии ликвидировать феодальный способ производства в Китае. В тайпинском государстве сформировалась своя феодальная верхушка, которая шла на компромисс с господствующими классами, что явилось одной из причин упадка движения. Основной удар революции был нанесен открытой интервенцией Англии, США и Франции (первоначально эти державы оказывали помощь маньчжурской династии, прикрываясь «нейтралитетом»), вооруженные силы которых вместе с войсками китайских феодалов подавили в 1864 г. тайнинское восстание. — *70.*

[73] Маркс иронически намекает на многочисленные манифесты Мадзини, вождя национально-освободительного движения Италии, написанные им после разгрома революции 1848—1849 гг. с целью поднять итальянский народ на восстание против австрийских и других угнетателей и добиться объединения Италии. «Космополитически-неокатолически-идеологические» манифесты Мадзини, как характеризовал их Маркс, не имели решающего значения, так как в силу расплывчатости, противоречивости и буржуазной ограниченности своих теоретических воззрений Мадзини, далекий от народных масс, не видел в Италии подлинно революционной силы, на которую необходимо было опереться. Не понимая, что этой силой является угнетенное итальянское крестьянство, он взывал в своих манифестах к народу вообще, как к абстрактной категории, без учета реальных требований и интересов составляющих его классов. Все заговоры, организованные под руководством Мадзини в 30—50-х годах, не получив поддержки масс, потерпели поражение. — *72.*

[74] Речь идет об англо-персидской войне 1856—1857 гг., которая явилась одним из этапов агрессивной колониальной политики Англии в Азии в середине XIX века. Официальной причиной разрыва в конце 1855 г. дипломатических отношений между Англией и Персией была ссора между английским посланником в Тегеране и персидским садразамом

(премьер-министром) из-за персидского подданного — секретаря английской миссии. Поводом к войне послужила попытка правителей Персии захватить княжество Герат. Главный город этого княжества — Герат, являвшийся узлом торговых путей и важным стратегическим пунктом, был в середине XIX в. яблоком раздора между Персией, которой в этом вопросе оказывала поддержку Россия, и Афганистаном, поощряемым Англией. Взятие Герата персидскими войсками в октябре 1856 г. было использовано английскими колонизаторами для вооруженного вмешательства с целью закабаления как Афганистана, так и Персии. Объявив 1 ноября войну Персии, они послали в Герат свои войска. Однако начавшееся в Индии национально-освободительное восстание 4857—1859 гг. вынудило Англию поспешить с заключением мира с Персией. В марте 1857 г. по мирному договору, подписанному в Париже, Персия отказалась от всех своих притязаний на Герат. В 1863 г. Герат был присоединен к владениям афганского эмира.

Редакция «New-York Daily Tribune», напечатавшая эту статью Маркса с опозданием на два месяца, внесла в нее добавления относительно фактов, связанных с войной и имевших место после написания статьи. — *73.*

[75] Речь идет о территориальных захватах Англии в Персидском заливе. — *74.*

[76] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, основан в Лондоне в 1843 году; орган крупной промышленной буржуазии. — *76.*

[77] *«Journal des Chemins de Fer, des Mines et des Travaux Publics»* («Газета по вопросам железных дорог, шахт и общественных работ») — французская буржуазная газета, выходила в Париже с 1842 года. — *78.*

[78] Надбавка в 45 сантимов на каждый франк всех прямых налогов, принятая французским временным правительством 16 марта 1848 г., вызвала особое недовольство со стороны крестьян — основной массы налогоплательщиков. Результатом этой политики буржуазных республиканцев явилось то, что крестьянство отшатнулось от революции и на президентских выборах 10 декабря 1848 г. отдало свои голоса Луи Бонапарту.

Национальные мастерские были созданы после февральской революции 1848 г. декретом французского временного правительства. При этом преследовалась цель дискредитировать среди рабочих луи-блановские идеи об организации труда и, с другой стороны, использовать организованных по-военному рабочих национальных мастерских в борьбе против революционного пролетариата. Так как провокационный план раскола рабочего класса не удался и занятые в национальных мастерских рабочие все более проникались революционными настроениями, буржуазное правительство предприняло ряд мер с целью ликвидации национальных мастерских (сокращение числа рабочих, направление их на общественные работы в провинцию и т. д.). Это вызвало сильное возмущение парижского пролетариата и явилось одним из поводов к началу июньского восстания в Париже. После подавления восстания правительство Кавеньяка приняло 3 июля 1848 г. декрет о роспуске национальных мастерских. — *81.*

[79] Маркс имеет в виду, по-видимому, события, связанные с похоронами 7 января 1856 г. в Париже французского скульптора Давида д'Анже,

известного своими республиканскими взглядами. В то время ходил по рукам текст революционной песенки, авторство которой приписывалось поэту Беранже. Студенты, участвовавшие на похоронах, увидев в толпе поэта Беранже, приветствовали его криками «Да здравствует свобода!». Это открытое проявление антибонапартистских настроений среди французской молодежи повлекло за собой ряд арестов непосредственно после похорон и было причиной преследований со стороны правительства впоследствии. — *82.*

80 *«L'Independance belge»* («Независимость Бельгии»)—ежедневная буржуазная газета; основана в Брюсселе в 1831 году; орган либералов. — *84.*

81 Далее следует абзац, вставленный редакцией «New-York Daily Tribune»: «И еще в одном мы здесь, в Америке, можем быть совершенно уверены: когда рухнет это огромное здание жульничества, оно погребет под своими обломками и нас. Мы хвастаем нашим процветанием, но оно построено на песке. Мы не более как колония и вассалы Европы. Стоит только Наполеону слететь с трона, как это событие даст себя глубоко почувствовать не только на состоянии сундуков биржевого спекулянта с Уолл-стрита, но еще более в мастерской и у домашнего очага американского трудящегося». — *85.*

82 *Кампоформийский мирный договор,* заключенный 17 октября 1797 г. между Францией и Австрией, завершил начатую в 1792 г. войну Французской республики против Австрии, входившей в первую антифранцузскую коалицию. По мирному договору Австрия, вышедшая из этой коалиции в результате побед французской армии, получила на берегах Адриатического моря большую часть территории Венецианской республики (вместе с городом Венецией) и принадлежавшие последней части территорий Истрии и Далмации; к Франции были присоединены Ионические острова и владения Венецианской республики на албанском побережье.

Люневильский мирный договор, закрепивший условия Кампоформийского договора, был заключен между Францией и Австрией 9 февраля 1801 г. после поражения войск второй антифранцузской коалиции. — *86.*

83 По *Пресбургскому* мирному договору, заключенному между Францией и Австрией 26 декабря 1805 г., Австрия признавала захват Францией части итальянской территории (Пьемонта, Генуи, Пармы, Пиаченцы и др.) и уступала Итальянскому королевству (то есть Наполеону I, ставшему королем Италии) принадлежавшие ей владения на Адриатическом побережье — Венецию, Истрию и Далмацию, сохранив за собой только Триест.

По договору в Вене, заключенному между Францией и Австрией 14 октября 1809 г. и получившему название Шёнбруннского мирного договора (он был подписан в Шёнбруннском замке в Вене), Австрия уступала Франции Триест, часть Крайны и Каринтии, часть Хорватии, Фиуме, Истрию с островами и все свои владения по правому берегу реки Савы до границ Боснии. Тем самым от Австрии к Франции переходило все далматинское побережье Адриатического моря. — *86.*

84 По договору 1815 г., заключенному на Венском конгрессе и подписанному Англией, Францией, Россией, Пруссией, Австрией и другими

государствами за несколько дней до битвы у Ватерлоо, к Австрии вновь отошли Ломбардия, Венеция и некоторые итальянские герцогства. — *86.*

[85] *Австрийским Ллойдом* Маркс называет пароходное общество, основанное в Триесте в 1833 году. Имя Ллойда, владельца кафе в Лондоне, где была организована (в конце XVII — начале XVIII вв.) первая английская компания по страхованию морских судов, стали носить многие страховые пароходные общества в странах Европы. — *87.*

[86] Страбон. «Описание земли», т. 3. — *94.*

[87] *Ускоки* (сербск. — беглецы) — балканские славяне, бежавшие на далматинское побережье Адриатики после захвата турками Боснии и Герцеговины во второй половине XV века. Организовавшись в особые тайные военные группы — четы (дружины), ускоки в течение XV—XVI столетий вели борьбу с турками, совершая набеги на суше и на море при поддержке местных жителей. Действия ускоков в районе Адриатического моря подрывали также и морскую торговлю Венеции. Борьба ускоков была своеобразной формой национальной, религиозной и классовой борьбы покоренного населения против завоевателей и местных землевладельцев. Память о мужестве, смелости, умелом владении оружием и подвигах ускоков сохранилась до сих пор в народных песнях Западных Балкан. — *94.*

[88] Маркс имеет в виду работу Ш. Ф. Ботан-Бопре «Rapports sur les rades, ports et mouillages de la cote orientale du golfe de Venise» («Отчеты о рейдах, портах и якорных стоянках восточного берега Венецианского залива»), опубликованную в «Annales hydrographiques». Т. 2, Paris, 1849 («Гидрографические летописи». Т. 2, Париж, 1849). — *96.*

[89] *Вопрос о Невшателе* — см. примечание 68. — *98.*

[90] Имеется в виду ряд поражений бургундского герцога Карла Смелого в битвах со швейцарцами при Грансоне (кантон Ваадт) 2 марта 1476 г. и Муртене (кантон Фрейбург) 22 июня 1476 г., а также в битве при городе Нанси (Северо-Восточная Франция) 5 января 1477 г., где армия Карла Смелого была разбита войсками швейцарцев, лотарингцев, эльзасцев и немцев. — *99.*

[91] По Венскому трактату 1815 г. Пруссия получила часть Померании — так называемую шведскую Померанию. — *100.*

[92] *Констанцский собор* (1414—1418) был созван при активном содействии германского императора Сигизмунда с целью укрепления пошатнувшегося положения католической церкви в условиях начавшегося реформационного движения. — *102.*

[93] *Гуситы* — участники национально-освободительной борьбы чешского народа в 1419—1434 гг. против немецких феодалов и католической церкви. Идейным вдохновителем гуситского движения был великий чешский патриот и ученый, вождь чешской Реформации Ян Гус (около 1369—1415), по имени которого было названо движение. Во время этих войн армия гуситов, главную силу которой составляли крестьянско-плебейские отряды, отразила пять крестовых походов, организованных

папой и германским императором против Чехии. Только предательский компромисс чешских дворянско-бюргерских элементов с силами внешней феодальной реакции привел к поражению народного восстания. Движение гуситов оказало огромное влияние на европейскую Реформацию XVI века. — *103.*

[94] *Табориты* (от города Табор — центра движения) — революционное, демократическое крыло в гуситском национально-освободительном и реформационном движении в Чехии (см. примечание 93). Табориты отражали в своих требованиях стремление крестьянских масс и городских низов к ликвидации всего феодального строя. — *103.*

[95] *Шмалькальденский союз* (свое название получил от прусского города Шмалькальдена, где он был заключен) — союз протестантских князей и ряда имперских городов, возникший в начале 1531 г. для защиты дела Реформации против католических князей во главе с императором Карлом V. В 1546—1548 гг. между императором и союзом велась война, которая закончилась победой Карла V и распадом Шмалькальденского союза. Протестанты одержали победу над Карлом V лишь в 1555 году. — *103.*

[96] *Тридцатилетняя война* 1618—1648 гг. — первая общеевропейская война, вызванная борьбой между протестантами и католиками. Война началась восстанием в Чехии против гнета Габсбургской монархии и наступления католической реакции. Включившиеся затем в войну европейские государства составляли два лагеря. Папа, испанские и австрийские Габсбурги и католические князья Германии, объединившись под знаменем католицизма, выступили против протестантских стран: Чехии, Дании, Швеции, голландской республики и ряда принявших Реформацию немецких государств. Протестантские страны поддерживались французскими королями, противниками Габсбургов. Германия сделалась главной ареной этой борьбы, объектом военного грабежа и захватнических притязаний участников войны. Война, носившая на первой стадии характер сопротивления реакционным силам феодально-абсолютистской Европы, вылилась, особенно с 1635 г., в ряд вторжений в Германию иноземных завоевателей, соперничавших друг с другом. Война закончилась в 1648 г. заключением Вестфальского мира, закрепившего политическую раздробленность Германии. — *103.*

[97] В период Тридцатилетней войны бранденбургский курфюрст Георг-Вильгельм заключил в 1631 г. союз со Швецией, но очень неохотно вел войну. Опасаясь захвата Померании своим зятем, шведским королем Густавом II Адольфом, возглавлявшим союз протестантских государств, Георг-Вильгельм вскоре отказал ему в помощи. В 1635 г. он изменил Швеции и заключил мир с германским императором. — *103.*

[98] Война 1701—1714 гг. за *Испанское наследство* велась между Францией и Испанией, с одной стороны, и Англией, Голландией, Австрией, Пруссией и другими немецкими государствами во главе с германским императором — с другой. Начатая как династическая война различных претендентов на испанский престол, война за Испанское наследство фактически превратилась в войну за раздел владений Испании и в первое большое столкновение между Францией и Англией за господство на море

и в колониях. Война завершилась частичным разделом испанской империи, владения которой в Нидерландах и Италии были отданы австрийским Габсбургам, Гибралтар и остров Менорка — Англии и т. д. В результате войны была ослаблена морская и колониальная мощь Франции, владения которой в Северной Америке также перешли к Англии, получившей в войне за Испанское наследство наибольшие выгоды. — *104.*

[99] Пруссия, принимавшая участие в Северной войне на стороне России против Швеции, заключила в 1720 г. со Швецией мир, по которому получила часть шведской Померании, острова Узедом и Волин в Поморской бухте.

В 1772, 1793 и 1795 гг. состоялись три раздела Польши (Речи Посполитой), территория которой была поделена между Россией, Пруссией и Австрией. Россия получила литовские, белорусские и украинские земли. Пруссия и Австрия — коренные польские земли и западную часть Украины.

На Венском конгрессе 1815 г., закрепившем передел Европы между победителями Наполеона, Пруссия получила Северную Саксонию, Познань, Рейнскую провинцию и Вестфалию, а Россия — Царство Польское, включавшее часть польских земель, входивших до этого в прусские владения. — *104.*

[100] Спровоцированный англичанами конфликт с китайскими властями в Кантоне возник в октябре 1856 года. Английский консул Паркс использовал в качестве предлога к конфликту арест местными китайскими властями команды китайского контрабандистского судна «Эрроу», ссылаясь на то, что оно плавало под британским флагом. Последовавший за конфликтом варварский приказ английского уполномоченного в Китае Джона Боуринга о бомбардировке Кантона, которая была начата без предупреждения, послужил прологом второй «опиумной» войны с Китаем 1856—1858 годов. — *105.*

[101] Речь идет об англо-китайском договоре, подписанном 8 октября 1843 г. дополнительно к Нанкинскому договору, заключенному между Англией и Китаем 29 августа 1842 года. Неравноправный грабительский Нанкинский договор был навязан английскими колонизаторами Китаю после окончания первой «опиумной» войны (1839—1842), которая положила начало превращению отсталого феодального Китая в полуколониальную страну. Договор предусматривал открытие для английской торговли пяти китайских портов — Амоя, Нинбо, Кантона, Фучжоу и Шанхая, в которых иностранным купцам предоставлялось право неограниченной торговли, свобода поселений и т. д. Договор обусловливал также выплату Китаем огромной денежной контрибуции, передачу в вечное владение Англии острова Гонконга и ввел новый благоприятный для англичан таможенный тариф. По дополнительному договору 1843 г. англичане добились новых уступок от Китая: права создания в открытых портах особых поселений для иностранцев (сеттльментов), экстерриториальности, то есть неподсудности иностранных подданных китайским судам, и принятия принципа наибольшего благоприятствования, то есть механического распространения на Англию привилегий, получаемых от Китая другими державами.

Здесь имеется в виду статья 9 дополнительного договора, согласно которой китайцы, связанные с англичанами, не подлежали юрисдикции китайских властей (см. также настоящий том, стр. 140—141). — *105.*

[102] После первой «опиумной» войны (1839—1842) главным спорным вопросом между англичанами и китайским правительством было требование английских купцов предоставить им право торговли и оседлости в пределах городских стен Кантона, так как статья 2 Нанкинского договора прямого разрешения на это иностранцам не давала. Домогательства англичан в этом отношении были связаны также и с тем обстоятельством, что Кантон был единственным городом, через который велись все дипломатические отношения с Китаем, поскольку иностранные державы после первой «опиумной» войны все еще не могли иметь своих дипломатических представителей в Пекине. Ввиду того, что китайское население сопротивлялось доступу иностранцев в пределы стен Кантона, вопрос этот поднимался несколько раз. В апреле 1846 г. Англии удалось добиться соглашения с китайскими властями, по которому Кантон объявлялся открытым для иностранцев. Но ввиду бурного движения протеста среди жителей города окончательного решения принято не было. В 1847 г. англичане, пустив в ход угрозы, добились обещания открыть доступ в город по истечении двух лет. Однако когда в 1849 г. губернатор Гонконга Бонхем стал настаивать на выполнении этого условия, он вынужден был отказаться от своих требований из-за боязни народного восстания. — *108.*

[103] В 50-х годах XIX в. американец Уильям Уокер, в прошлом рабовладелец, предпринял ряд авантюристических экспедиций для завоевания государств Центральной Америки. В 1855 г., во время междоусобной войны в республике Никарагуа, Уокер, поддержанный одной из борющихся партий, овладел главным городом республики — Гранадой и вскоре провозгласил себя президентом Никарагуа, где вел себя как диктатор и пытался восстановить рабовладение. Во время своей авантюристической экспедиции в Гондурас Уокер был захвачен в плен и в 1860 г. расстрелян. Уокер являлся орудием американских магнатов Вандербилта и Моргана, боровшихся за власть в Никарагуа, через территорию которого предполагалось провести канал, соединяющий Атлантический и Тихий океаны. — *109.*

[104] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; под данным названием выходила в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *110.*

[105] Предлогом к первой «опиумной» войне с Китаем (1839—1842) послужили решительные меры специального комиссара Линь Цзэ-сюя против английской контрабандной торговли опиумом. Линь Цзэ-сюй потребовал от английских купцов в Кантоне выдать ему запас опиума и приказал выбросить его в море. Воспользовавшись этим, англичане начали военные действия. — *110.*

[106] Маркс имеет в виду то обстоятельство, что к началу 1857 г. центральная часть Китая, наиболее плодородные и богатые области его, расположенные в среднем течении реки Янцзы, были заняты тайпинами (см. примечание 72). — *110.*

[107] Речь идет о так называемом невшательском конфликте (см. примечание 68). — *111.*

[108] При *Земпахе* (кантон Люцерн) 9 июня 1386 г. имело место сражение швейцарцев с войсками австрийского герцога Леопольда III, закончившееся победой швейцарских войск.

При *Моргартене* 15 ноября 1315 г. произошла битва между швейцарским ополчением и войском Леопольда Габсбурга, в которой победили швейцарцы.

Муртен и *Грансон* — см. примечание 90. — *111.*

[109] В 1798 г. войска французской Директории заняли Швейцарию, в которой была провозглашена Гельветическая республика, поставленная в полную зависимость от Франции, Централизация власти, которая устанавливалась в Гельветической республике в соответствии с конституцией, принятой 12 апреля 1798 г., обострила борьбу прогрессивных кантонов, где развивались буржуазные отношения, с отсталыми в социальном и экономическом отношении так называемыми старыми лесными кантонами. Говоря о троекратном восстании старых лесных кантонов, Энгельс имеет в виду выступления их против французских войск в апреле, мае и августе 1798 года. В результате поражения, понесенного швейцарцами во время всех этих выступлений, старые кантоны вынуждены были сдаться и присоединиться к Гельветической республике.

Во время войн Франции против второй антифранцузской коалиции (1798—1801), закончившихся Люневильским мирным договором (см. примечание 82), Швейцария стала одним из главных театров военных действий. — *115.*

[110] Речь идет о захватнических колониальных войнах, которые французские колонизаторы вели в Алжире в 30—70-х годах XIX в. с целью покорения этой страны. Вторжение французов в Алжир вызвало длительное и упорное сопротивление арабского населения. С французской стороны война велась с исключительной жестокостью. К 1847 г. завоевание Алжира в основном было завершено, но борьба алжирского народа за свою независимость не прекращалась. — *117.*

[111] *Тирольское восстание* — партизанская война крестьян Тироля (Западная Австрия) против французских войск, вспыхнувшая в апреле 1809 года. Недостаточно поддержанное австрийскими войсками восстание было подавлено французами и итальянцами в 1810 году.

Испанская партизанская война — см. примечание 52.

Баскское карлистское восстание — см. примечание 49.

Война горцев Северного Кавказа против царской России, начавшаяся в конце 20-х годов XIX в., была вызвана колонизаторской политикой царизма и гнетом поддерживаемых царским правительством местных феодалов. Освободительное в целом движение горцев отличалось в то же время некоторыми реакционными чертами. Во главе движения стояли, как правило, приверженцы мюридизма — наиболее фанатического и воинственного из реакционных течений ислама. Опираясь на мусульманское духовенство, используя недовольство горцев, мюриды сумели собрать против царских войск значительные силы. В 30-х годах им удалось создать в Дагестане и Чечне свою религиозную военно-государственную организацию во главе с Шамилем. Движением, возглавляемым Шамилем, пытались воспользоваться в захватнических целях Турция и Англия, стремившиеся отторгнуть Кавказ от России. Борьба против Шамиля, укрепившегося в горных крепостях, представляла серьезные трудности и затянулась на несколько десятилетий. По окончании Крымской войны русские войска стали наносить силам Шамиля одно поражение за другим и в августе

1859 г. овладели их последним убежищем — укреплением Гуниб. Поражению Шамиля способствовало образование из мюридов новой феодальной знати, угнетавшей крестьян, которые стали отходить от Шамиля. — *118.*

[112] Заглавие статьи дано по черновой рукописи Маркса. — *120.*

[113] *Сикхами* в XVI в. называлась религиозная секта в Пенджабе, чье учение о равенстве (стремление примирить индуизм с исламом) стало идеологией развернувшейся с конца XVII в. борьбы крестьян против индийских феодалов и афганских захватчиков. В дальнейшем среди самих сикхов выделилась феодальная верхушка, представители которой стояли во главе государства сикхов, включавшего в начале XIX в. весь Пенджаб и ряд соседних областей. — *120.*

[114] *Гюлистанский договор,* подписанный 24 (12) октября 1813 г., завершил русско-персидскую войну 1804—1813 годов. Договор оформил включение в состав Российской империи Дагестана, Грузии с Шурагельской провинцией, Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, а также ханств Карабахского, Ганджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и северной части Талышинского. России предоставлялось исключительное право иметь военный флот на Каспийском море; договором обусловливалась также свобода торговли для купцов обеих сторон. — *123.*

[115] *Туркманчайский договор,* подписанный 22 (10) февраля 1828 г. в селении Туркманчай, завершил русско-персидскую войну 1826— 1828 гг., начатую персидским шахом с целью захвата русских владений в Закавказье. Договор устанавливал новую границу между Россией и Персией, в основном по реке Аракс. К России отошли территории ханств Эриванского (по обеим сторонам реки Аракса) и Нахичеванского. Подтверждалась свобода плавания в Каспийском море для русских торговых судов и исключительное право России иметь здесь военный флот. За Россией закреплялось право консульской юрисдикции, а также предоставлялся ряд преимуществ в торговых взаимоотношениях с Персией. — *123.*

[116] После смерти в октябре 1833 г. наследника персидского престола Аббас-мирзы, его преемником был объявлен его сын Мохаммед-мирза, назначенный правителем Азербайджана. После смерти в октябре 1834 г. престарелого Фетх-Али-шаха, деда Мохаммед-мирзы, появилось несколько претендентов на шахский престол. Английский посланник Кэмпбелл, рассчитывая поставить нового шаха в зависимость от Англии, помог Мохаммеду утвердиться на престоле, снабдив его деньгами для похода из Тавриза на Тегеран. Войсками Мохаммед-шаха командовал английский офицер Линдси. — *123.*

[117] Имеется в виду первая *англо-афганская война* 1838—1842 гг., предпринятая Англией с целью колониального порабощения Афганистана. В августе 1839 г. был занят Кабул, но из-за вспыхнувшего там в ноябре 1841 г. восстания англичане были вынуждены в январе 1842 г. начать отступление в Индию, перешедшее в паническое бегство. Из 4500 солдат английской армии и 12000 человек лагерной прислуги до границы Индии добрел только один человек. — *125.*

[118] О Герате см. примечание 74. — *126.*

[119] Речь идет о хивинском походе, предпринятом в ноябре 1839 г. в целях завоевания Хивинского ханства экспедиционным отрядом под командой оренбургского военного губернатора генерала В. А. Перовского. Отряд в составе 5000 человек, с несколькими орудиями и продовольственным обозом оказался не подготовленным к тяжелым условиям зимнего перехода через пустынные степи; потеряв половину людского состава вследствие массовых заболеваний, Перовский, не дойдя до Хивы, вынужден был вернуться обратно в Оренбург. — *129.*

[120] Англичане и французы выиграли сражение у русских под *Инкерманом* 5 ноября (24 октября) 1854 года. Неудача русских войск объяснялась рядом ошибок русского командования: вводом войск по частям, прекращением действий отряда Горчакова в разгар сражения и отсутствием твердого руководства со стороны главнокомандующего князя Меншикова.

Сипаи — наемные войска в Индии, вербовавшиеся с середины XVIII в. из местных жителей французскими, английскими и португальскими колонизаторами. Сипайские войска в англо-индийской армии использовались англичанами для покорения Индии и для удержания власти в завоеванных областях. — *130.*

[121] В записной книжке Маркса за 1857 г. статья озаглавлена «Бюджет Льюиса». Черновой набросок статьи состоял из двух частей, одна из которых была названа Марксом «Бюджет сэра Дж. Льюиса», а вторая — «Прямые и косвенные налоги». — *132.*

[122] *«The Edinburgh Review»* («Эдинбургское обозрение») — английский литературно-политический журнал; выходил с 1802 по 1929 год; в 50-х годах печатался раз в 3 месяца, имел либеральное направление. — *132.*

[123] *Фритредеры* — сторонники свободы торговли и невмешательства государства в экономическую жизнь страны. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где сложилась так называемая манчестерская школа — направление в экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Во главе движения фритредеров стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт, организовавшие в 1838 г. Лигу против хлебных законов. В 40—50-х годах фритредеры составляли особую политическую группировку, вошедшую впоследствии в английскую либеральную партию. — *133.*

[124] Речь идет о заключении мира в марте 1856 г. после окончания Крымской войны. — *134.*

[125] *Коалиционный кабинет* — так называлось министерство Абердина (1852—1855), в которое вошли представители вигов, пилитов и радикалов, за что оно получило также ироническое название «кабинета всех талантов». — *135.*

[126] *Пилиты* — группа умеренных тори, объединившихся в 40-х годах XIX в. вокруг Р. Пиля и поддерживавших его политику уступок торгово-промышленной буржуазии в экономической области при сохранении политического господства крупных землевладельцев и финансистов. В 1846 г. Пиль в интересах промышленной буржуазии

провел отмену хлебных законов, что вызвало резкое недовольство тори-протекционистов, привело к расколу партии тори и обособлению группы пилитов. Со времени смерти Пиля в 1850 г. пилиты являлись политической группировкой, не имевшей определенной программы. Они участвовали в коалиционном министерстве Абердина (1852— 1855); в конце 50-х — начале 60-х годов вошли в состав либеральной партии.

В феврале 1852 г. пилиты поддержали поправку Пальмерстона к правительственному биллю о милиции и тем самым способствовали провалу правительства лорда Рассела. В декабре того же года они привели к отставке правительства Дерби, выступив против предложенного им бюджета. В феврале 1855 г., после того как поправка радикала Робака о создании комиссии по расследованию условий жизни армии под Севастополем привела к падению министерства Абердина, пилиты содействовали приходу к власти Пальмерстона, дав согласие войти в состав его кабинета. Однако когда вожаки пилитов — Гладстон, Сидни Герберт и Джемс Грехем, — ставшие членами этого кабинета, подали спустя некоторое время в отставку, недовольные тем, что Пальмерстон не сумел помешать созданию комиссии Робака, Пальмерстон немедленно заменил их представителями вигов. — *137.*

[127] *Работные дома* были введены в Англии в XVII веке; по новому «закону о бедных», принятому в 1834 г., работные дома превращались в единственную форму помощи бедным; работные дома отличались тюремно-каторжным режимом и были прозваны в народе «бастилиями для бедных». — *138.*

[128] *Кантонским побоищем* Маркс называет бомбардировку англичанами Кантона в октябре 1856 г. (см. примечание 100). — *140.*

[129] *«The Friend of China»* — сокращенное название английской официальной газеты «The Overland Friend of China» («Друг Китая на материке»), выходившей в Виктории (Гонконг) с 1842 по 1859 год. — *142.*

[130] *«Наибольшая польза для наибольшего числа людей»* или «наибольшее счастье для наибольшего числа людей» — основное положение учения английского буржуазного социолога, теоретика утилитаризма Бентама, высказанное им в ряде работ. Буржуазно ограниченная индивидуалистическая этика утилитаризма, учения, признающего «пользу» или «выгоду» единственной основой нравственности, старается доказать возможность всеобщего «счастья» и «гармонии» в раздираемом противоречиями классовом капиталистическом обществе. —*142.*

[131] *Общество мира* — буржуазно-пацифистская организация, основанная в 1816 г. в Лондоне религиозной сектой квакеров. Общество получило активную поддержку со стороны фритредеров, полагавших, что в мирных условиях Англия сумеет с помощью свободной торговли полнее использовать свое промышленное превосходство и добиться экономического и политического господства. — *142.*

[132] Имеется в виду вторая избирательная реформа в Англии, парламентская борьба за которую началась в 50-х годах XIX века. — *144.*

[133] Маркс имеет в виду двукратный неудачный штурм англичанами 3-го бастиона севастопольских укреплений или так называемого Большого Редана 18 (6) июня и 8 сентября (27 августа) 1855 года. Маркс намекает на тот факт, что в дни штурма Редана английские войска, не доверяя своему главному командованию и страшась русского картечного огня, в ряде случаев либо отказывались идти в атаку, либо бежали с поля сражения.

В ноябре 1855 г. англичане, принимавшие участие в укреплении турецкой крепости *Карс* и руководившие ее обороной, после длительной осады крепости сдали ее русским войскам под командованием генерала Муравьева. — *147.*

[134] Маркс имеет в виду конфликт, возникший между Англией и США в конце 1855 г. на почве соперничества в Центральной Америке. Одним из поводов к конфликту явилась попытка Англии вербовать в США, которые занимали нейтральную позицию в Крымской войне, волонтеров для своей армии. Отношения между странами обострились еще раньше в связи с разногласиями в толковании Клейтон-Булверского договора, заключенного между Англией и США в 1850 г. об условиях контроля над каналом, который предполагалось проложить на территории Никарагуа между Тихим и Атлантическим океанами. В 1855 г. правительство США, пытаясь противодействовать попыткам Англии укрепиться на Москитовом берегу Центральной Америки, поддержало американского авантюриста Уильяма Уокера, захватившего в мае 1855 г. Никарагуа и провозгласившего себя президентом этой республики. В ответ на решительный протест со стороны Англии, США пригрозили ей разрывом дипломатических отношений. Конфликт, однако, был улажен в октябре 1856 г. тем, что. правительство США осудило задним числом авантюру Уокера, а правительство Англии, учитывая тесные экономические связи английской буржуазии с США, отказалось от своих притязаний на территорию на Москитовом берегу.

Неаполитанская экспедиция — см. примечание 68.

Показные ссоры с Бонапартом — так Маркс называет разногласия, возникшие между Англией и Францией после Парижского конгресса 1856 г. по ряду международных вопросов. Одной из причин ухудшения англо-французских отношений было наметившееся в этот период сближение Франции с Россией. Однако англо-французские разногласия не носили серьезного характера и не могли повлечь за собой каких-либо серьезных последствий, поскольку английское правительство было занято подавлением вспыхнувшего в 1857 г. национально-освободительного восстания в Индии.

Вторжение в Персию — см. примечание 74.

Резня в Китае — так Маркс называет зверскую бомбардировку англичанами Кантона в октябре 1856 г. (см. примечание 100).—147.

[135] *Олд-Бейли* — название цитадели Ньюгейтской тюрьмы в Лондоне, где помещается Центральный уголовный суд. — *147.*

[136] Братья Бандьера — итальянцы, офицеры австрийской армии и борцы за освобождение Италии от австрийского гнета, в июне 1844 г. высадились в Калабрии, чтобы поднять восстание против неаполитанских Бурбонов и австрийского господства, но были преданы и казнены. Джемс Грехем, будучи в это время министром внутренних дел, отдал приказ английскому почтовому ведомству выдавать полиции для перлюстрации письма итальянских революционеров-эмигрантов с целью

передачи их содержания австрийскому правительству. Широкие демократические круги Англии, возмущенные этим актом, считали его причиной гибели братьев Бандьера, так как последние являлись членами общества «Молодая Италия» и поддерживали связь с Мадзини, находившимся в эмиграции в Англии. — *149.*

[137] В записной книжке Маркса за 1857 г. статья озаглавлена «Пальмерстон и всеобщие выборы». — *152.*

[138] *«Воскрешатели»*— так называли в Англии людей, которые тайно выкапывали трупы умерших и продавали их в анатомические театры. В 20-х годах XIX в., когда эта практика приняла особенно большой размах, широкую известность получило дело жителя города Эдинбурга Уильяма Бёрка, который придумал способ удушать для этой цели людей без видимых следов преступления. — *152.*

[139] *Даунинг-стрит* — улица в центре Лондона, на которой расположена официальная резиденция английского премьер-министра и некоторых других министров; синоним английского правительства. — *153.*

[140] *«Punch»* — сокращенное название английского еженедельного юмористического журнала буржуазно-либерального направления «Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»); выходит в Лондоне с 1841 года.

Великий Кофта — выдуманное известным в XVIII в. шарлатаном графом Калиостро (Джузеппе Бальзамо) имя египетского жреца, якобы главы некой масонской «египетской ложи», за создателя и деятеля которой Калиостро себя выдавал. Калиостро уверял, будто во время своих путешествий по Египту он проник в тайны египетской мудрости и в своей деятельности руководствовался воплощенным в нем духом всемогущего и всеведущего Великого Кофты. — *154.*

[141] *Синие книги* (Blue Books) — общее название публикаций материалов английского парламента, а также документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником экономической и дипломатической истории этой страны. Здесь имеется в виду Синяя книга, озаглавленная «Correspondence respecting Insults in China. Presented to the House of Commons by Command of Her Majesty, 1857». [London] 1857 («Переписка, касающаяся оскорблений в Китае. Представлена палате общин по приказу ее величества в 1857 году». [Лондон] 1857). — *154.*

[142] 4 ноября 1851 г. Луи Бонапарт обратился к Национальному собранию с посланием, содержащим демагогическое требование восстановить в стране всеобщее избирательное право. После того как Национальное собрание отвергло законопроект, внесенный по этому поводу бонапартистским министерством, Луи Бонапарт совершил 2 декабря 1851 г. государственный переворот. — *156.*

[143] В 1817 г. торийское министерство Ливерпуля (в котором Каслри был министром иностранных дел, Сидмут — министром внутренних дел и Пальмерстон — секретарем по военным делам (вне кабинета), ведавшим

военными финансами) с целью пресечения массового демократического движения за избирательную реформу и против хлебных законов, приостановило действие Habeas Corpus Act и поспешно провело так называемый «акт о затыкании рта» (Gagging act), по которому было ограничено право собраний, закрыты клубы радикалов, а членам магистрата предоставлено право запрещать издание и распространение брошюр радикального направления.

Habeas Corpus Act был принят английским парламентом в 1679 году. По этому акту каждый приказ об аресте должен быть мотивирован, и арестованный либо должен в короткий срок (от 3 до 20 дней) предстать перед судом, либо быть освобожденным. Действие Habeas Corpus Act не распространяется на дела по обвинению в государственной измене и может быть приостановлено решением парламента.

Бойней народа в Манчестере Маркс называет кровавую расправу, учиненную 16 августа 1819 г. английскими войсками над безоружными участниками массового митинга за избирательную реформу и против хлебных законов, состоявшегося на равнине Сент-Питер (Сент-Питерсфилд) близ Манчестера. По аналогии с битвой под Ватерлоо современники назвали это событие бойней под Питерлоо.

Хлебные законы в Англии, введенные в 1815 г., установили высокие ввозные пошлины на хлеб и запретили ввоз хлеба, если цена за квартер зерна стояла в стране ниже 80 шиллингов. Чрезвычайно тяжело отражаясь на положении беднейших слоев населения, хлебные законы были невыгодны и для промышленной буржуазии, так как удорожали рабочую силу, сокращали емкость внутреннего рынка и мешали развитию внешней торговли. Были отменены в 1846 г. В результате длительной борьбы между крупными землевладельцами и буржуазией. — *156.*

[144] Речь идет о тайпинском восстании (см. примечание 72). — *158.*

[145] Маркс имеет в виду демагогические маневры Луи Бонапарта в период подготовки и проведения государственного переворота 1851 г. (см. К. Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», главы VI и VII, настоящее издание, т. 8). — *161.*

[146] Имеется в виду реформа избирательного права, проведенная английским парламентом, в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав. — *162.*

[147] *Легитимисты* — сторонники свергнутой во Франции в 1792 г. старшей ветви династии Бурбонов, представлявшей интересы крупного наследственного землевладения. В 1830 г., после вторичного свержения этой династии, легитимисты объединились в политическую партию.

Орлеанисты — монархическая партия финансовой аристократии и крупной буржуазии, сторонники герцогов Орлеанских, младшей ветви династии Бурбонов, стоявшей у власти со времени июльской революции 1830 г. до революции 1848 года. Во время Второй республики (1848—1851) блокировались с легитимистами и составляли так называемую партию порядка. — *162.*

[148] Маркс цитирует статью из лондонской газеты «The Morning Advertiser». — *163.*

[149] Намек на миф об Антее. — *163.*

[150] Речь идет об участии Рассела на совещаниях представителей России, Австрии, Франции, Великобритании и Турции, созванных в Вене по инициативе Австрии в декабре 1854 года. В марте 1855 г. эти совещания были превращены в конференцию, длившуюся до июня 1855 года. Целью Венской конференции была выработка соглашения, на основе которого предполагалось начать переговоры о мире между участниками Крымской войны. Лондонский кабинет не одобрил намерения Рассела побудить Австрию придать форму ультиматума ее предложению об ограничении морских сил России на Черном море. Россия отказалась принять это требование западных держав, в связи с чем переговоры потерпели неудачу. В результате Рассел вынужден был уйти в отставку; тем самым Пальмерстон осуществил свою тайную цель — подорвать престиж своего соперника. — *163.*

[151] *Акт о присяге* (Test Act) 1673 г. требовал от лиц, занимающих государственные должности, признания догматов англиканской церкви. Отменен в 1828 году.

Акт о корпорациях (Corporation Act), принятый в 1661 г., требовал от лиц, занимавших выборные должности (имелись в виду, главным образом, органы городского самоуправления), признания догматов англиканской церкви. Отменен в 1828 году.

Билль о парламентской реформе — см. примечание 146.

Акты о муниципальных городах в Шотландии (1833 г.) и о *реформе муниципальных городов в Англии* (1835 г.) вводили в крупных городах, кроме Лондона, единую систему городского самоуправления, органы которого стали избираться в Шотландии владельцами домов с доходом не менее десяти фунтов в год, а в Англии — всеми налогоплательщиками. Благодаря этим актам вигская буржуазия получила власть в большинстве крупных городов.

Церковная десятина, которую коренное католическое население Ирландии, начиная с XVI в., вынуждено было платить англиканской государственной церкви, была отменена под напором массового движения актом 1838 года. Однако эта «отмена» коснулась только формы ее взимания: вместо уплаты натурой церковь продолжала получать свои доходы в виде особой денежной ренты, за счет увеличения арендной платы ирландских крестьян.

Диссиденты или *диссентеры* — представители религиозных сект и течений в Англии, отступающих в той или иной мере от догматов официальной англиканской церкви. Билль о диссентерах, разрешающий им совершение брачного обряда в их собственных церквах, был внесен Расселом в палату общин в 1834 году. — *164.*

[152] *Штемпельный сбор* (stamp duty) и *налог на объявления* (advertisement duty) — два вида налогового обложения на газеты в Англии, введенного в 1712 г. с целью увеличения государственных доходов и борьбы с оппозиционной печатью. Штемпельный сбор и налог на объявления чрезвычайно удорожали стоимость газет, ограничивали их распространение и делали их недоступными для широких масс. Увеличиваясь с течением времени, они стали основательной помехой для

развивающейся промышленной буржуазии, под давлением которой парламент вынужден был снизить в 1836 г. штемпельный сбор, а в 1855 г. отменить его. Налог на объявления был отменен в 1853 году. Для немногочисленной дорогостоящей прессы отмена этих налогов была невыгодна, так как она вызвала появление большого количества дешевых газет, составивших конкуренцию старым газетам и сокративших их доходы. — *165.*

[153] *Лига против хлебных законов* была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов (см. примечание 143) с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы, однако именно к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного политически оформленного рабочего движения (чартизм). Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 г. билля об их отмене. — *165.*

[154] Далее следует абзац, добавленный редакцией «New-York Daily Tribune»: «Ради поддержания христианских и торговых сношений с Китаем в высшей степени желательно, чтобы мы держались в стороне от этого конфликта и чтобы китайцы не пришли к заключению, будто все нации западного мира объединились против них в тайном заговоре». — *170.*

[155] *«Pester Lloyd»* («Пештский Ллойд») — венгерская газета либерального направления, полуофициальный орган венгерского правительства; выходила в Будапеште два раза в день на немецком языке с 1853 по 1944 год. — *171.*

[156] «*The Morning Post»* («Утренняя почта») — английская ежедневная консервативная газета; выходила в Лондоне в 1772—1937 годах. В середине XIX в. была органом правых элементов партии вигов, группировавшихся вокруг Пальмерстона. — *173.*

[157] При освещении вопроса об исходе выборов в Манчестере Маркс использовал письма Энгельса от 11, 20 и особенно от 31 марта 1857 года. — *173.*

[158] На митинге избирателей в Манчестере 18 марта 1857 г. Кобден, отстаивая интересы промышленной буржуазии, подверг резкой критике внутреннюю и внешнюю политику правительства Пальмерстона, в частности, его агрессивную политику в отношении Китая и Персии. При этом Кобден дал отрицательную характеристику Бобу Лоу и другим кандидатам в парламент, пользовавшимся поддержкой со стороны правительства. — *174.*

[159] Маркс намекает на басню Эзопа «О вороне и лисице». — *174.*

[160] *Сэр Джон Фальстаф* — персонаж произведений В. Шекспира «Веселые виндзорские кумушки» и «Король Генрих IV»; тип хвастуна, обжоры, пьяницы и распутника. — *175.*

[161] *Парламентские крестные отцы дешевой прессы* — так Маркс называет манчестерских буржуазных радикалов (в частности Брайта), которые вне парламента и в парламенте принимали активное участие в агитации за отмену штемпельного сбора и налога на объявления (см. примечание 152). — *176.*

[162] «*The Manchester Guardian*» («Манчестерский страж») — английская буржуазная газета, орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии; основана в Манчестере в 1821 году. — *176.*

[163] Брайт, будучи лидером английских фритредеров, выступал против участия Англии в Крымской войне. Фритредеры как буржуазные пацифисты считали, что, не прибегая к войнам, с помощью одной только свободной торговли Англия с большим эффектом сможет использовать свое промышленное превосходство для завоевания экономического и политического господства. — *176.*

[164] *Охвостье Долгого парламента* — приверженцы сложившейся в период английской буржуазной революции XVII в. партии индепендентов, сторонников протестантской церкви, оставшиеся в палате общин после изгнания из нее в конце 1648 г. пресвитериан, но не имевшие почти никакой реальной власти. 20 апреля 1653 г. Кромвель разогнал охвостье Долгого парламента. — *176.*

[165] *Истинно британский министр* — так лорд Рассел назвал на заседании палаты общин 25 июня 1850 г. лорда Пальмерстона, надменное выражение которого «civis romanus sum» («я римский гражданин»), употребленное им в речи на этом же заседании палаты, было восторженно встречено английской буржуазией. Пальмерстон оправдывал действия английского флота, направленного в Грецию с целью защиты английского подданного, португальца по происхождению, купца дона Пасифико, дом которого был сожжен в Афинах. Пальмерстон заявил, что подобно тому как формула римского гражданства «civis romanus sum» обеспечивала гражданам Древнего Рима престиж и всеобщее уважение, так и английское подданство должно быть гарантией сохранности и безопасности для английских подданных, где бы они ни находились. — *177.*

[166] Энгельс имеет в виду первую «опиумную» войну в Китае 1839—1842 гг. (см. примечание 101). Английские военные суда появились в Кантоне в сентябре 1839 г., но до июня 1840 г., пока в Китай не прибыла английская эскадра, военные действия носили характер отдельных мелких стычек. — *178.*

[167] Имеется в виду Нанкинский договор 1842 г. (см. примечание 101). — *182.*

[168] Речь идет о тайпинском восстании в Китае (см. примечание 72). Во главе основанного тайпинами в 1851 г. «Небесного государства великого благоденствия» («Тайпин тянь-го») стал вождь тайнинского движения Хуи Сю-цюань, который был провозглашен тайпинами императором Тянь-ваном («небесным князем»). В марте 1853 г., захватив Нанкин, тайпины сделали его столицей своего государства. — *183.*

[169] «*The Press*» («Пресса») — английский еженедельник, орган тори; издавался в Лондоне с 1853 по 1866 год. — *184.*

[170] *«The Examiner»* («Наблюдатель») — английский еженедельник буржуазно-либерального направления, выходил в Лондоне в 1808— 1881 годах. — *184.*

[171] *Кабинет всех талантов* — см. примечание 125. — *186.*

[172] Речь идет о событиях Крымской войны. В апреле 1854 г. английская и французская эскадры бомбардировали Одессу, однако эта операция носила больше демонстративный характер, город был мало поврежден. Находившиеся в это время у власти пилиты подвергались резкой критике со стороны парламентской оппозиции и на страницах английской прессы за нерешительность в ведении военных действий. — *187.*

[173] *«The Sun»* («Солнце») — английская ежедневная буржуазно-либеральная газета, выходила в Лондоне с 1798 по 1876 год.

«The Morning Advertiser» («Утренний уведомитель») — английская ежедневная газета, основана в Лондоне в 1794 году; в 50-х годах XIX в. орган радикальной буржуазии. — *187.*

[174] О дипломатической миссии Рассела в Вене — см. примечание 150. — *187.*

[175] «Reports of the Inspectors of Factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, for the Half Year ending 31st October 1856». London, 1857 («Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества за полугодие, истекшее 31 октября 1856 года». Лондон, 1857). — *189.*

[176] *Суды справедливости* — см. примечание 61. — *189.*

[177] При бомбардировке англичанами Кантона в октябре 1856 г. (см. примечание 100) потери британского флота составляли всего 3 человека. — *190.*

[178] Маркс цитирует письмо инженера Несмита от ноября 1852 г. фабричному инспектору Л. Хорнеру, помещенное в «Reports of the Inspectors of Factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department for the Half Year ending 31st October 1856». London, 1857. — *197.*

[179] Закон, запрещавший на хлопчатобумажных, шерстяных, льняных и шелкоткацких фабриках работу детей моложе 9 лет, был принят парламентом в 1833 году. — *199.*

[180] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1857 год. — *200.*

[181] *«Great Unpaid»* («Великий неоплачиваемый») — ироническое выражение, употребляемое в Англии в отношении лиц, занимающих должно-

сти мировых судей и не получающих за свое высокое звание никакого вознаграждения. — *204.*

[182] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1857 год. — *209.*

[183] В записной книжке Маркса за 1857 г. статья озаглавлена «Китайская — персидская (война)». — *218.*

[184] Речь идет об англо-персидской войне 1856—1857 гг. (см. примечание 74) и второй «опиумной» войне с Китаем 1856—1858 годов. Поводом к последней послужил конфликт между английскими представителями и китайскими властями в Кантоне (см. примечание 100). Военные действия в Китае продолжались с перерывами до июня 1858 г. и закончились грабительским Тяньцзиньским договором. — *218.*

[185] *Русско-турецкая война 1828—1829 гг.* была начата Николаем I под предлогом поддержки национального движения христианского населения Греции против турецкого ига. Турецкие войска, частично реорганизованные европейскими инструкторами и хорошо вооруженные, оказали вначале сильное сопротивление русской армии, сосредоточенной на Дунае (под Силистрией, Шумлой и Варной) и плохо подготовленной. Однако успешное наступление русских, предпринятое 11 июня (30 мая) 1829 г., обратило турецкую армию в паническое бегство. Согласившись на все условия России, Турция подписала Адрианопольский мирный договор. — *218.*

[186] L. E. Nolan. «Cavalry; its History and Tactics» (Л. Э. Нолан. «Кавалерия, ее история и тактика»). Первое издание книги вышло в 1851 году. — *219.*

[187] Поводом к *русско-турецкой войне 1806—1812 гг.* явился спровоцированный Францией русско-турецкий конфликт, в связи с нарушением Турцией некоторых условий прежних русско-турецких договоров. В течение ряда лет война шла с переменным успехом. В 1811 г. командующим Дунайской армией был назначен М. И. Кутузов, после чего в ходе войны произошел перелом в пользу России, которая заключила с Турцией Бухарестский мирный договор. — *219.*

[188] *Арнауты* — турецкое название албанцев. — *220.*

[189] При *Олтенице* (селение на левом берегу Дуная) 4 ноября (23 октября) 1853 г. турки выиграли сражение у русских из-за бездарного командования генерала Данненберга.

В кровопролитном сражении у селения *Четате* 6 января 1854 г. (25 декабря 1853 г.) русские, отогнав турок к Калафату, понесли большой урон.

В период длительной осады турецкой крепости *Карс* (июнь—ноябрь 1855 г.) русские 29 (17) сентября предприняли штурм крепости, который окончился неудачей из-за недостатка сил у осаждающих, а также в связи с тем, что осажденные заранее узнали о готовящемся штурме. Гарнизон крепости сдался русским войскам лишь 24 (12) ноября.

Встретившись с превосходящими силами турецких войск в бою у реки *Ингур* 6 ноября (25 октября) 1855 г., русские войска понесли большие потери и отступили из Мингрелии. — *220.*

[190] *Ренегатами* в Турции назывались подданные султана из бывших христиан, перешедших в мусульманство. — *220.*

[191] Имеется в виду тайпинское восстание (см. примечание 72). — *222.*

[192] *Polacos* (полакосы) — политическая клика, стоявшая у власти в Испании с 1850 по 1854 год; полакосов объединяли не столько политические убеждения, сколько родственные связи. Перед испанской революцией 1854—1856 гг. так называли, в частности, друзей Сарториуса, возглавлявшего правительство. — *225.*

[193] Речь идет о законе, принятом французским Законодательным корпусом 28 мая 1857 года. — *231.*

[194] *Bureaux* (бюро) образовывались председателем французского Законодательного корпуса из депутатов последнего для предварительного рассмотрения вопросов. Существовало обычно несколько бюро, состав которых периодически менялся. — *233.*

[195] Речь идет об англо-персидской войне 1856—1857 гг. (см. примечание 74). — *238.*

[196] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1857 год. — *240.*

[197] Захват *Синда,* пограничной с Афганистаном области в северо-западной части Индии, был осуществлен английскими колонизаторами в 1843 году. Во время англо-афганской войны 1838—1842 гг. (см. примечание 117) Ост-Индская компания посредством угроз и насилий добилась от феодальных правителей Синда согласия на пропуск своих войск через их владения. Воспользовавшись этим, англичане потребовали в 1843 г., чтобы местные феодалы признали себя вассалами Компании; после расправы с восставшими племенами белуджей (коренное население Синда) было объявлено о присоединении всей области к Британской Индии.

Пенджаб (Северо-Западная Индия) был завоеван в результате войн англичан с сикхами (1845—1846, 1848—1849). В 1845 г. английские колонизаторы, используя предательские элементы сикхской знати, спровоцировали конфликт с сикхами и добились в 1846 г. превращения государства сикхов в вассальное княжество. В 1848 г. сикхи подняли восстание, но в 1849 г. были окончательно покорены. Завоеванием Пенджаба завершилось превращение всей Индии в английскую колонию. — *240.*

[198] В 1856 г. английские власти в Индии, вопреки заключенным договорам, объявили местного правителя Ауда (княжество в северной части Индии) низложенным и присоединили его владения к территории, находящейся под непосредственным управлением Ост-Индской компании. (См. также настоящий том, стр. 484—489.) — *240.*

[199] Речь идет о восстании 1857—1859 гг. — крупнейшем восстании индийского народа за свою национальную независимость против английского владычества. Основной причиной восстания, которому предшествовал целый ряд вооруженных выступлений против английских

колонизаторов, явилось всеобщее возмущение всех слоев индийского населения жестокими методами колониальной эксплуатации; неимоверно высоким налоговым обложением, приводившим к полному ограблению индийского крестьянства и к экспроприации владений некоторых прослоек феодалов; политикой аннексий остававшихся еще независимыми индийских территорий; системой пыток при сборе налогов и террором колониальных властей; грубым нарушением со стороны колонизаторов освященных веками традиций и обычаев народа. Восстание вспыхнуло весной 1857 г. (подготовка к нему велась с середины 1856 г.) среди так называемых сипайских частей (см. примечание 120) бенгальской армии, расквартированных в Северной Индии. Сипайские войска бенгальской армии, в руках которых были сосредоточены важнейшие стратегические пункты этого района и большая часть артиллерии, стали военным ядром восстания. Набранная преимущественно из представителей высших каст индусов (брахманов, раджпутов и др.) и мусульман, сипайская армия отражала в целом недовольство индийского крестьянства, из которого рекрутировались рядовые сипаи, а также недовольство некоторой части феодальной знати Северной Индии (особенно Ауда), с которой было тесно связано синайское офицерство. Народное восстание, имевшее целью свержение чужеземного владычества, приняло широкий размах, охватив крупнейшие районы Северной и Центральной Индии, главными из которых явились Дели, Лакнау, Канпур, Рохилканд, Центральная Индия и Бунделкханд. Основной движущей силой восстания было крестьянство и ремесленная беднота городов, но руководство восстанием находилось в руках феодалов, подавляющее большинство которых предало восстание, после того как колониальные власти в 1858 г. обещали сохранить в неприкосновенности их владения. Основной причиной поражения восстания явилось отсутствие единого руководства и общего плана действий у повстанцев, обусловленное в немалой мере феодальной раздробленностью Индии, этнической пестротой ее населения, а также религиозным и кастовым разделением индийского народа; это с успехом использовали англичане в борьбе с восстанием, в подавлении которого им активно помогало большинство индийских феодалов. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что на стороне англичан было значительное военно-техническое превосходство. Хотя индийское восстание 1857—1859 гг. не затронуло непосредственно некоторых частей страны (англичанам удалось удержать от восстания Пенджаб, Бенгалию и юг Индии), оно потрясло всю Индию и вынудило английское правительство произвести ряд преобразований в системе управления страной. Тесно связанное с национально-освободительным движением других стран Азии, индийское восстание ослабило там позиции английских колонизаторов, в частности, отодвинуло на десятки лет осуществление их агрессивных планов в отношении Афганистана, Персии и ряда других азиатских стран. — *241.*

[200] *Моголы* — завоеватели тюркского происхождения, вторгшиеся в Индию в начале XVI в. из восточной части Средней Азии и основавшие в 1526 г. в Северной Индии империю Великих Моголов. Великий Могол — титул, данный европейцами правителям могольской империи, называвшим себя падишахами. В глазах современников основатели могольской империи были прямыми потомками монгольских завоевателей времен Чингис-хана, отсюда и название «моголы», ставшее обычным для мусульман севера Индии. Могольская держава достигла

значительного могущества, подчинив к середине XVII в. большую часть Индии и часть Афганистана. Однако в результате крестьянских восстаний и роста сопротивления народов Индии завоевателям-мусульманам, а также вследствие постоянных усобиц и усиления феодально-сепаратистских тенденций империя Великих Моголов стала приходить в упадок и в первой половине XVIII в. фактически распалась.

Здесь имеется в виду Великий Могол Бахадур-шах II, сын Акбара II. — *242.*

[201] Имеется в виду *Форт-Уильям* — английская крепость в Калькутте, построенная в 1696 г. и названная так в честь тогдашнего короля Англии Вильгельма (Вильяма) III Оранского. После завоевания англичанами Бенгалии в 1757 г. в этой крепости располагались правительственные учреждения, и название крепости стало употребляться в значении «правительство бенгальского президентства», а потом и «английское правительство Индии». — *242.*

[202] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1857 год. — *244.*

[203] Ссылаясь на недавние волнения в Испании и Италии, Маркс имеет в виду революцию в Испании 1856 г. (см. настоящий том, стр. 38—49) и революционное брожение в Италии в 1857 г., направленное против австрийского гнета и феодально-монархических правительств отдельных итальянских государств. — *247.*

[204] *Раджпуты* — одна из высших сословно-кастовых групп, а также народность в Индии, населяющая преимущественно Раджпутану (нынешний Раджастхан). Много раджпутов было и в Бенгальском президентстве, преимущественно в Бихаре. Раджпуты считались принадлежащими к сословию воинов-кшатриев. В могольской империи раджпутов очень ценили как воинов ввиду их племенной спайки, которой обычно недоставало наемной могольской армии. В классовом отношении они принадлежали, как правило, к прослойке «крепкого» крестьянства. Англичане охотно брали раджпутов в сипайские части бенгальской армии.

Брахманы в Древней Индии считались жреческим сословием. С оформлением сословно-кастового строя брахманы заняли высшее место в кастовой иерархии, составив одну из четырех древнейших каст Индии, которая позднее помимо жрецов охватывала, как и другие индийские касты, людей различных профессий и социального положения, не исключая обнищавших крестьян и ремесленников.

В бенгальскую сипайскую армию (в отличие от бомбейской и мадрасской) вербовали преимущественно только индусов, принадлежавших к высшим кастам, и потому в бенгальской армии было много брахманов и раджпутов. — *249.*

[205] *Резидентство* — местопребывание английского резидента (политического советника в индийском княжестве), в данном случае резидента в Ауде. — *250.*

[206] Речь идет о войне 1808—1814 гг. за независимость испанского народа против французской оккупации. — *250.*

[207] Маркс намекает, по-видимому, на то обстоятельство, что члены английской палаты общин во время летних сессий парламента часто предпочитают

своим парламентским обязанностям разного рода развлечения и устройство своих личных дел. Поэтому ораторам нередко приходится выступать перед почти пустой аудиторией. — *252.*

[208] Имеется в виду книга Монтескьё: «Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence» («Размышления о причинах величия и падения римлян»), первое издание которой вышло анонимно в Амстердаме в 1734 г., а также книга: E. Gibbon. «The History of the Decline and Fall of the Roman Empire» (Э. Гиббон. «История упадка и разрушения Римской империи»). Первое издание вышло в Лондоне в 1776—1788 годах. — *253.*

[209] Речь идет о тори — партии крупной английской земельной и финансовой аристократии. Возникнув в XVII в., партия тори всегда была поборницей реакционной внутренней политики, упорно стояла на страже консервативных и архаических учреждений в государственном строе Англии, выступала против демократических преобразований в стране. С развитием капитализма в Англии тори постепенно утрачивали свое былое политическое влияние и свою парламентскую монополию, первый удар которой был нанесен реформой 1832 г., открывшей доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Отмена в 1846 г. выгодных для землевладельцев хлебных законов ослабила экономическую базу старой английской земельной аристократии и привела к расколу в партии. В середине 50-х годов в партии тори происходил процесс разложения и изменения в ее классовом составе (отражавший процесс сращивания земельной аристократии с магнатами капитала), в результате чего в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. на основе старой партии тори возникла английская консервативная партия. — *253.*

[210] До 1773 г. Ост-Индская компания имела в своих индийских владениях трех губернаторов — в Калькутте (Бенгалия), Мадрасе и Бомбее; при каждом из них существовал совет из старших служащих Компании. По «Акту о правилах лучшего управления делами Ост-Индской компании» 1773 г. при губернаторе Калькутты, который стал называться генерал-губернатором Бенгалии, создавался Совет в составе 4-х человек. Генерал-губернатор и члены Совета назначались уже не Компанией, а как правило, английским правительством поименно сроком на пять лет и могли быть смещены до истечения срока только королем по представлению Совета директоров Компании. Мнение большинства было обязательным для всего Совета; если голоса его членов делились поровну, голос генерал-губернатора имел решающее значение. Генерал-губернатор должен был осуществлять гражданское и военное управление Бенгалией, Бихаром и Ориссой и одновременно получал право высшего надзора над подчиненными ему теперь президентствами Мадраса и Бомбея в делах, касающихся ведения войны и заключения мира. Лишь в особых случаях эти последние могли действовать самостоятельно. По акту 1784 г. состав Бенгальского совета сокращался до 3-х членов, в число которых входил главнокомандующий. Согласно дополнительному акту 1786 г. генерал-губернатор получал право в особых случаях действовать независимо от своего Совета, а также принимать на себя функции главнокомандующего. По акту 1833 г. генерал-губернатор Бенгалии становился генерал-губернатором Индии, оставаясь одновременно губернатором Бенгалии; состав находящегося при нем Совета снова увеличивался до 4-х человек, причем в качестве

дополнительного пятого члена в него мог входить главнокомандующий. Генерал-губернатор и его Совет получили право издавать законы для всей Британской Индии. Правительства Бомбея и Мадраса это право утрачивали; Советы при их губернаторах должны были состоять из двух человек. По акту 1853 г., помимо 4-х членов, составлявших так называемый Малый совет с функциями исполнительного органа, предусматривался расширенный Совет с законодательными функциями, в который должны были входить генерал-губернатор, главнокомандующий, главный судья Бенгалии и один судья из состава Верховного суда. Это положение Совета при генерал-губернаторе Индии сохранялось до 1858 года. — *254.*

[211] *Джагирдар* — представитель мусульманской феодальной знати в империи Великих Моголов, получавший во временное пользование крупное земельное владение (джагир), за что он был обязан нести военную службу и выставлять определенный контингент войск. Джагирдары взимали в свою пользу с крестьян, проживавших на территории их джагира, поземельный налог, а также использовали их труд на барщинных работах. С распадом империи Великих Моголов джагирдары стали наследственными феодальными владельцами.

Инамдар — владелец особого рода феодального пожалования, инама. Инамы в основном раздавались священнослужителям индусам и мусульманам, а также религиозным и благотворительным заведениям. В Южной Индии инам иногда получали и представители верхушки сельской общины. Инам полностью или частично освобождался от уплаты налогов и передавался по наследству. При англичанах инамдары — это владельцы участков, свободных от поземельного налога.

Фригольдер — одна из категорий мелких землевладельцев в Англии, которая вела свое начало от средневековых «свободных держателей». Фригольдер уплачивал лорду незначительную фиксированную денежную ренту за земельный участок, которым он имел право свободно распоряжаться. — *255.*

[212] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1857 год. — *257.*

[213] *Контрольный совет* по делам Индии был учрежден актом 1784 г. «О лучшем управлении Ост-Индской компании и британских владений в Индии». В состав Контрольного совета входило шесть человек, которые назначались королем из членов Тайного совета. Председатель Контрольного совета был членом кабинета, по существу являясь министром по делам Индии и се верховным правителем. Решения Контрольного совета, находившегося в Лондоне, передавались в Индию через Секретный комитет, состоявший из трех директоров Ост-Индской компании. Таким образом, актом 1784 г. была создана двойственная система управления Индией — через Контрольный совет (английское правительство) и Совет директоров (Компания). Контрольный совет был упразднен в 1858 году. — *257.*

[214] *Сикхи* — см. примечание 113. — *258.*

[215] В начале октября 1854 г. в Париже распространился слух о взятии союзниками Севастополя. Эта ложная версия была подхвачена официальной прессой Франции, Англии, Бельгии и Германии. Однако через несколько дней французские газеты вынуждены были опубликовать опровержение. — *261.*

[216] *«The Bombay Times»* («Бомбейские времена») — ежедневная газета, издавалась в Бомбее на английском языке; основана в 1838 году. — *261.*

[217] «*Le Pays»* («Родина») — французская ежедневная газета, основана в Париже в 1849 году. В период Второй империи (1852—1870) — полуофициальный орган правительства Наполеона III; имела подзаголовок «Journal de l'Empire» («Газета Империи»). — *263.*

[218] См. примечание 69. — *265.*

[219] В 1849—1850 гг., под воздействием общего стремления широких кругов немецкого общества к объединению, даже реакционное прусское министерство сделало некоторые шаги к реорганизации бессильного Германского союза, добиваясь победы Пруссии в ее борьбе с Австрией за главенство над немецкими государствами. Не желая усиления Пруссии за счет Австрии, Николай I вызвал в Варшаву в октябре 1850 г. австрийского канцлера князя Шварценберга и прусского министра-президента графа Бранденбурга. Во время этою свидания (на котором присутствовали также прусский принц Вильгельм и австрийский император Франц-Иосиф I), получившего название *Варшавской конференции,* Николай I откровенно дал понять, что он самым решительным образом поддерживает Австрию против Пруссии. — *266.*

[220] *«L'Etoile du Danube»* («Звезда Дуная») — румынская либеральная газета, в 1856—1857 гг. выходила в Брюсселе. — *267.*

[221] Имеется в виду заседание палаты общин 20 августа 1857 года. — *274.*

[222] *Дунайский спор* — см. примечание 69. — *276.*

[223] Немецкие герцогства Шлезвиг и Гольштейн в течение столетий находились под властью датской короны. Лондонский протокол о целостности Датской монархии, который был подписан 8 мая 1852 г. Россией, Австрией, Англией, Францией, Пруссией и Швецией совместно с представителями Дании, признал за герцогствами право на самоуправление, сохраняя над ними верховную власть датского короля. Однако, вопреки протоколу, датское правительство обнародовало в 1855 г. конституцию, которая исключала независимость и самоуправление в немецких герцогствах, подвластных Дании. В ответ на это Германский сейм издал в феврале 1857 г. декрет с протестом против введения в герцогствах данной конституции, но по. ошибке в декрете были названы только Гольштейн и Лауэнбург (третье немецкое герцогство, подвластное Дании) и не упомянут Шлезвиг. Воспользовавшись этим, Дания начала приготовления к включению Шлезвига в свои владения, что вызвало в свою очередь протест не только со стороны шлезвигцев, не желавших отделяться от гольштейнцев, но и со стороны Пруссии, Австрии и Англии, которые рассматривали действия Дании как нарушение Лондонского протокола. — *277.*

[224] В тексте статьи неточность. По Лондонскому протоколу, подписанному 8 мая 1852 г., преемником бездетного датского короля Фредерика VII был признан Кристиан Глюксбургский (впоследствии король Кристиан IX). — *277.*

[225] Согласно пометке в записной книжке Маркса за 1857 г., статья «Расследование о пытках в Индии» была написана им 28 августа, но по неизвестным причинам опубликована редакцией «New-York Daily Tribune» позже статьи «Индийское восстание» (см. настоящий том, стр. 296—299), на которую редакция здесь ссылается и которая была написана Марксом 4 сентября. — *278.*

[226] «East India (torture)». London, 1855—1857 («Ост-Индия (пытка)». Лондон, 1855—1857). — *278.*

[227] «Report of the Commission for the Investigation of Alleged Cases of Torture at Madras». London, 1855 («Доклад комиссии по расследованию фактов применения пытки, имевших место в Мадрасе». Лондон, 1855). — *278.*

[228] *Коллектор* — английский начальник округа в Индии. Был наделен неограниченной властью, объединяя в одном лице функции главного сборщика налогов, администратора и главного судьи округа. В качестве сборщика налогов он привлекал недоимщиков к ответственности, в качестве судьи — выносил им приговор, в качестве представителя административной власти приводил приговор в исполнение. — *278.*

[229] *Райят* — индийский крестьянин; до введения английскими колонизаторами новых земельно-налоговых законов в конце XVIII — начале XIX вв. и разрушения ими индийской общины — полноправный общинник. В районах, где с 1793 г. была введена так называемая система заминдарства (первоначально в Бенгалии, Бихаре, Ориссе и позднее в несколько измененной форме в Соединенных и Центральных провинциях и в части Мадрасской провинции), райят стал арендатором земли у помещика-заминдара. После введения в начале XIX в. в Бомбейском и Мадрасском президентствах земельно-налоговой системы «райятвари» райят являлся держателем государственной земли, уплачивающим со своего участка ренту-налог, которую английское правительство в Индии устанавливало по своему усмотрению. По системе «райятвари» райяты одновременно объявлялись и собственниками арендуемых ими земель. В результате введения этой юридически противоречивой земельно-налоговой системы был установлен настолько высокий земельный налог, что крестьяне не были в состоянии уплатить его; из-за роста недоимок крестьянские земли постепенно переходили в руки скупщиков и ростовщиков. — *279.*

[230] *Аграмант* — мавританский царь, один из персонажей поэмы Ариосто «Неистовый Роланд». Ведя войну с Карлом Великим, Аграмант осадил Париж, сосредоточив большую часть своих сил под стенами города. Но вскоре в лагере осаждающих начались раздоры и разногласия, которые вошли в поговорку; на это намекает Маркс, сравнивая лагерь англичан у Дели с лагерем Аграманта. — *285.*

[231] «*The Mofussilite»* («Провинциал») — еженедельная либеральная газета, выходила с 1845 г. на английском языке в Индии, сначала в Мируте, затем в Агре и Амбале. — *288.*

[232] Имеется в виду закон о хартии Ост-Индской компании 1853 г., по которому монопольные права Компании в Индии были несколько уре-

заны. Правление Ост-Индской компании все больше подчинялось английской короне. Директора Компании лишались права назначать чиновников на должности, число директоров сократилось с 24 до 18, из которых шесть назначались короной; статус председателя Контрольного совета (см. примечание 213) был приравнен к статусу министра по делам Индии. Однако акционерам Компании обеспечивался твердый дивиденд за счет индийских налогов. — *292.*

[233] О *Бомбейском* и *Мадрасском советах* см. примечание 210. — *293.*

[234] Имеется в виду, по-видимому, англо-бирманская война 1852 г., в результате которой к владениям Ост-Индской компании была присоединена бирманская провинция Пегу. — *294.*

[235] В Вандее (западная провинция Франции) французские роялисты, используя отсталое крестьянство, подняли в 1793 г. контрреволюционный мятеж, ликвидированный войсками республиканской армии, солдат которой (как вообще всех сторонников Конвента) называли «синими».

Испанские партизаны — см. примечание 52.

Сербы и хорваты в составе армий Раячича и Елачича принимали участие в подавлении революционного движения в Венгрии и Австрии в период революции 1848—1849 годов. Венгерское обуржуазившееся дворянство отвергло требования сербов и хорватов о предоставлении им национальной независимости, что дало возможность австрийской реакции использовать в своих интересах сербские и хорватские войска для подавления восстаний в Будапеште и Вене.

Мобильная гвардия была создана декретом французского временного правительства от 25 февраля 1848 г. для борьбы против революционно настроенных народных масс. Эти отряды, состоявшие в основном из люмпен-пролетариев, были использованы для подавления июньского восстания парижских рабочих. Генерал Кавеньяк, являясь военным министром, лично руководил расправой над рабочими.

Члены тайного бонапартистского Общества 10 декабря (см. примечание 30) были активными организаторами массовых репрессий в отношении республиканцев и особенно участников революции 1848 года; эти репрессии проводились во Франции после избрания Луи Бонапарта президентом и после государственного переворота 2 декабря 1851 года. — 296.

[236] *Заминдары* — при империи Великих Моголов — феодалы, главным образом из покоренных индусов, за которыми сохранилось право на наследственное держание земли при условии уплаты правительству определенной доли ренты-налога, собиравшегося ими с угнетенных крестьян. Термин «заминдары» был распространен также на крупных откупщиков земельного налога в Бенгалии. В 1793 г. английское правительство, превратив законом «О постоянном заминдарстве» откупщиков-заминдаров в помещиков-собственников, сделало их классовой опорой английских колониальных властей. По мере завоевания англичанами Индии, система заминдарства в несколько измененной форме вводилась и в некоторых других областях страны. — *298.*

[237] Во время подавления восстания в Алжире в 1845 г. генерал Пелисье, впоследствии маршал Франции, приказал задушить дымом костров тысячу арабских повстанцев, укрывшихся в горных пещерах.—*298.*

[238] Имеется в виду сочинение Гая Юлия Цезаря: «Commentarii de bello Gallico» («Записки о галльской войне»). Факт, о котором здесь повествуется, содержится в книге 8, написанной бывшим легатом Цезаря, его другом А. Гирцием, продолжившим его записки о галльской войне. — *298.*

[239] Маркс имеет в виду уголовное уложение Карла V (Constitutio criminalis Carolina), принятое германским рейхстагом в Регенсбурге в 1532 году; это уложение отличалось крайней жестокостью наказаний.

W. Blackstone. «Commentaries on the Laws of England». Vol. I—IV (У. Блэкстон. «Комментарии к английским законам». Тт. I—IV). Первое издание вышло в Лондоне в 1765—1769 годах. — *299.*

[240] *Джаггернаут* (индийское название Джаганнатх) — одна из форм индусского бога Вишну. Знаменитое место поклонения Джаггернауту — храм в местечке Пури около г. Каттака (Восточная Индия). Жрецы храма, пользовавшиеся покровительством Ост-Индской компании, получали крупные доходы от массового паломничества (поощряя при этом проституцию живших при храме женщин), а также от устройства пышных празднеств в честь Джаггернаута. Особенно большое число паломников привлекает праздник Ратхаятра, когда идол Джаггернаута вывозится на громадной колеснице, под колеса которой бросаются в экстазе верующие фанатики. — *299.*

[241] Моцарт, опера «Похищение из сераля», действие третье, сцена VI, ария Осмина. — *299.*

[242] Редакция «New-York Daily Tribune», которой принадлежит эта фраза, имела в виду своего постоянного корреспондента, венгерского писателя и журналиста Франца Пульского, после поражения венгерской революции 1848 г. жившего в эмиграции в США. Пульский давал в газету обзоры главным образом на международные темы. — *304.*

[243] *Гурки* (или гуркхи) — народность, составляющая основное население Непала. Часть гурков живет в Индии — в штате Уттар-Прадеш (бывшие Соединенные провинции Британской Индии) и соседних с Непалом районах Западной Бенгалил. — *305.*

[244] Маркс имеет в виду, по-видимому, «The Calcutta Gazette» («Калькуттскую газету») — английскую газету, издававшуюся в Бенгалии с 1784 г. и являвшуюся официальным органом английского правительства в Индии. — *305.*

[245] *Мухаррам* — первый месяц мусульманского лунного года; первые десять дней этого месяца считаются священными в знак траура, связанного с легендами о гибели имама Хусейна. В эти дни устраиваются религиозные церемонии, обычно сопровождающиеся самоистязаниями. Первый день Мухаррама — день Нового года. — *306.*

[246] *Маратхи* — индийская народность, занимавшая территорию в северозападной части Декана. С середины XVII в. начала вооруженную борьбу против чужеземного господства могольских феодалов, нанеся серьезный удар империи Великих Моголов и способствуя ее распаду. В ходе этой борьбы было создано независимое государство маратхов,

феодальная верхушка которого вскоре встала на путь завоевательных войн. В конце XVII в. маратхское государство было ослаблено феодальными усобицами, но в начале XVIII в. вновь сложилось сильное объединение маратхских княжеств во главе с верховным правителем — пешвой. Маратхские феодалы, ведя борьбу с афганцами за гегемонию в Индии, потерпели в 1761 г. жестокое поражение. Обескровленные участием в борьбе за владычество над Индией и внутренними распрями феодалов, маратхские княжества сделались добычей Ост-Индской компании, подчинившей их в результате англо-маратхской войны 1803— 1805 годов.

Здесь имеются в виду маратхские князья Тукаджи II Холкар а Али Джа Джиаджи Синдхия. — *307.*

[247] *Афганская катастрофа* — см. примечание 117. — *308.*

[248] При написании данной статьи Маркс использовал материал о ходе восстания в Индии, сообщенный ему Энгельсом в письме от 24 сентября 1857 года. — *309.*

[249] Данная статья начинается фразой, принадлежащей редакции «New-York Daily Tribune»: «Вчера мы получили комплекты лондонских газет до 7 октября». — *313.*

[250] *Доаб* (Двуречье) — в данном случае имеется в виду территория в Индии между реками Гангом и Джамной. — *317.*

[251] *Санталы* — народность Индии дравидского происхождения. Санталы живут в гористых местностях Западной Бенгалии, Бихара и Северной Ориссы. — *318.*

[252] *«The Friend of India»* («Друг Индии») — английская газета, основана в Серампуре (Бенгалия) в 1818 году; в 50-х годах выходила один раз в неделю, имела буржуазно-либеральное направление. — *319.*

[253] *«Military Spectator»* («Военный обозреватель») — английская еженедельная военная газета, выходила в Лондоне с 1857 по 1858 год. — *319.*

[254] «*The Bombay Courier»* («Бомбейский курьер») — английская правительственная газета, орган Ост-Индской компании; основана в 1790 году. — *321.*

[255] Эта таблица, составленная Марксом, была послана им в «New-York Daily Tribune», по-видимому, одновременно с данной статьей, но напечатана редакцией отдельно в том же номере газеты на стр. 6. — *322.*

[256] В записной книжке Маркса за 1857 г. статья озаглавлена «Денежный кризис в Англии. Приостановка действия закона Пиля». — *331.*

[257] Далее следует фраза, добавленная редакцией «New-York Daily Tribune»: «Эта точка зрения подтверждается известиями, доставленными пароходом «Фултон», которые были переданы нам по телеграфу и помещены сегодня утром на страницах нашей газеты». — *331.*

[258] *«The Globe»* — сокращенное название английской ежедневной газеты «The Globe and Traveller» («Земной шар и путешественник»), выходившей в Лондоне с 1803 года; орган вигов, в периоды правления этой

партии — правительственная газета; с 1866 г. — орган консерваторов. — *334.*

[259] *Минсинг-лейн* — улица в Лондоне, центр оптовой торговли колониальными товарами.

«The Standard» («Знамя») — английская ежедневная газета консервативного направления, основана в Лондоне в 1827 году. — *334.*

[260] *«The Free Press»* («Свободная пресса») — английская буржуазная газета, издавалась Уркартом и его сторонниками в Лондоне с 1855 по 1865 год. — *335.*

[261] *Таможенный союз* немецких государств, установивших общую таможенную границу, был основан в 1834 году. Вызванный к жизни необходимостью создания общегерманского рынка, он со временем охватил все немецкие государства, за исключением Австрии и некоторых мелких государств. Главенствующую роль в союзе играла Пруссия. — *336.*

[262] Маркс имеет в виду декрет, подписанный Наполеоном III 10 ноября 1857 года. Этим декретом отменялось действие законов от 8 сентября 1856 г. и 22 сентября 1857 г., запрещавших вывоз зерна, муки и других пищевых продуктов за границу. — *336.*

[263] Далее следует фраза, принадлежащая редакции «New-York Daily Tribune»: «Если мы не ошибаемся, нечто подобное наблюдалось и в данной стране, когда философы, подобные нашим коллегам из «Times» и «Independent», думали, что возможно предупредить катастрофу, стоит только народу напустить на себя веселость и трижды прокричать «ура»». — *336.*

[264] *Инкерман* — см. примечание 120. — 337.

[265] 25 (13) октября 1854 г. под *Балаклавой* произошло сражение между русскими и союзными войсками; в этом сражении англичане, несмотря на выгодность позиций, понесли большие потери из-за ошибок английского командования, приведших к гибели английской легкой кавалерии. — *338.*

[266] *«The Bombay Gazette»* («Бомбейская газета») — английская газета в Индии, основана в 1791 году. — *341.*

[267] *«North British Daily Mail»* («Северная британская ежедневная почта») — английская буржуазная газета, основана в Глазго в 1847 году; орган либеральной буржуазии. — *347.*

[268] Маркс имеет в виду ряд работ английского буржуазного экономиста Т. Тука, носящих общее название «История цен»: «A History of Prices, and of the State of Circulation, from 1793 to 1837». Vol. I— II, London, 1838 («История цен и состояние денежного обращения с 1793 по 1837 год». Тт. I—II, Лондон, 1838), «A History of Prices, and of the State of the Circulation, in 1838 and 1839». London, 1840 («История цен и состояние денежного обращения в 1838 и 1839 годах». Лондон, 1840), «A History of Prices, and of the State of the Circulation, from 1839 to 1847 inclusive». London, 1848 («История цен и состояние денежного обращения с 1839 по 1847 г. влючительно». Лондон, 1848) и T. Tooke and W. New-

march. «A History of Prices and of the State of the Circulation, during the Nine Years 1848—1856». Vol. V—VI, London. 1857 (Т. Тук и У. Ньюмарч. «История цен и состояние денежного обращения в течение девяти лет с 1848 по 1856 год». Тт. V—VI, Лондон, 1857). — *348.*

[269] *Ломбард-стрит* — название улицы в Лондоне, на которой находятся крупные банки и учетные дома. Синоним лондонского денежного рынка. В отличие от Английского банка, который учитывал лишь принадлежащие банкам первоклассные векселя, на Ломбард-стрит учитывались все векселя, причем учетный процент здесь, являясь так называемым рыночным процентом, всегда был выше учетного процента Английского банка. — *357.*

[270] Маркс цитирует письмо Энгельса от 17 декабря 1857 г. (перефразировано); в статье используются и другие факты из письма. — *358.*

[271] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1857 год. — *360.*

[272] *«Opinione»* («Мнение») — итальянская ежедневная газета, основана в 1848 г. в Турине, орган либерально-монархической партии Кавура.— *363*.

[273] *Crеdit Foncier* (Поземельный кредит) — французский акционерный банк. Учрежден в 1852 г. на базе бывшего парижского Поземельного банка. Crеdit Foncier предоставлял краткосрочные и долгосрочные ссуды (сроком на 50 лет) под залог недвижимой собственности с уплатой определенного процента. Crеdit Foncier получал значительную субсидию от правительства.

Comptoir National d'Escompte de Paris (Национальная парижская учетная контора) — основана в 1848 году; первоначально учитывала векселя с двумя подписями и давала кредит под залог товаров, хранившихся в общественных складах. При Наполеоне III приобрела форму акционерного общества (с 1853 г.) и получила привилегию выдавать ссуды под французские рентные бумаги, акции или облигации промышленных или кредитных акционерных компаний. — *364.*

[274] *Месс-хаус* — помещение офицерского клуба и столовой военного гарнизона города Лакнау. — 366.

[275] *Битва под Альмой,* в которой русские встретились с силами французов и англичан, произошла 20 (8) сентября 1854 года; была выиграна союзнической армией, благодаря ее численному перевесу и значительному военному преимуществу, а также из-за бездарности русского командования. — *371.*

[276] Замок *Угумон* и ферма *Ла-Э-Сент* — пункты на подступах к деревне Ватерлоо — оказались удобными естественными укреплениями для союзнических войск во время битвы при Ватерлоо 18 июня 1815 года. Защитники обоих укреплений показали образец упорной обороны, несмотря на малочисленность своих сил (в Угумоне насчитывалось всего 7 рот и 1 батальон, а в Ла-Э-Сент — 1 батальон). В результате французам так и не удалось овладеть первым укреплением и лишь после упорного и продолжительного боя они взяли второе. — *372.*

[277] В битве при *Бородино* 7 сентября (26 августа) 1812 г. армия Наполеона потеряла около половины своего состава и армия Кутузова свыше трети. — *372.*

[278] В октябре 1832 г. англо-французские и частично бельгийские войска блокировали голландские порты и осадили цитадель *Антверпена* с целью заставить Нидерланды выполнить условие Лондонского трактата 1831 г. о признании независимости Бельгии и о передаче ей Антверпена. Проявив много твердости и упорства в обороне крепости, голландцы сдали ее в конце декабря 1832 г., лишь после того как в ней остались одни развалины.

Во время осады Венеции, восставшей в марте 1848 г. против австрийского владычества, главный удар австрийских войск иод командованием генерала Гайнау был направлен против форта *Мальгера.* Гарнизон форта, активно обороняясь, выдержал длительную осаду и сдал форт лишь в мае 1849 г., после того как в нем были разрушены все укрепления и выведена из строя большая часть орудий. — *389.*

[279] В начале 1813 г. немецкие и русские войска шестой антифранцузской коалиции обложили город Данциг, занятый французами, но встретились с необыкновенно упорной обороной, организованной на подступах к городу. Город находился на осадном положении $11^1/_2$ месяцев, в течение которых французские войска под командованием генерала Раппа выдержали три правильных осады. Потери французов исчислялись в 19 тысяч, потери союзников в 10 тысяч человек. — *389.*

[280] Речь идет о событиях Крымской войны. Во время неудачного штурма союзниками 3-го бастиона севастопольских укреплений (так называемого Большого Редана) 18(6) июня 1855 г. Уиндхем командовал английской бригадой, но действовал чрезвычайно вяло и кроме того в разгар боя совершил две сомнительные поездки в тыл, якобы за подкреплениями (см. также настоящий том, стр. 395—400). — *390.*

[281] Речь идет о парламентском акте 1833 г., который лишил Ост-Индскую компанию монополии на торговлю с Китаем и ликвидировал ее как торговую организацию; парламент оставил за Компанией лишь административные функции, продлив ее хартию до 1853 года. — *392.*

[282] *«The Phoenix»* («Феникс») — английская правительственная газета в Индии, выходила в Калькутте. — *394.*

[283] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1858 год. — *395.*

[284] Распоряжение главнокомандующего английскими войсками лорда Раглана о конной атаке на русские батареи в сражении под Балаклавой 25 (13) октября 1854 г. явилось причиной гибели легкой кавалерии англичан, что произвело сильное впечатление в Англии. Пытаясь оправдаться, лорд Раглан впоследствии утверждал, что вина за это лежит на капитане Нолане, якобы неточно передавшем его приказ. Однако проверить этот факт было очень трудно, так как Нолан был убит через несколько минут после передачи приказа. — *399.*

[285] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1858 год. — *401.*

[286] Намек на попытку Луи Бонапарта совершить 6 августа 1840 г. государственный переворот. Используя некоторое оживление бонапартистских настроений во Франции, он высадился с кучкой заговорщиков в Булони с целью поднять мятеж среди войск местного гарнизона. Эта попытка окончилась полным провалом, Бонапарт был приговорен к пожизненному тюремному заключению, но в 1846 г. бежал в Англию. — *401.*

287 «*Le Spectateur»* («Зритель») — под данным названием выходила в Париже с сентября 1857 по январь 1858 г. французская газета «L'Assemblée nationale» (см. примечание 64).

«Le Phare de la Loire» («Маяк Луары») — французская ежедневная газета, выходила в Нанте с 1815 года. — *404.*

288 Далее в текст статьи Маркса редакцией «New-York Daily Tribune» вставлен следующий абзац: «Или, как пишет в письме, полученном с пароходом «Африка», один известный американец, ныне проживающий во Франции: «Французы находятся во власти самых мрачных предчувствий. На днях я беседовал с одной моей знакомой, очень серьезной и умной женщиной, иона сказала мне sotto voce [вполголоса], что все, с кем бы она ни говорила, испытывают гнетущий страх перед будущим, перед днем отмщения, о котором страшно даже подумать. По ее словам, поступления в mont-de-piété [ломбарды] сократились настолько, что всем ясно, что у людей не осталось ничего, кроме самого необходимого, а это, в ее глазах и в глазах ее друзей, верный признак того, что близка окончательная катастрофа»». — *404.*

289 Имеется в виду закон об общественной безопасности, известный под названием закона о подозрительных (loi des suspects), который был принят Законодательным корпусом 19 февраля 1858 года. Закон давал правительству и императору неограниченное право ссылать в различные местности Франции и Алжира или вовсе изгонять с французской территории всех лиц, подозреваемых во враждебном отношении к режиму Второй империи. — *404.*

290 Речь идет о так называемом *Обществе 10 декабря* (см. примечание 30). — *405.*

291 *Преторианцами* в Древнем Риме назывались воины из личной охраны императора, находившиеся в привилегированном положении. Маркс называет преторианцами представителей французской военщины, на которых опирался Наполеон III (см. также настоящий том, стр. 412— 415). — *405.*

292 Декрет, разделявший территорию Французской империи на пять военных округов, был издан 27 января 1858 года. Административными центрами этих округов являлись Париж, Нанси, Лион, Тулуза и Тур, во главе которых были поставлены маршалы Маньян, Бараге д'Илье, Боске, Кастеллан и Канробер. Называя военные округа пашалыками, Маркс использует прозвище, которое дала им республиканская пресса еще в 1850 г., подчеркивая сходство между неограниченной властью возглавлявших их тогда реакционных генералов и деспотической властью турецких пашей. Назначение Пелисье в 1858 г. главным маршалом, которому должны были подчиняться все округа, лишь предполагалось, но осуществлено не было. — *405.*

293 Маркс имеет в виду популярный в свое время роман Джона Бениана «Путешествие пилигрима», — *405.*

294 Намек на попытку Луи Бонапарта совершить 30 октября 1836 г. государственный переворот. С этой целью он организовал в полку гарнизона города Страсбурга заговор, который окончился полной неудачей. Бонапарт был арестован и выслан в Америку. — *405.*

[295] В марте 1855 г. Наполеон намеревался поехать в Крым, с целью заглушить ропот в армии и стране, активизировать военные действия и ускорить взятие Севастополя. Однако поездка не состоялась. — *406.*

[296] *Билль об иностранцах* (иначе — билль о заговорах) был внесен Пальмерстоном в палату общин 8 февраля 1858 г. под давлением французского правительства (уведомление о своем намерении внести билль Пальмерстон сделал 5 февраля). Согласно этому биллю всякий, проживающий в пределах Соединенного королевства, будь то англичанин или иностранец, если он был организатором или участником заговора, задуманного с целью убийства какого-либо лица в Англии или в любой другой стране, — должен был быть судим английским судом и подвергнут суровому наказанию. Под давлением массового движения протеста билль был отклонен палатой общин, и Пальмерстон был вынужден уйти в отставку. — *406.*

[297] По распоряжению французского командования генерал Эспинас, возглавляя экспедиционный корпус, предпринял в июле—августе 1854 г. поход против русских войск в Добруджу (область между нижним течением реки Дунай и Черным морем), принадлежавшую Турции. Не встретив, однако, русских, но потеряв более половины состава корпуса из-за вспыхнувшей в войсках эпидемии холеры, Эспинас закончил свой поход позорным отступлением. — *412.*

[298] *Герой Сатори* — так Маркс называет Луи Бонапарта. 10 октября 1850 г. Луи Бонапарт, в то время президент Французской республики, устроил на равнине Сатори у Версаля генеральный смотр войскам, для которых было организовано там же угощение. Тем самым Луи Бонапарт, готовясь к государственному перевороту, пытался подкупить армию; он добился того, что кавалерия приветствовала его на смотре криками «Да здравствует император!». — *412.*

[299] 9 термидора (27—28 июля 1794 г.) был совершен контрреволюционный государственный переворот во Франции, приведший к падению правительства якобинцев и к установлению господства крупной буржуазии. — *413.*

[300] *Пале-Рояль* (Королевский дворец) — дворец в Париже, служивший с 1643 г. резиденцией Людовика XIV и с 1692 г. перешедший в собственность Орлеанской ветви Бурбонов. В 50-х годах был резиденцией дяди Наполеона III, бывшего вестфальского короля Жерома Бонапарта и его сына Жозефа Бонапарта, носившего до рождения сына Наполеона III титул французского наследного принца.

Здесь намек на натянутые отношения, которые были между Жеромом и Луи Бонапартом. — *413.*

[301] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1858 год. — *416.*

[302] Намек на возникший в октябре 1856 г. конфликт между английскими представителями и местными китайскими властями в Кантоне. Главная роль в конфликте с китайской стороны принадлежала мандарину генерал-губернатору Е Мин-шэню, который противился незаконным требованиям англичан. Конфликт послужил предлогом для второй захватнической «опиумной» войны в Китае, начатой правительством Пальмерстона. Агрессивную внешнюю политику правительства приветствовала жаждавшая новых рынков сбыта английская буржуазия, что

дало возможность Пальмерстону, представителю английской аристократической олигархии, диктовать в течение почти десятилетнего периода (1855—1858 и 1859—1865) внутреннюю и внешнюю политику буржуазной Англии.

Карбонарии — участники тайного политического общества в Италии, возникшего в начале XIX в. и положившего начало итальянскому национально-освободительному движению. Карбонарии ставили своей целью изгнание чужеземных захватчиков и ограничение абсолютизма.

Об отставке Пальмерстона см. примечания 309 и 296.— *416.*

303 В английском парламенте, по давно установившейся традиции, члены кабинета из партии, находящейся у власти, занимают скамью по правую руку спикера (председателя) палаты общин, а бывшие члены кабинета из партии, составляющей в данный момент оппозицию, — противоположную скамью, слева от спикера. — *416.*

304 *Эмансипация католиков* — отмена английским парламентом в 1829 г. ограничений политических прав католиков. Католики, большинство которых составляли ирландцы, получили право быть избранными в парламент и занимать некоторые правительственные должности-одновременно имущественный избирательный ценз был увеличен в пять раз. С помощью этого маневра правящие классы Англии рассчитывали привлечь на свою сторону верхушку ирландской буржуазии и католических землевладельцев, расколов таким образом ирландское национальное движение. — *417.*

305 Имеется в виду борьба за реформу избирательного права, проведенную английским парламентом в 1832 году (см. примечание 146). — *417.*

306 Род Капулетти и род Монтекки — две враждующие семьи из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». — *417.*

307 Намек на агитацию Кобдена против хлебных законов в 1845 году. Агитация эта способствовала падению торийского кабинета Пиля. Лидер партии вигов лорд Джон Рассел, которому было поручено формирование нового кабинета, предложил Кобдену занять пост заместителя министра торговли, но Кобден отклонил это предложение. Из-за внутренних противоречий в партии вигов Расселу не удалось сформировать кабинет, и 20 декабря 1845 г. к власти снова пришли тори. — *417.*

308 Дауб (сокращенное от Dowbiggin) — имя молодого офицера, участника Крымской войны, племянника английского военного министра лорда Панмюра. Фраза «Позаботьтесь о Даубе», употребленная Панмюром в одной из его депеш английскому командованию в Крыму, получила широкое хождение в Англии, как свидетельство того, что военного министра меньше всего беспокоили военные дела своей страны. — *417.*

309 После покушения итальянского революционера Орсини на Луи-Наполеона граф Валевский, министр иностранных дел Франции, послал английскому правительству депешу от 20 января 1858 г., в которой от имени французского правительства в резком тоне выражал недовольство тем, что Англия предоставляет убежище французским политическим эмигрантам. Валевский откровенно намекал в своей депеше на необходимость принять против этого надлежащие меры. Депеша Валевского послужила Пальмерстону поводом для внесения в палату общин билля о заговорах (см. примечание 296). — *418.*

[310] Поправка члена парламента либерала Милнера Гибсона, предложенная им во время второго чтения билля о заговорах в феврале 1858 г., осуждала правительство Пальмерстона за то, что оно не дало должною ответа на резкую депешу Валевского. Поправка явилась фактически вотумом недоверия правительству; приняв ее большинством голосов, палата общин отвергла билль и принудила правительство Пальмерстона уйти в отставку. — *418.*

[311] Далее следуют абзацы, добавленные редакцией «New-York Daily Tribune»: «Благодаря этому все столицы Европы вздохнули свободнее; каждый либерал чувствует уверенность в том, что день, когда победоносно поднимется народ, теперь гораздо ближе, нежели месяц тому назад. В подтверждение мы процитируем одно место из речи выдающегося оратора Англии и одного из ее наиболее многообещающих государственных деятелей, долгое время бывшего близким другом сэра Роберта Пиля, — г-на Гладстона, представителя Оксфордского университета; во время длительных прений, в результате которых Пальмерстон был свергнут, Гладстон сказал:

«Наше время — тяжелое время для свободы. Мы живем в XIX веке. Мы толкуем о прогрессе; мы верим, что идем вперед; однако наблюдательный человек, следивший за европейскими событиями последних лет, не может не заметить, что хотя движение и существует, но это — движение по нисходящей линии и вспять. Есть немного мест, где еще существуют и процветают учреждения, вызывающие наше сочувствие. Но это — второстепенные места, можно сказать, настоящие захолустья Европы в отношении их материального значения, хотя я уверен, что их моральное значение обеспечит им долгое процветание и благоденствие. Однако в настоящее время, более чем когда-либо, ответственность ложится на Англию; и уж если она ложится на Англию, на ее принципы, на ее законы, на ее правителей, то я заявляю, что любой законодательный акт, утвержденный данной палатой общин, этим главным оплотом свободы — акт, который будет пытаться установить моральную солидарность между нами и теми, кто стремится укрепить свое положение репрессиями, — нанесет удар и поставит в трудное положение священное дело свободы во всех странах мира. (Бурные аплодисменты.)»

Заметьте, что лорд Дерби настойчиво просил г-на Гладстона принять очень высокий пост в своем кабинете и что в недавнем прошлом не было премьера и едва ли окажется таковой в ближайшем будущем, который не был бы рад разделить с Гладстоном самую серьезную ответственность». — *419.*

[312] Имеются в виду зверства французских колонизаторов в отношении арабских племен в период захватнической войны Франции в Алжире (см. примечание 110). — *420.*

[313] «L'Empereur Napoleon III et l'Angleterre». Paris, 1858 («Император Наполеон III и Англия». Париж, 1858). Памфлет был написан Л. Э. Ла Героньером и издан анонимно. — *420.*

[314] Речь идет об имевшей место в начале 1847 г. в г. Бюзансе (Центральная Франция, департамент Эндр) расправе правительственных войск с голодающими рабочими (жителями окрестных деревень), совершившими нападение на продовольственные склады, которые принадлежали спекулянтам. События в Бюзансе вызвали жестокие правительственные репрессии: несколько непосредственных участников событий были казнены, многие другие приговорены к каторге. — *420.*

[315] В августе 1847 г. маршал Франции герцог Прален убил свою жену. Это преступление высокопоставленного лица вызвало возмущение широких кругов французского общества. Внезапная смерть герцога через несколько дней после похорон жены рассматривалась французской прессой как самоубийство. — *420.*

[316] *«La Patrie»* («Отечество») — французская ежедневная газета, основана в 1841 году; в 1850 г. выражала интересы объединенных монархистов, так называемой партии порядка; после государственного переворота 2 декабря 1851 г. — бонапартистская газета. — *423.*

[317] *«Мыслящие штыки»* («baionnettes intelligentes») — выражение, которое приписывается французскому генералу-монархисту Шангарнье. Когда в 1849 г. председатель французского Учредительного собрания, буржуазный республиканец Марраст, предчувствуя угрозу со стороны бонапартистов, обратился к Шангарнье с просьбой вызвать войсковые части для защиты Собрания, последний отказал, заявив при этом, что он не любит baionnettes intelligentes. Тем самым он дал понять, что армия не должна руководствоваться в своих действиях политическими мотивами. Маркс иронически намекает здесь на бонапартистски настроенную французскую армию, которая на деле играла значительную роль в политике Второй империи. — *424.*

[318] В данной статье Маркс использовал письмо Энгельса от 17 марта 1858 года. — *425.*

[319] Имеется в виду провал в английской палате общин в феврале 1858 г. так называемого билля об иностранцах (см. примечание 296) и последовавшая за этим отставка правительства Пальмерстона, которое оказывало моральную поддержку режиму Наполеона III и одобряло внешнюю политику Второй империи. — *428.*

[320] Речь идет о конвенции, заключенной между Францией и Бельгией 22 сентября и ратифицированной 11 октября 1856 года. Конвенция ограничивала право Бельгии предоставлять убежище политическим эмигрантам, обвиняемым в покушении или убийстве иностранных государей либо членов царствующих фамилий. — *428.*

[321] Намек на книгу Луи Бонапарта «Наполеоновские идеи», вышедшую в Париже в 1839 году (Napoleon-Louis Bonaparte. «Des idees napoleoniennes». Paris, 1839). В книге восхвалялись принципы наполеоновской политики, порядки империи Наполеона I и идеализировалась личность самого императора. — *428.*

[322] *«The Continental Review»* («Континентальное обозрение») — английский еженедельный буржуазный журнал, выходил в Лондоне в 1858— 1859 годах. — *428.*

[323] Louis-Napoleon Bonaparte. «Histoire du canon dans les armees modernes». Paris, 1848 (Луи-Наполеон Бонапарт. «История пушки в современных армиях». Париж, 1848). — *430.*

[324] 10 декабря 1848 г. Луи Бонапарт был избран президентом Второй республики. — *430.*

[325] *«L'Univers religieux, philosophique, politique, scientifique et litteraire»* («Мир религии, философии, политики, науки и литературы») — французская клерикальная газета, основана в Париже в 1833 году; в 50-х годах поддерживала политику Бонапарта. — *431.*

[326] Имеется в виду Ахиллес. Согласно древнегреческой мифологии, только он один мог исцелить раны, нанесенные им Телефу, сыну Геракла. — *431.*

[327] *Lacus Curtius* (Пропасть Курция) — так было названо место на территории римского форума, где, согласно преданию, образовался провал от землетрясения, который закрылся лишь после того, как в него бросился, жертвуя собой, юноша-римлянин Курций. — *432.*

[328] Намек на участие Луи Бонапарта в отрядах специальных констеблей (полицейских), навербованных английским правительством для расправы над чартистами. Эти отряды сыграли значительную роль в срыве чартистской демонстрации 10 апреля 1848 г., целью которой была подача в парламент третьей петиции о принятии Народной хартии. — *432.*

[329] J. Mazzini. «To Louis Napoleon». London, 1858 (Дж. Мадзини. «Луи-Наполеону». Лондон, 1858). — *434.*

[330] Маркс имеет в виду умеренный, половинчатый характер политики триумвиров Римской республики 1849 г. — Мадзини, Саффи и Армеллини. Их мероприятия в отношении крестьянства, хотя и имели прогрессивное значение, не привели на практике к изменению аграрных отношений в деревне и не внесли реального улучшения в тяжелое положение итальянских крестьян. — *434.*

[331] Речь идет о книге: Dureau de la Malle. «Economie politique des Romains». T. I—II, Paris, 1840 (Дюро де Ла Маль. «Политическая экономия римлян». Тт. I—II, Париж, 1840) и о книге Монтескье «Considerations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur decadence» («Размышления о причинах величия и падения римлян»). Первое издание вышло в Амстердаме анонимно в 1734 году. — *435.*

[332] J. Lelewel. «Considerations sur l'etat politique de l'ancienne Pologne et sur l'histoire de son peuple» [Paris, 1844] (П. Лелевель. «Размышления о политическом положении бывшей Польши и истории ее народа» [Париж, 1844]). — *435.*

[333] *Marianne* (Марианна) — название тайного республиканского общества во Франции, возникшего в 1850 году; общество ставило своей целью борьбу против Наполеона III. — *436.*

[334] Стремясь войти в доверие к руководителям национально-освободительиого движения в Италии, Луи Бонапарт принял участие в заговоре против светской власти папы в Риме, организованном после смерти папы Пия VIII. Восстание, вспыхнувшее в связи с этим в начале 1831 г. в Модене, Романье и Парме, было подавлено австрийскими войсками и силами итальянских правительств. — *438.*

[335] О памфлете Гюго см. примечание 29. — *439.*

[336] *«The True Briton»* («Истинный британец») — английская ежедневная газета, основана в Лондоне в 1792 году; в начале XIX в. была тесно связана с правительственными кругами. — *443.*

[337] *Суд королевской скамьи* — один из высших судов Англии, после реформы 1873 г. отделение Высокого суда. Суд королевской скамьи рассматривал уголовные и гражданские дела и обладал правом пересмотра решений ряда нижестоящих судов. — *443.*

[338] *«Hamburger Korrespondent»* — сокращенное название немецкой газеты «Staats und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unparteiischen Korrespondenten» («Политическая и научная газета гамбургского беспристрастного корреспондента»). В 50-х годах XIX в. газета выходила ежедневно, имела реакционно-монархическое направление. — *446.*

[339] Намек на введение во Франции новой системы полевой артиллерии, предложенной Луи-Наполеоном. По этой системе все виды артиллерийских орудий заменялись легкой 12-фунтовой пушкой, так называемой гаубицей Луи-Наполеона, которая могла стрелять небольшими снарядами. — *447.*

[340] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1858 год. — *452.*

[341] Имеется в виду первая англо-афганская война 1838—1842 гг. (см. примечание 117). — *453.*

[342] B. Disraeli. «The Young Duke». Vol. I—III, London, 1831. — *459.*

[343] Речь идет о предложениях по бюджету, внесенных в апреле 1853 г. канцлером казначейства (министром финансов) Гладстоном и принятых палатой общин. — *461.*

[344] R. Price. «Observations on Reversionary Payments; on Schemes for providing Annuities for Widows, and for Persons in Old Age; on the Method of Calculating the Values of Assurances on Lives; and on the National Debt». London, 1771 (Р. Прайс. «Замечания о преемственных платежах, о проектах обеспечения ежегодных рент для вдов и стариков, о методе подсчета стоимости страхования жизни и о государственном долге». Лондон, 1771). — *462.*

[345] Намек на опубликованные в «Moniteur» адресы Наполеону III от полковников французской армии по случаю спасения его жизни при покушении 14 января 1858 года. Адресы были полны угроз против Англии. — *464.*

[346] *«Le Pouvoir»* («Власть») — французская бонапартистская газета, основана в Париже в 1849 году; под данным названием выходила с 1850 по 1851 год. — *465.*

[347] *«The New-York Herald»* («Нью-йоркский вестник») — американская ежедневная газета, орган республиканской партии; выходила в Нью-Йорке с 1835 по 1924 год. — *466.*

[348] *Expédition de Boulogne* (Булонская экспедиция) — см. примечание 286. — *466.*

[349] «Reports of the Inspectors of Factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, for the Half Year ending 31st October 1857». London, 1857 («Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества за полугодие, истекшее 31 октября 1857 года». Лондон, 1857). — *470.*

[350] Энгельс имеет в виду старейшую форму оборонительных укреплений вокруг городов и лагерей, широко применявшуюся населением Бирмы. — *479.*

[351] Испанскую крепость *Бадахос,* занятую французами, английские войска под командованием Веллингтона взяли штурмом 6 апреля 1812 года. Штурм занятой французами испанской крепости *Сан-Себастьян* имел место 31 августа 1813 года. — *481.*

[352] Речь идет о прокламации генерал-губернатора Индии лорда Каннинга от 3 марта 1858 г., согласно которой все земли королевства Ауд, в том числе земли крупных феодальных землевладельцев-талукдаров, примкнувших к индийскому восстанию, конфисковывались английскими властями в пользу британского правительства. Однако английское правительство, стремясь привлечь талукдаров на свою сторону, изменило смысл прокламации Каннинга. Талукдарам была обещана полная неприкосновенность их владений, после чего они изменили восстанию и перешли на сторону английских властей.

Критический анализ этой прокламации дан Марксом в его статьях «Аннексия Ауда» и «Прокламация Каннинга и вопрос о землевладении в Индии» (см. настоящий том, стр. 484—489 и 497—500). — *481.*

[353] Несмотря на хорошую организацию своей армии, мужественно и упорно боровшейся с англичанами, сикхи потерпели поражение в сражениях с английскими войсками при деревне Мудки (близ Фирозпура) 18 декабря 1845 г., при Фирузшахре 21 декабря 1845 г. и при деревне Аливале близ Лудхианы 28 января 1846 года. В результате этих сражений сикхи проиграли первую англо-сикхскую войну 1845— 1846 годов; причиной поражения сикхов было предательство со стороны их верховного командования. — *482.*

[354] Заглавие дано согласно записной книжке Маркса за 1858 год. — *484.*

[355] Маркс цитирует прокламацию генерал-губернатора Индии лорда Каннинга от 3 марта 1858 года. — *484.*

[356] Ауд входил в состав могольской империи, но в середине XVIII в. могольский наместник Ауда стал фактически независимым правителем. Англичане с 1765 г. превратили Ауд в субсидиарное (подвластное англичанам) княжество, причем реальная политическая власть в нем оказалась в руках английского резидента. Однако, чтобы замаскировать это положение вещей, англичане нередко именовали правителя Ауда королем. — *485.*

[357] По договору, заключенному между Ост-Индской компанией и навабом Ауда в 1801 г., генерал-губернатор Индии Уэлсли под предлогом неуплаты долга аннексировал половину владений наваба, в том числе Горакхпур, Рохилканд и некоторые районы двуречья, расположенного между Гангом и Джамной. — *486.*

[358] Генерал-губернатор Британской Индии и его Совет — см. примечание 210. — 488.

[359] Редакция «New-York Daily Tribune», которой принадлежит эта вставка в статью Маркса, имеет в виду опубликованную в этой газете 5 июня 1858 г. переписку между генерал-губернатором Индии Каннингом и верховным комиссаром Ауда Утремом по поводу прокламации Каннинга об Ауде. — *497.*

[360] В середине XIX в. под владычеством Англии находилась почти вся Индия. В вассальной зависимости от Ост-Индской компании были княжества Кашмир, Раджпутана, часть Хайдарабада, Майсур и некоторые другие, более мелкие княжества. — *497.*

[361] *Заминдары* — см. примечание 236.

Талукдары — см. примечание 352.

Сердары — крупные сикхские феодалы. — *497.*

[362] Имеется в виду изданный генерал-губернатором Индии Корнуоллисом закон 1793 г. «О постоянном заминдарстве», по которому почти вся земля в Бенгалии, Бихаре и Ориссе была объявлена собственностью заминдаров (см. примечание 236). — *498.*

[363] В своей депеше от 19 апреля 1858 г. председатель Контрольного совета лорд Элленборо отрицательно отозвался о прокламации генерал-губернатора Индии лорда Каннинга по поводу Ауда (см. примечание 352). Так как депеша лорда Элленборо не встретила одобрения в политических кругах Англии, он был вынужден уйти в отставку. — *500.*

[364] *«Спаситель собственности»* — так был назван Луи Бонапарт в адресах, направленных ему муниципальными советами различных городов Франции в июле 1849 года. — *501.*

[365] *«Le Siecle»* («Век») — французская ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 год. В 40-х годах XIX в. отражала взгляды той части мелкой буржуазии, которая ограничивалась требованием умеренных конституционных реформ; в 50-х годах — умеренно-республиканская газета. — *503.*

[366] *«Figaro»* («Фигаро») — французская консервативная газета; выходила в Париже с 1826 г. с перерывом; в 50-х годах имела бонапартистское направление. — *503.*

[367] Намек на то, что премьер-министр Англии одновременно носит титул первого лорда казначейства. — *518.*

[368] *Народная хартия,* содержавшая требования чартистов, была опубликована 8 мая 1838 г. в качестве законопроекта, предназначенного для внесения в парламент; она состояла из шести пунктов: всеобщее избирательное право (для мужчин, достигших 21 года), ежегодные выборы в парламент, тайная подача голосов, уравнение избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента, вознаграждение депутатов. Петиции чартистов с требованием принятия Народной хартии были отклонены парламентом.

Имущественный ценз для членов английской палаты общин был отменен парламентом в 1858 году. — *518.*

[369] Речь идет об антифеодальном движении украинских крестьян против польских помещиков в австрийской провинции Галиции в 1846 году. Распространив провокационный слух, будто австрийский император предполагает отменить барщину, а польские помещики (являвшиеся в Галиции в основном господствующим классом) противятся этому, австрийские власти использовали классовые и национальные противоречия между крестьянами и польской шляхтой, которая готовила в это время антиавстрийское восстание. Не препятствуя крестьянам в течение нескольких дней громить и уничтожать польских панов, австрийское правительство жестоко подавило затем крестьянское восстание. — *520.*

[370] *«L'Union»* («Союз») — французская ежедневная клерикально-монархическая газета. Под данным названием выходила в Париже с 1848 по 1869 год. — *520.*

[371] Речь идет о билле, внесенном в парламент министерством Дерби в марте и принятом парламентом в июле 1858 года. Билль стал законом под названием «Акт о лучшем управлении Индией». По этому закону Индия переходила под власть короны, а Ост-Индская компания подлежала ликвидации с выплатой акционерам вознаграждения в размере 3 млн. фунтов стерлингов. Председатель упраздненного Контрольного совета был заменен министром по делам Индии, при котором был создан совещательный орган — Индийский совет. Генерал-губернатор Индии стал именоваться вице-королем, по существу оставаясь лишь исполнителем воли министра по делам Индии в Лондоне.

Критический анализ билля дан Марксом в статье «Билль об Индии» (см. настоящий том, стр. 538—541). — *527.*

[372] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1858 год. — *533.*

[373] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1858 год. — *538.*

[374] Имеется в виду «Акт о правилах лучшего управления делами Ост-Индской компании» 1773 года. Акт сузил состав акционеров, которые могли участвовать в решении дел Компании и в выборах Совета директоров. Согласно акту, в собраниях акционеров (Совет акционеров) могли участвовать с правом решающего голоса только владельцы акций стоимостью не менее 1000 фунтов стерлингов. На первый раз генерал-губернатор Индии и члены его Совета назначались поименно сроком на 5 лет и могли быть смещены до истечения этого срока только королем по представлению Совета директоров Компании. В дальнейшем генерал-губернатор и его Совет должны были назначаться Компанией. По акту 1773 г. в Калькутте учреждался Верховный суд в составе верховного судьи и трех его помощников. — *538.*

[375] *Министр по делам Индии и его Совет* — см. примечание 371. — *539.*

[376] *«Civis romanus sum»* — прозвище, данное Пальмерстону после его выступления в палате общин по делу купца Пасифико (см. примечание 165). — *541.*

[377] *«Somerset Gazette»* — сокращенное название английского еженедельника «Somerset County Gazette» («Газета графства Сомерсет»), основанного в Тонтоне в 1836 году. — *542.*

[378] Маркс имеет в виду, по-видимому, свою первую статью о леди Булвер-Литтон, написанную 16 июля 1858 **г.**, но не опубликованную в «New-York Daily Tribune». — *543.*

[379] *Эксетер-холл* (Exeter Hall) — здание на улице Стрэнд в Лондоне, в котором с 1831 по 1907 г. помещался центр сторонников евангелического течения в англиканской церкви. — *545.*

[380] *«The Journal of Psychological Medicine and Mental Pathology»* («Журнал психологической медицины и психиатрии») — издавался доктором Форбсом Уинслоу в Лондоне с 1848 по 1883 г. с перерывом. — *546.*

[381] «Annual Reports of the Commissioners in Lunacy to the Lord Chancellor». 1852, 1854, 1857. [London, 1853—1858] («Годичные отчеты членов комиссии по психическим заболеваниям лорду-канцлеру». 1852, 1854, 1857. [Лондон, 1853—1858]). — *548.*

[382] «Return of Lunatic Asylums in England and Wales». London, 1857— 1858 («Отчет о состоянии домов д,ля умалишенных в Англии и Уэльсе». Лондон, 1857—1858). — *550.*

[383] «Report from the Select Committee on Bank Acts». P. I—II, [London] 1857 («Отчет комиссии по расследованию действия законов об Английском банке». Чч. I—II, [Лондон] 1857). — *554.*

[384] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1858 год. — *564.*

[385] Речь идет о неравноправных договорах, подписанных в июне 1858 г. в Тяньцзине Англией, Францией, Россией и США, с одной стороны, и Китаем — с другой, и завершивших вторую «опиумную» войну с Китаем 1856—1858 годов. Договоры открыли для иностранной торговли новые порты: на реке Янцзы, в Маньчжурии и на островах Тайвань и Хайнань, а также порт Тяньцзинь; в Пекин допускались постоянные иностранные дипломатические представители, иностранцам предоставлялось право свободного передвижения по стране и плавания по ее внутренним водам, гарантировалась защита миссионеров. — *564.*

[386] Martin, R. Montgomery. «China; Political, Commercial and Social». Vol. 2, London, 1847 (Мартин, P. Монтгомери. «Китай с точки зрения политической, торговой и социальной». Т. 2, Лондон, 1847). — *565.*

[387] *«The Merchant's Magazine»* — сокращенное название американского журнала «The Merchant's Magazine and Commercial Review» («Торговый журнал и коммерческое обозрение»), основанного Ф. Хантом. Под данным названием выходил в Нью-Йорке с 1839 по 1850 год. — *565.*

[388] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1858 год. — *568.*

[389] *«Journal de Constantinople»* («Константинопольская газета») — турецкая газета, издавалась с 1846 г. на французском языке; субсидировалась турецким правительством и играла роль официоза, являясь в то

же время проводником французского влияния в Турции. Выходила 6 раз в месяц. — *575.*

[390] Имеется в виду тайпинское восстание в Китае (см. примечание 72). — *583.*

[391] Государство сикхов — феодальное индийское государство — возникло в конце XVIII в. на территории Пенджаба. Наибольшего могущества оно достигло в начале XIX в. при правителе Ранджит Сингхе, который подчинил себе все местные княжества Пенджаба и ряд соседних областей. При нем государство сикхов занимало территорию от реки Сатледж до ущелий Хайбера и от Малого Тибета — на севере до границ Синда — на юге. Ранджит Сингх создал в государстве сильную военную организацию. Армия сикхов считалась наилучшей в Индии. В середине XIX в. в результате двух англо-сикхских войн (1845—1846 и 1848—1849) государство сикхов потеряло свою самостоятельность; Пенджаб был аннексирован англичанами. — *593.*

[392] Речь идет о Тяньцзиньском договоре (см. примечание 385). — *599.*

[393] Маркс имеет в виду книгу: J. Mac-Gregor. «Commercial Tariffs and Regulations, Resources, and Trade, of the Several States of Europe and America». London, 1841—1850 (Дж. Мак-Грегор. «Торговые тарифы и правила, ресурсы и торговля отдельных государств Европы и Америки». Лондон, 1841—1850). — *601.*

[394] *«The Morning Star»* («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров, выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — *602.*

[395] *«Daily Telegraph»* («Ежедневный телеграф») — английская ежедневная газета, основана в Лондоне в 1855 году; в 50-х годах имела либеральное направление. — *603.*

[396] *Главный комитет по крестьянскому делу* — так стал называться с января 1858 г. бывший Секретный комитет по крестьянскому делу, созданный Александром II 3 января 1857 г. под председательством князя Орлова; целью Секретного комитета была подготовка реформы крепостного права; великий князь Константин был только членом этого комитета. — *605.*

[397] Маркс имеет в виду указ Александра I от 20 февраля 1803 г. «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных», а также указы Николая I 1842, 1844, 1846 и 1847 гг. (см. также настоящий том, стр. 699—700). — *607.*

[398] 18 марта 1848 г. в Берлине во время разгона демонстрации на площади перед королевским дворцом неожиданно раздались два выстрела из солдатских ружей. Эта провокация со стороны прусского военного командования послужила сигналом к началу вооруженной баррикадной борьбы на улицах города, закончившейся поражением королевских войск. В результате уличных схваток с войсками более 400 жителей Берлина было убито и свыше 1000 ранено. Захватив охрану

дворца в свои руки, восставший народ утром 19 марта заставил короля выйти на балкон и обнажить голову перед трупами павших борцов. — *610.*

[399] Согласно древнегреческой мифологии, Дионис, чтобы отомстить царю Фив Пенфею, не признававшему его богом, увел всех женщин — жительниц Фив в горы Киферона, где они, опьяненные, предавались вакхическим пляскам. В неистовстве вакханки растерзали Пенфея. — *610*

[400] Фридрих-Вильгельм IV, стремившийся к возрождению реакционной феодальной романтики, издал в 1843 г. указ о восстановлении *ордена Лебедя* — средневекового религиозно-рыцарского ордена, основанного в 1443 г. и распавшегося в эпоху Реформации. Однако этот замысел прусского короля остался неосуществленным. — *612.*

[401] Заглавие дано по записной книжке Маркса за 1858 год. Как явствует из письма Маркса Энгельсу от 8 октября 1858 г., Маркс поместил эту статью также в газете «Free Press» 24 ноября, изменив ее начало и конец. — *614.*

[402] Имеются в виду организованная в 1839 г. с целью завоевания Хивы, но окончившаяся неудачей экспедиция генерала В. А. Перовского (см. примечание 119) и первая англо-афганская война (см. примечание 117). Говоря о неудачах английской армии, Энгельс, по-видимому, имеет в виду трудности, которые испытывала англо-индийская армия во время похода на Кабул. — *614.*

[403] Принц Прусский был одним из наиболее ненавистных народу главарей реакционной придворной камарильи; в дни мартовской революции 1848 г. в Германии бежал в Англию. Во время баденско-пфальцского восстания 1849 г. принц был главнокомандующим прусских войск, участвовавших в подавлении восстания. — *621.*

[404] *Seehandlung* (Морская торговля) — торгово-кредитное общество, основанное в 1772 г. в Пруссии; это общество, пользовавшееся рядом важных государственных привилегий, предоставляло крупные ссуды правительству, фактически выполняя роль его банкира и маклера по финансовой части. В 1904 г. было официально преобразовано в прусский государственный банк. — *622.*

[405] *«Chambre introuvable»* («Бесподобная палата») — палата депутатов во Франции 1815—1816 гг., состоявшая из крайних реакционеров. — *623.*

[406] Во время так называемой Варшавской конференции в октябре 1850 г. (см. примечание 219) Николай в резком и угрожающем тоне разговаривал с представителем Пруссии министром-президентом графом Бранденбургом. По возвращении из Варшавы граф Бранденбург внезапно умер. Его смерть приписывали оскорбительному обращению с ним со стороны царя и волнению прусского премьера в связи с национальным унижением Пруссии. — *627.*

[407] *Законы Ману* — древнеиндийский сборник предписаний, определяющих обязанности каждого индуса в соответствии с догмами брахманизма. Составление этих законов индийская традиция приписывала Ману — мифическому родоначальнику людей. — *629.*

[408] *«Volks-Zeitung»* («Народная газета») — немецкая ежедневная демократическая газета, выходила в Берлине с 1853 года.

«National-Zeitung» («Национальная газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, под данным названием издавалась в Берлине в 1848—1915 годах; в 50-е годы придерживалась либерального направления. — *633.*

[409] Сервию Туллию (VI в. до н. э.) приписывается реформа общественного строя Древнего Рима, положившая конец родовому строю и завершившая переход к рабовладельческому государству. Согласно этой реформе, население Рима, способное носить оружие и прежде делившееся на патрициев и плебеев, было разделено на пять основных классов в зависимости от их имущественного ценза. Каждый класс выставлял определенное количество войсковых единиц — центурий, являвшихся в то же время и политическими единицами. При этом особое значение приобрели собрания центурий, на которых каждый класс получал столько голосов, сколько выставлял центурий. Этот порядок давал преобладающее влияние при решении важнейших политических вопросов наиболее состоятельным классам. Прежнее деление римлян на племенные трибы, объединявшие по сто родов, было заменено территориальными трибами. — *636.*

[410] *Гераклейский полуостров* — так называлась часть Крымского полуострова на запад от Инкермана до Балаклавы; был одним из главных театров военных действий, развернувшихся в связи с осадой Севастополя. Упоминая об отторжении от России небольшого клочка территории, Маркс имеет в виду часть Бессарабии, от которой Россия вынуждена была отказаться по Парижскому миру 1856 года. — *637.*

[411] Так Николай I назвал Турцию в беседе с английским посланником в Петербурге Г. Сеймуром 9 января 1853 г., предлагая разделить Турецкую империю между Россией и Англией. Англия, не желавшая усиления России и заинтересованная в сохранении слабой Оттоманской империи, отклонила это предложение. — *637.*

[412] G. W. Cooke. «China: being «The Times» Special Correspondence from China in the Years 1857—58». London, 1858, p. 273 (Дж. У. Кук. «Китай: специальные корреспонденции из Китая для газеты «Times» за годы 1857—58». Лондон, 1858, стр. 273). — *639.*

[413] *«Le Correspondant»* («Корреспондент») — французский ежемесячный католический журнал; выходил в Париже с 1829 года; в 50-х годах — орган орлеанистов. —*643.*

[414] Введенная в XVI в. в Англии должность *лорда-президента Государственного совета* (впоследствии Тайного совета) сохранилась в кабинете министров в качестве почетной должности, представляя собой нечто вроде поста министра без портфеля; обладатель ее не оказывал никакого влияния на государственные дела. — *648.*

[415] *«Staats-Anzeiger»*—сокращенное название немецкой ежедневной газеты «Koniglich-Preusischer Staats-Anzeiger» («Королевско-прусский государственный вестник»), официального органа прусского правительства; под этим названием выходила в Берлине с 1851 по 1871 год. — *648.*

[416] Унтер-ден-Линден *(Unter den Linden)* — одна из центральных улиц в Берлине. — *648.*

[417] *«Илиада»* — знаменитая древнегреческая эпическая поэма, приписываемая легендарному поэту Древней Греции Гомеру.

«Эдда» — собрание исландских мифологических и героических песен VII—XIII вв., один из величайших памятников мирового эпоса. — *649.*

[418] *Гудибрас* — герой одноименной сатирической поэмы английского поэта Батлера, отличавшийся склонностью к бессмысленным рассуждениям и спорам и способностью с помощью силлогизмов «доказывать» самые абсурдные положения. — *653.*

[419] *«Le tiers-etat c'est tout»* («Третье сословие — все») — перефразировка выражения «Что такое третье сословие? — Все» из брошюры Э. Ж. Сиейеса «Qu'est-ce que le tiers-etat?» («Что такое третье сословие?»), вышедшей в 1789 г. накануне французской буржуазной революции. — *653.*

[420] D. Hansemann. «Preusen und Frankreich» (Д. Ганземан. «Пруссия и Франция»). Первое издание вышло в 1833 году. — *653.*

[421] *Готская партия* была образована в июне 1849 г. представителями контрреволюционной крупной буржуазии, правыми либералами, ушедшими из Франкфуртского собрания после отказа прусского короля Фридриха-Вильгельма IV принять из рук Национального собрания императорскую корону и решения левого большинства Собрания о создании имперского регентства. Эта партия, боясь победы революции, ставила своей целью объединение всей Германии за исключением Австрии под главенством гогенцоллернской Пруссии. — *654.*

[422] Речь идет о войне Пруссии против Дании в 1848—1850 годах. Потерпев поражение, Пруссия была вынуждена заключить с Данией мир (1850 г.), согласно условиям которого Шлезвиг и Гольштейн по-прежнему оставались в полном подчинении Дании. — *655.*

[423] Имеется в виду немецкий писатель Пюклер-Мускау, выпустивший в Штутгарте в 1831 г. книгу «Briefe eines Verstorbenen» («Письма покойника»). — *655.*

[424] *«Kreuz-Zeitung»* («Крестовая газета») — известное название крайне реакционной немецкой ежедневной газеты «Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета»), которая издавалась в Берлине с июня 1848 г. и была органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства. «Neue Preusische Zeitung» имела в заголовке изображение креста ландвера. — *657.*

[425] Немецкое Krautjunker («зубр-помещик») переводится на английский язык как fox-hunter (охотник на лисиц), по аналогии с традиционным развлечением английских землевладельцев — охотой на лисиц. — *659.*

[426] *Ящик Пандоры* — вместилище зла и раздоров; литературный образ, сложившийся на основе древнегреческого мифа о Пандоре, из любопытства открывшей сосуд, в котором были заключены всевозможные бедствия, и выпустившей их наружу. — *666.*

[427] *«Preusische Zeitung»* — сокращенное название немецкой ежедневной газеты, правительственного органа «Allgemeine Preusische Zeitung» («Всеобщая прусская газета»). Под данным названием выходила в Берлине с 1853 по 1859 год. — *668.*

[428] *Treubund* (Союз верных) — реакционно-шовинистическая организация, созданная прусскими монархистами в Берлине в конце 1848 года.

Оранжисты (орден оранжистов) — реакционная террористическая организация, созданная в Ирландии в 1795 г. лендлордами и протестантским духовенством для борьбы против национально-освободительного движения ирландского народа. Орден объединял ультрареакционные ирландские и английские элементы из всех слоев общества и систематически занимался натравливанием протестантов на ирландцев-католиков. Особенно сильным было влияние ордена в населенной протестантами Северной Ирландии. Свое название орден получил в память Вильгельма III Оранского, подавившего восстание в Ирландии в 1688—1689 годах. — *668*.

[429] Маркс имеет в виду произведение Тушар-Лафоса «Chroniques de l'Oeilde-Boeuf» («Хроника приемной»), изданное в восьми томах в Париже в 1829—1833 годах. Oeil de boeuf (буквально: бычий глаз) — так называлась большая приемная комната перед спальней французского короля в Версальском дворце. — *669.*

[430] *Восстание в Милане* 6 февраля 1853 г. было поднято сторонниками итальянского революционера Мадзини и поддержано венгерскими революционными эмигрантами. Повстанцы, большинство которых состояло из итальянских рабочих-патриотов, ставили целью свержение австрийского господства в Италии. Однако организованное на основе заговорщической тактики и без учета реальной обстановки, восстание быстро потерпело поражение. Оценка его была дана Марксом в ряде статей (см. настоящее издание, т. 8, стр. 544—545, 550—553, 572—573).

Высадка в Сапри (провинция Салерно) небольшого отряда, возглавленного итальянским революционером-демократом К. Пизакане, с целью поднять восстание на юге Италии имела место в конце июня 1857 года. Не сумев установить связи с крестьянскими массами и не получив их поддержки, отряд этот был разгромлен неаполитанскими войсками. — *671.*

[431] Энгельс имеет в виду выступление в Италии известной итальянской трагической актрисы Ристори, исполнявшей роль библейской героини Юдифи в одноименной драме Джакометти. Согласно библейской легенде, Юдифь ради спасения своего народа убила ассирийского полководца Олоферна и тем дала возможность иудеям выгнать врагов из своей страны. В конце пьесы Ристори пела гимн, содержавший слова: «Пусть они знают, что свята война, коль чужеземец отчизне грозит». Итальянские патриоты встречали этот гимн шумной демонстрацией, явно направленной против австрийских оккупантов. Во время гастролей артистки в Парме герцогиня Пармская разрешила исполнение гимна полностью, ссылаясь на то, что в Парме не было чужестранцев. Пьеса вызвала восторг у публики; в какой бы пьесе после этого ни выступала Ристори, публика требовала от нее исполнения гимна из «Юдифи», всякий раз сопровождая его бурными рукоплесканиями. — *674.*

[432] Имеется в виду статья Монталамбера «Un debat sur l'Inde au parlement anglais» («Дебаты об Индии в английском парламенте»), напечатанная в журнале «Le Correspondant», новая серия, т. IX, 25 октября 1858 года. - *674*.

[433] Имеется в виду разгром прусской армии под Йеной 14 октября 1806 г., который повлек за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией, показав всю гнилость социально-политического строя феодальной монархии Гогенцоллернов. — *679.*

[434] На Ионических островах, находившихся с 1815 г. под английским протекторатом, так же как и в самой Греции, в 50-х годах нарастало национальное движение за объединение с Грецией. В ноябре 1858 г. на острова был послан со специальной миссией Гладстон. Хотя законодательное собрание Корфу (главного острова Ионических островов) единодушно высказалось за объединение с Грецией, английскому правительству удалось затянуть решение этого вопроса на ряд лет. Ионические острова были переданы Греции только в 1864 году.

Называя Гладстона «гомеровским», Маркс имеет в виду, по-видимому, то обстоятельство, что Гладстон являлся автором только что вышедшей тогда книги: «Studies on Homer and the Homeric Age». Oxford, 1858 («Очерки о Гомере и гомеровской эпохе». Оксфорд, 1858). — *681*.

[435] В 1799 г. русская эскадра адмирала Ф. Ф. Ушакова освободила Ионические острова от власти французов. Ушаков провозгласил на островах республику и ввел конституцию, предоставлявшую им широкое самоуправление, В 1807 г. острова снова были отданы под власть Франции, и Наполеон I фактически упразднил эту конституцию. В 1815 г. острова были переданы Англии, которая установила над ними свой протекторат и ввела там новую конституцию, облекавшую неограниченной властью британского представителя на островах — лорда верховного комиссара. Нараставшее на островах недовольство чужеземным владычеством вынудило английское правительство (в котором Грей занимал пост министра военных дел и колоний) провести там в 1849 г. реформу, несколько расширявшую местное самоуправление и избирательные права ионийцев. — *684.*

[436] *Принтинг-хаус-сквер* — площадь в Лондоне, местонахождение главной редакции газеты «Times». — *685.*

[437] Маркс намекает на то обстоятельство, что Дерби, будучи в 1830—1833 гг. главным секретарем по делам Ирландии, проводил репрессивную политику в отношении ирландского народа. По акту о приостановке конституционных гарантий (Coercion act), который Дерби в 1833 г. провел через парламент, в Ирландии запрещалась свобода собраний, вводились осадное положение и военные суды и приостанавливалось действие Habeas Corpus Act.

Оранжистские ложи — см. примечание 428. — *687.*

[438] *Феникс-клуб* — ирландское тайное общество, возникшее из разгромленных после 1848 г. революционных ирландских клубов; объединяло главным образом мелких служащих, приказчиков и рабочих. Общество было связано с ирландскими революционными эмигрантами в США. В 1858 г. в результате пропаганды лидера фениев Стефенса

большинство членов клуба вступило в тайное фенианское братство. — *689.*

[439] *Риббонизм* (от слова ribbon — лента) — возникшее в конце XVIII в. в Северной Ирландии движение ирландских крестьян, объединенных в тайные организации (участники этих организаций носили в качестве эмблемы полоску зеленой материи). Движение риббонистов являлось одной из форм народного сопротивления произволу английских лендлордов и насильственному сгону арендаторов с земли. Риббонисты нападали на помещичьи усадьбы, организовывали покушения на наиболее ненавистных лендлордов и управляющих. Однако деятельность риббонистов носила чисто местный, разобщенный характер без какой-либо общей программы действий. — *689.*

[440] *«The Daily Express»* («Ежедневный экспресс») — английская ежедневная правительственная газета, издавалась с 1851 г. в Дублине. — *689.*

[441] *«Предрассветные парни»* (Peep-o'-Day boys) — название членов реакционных протестантских (пресвитерианских) организаций, возникших в Северной Ирландии в 80-х годах XVIII в. для борьбы против католиков. Находя открытую поддержку у лендлордов и молчаливую поддержку со стороны английского правительства, разжигавшего и поощрявшего в своих интересах религиозную рознь среди ирландцев, члены этих обществ обычно на рассвете (отсюда название «Предрассветные парни») вламывались в дома католиков и громили их под предлогом поисков оружия, которое по закону было запрещено иметь католикам.

«Защитники» («Defenders») — название членов организаций ирландских католиков, возникших в 80-х годах XVIII в. с целью защиты против «Предрассветных парней». — *690.*

[442] Имеется в виду *Главный комитет по крестьянскому делу* (см. примечание 396). — *692.*

[443] Маркс упоминает о событиях французской буржуазной революции конца XVIII века. В ночь на *4 августа 1789 г.* французское Учредительное собрание под давлением растущего крестьянского движения торжественно провозгласило отмену ряда феодальных повинностей, которые были к тому времени фактически уничтожены восставшими крестьянами. Однако изданные вслед за тем законы отменили без выкупа только личные повинности.

Декларация прав человека и гражданина была принята 20 августа 1789 г. французским Учредительным собранием. Одним из основных пунктов Декларации было провозглашение свободы, собственности и т. д. естественными и неотъемлемыми правами человека. —*695.*

[444] Папа Пий IX, чтобы предотвратить рост народного движения, выступил вскоре после своего избрания в 1846 г. инициатором ряда либеральных реформ (частичная амнистия политическим заключенным, отмена предварительной цензуры и т. д.). — *695.*

[445] Маркс имеет в виду «Положение вотчинного управления помещичьих крестьян С.-Петербургской губернии, составленное в С.-Петербургском дворянском комитете». Маркс сравнивает этот документ, появившийся около 5 декабря 1857 г., с поданной английским парламентом королю Карлу I 28 мая 1628 г. «Петицией о правах», в которой содержалось требование значительного ограничения королевской власти. — *698.*

[446] В 1807 г. в Пруссии была проведена реформа, отменявшая личную зависимость крестьян от помещика, но сохранявшая все повинности и судебно-полицейскую власть помещика над крестьянами. Несмотря на половинчатый характер этой реформы, помещики всеми силами пытались затормозить ее осуществление, сопротивлялись проведению реформы самоуправления в деревне. В 1808. г. они добились права присвоения крестьянских участков. Несмотря на предоставление в 1811 г. крестьянам права выкупа феодальных повинностей, крестьяне практически не всегда могли воспользоваться этим правом из-за тяжелых условии выкупа. Процесс освобождения крестьян от крепостной зависимости затянулся в Пруссии на долгие годы. — *701.*

[447] Намек на Фридриха-Вильгельма IV.

«Berliner politisches Wochenblatt» («Берлинский политический еженедельник») — крайне реакционный орган, издавался с 1831 по 1841 год; пользовался поддержкой и покровительством кронпринца Фридриха-Вильгельма (с 1840 г. — король Фридрих-Вильгельм IV). — *703.*

[448] *Право мертвой руки* — в средние века право феодала на наследование имущества умершего крепостного крестьянина. Так как на практике земельное держание и имущество умершего крестьянина оставались за его наследниками, последние были обязаны за это уплачивать феодалу особый обременительный взнос натурой или деньгами — менморт (mainmorte — мертвая рука). — *704.*

[449] *Reichsunmittelbarer Furst* в средние века, в период существования Священной Римской империи германской нации — немецкий государь, непосредственно подчиненный императору. К числу таких государей относился в те времена и прусский король. — *705.*

[450] Настоящая работа Маркса является началом его экономических рукописей 1857—1858 гг., опубликованных полностью пока только на языке оригинала Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1939 г. под редакционным заглавием «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf)».

«Введение», над которым Маркс работал с конца августа до середины сентября 1857 г., представляет собой неоконченный набросок «общего введения» к задуманному им большому экономическому произведению, в котором Маркс предполагал исследовать всю совокупность проблем капиталистического способа производства и вместе с тем подвергнуть критике буржуазную политическую экономию. Основные пункты плана этого большого произведения указаны Марксом уже в самом «Введении». В процессе дальнейших исследований Маркс неоднократно менял свой первоначальный план и в соответствии с новыми его вариантами создал «К критике политической экономии» и «Капитал». Упомянутая рукопись 1857—1858 гг. явилась как бы черновым наброском обоих этих произведений. «Введение» было обнаружено в бумагах Маркса в 1902 году. В 1903 г. оно было опубликовано на немецком языке в Берлине, в журнале «Neue Zeit»; на русском языке впервые издано в 1922 г. в Петрограде в книге: К. Маркс. «К критике политической экономии».— *709.*

[451] Имеется в виду теория Руссо о взаимоотношениях между людьми при их переходе из естественного в гражданское состояние, развитая в его работе: J. J. Rousseau. «Du Contract social; ou, Principes du droit politique». Amsterdam, 1762 (Ж. Ж. Руссо. «Об общественном договоре, или Принципы политического права». Амстердам, 1762). — *709.*

[452] J. St. Mill. «Principles of Political Economy». Vol. I, London, 1848. Book I, «Production» (Дж. Ст. Милль. «Начала политической экономии». Т. I, Лондон, 1848. Книга I, «Производство»). — *712.*

[453] J. St. Mill. «Principles of Political Economy». Vol. I, London, 1848. Book I, «Production». — *713.*

[454] *Determinatio est negatio* — определение есть отрицание. Маркс приводит здесь это положение Спинозы в толковании Гегеля, приобретшем широкую известность. У Спинозы это выражение употребляется в смысле «ограничение есть отрицание» (см. Б. Спиноза. «Переписка», письмо № 50). — *716.*

[455] Имеется в виду, в частности, «истинный социалист» К. Грюн, взгляды которого на соотношение между производством и потреблением Маркс подверг критике в «Немецкой идеологии» (см. настоящее издание, том 3, стр. 519—523). — *720.*

[456] H. Storch. «Considerations sur la nature du revenu national». Paris, 1824, p. 144—159 (А. Шторх. «Соображения о природе национального дохода». Париж, 1824, стр. 144—159). — *720.*

[457] *Credit Mobilier* — см. примечание 28. — *737.*

[458] *Фама* — римское название греческой богини молвы Оссы, служит олицетворением быстро распространяющихся слухов. — *737.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(апрель 1856—январь 1859)

1856

14 апреля

По приглашению редакции чартистского органа «The People's Paper» («Народная газета») Маркс принимает участие в праздновании четвертой годовщины со дня основания газеты. Пользуясь предоставленным ему правом первого выступления, он произносит речь о всемирно-исторической роли пролетариата. Маркс отмечает незавершенность революции 1848—1849 гг. и подчеркивает, что противоречия капиталистического общества неизбежно приведут к социальной революции и к победе пролетариата. Запись речи Маркса публикуется 19 апреля в «People's Paper», редактору которой — Джонсу — он продолжает оказывать постоянную помощь своими статьями и советами.

Вторая половина апреля 1856 — март 1857

Маркс продолжает работу над изучением англо-русских отношений XVIII в., начатую в феврале 1856 года.
Он конспектирует дипломатические документы и историческую литературу на английском, немецком и французском языках, в частности, делает выписки из работ Мотли, Сегюра, Бойера и др.

16 апреля

Изучая перспективы нового революционного подъема в Германии, Маркс развивает дальше идею союза рабочего класса и крестьянства. В письме Энгельсу он пишет, что «все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны».

Маркс посылает Энгельсу среди других материалов также «Слово о полку Игореве».

Около 25 апреля

Маркс пишет статью о дебатах в палате лордов по поводу перенесения памятника герцогу Йоркскому с площади Ватерлоо в Лондоне. Статья, в которой на

примере жизни и деятельности герцога бичуются тунеядство и пороки высшего английского аристократического общества, печатается под заглавием «Палата лордов и памятник герцогу Йоркскому» в «People's Paper» 26 апреля.

26 апреля Маркс пересылает Энгельсу полученное из Германии письмо от бывшего члена Союза коммунистов Иоганна Микеля, в котором последний просит Маркса сообщить свою точку зрения по вопросу об отношении пролетарской партии к буржуазии в предстоящей революции; при этом Микель высказывает мнение, что пролетариату следует избегать всяких мер, которые могут отпугнуть буржуазию.

Начало мая Маркс получает из Кёльна от Адольфа Хамахера письмо с приветом от имени кёльнских, эльберфельдских и золингенских рабочих. В связи с разногласиями между рабочими организациями Кёльна и Дюссельдорфа Хамахер обращается к Марксу с просьбой прислать представителя из Лондона, чтобы на месте обсудить вопросы рабочего движения в Рейнской провинции. Маркс намеревается написать письмо в Кёльн и послать его в целях конспирации через свою жену.

Между 5 и 15 мая Маркс посылает в г. Данди бывшему члену Союза коммунистов Имандту материал о Кошуте, который Имандт использует в своих статьях, опубликованных в некоторых местных газетах.

Середина мая Энгельс предпринимает путешествие по Ирландии. Он посещает Дублин, Голуэй, Лимерик, Трейли и другие города, отмечая повсюду разорение и нищету ирландского населения в результате завоевательных войн англичан и их колониальной политики в Ирландии.

Около 16 мая Маркс пишет статью о внутренней и внешней политике Сардинского королевства. Статья под заглавием «Сардиния» публикуется 17 мая в «People's Paper» и 31 мая в американской газете «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна»).

Приблизительно 18 мая — 3 июня Маркс сильно болен; временами не в состоянии работать; доктор советует ему отдохнуть вне Лондона.

23 мая По возвращении из Ирландии в Манчестер Энгельс пишет Марксу письмо, в котором дает глубокую характеристику положения Ирландии, называя ее «первой английской колонией».

Июнь Маркс изучает деятельность французского акционерного банка Crédit Mobilier и пишет о нем три статьи. Первая из статей под заглавием «Французский Crédit Mobilier» публикуется в «People's Paper» 7 июня. Все

статьи под этим же заглавием печатаются затем в «New-York Daily Tribune» 21, 24 июня и 11 июля.

Июнь—сентябрь Энгельс знакомится с новой книгой французского военного писателя Базанкура «Крымская кампания до взятия Севастополя», написанной с бонапартистских позиций; делает из нее выписки, которые озаглавливает «Сент-Арно».

Около 7 июня — середина июля Маркс вместе с Пипером едет из Лондона в Гулль, а оттуда к Энгельсу в Манчестер.

28 июня — 2 августа В газетах «The Sheffield Free Press» («Шеффилдская свободная пресса») и лондонской «The Free Press» («Свободная пресса») печатаются под заглавием «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» подобранные Марксом дипломатические письма и документы, которые он сопровождает своими пояснениями и примечаниями. Этой публикацией должна была начинаться задуманная Марксом работа об англо-русских отношениях XVIII века. Маркс прекращает, однако, публикацию «Разоблачений», так как редакция допускала искажения в тексте и самовольно сокращала его.

Приблизительно начало июля В своем письме Микелю Маркс, предварительно посоветовавшись с Энгельсом и В. Вольфом, подробно останавливается на вопросах о характере и движущих силах предстоящей революции в Германии. Маркс разъясняет, что единственным союзником пролетариата в будущей революции явится крестьянство. Он настаивает на необходимости беспощадной борьбы против буржуазии. Письмо Маркса Микель распространяет среди своих друзей и единомышленников.

25 июля — начало августа В связи с июльскими революционными событиями в Мадриде Маркс пишет две статьи с характеристикой и оценкой испанской революции 1856 года. Статьи в качестве передовых печатаются в «New-York Daily Tribune» 8 и 18 августа.

Начало августа Энгельс отвечает отказом на предложение своего двоюродного брата Э. Бланка подать прусским властям прошение об амнистии Энгельса, который подлежал в Германии аресту за участие в революции 1848—1849 годов.

Вторая половина августа Энгельс находится в Лондоне для встречи с матерью, на время приехавшей в Англию.

16 августа 1856— 1 апреля 1857 В лондонской газете «Free Press» под заглавием «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» публикуется введение объемом в 5 печатных листов к задуманной Марксом работе об англо-русских отношениях в XVIII веке. В отличие от первой публикации «Разоблачений», которая была начата в газетах

«Sheffield Free Press» и «Free Press», данная публикация является более полной. Значительную часть введения составляют дипломатические письма, документы и исторические памфлеты. Сама работа, которая по замыслам Маркса должна была иметь объем в 20 печатных листов, осталась неосуществленной.

Около 30 августа Маркс получает от В. Вольфа известие о смерти бывшего члена Союза коммунистов, друга Маркса и Энгельса, немецкого пролетарского поэта Георга Веерта, который умер в Гаване.

Около 8 сентября — декабрь У Маркса много времени отнимают домашние заботы в связи с болезнью жены и переездом на новую квартиру, поэтому он пишет мало статей для «New-York Daily Tribune».

Середина сентября Маркс получает от Дана пятнадцать статей Энгельса о панславизме и три свои статьи о Дунайских княжествах, не напечатанных редакцией «New-York Daily Tribune» под влиянием ее сотрудника панслависта Гуровского.

22 сентября Маркс встречается с Олмстедом, представителем американской издательской фирмы Патнема; при встрече присутствует также Ф. Фрейлиграт, немецкий поэт, бывший член Союза коммунистов, с которым Маркс поддерживает постоянные отношения в Лондоне. Олмстед заказывает статью о Крымской войне в связи с книгой Базанкура, а также статью на тему «корабли против крепостей» и другие военные темы, Просит также Маркса написать о недавно умершем Г. Гейне.

Около 26 сентября — около 17 октября В связи с начавшимся кризисом на международном денежном рынке Маркс пишет на эту тему первые четыре статьи. Три из них в качестве передовых публикуются в «New-York Daily Tribune» 9, 27 октября и 1 ноября и одна в качестве корреспонденции под заглавием «Денежный кризис в Европе» — 15 октября.

26 сентября Энгельс сообщает Марксу о своем намерении написать некролог о Георге Веерте и поместить его в одной из берлинских газет. Делится своими впечатлениями о симптомах и перспективах надвигающегося экономического кризиса; высказывает предположение, что кризис должен разразиться летом 1857 года.

Октябрь В связи с надвигающимся экономическим кризисом Маркс возобновляет свои занятия политической экономией, в частности, основательно изучает вопрос о серебре.

Начало октября Маркс переезжает в более здоровый район Лондона, в квартиру по адресу: 9, Графтен-террес, Мейтленд-парк, Хаверсток-Хилл, Хэмпстед-род.

После 3 октября	Маркс получает из Парижа от немецкого эмигранта Р. Рейнхардта годичные отчеты Crédit Mobilier и использует их для своих статей.
Вторая половина октября 1856 — март 1857	Маркс изучает историю Польши, особенно интересуется польским вопросом в революциях XVIII и XIX вв., приходит к выводу, что, начиная с 1789 г., интенсивность и жизнеспособность всех революций можно довольно точно измерять по их отношению к Польше; читает работу Мерославского «Роль Польши в европейском равновесии» и работы Лелевеля: «История Польши», т. I и «Размышления о политическом положении бывшей Польши и истории ее народа».
Около 30 октября	Энгельс заканчивает статью о книге Базанкура, озаглавив ее «Сент-Арно». Статья получает высокую оценку Маркса, который посылает ее в редакцию нью-йоркского журнала «Putnam's Monthly» («Ежемесячник Патнема»); однако статья остается неопубликованной.
30 октября	В связи с подготовкой английским правительством военной экспедиции в Персидский залив для захвата острова Харак (Харг) Маркс пишет статью о Персии, в которой разоблачает агрессивную внешнюю политику Англии в Азии. Редакция «New-York Daily Tribune», сильно сократив статью, печатает ее в виде передовой только 7 января 1857 года.
Около 7 ноября и около 21 ноября	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» две статьи о европейском финансовом и торговом кризисе, которые в качестве передовых печатаются в газете 22 ноября и 6 декабря.
Вторая половина ноября	Энгельс изучает литературу по военно-морскому делу в связи с подготовкой серии статей для журнала «Putnam's Monthly»; читает книгу У. Джемса «Морская история Англии» главным образом ради темы «корабли против крепостей».
17 ноября	Энгельс сообщает Марксу ряд фактов, свидетельствующих об обострении финансового кризиса в Европе, об угрозе кризиса во Франции, об авантюристической политике Наполеона III и складывающихся во Франции благоприятных условиях для начала революции, а также о тактике пролетарской партии в предстоящей революции.
Конец ноября	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» две экономические статьи об Австрии, которые под заглавием «Морская торговля Австрии» печатаются 9 января и 4 августа 1857 года.
Около 2 декабря	В связи с возникшим между Пруссией и Швейцарией конфликтом из-за Невшателя Маркс изучает историю Пруссии; сообщает Энгельсу ряд критических

замечаний о прусской истории; пишет по этому поводу статью, которая под заглавием «Божественное право Гогенцоллернов» публикуется в «People's Paper» 13 декабря 1856 г. и в «New-York Daily Tribune» 9 января 1857 года.

1857

Январь—февраль — Маркс пишет статью (оставшуюся неоконченной), направленную против памфлетов Бруно Бауэра о России и Англии. В то же время Маркс изучает русскую историю и составляет таблицу с обзором исторических событий в России с 973 по 1676 год; читает книгу Лаллерстедта «Скандинавия, ее опасения и надежды».

Январь — март — Энгельс перегружен работой в конторе. В связи с этим почти совершенно не имеет времени для написания статей в «New-York Daily Tribune».

Маркс изучает книгу Реньо «Политическая и социальная история Дунайских княжеств» и делает из нее выписки.

7 января — Маркс отправляет в редакцию «New-York Daily Tribune» статью об англо-китайском конфликте в Кантоне, в которой подробно анализирует инцидент с контрабандистским китайским судном «Эрроу», послуживший поводом для возникновения второй «опиумной» войны в Китае. Статья в качестве передовой печатается в газете 23 января.

Около 10 января — Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о горной войне в связи с прусско-швейцарским конфликтом из-за Невшателя; статья в качестве передовой публикуется в газете 27 января.

Вторая половина января — Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» вторую статью о горной войне, Маркс пишет финансовую статью; статьи остаются неопубликованными.

20 января — Маркс сообщает Энгельсу, что в течение примерно трех недель «New-York Daily Tribune» не напечатала ни одной из написанных им и Энгельсом статей.

Около 27 января—начало февраля — В связи с англо-персидской войной Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о захватнических планах Англии в отношении Персии, а Энгельс — статью о перспективах англо-персидской войны; обе статьи публикуются в газете в качестве передовых 14 и 19 февраля.

5 февраля — Маркс получает письмо от Микеля с предложением сотрудничать в гамбургском журнале «Das Jahrhundert» («Столетие»), но отвечает отказом ввиду мелкобуржуазного направления журнала.

6 февраля	Маркс посылает письмо Дана, в котором требует объяснения относительно редкого печатания своих статей в «New-York Daily Tribune» и заявляет о своем намерении уйти из газеты.
Середина февраля — начало июля	Маркс продолжает изучать экономическую литературу, в частности, только что вышедшие в свет V и VI тома «Истории цен» Тука, работу Маклеода «Теория и практика банковского дела», и делает из них выписки.
20 февраля	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью, которая публикуется в газете 9 марта под заглавием «Новый английский бюджет».
27 февраля	Маркс пишет статью «Парламентские дебаты о военных действиях в Китае», которая печатается в «New-York Daily Tribune» 16 марта.
Март — июль	Марксу лишь с трудом удается работать в связи с сильным ухудшением здоровья жены и очень тяжелым материальным положением; из-за безденежья не в состоянии уплатить квартирной платы; в апреле болен сам.
6 марта — 7 апреля	По поводу новых парламентских выборов в Англии Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» пять статей: «Поражение министерства Пальмерстона», «Предстоящие выборы в Англии», «Английские выборы», «Поражение Кобдена, Брайта и Гибсона» и «Результаты выборов». Статьи публикуются в газете 25, 31 марта, 6, 17 и 22 апреля.
Около 18 марта	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о русской торговле с Китаем. Статья в качестве передовой публикуется 7 апреля.
21 марта	Маркс получает письмо Дана от 5 марта, в котором последний просит Маркса не порывать с «New-York Daily Tribune» и обязуется оплачивать ему только одну статью в неделю, независимо от того, будет ли она напечатана или нет; за остальные статьи обещает платить по мере их опубликования. Таким образом редакция газеты переводит Маркса на половинный гонорар. Маркс вынужден согласиться на эти условия ввиду своего трудного материального положения.
Около 22 марта	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» еще одну статью по поводу англо-китайского конфликта в Кантоне. Статья в качестве передовой публикуется в газете 10 апреля.
Начало апреля	Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о возможной военной экспедиции англичан в Китай в связи с англо-китайским конфликтом; в статье он освещает причины и ход военных действий в период

первой «опиумной» войны в Китае. Статья в качестве передовой публикуется в газете 17 апреля.

7 и 10 апреля

В связи с опубликованием отчетов английских фабричных инспекторов за 1856 г. Маркс пишет статьи «Положение фабричных рабочих» и «Английская фабричная система», в которых разоблачает жестокую эксплуатацию рабочих английскими фабрикантами. Статьи печатаются в «New-York Daily Tribune» 22 и 28 апреля.

14 и 28 апреля

Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о вновь избранной палате общин, в которой говорит о манчестерской школе, о вигах и тори, и статью об Австрии; обе статьи остаются неопубликованными.

Около 16 апреля

По просьбе больного Маркса Энгельс пишет статью о преобразованиях в русской армии после окончания Крымской войны. Статья в качестве передовой публикуется в «New-York Daily Tribune» 6 мая.

21 апреля

Маркс получает письмо от Дана от 6 апреля с предложением сотрудничать в проектируемом им энциклопедическом словаре — «Новая американская энциклопедия» — и взять на себя написание военных и некоторых других статей; посоветовавшись предварительно с Энгельсом, Маркс отвечает согласием.

Конец апреля — октябрь

Энгельс длительное время тяжело болен, поэтому не в состоянии оказывать постоянную помощь Марксу в написании военных обзоров для «New-York Daily Tribune».

Май

Маркс изучает шведский и датский языки.

1, 12 и 15 мая

Маркс пишет три финансовых статьи об аферах Королевского британского банка и о французском акционерном банке Credit Mobilier. Одна из них в качестве корреспонденции под заглавием «Финансовые аферы в Англии» публикуется в «New-York Daily Tribune» 16 мая и две в качестве передовых — 30 мая и 1 июня.

Около 20 мая

По просьбе Маркса Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Персия и Китай», которая публикуется в газете 5 июня.

23 мая

Маркс получает от Дана письмо от 8 мая со списком военных статей на букву «А» для первого тома «Новой американской энциклопедии» и просьбой обратить особое внимание на статьи «Армия» и «Артиллерия»; Дана предлагает также Марксу написать в доступной для английского и американского читателя форме статью об эстетике. Спрашивает, не согласится ли Маркс дать статьи о выдающихся европейских деятелях в области промышленности и торговли. Маркс наводит справки об источниках по этому вопросу у Энгельса.

26 мая	Маркс пишет критические замечания к речи О'Доннеля в испанском сенате по поводу событий в период революции 1854 г. в Испании. Под названием «Интересные разоблачения» эти замечания Маркса печатаются в «New-York Daily Tribune» 12 июня.
28 мая	Энгельс посылает Марксу свой список статей по военной тематике для «Новой американской энциклопедии» на букву «А».
Конец мая — июнь	В связи с предложением Дана написать для «Новой американской энциклопедии» статью об эстетике, Маркс изучает произведения Ф. Т. Фишера, Э. Мюллера и др.
Июнь 1857 — февраль 1858	Одновременно с занятиями по политической экономии Маркс много работает в библиотеке Британского музея по сбору материала для статей в «Новую американскую энциклопедию». Изучает историю военного дела в древности — в Египте и Ассирии, в Древней Греции и Риме, делает заметки и выписки из произведений Уилкинсона, Клаузевица, Шлоссера, Мюфлинга и др.
Первая половина июня	Энгельс находится в Лондоне.
2 и 12 июня	Маркс пишет статью по поводу нового закона о Французском банке и в связи с окончанием англо-персидской войны — статью об англо-персидском мирном договоре, заключенном в Париже 4 марта. Первая статья в качестве передовой и вторая в качестве корреспонденции под заглавием «Договор с Персией» печатаются в «New-York Daily Tribune» 20 и 24 июня.
19 июня	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью, помечая ее в своей записной книжке: «Британское ханжество»; статья остается неопубликованной.
Приблизительно 27 июня	Маркс получает от Дана список статей на букву «В» для «Новой американской энциклопедии».
29 июня	Маркс пересылает Энгельсу полученное от Дана письмо от 11 июня, в котором последний не советует писать статьи «о крепостях и кораблях», так как новая редакция «Putnam's Monthly» не гарантирует ее напечатания. Дана возвращает также не принятую редакцией статью Энгельса «Сент-Арно» о книге Базанкура.
30 июня	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о восстании в индийской армии, которая открывает собой большую серию статей, написанных Марксом и Энгельсом о национально-освободительном восстании 1857—1859 гг. в Индии. Статья в качестве передовой публикуется 15 июля.

Июль — Маркс пишет экономическую работу, направленную против Бастиа и Кэри, — вульгарных экономистов, «теоретиков» гармонии классовых интересов. Работа остается неоконченной.

Июль 1857 — март 1858 — В связи с написанием статей для «Новой американской энциклопедии» Энгельс изучает работы Рюстова, Кея, Жомини, Клаузевица и др. и делает из них выписки.

10 июля — Маркс пишет статью о положении в Европе, в которой освещает, в частности, вопрос о финансовом положении Франции. Статья в качестве передовой публикуется в «New-York Daily Tribune» 27 июля.

Около 10—24 июля — Энгельс пишет для «Новой американской энциклопедии» первую группу статей на букву «А». Маркс посылает их в Нью-Йорк 24 июля. Статьи публикуются в 1858 году.

14 июля — В письме Энгельсу Маркс выражает сильное беспокойство по поводу ухудшения его здоровья; рекомендует Энгельсу немедленно оставить работу в конторе и уехать лечиться на море, а также прекратить написание статей для энциклопедии.

17 июля — 14 августа — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» пять статей о восстании в Индии. Статьи в качестве корреспонденций под заглавиями «Восстание в Индии», «Индийский вопрос», «Нынешнее состояние индийского восстания», «Индийское восстание» и одна без заглавия публикуются 4, 14, 18 и 29 августа.

24—28 июля — Маркс собирает материал об испанской Армаде для статьи в «Новую американскую энциклопедию»; делает многочисленные выписки по этому вопросу и посылает их Энгельсу.

28 июля — 6 ноября — Больной Энгельс лечится на море в Ватерлоо близ Ливерпуля, на острове Уайт и на острове Джерси.

Август — Энгельс приступает к работе над статьей «Армия» для «Новой американской энциклопедии».

Первая половина августа — В связи с болезнью Энгельса Маркс изучает новейшую французскую, английскую и немецкую медицинскую литературу с целью выяснения характера и методов лечения болезни Энгельса.

7 августа — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Индийское восстание», которая остается неопубликованной.

Около 10 августа — Энгельс заканчивает для «Новой американской энциклопедии» две большие статьи — «Афганистан» и «Атака» — и почти все остальные статьи на букву «А»;

	все эти статьи посылает Марксу для отправки в Нью-Йорк. Статьи публикуются в 1858 году.
11 августа	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью по поводу дипломатической борьбы европейских держав вокруг вопроса о выборах в Молдавии. Статья под заглавием «Восточный вопрос» публикуется 27 августа.
Середина августа	Маркса посещает вернувшийся из Америки бывший член Союза коммунистов, соратник Маркса и Энгельса Конрад Шрамм.
21 августа	В связи с речью Пальмерстона в палате общин Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» обзор политического положения в Европе, который в качестве передовой статьи публикуется 5 сентября.
26 августа	Маркс посылает Энгельсу составленный Дана список статей на букву «В» для «Новой американской энциклопедии».
28 августа — 30 октября	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» восемь статей о восстании в Индии, о политике угнетения индийского народа британскими властями в Индии и об Ост-Индской компании, Семь статей в качестве передовых печатаются 15, 17, 21 сентября, 3, 13, 23 октября и 14 ноября и одна в качестве корреспонденции под заглавием «Индийское восстание» — 16 сентября.
Конец августа — середина сентября	Приступив к написанию своего большого экономического труда, Маркс делает набросок «Введения» к нему, в котором рассматривает в общих чертах проблему диалектической связи между производством, распределением, обменом и потреблением, между производительными силами и производственными отношениями, между производственными отношениями и правовыми, семейными и другими отношениями при капитализме. Во «Введении» Маркс также излагает кратко суть своего метода исследования экономических явлений. В конце «Введения» он намечает основные пункты плана всего своего экономического труда. «Введение» остается неоконченным.
Сентябрь — октябрь	Энгельс пишет для «Новой американской энциклопедии» не менее восемнадцати статей, в том числе статью «Алжир»; одновременно Маркс заканчивает для энциклопедии работу над статьей «Армада» и девять биографий военных деятелей, а также биографии революционеров Р. Блюма и Ю. Бема; почти все эти статьи он пишет совместно с Энгельсом. Статьи публикуются в 1858 году.
8 сентября	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о французском банке Crеdit Mobilier. Статья в качестве передовой печатается в газете 26 сентября.

15 сентября — 23 октября	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» две статьи о восстании в Индии и пять статей о финансовой политике Бонапарта; статьи остаются неопубликованными.
Около 21 сентября	Энгельс заканчивает для «Новой американской энциклопедии» большую статью «Сражение». Статья публикуется в 1858 году.
Около 24 сентября	Энгельс заканчивает статью «Армия» для «Новой американской энциклопедии». В этой статье, а также в других статьях на военные темы, Энгельс впервые с материалистических позиций освещает всю историю военного искусства, начиная с древнейших времен и кончая современной ему буржуазной армией. Статья публикуется в 1858 году.
25 сентября	В письме Энгельсу Маркс дает высокую оценку его статье «Армия» и обращает внимание Энгельса на некоторые не освещенные в статье вопросы.
Октябрь 1857 — конец февраля 1858	Маркс обстоятельно изучает развитие всеобщего экономического кризиса, собирает большой материал о ходе кризиса в Англии, США, Германии, Франции и других странах. Делая выписки, вырезки из газет и подчеркивания на статьях из газет и журналов, Маркс заводит специальные тетради для регистрации основных процессов и явлений, вызванных кризисом в этих странах; обсуждает проблему кризиса в переписке с Энгельсом, который сообщает ему много данных о ходе и последствиях кризиса в Манчестере.
Октябрь	Маркс пишет «главу о деньгах», в которой вскрывает утопизм прудоновской идеи «рабочих денег» в условиях товарного производства, излагает основные положения своей теории стоимости и своего учения о деньгах.
Начало октября	Маркс приезжает в Сент-Хельер (остров Джерси) к Энгельсу; посещает больного туберкулезом Конрада Шрамма, который испытывает большую материальную нужду; Маркс обеспечивает Шрамму корреспондентскую работу в американской прессе.
6 октября	Энгельс посылает Марксу список статей для «Новой американской энциклопедии» на букву «С».
6—29 октября	В своих письмах Марксу Энгельс неоднократно сообщает о жизни Гарни на Джерси и о состоянии здоровья Конрада Шрамма, с которыми он часто встречается во время своего пребывания в Сент-Хельере.
26 октября	Маркс получает письмо от Дана от 13 октября, в котором последний сообщает, что вследствие экономического кризиса редакция «New-York Daily Tribune» отказала

всем своим европейским корреспондентам, за исключением Маркса и Б. Тейлора; просит Маркса писать только одну статью в неделю, притом в ближайшее время главным образом о войне в Индии и о кризисе.

Ноябрь 1857 — начало января 1858

Маркс следит по прессе за политической деятельностью Э. Джонса, который, в надежде получить место в парламенте, все дальше идет на уступки радикальной буржуазии; Маркс собирается посетить Джонса и предостеречь его, однако ввиду дальнейших оппортунистических выступлений последнего отказывается от своего намерения.

Ноябрь 1857 — июнь 1858

Маркс пишет обширную «главу о капитале», в которой довольно обстоятельно разрабатывает ряд важнейших проблем капитала и излагает в общих чертах основы своего учения о прибавочной стоимости. В начале «главы о капитале» Маркс делает набросок плана своего экономического труда, в котором предполагает рассмотреть проблемы: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, международная торговля, мировой рынок.

6 ноября

После длительного лечения на море Энгельс возвращается в Манчестер.

6, 13 и 27 ноября

Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» три статьи об экономическом кризисе в Англии. Две статьи в качестве передовых публикуются в газете 21 ноября и 15 декабря и одна в качестве корреспонденции под заглавием «Потрясение британской торговли» — 30 ноября.

15 ноября

Энгельс сообщает Марксу о своих наблюдениях за ходом развития экономического кризиса, о проявлениях его в Англии, о революционизирующем влиянии кризиса на народные массы; выражает надежду на близость революции, в связи с чем усиливает свои занятия военным делом.

16 ноября

По просьбе Маркса Энгельс пишет статью о взятии англичанами города Дели, одного из главных центров национально-освободительного восстания в Индии. Статья в качестве передовой публикуется в «New-York Daily Tribune» 5 декабря.

После 24 ноября

Маркс получает от Имандта сообщение об освобождении из тюрьмы бывших членов Союза коммунистов Беккера и Рейфа, осужденных по кёльнскому процессу, а также о том, что Бюргерс, Нотъюнг и Рёзер должны еще год отсидеть в тюрьме.

Около 26 ноября

Энгельс заканчивает для «Новой американской энциклопедии» работу над большой статьей по истории

артиллерии. Статья под заглавием «Артиллерия» публикуется в 1858 году.

4, 18 и 26 декабря — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» три статьи о кризисе в Европе, которые в качестве передовых публикуются в газете 22 декабря 1857 г. и 5, 12 января 1858 года.

11 декабря — Для «New-York Daily Tribune» Маркс пишет статью об английском производстве и надвигающемся промышленном кризисе в Англии; статья остается неопубликованной.

18 декабря — В письме Энгельсу Маркс высказывает намерение совместно с Энгельсом написать брошюру о кризисе и издать ее на немецком языке к весне 1858 года.

21 декабря — Маркс получает через Лассаля от редактора венской буржуазно-либеральной газеты «Die Presse» («Пресса») Макса Фридлендера предложение присылать корреспонденции из Лондона; ввиду сочувственного отношения этой газеты к политике Пальмерстона Маркс отклоняет предложение писать статьи на политические темы.

25 декабря — Маркс сообщает в письме Энгельсу свои выводы о развитии кризиса во Франции.

1858

Первая половина января — Разрабатывая учение о прибыли, Маркс снова перечитывает «Логику» Гегеля; в письме Энгельсу отмечает, что если бы имел свободное время, то «охотно изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной обыкновенному человеческому рассудку форме то *рациональное,* что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время подверг мистификации».

4 и 14 января — Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» две статьи об осаде и штурме города Лакнау — второго главного центра восстания в Индии. Первая статья в качестве передовой и вторая в качестве корреспонденции под заглавием «Освобождение Лакнау» печатаются в газете 30 января и 1 февраля.

Около 7 января — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Британская торговля», которая публикуется 3 февраля.

7 января — Энгельс заканчивает работу над первой партией статей для «Новой американской энциклопедии» на букву «С». Статьи публикуются в 1859 году.

8 — около 28 января — Маркс и Энгельс пишут для «Новой американской энциклопедии» около одиннадцати статей. Статьи публикуются в 1858—1859 годах.

22 января Маркс пишет статью «Предстоящий индийский заем», которая публикуется в «New-York Daily Tribune» 9 февраля.

23 января Маркс сообщает Энгельсу о предложении Дана написать для энциклопедии небольшую статью об истории восстания в Индии. Из-за недостатка материала Маркс, однако, не советует Энгельсу работать над статьей; в ответном письме Энгельс предлагает написать статью на эту тему позднее.

29 января В письме Энгельсу Маркс просит дать разъяснение по вопросу об обороте капитала в различного рода предприятиях и о влиянии оборота капитала на прибыль и цену.

29 января — май Маркс читает книгу Лассаля «Философия Гераклита Темного из Эфеса» и в письмах к Энгельсу и Фрейлиграту делает критические замечания о ней; считает, что книга написана в старогегелевском духе и является «ученической стряпней».

2 февраля Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о поражении английского генерала Уиндхема в Индии; статья в качестве передовой публикуется в газете 20 февраля.

5—26 февраля Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» четыре статьи о внутренней политике Наполеона III, о финансовых мероприятиях бонапартовского правительства и экономическом кризисе во Франции, о союзе Франции с Англией. Три статьи в качестве передовых публикуются 22 февраля, 12 и 15 марта и одна в качестве корреспонденции под заглавием «Правление преторианцев» — 12 марта.

10 февраля Маркс получает через Фрейлиграта письмо из Нью-Йорка от участника революции 1848—1849 гг., немецкого эмигранта в Америке Фридриха Камма с сообщением о том, что в Нью-Йорке основано немецкое коммунистическое общество, которое объединяет 30 человек. Камм посылает устав общества и просит Маркса сообщить о состоянии коммунистической партии в Европе, в частности, в Германия, а также прислать коммунистическую литературу, вышедшую за последние 5 лет, и несколько экземпляров устава Союза коммунистов, Маркс откладывает ответ до получения сведений о Камме от Энгельса, Вольфа, Фрейлиграта и Имандта.

22 февраля В письме Лассалю Маркс просит его выяснить возможность издания в Берлине своей работы по политической экономии; Маркс намеревается издавать свое сочинение отдельными выпусками, так как у него нет ни времени, ни средств, чтобы написать весь труд в целом; Маркс излагает Лассалю общий план своей работы;

сообщает также о своем согласии писать для венской газеты «Die Presse» одну статью в неделю о финансах и торговле в Англии, Франции и США.

Начало марта Маркс изучает вопрос об изнашивании машин в связи с исследованием цикла промышленного воспроизводства; читает, в частности, Баббеджа «Об экономике машин ц промышленности»; просит Энгельса сообщить, через какой, в среднем, промежуток времени обновляется машинное оборудование.

2 марта Маркс обращает внимание Энгельса на перлюстрацию их писем со стороны полиции.

4 марта Энгельс в письме к Марксу подробно освещает вопрос об амортизации машинного оборудования в процессе производства.

9 марта Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью по поводу речи Дизраэли в палате общин; статья остается неопубликованной.

11 марта — 22 апреля Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» семь статей о внутренней политике Наполеона III и о союзе Франции с Англией. Статьи под заглавиями: «Знамения времени», «Нынешнее положение Бонапарта», «Миссия Пелисье в Англии», «Мадзини и Наполеон», «Судебные процессы против французов в Лондоне», «Англо-французский союз» публикуются 30 марта, 1, 15, 27 апреля, 8 и 11 мая и одна статья без заглавия —30 апреля.

Вторая половина марта — апрель Маркс страдает от приступов болезни печени; в связи с этим не может работать над своим трудом по политической экономии.

29 марта Маркс получает сообщение от Лассаля о согласии берлинского издателя Дункера взять на себя печатание первых двух выпусков работы Маркса по политической экономии.

2 апреля В письме к Энгельсу Маркс излагает подробный план своей экономической работы, которая должна будет состоять из 6 книг: «1) О капитале. 2) Земельная собственность. 3) Наемный труд. 4) Государство. 5) Международная торговля. 6) Мировой рынок.

I. *Капитал* распадается на четыре отдела: а) *Капитал* вообще (это — *предмет первого выпуска).* b) *Конкуренция...* с) *Кредит...* d) *Акционерный капитал..»*

Первый отдел первой книги «Капитал вообще» должен содержать три главы: 1. Стоимость. 2. Деньги. 3. Капитал.

15 апреля Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» две *и 8 мая* статьи о подробностях штурма и разграбления английской армией города Лакнау. Статьи в качестве передовых публикуются в газете 30 апреля и 25 мая.

20 и 30 апреля — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статьи «Бюджет г-на Дизраэли» и «Важные британские документы», которые публикуются в газете 7 и 20 мая.

29 апреля — В письме Энгельсу Маркс подчеркивает важное значение развернувшегося в России движения в пользу освобождения крепостных крестьян.

6 — около 24 мая — Маркс находится у Энгельса в Манчестере; для поправки здоровья занимается спортом, верховой ездой; одновременно работает над «главой о капитале».

14 и 25 мая — В связи с опубликованием прокламации генерал-губернатора Индии лорда Каннинга о конфискации земель у землевладельцев Ауда, участников индийского восстания, Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» две статьи — об аннексии королевства Ауд и о землевладении в Индии; статьи в качестве передовых печатаются в газете 28 мая и 7 июня.

27 мая — Маркс пишет статью о финансовых маневрах Бонапарта и об усилении военного деспотизма во Франции; статья без заглавия печатается в «New-York Daily Tribune» 11 июня.

Конец мая — 6 июля — Энгельс пишет три статьи о восстании в Индии. Статьи в качестве передовых публикуются в «New-York Daily Tribune» 15, 26 июня и 21 июля.

31 мая В письме к Лассалю Маркс просит сообщить издателю Дункеру, что он из-за болезни запоздал с присылкой рукописи первого выпуска своего экономического труда и обещает усиленно приняться за работу; в том же письме сообщает свое мнение о книге Лассаля «Философия Гераклита Темного из Эфеса», указывая на ее существенные недостатки.

Июнь — начало августа — Маркс сильно нуждается в деньгах в связи с болезнью его жены и дочери Элеоноры. Достав с помощью Фрейлиграта деньги под вексель на имя Энгельса, немедленно посылает жену на несколько недель для лечения и отдыха в Рамсгет.

Первая половина июня — Маркс составляет указатель к своим экономическим рукописям, написанным между августом 1857 и июнем 1858 года.

8, 11 и 18 июня — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» три статьи об Англии. Две статьи в качестве корреспонденции под заглавиями «Состояние британской торговли» и «Британское правительство и торговля рабами» печатаются 21 июня и 2 июля и одна в качестве передовой — 24 июня.

Около 21 июня — Энгельс заканчивает работу над большой статьей «Кавалерия» для «Новой американской энциклопедии». Статья публикуется в 1859 году.

29 июня — В связи с речью Брайта в палате общин Маркс пишет статью о налогах в Индии. Статья в качестве передовой публикуется в «New-York Daily Tribune» 23 июля.

Около конца июня — На квартире у Фрейлиграта Маркс встречается с венгерским революционером Клапкой.

Около 2 июля — Маркс получает письмо от Вейдемейера из Америки, который рекомендует ему Альбрехта Компа из Нью-Йорка, а также сообщает о состоянии рабочего движения в Америке и о трудностях создания там постоянной пролетарской организации.

Одновременно Маркс получает письмо из Нью-Йорка от Компа, который сообщает об основанном им совместно с Фридрихом Каммом немецком коммунистическом обществе. Комп просит прислать необходимое для пропаганды научного коммунизма в Америке произведение Маркса «Нищета философии» и номера журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»), а также поддерживать с обществом постоянную связь.

9 июля — Маркс пишет статью о принятом палатой общин билле по поводу ликвидации верховной власти Ост-индской компании в Индии. Статья в качестве передовой публикуется в «New-York Daily Tribune» 24 июля.

14 июля — В письме к Марксу Энгельс сообщает о своих занятиях сравнительной физиологией, физикой и другими естественными науками. Энгельс приходит к выводу, что новейшие открытия в естествознании все больше подтверждают правильность диалектико-материалистического подхода к изучению природы. Свои занятия естественными науками Энгельс продолжает и в последующие годы.

Начало августа — середина ноября — Маркс работает над первым выпуском своего экономического труда; он пишет новый вариант главы о деньгах. В связи с работой над этой главой читает только что вышедший в свет труд Макларена «Очерк истории денежного обращения».

6 и 10 августа — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» две статьи о банковском законе Роберта Пиля 1844 года. Статьи в качестве передовых публикуются в газете 23 и 28 августа.

17 и 20 августа — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune», две статьи о Китае и о работорговле на Кубе; статьи остаются неопубликованными.

31 августа — 28 сентября Маркс пишет четыре статьи из истории торговли опиумом в Китае и о Тяньцзиньском мирном договоре. Три статьи в качестве передовых и одна в качестве корреспонденции под заглавием «Договор между Китаем и Британией» печатаются в «New-York Daily Tribune» 20, 25 сентября, 5 и 15 октября.

14 сентября Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Британская торговля и финансы», которая печатается в газете 4 октября.

Около 17 сентября Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о восстании в Индии, которая в качестве передовой публикуется в газете 1 октября.

20 и 21 сентября Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о китайском договоре и статью с критическими замечаниями к новому манифесту Мадзини. Первая статья остается неопубликованной. Замечания Маркса к манифесту печатаются в «New-York Daily Tribune» 13 октября под заглавием «Новый манифест Мадзини».

1 октября, 29 и 31 декабря Маркс пишет три статьи по вопросу об отмене крепостного права в России. Одна статья в качестве передовой и две других в качестве корреспонденций под заглавием «Об освобождении крестьян в России» печатаются в «New-York Daily Tribune» 19 октября 1858 и 17 января 1859 года.

2 октября — 4 декабря Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» десять статей о внутренней политике Пруссии. Статьи под заглавиями «Умопомешательство прусского короля», «Регентство в Пруссии», «Положение в Пруссии», «Новое министерство» — публикуются 23, 27 октября, 3, 8, 24, 27 ноября и 3, 13, 27 декабря.

7 октября В связи с переходом Джонса на путь тесного сотрудничества с буржуазными либералами Энгельс в письме к Марксу отмечает обуржуазивание английского рабочего класса и вскрывает корни оппортунизма в английском рабочем движении. Упадок чартизма и временную победу оппортунизма в английском рабочем движении Энгельс ставит в прямую связь с монопольным положением Англии на мировом рынке и с ее обширными колониальными владениями.

8—21 октября Маркс и Энгельс обсуждают в своих письмах друг к другу перспективы пролетарского движения на континенте.

Около 2 ноября Энгельс пишет для «New-York Dally Tribune» статью «Преследование Монталамбера», которая печатается в газете 24 ноября.

Середина ноября 1858 — 21 января 1859

Маркс пишет новую главу «Товар», перерабатывает главу о деньгах, редактирует окончательный текст всей рукописи и, озаглавив ее «К критике политической экономии. Первый выпуск. Первая книга. О капитале. Отдел первый. Капитал вообще», отправляет издателю Дункеру в Берлин. Вместо намечавшихся 5—6 печатных листов первый выпуск разрастается до 12 печатных листов и состоит не из трех глав, как предполагалось, а из двух — из главы «Товар» и главы «Деньги, или простое обращение». Третью главу «Капитал вообще» Маркс решает опубликовать во втором выпуске.

Около 19 ноября

Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о бонапартовском проекте регулирования цен на хлеб во Франции; статья в качестве передовой печатается в газете 15 декабря.

Конец ноября

Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью, в которой подводит итог общественно-политическим движениям в Европе в 1858 году; при этом он констатирует симптомы всеобщего политического пробуждения в Европе. Статья в качестве передовой печатается в газете 23 декабря.

14 и 21 декабря

Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» одну статью об англо-китайском мирном договоре и другую о послании Бьюкенена; статьи остаются неопубликованными.

17 и 29 декабря 1858 и 11 января 1859

Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статьи: «Вопрос об Ионических островах», «Возбуждение в Ирландии» и «Положение в Пруссии», которые печатаются в газете 6, 11 января и 1 февраля 1859 года.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

главнокомандующий английскими войсками в Индии (1856—1857).— 249.

Анфантен (Enfantin), Бартелеми Проспер (1796—1864)— французский социалист-утопист, один из ближайших учеников Сен-Симона; после его смерти возглавлял сен-симонистскую школу. — 28.

Аргу (Argout), Антуан Морис Аполлинер, граф *д'* (1782—1858) — французский государственный деятель, в 1830—1834 гг. занимал ряд министерских постов, главный директор Французского банка (1834—1857). — 231— 233.

Аристотель (384—322 до н. э.) — великий мыслитель древности; в философии колебался между материализмом и идеализмом; идеолог класса рабовладельцев.— 253, 710.

Армитидж (Armitage), Элкана — член английского парламента, один из представителей манчестерской школы. — 173.

Асенсио (Assensio) — испанский политический деятель, член кортесов, участник испанской буржуазной революции 1854—1856 годов. — 42.

Ауэрсвальд (Auerswald), Рудольф (1795—1866) — прусский государственный деятель, представитель близкой к буржуазии либеральной аристократии, министр-президент и министр иностранных дел (июнь — сентябрь 1848), министр без портфеля (1858— 1862). — 648, 652—654.

Ахмед-шах Дуррани (1724—1773) — афганский шах (1747—1773), основатель афганского государства и династии Дуррани. — 120.

Ашбёрнем (Ashburnham), Томас (1807—1872) — английский генерал, в 1857 г. был послан во главе военной экспедиции в Китай; в связи с началом индийского национально-освободительною восстания был отозван в Индию. — 243.

Б

Бакингем (Buckingham), Генри *Стаффорд,* герцог (ок. 1454— 1483) — английский феодал; способствовал восшествию на престол Ричарда III, потом изменил ему и был казнен. — 152.

Бандьера (Bandiera), братья Аттилио (1810—1844) и Эмилио (1819— 1844) — деятели итальянского национально-освободительного движения, члены общества «Молодая Италия», офицеры австрийского флота; казнены за попытку поднять восстание в Калабрии (1844). — 149.

Бандья (Bangya), Янош (1817— 1868) — венгерский журналист и офицер, участник революции 1848—1849 гг. в Венгрии; после поражения революции эмиссар Кошута за границей, одновременно был тайным полицейским агентом; позднее под именем Мехмед-бея перешел на турецкую военную службу и действовал как турецкий агент на Кавказе (1855—1858) во время войны черкесов против России. — 172, 490, 491. 495, 572—577.

Бараге д'Илье (Baraguay d'Hilliers), Ашиль (1795—1878) — французский маршал, участник походов Наполеона I, затем перешел на сторону Бурбонов; в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательною собраний, после переворота 2 декабря 1851 г. бонапартист. — 414

Барбес (Barbes), Арман (1809— 1870)— французский революционер, мелкобуржуазный демократ, один из руководителей тайных революционных обществ в период Июльской монархии, активный деятель революции 1848 г. во Франции. — 3.

Барнард (Barnard), Генри Уильям (1799—1857) — английский генерал, в 1854—1855 гг. участвовал в Крымской войне, в 1857 г. во время национально-освободительного восстания в Индии коман-

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

X

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

* В скобках указывается название, данное на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, дано краткое пояснение. *Ред.*

Б

В

Е

Ж

З

И

Й

К

Н

О

П

Р

С

Ш

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ*

* Заглавия статей, данные Институтом марксизма-ленинизма При ЦК КПСС, отмечены звездочкой. *Ред.*

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *А. С. Дергуновой*

Раздел «Из рукописного наследства К. Маркса»

подготовил *С. М. Григорьян*

Помощники подготовителя

З. В. Зиновьева и *В. Н. Поспелова*

В работе над справочным аппаратом

принимала участие *В. А. Смирнова*

Редакторы *С. З. Левиова* и *А. И. Малыш*

*

Сдано в набор 7/IV 1958 г. Подписано
к печати 24/XI 1958 г. Формат 60X92 $^{1}/_{16}$

Физ. печ. л. 56 $^{1}/_{2}$ *+ 2 вклейки ($^{1}/_{4}$ п. л.).*

Услоен. печ. л. 56,75. Уч.-изд. л. 51,21.

Тираж 170 000 экз. Заказ № 1637.

Цена 10 руб.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

*

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.

Ленинград, Гатчинская, 26.